

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

АПРѢЛЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39
1895.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IX [1]).

Поѣздка моя въ Саратовъ.—Блестящій праздникъ, данный мною тамъ.—Мое возвращеніе.—Мое участіе въ частныхъ предпріятіяхъ.—Проектъ объ устройствѣ зимняго сада въ Петербургѣ.—Исторія этого проекта, а вмѣстѣ съ тѣмъ исторія француза Курси и его жены.—Исторія дѣла о сооруженіи южной желѣзной дороги.—Зарокъ мой никогда не участвовать въ частныхъ предпріятіяхъ.

Въ началѣ моихъ записокъ я сказалъ, что отецъ мой проводилъ остатокъ жизни въ небольшомъ имѣніи, близъ Саратова. Имѣніемъ этимъ былъ—огромный плодовый садъ на нѣсколькихъ десятинахъ, на берегу Волги, въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ города. Для многихъ можетъ показаться страннымъ, что я называю садъ—имѣніемъ; но это дѣйствительно такъ. Подлѣ Саратова есть сады, которые въ то время приносили болѣе 5 т. р. ежегоднаго дохода. Садъ моего отца не былъ такого капитальнаго достоинства, какъ другіе большіе сады, но, доставляя старику средства къ жизни, онъ, въ то же время, представлялъ самую удобную, комфортабель-

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1895 года.

*

ную во всѣхъ отношеніяхъ дачу. Въ саду былъ весьма помѣстительный домъ со всѣми хозяйственными принадлежностями: сараями, погребами и другими службами. По пріѣздѣ моемъ туда, я помѣстился въ этомъ домѣ и не могу безъ восхищенія вспомнить о дняхъ, тамъ проведенныхъ. Едва-ли нужно говорить, что отецъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы намъ не было скучно, и вполнѣ достигъ этой цѣли. Не проходило дня, чтобъ къ намъ не наѣзжали толпы родныхъ и знакомыхъ, людей простыхъ, провинціальныхъ, но добрыхъ, разумныхъ и сердечныхъ. Какъ отцовскій садъ, богатый своею безъискусственною силою, не походилъ на прилизанныя петербургскія дачи, такъ точно и личности, составлявшія наше общество, не сходствовали съ столичными господами, сколько изящными, столько же сухими и холодными. Само собою разумѣется, что почти все время мы проводили среди зелени, со всѣхъ сторонъ обступавшей домъ, и дни наши шли тихо, мирно, пріятно, однимъ словомъ—по-деревенски.

Но мнѣ хотѣлось показать какъ-нибудь свою петербургскую удаль, и вслѣдъ за моимъ пріѣздомъ я объявилъ, полушутливо, полусерьезно, что 25-го іюля, въ день именинъ моей жены, я дамъ великолѣпный балъ съ иллюминаціей. Объявленіе это, которому я самъ не придавалъ особеннаго значенія, какъ вскорѣ обнаружилось, взволновало весь городъ. Жена моя имѣла надобность въ какой-то бездѣлушкѣ и для пріобрѣтенія ея отправилась въ городъ къ модисткамъ. Двѣ или три изъ нихъ, къ которымъ она адресовалась, отвѣчали, что такой вещи нѣтъ готовой и что сдѣлать ее скоро не могутъ потому, что онѣ завалены большими заказами по случаю предстоящаго большаго бала.—«Гдѣ будетъ балъ?»—спросила жена.—«У господъ Инсарскихъ, пріѣзжихъ изъ Петербурга»—отвѣчали тѣ. Я видѣлъ, что дѣло приняло оборотъ вовсе не шуточный, и долженъ былъ волею-неволею заняться приготовленіями къ празднику.

Началось съ того, что я собралъ толпу людей, которая должна была изготовить безчисленное множество разноцвѣтныхъ фонарей и разнообразныхъ щитовъ. Въ то же время мнѣ рекомендовали какого-то талантливаго столяра или плотника, который, по моимъ идеямъ, построилъ весьма изящную галлерею для танцевъ. При наступленіи праздника ангажированы были лучшіе повара, лучшіе

оффиціанты, лучшіе музыканты. Наконецъ, наступилъ день 25-го іюля. Въ теченіе утра постоянно пріѣзжали къ намъ съ поздравленіями. Приглашенія на балъ разсыпались самымъ обильнымъ образомъ. Съѣздъ былъ назначенъ въ 8 часовъ вечера. Пріемъ гостей дѣлался во внутреннихъ комнатахъ. Въ назначенный часъ садъ заблисталъ безчисленными огнями. Отъ дома къ танцовальной галлереѣ въ саду вела особо устроенная аллея, живописно иллюминованная. Танцовальная галлерея представляла море огня. Надъ входами, съ четырехъ сторонъ, горѣли разнообразные щиты. Деревья обвѣшаны были разноцвѣтными фонарями; лужайки усыпаны шкаликами и плошками. Когда все было готово, я далъ знать отцу. Онъ взялъ подъ руку мою жену и чрезъ рядъ внутреннихъ комнатъ двинулся къ выходу въ садъ. Двери въ садъ были закрыты. За нимъ потянулось все общество попарно. Съ приближеніемъ длиннаго польскаго, онѣ мгновенно распахнулись, и массы огня ослѣпили всѣхъ. Картина, дѣйствительно, была восхитительная. Южная ночь была, какъ говорится, чернѣе воронова крыла. Погода съ начала вечера стояла тихая до такой степени, что ни одинъ листочекъ не колыхался. Я просто торжествовалъ и мысленно благодарилъ, за такую удачу, благосклонное небо, которое одной дождливой тучкой могло уничтожить всѣ мои старанія и великолѣпный праздникъ замѣнить скандаломъ. Польскій прошелъ подъ звуки прекраснаго оркестра, по расчищеннымъ и приготовленнымъ дорожкамъ сада и затѣмъ вошелъ въ танцовальную галлерею, гдѣ и начались танцы, по программѣ, заранѣе мною составленной.

Едва кончилась первая кадриль, какъ явилось обстоятельство, грозившее уничтожить не только весь мой праздникъ со всѣми его затѣями, но и весь милый пріютъ моего отца. Въ то время, какъ я, какъ нѣкій полководецъ во время битвы, занятъ былъ какими то распоряженіями, старшая сестра моя торопливо подошла ко мнѣ съ словами: — «Посмотри, что это?» Я взглянулъ по направленію, которое она мнѣ указывала, и ужаснулся. Изъ самаго огромнаго щита, укрѣпленнаго на главномъ входѣ въ танцовальную галлерею и освѣщаемаго изнутри многими свѣчами, валилъ дымъ и въ то же время на полъ лилась струя стеарина. Я мгновенно сообразилъ страшную опасность. Нечего и говорить, что танцовальная

галлерея вспыхнула бы, какъ щепка; но она была соединена особою аллеею съ домомъ, такъ что по этой аллеѣ огонь мгновенно перешелъ бы на всѣ жилыя строенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, что до воспламененія щита остается одна секунда и что требовать лѣстницъ для снятія и отдѣленія его отъ галлереи—значило бы обрекать все неминуемой гибели. Само собою разумѣется, что всѣ эти мысли мгновенно мелькнули въ моей головѣ, и я, не столько по разсчету, сколько въ припадкѣ отчаянія, бросился въ галлерею, сдѣлалъ страшный прыжокъ вверхъ, какого, быть можетъ, ни одинъ балетный солистъ не дѣлалъ, схватилъ щитъ и сорвалъ его на полъ, несмотря на то, что онъ укрѣпленъ былъ гвоздями и веревками. На низринутаго врага бросилась толпа слугъ и гостей, сволокла его на траву и потушила. Мѣсто на полу, на которомъ онъ оставилъ значительные слѣды, мгновенно было вычищено и заправлено, и балъ закипѣлъ съ новою силою.

Я былъ вдвойнѣ счастливъ, сознавая, что отвратилъ не только напасть, грозившую моему празднику, но и сильнѣйшую опасность для всего отцовскаго дома, и въ то же время явилъ торжественно опытъ моей находчивости, ловкости и силы, опытъ, вызвавшій общія похвалы и удивленіе.

Балъ заключился ужиномъ, расположеннымъ въ той же галлереѣ. Вино, разумѣется, лилось рѣкою. Туземный поваръ, вѣроятно, тоже хотѣлъ отличиться и подалъ такое пирожное, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ: какой-то замокъ съ башнями, въ которомъ всѣ окна были тоже иллюминованы. При ближайшемъ разсмотрѣніи штука оказывалась простою: надѣлавъ въ этомъ зданіи множество дырокъ, въ видѣ окошекъ, онъ ухитрился поставить внутрь зажженную свѣчу, свѣтъ которой, пробиваясь въ эти дырки, производилъ замѣчательный эффектъ. Солнце уже всходило, когда наши гости начали разъѣзжаться.

Но это была внутренняя сторона моего праздника. Была, такъ сказать, сторона внѣшняя. Съ наступленіемъ сумерекъ, мимо нашего сада начали шмыгать различные экипажи, наполненные городскими жителями. Число этихъ экипажей постоянно увеличивалось. Наступившая ночь прекратила возможность наблюдать степень прогрессивнаго ихъ умноженія; но во время бала многіе изъ

участвующихъ въ немъ дѣлами ближайшія въ этомъ отношеніи изслѣдованія и утверждали, что экипажи всего города окружали нашъ садъ. Такъ какъ входъ въ садъ, особенно подъ прикрытіемъ ночи, не былъ затруднителенъ, то во время бала всѣ аллеи кишѣли, такъ сказать, народомъ. Ясно было, что владѣльцы экипажей хотѣли ближе разсмотрѣть всѣ подробности праздника. Однимъ словомъ, планъ мой удался и осуществился самымъ блистательнымъ образомъ и сосредоточилъ на себѣ общее вниманіе Саратова. Можно думать, что саратовскіе жители и теперь помнятъ мой праздникъ. Отецъ мой былъ просто въ восхищеніи; его тихая, уединенная жизнь радостно была взволнована и нашимъ прибытіемъ, и нашимъ праздникомъ. Значительно самолюбивый, онъ съ наслажденіемъ видѣлъ, что онъ самъ, его петербургскіе гости, его садъ—сдѣлались предметомъ толковъ всей саратовской публики.

Простившись съ отцомъ, я не думалъ, что этому свиданію нашему въ этой жизни суждено быть послѣднимъ. Но по страшной тоскѣ, обильнымъ слезамъ, съ которыми отецъ провожалъ меня, можно было заключить, что его сердце, лучше моего, предчувствовало эту вѣчную разлуку. Какъ бы то ни было, осенью того же 1851 года, я возвратился въ Петербургъ и снова уцѣпился за князя Владиміра Барятинскаго и Буткова. Скоро, однакоже, оказалось, что Бутковъ, при всемъ его стараніи, ничего не могъ сдѣлать. На мою бѣду, въ это время только-что послѣдовало знаменитое сокращеніе штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, такъ что министры и главные начальники не знали, какъ управиться съ старыми чиновниками, изъ которыхъ нѣкоторые неминуемо должны были остаться за штатомъ; тѣмъ менѣе они имѣли расположеніе и возможность брать людей со стороны. Въ видѣ послѣдняго, отчаяннаго средства, я направилъ князя Владиміра, по-прежнему неутомимаго и попрежнему готоваго летѣть всюду, куда я укажу, на графа Александра Адлерберга, хотя самъ не зналъ, что изъ этого выйдетъ, и вообще не ожидалъ ничего хорошаго.

Но предварительно я долженъ сдѣлать довольно большое отступленіе, что̀, конечно, не будетъ ни странно, ни ново для моего читателя (если таковой когда-нибудь найдется) по безпрерывнымъ отступленіямъ, которыми испещренъ мой не хитрый, но правдивый

разсказъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что я сложилъ съ себя дѣла Барятинскихъ, я былъ положительно осаждаемъ различными предложеніями частныхъ занятій. Я сказалъ уже, что никакія частныя занятія не входили въ мои разсчеты, и потому подобныя предложенія не могли доставить мнѣ ничего пріятнаго. Но отъ двухъ подобныхъ предложеній я не могъ отказаться и нахожу небезъинтереснымъ привести ихъ здѣсь въ связи съ послѣдствіями.

Въ составѣ труппы французскаго театра былъ актеръ Курси. Впослѣдствіи, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, я убѣдился, что Курси былъ французскій жидъ. Небольшаго роста, онъ былъ довольно красивъ и имѣлъ большіе, прекрасные глаза. Таланта у него не было никакого, и потому, при какой-то реформѣ въ администраціи Михайловскаго театра, онъ былъ исключенъ изъ трупны. Но, кажется, еще прежде исключенія, онъ женился самымъ романическимъ образомъ, и приключенія, сопровождавшія эту женитьбу, обратили на него вниманіе всего Петербурга. Еще при покойномъ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ служилъ чѣмъто въ родѣ берейтора Гордъ, шведскій уроженецъ. Послѣ смерти великаго князя, Гордъ переселился въ Петербургъ и содержалъ здѣсь манежъ. У этого Горда было нѣсколько сыновей и дочерей. Старшая изъ нихъ, Анна, плѣнилась Курси, который формально сталъ сватать ее. Старикъ Гордъ, суровый и честный, и слышать не хотѣлъ. Странное и только свойственное чуткому родительскому сердцу опасеніе явилось у него. Онъ былъ убѣжденъ, что Курси беретъ его дочь для того только, чтобы торговать ею. Любовники устроили побѣгъ, но были пойманы. Гордъ сильно наказалъ непокорную дочь и заперъ ее на замокъ; но она снова ухитрилась бѣжать и на этотъ разъ обвѣнчалась съ своимъ возлюбленнымъ.

Когда Курси былъ исключенъ изъ театра, онъ пустилъ въ ходъ свои жидовскіе, промышленные, таланты. Ему пришла идея устроить въ Петербургѣ зимній садъ, подобный тѣмъ, какіе существуютъ во многихъ европейскихъ городахъ, на томъ мѣстѣ, которое расположено между Инженернымъ замкомъ, т. е. старымъ Павловскимъ дворцомъ и Фонтанкой. Я сказалъ уже, что графъ Михаилъ Віельгорскій былъ покровителемъ всевозможныхъ талантовъ. Курси великолѣпно игралъ на бильярдѣ и во имя этого единственнаго

таланта имѣлъ доступъ къ Віельгорскому. Онъ сообщилъ этому царедворцу идею о зимнемъ садѣ и просилъ какъ-нибудь заявить ее государю. На одномъ изъ царскихъ обѣдовъ, къ которымъ графъ Михаилъ Віельгорскій постоянно былъ приглашаемъ, онъ нашелъ случай довести объ этомъ предположеніи до свѣдѣнія государя, который, къ удивленію, не только его совершенно одобрилъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ готовность отдать для сада мѣсто, на которое указывалъ Курси.

Какъ скоро одобреніе государя сдѣлалось извѣстнымъ вверху, мгновенно образовалась компанія или общество для осуществленія этого предпріятія. Я уже не помню всѣхъ личностей, которыя приняли на себя званіе учредителей. Помню только, что, кромѣ графа Михаила Віельгорскаго, тутъ были два графа Адлерберга, старшій и младшій, и князь Левъ Кочубей. Учредители эти собирались, толковали, но дѣло не шло на ладъ. Они убѣдились, наконецъ, что и дальше проку никакого не будетъ изъ ихъ толковъ, если они не пріобрѣтутъ дѣловаго человѣка, который бы установилъ и направилъ это дѣло. Князь Левъ Кочубей, знакомый уже по многимъ опытамъ съ моею дѣловитостью, предложилъ меня, и я получилъ отъ имени всѣхъ учредителей приглашеніе принять участіе въ ихъ занятіяхъ. По многимъ отношеніямъ я считалъ неудобнымъ и невыгоднымъ уклониться отъ этого предложенія и взялъ дѣло въ свои руки, вмѣстѣ съ Курси, который страшно прилипъ ко мнѣ и надоѣдалъ въ ужасающей степени. Тутъ-то я и позналъ его самого, его жену и всю обстановку обстоятельствъ, въ которыхъ онъ барахтался. Пошли засѣданія, соображенія, исчисленія. Работы было вообще порядочно. Я составилъ красивый проектъ устава. Архитекторъ Кавосъ составилъ еще болѣе красивые планы и чертежи всѣхъ подробностей зимняго сада. Устройство царскихъ ложъ, сколько помню, представляло невообразимое великолѣпіе и изящество. Казалось, дѣло шло отлично. Я часто пріѣзжалъ къ старику графу Адлербергу, носившему званіе предсѣдателя компаніи, съ своими докладами, и успѣлъ заслужить доброе его вниманіе, которое видимо выражалось. Курси, которому по уставу предназначался значительный капиталъ въ вознагражденіе за мысль, и которому, въ то же время, полагалось ввѣрить управленіе этимъ но-

вымъ у насъ учрежденіемъ, съ значительнымъ содержаніемъ, просто ликовалъ и, какъ французъ, высоко носъ поднялъ. Весь городъ, которому сдѣлалось извѣстнымъ наше предположеніе, сопровождалъ его живѣйшимъ сочувствіемъ. И дѣйствительно, если бы оно осуществилось, городъ имѣлъ бы вещь, если не очень полезную, то очень пріятную. По уставу тамъ должны были съ самаго утра гремѣть оркестры; тамъ должны были устраиваться постоянные балы, маскарады и всевозможные праздники. Но, увы! когда все было готово, мы сообщили нашъ уставъ со всѣми приложеніями на предварительное соглашеніе министру императорскаго двора. Старикъ князь Волконскій взглянулъ на нашу затѣю самымъ суровымъ образомъ и доложилъ государю, что если допустить устройство зимняго сада, въ такомъ случаѣ, императорскіе театры если не погибнутъ, то страшно пострадаютъ. Государь не спорилъ, и мы получили отъ Волконскаго, высочайшимъ именемъ, рѣшительный отказъ въ утвержденіи нашего предпріятія.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что предпріятіе возъимѣло ходъ единственно потому, что оно получило, предварительно, живое одобреніе государя, а между тѣмъ, когда наступила минута окончательно и оффиціально его утвердить—государь отказалъ въ этомъ. Если бы я видѣлъ только одинъ этотъ примѣръ такой непослѣдовательности, то отнесъ бы его чисто къ случайности, тѣмъ болѣе, что государь слылъ за человѣка твердаго и упорнаго, что̀, между прочимъ, доказало и мое личное дѣло, о которомъ я выше разсказалъ. Но я долженъ сказать, что и другое предпріятіе, въ которомъ я принималъ участіе, и о которомъ буду говорить ниже, имѣло рѣшительно такое же начало и такой же конецъ. Это колебаніе я ничѣмъ другимъ не могу объяснить, какъ великою способностью покойнаго государя личныя свои воззрѣнія подчинять соображеніямъ, представляемымъ ему его государственными людьми. Такая черта въ такомъ замѣчательномъ государѣ могла бы годиться и не въ мои бѣдныя записки. Она показываетъ, что государь не всегда былъ деспотъ, какимъ принято его считать, особенно въ нынѣшнемъ обществѣ, такъ любящемъ щеголять всѣми родами и видами либерализма, и умѣлъ свои мнѣнія, свою волю подчинять пользамъ государства.

Какъ бы то ни было, всѣ учредители страшно переконфузились такимъ неожиданнымъ заключеніемъ, а Курси, которому предстояло такъ много блаженства, просто опѣшилъ и, какъ говорится, сѣлъ на бобахъ! Съ окончаніемъ дѣла о зимнемъ садѣ, казалось бы, и мои отношенія съ нимъ должны были прекратиться. Не тутъ-то было! Почти каждый день онъ приходилъ ко мнѣ съ какимъ-нибудь новымъ проектомъ: то онъ хотѣлъ покрыть Сѣнную площадь стеклянною крышею, то полагалъ устлать улицы чугунными плитами и т. п.; но всѣхъ безчисленныхъ его проектовъ не припомнишь и не перечтешь. Разбитый моею суровою критикою въ какомъ-нибудь одномъ предположеніи, онъ на другой день являлся съ новымъ и начиналъ словами:—«Наконецъ у меня есть такая мысль, противъ которой и вы ничего не найдете сказать». Затѣмъ начиналъ развивать эту мысль съ жаромъ и увлекательностью, свойственными однимъ только французамъ. Я слушалъ внимательно, и, когда онъ оканчивалъ свою оживленную рѣчь, я говорилъ:—«Хорошо, прекрасно! блестящая мысль; только мнѣ кажется...» Тутъ я начиналъ самымъ деликатнымъ образомъ высказывать свои скромныя замѣтки, которыя, конечно, разбивали въ прахъ эту блестящую мысль. Французъ быстро охладѣвалъ и, сознавая неотразимую силу моихъ замѣчаній, со вздохомъ говорилъ:—«Ваша правда!»

Такъ падали одинъ за другимъ его скороспѣлые проекты, доколѣ онъ не убѣдился, что на этомъ поприщѣ ему трудно обогатиться или по крайней мѣрѣ поправить свое положеніе, которое становилось день ото дня хуже и стѣсненнѣе. Тогда онъ обратился къ другой дорогѣ, которая многихъ выводила изъ затрудненій. Какъ бы осуществляя предчувствіе стараго Горда, онъ рѣшился сдѣлать жену свою орудіемъ пріобрѣтенія земныхъ благъ. Жена его была молода, свѣжа и на глаза многихъ—красавица. Я не раздѣлялъ этого послѣдняго мнѣнія. Въ ея красотѣ было что-то отталкивающее и полнѣйшее отсутствіе всякой симпатичности. Внѣшній видъ вполнѣ соотвѣтствовалъ внутреннимъ ея свойствамъ; она была природы честной и доброй, но все это проявлялось въ какихъ-то угловатыхъ формахъ съ отсутствіемъ всякой женственности. Какъ бы то ни было, Курси началъ посылать ее безпрерывно къ старому графу

Адлербергу съ весьма нескрытымъ намѣреніемъ столкнуть съ позиціи увядающую Мину Ивановну и замѣнить ее своею женою.

Графъ, не равнодушный къ прекрасному полу, былъ дѣйствительно чрезвычайно ласковъ къ мадамъ Курси и не одинъ разъ выпрашивалъ ей значительныя пособія у государя; но главная цѣль не была достигнута, и источникъ этотъ скоро изсякъ. Тогда Курси началъ направлять ее къ маскарадной атакѣ на самого государя, который такъ любилъ маскарады и при насъ не стѣснялся нисколько давать ей самыя положительныя по этой части наставленія. Главнымъ пунктомъ, которымъ, по соображеніямъ Курси, могъ быть заинтересованъ и даже пораженъ государь, это—то, что, имѣя отцомъ шведа, а матерью польку, м-me Курси могла отвѣчать государю, если бы онъ спросилъ: «кто она, русская?» «Нѣтъ». «Француженка?» «Нѣтъ». «Нѣмка?» «Нѣтъ». «Полька?» «Нѣтъ», и т. д. до безконечности. Курси былъ убѣжденъ, что эта штука непремѣнно его вывезетъ, и пораженный государь пожелаетъ узнать: кто же это странное существо, а когда узнаетъ, столь же непремѣнно устроитъ ея благополучіе, а кстати и благополучіе мужа.

Но затѣйливый этотъ проектъ также не осуществился, потому, что ловкой, блестящей маскарадной интриганки—Курси изъ своей жены сдѣлать не могъ, и она напрямикъ объявила ему, что пуститься въ такую опасную операцію она не умѣетъ и не хочетъ. Тогда Курси прибѣгнулъ къ болѣе упрощеннымъ средствамъ: онъ просто сталъ заманивать къ себѣ богатыхъ шалуновъ изъ аристократическаго міра, извѣстныхъ своими баснословными тратами на камелій разнаго сорта. Едва-ли не самымъ блестящимъ изъ этихъ мотовъ былъ въ то время одинъ изъ графовъ Канкриныхъ, Валеріанъ, совершенно противуположный своими расточительными свойствами и наклонностями своему отцу, столь знаменитому экономическими дарованіями, которыя сдѣлали его изъ простаго бухгалтера или кассира купеческаго дома министромъ финансовъ. Эти свойства молодаго Канкрина были особенно извѣстны Курси потому, что предъ тѣмъ только онъ разорялся на французскую актрису Эстеръ. Я самъ видѣлъ невообразимое богатство этой госпожи, когда за различныя ея подвиги ей приказано было оставить Петербургъ и когда она устроила аукціонъ для продажи своего имуще-

ства. Она жила на Сергіевской улицѣ, гдѣ и я жилъ, и занимала одна каменный двухъ-этажный домъ. Весь городъ, съѣзжавшійся на ея аукціонъ, могъ видѣть великолѣпіе, въ которомъ утопала эта французская барыня. Каждая бездѣлушка имѣла цѣнность золота. Объ убранствѣ комнатъ, роскошной мебели, различныхъ сервизахъ и говорить нечего. Всѣ обращали вниманіе на то, что у ней устроено было, кажется, три спальни, не въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи, и хорошо понимали, что въ этихъ трехъ лабораторіяхъ выдѣлывалось ея богатство.

Такимъ образомъ Курси, прежде всего, повелъ свою атаку на Канкрина. Но здѣсь онъ былъ тоже несчастливъ, какъ и въ другихъ своихъ затѣяхъ. Канкринъ дѣйствительно часто началъ бывать у нихъ, но честная по природѣ м-me Курси никакъ не хотѣла броситься въ ту пропасть, куда такъ усердно подталкивалъ ее ея милый супругъ. Изъ этого выходили различныя между ними сцены, и мы съ женой невольно дѣлались судьями и разбирателями ихъ, сочувствуя, конечно, молодой женщинѣ, отбивавшейся всѣми силами отъ гибели и позора. Кромѣ Канкрина, Курси приводилъ къ себѣ много другихъ франтовъ, падкихъ до красоты, но дѣло рѣшительно не подвигалось впередъ и, какъ ни урезонивалъ Курси жену свою, она не хотѣла встрѣчать этихъ господъ иначе, какъ съ ребенкомъ на рукахъ.

Положеніе Курси становилось отчаяннымъ. Въ сильные морозы онъ бѣгалъ въ лѣтнемъ пальто. Изъ нѣсколькихъ комнатъ, составлявшихъ его квартиру, отапливалась только одна; остальныя приняли видъ погребовъ и приводили въ отчаяніе домоваго хозяина, который гналъ бѣднаго Курси изъ своего дома всѣми силами. Въ этомъ положеніи онъ рѣшился одинъ ѣхать за-границу, а жену съ ребенкомъ оставить здѣсь. Онъ говорилъ о какихъ-то видахъ и цѣляхъ, которые эта поѣздка должна осуществить; но, привыкнувъ къ постоянной его болтовнѣ, постоянно испещренной какими-нибудь проектами, я уже не обращалъ на нее никакого вниманія и думалъ про себя, что онъ просто бѣжитъ отъ долговъ и отъ семьи, которую прокормить не можетъ. Оно такъ и вышло. Бѣдная m-me Курси сначала получила отъ него нѣсколько писемъ съ требованіемъ денегъ и показывала со слезами намъ эти письма, не постигая, на ка-

кія деньги могъ разсчитывать ея мужъ, оставившій ее рѣшительно безъ ничего. Потомъ письма прекратились, и самъ онъ, несмотря на то, что назначенный имъ самимъ срокъ возвращенія давно прошелъ, не появлялся. Рѣшительная и въ то же время честная m-me Курси занимаетъ гдѣ-то денегъ, пристраиваетъ куда-то ребенка, беретъ на руки маленькую собаченку и отправляется за-границу отыскивать своего пропавшаго мужа, котораго дѣйствительно и привозитъ въ Петербургъ, но не на пользу и не на долго. Скоро онъ опять скрылся за-границу и едва-ли не тихомолкомъ, оставивъ снова жену и ребенка на произволъ судьбы. M-me Курси видѣла, что ей рѣшительно ничего не остается, какъ избрать извѣстный путь. Къ тому же она влюбилась въ молодаго князя Суворова, сына того Суворова, который былъ потомъ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, юношу блестящей красоты, но величайшаго повѣсу и мота, съ которымъ потомъ судьба близко свела меня на Кавказѣ.

Въ началѣ ихъ связи Суворовъ съ своимъ полкомъ перешелъ въ Варшаву, куда и m-me Курси часто ѣздила къ нему. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ съ ней случилось замѣчательное происшествіе. Однажды, ночью, почтовый дилижансъ былъ остановленъ горцами, служившими въ Варшавѣ и по какому-то случаю бѣжавшими оттуда. Пассажиры были перерѣзаны. M-me Курси, разумѣется, ожидала та же участь; но она спаслась чудомъ. Когда одинъ изъ этихъ горцевъ приказалъ ей выйдти изъ дилижанса, она, вылѣзая оттуда, накинула ему на голову пледъ, которымъ она покрывала ноги. Пока разбойникъ выпутывался изъ него, она успѣла броситься въ лежащую подлѣ шоссе канаву съ водою и притаилась въ ней. Темнота ночи и поспѣшность, съ которою разбойники грабили дилижансъ, были причиною, что на ея отсутствіе не обратили вниманія. Когда грабители удалились, m-me Курси, при появленіи на шоссе первыхъ проѣзжающихъ, вышла изъ своего мокраго убѣжища и вмѣстѣ съ ними добралась до Варшавы, гдѣ, по ея словамъ, въ теченіе многихъ дней, она была предметомъ общаго вниманія и участія. Связь ея съ княземъ Суворовымъ продолжалась не долго, что̀ и не было нисколько удивительно: вѣтренный и неосновательный во всемъ, Суворовъ не былъ способенъ ни къ какому прочному чувству, точно такъ же, какъ не былъ никогда способенъ ни къ какому солидному

дѣлу. Отъ него m-me Курси переходила въ другія руки до тѣхъ поръ, пока не пристроилась при князѣ Салтыковѣ. Лошадникъ и мотъ, онъ заполоненъ былъ m-me Курси до такой степени, что ходили слухи о его женитьбѣ на ней. Во всякомъ случаѣ эта послѣдняя связь была чрезвычайно продолжительна, и я уже не слыхалъ, чтобы она порвалась.

Другимъ предметомъ моихъ частныхъ занятій въ этомъ печальномъ для меня періодѣ было устройство такъ называемой «Южной желѣзной дороги». Въ то время вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ былъ, такъ сказать, моднымъ вопросомъ, и журналистика наша кипѣла спорами о преимуществахъ того или другаго направленія. Въ разгарѣ этихъ споровъ является князь Сергѣй Кочубей съ идеею устройства желѣзной дороги отъ Харькова до Θеодосіи. Идея эта была доведена до свѣдѣнія государя и также получила полнѣйшее его одобреніе. Этого мало. Извѣстно было, что князю Воронцову не нравилось это направленіе, и онъ предпочиталъ вести дорогу отъ Харькова къ любимой имъ Одессѣ. Я уже не помню, по какому случаю, кажется, вслѣдствіе различныхъ распоряженій по восточной войнѣ, государь ѣздилъ куда-то и, между прочимъ, долженъ былъ видѣться съ княземъ Воронцовымъ. Намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что на какомъ-то переѣздѣ, когда Воронцовъ долженъ былъ сопровождать государя, ѣхавшаго на пароходѣ, между ними шла продолжительная и упорная бесѣда о Южной желѣзной дорогѣ и ея направленіи. Государь, возвратившись въ Петербургъ, хвалился нѣкоторымъ царедворцамъ, что ему удалось «уломать старика Воронцова» и согласить его, чтобы дорога шла не на Одессу, а на Θеодосію. Такимъ образомъ, очевидно было, что государь не только одобрялъ проектъ князя Кочубея, но и становился жаркимъ его защитникомъ. Между тѣмъ и это дѣло имѣло конецъ довольно печальный и вовсе не соотвѣтственный его блестящему началу. Но не буду забѣгать впередъ.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что государь одобряетъ это предположеніе, князь Сергѣй Кочубей мгновенно образовалъ комитетъ учредителей, набравъ туда людей, большею частію, старыхъ и ограниченныхъ. Демьянъ Кочубей, бывшій членомъ Государственнаго Совѣта, былъ чѣмъ-то въ родѣ предсѣдателя этого комитета.

Членами его были: графъ Кушелевъ-Безбородко, который имѣлъ какую-то финансовую репутацію, но на мои глаза былъ просто самодуръ; генералъ-адъютантъ Огаревъ, столь прославившійся своею промышленностію по части различныхъ позументныхъ измѣненій въ военной формѣ; сенаторъ Ковалевскій, бывшій впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія, баронъ Мейендорфъ, извѣстный своими статистическими и экономическими трудами, какой-то варшавскій банкиръ Френкель, и наконецъ, самъ князь Сергѣй Кочубей.

Но въ подобныхъ дѣлахъ мало набрать знатныхъ стариковъ; надобно найти человѣка, который бы могъ работать и на своихъ плечахъ нести дѣло. Князь Сергѣй Кочубей слишкомъ хорошо зналъ меня, чтобы не употребить всѣхъ средствъ къ пріобрѣтенію моихъ услугъ въ этомъ, столь важномъ для него, предпріятіи. Я долго уклонялся и на всѣ его обольщенія смотрѣлъ недовѣрчиво, но настоянія князя Льва Кочубея поколебали мое упорство. Я объявилъ князю Сергѣю Кочубею, что до осуществленія дѣла я буду работать безмездно и никакой платы за эти труды, какъ бы обширны они ни были, не нужно; но что за то, когда дѣло состоится, я долженъ получить прочное положеніе, въ чемъ учредители и обязаны удостовѣрить меня письменно. На этомъ основаніи, 18-го марта 1852 года я получилъ отъ князя Сергѣя Кочубея слѣдующее письмо: «Съ согласія господъ учредителей компаніи Южной желѣзной дороги, честь имѣю объявить вамъ, почтеннѣйшій Василій Антоновичъ, что вы избраны правителемъ дѣлъ комитета учредителей и поэтому приглашаетесь послѣ завтра въ общее собраніе». При этомъ письмѣ приложенъ особый документъ слѣдующаго содержанія: «Правителемъ дѣлъ компаніи Южной желѣзной дороги князь Сергѣй Викторовичъ Кочубей, предлагаетъ коллежскаго совѣтника Василія Антоновича Инсарскаго. Согласны: Д. Кочубей, И. Огаревъ, графъ Кушелевъ-Безбородко, Б. Мейендорфъ, Е. Ковалевскій».

Это почетное предложеніе не могло не льстить моему самолюбію; въ то же время оно, казалось, обѣщало и несомнѣнныя матеріальныя блага. Какъ бы то ни было, я погрузился въ это дѣло со всѣмъ моимъ трудолюбіемъ и тѣмъ болѣзненнымъ стремленіемъ.

къ одолѣнію всякихъ встрѣчающихся мнѣ работъ, о которыхъ я выше говорилъ. Присутствуя, по своей обязанности, въ засѣданіяхъ комитета, я съ сожалѣніемъ видѣлъ, съ одной стороны, какъ плохи и неразвиты наши знатные и государственные люди, достигая почета не силою своихъ дарованій, а вслѣдствіе или хорошаго рода, или, что̀ еще чаще, продолжительности жизни, подвигающей понемножку впередъ каждую, даже нисколько не замѣчательную, личность, а съ другой—какое обширное поле, при такихъ условіяхъ, открывается смѣлымъ проходимцамъ. Я видѣлъ, что всѣ старики, посаженные въ комитетъ, составляли только приличную декорацію для такого важнаго предпріятія.

Еще грустнѣе было видѣть, что самъ князь Сергѣй Кочубей, какъ я убѣдился, нисколько не изучилъ дѣла, за которое брался, и разсчитывалъ единственно на удачу, которая такъ нерѣдко сопровождаетъ ловкость и смѣлость. Я даже не думаю, чтобы самая идея, въ общности ея, принадлежала самому князю Кочубею; всего вѣроятнѣе, онъ схватилъ ее въ журналахъ, или у какого-нибудь умнаго помѣщика, или наконецъ, у какого-нибудь ученаго мужа. По крайней мѣрѣ, я не видѣлъ никакихъ данныхъ, чтобы онъ былъ полнымъ и самостоятельнымъ господиномъ этой идеи. Я уже не говорю объ общихъ условіяхъ устройства желѣзныхъ дорогъ. Для того, чтобы самому ознакомиться съ ними, знакомить съ ними князя Кочубея и весь комитетъ и вообще дать нашимъ протоколамъ и другимъ бумагамъ сколько-нибудь спеціальный, соотвѣтственный вопросу, характеръ, я долженъ былъ добывать различныя по этой части сочиненія и входить въ сношеніе съ личностями, которыя дѣйствительно знали этотъ вопросъ. Однимъ словомъ, выходило такъ, что всѣ мы бродили ощупью; но князь Сергѣй Кочубей непремѣнно хотѣлъ сохранить за собою видъ главнаго двигателя и знатока, и потому атаковалъ каждое стремленіе со стороны членовъ къ проявленію какого-нибудь самостоятельнаго мнѣнія. Не имѣя для этого дѣйствительной почвы, онъ вооружился своимъ кругосвѣтнымъ путешествіемъ и за нимъ просто былъ неодолимъ. Когда какой-нибудь споръ начиналъ разгораться, онъ говорилъ:—«Позвольте! о чемъ тутъ спорить? Практика рѣшила уже этотъ вопросъ. Во время моего путешествія я былъ тамъ-то и

видѣлъ то-то...» Тутъ слѣдовалъ разсказъ о томъ, что онъ видѣлъ, наполненный различными цифрами, и всегда выходило такъ, что его мнѣніе вполнѣ согласно съ практическимъ положеніемъ вопроса, что̀, конечно, не могло не внушать въ старикахъ уваженія къ его необъятнымъ практическимъ знаніямъ и сознанія въ собственномъ безсиліи.

А ка́къ князь Сергѣй Кочубей обращался съ цифрами, приведу слѣдующій случай. Однажды я пріѣзжаю къ нему, по обычаю, за нѣсколько минутъ до собранія. Князь показываетъ мнѣ какую-то, только-что купленную имъ картину и проситъ ее оцѣнить. Я отвѣчаю, что я не знатокъ и никакъ не могу опредѣлить ея цѣнности.— «Вообразите, я заплатилъ только 300 руб. Это страшно дешево». Вслѣдъ за тѣмъ, пріѣзжаетъ кто-то изъ членовъ, кажется, графъ Кушелевъ-Безбородко. Князь Кочубей проситъ и его также полюбоваться картиной. Тотъ глубокомысленно разсмотрѣлъ картину и сказалъ: — «Хорошая вещь! тысячи три заплатили?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ князь, только половину». Я просто за него покраснѣлъ и былъ рѣшительно пораженъ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ истиною.

Однимъ словомъ, князь, при слабомъ знаніи предмета, былъ смѣлъ, чтобы не сказать болѣе; его сочлены тоже не знали предмета, но были люди болѣе или менѣе почтенные и добросовѣстные. Имъ, конечно, и въ голову не приходило, что всѣ разсказы князя Сергѣя Кочубея о фактахъ, которые онъ узналъ во время своего путешествія, не что иное, какъ фантазія, примѣненная къ практическимъ цѣлямъ. Постоянныя ссылки его на это путешествіе припоминаютъ мнѣ другое подобное обстоятельство. На Кавказѣ, о которомъ рѣчь впереди, въ числѣ моихъ пріятелей, былъ Ѳадеевъ, генералъ, тотъ самый, который печаталъ свои письма въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», человѣкъ съ большими энциклопедическими свѣдѣніями и замѣчательнымъ даромъ слова, но немножко шарлатанъ. Онъ представлялъ изъ себя рѣшительно всезнающаго господина и смѣло вступалъ въ споръ по разнымъ вопросамъ со всевозможными спеціалистами. Само собою разумѣется, что съ своими поверхностными знаніями онъ не могъ часто держаться противу силы дѣйствительныхъ и положительныхъ знаній. Но когда

ему приходилось совсѣмъ плохо, тогда онъ озадачивалъ своего противника слѣдующимъ вопросомъ: «А читали ли вы, позвольте спросить, послѣднее сочиненіе такого-то автора, подъ такимъ-то названіемъ?»—Разумѣется, что ни такого автора, ни такой книги вовсе не существовало. Смущенный противникъ, конечно, отвѣчаетъ: — «Нѣтъ!» Тогда Ѳадеевъ торжественно восклицалъ:—«Въ томъ-то и дѣло. Вы прежде прочитайте, что онъ говоритъ, и тогда ужь и спорьте» и этими словами горделиво заключалъ свой диспутъ.

Какъ бы то ни было, князь Кочубей умѣлъ достигнуть совершеннаго повиновенія со стороны членовъ комитета. Помню одинъ только случай, въ которомъ они немножко возмутились противъ него, и о которомъ я выше упоминалъ: это — когда онъ развивалъ, какія именно выгоды могутъ быть пріобрѣтены учредителями, и соглашалъ ихъ, чтобы выгоды эти, прежде всего, были обезпечены имъ въ первоначальныхъ переговорахъ съ правительствомъ. Почти всѣ члены находили эти выгоды черезчуръ обширными и затруднялись начать о нихъ рѣчь съ правительствомъ, но, кажется, и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, они были побѣждены доводами князя Сергѣя Кочубея, которые онъ подтверждалъ какими-то воображаемыми примѣрами, существующими въ какихъ-то чужихъ земляхъ.

Что касается для меня лично, то я просто утопалъ въ работѣ, тѣмъ болѣе, тяжкой, что предметъ ея былъ мнѣ, какъ и всему комитету, почти незнакомъ. Но между мною и членами комитета была страшно невыгодная для меня разница. Они съѣзжались и большею частію слушали то, что я имъ подготовлялъ, на мнѣ же, кромѣ матеріальныхъ трудовъ, лежала главнѣйшая и моральная отвѣтственность за точность всѣхъ данныхъ, на которыхъ основывались наши соображенія, а данныя эти я долженъ былъ добывать, какъ умѣлъ, частнымъ путемъ. Я не говорю уже о нашихъ протоколахъ и оффиціальныхъ бумагахъ; требовались безпрерывно то частныя записки, то копіи съ различныхъ бумагъ, и князь Сергѣй Кочубей, рѣшительно, душилъ меня требованіями по этой части, образчикъ которыхъ считаю нелишнимъ привести здѣсь. Такъ, напримѣръ, сегодня онъ писалъ мнѣ: «Генералъ-адъю-

тантъ Кокошкинъ желаетъ имѣть копію съ нашего представленія графу Петру Андреевичу, потрудитесь приказать переписать одинъ экземпляръ и сколь возможно въ скоромъ времени». Вслѣдъ затѣмъ: «Потрудитесь приказать переписать по экземпляру перваго прошенія учредителей Южной желѣзной дороги и втораго отношенія ихъ для его свѣтлости князя Варшавскаго, по перепискѣ потрудитесь доставить ко мнѣ». На другой день: «Потрудитесь заѣхать какъ можно поспѣшнѣе къ графу Кушелеву; получена бумага, на которую нужно немедленно изготовить отвѣтъ». Потомъ: «Потрудитесь ускорить изготовленіе бумаги С. А. Кокошкину и дать ее подписать Демьяну Васильевичу сегодня. Завтра представляется удобный случай отправить ее въ Харьковъ съ Абазою, который ѣдетъ и можетъ лично многое объяснить». Потомъ: «Потрудитесь приказать списать одинъ экземпляръ послѣдней записки. По перепискѣ пришлите въ контору, откуда мнѣ эту записку пошлютъ въ Москву, куда я отправляюсь завтра». Потомъ: «Графъ Левъ Алексѣевичъ остался доволенъ запискою о желѣзной дорогѣ и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія касательно редакціи и отмѣтилъ эти мѣста карандашемъ. Потрудитесь ихъ исправить и прикажите переписать одинъ экземпляръ для генералъ-адъютанта Берга. Отъ Воронцова долженъ быть отвѣтъ на дняхъ». Такъ шло ежедневно. Эти торопливыя, безпрерывныя требованія хотя не требовали ничего головоломнаго, страшно надоѣдали мнѣ, особенно въ томъ отношеніи, что отрывали меня отъ серьезныхъ, и большею частію, тоже срочныхъ работъ.

При заготовленіи этихъ серьезныхъ работъ, я часто обращалъ вниманіе князя на слабыя мѣста и выражалъ опасеніе срѣзаться. Онъ всегда самоувѣренно отвѣчалъ: «Ничего, не безпокойтесь. Развѣ вы думаете, что они лучше насъ понимаютъ?» Эта увѣренность въ слабомъ пониманіи другихъ составляла одну изъ главныхъ основъ дѣятельности князя. Самою важною изъ этихъ серьезныхъ работъ было представленіе нашего предположенія на усмотрѣніе правительства. Для того, чтобы сношенія наши съ нимъ были какъ можно удовлетворительнѣе, князь Кочубей придумалъ поднести графу Клейнмихелю званіе почетнаго учредителя Южной желѣзной дороги, которое съ Высочайшаго соизволенія и было принято имъ.

Казалось, что дѣло найдетъ въ немъ сильнаго защитника и придетъ къ желаемому результату. Едва-ли нужно говорить, что я много разъ былъ у него для представленія различныхъ дополнительныхъ объясненій.

Между тѣмъ, не только къ князю Кочубею, но и ко мнѣ, стали являться многія личности съ изъявленіемъ желанія служить въ управленіи Южной желѣзной дороги. Князь сыпалъ роскошныя обѣщанія направо и налѣво и въ этихъ обѣщаніяхъ нашелъ новое средство пользоваться даровыми работами. Тутъ-то и были обременены тяжелыми задачами харьковскіе профессоры съ тою недобросовѣстностію, о которой я говорилъ выше.

Все предвѣщало несомнѣнный успѣхъ, но успѣха, однакоже, не послѣдовало. Оказалось, что графъ Клейнмихель, несмотря на поднесенное ему званіе почетнаго учредителя, не стѣснялся противодѣйствовать этому предпріятію. Сначала онъ поставилъ намъ тысячу самыхъ сложныхъ вопросовъ, въ отвѣтъ на которые мы послали ему толстѣйшую тетрадь; въ оффиціальной перепискѣ, однако, недоброжелательство его не могло быть такъ замѣтно; но частными путями князь Кочубей, повидимому, совершенно убѣдился въ немъ, потому что началъ осыпать графа Клейнмихеля самыми тяжеловѣсными ругательствами. Но борьба продолжалась не долго и внезапно прекратилась однимъ побочнымъ обстоятельствомъ.

Князь Сергѣй Кочубей имѣлъ связь съ одной изъ великосвѣтскихъ барынь, что едва не было причиною дуэли. Но рано утромъ, полиція знала уже объ этомъ предположеніи и довела о немъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Какъ бы то ни было, князь Сергѣй Кочубей получилъ приказаніе немедленно оставить Петербургъ. Все это происшествіе произвело большой шумъ въ городѣ, но, несомнѣнно, отсутствіе князя ни на кого не произвело такого потрясающаго дѣйствія, какъ на моихъ стариковъ, составлявшихъ достославный комитетъ учредителей Южной желѣзной дороги. Они страшно смутились и перетрусили, ставши, такъ сказать, лицомъ къ лицу къ правительству и не имѣя въ самихъ себѣ ни нужныхъ свѣдѣній, ни способности дѣйствовать. Въ эту страшную минуту торжественно и столь же позорно выразилось, что они были простыми

пѣшками въ рукахъ князя Сергѣя Кочубея. Первый заказъ, какой я получилъ отъ этой смущенной толпы—заключался въ томъ, чтобы изготовить скорѣе и ловчѣе такую бумагу правительству, которая бы положительно выражала, что, по такимъ-то и такимъ благовиднымъ причинамъ, комитетъ не находитъ возможнымъ долѣе существовать и дѣйствовать; что поэтому онъ совершенно закрылся и разошелся; что его уже не существуетъ на свѣтѣ и что ему даже и отвѣчать не нужно. Составленный въ этомъ смыслѣ проектъ былъ предметомъ головоломныхъ соображеній моихъ достославныхъ членовъ, и главная цѣль этихъ соображеній была та, чтобы устранить всякую возможность получить вновь какую бы то ни было бумагу отъ графа Клейнмихеля. Даже самъ Демьянъ Кочубей, который долженъ былъ подписать этотъ роковой проектъ, пустился собственноручно въ редакціонныя хитрости и корпѣлъ надъ нимъ нѣсколько дней.

Я видѣлъ, что дѣло, а съ нимъ и всѣ мои разсчеты погибли, и могъ бы тотчасъ отступиться отъ него, какъ только прогнали изъ Петербурга князя Кочубея. Но это казалось мнѣ безчеловѣчно относительно моихъ стариковъ и не совсѣмъ прилично порядочному человѣку, а потому я остался послѣднимъ на развалинахъ этого шумнаго предпріятія, такъ что, когда знаменитая бумага, сочиненная и пересочиненная, писанная и переписанная, наконецъ, была готова, я имѣлъ столько самоотверженія, что лично отвезъ ее въ канцелярію Клейнмихеля и лично же вручилъ знаменитому нѣкогда Заикѣ, бывшему тогда директоромъ этой канцеляріи.

Похоронивъ это дѣло, я далъ себѣ слово не входить уже затѣмъ никогда, ни подъ какимъ видомъ, рѣшительно ни въ какія частныя предпріятія, тщету и комическую сторону которыхъ я такъ близко и хорошо видѣлъ. Я нисколько не сожалѣлъ о массѣ труда, на эти два предпріятія мною потраченнаго: онъ имѣлъ свою хорошую моральную сторону, во-первыхъ, ознакомивъ меня съ этой отраслью дѣятельности и, во-вторыхъ, еще болѣе укрѣпивъ во мнѣ увѣренность въ моихъ силахъ. Взамѣнъ всякихъ матеріальныхъ выгодъ, я наслѣдовалъ только нѣсколько томовъ писаной бумаги. Смотря на томы, относящіеся къ Южной желѣзной дорогѣ, я не могъ не остановиться на слѣдующемъ соображеніи: если мой

трудъ я самъ предложилъ безкорыстно, то я никакъ не полагалъ, что, кромѣ того, мнѣ придется еще употребить значительныя издержки на писцовъ, бумагу, почтовые расходы изъ моего ограниченнаго кармана и что эти издержки казалось бы справедливымъ отнести на карманъ князя Кочубея, потому, во-первыхъ, что онъ былъ главнымъ двигателемъ дѣла, во-вторыхъ, потому, что его романическія шалости положили этому дѣлу такой внезапный конецъ, и въ-третьихъ, что самое главное, что онъ въ милліонъ разъ богаче меня, и эти издержки, чувствительныя для меня, для него рѣшительно ничего не значатъ. Остановившись на такихъ соображеніяхъ и зная по многимъ опытамъ, что всякая излишняя утонченность съ княземъ Кочубеемъ, особенно по денежнымъ дѣламъ, совершенно безплодна, я въ письмѣ моемъ къ нему, которымъ передавалъ заключеніе этого дѣла, послѣдовавшее въ его уже отсутствіе, сдѣлалъ ясный намекъ и объ издержкахъ.

Вотъ письмо, отъ 10-го апрѣля 1853 года, которое я получилъ отъ него:

«М. Г. В. А. Много виноватъ предъ вами за поздній отвѣтъ на письмо ваше, въ которомъ вы выражаете справедливое ваше мнѣніе о вознаграждении издержекъ, употребленныхъ по проекту Южной желѣзной дороги, такимъ слабымъ успѣхомъ увѣнчавшемуся. Будьте убѣждены, что я готовъ вознаградить ихъ, но въ настоящую минуту не имѣю къ тому средствъ и потому покорнѣйше и убѣдительнѣйше васъ прошу вооружиться терпѣніемъ и дождаться моего возвращенія въ столицу Русскаго царства. Возвращеніе это, хотя еще неопредѣлительно, но правдоподобно и, вѣроятно, послѣдуетъ въ скоромъ времени, и ваши желанія могутъ его ускорить и осчастливить (?). Итакъ, почтеннѣйшій Василій Антоновичъ, потрудитесь отложить разговоры наши по нашему дѣлу до перваго свиданія и пока примите увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи».

Для людей опытныхъ и проницательныхъ письмо это можетъ служить выраженіемъ человѣка. Онъ, Кочубей, не имѣетъ средствъ выслать или приказать своей петербургской конторѣ выплатить 200, 300 руб.? Какъ бы то ни было, чрезъ нѣкоторое время, кажется, чрезъ годъ, князь Сергѣй Кочубей появляется въ Петербургѣ, встрѣчается со мною самымъ привѣтливымъ образомъ и постоянно спрашиваетъ: «что не зайдете ко мнѣ». Я любезно бла-

годарилъ, но не шелъ къ нему, сознавая, что мое появленіе онъ приметъ за напоминаніе о деньгахъ, а это ужь вовсе не соотвѣтствовало моей моральной, такъ сказать, заносчивости. Я рѣшился вовсе не бывать у него до тѣхъ поръ, пока денежный вопросъ, такъ или иначе, исчезнетъ между нами. Между тѣмъ, приглашенія его зайти къ нему дѣлались настоятельнѣе. Потомъ, наконецъ, онъ сталъ присылать ко мнѣ своего камердинера съ просьбою заѣхать къ нему. Я говорилъ: «Хорошо» и не ѣхалъ. Наконецъ, я получилъ отъ него слѣдующую записку:

«Добрѣйшій Василій Антоновичъ! дѣло, о которомъ я желаю съ вами переговорить, касается болѣе васъ, чѣмъ меня. Я желаю разсчитаться съ вами и о степени вознагражденія вашихъ издержекъ хотѣлъ бы переговорить съ вами лично. Пришелъ бы самъ, но, право, нѣтъ минуты свободной съ петербургскимъ образомъ жизни и съ разбросаннымъ знакомствомъ. Вотъ истинная причина моей нескромности и привязчивой настоятельности. Простите мое маранье (записка писана карандашемъ) и вѣрьте совершенной моей преданности».

Записка эта произвела на меня совершенно отрицательное дѣйствіе. Идти для того, чтобы говорить о денежныхъ разсчетахъ, лично до меня касающихся, было рѣшительно противъ моей натуры. Кромѣ того, я избалованъ былъ отношеніями моими къ князю Александру Ивановичу Барятинскому, который рѣшалъ и обдѣлывалъ подобныя дѣла съ величайшимъ достоинствомъ и благородствомъ. Однимъ словомъ, я рѣшительно не хотѣлъ, и на этотъ разъ, послѣдовать приглашенію князя Кочубея. Но помню очень хорошо, что жена моя, увидѣвшая случайно эту записку, поколебала мою рѣшимость. Она стала доказывать, что такимъ поведеніемъ я могу нажить себѣ врага въ князѣ Кочубеѣ, что свиданіе съ нимъ, котораго такъ настоятельно онъ требуетъ, положитъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ и что, наконецъ, ей было бы очень пріятно, если бы въ нашей, довольно опустѣлой кассѣ, прибавилось лишнихъ нѣсколько сотенъ. Если самъ Адамъ не устоялъ противъ женскаго вліянія, то мнѣ, простому смертному, было простительно поддаться совѣтамъ моей жены, хотя не въ моемъ характерѣ прибѣгать въ дѣловыхъ моихъ отношеніяхъ къ женскому уму.

Князь Сергѣй жилъ тогда въ домѣ брата, князя Михаила, на Конногвардейскомъ бульварѣ, а я занималъ казенную квартиру въ

домѣ почтоваго департамента, такъ что насъ раздѣляло пространство въ нѣсколько шаговъ, что̀ также немало содѣйствовало моей податливости на убѣжденія моей жены. Я отправился къ князю, былъ у него только нѣсколько минутъ и, возвратившись домой, осыпалъ жену градомъ укоризнъ за ея вмѣшательство въ дѣла, гдѣ ее не спрашиваютъ, и за ея неблагоразумные совѣты. Я былъ раздосадованъ и на себя, и на другихъ въ высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, совершилось нѣчто невѣроятное. При моемъ входѣ князь встрѣтилъ меня словами: «Здравствуйте, Василій Антоновичъ! намъ надо поговорить о счетахъ, но главное вотъ въ чемъ дѣло». Тутъ началъ онъ разсказывать, что образуется новая компанія для устройства Южной желѣзной дороги, сколько помню, изъ иностранныхъ капиталистовъ, что эта компанія приглашаетъ и его къ участію, и что, наконецъ, для этой компаніи весьма нужны и полезны будутъ всѣ тѣ матеріалы и соображенія, которые собраны уже и составлены прежнимъ комитетомъ и находятся въ томахъ, хранящихся у меня. Въ заключеніе онъ просилъ меня передать ему эти томы и прибавилъ: «Если вы теперь полагаете возвратиться домой, то я бы прислалъ за ними моего человѣка».—«Очень хорошо»,—отвѣчалъ я и послѣ обычнаго рукопожатія вышелъ отъ него.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ возвращенія домой, мнѣ докладываютъ, что пришелъ человѣкъ отъ князя за бумагами. Я приказалъ отвѣчать, что пришлю самъ. Затѣмъ началась длинная комедія. Ежедневно, по нѣскольку разъ, онъ присылалъ своихъ людей за бумагами. Я постоянно отвѣчалъ, что самъ пришлю. Такъ тянулись недѣли двѣ или три. Наконецъ, посланные эти страшно мнѣ надоѣли, и я приказалъ объявить имъ, чтобы они перестали ходить, что бумаги я самъ пришлю, когда найду возможнымъ. Такъ прошла еще недѣля или двѣ, пока въ одно прекрасное утро камердинеръ князя доставилъ мнѣ пакетъ со вложеніемъ 300 руб., безъ всякой записки,—этому же посланному я вручилъ бумаги, которыя такъ интересовали князя, и которыхъ онъ никакъ не могъ выручить, несмотря на всю свою ловкость, не заплативъ того, что долженъ былъ тотчасъ заплатить, не прибѣгая къ различнымъ курбетамъ.

Можно подумать, что послѣ того наши отношенія измѣнились и стали враждебны. Ничуть не бывало. Они остались совершенно

въ прежнемъ видѣ, какъ будто ничего между нами и не было, что, конечно, говоритъ въ пользу большаго и несомнѣннаго ума князя. Предъ отъѣздомъ моимъ въ 1856 году на Кавказъ, я заѣзжалъ къ нему проститься и, не заставъ его дома, получилъ отъ него слѣдующую записку:

«Весьма сожалѣю, почтеннѣйшій Василій Антоновичъ, что оба раза вы такъ неудачно ко мнѣ заѣзжали, тѣмъ болѣе, что я весьма желаю передать вамъ всѣ напутственныя желанія вамъ успѣха и добраго здоровія на новомъ поприщѣ вашей полезной дѣятельности. Край, въ который вы отправляетесь, мнѣ не чуждъ, и я желаю сообщить вамъ мои завѣтныя мечты о немъ; можетъ быть, удастся вамъ разлить на него новый свѣтъ благодѣтельный вмѣстѣ съ вашимъ блистательнымъ и молодымъ сподвижникомъ. Завтра, напримѣръ, я буду дома до двухъ часовъ и въ половинѣ пятаго. Заѣзжайте, пожалуйста, если это возможно, а то назначьте сами время».

На другой день свиданіе наше состоялось, причемъ князь передалъ мнѣ свои мысли объ устройствѣ Кавказскаго банка...

ГЛАВА X.

Почтовый міръ.—Моя атака графа Александра Адлерберга.—Готовность графа Владиміра Адлерберга пріютить меня.—Прянишниковъ, директоръ почтоваго департамента.—Мучительныя и безмездныя занятія мои судными дѣлами.—Личныя мои сношенія съ графомъ Адлербергомъ.—Характеристика этого прекраснаго человѣка.—Привязанность его къ знаменитой Минѣ Ивановнѣ.—Нелѣпѣйшіе толки, отсюда возникавшіе.—Новые страхи по части моей карьеры.—Знаменитая кража Политковскаго.—Переполохъ во всѣхъ министерствахъ.—Докладъ обо мнѣ государю.—Тревожныя ожиданія и потомъ упоительныя надежды.—Невѣрность тѣхъ и другихъ.—Загадочный вопросъ царя о моихъ отношеніяхъ къ графинѣ Тизенгаузенъ.

Но пора, и давно пора вернуться къ моимъ усиліямъ выйти изъ-подъ гнета, который такъ оригинально и такъ незаслуженно обрушился на меня и не давалъ мнѣ никакого хода.

Кому не извѣстно, что моральныя огорченія имѣютъ сильное вліяніе на разстройство человѣческаго организма. Принадлежа къ сильной и крѣпкой породѣ, я до тѣхъ поръ возбуждалъ зависть въ моихъ пріятеляхъ своею силою и крѣпостью и почти совсѣмъ

не зналъ никакихъ недуговъ. Изъ Саратова, гдѣ вся моя прислуга, мужская и женская, переболѣла лихорадкой, я возвратился совершенно здоровымъ. Это было осенью 1851 года. Но когда, по возвращеніи моемъ сюда, я съ каждымъ днемъ постепенно начиналъ убѣждаться, что послѣднія мои надежды разлетаются въ прахъ, и Бутковъ, дотолѣ подкрѣплявшій меня, начиналъ оставлять меня,—все это, исполненное томленія, ожиданій, безпрерывныхъ разочарованій, не могло не отразиться на моихъ крѣпкихъ силахъ. Зиму я еще держался кое-какъ; но съ наступленіемъ весны я страшно заболѣлъ желчной лихорадкой. Первые припадки моей болѣзни я безъ ужаса не могу вспомнить. Казалось, голова моя наполнена горячими угольями, и мученья такъ были невыносимы, что смерть казалась мнѣ большимъ благомъ. Не столько медицинскія пособія, сколько крѣпость моихъ силъ произвели то, что я устоялъ противъ этой атаки и уцѣлѣлъ, хотя съ разбитымъ здоровьемъ. Я страшно высохъ и пожелтѣлъ. Опасность устранена, но я долго, много лѣтъ, не могъ отдѣлаться отъ лихорадки, которая, при малѣйшей неосторожности съ моей стороны, впивалась въ меня своими когтями и такъ терзала мой организмъ, что на всю жизнь оставила въ немъ воспоминанія о своемъ страшномъ посѣщеніи.

Въ этомъ-то положеніи, между лихорадочными припадками, я продолжалъ вести свою служебную борьбу и направлять горячее участіе въ моемъ положеніи князя Владиміра. Графъ Александръ Адлербергъ былъ другомъ князя Александра Ивановича и пріятелемъ всѣхъ Барятинскихъ; графъ Владиміръ Адлербергъ узналъ меня довольно близко по дѣлу о зимнемъ садѣ и видимо было, что я успѣлъ внушить ему доброе о себѣ мнѣніе. Поэтому-то, какъ выше сказано, я и направилъ князя Владиміра на графовъ Адлерберговъ. Но и здѣсь первый приступъ былъ тоже крайне неудаченъ. Нечего было и сомнѣваться, что графъ Александръ готовъ былъ употребить все свое содѣйствіе; но когда онъ началъ говорить съ отцомъ о томъ, нѣтъ ли у него порядочнаго свободнаго мѣста, не называя меня, тотъ нетерпѣливо отвѣчалъ:—«Помилуй! какое мѣсто? Я не знаю, какъ устроиться съ тѣми, которые остались за штатомъ!» Графъ Александръ Адлербергъ, передавая князю Барятин-

скому этотъ неутѣшительный отзывъ, прибавилъ: — «Я, впрочемъ, не отчаяваюсь и буду надоѣдать отцу при каждомъ случаѣ».

Дѣйствительно, скоро послѣ того, князь Владиміръ Барятинскій передалъ мнѣ, что графъ Александръ Адлербергъ снова атаковалъ отца и когда прибавилъ, что мѣсто нужно для меня, то старикъ живо отвѣчалъ: — «Господина Инсарскаго я очень радъ пріобрѣсть; пусть переговоритъ съ Прянишниковымъ, какъ это устроить». Такой отзывъ, въ моемъ убитомъ неудачами и болѣзнями положеніи, казался мнѣ уже радостнымъ лучемъ, прорѣзавшимъ густой туманъ, меня подавляющій. Я выше сказалъ, что Прянишниковъ нѣсколько разъ исправлялъ за герцога должность попечителя Общества посѣщенія бѣдныхъ и видѣлъ близко и мои таланты, и то значеніе, которое единственно силою ихъ пріобрѣлъ я въ Обществѣ. Предстоящія сношенія съ нимъ не представляли для меня ничего тревожнаго и опаснаго. Полубольной, я отправился къ нему и передалъ ему всю исторію обрушившихся на меня бѣдствій, которую онъ уже частію зналъ, хотя не во всей подробности. Онъ выслушалъ меня съ глубокимъ участіемъ и выразилъ полнѣйшую готовность быть мнѣ полезнымъ, сколько отъ него зависитъ; но также прибавилъ, что тотчасъ нѣтъ возможности получить какое-либо мѣсто, потому что всѣ мѣста заняты и что на первыхъ порахъ надобно причислиться къ департаменту, чтобъ выждать случай къ какому-либо прочному устройству. Мнѣ и это бѣдное предложеніе казалось уже величайшимъ благомъ. Мнѣ болѣе всего было нужно отворить запертую для меня дверь, а тамъ я уже надѣялся на собственныя свои силы. — «Я завтра же переговорю съ графомъ о васъ» — заключилъ Прянишниковъ, и я отправился отъ него, успокоенный мыслію, что судьба протягиваетъ мнѣ ниточку, которая можетъ вытянуть меня изъ нравственной ямы, въ которую роковое недоумѣніе меня ввалило. На другой или на третій день, Прянишниковъ объявилъ мнѣ, что графъ подтвердилъ свое удовольствіе пріобрѣсть меня и очень сожалѣетъ, что «обстоятельства лишаютъ его возможности дать мнѣ тотчасъ назначеніе, соотвѣтственное моимъ способностямъ». Я тотчасъ подалъ просьбу о причисленіи меня къ почтовому департаменту.

Тогда существовалъ такой порядокъ, что всѣ министерства о

всѣхъ назначеніяхъ, опредѣленіяхъ, увольненіяхъ сообщали существовавшему, особо для того, инспекторскому департаменту гражданскаго вѣдомства, который изготовлялъ общіе приказы и подносилъ ихъ къ Высочайшему подписанію. Такъ точно и о моемъ причисленіи сообщено было инспекторскому департаменту, для внесенія въ приказъ. Я сильно боялся, что государь замѣтитъ меня въ приказѣ и снова исключитъ изъ него. На мою бѣду приказъ, съ моимъ причисленіемъ, какъ нарочно, не выходилъ очень долго, и я снова испытывалъ тяжелые дни самыхъ мрачныхъ опасеній; опасенія эти значительно содѣйствовали упорству моей болѣзни, которая безпрерывно возобновлялась и большею частію держала меня въ лихорадочномъ бреду. Наконецъ приказъ вышелъ, и мое причисленіе состоялось. Я былъ радъ несказанно, какъ будто получилъ самое блестящее назначеніе. Изрѣдка только сердце сжималось отъ тоски и сожалѣнія, когда я сравнивалъ это назначеніе съ тѣмъ, какое меня ожидало въ Комитетѣ министровъ. Я долженъ былъ явиться къ графу Адлербергу и благодарить его. Но долго я не могъ исполнить этой церемоніи, потому что, какъ только приготовлюсь ѣхать къ нему,—лихорадочный пароксизмъ снова опрокидывалъ меня въ постель. Наконецъ, представленіе это кое-какъ совершилось, и я сдѣлался членомъ толпы чиновниковъ, причисленныхъ къ почтовому департаменту.

Скоро послѣ моего причисленія, Прянишниковъ спросилъ меня:—«Не желаю ли я помочь департаменту?»—«У насъ накопилось много судныхъ дѣлъ»,—прибавилъ Прянишниковъ,—«и если вы знакомы съ этимъ родомъ дѣятельности, то помощь ваша будетъ имѣть для насъ большую цѣну». Я отвѣчалъ, что буду дѣлать и исполнять все, что дадутъ, и хотя судебными дѣлами никогда не занимался, но зналъ, по многимъ опытамъ, что не Боги же горшки обжигаютъ.

Въ почтовомъ департаментѣ существовало особое, второе, отдѣленіе для разбора судебныхъ дѣлъ по почтовой части, какъ, напримѣръ, грабежъ почтъ, пропажа корреспонденцій, проступки чиновниковъ и т. п. Начальникомъ этого отдѣленія былъ нѣкто Жегочевъ. Кромѣ бездарности, онъ былъ и безпеченъ въ изумительной степени и больше занимался постройкою дома, чѣмъ дѣлами де-

партамента. Строилъ домъ онъ на деньги жены, которая была дочерью нѣкогда довольно извѣстной танцовщицы Телешовой, плѣнявшей публику ролью нѣмой Фенеллы и потомъ исправлявшей должность жены у одного изъ богатыхъ людей Петербурга, Ши—арева. Но Жегочевъ и въ частномъ быту былъ такъ же мудръ, какъ и въ мірѣ дѣловомъ: когда онъ выстроилъ домъ, жена его бросила и домъ у него отняла, такъ что, при всей своей тупости, онъ страшно упалъ духомъ и скоро умеръ. Какъ бы то ни было, когда заявлена была мною готовность на всевозможныя работы по департаменту, у Жегочева потребовали списокъ дѣламъ, лежавшимъ въ его отдѣленіи безъ движенья и, какъ вещь обыкновенную, передали его мнѣ съ правомъ работать и расправляться съ этими дѣлами, какъ умѣю и какъ знаю. Когда я пожелалъ взглянуть на эти дѣла, мнѣ показали необъятное число томовъ, изъ которыхъ они состояли.

Отступать было невозможно. Я запасся всевозможными книгами, относящимися къ разнымъ судебнымъ процедурамъ, и изучилъ какъ ихъ содержаніе, такъ и наши законы по этой части. Предстоящія работы напомнили мнѣ работы моей молодости по части люстраціонной, столь же не знакомыя, столь же сложныя и столь же трудныя. Работы надъ почтовыми судными дѣлами тѣмъ болѣе были отяготительны, что я продолжалъ болѣть и долженъ былъ заниматься въ промежуткахъ между пароксизмами, обливаясь болѣзненнымъ потомъ и падая отъ слабости и дурноты. Между тѣмъ, никакія другія дѣла не требовали столь сосредоточеннаго, глубокаго вниманія, какъ эти дѣла, иногда состоящія изъ десяти, пятнадцати томовъ, наполненныхъ показаніями, постановленіями, вопросными и отвѣтными пунктами. Отъ одного чтенія всей этой массы писаной бумаги, при моемъ болѣзненномъ состояніи, кружилась голова. Между тѣмъ, быстрота, съ которою я началъ расправляться съ этими дѣлами, стала производить эффектъ. Движеніе большихъ томовъ изъ департамента ко мнѣ на квартиру, а отъ меня въ департаментъ производилось безпрерывно. Писцы 2-го отдѣленія были измучены моими записками и докладами. Вице-директоръ едва успѣвалъ читать ихъ; заданный мнѣ урокъ быстро уменьшался, и дѣла, залежавшіяся по нѣсколько лѣтъ, получили

движеніе. Все это не могло не создать мнѣ быстро отличной репутаціи. . . . .

Прежде, нежели я кончилъ эту задачу, мнѣ стали давать другія серьезныя порученія. Одно изъ нихъ польстило значительно моему самолюбію и поставило меня въ личныя отношенія къ самому графу Адлербергу. Въ почтовомъ вѣдомствѣ существуетъ такъ называемый совѣтъ главноначальствующаго, составленный изъ заслуженныхъ и высшихъ лицъ этого вѣдомства. Въ Совѣтѣ полагается правитель дѣлъ въ V классѣ. Но должность эту исполнялъ одинъ изъ членовъ Совѣта, Кожуховъ, бывшій впослѣдствіи московскимъ почтъ-директоромъ. Кожуховъ долженъ былъ уѣхать куда-то на лѣто, и исправленіе должности правителя дѣлъ Совѣта, имѣющаго личный докладъ главноначальствующему, было предоставлено мнѣ. Въ дѣлахъ по Совѣту не было недостатка, и я, составляя журналы, давалъ подписывать ихъ нашимъ немудрымъ членамъ и затѣмъ докладывалъ ихъ графу Адлербергу. Для этихъ докладовъ не было опредѣленнаго дня и, каждый разъ, когда мнѣ нужно было видѣть графа, я письменно испрашивалъ у него назначенія дня и часа, когда ему угодно меня принять. Поразительно точный и безпримѣрно трудолюбивый, графъ не только собственноручно отвѣчалъ мнѣ, но собственноручно надписывалъ пакеты на мое имя. Обремененный двумя министерствами и осаждаемый всевозможными докладами и докладчиками, онъ назначалъ для моихъ докладовъ, большею частью, или очень раннее, или очень позднее время. Мнѣ случалось много разъ докладывать ему зимой въ шестомъ часу утра, при свѣчахъ, когда онъ только-что выходилъ изъ ванны и, слушая мой докладъ, кутался въ теплый шелковый халатъ.

Я не могу вспомнить безъ восторга объ этихъ личныхъ моихъ сношеніяхъ съ графомъ. Что бы тамъ ни говорили, онъ, на мои глаза, всегда былъ образцомъ доброты, благородства и истинно вельможеской вѣжливости. Работалъ онъ изумительнымъ образомъ, и непостижимо было, когда онъ успѣвалъ столько писать и подписывать. Кромѣ того, я положительно, насколько у меня хватаетъ умственной силы, утверждаю, что онъ вовсе не былъ такъ слабъ въ дѣлахъ, какъ многіе это утверждали. Я не говорю о

данныхъ, извлеченныхъ изъ личныхъ моихъ дѣловыхъ съ нимъ сношеній; я видѣлъ и читалъ многія его мнѣнія, исполненныя самаго яснаго взгляда на дѣло и основательныхъ идей. Если же онъ не старался выдаться впередъ—то это, по моему убѣжденію, могло происходить единственно отъ его безпримѣрной деликатности и скромнаго желанія ограничиваться кругомъ тѣхъ дѣлъ, которыя прямо ему подчинены.

Точно также нелѣпо, и даже болѣе, распространенное въ русскомъ мірѣ мнѣніе, что графъ Владиміръ Ѳеодоровичъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ знаменитой Мины Ивановны. Говорили, что она можетъ дать какое угодно мѣсто въ кругу, подвѣдомственномъ графу; говорили, что подрядчикъ Тарасовъ чрезъ нее получалъ всѣ выгодные подряды по почтовому вѣдомству и по вѣдомству министерства Императорскаго двора. Я имѣлъ полную возможность близко узнать почтовый міръ и рѣшительно не знаю ни одного случая, гдѣ бы проявилось то могущественное вліяніе на дѣла и мѣста, которое приписывали этой барынѣ. Впослѣдствіи, когда мнѣ привелось ознакомиться съ театральнымъ міромъ и быть почти въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ директоромъ театровъ, Гедеоновымъ, онъ мнѣ говорилъ, что все вліяніе Мины Ивановны на этотъ міръ ограничивалось единственно какою-нибудь просьбою о принятіи какой-нибудь нѣмки въ одинъ изъ тетральныхъ хоровъ и т. п. Я лично не былъ знакомъ съ Миною Ивановною; но всѣ отзывы, какіе я слышалъ о ней отъ разнородныхъ ея знакомыхъ, рѣшительно были въ ея пользу. Кромѣ того, выйдя изъ самаго низкаго разряда камелій, она и не могла быть приготовлена для того, чтобы играть какую-нибудь существенную роль и отличаться чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ, чѣмъ наряды, экипажи и все, что составляетъ внѣшнюю и, безъ сомнѣнія, самую увлекательную для подобныхъ существъ, сторону. Мнѣ кажется, что графъ, сколько я могъ уловить его свойства и правила, не былъ бы такъ къ ней привязанъ, еслибы она не была, прежде всего, добра и проста, безъ всякихъ затѣй и хитростей. Можно положительно сказать, что онъ скорѣе разорвалъ бы эту связь, чѣмъ позволилъ увлечь себя съ пути чести и благородства, потому что, по глубокому моему убѣжденію, онъ былъ по преимуществу

человѣкъ въ высшей степени благородный. Доказательствомъ такого взгляда можетъ служить то обстоятельство, что, какъ ни старались представить эту связь вредною для государственныхъ дѣлъ, не было ни одного разсказа, ни одного анекдота, ни одного случая, которые доказывали бы, что связь эта дѣйствительно вредна; а въ доказательство, что она не имѣла ничего вреднаго, былъ слѣдующій случай, который разсказывалъ и зналъ весь городъ. Какой-то изъ ловкихъ чиновныхъ промышленниковъ успѣлъ подбиться къ Минѣ Ивановнѣ и, пользуясь ея добротой, страшно надоѣдалъ ей, чтобъ она поговорила въ пользу его графу Адлербергу, что, конечно, она и исполнила. Графъ отвѣчалъ. «Скажи ему, чтобъ пришелъ ко мнѣ». Когда тотъ въ восторгѣ явился, графъ встрѣтилъ его словами:—«Мнѣ говорила о васъ м-мъ Буркова. Я долженъ сказать, что я очень привязанъ къ ней. Но согласитесь, какими глазами я долженъ смотрѣть на васъ, какъ на чиновника, когда вы избираете такіе пути для службы. Извините, я не могу быть вамъ ни въ чемъ полезнымъ».

Такой отзывъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому понятію, какое я себѣ составилъ о графѣ Адлербергѣ. Ни онъ, ни Мина Ивановна не были виноваты въ томъ, что ее окружали многіе такіе же промышленники и однимъ своимъ подлипальствомъ какъ бы подтверждали возможность получать чрезъ нее какія-нибудь блага. Говорили тогда, что въ ея гостиной не рѣдкость встрѣтить того или другаго изъ генералъ-адъютантовъ и другихъ знатныхъ лицъ, для которыхъ и то уже было выгодно, что они могли тамъ встрѣчаться съ однимъ изъ могущественныхъ и близкихъ къ государю людей, и подслуживаньемъ предъ его возлюбленной, пріобрѣсть, по ихъ разсчетамъ, его вниманіе и расположеніе. Петербургскій міръ—міръ борьбы за мѣста, чины, значеніе, борьбы, въ которой не пренебрегаются никакія средства, лишь бы только эти средства вели къ цѣли. Извѣстно было также всему Петербургу, что князь К—й, въ должности гофмаршала, не стыдился водить Мину Ивановну подъ руку по дворцу, когда она являлась туда, по какимъ-нибудь случаямъ, разумѣется, совершенно частнымъ образомъ. Все это не могло не сбивать съ толку добрую и простую женщину, какою была Мина Ивановна.

Также точно такое исключительное положеніе Мины Ивановны, всегда окруженной припѣвающими, не могло не бросить нѣкоторой тѣни и на графа, котораго стали злословить тѣмъ съ большею силою, что у него фамилія нѣмецкая, и слѣдовательно полагали, что русскіе интересы ему совершенно чужды.

Привязанности своей онъ нисколько не скрывалъ. Однажды Мина Ивановна заболѣла холерой. Въ это время театральное дѣло, которое было мнѣ поручено и о которомъ скажу ниже, заставляло меня часто являться къ графу. Случалось часто, что, пріѣхавъ къ нему раннимъ утромъ, я не находилъ уже графа дома, и камердинеръ его, столь многимъ извѣстный «Петръ Ивановичъ», впослѣдствіи какой-то важный господинъ въ составѣ придворной прислуги, прямо, безъ всякой рѣшительно таинственности, начиналъ разсказывать, какъ вещь самую обыкновенную, что графъ, какъ только всталъ, тотчасъ отправился къ Минѣ Ивановнѣ, что болѣзнь ея страшно его тревожитъ, что онъ, въ теченіе дня, нѣсколько разъ самъ тамъ бываетъ и т. п. Гедеоновъ, съ которымъ я видѣлся ежедневно, передавалъ мнѣ всѣ подробности о ходѣ ея болѣзни, которыя ему самъ графъ передавалъ.

Едва-ли нужно говорить, что мои судебныя работы, мои личные доклады графу по дѣламъ Совѣта быстро выдвинули меня впередъ и поставили въ почтовомъ мірѣ на прочную ногу. Нельзя было сомнѣваться, что первая соотвѣтственная вакансія будетъ моя, какое бы число и качество другихъ кандидатовъ ни было. Дѣйствительно, менѣе чѣмъ чрезъ годъ, и именно въ мартѣ 1853 г., открылось мѣсто чиновника особыхъ порученій при главноначальствующемъ, VI класса, которое и предоставлено мнѣ, о чемъ также, по существующему тогда порядку, сообщено инспекторскому департаменту гражданскаго вѣдомства, для внесенія въ Высочайшій приказъ. Но прежде, нежели вышелъ этотъ приказъ, явились еще два обстоятельства, снова смутившія меня въ высшей степени.

Кто не зналъ, кто не помнитъ Политковскаго, этого петербургскаго Монтекристо, какъ его тогда называли? Я былъ знакомъ съ нимъ, такъ сказать, шапочнымъ образомъ. На видъ это былъ небольшой, пузатенькій, черноватый господинъ, не представлявшій

въ своей наружности ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ манеръ, самоувѣренныхъ въ высшей степени. Я зналъ также возлюбленную его, танцовщицу Волкову, которая нисколько не отличалась красотою, но на которой замѣтно отражались роскошныя и неистощимыя средства этого волшебнаго богача. Но тѣ, которые ближе знали обстановку Политковскаго и домашнюю его жизнь, разсказывали просто невѣроятныя вещи о баснословной его роскоши. Послѣ каждаго бала или вечера, которые задавалъ Политковскій, ходили долго толки о чудесахъ, которыми они сопровождались. Несмотря на проявленіе такого поразительнаго богатства, конечно, никто не находилъ забавнымъ останавливаться на соображеніи источниковъ, изъ которыхъ оно идетъ. Большинство думало, что тутъ главную роль играли карты, которыя многимъ доставляютъ обильныя средства, замѣняя имѣнія, мѣста и другія правильныя статьи. Этихъ правильныхъ статей у Политковскаго не было; о его большихъ имѣніяхъ вовсе не было слышно; мѣсто занималъ онъ средней руки и именно: директора канцеляріи въ комитетѣ о раненыхъ, съ обычнымъ содержаніемъ, какое присвоено всѣмъ директорскимъ мѣстамъ и которое въ своихъ предѣлахъ удерживаетъ всякую роскошь. Политковскій долго гремѣлъ своимъ богатствомъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ инвалидномъ капиталѣ оказалось похищеніе нѣсколькихъ милліоновъ, которые Политковскій умѣлъ постепенно забирать и тратить. Политковскій посаженъ въ крѣпость, гдѣ скоро и умеръ, вѣроятно, отравившись. Между стариками-генералами, членами комитета, пошла страшная передряга. Гнѣвъ царя не зналъ предѣловъ. Всѣ министры сильно перетрусили и стали осматриваться, все ли у нихъ цѣло.

Во время этой суматохи графъ Адлербергъ начальствовалъ надъ двумя министерствами: Императорскаго двора и почтовымъ. И въ томъ и въ другомъ министерствѣ совершалось движеніе громадныхъ суммъ. Графъ тоже нашелъ необходимымъ удостовѣриться: все ли у него по этой части въ порядкѣ и цѣлости. Съ этою цѣлію онъ предположилъ учредить изъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ особую коммиссію; въ эту коммиссію графъ зачислилъ и меня, называя уже меня своимъ чиновникомъ порученій, хотя Вы-

сочайшаго приказа объ этомъ еще не послѣдовало. Кожухову, о которомъ я выше говорилъ, приказано было составить всеподданнѣйшій докладъ по этому предмету.

Какъ ни лестно было для меня такое предназначеніе, однакоже, я тотчасъ сообразилъ, что оно можетъ повесть и къ гибельнымъ для меня послѣдствіямъ. Если государь, думалъ я, читая докладъ графа, остановится на моемъ имени и, возжелавъ до конца остаться упорнымъ въ своемъ заблужденіи, вычеркнетъ меня изъ состава коммиссіи, тогда можетъ не состояться и мое назначеніе чиновникомъ порученій, ибо, по тѣмъ же самымъ вліяніямъ, Его Величество исключитъ меня и изъ Высочайшаго приказа. Моментъ былъ важный, и опасность предстояла громаднѣйшихъ размѣровъ. Я рѣшился тотчасъ передать всѣ мои соображенія и опасенія доброму и благородному Прянишникову и просилъ его участія. Онъ зналъ всю предъидущую исторію и, какъ человѣкъ сердечный, истинно сочувствовалъ несчастію, мною не заслуженному. Понятно, что и въ этотъ моментъ онъ ни минуты не задумался стать на мою защиту. Для того, чтобы сильнѣе вооружить его въ предстоящей борьбѣ, я показалъ ему всѣ тѣ письма герцога Лейхтенбергскаго, графа Орлова, князя Одоевскаго и пр., о которыхъ я говорилъ выше и въ которыхъ личность моя выставлялась самымъ выгоднымъ для меня образомъ. — «Прекрасно»,—сказалъ Прянишниковъ,— «дайте мнѣ эти письма. Я пошлю ихъ графу и напишу ему слѣдующее: «При завтрашнемъ докладѣ вашего сіятельства, государь, по всей вѣроятности, обратитъ вниманіе на имя господина Инсарскаго. Если бы Его Величество самъ не остановился на немъ, то не угодно ли вашему сіятельству обратить на господина Инсарскаго Высочайшее вниманіе, исторія гибельнаго для него недоумѣнія вашему сіятельству вполнѣ извѣстна. Вотъ уже годъ, какъ онъ служитъ съ нами. Ваше сіятельство лично убѣдились въ его способностяхъ, какъ чиновника, и въ его достоинствахъ, какъ человѣка. Ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, признаете справедливымъ исправить предъ лицемъ государя испорченное его положеніе и дать для государственной службы отличнаго дѣятеля. Прилагаю письма и т. п.» «Я вполнѣ убѣжденъ»,—прибавилъ Прянишниковъ,— «что нашъ добрый и благородный графъ не затруднится высказать государю

всю истину и, быть можетъ, лишенія, которыя вы потерпѣли, принесутъ хорошіе плоды».

Я отдалъ Прянишникову письма и погрузился въ ожиданіе, чѣмъ разрѣшится и этотъ замѣчательный въ моей жизни моментъ. Понятно, что напуганный и разбитый предъидущими событіями, я пересталъ уже предаваться радостнымъ надеждамъ и съ этимъ ожиданіемъ связывалъ мысли, болѣе мрачныя, чѣмъ утѣшительныя. Такъ прошло дня два или три, въ теченіе которыхъ я постоянно и мучительно ждалъ роковаго извѣстія или отъ Кожухова, который послалъ графу проектъ всеподданнѣйшаго доклада о составленіи ревизіонной коммиссіи, или отъ Прянишникова, который отправилъ графу письмо, о которомъ я только-что говорилъ.

Первое извѣстіе получено было мною отъ Кожухова. Извѣстіе это было радостно: онъ увѣдомлялъ, что государь утвердилъ докладъ объ образованіи ревизіонной коммиссіи, къ составу которой и я принадлежалъ. Вслѣдъ затѣмъ, возникли мои объясненія съ Прянишниковымъ, въ которыхъ для меня было много таинственнаго и непонятнаго. Вотъ двѣ записки его, къ этому періоду относящіяся: «23-го февраля 1853 года. Не хотите ли, любезнѣйшій Василій Антоновичъ, отобѣдать у меня запросто сегодня, въ понедѣльникъ, въ 4 часа. При этомъ свиданіи и переговоримъ кое о чемъ». Другое безъ числа: «Повидайтесь со мною въ теченіе сего утра, какъ вамъ будетъ удобнѣе. Нужно молвить слово». Первыя слова, сказанныя мнѣ Прянишниковымъ при нашемъ свиданіи, были: «Слава Богу! Графъ все объяснилъ государю. Государь сказалъ: «Хорошо! я тебѣ вѣрю, только удостовѣрся самымъ точнымъ образомъ: завѣдывалъ онъ или нѣтъ дѣлами графини Тизенгаузенъ?» Поэтому—продолжалъ Прянишниковъ,—прошу васъ отвѣчать мнѣ со всею искренностью и положительностью на этотъ вопросъ, потому что вашъ отвѣтъ пойдетъ прямо государю».—«Никогда и никакими»,—отвѣчалъ я.—«Прекрасно»,—сказалъ Прянишниковъ,—«потрудитесь написать это». Я сѣлъ къ письменному столу и тутъ же написалъ: «на предложенный мнѣ вопросъ о томъ: завѣдывалъ ли я дѣлами графини Тизенгаузенъ—отвѣтствую, что никакими дѣлами графини Тизенгаузенъ я никогда не завѣдывалъ».

Что именно сдѣлалъ Прянишниковъ съ этимъ оригинальнымъ

письменнымъ моимъ отвѣтомъ, я положительно не знаю; но вслѣдъ затѣмъ я получилъ отъ него слѣдующую записку: «Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ проситъ васъ пожаловать къ нему завтра, въ воскресенье, 15-го марта, къ половинѣ 11-го во дворецъ, въ кабинетъ его, находящійся въ квартирѣ покойнаго министра двора. Подъѣздъ съ Дворцовой набережной».

Кто бы, позволяю я себѣ спросить каждаго изъ моихъ читателей, на моемъ мѣстѣ, не предался самымъ разнороднымъ соображеніямъ по вопросу: что̀ бы могло значить требованіе меня во дворецъ? Я зналъ, во-первыхъ, что графъ ежедневно докладываетъ государю въ 12 часовъ, слѣдовательно, я не могъ не придать значенія тому обстоятельству, что меня требуютъ прежде, а не послѣ доклада, изъ чего я заключалъ, что свиданіе графа со мною требуется по обстоятельствамъ, относящимся къ докладу. Потомъ я думалъ: недоумѣніе, которое подавляло меня, разсѣялось, и государь узналъ всю истину; единственный вопросъ объ отношеніяхъ моихъ къ графинѣ Тизенгаузенъ, который оставался въ сомнѣніяхъ государя, разрѣшенъ и объясненъ самымъ блистательнымъ образомъ. Для чего же, соображалъ я, требуетъ меня графъ, и не къ себѣ на квартиру, какъ всегда было прежде, а именно во дворецъ? Ужели для того, чтобы казнить? Не можетъ быть. Послѣ предъидущихъ объясненій и разъясненій, словесныхъ и письменныхъ, которыя озарили мою личность предъ лицемъ государя самымъ благодатнымъ свѣтомъ, требованіе это, думалъ я, должно принять за благовѣщаніе радостей, царскихъ милостей и великолѣпнаго возмездія за претерпѣнныя неправедно лишенія. Путемъ этихъ соображеній я пришелъ къ тому заключенію, что государь, въ которомъ такъ много было рыцарскаго, познавъ истину, возжелалъ меня лично видѣть, назначить меня министромъ и дать мнѣ, на первый разъ, Андрея или что-нибудь въ этомъ родѣ. Конецъ-концовъ былъ тотъ, что, подъ вліяніемъ самыхъ отрадныхъ впечатлѣній и надеждъ, я явился въ назначенный часъ во дворецъ и ждалъ торжества добродѣтели. Но, увы! намъ часто приходится разставаться съ своими розовыми мечтами и, при сличеніи ихъ съ дѣйствительностью, краснѣть, что мы могли признавать вѣроятнымъ то, что въ сущности оказывалось нелѣпостью самыхъ громаднѣйшихъ размѣровъ.

Милый и добрый графъ Адлербергъ пригласилъ меня въ кабинетъ и началъ словами: «У меня къ вамъ просьба. На театральное управленіе поступилъ доносъ. Вы у насъ считаетесь знатокомъ слѣдственныхъ дѣлъ, и кромѣ васъ я не имѣю никого, кому бы могъ поручить произвести слѣдствіе по этому доносу. Ревизіонная коммиссія не пострадаетъ, если я васъ возьму изъ ея состава, и вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, если займетесь этимъ важнымъ дѣломъ». Я, разумѣется, изъявилъ полную готовность дѣлать все, что ему угодно, и тутъ же прибавилъ: «По закону есть формальныя слѣдствія и простыя дознанія. Поэтому мнѣ необходимо указаніе вашего сіятельства: долженъ ли я производить формальное слѣдствіе, въ которомъ есть много стѣснительныхъ и непріятныхъ формальностей для всѣхъ личностей, имѣющихъ отношеніе къ вопросу, или только ограничиться дознаніемъ, такъ сказать, предварительнымъ и домашнимъ слѣдствіемъ?» — «Формальное, формальное!» — рѣшительно сказалъ графъ, не сознавая ясно, какъ послѣдствія показали, что это за штука, называемая формальнымъ слѣдствіемъ.

Затѣмъ, видя, что графъ ничего не говоритъ объ отношеніяхъ моихъ къ государю и что, видимо, ускользаютъ отъ меня и мѣсто министра и Андреевская цѣпь, я началъ самъ: — «Ваше сіятельство! по волѣ государя мнѣ предложенъ былъ вопросъ: занимался ли я дѣлами графини Тизенгаузенъ...» — «Да, да, — перебилъ меня графъ, — теперь все объяснилось; государю все уже извѣстно. Это было простое недоразумѣніе». Съ этими словами графъ подалъ мнѣ руку, и мы разстались. Прорѣзывая толпу, ожидающую въ пріемной графа, я смутно понималъ, что судьба и здѣсь зло подшутила надо мною и, посуливъ мнѣ страшныя блага, надѣлила только слѣдственнымъ дѣломъ по театрамъ и потому самымъ сложнымъ и непріятнымъ.

Но прежде, нежели я перейду къ моимъ подвигамъ по этой части, считаю нелишнимъ привесть здѣсь совокупность моихъ соображеній, которымъ я долго и упорно предавался, для разъясненія того обстоятельства: изъ чего могъ возникнуть вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ графинѣ Тизенгаузенъ? Эту могущественную при дворѣ грѣшницу я зналъ лично, точно такъ же, какъ и она меня знала. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, бывшихъ въ

нашемъ благотворительномъ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ, какъ, напримѣръ, при открытіи заведеній, молебствіяхъ и т. п., я видѣлъ ее постоянно въ числѣ нашихъ благотворительныхъ дамъ и много разъ говорилъ съ нею. Казалось, что она очень благосклонно встрѣчалась со мною, что было тѣмъ естественнѣе, что молодая Опочинина, которую я выбралъ попечительницей семейной квартиры, и съ которою я былъ въ ближайшихъ по этому заведенію и очень милыхъ сношеніяхъ, была, въ то же время, другомъ или родственницею графини Тизенгаузенъ. Но никакими дѣлами графини я никогда не завѣдывалъ и понятія не имѣлъ, были ли у нея какія-либо дѣла, да и какія дѣла могли быть у этой старой дѣвы? Откуда же могло явиться понятіе о моемъ завѣдываніи ея дѣлами и понятіе, очевидно, для меня враждебное?

Эта таинственная задача можетъ быть объяснена, по моимъ соображеніямъ, только слѣдующимъ образомъ. Я выше сказалъ уже, что самовластная и капризная графиня, когда была выбрана въ попечительницы одного изъ нашихъ женскихъ благотворительныхъ заведеній, стала придумывать различныя затѣи, изъ которыхъ, конечно, нѣкоторыя требовали утвержденія распорядительнаго собранія Общества. Гибкій князь М. К., который былъ дѣйствующимъ лицомъ въ Комитетѣ, завѣдующемъ этимъ заведеніемъ, принималъ эти затѣи съ благоговѣніемъ и, конечно, не находилъ разсчетовъ представлять этой избалованной барынѣ, что многія изъ ея затѣй или не совсѣмъ умѣстны сами по себѣ, или несообразны съ цѣлью заведенія или, наконецъ, не соразмѣрны съ средствами Общества. Когда предположенія графини, принадлежащія къ этому разряду, отвергались, князь, безъ сомнѣнія, валилъ эти неудачи на распорядительное собраніе, съ замѣтками о его неуваженіи къ попечительницѣ, вредномъ направленіи и т. п. Ничтожный среди этого собранія и подавляемый умственнымъ превосходствомъ людей, сильныхъ не знатными именами, но благородствомъ и чистотою убѣжденій, онъ, весьма естественно, не избѣгалъ случая пустить въ это ненавистное для него учрежденіе камнемъ изъ-за угла. Еще болѣе естественно, что знатная барыня, раздражаемая отказами въ ея предположеніяхъ, пожелала узнать, что это за звѣрь распорядительное собраніе, дерзающій ослушаться ея воли, и что за личности сидятъ тамъ, такъ мало заботящіяся о своихъ голо-

вахъ? Я уже говорилъ, что я и Хрущовъ стояли постоянно во главѣ распорядительнаго собранія, и, конечно, на меня съ нимъ обрушились главнѣйше благонамѣренныя указанія К. Можно думать, что, находясь постоянно при старой императрицѣ, графиня передавала ей свою дѣятельность на благотворительномъ поприщѣ, свои затѣи и свои неудачи, и тутъ-то, по всей вѣроятности, выдвинулось мое имя, и отъ императрицы перешло въ уши государю. Съ такою же вѣроятностію можно думать, что самъ государь, всегда подозрительно смотрѣвшій на наше Общество, разспрашивалъ графиню, что тамъ дѣлается, кѣмъ оно ведется, кто наиболѣе вліятельные люди и т. п. При этихъ разспросахъ и отвѣтахъ мое имя также могло быть произнесено предъ государемъ и запасть, такъ сказать, въ его память. Съ теченіемъ времени государь могъ забыть подробности и помнить только мое имя въ соотношеніи съ именемъ графини Тизенгаузенъ. Отсюда и могъ собственно зародиться Высочайшій вопросъ: не завѣдывалъ ли я дѣлами графини Тизенгаузенъ?

Вотъ все, на чемъ я могъ остановиться въ моихъ размышленіяхъ надъ этимъ вопросомъ. Еслибъ изложенное здѣсь объясненіе признано было неудовлетворительнымъ, то мнѣ остается сказать, что никакого другаго объясненія я представить не могу, такъ какъ съ графиней никакихъ особенныхъ отношеній, ни дружелюбныхъ, ни враждебныхъ, я не имѣлъ и, какъ выше сказалъ, дѣлами ея никогда не завѣдывалъ. Въ заключеніе нельзя не обратить вниманіе на то поучительное обстоятельство, что часто судьба, невидимо для насъ, снуетъ козни, которыхъ не только провидѣть и предупредить, но даже невозможно объяснить и тогда, когда онѣ уже обнаружились и произвели свое дѣйствіе. Скорѣе можно было ожидать, что китайскій императоръ замышляетъ напакостить какому-нибудь Излеру, чѣмъ предполагать, что такой страшный вредъ сдѣланъ будетъ мнѣ достопочтенной графиней Тизенгаузенъ...

Что касается до писемъ герцога Лейхтенбергскаго, графа Орлова и др., которыя я передалъ Прянишникову, и которыя отъ него перешли къ графу Адлербергу, то они ко мнѣ, какъ я и выше говорилъ, не возвратились. Исполненный великой радости, что мнѣ удалось таки снова пробиться въ службу, я, на первыхъ порахъ, не обращалъ на это обстоятельство никакого вниманія, такъ

какъ главная моя цѣль была достигнута, и письма эти сдѣлали свое дѣло. Впослѣдствіи, хотя мнѣ не разъ приходило въ голову, что документы эти были не безъинтересны для моихъ дѣтей, но мнѣ было какъ-то совѣстно начинать объ этомъ переговоры съ Прянишниковымъ. Сдѣлавъ такъ много для моей судьбы, онъ могъ принять это за пустую претензію съ оттѣнкомъ неблагодарности. Къ тому же и наши отношенія скоро послѣ того сдѣлались болѣе рѣдкими. Сначала онъ оставилъ почтовое вѣдомство вслѣдствіе назначенія его членомъ Государственнаго Совѣта, потомъ я перешелъ на Кавказъ. Спустя много лѣтъ, водворившись снова въ Петербургѣ и задумавъ писать свои записки, я не могъ не признать, что письма эти могли бы занять весьма лестныя для меня страницы, и хотя часто видѣлся съ Прянишниковымъ, обѣдая у него почти каждое воскресенье, но все-таки не рѣшался обратиться лично къ нему съ вопросами по этой части. Коммиссію эту я возложилъ на молодаго человѣка, племянника того Кожухова, о которомъ я упоминалъ выше, бывшаго при Прянишниковѣ чѣмъ-то въ родѣ секретаря, пригласивъ его дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и деликатнѣе. Вотъ письменный его отвѣтъ: 6-го марта 1864 г. «Поспѣшаю извѣстить ваше превосходительство, что Ѳедоръ Ивановичъ, сохранивъ совершенно ясно въ памяти дѣло о поступленіи вашемъ въ почтовое вѣдомство и о назначеніи васъ членомъ въ ревизіонную коммиссію, утратилъ воспоминаніе о письмахъ, которыя васъ интересуютъ. Онъ хорошо знаетъ, что писемъ этихъ въ его бумагахъ не имѣется, а полагаетъ, что самое лучшее было бы спросить о нихъ у графа Владиміра Ѳедоровича, который, по всему вѣроятію, можетъ указать направленіе, которое онъ имъ далъ».

Подобный совѣтъ легко дать, но нельзя исполнить. Прямо спрашивать графа: не помнитъ ли онъ, чрезъ десять лѣтъ и въ милліонахъ бумагъ, чрезъ его руки проходившихъ, нужныхъ для меня писемъ, было бы въ высшей степени нелѣпо; пріискивать другіе пути, которыми можно было бы произвести подобные разспросы, и скучно и трудно, а, главное, тоже, вѣроятно, безполезно, потому что и графъ, какъ онъ ни стремился изображать изъ себя молодца и волокиту, въ разрядахъ стариковъ, стоитъ не далеко отъ Прянишникова...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА III [1]).

Положеніе Болгарскаго вопроса передъ войною 1877—1878 г.—Взглядъ князя Черкаскаго на восточный вопросъ вообще и болгарскій въ частности.—Планъ дѣйствій гражданскаго управленія за Дунаемъ.

Состоявшееся назначеніе князя Черкаскаго на должность завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею и утвержденіе не только основаній для дѣятельности гражданскаго управленія, но и особой инструкціи самому князю Черкаскому, мало подвинули дѣло ознакомленія его со взглядами правительства на восточный вопросъ вообще и болгарскій въ частности.

Вообще, пребываніе его въ Петербургѣ и сношенія съ лицами высшихъ правительственныхъ сферъ не разъяснили ничего и именно потому, что плана войны и точнаго опредѣленія ея цѣлей еще не было и не могло быть формулировано, такъ какъ соображенія относительно болгарскаго вопроса въ частности еще только дебатиро-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1895 года.

вались и не въ Петербургѣ, а въ Константинополѣ, гдѣ въ то время готовились къ открытію — предшествовавшихъ конференціи — совѣщаній пословъ шести великихъ державъ.

Выше, въ первой главѣ настоящаго сочиненія, говоря о запискѣ князя Черкаскаго, составленной имъ въ Москвѣ 31-го октября 1876 г., вскользь было упомянуто, что восточный вопросъ не былъ для него новымъ, и что онъ имъ занимался уже въ прежнее время.

Принадлежа къ кружку славянофиловъ, онъ не могъ оставить этотъ вопросъ безъ особаго изученія и дѣйствительно посвятилъ ему нѣсколько весьма замѣчательныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1856, 57 и 58 годовъ [1]). Статьями этими почти исчерпывается все напечатанное княземъ Черкаскимъ, и онѣ наглядным образомъ свидѣтельствуютъ о его блестящихъ публицистическихъ дарованіяхъ.

Такимъ образомъ, призванный подъ конецъ своей жизни къ совершенно новой дѣятельности, князь Черкаскій оказался достаточно къ ней подготовленнымъ и категорически уже высказавшимъ свое мнѣніе о восточномъ вопросѣ.

Разумѣя подъ восточнымъ или турецкимъ вопросомъ «борьбу Россіи и Запада на почвѣ православнаго греко-славянскаго міра», князь Черкаскій придавалъ ему громадное для Россіи значеніе.

«Турецкій вопросъ, говорилъ онъ [2]), заключаетъ въ себѣ нынѣ и сосредоточиваетъ въ себѣ, какъ въ одномъ общемъ фокусѣ, все живое содержаніе всей всемірной политики. На этой почвѣ должны, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, получить себѣ разрѣшеніе почти всѣ затрудненія, нынѣ волнующія Европу или временно затаенныя въ ней: будущность Греціи, славянскихъ племенъ, Турціи и народовъ румынскихъ, участь Австріи и связанныя съ нею судьба Италіи и будущее устройство Германіи, союзъ Россіи съ Франціей, Египетъ, Суэцкій перешеекъ и владычество на Средиземномъ морѣ, преобладаніе Англіи или постепенное низведеніе ея къ

[1]) Статьи эти были помѣщены въ книгѣ «Князь В. А Черкаскій, его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ». Москва 1879 г.

[2]) «Два слова по поводу восточнаго вопроса», тамъ же, стр. 209—247.

болѣе второстепенной роли; наконецъ, скорое возрожденіе множества нынѣ кажущихся успокоенному человѣчеству порѣшенными религіозныхъ вопросовъ,—вотъ отдѣльные члены этой всемірной задачи, подвергающей весь политическій міръ столькимъ мучительнымъ испытаніямъ».

Какъ бы подготовляя его къ предстоявшей ему дѣятельности въ Болгаріи, судьба познакомила его въ 1875 году съ Чернымъ моремъ, Царьградомъ и Босфоромъ. Возвращаясь изъ-за границы, князь Черкаскій весною 1875 г. обогнулъ моремъ Балканскій полуостровъ и посѣтилъ Царьградъ.

Громадное значеніе предпринимаемаго Россіей шага, важность предстоящей ему лично работы обнадеживали его, что теперь онъ пріобщится къ этому великому дѣлу и самъ станетъ живымъ участникомъ, если не однимъ изъ главныхъ двигателей событій, долженствующихъ привести къ развязкѣ жизненнаго для Россіи вопроса. Съ надеждами ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ тогдашней политики, со взглядами, намѣреніями и предрѣшенными способами дѣйствій правительства; съ готовностью посвятить дѣлу всѣ свои способности—онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ ожидало его горькое разочарованіе. Онъ не попалъ въ заколдованный кругъ, правящій судьбами Россіи; его не посвятили въ тайны политики; онъ сталъ забытымъ и какъ бы заброшеннымъ.

Ударъ его самолюбію, а еще болѣе патріотизму былъ великъ. Но онъ не сломилъ его силъ и не заставилъ сложить руки и молчаливо ожидать грядущихъ событій... Не получая откровеній по занимавшему его дѣлу, онъ самъ рѣшился высказать свое мнѣніе, которое могло быть худо или хорошо, но, во всякомъ случаѣ, должно было явиться ясно опредѣленнымъ, точно формулированнымъ.

Не зная плановъ и предположеній правительства, а потому не имѣя возможности поддерживать или опровергать тѣ или другія основанія нашей политики въ данномъ случаѣ и видя, что въ неудавшемся дипломатическомъ походѣ, разыгранномъ въ Константинополѣ, Россія дѣйствовала не самостоятельно и не независимо, а какъ членъ европейскаго концерта, которому не было никакого дѣла до интересовъ Россіи, князь Черкаскій задумалъ высказать общій свой взглядъ на восточный вопросъ и изложилъ его въ особой за-

пискѣ, оконченной уже послѣ объявленія войны и поданной въ Плоэштахъ, до перехода нашей арміи за Дунай.

Вѣрный своимъ прежнимъ положеніямъ, что Россія должна имѣть ясную, положительную программу своихъ дѣйствій на Востокѣ, князь Черкаскій началъ свою записку именно тѣмъ, что признаетъ необходимымъ дѣйствовать смѣло, твердо, не скрывая своихъ намѣреній отъ политическихъ враговъ и отнимая у нихъ возможность то считать насъ слабыми и неспособными, то заподозрѣвать въ какихъ-то своекорыстныхъ стремленіяхъ оттянуть справедливое для нихъ рѣшеніе восточнаго вопроса съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, при удобномъ случаѣ, захватить себѣ все.

Европа только тогда начнетъ понимать насъ, когда въ каждомъ нашемъ словѣ, въ каждомъ шагѣ будетъ видѣть непоколебимую твердость и рѣшимость; ясно-разумно поставленную цѣль, согласную съ нашими интересами, и справедливое, вполнѣ безпристрастное отношеніе къ общеевропейскимъ интересамъ. Дѣйствовать нерѣшительно, оставаться при мнѣніи, что восточный вопросъ еще не созрѣлъ, что его можно замазать—было бы неблагоразумнымъ; такими дѣйствіями мы ни въ комъ не вызовемъ себѣ сочувствія, не найдемъ себѣ союзниковъ, напротивъ, все и вся будетъ противъ насъ.

Первый и самый важный интересъ Россіи и всей Европы состоитъ въ томъ, чтобы восточный вопросъ былъ окончательно рѣшенъ, т. е. чтобы Россія получила наконецъ на юго-западѣ тѣ границы, которыя вполнѣ бы обезпечили дальнѣйшее ея политическое и экономическое развитіе.

При рѣшеніи этой вѣковой задачи, интересы Россіи сталкиваются съ европейскими, главнымъ образомъ, въ трехъ только пунктахъ, по вопросамъ: о проливахъ, Константинополѣ и судьбѣ Балканскаго христіанскаго населенія.

Рѣшеніе вопроса о проливахъ князь Черкаскій считалъ краеугольнымъ камнемъ упраздненія восточнаго вопроса и полагалъ, что въ этомъ отношеніи мы должны быть особенно крѣпки и можемъ согласиться на предоставленіе Англіи всякихъ гарантій, какихъ бы она ни потребовала, лишь бы добиться возможно благопріятнаго для насъ рѣшенія о проливахъ. Выставляемые обыкновенно англійскою дипломатіей аргументы, что съ Босфоромъ и Дар-

данеллами связаны самые существенные интересы Англіи и ея торговли съ Индіей, нисколько не были на его взглядъ убѣдительными. Онъ не думалъ, чтобы въ самой Англіи былъ хотя одинъ здравомыслящій человѣкъ, который серьезно и чистосердечно вѣрилъ бы такимъ опасеніямъ дипломатовъ. И, въ самомъ дѣлѣ, торговые интересы Англіи на Черномъ морѣ не превышаютъ интересовъ другихъ европейскихъ державъ. Путь же черезъ Суэцъ въ Индію лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ проливовъ. Очевидно, что подъ выдвигаемыми впередъ опасеніями у Англіи въ дѣйствительности кроется смертельный страхъ—какъ бы, чрезъ захватъ проливовъ, Россія не сдѣлалась совершенно неуязвимой для англійскаго оружія и, ускользнувъ изъ-подъ его угрозы, не добралась бы безнаказанно до Индіи чрезъ Среднюю Азію.

Для того, чтобы разсѣять этотъ страхъ, мы можемъ предлагать Англіи какія угодно гарантіи: если хочетъ—можемъ дозволить ей захватить Суэцъ, присоединить Авганистанъ и всю памирскую возвышенность, обѣщая, что, съ своей стороны, 10, 20, 30 лѣтъ, мы не сдѣлаемъ въ Азію впередъ ни шагу,—но за то въ проливахъ должно стоять твердо на благопріятнѣйшемъ для насъ рѣшеніи.

«При рѣшеніи вопроса о проливахъ можетъ представиться три исхода:

«Первый—это тотъ, чтобы устье Босфора было въ нашей власти, а выходъ изъ Дарданеллъ былъ для всѣхъ свободенъ.

«Второй, чтобы устье Босфора было наше, а входъ въ Дарданеллы достался англичанамъ, или былъ занятъ иностраннымъ гарнизономъ.

и «третій, чтобы оба пролива были совершенно свободны, чтобы на нихъ не было никакихъ укрѣпленій и чтобы они были всегда и одинаково открыты какъ для торговыхъ, такъ и для военныхъ судовъ.

«Такъ какъ Босфоръ составляетъ входную, внутреннюю, а Дарданелы—выходную, внѣшнюю дверь нашихъ владѣній, то очевидно, что первый исходъ наиболѣе для насъ выгоденъ. Онъ дѣлаетъ насъ неуязвимыми въ оборонѣ и сохраняетъ, въ то же время, за нами свободу наступленія. Владѣя устьемъ Босфора (а для этого достаточно имѣть хотя небольшой его уголъ на европейскомъ берегу), мы будемъ спокойны за весь Югъ Россіи и не будемъ вынуждены тратиться на развитіе громаднаго военнаго флота, ибо нѣсколько большихъ пушекъ на твердой землѣ, усиливаемыя въ случаѣ войны торпедными загражденіями, могутъ противустоять какимъ угодно флотамъ. А такъ какъ весь сѣверъ Россіи большую часть года обезпеченъ самою природою, а со стороны сухопутной къ западной границѣ, располагая ста милліоннымъ населеніемъ, мы всегда можемъ быть достаточно сильны, то подобное рѣшеніе вопроса, дѣйствительно, явится величайшимъ благодѣяніемъ для Россіи, отстранитъ многія войны и на вѣки упрочитъ ея судьбы.

«Второй исходъ менѣе выгоденъ, но тоже очень хорошъ. Онъ лишаетъ насъ свободы наступленія, но все-таки сохраняетъ за нами неоцѣненное пре-

имущество обезпеченной обороны. Напрасно думать, что, отдавая англичанамъ, или вообще иностраннымъ державамъ, Дарданеллы, мы нанесемъ себѣ важный вредъ. Въ мирное время наша торговля будетъ, во всякомъ случаѣ, свободна. Въ военное же, запрещеніе нашему флоту выходить въ Средиземное море будетъ только фиктивнымъ. И безъ Дарданельскихъ укрѣпленій, мы все равно не въ состояніи будемъ отваживаться на открытую борьбу съ англійскимъ флотомъ. Сухопутныя пушки тутъ ничего англичанамъ не прибавятъ, и мы тѣмъ смѣлѣе можемъ идти на подобную уступку, что, безвредная для насъ, она скорѣе способна вооружить противъ Англіи всю остальную Европу.

«Затѣмъ третій исходъ, можно сказать, ничего намъ не приноситъ; въ немъ даже больше неудобствъ для насъ, чѣмъ выгодъ. Конечно, свобода проливовъ согласуется съ общеевропейскимъ направленіемъ. На всякое стѣсненіе мореплаванія прогрессивные люди смотрятъ, какъ на принципъ, которому суждено неминуемо пасть. Но это справедливо лишь съ фискальной точки зрѣнія; торговля дѣйствительно должна быть свободна отъ проходныхъ пошлинъ. Въ смыслѣ же обороны государства, дѣло представляется совершенно иначе. Какая намъ польза, что проливы станутъ для всѣхъ открытыми? Если бы мы могли разсчитывать, хотя когда-нибудь, развить свой военный флотъ до высоты англійскаго и французскаго, тогда добытое настоящей войной право, конечно, имѣло бы для насъ свою цѣну. Но подобные разсчеты—химера. Въ дѣйствительности, мы торжественно, и въ головѣ всѣхъ, проведемъ изъ Средиземнаго моря въ Черное лишь крошечную эскадру въ 5—6 судовъ, но за то, на ихъ же хвостѣ, откроемъ путь десяткамъ самыхъ сильныхъ непріятельскихъ судовъ.

«Подобное рѣшеніе втянетъ Россію только въ громадное разореніе на развитіе ея морскихъ силъ, и въ случаѣ войны, снова повергнетъ весь нашъ югъ въ бѣдствіе и волненіе.

«Неужели намъ выгодно, чтобы осенью, когда всѣ наши порты переполнены хлѣбомъ, льнянымъ сѣменемъ и проч. продуктами; когда въ нихъ грузится масса судовъ, вдругъ пришелъ непріятель и разомъ уничтожилъ трудъ и богатство всего южнаго нашего населенія? Неужели намъ выгодно, чтобъ непріятельской морской силѣ вѣчно была открыта возможность производить высадки на наши черноморскіе берега, мутить татаръ и горцевъ, подвозить имъ оружіе и фанатиковъ предводителей и ставить все еще на карту владычество наше въ Крыму и на Кавказѣ?

«Пусть лучше проливы остаются за турками. До нихъ мы можемъ еще добраться, тогда какъ противъ Европы будемъ совершенно безсильны. Разъ будетъ снятъ барьеръ, мы уже ничѣмъ не выкуримъ изъ Чернаго моря англійскаго флота. Его суда будутъ вѣчно, по адмиралтейскому росписанію, занимать извѣстныя стоянки (въ Варнѣ, Синопѣ, Трапезунтѣ, Батумѣ, пожалуй еще въ Севастополѣ), каждый нашъ шагъ будетъ ими контролируемъ, изъ-за каждой мелочи можетъ возникнуть дерзкій запросъ, и намъ придется или во всемъ уступать Англіи, или жить въ вѣчномъ страхѣ войны съ нею.

«Теперь мы успѣли оградить свои порты торпедами. Но въ будущемъ, въ виду постоянно вращающихся непріятельскихъ судовъ, это окажется затруднительнымъ. Насъ могутъ атаковать совершенно внезапно и въ любую минуту смести все.

«Такимъ образомъ, третья комбинація оказывается не только нежелательной, но положительно вредной. Надо положительно бить на первыя двѣ. Если

же и онѣ окажутся недостижимыми и придется сохранить проливы за турками, слѣдуетъ попытаться, нельзя ли основать оборону Босфора на смѣшанномъ русско-турецкомъ гарнизонѣ. Это устроило бы вѣчный миръ между нами и турками и было бы лишь повтореніемъ, но въ болѣе серьезной и ненарушимой формѣ Хункіаръ-эскелесскаго договора (1833 г.).

Допуская, что, во время предстоявшей войны, Константинополь можетъ служить намъ стратегическою цѣлью дѣйствій и что, быть можетъ, намъ придется овладѣть имъ, если не будетъ другаго средства принудить противника къ миру, князь Черкаскій полагалъ, что обладаніе Константинополемъ для насъ ненужно, и что Европѣ можно дать всѣ гарантіи тому, что мы ни за что не останемся въ этомъ городѣ. Съ этою цѣлью можно бы было даже согласиться на временное занятіе города флотами иностранныхъ державъ, лишь бы въ него не свозили сухопутнаго дессанта и онъ не былъ занятъ флотомъ какой-либо одной державы.

За симъ на вопросъ: оставить ли Константинополь за турками или быть ему вольнымъ городомъ? онъ категорически отвѣчалъ, что «въ интересахъ Россіи и всей Европы выгоднѣе, чтобы Константинополь былъ вольнымъ городомъ».

Подобное рѣшеніе навсегда закончило бы восточный вопросъ, тогда какъ при турецкомъ господствѣ восточная хроническая болѣзнь все еще будетъ продолжаться и при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть для насъ и Европы самые невыгодные и бѣдственные повороты.

Обычныя возраженія, что вольный Константинополь безусловно подчинится англійскому вліянію и сдѣлается притономъ для всѣхъ революціонеровъ, для всесвѣтной интернаціоналки, не пугали князя Черкаскаго, такъ какъ англійское вліяніе будетъ вполнѣ достаточно уравновѣшиваться вліяніемъ прочихъ торговыхъ націй, въ особенности греками, итальянцами, французами и австрійцами, а для революціонеровъ и интернаціоналки тамъ нѣтъ удобной почвы. Дѣйствительно, Константинополь слишкомъ удаленъ отъ всѣхъ интеллигентныхъ рабочихъ и фабричныхъ мѣстностей Европы, чтобы привлекать къ себѣ агитаторовъ. Это торговый, спекулятивный городъ, а не промышленный. Кругомъ агитатора — здѣсь совершенная пустыня — ни заводскихъ, фабричныхъ рабочихъ, жаждущихъ борьбы съ капиталомъ; ни національностей, которымъ можно было бы

вручить знамя бунта. Къ тому же торговый классъ, купцы, самая лучшая полиція; они непримиримый врагъ всего, что нарушаетъ спокойствіе, и съумѣютъ не допустить революціи.

Что касается самаго отграниченія Константинопольской территоріи, то этого вовсе нетрудно было бы достигнуть, такъ какъ этому помогаютъ и природа, и историческія преданія. Объ азіатской части нечего и говорить. Скутари должно остаться за Турціей. Въ Европѣ же границей могли служить: или предѣлы уѣзда Неваи Хербаа, почти совпадающіе съ существовавшей въ средніе вѣка Анастасіевскою стѣною (на Черномъ морѣ западнѣе Деркоса, на Мраморномъ— Силиври), или черта отъ Кучукъ-Чекмедже къ Чифликану, выбранная турками для устройства сплошной укрѣпленной позиціи [1]).

Вся эта территорія,—за исключеніемъ сѣверо-восточнаго ея угла между Буюкъ-дере на Босфорѣ и Киліей на Черномъ морѣ, судьба котораго тѣсно связана съ разрѣшеніемъ вопроса о проливахъ,—должна подчиняться муниципальной власти, въ составъ которой слѣдуетъ ввести кромѣ мѣстныхъ еще и международныхъ представителей для огражденія международныхъ интересовъ. Затѣмъ всѣ военныя учрежденія и заведенія въ Константинополѣ должны быть упразднены; казенныя зданія, за исключеніемъ безусловно нужныхъ для муниципалитета, могутъ быть проданы въ счетъ контрибуціи или долговъ Порты, а частныя владѣнія (въ томъ числѣ и нѣкоторые дворцы по выбору султана) сохранятся вполнѣ за ихъ владѣльцами.

Обращая вниманіе на интересы Россіи, которые должны быть удовлетворены при окончательномъ рѣшеніи восточнаго вопроса, князь Черкаскій крѣпко стоялъ на томъ, что рѣшеніе вопроса не можетъ быть осуществлено иначе, какъ съ предоставленіемъ независимости балканскимъ христіанамъ.

Мирясь съ предрѣшеннымъ уже фактомъ предоставленія Авст-

---

[1]) Въ первомъ случаѣ площадь Константинопольской территоріи имѣла бы около 2.100 кв. километровъ съ населеніемъ около 600 т. жителей, причемъ въ нее вошли бы нѣкоторыя населенія болгаръ около Деркоса и Чаталджи. Во второмъ, площадь ограничилась бы примѣрно 700 кв. килом. съ населеніемъ въ 570 т. душъ, и болгары были бы только въ числѣ городскихъ обывателей.

ріи полнаго вліянія въ Босніи и Герцоговинѣ и считая обезпеченнымъ соотвѣтственное увеличеніе территорій Сербіи и Черногоріи, князь Черкаскій полагалъ, что за симъ западная половина Балканскаго полуострова подлежитъ иному устройству, чѣмъ восточная и юго-восточная. Албанія могла быть предоставлена великодушію Европы и для нея можно бы принять то, что предложатъ.

Но не такъ складывался вопросъ о восточной половинѣ полуострова, гдѣ въ послѣднее время началось явное соперничество между единовѣрными, но разноплеменными христіанскими національностями. Если въ этой части Турціи нельзя сдѣлать чего-либо радикальнаго, то не должно допускать ничего, что могло бы намъ напортить въ будущемъ.

Разобраться въ племенной борьбѣ между болгарами и греками крайне трудно. Статистическіе и этнографическіе матеріалы весьма неточны, противорѣчатъ другъ другу и не даютъ твердой почвы для рѣшенія. Дойдя до вопроса: дадимъ ли мы, при освобожденіи христіанъ изъ-подъ турецкаго ига, большой перевѣсъ болгарамъ или согласимся на уступку всѣхъ преимуществъ грекамъ?—князь Черкаскій говорилъ:

«Болгары,—это народъ, и по религіи, и по языку, и по происхожденію наиболѣе подходящій къ русскимъ. Онъ поднятъ нашею культурою, взращивается нашимъ духовнымъ образованіемъ, отъ насъ черпаетъ и почти на нашемъ языкѣ передаетъ всѣ элементарныя начала науки. Это наше дѣтище, которое никогда не пойдетъ противъ насъ, которому суждено развиваться не иначе, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ нами.

«Греки—это противоположность болгарамъ, давно во все извѣрившіеся, обращающіе религію въ промыселъ, съ интригу, питающіе тайную къ намъ ненависть и ежеминутно готовые открыто обратиться въ злѣйшихъ нашихъ враговъ, лишь бы заслужить передъ Европой лишнюю для себя выгоду. По изворотливости, интригѣ, умѣнью морочить Европу и обдѣлывать свои дѣла, они для насъ хуже и опаснѣе поляковъ.

«Болгары смотрятъ на насъ какъ на отцевъ просвѣтителей и спасителей; греки—какъ на угнетателей и азіатскихъ варваровъ. По политическимъ стремленіямъ они считаютъ себя единственными и законными наслѣдниками всего достоянія турокъ на Балканскомъ полуостровѣ и готовы искоренять всякаго, кто становится имъ поперекъ дороги.

«Этотъ основной фактъ и слѣдуетъ положить въ основаніе всѣхъ нашихъ рѣшеній. Будетъ ли идти рѣчь о полной независимости балканскихъ областей или только о частной ихъ автономіи—не слѣдуетъ упускать изъ виду, что все, что урѣжется отъ болгаръ, тотчасъ же, или черезъ нѣкоторое время, достанется грекамъ.

*

При полномъ успѣхѣ дѣла, еслибы Европа согласилась на предоставленіе турецкимъ христіанамъ полной независимости, князь Черкаскій дѣлилъ восточную половину Балканскаго полуострова на двѣ части: большая половина должна была бы образовать Болгарское княжество, все остальное — отойти къ Греческому королевству.

Историческіе, этнографическіе и религіозные предѣлы Болгаріи могли бы совпасть съ слѣдующими границами: увеличенныя территоріи Сербіи и Черногоріи; на сѣверѣ — Дунай, на востокѣ — Черное море и на югѣ — черта отъ горъ Пинда по рѣкѣ Быстрицѣ до Солунскаго залива; черезъ этотъ заливъ и Салоникскій полуостровъ къ Эгейскому морю, причемъ г. Солунь и озеро Бешикъ отходятъ къ Болгаріи; далѣе, по морскому берегу къ устью р. Марицы, вверхъ по ней до впаденіи р. Ергеня и притоку его Чорлу-дере до хребта Странджи и наконецъ водораздѣломъ этого хребта до Анастасіевской стѣны, т. е. до предѣловъ Константинопольской территоріи [1]).

Имѣя въ этихъ границахъ отъ 4.500 до 4.600 кв. миль пространства съ населеніемъ отъ 5 до $5^1|_2$ милліоновъ, Болгарія представлялась сплошнымъ цѣлымъ и получала свободный доступъ къ Черному и Эгейскому морямъ, но не прикасалась къ Мраморному. Греція же, получивъ Эпиръ, Ѳессалію, всѣ острова Архипелага и два главныхъ полуострова (Салоникскій и Галипольскій), примкнула бы къ Эгейскому и Мраморному морямъ, не соприкасаясь съ Чернымъ, гдѣ вполнѣ сохранилось бы преимущественно наше или вообще славянское вліяніе. Оба государства могли бы спокойно жить и развиваться, не мѣшая другъ другу, а опаснымъ греческимъ притязаніямъ заранѣе положенъ бы былъ благоразумный предѣлъ.

---

[1]) Эти границы, близко подходя къ границамъ Санъ-Стефанскаго договора были еще болѣе благопріятны для Болгаріи. Они прирѣзывали къ ней: на западѣ: Нишъ, Куршумле, Лѣсковацъ, Приштину и Призренъ; на югѣ: а) все пространство между Санъ-Стефанскою границею и теченіемъ р. Быстрицы отъ г. Пинда до впаденія ея въ море; б) на Салоникскомъ полуостровѣ — г. Салоники и в) всѣ земли, лежащія по берегу Архипелага отъ мыса Лагосъ до устья Марицы по правому ея берегу, до устья р. Ергень, по правому берегу этой рѣки, по Чорлу-дере и далѣе черезъ хребетъ Странджи до Анастасіевской стѣны. Есть основанія полагать, что это именно тѣ границы — нѣсколько впрочемъ округленныя въ пользу Болгаріи, — какія были указаны въ 1869 г. Болгаро-греческой коммиссіей, созванною Портой для прекращенія недоразумѣній между греческимъ патріархатомъ и болгарами.

Болгарское княжество должно считаться совершенно отдѣльнымъ отъ Россіи, но первоначально состоять подъ ея протекторатомъ. Самостоятельная ея жизнь должна быть подготовлена такимъ же статутомъ, какой былъ созданъ въ 1829—1835 г. графомъ Киселевымъ для Румынскихъ княжествъ. Князь непремѣнно православный, всѣ попытки создать изъ Болгаріи здоровый, прочный организмъ, обратятся въ ничто, если правитель будетъ разъединенъ съ народомъ по вѣрѣ. Столица—Филиппополь, какъ пунктъ центральный, главный разсадникъ болгарской интеллигенціи, связанный съ міромъ желѣзною дорогой, и наконецъ какъ пунктъ удобный для противодѣйствія сосѣднему греческому вліянію.

Какъ ни заманчива была мысль о полной независимости балканскихъ христіанъ, но надѣяться на непремѣнное ея осуществленіе было невозможно, и слѣдовало заранѣе считаться съ мыслію, что все можетъ окончиться только частичными улучшеніями. Останавливаясь на этихъ болѣе вѣроятныхъ послѣдствіяхъ начинавшейся войны, князь Черкаскій рѣшительно высказывался противъ устройства Болгаріи по проекту Константинопольской конференціи и не менѣе же положительно заявлялъ о цѣлесообразности стоять на томъ принципѣ, чтобъ улучшеніе участи балканскихъ христіанъ прилагалось къ нимъ безъ различія національностей, безъ новыхъ искусственныхъ административныхъ или территоріальныхъ дѣленій.

При невозможности окончательно освободить христіанъ, князь Черкаскій полагалъ выдвинуть впередъ европейскій принципъ ихъ равноправности, прибавляя къ этому правильное примѣненіе— *дѣйствительной свободы исповѣданія, опирающейся на безпристрастную и правильную административно-церковную администрацію.*

Высказавъ свой взглядъ на главные вопросы по устройству судьбы христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, князь Черкаскій переходилъ къ вопросамъ второстепеннымъ: сокращенію турецкихъ войскъ и гарнизоновъ, уничтоженію крѣпостей и освобожденію края отъ черкесовъ.

Имѣя вполнѣ ясные и опредѣленные взгляды на вопросы высшей политики и высказавшись съ достаточною полнотою объ общихъ задачахъ гражданскаго управленія въ Задунайскомъ краѣ,—

князю Черкаскому оставалось еще рѣшить капитальный вопросъ. какъ должно было дѣйствовать гражданское управленіе за Дунаемъ, съ чего начать, къ чему стремиться и какія мѣры употребить для осуществленія своихъ стремленій? Словомъ, необходимо было составить планъ дѣйствій и сообразить мѣры къ практическому его выполненію.

Этотъ планъ, въ главныхъ его чертахъ, созрѣлъ въ мысляхъ князя Черкаскаго, еще во время пребыванія его въ Петербургѣ.

По его мнѣнію, не было надобности прибѣгать къ какой-либо ломкѣ существовавшихъ въ Задунайскомъ краѣ учрежденій и вводить что-либо новое; достаточно было замѣнить только турецкія правительственныя власти временными русскими и отдать преимущество христіанскому населенію, предоставя дѣйствовать при старыхъ, хорошо ему извѣстныхъ, учрежденіяхъ и порядкахъ.

Замѣну русскихъ чиновъ въ администраціи князь Черкаскій полагалъ сдѣлать въ два пріема: губернаторовъ замѣнить вице-губернаторами, которые всѣ должны были назначаться изъ болгаръ, а начальниковъ округовъ—ихъ помощниками, тоже болгарами. Русскихъ окружныхъ начальниковъ полагалось уволить не всѣхъ одновременно, а постепенно. Сперва могла быть отпущена одна ихъ половина, а потомъ другая. Было въ виду и то, чтобы послѣдней половинѣ окружныхъ начальниковъ подчинить по два округа, а каждый округъ передать въ руки болгарскихъ замѣстителей. При такихъ порядкахъ, уничтоженіе сѣти русскихъ административныхъ чиновъ и переходъ къ управленію мѣстными уроженцами не могли повести ни къ какимъ недоразумѣніямъ.

Изложивъ въ краткихъ, общихъ чертахъ, обдуманный княземъ Черкаскимъ планъ дѣйствій гражданскаго управленія въ Болгаріи, слѣдуетъ признать, что планъ этотъ, вполнѣ соотвѣтствуя общимъ намѣреніямъ Россіи, былъ простъ, практиченъ и легко осуществимъ на дѣлѣ.

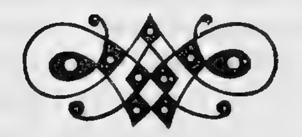
Примѣненіе его князь Черкаскій не считалъ возможнымъ начать съ первыхъ же шаговъ нашихъ войскъ за Дунаемъ. Занятіе края принадлежало войскамъ; имъ же слѣдовало предоставить и водвореніе въ краѣ первоначальнаго порядка посредствомъ установленія военно-полицейскихъ властей, подчиненныхъ исключительно вой-

сковому начальству. Роль правильнаго гражданскаго управленія должна была начаться позже, съ того времени, когда само военное начальство признаетъ, что тѣ или другія мѣстности занятой непріятельской территоріи готовы уже поступить въ вѣдѣніе гражданскихъ властей, правильно организованныхъ.

Ничего не уничтожая и не вводя никакихъ новыхъ учрежденій, планъ этотъ не могъ произвести никакой путаницы, а между тѣмъ немедленно передавалъ христіанамъ всю мѣстную власть и призывалъ ихъ къ новой дѣятельности подъ надзоромъ русскихъ чиновъ, но среди обстановки вполнѣ всѣмъ знакомой. Для необходимаго затѣмъ изученія края на мѣстѣ открывалось широкое поприще, и всѣ дальнѣйшія мѣропріятія возможно было основать уже на результатахъ изслѣдованій, а не кабинетныхъ соображеній.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мнѣніе графа Румянцева въ Государственномъ Совѣтѣ 23-го января 1805 года.

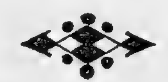
По вступленіи въ Государственный Совѣтъ просьбы графа Разумовскаго, просившаго воспитанниковъ и воспитанницъ его Перовскихъ съ матерью ихъ утвердить въ дворянскомъ достоинствѣ и обѣщавшаго въ знакъ благодарности для пользы общественной знатныя пожертвованія [1]), Государственный Совѣтъ судилъ въ прошломъ году, что по уваженіи оныхъ прошеніе графа Разумовскаго достойно Всемилостивѣйшаго соизволенія; но чтобы въ указѣ о дворянствѣ Перовскихъ не включать мать ихъ.

О таковомъ положеніи Совѣта графъ Разумовскій будучи увѣдомленъ, отъ предложеній своихъ на общую пользу отрекся, и Совѣтъ возвращается къ новому разсужденію по сему предмету:

Кто пріобыкъ въ человѣческихъ дѣяніяхъ испытывать причины и предчувствовать послѣдствія, не трудно тому заключить: 1-е, что власть законодательная есть не иное что, какъ власть держать подданныхъ въ нравственности и правотѣ; что законы не что иное суть, какъ объявленныя къ тому средства и правила, можетъ ли законодательная власть изъ уваженія къ деньгамъ отойти отъ своего кореннаго начала? 2-е, если Совѣтъ, которому теперь стало извѣстно, что въ подвигѣ графа Разумовскаго нѣтъ безкорыстной жертвы отечеству, будетъ домогаться у Монарха въ пользу женщинѣ, въ порокѣ по гражданскому закону и въ слабости по общежитію пресмыкающейся,—какой примѣръ укоренится въ сердцахъ молодости, когда силою избытка пороки въ благовидное достоинство властію правительства облекаемы будутъ.

Предположимъ теперь, что супруга графа Разумовскаго, сама будучи крайне богата, свѣдавъ о сей просьбѣ, вздумаетъ въ помраченіе блистательной судьбы соперницы своей, какъ виновницы продолжительныхъ ея огорченій, пожертвовать на общую пользу вдвое противу того приношенія, какое нынѣ въ уваженіе пріемлется, и будетъ просить противнаго тому, чего нынѣ домогается супругъ ея,—въ какое странное положеніе поставила бы она сужденіе Совѣта!

И можно ли тогда будетъ безъ явной несправедливости отвергнуть просьбу невинной предъ закономъ, а предпочесть ту, которая единымъ порывомъ своевольной страсти ищетъ себѣ отличія!!

---

[1]) Три тысячи душъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

проф. Спб. духовной академiи.

ГЛАВА XLIII [1]).

Объ архiепископѣ рязанскомъ Сергiи.

Преосвященный Сергiй былъ очень небольшаго роста, слабой организацiи, худощавъ и съ разстроеннымъ здоровьемъ. Какъ бы въ вознагражденiе за это природа наградила его быстрыми, проницательными, огненными глазами и прiятнымъ мелодическимъ голосомъ. Кому случалось присутствовать при бесѣдѣ съ преосвященнымъ, смотрѣть на одушевленные его глаза, тотъ невольно увлекался его разговоромъ и чувствовалъ къ нему симпатiю. Огненные его глаза служили отраженiемъ его души. Онъ былъ необыкновенно впечатлителенъ, увлекался всѣмъ, заслуживающимъ вниманiя и пробуждающимъ любопытство. Но то же самое качество дѣлало его вспыльчивымъ и раздражительнымъ. Я уже говорилъ, что онъ въ горячемъ спорѣ съ ректоромъ Iеронимомъ, какъ казалось, поднялъ даже на него руку. Но тутъ, можетъ быть, движенiе это было не намѣренное и неправильно понято Iеронимомъ; но вспыльчивость часто обнаруживалась въ обращенiи со своими подчиненными. Только нельзя не сказать, что

---

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1895 года.

это было временною, непродолжительною вспышкою; доброта сердца и благоразуміе скоро брали верхъ, и раздраженный маленькій Юпитеръ дѣлался кроткимъ. По нравственнымъ своимъ качествамъ онъ былъ честнымъ, безкорыстнымъ, совѣстливымъ и справедливымъ человѣкомъ. Хотя, какъ я скажу ниже, при немъ по епархіальному управленію было большое взяточничество, но между тѣмъ его самого нельзя было подозрѣвать и обвинять въ томъ. Да и самая смерть доказала это, потому что при необыкновенно скромной жизни, по крайней мѣрѣ въ Рязани, онъ оставилъ очень небольшое состояніе.

По умственнымъ своимъ качествамъ и по учености Сергій принадлежалъ къ замѣчательнымъ тогдашнимъ архипастырямъ; сколько можно судить по разсказамъ о немъ, онъ въ этомъ отношеніи стоялъ не ниже Өеофилакта, а относительно свѣтскихъ наукъ повыше Филарета. Для семинаристовъ и рязанской публики умъ и ученость его являлись во всемъ блескѣ при публичныхъ экзаменахъ въ семинаріи. Присутствуя на нихъ, какъ главный начальникъ, онъ по тогдашнему обычаю, конечно, испытывалъ и учениковъ, но болѣе любилъ поговорить или лучше поспорить съ профессорами. Преимущественно онъ любилъ въ такомъ случаѣ имѣть дѣло съ Полотебновымъ по богословію и съ Кротковымъ по философіи. Конечно, споры почти всегда происходили на латинскомъ языкѣ, но понимавшіе этотъ языкъ,—а ихъ тогда между духовенствомъ и семинаристами было немало,—удивлялись находчивости, оборотливости и глубокимъ свѣдѣніямъ въ предметахъ спора. Но многіе удостоивались чести слушать его сужденія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и на русскомъ языкѣ. Онъ, подобно Өеофилакту, имѣлъ обыкновеніе умныхъ священниковъ, особенно благочинныхъ, приглашать къ себѣ на вечера на чашку чая, какъ онъ говаривалъ; батюшка мой удостоивался этой чести почти въ каждый пріѣздъ свой въ Рязань. Тутъ-то за чашками чая (безъ всякихъ впрочемъ прибавленій возбудительнаго свойства) шла самая одушевленная бесѣда; подготовленнаго здѣсь ничего не могло быть, потому что предметы разговора были необыкновенно разнообразны; тутъ всего касались, даже политики, новостей изъ Петербурга и, если кружокъ былъ небольшой и заслуживалъ довѣрія, то допускалась легкая критика прави-

тельства. Притомъ каждому собесѣднику открыта была полная возможность принимать участіе въ разговорѣ и предлагать свои собственные вопросы. Кромѣ моего батюшки, мнѣ приходилось говорить со многими изъ такихъ собесѣдниковъ, и всѣ они съ удивленіемъ, а часто съ восторгомъ отзывались объ умѣ владыки: его въ этомъ отношеніи ставили выше даже Ѳеофилакта; но едва-ли это не происходило отъ того, что бесѣда Сергія была интимнѣе, задушевнѣе, проще, такъ сказать, демократичнѣе, тогда какъ въ Ѳеофилактѣ пробивался иногда подавляющій іерархическій аристократизмъ.

Но, приглашая къ себѣ, такъ сказать, на интимныя бесѣды умныхъ изъ своихъ подчиненныхъ, онъ и съ прочими духовными лицами былъ вѣжливъ и привѣтливъ въ обращеніи, даже любилъ подшучивать надъ простячками. Конечно, при его вспыльчивости, нерѣдко онъ приходилъ въ негодованіе, выслушивая нелѣпыя объясненія какого-либо гуляки-дьячка или кляузника-дьякона, тутъ сыпались жесткія, даже бранливыя слова, но буря скоро проходила. Впрочемъ, было два пункта, когда Сергій никакъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Многіе изъ духовныхъ лицъ тогда, забывая примѣнять къ себѣ пословицу: по уму провожаютъ, а по платью встрѣчаютъ, одѣвались очень дурно, почти по-мужицки; являлись даже къ архіерею священники и дьяконы безъ рясы, въ тулупахъ, а дьяконы, и особенно причетники, даже въ лаптяхъ. Сергій настоятельно старался облагородить въ этомъ отношеніи духовенство, по крайней мѣрѣ отучить его отъ безобразія, къ которому оно привыкло по преданію отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Онъ положилъ штрафовать тѣхъ священниковъ и дьяконовъ, которые являлись къ нему и въ консисторію безъ рясъ, отчего у рязанскихъ дьяконовъ, отчасти даже и священниковъ, явилась небольшая промышленность. Нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ, особенно дьяконовъ, вовсе не имѣли своихъ рясъ и не хотѣли ими обзаводиться. Поэтому, пріѣхавъ въ Рязань, для избѣжанія штрафа, брали, какъ говорится, у кого-либо рясу напрокатъ. Если какой-либо священникъ являлся къ владыкѣ въ рясѣ, но дурной, изношенной и т. п., то и тутъ не обходилось безъ строгихъ замѣчаній. «Вѣдь что за охота у тебя, говаривалъ владыка, ходить въ такомъ отребьи, постыдись

людей. Если ты ко мнѣ являешься въ такомъ безобразномъ видѣ, во что же ты бываешь одѣтъ дома, тамъ тебя не отличишь, вѣроятно, отъ мужика». Но другой пунктъ совершенно выводилъ архіерея изъ себя. Духовные, какъ извѣстно, и нынѣ отличаются низкопоклоненіемъ и земными поклонами; и въ то время было то же самое. Владыка строжайше запрещалъ это, даже приказывалъ благочиннымъ, чтобы они объявляли о томъ своимъ подчиненнымъ. Но привычка брала свое; и многіе отцы, особенно ихъ жены, когда нужно было смягчить гнѣвъ или возбудить состраданіе владыки, валились ему въ ноги. Ну тутъ владыка почти всегда ужасно сердился: — «Что ты раскланялся? Развѣ я Николай угодникъ? Пошелъ вонъ!»

Любя ученость и ученыхъ людей, Сергій естественно желалъ поднять духовенство и въ умственномъ отношеніи. Онъ первый изъ рязанскихъ архіереевъ и даже тверже своихъ преемниковъ держался того правила, чтобы въ священники вновь производить только тѣхъ, которые кончили полный курсъ семинарскихъ наукъ. Случалось, что иное небогатое мѣсто по нѣскольку лѣтъ оставалось вакантнымъ, и владыка причислялъ церковь къ сосѣднему приходу, но все-таки не соглашался сдѣлать тамъ священникомъ кого-либо изъ дьяконовъ, хотя бы и давно служившихъ, но не кончившихъ курсъ въ семинаріи.

Отступленій отъ этого насчитывали очень, очень немного, и къ этому вынуждали владыку какія-либо особенныя обстоятельства. Въ дьяконы онъ посвящалъ только тѣхъ семинаристовъ, которые хоть годъ поучились въ риторикѣ. Въ этомъ отношеніи онъ даже былъ иногда забавенъ. Случалось не разъ, что на одно и то же дьяконское мѣсто подавали вмѣстѣ только-что исключенный семинаристъ изъ риторики, юноша лѣтъ 18—20, и какой-либо уже долго послужившій причетникъ съ хорошимъ поведеніемъ, но только кончившій курсъ въ уѣздномъ духовномъ училищѣ. Значитъ, разница между этими господами по ученой части слишкомъ не велика, а доказанная уже исправность причетника должна бы заставить предпочесть его исключенному ритору. Но когда причетникъ настойчиво доказывалъ свои права на мѣсто, то владыка съ дѣйствительнымъ или притворнымъ негодованіемъ говаривалъ: «Куда тебѣ? Какъ ты смѣешь спорить съ ученымъ человѣкомъ?» и предоставлялъ мѣсто за

этимъ ученому недоучкѣ. Для семинаристовъ онъ былъ еще хорошъ въ другомъ отношеніи. Предоставлять мѣста за семействами, за дочерьми умершихъ духовныхъ лицъ онъ не имѣлъ обыкновенія, кромѣ весьма немногихъ исключеній. Получившій же мѣсто семинаристъ почти никогда не обязывался брать дочь или племянницу своего предшественника, а избиралъ невѣсту по своей волѣ; было нѣсколько случаевъ, когда владыка позволялъ даже священникамъ вступать въ бракъ съ дѣвицами изъ другихъ сословій, даже изъ крестьянскаго. Семинаристы, разумѣется, этимъ были очень довольны; но владыка слылъ жестокосердымъ, немилостивымъ человѣкомъ, потому что онъ не находилъ справедливымъ оказывать милость вдовамъ и сиротамъ изъ чужаго кармана.

Стараясь ободрить ученость въ рязанскомъ духовенствѣ, владыка очень мало занимался семинаріей. Кажется, только и бывалъ въ ней разъ въ году на публичномъ экзаменѣ и большею частью только въ залѣ, да въ комнатахъ инспектора, гдѣ приготовлялась для него закуска. Въ комнаты же ученическія, въ столовую, сколько я слышалъ, и не заглядывалъ. Вся его дѣятельность относительно семинаріи ограничивалась утвержденіемъ журналовъ семинарскаго правленія, впрочемъ, тутъ онъ не все подписывалъ, и правленію нужно было, при составленіи своихъ журналовъ, держать, по пословицѣ, ухо востро. Отчего происходило такое повидимому равнодушіе къ дѣлу духовнаго образованія, едва-ли нужно объяснять тѣмъ, чѣмъ я скоро объясню недостатки его епархіальнаго управленія, т. е. его слабымъ и разстроеннымъ здоровьемъ, не позволявшимъ ему принимать болѣе дѣятельное участіе въ управленіи семинаріей.

Съ свѣтскими лицами, какъ чиновниками и помѣщиками, такъ и съ купцами Сергій не имѣлъ близкихъ связей. По слуху ѣздили къ нему немногіе изъ нихъ, но слишкомъ немногіе, но онъ самъ кромѣ нѣсколькихъ оффиціальныхъ визитовъ никуда не выѣзжалъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы его жизни. Такая строгая, отшельническая жизнь тѣмъ болѣе казалась удивительною, что по достовѣрнымъ тогдашнимъ слухамъ Сергій въ Костромѣ любилъ жить весело, даже очень весело. У него на дачѣ будто бы бывали вечера, на которые допускались и дамы, катанья на пруду, прогулки по саду и пр. Даже самъ онъ любимымъ сво-

имъ благочиннымъ на вечернихъ бесѣдахъ проговаривался, что онъ въ Костромѣ жилъ не по-рязански. Такую перемѣну одни объясняли тѣмъ, что будто бы ему сдѣлано было изъ Петербурга замѣчаніе на счетъ очень веселаго житья въ Костромѣ; но едва-ли это справедливо. Вѣроятнѣе всего перемѣну въ образѣ жизни нужно приписать разстроившемуся здоровью архипастыря, который нашелъ за лучшее поддержать его строгою діэтою. Затѣмъ онъ не любилъ выслуживаться предъ свѣтскими, особенно помѣщиками, тѣмъ, чтобы по ихъ желанію назначать въ ихъ приходы тѣхъ священниковъ, дьяконовъ и пр., которыхъ заблагоразсудится принять къ себѣ ихъ благородіямъ. Не охотникъ былъ выслушивать придирчивыя ихъ жалобы на причты; въ этомъ отношеніи духовенство при немъ благоденствовало и не имѣло нужды низкопоклонничать предъ барами, купцами, еще менѣе предъ прикащиками и бурмистрами. Впрочемъ, несмотря на его уединенную и отшельническую жизнь, на неготовность его дѣлать угодное вліятельнымъ мірянамъ, свѣтскіе люди въ Рязани уважали его за умъ. Особенно нравилось жителямъ ея богослуженіе его. Онъ совершалъ его не съ тою медлительною церемоніальностью, которую считаютъ многіе необходимою, полагая вѣроятно, что Богу можно угодить не только многоглаголаніемъ, но и длинноглаголаніемъ. Литургія при немъ служилась не торопливо, не утомительно; самъ онъ всегда выражалъ неподдѣльную набожность, возгласы и молитвы произносились имъ ясно, безъ натяжныхъ интонацій, особенно же выразительно онъ читывалъ евангеліе во время молебновъ въ царскіе дни и еще молитву: божественная благодать и пр., произносимую, когда посвящаются священники и діаконы.

Судя по тому, что я сказалъ о преосвященномъ Сергіи, слѣдовало бы полагать, что его управленіе епархіею было хорошо. Но такое заключеніе будетъ несправедливо; подчиненные имѣли много причинъ быть недовольными. Одною изъ нихъ было сильное и энергичное желаніе владыки искоренить пьянство въ духовенствѣ.

На этотъ порокъ Сергій налегъ тотчасъ съ самаго вступленія своего въ управленіе. Главный вопросъ, который онъ предлагалъ каждому благочинному, состоялъ въ томъ, нѣтъ ли въ его вѣдомствѣ пьяницъ, и настоятельно требовалъ не скрывать ихъ. Обыкно-

венное наказаніе за пьянство было для священниковъ житье въ какомъ-либо монастырѣ, для причетниковъ—работы въ архіерейскомъ домѣ, а для дьяконовъ то или другое. Изъ благочинія моего батюшки подверглись первые: священникъ Воскресенской Тумы, Иванъ, и священникъ села Вѣщура, Яновъ;—они выжили въ монастырѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; потомъ слѣдовали дьяконы, причетники и другіе священники. Но способы къ исправленію не отличались благоразуміемъ. Для священника пожить въ монастырѣ въ теченіе иногда цѣлыхъ полгода значило терпѣть очень большой убытокъ. О работахъ же въ архіерейскомъ домѣ нечего и говорить. Конечно, этой мѣрѣ подвергались, какъ сказалъ я, причетники или дьяконы, но и ихъ, людей, принадлежащихъ къ свободному сословію, несправедливо и унизительно было отсылать въ разрядъ чернорабочихъ. Униженіе не исправляетъ, а ожесточаетъ человѣка. Духовенство, при всей своей тогдашней грубости и малоразвитости, угадывало, что съ нимъ слѣдовало бы поступать иначе.

Усердіе владыки къ исправленію духовенства заставляло его рѣшаться на другія еще болѣе неблагоразумныя мѣры. Не довѣряя благочиннымъ, онъ завелъ шпіоновъ. Два особенно пріобрѣли извѣстность тогда въ этомъ отношеніи; данковскій протоіерей и смотритель духовнаго тамошняго училища и дьяконъ рязанскаго борисоглѣбскаго собора. Первый, отецъ Грифцова, главнаго оберъ-шпіона между семинаристами, собиралъ свѣдѣнія о духовенствѣ ближайшихъ къ себѣ уѣздовъ, а дѣятельность послѣдняго ограничивалась Рязанью, именно ежедневнымъ неоднократнымъ осмотромъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пріѣзжее духовенство могло попить. Его обыкновенно называли Песъ Өедоровичъ. И дѣйствительно, онъ, какъ ищейка, обѣгалъ бывало постоялые дворы, кабаки, харчевни, трактиры. Случалось, что содержатели ихъ выпроваживали его отъ себя не совсѣмъ вѣжливо, но его собачья натура все выносила; на слѣдующій день онъ опять былъ тамъ, откуда его наканунѣ выпроводили; порядочная физическая сила и надежда на покровительство владыки дѣлали его смѣлымъ. Замѣтивши кого-либо въ трактирѣ или харчевнѣ, онъ большую часть ихъ тащилъ къ владыкѣ; о другихъ немедленно доносилъ ему или его письмоводителю. И, дѣйствительно, онъ пріобрѣлъ какое-то особое чутье. Батюшка мой не принадлежалъ къ гулякамъ,

но, живя въ Рязани, приглашалъ къ себѣ попадавшихся знакомыхъ и угощалъ ихъ. И рѣдко проходило, чтобы Песъ Өедоровичъ этого не замѣтилъ. Но владыка на угощенія въ квартирѣ смотрѣлъ снисходительно, если результатомъ ихъ не было пьянство. Между тѣмъ случалось ему на другой день слыхать отъ преосвященнаго: «Отецъ протоіерей, вчера у васъ были гости?». Замѣчательно, что Песъ Өедоровичъ дѣйствовалъ, такъ сказать, только изъ любви къ искусству, потому что самъ онъ и прежде Сергія былъ дьякономъ и имъ же остался, послѣ своей усердной семилѣтней шпіонской службы. Даже мало слышно было, чтобы онъ выжималъ какія-либо взятки съ попавшихся ему виновныхъ, обѣщаясь не говорить владыкѣ.

Кромѣ шпіоновъ и оберъ-шпіона былъ у Сергія еще нѣкто вороде оберъ-ревизора; лично самъ онъ почти никогда не осматривалъ ввѣренной ему епархіи; но для удостовѣренія въ томъ, каково идутъ тамъ дѣла, онъ посылалъ обыкновенно игумена Богословскаго монастыря Павлина, сѣдаго, суроваго и слишкомъ недалекаго по уму старика. Пріѣхавъ въ село, этотъ отецъ святой приказывалъ вести себя въ церковь и смотрѣлъ, все ли тамъ содержится въ порядкѣ. До какой степени онъ былъ придирчивъ, видно изъ того, что для убѣжденія въ томъ, чисто ли содержится иконостасъ, онъ бѣлымъ, немножко смоченнымъ слюною платкомъ, вытиралъ его и если замѣчалъ, что платокъ хоть нѣсколько позагрязнился, то значитъ, церковь содержалась неопрятно. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ попадавшихся ему на постоялыхъ дворахъ или на дорогѣ крестьянъ онъ вывѣдывалъ о томъ, каково живетъ окрестное духовенство. Запасшись разнообразными свѣдѣніями, оберъ-ревизоръ возвращался въ Рязань и расписывалъ духовенство въ непривлекательномъ видѣ. Затѣмъ уже слѣдовали выговоры, замѣчанія и проч. Можно судить, въ какомъ безпокойствѣ находилось духовенство, узнавши, что скоро къ нему пріѣдетъ Павлинъ, и въ какомъ ужасѣ, когда онъ пріѣзжалъ.

Но главнымъ зломъ въ епархіальномъ управленіи Сергія было взяточничество. Повторяю, что самъ онъ лично былъ честенъ, безкорыстенъ и справедливъ, а между тѣмъ карманы духовенства страдали. Не знаю, слабое ли и разстроенное здоровье или апатія къ дѣламъ, которая такъ часто замѣчается въ нашихъ іерархахъ, были

причиною того, что Сергій очень много довѣрялся другимъ, и эти-то другіе были піявицами, высасывавшими деньги изъ духовенства. Первое мѣсто между ними надобно отдать нѣкоему Ивану Никитичу (фамилію его забылъ), по прозвищу Барбосъ, котораго архіерей привезъ съ собой изъ Костромы и сдѣлалъ своимъ письмоводителемъ и камердинеромъ. Данное ему прозвище весьма хорошо характеризовало его; это была настоящая злая собака, готовая укусить всякаго, кто былъ не въ состояніи отогнать его отъ себя палкою. И внѣшній видъ его вполнѣ соотвѣтствовалъ этому; въ теченіе своей жизни немного я видалъ физіономій, которыя ближе были похожи на собачьи, какъ физіономія этого бульдога архіерейскаго. Болѣе всего отъ него страдали пѣвчіе, дисканты и альты, которыхъ онъ не только скверно содержалъ, но и наказывалъ розгами самымъ неумолимымъ образомъ. Особенно бѣдняжкамъ доставалось изъ-за такъ называемаго тогда парада, т. е. той польской съ четырьмя рукавами одежды, которая почему-то усвоена пѣвчимъ архіерейскихъ хоровъ и до сихъ поръ остается форменнымъ платьемъ. Когда Барбосъ сшилъ имъ новое платье, то они на вопросъ: «правда ли, что вамъ сшили парадъ?» отвѣчали: а чортъ ему радъ. Дѣло состояло въ томъ, что за какое-либо пятнышко, за какое-либо разорванное мѣстечко на этомъ парадѣ, если онъ не учился по крайней мѣрѣ въ философіи и не былъ уже здоровымъ дѣтиною, Барбосъ поролъ безъ милосердія. Точно то же происходило и за другіе поступки, которые онъ считалъ достойными наказанія.

Барбосъ былъ страшенъ не однимъ пѣвчимъ малюткамъ. Архіерей поручалъ ему иногда собирать прошенія явившихся къ нему просителей.

«Ну, давайте, давайте скорѣе,—кричалъ онъ,—ваши просьбы», и тутъ же одного назоветъ дуракомъ, другаго осломъ, третьяго скотиной. — За что же? спросите. А за то, что этотъ не развернулъ своего прошенія, подалъ сложеннымъ въ осьмую долю листа, другой хоть и развернулъ, да плохо разгладилъ складки; тотъ подаетъ слишкомъ близко, другой слишкомъ издали; тому кричитъ: «что мнѣ суешь прямо въ носъ», а этому: «куда мнѣ тянуться за твоимъ прошеніемъ». Дѣло состояло не въ томъ, что правъ или виноватъ, а въ томъ, чтобы, какъ говорили, облаять кого-нибудь и

задать страху всѣмъ. Еще грознѣе онъ былъ, когда къ нему являлись, чтобы узнать резолюцію его высокопреосвященства. Но этотъ бульдогъ не на всѣхъ лаялъ, къ нѣкоторымъ былъ ласковъ, а передъ другимъ вилялъ даже своимъ хвостомъ. Чтобы принадлежать къ числу тѣхъ счастливцевъ, нужно было дать ему хорошую взятку или пользоваться благорасположеніемъ владыки. Этотъ-то церберъ пользовался большимъ довѣріемъ своего хозяина. Не знаю хорошенько, что и какъ было въ первые годы управленія Сергія, но въ послѣдніе — взяткой, данной Ивану Никитичу, рѣдко нельзя было получить желаемаго, а безъ взятки дѣло или рѣшалось неудачно или тянулось безконечно.

Но извѣстно было, что Иванъ Никитичъ хорошо обдѣлывалъ только тѣ дѣла, которыя касались окончательнаго предоставленія священно-и церковно-служительскихъ мѣстъ за кѣмъ-либо; тутъ его считали могучимъ, даже чуть не всемогущимъ. Но справки по этимъ дѣламъ и всѣ другія дѣла производились въ консисторіи; тутъ былъ уже не одинъ, а цѣлое скопище взяточниковъ. Рязанская консисторія въ первую половину архіерейства Сергія потерпѣла было порядочный погромъ по дѣлу, которое въ Рязани называлось чулковскимъ. Оно состояло въ томъ, что помѣщикъ Чулковъ оставилъ послѣ смерти своей богатое имѣніе и одного законнаго наслѣдника и еще, кажется, не одного даже, — незаконнаго. Но бывшая фаворитка умѣла такъ дѣло повести при помощи благодѣтелей и денегъ, которыя она успѣла поприбрать къ своимъ рукамъ, что ея потомство было признано законнымъ, и имѣнье должно было поступить въ раздѣлъ. Главною опорою послужила ей церковная метрика, въ которой, сколько могу припомнить, былъ записанъ бракъ съ любовницею; впрочемъ, хорошо не знаю, не записаны ли были въ метрикѣ незаконныя дѣти законными; вѣрно только то, что все, какъ сейчасъ сказано, основывалось на метрикѣ. Но всѣ знали, что метрика была фальшивая, поручено было соборному ключарю Гусевскому произвести новое слѣдствіе. Этотъ отецъ, двоюродный или троюродный дядя моего батюшки, не принадлежалъ къ числу безсребренниковъ, но при новомъ слѣдствіи оказался честнымъ, можетъ быть за порядочную взятку отъ законнаго наслѣдника, и открылъ подлогъ. «Долго я бился, разсказывалъ онъ

не одному человѣку, спрашивалъ, допрашивалъ, но ничего не выходило; все было славно обдѣлано. Наконецъ, сидя въ большомъ раздумьѣ и разсматривая метрику, я не въ первый разъ принялся посмотрѣть повнимательнѣе, не найду ли въ ней какихъ-либо подчистокъ, и тутъ-то я увидѣлъ годъ, отмѣченный водяною краскою на бумагѣ метрики. (Прежде на каждомъ листѣ многихъ фабрикъ выставлялся тотъ годъ, въ который былъ сдѣланъ листъ; его можно было увидѣть, только разсматривая листъ противъ свѣта). Оказалось, что бумага была сдѣлана на фабрикѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того года, въ который метрика должна была составиться. Тутъ-то все дѣло и вышло наружу». По этой-то поддѣлкѣ смѣнены секретарь Сѣровъ и три члена консисторіи: ректоръ Іеронимъ, каѳедральный протоіерей Полянскій и еще священникъ, котораго называли почему-то Іудою. Но этотъ погромъ нисколько не измѣнилъ хода консисторскихъ дѣлъ; только старые взяточники замѣщены новыми, и карманы просителей такъ же были опустошаемы, какъ и прежде.

Такъ называемые ставленники, т. е. тѣ лица, которыя посвящались архіереемъ въ священники, діаконы или причетники, подвергались новымъ нападеніямъ отъ соборнаго духовенства и пѣвчихъ. Мнѣ не разъ случалось слышать, что при Сергіи посвященіе въ священники обходилось не менѣе 100 руб. ассигн., сумма по-тогдашнему очень значительная. Само собою, и отцы благочинные не забывали себя, да имъ и надобно было запасаться деньгами, чтобы удовлетворить всю архіерейскую и консисторскую клику. Описывать всѣ эти взятки я здѣсь пока не стану: онѣ одинаково, развѣ съ немногими видоизмѣненіями, производились во всѣхъ епархіяхъ. Объ нихъ вообще поговорю въ своемъ мѣстѣ. Теперь хочу только сдѣлать одно замѣчаніе относительно Сергія. Онъ очень хорошо зналъ о всѣхъ взяточничествахъ, но смотрѣлъ на нихъ равнодушно, потому ли, что видѣлъ невозможность ихъ истребить или даже ограничить, или даже находилъ ихъ извинительными, если не дозволенными. По крайней мѣрѣ я знаю его разговоръ съ однимъ любимымъ имъ благочиннымъ. Увидавши на благочинномъ отличную новую рясу, Сергій шутя сказалъ:

— Какая у васъ, отецъ благочинный, прекрасная ряса! А по-

звольте спросить васъ, неблагочинническая ли она? прибавилъ онъ съ улыбкою.

— Да, — смѣло отвѣчалъ благочинный, — благочинническая, ваше высокопреосвященство. Сергій вновь спросилъ: «да вы понимаете ли вполнѣ, отецъ благочинный, мои слова: не благочинническая ли ваша ряса?»

— Вполнѣ понимаю, ваше высокопреосвященство, отвѣчалъ благочинный, и повторяю, что она именно благочинническая.

Сергій улыбнулся и сказалъ: «Что же дѣлать? Вѣдь вы трудитесь и жалованье получаете, такъ надобно же себя вознаграждать; только слѣдуетъ это дѣлать безъ притѣсненій».

Этотъ разговоръ былъ многимъ извѣстенъ и, разумѣется, могъ ободрять всѣхъ епархіальныхъ взяточниковъ.

При Сергіи была еще особенная причина къ неудовольствію духовенства на него, которая, сколько я могъ узнать, въ другихъ епархіяхъ почти нигдѣ не существовала. Можетъ быть, онъ желалъ придать своему богослуженію особенную торжественность и для этого находилъ нужнымъ имѣть хорошихъ дьяконовъ и пѣвчихъ. Но какъ жалованье, такъ и доходы были хотя и не скудны, однако и не очень богаты, да если были бы и богаты, то почему не пожелать имѣть еще побольше. Такому желанію особенно легко можно было зародиться въ тѣхъ пѣвчихъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были священниками или дьяконами. Чтобы удержать ихъ въ своемъ хорѣ, Сергій закрѣплялъ за ними священническія или дьяконскія мѣста въ селахъ, откуда они получали исправно слѣдующіе имъ доходы, и гдѣ они были и служили развѣ только вскорѣ по полученіи мѣста, чтобы заключить договоръ на счетъ того, сколько имъ слѣдуетъ получить денегъ. Такой порядокъ, разумѣется, не могъ нравиться причту, который долженъ былъ для пѣвчихъ трудиться, да въ добавокъ еще покадить въ консисторію, когда владѣлецъ бенефиціи находилъ, что ему мало присылаютъ денегъ, и подавалъ жалобу архіерею, который сдавалъ ее въ консисторію, гдѣ умѣли уже разсмотрѣть карманы отвѣтчиковъ. Подражая пѣвчимъ-священникамъ и дьяконамъ, пожелали имѣть подобнаго рода бенефиціи пѣвчіе въ Черепщинѣ (?), разумѣется, взрослые, особенно же регентъ хора; зачѣмъ отставать отъ нихъ протодьяконамъ и дьяко-

намъ соборнымъ. Черезъ это еще болѣе понадобилось священническихъ и дьяконскихъ мѣстъ, которыя служили чѣмъ-то въ родѣ арендъ для членовъ архіерейской свиты. Даже псаломщики иногда имѣли такія аренды. Но почему-то Сергій особенно дорожилъ пѣвчимъ-священникомъ Голицынымъ, который, по тогдашней молвѣ, пользовался въ одно и то же время двумя арендами, даже тремя; за послѣднее впрочемъ не ручаюсь. Такая несправедливая раздача мѣстъ приводила въ негодованіе не только духовенство всей епархіи, но и прихожанъ тѣхъ приходовъ, которые служили арендами. За то надобно правду сказать, ни при какомъ архіереѣ въ Рязани пѣвчіе не были такъ форсисты и горды, никогда такъ хорошо не одѣвались, какъ при Сергіи.

Но болѣзнь Сергія, несмотря на строгую его діэту, шла своимъ чередомъ, окончательно разстроила его здоровье и наконецъ довела его до могилы. Самъ владыка увѣренъ былъ въ близкой своей кончинѣ. Мой батюшка въ послѣдній разъ видѣлся съ нимъ, кажется, въ маѣ, мѣсяца за три до его смерти. Прощаясь, владыка сказалъ: «Прощайте, отецъ протоіерей; мы видимся въ послѣдній разъ; я уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ».

Послѣдній годъ, какъ я уже говорилъ, онъ почти вовсе не служилъ литургіи, но дѣлами, по крайней мѣрѣ по формѣ, занимался, т. е. полагалъ резолюціи въ родѣ: согласенъ, утверждаю, консисторія имѣетъ разсмотрѣть и проч., но главными дѣятелями были въ архіерейскихъ покояхъ Барбосъ, а въ консисторіи секретарь, повытчики и вліятельные члены. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, увеличилось взяточничество дѣятелей и недовольство духовенства. Наконецъ въ наши каникулы 1824 г., владыка скончался самою естественною смертью, отъ совершеннаго изнуренія продолжительнѣйшею болѣзнію. Но рязанскіе политики не только между духовенствомъ и семинаристами, но даже между порядочными мірянами не хотѣли довольствоваться такимъ простымъ объясненіемъ, а сочинили нелѣпую сказку.

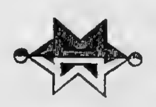
(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. В. Давыдовъ и князь Багратіонъ.

Въ концѣ августа 1839-го года на Бородинскомъ полѣ открыли памятникъ и были маневры, повторившіе бородинскую битву 1812 года. Передъ тѣмъ же временемъ погребли, возлѣ самаго памятника, тѣло князя Багратіона, перевезенное туда изъ Владимірской губерніи.

Эту послѣднюю мысль подалъ Д. В. Давыдовъ. Военный министръ увѣдомилъ партизана-поэта, что государь, согласившись съ его представленіемъ, ему же поручаетъ перевезти тѣло князя Багратіона. Денисъ Васильевичъ тогда былъ уже на смертномъ одрѣ. Прочитавъ бумагу министра, онъ заплакалъ отъ удовольствія сердца и умеръ съ прижатымъ къ груди повелѣніемъ. Прекрасная смерть!

Сообщилъ **М. М. Поповъ.**

Офицеры въ маскарадахъ.

Рапортъ Военной коллегіи въ Правительствующій Сенатъ.

Во Всевысочайшемъ Его Императорскаго Величества приказѣ отданномъ при паролѣ въ 7-й день сего генваря, между прочимъ написано: «По случившемуся безпорядку въ Москвѣ во время маскерада «и неучтивства, оказаннаго отставнымъ маіоромъ Спренгспортеномъ «княжнѣ Волконской, запрещается всѣмъ чинамъ впредь безъ маске«раднаго платья ѣздить въ маскерадъ, а маіора Спренгспортена аре«стовать на недѣлю, а ежели впредь кто пріѣдетъ въ маскерадъ въ «собственномъ кафтанѣ или мундирѣ и безъ маскераднаго платья, то «таковыхъ брать подъ караулъ».

Правительствующему Сенату военная коллегія объ ономъ для надлежащаго по гражданской части предписанія доноситъ. Господину же генералу фельдмаршалу московскому военному губернатору, начальствующему гражданскою частію и кавалеру графу Салтыкову второму изъ коллегіи писано.

На подлинномъ подписано:
Иванъ Ламбъ.

Генваря 8-го дня
1798-го года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
генералъ-лейтенанта Павла Алексѣевича Кузмина.

V [1]).

Выйдя изъ крѣпости, я нанялъ извощика въ Михайловскую улицу въ гостиницу Клея (гдѣ теперь Европейская гостиница) узнать о братѣ. Какова же была моя радость, когда оказалось, что онъ не только квартируетъ въ этой гостиницѣ, но даже дома.

Номеръ, занимаемый братомъ, былъ въ самомъ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса и состоялъ изъ маленькой первой комнаты, раздѣленной перегородкою на прихожую и спальню, и вторая комната побольше съ итальянскимъ окномъ. Въ этой-то комнатѣ сидѣлъ братъ на диванѣ и раскладывалъ пасьянсъ. Увидѣвъ меня, первый вопросъ его былъ: «Ты бѣжалъ изъ крѣпости?»

— Какое бѣжалъ, сами выпустили, значитъ, не нуженъ, признали невиннымъ.

— Да ты меня не обманывай, лучше разскажи, въ чемъ дѣло, можетъ быть и уладимъ, что не поймаютъ.

— Съ чего ты выдумалъ, что я бѣжалъ; меня выпустили, я же тебѣ не шутя говорю.

— Да помилуй какъ же тебѣ вѣрить? Всѣ говорятъ положительно, что ты приговоренъ къ разстрѣлянію, а нѣкоторые увѣряютъ, что ты разстрѣлянъ.

— За что же? Я тебѣ опять повторяю, что меня признали невиннымъ и освободили отъ суда и отъ ареста.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1895 года.

— Признаюсь, я долго не вѣрилъ всѣмъ розсказнямъ, но когда всѣ въ одинъ голосъ, люди совершенно между собою незнакомые, твердятъ одно и то же, то поневолѣ пришлось задуматься и полагать надвое, что или всѣ вздоръ городятъ, или что ты увлекался и скрывалъ даже отъ меня заговоръ, въ которомъ ты такое серьезное принималъ участіе. И признаюсь, какъ мнѣ въ коммиссіи показали тетради, написанныя тобою, то я подумалъ: ну пропалъ человѣкъ; ежели писалъ такъ много, то вѣрно или проврался, или пожалуй вздумалъ этотъ народъ въ свою вѣру обращать, что невыгодно для тебя, какъ то, такъ и другое.

— Да скажи пожалуйста, что же наконецъ говорятъ про меня, что въ пору и подстрѣлить.

— Ни больше, ни меньше какъ то, что въ предположенномъ временномъ правительствѣ ты назначенъ военнымъ министромъ.

— Ахъ, подлецы, подлецы. Да ни о какомъ временномъ правительствѣ не было и рѣчи при допросахъ, даже и намека никакого не было. Если бы что-либо похожее на то было, то неужели выпустили бы меня, да еще безъ суда. Понимаешь ли всю глубину гнусности и подлости, съ которою эти разсказы пущены въ ходъ? За невозможностью легально обвинить въ чемъ-нибудь преступномъ, распускаютъ слухи такіе, которые возмущаютъ всякаго мало-мальски человѣка со смысломъ, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, и дѣлаютъ того, про кого распускаютъ слухи, даже смѣшнымъ, что еще хуже, чѣмъ быть виновнымъ. Да назови хоть кого-либо изъ разсказывавшихъ тебѣ.

— Да вотъ, одного завтра ты самъ увидишь, нашъ кузенъ Дмитрій Ивановичъ, онъ теперь здѣсь съ женой и дѣтьми; я вижу его часто, и онъ одинъ изъ многихъ, отъ кого я лично слышалъ то, что я тебѣ сообщилъ; а Дмитрій, кромѣ разныхъ своихъ знакомыхъ, все это слышалъ и отъ Настасьи Александровны Дейеръ, у которой знакомство огромное и въ сферахъ высокихъ; такъ она разсказывала все это за положительно вѣрное и, кромѣ того, что ты будто бы требовалъ смерти Казнакова, какъ человѣка, соперничества котораго ты боялся.

— Не знаю, право, чему удивляться: гнусности ли вымысла, или легковѣрности, съ которою принимается и распространяется самый пошлый и нелѣпый вздоръ. Нужно тебѣ сказать между прочимъ объ Казнаковѣ, что это самый милый человѣкъ, и я лично не только уважаю, но люблю его.

— Знаешь ли что? приплетеніе Казнакова не есть ли измышленіе самой Настасьи Александровны за то, что я не поклоняюсь ея авторитету?

— Пожалуй, что такъ, потому что кромѣ Дмитрія никто не называлъ даже фамиліи Казнакова. Я, насколько тебя знаю, увѣрялъ Дмитрія, что все это вздоръ, сплетни, что меня самого допрашивали, и если бы было что-либо похожее на эти выдумки про тебя, такъ вѣроятно

меня, какъ брата твоего, пощупали бы на эту тему, но ничего подобнаго не было. Такъ можешь себѣ вообразить, Дмитрій на это улыбается, полагая, что я или хочу его перехитрить, или самъ заблуждаюсь. Такъ крѣпко убѣдила его Настасья Александровна.

— Ну, постой же, кузинушка, я тебя проберу при первой же встрѣчѣ, будешь ты на меня сплетничать!

— Завтра утромъ Дмитрій Ивановичъ будетъ у меня, то не уѣзжай изъ дома, пока онъ не побываетъ.

— Ладно.

Изъ разсказа о пребываніи моемъ въ теченіе почти полугода въ крѣпости видно, что съ моей стороны была всевозможная забота о сохраненіи спокойнаго расположенія духа, насколько было это возможно, что̀ и было мною соблюдено до послѣдней минуты: но какъ я уѣхалъ изъ Петропавловки, вошелъ къ брату и чувствовалъ, такъ сказать, осязательно, что я опять на свободѣ или, правильнѣе сказать, не въ одиночномъ заключеніи, то меня охватило лихорадочное состояніе: я не могъ достаточно наговориться съ братомъ, разспрашивалъ его, перебивалъ его своими разсказами, опять разспрашивалъ о всемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, что толкуютъ объ нашемъ дѣлѣ. Долго, долго за полночь мы бесѣдовали, наконецъ братъ утомился и легъ спать, я тоже легъ, но почти до утра не могъ заснуть, безпрестанно вспоминалъ то то, то другое, что хотѣлъ не откладывая разсказать брату, чтобъ не позабыть, или объ чемъ считалъ необходимымъ разспросить брата сейчасъ же, звалъ брата: «ты спишь, ты спишь...» добивался, что онъ отзовется, и начиналъ ему разсказывать или его разспрашивать, такъ что братъ нѣсколько разъ уговаривалъ меня спать самому и ему дать спать. Я замолкалъ и снова не утерпливалъ и опять пускался въ разспросы или разсказы, но при разсказахъ не довольствовался процессомъ разсказыванья, но допрашивалъ брата, слышитъ ли онъ, и требовалъ отвѣтовъ. Несмотря на безсонную ночь, я всталъ рано, чуть только можно было одѣваться и умываться безъ огня. Начавъ причесывать свои длинныя кудри, отросшія за время заключенія, подмѣтилъ въ зеркало, что у меня начинаетъ образовываться просвѣтъ по срединѣ головы.

Братъ еще умывался, а я уже сидѣлъ за самоваромъ. Звонокъ, и входитъ двоюродный братъ Дмитрій Ивановичъ, объ которомъ уже шла рѣчь между нами. Братъ Алексѣй говоритъ ему, чтобъ проходилъ во вторую комнату, но шепнулъ ему: тамъ Фіеско; тотъ входитъ и видитъ сидящаго на диванѣ плотнаго малаго, въ красной канаусовой рубашкѣ, съ черными кудрями почти до плечъ и съ густой черной бородой. Дмитрій струсилъ, въ то время Николаевскаго террора, подъ вліяніемъ разсказовъ о замыслахъ, заговорахъ и прочее, неожиданно увидать у человѣка, бывшаго по политическому преступленію въ крѣпости, личность,

которая на его взглядъ не обѣщала ничего успокоительнаго, могло дѣйствительно озадачить добраго провинціала. Онъ начинаетъ семенить ножками, раскланивается и не знаетъ, оставаться ли ему, или удрать, чтобъ не быть скомпрометтировану.—Я говорю ему:

— Здравствуй, Дмитрій, или ты не узнаешь меня?

Тотъ, продолжая раскланиваться: извините, не имѣю чести знать.

— Да полно притворяться или ты подъ вліяніемъ сплетенъ Настасьи Александровны думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ разстрѣлянъ? Нѣтъ, погоди, я еще съ ней посчитаюсь, чтобъ она не чесала языкъ на мой счетъ.

Тутъ Дмитрій узналъ меня, бросился обнимать, разспрашивать, какъ я освобожденъ и проч., и проч. По добротѣ своей, онъ увѣрялъ, что Настасья Александровна такъ жалѣла обо мнѣ и ничего злаго противъ меня не разсказывала, а повторяя разсказы другихъ, только высказывала свое участіе ко мнѣ.

— Не просилъ и не желаю я такого іезуитскаго участія; не говорю про постороннихъ, которые не зная меня вовсе, могли принимать за правду слова ея, но ты до такой степени былъ ею убѣжденъ противъ меня, что не хотѣлъ вѣрить брату Алексѣю, бывшему ближе къ дѣлу, чѣмъ Настасья Александровна.

— Да полно, пожалуйста полно, успокойся, Павелъ, - говоритъ мнѣ Дмитрій. Я тебя увѣряю, что Настасья Александровна такъ обрадуется, узнавъ, что ты свободенъ.

— Да свободенъ, какъ медвѣдь на цѣпи съ продернутымъ въ носъ кольцомъ, съ тою маленькою разницею,—что, чувствуя цѣпь и кольцо, менѣе считаю себя медвѣдемъ, нежели эти укротители, благополучно свирѣпствующіе.

Взявъ на цѣлый день карету, первый визитъ сдѣлалъ къ фотографу Таутендею и снялся, чтобъ увѣковѣчить память о всемъ разсказанномъ; потомъ отправился къ парикмахеру, чтобъ привести свою физіономію въ форменный видъ; затѣмъ поѣхалъ на Васильевскій островъ, на бывшую мою квартиру, чтобы забрать мои вещи, если онѣ тамъ, или разыскать ихъ. Вещи мои были на сохраненіи у хозяина дома Траншеля, но онъ отказался мнѣ ихъ выдать безъ свидѣтельства полиціи или III отдѣленія. Возвращаясь съ Васильевскаго острова, проѣхалъ въ департаментъ генеральнаго штаба, и теперь, чрезъ тридцать почти лѣтъ, помню, какую радушную встрѣчу сдѣлали мнѣ всѣ, начиная съ начальствующихъ лицъ, уже не говорю о товарищахъ, которые встрѣтили меня совершенно какъ воскресшаго изъ мертвыхъ родного брата, но даже до писарей, курьеровъ и сторожей включительно.

Разспросамъ не было конца. Сколько разъ пришлось мнѣ повторять разсказъ свой: начальствующимъ каждому отдѣльно въ кабинетѣ, а то-

варищамъ—всѣмъ имъ, толпившимся около меня. Мое освобожденіе тѣмъ болѣе было неожиданно, что весь вздоръ, которымъ начинила Настасья Александровна Дмитрія, былъ распускаемъ и удостовѣрялся и въ департаментѣ генеральнаго штаба, и разсказъ этотъ былъ внесенъ въ департаментъ на другой, ежели не въ самый же день ареста и кѣмъ же? Офицеромъ генеральнаго штаба, Циммерманомъ, нынѣ корпуснымъ командиромъ, а тогда штабсъ-капитаномъ, который въ подтвержденіе достовѣрности источника, изъ котораго имъ почерпнуты были эти свѣдѣнія, ссылался на полиціймейстера Поля (обращаю вниманіе на этотъ источникъ, такъ какъ полиціймейстеръ есть органъ министерства внутреннихъ дѣлъ). Послѣдствіемъ моей поѣздки въ департаментъ было, что начальство уговорило меня сдѣлать визиты каждому изъ членовъ коммиссіи за ходатайство о моемъ освобожденіи. Хотя, по правдѣ сказать, какъ тогда, такъ и теперь, не понимаю, за что было благодарить гг. членовъ коммиссіи; но въ благодарность за радушный и сочувственный, пріемъ сдѣланный мнѣ, я согласился, тѣмъ болѣе, что къ двумъ изъ нихъ поневолѣ приходилось ѣхать: къ Дубельту за свидѣтельствомъ на полученіе отъ Траншеля моихъ вещей, а къ Набокову за деньгами и вещами, оставленными въ крѣпости.

Пріѣзжаю къ Дубельту. Эта старая лиса встрѣчаетъ меня съ распростертыми объятіями,—какъ я радъ, капитанъ, что я вижу васъ свободнымъ, у меня сердце болѣло, видя васъ въ заключеніи, вы внушили во всѣхъ насъ такую къ себѣ симпатію, какъ вы держали себя во все время, что мы всѣ были рады, получивъ соизволеніе государя императора на ходатайство наше о вашемъ освобожденіи отъ суда и ареста...

Я воспользовался этой его фразой, чтобъ сказать, что я именно и хотѣлъ благодарить за ходатайство о моемъ освобожденіи и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о выдачѣ мнѣ какого-либо письменнаго удостовѣренія, что я имѣю право получить мои вещи, хранящіяся у Траншеля.

— Вы свидѣтельство получите въ канцеляріи, но я еще хотѣлъ высказать, какимъ уваженіемъ я проникнулся къ вамъ, и вы давно были бы выпущены, но главное васъ компрометтировало знакомство съ этимъ мошенникомъ Петрашевскимъ.

Меня возмутило это нахальство Дубельта, осмѣлившагося такъ называть человѣка, котораго мизинца онъ не стоилъ, и рѣшившагося высказать это человѣку, отъ котораго могъ не получить возраженія, полагая, что, просидѣвъ полгода въ крѣпости, онъ не будетъ сейчасъ же опять туда проситься, но въ этомъ случаѣ онъ ошибся. Я сообразилъ, что ежели по ходатайству коммиссіи, шесть мѣсяцевъ производившей слѣдствіе, я, по Высочайшему повелѣнію, освобожденъ какъ невинный, то на другой же день не засадятъ меня снова, по единоличной волѣ Дубельта, тоже участвовавшаго въ ходатайствѣ объ освобожденіи меня, а потому

я ему и отвѣтилъ: можетъ быть, ваше превосходительство считаете себя въ правѣ такъ называть Петрашевскаго на основаніи данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, но я привыкъ знать Петрашевскаго, какъ человѣка умнаго, образованнаго, расположеннаго къ добру и много дѣлавшаго добра, и теперь не имѣю причинъ перемѣнить свое мнѣніе о немъ.

— Помилуйте,—это былъ просто начитанный дуракъ.

— Я не ставлю своего мнѣнія авторитетомъ для другихъ, но полагаю, что человѣкъ, который кончилъ курсъ въ лицеѣ и выдержалъ экзаменъ на кандидата въ университетѣ, дуракомъ быть не можетъ.

Дубельтъ, видя, что и полугодовое заключеніе не сдѣлало меня подлецомъ, перемѣнилъ тему бесѣды и говоритъ:

— Прошу васъ, капитанъ, во всѣхъ случаяхъ жизни, ежели вамъ нужна будетъ въ чемъ-нибудь поддержка, обращайтесь ко мнѣ, я за особенное удовольствіе почту быть вамъ полезнымъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, но я постараюсь не утруждать васъ моими просьбами.

И Богъ миловалъ, болѣе я не имѣлъ объясненій съ нимъ.

Затѣмъ меня провели, кажется, въ 1-ю экспедицію этой тайной канцеляріи за полученіемъ свидѣтельства на выдачу мнѣ вещей.

Пока какой-то чиновникъ писалъ мнѣ свидѣтельство на право полученія моихъ вещей, я, прохаживаясь изъ угла въ уголъ по комнатѣ, успѣлъ прочитать слѣдующую надпись на одномъ дѣлѣ: «Дѣло по доносу губернскаго секретаря Ѳедоровича о преступныхъ разговорахъ»... затѣмъ слѣдуетъ поименованіе нѣсколькихъ фамилій, изъ которыхъ я въ настоящее время припоминаю нѣкоего Жеребцова, дѣвицы Фридебургъ и какого-то ксендза. Безъ сомнѣнія, я не замедлилъ сообщить моимъ знакомымъ вычитанный мною заголовокъ дѣла, главное—въ тѣхъ видахъ, что не окажется ли милый губернскій секретарь Ѳедоровичъ, занимающійся доносами о преступныхъ разговорахъ, въ числѣ людей, принимаемыхъ или встрѣчаемыхъ кѣмъ-либо изъ моихъ знакомыхъ.

Пріѣхавъ за своими вещами въ крѣпость и получивъ сполна деньги и вещи, не помню, заходилъ ли я къ Набокову благодарить; вѣроятно, заходилъ, но только визитъ этотъ не оставилъ никакого по себѣ впечатлѣнія, да и не могъ оставить.

Изъ прочихъ членовъ внушалъ нѣкоторую симпатію князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, какъ наиболѣе дѣльный и вовсе не «солдатъ», какъ были другіе.—Выраженіе это употреблено мной въ томъ смыслѣ, что Ростовцевъ, Дубельтъ и Долгорукій, какъ военные генералы, воспитанные въ дисциплинѣ, отрѣшающейся отъ всякаго разсужденія о предметахъ, на которые не было непосредственнаго указанія въ особомъ предписаніи, въ особенности этотъ догматъ считали они обязательнымъ

для младшихъ. Но нечего дѣлать, надобно было ѣхать и къ остальнымъ; а какъ нарочно князя-то Гагарина я и не видѣлъ, можетъ быть онъ и не хотѣлъ принимать. Ростовцевъ по своей педагогической дѣятельности пустился въ совѣтованіе мнѣ проситься на Кавказъ, чтобы загладить свое преступленіе; но я прямо высказалъ, что изъ прочитаннаго мнѣ Набоковымъ отрывка Высочайшаго повелѣнія я понялъ, что коммиссія, изслѣдовавшая это дѣло, нашла меня совершенно невиннымъ, а потому и ходатайствовала передъ государемъ императоромъ объ освобожденіи меня отъ суда и отъ ареста: слѣдовательно, о заглаживаніи какого преступленія его превосходительство говоритъ,—я не знаю; да и здоровье моихъ глазъ пострадало бы отъ того климата.

По правдѣ сказать, я и не прочь былъ бы послужить на Кавказѣ, но еслибы я туда уѣхалъ, это могли бы объяснить ссылкою меня туда за преступное участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго, а наименѣе разумные нашли бы въ этомъ подтвержденіе разсказовъ, распускавшихся обо мнѣ; слѣдовательно, въ замѣнъ гласности, я долженъ былъ, для опроверженія нелѣпыхъ розсказней, оставаться въ Петербургѣ и показываться наиболѣе въ публичныхъ мѣстахъ, театрахъ, маскарадахъ и т. п., что я по возможности и дѣлалъ, хотя мнѣ это стоило порядочныхъ денегъ, но, бывши холостъ и имѣя въ рукахъ доставшійся мнѣ при раздѣлѣ имѣнія капиталъ, я проживалъ его не стѣсняясь. При этомъ разскажу практическое замѣчаніе: первыя прибывающія въ каждое публичное мѣсто лица, кромѣ лакеевъ, это шпіоны, которыхъ иногда разомъ пускаютъ изъ особыхъ, но не изъ общихъ входныхъ дверей и, безъ сомнѣнія, безъ входныхъ билетовъ, а отличаются они отъ лакеевъ тѣмъ, что лакеи въ вязанныхъ перчаткахъ и безъ шляпы, а шпіоны въ лайковыхъ перчаткахъ и со шляпами въ рукахъ. Я бывало нарочно пріѣзжалъ поранѣе, чтобъ видѣть впускъ шпіоновъ; но я полагаю, что это были низшіе сорты ихъ, вѣроятно, агенты позначительнѣе входили съ публикою. Видалъ не рѣдко въ числѣ впускаемыхъ и негодяя Антонелли, и долженъ сознаться, случалось, набиралъ я знакомыхъ изъ молодежи и, взявшись съ ними подъ руки, подводилъ къ Антонелли и просилъ ихъ вглядываться въ его наружность, чтобъ онъ не втерся въ кружокъ ихъ знакомствъ, такъ какъ это тотъ самый шпіонъ Антонелли, по доносу котораго выдумано дѣло Петрашевскаго и по которому такъ много невинно пострадавшихъ. Ни полуслова возраженія не произносилъ Антонелли; не знаю, жаловался ли онъ на меня кому-либо, но мнѣ никто не дѣлалъ даже намека на то, что на меня жаловались.

А бѣдный Петръ Ивановичъ Бѣлецкій, котораго выпустили изъ крѣпости, продержавъ не болѣе мѣсяца, имѣлъ несчастье встрѣтиться съ Антонелли, и этотъ негодяй осмѣливается обратиться къ Бѣлецкому, какъ знакомый. Бѣлецкій, видѣвшій Антонелли всего одинъ разъ, когда

тотъ навязался, такъ сказать, ко мнѣ на вечеръ 16-го апрѣля, извиняется, что не знаетъ, кто онъ такой, и Антонелли имѣетъ нахальство назвать свою фамилію, напомнивъ, что былъ въ его квартирѣ. Бѣлецкаго это взорвало, и онъ высказываетъ:

— Какъ! вы, гнусный, подлый человѣкъ, осмѣливаетесь подходить ко мнѣ,—прочь, негодяй!

Ударилъ ли Бѣлецкій шпіона или нѣтъ, не знаю; жаль, ежели не ударилъ, потому что, по жалобѣ Антонелли, Бѣлецкаго сослали въ Вологду на подножный кормъ, и онъ долженъ былъ прожить тамъ до весны 1853 года, когда ему позволили возвратиться въ Петербургъ.

Затѣмъ мнѣ остался сдѣлать еще одинъ благодарственный визитъ— это къ князю Долгорукому, тогда товарищу военнаго министра и кандидату на должность военнаго министра, которымъ онъ и сдѣланъ вскорѣ. Отъ этого визита нельзя было отступиться, какъ отъ визита Гагарину, потому что «начальство», и мнѣ хотѣлось узнать, на какихъ условіяхъ я возвращенъ въ генеральный штабъ, хотя, частнымъ образомъ, мнѣ это было извѣстно (въ то нелѣпое время формулярные списки считались канцелярскою тайною). Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ поѣздокъ, наконецъ, успѣлъ я добиться, что Долгорукій меня принялъ въ канцеляріи военнаго министерства. Въ то же время являлся къ Долгорукому какой-то старый высокій коммиссаріатскій полковникъ съ докладомъ о ремешкахъ, пряжкахъ и проч., оставшихся по расформированіи какихъ-то частей послѣ венгерской кампаніи. Князь Долгорукій не имѣлъ настолько служебнаго смысла, чтобъ обратиться сперва къ старому полковнику, и началъ было бесѣду со мной, но я, не припомню теперь, какимъ мимическимъ пріемомъ уклонился отъ бесѣды, и Долгорукій, выслушавъ докладъ о ремешкахъ, взявъ меня за руку, отвелъ къ окну и началъ что-то покровительственное проповѣдывать. Я на это и говорю, что я отчасти радъ, что попался въ эту исторію. Долгорукій на это:

— Чему же тутъ радоваться?

— А тому, ваше сіятельство, что по доносу я могъ подвергнуться заключенію и въ одиночку, тогда могли бы меня въ кулекъ, да и въ воду, а попавшись въ эту исторію, я былъ включенъ въ списокъ, по которому требовалась отчетность, кто куда дѣвался, тѣмъ болѣе, что дѣло было поручено особой коммиссіи, которая хотя сколько-нибудь могла придержаться справедливости.

— Да, коммиссія отнеслась къ дѣлу добросовѣстно.

— Жаль, ваше сіятельство, что не всѣхъ еще выпустили, мнѣ кажется, что всѣ они столько же невинны, какъ и тѣ, которые выпущены.

— Какое вамъ до этого дѣло? Я жалѣю, что вы попали въ эту исторію, будете впередъ осторожнѣе.

И, пожавъ мнѣ руку, ушелъ въ кабинетъ. Я тоже направился къ выходу, но, вспомнивъ, что позабылъ спросить его, на какихъ условіяхъ я выпущенъ, вернулся назадъ къ дверямъ кабинета, и стоявшій у дверей сторожъ, подъ впечатлѣніемъ того, что я такъ дружно бесѣдовалъ съ Долгорукимъ, безъ всякаго доклада отворилъ передо мною дверь. Я безъ сомнѣнія вхожу и вижу, что директоръ канцеляріи баронъ Вревскій (убитый потомъ при р. Черной) стоитъ у стула возлѣ окна, поставивъ на стулъ ногу, и Долгорукій возлѣ него, облокотясь на его колѣно, и ведутъ бесѣду.

Съ совершенно скромнымъ видомъ, я говорю:

— Извините, ваше сіятельство, что я рѣшаюсь еще разъ безпокоить васъ, но я упустилъ доложить вамъ объ одномъ обстоятельствѣ, весьма для меня важномъ, и я не зналъ, когда бы мнѣ представился другой случай явиться къ вашему сіятельству.

— Почему же вы взошли ко мнѣ безъ доклада?

— Имѣю честь просить въ томъ извиненія: вслѣдствіе полугодоваго заключенія, у меня совершенно вышли изъ памяти обряды, соблюдаемые при представленіяхъ.

— Какъ вы смѣли явиться ко мнѣ безъ доклада?—повторилъ Долгорукій, возвыся голосъ.

— Я извинялся передъ вами. Хотите меня слушать, такъ слушайте, а нѣтъ, такъ я уйду,—возразилъ я, глядя на него въ упоръ.

— Что вамъ угодно сказать,—продолжаетъ онъ, понизя тонъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, на какихъ условіяхъ мнѣ возвращена шпага и я возвращенъ въ прежнее мѣсто служенія.

— Вамъ возвратили шпагу, вотъ и все тутъ.

— Нѣтъ, не все, ваше сіятельство. Всякій служащій, а тѣмъ болѣе офицеръ генеральнаго штаба, тогда можетъ быть полезенъ дѣлу, когда онъ пользуется полнымъ довѣріемъ своего начальства, и ежели мои служебныя отношенія измѣнятся противъ того, какъ я привыкъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ, что я офицеромъ, то я этихъ вещей переносить не могу.

— Я могу вамъ сообщить, что сдѣлано уже распоряженіе, чтобы этотъ арестъ никуда не записывать и чтобъ онъ не имѣлъ никакого вліянія на вашу службу, и я прибавлю, что, при вашихъ способностяхъ и познаніяхъ, вы, обративъ теперь на себя вниманіе, можете только выиграть по службѣ.

И въ такомъ родѣ наговорилъ мнѣ съ три короба любезностей; затѣмъ, мы разстались очень дружелюбно.

Для пополненія моего разсказа нельзя миновать и первой встрѣчи

моей съ милой кузиной Настасьей Александровной Дейеръ. Нѣкоторое время я оставался жить у брата; однажды приходитъ двоюродный братъ Дмитрій Ивановичъ и проситъ насъ къ нему вечеромъ проститься, такъ какъ онъ уѣзжаетъ. Братъ сказалъ, что зайдетъ проститься днемъ, а вечеромъ онъ не свободенъ, я же обѣщалъ быть. Пришелъ я не поздно. Черезъ нѣсколько времени является Настасья Александровна, съ нею сестра—старая дѣвица, дочь—молодая дѣвица, одинъ, а можетъ быть и два сына— не припомню. Безъ сомнѣнія, она знала, что я выпущенъ и что она меня въ этотъ вечеръ увидитъ. Увидавъ меня, чуть ли не бросилась въ объятія; какъ она рада, что видитъ меня, она уже отчаявалась когда-либо имѣть это удовольствіе, послѣ тѣхъ разсказовъ, которые обо мнѣ ходили въ обществѣ; неужели было какое-либо основаніе для тѣхъ ужасныхъ разсказовъ, но гдѣ же я былъ, что со мной было? однимъ словомъ, засыпала меня вопросами, и все это съ такимъ любезнымъ тономъ, родственнымъ участіемъ, что, право, иной бы растаялъ, но такъ какъ я уже имѣлъ противъ этой барыни «зубъ», какъ говорится, то я самымъ любезнымъ же тономъ, къ какому былъ способенъ, отвѣчаю: «съ меня взяли подписку не разсказывать, гдѣ я былъ, по какому случаю, объ чемъ со мною бесѣдовали, но относительно основательности разсказовъ, которые принимали за непреложную истину, то подобный случай былъ въ Лондонѣ: одинъ господинъ публикуетъ въ газетахъ, что онъ изобрѣлъ стерляжьи порошки, и кто любитъ стерлядей, можетъ обращаться къ нему (прописанъ адресъ) за порошками, по такой-то цѣнѣ банка или фунтъ, не припомню, затѣмъ насыпать этихъ порошковъ хоть въ полоскательную чашку, и сейчасъ же образуются стерляди, которыхъ и можете брать, сколько угодно, варить уху, или приготовлять иначе, какъ кто любитъ.

На другой день, съ самаго ранняго утра осаждаютъ его квартиру; звонокъ за звонкомъ. Часу въ десятомъ, является какой-то господинъ и проситъ стерляжьихъ порошковъ.

— Извините, у меня ихъ нѣтъ,—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Какъ, неужели я опоздалъ?

— Нѣтъ, вы не опоздали, но у меня ихъ и не было.

— Какъ не было? Я самъ читалъ публикацію, что по такой-то цѣнѣ, такое-то количество продается стерляжьихъ порошковъ.

— Дѣйствительно, публикація была, но вотъ здѣсь, за ширмами, сидитъ мой пріятель, съ которымъ я держалъ пари, что какую бы нелѣпость ни напечатать, всему повѣрятъ, и вы сегодня двадцать седьмой.

Предоставляю каждому вообразить, какъ успокоительно подѣйствовала эта притча на барыню, но она съ улыбкой сказала: «какъ это странно; берутъ подписку не опровергать нелѣпыхъ слуховъ».

— Въ этомъ имѣется логичность: ежели что нелѣпо, то не заслужи-

ваетъ опроверженія. Что же касается меня лично, то моя наличность опровергаетъ всякую мысль о виновности моей въ чемъ бы то ни было. Такъ что любопытство барыни, хотя было подправлено и участіемъ, и желаніемъ опровергнуть обвиненія, которыя будто-бы тяготѣли на мнѣ, не было удовлетворено ни на сколько. Но, выслушавъ притчу о стерляжьихъ порошкахъ, она, безъ сомнѣнія, не сдѣлалась моимъ другомъ.

Разскажу еще два случая, подтверждающіе, въ какой мѣрѣ были распространены нелѣпыя сплетни про все это дѣло, именуемое «дѣломъ Петрашевскаго», и про меня въ особенности, хотя изъ откровеннаго моего разсказа нѣтъ возможности вывести, да и не выведено коммиссіею какихъ-либо обвиненій на меня. Но въ распускаемыхъ сплетняхъ, особенно въ томъ, что я назначался военнымъ министромъ въ предполагаемомъ «временномъ правленіи» и что я уже разстрѣлянъ, видна такая гнусная ехидность, чтобы все это дѣло, а меня въ особенности, право, не знаю за что, представить не только преступнымъ, что́ имѣло значеніе *въ наивысшихъ и въ наинизшихъ* слояхъ по причинамъ противоположнымъ, но въ глазахъ среднихъ слоевъ, въ которыхъ политическая преступность, особенно въ направленіи прогрессивномъ, не роняла бы людей въ ихъ мнѣніи, созданіе химеры, какъ временное правленіе, съ такимъ персоналомъ, что штабсъ-капитанъ, ничѣмъ не заявившій себя, предназначался въ военные министры,—это вызывало просто смѣхъ и унижало до глупаго, смѣшнаго сочинителей и членовъ такого временнаго правительства.

Былъ въ тѣ времена, въ Питерѣ, премилый человѣкъ Платонъ Ивановичъ Одинцовъ, выпущенный изъ Пажескаго корпуса еще во времена наполеоновскихъ войнъ, а тогда служившій, кажется, смотрителемъ «Прачешнаго дома»; былъ онъ когда-то съ порядочнымъ состояніемъ, которое прожилъ на устройство спектаклей любителей и другихъ провинціальныхъ увеселеній (въ г. Вологдѣ); потомъ женился на дочери губернатора, которая была для него потомъ дѣйствительнымъ ангеломъ-хранителемъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нѣсколько племянниковъ Платона Ивановича служило въ Преображенскомъ полку, и почти весь полкъ звалъ его «дядюшкой». Я тоже звалъ его «дядюшкой», потому что онъ по знакомству съ моей матушкой и другими моими родными бралъ меня, въ качествѣ племянника, изъ корпуса въ отпускъ по праздникамъ, вмѣстѣ съ родными племянниками своей жены. А въ концѣ сороковыхъ годовъ, этотъ племянникъ его жены самъ былъ женатъ и со мною былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, фамилія его Винтеръ.

Однажды Платонъ Ивановичъ приходитъ къ Винтеру и застаетъ его съ женой за обѣдомъ. Хозяева видятъ, что дядюшка что-то взды-

хаетъ, морщится, часто вынимаетъ платокъ... Спрашиваютъ его, что съ вами, дядюшка?—Охъ, охъ, какого милаго, хорошаго человѣка мы лишились... и опять утирается платкомъ.—Кого, кого?—спрашиваютъ Винтеры.—Да Павла Алексѣевича, его сегодня на крѣпостномъ валу разстрѣляли.

И зарыдалъ. За нимъ прослезился Владиміръ Ивановичъ Винтеръ, а съ женой его, Елизаветой Аполлоновной, сдѣлалась истерика.

Это было незадолго до моего освобожденія изъ крѣпости.

Другой случай. Идя по Невскому, встрѣчаю молодаго офицера Финляндскаго полка, Владиміра Евстафьевича Фридрихса. Выходя изъ корпуса, я оставилъ его тамъ только-что переведеннымъ изъ малолѣтняго Александровскаго корпуса. Мы были тогда на «ты», и я его звалъ Володя.

— Здравствуй, Володя,—говорю я.

— Здравствуйте,—отвѣчаетъ тотъ.

Я вижу, что его что-то коробитъ.

— Что̀, былъ ты въ походѣ топтанія литовской грязи?

Тогда была только Царскосельская желѣзная дорога, и во время венгерской кампаніи гвардія была мобилизована, дошла до Литвы, но за сложеніемъ оружія Гергеемъ вернулась.

— Нѣтъ-съ, я не былъ, я былъ нездоровъ и оставался здѣсь.

Прошли немного молча.

Затѣмъ Фридрихсъ говоритъ: вами недовольны.

— Кому это я не угодилъ?

— Да вы строго экзаменуете.

— Кого же и когда я экзаменовалъ, да еще и строго?

— Мой товарищъ Кушакевичъ не выдержалъ у васъ экзамена потому, что готовился по курсу своего отца.

— Ежели вашъ товарищъ Кушакевичъ далѣе курса своего папаши ничего не смыслитъ въ математикѣ, то не мудрено, что онъ не выдержалъ экзамена, потому что этотъ курсъ не годится въ математическіе букварн. Впрочемъ, я не экзаменовалъ ни Кушакевича, ни кого другаго.

— Какъ, развѣ вы не имѣете лекцій въ академіи?

— Не имѣлъ и не имѣю.

— Да вѣдь вы Усовскій?

Дѣйствительно, покойникъ Усовскій имѣлъ сходство со мною: мы были одного роста, оба брюнеты, оба штабсъ-капитаны генеральнаго штаба, оба въ очкахъ, такъ, что разъ я заѣзжаю къ нему (онъ тогда жилъ со старшей своей сестрой) въ какой-то праздникъ; на звонокъ отворяетъ мнѣ его сестра, и со словами «здравствуй»—чуть меня не поцѣловала, но какъ она была уже не молода, то я и уклонился.

Тогда я говорю:

— Нѣтъ, я не Усовскій, но ежели вы меня не узнаете, или не хотите узнать, то извините, что я васъ обезпокоилъ.

И отхожу.

Фридрихсъ хватаетъ меня за руку и говоритъ:

— Позвольте, я хочу теперь непремѣнно узнать. Вы удивительно похожи на одного офицера генеральнаго штаба, на Кузмина, но я оффиціально знаю, что онъ разстрѣлянъ.

— А я знаю въ генеральномъ штабѣ одного только Кузмина, который теперь держитъ васъ за руку, и другаго Кузмина по сіе время въ генеральномъ штабѣ не было и нѣтъ.

Послѣ того долго безъ улыбки мы не могли встрѣчаться съ Фридрихсомъ.

Всѣ эти сплетни, выдумки и проч. и проч. могли имѣть мѣсто въ то время, когда о дѣлѣ ничего не было извѣстно; даже для членовъ коммиссіи многое могло быть неразъясненнымъ. Но разсказъ, что я предназначался въ военные министры, продолжалъ возобновляться при каждомъ возможномъ и невозможномъ случаѣ.

Послѣ признанія меня невиннымъ цѣлою коммиссіею, меня подвергли особому полицейскому надзору, такъ что разъ забрался ко мнѣ въ квартиру (въ домѣ Котомина у Полицейскаго моста) агентъ Павелъ Ѳедоровичъ Миллеръ и началъ разспрашивать кухарку о моемъ житьѣ-бытьѣ: кто у меня бываетъ, много ли у меня денегъ, откуда я получаю деньги и т. п.; кухарка мнѣ разсказала, и я на другой же день заявилъ объ этомъ Бергу, бывшему тогда генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба, и просилъ его сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ, для огражденія меня отъ такихъ визитовъ; кромѣ того, я поѣхалъ къ полковнику Полю (пріятелю Циммермана) и сказалъ ему, что въ его отдѣленіи дѣлаются набѣги на квартиры людей, какъ вышеназванный Миллеръ, пользующійся, безъ всякой двусмысленности, дурною репутаціею, то ежели Миллера или кого подобнаго я застану въ квартирѣ или онъ сунется при мнѣ въ мою квартиру, то я прошу его распоряженія, чтобы, по моему заявленію, мнѣ оказали изъ ближайшей будки содѣйствіе къ задержанію, а то, чего добраго, въ видѣ самообороны, придется, пожалуй, распорядиться и самому, что̀ можетъ отозваться нѣкоторымъ неудобствомъ для непрошеннаго посѣтителя. Поль завѣрялъ, что никакихъ распоряженій о выспрашиваніи прислуги имъ дѣлаемо не было, и что это просто мошенники.

Но припомню, что бесѣду свою съ Полемъ я началъ заявленіемъ, что я штабсъ-капитанъ Кузминъ, тотъ самый, который по дѣлу Петрашевскаго сидѣлъ въ крѣпости.

— На, но вы оправданы,—говоритъ Поль.

*

— Нѣтъ, я не оправданъ, а признанъ невиннымъ слѣдственною, а не судною коммиссіею, по докладу которой государю императору, я освобожденъ отъ суда и отъ ареста, а потому, такъ какъ я не былъ обвиняемъ, то не могъ быть и оправданъ. Установивши, такимъ образомъ, вопросъ, я и обращаюсь и т. д.

Нѣсколько разъ я отвлекался отъ изложенія поводовъ къ возбужденію дѣла, такъ-называемаго «дѣла Петрашевскаго». Перехожу теперь непосредственно къ нему, но все-таки надобно для уясненія его сказать нѣсколько вступительныхъ словъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ то время Левъ Алексѣевичъ Перовскій, человѣкъ, желавшій быть полезнымъ дѣятелемъ на томъ важномъ посту, на который былъ поставленъ, но отсутствіе въ немъ личной подготовки къ этой дѣятельности, а главное, отсутствіе учрежденій, контролирующихъ правильность дѣятельности разныхъ органовъ правительственныхъ и общественныхъ, увлекали нерѣдко Перовскаго въ личную мелочную работу, вовсе не подходящую къ дѣятельности министра, или на путь противозаконныхъ мѣропріятій.

Въ тѣ времена, весьма не блаженныя, въ рукахъ административныхъ органовъ сосредоточивалась, кромѣ власти распорядительной и исполнительной, еще власть и судебная, да, пожалуй, отчасти и законодательная, потому что министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ себя имѣющимъ право, и осуществлялъ это право,—предоставлять отдѣльнымъ лицамъ, коммиссіямъ и предсѣдателямъ этихъ коммиссій полномочія, ставящія ихъ выше закона. Такъ, около того времени, была учреждена, подъ предсѣдательствомъ «прескверной памяти» Ивана Петровича Липранди, бывшаго старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, коммиссія для разбора раскольничьихъ дѣлъ. Этому Липранди было предоставлено право хватать встрѣчнаго и поперечнаго, который, по мнѣнію Липранди, могъ бы въ какомъ-либо отношеніи быть полезнымъ для его дѣла, и полномочія эти были изображены въ особой бумагѣ, которою Липранди былъ снабженъ, и по предъявленіи коей всякій обязанъ былъ оказывать содѣйствіе на каждое требованіе.

Такъ какъ самою денежною изъ всѣхъ раскольничьихъ сектъ была секта скопцовъ, то за нихъ и взялся достойный Иванъ Петровичъ и, безъ сомнѣнія, дралъ съ живаго и съ мертваго. Затрещали кованые денежные сундуки. Платились, платились скопцы, и начали жаловаться—подавать прошенія; многія изъ жалобъ не имѣли послѣдствій; наконецъ, одна изъ жалобъ, сочиненная, бывшимъ тогда въ Петербургѣ, совѣстнымъ судьею, кажется, Измайловымъ, не только заслужила вниманіе Сената, но вызвала постановленіе: «Перовскому сдѣлать выговоръ, а Липранди отдать подъ судъ». Это случилось въ началѣ весны 1849 г.

Липранди, какъ старшій агентъ министерства внутреннихъ дѣлъ, еще съ лѣта 1848 года имѣлъ, въ числѣ знакомыхъ Петрашевскаго, своего агента Антонелли, который и получилъ приказаніе отъ своего патрона представить ему немедленно отчетъ о преступныхъ разговорахъ, веденныхъ на вечерахъ у Петрашевскаго и при другихъ случаяхъ, представившихся для наблюденія Антонелли; для этого же устраивался вечеръ и у Антонелли подъ предлогомъ празднованія новоселья. На основаніи этихъ матеріаловъ, пополненныхъ собственною фантазіею, былъ составленъ обстоятельный доносъ о заговорѣ, имѣющемъ обширные размѣры и пустившемъ корни въ различныхъ мѣстностяхъ, во всѣхъ слояхъ населенія, и что заговоръ тотъ настолько созрѣлъ, что назначенъ день и часъ для приведенія его въ исполненіе и, при успѣхѣ,—въ чемъ заговорщики не сомнѣвались,—долженствовало учредиться «временное правительство», въ составъ котораго и я долженъ былъ войти, въ качествѣ военнаго министра.

Диверсія эта удалась какъ нельзя лучше, и министерство внутреннихъ дѣлъ полагало, что оно дѣлаетъ двойной выигрышъ: 1) Когда поднятъ вопросъ о заговорѣ, то можно ли обращать хоть какое-либо вниманіе на то, что открыватели этого заговора притѣсняли какихъ-нибудь скопцовъ. 2) Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шла борьба Перовскаго противъ Орлова, яко шефа жандармовъ, и въ борьбѣ этой Перовскій доказывалъ, что вся полиція должна сосредоточиваться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которое одно обязано охранять внутреннее спокойствіе и предупреждать всякій безпорядокъ и слѣдить за настроеніемъ общества чрезъ своихъ агентовъ, которые могутъ удобнѣе проникать въ каждый общественный кружокъ, и что жандармское вѣдомство ничего не дѣлаетъ, чему можетъ служить лучшимъ доказательствомъ то, что обширное «общество Петрашевскаго», давно существующее и пустившее свои корни по всей Россіи, во всѣ общественные слои, съ цѣлью ниспровергнуть благія учрежденія самодержавія и самую православную церковь—остается невѣдомымъ для III отдѣленія; и только усердію и вѣрноподданнической преданности чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ Перовскимъ во главѣ и съ подручнымъ въ лицѣ Липранди, отечество обязано открытіемъ этого заговора, и представляется возможность предотвратить опасность, грозившую государству, августѣйшему дому и православной церкви.

Казалось, и этотъ ударъ неотразимъ. Императоръ посылаетъ за Орловымъ и спрашиваетъ, почему онъ не доложилъ ему, ежели знаетъ объ этомъ обширномъ заговорѣ, во главѣ котораго стоитъ Петрашевскій, у котораго заговорщики собираются по пятницамъ, кромѣ того, собираются у другихъ соучастниковъ. Орловъ докладываетъ, что никакого особаго «общества», подъ предсѣдательствомъ Петрашевскаго, не

существуетъ, а что по пятницамъ у него, дѣйствительно, собираются, какъ въ назначенный для пріема день, и собираются молодые люди, образованные, преимущественно служащіе, и надобно отдать имъ справедливость, лучшіе изъ служащихъ. III отдѣленіе имѣетъ тамъ своего надежнаго агента, но изъ докладовъ его видно, что ничего мало-мальски преступнаго тамъ не проявлялось.

— Какъ!—возражаетъ императоръ.—А разговоры! Какое разговоры, настоящія парламентскія пренія объ освобожденіи крестьянъ, уничтоженіи ценз̆уры, заведеніи присяжныхъ; развѣ имѣютъ право эти мальчишки разсуждать объ этомъ?

Орловъ убѣждаетъ, что ничего опаснаго нѣтъ, что нельзя же отказать въ правѣ разговаривать въ частномъ домѣ о предметахъ, доступныхъ пониманію, и что ежели бы существовала хотя тѣнь опасности, то онъ давно принялъ бы мѣры. Можетъ быть, при этихъ объясненіяхъ, Орловымъ руководило желаніе парализовать подходецъ Перовскаго противъ него, Орлова.

Но министерство внутреннихъ дѣлъ восторжествовало; затѣмъ надобно было наиболѣе распространить во всѣхъ слояхъ общества разсказы о серьезности задуманнаго заговора, а съ тѣмъ вмѣстѣ представить участниковъ не только преступными, но, что̀ еще хуже со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ,—представить ихъ въ глупомъ или смѣшномъ видѣ, по дерзости задуманнаго; съ этою-то цѣлью и былъ распространенъ разсказъ о проектированномъ будто бы составѣ временнаго правительства, и поименованы лица, входящія въ него. «Какъ бы ни былъ слухъ нелѣпъ, всему повѣрятъ» или «calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose». А потому нашлись вѣрящіе этому вздору, а невѣрящіе все-таки въ свою очередь разсказывали, можетъ быть, даже съ варіацами; хотя, какъ я уже говорилъ, объ этомъ предметѣ даже не возбуждалось вопроса, по крайней мѣрѣ, относительно меня и тѣхъ, кого случалось мнѣ потомъ встрѣчать и говорить съ ними о предметахъ допроса. Кромѣ того, распространеніе слуховъ, хотя и невѣрное, объ своевременномъ открытіи обширнаго заговора и принятіе цѣлесообразныхъ мѣръ къ совершенному искорененію преступныхъ замысловъ льстило самолюбію многихъ.

КЪ ВОПРОСУ ПО ИСТОРІИ

ПАДЕНІЯ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

Нечего много говорить и распространяться о томъ, какой обильный, цѣнный и капитальный матеріалъ по исторіи паденія крѣпостнаго права въ Россіи представляетъ изъ себя все то, что до сихъ поръ издано въ печати какъ нашей, такъ и иностранной по этому вопросу.

Нѣтъ сомнѣнія, такіе серьезные и выдающіеся труды, изслѣдованія и сборники, какъ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи» соч. проф. И. Иванюкова, «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» соч. В. П. Семевскаго, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», соч. того же автора, «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II», сост. А. Скребицкимъ, изд. въ Боннѣ на Рейнѣ, «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», соч. Н. П. Семенова, «Un homme d'état russe» par Anatole Leroy-Beaulieu. Paris, и многіе другіе—поставили исторію уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи уже на прочную, фактическую почву. Конечно, съ помощью такихъ и имъ подобныхъ научныхъ сочиненій и работъ, будущему историку внутренней жизни въ Россіи за этотъ періодъ времени предстоитъ не особенный трудъ разобраться и оріентироваться въ сказанномъ вопросѣ.

И тѣмъ не менѣе все-таки во всемъ оглашенномъ и обнародованномъ по настоящее время путемъ печати по исторіи уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи на нашъ взглядъ замѣчается довольно крупная и значительная брешь, брешь такая, въ силу которой во всѣхъ нынѣ опу-

бликованныхъ матеріалахъ относительно паденія крѣпостнаго права въ Россіи обнаруживается видимая, довольно замѣтная и выдающаяся неполнота. Подъ брешью этой мы разумѣемъ—почти полное отсутствіе въ печати до нашихъ дней какихъ-либо обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности и трудахъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ», учрежденныхъ «для развитія основаній, изложенныхъ въ рескриптахъ 1857 года, и примѣненія ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи или края», и открывавшихся послѣ 20 ноября 1857 года Высочайшимъ рескриптомъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ небольшой статьи извѣстнаго нашего апологета всѣхъ реформъ прошедшаго царствованія — гр. Джаншіева—«Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ»,—первоначально помѣщенная въ журналѣ «Русская Мысль», а впослѣдствіи введенная въ извѣстную того же автора книгу «Изъ эпохи великихъ реформъ», статьи, составленной на основаніи трудовъ «Тверскаго губернскаго комитета», о дѣятельности и трудахъ другихъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» въ печати и по нынѣ не появлялось почти совсѣмъ ничего. Кто же не согласится съ тѣмъ, что такое почти полное отсутствіе свѣдѣній о бывшихъ «губернскихъ комитетахъ» и ихъ дѣятельности по вопросу объ освобожденіи крестьянъ среди матеріаловъ по исторіи паденія крѣпостнаго права въ Россіи—пробѣлъ и притомъ пробѣлъ значительный и важный, пробѣлъ такой, который многія стороны великой реформы 19 февраля 1861 года и до сихъ поръ оставляетъ въ мракѣ невѣдѣнія, отъ чего и вся исторія уничтоженія крѣпостнаго права остается какъ бы недосказанною и недоговоренною.

Вотъ что между прочимъ говорилъ еще въ 1882 году проф. И. Иванюковъ въ своемъ трудѣ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи», по поводу отсутствія обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности и трудахъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ»: въ обществѣ до сихъ поръ существуетъ легенда, будто комитетскія «положенія» представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему не годный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелькала здравая мысль и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу; будто Положеніе 19 февраля сочинилъ кружокъ умныхъ и честныхъ либераловъ, а общество тутъ не при чемъ и скорѣе мѣшало». (стр. 165).

А тотъ же гр. Джаншіевъ въ указанной замѣткѣ о «Роли тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ» на тему объ отсутствіи въ печати свѣдѣній относительно трудовъ и дѣятельности бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» говоритъ такъ: «Минуло уже тридцать лѣтъ (1891 г.) со дня объявленія великаго законодательнаго акта 19 февраля 1861 г. Не взирая на этотъ довольно значительный періодъ времени, нѣкото-

рыя стороны крестьянской реформы остаются еще въ тѣни. Нельзя сказать, чтобы это явленіе всецѣло объяснялось неблагопріятными цензурными условіями. На ряду съ ними слѣдуетъ поставить недостаточную извѣстность матеріаловъ крестьянской реформы. Несмотря на то, что, начиная съ конца 50-хъ годовъ, печаталась и печатается масса данныхъ, касающихся ея хода, несмотря на появленіе въ 1862—1868 гг. монументальнаго труда г. Скребицкаго —многія свѣдѣнія остаются покуда подъ спудомъ. Таковы, напр. «положенія губернскихъ комитетовъ», подлинные акты коихъ вовсе или почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ, что́ создаетъ невѣрное представленіе о факторахъ, такъ или иначе вліявшихъ на ходъ и исходъ великаго преобразованія». («Изъ эпохи великихъ реформъ» изд. 4-е, стр. 85 – 86).

Если все вышесказанное вѣрно, а съ тѣмъ, что оно вѣрно, нельзя не согласиться, то отсюда само собой вытекаетъ одно, а именно, что дѣйствительно брешь, о которой мы подняли здѣсь рѣчь и которая замѣчается въ доселѣ обнародованныхъ путемъ печати матеріалахъ по исторіи паденія крѣпостнаго права въ Россіи, настоятельно должна быть задѣлана и что пробѣлъ, на который мы здѣсь указываемъ, долженъ быть пополненъ, или, иначе говоря, что всѣ подлинные акты и документы бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» и всѣ свѣдѣнія о ихъ трудахъ и дѣятельности должны быть путемъ печати оглашены и обнародованы, что они должны сдѣлаться достояніемъ публики, такъ какъ во всемъ настоитъ неотложная необходимость, въ видахъ охраненія исторической правды.

Впрочемъ, остановимся нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о томъ, почему необходимо огласить путемъ печати всѣ акты и документы бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» и всѣ обстоятельныя свѣдѣнія о ихъ трудахъ и дѣятельности? По нашему мнѣнію, это необходимо сдѣлать въ видахъ слѣдующаго: 1) Такое обнародованіе и опубликованіе оградитъ труды и дѣятельность «губернскихъ комитетовъ» отъ всѣхъ тѣхъ легендъ и легендарныхъ сказаній, которыя ходили и ходятъ еще до сихъ поръ о нихъ въ обществѣ. 2) Это возстановитъ историческую истину, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличиванія, а такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ и въ дѣйствительности. 3) Это на дѣлѣ покажетъ — чего хотѣло наше дворянство, высказавшееся въ своихъ адресахъ, поданныхъ къ престолу монарха по поводу освобожденія крестьянъ, и добивалось черезъ свои ближайшіе органы—«губернскіе комитеты» по тому же самому предмету. 4) Это покажетъ, какъ, въ какихъ предѣлахъ, въ какой формѣ и при помощи какихъ средствъ наше дворянство хотѣло и стремилось исполнить волю монарха—освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 5) Это опредѣлитъ, сколько ко времени крестьянской реформы у насъ было еще крѣпостниковъ-дворянъ въ полномъ смыслѣ

этого слова, и сколько борцовъ за новую идею. 6) Это опредѣлитъ въ дѣйствительности, кто у насъ хотѣлъ дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ. 7) Это укажетъ, какой элементъ въ дворянствѣ остался сильнымъ и послѣ реформы 19 февраля 1861 г. и какой дожилъ до нашихъ дней. 8) Это увѣковѣчитъ навсегда память и имена тѣхъ, кто въ «губернскихъ комитетахъ» желалъ дѣйствительнаго и на вполнѣ раціональныхъ началахъ устройства жизни свободнаго крестьянина. 9) Это укажетъ, кто изъ нашего дворянства шелъ по сознанію и убѣжденію за идеей освобожденія крестьянъ и кто, какъ говорится, только держалъ носъ по вѣтру. 10) Это объяснитъ многое изъ того, почему крестьянская реформа вышла въ тѣхъ формахъ, какъ она вылилась въ различныхъ законоположеніяхъ вслѣдъ за 19 февраля 1861 года. 11) Это разъяснитъ намъ многое изъ нашего настоящаго времени, съ его господствующими и преобладающими тенденціями; наконецъ, 12) Это разъяснитъ много явленій нашей настоящей жизни, связанной съ реформой 19 февраля 1861 г., явленій такихъ, которыя безъ ключа знанія о трудахъ и дѣятельности «губернскихъ комитетовъ» объяснить ничѣмъ нельзя.

И по нашему крайнему разумѣнію обнародованіемъ черезъ печать о дѣятельности и трудахъ «губернскихъ комитетовъ» нужно спѣшить. Это послѣднее вызывается слѣдующимъ: а) Извѣстно, что всѣ подлинные документы и акты — однимъ словомъ, всѣ дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ», по закрытіи ихъ, остались на храненіи мѣстнаго дворянства, у котораго и продолжаютъ оставаться въ вѣдѣніи до настоящаго времени вмѣстѣ съ другими разными законченными дѣлами мѣстныхъ депутатскихъ собраній.

Извѣстно также, что все законченное производство сказанныхъ собраній, а равно и дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ», не имѣютъ какихъ-либо особенныхъ спеціально приспособленныхъ для храненія архивныхъ дѣлъ помѣщеній, а находятся въ помѣщеніяхъ при депутатскихъ собраніяхъ; послѣднія же обыкновенно помѣщаются въ имѣющихся въ каждой почти губерніи, такъ называемыхъ, дворянскихъ домахъ, составляющихъ общественную собственность мѣстнаго дворянства губерніи.

При такихъ условіяхъ храненія дѣлъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ», само собою разумѣется, дѣла эти далеко не гарантированы отъ утраты ихъ и уничтоженія и волей человѣка, и временемъ, и силой стихій—огнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто порукой, что охраняемыя какимъ-нибудь—пожалуй еще вольнонаемнымъ за самую незначительную плату — чиновникомъ депутатскаго собранія дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ»—не утратятся со временемъ, какъ не нужныя и не имѣющія никакой цѣнности въ настоящемъ. Мало ли у насъ примѣровъ, что документы, имѣющіе рѣдкую историческую цѣнность, еще недавно истреб-

лялись, благодаря одному простому невниманію къ нимъ. И кто не знаетъ, какъ мы еще до сихъ поръ не научились вообще относиться съ бережливостью и должною охраною къ документамъ и актамъ, имѣющимъ историческую цѣнность. Затѣмъ простое, обычное, небрежное, невнимательное отношеніе къ дѣламъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» и храненіе ихъ не такъ, какъ должно, даетъ возможность истребиться и уничтожиться имъ единственно отъ одного времени. Допустимъ, напр., что дѣла эти хранятся въ сыромъ помѣщеніи. Благодаря этому, то, что можно еще читать и разобрать теперь, чрезъ большой промежутокъ уже окажется недоступнымъ для чтенія. Сырость и время, несомнѣнно, зловредно отзовутся и на самой бумагѣ, и на чернилахъ дѣлъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ».

Наконецъ, сохраняясь въ домахъ дворянства съ дѣлами депутатскаго собранія, дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» не гарантированы совсѣмъ отъ истребленія ихъ пожаромъ. Былъ же случай, что въ одномъ губернскомъ присутствіи пожаръ истребилъ массу «выкупныхъ дѣлъ» и выкупныхъ плановъ. И не даромъ за послѣднее время само правительство нашло нужнымъ истребовать выкупные планы на храненіе въ «губернскія чертежныя», въ которыхъ такіе планы хранятся въ особыхъ архивахъ, съ гарантіей отъ истребленія огнемъ. Что же ждетъ дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ», если ихъ коснется пожаръ. Возстановить такія дѣла уже не будетъ никакой возможности. И тогда историческая правда по дѣлу крестьянской реформы—увы!—сократится на много. б) Кто не знаетъ, какъ у насъ въ обществѣ быстро и легко мѣняются взгляды и какъ то, что еще вчера считалось святымъ и неприкосновеннымъ, нынѣ заслуживаетъ голословнаго порицанія, отвергается, признается никуда и не къ чему непригоднымъ. Припомнимъ только измѣненіе взглядовъ на реформы: «городскую», «земскую», «судебную», или на ту же реформу «крѣпостную»! Что наговорили обо всемъ этомъ, въ самые близкіе къ намъ годы, и что говорятъ и проповѣдуютъ нынѣ ретрограды. И вотъ представимъ, что дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» будутъ подъ охраной этихъ ретроградовъ... Можно ли при этомъ ручаться, что такія дѣла будутъ сохранены въ цѣлости и полной исправности для исторіи и потомства, и не будутъ уничтожены, какъ плоды вредныхъ идей и заблужденія своего времени... Если подобные ретрограды не прочь бы покуситься и стереть съ лица земли самую крестьянскую реформу, то будутъ ли они дорожить какими-то дѣлами бывшихъ «губернскихъ комитетовъ». в) Хотя съ того времени, какъ дѣйствовали «губернскіе комитеты», прошелъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе лица, участвовавшія и дѣйствовавшія въ тѣхъ «комитетахъ», нынѣ не всѣ еще сошли со сцены жизни. Такихъ, которые участвовали въ «губернскихъ комитетахъ» и которые

и въ настоящее время еще живы и могутъ о быломъ «губернскихъ комитетовъ» поразсказать многое... есть еще немало. Но пройдутъ лѣта, и такихъ очевидцевъ уже не будетъ. Отсюда видно, если дѣла, акты и документы бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» будутъ опубликованы теперь же,—многое въ интересахъ исторической правды и истины возможно возстановить чрезъ самихъ дѣятелей, трудившихся и участвовавшихъ въ трудахъ тѣхъ «комитетовъ». Со временемъ же ничего подобнаго уже сдѣлать будетъ нельзя. А кто же можетъ сказать, что въ дѣлахъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» интересны только дѣла, а не интересны и разныя характеристики какъ дѣятелей, такъ и разныхъ эпизодовъ, которыми многое сопровождалось въ тѣхъ дѣлахъ... г) Наконецъ, если дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» будутъ оглашены и свѣдѣнія о трудахъ и дѣятельности лицъ, участвовавшихъ въ этихъ «комитетахъ», будутъ сообщены публикѣ въ настоящее время, то мы узнаемъ, кто шелъ за крестьянскую реформу и кто противъ. А это будетъ имѣть громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія нашей гражданской и общественной жизни. Такимъ путемъ мы узнаемъ, кто у насъ нынѣ ренегаты, кто,—какъ выражается одинъ изъ героевъ «Дворянскаго гнѣзда»—«сжегъ то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигалъ». Такимъ путемъ весьма возможно, что многіе нынѣ ретрограды, узнавши, какихъ взглядовъ держались на крестьянскую реформу ихъ предки въ недалекомъ прошломъ, устыдятся своихъ настоящихъ взглядовъ на реформу 19 февраля 1861 года и откажутся отъ своего ретроградства. А это ли не будетъ величайшій шагъ на пути нашего общественнаго развитія

И всего сказаннаго только, кажется, совершенно достаточно, чтобы признать, что опубликованіемъ дѣлъ бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» надо спѣшить.

На все же высказанное быть можетъ возразятъ такъ: если отсутствіе свѣдѣній о дѣлахъ, трудахъ и дѣятельности бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» дѣйствительно важная брешь и важный пробѣлъ среди опубликованныхъ до сихъ поръ матеріаловъ по исторіи паденія крѣпостнаго права въ Россіи, то кто же и что же, скажутъ, мѣшаетъ желающимъ заняться всѣмъ этимъ приступить къ разработкѣ и этихъ матеріаловъ. Кто и что здѣсь помѣха—о томъ умолчимъ. Думаемъ только, что виной этому не нежеланіе всѣхъ, кто интересуется матеріалами по исторіи уничтоженія у насъ крѣпостнаго права. Вѣримъ и думаемъ, что охотниковъ, подобныхъ гр. Джаншіеву, познакомить публику съ дѣлами бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» нашлось бы много. Но...

Поэтому-то вопросъ о необходимости познакомить публику путемъ печати съ дѣлами, трудами и дѣятельностью бывшихъ «губернскихъ

комитетовъ» мы и считаемъ долгомъ поднять на страницахъ періодической печати. Печати такая инициатива вполнѣ приличествуетъ.

Если же почему-либо дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» въ настоящее время еще не должны подлежать опубликованію, то они во всякомъ случаѣ должны быть ограждены отъ всѣхъ могущихъ случиться съ ними разныхъ метаморфозъ. На нашъ взглядъ, въ интересахъ охраненія великой исторической правды, дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ», какъ документы исторической важности, должны храниться въ государственныхъ архивахъ, а не тамъ, гдѣ эти дѣла сохраняются и по настоящее время.

Уберечь для потомства и для исторіи Россіи, по исторіи паденія крѣпостнаго права въ Россіи, по исторіи такой великой реформы, такіе великіе документы, какъ дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ», отъ истребленія ихъ людьми, временемъ, стихіями—это дѣло государства, а поднять объ этомъ вопросъ—это священный долгъ печати.

Противъ сказаннаго, быть можетъ, возразятъ: но развѣ можно требовать, чтобы всѣ фоліанты-дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» были отпечатаны? Вѣдь этотъ матеріалъ долженъ породить тысячи томовъ? На возраженіе это отвѣтимъ такъ: мы совсѣмъ не хотимъ и не требуемъ, чтобы всѣ дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» были отпечатаны. Настоящей статьей мы хотимъ сказать одно: дѣла бывшихъ «губернскихъ комитетовъ» должны быть доступны печати и должны сохраняться далеко не тамъ, гдѣ они пребываютъ и понынѣ недоступными обозрѣнію и извлеченію изъ нихъ. Вотъ наша мысль.

М. Левитскій.

Литовская легенда объ основанiи города Вильно.

Однажды литовскiй князь Ягайло охотился и, окруженный своею свитою, остановился и любовался видомъ мѣстности при впаденiи Вилiи въ рѣку Вилейку.

— Я хочу заложить здѣсь городъ,— сказалъ князь,—но желалъ бы знать, хорошъ и счастливъ ли будетъ онъ на этомъ мѣстѣ?

Спросили жрецовъ, и они объявили князю волю боговъ.

— Городъ будетъ и славенъ, и счастливъ,—сказали жрецы,—если городская стѣна заложена будетъ на мальчикѣ, единственномъ сынѣ, зарытомъ заживо и пожертвованномъ для этой цѣли самою матерью добровольно.

— Хорошо,—сказалъ князь Ягайло, — сдѣлать кличъ по всему Литовскому княжеству.

Прошло много времени въ напрасныхъ поискахъ такой матери. Наконецъ, гдѣ-то, на краю княжества, нашлась женщина, которая рѣшилась, для такой великой цѣли, исполнить волю боговъ и пожертвовать своего единственнаго сына, десятилѣтняго отрока. Было назначено празднество въ день закладки города: собрались знатнѣйшiя лица княжества и множество народа; жрецы привели мальчика, убраннаго цвѣтами. И вотъ, въ ту минуту, когда должны были принести его въ жертву богамъ, мальчикъ обратился къ князю съ слѣдующими словами:

— Князь, я не вѣрю, чтобы это была воля боговъ.

Мальчикъ былъ уменъ не по лѣтамъ.

— Какъ не вѣришь, вѣдь волю боговъ объявили жрецы—возразилъ Ягайло.

— Жрецы не поняли воли боговъ, — утвердительно сказалъ мальчикъ.—Позволь мнѣ, князь, предложить жрецамъ три вопроса; если они разрѣшатъ ихъ, тогда я увѣрую, и... да совершится воля боговъ!

Князь согласился, и мальчикъ предложилъ слѣдующiе вопросы: что легче всего на свѣтѣ, что слаще всего на свѣтѣ и что тверже всего на свѣтѣ?

Жрецы подумали, потолковали и, наконецъ, отвѣтили:

— Легче всего на свѣтѣ – пухъ, слаще – медъ, а тверже всего на свѣтѣ — камень.

И жрецы съ торжествомъ и самодовольнымъ видомъ посмотрѣли на окружающихъ. Мальчикъ стоялъ, понуря голову. Присутствующiе удивлялись и вопросамъ мальчика, и мудрости жрецовъ. Всѣ, конечно, считали дѣтскiе вопросы рѣшенными. Наступило молчанiе.

— Ну, что же, такъ?—спросилъ князь мальчика.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мальчикъ,—жрецы моихъ вопросовъ не поняли

и не рѣшили, и волю боговъ такъ же не поняли: легче всего на свѣтѣ ребенокъ на рукахъ матери, слаще всего — молоко матери, и тверже всего на свѣтѣ—сердце моей матери, которая жертвуетъ своимъ единственнымъ сыномъ.

Народъ дивился уму мальчика, а князь убѣдился, что жрецы неправильно объяснили волю боговъ. Тогда жрецы, желая спасти свою репутацію, объявили, что они ошиблись: не мальчика нужно принести въ жертву, а дѣвочку. (Они разсчитывали, что дѣвочка будетъ поглупѣе). Сдѣланъ былъ кличъ. По прошествіи нѣкотораго времени дѣвочку нашли. Назначили праздникъ. Бѣдную жертву привели, разукрашенную цвѣтами; было рѣшено дѣвочку въ цвѣтахъ съ букетомъ въ рукѣ поставить на краю пропасти, а сверху сбросить на нее огромную каменную глыбу, которая должна была, при паденіи, раздавить и похоронить подъ собою дѣвочку. И вотъ совершилось чудо: каменная глыба, падая, увлекла съ собою въ пропасть только букетъ цвѣтовъ, вырвавъ его изъ рукъ несчастной. Въ моментъ паденія всѣ присутствующіе невольно закрыли глаза отъ ужаса. Прошло мгновеніе. Взглянули на то мѣсто, гдѣ стояла дѣвочка,—она была невредима. Въ этомъ всѣ увидѣли волю боговъ и возрадовались. Такимъ образомъ городъ былъ заложенъ на цвѣтахъ и названъ по имени рѣки Вильно.

Записано въ 1870 году, въ маѣ мѣсяцѣ, со словъ старика-помѣщика въ мѣстечкѣ Сморгоны, Виленской губерніи.

Сообщилъ **Н. Самойло.**

Два письма П. Кутузова, присланнаго въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи Парижа въ 1814 году.

I.

Почтенному Купеческому обществу [1])

Милостивыя Государи!

Въ ознаменованіи радостныхъ вашихъ чувствъ о славѣ Великаго Нашего Монарха и храбрыхъ Россійскихъ Воиновъ, вступившихъ въ Столицу Франціи, вы подарили меня какъ счастливаго вестника Серебрянымъ блюдомъ и крушкою съ четырью тысячами червонныхъ. Признательность обязываетъ меня отдать вамъ отчетъ, какое я зделалъ изъ нихъ употребленіе, для чего прилагаю присемъ копію съ

---

[1]) Печатаются съ сохраненіемъ орѳографіи подлинниковъ.

письма моего въ Сословіе призренія раззоренныхъ отъ непріятеля я не имею кажется нужды уверять чемъ обязанъ почтенному купеческому обществу новпріятнейшій въменяю себѣ долгъ свидетельствовать мое душевное къ нему почтеніе скакимъ навсегда имею честь быть

Милостивыя Государи покорнѣйшій

и всегда благодарный слуга Павелъ Кутузовъ.

Ч. 19 апреля
1814 года
С.-Петербургъ.

II.

Въ Сословіе призренія раззоренныхъ отъ Непріятеля.

Милостивыя Государи!

Имѣя счастіе быть посланнымъ отъ Его Императорскаго Величества къ всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріе Θеодоровнѣ съ извѣстіемъ о занятіи союзными войсками Столицы Франціи, я уже и тѣмъ награжденъ безъпредельно, что для Санктпетербурга былъ вѣстникомъ славы Нашего Великаго Государя и Россійскаго непобѣдимаго воинства и какъ бы орудіемъ того восторга, которой видеть и разделять съ своими соотечественниками—есть уже такое счастіе, какимъ только человекъ можетъ въ семъ мирѣ наслаждатся! Но почтенное купеческое общество благоволило усугубить мое счастіе—оно ознаменовало на мнѣ чувства своего восхищенія — подаривъ меня Серебрянымъ блюдомъ и крушкою съ четырью тысячами червонныхъ.

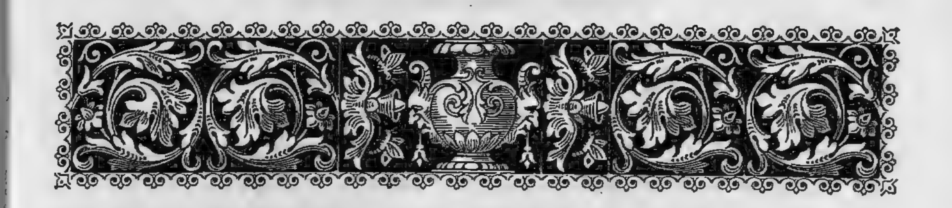
Благодарность тотъ умѣетъ чувствовать, кто лучше употребляетъ дары, при томъ же я Руской: не умею ничемъ наслаждатся, естьли не разделяю моего наслажденія. Оставляю блюдо и крушку себѣ и детямъ моимъ на память незабвеннаго дня и лестнаго мнѣ благорасположенія почтеннаго Купеческаго общества; изъ червонныхъ же при такомъ всеобщемъ торжествѣ Россіянъ—и я въ восторгѣ сердца пожелалъ дать праздникъ; а участниками его сделать техъ которые въ нынешную войну понесли раззореніе. Съ симъ намереніемъ препровождаю въ Сословіе призренія раззоренныхъ отъ непріятеля, подаренныя мнѣ четыре тысячи червонныхъ и ласкаю себя надеждою что употребленіе оныхъ засвидетельствуетъ почтенному купеческому обществу чемъ я ему обязанъ—оно мне дало средство сделать такое дело для совершенія котораго я въ жизни моей неимелъ бы ни случая, ни способа.

Съ истиннымъ почитаніемъ имѣемъ честь быть вамъ

Милостивыя Государи вашъ покорнѣйшій слуга

Павелъ Кутузовъ.

Ч. 19 апрѣля
1814 года.
С.-Петербургъ.

КАТЕРИНО АЛЬБЕРТОВИЧЪ КАВОСЪ.

Положительно можно сказать, что до Кавоса у насъ не было настоящей оперы.
(Вл. Морковъ, „Историческій очеркъ русской оперы").

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Покойный М. И. Семевскій неоднократно обращался ко мнѣ съ просьбой дать для «Русской Старины» біографическій очеркъ Катерино Альбертовича Кавоса, перваго композитора русской оперы и ея устроителя.

Перечитавъ все, что было писано о немъ и что могла достать, я, наконецъ, рѣшилась на эту трудную для меня, какъ правнучки, задачу. Но для того, чтобы облегчить ее себѣ и не показаться пристрастной къ этой, дѣйствительно свѣтлой во всѣхъ отношеніяхъ личности, я буду стараться какъ можно чаще говорить словами его современниковъ и біографовъ. Я думаю, что даже въ наше время, когда иностранная фамилія часто является помѣхой не только въ карьерѣ и личномъ успѣхѣ, но и въ возможности приносить пользу странѣ, гдѣ живешь, заслуги и дѣятельность Кавоса съ полнымъ правомъ даютъ ему мѣсто на страницахъ «Русской Старины».

I.

Если русскіе уже начинаютъ гордиться своей музыкой, то пора знакомить ихъ съ тѣми людьми, которые положили ей начало, и на

[1]) Удивительно, что въ библіотекѣ и архивѣ Театральной дирекціи, куда еще ранѣе меня, за нѣсколько лѣтъ, обращался за свѣдѣніями о К. А. Кавосѣ нашъ извѣстный критикъ В. В. Стасовъ—не оказалось никакихъ матеріаловъ.

долю которыхъ выпала неблагодарная участь первой работы, работы въ пустынѣ, безъ поддержки, безъ пониманія или сочувствія окружающихъ. «Одинъ въ полѣ не воинъ»,—но всегда есть тотъ, кто идетъ впередъ первый, и въ этомъ фактѣ смѣлости и безкорыстнаго труда уже кроются неисчислимыя заслуги. Такимъ піонеромъ русской музыки былъ Катерино Альбертовичъ Кавосъ, написавшій первую русскую оперу и величайшимъ трудомъ и энергіей заложившій основаніе музыкальной культуры въ Россіи.

Уроженецъ Венеціи (род. въ 1775 г.), Кавосъ все свое дѣтство и юношество провелъ въ этомъ чудномъ городѣ. Его отецъ былъ тамъ директоромъ извѣстнаго театра Фениче. Артистическая средагорода и семьи, а главное руководство такого извѣстнаго преподавателя, какимъ былъ въ то время Біанки, рано повліяли на его музыкальное развитіе. Богато одаренный, онъ уже 12-ти лѣтъ былъ репетиторомъ въ театрѣ, гдѣ служилъ его отецъ; въ эти же годы онъ написалъ кантату, по поводу которой пріобрѣлъ большую извѣстность, такъ какъ кромѣ цѣнителей ее слушалъ и одобрилъ императоръ Леопольдъ II, посѣтившій въ то въ время Венецію. 14-ти лѣтъ Катерино Кавосъ принялъ участіе конкурсѣ, устроенномъ на полученіе мѣста органиста въ церкви св. Марка. Онъ вынесъ пальму первенства изъ этого труднаго состязанія, но отъ мѣста отказался. Этотъ отказъ очень характеристиченъ: онъ лишній разъ доказываетъ доброту и рѣдкое благородство, отличавшее юнаго композитора всю его жизнь. Дѣло въ томъ, что между конкурирующими на мѣсто органиста церкви св. Марка былъ одинъ старый музыкантъ, обремененный большой семьей; для него это мѣсто было вопросомъ существованія; и Кавосъ уступилъ это мѣсто ему.

Катерино Альбертовичъ продолжалъ жить и работать въ Венеціи еще почти 10 лѣтъ. За это время написалъ нѣсколько кантатъ и былъ сдѣланъ капельмейстеромъ театра Фениче. Въ прежнія времена роль капельмейстера и директора театра была очень трудная. Пѣвцы были еще болѣе преувеличеннаго о себѣ мнѣнія, чѣмъ теперь, капризничали по всякимъ пустякамъ, требовали отъ директора самыхъ невозможныхъ услугъ. Кавосу приходилось не разъ передѣлывать свои аріи, такъ какъ въ то время воля самыхъ знаменитыхъ композиторовъ должна была преклоняться передъ своеволіемъ корифеевъ пѣнія. Однажды, напримѣръ, по требованію Маркези, Кавосу пришлось нѣсколько разъ передѣлывать одну и ту же арію. Пѣвецъ все-таки былъ недоволенъ. Кавосу это, наконецъ, надоѣло, и онъ повторилъ ее, какъ написалъ въ первый разъ. Остроумная шутка удалась вполнѣ, и Маркези, не подозрѣвая неловкости своего положенія, совершенно удовлетворился.

Кавосъ прожилъ въ Венеціи до 1798 года, когда вслѣдствіе политическихъ причинъ его отецъ долженъ былъ оставить этотъ городъ. Съ нимъ уѣхалъ и Катерино Альбертовичъ. Въ Берлинѣ онъ получилъ

предложеніе ѣхать въ Россію, какъ капельмейстеръ оперы въ Петербургѣ.

Катерино Альбертовичъ былъ уже женатъ въ это время, и самое путешествіе съ женой и 3-хъ-годовалымъ сыномъ, когда приходилось дѣлать тысячи верстъ на лошадяхъ, доказываетъ большую энергію и предпріимчивость Катерино Альбертовича, какъ итальянца скорѣй склоннаго къ осѣдлости и жизни у себя, на родинѣ. Эту энергію ему пришлось широко развить и приложить въ своемъ новомъ отечествѣ.

II.

Въ Петербургѣ началась для Кавоса трудная работа. Художественная культура въ обществѣ была еще очень слаба, и даже итальянскіе пѣвцы, обладая обыкновенно хорошими голосами, не отличались большимъ развитіемъ музыкальнаго пониманія и часто плохо исполняли свои роли. Это, впрочемъ, нисколько не уменьшало ихъ претензій и капризовъ. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ біографъ Кавоса въ «Necrologe Universel» Saint Maurice Cabany:

«Въ Петербургѣ ему былъ оказанъ очень лестный пріемъ. Но онъ нашелъ у артистовъ итальянской труппы этой столицы тѣ же требованія, тѣ же претензіи, съ которыми онъ такъ упорно и такъ остроумно боролся въ своемъ родномъ городѣ. Его изобрѣтательный умъ, однако, помогъ ему избѣжать всѣ опасности, подсказывая средства для соглашенія самыхъ безсмысленныхъ требованій безъ ущерба для собственнаго достоинства. Однажды одинъ очень посредственный пѣвецъ, безголосый и безталантный, но крайне преувеличеннаго мнѣнія о своемъ талантѣ, раздраженный напрасными стараніями заставить Кавоса написать для него новый мотивъ получше, обратился къ директору и надоѣдалъ ему до тѣхъ поръ, пока тотъ, чтобы избавиться отъ его посѣщеній, не приказалъ Кавосу его удовлетворить. Кавосъ, исполняя приказаніе, сочинилъ мотивъ на одну ноту и, дабы избѣжать монотонность этого псалмопѣнія въ нѣкоторомъ родѣ, переложилъ пѣніе въ оркестръ, модулируя его только аккордами, въ которые входила эта нота; такимъ образомъ всѣ были довольны, даже пѣвецъ, наивно приписавшій себѣ аплодисменты, расточаемые композитору» [1]).

Слѣдуетъ также вспомнить, что музыка, которую такъ поощряла

---

[1]) См. „Le Necrologe Universel du XIX siècle“, sous la direction de E. Saint Maurice Cabany, tome sixième, page 110. Paris. 1851. Приложенъ хорошо исполненный гравированный портретъ К. А. Кавоса.

*

Екатерина II, при Павлѣ Петровичѣ претерпѣвала настоящее гоненіе, какъ и все, что не было милитаризмомъ и вело къ развлеченію и веселью. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, когда Павелъ Петровичъ, ужаснувшись количества музыкантовъ въ гвардіи, выбралъ изъ цѣлаго оркестра по два лучшихъ волторниста и кларнетиста и одного лучшаго фаготиста и, повелѣвъ имъ «быть оркестромъ», преобразилъ всѣхъ другихъ музыкантовъ въ рядовыхъ солдатъ [1]).

При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ Катерино Альбертовичу пришлось начинать дѣло съ самаго начала. Онъ всецѣло отдалъ себя трудной работѣ и, по словамъ современниковъ, проявлялъ удивительную энергію труда и терпѣнія.

Въ царствованіе Александра Павловича, музыка снова получила права гражданства. Описывая общественную жизнь Петербурга въ эту эпоху, г. Михневичъ въ своей «Исторіи музыки въ Россіи», говоритъ: «Къ ней возвратились блестящіе дни лучшихъ екатерининскихъ временъ» [2]). И далѣе: «При такомъ настроеніи общества, музыка и театръ естественно должны были получить широкое развитіе, хотя бы въ одномъ только внѣшнемъ, поверхностномъ отношеніи. И дѣйствительно, александровское общество даже Европу изумляло своей меломаніей и музыкальностью» [3]).

«Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра Павловича, пишетъ Морковъ, дѣятельность русской оперы оживилась; репертуаръ ея обогатился многими новыми произведеніями; но развитіе и совершенствованіе отечественной народной музыки шло медленно и далеко не достигало успѣховъ, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи на западѣ. Лучшими оригинальными произведеніями того времени были безспорно оперы Кавоса. Стараніями этого неутомимаго дѣятеля, русская оперная сцена украсилась многими замѣчательными талантами, большая часть которыхъ образовалась подъ его руководствомъ» [4]).

Юрій Арнольдъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ: «Въ 9 часовъ утра ровно Кавосъ сидѣлъ уже за фортепіано въ репетиціонной залѣ, чтобы проходить партіи съ солистами, а въ первомъ часу стоялъ уже за дирижерскимъ пюпитромъ для оркестровыхъ репетицій. Когда послѣднія оканчивались раньше обыкновеннаго, то хоть на полчасика, а непремѣнно занимался онъ съ кѣмъ-нибудь еще изъ солистовъ или солистокъ.

---

[1]) См. „Очеркъ исторіи музыки въ Россіи", Вл. Михневича, стр. 296. Спб. 1879.

[2]) См. Тамъ же, стр. 302.

[3]) См. стр. 304. Ibid.

[4]) См. „Историческій очеркъ русской оперы", В. Моркова, глава IV, стр. 50. Спб. 1862.

Въ исходѣ 5-го часа отправлялся онъ для изустнаго доклада къ директору театровъ, а въ половинѣ шестаго пріѣзжалъ домой и тотчасъ же садился обѣдать. Потомъ, вздремнувъ въ креслѣ на полчаса, переодѣвался и пунктуально въ 7 часовъ его можно было уже встрѣтить въ театрѣ за кулисами, контролирующаго свою пѣвческую армію на счетъ состоянія голосовъ и дающаго то одному, то другому послѣдніе еще совѣты и наставленія. Въ тѣ же вечера, когда не было оперныхъ представленій, онъ занимался часа три съ солистами. И такъ весь круглый годъ, одинъ день, какъ другой» [1]).

Такъ работалъ Кавосъ въ продолженіе 40 лѣтъ.

«Независимо отъ званія капельмейстера русской оперы и учителя пѣнія воспитанниковъ театральной школы, пишетъ Морковъ, онъ былъ преподавателемъ вокальнаго искусства въ Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ, состоявшемъ подъ высокимъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и, по ходатайству государыни, удостоился получить чинъ 9-го класса и ордена св. Анны 3-й и св. Владиміра 4-й степени» [2]).

Въ 1803 году, по настоянію и проекту Катерино Альбертовича, русская оперная труппа была отдѣлена отъ драматической. Русскіе же пѣвцы того времени пѣли только въ опереткахъ и водевиляхъ, и ихъ спеціальность было легкое, куплетное пѣніе. Кавосу пришлось учить ихъ просто съ голоса. Каратыгинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что, только благодаря неусыпному, тяжкому труду Кавоса, пѣвцы и примадонны пѣли въ большихъ операхъ Моцарта, Чимарозы, Керубини. «Чего ему стоило съ каждымъ отдѣльно выдалбливать его партію, налаживать ежедневно то какъ канарейку, то какъ снѣгиря, и потомъ согласовать ихъ вмѣстѣ въ дуэтахъ, тріо, квартетахъ, квинтетахъ и, наконецъ, въ финалахъ! Непостижимый трудъ, дивное терпѣніе, просто геркулесовскій подвигъ! За то все время дня, чуть ли не до глубокой ночи, онъ посвящалъ своимъ ученикамъ и службѣ» [3]).

Но пока продолжалась итальянская опера, работа все-таки была наполовину легче того, что̀ она стала впослѣдствіи. Самое трудное время настало для Кавоса въ 34-мъ году, когда была окончательно упразднена итальянская опера и параллельно съ поставленной по желанію директора театровъ Гедеонова—нѣмецкой, Катерино Альбертовичу было поручено разучить большія оперы съ русскими пѣвцами. Арнольдъ пишетъ по этому поводу:

«При таковой не совсѣмъ-то благопріятной обстановкѣ было ка-

---

[1]) См. „Воспоминанія" Юрія Арнольда, выпускъ II, гл. XXIX, стр. 128. Москва 1892.

[2]) См. „Историческій очеркъ русской оперы", В. Моркова, стр. 47.

[3]) См. „Записки" Каратыгина, гл. VI, стр. 66. Спб. 1880.

пельмейстеру итальянской оперы, венеціанскому уроженцу Катерино Альбертовичу Кавосу поручено поставить большія оперы съ русскими пѣвцами. Это значило все-равно, какъ бы строить изъ неотесаннаго камня зданіе, которому ради формы—присвоиваютъ напередъ уже названіе дворца, ни малѣйше не ожидая и даже не требуя, чтобы оно, дѣйствительно, сдѣлалось дворцомъ.

«Вѣдь существовала же для потѣхи аристократіи весьма порядочная опера: нѣмецкая. Но бойкій и предпріимчивый (хотя вовсе уже не молодой) Кавосъ, стоявъ прежде во главѣ господствующаго храма Мельпомены и не желавъ оставаться въ задней шеренгѣ, рѣшился возвысить свою труппу и побѣдить нѣмецкихъ соперниковъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, подъ руководствомъ хорошо знающаго свое дѣло и добросовѣстно ему преданнаго капельмейстера, русскій артистъ въ состояніи сдѣлаться чуть ли не первоклассныхъ исполнителемъ. А Кавосъ былъ не только опытнымъ дирижеромъ, но—сверхъ того—что важнѣе всего въ этомъ дѣлѣ—и превосходнымъ учителемъ пѣнія. И вотъ закипѣла работа, и пошло дѣло, поистинѣ на русскій богатырскій ладъ: безъ малѣйшаго перерыва обычныхъ, по старому репертуару, представленій, менѣе чѣмъ черезъ годъ по начатіи подготовительныхъ занятій съ солистами и съ отдѣльными голосами значительно умноженнаго хора, появилась на русской сценѣ совершенно выходившая изъ колеи тогдашнихъ формъ новая опера Мейербера «Робертъ» и вызвала небывалый еще фуроръ. Петербургская русская оперная труппа вдругъ стала, какъ по дѣйствительному достоинству, такъ и по мнѣнію публики, равною своей иноязычной соперницѣ» [1]).

«Постановка «Роберта», говорится въ извѣстной театральной хроникѣ Вольфа (1-е представленіе 14-го декабря 1834 года) доказала, что труды Кавоса на образованіе русской труппы не пропали даромъ. Такая огромная и трудная партитура была разучена на славу и сдѣлала бы честь любому европейскому театру. Оркестръ, хоры, всѣ «morceaux d'ensemble» шли превосходно. Исполненіемъ партіи Бертрама Петровъ [2]) доказалъ, что онъ великій артистъ [3]).

Въ сезонъ 35-го – 36-го года уже замѣтны большіе успѣхи учениковъ Кавоса. «Старыя оперы Буальдье, Бера, Чимароза, Берглона, Далекрона начали понемногу исчезать и замѣняться новѣйшими произведеніями Мейербера, Обера, Герольда, Адама, Россини» [4]).

«На слѣдующій же годъ (1838), когда, при участіи новой ученицы

---

[1]) См. „Воспоминанія" Юрія Арнольда, выпускъ II, гл. XXVII, стр. 107 М. 1892.

[2]) Петровъ—ученикъ Кавоса.

[3]) См. «Хроника петербургскихъ театровъ», А. И. Вольфа, стр. 41.

[4]) См. «Хроника петербургскихъ театровъ», А. И. Вольфа, стр. 47.

Кавоса молодой контральтистки А. Я. Воробьевой, были поставлены оперы «Семирамида» Россини и «Ромео и Джюльетта» Беллини, то никто уже не отрицалъ превосходства русской оперы надъ нѣмецкой, хотя на нѣмецкой сценѣ послѣдняя опера шла также очень хорошо съ вновь выписанной изъ-за границы, славившейся тамъ, контральтисткою г-жею Бóте» [1]).

III.

«Русскую оперу поднялъ на ноги иностранецъ, капельмейстеръ Катерино Кавосъ, иностранецъ, какихъ мало, пріѣхавшій въ Россію не только деньги наживать, но и потрудиться на пользу русскаго искусства» [2]), говоритъ А. И. Вольфъ въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ».

Благодаря рѣдкой способности подмѣчать оригинальныя красоты и чужой національности и умѣнію ихъ воспроизводить, Кавосу, дѣйствительно, принадлежитъ иниціатива русской оперы, и онъ долженъ по праву быть названъ первымъ русскимъ композиторомъ. Все, что писалось до него и въ его время, слѣдуетъ отнести къ разряду развѣ водевилей, такъ какъ въ гармоническомъ отношеніи всѣ эти сочиненія не выдерживаютъ самаго снисходительнаго разбора и, по словамъ критиковъ, только по недоразумѣнію тогдашнихъ неприхотливыхъ требованій носятъ громкое названіе оперъ. Конечно, только съ появленія нашей славы—М. И. Глинки, отечественная музыка украсилась настоящею русскою оперой. Но переходной ступенью къ ней и ея первымъ воплощеніемъ слѣдуетъ несомнѣнно считать музыку Кавоса.

«Русская опера возникла въ 1755 г. [3]), пишетъ Морковъ, но по

---

[1]) См. «Воспоминанія» Юрія Арнольда, выпускъ II, гл. XXVII, стр. 108.

[2]) См. «Хроника петербургскихъ театровъ», А. И. Вольфа. Вступленіе, стр. 9.

[3]) См. «Историческій очеркъ русской оперы», В. Моркова, гл. I, стр. 2: «Первая русская опера «Цефалъ и Прокрисъ», сочиненія Александра Петровича Сумарокова, представлена была на придворномъ театрѣ 27-го февраля 1755 года. Музыку на нее написалъ довольно извѣстный въ то время композиторъ Араія». Тамъ же далѣе: «Этими четырьмя произведеніями ограничивался весь репертуаръ оригинальныхъ русскихъ оперъ. Были ли въ нихъ хотя малѣйшіе проблески народной музыки, рѣшить не трудно. Композиторы, за исключеніемъ Волкова, были иностранцы, вовсе незнакомые съ характеромъ русской музыки, и весь оперный стиль заключался въ тѣсныхъ предѣлахъ итальянской рутины, угождавшей только концертной виртуозности пѣвцовъ. Да и въ публикѣ тогда еще не было ни малѣйшаго требованія народнаго, мѣстнаго колорита. Сверхъ того, по тогдашнимъ понятіямъ, композиторъ въ оперѣ считался второстепеннымъ лицомъ; успѣхъ или паденіе пьесы зависѣло отъ сочинителя текста, а тексты вращались большею частію

неимѣнію отечественныхъ композиторовъ долго оставалась въ самомъ младенческомъ состояніи. Болѣе самостоятельное развитіе русской музыки и примѣненіе этого развитія къ оперѣ началось не ранѣе, какъ черезъ полвѣка послѣ первыхъ оперныхъ зрѣлищъ въ Россіи, т. е. со времени появленія Кавоса» [1]).

Какъ композиторъ русской музыки, Катерино Альбертовичъ началъ свою дѣятельность въ 1805 году, когда написалъ первую оперу на русскую тему: «Князь Невидимка». «Первая русская опера Кавоса, пишетъ Михневичъ, была—«Князь Невидимка», поставленная въ 1805 г. Несмотря на утомительныя длинноты (первое представленіе оперы длилось семь часовъ) [2]), «Князь Невидимка» очень понравился и сразу выдвинулъ Кавоса изъ ряда петербургскихъ композиторовъ его времени. Особенно пришелся по душѣ русской публикѣ дуэтъ въ «Князѣ Невидимкѣ»:

«Коль назначено судьбою
Разлучиться намъ тобою».

«Въ первое представленіе оперы, ее исполняли пѣвица Сандунова [3]) и Лебедевъ. Дуэтъ этотъ такъ полюбился, что вошелъ въ моду и позднѣе былъ даже положенъ на ноты для фортепіано» [4]).

Въ слѣдующемъ же 1806 году, Кавосъ написалъ волшебно-комическую оперу «Илья-богатырь», либретто для которой было составлено нашимъ баснописцемъ И. А. Крыловымъ. «Содержаніе оперы, говоритъ Морковъ, заимствовано изъ старинной народной сказки, музыка ея, хотя и не вполнѣ русская, но во многихъ мѣстахъ не лишена народнаго элемента. Пьеса имѣла огромный успѣхъ и долго не сходила со сцены» [5]).

Въ оперѣ «Илья-богатырь» 4 дѣйствія; въ ней много комическихъ и остроумныхъ сценъ. По словамъ современниковъ, эта опера очень понравилась и долго приносила большіе сборы дирекціи. Роль Ильи исполнялась одно время Постовымъ, роль Владислава—Самойловымъ, Всемилы—извѣстной пѣвицей Болиной, Тарань--Воробьевымъ, Сѣдыръ—Пономаревымъ, Злмѣны—Карайкиной, Руссиды—Самойловой и Соловья-Разбойника—Чудинымъ. Араповъ въ «Лѣтописи рус-

---

въ области миѳологическихъ и героическихъ сюжетовъ съ примѣсью лести царственнымъ особамъ и вельможамъ, выражавшейся въ отвлеченныхъ аллегорическихъ формахъ. Гдѣ же тутъ искать хотя малѣйшаго намека на искусство отечественное, народное?»

[1]) См. «Историческій очеркъ русской оперы», В. Моркова. Вступленіе, стр. VI.

[2]) Въ оперѣ «Князь Невидимка»—6 дѣйствій.

[3]) Сандунова была очень любимая публикой пѣвица.

[4]) См. «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», Вл. Михневича, гл. IV, стр. 319.

[5]) См. «Историческій очеркъ русской оперы», В. Моркова, гл. IV, стр. 58.

скаго театра» говоритъ, что завистливая критика расточала разныя насмѣшки на счетъ этой оперы, сравнивая ее съ «Русалкой», написанной частью до Кавоса и оконченной имъ уже впослѣдствіи [1]). Въ этой полемикѣ директоръ Нарышкинъ высказался за «Илью-богатыря»; онъ сказалъ:

«Сравненья критиковъ двухъ оперъ очень жалки,
Илья сто разъ умнѣй Русалки» [2]).

15-го апрѣля 1808 года была поставлена снова опера Кавоса «Три брата горбуны». Эта опера, переведенная съ французскаго Лукницкимъ, спеціально написана Кавосомъ для Самойловыхъ, которые были большими любимцами публики. Роль Изуры исполнялась Самойловымъ, а Зеліи—Самойловой. Пьеса имѣла большой успѣхъ.

Вскорѣ послѣ этихъ первыхъ опытовъ, Кавосъ написалъ цѣлый рядъ оперетъ на сочиненія драматическаго писателя того времени А. А. Шаховскаго: «Леста, Днѣпровская Русалка», «Бѣглецъ отъ своей невѣсты», «Любовная почта», «Казакъ стихотворецъ». Всѣ эти опереты имѣли большой успѣхъ, особенно «Леста», роль которой исполняла молодая, очень интересная пѣвица Болина, и «Казакъ стихотворецъ», которая была играна въ первый разъ 15-го мая 1812 года на половинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, а затѣмъ уже давалась на «Новомъ театрѣ». Замѣчательному успѣху этой оперы много способствовали русскія и малорусскія пѣсни, изъ которыхъ она главнымъ образомъ состояла. Отмѣтимъ же лишній разъ огромную заслугу Кавоса, рѣшившагося популяризовать русскую пѣсню и воспитывать вкусъ петербургской публики національными мелодіями и сюжетами.

Слѣдующей оперой Кавоса въ хронологическомъ порядкѣ стоитъ «Крестьяне» или «Встрѣча незванныхъ». Этой оперѣ послужила мотивомъ отечественная война. Написана она была въ 1813 году на текстъ князя Шаховскаго. «Авторъ,—говоритъ Морковъ,—очень вѣрно изобразилъ въ ней тогдашнюю ненависть русскаго народа къ врагамъ отечества и готовность его умереть за вѣру и царя».

«Зловъ [3]), бывшій уже въ это время на петербургской сценѣ, превосходно исполнялъ роль деревенскаго старосты. Его арія:

«Небывало и не быть тому,
Чтобъ мы врагу покорилися,
Лучше лечь намъ въ мать сыру землю,
Чѣмъ безславить имя русское!»

производила въ публикѣ неописанный восторгъ. Успѣхъ оперы былъ самый блестящій» [4]).

---

[1]) 1-я часть «Русалки» написана Кауеромъ и Давыдовымъ, 2-я и 3-я части—Кавосомъ и Давыдовымъ, 4-я Кавосомъ на сочиненіе кн. Шаховскаго

[2]) См. «Лѣтопись русскихъ театровъ», Арапова, отд. III, стр. 176.

[3]) Извѣстный въ то время пѣвецъ московской оперы.

[4]) См. «Историческій очеркъ русской оперы», В. Моркова, гл. IV, стр. 63.

Затѣмъ Катерино Альбертовичъ написалъ оперу «Откупщикъ Гжашникъ» или «Продажа села». Она была дана въ первый разъ 17-го февраля 1815 г. Въ ней только 2 дѣйствія. Современники говорятъ, что Самойловъ былъ замѣчательно хорошъ въ этой оперѣ, также и Лебедевъ, исполнявшій роль семинариста Указкина. Его арія:

«Ахъ бояхся зѣло:
Чтобы въ наше село
Вражья сила
Не вступила,
И насъ въ плѣнъ не повлече»

представляется намъ теперь настолько же комичною, насколько она тогда казалась увлекательной.

Наконецъ въ 1815 году Катерино Альбертовичъ написалъ «Ивана Сусанина», послужившаго прототипомъ для извѣстной оперы Глинки, такъ какъ «Жизнь за Царя» самъ Глинка первоначально тоже назвалъ «Иванъ Сусанинъ». Постановка этой оперы была очень роскошная, успѣхъ ея былъ огромный. Говоря объ «Иванѣ Сусанинѣ», Михневичъ пишетъ: «Она была поставлена въ 1815 году и, вызванная тогдашними политическими обстоятельствами и неостывшимъ еще упоеніемъ русскаго общества отъ славныхъ побѣдъ надъ Наполеономъ, естественно, была принята съ восторгомъ. Нѣкоторыя аріи и дуэты изъ «Ивана Сусанина», какъ, напримѣръ: «Слава Богу—Богу вѣчному», «не шумите, вѣтры буйные» [1]) и проч., сдѣлались очень популярными въ то время» [2]). И далѣе: «нѣкоторыя фразы изъ оперы постоянно вызывали бурю въ театрѣ. Такъ слова одного дѣйствующаго лица: «Силенъ Романовъ!» или слова самого Сусанина: «За правду сладко умирать... Матвѣй, побойся Бога! Не смѣй боярина предать!» всегда покрывались нескончаемыми аплодисментами» [3]).

Морковъ въ своемъ «Очеркѣ русской оперы», говоритъ: «Сусанинъ» принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Кавоса. Въ этой музыкѣ онъ вполнѣ выказалъ огромное свое дарованіе и заслужилъ имя народнаго композитора. Несмотря на нѣкоторое отсутствіе чисто народнаго элемента, музыка «Сусанина» изобилуетъ многими несомнѣнными достоинствами.

«Либретто этой оперы, написанное, какъ извѣстно, на сюжетъ историческій, ведено въ началѣ очень исправно, но въ развязкѣ пьесы сочинитель, пользуясь правомъ авторской вольности, впалъ въ непростительную погрѣшность. Въ послѣдней сценѣ 2-го акта, гдѣ польскіе ратники, заведенные Сусанинымъ въ непроходимую лѣсную глушь и

---

[1]) Это—арія перваго хора работающихъ крестьянъ.
[2]) См. «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», Вл. Михневича, гл. IV, стр. 320.
[3]) См. тамъ же гл. IV, стр. 320.

убѣжденные въ его измѣнѣ, должны убить его, выскакиваетъ изъ-за кулисъ какой-то бояринъ съ отрядомъ русскихъ, нападаетъ на враговъ и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Сусанинъ же, вмѣсто того, чтобы для спасенія царя пожертвовать жизнью (въ чемъ, какъ извѣстно, вся сущность сюжета) преспокойно подходитъ къ рампѣ и поетъ:

„Пусть злодѣй страшится
И грустить весь вѣкъ,
Долженъ веселиться
Добрый человѣкъ!"

«Подобное отступленіе отъ исторической правды можно извинить развѣ только тѣмъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, вмѣнялось автору въ преступленіе, если добродѣтельный герой его пьесы оставался лицемъ не торжествующимъ, или, чего Боже упаси, умиралъ на сценѣ, но какъ бы то ни было, а такому драматическому писателю, какъ Шаховской, казалось бы, не слѣдовало подчиняться правиламъ ни на чемъ не основаннымъ и не имѣвшимъ ни малѣйшаго смысла. Постановка оперы была блестящая, успѣхъ колоссальный. Роль Сусанина исполнялась Зловымъ въ совершенствѣ» [1]).

По словамъ современниковъ, насколько Зловъ прекрасно исполнялъ роль Сусанина, настолько Воробьева была хороша въ роли сына его Алексѣя. Сцена, гдѣ Воробьева поетъ: «какъ Алеша явится—низко поклонится царю и царь-надежа ему лошадку подаритъ», была настоящимъ для нея тріумфомъ. Роль Мани исполняла Самойлова, Матвѣя—Самойловъ.

Не вдаваясь въ критику оперы «Иванъ Сусанинъ», критику, которая, уже въ силу оперы Глинки, написанной на ту же тему, не можетъ быть благодарна для Кавоса, нужно, однако, сказать, что всѣ современники и цѣнители, не исключая и самого Михаила Ивановича Глинки (его отзывъ ниже) находятъ въ ней какъ національную окраску, такъ и серьезныя музыкальныя достоинства.

Впрочемъ, насколько Катерино Альбертовичъ понималъ музыку во всѣхъ ея тонкостяхъ и насколько онъ былъ чуждъ авторскихъ и театральныхъ недостатковъ, можно видѣть изъ крайне интереснаго эпизода, разсказаннаго въ «Воспоминаніяхъ» Юрія Арнольда и подтвержденнаго самимъ Глинкой въ его «Запискахъ».

«Еще въ исходѣ зимы 1836 года,—пишетъ Арнольдъ,—когда я ретиво принялся за сочиненіе своей «Цыганки», нотный мой копіистъ разсказалъ мнѣ, что онъ прошлою еще осенью переписывалъ и теперь продолжаетъ переписывать ноты для «одного господина» Глинки, который «также» сочинилъ русскую оперу. Въ маѣ же мѣсяцѣ разъ мнѣ и самъ старикъ Кавосъ сообщилъ:

---

[1]) См. «Историческій очеркъ русской оперы», В. Моркова, гл. II, стр. 64.

«Eh bien, caro figlinolo mio, nous aurons pour l'automne un nouvel opéra à monter: «La mort pour le Tzar de m-r Glinca» [1].—Et quel en est le sujet? [2])—спросилъ я. —«Le même que traite mon opéra à moi «Ivan Sousanine» [3]).—Et vous, m-r, Cavos nous l'avez protégé? [4])—удивился я, слышавъ довольно часто про обычный характеръ итальянскихъ музыкантовъ.

Кавосъ добродушно засмѣялся. «Tout a son temps, figlinolo mio, Les vieux doivent toujours céder la place aux plus jeunes. E poi, продолжалъ онъ,—la sua musica e effettinamente migliore della mia, e tanto piu che dimostra un carattere veramente nazionalle!» [5]).

«Если я прежде любилъ и уважалъ Кавоса, то эта рѣдкая благородная черта «композитора» невольно заставила меня благоговѣть передъ нимъ (Извѣстно, что директоръ императорскихъ театровъ А. М. Гедеоновъ долго воспротивлялся принятію оперы Глинки, но, дабы самому не шокировать вліятельныхъ друзей Глинки, В. А. Жуковскаго и Мих. Юр. Віельгорскаго—онъ хотѣлъ свалить вину на другаго. Для этой цѣли г. Гедеоновъ на сей разъ придерживался строгости театральнаго устава и передалъ оперу Глинки на разсмотрѣніе и рѣшеніе капельмейстера, разсчитывая на то, что Кавосъ отвергнетъ сочиненіе, долженствовавшее вытѣснить собственную оперу Кавоса. Но вышло не такъ, какъ разсчитывалъ г. Гедеоновъ)» [6]).

Кавосъ, дѣйствительно, хлопоталъ объ «Жизни за Царя» и разучивалъ эту оперу, какъ свою собственную. Глинка объ этомъ эпизодѣ разсказываетъ также: «Меня увѣряли, что капельмейстеръ Катерино Альбертовичъ Кавосъ, написавшій когда-то, и удачно, музыку на оперу «Иванъ Сусанинъ», сильно интриговалъ противъ меня. Время обнаружило противное: онъ болѣе всѣхъ убѣждалъ директора поставить мою оперу, а впослѣдствіи велъ репетиціи усердно и честно» [7]). И далѣе онъ прибавляетъ: «Вскорѣ Кавосъ началъ репетиціи въ залахъ театра съ квартетомъ. Такъ какъ извѣстно, что смычковые или струнные инструменты составляютъ главную основу оркестра и что ихъ несравненно болѣе требуется, чѣмъ духовыхъ инструментовъ, то Кавосъ распорядился такъ, что бралъ два квартета съ однимъ контрбасомъ на одну репетицію, на слѣдующую,—другіе два квартета съ дру-

---

[1]) Итакъ, дорогой сынокъ мой, намъ къ осени придется ставить новую оперу: «Смерть за Царя» Глинки. (Опера первоначально, дѣйствительно, была названа такъ. Переименована она была по приказанію государя императора.

[2]) А какая ея тема?

[3]) Та же, на которую написана моя опера «Иванъ Сусанинъ».

[4]) И вы, г. Кавосъ, ее протежировали?

[5]) На все свое время, сынокъ мой. Старики всегда должны уступать мѣсто молодымъ. Къ тому же его музыка, дѣйствительно, лучше моей, тѣмъ болѣе, что въ ней гораздо больше настоящаго національнаго характера.

[6]) См. «Воспоминанія» Юрія Арнольда, выпускъ II, гл. XXIX, стр. 129.

[7]) См. «Записки» М. И. Глинки, стр. 87.

гимъ контрбасомъ и продолжалъ такъ (причемъ постоянно исправлялъ ошибки), пока всѣ артисты не были въ возможности порядочно исполнять пьесы. Тогда онъ бралъ отдѣльно одни духовые и, наконецъ, весь оркестръ сперва въ залахъ, а потомъ и на сценѣ» [1]).

«Слухи о «Жизни за Царя» ходили уже давно, говоритъ Вольфъ, и появленіе ея ожидалось съ живымъ нетерпѣніемъ. Весною 1836 года началась спѣвка и репетиціи на дому у Михаила Ивановича съ квартетомъ, при участіи Воробьевой, Петрова [2]) и др. артистовъ. На эти домашнія репетиціи собирался весь тогдашній музыкальный міръ, и въ городѣ уже носились слухи о богатствѣ мелодій, объ оригинальности и чисто русскомъ характерѣ мотивовъ. Кавосъ, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, дѣятельно работалъ съ оркестромъ и хорами; онъ не могъ не предвидѣть, что его «Иванъ Сусанинъ» будетъ окончательно затертъ Глинковскимъ» [3]).

Кромѣ указанныхъ уже оперъ, Кавосъ написалъ еще слѣдующія: «Соколъ князя Ярослава Тверскаго», «Возвращеніе славянской царицы Доброславны», «Радость молдаванъ или побѣда», «Свѣтлана», «Жаръ птица», «Мирославъ или костеръ смерти».

Затѣмъ имъ была написана музыка для слѣдующихъ иностранныхъ оперъ:

«Вавилонскія развалины», «Мнимый невидимка», «Піемонтскія горы, или взорваніе Чортова моста», «Кенильвортскій замокъ», «Новая суматоха или женихи чужихъ невѣстъ», «Генія и Турбіель».

Еще онъ написалъ музыку къ слѣдующимъ драматическимъ пьесамъ князя Шаховскаго:

«Иваное» «Керимъ-Гирей», «Финнъ», «Фингалъ и Роскрана», «Аристофанъ», «Островъ нѣмыхъ», много водевилей и слѣдующіе балеты:

«Амуръ и Психея», «Зефиръ и Флора», «Адисъ и Галатея», «Кавказскій плѣнникъ», «Роландъ и Моргана», «Ѳедра».

«Всѣ эти произведенія даровитаго композитора, говоритъ Морковъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не сходили со сцены; многія изъ нихъ имѣли блистательный и вполнѣ заслуженный успѣхъ» [4]).

Но особенно понравился публикѣ балетъ «Амуръ и Психея». Въ афишѣ было сказано, что будетъ поставленъ балетъ съ новыми декораціями, машинами, полетами людей и живыхъ голубей. Амура изображалъ Діопаръ, а Психею—дѣвица Сенклеръ. Этотъ балетъ, по словамъ Арапова, такъ прекрасно былъ поставленъ и такъ понравился публикѣ, что его давали безпрестанно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ [5]).

---

[1]) См. «Записки» М. И. Глинки, стр. 87.
[2]) Воробьева и Петровъ—ученики Кавоса.
[3]) См. «Хроника петербургскихъ театровъ», А. И. Вольфа, стр. 55.
[4]) См. «Историческій очеркъ русской оперы», В. Моркова, гл. III, стр. 49
[5]) См. «Лѣтопись русскихъ театровъ», Арапова, отд. III, стр. 204.

Нигдѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось партитуръ оперъ и балетовъ Кавоса. Говорятъ, они сгорѣли во время одного пожара до тла. Все, что теперь приходится слышать публикѣ изъ сочиненій этого плодовитаго и интереснаго композитора, это «Куплеты Кавоса», поющіеся придворными гвардейскими пѣвчими въ ежегодномъ весеннемъ концертѣ въ пользу инвалидовъ. Написаны они были по случаю торжественнаго входа побѣдоносныхъ войскъ въ 1815 г. Затѣмъ, организуя концерты въ пользу фонда для инвалидовъ отечественной войны, императоръ Николай Павловичъ вспомнилъ о «Куплетахъ Кавоса» и повелѣлъ исполнять ихъ въ этихъ концертахъ на вѣчныя времена. Вотъ почему ежегодная афиша концерта въ пользу инвалидовъ всегда заканчивается номеромъ «Куплеты Кавоса».

Признавая въ той или другой степени музыкальныя достоинства произведеній Кавоса и отдавая ему дань, какъ композитору, на него все-таки слѣдуетъ больше смотрѣть, какъ на иниціатора въ русскомъ оперномъ дѣлѣ и въ починѣ на этомъ поприщѣ видѣть главныя его заслуги для нашей родины.

Говоря о примѣси итальянскаго, фіоритурнаго элемента въ русскихъ операхъ Кавоса, Михневичъ прибавляетъ: «Тѣмъ не менѣе, если Кавосу не удалось создать ничего самобытнаго для нашей національной музыки, его заслуга все-таки почтенна. Онъ составляетъ въ исторіи нашей музыки переходную ступень компилятивно-подражательной эпохи XVII столѣтія къ самостоятельному творчеству эпохи позднѣйшихъ талантливыхъ русскихъ композиторовъ. Еще болѣе важна его заслуга въ томъ отношеніи, что онъ, какъ бы ни было, популяризовалъ сокровища русской національной пѣсни и умѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживать интересъ къ нимъ въ нашей, чуравшейся отъ всего русскаго, публикѣ...» [1].

Насколько эти заслуги были велики и имѣли значеніе для нашей музыкальной культуры, пойметъ всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей музыки на Руси. Такіе авторитеты, какъ Сѣровъ, напримѣръ, собираясь, по словамъ Михневича, писать исторію русской музыки вообще, а русской оперы въ особенности, предполагалъ раздѣлить ее на четыре періода: 1) Опера въ Россіи до Кавоса, 2) Кавосъ и его время; 3) Верстовскій и его пѣсенныя оперы и 4) Глинка и его стиль. Самъ же Михневичъ, находя, что Верстовскій, такъ сказать, поглощается Глинкой, прямо заканчиваетъ свой очеркъ исторіи музыки до Глинки въ Россіи главой: «Кавосъ и его время».

IV.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ объ личности Катерино Альбертовича.

---

[1]) См. «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», Вл. Михневича, гл. IV, стр. 321.

Рѣдкое благородство его характера подтверждается всѣми его современниками и освѣщаетъ яркой чертой его жизнь, начиная съ самаго юнаго возраста до преклонныхъ лѣтъ. Это благородство было его путеводной звѣздой во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, и никакія соображенія, выгоды или пользы не становились преградой его торжеству.

Притомъ, добрый до самозабвенія, Кавосъ всегда былъ готовъ помочь всякому.

«Къ своимъ подчиненнымъ, — говоритъ Арнольдъ,—онъ относился съ добрымъ сочувствіемъ, а для солистовъ и солистокъ онъ всегда высказывалъ себя истиннымъ отцомъ, и они всѣ были сердечно къ нему привязаны» [1]).

Каратыгинъ, упоминая о Кавосѣ въ своихъ «Запискахъ», говоритъ: «Грустно становится, что въ нынѣшнее время мы не встрѣчаемъ уже болѣе такихъ безкорыстныхъ жрецовъ искусства, какіе были прежде...» [2]). «Кавосъ былъ человѣкъ необыкновенно доброй и сострадательной души, готовый на всякую услугу. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался директоромъ музыки, бѣднѣйшіе музыканты находили въ немъ своего покровителя и отца; онъ всегда не только радушно ходатайствовалъ за нихъ у начальства, но зачастую помогалъ имъ своими деньгами. Этотъ итальянецъ, по безкорыстію, былъ просто выродокъ изъ своихъ единоземцевъ» [3]).

Переѣхавъ въ Россію, Кавосъ воспринялъ и характерно-русскую черту въ образѣ жизни—широкое веселое гостепріимство. «Катерино Альбертовичъ, какъ истый итальянецъ,— говоритъ Арнольдъ,—любилъ вкусно покушать и былъ тонкимъ знатокомъ сего дѣла, но соблюдалъ въ ѣдѣ и въ питьѣ всегда должную умѣренность; предпочиталъ же онъ, конечно, столъ итальянскій и родное свое «vino nero». Не разъ сказывалъ онъ мнѣ, что, за исключеніемъ чая, онъ всю жизнь ни единаго глотка воды и въ ротъ не бiралъ, «perch'è cosa snaturale, insoffribile e nocevolè» [4]).

Если дни рожденія его самого или дѣтей совпадали съ такими днями, когда не было опернаго представленія, «тогда,—говоритъ Арнольдъ,— у «Кавосовъ» собирались друзья дома, и обѣдъ начинался въ 6 ч. и оканчиваніемъ «симпозіона» не торопились; бывало, мы просиживали за вкусными итальянскими блюдами и за добрымъ не фальсифицированнымъ «vino nero» до 9-ти часовъ вечера. Я говорю «мы», потому что я всегда приглашался въ таковые дни, и старикъ Кавосъ выказывалъ мнѣ истинно отцовское расположеніе, а съ младшимъ его сыномъ, Джованни (выг. Джоанни), на 9—10 лѣтъ старшимъ меня, мы вскорѣ подружились. У Катерино Альбертовича, который давно уже овдовѣлъ, было двое сыно-

---

1) «Воспоминанія» Юрія Арнольда, выпускъ II, гл. XXIX, стр. 129.
2) См. «Записки» П. А. Каратыгина, гл. VI, стр. 66.
3) См. «Записки» П. А. Каратыгина, гл. VI, стр. 66.
4) Потому что это неестественно, невыносимо и вредно.

вей: Альбертъ и Джованни, и дочь Стефанія. Альбертъ, красивый мужчина—лѣтъ 42-хъ или 43-хъ, былъ извѣстнымъ зодчимъ и ознаменовалъ себя около того же времени перестройкою большихъ театровъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Состоя архитекторомъ при Пажескомъ корпусѣ, онъ пользовался въ зданіяхъ послѣдняго хорошимъ помѣщеніемъ, въ которомъ и жило все семейство Кавосовъ. Альбертъ Катериновичъ былъ также вдовымъ, у него было также трое дѣтей. Сестра его Стефанія была прежде учительницею и воспитательницею при Смольномъ монастырѣ и за ревностную 25-ти-лѣтнюю службу свою пожалована установленнымъ знакомъ отличія, который имѣлъ форму креста и носился на лѣвомъ предплечіи на пунцовой (помнится) лентѣ съ бантомъ. Иванъ же Катериновичъ состоялъ учителемъ пѣнія при Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ, а при русской оперѣ хоръ-директоромъ» [1]).

Честный, неутомимый труженикъ, человѣкъ рѣдкаго благородства и доброты, остроумный, талантливый, добродушный, — вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, Кавосъ, какимъ онъ былъ для своихъ близкихъ и современниковъ. И если, во время жизни, ему пришлось, какъ и всякому самостоятельному человѣку, немало пострадать отъ окружающаго невѣжества и неблагодарности,—за то хоронили его съ рѣдкой торжественностью и задушевностью. 2 мая 1842 года происходило отпѣваніе Катерино Альбертовича въ церкви св. Екатерины, причемъ артисты императорскихъ театровъ прекрасно исполнили нѣсколько частей изъ реквіема Керубини. Площадь передъ церковью и весь Невскій были просто запружены народомъ, воздававшимъ послѣдній долгъ чужеземцу, почти всю свою жизнь потрудившемуся на пользу русской музыки и ея культуры. Похороненъ Кавосъ на Волковомъ кладбищѣ [2]).

И вотъ, послѣ такого общаго энтузіазма къ этому человѣку, когда, въ 1892 году, исполнилось 50-ти-лѣтіе со дня его смерти, ни музыкальный міръ, ни дирекція, ни театральные старожилы не вспомнили о немъ и о его заслугахъ передъ русскимъ обществомъ, не возобновили ни одного его музыкальнаго произведенія... [3]). Только «Новое Время» напечатало маленькую замѣтку петитомъ въ память того самоотверженнаго труженика, который первый началъ оперное дѣло въ Россіи и всю свою жизнь отдалъ на славу русской музыки.

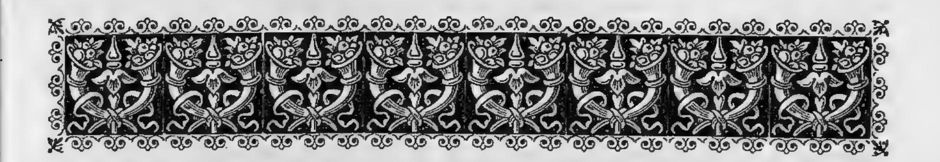
Софія Дехтерева-Кавосъ.

---

[1]) См. „Воспоминанія" Юрія Арнольда, выпускъ II, гл. XXIX, стр. 129.

[2]) Интересно, что бронзовый бюстъ, поставленный на его могилѣ, былъ дважды похищенъ неизвѣстно кѣмъ, и теперь могила заканчивается пьедесталомъ.

[3]) Будемъ надѣяться, что театральное вѣдомство, предпринявъ изданіе своего «Ежегодника»—удѣлитъ въ немъ мѣсто и болѣе подробной біографіи К. А. Кавоса, снабдивъ ее и портретомъ этого почтеннаго человѣка.

Записки Іосифа Петровича Дубецкаго.

МОИМЪ ДѢТЯМЪ.

Разставаться съ міромъ, не оставивъ по себѣ памяти, не утѣшительно для человѣка, занимавшаго нѣкоторую степень въ обществѣ и предназначавшаго себя для высшей сферы. По крайней мѣрѣ я желаю оставить вамъ, милыя дѣти, хотя краткое свѣдѣніе о пути, по коему я прошелъ трудное поприще моей мятежной жизни.

Вы теперь юны и не можете понимать разсказовъ о происшествіяхъ, обуревавшихъ мою жизнь и имѣвшихъ на нее вліяніе. Но придетъ время, когда вы, въ зрѣломъ возрастѣ, будете съ удовольствіемъ читать эти записки и будете, такъ сказать, бесѣдовать со мною, когда меня уже не будетъ.

Проживши болѣе полувѣка, и я имѣлъ на сценѣ государственной жизни свою роль,—не важную,—это правда; за-то былъ современникомъ событій и въ нѣкоторыхъ или участвовалъ самъ, или былъ очевидцемъ. Но кто вамъ объ этомъ разскажетъ?..

Изъ оффиціальныхъ документовъ вы узнаете, что отецъ вашъ, проведши большую часть жизни на службѣ, былъ 16 лѣтъ на военномъ поприщѣ и въ эту эпоху участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами за Кавказомъ и въ турецкую войну, а въ продолженіе гражданской службы былъ совѣтникомъ, прокуроромъ, предсѣдателемъ и наконецъ въ вице-губернаторскомъ званіи окончилъ длинный періодъ служенія.

Но эти указанія будутъ далеко неудовлетворительны. Вы вѣроятно пожелаете знать, какими судьбами брошенъ я былъ изъ Россіи во Францію, изъ Франціи въ Грузію, изъ Грузіи въ Европейскую Турцію, опять въ Грузію, въ Эривань, изъ Эривани въ Вильну, изъ Вильны

въ Сибирь, изъ Сибири въ Петербургъ, въ Одессу и наконецъ въ Тамбовъ. Кто разскажетъ подробности этихъ переходовъ? кто вамъ разскажетъ про мою частную жизнь, которая то весела и беззаботна, то горестна и несчастлива, постоянно сопровождалась строгою нравственностію?

Все это вы узнаете хотя вкратцѣ изъ моихъ повѣствованій. Любовь моя къ вамъ такъ велика, что я и за гробомъ хочу бесѣдовать съ вами.

Въ этой идеѣ я рѣшился написать эти записки не для печати и не для свѣта, но собственно для васъ, мои милыя дѣти, на тотъ предметъ, дабы вы, читая ихъ, могли видѣть, по какому длинному и трудному пути шла моя жизнь вездѣ и всегда неразлучно съ честію и благородствомъ. Послѣдуйте въ семъ отношеніи божественному глаголу: «Будите мудры яко змія и цѣли яко голубіи». Заповѣдую вамъ честность, трезвость, цѣломудріе и вѣрность государю и отечеству. Исполните этотъ положительный мой завѣтъ. Это будетъ для меня наилучшею наградою моихъ объ васъ попеченій и неограниченной моей къ вамъ любви.

Іосифъ Дубецкій.

1850 года
декабря 25-го дня.
Тамбовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Отъѣздъ за границу.—Пребываніе во Франціи.—Возвращеніе въ Россію.—Походъ въ Грузію.—Мугамская степь.

Въ 1815 году, послѣ Ватерлооской битвы, положившей предѣлъ воинственному генію героя-вождя, 15 лѣтъ потрясавшаго Европу своимъ грознымъ оружіемъ,—первостепенныя державы: Россія, Австрія, Пруссія и Англія предположили оставить на три года во Франціи свои корпуса, для удержанія въ спокойствіи сильнѣйшей партіи Наполеона, коего одно имя могло поднять сотни тысячъ приверженцевъ, сѣтовавшихъ въ тиши.

Четыре союзные корпуса съ бригадою датчанъ были подчинены Ватерлооскому побѣдителю, генералъ-фельдмаршалу герцогу Велингтону, коего гофъ-квартира была въ Камбре, а отъ этой крѣпости по всей сѣверной Франціи расположены были помянутыя войска.

Россійскій корпусъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской, корпусная квартира была въ кр. Мобежѣ [1]).

Артиллерія пѣшая и конная по комплекту.

Командиромъ этого корпуса былъ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ,—вельможа въ полномъ значеніи слова. Онъ былъ ласковъ, милостивъ, щедръ, доступенъ и не гордъ. Зато онъ былъ необыкновенно любимъ войсками.

Войска эти, потерпѣвшія разстройство отъ войны, были укомплектованы людьми изъ другихъ полковъ, а за лошадьми велѣно послать ремонтеровъ въ Россію.

Старшій братъ мой Григорій Петровичъ, занимавшій значительное мѣсто въ корпусѣ [2]) и пользовавшійся расположеніемъ графа Михаила Семеновича, по особенной заботливости объ насъ, рѣшилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и выписать во Францію меня и брата Василія Петровича для окончанія наукъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній. Посему съ однимъ изъ ремонтеровъ, поручикомъ Смоленскаго полка Яковлевымъ, я и братъ отправлены были за границу 8 сентября 1816 года.

Графъ М. С. Воронцовъ, одобрившій этотъ поступокъ брата Григорія Петровича, оказалъ въ семъ дѣлѣ особенное покровительство своимъ сильнымъ содѣйствіемъ. Намъ дозволено было отправиться во Францію для окончанія наукъ; а если пожелаемъ опредѣлиться на службу, то разрѣшено было обучаться въ какомъ-либо учебномъ заведеніи внѣ

---

[1]) 9 пѣхотная дивизія:

Апшеронскій. Нашембургскій. Якутскій. Ряжскій 10, 35 Егерскіе.	Пѣхотные пол.	Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Удомъ. Дивизіонная квартира въ кр. Авелѣ.

12 пѣхотная дивизія:

Смоленскій. Нарвскій. Новоингерманландскій. Алексопольскій 41, 6 Егерскіе.	Пѣхотные пол.	Начальникъ дивизіи генер.-лейт. Лисаневичъ. Дивизіонная квартира въ кр. Мобежѣ.

Драгунская дивизія:

Смоленскій. Тверской. Курляндскій. Кинбургскій. Два донскіе казачіе.	Конные пол.	Начальникъ дивизіи генер.-лейт. Алексѣевъ. Дивизіонная квартира въ кр. Ретелѣ.

[2]) Корпусный оберъ-провіантмейстеръ.

полка до производства въ офицеры, съ тѣмъ, что юнкерская служба наша будетъ считаться за дѣйствительную.

Дорога наша, хотя продолжительная, была весьма пріятна и полезна. Мы ѣхали въ легкомъ собственномъ экипажѣ (въ бричкѣ) на тройкѣ прекрасныхъ лошадей, съ отставнымъ гусаромъ Павломъ (фамиліи не помню), который былъ и кучеръ, и поваръ, и дядька. Этотъ превосходный человѣкъ смотрѣлъ и ухаживалъ за нами, какъ за родными дѣтьми.

Слѣдовали мы чрезъ: Брестъ-Литовскъ, Варшаву, Калишъ, Глогау Кенигсбергъ, Веймарнъ, Бамбергъ, Мангеймъ, Мецъ, Седанъ и Мобежъ.

Въ концѣ ноября 1816 года мы прибыли въ г. Баве, къ брату Григорію Петровичу.

Погостивъ нѣсколько дней, я и братъ Василій помѣщены были въ лицей въ г. Дуэ; а чтобы время для службы не было потеряно, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы были опредѣлены юнкерами въ 41 Егерскій полкъ.

Получивъ въ Россіи коллегіальное образованіе, я могъ почти держать экзаменъ на степень студента, но въ лицеѣ была для меня остановка за незнаніемъ французскаго языка. Отличныя способности и неусыпное трудолюбіе подвинули меня такъ быстро, что менѣе, чѣмъ въ годъ я говорилъ и писалъ по-французски лучше, нежели по-русски.

Вскорѣ оказалось, что кругъ лицейскаго образованія былъ для меня недостаточенъ. Посему братъ Г. П. рѣшился везти меня въ Парижъ для изученія математическихъ наукъ, если невозможно будетъ помѣстить въ политехническую школу. Ибо предположеніе было служить въ артиллеріи или въ генеральномъ штабѣ. Въ семъ намѣреніи въ сентябрѣ 1817 года, я оставилъ лицей, а въ октябрѣ прибылъ съ братомъ въ Парижъ. Въ политехническую школу поступить было невозможно, и по слабости познаній въ математикѣ, и потому, что я былъ не французскій подданный. По этой причинѣ братъ рѣшился оставить меня въ частномъ домѣ, съ тѣмъ чтобы я занимался науками приватно. Были отысканы и договорены отличные люди и по нравственности, и по познаніямъ. Литературѣ обучалъ меня профессоръ Манье; математикѣ—славный воспитанникъ политехнической школы Комтъ, и музыкѣ—первый скрипачъ королевскаго оркестра Картье. Помѣстился я въ части стараго Парижа, Rue de Laharpe, № 85, Hôtel de Nassau. Квартира моя была въ бельэтажѣ, состояла изъ двухъ просторныхъ и опрятныхъ комнатъ съ мебелью и постелью и стоила 20 франковъ въ мѣсяцъ. Столъ я имѣлъ по билетамъ. Обѣдъ былъ изъ четырехъ блюдъ съ дессертомъ безъ кофе и вина. За 30 билетовъ я платилъ впередъ 45 фр. и каждый разъ, когда обѣдалъ, отдавалъ, вмѣсто денегъ, билетъ. Этотъ самый столъ, безъ абонировки, стоилъ два франка. За завтракъ, заключавшійся въ большой чашкѣ кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ и масломъ, я платилъ 15 су. Двумъ учителямъ платилъ по 100, а одному 50 фр. въ мѣсяцъ. Такимъ обра-

зомъ бюджетъ моихъ расходовъ простирался до $337\frac{1}{2}$ фр. въ мѣсяцъ. А какъ братъ ассигновалъ мнѣ ежемѣсячно по 400 франковъ, то изъ остатка употреблялось на книги, бумагу, театры и прочіе расходы. Хозяинъ дома, отставной раненый капитанъ, и его сестра были честные и предобрые люди. Они содержали на откупу цѣлый отель, отдавали номера квартиръ и тѣмъ жили. На этой квартирѣ, очень для меня удобной и выгодной, я жилъ во все время пребыванія моего въ Парижѣ.

Для развитія въ обращеніи я былъ отрекомендованъ и введенъ въ нѣкоторые дома, какъ-то: маркиза Ле-Нормана, графа Клермона, королевскаго прокурора Жакино, но наилучше я былъ принятъ и обласканъ въ знаменитомъ коммерческомъ домѣ Бодени и Жѳли.

Мнѣ было тогда 19 лѣтъ. Я былъ здоровъ, силенъ, статенъ и весьма пригожъ. Богъ одарилъ меня сильною волею и добрымъ сердцемъ, а связи съ людьми благородными утвердили въ строгой нравственности.

Братъ Григорій Петровичъ, оставляя меня въ Парижѣ, дѣлалъ много поучительныхъ наставленій, относительно опасности парижскихъ женщинъ и, наконецъ, какъ бы съ неудовольствіемъ выразилъ сомнѣніе къ моему поведенію въ будущемъ. Конечно, въ этомъ видна была его заботливость, за всѣмъ тѣмъ, это было слишкомъ строго съ его стороны. Мнѣ кажется, ему слѣдовало внушить мнѣ, чтобы я гнушался распутства съ публичными женщинами, но чтобы, при случаѣ, не удалялся отъ любовныхъ интригъ, но былъ бы въ этихъ дѣлахъ благоразуменъ, скрытенъ и остороженъ. Между тѣмъ его неумѣстный упрекъ задѣлъ сильно мое пылкое самолюбіе, и я съ достоинствомъ отвѣчалъ: «Братъ, вы меня худо знаете;—вотъ моя рука и слово честнаго человѣка, что въ нравственномъ отношеніи я явлюсь къ вамъ такимъ же, какимъ вы меня оставляете, хотя бы это стоило мнѣ жизни». Этотъ безразсудный обѣтъ стоилъ мнѣ весьма дорого. Былъ одинъ случай, касательно сердечной связи, которымъ умѣй я воспользоваться пошелъ бы далеко и жизнь моя приняла бы совсѣмъ другое направленіе. Въ домахъ, въ кои я былъ вхожъ, были прелестныя женщины, да сверхъ того были и другіе увлекательные случаи, и я долженъ былъ бороться съ усиліемъ, чтобы противустоять искушеніямъ и побѣдить себя. Богъ услышалъ мою мольбу, утвердилъ меня, и никакіе соблазны не могли поколебать моей рѣшимости. Я сдержалъ мое слово и явился къ брату такимъ, какимъ онъ меня оставилъ. Но подобная борьба была для меня столь тягостна, что въ одно время я схватилъ бѣлую горячку, былъ въ помѣшательствѣ около сутокъ и пролежалъ больной нѣсколько дней.

Въ іюлѣ 1819 года пріѣхалъ ко мнѣ братъ Василій Петровичъ, а 30 августа мы оставили Парижъ.

Мы ѣхали съ братомъ въ дилижансѣ до Сенкантена, гдѣ ожидала насъ коляска съ лошадьми брата Григорія Петровича. Едва вышли мы

изъ дилижанса, съ гостиницѣ «Cérf d'or», какъ кучеръ Феликсъ отдалъ намъ письмо брата, въ коемъ онъ извѣщалъ и поздравлялъ насъ съ производствомъ въ офицеры. (Мы произведены въ прапорщики 3 августа 1818 года). Эта пріятнѣйшая вѣсть надѣлала намъ такой бѣды, что мы отъ радости были какъ сумасшедшіе и не спали цѣлую ночь; а полбутылки шампанскаго (другую половину отдали Феликсу) разстроило еще болѣе наше воображеніе. На другой день мы ѣхали въ пріятнѣйшихъ мечтахъ, и все казалось намъ раемъ. Обмундировавшись какъ наилучше, мы прибыли въ полкъ, а чрезъ мѣсяцъ я былъ сдѣланъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Императоръ Александръ I съ союзными государями, послѣ Ахенскаго конгресса, произвелъ смотръ и маневры всѣмъ корпусамъ, кромѣ Австрійскаго, подъ Валансіеномъ, а въ октябрѣ весь корпусъ тронулся въ походъ въ Россію.

41 Егерскій полкъ, квартировавшій во Франціи въ г. Като де Камбрези, выступилъ съ мѣста 4 ноября и шелъ по слѣдующему маршруту: Шато, Живе де Шарлемонъ, Рокроа, Гуиль, Ліежъ, Намюръ, Ахенъ, Кельнъ (на Рейнѣ), Кассель, Галле, Лейпцигъ, Калишъ, Варшава, Бѣлостокъ, Слонимъ, Слуцкъ, Бобруйскъ, Рогачевъ, Гомель, Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Кролевецъ, Ромны, Ахтырка, Харьковъ, Чугуевъ, Изюмъ, Славяносербскъ, Аксай (на Дону), Ставрополь, Георгіевскъ, Екатериноградъ, Моздокъ, кр. Владикавказъ, и переходъ чрезъ Кавказскія горы до Душета.

У Казбека переходили чрезъ ужаснѣйшій снѣговой завалъ, подымавшійся надъ Терекомъ, выше 100 саженъ, и завалившій Дарьяльское ущелье болѣе нежели на 7 верстъ.

Въ г. Тифлисъ полкъ пришелъ 12 октября 1819 года.

Главнокомандующимъ въ Грузіи былъ тогда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, генералъ знаменитый, какихъ въ Россіи было немного, а Грузія, послѣ князя Циціанова, не имѣла и, кажется, не скоро будетъ имѣть подобнаго. Послѣ его, въ продолженіе 23 лѣтъ, было шесть главнокомандующихъ, но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ для Грузіи и сотой доли того, что сдѣлалъ онъ. Я былъ въ Грузіи во время военной службы 7 лѣтъ и во время гражданской $4^1/_2$ года; въ эти двѣ разновременныя и продолжительныя эпохи я узналъ край въ подробности и видѣлъ всѣ недостатки правительственной системы. Могу смѣло сказать, что эта превосходная и богатѣйшая страна заслуживаетъ лучшей участи и достойна особеннаго вниманія правительства; но, судя по состоянію Россіи, можно безошибочно предсказать, что много, много протечетъ еще времени, пока она станетъ на ряду съ благоустроенною Европою.

Полковая штабъ-квартира 41 Егерскаго полка была тогда въ с. Кве-

махъ, въ Самхетіи, полковымъ командиромъ былъ полковникъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, а я былъ полковымъ адъютантомъ.

1820 года марта 2 дня одинъ баталіонъ 41 Егерскаго полка выступилъ въ походъ въ Казакумыкское ханство. При этомъ баталіонѣ находился и я. Мы шли чрезъ Елизаветполь (Ганжи), гдѣ и провели всю святую недѣлю Пасхи.

На Мингачаурской переправѣ чрезъ Куру былъ въ то время богатѣйшій рыбный промыселъ. Осетры ловились въ такомъ множествѣ, что болѣе 300 человѣкъ рабочихъ едва успѣвали вынимать икру, а рыбу отдавали почти задаромъ, или бросали въ воду.

Проходя Елисуйское ханство, мы захватили оконечность Мугамской степи, изобилующей невѣроятнымъ количествомъ змѣй и разнаго рода гадовъ. Въ этомъ змѣиномъ царствѣ есть мѣста, чрезъ кои въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы никакое животное пройти не можетъ. Оконечность, чрезъ которую мы проходили, была дотого покрыта черепахами и жабами, что трудно было найти чистое мѣстечко, чтобы послать бурку, и во всю ночь почти никто не ложился.

Мугамская степь замѣчательна смертію Надыръ-шаха.

Побужденный невѣдомымъ ему самому геніемъ, Надыръ быстро прославился завоеваніями и мечемъ проложилъ себѣ путь къ шахскому трону. Покоривъ весь Иранъ и завоевавъ Индію, онъ забросилъ россійскому двору сватовство на великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, знаменитой того времени красавицѣ. Слабая и малодушная Анна, раболѣпствовавшая вмѣстѣ съ Россіею подъ гнетомъ жаднаго и свирѣпаго Бирона, нашлась въ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что посольство, или сватовство побѣдоноснаго жениха явилось внезапно въ Астрахани съ 10 тыс. конвоемъ, а самъ онъ съ полмилліономъ войска ожидалъ отвѣта на Мугамской степи. Некогда было разсуждать. Оставалось одно средство прибѣгнуть къ всемірному побѣдителю,—и средство это удалось. 30 тыс. голландцевъ положили предѣлъ замысламъ великаго завоевателя. Надыръ-шахъ былъ убитъ ночью въ своемъ шатрѣ. Онъ былъ исполинскаго роста и силы нечеловѣческой, но кинжалъ уравнялъ бой.

II.

Бунтъ въ Имеретіи.—Личный подвигъ.

Въ началѣ 1820 года въ Имеретіи сдѣлался бунтъ. Бывшій правителемъ Имеретіи ген.-м. Курнатовскій, по ограниченности ума и по малодушію, довелъ народъ до возстанія. Вотъ про него анекдотъ.

Ѳеофилактъ, экзархъ Грузіи, мужъ замѣчательный по своимъ великимъ дарованіямъ, возвращался изъ Кутаиса въ Тифлисъ въ началѣ бунта. Курнатовскій провожалъ его съ баталіономъ пѣхоты, съ 200 казаковъ и съ 2 орудіями. Ѳеофилактъ, увидѣвши у Квирильскаго поста стоявшую невдалекѣ массу вооруженнаго народа, вышелъ изъ экипажа, сѣлъ на урядницкую лошадь и, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, офицера и переводчика, несмотря на ужасъ, объявшій генерала Курнатовскаго, поѣхалъ къ толпѣ. Князья, дворяне и множество простаго народа ринулись къ нему, брали благословеніе съ благоговѣніемъ и даже цѣловали его платье; поговоривъ съ ними довольно долго, онъ возвратился благополучно къ отряду и, отведя Курнатовскаго немного въ сторону, сказалъ ему очень громко: «Генералъ, этотъ грозный конвой не опасности ради, но ради вашего страха. Трусъ ненавистенъ и людямъ, и Богу. Дайте мнѣ вашу шпагу, а возьмите мой клобукъ,—и я вамъ покажу, какъ должно дѣйствовать съ негодяями, возмущающими народъ кроткій и мирный. Съ отрядомъ войскъ, съ которымъ вы меня конвоируете, я покорю всю Имеретію. Прощайте, генералъ, мнѣ не нужно никакого конвоя, я доѣду благополучно одинъ».

Генералъ Курнатовскій былъ смѣщенъ, а поступившій на его мѣсто полковникъ Пузыревскій, молодой человѣкъ съ умомъ и энергіею, былъ застрѣленъ изъ ружья на переговорахъ. Тогда назначенъ былъ правителемъ Имеретіи полковникъ князь П. Д. Горчаковъ, который потребовалъ меня къ себѣ въ адъютанты. Получивъ о семъ предписаніе, я отправился изъ похода и прибылъ въ Кутаисъ 5 мая, гдѣ уже былъ генералъ А. А. Вельяминовъ съ сильнымъ отрядомъ войскъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть вкратцѣ о причинѣ, произведшей бунтъ въ Имеретіи.

Грузія, принявшая христіанство еще въ III вѣкѣ, въ началѣ XIX столѣтія въ отношеніи религіи находилась въ самомъ грубомъ и закоснѣломъ невѣжествѣ. Всякій помѣщикъ дѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ священниковъ и діаконовъ по своему произволу, избирая ихъ изъ бѣдныхъ дворянъ и даже изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей, не заботясь нисколько о ихъ нравственности и грамотности; отъ чего оказывались такіе духовные пастыри, которые не только не умѣли писать, но даже не знали и читать; высшія же духовныя должности, какъ-то: митрополіи, епископства, отдѣльные монастыри и т. п., имѣвшіе значительныя удѣльныя имѣнія и слѣдовательно весьма доходныя, замѣщались дворянами изъ первыхъ фамилій. Въ 1820 году мнѣ случилось видѣть въ монашеской рясѣ прекраснаго мужчину 27 лѣтъ отъ роду, который въ эти лѣта былъ уже митрополитомъ [1]). Онъ жилъ въ одномъ отдѣльномъ мона-

---

[1]) Митрополитъ Давидъ.

стырѣ въ Рачинскомъ округѣ, коему принадлежало огромное имѣніе. Этотъ митрополитъ, изъ могущественнаго дворянскаго рода въ Имеретіи,—урожденный князь Цертель. Съ его старшимъ роднымъ братомъ, княземъ Григоріемъ Цертелемъ, я у него обѣдалъ и гостилъ. Такимъ образомъ въ Гелатскомъ монастырѣ былъ митрополитъ изъ рода князей Яшвилей, въ Укопи—изъ рода князей Дадіановъ, въ Кутаисѣ—Софроній, урожденный князь Цулукидзе, и однимъ словомъ, всѣ высшія духовныя должности въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи заняты были высшимъ дворянствомъ. Для измѣненія столь вредной монополіи, увѣковѣченной временемъ, нуженъ былъ человѣкъ съ умомъ, сильною волею и съ властію не стѣсненною. Притомъ же подобный переломъ въ народѣ полудикомъ и невѣжественномъ не могъ произойти безъ кровавыхъ усилій.

Въ это время явился подобный человѣкъ, какъ бы посланный свыше. То былъ архіепископъ Ѳеофилактъ, экзархъ Грузіи и Имеретіи, въ полной мѣрѣ достойный современникъ Ермолова. Великій умъ, обширное образованіе и энергическій характеръ явили въ немъ замѣчательнаго государственнаго мужа, коему подобнаго, быть можетъ, и не было въ Россіи на поприщѣ духовной іерархіи. Онъ смѣло и повелительно приступилъ къ преобразованію и встрѣтилъ сильныхъ противниковъ въ имеретинской іерархіи. Посему рѣшено было отправить въ Россію двухъ главныхъ сановниковъ митрополитовъ: Гелатскаго и Кутаисскаго. При арестованіи ихъ поступлено было не деликатно: ибо противъ сопротивленія одного изъ нихъ употреблены въ дѣло приклады и штыки, такъ что архипастырь, избитый и окровавленный, былъ связанъ и посаженъ на лошадь силою.

Для князей, не искренне расположенныхъ къ русскимъ, причины этой было достаточно для поднятія знамени бунта.

Въ шесть или семь мѣсяцевъ спокойствіе было возстановлено. Человѣкъ 10 было повѣшено, нѣкоторые пали подъ ударами штыковъ, а другіе удалены въ Россію.

Главнокомандующій А. П. Ермоловъ, отправляя начальника штаба своего, генерала Алексѣя Александровича Вельяминова, для усмиренія бунта въ Имеретіи, поставилъ въ непремѣнную обязанность щадить народъ, употреблять строжайшую справедливость въ разбирательствѣ участниковъ и непремѣнно открыть главныхъ виновниковъ.

Сообразно сему во всемъ употребляемы были кроткія и ласковыя мѣры, слѣдствіемъ коихъ было то, что генералъ Вельяминовъ и князь Горчаковъ постоянно были окружены имеретинскою, мингрельскою и гурійскою аристократіею, но никакими средствами не могли добиться, кто главные зачинщики и руководители бунта, между тѣмъ какъ буйства и варварства происходили вокругъ насъ.

Послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій, въ одномъ небольшомъ сраженіи, быв-

шемъ въ Рачинскомъ округѣ при переходѣ войскъ чрезъ горный хребетъ, былъ взятъ въ плѣнъ раненый дворянинъ, по имени Ломкаце Лежава [1]), начальникъ бунтовщичьяго отряда. Онъ находился подъ арестомъ при отрядѣ, въ коемъ я былъ адъютантомъ.

Отрядъ расположенъ былъ бивуаками на прелестнѣйшей равнинѣ, между горъ, орошаемой родниками и перерѣзываемой величественнымъ Ріономъ. Когда получено было предписаніе главнокомандующаго повѣсить Лежаву, какъ главнаго бунтовщика, то, при объявленіи ему смертнаго приговора, онъ просилъ меня принять отъ него послѣднюю волю и привести ее въ исполненіе.

По удаленіи постороннихъ зрителей и часовыхъ, когда остался я при немъ съ однимъ переводчикомъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ никогда не былъ главнымъ зачинщикомъ, но былъ одно лишь орудіе людей сильныхъ, главныхъ двигателей возмущенія, что вопреки его желанію онъ былъ избранъ и назначенъ начальникомъ войска, что онъ не смѣетъ и думать о пощадѣ, но проситъ милосердія у Бога, а у государя императора испрашиваетъ милости для бѣдныхъ сиротъ: жены и маленькихъ двухъ его дѣтей, кои ни въ чемъ не виновны. Я началъ его уговаривать открыть главныхъ зачинщиковъ бунта и объявилъ ему отъ имени генерала, что чистосердечное во всемъ признаніе и раскаяніе спасетъ его жизнь, въ чемъ завѣрилъ его клятвенно.

Долго боролся въ немъ разсудокъ съ желѣзною волею, наконецъ, побѣжденный увѣщаніями и нѣжностію къ женѣ и дѣтямъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ вздохнулъ тяжело и заговорилъ протяжно:

«Въ раскаяніи моемъ нѣтъ сомнѣнія, но средство доказать истину моихъ словъ такъ трудно, такъ трудно, что едва-ли возможно исполнить его удачно. Впрочемъ, да будетъ воля Божія. Я обязанъ вамъ благодарностію за ваши ко мнѣ милости. Я исполню вашу волю, слушайте со вниманіемъ, ибо мнѣ отъ боли въ ранѣ тяжело говорить. (Онъ былъ раненъ въ самый пахъ, и пуля оставалась въ немъ). На сей равнинѣ [2]), тамъ на берегу Ріона, подъ этими деревьями, было, въ прошломъ годѣ, чрезвычайное собраніе князей, дворянъ, духовенства и нѣсколько тысячъ народа. Въ этомъ собраніи положено истребить всѣхъ русскихъ и

---

[1]) Лежава былъ типъ азіатцевъ. Средняго роста, грудистъ, широкоплечъ, строенъ во всемъ корпусѣ, физіономія умная, большіе черные глаза, носъ и ротъ пропорціональны и огромные черные усы. 27 лѣтъ отъ роду, онъ былъ извѣстенъ въ горахъ, какъ наѣздникъ и удалой въ дѣлахъ. Я принималъ въ немъ искреннее участіе и всемѣрно старался облегчить его участь во все время нахожденія его при отрядѣ. Онъ чувствовалъ это вполнѣ, ибо сказалъ мнѣ однажды: «Адъютантъ, я сокрушаюсь, что не могу отблагодарить васъ за ваше ко мнѣ милостивое вниманіе. Богъ видитъ это, Онъ васъ наградитъ».

[2]) На этой самой равнинѣ мы стояли въ то время на бивуакахъ.

избрать своего царя. Положеніе это написано на бумагѣ, утверждено подписомъ и печатями главныхъ, а клятва запечатлѣна торжественною присягою на крестѣ и евангеліи. Послѣ сего избраны были начальники войскъ. Я назначенъ командовать въ Рачѣ. Я отказывался отъ этого назначенія, ибо увѣренъ былъ и доказывалъ, что это предпріятіе безразсудно и кромѣ погибели многихъ ничего не обѣщаетъ. Но меня и слушать не хотѣли. Къ моему несчастію, я былъ извѣстенъ въ народѣ и пріобрѣлъ славу храбраго наѣздника, да при томъ я былъ въ связяхъ съ горцами въ Сванетахъ, Леччумѣ и даже въ Цебельдѣ и Абхазіи. По этой причинѣ мнѣ вручена была помянутая грамота для дѣйствій при наборѣ войскъ. А какъ я неохотно за это дѣло брался, то, для обезпеченія вѣрности съ моей стороны, жену мою и двухъ маленькихъ дѣтей задержали въ замкѣ князя Георгія Цулукидзе, какъ аманатовъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ моей измѣны эти несчастные должны быть преданы смерти; такимъ образомъ я долженъ былъ покориться моему жребію, ибо не могъ воспротивиться. Предвидя послѣдствія этой безумной и несчастной войны, при прощаньи съ женою, это было недавно, когда я отправлялся съ войсками защищать переходъ чрезъ горы, я вручилъ ей помянутую грамоту и, объяснивъ всю ея важность, я приказалъ беречь ее наравнѣ съ жизнію и отдать оную мнѣ, если вернусь живъ, или тому, кто предъявитъ ей условленный знакъ. Жена моя, какъ я уже сказалъ, содержится и теперь въ замкѣ князя Георгія Цулукидзе, въ 8 или 9 верстахъ отсюда, поѣзжайте къ ней; увидѣвшись безъ свидѣтелей, возьмите лѣвую ея руку и скажите по-русски: здравствуй! она васъ спроситъ: винъ-аршъ? (кто?) вы ей отвѣчайте по-грузински. Лежава тхвени мегобари (Лежава твой другъ), и отдайте ей эту куди [1]); тогда она вручитъ вамъ ту грамоту. Таковъ былъ мой съ нею уговоръ,—она исполнитъ его свято. Тогда вы узнаете все. Но, прошу васъ, дѣйствуйте осторожно. Силою оружія ничего не сдѣлаете, повѣрьте мнѣ. Напротивъ, при малѣйшей неосторожности, князья Цулукидзевы, Абашидзевы, Яшвили и Эристовы, находящіеся при отрядѣ, догадаются, въ чемъ дѣло,— и тогда жена моя и дѣти падутъ подъ ударами кинжала, все подымется и,—кто знаетъ, можетъ быть, погибель постигнетъ всѣхъ васъ. Не забудьте, что вблизи въ горахъ много народа, вооруженнаго въ сборѣ и ожидаютъ лишь сигнала. Никогда не должно слишкомъ полагаться на силу оружія. Счастіе и въ войнѣ такъ же обманчиво, какъ и во всѣхъ дѣлахъ. Не оставляйте моей жены и дѣтей».

Доложивши обо всемъ генералу, мы начали совѣщаться и рѣшили,

---

[1]) Куди, суконный кружокъ, вершковъ въ 5 или 6 въ діаметрѣ, подшитый матеріею, который составляетъ имеретинскую шапку, накидывается на голову и прикрѣпляется шелковымъ шнуркомъ подъ подбородкомъ.

что безъ этого важнѣйшаго документа арестовать князей невозможно, ибо Цулукидзевыхъ, Яшвилей, Эристовыхъ и прочихъ очень много, и всѣ они увѣряютъ въ преданности къ Россіи, но кто изъ нихъ другъ, кто недругъ—разгадать трудно, а на одномъ голословномъ показаніи Лежавы основаться нельзя. Намъ извѣстно было, что азіатцы дорого продаютъ свою свободу и что поэтому арестъ считается у нихъ наравнѣ со смертію. Слѣдственно, подвергнуть при арестованіи убійству невинныя жертвы значило подвергнуть себя самого величайшей отвѣтственности, особенно предъ такимъ строгимъ и справедливымъ главнокомандующимъ, каковъ Ермоловъ. По этой причинѣ нужно было добыть помянутую грамоту во что бы то ни стало. Но какъ ее добыть?.. Добраться до жены Лежавы, содержавшейся у главныхъ зачинщиковъ, не давъ имъ никакого подозрѣнія, было дѣло весьма и весьма не легкое,—несмотря на то, что князь Георгій Цулукидзе нашей службы полковникъ, съ брильянтовою Анною на шеѣ, и получалъ пенсіона 1000 р. сер., несмотря на то, что онъ, сынъ его Симонъ и братъ Леванъ находились при отрядѣ. Съ одной стороны, мы крайне были озадачены тѣмъ, что большая часть князей, находившихся при отрядѣ, главные зачинщики бунта; мы этого никакъ не подозрѣвали; но Лежава навелъ насъ на эту мысль, а онъ былъ не такой человѣкъ, которому можно не вѣрить; тѣмъ болѣе, что это было его предсмертное показаніе. Слѣдовательно, предсказаніе его, что малѣйшая неосторожность погубитъ его жену и дѣтей, повредитъ отряду и испортитъ все дѣло, было совершенно справедливо. Съ другой стороны, самое состояніе отряда, при таковыхъ обстоятельствахъ, было не безопасно. Ибо въ отрядѣ было 6 ротъ 7-го карабинернаго полка, 2 роты Херсонскаго гренадерскаго, 2 Мингрельскаго, двѣ 44-го Егерскаго, два орудія артиллеріи и сотня донскихъ казаковъ, всего подъ ружьемъ 2 т. чел., между тѣмъ какъ князей, дворянъ и при нихъ пѣшаго и коннаго вооруженнаго народа находилось при отрядѣ до 500 чел., а нѣсколько тысячъ залегали въ горахъ въ самомъ близкомъ разстояніи, такъ что при внезапномъ ночномъ нападеніи борьба была бы очень невыгодна, а можетъ быть и гибельна для отряда.

Было о чемъ подумать, но и задумываться долго не было времени, ибо столь затруднительное положеніе требовало мѣръ быстрыхъ, рѣшительныхъ и величайшей осторожности. Наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, мое мнѣніе принято и по немъ составленъ былъ планъ дѣйствія, для исполненія коего нуженъ былъ офицеръ, смѣтливый (хитрый) и особенно неустрашимый. Жребій палъ на меня, и дѣло состоялось такъ: Мнѣ дали сильныхъ отборнѣйшихъ 25 карабинеровъ, при 2 унтеръ-офицерахъ и барабанщикѣ съ прапорщикомъ княземъ Тумановымъ и 10 донскихъ казаковъ при урядникѣ. 2 роты карабинеровъ, съ капитаномъ Индутнымъ, придвинуты были къ самому ущелью, по коему

мнѣ надлежало идти,—и наконецъ, весь отрядъ приготовился къ бою, облегчившись отъ ранцевъ, мундировъ и прочаго. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы въ тайнѣ; мнѣ же дано было, для отвлеченія вниманія, предписаніе отправиться съ 25 ряд. и сжечь одну, покинутую бунтовщиками деревню, лежавшую верстахъ въ 20 отъ дома князя Цулукидзе. Въ это время дома бунтовщиковъ жглись, а скотъ ихъ забирали для войскъ.

Для большей ясности разсказа здѣсь я долженъ упомянуть о себѣ. Говоря по строгой справедливости, въ оное время, 22 лѣтъ отъ роду, бывъ удалымъ наѣздникомъ и охотникомъ къ лошадямъ, оружію и женщинамъ, я былъ весьма любимъ тамошнею молодежью, ибо сходился съ ними во вкусахъ; а привлекательная наружность и особенно вѣжливое и ласковое обращеніе съ откровеннымъ радушіемъ еще болѣе скрѣпляли наши связи. На семъ основаніи палатка моя почти всегда была набита пріятелями-имеретинами, въ числѣ коихъ и князь Симонъ Цулукидзе, сынъ князя Георгія, почти каждодневно пилъ у меня чай, пуншъ и проч. и проч.

Въ 8 часовъ утра прелестнаго лѣтняго дня [1]) я выступилъ изъ лагеря. Молодой князь Симонъ Цулукидзе съ двумя конными имеретинами былъ со мною въ видѣ проводника. Въ двухъ верстахъ отъ отряда расположился капитанъ Индутный, а отъ него по дорогѣ, до дома князя Цулукидзе на разстояніи 6 или 7 верстъ, я оставилъ 6 конныхъ казаковъ, не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи, скрытыми въ кустахъ, дабы въ случаѣ тревоги они ту же минуту дали знать отряду выстрѣлами изъ пистолетовъ. Казаки эти по условленному знаку оставались по дорогѣ сами, какъ будто остаются поправить что-либо у сѣдла или для нужды.

Часа черезъ два пути, я вышелъ съ моимъ маленькимъ отрядомъ изъ ущелья на равнину, на коей влѣво отъ дороги красовался небольшой домъ князя Цулукидзе, а вправо, у самой подошвы крутыхъ горъ, возвышалась древняя каменная башня на обрывистой скалѣ. На полянѣ, оттѣняемой изрѣдка огромными чинарами и орѣхами, было болѣе 300 человѣкъ вооруженнаго народа, изъ коихъ одни стояли въ кучкахъ, облокотясь на ружья, другіе сидѣли и курили трубки.

Я остановился съ людьми у самой дороги, близъ двухъ деревьевъ и двухъ большихъ кустовъ какого-то растенія. Тотчасъ явился ко мнѣ князь Сико Цулукидзе, братъ князя Георгія, и, поздоровавшись, просилъ въ домъ. Я пошелъ, и князь Симонъ отрекомендовалъ меня и князя Туманова княгинѣ, своей матери. Эта женщина по уму и красотѣ извѣстна была во всей Имеретіи. Въ молодости славилась интригами, а

---

[1]) Не могу сказать навѣрное число, но кажется, что это было въ августѣ

подъ старость, ей было лѣтъ 40, ворочала какъ хотѣла и своимъ мужемъ, и чужими. Она приняла меня чрезвычайно ласково и, признаюсь, поразила меня своею проницательностью. Вопросы ея о Лежавѣ были такъ хитры и такъ быстры, что мнѣ трудно было уничтожить ея подозрѣнія. Хотя положительный отвѣтъ мой, что Лежава приговоренъ къ смерти, а жена его къ ссылкѣ въ Сибирь, и былъ ей очень по сердцу, за всѣмъ тѣмъ эта хитрая женщина чувствовала другое.

Есть предчувствія вѣрныя, непостижимыя для насъ самихъ. Это удивительный феноменъ въ природѣ человѣка.

Княгиня находилась въ такомъ безпокойствѣ, что я, при всемъ моемъ краснорѣчіи, и князь Тумановъ, отличный и умный переводчикъ, не могли вполнѣ ее успокоить. Обстоятельство это весьма было кстати; оно невидимо навело меня на новую дорогу и дало совсѣмъ другой оборотъ дѣлу. Мысль мелькнула, и я сказалъ: «теперь жена Лежавы другаго безъ вины вовлечетъ въ бѣду».—«Какъ такъ?»—спросила княгиня.—«Какъ государственная преступница, приговоренная въ Сибирь, она никѣмъ не должна быть укрываема. За укрывательство даже простыхъ преступниковъ полагается строгое наказаніе».—«Ахъ, Боже мой!»—сказала княгиня,—«да она жила въ нашей деревнѣ. Вотъ еще новыя хлопоты. Что съ ней дѣлать?»—«Отдайте мнѣ, я доставлю ее князю Горчакову, и завтра она отправится въ Сибирь»,—отвѣчалъ я.

При этихъ словахъ княгиня вытаращила свои большіе черные глаза на сына, смотрѣвшаго на нее въ задумчивости. Я схватилъ его за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ чрезъ Туманова: «По обязанности службы, я долженъ сказать князю Горчакову, что я слыхалъ отъ княгини вашей матери, что эта преступница живетъ или скрывается въ вашей деревнѣ. Прошу васъ, князь, избавить меня отъ этой непріятной обязанности, а себя и родителей вашихъ отъ значительной отвѣтственности. Дайте проводника и ваше приказаніе, а я пошлю за этою женщиною казака; скажите это княгинѣ и уговорите ее». А князь Тумановъ прибавилъ: «да зачѣмъ вамъ утруждать княгиню, развѣ вы и того, что повелѣваетъ законъ, не можете сдѣлать безъ спроса княгини?» Князь Симонъ, какъ пылкій азіатецъ, вспыхнулъ отъ этого упрека и отвѣчалъ громко и съ гнѣвомъ князю Туманову: «Да съ чего вы взяли, чтобы я не могъ отправить эту дрянь? Ужели вы полагаете, что княгиня вздумаетъ защищать»... «Что такое, что такое?»—спросила княгиня, и когда разсказали подробно нашъ разговоръ, она сказала сыну: «Сей же часъ пошли за нею, и чтобы ни ея, ни ея дѣтей и на землѣ нашей не было!».

Приказаніе было исполнено немедленно.

Чрезъ часъ эта женщина съ служанкой и двумя дѣтьми, одинъ лѣтъ 4-хъ, а другой грудной, была приведена и сдана солдатамъ. Ее ввели между двухъ огромныхъ кустовъ, у коихъ стояли карабинеры; я съ

княземъ Тумановымъ остался съ нею, а солдатамъ приказалъ стать и заслонить пустое мѣсто. «Здравствуй»,—сказалъ я ей, взявъ ея лѣвую руку. – «Винъ-аршъ?»—отвѣчала она, вздрогнувъ и утирая слезы. – «Лежава тхвени мегобари»,—сказалъ я, показывая изъ кармана куди ея мужа. Она ее схватила, прижала къ груди, поцѣловала и зарыдала съ воплемъ. Но въ ту же минуту опомнилась, мигнула служанкѣ, которая тотъ же мигъ присѣла на землю, оторвала зашитый въ рубашкѣ подъ мышкою пакетъ и подала его мнѣ. Мы успокоили бѣдную женщину, сколько позволяло время, и отдали ее въ кружокъ грозныхъ усачей карабинеровъ, приказавъ беречь какъ наилучше. Тутъ же, въ кустахъ, я и князь Тумановъ, удостовѣрились, что въ пакетѣ дѣйствительно содержится та самая грамота, о коей говорилъ Лежава.

Князь Симонъ еще дорогой просилъ меня отобѣдать у него въ домѣ, и я ему обѣщалъ. Посему мы поспѣшили обѣдать.

Подъ огромнымъ вѣтвистымъ деревомъ разостланы были ковры, и вмѣсто стола поставлена низенькая, длинная и широкая скамейка, по одной сторонѣ коей раскинуты были шелковыя плоскія подушки, на коихъ мы усѣлись, поджавши ноги, я, князь Тумановъ, два князя Цулукидзевы, и нѣсколько человѣкъ старшинъ изъ толпы вооруженныхъ людей [1].

Обѣдъ, довольно продолжительный, состоялъ изъ жареныхъ куръ, разварной форели, фазановъ съ лукомъ и шашлыковъ изъ баранины и дикой козы [2]. Княгиня прислала собственно для меня кувшинчикъ превосходнаго вина шаптисъ (царское вино).

Во время обѣда княгиня два раза присылала сказать, что желаетъ со мною говорить. Это мнѣ весьма не нравилось, ибо я, съ моимъ пріобрѣтеніемъ, желалъ летѣть въ лагерь.

Увидѣвшись съ княгиней, я не могъ разсѣять ея страха и волненія. Не могу изложить теперь всѣхъ подробностей этого свиданія, помню только твердо то, что она, ломая руки съ плачемъ, предлагала быть ея сыномъ, указывая на ребенка, лѣтъ 9 или 10, сидѣвшаго возлѣ ея. Наконецъ распростившись съ этою странною женщиною, бывшею причиною несчастія, постигшаго ее и ей мужа и родныхъ, я вышелъ и не-

---

[1]) Умѣніе мое садиться и вставать съ ловкостью, поджавши ноги, чему я научился въ Дуэ, обучаясь фехтованію и гимнастикѣ, склоняли ко мнѣ всегда особенное вниманіе азіатцевъ, кои, зная изъ опыта, что русскіе не умѣютъ сидѣть иначе, какъ на стульяхъ и скамьяхъ, считали меня происхожденія азіатскаго; а мой пріятель, знаменитый Саралопъ Маршаній, Цебельдинскій старшина, красота черкесскихъ удальцевъ, вѣрилъ въ душѣ, что я изъ крымскихъ татаръ, уважалъ и любилъ меня какъ своего единовѣрца.

[2]) Курицу, форель и фазана приготовляютъ въ Имеретіи такъ мастерски, что я нигдѣ не встрѣчалъ лучше.

медля отправился въ обратный путь, увѣривши князя Симона и его дядю, что по причинѣ чрезмѣрной головной боли, внезапно приключившейся, не могу идти жечь деревню.

Едва успѣли мы сойти на дорогу, какъ вдругъ проскакалъ мимо насъ въ домъ князя Цулукидзева нарочный изъ лагеря, и въ то же мгновеніе все поднялось [1]). Крики огласились въ горахъ, и сотни вооруженнаго народа показались на высотахъ, влѣво отъ насъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не замѣтили мы ни одного человѣка.

Я приказалъ посадить обѣихъ женщинъ съ дѣтьми на лошадей сзади казаковъ и ускорить маршъ. Не прошли и двухъ верстъ, какъ посыпались выстрѣлы сбоку; но пули или пролетали надъ нами, или не доходили до насъ по причинѣ деревьевъ, кои насъ съ этой стороны заслоняли. Въ это же время человѣкъ сто пробѣжали мимо насъ по глубинѣ оврага, пролегавшаго направо, въ намѣреніи остановить насъ на весьма дурномъ проходѣ версты за двѣ впереди,—гдѣ дорога, сажени полторы шириною, лежала между двухъ обрывистыхъ утесовъ и подымалась на чрезвычайную кручь. Смекнувши, въ чемъ дѣло, я послалъ бѣгомъ 6 карабинеровъ занять это мѣсто, а казакъ поскакалъ къ Индутному, чтобы поспѣшилъ подвинуться ко мнѣ. Сзади мы не очень боялись нападенія, ибо дорога, глубоко врѣзанная въ землю, была такъ узка, что болѣе трехъ конныхъ рядомъ по ней ѣхать не могли, къ тому же разставленные казаки ко мнѣ присоединились и составили арьергардъ. Карабинеры послѣ сытнаго обѣда и отличнаго краснаго вина, имѣя онаго запасъ въ манеркахъ, весело затянули любимую пѣсню: «Гей у броду, гей у броду, брала дивчина воду, тамъ казаченько кони напувая... [2]).

Вскорѣ мы прибыли благополучно въ лагерь, гдѣ князь П. Д. Горчаковъ ожидалъ меня съ величайшимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ.—«Что? есть грамота?»—«Есть».—«Та самая?»—«Та». И онъ бросился обнимать меня. За всѣмъ тѣмъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ за то, что остался обѣдать. Полчаса медленности,—и можетъ быть все погибло бы [3]).

---

[1]) Послѣ намъ извѣстно было, что этотъ же нарочный привезъ приказъ отъ князя Левана Цулукидзе убить жену Лежавы и ея служанку, а меня съ моимъ отрядомъ задержать дня на два подъ какимъ-либо предлогомъ, не дѣлая впрочемъ ничего враждебнаго.

[2]) Всѣ почти карабинеры, бывшіе со мною, были малороссіяне, поступившіе изъ карабинерныхъ ротъ 41 Егерскаго полка; они были старые воины съ медалями 1812 и 1814 годовъ; тутъ же былъ и лихой унтеръ-офицеръ Гуменюкъ, коего я зналъ давно, еще во Франціи.

[3]) Дорогой, во время слѣдованія, отъ жены Лежавы я узналъ, что ее и ея дѣвку били и мучили, допрашивая, не знаетъ ли она, гдѣ грамота. А какъ бумага эта была зашита въ рубахѣ подъ лѣвой рукой, то рубаху эту она надѣла на свою дѣвку и тѣмъ спасла ее.

Въ числѣ главныхъ, утвердившихъ хартію возстанія, были три князя Цулукидзевы, четыре князя Эристовы, четыре князя Яшвиля и два князя Абашидзевы, находившіеся при отрядѣ. Посему для арестованія ихъ назначенъ былъ слѣдующій день. Разставлена была двойная цѣпь и приготовлено 25 человѣкъ съ заряженными ружьями въ караулъ. Въ 8 часовъ утра, когда все было готово, потребовали князей къ правителю Имеретіи, князю Горчакову. Когда князья проходили, то въ цѣпи свита ихъ была задержана. Это ихъ не удивило, ибо дѣлалось иногда и прежде. На срединѣ лагеря, они были окружены приготовленнымъ карауломъ,— и когда артиллеріи поручикъ Друковцовъ, на коего возложено было исполненіе, объявилъ имъ, что они именемъ главнокомандующаго арестуются за участіе въ бутнѣ, а потому отдали бы свое оружіе и слѣдовали бы подъ стражу, тогда первый князь Леванъ Цулукидзе, обнаживъ саблю, закричалъ: «жизнь и свобода одно и то же»; ему послѣдовали другіе, и завязался страшный рукопашный бой. Князь Леванъ Цулукидзе и еще двое были заколоты штыками, а прочіе болѣе или менѣе ранены.

Князь Мирабъ Абашидзе, прорвавшись сквозь цѣпь, бросился съ капраломъ на князя Горчакова, но, шагахъ въ трехъ или четырехъ отъ него, былъ пораженъ двумя сабельными ударами; переводчикъ Аразовъ снесъ у него кусокъ кожи съ головы, а я, ударивъ по правому плечу, разрубилъ цѣпочку, на коей висѣла пороховница, и ключевую кость. Ударъ этотъ былъ такъ тяжелъ и неловокъ, что моя харосинская сабля, встрѣтивъ сопротивленіе въ серебряной цѣпочкѣ, согнулась въ сторону въ видѣ полумѣсяца.

Впослѣдствіи всѣ князья и дворяне (до 70-ти), подписавшіе хартію возстанія, были удалены въ Россію, въ числѣ коихъ полковникъ князь Георгій Цулукидзе, а жена его—въ монастырь. Молодые Эристовы и Яшвили отданы въ солдаты. Мирабъ Абашидзе и Лежава прощены; послѣднему, сверхъ прощенія, подарена небольшая деревня въ 18 дворовъ.

Такъ кончилось усмиреніе бунта въ Имеретіи. Не описываю военныхъ дѣйствій и правительственныхъ распоряженій, ибо это не входитъ въ планъ моихъ записокъ, кои я пишу собственно для моихъ дѣтей, а не для публики. За всѣмъ тѣмъ я нашелся въ необходимости изложить подробно этотъ личный подвигъ и точь въ точь такъ, какъ онъ былъ, для того, что онъ занесенъ въ мой формулярный списокъ не ясно и неудовлетворительно. Тамъ сказано такъ: «а при арестованіи главныхъ бунтовщиковъ былъ посланъ съ 25-ю егерями, для взятія важныхъ документовъ, въ домъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, въ коемъ находилось болѣе 150 человѣкъ вооруженныхъ. Исполнилъ порученіе это съ неустрашимостію и доставленіемъ бумагъ сихъ открылъ всю нить заго-

вора. За что и награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени». Во-первыхъ, не при арестованіи, а до арестованія; ибо арестованіе бунтовщиковъ было послѣдствіемъ этого дѣйствія; а во-вторыхъ: возлѣ дома князя Цулукидзе было тогда гораздо болѣе 300 человѣкъ вооруженныхъ; самъ князь Горчаковъ спрашивалъ объ этомъ солдатъ и казаковъ, кои показали до 400 человѣкъ, а князь Симонъ Цулукидзе показалъ, что всѣхъ вооруженныхъ людей было тогда у его дома болѣе 500 человѣкъ, но что полтораста человѣкъ были въ башнѣ. Написали полтораста потому, что это огромное число противъ столь малой команды можетъ въ глазахъ высшаго начальства показать фактъ невѣроятнымъ.

За симъ мнѣ остается упомянуть, что на этомъ личномъ подвигѣ основано составленіе моего дворянскаго герба: «Въ щитѣ, подъ дворянскою короною, полуразвитый свитокъ, прикрытый обнаженнымъ мечемъ остріемъ вверхъ».

III.

Экспедиція въ Абхазію въ 1821 году.—Взглядъ на Абхазію въ политическомъ отношеніи.

Во время нахожденія моего въ Имеретіи болѣе пяти лѣтъ, были двѣ экспедиціи въ Абхазію, первая, 1821 года съ 1 октября по 21 декабря, для водворенія владѣтельнаго князя Дмитрія Шервашидзе, старшаго сына умершаго князя Сифиръ-бея,—и вторая 1824 года іюля съ 1-го по 1-е октября, для освобожденія двухъ ротъ Мингрельскаго пѣхотнаго полка, оставленныхъ въ селеніи Соукъ-су при домѣ владѣтельнаго князя. Но чтобы повѣствованіе объ этихъ дѣлахъ было понятно, я долженъ начать издалека и упомянуть, хотя вкратцѣ, о политическихъ началахъ Абхазіи къ Россіи и о причинѣ смутъ, долго терзавшихъ эту страну.

Въ 1824 году было составлено мною отчетливое и весьма занимательное описаніе по этому предмету, основанное на положительныхъ преданіяхъ очевидцевъ, вполнѣ заслуживающихъ вѣры, съ коими я былъ лично знакомъ. Оно заключило исторію абхазскаго владѣтельнаго дома и было читано мною князю Дмитрію Шервашидзе, который не только подтвердилъ правдивость фактовъ, но даже на нѣкоторые далъ свои поясненія. Къ сожалѣнію, всѣ записки мои съ нѣкоторыми документами, книгами и вещами, остававшіяся, на время турецкой войны, въ казенномъ складѣ въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, во время польскаго возму-

щенія въ 1831 году, погибли безъ вѣсти. По этой причинѣ настоящій разсказъ будетъ содержать одну сущность и то безъ хронологіи.

Въ исходѣ послѣдняго столѣтія, владѣтельный абхазскій князь Ростомъ-бей во всемъ Закавказскомъ краѣ могъ считаться одинъ самостоятельнымъ владѣтелемъ. Его Абхазія, окруженная съ трехъ сторонъ горами, со стороны моря имѣла нѣсколько укрѣпленій, среди коихъ Сухумъ-Кале, древняя генуэжская каменная крѣпость, съ четырьмя бастіонами и 20 орудіями, резиденція абхазскихъ владѣтелей, была не только для горцевъ неприступнымъ оплотомъ, но даже не боялась и самой Порты. Славный умомъ и сильный оружіемъ Ростомъ-бей, по всѣмъ прежнимъ отношеніямъ, нисколько не считалъ себя въ зависимости отъ Порты, но не могъ не быть подъ ея начальственнымъ покровительствомъ уже потому, что былъ магометанинъ, не говоря о сосѣдствѣ двухъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей Анапы и Трапезунда.

Съ другой стороны, родъ Шервашидзевыхъ, происходя отъ христіанскихъ началъ и утратившій христіанство свое во времена отдаленныя, не переставалъ поддерживать знаменитую древность своего рода брачными узами съ христіанками, дочерьми первѣйшихъ княжескихъ фамилій Мингреліи, Самурзахани и другихъ. Въ этомъ порядкѣ сынъ и преемникъ князя Ростома, Келишъ-бей, извѣстный умомъ, характеромъ и оружіемъ, былъ рожденъ отъ христіанки; а когда, второй по первородству, сынъ Келишъ-бея, Сифиръ-бей, коего мать была тоже изъ княжескаго дома Дадіановъ, влюбился въ княжну Дадіанову, родную сестру владѣтеля Мингреліи, князя Левана Григорьевича Дадіана [1]), то Келишъ-бей не только не противился этому союзу, но напротивъ всемѣрно желалъ его. Однако мать юной красавицы, владѣтельная мингрельская княгиня Нина, женщина замѣчательнаго ума, сильнаго характера, знаменитая въ свое время красавица, согласилась на этотъ бракъ съ условіемъ, чтобы Сифиръ-бей принялъ христіанство и былъ владѣтелемъ Абхазіи, минуя старшаго своего брата Асланъ-бея. Келишъ-бей принялъ условіе и для приведенія онаго въ исполненіе обратился къ покровительству Россіи [2]).

Между тѣмъ какъ происходили о семъ секретныя съ дворомъ нашимъ сношенія, Асланъ-бей, провѣдавъ о таковой конвенціи, началъ дѣйствовать тоже въ тайнѣ и прибѣгнулъ къ покровительству Порты, которая не замедлила снабдить его инвеститурою или фирманомъ и нѣкоторымъ пособіемъ. Келишъ-бей, подозрѣвавшій Асланъ-бея въ непріязненныхъ замыслахъ, не предполагалъ, впрочемъ, чтобы виды этого не-

[1]) Обоихъ ихъ,—и князя Левана, и его сестру,—я зналъ лично съ 1821-го по 1826 годъ.

[2]) Это событіе, судя по сопровождавшимъ его фактамъ, было въ 1801 или въ 1802 году.

покорнаго сына пошли такъ далеко. Асланъ-бей, имѣвшій свои связи съ знатными черкесскими старшинами, чрезъ родство по матери, имѣлъ въ нихъ сильную поддержку и умѣлъ вести свои дѣйствія въ тайнѣ. Наконецъ, когда прибыло военное турецкое судно къ Сухуму, онъ не могъ далѣе скрываться и въ первую ночь убійствомъ отца своего и истребленіемъ всѣхъ его, бывшихъ въ крѣпости, приверженцевъ проложилъ себѣ путь и провозгласилъ себя владѣтелемъ.

Это была кровавая ночь для дома Шервашидзевыхъ. Разсказъ объ ней ужасенъ. Сифиръ-бей спасся тѣмъ, что не былъ въ это время въ Сухумѣ.

Недолго продолжалось владѣніе Асланъ-бея. Вскорѣ нѣсколько русскихъ военныхъ кораблей явилось предъ Сухумомъ, и Сифиръ-бей былъ введенъ во владѣніе. Ему вручена была торжественно грамота государя императора, принявшаго его съ Абхазіею въ вѣчное покровительство Россіи, въ знакъ коего онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора, Анненскою лентою, императорскимъ знаменемъ, богатѣйшими дарами, великолѣпною церковною утварью и ежегоднымъ пенсіономъ въ 3 т. р. сер.

Асланъ бѣжалъ въ Турцію и поселился въ Трапезундѣ; отколь во все время жизни своей не переставалъ возмущать Абхазію всѣми кознями и происками.

Въ началѣ 1821 года Сифиръ-бей умеръ. Старшій сынъ его, князь Дмитрій, лѣтъ 18-ти въ то время, взятъ былъ изъ Пажескаго корпуса, въ коемъ онъ воспитывался, произведенъ въ полковники и назначенъ владѣтелемъ [1]). Для водворенія его отрядъ войскъ, подъ начальствомъ генерала князя Горчакова, ходилъ въ Абхазію и имѣлъ дѣло съ абхазцами партіи Асланъ-бея, довольно трудное. Изъ 600 человѣкъ, бывшихъ въ строю, убитыхъ и раненыхъ было 222 человѣка, въ томъ числѣ 3 оф. убито и 2 ранено.

IV.

Экспедиція въ Абхазію въ 1824 году.—Рача.—Нора съ удушливымъ запахомъ.

Въ началѣ 1824 года, князь Дмитрій, по наущенію Асланъ-бея, былъ отравленъ абхазцемъ Урусомъ. Злодѣй этотъ былъ схваченъ, сознался со всею откровенностію и былъ за то повѣшенъ на сухумскихъ стѣнахъ.

[1]) Я былъ очень коротко съ нимъ знакомъ. Это былъ рѣдкій юноша. Красавецъ по наружности, кроткаго нрава и добрѣйшей души. Миръ праху его!..

Послѣ Дмитрія возведенъ былъ на владѣніе второй братъ его, князь Михаилъ (Гамидъ-бей) [1].

По смерти князя Дмитрія, мнѣ поручено было сопровождать въ Тифлисъ князя Михаила Шервашидзе и представить главнокомандующему. По этому случаю я былъ при немъ неразлучно болѣе трехъ мѣсяцевъ и имѣлъ случай сблизиться съ нимъ и даже подружиться. Этотъ юноша, образецъ черкесской красоты, былъ строенъ, ловокъ, веселаго нрава, благороденъ въ поступкахъ и добрѣйшей души; а его смуглое, прекрасное лицо выражало умъ и пылкость характера. Онъ ѣздилъ и стрѣлялъ, какъ удалой горецъ, и былъ чрезвычайно любимъ абхазцами. А. П. Ермоловъ, при первомъ представленіи, говорилъ съ нимъ о многомъ [2]) и, замѣтивъ въ немъ быстрый умъ, правильное сужденіе и отличныя способности, въ тотъ же день сдѣлалъ представленіе государю объ утвержденіи его владѣтелемъ съ чиномъ маіора. Чрезъ полтора мѣсяца получено было разрѣшеніе и утвержденіе, и мы отправились обратно.

Въ Соукъ-су собраны были старшины и народъ (явилось весьма немного). Князь Михаилъ объявленъ былъ владѣтельнымъ княземъ и утвержденнымъ государемъ императоромъ, и при парадѣ войскъ предъ императорскимъ знаменемъ была выполнена присяга на вѣрность.

Князь Горчаковъ, принимая въ соображеніе юность новаго владѣтеля и сомнительное поведеніе нѣкоторыхъ старшинъ, счелъ нужнымъ оставить при его домѣ на нѣкоторое время 2 роты Мингрельскаго полка съ 2 легкими орудіями.

Вскорѣ нѣкоторые старшины, и тутъ по кознямъ Асланъ-бея, начали домогаться какихъ-то правъ, вовсе не сообразныхъ съ пользами правительства и народа, и, получивъ рѣшительный отказъ, подняли возстаніе такъ внезапно, что князь Михаилъ съ матерью, братьями и сестрами едва успѣлъ запереться съ 2 ротами въ своемъ домѣ, коего дворъ былъ впрочемъ обнесенъ палисадомъ, или частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ.

Окруженные нѣсколькими тысячами бунтовщиковъ, они были доведены до такой крайности, что на одного человѣка въ сутки давали по полгорсти кукурузы, а воду доставали съ бою изъ рѣки Соукъ-су, чрезъ подземный подкопъ,—и въ этомъ затрудненномъ положеніи они находились около двухъ мѣсяцевъ. Но никакія лишенія не могли поколебать храбрости русскихъ и мужества юнаго князя.

---

[1]) Ему было тогда 16 или 17 лѣтъ отъ роду, но онъ былъ уже высокъ ростомъ.

[2]) А. П. Ермоловъ говорилъ ему по-русски безъ переводчика, а князь Михаилъ отвѣчалъ по-черкески (по-абхазски) чрезъ переводчика, ибо понималъ по-русски все, но изъяснялся неправильно. А. П. Ермоловъ обласкалъ его чрезвычайно, только обдарилъ весьма скупо.

Главнокомандующій, принявъ вѣсть объ этомъ весьма гнѣвно и грозно въ отношеніи къ князю Горчакову, оставившему самопроизвольно горсть войскъ въ мѣстѣ, столь отдаленномъ отъ нашихъ въ то время операціонныхъ сношеній, предписалъ ему спасти роты непремѣнно, подъ личною его, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностію.

Отрядъ, сформированный наскоро для этой экспедиціи, состоялъ изъ 6 ротъ пѣхоты (около 1.000 чел.), 2-хъ легкихъ орудій и 600 всадниковъ мингрельской милиціи, а изъ Черноморскаго флота, по требованію генерала Ермолова, прибыли къ Сухуму фрегатъ «Евстафій» и 3 брига: «Меркурій», «Орфей» и «Ганимедъ».

До Сухума отрядъ дошелъ благополучно, впрочемъ не безъ потери въ нѣкоторыхъ стычкахъ; но отъ Сухума идти далѣе, сухимъ путемъ на разстояніи 50 верстъ, столь малому отряду не было никакой возможности. Ибо въ 20 верстахъ отъ Сухума были подѣланы абхазцами укрѣпленія и завалы, на трудной мѣстности, столь сильные, что и 5.000 отряду съ сильною артиллеріею должно было встрѣтить величайшее затрудненіе. Притомъ же и абхазцевъ съ другими племенами было тогда въ сборѣ болѣе 10.000. Посему рѣшено было посадить на суда 600 чел. пѣхоты и сдѣлать дессантъ у урочища Пицунды, отъ коего въ 6 верстахъ лежало селеніе Соукъ-су.

21 іюля 1824 года была сдѣлана первая высадка, съ незначительною потерею, а 24 числа, когда и остальныя войска были перевезены изъ Сухума, предпринято было съ 400 чел. движеніе къ Соукъ-су. Въ этомъ мѣстѣ, берегъ, на 100 и на 150 саж. пологій отъ моря, вдругъ поднимается круто и на разстояніи 2 верстъ въ ширину покрытъ огромнѣйшими деревьями, рѣдко расположенными. На этомъ берегу выбрана была выгодная позиція, укрѣплена наскоро съ трехъ сторонъ и снабжена 4-мя орудіями съ кораблей.

При первой высадкѣ войскъ, непріятель понесъ великую потерю отъ морской артиллеріи, коей мало знакомое для горцевъ дѣйствіе порвало въ ихъ толпахъ, нахлынувшихъ на берегъ, цѣлые ряды. Это дало имъ такую острастку, что они отступивъ ожидали насъ за опушкою лѣса; но и тутъ, увидѣвъ, что мы, не трогаясь съ мѣста, укрѣпляемся на берегу, а корабли перевозятъ войска изъ Сухума, и прождавъ три дня понапрасну, соскучились неизвѣстнымъ ожиданіемъ и отправились въ сосѣднія деревни, разставивъ караулъ на деревьяхъ въ лѣсу. Между тѣмъ мы, воспользовавшись ихъ оплошностію, 24 іюля, во время предразсвѣтной темноты, тронулись въ глубочайшей тишинѣ, такъ что часовые ихъ прозѣвали, и абхазцы выступили густыми колоннами тогда, когда мы уже были подъ Соукъ-су, изъ коего осажденныя двѣ роты вышли къ нимъ на встрѣчу. Тогда непріятель, убоясь быть между двухъ огней, не осмѣлился насъ атаковать.

Во время слѣдованія отряда, я былъ по генералѣ главнымъ распорядителемъ, ибо подполковникъ Лисаневичъ былъ раненъ при дессантѣ, а маіоръ Грабовскій оставался съ 2 ротами въ береговомъ укрѣпленіи, изъ ротныхъ же командировъ опытнаго и распорядительнаго офицера не было.

У дома владѣтеля осажденные встрѣтили насъ съ великою радостію. Вскорѣ запылали костры, явились быки, бараны, птица, а князь Михаилъ, не желая оставлять что-либо на пользу злодѣевъ-бунтовщиковъ, разсудилъ за благо предать на распитіе весь запасъ своего погреба; разумѣется, что наилучшее вино пало на офицерство,—и обѣдъ былъ на славу. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, въ 4 часа по полудни мы тронулись обратно. Съ ротою карабинеръ (44 Егер. п.) и однимъ орудіемъ, везеннымъ на людяхъ, мнѣ поручено было прикрывать отступленіе и охранять отъ нападенія.

Густыя колонны горцевъ конвоировали насъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла и, кажется, душевно желали поздороваться съ нами, но..... недоставало духу. Однакоже было не безъ грѣха. Когда отрядъ входилъ уже въ береговое укрѣпленіе, мой арьергардъ, тоже подходя къ оному, былъ растянутъ по лѣсу, а я, видя окончаніе похода, закуривалъ трубку фитилемъ у орудія и разговаривалъ съ шт.-кап. Горяиновымъ, потерявшимъ свой кисетъ и просившимъ у меня табаку. Въ это время вдругъ внезапный глухой шумъ съ дикими криками поразилъ нашъ слухъ, и въ то же мгновеніе мы увидѣли у себя подъ носомъ стаю конныхъ горцевъ, скачущихъ, рубящихъ и стрѣляющихъ направо и налѣво. Изъ 6 солдатъ, везшихъ орудіе, двое уже лежали вмѣстѣ съ канониромъ и кричали, а прочіе, ошеломленные столь ужаснымъ налетомъ, бросились, кто куда попалъ. Я и Горяиновъ захватили счетомъ 17 человѣкъ изъ бѣгущихъ и съ ними засѣли у огромнаго дерева, держа ружья на изготовкѣ. Орудіе стояло саженяхъ въ двухъ отъ насъ, между нами и черкесами, но трудно было его достать, высунувшись изъ-за дерева и не подвергнувшись пораженію, ибо у противуположнаго дерева, за большимъ кустомъ, саженяхъ въ 10 отъ насъ, стояли кучки удальцевъ съ ружьями на прицѣлъ. Но мы нашлись: ефесомъ сабли, легши наземь, я зацѣпилъ и притянулъ, лежавшую недалеко, петлю веревки, которою везли орудіе,—потащили разомъ, и орудіе очутилось возлѣ насъ. А какъ оно было заряжено картечью, чего ребята наѣздники не подозрѣвали, то, наведя по возможности на кустъ, за коимъ они были, хватили,—и страшный крикъ возвѣстилъ, что выстрѣлъ былъ не понапрасну. И дѣйствительно,—когда разошелся пороховой дымъ, мы увидѣли на землѣ четырехъ горцевъ, великолѣпно растянувшихся, да тутъ же лежали еще трое, положенные нами прежде изъ ружей, когда они хотѣли было полакомиться орудіемъ. Въ это время прибѣжало къ намъ

нѣсколько охотниковъ, солдатъ съ ружьями въ однѣхъ рубашкахъ. Самъ кн. Горчаковъ, схвативъ 1-ю гренадерскую роту, шелъ къ намъ на помощь; но, благодаря Бога, все уже было кончено. Горцы, подхвативши тѣла убитыхъ, ускакали; а мы рады, что дешево отдѣлались, впрочемъ съ потерею двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ, вступили важно въ лагерь. Здѣсь ожидалъ меня самоваръ,—и тутъ, на берегу морскомъ, подъ прекраснымъ небомъ, проведена была прелестнѣйшая іюльская ночь, въ кругу веселыхъ товарищей, за продолжительнымъ ужиномъ и съ отличнѣйшимъ княжескимъ виномъ, которое пилось, пилось и пилось съ душевнымъ наслажденіемъ...

Чрезъ два дня мы уже были въ Сухумѣ, вокругъ коего весь отрядъ расположился на бивуакахъ. Абхазцы въ досадѣ дѣлали каждодневныя нападенія, но всегда не удачно. Наконецъ, разсчитывая на прекрасныхъ лошадей Мингрельской милиціи,—они подѣлали ужасные завалы по дорогѣ, коею должно было проходить, но, увы!—и тутъ были надуты. Мингрельскій владѣтельный князь Леванъ Григорьевичъ Дадіанъ, начальствовавшій своею милиціею, приказалъ перестрѣлять всѣхъ лошадей и предать на съѣденіе морскимъ тварямъ, что́ и было исполнено, а люди были перевезены на судахъ въ Редутъ-Кале. Такъ окончилась вторая экспедиція въ Абхазію.

Того же года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ходили съ отрядомъ въ Рачу и доходили до Дигорскаго ущелья, чрезъ которое было намѣреніе провести большую дорогу въ Россію. Отрядъ дороги долго стоялъ у мѣстечка Малыя-о̀ни. Мѣстечко это, или городокъ, лежитъ у самой подошвы горы Фазисъ-мда, изъ коей вытекаетъ величественный Ріонъ, именовавшійся у грековъ рѣкою Фазисомъ, отъ чего получили и фазаны названіе свое.

Весь Рачинскій округъ изобилуетъ картинами удивительной мѣстности, и есть такія мѣста, что никакое перо, никакая кисть изобразить не могутъ. Здѣсь невольно съ изумленіемъ благоговѣешь предъ дикою, но величественною природою. Во многихъ мѣстахъ памятники глубочайшей древности поражаютъ васъ. Но взглядъ мой на Кавказъ будетъ изложенъ послѣ.

Близъ Малыхъ-о̀ней, у подошвы горы, есть небольшая пещера, или, лучше сказать, нора вершковъ 12 въ діаметрѣ, изобилующая удушливымъ газомъ, въ такой степени сильнымъ, что мелкое животное, опущенное въ нее, въ нѣсколько секундъ умираетъ. Собака и небольшая свинья выдерживаютъ не болѣе одной минуты. Опытъ этотъ я дѣлалъ самъ. Народное повѣрье гласитъ, что этотъ газъ дѣйствуетъ на безплодность женщинъ, и по этой причинѣ каждое лѣто пріѣзжаютъ къ этой норѣ много молодыхъ поклонницъ, даже съ отдаленныхъ мѣстъ.

Не знаю, содержитъ ли этотъ газъ такое чудное врачеваніе, но если

принять въ соображеніе, что молодыя жены ревнивыхъ мужей содержатся дома, по азіатскому обычаю, весьма подъ строгимъ надзоромъ, то, вырвавшись на просторъ, онѣ могутъ легко наткнуться на плодотворную силу, которую и азіатки такъ же, какъ и наши европеянки, мастерицы находить чутьемъ, и весьма скоро. Слѣдственно, эта удивительная нора есть просто камень преткновенія, прославляемый женами и проклинаемый мужьями.

V.

Пребываніе на Кавказской линіи.—Смерть генераловъ: Лисаневича и Грекова.—Воинственность горцевъ.—Переѣздъ въ Тульчинъ.

Въ концѣ сентября 1825 года я прибылъ на Кавказскую линію, начальникомъ коей назначенъ былъ тогда кн. Горчаковъ, на мѣсто генералъ-лейтенанта Дмитрія Тихановича Лисаневича, убитаго кинжаломъ въ кр. Грозной [1]).

Вотъ сущность этого событія.

Главнокомандующій Ермоловъ, изыскавъ всѣ средства къ сближенію съ русскими племенъ, заселяющихъ нѣдра Кавказа, предположилъ чеченцевъ, мирныхъ ауловъ, употреблять на казенныя работы, съ производствомъ имъ высокой платы, что̀ и поручено генералу Грекову, жившему въ Грозной и начальствовавшему всею окрестною страною. Въ продолженіе долгаго времени чеченцы употреблялись на работы, а плата имъ или производилась очень малая, или вовсе не производилась; разумѣется, что оная получалась исправно изъ казны и исправно выводилась по книгамъ въ расходъ.

Неудовольстіе и ропотъ въ мирной Чечнѣ были послѣдствіемъ столь безсовѣстнаго дѣйствія [2]). Въ это время явился въ Чечнѣ знаменитый

---

[1]) Въ 1825 году я былъ на водахъ въ Пятигорскѣ и представлялся тамъ Д. Т. Лисаневичу, какъ старому моему дивизіонному начальнику еще во Франціи. Онъ меня очень ласково принялъ и, долго со мною разговаривая, прибавилъ, что сейчасъ отъѣзжаетъ въ Грозную. Это было 15 іюля, а 22 іюля уже онъ былъ мертвъ.

[2]) Когда, по смерти Грекова, открытъ былъ его сундукъ, то въ немъ найдены парчи, сукна, брильянтовые перстни, золотые часы, табакерки и прочія дорогія вещи, кои дарились чеченскимъ старшинамъ за ихъ заслуги, были исправно выведены въ расходъ, но къ нимъ не дошли... А. П. Ермоловъ, бывшій при вскрытіи этого почтеннаго сундука, держалъ въ это время въ рукѣ золотую, осыпанную брильянтами, табакерку, съ вензелемъ Государя, жалованную генералу Грекову. Увидѣвши это тайное хранилище благородства

Бей-булатъ. Непреклонные чеченцы, вѣчно враждующіе противъ русскихъ, признали его своимъ верховнымъ вождемъ, и всеобщее возстаніе, какъ пламя, обхватило всю Чечню. Молодежь мирныхъ ауловъ стала подъ знамена Бей-булата. Амиръ-Гаджи-юртское укрѣпленіе съ ротой егерей, съ нѣсколькими орудіями и со всѣми офицерами превращено было въ прахъ, и ни одна душа не спаслась.

Когда чеченцы ворвались въ укрѣпленіе, то капитанъ роты, не видя спасенія, зажегъ пороховой погребъ, и ужасный пороховой взрывъ поднялъ на воздухъ и разметалъ по Сунжѣ многіе десятки и чеченцевъ, и русскихъ, а остальныхъ погребъ подъ развалинами.

Генералъ Лисаневичъ, какъ главный начальникъ края, поскакалъ въ Грозную, собралъ всѣхъ чеченскихъ старшинъ мирныхъ ауловъ, числомъ болѣе 300 и, вышедъ къ нимъ, началъ кричать и бранить ихъ съ чрезвычайнымъ жаромъ. Онъ былъ необыкновенно вспыльчивъ, такъ что въ прежнюю его службу, въ Грузіи, татары называли его Дели-ага—бѣшеный маіоръ, за то, что молодежь чеченская приняла участіе въ возмущеніи.

Толпа этихъ чеченцевъ, при входѣ въ крѣпость, была обезоружена, но одинъ изъ нихъ, какой-то Гаджи, удержалъ при себѣ подъ широкой рясой свой кинжалъ. Этотъ-то Гаджи, когда его Лисаневичъ подзывалъ изъ толпы къ себѣ, бросился мгновенно и поразилъ кинжаломъ генерала Лисаневича въ животъ и въ бокъ, а генерала Грекова въ спину подъ лопатку навылетъ. Грековъ испустилъ духъ на мѣстѣ, а Лисаневичъ мучился четверо сутокъ.

Это было 18-го іюля 1825 года.

Ужасная тревога поднялась въ крѣпости. Весь гарнизонъ хватился за оружіе, и болѣе 300 чеченцевъ были подняты на штыки. Ожесточеніе солдатъ было такъ велико, что даже слуги офицерскіе и всѣ маркитанты, кои были въ черкесскомъ платьѣ, были безъ пощады убиты.

Въ этомъ Гаджи видно какое-то фанатическое, или, лучше сказать, безразсудное самоотверженіе. Ибо, рискуя собственною жизнью, онъ

Грекова, онъ пришелъ въ такое негодованіе, что бросилъ табакерку съ такою силою, что металлъ свернулся въ комъ, а брильянты разлетѣлись во всѣ стороны. „Боже мой, Боже!“—сказалъ онъ, покачавъ головою,—„и этотъ человѣкъ, за мою милость, за мое довѣріе, заплатилъ мнѣ такъ безсовѣстно, такъ подло...“ Грековъ былъ адъютантомъ у князя Дмитрія Захаровича Орбельянова и имѣлъ сомнительную репутацію относительно безкорыстія. Его слѣдовало удалить изъ службы или предать суду, но А. П. Ермоловъ, видя въ немъ замѣчательныя способности, повѣрилъ его завѣреніямъ и простилъ его. Этого мало, въ семь лѣтъ онъ его вывелъ изъ армейскихъ капитановъ въ генералы, не считая орденовъ и подарковъ. Правда, что Грековъ, въ военномъ отношеніи, былъ такой офицеръ, какихъ мало было на Кавказѣ.

погубилъ болѣе 300 своихъ товарищей. Но гораздо одушевленнѣе примѣръ самоотверженія явили два лезгина, кои, желая отомстить смерть своего друга, убитаго русскими, отправились въ Нижегородскій драгунскій полкъ и, рано утромъ, въ первый день свѣтлаго Христова воскресенья, когда всѣ были у заутрени, проникли, не видимые никѣмъ, въ казарму и въ ней спрятались, а когда люди пришли изъ церкви, то, бросившись съ кинжалами, перерѣзали до шестнадцати человѣкъ, пока не были убиты сами.

У кавказскихъ горцевъ, какъ и у всѣхъ полудикихъ народовъ, самоохраненіе есть душа военной тактики. На семъ основаніи, всѣ кавказскія племена, исключая даже лезгинъ и чеченцевъ, грозны въ нападеніяхъ внезапныхъ, страшны въ лѣсахъ, въ ущельяхъ, въ скалахъ, въ завалахъ и, однимъ словомъ, вездѣ тамъ, гдѣ можно убивать другихъ и не быть убиту самому. Но, чтобы горцы въ чистомъ полѣ вступили съ хладнокровіемъ въ открытый бой, особенно съ неравными силами, это бываетъ весьма и весьма рѣдко, и то въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. За всѣмъ тѣмъ, этотъ народъ удивительной храбрости, а самотверженіе ихъ бываетъ невѣроятное. Зато распорядительность въ дѣлахъ большею частію бываетъ очень дурная, а духъ свободы, разрушая дисциплину и единство въ дѣйствіяхъ, приводитъ ихъ военныя предпріятія къ результатамъ безуспѣшнымъ и нерѣдко разрушительнымъ для ихъ самихъ. Но самый ужасный бичъ ихъ благосостоянія—это ихъ собственные раздоры. Большая Кабарда, выставлявшая болѣе 30.000 панцырниковъ и наѣздниковъ, первѣйшей кавалеріи въ мірѣ, растерзана собственными раздорами, а чума довершила истребленіе этой прелестной страны, коей нынѣ безмолвныя и цвѣтущія равнины представляютъ однѣ развалины прежде грозныхъ и многолюдныхъ ауловъ.

На Кавказской линіи я находился съ ноября 1825 года по октябрь 1826 года.

19 января 1825 года скончался въ Таганрогѣ императоръ Александръ I. По обнародованіи этой печальной вѣсти, была выполнена присяга на вѣрность старшему по первородству брату покойнаго государя, не оставившаго дѣтей, Константину Павловичу. Вскорѣ затѣмъ объявлены были акты отреченія отъ престола, сдѣланнаго великимъ княземъ Константиномъ. Посему принесена была присяга нынѣ царствующему императору Николаю.

14 декабря того же года былъ день ужасный для Россіи, —онъ запечатлѣнъ кровію русскою, русскими же пролитою.

При полученіи объ упомянутой перемѣнѣ извѣстія въ Петербургѣ, заговоръ, давно таившійся объ измѣненіи правленія, въ этотъ день разразился бунтомъ. Но милосердый Богъ еще не оставилъ Россію своимъ милостивымъ покровительствомъ. Сила воли и осторожное благо разуміе

новаго государя императора спасли Россію отъ величайшихъ бѣдъ, а можетъ быть и отъ погибели.

Въ бытность мою на Кавказской линіи заведены пикеты съ маяками и предпринято переселеніе станицъ на новую линію по Кубани.

А. П. Ермоловъ находился тогда съ отрядомъ войскъ въ Чечнѣ противъ Бей-булата, имѣвшаго въ сборѣ до 14 т. чеченцевъ. Искусный старый вождь долго лавировалъ и изыскивалъ средства къ нанесенію чувствительнаго удара непріятелю. Наконецъ онъ достигъ цѣли. Нетерпѣливые храбрецы приняли бой, — и бой былъ ужасный. Спѣшившись и взявшись за кушаки, съ кинжалами въ рукахъ, они шли толпами на колонны и на орудія, извергавшія смерть. Тысячи тѣлъ покрыли поле битвы, а избѣгшіе отъ картечей, пуль и штыковъ погибли въ водахъ Сунжи. За всѣмъ тѣмъ это страшное пораженіе успокоило Чечню на время, — на всегда же успокоится она тогда, когда не будетъ на свѣтѣ ни одного чеченца. Эта истина доказана съ тѣхъ поръ Кази-Муллою и Шамилемъ.

1826 годъ ознаменованъ открытіемъ славной войны съ Персіею.

Съ началомъ XIX столѣтія начался и великій героическій періодъ, въ который россійское оружіе покрыло себя безсмертною славою.

15 лѣтъ сряду, почти въ одно и то же время, Россія вела борьбу съ Персіею съ 1802 по 13, съ Турціею съ 1806 по 12, съ Наполеономъ съ 1805 по 8, съ Швеціею съ 1807 по 10, наконецъ Россія выдержала ужасную войну 1812, 13 и 14 годовъ, вышла изъ этого труднаго поприща со славою и стала превыше всѣхъ государствъ Европы.

Но вотъ не стало Наполеона, и въ Европѣ, послѣ бранной эпохи, водворился миръ; не стало и Александра, и въ Россіи, послѣ одиннадцатилѣтняго спокойствія, первый годъ царствованія Николая огласился воинственными кликами на югѣ.

Персія, съ той отдаленной роковой эпохи, какъ Александръ Великій наложилъ на нее свою побѣдоносную руку (въ 333 году до Р. Х.), въ продолженіе болѣе 2.000 лѣтъ не могла поправиться. Въ этотъ длинный интервалъ на ея престолѣ исчезло нѣсколько царственныхъ династій и ни одна не возродила ни Кира, ни Камбиза, ни Дарія Гистаспа. Были воинственные таланты, и между ими преимущественно одинъ, какъ метеоръ, мелькнулъ на ея политической сферѣ. Этотъ случайный герой, Надыръ-шахъ, проложивъ себѣ путь мечемъ отъ ничтожества до трона, прошелъ какъ ураганъ по Ирану и Индіи, обозначилъ свой путь кровію и развалинами и палъ самъ подъ кинжалами убійцъ, не оставивъ по себѣ ничего существеннаго для Персіи.

Уже въ недавнее время генералъ Котляревскій доказалъ персіянамъ, подъ Асландизомъ и Ленкоранью, изумительное превосходство россійскаго

оружія, уничтоживъ 28 т. армію Шахъ-Заде съ 4 т. отрядомъ [1]). Но этотъ поучительный урокъ еще не успѣлъ изгладиться изъ памяти очевидцевъ,—еще не прошло и 14 лѣтъ, какъ тотъ же самый бездарный на полѣ брани, Шахъ-Заде [2]) ворвался съ 40 т. арміею въ границы Россіи, и война загорѣлась.

Причина войны была не важная. Дѣло шло за незначительный кусокъ земли и именно за долину Шахъ-Майданъ. Но кажется, наслѣдникъ персидскаго престола, человѣкъ замѣчательно хитрый, имѣлъ въ этой войнѣ совсѣмъ другіе виды.

Въ 1834 году, въ бытность мою въ Нахичевани, для составленія облагательныхъ табелей о податяхъ, Эксапъ, ханъ нахичеванскій, разсказывалъ мнѣ, что Шахъ-Заде побѣжденъ былъ въ войнѣ не за долину Шахъ-Майданъ, но совершенно по другому обстоятельству. Незнаю, было ли это обстоятельство дѣйствительною причиною войны, но поелику самый фактъ есть истинный, то считаю неизлишнимъ разсказать его [3]).

Фетъ-Али-шахъ имѣлъ до 600 дѣтей и въ томъ числѣ болѣе ста сыновей. Изъ числа ихъ, Абасъ-мирза, самый старшій, былъ его любимый сынъ преимущественно предъ прочими и имѣлъ надъ шахомъ, отцомъ своимъ, большую власть. Но этотъ старшій сынъ былъ рожденъ отъ простой любовницы, между тѣмъ какъ былъ, другой гораздо младшій лѣтами, рожденный отъ какой-то принцессы. По законамъ придворнаго персидскаго этикета, а можетъ быть и по брачному условію, этотъ принцъ, по аристократическому происхожденію матери, несмотря на то, что былъ моложе многихъ братьевъ, считалъ свои права на престолъ сильнѣйшими и законными. Но шахъ хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ Абасъ-мирзу, своего любимца. Для этой цѣли было сдѣлано чрезвычайное собраніе первѣйшихъ сановниковъ и всѣхъ шахскихъ сыновей. Въ этомъ собраніи Фетъ-Али-шахъ, послѣ высокопарной рѣчи, объявилъ,

---

[1]) И Александръ великій съ 30 т. пѣхоты и 5 т. кавалеріи разбилъ несмѣтныя Даріевы полчища при Граникѣ въ 334 году до Р. Х.; а въ слѣдующемъ году, съ тѣмъ же самымъ количествомъ, разгромилъ въ прахъ милліонную персидскую армію при Иссѣ, гдѣ и самъ Дарій едва избѣжалъ плѣна.

[2]) Шахъ-Заде—наслѣдникъ престола.

[3]) Этотъ фактъ, кажется, былъ гораздо прежде войны, слѣдовательно причиною ея въ томъ смыслѣ быть не могъ. Гораздо ближе къ истинѣ то, что Абасъ-мирза, несмотря на свой умъ и глубокую хитрость, былъ увлеченъ интригами англичанъ, къ тому же имѣлъ притязанія на военный талантъ. Въ 1824 году, пріѣзжалъ въ Грузію изъ Индіи англійской компанейской службы инженеръ-маіоръ Монтисъ, который, не играя ни въ какую игру, въ два или три мѣсяца прожилъ въ Тифлисѣ болѣе 3 т. червонцевъ. И я бывалъ у него на обѣдахъ и на вечерахъ и знаю его лично. Послѣ онъ былъ высланъ изъ Тифлиса и изъ Грузіи, какъ подозрительный агентъ.

что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, видитъ необходимость назначить по себѣ наслѣдника, коимъ избираетъ и торжественно объявляетъ своего любезнѣйшаго сына Абаса-мирзу, имѣющаго всѣ права на престолъ персидскій, какъ по старшинству первородства, такъ и по достоинству. При столь рѣшительномъ указаніи всѣ раболѣпно преклонились предъ грозчымъ повелителемъ. Но юный претендентъ сказалъ: «Великій государь, говорить предъ тобою неправду значило бы не любить и не уважать тебя, какъ отца и государя. Твое собственное величіе и царственная кровь твоя и моей матери, отражаясь во мнѣ, твоемъ сынѣ, не позволяютъ мнѣ попрать мои права. Если они не уважатся, то оружіе рѣшитъ, кому быть на персидскомъ тронѣ послѣ тебя».

Добродушный Фетъ-Али-шахъ, будучи человѣкомъ умнымъ и литераторомъ, былъ удивленъ подобнымъ отвѣтомъ своего 15-лѣтняго сына. Говорятъ, что даже улыбка сердечнаго удовольствія мелькнула на его челѣ. Но не то происходило въ душѣ хитраго и пронырливаго Абаса-мирзы. Онъ видѣлъ въ своемъ юномъ братѣ страшнаго соперника, потому что юный принцъ и по красотѣ, и по уму, и по душевнымъ качествамъ былъ необыкновенно любимъ и народомъ, и знатью. Надобно было отъ него отдѣлаться. Замышлено и сдѣлано. Но чтобы убійство не произвело смуты въ государствѣ, затѣяна была война для отвлеченія общественнаго вниманія и дѣятельности. Абасъ-мирза трудился не для себя. Онъ умеръ еще при жизни Фетъ-Али-шаха, а престолъ наслѣдовалъ одинъ изъ сыновей Абасовыхъ, но не старшій.

Послѣдствія персидской войны 1826 и 1827 годовъ извѣстны. Паскевичъ, покрывъ себя славою подъ Елизаветполемъ и Эриванью, въ стѣнахъ Тавриза заключилъ знаменитый миръ, по коему три ханства: Эриванское, Нахичеванское и Ордуабатское отошли къ Россіи съ 20 м. р. сер. и съ другими значительными выгодами.

Я не былъ въ этой славной войнѣ, тогда какъ долженъ былъ участвовать въ ней и имѣлъ къ тому очень благопріятный случай. Не воспользовавшись имъ, быть можетъ, я симъ оттолкнулъ отъ себя мое счастіе, но судьба влекла меня по другому пути, весьма для меня неудачному.

Въ августѣ того же 1826 года, князь Горчаковъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ и продолжать служить вмѣстѣ и въ Россіи такъ же, какъ служилъ въ Грузіи. Признаюсь, мнѣ очень этого не хотѣлось; но, къ несчастію моему, бывъ ослѣпленъ его обѣщаніями, я не имѣлъ духа отказаться. Впослѣдствіи горько объ этомъ сожалѣлъ.

Въ октябрѣ я переѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ была тогда главная квартира 2-ой арміи.

Главнокомандующимъ былъ въ то время генералъ-фельдмаршалъ

графъ П. Х. Витгенштейнъ, начальникомъ главнаго штаба арміи генералъ-маіоръ П. Д. Киселевъ.

Въ Тульчинѣ я прожилъ полтора года, съ октября 1826 по апрѣль 1828 года и весь 1827 годъ, начиная съ 6 января, пролѣчился, не бывши ни боленъ, ни здоровъ. Болѣзнь моя была та общая язва нашего вѣка, отъ которой рѣдкій человѣкъ благороднаго сословія ускользнетъ. Къ несчастію, она развилась нынѣ и въ простомъ народѣ болѣе, нежели въ высшемъ сословіи, такъ что есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя деревни, зараженныя этимъ пагубнымъ истребителемъ рода человѣческаго.

Питая постоянно отвращеніе къ публичной торговлѣ прелестями, какъ человѣкъ, я изыскивалъ въ моихъ паденіяхъ предметы, по возможности соотвѣтствовавшіе моему вкусу; поэтому много, много случилось испытать въ жизни любовныхъ приключеній и обыкновенныхъ, и опасныхъ, и смѣшныхъ до невѣроятія. Описаніе ихъ, безъ преувеличенія, составило бы весьма занимательный романъ; но я упомяну въ своемъ мѣстѣ объ одной только встрѣчѣ и то потому, что она имѣла значительное на меня впечатлѣніе.

По причинѣ такой разборчивости я сберегъ себя и былъ невредимъ до 28-лѣтняго возраста; но здѣсь, несмотря на мою осторожность, настоящій случай былъ просто несчастіе, искавшее меня само.

Заболѣвши зимою, во время лѣченія, я простудился и, бывши золотушнаго сложенія, симптомы сдѣлались сложны и упорны, а лѣченіе было неискусное, несмотря на знаменитость пользовавшихъ меня врачей.

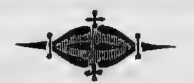
Я имѣлъ несчастіе подвергнуться этой болѣзни первый и послѣдній разъ въ моей жизни, однако, несмотря на самое тщательное лѣченіе, долго я не могъ избавиться отъ ея гибельныхъ послѣдствій и лишь въ 1831 году въ Кишеневѣ излѣчился совершенно.

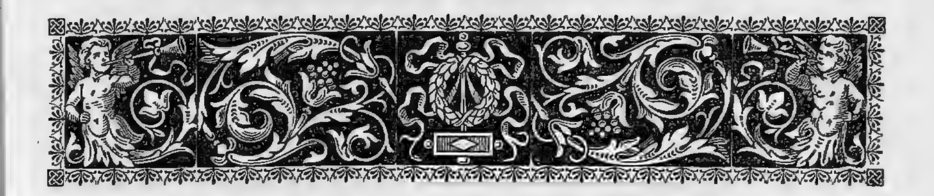
Кажется, нигдѣ и никогда я не читалъ такъ много, какъ въ Тульчинѣ. Ибо во время лѣченія моего весь 1827 годъ я долженъ былъ сидѣть дома и во избѣжаніе скуки, волею и неволею, предавался чтенію всякаго рода книгъ на понятныхъ мнѣ языкахъ, а ихъ въ Тульчинѣ было достаточно.

Въ началѣ 1828 года, съ формальнымъ объявленіемъ о турецкой войнѣ, сдѣлано было распоряженіе, что всѣ тѣ чины главной квартиры, кои, бывъ удалены отъ родныхъ, встрѣтятъ затрудненіе въ сохраненіи своихъ вещей, излишнихъ для предстоящаго похода, могутъ оставить ихъ въ казенномъ складѣ въ Тульчинѣ, подъ надзоромъ коменданта, а по окончаніи войны получатъ ихъ въ цѣлости. О чемъ и отданъ былъ приказъ по главной квартирѣ. Складъ этотъ назначенъ былъ въ огромной комнатѣ въ домѣ гр. Потоцкаго,—и я, пользуясь столь благодѣтельнымъ распоряженіемъ, отдѣлилъ всѣ излишнія вещи, наполнилъ ими великолѣпный сундукъ и отдалъ оный въ помянутый складъ. Не видалъ я его болѣе, и за всѣми розысканіями не могъ и слѣдовъ найти, куда

онъ дѣвался. Только могъ я узнать въ утѣшеніе, что въ 1830 году, при открытіи бунта въ Польшѣ, въ Тульчинѣ тоже сдѣлалась суматоха; коменданта перемѣнили, и всякъ изъ этого склада хваталъ, что попало; поэтому не было возможности добиться, по какой дорогѣ отправился мой почтенный сундукъ. На переписку мою объ немъ даже и не отвѣчали; а между тѣмъ, въ этомъ сундукѣ заключалось все мое достояніе. Разные акты, книги, записки, платье, оружіе и значительное количество серебряныхъ и дорогихъ вещей, такъ что по умѣренной оцѣнкѣ стоимость всего простиралась болѣе, нежели на 10 т. р. асс.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская армія въ годъ смерти Екатерины II.

Составъ и устройство русской арміи [1]).

II.

Наличный составъ арміи.—Раздѣленіе русской арміи и распредѣленіе генераловъ.—Обмундированіе.—Пища.—Размышленія маркиза Сильвы объ этомъ предметѣ.—Жалованье.—Артель.—Выгоды ея. — Обозъ.—Казначейства (мастерскія).—Полковая переписка.—Расквартированіе.—Образъ жизни солдатъ.—Распущенность офицеровъ и солдатъ.—Безполезные законы и предосторожности противъ этихъ насилій.—Побѣги.—Наказанія.—Избы и землянки.—Повозки.—Кавалерія.—Причины ея посредственности.—Доходы полковыхъ командировъ и изъ чего они состоятъ.—Выгоды этихъ доходовъ.— Судьба русскихъ полковыхъ командировъ.

Не знаю, вслѣдствіе ли политики императрицы, что̀, впрочемъ, показалось бы мнѣ весьма основательнымъ, или вслѣдствіе случая, или же вслѣдствіе безпорядка, въ которомъ князь Потемкинъ оставилъ армію, но никто навѣрное не знаетъ ея наличнаго состава и даже не можетъ имѣть о томъ письменныхъ свѣдѣній. Военная коллегія никогда его не публикуетъ, и необходимъ громадный трудъ для того, чтобы имѣть его хотя приблизительно. Всего считалось 276 баталіоновъ, болѣе 400 эскадроновъ и 10.000 артиллеріи. Это должно было бы составлять въ общей сложности приблизительно 280 тысячъ человѣкъ пѣхоты, 57 тысячъ кавалеріи и 10 тысячъ артиллеріи. Между тѣмъ въ общемъ можно считать не болѣе 140 тысячъ человѣкъ пѣхоты, 30 тысячъ кавалеріи и 8 тысячъ артиллеріи; причина этого будетъ видна ниже.

---

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1895 года.

Русская армія раздѣлена на многія части, которыя по своему численному составу называются корпусами или арміями. Главныя арміи употребляются противъ непріятелей или расквартированы въ Лифляндіи, Польшѣ, Малороссіи и пр. Эти арміи и корпуса состоятъ подъ начальствомъ фельдмаршаловъ, генералъ-аншефовъ или генералъ-поручиковъ.

Каждый годъ военная коллегія назначаетъ для каждой арміи достаточное число генераловъ и разсылаетъ ихъ къ генераламъ, командующимъ дивизіями, которые и распредѣляютъ ихъ по бригадамъ; тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ ни протекціи, ни состоянія, посылаютъ въ Сибирь, Оренбургъ, на Кавказъ и т. п.; любимцы же служатъ въ Москвѣ, Польшѣ и т. п.

Я не знаю болѣе удобнаго, болѣе легкаго и болѣе пріятнаго на взглядъ обмундированія, какъ у русскаго солдата. Сапоги изъ очень прочной кожи, панталоны у него широкія, не стѣсняютъ ему ни колѣнъ, ни икръ и превосходны для ходьбы; низъ панталонъ кожаный, прикрываетъ нижнюю часть ноги, плотно обхватываетъ ее и образуютъ какъ бы вторыя голенища. Платье легко, а зимою лацканами можно закрыть грудь крестъ на крестъ и можно также носить жилеты.

Но въ чемъ русскій солдатъ имѣетъ преимущество надъ всѣми солдатами на свѣтѣ, это въ прическѣ; онъ не носитъ ни косы, ни буклей, которыя настолько грязны и нездоровы, что приводятъ въ отчаяніе и разоряютъ солдатъ; ихъ остриженные въ кружокъ волосы можно мыть и чесать каждый день [1]).

---

[1]) Однако, необходимо признать, что если при этомъ выигрываютъ по отношенію къ удобству, въ то же время теряютъ по отношенію къ внѣшности. Солдатъ съ остриженными въ кружокъ и не напудренными волосами слишкомъ походитъ на крестьянина. Я былъ пораженъ этою разницею въ 1795 году. Когда я прибылъ принимать Малороссійскій гренадерскій полкъ, то одинъ баталіонъ этого полка былъ расположенъ въ Дубно вмѣстѣ съ однимъ баталіономъ Орловскаго полка; этотъ послѣдній баталіонъ, одѣтый во все новое, былъ великолѣпенъ, мой же оборванъ и очень не красивъ и, однако, онъ выглядѣлъ лучше единственно потому, что солдаты были причесаны. Это былъ единственный полкъ въ арміи, имѣвшій прическу; но фельдмаршалъ Румянцевъ, бывшій его шефомъ, чрезвычайно любилъ прусскую прическу и прусскую форму *)

---

*) (1826 г.). Изъ этого видно, что въ то время, когда я писалъ замѣтку, глаза мои, привыкшіе къ бывшимъ тогда въ употребленіи смѣшнымъ прическамъ, не могли еще свыкнуться съ принятою съ недавнихъ поръ формою. Теперь же мнѣ даже невозможно понять, какъ могли мы въ продолженіе столь долгаго времени подчиняться мученію и заставлять себя завивать, помадить и пудрить свои волосы и терять такимъ образомъ ради такого смѣшнаго занятія по два часа каждый день.

Павелъ I возстановилъ старинныя прически и привелъ этимъ въ отчаяніе всю свою армію. Александръ возвратился къ прежней русской формѣ, принятой теперь во всеобщее употребленіе.

Этимъ обмундированіемъ обязаны князю Потемкину; онъ былъ настолько уменъ и благоразуменъ, что принялъ этотъ проектъ, составленный однимъ изъ его подчиненныхъ, и русскій пѣхотинецъ обязанъ ему за это вѣчною признательностью [1]). Но обмундированіе это совсѣмъ не подходитъ для тяжелой кавалеріи, какъ я скажу объ этомъ ниже.

Офицеры одѣваются не такъ, какъ солдаты, что представляетъ большое неудобство потому, что непріятельскіе егеря узнаютъ ихъ по платью и стрѣляютъ преимущественно въ нихъ; это испытали во время войны съ Турціею, и князь Потемкинъ приказалъ офицерамъ, какъ по этой причинѣ, такъ и ради экономіи, носить куртки и шаровары изъ толстаго сукна и скроенные по образцу солдатскихъ.

Ни въ какой службѣ офицеръ не подчиненъ менѣе точности формы, какъ въ Россіи *). Ни покрой, ни цвѣтъ, ни форма одежды не сходны между собою. Не только каждый полкъ, но даже и каждый въ немъ офицеръ придерживается своего правила; офицеры безразлично носятъ длинные или короткіе мундиры, бѣлые или цвѣтные жилеты, вышитые галстухи, шаровары всевозможныхъ цвѣтовъ, шапки или шляпы, и въ такомъ видѣ являются къ своимъ начальникамъ и даже часто въ главную квартиру. Они очень дорожатъ этимъ разнообразіемъ; особенный же образецъ изящества для русскаго офицера составляетъ круглая шляпа, à l'anglaise, которую они носятъ по преимуществу.

Казна даетъ русскому солдату только муку и крупу въ достаточномъ количествѣ, и онъ можетъ употреблять ее по своему усмотрѣнію; въ мирное время въ казармахъ, въ лагерѣ и т. п. солдаты сами пекутъ себѣ хлѣбъ; во время похода бываетъ то же, если есть на это время. Солдатъ пользуется для этого печью, которую самъ же устраиваетъ въ землѣ.

Маркизъ де-Сильва, піемонтецъ, написавшій очень хорошую книгу о тактикѣ и самъ служившій съ русскими, такъ говоритъ о пищѣ русскаго солдата:

«Нѣтъ ни одного солдата, котораго бы легче было кормить, чѣмъ русскій; онъ самъ мѣситъ и печетъ свой хлѣбъ въ печахъ, устраиваемыхъ имъ же въ землѣ, когда ему доставляютъ муку; если же продо-

---

[1]) Необходимо цѣлое столѣтіе на то, чтобы наилучшія установленія были вездѣ приняты. Я не постигаю, почему всѣ европейскія войска не примутъ русской формы. Въ 1785 году военный совѣтъ во Франціи хотѣлъ дать ее хотя части войскъ, но дороговизна кожи во Франціи была причиною непринятія этой формы.

*) (1826 г.). Въ настоящее время строгость въ точномъ соблюденіи формы одежды доведена до крайности. Павелъ измѣнилъ кокарду; теперь она трехцвѣтная; удивительно, что бѣлыя кокарды были замѣнены почти въ одно и то же время и деспотомъ, и республиканцами.

*

вольствіе состоитъ изъ сухарей (ржаные, очень черствые и черные сухари), то онъ разрѣзаетъ ихъ на маленькіе кусочки, величиною съ орѣхъ и считаетъ ихъ для себя еще лучшимъ кушаньемъ и приготовляетъ изъ нихъ похлебку съ различными овощами. Эти ржаные сухари, хотя немного и кислые, на вкусъ нисколько не непріятны; сверхъ того, они очень питательны, не крошатся и сохраняются очень долго. Русскій солдатъ настолько привыкъ къ нимъ, что сладкій пшеничный хлѣбъ, какъ утверждаютъ, ослабляетъ его. Хотя русскіе и любятъ крѣпкіе напитки, но они легко обходятся безъ нихъ и не жалуются, когда ихъ нѣтъ; они совершали походы, не получая ни пива, ни водки».

Императрица отлично знаетъ, что чиновники, во время своей службы, иногда имѣютъ средства обходиться безъ жалованья, и что то, которое она даетъ имъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ чинамъ, никоимъ образомъ не хватаетъ на ихъ содержаніе.

Русскіе солдаты, какъ я уже сказалъ, имѣютъ, чего нѣтъ ни у одного солдата въ Европѣ — свою собственность. Эта собственность называется артелью; она составляется изъ суммы, получаемой отъ экономическихъ продовольственныхъ денегъ за зимнее время, о которыхъ будетъ сказано въ главѣ о доходахъ полковыхъ командировъ, и изъ удерживаемыхъ у солдата, съ его согласія, половины или трети его жалованья; эта сумма находится на рукахъ четырехъ старыхъ солдатъ каждой роты, избираемыхъ остальными солдатами и называемыхъ артельщиками; сумма эта составляетъ общую собственность роты и въ нее ни ротный, ни полковой командиры ни подъ какимъ видомъ не должны вмѣшиваться. На эту сумму покупаютъ небольшія повозки, въ которыя запрягаютъ по двѣ или по три лошади, и которыя служатъ въ походѣ для перевозки солдатскаго багажа, для принятія больныхъ или раненыхъ. Часть этой суммы употребляютъ также во время лагернаго сбора на покупку мяса, овощей и пр., такъ какъ казна, какъ сказано уже выше, отпускаетъ только ржаную муку и крупу.

Остатокъ суммы остается на рукахъ у артельщиковъ и въ полкахъ, хорошо управляемыхъ, въ которыхъ полковые и ротные командиры не обманываютъ солдата и не удерживаютъ у себя части продовольственныхъ денегъ, каждый солдатъ имѣетъ независимо своей части въ повозкахъ, лошадяхъ и пр., восемь или десять рублей, вложенныхъ въ артель. Товарищи наслѣдуютъ послѣ умершаго, если только онъ не завѣщаетъ свою часть другу или родственнику.

Изъ этого видно, что учрежденіе это представляетъ много выгодъ; оно предоставляетъ солдату извѣстную собственность, поддержку, занятіе, удовольствіе. Не возможно себѣ представить, до какой степени привязаны солдаты къ своимъ лошадямъ и насколько они любятъ ухажи-

вать за ними и кормить ихъ. Сверхъ того солдатъ, въ случаѣ желанія дезертировать, бываетъ заинтересованъ и иногда удерживаемъ отъ этого опасеніемъ лишиться восьми или десяти рублей, вложенныхъ въ артель; эта же мысль о собственности заставляетъ защищать съ ожесточеніемъ повозки, когда онѣ подвергаются непріятельскому нападенію. Наконецъ, въ случаѣ крайней нужды, артели эти могутъ предоставить средства начальникамъ; но эта статья весьма деликатнаго свойства. Офицеръ, который бы позаимствовался въ артели безъ согласія на то солдата или тотъ, который не могъ бы возвратить взятой изъ нея въ долгъ суммы, былъ бы разжалованъ [1]).

Но съ другой стороны артели эти представляютъ нѣкоторыя неудобства; онѣ отнимаютъ у фронта по меньшей мѣрѣ по восьми солдатъ съ роты, обременяетъ армію огромнымъ количествомъ лошадей и повозокъ [2]) и, наконецъ, способствуетъ грабежу (солдаты, зная, куда спрятать похищенныя вещи, воруютъ обыкновенно у крестьянъ фуражъ для своихъ лошадей). Это послѣднее настолько укоренилось въ артели, что первымъ дѣломъ солдатъ, когда они располагаются на квартирахъ, это красть сѣно и овесъ, сносить ихъ къ своимъ ротнымъ командирамъ и такимъ образомъ устроить у него свои магазины [3]). Экспедиціи эти производятся по ночамъ или въ снѣжную погоду и обыкновенно подъ на-

---

[1]) Въ 1796 году въ Польшѣ, когда полки оставались 11 мѣсяцевъ безъ получки ни жалованія, ни продовольствія, полковые командиры были вынуждены, для содержанія лошадей своихъ полковъ, позаимствоваться въ артеляхъ. Я занялъ отъ четырехъ до пяти тысячъ рублей у двадцати ротъ моего полка. Солдаты не только согласились на это, но большая часть ротъ прислала мнѣ денегъ больше, чѣмъ я просилъ, и отказалась отъ моихъ заемныхъ писемъ. Когда мнѣ заплатили, я въ точности выполнилъ мои обязательства. Но многіе полковые командиры играли на полученныя деньги, проиграли ихъ и не уплатили артелямъ.

[2]) Мой полкъ, состоящій изъ 5 баталіоновъ, имѣетъ артельныхъ около 350 лошадей и до 70 повозокъ.

[3]) Не одни только солдаты кормятъ такимъ способомъ своихъ лошадей. Я утверждаю, что въ Польшѣ большая часть офицеровъ употребляла своихъ солдатъ для добыванія себѣ фуража тѣмъ же дешевымъ способомъ. Многіе полковые командиры содержали съ такимъ же удобствомъ своихъ полковыхъ лошадей. Я никогда не забуду той откровенности, съ которою командиръ Орловскаго пѣхотнаго полка, Степанъ Голицынъ, отвѣтилъ по поводу этого графу Станиславу Мнишекъ. Въ 1795 году онъ стоялъ съ полкомъ въ имѣніяхъ этого магната и приказалъ украсть у него восемь стоговъ сѣна. Графъ Мнишекъ уличилъ его въ этомъ и явился къ нему жаловаться на него же; Голицынъ сознался и сказалъ ему: «Я вамъ возвращу его, но прикажу украсть сѣна у другихъ».— «Если такъ, возразилъ графъ, то оставьте его у себя; я богатъ; вы же разорите бѣдняка». Затѣмъ они отправились вмѣстѣ обѣдать, напились и сдѣлались закадычными друзьями.

чальствомъ унтеръ-офицера. Однако, сопоставляя преимущества съ неудобствами, я нахожу, что артели болѣе полезны, чѣмъ вредны.

Каждый русскій полкъ представляетъ собою какъ бы отдѣльную маленькую армію, потому что онъ тащитъ за собою все, что необходимо на войнѣ; эта общая поклажа называется обозомъ, и онъ былъ бы прекраснымъ учрежденіемъ, еслибъ не былъ слишкомъ значителенъ и предметомъ безконечныхъ злоупотребленій. Онъ необходимъ въ Молдавіи и даже за Дунаемъ, въ степяхъ, но былъ бы совершенно безполезенъ въ Германіи.

Каждый полкъ имѣетъ такъ называемое казначейство (складъ, мастерскія). Это общая мастерская, состоящая въ вѣдѣніи офицера, въ которой должно быть 20 мастеровыхъ (ихъ часто бываетъ болѣе 200, въ особенности въ то время, когда одѣваютъ полкъ). Эти мастеровые безпрерывно заняты постройкою и починкою полковаго обоза, церкви, палатокъ и пр. и ещѣ болѣе постройкою повозокъ, экипажей, изготовленіемъ мебели и разныхъ дорогихъ бездѣлушекъ для полковаго командира. Въ этихъ мастерскихъ можно найти всевозможнаго рода мастеровыхъ, начиная съ плотника и кончая граверомъ; русскій полкъ это— подвижной городъ.

Самый мрачный лабиринтъ канцеляріи самаго занятаго прокурора не совмѣщаетъ въ себѣ болѣе переписки и не скрываетъ въ себѣ столько мошенничества, какъ канцелярія русскаго полка, въ которой тридцать писарей заняты день и ночь. Независимо дневныхъ приказовъ, изъ которыхъ ни одинъ не отдается словесно и записываемыхъ, по приказанію полковаго командира, въ книгу и съ которыхъ снимаются копіи для всѣхъ ротъ, есть еще 13 книгъ, разсылаемыхъ военною коллегіею за ея печатью и скрѣпленныхъ ею по листамъ. Одна изъ этихъ книгъ предназначена для записыванія жалованья, другая—провіанта, третья для казначейства и пр.; въ нихъ записываются приходъ и расходъ всякаго предмета и два раза въ годъ всѣ офицеры подписываютъ ихъ въ удостовѣреніе того, что все было доставлено и израсходовано правильно. Въ случаѣ недовольства офицеры могутъ отказать въ своей подписи и въ такомъ случаѣ сильно затрудняютъ полковаго командира; но подобные случаи бываютъ рѣдко; обыкновенно застращенные или подкупленные своими начальниками офицеры подписываютъ, не читая; если же они и придираются къ тѣмъ, которые позволяютъ себѣ слишкомъ большія злоупотребленія, то часто лишь для того, чтобы сорвать какую-нибудь подачку, послѣ чего дѣлаютъ все, что отъ нихъ желаютъ.

Эти предосторожности и эти подписи дѣлаютъ офицеровъ отвѣтственными и должны были бы останавливать злоупотребленія; но, напротивъ того, онѣ лишь поддерживаютъ и увеличиваютъ ихъ. Отдавая подъ судъ полковаго командира, приходилось бы судить и всѣхъ офи-

церовъ; предпочитаютъ никого не подвергать наказанію, и всѣ остаются безнаказанными.

Замѣчу еще, что не существуетъ страны, въ которой было бы столько предосторожностей противъ злоупотребленій, какъ въ Россіи, и ни одной, гдѣ бы ихъ совершалось столько. Это множество бумагъ, необходимость безпрерывно писать и считать дѣлаютъ изъ полковыхъ командировъ настоящихъ прокуроровъ; храбрый же начальникъ и хорошій офицеръ, но умѣющій лишь сражаться и хорошо предводительствовать своимъ полкомъ противъ непріятеля, считается въ Россіи очень дурнымъ полковымъ командиромъ.

За исключеніемъ Петербурга и нѣкоторыхъ крѣпостей, русскія войска совсѣмъ не имѣютъ казармъ; они стоятъ лагеремъ и производятъ ученья въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году съ 15 мая по 15 сентября; остальное же время расположены по деревнямъ. Начальникъ назначаетъ полку уѣздъ; полковой командиръ, со штабомъ, музыкантами, канцеляріею и мастеровыми, занимаетъ городъ или деревню, а затѣмъ назначается каждой ротѣ по нѣскольку деревень. Ротный командиръ поселяется или въ богатой усадьбѣ, или въ домѣ какого-либо дворянина помѣщика или священника [1]) и размѣщаетъ своихъ солдатъ у крестьянъ, у которыхъ они и проживаютъ, какъ мелкопомѣстные дворяне, не обязанные никакимъ сборомъ, никакою службою, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имъ приходится содержать караулы у квартиръ полковыхъ командировъ или генераловъ.

Солдатъ, помѣщенный такимъ образомъ у крестьянина, могъ бы сдѣлаться его другомъ, могъ бы помогать ему въ его работахъ и взамѣнъ этого пользоваться отъ него хорошею пищею, хорошимъ обращеніемъ и жить съ нимъ совершенно счастливо, и это иногда случается, въ особенности въ Великороссіи, гдѣ крестьяне богаты и такъ же горды и смѣлы, какъ и солдаты, которые, не смѣя слишкомъ дурно обращаться съ ними, находятъ болѣе для себя выгоднымъ жить съ ними въ ладу. Но въ Малороссіи, въ завоеванныхъ областяхъ и въ особенности въ Польшѣ, русскій солдатъ является бичемъ своего хозяина: онъ распутствуетъ съ его женою, безчеститъ его дочь, выгоняетъ хозяина изъ его же постели и иногда даже изъ его же дома, ѣстъ его цыплятъ, его скотину, отнимаетъ у него деньги и бьетъ его безпрестанно [2]).

Крестьянинъ обязанъ доставлять солдату лишь мѣсто для постели

---

[1]) Подобныя вещи происходятъ въ Польшѣ и Малороссіи, но въ Великороссіи этого не бываетъ.

[2]) Положеніе каждой деревни въ Польшѣ съ 1791 по 1796 годъ, когда я пишу эти записки, такое же, какое было и въ Молдавіи въ продолженіе всей войны, и похоже на городъ, взятый приступомъ.

и солому. Солдатъ долженъ кормиться самъ тѣмъ, что отпускаетъ ему казна; но обычай одержалъ верхъ, и крестьянинъ кормитъ солдата вмѣстѣ съ собою и позволяетъ ему его муку или продавать, или получать деньгами; если онъ ему отказываетъ въ этомъ и если это случается въ Великороссіи, гдѣ солдатъ не смѣетъ употреблять надъ нимъ насилія, то послѣдній придумываетъ тысячу ухищреній, чтобы склонить его на это; онъ производитъ по ночамъ ученье, днемъ командуетъ, безпрестанно кричитъ, и въ концѣ концовъ крестьянинъ, утомленный докучливостію солдата, кормитъ его даромъ подъ условіемъ, чтобъ онъ пересталъ относиться съ такимъ усердіемъ къ службѣ. Въ Польшѣ солдатъ не беретъ на себя столько труда; онъ беретъ все у крестьянина и, если этотъ послѣдній жалуется, бьетъ его; это болѣе удобно; онъ не оставляетъ ему ни хлѣба, ни говядины, ни яицъ, приказываетъ все подавать себѣ, держитъ открытый столъ, приглашаетъ своихъ товарищей и разыгрываетъ изъ себя большаго барина. Я зналъ одного сержанта, который два раза въ недѣлю угощалъ у себя обѣдами, а другаго, который, имѣя 5 или 6 домовъ въ своемъ распоряженіи, взялъ изъ нихъ всѣ тюфяки и всѣ подушки и соорудилъ себѣ изъ нихъ постель, достигавшую до потолка.

Солдатъ долженъ занимать только одинъ домъ; по закону же ихъ должно помѣщаться въ каждомъ домѣ два или три; но для доходовъ ротныхъ командировъ и для облегченія крестьянъ, каждому солдату отводятъ два, три или четыре дома, въ которыхъ онъ и живетъ по очереди.

Что довершаетъ разореніе крестьянъ, такъ это множество повозокъ, которыя берутъ себѣ и офицеры и солдаты то для своихъ надобностей, то для своихъ удовольствій. Каждый офицеръ всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи и для услугъ своихъ друзей, для прогулки или для поѣздокъ въ штабъ, пять или шесть телѣжекъ, которыми онъ безпрестанно пользуется и за которыя никогда не платитъ. Онъ заставляетъ ихъ ждать по два и по три дня на своемъ дворѣ, не кормитъ ни лошадей, ни хозяевъ, загоняетъ первыхъ и бьетъ послѣднихъ. Солдаты, желая прогуляться, пользуются тѣми же средствами; такимъ образомъ можно утверждать, что каждая деревня теряетъ чрезъ это въ одну зиму множество лошадей, а крестьяне теряютъ много своей работы [1]).

Но въ этомъ заключаются лишь незначительныя проявленія обыкновенной распущенности, которыя происходятъ вообще повсюду, въ полкахъ наиболѣе дисциплинированныхъ; другіе же полки производятъ повальные грабежи и открытыя притѣсненія, въ десять разъ худшія, чѣмъ тѣ, о которыхъ я только-что говорилъ. Напримѣръ одинъ ротный командиръ приказываетъ доставлять себѣ каждую недѣлю съ каждой

---

[1]) Повторяю здѣсь еще разъ, что съ великоруссами нельзя продѣлывать такихъ шутокъ.

деревни контрибуцію, продаетъ ее въ ближайшемъ городѣ и такимъ образомъ доставляетъ себѣ въ зиму отъ 400 до 500 рублей дохода. Иногда онъ устраиваетъ облавы и цѣлыя охоты, для которыхъ пользуется всѣми крестьянскими лошадьми, и т. п.

Однако, такъ какъ въ Россіи нѣтъ недостатка въ хорошихъ законахъ, то въ ней существуютъ и весьма строгіе законы по отношенію къ поведенію солдатъ. Такъ напримѣръ каждый мѣсяцъ и передъ выходомъ изъ мѣстъ квартированія, должны собирать крестьянъ, опрашивать ихъ о ихъ претензіяхъ и отбирать отъ нихъ подписки; если они довольны (чтó бываетъ рѣдко), то они выдаютъ ихъ вполнѣ охотно, ничего не требуютъ, и солдатскія провіантскія деньги частію поступаютъ въ артель, а частію въ карманы полковаго и ротныхъ командировъ. Если же крестьяне недовольны, ихъ поятъ виномъ, заставляютъ плясать, напаиваютъ, ихъ ласкаютъ, и они подписываютъ. Если же, несмотря и на все это, они отказываютъ подписывать, то имъ угрожаютъ, и они кончаютъ тѣмъ, что умолкаютъ и подписываютъ.

Если жалобы таковы, что ихъ невозможно затушить, то входятъ въ соглашеніе съ помѣщикомъ или капитанъ-исправникомъ; этотъ послѣдній долженъ бы быть защитникомъ крестьянъ, но онъ всегда держитъ сторону полковыхъ командировъ, которые или платятъ ему, или дѣлаютъ подарки. Онъ принимаетъ на себя трудъ смягчить крестьянъ или затушить ихъ жалобы и выдаетъ общую подписку.

Если насилія зашли слишкомъ далеко, то военный начальникъ и губернаторъ предписываютъ произвести дознаніе, а затѣмъ заминаютъ дѣло тѣми средствами, которыя имѣютъ могущественную силу повсюду и въ особенности въ Россіи; или же его затягиваютъ на долгое время. Короче сказать, крестьянинъ никогда не пользуется ни спокойствіемъ, ни правосудіемъ, ни справедливостію*).

Вездѣ жалуются на злоупотребленія, и выводимое отсюда заключеніе неблагопріятно для характера русской націи. Я зналъ объ этихъ насиліяхъ, сокрушался о нихъ, часто дѣлалъ большія усилія, чтобъ остановить ихъ; но я удивлялся, что они не были еще значительнѣе и что можно было съ такою легкостію возвращать подъ тяжелое и строгое иго дисциплины солдатъ, привыкшихъ къ своеволію во время стоянокъ по зимнимъ квартирамъ. Пусть разставятъ французскихъ солдатъ по деревнямъ, безъ сборовъ, безъ ученій, безъ надзора, безъ офицеровъ, иногда даже и безъ унтеръ-офицеровъ, и тогда увидятъ, не придется ли странѣ также жаловаться.

---

*) (1826 г.). Большая часть этихъ злоупотребленій искоренена, но, къ несчастію, существуютъ еще нѣкоторыя, и они составляютъ весьма тяжелое бремя для крестьянъ.

Я былъ полковымъ командиромъ во Франціи и знаю, что при значительномъ числѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, втрое большемъ, чѣмъ ихъ существуетъ въ Россіи, при трехъ сборахъ въ день, при обнесенныхъ стѣнами и запертыхъ на замокъ казармахъ, постоянной службѣ, при обязательствѣ возвращаться домой и ложиться спать съ закатомъ солнца, мнѣ стоило большаго труда сдерживать моихъ солдатъ, а я приэтомъ пользовался еще поддержкою моихъ офицеровъ, которые вполнѣ раздѣляли мою склонность къ порядку и дисциплинѣ; между тѣмъ въ Россіи офицеры зачастую оказываютъ поддержку солдатамъ въ ихъ склонности къ безпорядку и своеволію.

Говорятъ и постоянно повторяютъ, будто въ прежнее время побѣги были неизвѣстны въ Россіи, хотя князь Репнинъ увѣрялъ меня, что они были громадны въ 7-лѣтнюю войну; они сдѣлались рѣдкими до войны 1788 года. Теперь они довольно обыкновенны, менѣе, однако, чѣмъ въ Пруссіи и во Франціи, но больше, чѣмъ въ Англіи. Число ихъ измѣняется, смотря по расположенію полковъ. Тѣ изъ полковъ, которые расположены на австрійской и прусской границахъ, теряютъ людей гораздо больше, чѣмъ остальные.

Наказаніемъ для русскихъ солдатъ служатъ побои; но отъ нихъ они не дѣлаются ни менѣе храбрыми, ни менѣе вѣрными; однако, существуютъ предразсудки, которые слѣдуетъ уважать, если нельзя ихъ уничтожить. Мнѣніе, по которому французскіе солдаты почитали себя обезчещенными, когда ихъ касалась палка, принадлежитъ къ числу этихъ предразсудковъ; имъ не слѣдовало пренебрегать, и въ этомъ не замедлили раскаяться.

Въ Австріи солдатъ бьютъ въ тактъ и съ такою силою, что солдатъ, получившій 50 палочныхъ ударовъ, отправляется въ госпиталь. Въ Россіи даютъ удары тысячами, но иногда такъ легко, что послѣдствія ихъ бываютъ болѣе устрашающія, чѣмъ прискорбныя; иногда же они также ужасны. Наказаніе это производятъ унтеръ-офицеры съ помощію небольшихъ прутьевъ, которые они почти всегда носятъ съ собою и которыми работаютъ съ такой быстротою, что ихъ можно принять за камердинеровъ, выбивающихъ пыль изъ платья; даютъ отъ 2 до 300 ударовъ за ошибку на ученьѣ и иногда мастера (а такіе есть и въ Россіи, какъ и во Франціи) наказываютъ цѣлый взводъ.

Я часто видалъ, какъ подобные негодяи, вышедшіе изъ гвардіи, распивая чай предъ своею палаткою, забавлялись тѣмъ, что били, безъ всякой причины, цѣлую дюжину людей ради своего маленькаго развлеченія. Однако, этотъ родъ развлеченія немного уменьшился въ Россіи съ княземъ Потемкинымъ. Въ прежнее же время не проходило мѣсяца безъ того, чтобъ нѣсколько солдатъ не умирало подъ ударами изъ-за каприза начальниковъ или ротныхъ командировъ. Но, по распо-

ряженію князя Потемкина, впали въ противоположную крайность; онъ такъ покровительствовалъ солдатамъ, что отъ этого сильно пострадала дисциплина. Я весьма далекъ отъ того, чтобы быть сторонникомъ совершавшихся жестокостей, но строгая и точная дисциплина вполнѣ необходима въ Россіи и даже вездѣ *).

За побѣгъ законъ опредѣляетъ смертную казнь, но такъ какъ въ Россіи никогда ихъ не казнятъ, то ее для солдатъ замѣняютъ тѣмъ, что прогоняютъ отъ 2, 3, до 10 или 12 разъ сквозь строй чрезъ 1.000 человѣкъ подъ ударами шпицрутеновъ. Обыкновенно восьми разъ достаточно, чтобы добить до смерти, и подобное наказаніе опредѣляется только за преступленія.

Однако, у меня въ полку есть одинъ солдатъ, который за убійство въ Молдавіи прошелъ 14 разъ и остался живъ, хотя приговорившіе его къ этому истязанію не имѣли подобнаго намѣренія.

Ни одинъ солдатъ въ мірѣ не обладаетъ такимъ талантомъ строить землянки или дома изъ дерева и тростника съ такимъ искусствомъ и быстротою, какъ русскій. Въ зимнихъ лагеряхъ и въ пустынныхъ равнинахъ Бессарабіи, гдѣ нѣтъ жилищъ, русскіе солдаты сооружаютъ

---

*) (1826 г.). До Потемкина и въ особенности при Румянцевѣ строгость русскихъ полковыхъ командировъ и офицеровъ была доведена до самой ужасной степени жестокости, въ особенности въ полкахъ мастеровъ, желавшихъ сдѣлать танцоровъ или вольтижеровъ изъ бѣдныхъ крестьянъ, которыхъ приводили къ нимъ въ качествѣ рекрутъ. Тогда говорили одинъ изъ десяти; это означало, что изъ десяти рекрутъ удается образовать одного сообразно приказаніямъ полковаго командира, а девять ранѣе года умрутъ подъ палкою. Я видѣлъ, какъ давали до 500 ударовъ за пустую ошибку, сдѣланную на ротномъ ученьѣ. Императоръ Александръ приказалъ смягчить эту жестокость; однако, много еще офицеровъ позволяютъ себѣ ихъ каждый день, и даже гвардейцы являются, быть можетъ, болѣе, чѣмъ при Екатеринѣ, жертвами строгости своихъ начальниковъ; но за то они вышколены до такой степени совершенства, что понять это можно, только увидѣвъ ихъ собственными глазами.

Въ 1794 году я видѣлъ въ Смоленскомъ драгунскомъ полку, во время ученья пѣхотному строю, какъ по условленному знаку полковаго командира, полковника Чичерина, музыка играла польскій, а всѣ солдаты танцовали его. Самымъ ужаснымъ изъ этихъ жестокихъ чудовищъ, видѣнныхъ мною въ Россіи, является Василій Л—ъ, долгое время командовавшій моимъ полкомъ; этотъ человѣкъ былъ настоящій убійца, трусъ на войнѣ, пед-стъ и картежный шуллеръ. Онъ убилъ свою первую жену, урожденную княжну Голицыну; я приказалъ выслать его изъ моего полка и отдать подъ судъ; но онъ не понесъ никакого наказанія. Въ настоящее время онъ генералъ-лейтенантъ и обладатель очень большаго состоянія, которое онъ выманилъ у своей жены прежде, чѣмъ убить, и спокойно живетъ въ Москвѣ. Это можетъ удивить тѣхъ, которые не знаютъ, что онъ самый выдающійся и лучшій капралъ въ арміи.

удобные, пріятные и теплые города. Я видѣлъ въ Молдавіи у генераловъ настоящіе дворцы, воздвигнутые или вырытые въ землѣ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Русскіе солдаты, привыкшіе къ обращенію съ топорами, когда еще были крестьянами, всѣ превосходные плотники и съ помощію одного только топора производятъ тонкія и изящныя работы изъ дерева.

Я замѣтилъ, насколько русскіе любятъ пѣніе; поэтому каждый полкъ, каждая рота имѣютъ пѣсенниковъ, которыхъ призываютъ, чтобы почтить гостя, позабавить начальника или отпраздновать праздникъ. Они составляютъ въ полку отдѣльную команду и, чѣмъ больше ихъ имѣютъ, тѣмъ больше этимъ хвастаются. У меня въ полку ихъ болѣе 300. Всякій разъ, какъ я принимаю у себя какого генерала, я устраиваю для него концертъ, то-есть оглушаю его при помощи 300 горлановъ, которые орутъ ему прямо въ уши во все горло, въ заключеніе сокрушаю ему барабанную перепонку духовымъ оркестромъ.

Все, что только можно представить себѣ преувеличеннаго о количествѣ кладей въ русской арміи, настолько мало будетъ приближаться къ истинѣ, что я боюсь представить описаніе его, которое способно возбудить подозрѣніе въ моей правдивости. Я ограничусь тѣмъ, что скажу, что многіе сержанты имѣютъ по одной и даже по двѣ кибитки, что одинъ подпоручикъ моего полка имѣлъ ихъ шесть и 18 лошадей, что багажъ графа Разумовскаго, который не былъ самымъ значительнымъ въ арміи, состоялъ изъ 43 экипажей, и что все это слѣдовало за полкомъ. Такимъ образомъ, за отрядомъ въ пять баталіоновъ, въ 1.800 человѣкъ подъ ружьемъ, слѣдуетъ 500 повозокъ и около 1.500 лошадей. Можно представить себѣ, какія замѣшательства, злоупотребленія и грабежи происходятъ отъ подобнаго обоза *).

Русская кавалерія состоитъ изъ тѣхъ же людей, что и пѣхота, даже еще болѣе отборныхъ, болѣе сильныхъ, болѣе высокихъ, и такихъ же храбрыхъ. Русскія лошади сильны и здоровы. Между тѣмъ русская пѣхота превосходна, а кавалерія отвратительна. Причины этого весьма просты, вотъ онѣ:

1) Кавалерія никогда не упражняется. Я весьма далекъ отъ того, чтобы по отношенію къ пѣхотѣ раздѣлять смѣшное восхищеніе къ тѣмъ

---

*) (1826 г.) Со времени императора Александра русская армія признала за образецъ французскія войска временъ революціи, которыя имѣютъ наименьшіе обозы. Пѣхотные офицеры и при томъ даже въ гвардіи, состоящей преимущественно изъ сыновей вельможей или богатыхъ людей, носятъ на спинѣ въ ранцѣ весь свой багажъ. Генералы имѣютъ лишь по два или по три экипажа, полковые командиры по одному, и армія сдѣлалась самою подвижною въ Европѣ.

aligneurs d'Esplanade, которые отличаются лишь тою только заслугою, что безполезно мучаютъ солдатъ, къ тѣмъ искусникамъ, которые, чувствуя свою несостоятельность для существенныхъ сторонъ военнаго дѣла, полагаютъ, что вся суть военнаго искусства заключается въ пустыхъ, настолько же нелѣпыхъ, насколько и безполезныхъ мелочныхъ подробностяхъ.

Зимою въ кавалеріи можно производить лишь одиночныя упражненія въ манежѣ, а манежъ—вещь почти неизвѣстная въ русской кавалеріи. Лѣтомъ лошади находятся на пастбищахъ, и по этой причинѣ кавалеристы не объѣзжаютъ и не учатъ ихъ.

2) Лошадей дурно кормятъ; имъ даютъ сѣно и овесъ только въ извѣстное время года. Эта пища не даетъ имъ ни силы, ни здоровья; зимою имъ иногда даютъ лишь часть установленной дачи овса; полковой командиръ удерживаетъ въ свою пользу часть этой дачи, а другую часть ея часто удерживаетъ командиръ эскадрона. Сверхъ того, такъ какъ лошади размѣщаются по деревнямъ, часто отдаленнымъ одна отъ другой, то полковой командиръ, еслибъ даже и желалъ, не въ состояніи слѣдить за своими подчиненными. Лошади эти, которыхъ кормятъ подобнымъ образомъ, не способны совершать длинныхъ переходовъ и еще менѣе производить продолжительныхъ атакъ, не обладая ни силою, ни дыханіемъ, ни привычкою къ огнестрѣльному оружію. Онѣ вовсе не обладаютъ тѣмъ быстрымъ разбѣгомъ, тою стремительною силою, тою быстротою движеній, которыми должна отличаться кавалерія и которыя часто даютъ ей возможность рѣшать участь сраженія.

3) Русскіе кавалеристы едва умѣютъ держаться въ сѣдлѣ; это лишь крестьяне, ѣздящіе верхомъ, а не кавалеристы, да и какъ они могутъ сдѣлаться ими, когда въ теченіе всего года ѣздятъ верхомъ всего 5 или 6 разъ.

4) На полковыхъ командирахъ лежитъ обязанность ремонта и покупки лошадей, которыя не должны служить болѣе извѣстнаго времени, но полковые командиры иногда увеличиваютъ этотъ срокъ вдвое и втрое, и вслѣдствіе этого ихъ старыя и изнуренныя лошади не имѣютъ ни ногъ, ни зубовъ.

5) Еслибъ даже русскіе кавалеристы и пріобрѣли навыкъ въ верховой ѣздѣ, то они все-таки никогда не могутъ имѣть самоувѣренности, такъ какъ кирасиры (никогда не носящіе кирасъ) и карабинеры, равно какъ и легкая кавалерія, имѣютъ гусарскія сѣдла и обуты въ короткіе сапоги, что не даетъ имъ ни посадки, ни выправки.

6) Русскіе кавалеристы никогда не упражняются въ сабельныхъ пріемахъ и едва умѣютъ владѣть саблею.

7) Всѣ лошади, безъ исключенія, дурно взнузданы, вслѣдствіе чего,

если лошадь закуситъ удила, то всадникъ не можетъ остановить ее и ни въ какомъ случаѣ управлять ею.

8) Наконецъ, я полагаю, что въ Россіи достаточно быть кавалерійскимъ офицеромъ для того, чтобы не умѣть ѣздить верхомъ [1]. Я зналъ лишь четырехъ полковыхъ командировъ, умѣвшихъ ѣздить верхомъ на своихъ лошадяхъ: Василія Чичерина, Владиміра Чевкина, Алексѣя Мелиссино и Чесменскаго. Полковникъ Алексѣй Секутьевъ признавался мнѣ, что когда ему слѣдовало ѣхать верхомъ во главѣ своего полка, то онъ охотно далъ бы десять рублей за то, чтобы быть избавленнымъ отъ этого. Если всѣ они не настолько откровенны, то они, по крайней мѣрѣ, настолько же искусны; въ Россіи большая рѣдкость, если кавалерійскій офицеръ ѣдетъ верхомъ, чтобъ сдѣлать визитъ или совершить прогулку [2].

Во время походнаго движенія [3] полка, его ведетъ одинъ изъ старыхъ подчиненныхъ маіоровъ; остальные же начальники ѣдутъ въ своихъ экипажахъ съ своими любовницами.

Вотъ злоупотребленія, дѣлающія русскую кавалерію столь мало достойною уваженія. Исправьте эти злоупотребленія, покажите примѣръ на нѣсколькихъ полковыхъ командирахъ, заставьте остальныхъ быть честными людьми, измѣните форму и въ особенности конское снаряженіе, заставьте кормить лошадей, и въ два года русская кавалерія сдѣлается одною изъ лучшихъ въ Европѣ *).

---

[1]) Вообще, за исключеніемъ казаковъ, которые превосходно ѣздятъ верхомъ по-своему, нѣтъ страны, гдѣ бы ѣздили хуже верхомъ, чѣмъ въ Россіи; между тѣмъ прекрасная конюшня составляетъ весьма распространенный предметъ роскоши. Вельможи, полковые командиры имѣютъ обыкновенно громадное количество превосходныхъ лошадей турецкихъ, арабскихъ, англійскихъ, польскихъ, за которыхъ они платятъ очень дорого, часто ихъ осматриваютъ, но никогда на нихъ не ѣздятъ.

[2]) Въ 1795 году кирасирскій полкъ военнаго ордена проходилъ въ 15 верстахъ отъ Дубно, въ которомъ я стоялъ съ своимъ полкомъ. Герцогъ Ришелье, сверхъ-комплектный полковникъ этого полка, отправился верхомъ, чтобъ посѣтить меня; такое необыкновенное рѣшеніе и такой сверхъ-естественный трудъ привели его бригадира, Михаила Миклашевскаго, и остальныхъ офицеровъ его полка въ общее и въ то же время комическое изумленіе. Никакъ не могли понять, какъ могъ полковникъ дать себѣ трудъ проѣхать пятнадцать верстъ верхомъ для того, чтобъ повидать своего друга и какъ онъ не взялъ съ собой двухъ или трехъ колясокъ и столько же кибитокъ, потому что именно такимъ способомъ путешествуютъ эти господа.

[3]) Оставляя это мѣсто автора нетронутымъ, редакція не можетъ не замѣтить, что авторомъ наложены слишкомъ густыя краски. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, но можно указать, что уже въ семилѣтнюю войну наша кавалерія съ успѣхомъ боролась противъ кавалеріи Фридриха II.

*) (1826—1827 гг.). Что и случилось, произошелъ полный переворотъ, состоялись всѣ указанныя здѣсь перемѣны, и въ настоящее время русская кава-

Много говорятъ о доходахъ русскихъ полковыхъ командировъ; но (за исключеніемъ Россіи) не знаютъ, въ чемъ они заключаются; я подробно и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно и точно разскажу объ нихъ.

Самый значительный доходъ получается отъ содержанія лошадей. Въ теченіе извѣстнаго времени года, когда ихъ держатъ въ конюшнѣ, казна должна доставлять кормъ для нихъ натурою; но обыкновенно по приказанію начальника или съ его согласія провіантскія коммиссіи, чтобъ избавить себя отъ труда производить закупки, отпускаютъ полковымъ командирамъ деньги на сѣно и овесъ по цѣнѣ, нѣсколько высшей противъ цѣнъ, существующихъ въ мѣстахъ, гдѣ онѣ находятся, и кромѣ того платятъ имъ за провозъ до мѣста расположенія конюшенъ.

Полковые командиры стараются купить по цѣнѣ меньшей, чѣмъ та, по которой имъ отпускаютъ, а доставку производятъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ; къ тому же овесъ - это роскошь, которую не соблюдаютъ по отношенію къ упряжнымъ лошадямъ, а въ случаѣ крайности возможно уменьшить и число установленныхъ казною запряжекъ, и та-

---

лерія дѣйствительно является одною изъ лучшихъ въ Европѣ. Русскіе офицеры настоящіе ѣздоки, и между ними есть много даже кавалеристовъ (что совсѣмъ не необходимо и можетъ быть даже неудобнымъ на войнѣ). Иногда ѣздокъ умѣетъ сдержать свою лошадь въ то время, когда ей слѣдовало бы позволить нестись. Принцъ Генрихъ Прусскій, увидавъ маневры французскаго корпуса жандармовъ, составленнаго, обученнаго и командуемаго г. д'Антишаномъ, сказалъ: „это слишкомъ", и онъ былъ правъ. Красота кавалерійскихъ лошадей сдѣлалась въ Россіи слишкомъ роскошною и, осмѣлюсь сказать, даже непріятною. За лошадь платятъ отъ 400 до 500 и даже до 1.000 рублей. Лошадей этихъ слишкомъ хорошо кормятъ, слишкомъ хорошо холятъ и отводятъ имъ черезчуръ хорошее помѣщеніе, почему онѣ и страдаютъ, когда имъ приходится стоять на бивуакахъ и переносить лишенія. Я не говорю уже о кирасирскихъ лошадяхъ; эти полки должны быть спрятаны въ ящикъ и выходить оттуда лишь для одержанія побѣды въ сраженіи, что случается одинъ разъ во сто лѣтъ. Но лошади легкой кавалеріи должны быть пріучены переносить всякія непогоды во всѣхъ климатахъ и закалены въ трудахъ, а онѣ къ этому не способны. Такимъ образомъ видно, что если въ настоящее время русская кавалерія и грѣшитъ въ чемъ-нибудь, то это излишнимъ совершенствомъ. Теперь она самая искусная въ маневрированіи, чѣмъ какая-либо другая кавалерія въ Европѣ, и образованіе офицеровъ и солдатъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ ея красотою и выправкою. Въ послѣдней войнѣ противъ Наполеона она отличилась такъ же, какъ и пѣхота, и въ настоящее время ни въ чемъ ей не уступаетъ; однако начальниковъ ея можно упрекнуть въ слишкомъ большой заботливости, которую они проявляютъ по отношенію корма своихъ лошадей. Отъ этого иногда страдаетъ быстрота экспедицій. Командиръ кавалерійскаго полка не можетъ устоять противъ стога сѣна, который попадается ему на дорогѣ.

кимъ образомъ можно имѣть на 40 или 50 лошадей меньше числа, опредѣленнаго закономъ [1]).

Этотъ доходъ зависитъ отъ мѣстности, въ которой стоитъ полкъ и отъ цѣны на фуражъ; однако онъ можетъ быть опредѣленъ въ 5 тысячъ рублей для егерскаго баталіона, въ 8.000 для пѣхотнаго полка и въ 15.000 для гренадерскаго полка.

Эти доходы представляютъ нѣкоторыя неудобства въ пѣхотѣ, такъ какъ дурно кормленныя лошади погибаютъ или остаются на пути во время усиленныхъ осеннихъ или зимнихъ переходовъ; но такіе случаи рѣдки и полковой командиръ можетъ почти вездѣ купить лошадей, если у него недостаетъ ихъ; за то въ кавалеріи эти же доходы пагубны потому, что они ложатся на эскадронныхъ лошадей, которыя, будучи лишены корма и упражненій, не въ состояніи вынести похода и производить атаки [2]), какъ я уже объ этомъ замѣтилъ.

Полковые командиры не только стараются уменьшать число своихъ лошадей и отпускаемаго имъ раціона, но изыскиваютъ еще средства увеличивать опредѣленную цѣну фуража. Капитанъ-исправники и городничіе (начальники городовъ) обязаны ежемѣсячно сообщать о существующихъ рыночныхъ цѣнахъ, и на основаніи ихъ главнокомандующій опредѣляетъ цѣну, которую должны получать полковые командиры; но эти послѣдніе и коммиссіи (какъ я сказалъ уже выше) покупаютъ снисходительность этихъ господъ, и они удвоиваютъ и утроиваютъ эти цѣны.

Эти доходы, хотя и общеприняты, являются настоящими мошенничествами, равно какъ и тѣ, которые получаются отъ числа солдатъ, ихъ обмундированія и пищеваго довольствія.

1) Полковой командиръ, не донося вѣрно о числѣ своихъ умершихъ и бѣжавшихъ солдатъ, кладетъ ихъ жалованье себѣ въ карманъ въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ, а иногда одного или двухъ лѣтъ.

2) Требуемое полковымъ командиромъ изъ коммиссій на обмундированіе своихъ несуществующихъ солдатъ и два или три вершка, урѣзываемые имъ отъ солдатъ, находящихся на лицо, составляютъ ему въ скоромъ времени цѣлые склады сукна, холста, кожи и пр., которые служатъ ему для одѣванія своихъ собственныхъ слугъ, для обивки сво-

---

[1]) Если полкъ квартируетъ въ такой мѣстности, въ которой командиръ его можетъ въ 24 часа и въ случаѣ непредвидѣннаго похода купить 200 и 300 упряжныхъ лошадей, то онъ можетъ не имѣть въ полку этого числа, и тогда доходы его громадны.

[2]) Некомплектъ лошадей представляетъ еще болѣе нетерпимое злоупотребленіе, и часто кавалерійскій полкъ имѣетъ на 300 лошадей менѣе опредѣленнаго числа; но злоупотребленіе это доставляетъ командирамъ кавалерійскихъ полковъ 25, 30 и даже 50.000 рублей дохода.

ихъ экипажей, для одолженія своихъ друзей или для подкупа городничихъ; или же наконецъ онъ продаетъ ихъ, когда количество ихъ сдѣлалось слишкомъ значительнымъ [1]).

3) Доходъ отъ пищеваго довольствія солдатъ отвратителенъ, но громаденъ, онъ можетъ достигать до 12.000 рублей въ гренадерскомъ полку. Изъ вышеизложеннаго уже видно, что крестьяне кормятъ солдатъ и, волею неволею, выдаютъ квитанціи; тогда полковой командиръ, вмѣсто того, чтобы брать изъ провіантскихъ коммиссій муку и другіе съѣстные припасы натурою, получаетъ на покупку ихъ деньги, какъ видно было уже выше, не покупаетъ ничего, и изъ этихъ денегъ, которыя причитаются солдатамъ, даетъ имъ только часть, а остальною дѣлится съ ротными командирами, которые, въ свою очередь, дѣлятся съ фельдфебелями. Всѣ они сообща обманываютъ солдатъ и скрываютъ отъ нихъ дѣйствительно полученную цѣну. Иногда полковой командиръ входитъ въ соглашеніе съ солдатами, предлагая имъ какую-нибудь сумму, или грозя имъ, если они не принимаютъ ея, выплатить крестьянамъ все, что имъ причитается. Этотъ доходъ очень преступенъ и очень опасенъ; если бы солдаты принесли на это жалобу, то полковой командиръ лишь съ трудомъ могъ бы выпутаться изъ такого дѣла.

Но если полковой командиръ, получивъ деньги на провіантъ, можетъ купить его по болѣе низшей цѣнѣ и раздать его солдатамъ натурою, то доходъ этотъ весьма справедливъ и не представляетъ, какъ и доходъ отъ фуража, никакой опасности.

Я присовокуплю здѣсь одно размышленіе, которое сначала покажется парадоксомъ, но которое, однако, представляется совершенно вѣрнымъ; оно заключается въ томъ, что доходы этихъ полковыхъ командировъ (еслибъ они были умѣренны), далеко не будучи вредны для пользы службы, явились бы большою экономіею для военной казны и неоцѣненною выгодою для арміи.

Казна отпускаетъ:

1) На покупку упряжной лошади 12 рублей, а она стоитъ 25 или 30.

2) На постройку повозокъ восемь и двѣнадцать рублей, а онѣ стоятъ 80 или 100 *).

3) На содержаніе госпиталя, канцеляріи и пр. четвертую часть того, что необходимо, и полковой командиръ покупаетъ все и удовле-

---

[1]) Графъ Иванъ Разумовскій, мой предшественникъ по командированію Малороссійскимъ гренадерскимъ полкомъ, при сдачѣ полка, продалъ сѣна на 10.000 рублей; я долженъ былъ потребовать отъ него эту сумму и сукно.

*) (1826 г.). Въ настоящее время отпускаютъ гораздо больше, но цѣна лошадей и экипажей также соразмѣрно увеличилась. Хорошая упряжная лошадь стоитъ теперь отъ 80 до 100 рублей, а повозка отъ 300 до 400.

творяетъ всѣ потребности изъ своихъ доходовъ. Казна требуетъ отъ него все, а иногда и болѣе, чѣмъ бы слѣдовало; но знаютъ, что изъ-за этого онъ не подастъ въ отставку.

Если бы у него не было доходовъ, то онъ потребовалъ бы отъ казны дѣйствительную цѣну всякой вещи, и цѣна этой вещи была бы громадна. Наконецъ, полковой командиръ, отвѣчая за все, никогда не имѣетъ права отговориться выступить въ походъ въ 24 часа, если это прикажутъ. Всѣ доводы, которые могли бы внушить ему неохота и лѣнь, оказались бы недѣйствительными, онъ не смѣетъ ослушаться, выступаетъ въ походъ и прибываетъ на мѣсто назначенія, иногда съ трудомъ, но все-таки прибываетъ. Если онъ теряетъ лошадей, то теряетъ своихъ и покупаетъ другихъ; если онѣ были казенныя, то онъ покажетъ, что ихъ погибло вдвое, донесетъ, что повозки поломались, пошлетъ жалобы на коммиссіонеровъ и пр. и будетъ стоять на мѣстѣ. Сверхъ того, если казна принимала бы на себя покупку всѣхъ этихъ предметовъ, она возложила бы это порученіе на чиновниковъ провіантскихъ и обмундировальныхъ коммиссій, а я говорю и еще разъ повторяю, что изъ всѣхъ воровъ, разсѣянныхъ по землѣ, эти чиновники самые наглые и самые ненасытные.

Наконецъ, незначительность содержанія русскихъ офицеровъ физически не позволяетъ имъ существовать, и были бы вынуждены удвоить ихъ жалованье, если бы не знали, что полковые командиры часто помогаютъ имъ и кормятъ ихъ.

Такимъ образомъ, въ Россіи необходимо и даже выгодно для правительства, чтобы полковые командиры имѣли доходы для содержанія своихъ полковъ и своихъ офицеровъ, но если доходы превышаютъ 6 тысячъ рублей въ егерскомъ батальонѣ, 10 тысячъ въ пѣхотномъ полку и 15 тысячъ въ гренадерскомъ, и, наконецъ, 25 тысячъ въ кавалерійскомъ, то они становятся злоупотребленіями.

Однако, доходы эти въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, хотя и оправдываемые необходимостью и обычаемъ, внушаютъ иностранцу на первыхъ порахъ отвращеніе, которое всегда и вездѣ возбуждаетъ ложь и воровство, но, мало по малу, благодаря примѣру, щекотливость притупляется, и привыкаютъ не краснѣть уже болѣе за эти доходы, почитая ихъ вполнѣ необходимыми.

Часто говорили, что русскій полковой командиръ является величайшимъ вельможею въ Европѣ, и были совершенно правы; послѣ положенія главнокомандующаго, я не знаю другаго въ военной средѣ, которое можно было сравнить съ положеніемъ полковаго командира въ Россіи: онъ неограниченный деспотъ, богатъ и уважаемъ въ своемъ полку, заискиваемый и ласкаемый помѣщиками, въ имѣніяхъ которыхъ находится, имѣетъ 100 офицеровъ и нѣсколько тысячъ солдатъ въ своемъ

распоряженіи, обыкновенно многочисленную и превосходную музыку, все, начиная отъ мебели до англійскаго экипажа на рессорахъ, не имѣетъ никакого другаго труда, какъ только приказывать, имѣетъ къ своемъ услугамъ 300 или 400 упряжныхъ лошадей, которыхъ онъ можетъ размѣщать на подставахъ какъ для своего собственнаго пользованія, такъ и для пользованія своихъ друзей, и сверхъ того имѣетъ возможность дѣлать много добра. Онъ наслаждается прелестями деспотизма, пріятностями изобилія, удовольствіемъ, доставляемымъ уваженіемъ, и можетъ прибавить ко всему этому счастіе еще болѣе ощутительное, заслуживать дань признательности; такое положеніе представляетъ рай на военномъ поприщѣ.

Полковые командиры не только могутъ строить по своему вкусу обозъ своихъ полковъ, но они измѣняютъ и ихъ экипировку и форму, и въ этомъ отношеніи стараются превзойти другъ друга своимъ безразсудствомъ. Молодые богатые полковые командиры, пріѣзжая изъ Петербурга, хотятъ надѣлить своихъ солдатъ своимъ изяществомъ и своими пріятными манерами; другіе, менѣе богатые, слѣдуютъ примѣру первыхъ, и всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ нѣмцевъ, сохраняющихъ еще расположеніе своей націи къ порядку и экономіи, предаются страшнымъ расходамъ и притомъ съ такимъ безстыдствомъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго клочка земли, держатъ открытый столъ, содержатъ великолѣпныя конюшни, изящную прислугу и по прошествіи одного года имѣютъ серебряные сервизы, роскошные экипажи, великолѣпный лагерь [1]), прихлебателей и любовницъ [2]), однимъ словомъ—всю блестящую обстановку знатнаго вельможи. Содержаніе музыкантовъ, число которыхъ достигаетъ иногда до 200 и мундиры которыхъ расшиты золотомъ и серебромъ, обходится въ 10 или 12.000 рублей, а что касается до жалованья капельмейстеровъ, то они обыкновенно оплачиваются лучше генераловъ.

Эта роскошь [3]), такъ настойчиво предписываемая обычаемъ и при-

---

[1]) Лагеремъ полковаго командира называютъ собраніе палатокъ, домиковъ (переносные дома, обитые внутри дорогими матеріями и въ которыхъ можно найти поставцы, мягкія кресла, диваны и другую мебель краснаго дерева), калмыцкихъ кибитокъ (переносныя жилища сибирскихъ кочевыхъ народовъ, сдѣланныя изъ рѣшетинъ, покрытыя матеріями и имѣющія конусообразную форму). Названіе лагеря нисколько не противорѣчитъ настоящему значенію этого слова, такъ какъ предметы роскоши полковаго командира занимаютъ иногда болѣе пространства, чѣмъ самый лагерь его полка.

[2]) Всѣ офицеры въ Россіи имѣютъ ихъ и часто кончаютъ тѣмъ, что женятся на нихъ. Полковые командиры и начальники даютъ приданое за своими устарѣвшими любовницами и выдаютъ ихъ замужъ за бѣдныхъ офицеровъ.

[3]) Я могъ бы привести сотню примѣровъ подобнаго рода, но ограничусь пятью изъ нихъ, которые позволятъ судить какъ объ остальныхъ, такъ и недостачной точности русскаго обмундированія.

родною склонностію русскихъ къ пышности и расточительности, поглощаетъ всѣ доходы полковаго командира, и изъ-нихъ весьма немногіе обогащаются и могутъ устроить свое дѣло такъ, чтобы подготовить возможность пользоваться плодами своихъ сбереженій.

III.

Путешествія полковыхъ командировъ. — Военная жизнь знатнаго вельможи въ Россіи. — Полковые командиры никоимъ образомъ не образуютъ офицеровъ. — Что иногда должны переносить полковые командиры. — Сдача полковъ.—Вызываемые ею затрудненія и споры.—Русскіе оберъ-офицеры.—Ихъ составъ и поведеніе. — Кадетскіе корпуса. — Гвардія, ея составъ и злоупотребленія.— Размышленія господина Mailha о поведеніи и участи зубалтернъ-офицеровъ въ Россіи.—Размышленія о волонтерахъ и о находящихся въ Россіи иностранцахъ.

Когда путешествуетъ русскій полковой командиръ, то-есть когда онъ ѣдетъ къ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ или къ другому полковому командиру, то можно подумать, что это какой-нибудь государь ѣдетъ навѣстить другаго. Самые скромные изъ нихъ везутъ съ собою своихъ любовницъ, трехъ или четырехъ прихлебателей, составляющихъ ихъ дворъ, пять или шесть офицеровъ, цѣлый рядъ повозокъ или колясокъ, пятнадцать слугъ и пр. Пріѣхавъ къ своему товарищу, единственная вещь, которую онъ у него не видитъ, это его полкъ; садятся за столъ, за игру; ликеры удивительные; закладываются десять банковъ въ фараонъ, и въ это же самое время полковыя лошади на подножномъ корму, а солдаты поютъ, чтобъ позабавить полковыхъ командировъ, и не производятъ ученій.

---

1) Генералъ Степанъ Апраксинъ, будучи командиромъ Кіевскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Петербургѣ, одѣлъ весь свой полкъ въ тонкое сукно и нанялъ иностранцевъ лакеевъ, переодѣлъ ихъ въ солдатъ и разставлялъ ихъ часовыми на наиболѣе посѣщаемыхъ гуляньяхъ, приказывая имъ распѣвать по-французски и по-итальянски для того, чтобы заставить думать, что солдаты его полка знали оба эти языка.

2) Въ 1795 году командиръ Козловскаго пѣхотнаго полка Иванъ Бибиковъ далъ своему полку узкія шаровары, полусапожки со шнурками, короткія куртки, вышитыя жабо и галстуки съ черно-бѣлыми бантами, а на киверахъ своихъ гренадеръ приказалъ помѣстить свой гербъ вмѣсто вензелеваго изображенія имени императрицы, которое должно было быть на нихъ.

3) Графъ Финшъ, командиръ Гамбургскаго кирасирскаго полка, имѣлъ походный театръ и труппу актеровъ, набранныхъ среди солдатъ.

4) Бригадиръ Ѳедоръ Апраксинъ, командиръ Кинбургскаго драгунскаго полка, возилъ въ своемъ обозѣ громадное золоченое судно для того, чтобы давать на немъ серенады проѣздомъ черезъ рѣки.

5) Графъ Левъ Разумовскій далъ своему Малороссійскому гренадерскому полку кивера изъ медвѣжьяго мѣха французскаго образца.

Я не знаю военной жизни, болѣе пріятной, чѣмъ жизнь знатнаго русскаго вельможи или человѣка, находящагося въ фаворѣ (что въ Россіи одно и то же). Въ молодости своей онъ дѣлаетъ видъ, что служитъ въ гвардіи, мундиръ который носитъ и живетъ среди удовольствій въ Петербургѣ, Москвѣ или за границей; въ 25 лѣтъ онъ дѣлается полковымъ командиромъ и отправляется царствовать въ свой полкъ и въ провинціи; въ 30 лѣтъ онъ генералъ; при первомъ же сраженіи, каково бы ни было его поведеніе въ немъ, онъ увѣренъ, что получитъ награды, которыми осыпаютъ всѣхъ этихъ господъ, какъ храбрыхъ, такъ и трусовъ, какъ способныхъ, такъ и глупыхъ. Онъ возвращается домой, украшенный орденами, а также обремененный и деньгами, и милостями, если хотя немного соблюдалъ экономію, и это онъ называетъ посвятить жизнь свою службѣ отечества *).

Однако огромная власть русскихъ полковыхъ командировъ не распространяется не только на назначеніе на должности, но даже и на представленія къ нимъ (преимущество, которое имѣли полковые командиры во Франціи). Производство въ чины дѣлается или должно дѣлаться ежегодно военною коллегіею или дивизіонными начальниками, и сержанты производятся въ офицеры по старшинству; полковой командиръ можетъ только представлять сержанта единственно на должности адъютантовъ, квартирмейстеровъ и аудиторовъ.

Но если чиновники и въ особенности полковые командиры имѣютъ хотя и очень безнравственную, но за то весьма прибыльную выгоду отъ доходовъ, если они, наконецъ, скажемъ прямо, привилегированные и безнаказанные мошенники, которыми они вынуждены быть необходимостію, то они ради этой выгоды должны жертвовать своею честію и своею разборчивостію, все допускать, все сносить и не оскорбляться ни дѣлаемыми имъ предложеніями, ни получаемыми ими приказаніями.

Какое есть на свѣтѣ государство, въ которомъ властелинъ и начальники имѣютъ право публично и даже въ письменныхъ приказахъ обзывать разбойниками самыхъ почтенныхъ по своему достоинству офицеровъ безъ права этихъ послѣднихъ ни жаловаться, ни роптать? Это Россія. Я приведу тому лишь одинъ примѣръ.

Въ 1796 году фельдмаршалъ Румянцевъ, испуганный громадностію барышей полковыхъ командировъ и не имѣя ни возможности, ни жела-

*) (1826 г.). Все вышеизложенное была сущая правда; но русскій молодой офицеръ, который прочтетъ это описаніе роскоши и образа жизни полковаго командира временъ Екатерины, подумаетъ, что онъ читаетъ сказку изъ тысячи и одной ночи. До такой степени все измѣнилось въ русскомъ военномъ бытѣ: обычаи, привычки, уставы, законы, нравы, что не хочется даже давать вѣры тому, что старые генералы, какъ они утверждаютъ, видѣли своими глазами.

нія показать примѣръ строгости, употребилъ противъ нихъ очень коварную хитрость, и это средство послужило, можетъ быть, лучше коварной злости его характера, чѣмъ положительное и строгое приказаніе.

Онъ представился, что не получилъ денегъ, необходимыхъ на содержаніе арміи, и приказалъ коммиссіямъ прекратить платежи, а полковымъ командирамъ сдержать самимъ свои полки и представить счетъ въ томъ, что они издержатъ. Мы оставались 11 мѣсяцевъ безъ всякихъ получекъ, такъ какъ и я находился въ числѣ этихъ несчастливцевъ; нѣкоторые продали свои вещи или заняли подъ залогъ своихъ имѣній, другіе позаимствовали у солдатъ, и всѣ составили счеты, и надо признаться, двойные противъ того, что было дѣйствительно ими издержано. По истеченіи одиннадцати мѣсяцевъ фельдмаршалъ разослалъ деньги и слѣдующій приказъ: «Получивъ повелѣніе Ея Величества остановить преступное грабительство и воровство полковыхъ командировъ, предписываю, чтобы по всѣмъ предъявленнымъ ими счетамъ было уплачено согласно прилагаемой при семъ вѣдомости; при этомъ объявляю, что, никогда не измѣняя разъ мною приказаннаго, я не приму никакихъ представленій».

Онъ опредѣлилъ цѣну каждому предмету, и эта цѣна составляла одну треть того, что просили, въ дѣйствительности меньше той, которая на самомъ дѣлѣ была уплачена. Фельдмаршалъ хорошо зналъ, что, несмотря на оказанную намъ дѣйствительную несправедливость, никто не посмѣетъ ни жаловаться, ни требовать правосудія, которое бы открыло, что въ Россіи счета полковыхъ командировъ могутъ служить примѣромъ для счетовъ аптекарей всѣхъ націй; всѣ смолчали и разорились.

Какая, говорю я, есть въ Европѣ, за исключеніемъ Россіи, страна, въ которой бы главнокомандующій осмѣлился отдать подобный приказъ? и въ какой бы полковые командиры перенесли бы его?

Полковой командиръ теряетъ свой полкъ, когда его производятъ въ генералъ-маіоры; онъ можетъ оставить также и ранѣе, если желаетъ и иногда дѣлаетъ это изъ разсчета, но никогда по своей охотѣ. Когда оставляютъ свой полкъ, то сдаютъ его другому полковому командиру или старшему послѣ себя офицеру, эта сдача настоящій торгъ, настоящій опекунскій счетъ, и ее можно сравнить лишь съ осмотромъ кладовой лавки покупщикомъ и продавцомъ *). Такъ какъ полковой командиръ получаетъ деньги на все, отвѣчаетъ за все и все принадлежитъ ему, то онъ и долженъ сдать въ хорошемъ состояніи и заплатить за то, чего нѣтъ или что въ дурномъ видѣ. Немного треснувшая бляха на лядункѣ,

*) (1826 г.). При сдачѣ полковъ происходитъ то же и въ настоящее время и теперь полковый командиръ, принимающій полкъ, даже еще болѣе строгъ, чѣмъ въ прежнее время, такъ какъ вслѣдствіе строгости службы, онъ не имѣетъ болѣе ни надежды, ни увѣренности оставаться долго на мѣстѣ.

потерянный винтикъ въ ружьѣ представляютъ собою вещи, за которыя полковникъ, принимающій полкъ, можетъ потребовать денежную плату или замѣну ихъ новыми вещами. Но главный пунктъ составляютъ лошади; онѣ не должны быть старше 12 лѣтъ и должны быть въ тѣлѣ, сильны и пр., а такъ какъ обыкновенно половина ихъ перешла за 20 или за 30 лѣтъ и не въ состояніи болѣе двигаться, то новый полковой командиръ требуетъ за недостающихъ лошадей двойную цѣну противъ той, которую отпускаетъ на нихъ казна. Такимъ же образомъ онъ поступаетъ и относительно повозокъ; всѣ эти предметы способны вести къ счетамъ, придиркамъ и пр. такъ, что обыкновенно проходитъ безконечное время прежде, чѣмъ оба полковые командира придутъ къ соглашенію, а иногда они никогда къ нему не приходятъ, и начальствующіе генералы бываютъ вынуждены вмѣшиваться въ дѣло. Полковой командиръ, оставляющій свой полкъ, ставитъ непомѣрную цѣну предметамъ роскоши или удовольствія, составляющимъ его собственность, напримѣръ музыкальнымъ инструментамъ, платью музыкантовъ, новымъ экипажамъ и пр. Полковой командиръ, принимающій полкъ, назначаетъ всѣмъ этимъ вещамъ весьма низкую цѣну, или же совсѣмъ отъ нихъ отказывается; но обыкновенно послѣдній изъ нихъ кончаетъ тѣмъ, что нѣсколько уменьшаетъ свои претензіи; желаніе командовать полкомъ, надежда пользоваться доходами отъ него дѣлаютъ его менѣе требовательнымъ, и онъ принимаетъ полкъ, принося нѣкоторыя жертвы.

Съ тѣхъ поръ, какъ начальники и инспекторы сдѣлались менѣе строги, а обычай освятилъ незаконные доходы, всѣ полки, безъ исключенія, находятся въ дурномъ состояніи и, такъ какъ полковымъ командирамъ, при сдачѣ полковъ, приходилось бы много платить своимъ преемникамъ, то большая часть ихъ сдѣлалась бригадирами и, приближаясь къ роковому моменту, когда они должны быть произведены въ генералъ-маіоры, входятъ въ соглашеніе съ старшимъ послѣ себя полковникомъ, такъ какъ, благодаря другому новому и вредному злоупотребленію, въ каждомъ полку есть по крайней мѣрѣ два или три полковника, и говорятъ ему: «мнѣ остается пользоваться еще два года, а вамъ два года томиться въ ожиданіи потому, что я оставлю за собою полкъ, если вы не примете того, что я вамъ предлагаю; но примите мои предложенія, и я сейчасъ же сдамъ его вамъ». Послѣдній, чтобы скорѣе начать пользоваться полкомъ, дѣлаетъ уступки, и бригадиръ выходитъ изъ затрудненія, такъ какъ для него было бы гораздо труднѣе совершить сдачу полка, если бы онъ рѣшился ожидать времени своего производства въ чинъ генералъ-маіора потому, что тогда новый полковой командиръ не оказалъ бы ему уже пощады и потребовалъ бы отъ него болѣе въ виду того томленія, которое ему пришлось испытывать въ ожиданіи полка.

Время сдачи полковъ является также критическимъ моментомъ и

для тѣхъ полковыхъ командировъ, которые не отдали своимъ солдатамъ того, что имъ принадлежитъ потому, что солдаты, молчавшіе до сихъ поръ изъ боязни, получили теперь возможность жаловаться, и пользуются этимъ безъ малѣйшаго стѣсненія; они все высказываютъ преемнику, первый долгъ котораго состоитъ въ томъ, чтобы опросить ихъ о всѣхъ несправедливостяхъ, какія могли быть сдѣланы по отношенію къ нимъ. Русскій солдатъ никогда не прощаетъ, если ему не додали хотя бы одной копѣйки, и рано или поздно потребуетъ ее [1]). Если претензіи громадны, то выпутываются изъ затрудненія тѣмъ, что бросаютъ солдатамъ извѣстную сумму денегъ, часто меньшую той, которая имъ слѣдуетъ, но настолько значительную, что она можетъ удовлетворить ихъ и заставить отступиться отъ остальныхъ своихъ претензій; или же просятъ у нихъ милости и взываютъ къ нимъ о пощадѣ, какъ поступилъ на моихъ глазахъ гнусный Иванъ Владычинъ, командиръ Смоленскаго пѣхотнаго полка, нѣкоторые же стращаютъ своихъ солдатъ, заявляя, что оставляютъ полки лишь на время и что снова вернутся и примутъ ихъ; такъ именно сдѣлалъ мой предшественникъ, графъ Иванъ Разумовскій, еще болѣе подлый, чѣмъ предшествующій, такъ какъ онъ богатъ и считаетъ себя вельможею [2]). Наконецъ стараются развязаться съ ними съ помощью хитрости, обмана, низостей, если же и со всѣмъ этимъ нельзя добиться ихъ согласія, то имъ платятъ.

Русскихъ оберъ-офицеровъ судятъ въ Европѣ слишкомъ строго и несправедливо; ихъ изображаютъ самыми дурными красками. Я видѣлъ среди ихъ, какъ видятъ и вездѣ, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, недостойныхъ носить мундиръ; привычка ихъ жить по-солдатски въ то время, когда они состоятъ сержантами, придаетъ имъ часто тонъ и привычки солдата; чрезмѣрная грубость и привычка извлекать пользу изъ всего и на всемъ, къ несчастію, слишкомъ терпимы въ Россіи. Войны противъ турокъ, сопровождающіе ихъ грабежи, возможность перемѣнять

---

[1]) Я могу привести тысячи тому примѣровъ, но ограничусь однимъ. Одинъ офицеръ моего полка, нѣкто Стойковъ, былъ еще сержантомъ при осадѣ Очакова. Послѣ разграбленія города, онъ увидѣлъ у одного солдата турецкій ножъ, сторговалъ его и купилъ за 50 копѣекъ, но, не имѣя при себѣ денегъ, обѣщался отдать на другой день; потомъ онъ забылъ объ нихъ. Восемь лѣтъ солдатъ молчалъ. По прошествіи этого времени солдатъ этотъ былъ уволенъ въ оставку и передъ уходомъ изъ полка потребовалъ выдачи этой суммы. Я призвалъ офицера, который сначала не понималъ, о чемъ я хотѣлъ говорить; но когда солдатъ напомнилъ ему обстоятельства дѣла, то онъ призналъ долгъ и уплатилъ его.

[2]) Когда я спрашивалъ солдатъ моего полка о графѣ Иванѣ Разумовскомъ, то гренадеры 2-й роты сказали мнѣ: «Мы имѣемъ тысячи претензій, но лишь бы Богъ взялъ его отъ полка, и мы отказываемся отъ всего, если отъ него избавимся». Этотъ Иванъ Разумовскій былъ настоящее чудовище.

полкъ, недостатокъ дисциплины, обычай и мода освятили и заставляютъ смотрѣть на многое, какъ на вещи совершенно обыкновенныя, которыя въ другихъ мѣстахъ не только не дозволены, но даже неизвѣстны; но я также встрѣчалъ между офицерами наиболѣе извѣстныхъ мнѣ полковъ людей честныхъ, деликатныхъ, образованныхъ и хорошо воспитанныхъ. Мнѣ приходилось также всюду слышать, что они были настолько же трусы, насколько солдаты ихъ храбры, и что эти послѣдніе часто дрались безъ нихъ; это положительная ложь; я видѣлъ русскихъ офицеровъ во всѣхъ опасныхъ случаяхъ, въ которыхъ самъ находился вмѣстѣ съ ними, подающими примѣръ храбрости и неустрашимости своимъ солдатамъ, а этихъ послѣднихъ далеко не опережавшими своихъ офицеровъ въ минуту опасности, а устремлявшимися ей на встрѣчу лишь тогда, когда начальники ихъ указывали имъ къ тому путь подъ Очаковомъ, Измаиломъ и въ кровопролитномъ Роченсальскомъ сраженіи въ 1790 году. Потеря офицерами была пропорціонально на одну треть больше потери солдатами, и еслибы я и допустилъ часть подобнаго обвиненія, то ужь, конечно, это не было бы по отношенію къ русскимъ оберъ-офицерамъ, но, можетъ быть, по отношенію къ нѣкоторымъ изъ ихъ начальниковъ. Ничто не можетъ быть менѣе усерднѣе, менѣе неустрашимѣе, чѣмъ русскіе вельможи и въ особенности эта толпа волонтеровъ изъ придворныхъ, москвичей и гвардейцевъ, пріѣзжающихъ въ дѣйствующую армію отнимать награды у храбрыхъ офицеровъ, награды, которыя эти послѣдніе одни только и заслуживали и которыхъ эти военныя куклы такъ мало достойны *). Генералъ Сергѣй Львовъ, который прячется подъ Измаиломъ на глазахъ всей арміи; полковникъ Степанъ Талызинъ, котораго молодой принцъ де-Линь ударяетъ нѣсколькими ударами сабли плашмя, чтобы заставить его идти впередъ; полковникъ Масаловъ, за котораго одинаково краснѣютъ и офицеры и солдаты **). Вотъ трусы, которыхъ надо признать къ стыду военныхъ. Но эти недостойные воины обвѣшаны орденами и лентами, тогда какъ оберъ-офицеръ, доставившій честь своей націи, не получаетъ ни наградъ, ни отличій и, конечно, необходимо, чтобъ офицеръ этотъ придавалъ очень большую цѣну чувству чести и любви къ отечеству для того, чтобы служить съ такою храбростію и съ

---

*) (1826 г.). Это была совершенная правда въ 1790 году, но не въ настоящее время. Молодые русскіе вельможи и гвардейскіе офицеры въ послѣднія войны представили завидные примѣры рвенія и отваги и съ такимъ же усердіемъ раздѣляли всѣ тѣ лишенія, какія налагались и на остальныхъ офицеровъ арміи недостаткомъ состоянія и весьма разумными уставами императора.

**) (1824—1826 гг.). И теперь еще нѣкто Колюбакинъ, Палицынъ, Сергѣй Желтухинъ. Послѣдній изъ нихъ тѣмъ не менѣе генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи.

такимъ рвеніемъ, не имѣя при томъ надежды ни на предусмотрѣнное повышеніе, ни на заслуженную награду, ни на помощь, ни на поощреніе, видя дорогу къ чинамъ, крестамъ и почестямъ совершенно для себя закрытою, видя, какъ эту награду, возбуждающую храбрость, раздаютъ настолько же пристрастно, насколько несправедливо и возмутительно, сознавая себя въ то же время въ постоянномъ униженіи и испытывая дурное обращеніе и оскорбленія со стороны дерзкихъ начальниковъ, которыхъ они имѣютъ часто полное право и основаніе презирать [1]), а въ довершеніе несчастія постоянно видя, какъ гвардейцы отнимаютъ у нихъ и надежды и чины *).

Въ Россіи есть нѣсколько кадетскихъ корпусовъ **): 3 въ Петербургѣ

---

[1]) Невозможно имѣть понятія объ обхожденіи русскихъ начальниковъ съ своими подчиненными; французъ, англичанинъ выказываютъ своимъ конюхамъ болѣе доброты и вѣжливости, чѣмъ зачастую русскій полковой командиръ прапорщику своего полка.

*) (1826 г.). Всего этого болѣе уже не существуетъ, за исключеніемъ злоупотребленій при производствѣ въ чины въ гвардіи.

**) (1824—1826 гг.). Въ прежнее время воспитаніе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было очень хорошее и тщательное, и изъ нихъ вышла большая часть генераловъ, офицеровъ генеральнаго штаба и артиллеріи, отличившихся въ арміи. Фельдмаршалъ Румянцевъ началъ въ нихъ свое поприще. Но съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Павелъ возъимѣлъ несчастную идею подчинить эти корпуса великому князю Константину, безполезные ружейные пріемы и самая безполезная фронтовая выправка сдѣлались единственными науками этихъ несчастныхъ дѣтей. 14 и 15 лѣтними выпускали ихъ изъ этой ефрейторской школы, въ которой они не получали ни малѣйшихъ познаній, и они не приносили пользы ни своимъ полкамъ, ни своей родинѣ.

Въ царствованіе Екатерины начальниками этихъ корпусовъ всегда бывали самые достойные въ арміи генералы и по своему рожденію, или по своимъ заслугамъ. Заслужившимъ наибольшую признательность Россіи своимъ образомъ воспитанія и преподаванія всѣхъ наукъ молодымъ людямъ, порученнымъ его попеченіямъ, былъ, несомнѣнно, престарѣлый графъ д'Ангальтъ, родственникъ императрицы; это въ его управленіе образовались лучшіе ученики кадетскихъ корпусовъ, и Россія насчитывала очень хорошихъ генераловъ, вышедшихъ изъ этихъ учебныхъ заведеній.

Въ царствованіе императора Павла престарѣлый графъ Ферзенъ состоялъ нѣкоторое время директоромъ 1-го корпуса, но его подчинили великому князю, и этотъ достойный уваженія воинъ, слишкомъ гордый и слишкомъ честный для того, чтобы скрывать свои чувства, не могъ привыкнуть къ зависимости которая претила его благородной гордости,—онъ подалъ въ отставку. Павелъ пожелалъ узнать причину такого рѣшенія; графъ Ферзенъ отвѣчалъ ему: «что могу я сдѣлать для кадетскаго корпуса? я старъ; подо-мной дѣти, и надо мной дѣти; это мнѣ не подходитъ». Онъ получилъ свою отставку.

Послѣ него великій князь въ двухъ директорахъ кадетскихъ корпусовъ, указанныхъ имъ на эти должности, нашелъ лицъ, всего менѣе достойныхъ подобнаго довѣрія.

и одинъ въ Шкловѣ (какъ это видѣли выше). Одинъ изъ находящихся въ Петербургѣ корпусовъ предназначенъ для образованія армейскихъ офицеровъ, другой — инженерныхъ и артиллерійскихъ, а третій — морскихъ.

Генералъ-маіоръ Клингеръ, директоръ перваго корпуса, нѣмецъ, грубый, неотесанный, корыстолюбивый, сверхъ того отличался опасными принципами для воспитанія подданныхъ неограниченной монархіи. Онъ былъ наглый порицатель правительства и заклятый якобинецъ.

Директоръ втораго корпуса, генералъ-маіоръ К—м—ль, былъ гусаромъ и лакеемъ у генерала Апраксина. Этотъ послѣдній въ молодости своей, изъ прихоти, держалъ громаднаго роста гусаровъ, которые должны были стоять на запяткахъ его экипажа, въ числѣ ихъ онъ имѣлъ двухъ, которые оба назывались Михайлами; сдѣлавшій изъ нихъ впослѣдствіи необыкновенную карьеру, хотя также очень высокій, но все-таки ростомъ ниже своего товарища, получилъ названіе маленькій Михайло и сохранилъ это прозвище, такъ какъ не имѣлъ ни роду, ни племени.

К—м—ль оставилъ генерала Апраксина и получилъ мѣсто артиллерійскаго унтеръ-офицера при генералѣ Мелиссино, бывшемъ до него директоромъ 2-го корпуса; затѣмъ онъ дослужился здѣсь до офицера и послѣдовательно въ царствованіе Павла былъ произведенъ въ полковники, генералъ-маіоры и наконецъ былъ назначенъ директоромъ этого корпуса. Сначала онъ ввелъ въ корпусѣ фронтовыя ученья, а за то, что научилъ нѣсколькихъ офицеровъ тремъ или четыремъ сумасшедшимъ кривляньямъ и построеніямъ, невыполнимымъ во время войны, хвастался тѣмъ, что образовалъ русскую армію. Все, что могутъ породить грубость и невѣжество, все это соединялось въ немъ, предназначенномъ, однако, для воспитанія русскаго дворянства и образованія для Россіи генераловъ. Но онъ былъ любимцемъ графа Аракчеева, былъ любимъ великимъ княземъ Константиномъ и, что еще болѣе удивительно, былъ въ большой милости у императора Александра, какъ и его сынъ.

При этихъ двухъ директорахъ въ обоихъ этихъ корпусахъ не было уже болѣе ни преподавателя, ни профессора, достойныхъ уваженія, которые были бы въ состояніи бороться съ пагубными принципами своихъ начальниковъ и давать хоть какое-нибудь образованіе воспитанникамъ. Клингеръ и К—м—ль предпочитали такимъ преподавателямъ жалкихъ авантюристовъ, обнищавшихъ иностранцевъ, воспитанныхъ въ переднихъ, которые довольствовались незначительнымъ содержаніемъ, и молодые люди выходили изъ этихъ корпусовъ безъ малѣйшаго знанія какой-либо науки, не зная ни одного иностраннаго языка и даже не зная, какъ слѣдуетъ, своего собственнаго.

Графъ Коновницынъ смѣнилъ этихъ двухъ нѣмцевъ; онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ всѣ кадетскіе корпуса, равно какъ и пажей и дворянскіе баталіоны (дворянскій полкъ), и имѣлъ полную возможность установить лучшій порядокъ; но умеръ слишкомъ рано; онъ былъ очень удачно замѣщенъ генераломъ Кутузовымъ; можно было надѣяться увидѣть, въ управленіе этихъ двухъ начальниковъ, кадетскіе корпуса вновь призванными къ своему первоначальному назначенію, еслибъ они могли восторжествовать надъ этой безразсудною чрезмѣрною страстію къ парадамъ и ученьямъ; но на экзаменахъ занимаются лишь ружейными пріемами; если они совершенны, то все хорошо; но если имъ не посвятили трехъ четвертей занятій, то воспитаніе не достигло своей цѣли.

Гвардія составляетъ позоръ и бичъ русской арміи; но императрица, которая обязана была ей своею короною, любитъ ее и потворствуетъ ей *).

Офицеры состоятъ изъ всего, что есть наизнатнѣйшаго и богатѣйшаго въ Россіи, среди высшаго дворянства, а сержанты принадлежатъ къ дворянству второстепенному **).

Вельможи или лица, пользующіяся высокою протекціею, никогда почти не служатъ въ Россіи въ оберъ-офицерскихъ чинахъ; родители записываютъ ихъ, въ самый день ихъ рожденія, сержантами въ гвардію; въ 15 или 16 лѣтъ, а иногда и ранѣе, они становятся офицерами или по старшинству, или по протекціи, живутъ у себя или въ Москвѣ, или въ деревнѣ; если же они находятся въ Петербургѣ, то лишь едва-едва занимаются службою и, дослужившись до чина капитана, выходятъ въ отставку бригадирами [1]) или переходятъ въ армію полковниками; въ 20 или 25 лѣтъ, они отправляются командовать полками, поправлять тамъ свое состояніе, уплачивать свои петербургскіе долги, царствовать въ провинціи и выжидать чина генералъ-маіора, предстоящее полученіе котораго приводитъ ихъ въ отчаяніе.

---

*) (1826 г.). Императоръ Александръ, однако, не баловалъ ихъ, а императоръ Николай еще менѣе.

**) (1826 г.). Со времени Петра Великаго до царствованія Екатерины II командирами гвардейскихъ полковъ, подполковники и маіоры (одна императрица была полковникомъ каждаго полка) выбирались среди первыхъ лицъ имперіи или изъ числа наиболѣе знаменитыхъ генераловъ; они пользовались въ командуемыхъ ими полкахъ самымъ справедливымъ и вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Павелъ I и Александръ слѣдовали другой системѣ. Они поручали гвардейскіе полки людямъ не знатнаго происхожденія, не заслужившимъ уваженія, не обладавшимъ военными талантами, но болѣе искуснымъ на парадахъ, чѣмъ старые генералы, умѣвшіе лишь предводительствовать арміями и выигрывать сраженія; такимъ образомъ эти полки часто имѣли своими командирами весьма печальныхъ командировъ.

Александру пришлось раскаяться въ этой слабости, и исторія въ его излюбленномъ Семеновскомъ полку должна была открыть ему глаза на опасность вручать свою жизнь въ недостойныя руки. Онъ поручилъ этотъ полкъ Николаю Шварцу, сыну нѣмецкаго ремесленника въ Москвѣ послѣдняго разбора. Этотъ человѣкъ прославился тѣмъ, что заставилъ одинъ изъ гренадерскихъ полковъ маршировать босикомъ по вспаханному полю и по камнямъ. Видѣли, какъ онъ въ то время, какъ его полкъ шелъ въ сраженіе, ложился на спину на одномъ изъ его фланговъ для того, чтобы видѣть, выровнены ли въ одну линію всѣ подошвы солдатъ, и онъ не единственный, который подалъ подобный примѣръ усердія и таланта къ важнымъ сторонамъ военнаго искусства.

[1]) Хотя гвардейскіе офицеры, пока служатъ въ гвардіи, въ дѣйствительности состоятъ только однимъ чиномъ выше офицеровъ арміи, но они становятся двумя чинами выше ихъ, когда переходятъ въ армію.

Полагаю, что меня избавятъ отъ обязанности обсужденія выбора подобныхъ офицеровъ и полковыхъ командировъ. Во Франціи справедливо возставали противъ злоупотребленія, проистекавшаго изъ того, что полки давали неопытнымъ, молодымъ людямъ; но эти молодые люди обладали, по крайней мѣрѣ, хотя какимъ-нибудь первоначальнымъ военнымъ образованіемъ, хотя какими-нибудь понятіями о службѣ и жили въ гарнизонахъ; но въ Россіи полковые командиры, вышедшіе изъ гвардіи, часто не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о службѣ въ мирное время, и еще менѣе пригодны для боевой службы. Между тѣмъ, почти всѣ полки раздаются подобнымъ образомъ; на десять полковыхъ командировъ приходится, по меньшей мѣрѣ, 4 или 5 на гвардію и только 5 или 6 на армію. Изъ этого видно, что армейскіе штабъ-офицеры не имѣютъ почти никакой надежды на повышеніе; они, дѣйствительно, и остаются по 10 или по 15 лѣтъ маіорами и подполковниками и служатъ безъ всякаго содержанія.

Когда молодой гвардейскій офицеръ не хочетъ ждать чина капитана, то въ чинѣ прапорщика или поручика переходитъ премьеръ-маіоромъ или подполковникомъ въ армію, записывается въ одинъ изъ полковъ, никогда въ него не является, проживаетъ въ Петербургѣ или Москвѣ и выжидаетъ тамъ блаженнаго чина полковника. Чинъ этотъ составляетъ предметъ честолюбія всякаго русскаго офицера, который надѣется дослужиться до него, и онъ одинъ привязываетъ его къ службѣ.

Не только гвардейскіе офицеры отнимаютъ большую часть высшихъ чиновъ у старыхъ офицеровъ, но еще и гвардейскіе сержанты отнимаютъ роты у лучшихъ поручиковъ арміи, которые почти никогда не имѣютъ надежды сдѣлаться капитанами.

Каждый гвардейскій полкъ имѣетъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ сверхкомплектныхъ сержантовъ, которые почти никогда не служатъ въ своихъ частяхъ, но живутъ у себя; каждый годъ множество изъ нихъ переводятъ изъ гвардіи и посылаютъ въ армейскіе полки капитанами; ихъ распредѣляютъ по полкамъ, въ которыхъ они вступаютъ въ командованіе ротою, зачастую не видавъ до этой поры, во всю свою жизнь, ни одного солдата [1]. Можно представить себѣ, что это за ротные командиры: или оглупѣвшіе въ своихъ деревняхъ, или прожившіе въ Петербургѣ въ развратѣ и ничегонедѣланіи; неуклюжіе, мужики или

---

[1]) Въ дѣлѣ подъ Варшавою въ 1794 году Сибирскій гренадерскій полкъ потерялъ 2.000 солдатъ и 30 офицеровъ и въ томъ числѣ 8 капитановъ. Пережившіе это сраженіе поручики, которые прозябали въ своемъ чинѣ 10 или 12 лѣтъ, разсчитывали, что они наконецъ получатъ повышеніе; но они остались поручиками, а для командованія освободившимися ротами прислали 8 гвардейскихъ сержантовъ.

смѣшные и презрѣнные щеголи—вотъ капитаны, которыми переполнены русскіе полки. Поэтому-то хорошіе полковые командиры почти никогда не даютъ имъ ротъ; они оставляютъ ихъ сверхкомплектными, а командованіе ротами поручаютъ поручикамъ и даже прапорщикамъ.

Но такъ какъ особенныя дарованія или характеръ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей могутъ восторжествовать надъ окружающими обстоятельствами, то скажу, по справедливости, что, несмотря на то, что все препятствуетъ гвардейскимъ офицерамъ и сержантамъ быть хорошими солдатами, тѣмъ не менѣе, я видѣлъ, что изъ нихъ вышло нѣсколько превосходныхъ полковыхъ командировъ и очень хорошихъ ротныхъ командировъ, и прибавлю даже, что лучшіе изъ ротныхъ командировъ моего полка служили въ гвардіи *).

Въ Россіи, кромѣ службы въ гвардіи, существуютъ еще и другіе способы хватать чины, не служа; самый вѣрный и самый обыкновенный—это причислиться въ качествѣ ординарца или по особымъ порученіямъ и т. п. къ фавориту; у него, обыкновенно, такихъ двѣсти или триста человѣкъ, и онъ не знаетъ изъ нихъ и половины, но, тѣмъ не менѣе, быстро повышаетъ ихъ по службѣ. Того же достигаютъ чрезъ адъютантскія должности у генераловъ; фельдмаршалъ, напримѣръ, имѣетъ двухъ адъютантовъ, въ чинѣ подполковника, и они, по прошествіи ше-

---

*) (1826 г.). Я сказалъ уже выше и повторяю здѣсь еще разъ изъ желанія воздать дань справедливости, что гвардейскіе полки въ настоящее время такъ же храбры, какъ хорошо дисциплинированы; теперь это вѣроятно цвѣтъ русской арміи; но она все еще продолжаетъ оставаться бичемъ послѣдней и даже бо́льшимъ, чѣмъ во времена императрицы Екатерины; тогда гвардія состояла лишь изъ четырехъ полковъ, составлявшихъ десять баталіоновъ и 5 эскадровъ, и не имѣла подъ ружьемъ болѣе 6.000 человѣкъ. Въ настоящее время въ гвардіи 18 полковъ или баталіоновъ, изъ которыхъ 8 кавалерійскихъ (въ томъ числѣ конныхъ піонеровъ и громадная артиллерія). Въ общемъ численность ея достигаетъ 60.000 человѣкъ, а если къ этому прибавить 12 гренадерскихъ полковъ и два полка кирасирскихъ императора и императрицы, которые, благодаря преимуществамъ и предпочтенію, приравнивающимъ ихъ къ гвардіи, составляютъ также въ нѣкоторомъ родѣ гвардію, то въ итогѣ получится 90.000 привилегированныхъ солдатъ, что непомѣрно и выходитъ изъ предѣловъ всякой пропорціи по отношенію къ остальной арміи, какъ бы она ни была громадна. Для того, чтобы набрать этихъ гренадеръ и гвардейцевъ, ежегодно выбираютъ въ армейскихъ полкахъ самыхъ красивыхъ и лучшихъ солдатъ. Этимъ ослабляютъ и обезображиваютъ армейскіе полки и приводятъ въ сокрушеніе ихъ командировъ и офицеровъ.

Въ прежнее время считали большимъ злоупотребленіемъ то, что изъ десяти полковниковъ, получавшихъ полки, 4 или 5 назначались изъ гвардіи; въ настоящее время злоупотребленіе это еще увеличилось пропорціонально съ численностію гвардіи, и я могу утверждать, что теперь три четверти полковыхъ командировъ назначается изъ гвардіи.

сти лѣтъ, становятся полковниками и получаютъ полки, не выходя до тѣхъ поръ изъ конюшни или передней своихъ начальниковъ.

Наконецъ, если не желаютъ брать на себя труда добиваться чиновъ, то ихъ покупаютъ; это удобнѣе, и цѣна ихъ у подполковника Ставицкаго, состоящаго при вице-президентѣ военной коллегіи, графѣ Николаѣ Салтыковѣ, опредѣлена и всѣмъ извѣстна.

Въ дополненіе къ сказанному мною выше, приведу нѣсколько строкъ, извлеченныхъ изъ сочиненія, столько же интереснаго, сколько и правдиваго, объ Измаильскомъ походѣ, написаннаго однимъ итальянскимъ офицеромъ Mailha, состоявшимъ при флотиліи генерала Рибаса и игравшимъ, какъ увидятъ, роль въ этой достопамятной кампаніи.

Разсказывая о штурмѣ Измаила, онъ говоритъ:

«Я не могу понять, какъ можетъ русскій оберъ-офицеръ, проявившій какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ сраженіяхъ, доказательства изумительной храбрости, дѣйствовать съ такимъ усердіемъ, являясь въ то же время орудіемъ и жертвою своихъ начальниковъ, которые отнимаютъ у него плоды этой храбрости и часто не раздѣляя даже съ нимъ опасностей. Всѣ генералы, полковники и т. п. обращаются съ оберъ-офицерами не только съ недостаточнымъ уваженіемъ, но даже съ презрѣніемъ.

«На другой день послѣ такого штурма, какъ на примѣръ Измаила, этотъ самый офицеръ, который безстрашно подвергалъ себя неслыханнымъ опасностямъ, первый взошелъ на городской валъ, видя быть можетъ въ то же время, какъ его начальникъ (генералъ Львовъ, напримѣръ) прячется во время сраженія и появляется лишь тогда, когда опасность уже миновала, этотъ самый офицеръ, говорю я, явится къ своему начальнику съ величайшею покорностію, едва будетъ говорить и то только тогда, когда его станутъ спрашивать и, если онъ умнѣе своего начальника, то никогда не будетъ противорѣчить глупостямъ его превосходительства; этотъ начальникъ будетъ употреблять этого офицера для лакейскихъ услугъ и будетъ давать ему порученія, которыя тотъ исполнитъ безпрекословно. Невозможно постичь эту смѣсь геройства и низости.

«Порядокъ, какимъ распредѣляютъ награды послѣ какого-нибудь сраженія, еще болѣе способенъ обезкуражить оберъ-офицеровъ. Донесенія и реляціи составляются начальниками; въ большей части изъ этихъ донесеній упоминаются лишь сами начальники и ихъ любимцы; впрочемъ, донесенія эти довольно безполезны потому, что дворъ обыкновенно не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и поступаетъ такимъ же порядкомъ, который способенъ отбить всякую добрую охоту: дворъ награждаетъ по чинамъ и притомъ щедро начальниковъ, волонтеровъ и т. п.

безъ разбора и безъ вниманія (хорошо ли они дѣйствовали или дурно) [1]). Награждаютъ чинъ, а не заслугу.

«За Очаковъ всѣмъ чинамъ до маіора включительно былъ пожалованъ орденъ св. Георгія (въ этомъ дѣлѣ командовалъ самъ князь Потемкинъ); при назначеніи наградъ за Измаилъ остановились на подполковникахъ; что же касается до капитановъ, поручиковъ и пр., то эти люди годятся лишь на то, чтобъ быть убитыми и выжидать повышенія, происходящаго (если только соблаговолятъ это сдѣлать) черезъ два или три года послѣ сраженія, и которое совершается тѣмъ же порядкомъ, то-есть, безъ разбора, гуртомъ и цѣлою массою».

Волонтеры вездѣ неудобны. Во Франціи эти молодые люди, почти всѣ вельможи, были преисполнены ревностнымъ усердіемъ и храбростію, а русскіе волонтеры зачастую весьма жалкіе военные. Они бываютъ двоякаго рода; одни изъ нихъ придворные: камергеры, камеръ-юнкеры и въ особенности гвардейскіе офицеры; они устремляются въ армію, которой не приносятъ чести своимъ поведеніемъ и которую отягощаютъ своими связями. Они отправляются ловить крестъ и хватаютъ его, не испытывая при этомъ, кромѣ путешествія, никакого другаго труда и никакихъ другихъ опасностей. Если кампанія оканчивается штурмомъ, они дѣлаютъ видъ, что находились на немъ и требуютъ себѣ наградъ. Такъ какъ всѣ они сыновья или двоюродные братья министровъ или фаворитовъ, то начальникъ включаетъ ихъ въ свою реляцію. Тотчасъ же на этихъ маленькихъ газетныхъ и будуарнымъ героевъ сыплятся дождемъ сабли, кресты, медали.

На штурмѣ Праги въ 1794 году находилось 20 или 30 этихъ господъ и все князей, графовъ и т. п. [2]), ни разу не выказавшихъ ревностнаго усердія, но всегда назойливыхъ, а теперь украшенныхъ знаками отличія, носящихъ, не краснѣя, свои ордена и разсказывающихъ о своихъ подвигахъ придворнымъ фрейлинамъ.

Другіе волонтеры изъ низшаго класса еще хуже этихъ; это прихлебатели, наперсники, а то и просто лакеи фаворитовъ. У князя Потемкина ихъ было отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ; ни одинъ изъ нихъ не видалъ ни одного ружейнаго выстрѣла въ теченіе трехъ кампаній, и всѣ они получили кресты и чины. Графъ Валеріанъ Зубовъ, братъ фаворита, прежде чѣмъ сдѣлаться знатнымъ вельможею, не отличался при-

---

[1]) Послѣ сраженія при Мачинѣ генералъ Кутузовъ, который заслуживалъ быть преданнымъ суду, былъ награжденъ наравнѣ съ генераломъ Сергѣемъ Голицынымъ, который велъ себя въ этомъ дѣлѣ превосходно.

[2]) Между прочимъ маленькій князь Голицынъ, настолько же преисполненный пороками, насколько и глупостью.

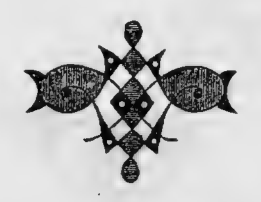
мѣрнымъ и достойнымъ уваженія поведеніемъ. Всѣ товарищи его разгульныхъ похожденій находились волонтерами въ его свитѣ, когда онъ сдѣлался главнокомандующимъ, и всѣ дослужились до полковника и стали кавалерами двухъ или трехъ орденовъ; тогда какъ бѣдный офицеръ, храбрый, изувѣченный, оставался поручикомъ и прозябалъ въ нищетѣ.

Большая часть иностранныхъ волонтеровъ, пріѣзжающихъ въ Россію искать счастья, еще хуже туземныхъ, о которыхъ я только-что говорилъ, а изъ числа ихъ французы принадлежатъ къ тѣмъ, которые всегда заслуживали наименѣе уваженія. Во Франціи пользовались столькими удовольствіями, въ ней было столько выгодныхъ средствъ для всѣхъ классовъ и въ особенности для военнаго, что французъ, отправлявшійся въ Россію, былъ навѣрное презрѣннымъ искателемъ приключеній. Русскіе были настолько привыкшими видѣть въ пріѣзжающихъ къ нимъ служить французовъ людей безъ всякихъ средствъ или мало достойныхъ уваженія, что имъ понадобилось очень много времени для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что графъ Роже-де-Дама и я были дѣйствительно придворными во Франціи, богатыми людьми, и занимали высокое положеніе въ арміи.

Перевелъ **В. Н. М.**

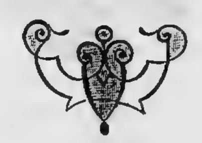
Сообщилъ **Н. Шильдеръ.**

(Окончаніе будетъ).

Рескриптъ императора Павла I князю Куракину о безобразныхъ поступкахъ городничаго Пирха 28-го іюля 1798 г.

Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Генералъ-Прокуроръ Князь Куракинъ. Изъ доклада, поднесеннаго Намъ отъ Генералъ-Аудитора Князя Шаховскаго по дѣлу Апшеронскаго мушкетерскаго полка Полковника Жукова, усмотрѣли Мы развратные поступки Литовской губерніи Бржешскаго Городничаго Пирха, который забывъ всѣ обязанности служенія, противу узаконеніевъ Нашихъ публично ходилъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ, и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе; употребляя такъ же Казенныхъ людей въ свои домашнія услуги, а по тому, выкинувъ изъ службы онаго Городничаго Пирха, велѣли Мы просить прощеніе при разводѣ на колѣняхъ у Полковника Жукова. Вы жъ имѣете сіе Наше повелѣніе содѣлать гласнымъ со всѣми обстоятельствами развратности Городничаго Пирха, дабы и всѣ прочіе таковаго буйства, наглости и пренебреженія должности своей позволять себѣ не дерзали [1]).

---

[1]) По этому рескрипту состоялся указъ Сената отъ „ “ августа 1798 г.

Записки М. Я. Ольшевскаго[1].

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ [1]).

I.

Западный Кавказъ до 1860 года.

Въ то время, когда Восточный Кавказъ, стеная подъ ударами нашихъ войскъ, доживалъ свои послѣдніе годы,—Западный Кавказъ былъ крѣпокъ и силенъ.

Въ то время, когда Чечня, эта житница Восточнаго Кавказа, изрѣзанная въ ея лѣсныхъ трущобахъ, по разнымъ направленіямъ, просѣками—пала,—абадзехи мужественно сопротивлялись возведенію Майкопской крѣпости, подобно тому, какъ 12 лѣтъ назадъ, сопротивлялись чеченцы построенію Воздвиженской крѣпости.

Въ то время, какъ послѣ взятія Веденя, скиталецъ Шамиль искалъ убѣжища въ Дагестанѣ и сдался военноплѣннымъ на скалистомъ, неприступномъ Гунибѣ,—Магометъ-Аминь предводительствовалъ тысячами закубанцевъ, несмотря на то, что власть Аминева была ничтожна въ сравненіи съ Шамилевой.

Отчего же произошла такая внезапная разительная противоположность въ состояніи Восточнаго Кавказа съ Западнымъ, тогда какъ, не въ Чечнѣ ли и Дагестанѣ еще недавно совершались тѣ страшныя кровавыя катастрофы, о которыхъ я имѣлъ случай говорить? На это мнѣ

---

[1]) См. „Русскую Старину" мартъ 1895 года.

отвѣчаютъ, что время взяло свое, что чеченцы и дагестанцы, ведя съ нами упорную борьбу, не годами, а десятками лѣтъ, должны были изнемочь и наконецъ пасть.

Согласенъ и не смѣю возражать на такой основательный аргументъ, потому что силы чеченцевъ и дагестанцевъ, дѣйствительно, съ каждымъ годомъ уменьшались, тогда какъ послѣ нашихъ неудачъ мы всегда получали новыя громадныя подкрѣпленія.

Но предвидѣли ли, мечтали ли самые рьяные поклонники Николая Николаевича Муравьева, когда онъ оставлялъ Кавказъ, что, съ небольшимъ черезъ два года, Чечня и Дагестанъ падутъ, а Шамиль будетъ въ плѣну? На это положительно отвѣчу, что такого быстраго поворота въ горахъ Кавказа въ нашу пользу они не могли предвидѣть. Произошло же это отъ правильнаго направленія и сосредоточенія войскъ, а также отъ неуклоннаго стремленія, несмотря на громадныя препятствія, къ осуществленію предположенной цѣли. Отъ тѣхъ же причинъ произошло и паденіе Западнаго Кавказа.

Кто же совершилъ такой быстрый и громадный переворотъ съ Кавказомъ? Кто былъ главнымъ двигателемъ и руководителемъ этого переворота? — Никто другой, какъ главнокомандующій князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Изучивъ Кавказъ со всею подробностію, въ продолженіе долгаго своего на немъ служенія, онъ, по прибытіи въ Тифлисъ, дѣлаетъ распоряженіе о сосредоточеніи главной массы лучшихъ войскъ въ Чечнѣ. Ввѣривъ эти войска начальству генерала Евдокимова, какъ хорошо извѣстнаго ему по боевымъ способностямъ,—князь Барятинскій составляетъ зрѣло обдуманный и всесторонне разработанный планъ, по которому должно было совершиться покореніе Чечни, взятіе Веденя, а съ нимъ и паденіе Восточнаго Кавказа. Не ограничиваясь этимъ, онъ настойчиво слѣдитъ за исполненіемъ своего плана, такъ что когда осенью 1858 года замедлились военныя дѣйствія, собственно потому только, что Евдокимовъ дозволилъ себѣ нѣкоторое время не присутствовать лично при войскахъ, то онъ подвергается рѣзкому, но справедливому замѣчанію князя.

Съ паденіемъ Восточнаго Кавказа, князь Барятинскій направляетъ въ Кубанскую область всѣ стрѣлковые батальоны арміи; а отъ сосредоточенія такой огромной массы нарѣзнаго оружія на Западномъ Кавказѣ и совершилось его скорое покореніе. Когда же дѣйствія генерала Филипсона не соотвѣтствовали желаніямъ и предначертаніямъ князя Барятинскаго, то командующимъ войсками былъ назначенъ тотъ же графъ Евдокимовъ, который былъ главнымъ дѣятелемъ при покореніи Восточнаго Кавказа. Слѣдовательно, кто же, какъ не князь, подготовилъ па-

деніе и Западнаго Кавказа? Не по его ли инцiативѣ началось переселеніе закубанцевъ въ Турцію?

Такая дѣятельность на Западномъ Кавказѣ началась съ 1860 года, а съ этимъ временемъ какъ нельзя ближе совпадаетъ мой дальнѣйшій разсказъ. Будучи назначенъ начальникомъ Кавказской резервной ди визіи, которая въ составѣ двадцати комплектныхъ батальоновъ участвовала въ окончательномъ покореніи Кавказа, я былъ или прямымъ дѣятелемъ, или свидѣтелемъ тѣхъ событій, которыя совершились въ послѣдніе четыре года моего служенія на Кавказѣ.

Но прежде чѣмъ приступлю къ изложенію этихъ событій, считаю необходимымъ сдѣлать очеркъ прошлому состоянію Западнаго Кавказа, а равно взглянуть на жизнь, нравы, обычаи враждебныхъ намъ обитателей Закубанскаго пространства.

Западный Кавказъ, или пространство, заключающееся между Чернымъ моремъ и впадающими въ него Ингуромъ и Кубанью, былъ извѣстенъ въ глубокой древности.

Обитатели его у грековъ и римлянъ носили различныя названія, смотря потому, гдѣ находились ихъ колоніи. Такъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до настоящаго христіанскаго лѣтосчисленія, встрѣчаютъ у древнихъ географовъ названія народовъ: абзне, зиховъ и аидъ-ахой. Не суть ли это настоящіе абхазцы, джигеты и адыге? Эти же народы были извѣстны и подъ общимъ именемъ «черкесовъ».

Не касаясь происхожденія черкесовъ въ историческомъ отношеніи и не останавливаясь на происхожденіи этого названія въ этимологическомъ смыслѣ, не могу умолчать здѣсь о томъ обстоятельствѣ, что еще не такъ давно мы, русскіе, разумѣли подъ черкесами всѣхъ немирныхъ обитателей Кавказа. Подобно тому, какъ у насъ, на Руси, не только въ былое время, но и теперь въ простонародьи называютъ жителя Запада—будь онъ англичанинъ или французъ—нѣмцемъ, а жителя Востока—будь онъ персіянинъ или индѣецъ — татариномъ, такъ назывались «черкесами» безъ различія всѣ горцы. Названіемъ «черкеса» окрещивались чеченцы, осетины, кабардинцы и всѣ другіе жители Кавказа, занимавшіеся разбоемъ и хищничествомъ.

Такое названіе черкесъ для всѣхъ кавказскихъ горцевъ существовало еще въ первой четверти настоящаго столѣтія не только въ разговорѣ, но и на письмѣ. Часто встрѣчалось читать о черкесахъ, нападающихъ на проѣзжающихъ по Военно-Грузинской дорогѣ, или на Терекѣ, тогда какъ объ нихъ тамъ не было и помину. Въ актахъ же прошлаго и предшествовавшихъ столѣтій и не упоминалось о существованіи чеченцевъ и лезгинъ.

Отчего же мы, русскіе, все населеніе Кавказскаго хребта принимали за одинъ народъ? Оттого, что мы прежде всего познакомились съ черкесами и вообще съ жителями Западнаго Кавказа, которые въ совокупности съ крымскими татарами безпокоили южные предѣлы нашей имперіи.

Между тѣмъ настоящіе жители Западнаго Кавказа никогда не называли себя «черкесами». Они называли себя или «адыге» или по именамъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежали; а эти послѣднія преимущественно назывались по именамъ своихъ родоначальниковъ.

Чтобы оградить наши южные предѣлы, а въ особенности Новороссію, отъ хищническихъ набѣговъ черкесъ, переводится на Кубань въ 1792 году принесшее покорность Запорожское казачье войско.

Оно селится на степномъ пространствѣ между Дономъ и Кубанью, сорока отдѣльными куренями, которое съ приселеніемъ къ нимъ впослѣдствіи нѣсколькихъ тысячъ малороссійскихъ семействъ и составило станицы «Черноморскаго казачьяго войска», носившаго это названіе до 1860 года.

Спустя шесть лѣтъ селятся, начиная отъ предѣловъ Черноморіи вверхъ по Кубани, три взбунтовавшихся Донскихъ полка. Изъ нихъ составляются Кавказскій и Кубанскій казачьи полки.

Одновременно съ этимъ переводятся на Кубань, охранявшіе между Ставрополемъ и Екатериноградомъ почтовую дорогу, Хоперскіе казаки въ станицы Барсуковскую, Невинномыскую, Бѣломечетскую и Баталпашинскую.

Съ обращеніемъ впослѣдствіи селеній Ставропольской губерніи въ казачье сословіе и съ новымъ переселеніемъ изъ внутреннихъ губерній государственныхъ крестьянъ, образуется «Кубанская кордонная линія».

Такимъ образомъ, съ первыми годами настоящаго столѣтія, хищные обитатели Западнаго Кавказа были опоясаны рядомъ станицъ, постовъ и укрѣпленій, расположенныхъ на самой Кубани. Начиная же съ тридцатыхъ годовъ, не только черноморскіе, но и линейные казаки уже ограждали своими станицами и постами, на нѣсколько десятковъ верстъ, сельское населеніе. Сверхъ того, находилось значительное число укрѣпленій впереди Кубани.

Несмотря на это, хищничества и набѣги закубанцевъ зачастую совершались въ предѣлахъ вооруженнаго казачьяго населенія. Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же разсмотримъ съ нѣкоторою подробностію состояніе, до 1860 года, Черноморской кордонной линіи, праваго фланга Кавказской и Черноморской береговой линіи, а равно отправленіе на нихъ службы какъ казаками, такъ и регулярными войсками.

«Черноморская кордонная линія» простиралась по Кубани слишкомъ на 260 верстъ, начиная отъ устья одного рукава этой рѣки въ

Черное море, до впаденія въ нее, съ лѣвой стороны, Большой Лабы. Она, возникнувъ вмѣстѣ съ переселеніемъ съ Днѣпра запорожскихъ казаковъ, въ описываемый періодъ состояла изъ станицъ и постовъ, расположенныхъ по Кубани, а также укрѣпленій, какъ на этой рѣкѣ, такъ и впереди ея находящихся.

Расположенныя по Кубани станицы были слѣдующія: Стебліевская, Титоревская, Андреевская, Сѣнная, Ивановская, Новомышастовская, Елизаветинская, Маріинская, Пашковская, Корсунская и Васюринская. Всѣ эти станицы, по преимуществу четыре-угольной фигуры, были обнесены значительной профили валомъ, обложеннымъ колючкою, и окружены рвомъ, а по угламъ имѣлись туръ-бастіоны, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены чугунными, на безобразныхъ крѣпостныхъ лафетахъ и безъ платформъ,—орудіями.

Для охраненія сообщенія между станицами, а равно обезпеченія самыхъ станицъ отъ нечаяннаго нападенія непріятеля, были расположены по Кубани, или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой рѣки, по дорогамъ разной величины посты.

Число и величина постовъ между станицами зависѣли отъ мѣстности. Чѣмъ мѣстность была пересѣченнѣе и закрытѣе, тѣмъ болѣе постовъ находилось на меньшемъ разстояніи и тѣмъ сильнѣе былъ на нихъ караулъ потому что, на такой мѣстности приходилось выставлять днемъ болѣе пикетовъ, а ночью посылать болѣе секретовъ. А такое отправленіе кордонной службы считалось самымъ надежнымъ какъ противъ закубанцевъ, такъ и противъ другихъ хищныхъ обитателей Кавказа.

Независимо станицъ и постовъ, на Кубани находились укрѣпленія Вареникoвское, Ольгинское и Алексѣевское, прикрывавшія переправы черезъ эту рѣку къ натухайцамъ, шапсугамъ и бжедухамъ. Изъ Варениковской пристани можно было проѣхать на берегъ Чернаго моря, въ Анапу. Изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона вела дорога на Абинское укрѣпленіе, отстоявшее отъ Кубани верстахъ въ тридцати. Посредствомъ Алексѣевской переправы производилось сообщеніе съ Афипскимъ укрѣпленіемъ, отстоящимъ отъ Кубани верстахъ въ пятнадцати. Но, съ уничтоженіемъ въ 1854 году, вмѣстѣ съ прочими укрѣпленіями, Черноморской береговой линіи, Анапы и станицъ по берегу моря, а равно съ упраздненіемъ Абинскаго и Афипскаго укрѣпленій, утратилась прямая цѣль этихъ переправъ до тѣхъ поръ, пока не возобновились наступательныя дѣйствія за Кубань.

Сверхъ того, находились старыя укрѣпленія: въ Екатеринодарѣ, средоточіи войсковаго управленія и мѣстопребываніи наказнаго атамана, и Фанагорійское—на островѣ Тамани.

Отправленіе кордонной службы по Кубани и содержаніе гарнизо-

новъ въ упомянутыхъ укрѣпленіяхъ лежало на прямой и исключительной обязанности черноморскихъ казаковъ. Для этого требовалось не менѣе двухъ тысячъ конныхъ и до двухъ тысячъ пятисотъ пѣшихъ человѣкъ. А какъ черноморское войско, по своему населенію, безъ затрудненія, могло выставить тройной комплектъ, а потому отбываніе службы производилось тремя смѣнами, и только нарушалось это въ экстренныхъ случаяхъ, а именно: при движеніи за Кубань, или во время огромныхъ сборовъ непріятеля. Усиливать кордонъ приходилось и въ то время, когда Кубань отъ сильныхъ морозовъ замерзала и когда переходъ черезъ нее былъ вездѣ безпрепятственный.

Такимъ образомъ, черноморское войско обязано было содержать и, въ крайнемъ случаѣ, могло выставить до 6 т. конныхъ и 9 т. пѣшихъ, считая въ томъ числѣ прислугу и лошадей для 12-ти-орудійной батареи. Не правда ли, огромная вооруженная масса? Но только большинство этой массы худо ѣздило, дурно было одѣло и вооружено. Поэтому закубанцы, въ открытомъ полѣ, не слишкомъ боялись черноморскихъ наѣздниковъ и пренебрегали ружейнымъ огнемъ ихъ пѣхоты. Только одни пластуны были для нихъ страшны.

Начиная отъ впаденія въ Кубань Большой Лабы или, правильнѣе сказать, отъ поста Изряднаго Источника до Карачая тянулась болѣе чѣмъ на триста верстъ «Кубанская кордонная линія», входящая въ составъ праваго фланга Кавказской линіи. Она, подобно Черноморской кордонной линіи, состояла изъ укрѣпленій, станицъ и постовъ, съ тою только разницею, что посты были расположены не только на самой Кубани, но во множествѣ находились по дорогамъ, далеко позади этой рѣки. По крайней мѣрѣ такъ было до войны 1853—1856 годовъ, въ которое время мы и взглянемъ на эту часть Кавказской линіи.

Станицы, расположенныя по Кубанской линіи, принадлежали къ четыремъ бригадамъ: Кавказской, Кубанской, Ставропольской и Хоперской кавказскаго линейнаго войска. Эти станицы были Усть-Лабинская, Воронежская, Ладовская, Тифлисская, Казанская, Кавказская, Темижбекская, Григориполисская, Прочно-Окопская, Убѣжинская, Николаевская, Барсуковская, Невинномыская, Бѣломечетская и Баталпашинская.

Расположеніе, оборона и вооруженіе этихъ станицъ оставались въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ онѣ находились со времени своего основанія: то же стѣсненное до-нельзя, въ усадебномъ отношеніи, четыреугольное расположеніе; тотъ же валъ съ плетневой внутренней крутостью, обложенный колючкою, но только ровъ заросъ травой и изгладился отъ времени. Не измѣнилось и вооруженіе станицъ,—гдѣ было по два и одному орудію; а гдѣ и вовсе не было орудій. Притомъ орудія были на весьма дурныхъ крѣпостныхъ лафетахъ; не было тоже

и платформъ, отчего колеса лафетовъ, во время стрѣльбы, врѣзывались въ землю, и отъ этого стрѣльба дѣлалась затруднительною.

Между станицами, расположенными по Кубани, находилось по нѣскольку постовъ, число и величина которыхъ зависѣла отъ мѣстности. Чѣмъ мѣстность была пересѣченнѣе и закрытѣе, тѣмъ болѣе постовъ находилось на меньшемъ разстояніи, и тѣмъ сильнѣе были самые посты. А такъ какъ, по мѣрѣ приближенія Кубани къ главному хребту, берега этой рѣки становились пересѣченнѣе и лѣсистѣе, а потому и число постовъ увеличивалось.

Такихъ постовъ, собственно по Кубани, насчитывалось до семидесяти. Находящіеся же на нихъ казаки обязаны были, кромѣ конвоированія проѣзжающихъ, выставлять днемъ пикеты на возвышенныхъ мѣстахъ, а по ночамъ содержать секреты.

Но этимъ не ограничивалось охраненіе какъ самой Кубанской линіи, такъ и позади ея лежащей территоріи Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

На Кубанской линіи, независимо станицъ и постовъ, находились еще укрѣпленія: Усть-Лабинское, Почно-Окопское, Джугутинское и Хумаринское. Въ первомъ, находившемся на правомъ флангѣ линіи, сосредоточивались артиллерійскіе склады и запасы; въ Усть-Лабѣ было въ родѣ арсенала, потому что тамъ, въ случаѣ надобности, производились арсенальныя исправленія артиллеріи. Въ Прочномъ-Окопѣ имѣлъ свое пребываніе начальникъ праваго фланга Кавказской линіи; а потому въ этой крѣпости сосредоточивалось все управленіе. Что же касается Джугутинскаго и Хумаринскаго укрѣпленій, то они охраняли Кубанскую линію съ лѣваго фланга.

Территорія же Кавказской, Кубанской, Ставропольской и Хоперской бригадъ, лежащая позади Кубани, охранялась множествомъ внутреннихъ постовъ, расположенныхъ по разнымъ дорогамъ, въ особенности большое число постовъ находилось на почтовой дорогѣ между Ставрополемъ и Георгіевскомъ, какъ на главномъ сообщеніи съ Закавказьемъ. Такимъ образомъ большая часть казаковъ назначалась для отправленія собственно постовой службы. Остальные затѣмъ казаки, составляя станичные резервы, обязаны были скакать, по тревогѣ, на тѣ мѣста, гдѣ появлялся непріятель.

Несмотря на это, не только станицы, расположенныя по самой Кубани, но и лежащія позади этой рѣки, не вполнѣ были обезпечены отъ нечаяннаго нападенія закубанцевъ. Правда, такихъ открытыхъ нападеній большими партіями, каковыя были произведены закубанцами въ сороковыхъ годахъ на станицы: Васюринскую, Татарскую, Темнолѣсную, Воровсколѣсную и Бекешевскую, уже не повторялось; но за то

хищничество и разбои происходили зачастую какъ въ предѣлахъ Черноморіи, такъ и въ территоріи Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Съ 1840-го года начала возникать «Лабинская линія» постепеннымъ заселеніемъ казачьими станицами Большой Лабы и пространства между этою рѣкою и Кубанью, а равно возведеніемъ укрѣпленій и постовъ. Передъ войной 1853—56 годовъ, вотъ какія станицы входили въ составъ Лабинской казачьей бригады: Темиргаевская, Курганная, Родниковская, Лабинская, Владимірская и Зассовская на Большой Лабѣ; Петропавловская, Михайловская, Константиновская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская—между Лабой и Кубанью.

Независимо этого, кромѣ постовъ, расположенныхъ по дорогамъ, для обезпеченія сообщеній, находились укрѣпленія: Надеждинское, въ верховьяхъ Большаго Зеленчука, Каладжинское, съ постами Подольскимъ и Житомірскимъ—въ верхнихъ частяхъ Большой Лабы. Сверхъ того, было выстроено на Бѣлой въ 1852 году Бѣлорѣченское укрѣпленіе.

Несмотря на то, что на Лабинской линіи, кромѣ казаковъ-поселенцевъ, находилось постоянно не менѣе 6—8 батальоновъ и 2-хъ Донскихъ полковъ, съ пропорціональнымъ числомъ артиллеріи, но она находилась въ постоянно тревожномъ состояніи.

Хотя непріятель не нападалъ на хорошо укрѣпленныя и вооруженныя станицы, но безпрестанно безпокоилъ жителей, занимавшихся полевыми работами, угонялъ скотъ и захватывалъ въ плѣнъ. Поэтому хлѣбопашество, сѣнокошеніе, пастьба скота, заготовленіе строеваго лѣса и дровъ производились не иначе, какъ подъ прикрытіемъ войскъ. Даже сообщеніе между станицами и Кубанью совершалось не иначе, какъ съ конвоемъ.

Съ наступленіемъ же войны 1853—56 годовъ, Лабинская линія была въ столь печальномъ положеніи, что тотъ же графъ Евдокимовъ, который черезъ десять лѣтъ покорилъ Западный Кавказъ, предложилъ ее упразднить.

Но зато, съ прекращеніемъ Восточной войны, Лабинская линія начинаетъ быстро расширяться и крѣпнуть. Одновременно съ построеніемъ Майкопа и Псебая—штабъ-квартиръ Кубанскаго и Севастопольскаго полковъ и съ проложеніемъ просѣкъ черезъ лѣса, устраиваются на низовьяхъ Большой Лабы станицы: Тенгинская, Нижне-Лабинская и Некрасовская. Вслѣдъ же за тѣмъ возникають поселенія по Урупу и Зеленчукамъ, такъ что съ 1860 года все залабинское пространство уже является заселеннымъ казачьими станицами, почти въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ оно находится и въ настоящее время.

Обозрѣвъ нашу военно-административную дѣятельность на Запад-

номъ Кавказѣ со стороны Кубани, взглянемъ на наши предпріятія со стороны Чернаго моря.

Цѣль нашихъ дѣйствій со стороны Кубани заключалась сколько въ охраненіи нашихъ предѣловъ отъ хищническихъ вторженій закубанцевъ, столько и въ наказаніи ихъ за такія хищничества. Достиженіе же нашей цѣли со стороны моря состояло въ прекращеніи сношеній закубанцевъ съ турками.

Хотя по Адріанопольскому миру, заключенному въ 1829 году, Турція уступила Россіи весь восточный берегъ Чернаго моря, отъ Кубани до Поти, со всѣми находящимися на немъ крѣпостями, но Порта попрежнему не переставала вредно вліять на обитателей Западнаго Кавказа. Это происходило не только отъ религіозныхъ и политическихъ, но и коммерческихъ причинъ. Турки вели противузаконный торгъ людьми, и въ ихъ гаремахъ губили свою молодость не однѣ только магометанки, но и плѣнницы-христіанки.

Чтобы воспрепятствовать этому, было признано необходимымъ блокировать берега моря крейсерами Черноморскаго флота и занять укрѣпленіями всѣ значительные пункты Черноморскаго прибрежья.

Съ этою цѣлью съ 1834 года начинаетъ устраиваться «Черноморская береговая линія». Спустя же шесть лѣтъ, на берегу моря занимаются нашими войсками слѣдующіе укрѣпленные пункты: Анапа, Новороссійскъ, Кабардинское, Геленджикъ, Новотроицкое—на Пшадѣ, Михайловское — на Вуланѣ, Тенгинское — на Джубѣ, Вельяминовское — на Туапсѣ, Лазаревское—на Псекупсѣ, Головинское—на Шахѣ, Навагинское—на Сочѣ, Святаго Духа—на Мзымтѣ, Гагры—на Гагробшѣ, Пицунда, Бомборы, Сухумъ-Кале, Иллори, Редутъ-Кале и Поти—у впаденія Ріона въ море.

Черноморская береговая линія, имѣвшая протяженіе до 600 верстъ, дѣлилась на четыре отдѣленія. Первыя два находились въ землѣ шапсуговъ. Укрѣпленія третьяго были расположены на землѣ убыховъ и джигетовъ. Наконецъ, четвертое отдѣленіе составляли укрѣпленные пункты Абхазіи и Мингреліи. Начальники этихъ отдѣленій имѣли свое пребываніе въ Новороссійскѣ, Вельяминовскомъ, Навагинскомъ и Сухумъ-Кале. Начальникъ же всей Черноморской береговой линіи со штабомъ жилъ въ Керчи, откуда и управлялъ всей линіей.

Въ крѣпостяхъ, укрѣпленіяхъ и фортахъ этой линіи, изъ коихъ Анапа, Суджунъ-Кале (Новороссійскъ), Сухумъ-Кале, Редутъ-Кале и Поти были воздвигнуты еще турками, было расположено 14 Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ. Сверхъ того, въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ находилась команда Азовскихъ казаковъ, обязанная разъѣзжать на баркасахъ по берегу моря и рѣкамъ, въ него впадающимъ, и

слѣдить за турецкими кочермами, на которыхъ производилась противозаконная торговля невольницами.

Устройство и содержаніе Черноморской береговой линіи стоило много денегъ и людей.

По несуществованію между многими пунктами вовсе сухопутнаго сообщенія и по опасности отъ непріятеля, не только продовольственные и военные запасы, но матеріалы для постройки укрѣпленій и фортовъ доставлялись на судахъ Черноморскаго флота. Такъ камень и известь, потребные на сооруженіе стѣнъ, доставлялись изъ Керчи и Севастополя, несмотря на то, что они находились въ нѣсколькихъ десяткахъ или сотняхъ саженъ отъ сооружаемыхъ укрѣпленій. Не пользовались же на мѣстѣ этими матеріалами по невѣдѣнію о существованіи ихъ. Невѣдѣніе, какъ мнѣ кажется, происходило сколько отъ преувеличенной опасности, столько отъ нераспорядительности, а можетъ быть и отъ болѣе недостойныхъ причинъ и разсчетовъ.

Такъ какъ укрѣпленія и форты Черноморской береговой линіи воздвигались въ странѣ, до чрезмѣрности гористой и лѣсистой, гдѣ не существовало не только колесныхъ, но и вьючныхъ дорогъ, и притомъ посреди воинственнаго населенія, а потому занятіе такихъ пунктовъ и возведеніе на нихъ построекъ сопряжено было съ огромными издержками и потерями въ людяхъ. Въ особенности памятны намъ экспедиціи въ землѣ убыховъ, при построеніи укрѣпленій Головинскаго, Навагинскаго и Святаго Духа.

Но и заключенные въ укрѣпленіяхъ и фортахъ слабые гарнизоны должны были постоянно бороться какъ съ непріятелемъ, такъ и съ болѣзнями. Шапсугъ и убыхъ неустанно слѣдили за нашимъ солдатомъ и, за оградою, если не шашка, то пуля угрожала ему; а въ нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ и ограда не всегда защищала солдата отъ вражескихъ выстрѣловъ. Еще страшнѣе и гибельнѣе были лихорадки и цынга. Отъ этихъ болѣзней составъ гарнизона, въ продолженіе 3-хъ—4-хъ лѣтъ, или вымиралъ, или дѣлался неспособенъ къ дальнѣйшей службѣ, по причинѣ разрушенія организма отъ обструкціи и худосочія.

Добро бы, еслибъ, при такомъ печальномъ состояніи Черноморской береговой линіи, она достигала бы своей цѣли. Но на дѣлѣ и этого не видно было.

Противузаконная торговля людьми хотя не производилась такъ явно, какъ она совершалась до Адріанопольскаго мира, но все-таки она не была искорена до основанія, потому что турецкія кочермы являлись по-прежнему у кавказскихъ береговъ и продолжали сноситься съ горцами. Правда, въ этомъ нельзя было винить наше правительство;—оно сдѣлало все, что могло. Если же не было доказательствъ, обвиняющихъ мѣстную администрацію, то потому только, что не было особенно вопію-

щихъ злоупотребленій, клонящихся къ противодѣйствію, а все свалилось на суровость кавказской природы и бурливость Чернаго моря. При чемъ нельзя было не удивляться отвагѣ и предпріимчивости нашего непріятеля и турецкихъ контрабандистовъ.

Изъ этого оказывается, что Черноморская береговая линія была для Кавказа аномаліей въ военномъ отношеніи. И дѣйствительно, она была хронической болячкой, потому что губила много людей и требовала отъ правительства много денежныхъ средствъ.

И кто же создалъ эту аномалію или болячку? Тотъ, кто много сдѣлалъ полезнаго въ другихъ отношеніяхъ; — это былъ генералъ Вельяминовъ. Онъ былъ первый, который по возведеніи Абинскаго укрѣпленія проложилъ сообщеніе съ Кубани на Восточный берегъ Чернаго моря, и по его инціативѣ начали строиться тамъ укрѣпленія.

Такая аномалія существовала въ продолженіе 20-ти лѣтъ, и если бы не война 1853—1856 годовъ, то она существовала бы до окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа. Но противухристіанское вмѣшательство англичанъ и французовъ въ дѣла Турціи заставило насъ преждевременно уничтожить дорого стоившую, но безполезную Черноморскую береговую линію.

Въ апрѣлѣ 1854 года всѣ болѣзненно слабые гарнизоны укрѣпленій этой линіи были перевезены частію въ Мингрелію и Гурію, а частію въ Новороссійскъ, Анапу и Тамань; а вслѣдъ за тѣмъ послѣ бомбардированія и этихъ пунктовъ переведены въ Керчь или отправлены въ Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памятникъ въ честь побѣды русскихъ войскъ подъ Эчміадзиномъ.

Письмо инженеръ-поручика Ивана Компанейскаго генералу Аѳ. Ив. Карсовскому.

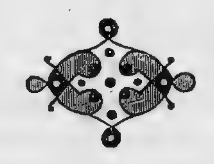
25 марта 1833 г. Кр. Эривань.

Въ незабвенный день 17 августа 1827 года, русскія воины бывъ подъ предводительствомъ вашего превосходительства стяжали себѣ вѣчную славу въ исторіи и удивили свѣтъ своимъ хладнокровнымъ мужествомъ, съ коимъ онѣ стрѣмились на избавленіе первопрестольнаго Эчміадзинскаго монастыря.

Въ благочестивой и признательной душѣ престарѣлаго патріарха Ефрема, тогда же родилась мысль передать сіе достопамятное событіе, изъ рода въ родъ, позднему потомству, сооруженіемъ приличнаго памятника, котораго составленіе плана поручено было мнѣ въ 1831 г., и въ семъ году удостоившагося высочайшаго утвержденія.

Вашему геройскому подвигу обязанъ существованіемъ сей мавзолей который и грядущимъ вѣкамъ будетъ свидѣтельствовать о той благодарности смиренныхъ богомольцевъ св. Эчміадзина, каковою преисполнены сердца ихъ нынѣ.

Благоговѣя къ особѣ вашего превосходительства осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что рисунокъ памятника, коего бытія вы есть единственный виновникъ, примитѣ благосклонно отъ того, который будетъ счастливъ, естьли дозволитѣ имѣноватся и проч.

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ ГЕОРГА-ФРИДРИХА ПАРРОТА

къ

императорамъ Александру I и Николаю I.

Въ штутгартскомъ журналѣ «Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart», въ книжкахъ за ноябрь и декабрь 1894 года и за январь и февраль текущаго года помѣщенъ Фридрихомъ Бинеманомъ цѣлый рядъ писемъ и памятныхъ записокъ Георга-Фридриха Паррота къ императорамъ Александру I и Николаю I. Парротъ родился въ Монбельярѣ 15 іюля 1767 года. Въ 1794 году онъ пріѣхалъ въ Лифляндію и въ 1800 году былъ назначенъ профессоромъ физики въ Дерптскій университетъ. Прослуживъ 25 лѣтъ, Парротъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ изъ Дерпта въ Петербургъ. Въ 1826 году былъ избранъ ординарнымъ академикомъ, а въ декабрѣ 1840 года почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Умеръ Парротъ въ 1852 г., по однимъ свѣдѣніямъ въ Петербургѣ, по другимъ въ Гельсингфорсѣ.

О выдающейся политической дѣятельности этого скромнаго профессора, въ особенности въ царствованіе императора Александра I, было до сихъ поръ очень мало извѣстно, а собранныя Бинеманомъ крайне интересныя письма Паррота появляются еще въ первый разъ въ печати (за исключеніемъ одной части письма отъ 16 декабря 1811 года, о Сперанскомъ, найденной нами въ напечатанномъ съ Высочайшаго соизволенія трудѣ барона Корфа «Жизнь графа Сперанскаго». Томъ II, глава 2, страница 13, изданіе 1861 г.).

Въ этомъ же трудѣ баронъ Корфъ описываетъ, какъ познакомился императоръ съ Парротомъ и слѣдующимъ образомъ характеризуетъ этого страстнаго поклонника Александра I:

«Въ 1802 году, при обозрѣніи Александромъ I Дерптскаго университета, профессоръ Парротъ, пользовавшійся европейскою извѣстностью какъ естествоиспытатель, привѣтствовалъ его замѣчательною рѣчью.

«Молодой монархъ, сочувствовавшій всему прекрасному, былъ особенно увлеченъ этимъ привѣтствіемъ и пожелалъ видѣть Паррота у себя. Личность оратора поддержала пріятное впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, и съ тѣхъ поръ Александръ, невѣдомо для массы, поставилъ дерптскаго профессора въ такія къ себѣ отношенія, которыя уничтожали все лежавшее между ними разстояніе. Парротъ не только былъ облеченъ правомъ, которымъ и пользовался очень часто, писать къ государю, въ тонѣ не подданнаго, а друга, о всемъ, что хотѣлъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ, не только получалъ отъ него самого письма самыя задушевныя, но и при каждомъ своемъ пріѣздѣ изъ Дерпта въ Петербургъ, шелъ прямо въ государевъ кабинетъ, гдѣ по цѣлымъ часамъ оставался наединѣ съ царственнымъ хозяиномъ. Александръ, со всѣмъ порывомъ свойственной ему сердечной теплоты, искалъ пріобрѣсти и упрочить дружбу скромнаго ученаго, не рѣдко довѣряя ему свои тайны, и государственныя, и частныя. Этотъ ученый былъ честный, умный, добросовѣстный нѣмецъ, конечно, болѣе мечтатель, нежели практикъ, но всегда правдивый и прямодушный; съ безкорыстіемъ и смѣлостію человѣка, ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее изъявленіе милости, онъ предался Александру всю душою, и, далекій отъ всякой лести, строгій въ своихъ приговорахъ какъ совѣсть, постепенно присвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора».

ГЛАВА I.

Изъ приведеннаго отзыва барона Корфа видно, какимъ расположеніемъ пользовался Парротъ у императора Александра I, почему нельзя удивляться ни затрогиваемымъ вопросамъ, ни тону писемъ Паррота, которыя приводимъ въ выдержкахъ.

Въ первомъ письмѣ Паррота отъ 28 марта 1805 г. видны усилія отклонить императора отъ ограниченія самодержавія.

«Ваше Величество—писалъ онъ—я не могу забыть о послѣднемъ долгомъ разговорѣ съ Вами. Съ одной стороны я заключилъ изъ него о чудномъ Вашемъ сердцѣ. Вы хотите отказаться отъ принадлежащей Вамъ неограниченной власти и дать Вашему народу представительное правленіе. Но съ другой стороны вижу, что идея Ваша принесетъ Вамъ и Вашему народу несчастье. Я Вамъ уже высказалъ свои взгляды по этому

поводу, но, опасаясь, что Вы ихъ забудете, спѣшу еще разъ изложить ихъ передъ Вами и теперь спокойно и съ большею обдуманностью, чѣмъ могъ это сдѣлать раньше, не будучи подготовленнымъ.

«Сначала я долженъ напомнить Вамъ о французской революціи. Вы полагаете, что если дадите Вашимъ русскимъ конституцію, они примутъ ее съ благодарностью и большаго требовать не будутъ. Но какія же у Васъ къ тому ручательства? Первая французская конституція была во многихъ отношеніяхъ прекрасна, но французъ не такъ постояненъ, какъ англичанинъ. Во Франціи перешли отъ конституціи, черезъ убійство добраго Людовика XVI, къ республикѣ. Наполеонъ, который только-что возложилъ на себя корону, будетъ царствовать съ полною безопасностью. Но за нимъ слава сотенъ побѣдъ, тщеславіе французовъ, и къ тому же онъ обладаетъ характеромъ разсчетливымъ, холоднымъ.

«Раскройте новую исторію и посмотрите, въ какихъ странахъ и при какихъ обстоятельствахъ установилась свобода. Въ фактахъ нужно искать политическую мудрость. Швейцарія объявила себя независимой въ началѣ четырнадцатаго столѣтія; но она обладала добродѣтелями среднихъ вѣковъ: бѣдность, отвращеніе къ роскоши и духъ рыцарства. Голландія сбросила съ себя иго Филиппа II въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Она, правда, уже была богата, но имѣла добродѣтель солиднаго купца, простоту нравовъ, не испорченныхъ еще окончательно. Англійская революція была ужасна по жестокостямъ и удалась лишь благодаря географическому положенію государства. Это было въ эпоху перехода англійскаго народа отъ варварства къ цивилизаціи, и народъ не имѣлъ добродѣтелей ни перваго, ни второй.

«Разсмотримъ теперь необходимые элементы представительнаго правленія, которые должны соединить свободу народа съ твердостью монархическаго правленія.

«Первый изъ этихъ элементовъ—это то, что во Франціи называется третьимъ сословіемъ, т. е. многочисленные города, населенные гражданами, которые управляются въ чертѣ своего города муниципалитетами, и земледѣльцы, принадлежащіе только самимъ себѣ и преимущественно привязанные къ землѣ. Есть у Васъ это третье сословіе въ Россіи? У Васъ есть города, но большая часть Вашего населенія состоитъ изъ рабовъ, которымъ ихъ господа, правда, дозволяютъ жить гдѣ угодно, лишь бы они платили оброкъ. Это не граждане. Они составляютъ собственность своихъ господъ, которые могутъ въ одинъ моментъ лишить ихъ благосостоянія, снова призвавъ подъ ярмо. Другое условіе: необходимы просвѣщеніе и заботы объ естественныхъ и духовныхъ нуждахъ народа, т. е. чтобы онъ самъ собою и постепенно развивался, и я убѣжденъ, что Россія придетъ къ тому не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, если вообще

это безтолковое скопище народовъ и народностей способно къ воспріятію представительнаго правленія.

«Не ослѣпляйтесь относительно Вашего просвѣщенія русскихъ. У народа нѣтъ еще даже самой необходимой цивилизаціи, и то, что называется просвѣщенной частью націи, представляетъ собой только по видимости просвѣщеніе, которое непосредственно явилось послѣ варварства и не способно къ мирному перевороту. Причиною тому Петръ I, онъ собственно совершенно уничтожилъ цивилизацію русскихъ. Екатерина II пошла по его стопамъ и оставила Вамъ, вмѣсто полированнаго гранита, покрытый лакомъ кусокъ дерева. Вы напротивъ избрали лучшую задачу—образовать основательно Вашъ народъ и внушить нравственность тѣмъ, которые имъ управляютъ. Стойко держитесь этого и не забывайте внутреннихъ недостатковъ русскихъ университетовъ, которые я разоблачилъ передъ Вами.

«Третій необходимый элементъ представительнаго правленія—уваженіе законовъ. Вы можетъ быть найдете такое уваженіе въ массѣ русскаго народа, но навѣрное не у тѣхъ, которые управляютъ, т. е. начиная министрами и кончая послѣднимъ писцомъ. Уваженіе законовъ можетъ выработаться лишь при стойкости самихъ законовъ. Въ Россіи источникъ законовъ—монархъ. Поэтому источникъ этотъ долженъ протекать медленно и по ограниченному руслу. Если онъ разольется въ ручейки и приметъ разныя направленія, то потеряетъ свой видъ и чистоту, и образуетъ изъ себя лишь болото. Вы хотите составить кодексъ русскихъ законовъ и имѣете къ тому хорошее основаніе. Дай Богъ, чтобы исполнилась цѣль—сдѣлать законъ уважаемымъ. Но Вы увидите, что когда Вы будете имѣть свое законодательство, еще потребуется время для дѣйствія, котораго Вы отъ него ожидаете. Уваженіе законовъ есть обычай, а обычай является не вдругъ.

«Все вышеописанное должно побудить Ваше Величество твердо охранять самодержавіе, не только какъ Ваше собственное наслѣдство, но и какъ наслѣдство Вашего народа. Да будетъ оно для Васъ священнымъ, пока требуетъ того необходимость. Между тѣмъ трудитесь, чтобы дать Вашему народу щедрое и основательное образованіе, которое просвѣщаетъ, но не ослѣпляетъ. Вы работаете не для славы, а для общаго блага. Поэтому довольствуйтесь тѣмъ, мой герой, чтобы дать Россіи счастіе, которое она способна воспринять въ Ваше царствованіе; потомки навѣрное отдадутъ Вамъ справедливость, если современники отказываютъ въ этомъ.

«Смотрите, мой Александръ, на это письмо, какъ на завѣщаніе. Кто знаетъ, когда я буду имѣть счастіе Васъ снова увидѣть.

Весь Вашъ Парротъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ къ императору Александру I отъ 15 мая Парротъ писалъ:

Ваше Величество!

«Вы знаете лучше меня о происходящей передъ Вашими глазами сильной борьбѣ между добрыми и злыми. Съ тѣхъ поръ какъ Вы вступили на престолъ, выиграли ли Вы хоть что-нибудь? Я не хочу сказать, уничтожены ли, но ослаблены ли хотя враги добрыхъ? Нѣтъ, они сильнѣе, чѣмъ въ день восшествія Вашего на престолъ. Всѣ Ваши друзья замѣчаютъ перевѣсъ противной партіи и начинаютъ колебаться. Вы пропустили единственное средство для примиренія? Вы единственный разъ дѣйствовали необдуманно? Какъ должна страдать Ваша отзывчивая къ добру душа.

«Четырехлѣтній опытъ долженъ Вамъ выяснить Ваши истинные интересы. Призовите геній Петра I; поговорите какъ властелинъ съ вельможами, которые не уважаютъ Васъ, ибо не боятся. Покажите твердость,— это единственное средство, чтобы снова поднять мужество колеблющихся Вашихъ друзей Новосильцева, Клингера [1])!

«Мой Александръ! мой герой! Вы должны узнать въ этихъ совѣтахъ Вашего истиннаго друга, Вашего Паррота, который такъ охотно отдалъ бы свою жизнь за Васъ. Я не честолюбивъ и твердо рѣшился никогда не промѣнивать моего счастливаго положенія на политическое поприще. Это должно убѣдить Васъ въ честности моихъ намѣреній. Если Вы не будете имѣть успѣха, я первый стану жертвою мести вельможъ. Ахъ! еслибъ я могъ Васъ теперь прижать къ моему сердцу! Позвольте мнѣ возможно скорѣе повидать Васъ».

Желаніе Паррота исполнилось лишь 27-го мая. Сначала было назначено свиданіе на 26-ое, но не состоялось. Это видно изъ двухъ, написанныхъ Александромъ I, карандашемъ, записочекъ, заклеенныхъ облатками.

«Des affaires, qui me surviennent inopinément, causées par le départ de Novossiltzof m'obligent de différer notre entrevue jusqu'à demain après le dîner, à la même heure. Tout à vous».

«Pouvez-vous me croire assez déraisonnable pour vous en vouloir pour une chose si insignifiante? Je suis faché de n'avoir pas vu hier vous rassurer, ayant été à Pavlowsky. Venez aujourd'hui à 7 heures et 1/2 Tout à vous».

После свиданія съ императоромъ, Парротъ написалъ слѣдующую записку:

---

1) Клингеръ, Фридрихъ-Максимиліанъ, служилъ въ русской военной службѣ при Екатеринѣ II, Павлѣ и Александрѣ I; былъ нѣкоторое время ректоромъ Дерптскаго университета; нѣмецкій поэтъ, въ его произведеніяхъ, даже самыхъ лучшихъ, обнаруживается мрачный взглядъ на жизнь.

*

«Ваше Величество! Въ одномъ изъ моихъ прежнихъ писемъ я говорилъ Вамъ, что борьба, которую Вы предприняли противъ лихоимства и злонамѣренности, еще не обратилась въ Вашу пользу. Позвольте мнѣ высказаться въ этомъ отношеніи нѣсколько подробнѣе. Географическое положеніе Вашей столицы поставило Васъ на самый конечный пунктъ Россіи и совершенно отдѣлило отъ внутренней Имперіи. Находясь въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ Петербургѣ, я все время трудился, чтобы проникнуть, какъ наблюдатель, во внутрь страны. Только изъ чувства любви къ Вамъ, считаю своимъ долгомъ дать Вамъ прочесть нѣсколько страницъ изъ книги іероглифовъ, заключающихъ въ себѣ судьбу Вашего государства, книги, отрывки которой можно лишь найти на нравственной внѣшности государства и тѣхъ, которые призваны Вами къ управленію. Признаки, по которымъ я узналъ перевѣсъ вельможъ, суть: Ваши гуманныя намѣренія, общественное мнѣніе и медленное, но рѣзко выдѣляющееся отступленіе Вашихъ друзей.

«Съ тѣхъ поръ, какъ Ваши заботы о народномъ благѣ стали извѣстны, со всѣхъ уголковъ государства начали являться люди, благоговѣющіе передъ Вашими принципами; со всѣхъ сторонъ появились предложенія освобожденія крестьянъ массой или частями. Правда, убѣжденія и тщеславіе, любовь къ общественному благу и честолюбіе шли рука объ руку, но все-таки старанія увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Теперь эти идеи болѣе не проявляются. Вы уже болѣе не получаете просьбъ въ этомъ смыслѣ.

«Дѣло, которое Вы защищаете, не существуетъ болѣе. Почему? Потому что Вы его больше собственно не защищаете. Не изъ отсутствія желанія,—Ваше сердце осталось такимъ же,—но за неимѣніемъ поддержки. Сопротивленіе, оказанное мнѣ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, сдѣлано не изъ убѣжденія, а изъ боязни. Я не говорю уже о людяхъ малодушныхъ, а о тѣхъ, которые любятъ Васъ, какъ равно и общественное благо, и имъ внушаетъ страхъ оппозиція. Ваша партія, Ваше Величество—партія разума и гуманности, расползается по всѣмъ швамъ, она уже приравнялась къ партіи противниковъ. При другихъ обстоятельствахъ эти сближенія имѣли бы хорошее значеніе, но въ данномъ случаѣ они предсказываютъ паденіе хорошаго дѣла, потому что уступки не обоюдны.

«Императрица Екатерина II, умѣвшая управлять мужчинами, боролась съ вельможами и подчинила себѣ ихъ всѣхъ. Она увеличила, такъ-называемое, служилое дворянство. Ея армія молилась на нее, какъ на женщину, а равно и потому, что повелѣвалась ея же креатурами, которыхъ она энергично поддерживала. Она выбирала своихъ фаворитовъ изъ неизвѣстныхъ фамилій и этимъ уничтожила ужасныхъ бояръ, которыхъ Петръ могъ лишь поприжать. Но ея намѣренія, слишкомъ

личныя, могли имѣть успѣхъ только для нея самой, а не для дѣла гуманности, и Вамъ оставила она гидру еще болѣе сильную, чѣмъ та, съ которой она боролась: ея креатуры и сыновья ихъ сдѣлались боярами. Павелъ I далъ слишкомъ большую силу военнымъ — и теперь Вы, съ Вашими принципами и пламенной любовью къ человѣчеству, стоите предъ общественнымъ мнѣніемъ и недовольной арміей лишь съ единственнымъ орудіемъ, исключая Вашу особу, состоящимъ изъ трехъ или четырехъ человѣкъ, матеріальный умъ которыхъ никогда не будетъ имѣть возможности достичь Вашей дѣйствительной поддержки.

«Какъ я страдаю, рисуя эту картину; но она вышла бы еще ужаснѣе, еслибы прибавить имѣющіяся на лицо темныя краски. Но долженъ ли я молчать, видя, какъ постоянно примѣняются палліативы и часто, чтобы скорѣе Васъ успокоить, чѣмъ уничтожить зло?

«Я говорилъ съ Вами объ арміи. Ваши генералъ-адъютанты, старающіеся быть больше на глазахъ у Васъ въ качествѣ элегантныхъ и дрессированныхъ автоматовъ, чѣмъ заниматься солдатами, разумѣется, остерегутся раскрыть передъ Вами ужасный духъ, царящій въ военномъ сословіи.

«Они Вамъ не скажутъ, что система экзерцицій и парадовъ, введенная Павломъ I, возбуждаетъ неудовольствіе. При томъ самодержавномъ монархѣ, по крайней мѣрѣ, офицеры питали больше страха, чѣмъ солдаты, теперь же происходитъ обратное: офицеръ тиранитъ солдата изъ-за мелочей. И все это частью падаетъ и на Васъ, въ особенности потому, что солдатъ думаетъ, что все, что дѣлаетъ его несчастнымъ, исходитъ отъ Васъ. Не ошибитесь, Ваше Величество, беря примѣръ съ Фридриха II. Этотъ великій монархъ занимался, конечно, формой и экзерциціями, но онъ создалъ новую тактику, которая сдѣлалась теперь достояніемъ всѣхъ державъ. Но немного больше, немного меньше дрессировки, это теперь не рѣшаетъ участи государства, другое дѣло – духъ солдата: пусть онъ будетъ гордиться тѣмъ, что онъ русскій, обожать своего монарха и любить свою родину. Тогда дисциплина и все прочее придутъ сами собою, и онъ будетъ побѣждать непріятеля безъ этой системы битья, которая лишь обезсиливаетъ и ожесточаетъ людей».

Далѣе Парротъ взываетъ къ любви императора ко всему доброму и хорошему:

«Это Ваши внутреннія средства для искорененія зла,—пишетъ онъ.—Посмотрите теперь на окружающихъ Васъ. Я раздѣляю ихъ на три категоріи. Первая—это молодые люди, которые только и думаютъ о томъ, чтобы занимать Васъ и извлекать для себя пользу. Вы чувствуете, что они недостойны Васъ. Борьба ихъ противъ добра можетъ быть еще сильнѣе, чѣмъ просвѣщенныхъ аристократовъ, ибо они не

сознаютъ, какъ сильно стремятся къ злому. Вторая категорія—Ваши приближенные. Что касается ихъ характера, то Вашъ выборъ хорошъ, потому что при этомъ Вами руководило Ваше сердце; но все-таки они не стоятъ на высотѣ призванія; они преклоняются передъ противникомъ изъ страха все потерять. И Вы сами создали эту слабость, ибо недостаточно ихъ поддерживали. Третья категорія—небольшая кучка безупречныхъ людей, которыхъ Вы рѣдко видаете; къ нимъ рѣшаюсь причислить и себя. Во главѣ этихъ безупречныхъ людей стоитъ Клингеръ, который, между всѣми, самый необходимый для Васъ по своему сильному характеру—такого другаго нѣтъ при Дворѣ. Я его знаю два года по службѣ и восемь мѣсяцевъ наблюдаю въ частной жизни. Пусть онъ будетъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ Вы постоянно видите, пусть для него всегда будутъ открыты Ваши двери».

Затѣмъ Парротъ совѣтуетъ государю учредить коммиссію прошеній, говоритъ о необходимости посѣщенія общественныхъ учрежденій, госпиталей, казармъ, тюрьмъ и предлагаетъ предпринять путешествіе по Россіи. «Я имѣю при этомъ въ виду двоякое намѣреніе,—пишетъ онъ.—Во-первыхъ, Вы покажетесь своему народу и, во-вторыхъ, на возвратномъ пути посѣтите Москву. Вы покажете себя древней столицѣ, въ которой находится ядро высшаго дворянства. Покажитесь тамъ во всемъ блескѣ! Этимъ Вы ослабите ту оппозицію, которая тамъ образовала главный очагъ».

11-го іюня государь первый разъ посѣтилъ больницы столицы, что крайне обрадовало Паррота.

По словамъ Бинемана, Парротъ обращалъ свое вниманіе также и на внѣшнее политическое положеніе Россіи и излагалъ по этому поводу свои мнѣнія передъ государемъ. Парротъ полагалъ, что Россіи не слѣдовало вступать въ войну третьей коалиціи. И государь былъ такого же мнѣнія, но министры единогласно возстали противъ этого. Императоръ устроилъ свиданіе Паррота съ управляющимъ иностранными дѣлами, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, чтобы расположить его, а черезъ него и другихъ министровъ къ нейтралитету. Но Парроту не удалось убѣдить Чарторыйскаго, и государь уступилъ министрамъ.

Онъ говорилъ Парроту: «Россія и человѣчество ожидаютъ отъ меня, чтобы я избавилъ ихъ отъ тирана Европы. Я молодъ, могу ли я взять на себя отвѣтственность не пожелать этого?»

Написанное Парротомъ слѣдующее письмо было изъ Дерпта, отъ 10-го августа 1805 года, при немъ Парротъ приложилъ записку «Взглядъ на настоящее положеніе Европы», въ которой высказываетъ, что при войнѣ съ Бонапартомъ изъ континентальныхъ державъ можно разсчитывать только на Россію и Австрію. Пруссія въ состояніи предложить лишь содержаніе арміи и территорію. Но и Австрія не надежна;

если Пруссія не будетъ за Францію, то Бонапартъ заключитъ миръ съ Австріей, обѣщая ей Силезію и Лаузицъ, и австрійскій кабинетъ, несмотря на высказанную горячую дружбу къ Россіи, пойдетъ противъ Пруссіи.

Далѣе Парротъ разсматриваетъ подробно положеніе Пруссіи и излагаетъ оборонительный планъ для Россіи и Австріи противъ Франціи и Пруссіи.

4-го сентября Парротъ послалъ императору, отправлявшемуся на театръ военныхъ дѣйствій, прощальное письмо.

14-го декабря радовался его возвращенію и просилъ его разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ.

Разрѣшеніе пришло, и Парротъ въ первыхъ числахъ января 1806 г. отправился въ Петербургъ. По мнѣнію Бинемана, сюда относится найденная у Паррота записка императора Александра I:

«Vous sachant arrivé, je m'empresse de vous dire que j'acquiesse avec plaisir à votre arrangement et vous attends chez moi Lundy à 6 heures après dîner. Je me réjouis bien sincèrement de vous revoir, et votre amitié m'est et me sera toujours chère. Tout à vous.

Samedy soir

Alexandre».

При разговорѣ о несчастной кампаніи, государь выразилъ Парроту, что при Аустерлицѣ онъ думалъ о немъ, что онъ вспомнилъ его предостереженія, когда увидѣлъ, что измѣна Австріи готовитъ ему пораженіе.

Разумѣется, эти слова государя не могли не быть пріятны для самолюбія Паррота, о чемъ онъ и высказался въ одномъ изъ своихъ слѣдующихъ писемъ.

ГЛАВА II.

Послѣ битвы подъ Прейсишъ-Эйлау 27 января, императоръ Александръ I въ мартѣ выѣхалъ изъ С-Петербурга, чтобъ на мѣстѣ удостовѣриться въ правильности обвиненія противъ Беннигсена и возстановить порядокъ въ главной квартирѣ. Въ маѣ возобновились военныя дѣйствія, и Наполеонъ взялъ Данцигъ. Беннигсенъ одержалъ надъ нимъ побѣду подъ Гутштатомъ и Гейльсбергомъ, но потомъ разбитъ былъ подъ Фридландомъ, отступилъ къ Тильзиту и перешелъ Нѣманъ. Заключено было перемиріе, и произошло свиданіе Наполеона съ Александромъ I въ Тильзитѣ 13 іюня, на коемъ они сблизились.

25 іюня 1807 года былъ подписанъ Тильзитскій миръ.

9 іюня 1807 года Парротъ писалъ изъ Дерпта Императору Александру I, не зная еще о постигшемъ несчастіи Россію подъ Фридландомъ, именно въ моментъ начала переговора о перемиріи.

Ваше Величество!

«Данцигъ палъ, а съ нимъ вмѣстѣ и надежда на окончаніе кампаніи въ это лѣто. Я очень взволнованъ, и не потому только, что продолжатся ужасы этой губительной войны, но преимущественно въ виду того, что паденіе Данцига послужитъ успѣхомъ мерзкой политикѣ лондонскаго кабинета, о чемъ я такъ часто говорилъ Вамъ и князю Чарторыйскому. Вотъ плодъ союза съ торгашескимъ министерствомъ. Вы, Ваше Величество, боретесь, чтобы спасти Европу, которую Англія совсѣмъ развращаетъ. Вы сражаетесь, чтобы защитить Ваше государство отъ врага, котораго континентальныя войны, вызванныя Англіею, ужасаютъ всю Европу. Вы въ сущности сражаетесь за Англію. И въ рѣшительный моментъ, когда отъ доброй воли этого торгашескаго народа будетъ зависѣть дать Вамъ возможность уничтожить общаго врага, Англія оставитъ общее дѣло, пошлетъ три несчастныхъ суденышка въ Данцигъ, чтобъ быть свидѣтелемъ взятія этого города; выведетъ свой флотъ изъ Босфора, чтобы дать возможность 80 т. туркамъ направиться изъ Азіи въ Европу противъ Россіи; сама же сдѣлается господствующею въ Средиземномъ морѣ. Говорятъ, что англійскій флотъ не можетъ проникнуть въ Балтійское море, потому что Бонапартъ запретилъ Даніи пропускать его. Но когда въ интересахъ Англіи было нанести оскорбленіе Россіи, Швеціи и Даніи, прошелъ же Нельсонъ черезъ Зундъ и проникъ до Копенгагена!

«Уже нынѣшнею зимою разоблачена была лукавая политика Англіи, когда она отказала Швеціи въ субсидіи на перевозку войска на континентъ. Если бы Швеція могла дѣйствовать какъ хотѣла, то 30 т. ея войска высадилось бы въ Данцигѣ и соединилось бы съ гарнизономъ; съ успѣхомъ начало бы кампанію за Вислой, отрѣзало бы всѣ сношенія Бонапарта съ Берлиномъ и, наконецъ, могло бы схватиться съ нимъ на Вислѣ, между тѣмъ какъ Ваша армія напала бы на него съ фронта. Только этотъ единственный планъ могъ бы окончить войну въ маѣ и отдать въ Ваши руки Турцію. Но Англія не желаетъ окончанія войны. Въ ея интересахъ, чтобы Вы были всегда на чеку, по отношенію къ французской арміи, чтобы продать Вамъ свою помощь за торговый договоръ, который былъ бы для Россіи еще губительнѣе, чѣмъ предыдущій. Также въ ея интересахъ допустить разгромъ Германіи и Пруссіи, чтобы всѣ фабрики этой промышленной націи пали и они принуждены были бы все покупать въ Англіи. Достоинство Россіи запрещаетъ ей заключеніе какого бы то ни было торговаго договора съ Англіей. Также невозможно

и допустить Англію въ Балтійское море. Обстоятельства могутъ такъ сложиться, что англійскій флотъ въ состояніи будетъ угрожать Кронштадту и Ревелю.

«Данцигъ какъ крѣпость ничего не значитъ, но какъ гавань, да еще въ распоряженіи большой французской арміи, имѣетъ очень большое значеніе. Во власти Бонапарта уже находятся на берегу Балтійскаго моря Эльбингъ, Штетинъ, Ростокъ, Любекъ и Гамбургъ. Данцигъ одна изъ главныхъ въ этомъ ряду и дастъ ему средства завладѣть и остальными и получить непосредственный источникъ помощи и свободное сношеніе моремъ со всею Германіею. Гавань Данцига полна купеческими кораблями, между которыми есть и довольно большіе. Бонапартъ составитъ изъ маленькихъ кораблей военную флотилію, а изъ большихъ—фрегаты и вооружитъ ихъ пушками изъ самаго Данцига; къ тому же во французской арміи есть много солдатъ изъ матросовъ, и Вы увидите, какъ въ нѣсколько недѣль появится на Балтійскомъ морѣ французскій флотъ, который будетъ мѣшать русскому. Предупредите этотъ планъ при посредствѣ Вашего флота. Направьте всѣ корабли изъ шхеръ къ Данцигу и подкрѣпите ихъ всѣми линейными кораблями изъ Кронштадта и Ревеля. Хорошо, если бы устье Вислы, прежде чѣмъ французы могли бы тамъ укрѣпиться, взято было штурмомъ, чтобы сжечь всѣ купеческіе корабли. Отвлеките вниманіе врага отъ того военнаго пункта дѣйствительнымъ или мнимымъ маневромъ большой арміи.

«Не пренебрегайте, Ваше Величество, моими указаніями. Хотя политика не мой удѣлъ, но опытъ доказалъ Вамъ, что мои разсчеты хотя и просты, но основательны.

9 іюня 1807 года. Вашъ Парротъ».

Будучи на ревизіи учебнаго округа, Парротъ узналъ о сраженіи подъ Фридландомъ и Тильзитскомъ мирѣ только спустя нѣкоторое время. Возвратясь въ Ригу, онъ имѣлъ свиданіе съ бывшимъ тамъ проѣздомъ государемъ и узналъ отъ него лично объ условіяхъ мира и союза между обоими государствами. Онъ не вѣрилъ въ продолжительность мира и боялся, что къ будущей непремѣнной войнѣ Россія будетъ также не подготовлена, какъ была въ несчастливо закончившейся.

Въ письмѣ отъ $^{15}|_{27}$ іюля Парротъ указываетъ на подкупность и лихоимство русскихъ оффиціальныхъ лицъ.

«Въ бытность Вашу въ Ригѣ, Ваше Величество видѣли, какъ горѣлъ запасный магазинъ съ мукой, онъ былъ подожженъ изъ боязни, что узнаютъ о качествѣ муки гнилой, вонючей и смѣшанной съ грязью. При Вашемъ проѣздѣ, раненые кричали: «дай хлѣба, хлѣба», но «ура» другихъ солдатъ заглушало этотъ крикъ. Одинъ раненый офицеръ хотѣлъ говорить съ Вами, но его оттерли отъ Васъ.

«Да, лихоимство и испорченность такъ глубоко вкоренились въ людей, что честный человѣкъ сомнѣвается найти справедливость даже у трона монарха, который лично такъ честенъ. По дошедшимъ до Васъ слухамъ о творившихся безобразіяхъ, Вы приняли мѣры, чтобы виновные были наказаны, но этимъ Вы ничего не достигнете.

«Вы забыли самый важный пунктъ. Виновные великіе міра сего должны быть наказываемы безъ всякаго слѣдствія. Вспомните Ваши собственныя слова:

«Я хотѣлъ быть строгъ. Я узналъ о такихъ вещахъ, которыя должны быть наказаны. Но когда я предалъ виновныхъ суду, они вышли бѣлѣе снѣга».

«И Вы думаете, что только подкупность судей тому причиною? Нѣтъ, истинная причина та, что малаго разбойника всегда схватятъ на мѣстѣ преступленія, а большаго не тронутъ, большихъ разбойниковъ всѣ боятся. Доказано, что Ваша армія терпѣла отъ всевозможныхъ недостатковъ и злоупотребленій. Вѣрно также, что въ Россіи существуетъ законъ, по которому начальники лично отвѣтственны за все, что происходитъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ. Хотя вина ихъ лишь въ лѣности и неспособности, но если дѣло касается благосостоянія государства, то на это нужно смотрѣть, какъ на преступленія.

«Увѣряютъ, что Вы главнокомандующимъ сдѣлали *** и что онъ будетъ предсѣдательствовать въ судѣ, гдѣ должно происходить разслѣдованіе преступленій интендантскихъ чиновниковъ. Армія знаетъ о его неспособности, народъ знаетъ его грязное корыстолюбіе, Вы знаете, какія дурныя услуги оказалъ онъ при Аустерлицѣ и Пултускѣ, въ трехъ губерніяхъ онъ извѣстенъ своей тираніей. Его единственная заслуга въ томъ, что онъ строгъ въ мелочахъ».

Далѣе Парротъ старается убѣдить императора не придерживаться старшинства при назначеніяхъ и ссылается на императрицу Екатерину II, «которая по крайней мѣрѣ правила твердо государствомъ при помощи вызванныхъ ею къ дѣятельности до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ лицъ», и на Наполеона, «который съ людьми, выведенными имъ изъ ничего, побѣдилъ Европу». Затѣмъ Парротъ сожалѣетъ о Беннигсенѣ, «который хотя и сдѣлалъ большія ошибки, но въ то же время одерживалъ и побѣды, Беннигсенъ былъ привязанъ къ Вамъ, но Вы строго съ нимъ обошлись и возвысили Бугсгевдена. Положимъ, если бы Вы его поддержали, то противная партія назвала бы это упрямствомъ. Но эта партія могла ли предложить Вамъ хотя бы одного кандидата? Сказать по правдѣ, я желалъ бы, чтобы Васъ считали упрямымъ; Васъ бы тогда боялись, а это необходимо».

Затѣмъ Парротъ переходитъ снова къ внѣшней политикѣ, онъ не

вѣритъ въ примиреніе Наполеона и совѣтуетъ императору быть осторожнымъ и въ особенности остерегаться французскихъ шпіоновъ:

«Вы мнѣ говорили о намѣреніяхъ Наполеона относительно Турціи. Я отлично понимаю Бонапарта. Онъ хочетъ уничтожить своего вѣрнаго союзника, такъ хорошо служившаго ему въ настоящей кампаніи, отвлекши 60 т. русскихъ солдатъ, для того чтобы быть Вашимъ сосѣдомъ съ двухъ сторонъ, въ особенности же съ самой слабой, и совершенно захватить Австрію». Однако Парротъ совѣта никакого не даетъ, ссылаясь на свою неопытность въ политическихъ дѣлахъ, но считаетъ необходимымъ реорганизацію русской арміи, которой скоро придется драться съ французами, а можетъ быть съ французами и англичанами вмѣстѣ.

«Вамъ предстоитъ работа громадная, Ваше вниманіе должно быть обращено на внутреннее управленіе. Такъ же и внѣшнее отношеніе требуетъ значительнаго напряженія и труда.

«Вы должны употребить сверхъестественныя усилія, тѣмъ болѣе, что у Васъ нѣтъ настоящихъ сотрудниковъ», а поэтому Парротъ предлагаетъ императору, чтобы онъ приблизилъ его къ себѣ: «сдѣлайте меня Вашимъ секретаремъ»,—говоритъ онъ,—«чтобъ я могъ помогать въ Вашихъ трудахъ, подготовлять Вамъ ежедневную работу, привести и поддерживать въ строгомъ порядкѣ Вашу канцелярію. Я не требую за это ни большаго содержанія, ни орденовъ, ни чиновъ, но я люблю Васъ больше самого себя, моего семейства, моихъ друзей и хотя многое потерялъ бы съ переходомъ въ Петербургъ, но я рѣшился на это. Отвѣтьте просто: да или нѣтъ?

«Взволнованный оканчиваю это письмо. Чувствую тяжесть задачи, которую беру на себя, но жить вблизи Васъ для меня святое дѣло».

Предложеніе Паррота было однако отклонено императоромъ Александромъ I, потому—говоритъ Бинеманъ,—что ему неудобно было имѣть вблизи себя противника союза съ Наполеономъ.

15 сентября 1808 года Александръ I, отправляясь на конгрессъ въ Эрфуртъ, былъ проѣздомъ въ Дерптѣ, но Парротъ не имѣлъ случая съ нимъ разговаривать, однако императоръ черезъ одно приближенное лицо передалъ Парроту письмо. Къ несчастью, это письмо, какъ и всѣ важныя письма отъ государя, Парротъ уничтожилъ не задолго до своей смерти; только изъ отвѣта Паррота видно, что императоръ отправлялся на конгрессъ, полный надеждъ и съ гордымъ сознаніемъ превосходства своихъ намѣреній.

Въ августѣ 1810 года Парротъ, намѣреваясь послать государю цѣлую серію политико-финансовыхъ записокъ, предварительно хотѣлъ узнать, какъ примутъ ихъ въ Петербургѣ. $^{3}/_{15}$ сентября онъ получилъ слѣдующую записку:

«Вы совершенно заблуждаетесь, полагая, что я почему-либо не-

доволенъ Вами. Какая же могла быть причина съ моей стороны? Если Вы приписываете мое молчаніе недовольству, Вы забываете, что мнѣ невозможно вести съ Вами правильную переписку. Масса занятій поглощаетъ все мое время. Уже давно жду я отъ Васъ записокъ о финансахъ, о которыхъ вы говорили въ прежнихъ вашихъ письмахъ. Пожалуйста, не спрашивайте меня никогда о позволеніи присылать полезныя записки, потому что я получаю ихъ съ большой радостью и интересомъ. Только дайте кому-нибудь ихъ переписать, Вашъ почеркъ многіе знаютъ, и это мнѣ мѣшаетъ приводить ихъ тотчасъ же въ исполненіе.

Весь Вашъ.

Парротъ самъ отправился въ октябрѣ въ Петербургъ, чтобы передать лично свои записки государю. Вслѣдствіе интимнаго разговора его съ Александромъ I, предметомъ котораго была предстоящая война, онъ составилъ слѣдующую записку, помѣченную $^{15}/_{27}$ октября. Приводимъ ее вкратцѣ.

Петербургъ, 1810 года, октября 15-го

Mémoire secret, très secret.

1. Миръ съ Портой.

Не требовать Валахіи. Удовольствоваться лишь устьями Дуная до Прута. Валахія безполезна и ухудшитъ отношенія къ Австріи. Время, которое выиграется для возвращенія арміи и вліяніе мира на состояніе духа, важнѣе Валахіи. Отказаться отъ всякой контрибуціи, вѣдь Порта все равно не можетъ ничего дать.

2. Миръ съ Персіей.

Эта война противъ Вашихъ принциповъ. Заключайте миръ и отдайте назадъ, если того потребуетъ необходимость, все завоеванное Вами и Вашими предшественниками. Заключайте оба мира одновременно. Спѣшите. Французское министерство можетъ и хочетъ помѣшать тому и другому.

3. Взглядъ на сосѣднія государства на случай войны.

Польша для Васъ очень важный пунктъ. Какъ только Франція объявитъ войну, тотчасъ объявите Польшу независимою, какъ она была до послѣдняго раздѣла. Пусть Ваша главная армія вступитъ въ Польшу. Это заставитъ Наполеона направить свои войска къ этому пункту, для

Васъ самому благопріятному, вмѣсто Кіева и близъ лежащихъ провинцій, богатыхъ всѣмъ тѣмъ, что ему нужно.

Далѣе идутъ совѣты относительно Австріи, Швеціи, Норвегіи и Даніи. Интересенъ послѣдній пунктъ, въ которомъ выражены слѣдующіе взгляды. «Оставьте совершенно планъ о крѣпостяхъ, разсматривайте войну сообразно духу Вашего народа и Вашего врага; чтобы успѣшно вести войну, Вамъ нужно имѣть 400 тысячъ войска: 100 тысячъ противъ Австріи, а остальныя 300 тысячъ противъ главнаго врага. Послѣднія должны состоять изъ главнаго корпуса въ 200 тысячъ человѣкъ, которыхъ Вы должны назвать главной арміей, чтобы показать, что хотите рѣшить войну блестящими ударами. Въ ней должна быть сильная артиллерія, но пускать ее въ сраженіе лишь въ самомъ рѣшительномъ и благопріятномъ случаѣ. Не бойтесь жертвовать уступкой непріятелю родной земли, упражняйте русскія войска въ отступленіи. Другія сто тысячъ должны быть раздѣлены на 10 полудивизій, состоящихъ преимущественно изъ легкой кавалеріи. Эти полудивизіи будутъ со всѣхъ сторонъ безпокоить непріятеля и заставлять его голодать. Такая система веденія войны для Васъ очень выгодна, такъ какъ между Вашими генералами больше рубакъ, чѣмъ настоящихъ полководцевъ. Необходимо отдѣлить ихъ другъ отъ друга и тѣмъ возбудить между ними соревнованіе. Вотъ мои мысли о политическихъ и военныхъ дѣйствіяхъ на случай войны съ Франціей. Но Вы удивитесь тому, что я Вамъ еще предложу; въ моментъ Вашего отъѣзда въ армію, Вы должны объявить императрицу регентшею на все время Вашего отсутствія. Это объявленіе должно случиться какъ бы вдругъ, а до тѣхъ поръ оставаться въ непроницаемой тайнѣ. На мое молчаніе Вы, разумѣется, можете разсчитывать всецѣло».

Въ концѣ 1811 года Парротъ прибылъ въ Петербургъ, но ему трудно было добиться свиданія съ императоромъ; государь былъ слишкомъ занятъ приготовленіями къ приближавшейся войнѣ съ Франціей, и кромѣ того душевное его состояніе было ужасное. Врагамъ Сперанскаго удалось возбудить противъ него подозрѣніе государя. Наконецъ, они дошли до того, что обвинили Сперанскаго въ государственной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона. $^{15}|_{27}$ декабря вечеромъ государь послалъ за Парротомъ, бросился ему на шею и просилъ совѣта и утѣшенія. Бесѣда продолжалась до полуночи.

Вотъ что писалъ Парротъ на другой день послѣ свиданія съ императоромъ: «11 часовъ ночи, кругомъ тишина. Мнѣ предстоитъ писать моему любимому обожаемому Александру, съ которымъ я не хотѣлъ бы никогда разстаться. Уже прошелъ день съ того момента какъ мы разстались, и я только теперь въ состояніи Вамъ отвѣчать. Я былъ счастливъ, что между нами возстановился миръ, который затемнился было какимъ-то облакомъ. О, мой Александръ! Намъ обоимъ необходимъ этотъ миръ.

Да я представлю потомкамъ въ настоящемъ свѣтѣ моего императора [1]).

«Примите отъ меня въ этотъ рѣшительный моментъ нѣсколько совѣтовъ. Начинаю со Сперанскаго, какъ Вы того желали. Пишу лишь для Васъ, Вы меня поймете. Когда Вы вчера изливали передо мною Вашу горесть по поводу измѣны Сперанскаго, Вы были въ страшномъ волненіи. Надѣюсь, что Вы теперь вполнѣ отказались отъ мысли разстрѣлять его. Я не могу отрицать, что то, что слышалъ отъ Васъ вчера о Сперанскомъ, бросаетъ на него темныя тѣни, но въ состояніи ли Вы теперь взвѣсить правдивость или ложность этихъ обвиненій? И если такъ, то возможно ли Вамъ его судить? Всякая поспѣшно составленная коммиссія будетъ состоять лишь изъ его враговъ. Не забывайте, что Сперанскаго ненавидятъ только потому, что Вы его такъ высоко возвели. Не подумайте, что я хочу за него заступиться; я не состою съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ и даже знаю, что онъ мнѣ завидуетъ, а что Вы мнѣ раньше разсказывали о его характерѣ, не возбудило во мнѣ желанія сблизиться съ нимъ.

«Но предположимъ, что онъ даже виновенъ, чего однако я еще не считаю доказаннымъ, то и въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть судимъ по закону. Но у Васъ теперь нѣтъ необходимаго времени, и Вы не въ такомъ состояніи, чтобы назначить подходящихъ судей. По моему мнѣнію, было бы вполнѣ достаточно удалить его изъ Петербурга и поставить подъ такой надзоръ, чтобы онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ вступить въ сношеніе съ непріятелемъ. Послѣ войны всегда будетъ время назначить для этого судъ изъ самыхъ лучшихъ и честныхъ людей. Мое сомнѣніе въ виновности Сперанскаго подкрѣпляется еще тѣмъ, что въ числѣ его обвинителей находится также Розенкамфъ, этотъ скверный человѣкъ, который добивался погибели своего благодѣтеля Новосильцева; тогда мнѣ удалось предупредить это коварство, не сказавъ Вамъ объ этомъ ни слова. Докажите въ этомъ дѣлѣ, что крайности Вамъ чужды, и удалите скорѣе отъ дѣлъ Розенкамфа.

«Я не вижу, кто кромѣ графа Кочубея могъ бы замѣнить Сперанскаго; рѣшайтесь на это назначеніе, хотя Вы не очень имъ довольны. Во всякомъ случаѣ, онъ какъ честный человѣкъ сдѣлаетъ честь Вашему выбору.

«Теперь нѣсколько словъ о Васъ самихъ. Ваше воспитаніе, царствованіе Вашего отца, Ваше собственное и особенно характеръ Вашихъ вельможъ все это должно было сдѣлать Васъ подозрительнымъ. Ангелъ на Вашемъ мѣстѣ и тотъ сталъ бы таковымъ. Отъ тѣхъ, кому есть ин-

[1]) По увѣренію Паррота, въ 1825 году императоръ прижалъ его къ сердцу и сказалъ: „Si je succombe dans cette lutte terrible, peignez moi à la posterité tel que je fus“.

тересъ наблюдать за Вашимъ характеромъ, не укрылась свойственная Вамъ черта подозрительности, и вотъ ею-то и хотятъ дѣйствовать на Васъ. Воспротивьтесь этому печальному увлеченію, которое поощряется привычками и пошлостью людей. Будьте осмотрительнѣе; на эту подозрительность разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не преминутъ, чтобы овладѣть Вами, воспользоваться открытою ими слабою струною Вашего характера.

«Напоминаю Вамъ о Барклаѣ; его ошибка—это боязливость, не передъ врагомъ, нѣтъ, а по отношенію къ Вамъ. Обращайтесь съ нимъ какъ съ другомъ, этимъ Вы удвоите его душевныя силы, а они-то и производятъ боязливость. Онъ долженъ быть увѣренъ, что никакое несчастіе, никакая ошибка не лишитъ его Вашего довѣрія. Онъ долженъ чувствовать какъ у Васъ, такъ и у войска свой перевѣсъ надъ Аракчеевымъ.

«Вы, кажется, довѣряете Армфельдту. Я ему не довѣряю, хотя никогда его не видѣлъ. Въ такомъ случаѣ я сужу человѣка по тѣмъ средствамъ, какія онъ употребляетъ. Розенкамфъ одна изъ его креатуръ: если бы Армфельдтъ былъ человѣкъ съ душой и практичный, онъ долженъ былъ бы насквозь видѣть этого человѣка».

Черезъ нѣсколько дней Парротъ получилъ слѣдующія слова отъ императора. «Je vous remercie beaucoup pour les papiers inclus dans votre lettre, je l'ai lue avec émotion et sensibilité. Croyez-moi pour toujours. Tout à vous».

Разговоръ между императоромъ и Парротомъ, вызвавшій письмо о Сперанскомъ, былъ послѣднимъ между ними. Парротъ больше ни разу не былъ принятъ императоромъ Александромъ I.

ГЛАВА III.

Прослуживъ 25 лѣтъ въ Дерптскомъ университетѣ, Парротъ вышелъ въ 1826 году въ отставку и переселился изъ Дерпта въ С.-Петербургъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ Академіи наукъ.

Императоръ Николай I, зная, въ какомъ отношеніи находился Парротъ съ покойнымъ императоромъ Александромъ I, обратился, 17 февраля 1827 года, черезъ ректора Петербургскаго университета, графа С. Уварова, къ Парроту и просилъ его высказать свои взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ. Какіе это были вопросы—неизвѣстно, но очевидно, императоръ остался доволенъ взглядами Паррота, такъ какъ выразилъ

ему свое благоволеніе черезъ начальника III отдѣленія, графа Бенкендорфа, и просилъ Паррота продолжать высказывать свои взгляды на нѣкоторые предметы внутренняго управленія государствомъ. Парротъ съ удовольствіемъ принялся за дѣло, и число его записокъ и писемъ, поданныхъ императору Николаю I до 1849 года, простирается болѣе чѣмъ до 200.

Всѣ эти записки были передаваемы Парротомъ государю черезъ графа Бенкендорфа, такъ что и отвѣты отъ государя получалъ онъ отъ графа же письменно или устно. Въ теченіе 23 лѣтъ лишь одинъ разъ и то по одному совершенно спеціально-техническому вопросу, Парротъ удостоился аудіенціи у государя; это было 16 (28) декабря 1833 года.

Изъ этого числа писемъ и записокъ приведены Бинеманомъ лишь нѣкоторыя, какъ напримѣръ по поводу іюльской революціи и польскаго возстанія, положенія образованія въ Россіи и проч.

Но если по формѣ отношенія между Николаемъ I и Парротомъ сохранились тѣ же, что́ и между нимъ и Александромъ I, то по существу они были далеко уже не тѣ. По уму и по взгляду на государственныя дѣла императоръ Николай былъ неизмѣримо выше Паррота, совѣты котораго оставались безъ всякаго приложенія къ дѣлу, и очевидно, императоръ, только изъ уваженія къ памяти своего брата, отъ времени до времени передавалъ ему комплименты чрезъ посредство III отдѣленія въ лицѣ графа Бенкендорфа. Доказательствомъ заблужденій Паррота и твердости императора служатъ идеи Паррота о Польшѣ.

Въ письмахъ изъ Павловска отъ 8 (20) сентября 1830 года, Парротъ одобряетъ политику государя по отношенію къ Франціи, но высказываетъ, что «послѣднія политическія событія, которыя по отношенію къ Вамъ и Россіи будутъ представлены Вамъ въ ложномъ свѣтѣ, могутъ привести къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ окружающихъ Васъ ее желаютъ». Поэтому Парротъ проситъ разрѣшеніе затронуть этотъ великій, по его мнѣнію, вопросъ и прилагаетъ три записки. 1) «Положеніе Европы», 2) «Противъ кого Россія хочетъ вести войну» и 3) «Какими Россія располагаетъ средствами». Цѣль всѣхъ этихъ трехъ записокъ—отклонить императора Николая I отъ войны. «Такъ же говорилъ я моему высокочтимому государю Александру I передъ предпринятіемъ имъ первой неудачной кампаніи противъ Франціи. Онъ вполнѣ соглашался со мною. Но послѣ того какъ уже невозможно было сохранить нейтралитетъ, принужденъ былъ своими министрами къ войнѣ и сказалъ: «Россія и человѣчество ждутъ отъ меня, чтобы я избавилъ ихъ отъ тирана Европы. Я молодъ,—могу ли я взять на себя отвѣтственность не пожелать этого?» По возвращеніи его съ театра военныхъ дѣйствій, его первыя слова ко мнѣ были: «при Аустерлицѣ я вспомнилъ о Васъ!».

«Ваше Величество, не Россія, не Европа требуютъ войны, потому что нѣкоторые окружающіе Васъ не составляютъ еще Россіи, и Меттернихъ не есть Европа. Единственное желаніе Россіи, чтобы ее не ослабляли и не обременяли новыми долгами. И Европа, за исключеніемъ Австріи и можетъ быть Испаніи, желаетъ мира!» Далѣе Парротъ говоритъ, что Францію трудно побѣдить; если не признать Людовика-Филиппа, тогда Россія будетъ изолированною въ Европѣ. «Но, несмотря на всѣ эти размышленія,—пишетъ далѣе Парротъ,—я понимаю Ваше тяжелое положеніе и поводъ къ опасеніямъ; Вашъ народъ по крайней мѣрѣ дворянство, военные и гражданскіе чины, стремятся къ представительному правленію. И время это пришло гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ. Умоляю Васъ, Ваше Величество, во имя человѣчества и Вашей безопасности, предупредите тотъ моментъ, когда отъ Васъ могутъ потребовать больше, чѣмъ Вы въ состояніи дать. Преобразуйте Государственный Совѣтъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ я Вамъ имѣлъ честь докладывать... Вторымъ благодѣяніемъ была бы реформа Вашихъ министерствъ. Необходимо произвести революцію сверху, но постепенно и сообразно съ нравственными потребностями Вашего народа. Тогда Вы и Вашъ высокоуважаемый сынъ будете мирно и славно править великимъ народомъ, который вѣчно будетъ Вамъ преданъ, постоянно пользуясь новыми благодѣяніями.

Вашъ вѣрный Парротъ».

Черезъ два дня Парротъ отправилъ письмо къ императору Николаю I, написанное по поводу событій въ Парижѣ и принятыхъ государемъ мѣръ, т. е. вызова русскихъ изъ Франціи, недопущенія въ Россію произведеній французской печати и проч.

«Ваше Величество, вѣроятно, не имѣли времени вникнуть въ смыслъ послѣдняго Вашего шага. Позвольте мнѣ высказать Вамъ то, что сказало бы Вамъ Ваше чувство справедливости, если бы Вы дали ему возможность высказаться. Прочтите и примите совѣтъ человѣка, который желаетъ Вамъ лишь добра, и котораго Провидѣніе послало Вамъ, чтобы высказывать одну правду».

Парротъ, оправдывая французскій народъ за Іюльскую революцію 1830 г. и утверждая, что Карлъ X потерялъ свой тронъ лишь благодаря своей близорукости, продолжаетъ:

«Какая же можетъ быть у Васъ цѣль такого изолированія Россіи? Разумѣется, не та, чтобы Ваши подданные ничего не узнали о случившемся въ Парижѣ; это было бы желать невозможнаго, да при томъ вѣдь Вы сами позволили напечатать въ петербургскихъ газетахъ выдержку объ этомъ событіи. Или можетъ быть Вы хотите воспрепятствовать проникновенію въ Россію оправдательныхъ статей этой революціи?

Но Вы черезъ нѣсколько недѣль узнаете о настоящемъ положеніи Франціи. Французскія газеты съ извѣстіемъ объ этомъ непремѣнно проникнутъ въ Россію на любомъ кораблѣ, прибывшемъ сюда, и если не французы, то нѣмцы, англичане, или голландцы привезутъ ихъ съ собой. Эту контрабанду никакая власть не сможетъ уничтожить, напротивъ — попытка такая можетъ подзадорить еще большее любопытство и возбудить мысль, что подобныхъ явленій опасаются въ Россіи, и такимъ образомъ увеличить опасность. Друзья Вашего Величества съ грустью спрашиваютъ: «зачѣмъ императоръ Николай, который могъ бы чувствовать себя такъ твердо въ своемъ положеніи, выказываетъ боязнь, чуждую ему?» «Напротивъ, такой могущественный государь, какъ Вы, долженъ дѣйствовать хладнокровно и смотрѣть на эту революцію какъ и на все, что происходитъ за границей, какъ на обыкновенное газетное сообщеніе. Этимъ однимъ Вы возбудите къ себѣ уваженіе заграницей и между Вашими подданными».

Въ заключеніе Парротъ повторяетъ то, что писалъ и въ первомъ письмѣ:

«Единственное средство держать въ отдаленіи отъ Россіи революціонныя идеи — устройство Вашего государства, которое удовлетворяло бы истиннымъ потребностямъ Вашего народа и доказало бы Россіи и Европѣ, что государство при абсолютномъ управленіи самодержца не только можетъ быть могущественно за границей, но и составлять счастье подданныхъ».

На это письмо Парротъ получилъ 23 сентября (4 октября) оффиціальное сообщеніе отъ графа Бенкендорфа, что Его Величество государь императоръ получилъ всѣ адресованныя на его имя письма, прочелъ ихъ со вниманіемъ и не находитъ ничего на нихъ отвѣтить.

Письмо Паррота отъ 2 (14) марта посвящено польскимъ дѣламъ.

«Ваше Величество! Надѣюсь, что теперь мятежная Польша уже усмирена. Но кровь пролита, кровь Вашихъ подданныхъ, русскихъ и поляковъ. Открыта недостойная измѣна, все жаждетъ Вашей мести, справедливость требуетъ наказанія виновныхъ, государственные финансовые интересы—конфискацій, ловкость предводителей—наградъ. Но выслушайте, Ваше Величество, Вашего Паррота, который умоляетъ Васъ о милосердіи!

«Прежде чѣмъ начать это письмо, я молился Богу: я просилъ Его очистить мое сердце отъ всякой слабости и умъ мой отъ предубѣжденій. Окажите, Ваше Величество, честь просьбѣ безкорыстнаго старика, имѣющаго въ виду лишь Васъ, Ваши истинные интересы, Вашу славу. Я все взвѣсилъ, и настоящее и будущее, и все мое существо взываетъ къ милосердію.

«Наказывать—значитъ проливать снова кровь Вашихъ подданныхъ, увеличить число жертвъ возстанія и усилить влеченіе къ мятежу.

«Простить — значитъ сохранить кровь, предупредить рѣзню и уничтожить жажду мести въ Вашихъ польскихъ подданныхъ.

«Конфискація имѣній повстанцевъ—ненавистный способъ обогащенія; кромѣ того, она ослабила бы и разорила бы находящуюся въ зародышѣ промышленность.

«Простить—значитъ дать новый толчекъ этой промышленности и получить возможность управлять страною, не жертвуя сокровищами Россіи.

«Соединить Польшу съ Россіей значило бы возбудить зависть другихъ державъ, усилить республиканскую партію Франціи, жаждущую войны, вызвать общую войну, наложить на себя отвѣтственность за послѣдствія передъ высшимъ Судьею. Возстановить независимость Польши было бы дѣломъ великаго человѣка, который ставитъ благодѣяніе выше всякихъ опасеній... это было бы милосердіе!

«Развѣ у Вашего Величества нѣтъ грѣховъ? За милосердіе къ Польшѣ Вамъ всѣ бы они были отпущены.

«Обстоятельства требуютъ измѣненій. Польша не должна имѣть своего войска, пока не дастъ несомнѣнныхъ доказательствъ вѣрноподданничества. Остатки польскаго войска должны быть распредѣлены по русскимъ полкамъ, и въ Польшѣ долженъ стоять русскій корпусъ.

«Прошу о милости написать мнѣ по поводу содержанія этого письма, хотя просто да или нѣтъ. Неужели я не удостоюсь получить отъ Васъ ни одного слова? Вашъ высокочтимый братъ столько разъ писалъ мнѣ

Вашъ Парротъ».

Несмотря на эту просьбу, Парротъ не удостоился письменнаго отвѣта государя. Графъ Бенкендорфъ сообщилъ ему: «Его Величество, прочитавъ съ большимъ интересомъ Ваше письмо, поручилъ передать Вамъ, что не считаетъ возможнымъ отвѣтить на Ваше письмо однимъ да или нѣтъ. Событія, характеръ ихъ, а особенно интересъ Россіи будутъ руководствовать при принятіи мѣръ относительно Польши.

«Къ несчастью, благородство, милосердіе, благодѣянія, которыя такъ расточительно разсыпалъ въ Польшѣ императоръ Александръ I, не оградили государство отъ несчастій войны и ненависти поляковъ. Искренно преданный.

А. Бенкендорфъ».

На это Парротъ написалъ императору Николаю I отъ 16 (28) марта.

«Отвѣтъ, которымъ Вы удостоили меня черезъ господина Бенкендорфа, убѣдилъ меня, что Вы сказали про себя «да», что Вы рѣшили

простить, что Вы снова возстановите Царство Польское. Характеры, подобные Вашему, не останавливаются на полдорогѣ.

«Не для того, чтобы подкрѣпить Ваше намѣреніе, а лишь въ виду противопоставленія лишняго мотива лаю придворныхъ лукавыхъ совѣтниковъ, позволяю себѣ слѣдующія размышленія».

Парротъ очень пространно описываетъ положеніе и состояніе умовъ въ европейскихъ государствахъ и высказываетъ опасеніе всеобщей войны. «Вы одинъ можете—пишетъ онъ императору — предотвратить эту войну, возстановленіемъ Польши. Я не боюсь за исходъ войны для Россіи, но страшусь всѣхъ ужасовъ и въ особенности вліянія ея на внутреннее положеніе Россіи. Я боюсь за Васъ.

«Итакъ, Ваше Величество хотите простить и снова возстановить Польшу. Но какъ это устроить? Вотъ мои мысли:

«Вы поступили совершенно справедливо, отклонивъ всякіе переговоры. Съ вооруженными мятежниками не должно вести переговоровъ. Но не поступаясь своимъ достоинствомъ и слѣдовательно не дѣлая никакихъ обѣщаній, вы все-таки можете снова успокоить Вашихъ возставшихъ подданныхъ. Польша должна покориться, довѣрившись лишь Вашему великодушію. Воспользуйтесь моментомъ, Ваше войско перешло черезъ Вислу и заняло крѣпкую позицію, этотъ моментъ близокъ, онъ зависитъ лишь отъ ледохода на рѣкѣ. Превосходство Вашей артиллеріи дастъ возможность произвести этотъ переходъ безъ боя. Затѣмъ издайте, Ваше Величество, манифестъ. Обратитесь съ теплымъ словомъ къ этому заблудшемуся народу. Если манифестъ окажетъ дѣйствіе, цѣль Ваша достигнута, нѣтъ, то Вы передъ Богомъ, передъ самимъ собой и передъ Европой совершенно чисты; тогда употребите военную силу. Но ни въ какомъ случаѣ не допускайте бомбардированія Варшавы до полученія отвѣта отъ мятежниковъ. Къ несчастію, въ Петербургѣ, какъ мнѣ извѣстно, многіе русскіе жаждутъ мщенія. Никакого варварства! Армія этимъ ничего не выиграетъ, а Вы напротивъ потеряете много и нравственно, и физически: Вы царь Польскій.

«Ничтожный успѣхъ письма фельдмаршала къ коменданту Модлина графу Ледоховскому, написаннаго въ дѣйствительно соблазнительномъ тонѣ, можетъ показаться опроверженіемъ мыслей манифеста. Но письмо это есть ошибка. Пока еще не происходило рѣзни, каждый полякъ могъ вернуться, но разъ раздался первый выстрѣлъ, ни одинъ офицеръ не могъ этого сдѣлать, чтобы не быть обвиненнымъ въ трусости. То же самое можно сказать и о прокламаціяхъ, которыя отчасти распространяются, какъ бы втихомолку».

ГЛАВА IV.

4 (16) мая 1827 года Парротъ составилъ для государя записку, имѣвшую предметомъ воспитаніе девятилѣтняго наслѣдника цесаревича. 3 (15) января 1834 года онъ написалъ продолженіе записки, сообразное съ возрастомъ Его Высочества. Записка эта состояла изъ 23 мелко писанныхъ листовъ. Вскорѣ затѣмъ графъ Бенкендорфъ извѣстилъ Паррота, что государь сердечно (cordialement) благодаритъ его, прибавивъ при этомъ, что ему, Бенкендорфу, доставляетъ большое удовольствіе сообщить о томъ Парроту.

Понявъ, что такой отвѣтъ на подробную записку могъ явиться только вслѣдствіе того, что императоръ не нуждался въ совѣтѣ, Парротъ написалъ другое письмо, въ заключеніи котораго говоритъ:

«Рѣшаюсь просить Ваше Величество разсмотрѣть вторично это «слово отца къ своему сыну» и удостоить меня сообщеніемъ Вашихъ возраженій. Я вижу, что Вы имѣете нерасположеніе видѣть меня. Но вѣдь государи часто бываютъ принуждены дѣлать то, что имъ не нравится.

«Ваше Величество! Я отецъ и говорю по опыту. Или Вы можетъ быть питаете ко мнѣ недовѣріе? Но почему? Развѣ я Вамъ измѣнялъ? Нѣтъ, я бы Вамъ отдалъ все свое сердце полное любви къ Вамъ и къ Вашему Александру, тѣмъ болѣе, если бы я зналъ, что Вы принесете жертву, выслушаете меня. Скажите да!

Вашъ Парротъ».

Отвѣтилъ ли государь Парроту—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ Биеманъ ничего не говоритъ объ этомъ, а прямо приводитъ письмо Паррота, написанное 8 (20) марта 1839 года, т. е. спустя, чуть ли не 5 лѣтъ. Причины, вызвавшія это письмо, видны изъ самаго начала его. Парротъ писалъ:

Ваше Величество!

«Я прочелъ докладъ министра народнаго просвѣщенія отъ 7 мая 1838 года и прочелъ его въ нѣмецкой «Allgemeine Zeitung» отъ 21 февраля 1839 года; этотъ нумеръ былъ задержанъ въ Петербургѣ. Редакція ничего не прибавила отъ себя къ статьѣ, будучи убѣждена, что дѣло говоритъ само за себя. Она замѣтила только въ началѣ статьи, что документъ этотъ находится въ обращеніи во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и что Ваше Величество изволили начертать на немъ карандашемъ: «Согласенъ».

«Прежде всего спрашивается, почему этотъ, одобренный Вашимъ

Императорскимъ Величествомъ, докладъ остается до сихъ поръ неопубликованнымъ? Далѣе, почему нѣмецкая газета, напечатавшая это важное распоряженіе, крайне интересующее три, наиболѣе цвѣтущія, провинціи Вашего государства, была задержана? Европа должна подумать, что Ваше Величество боитесь предавать гласности Вашу волю относительно народнаго образованія. Что касается меня, то я убѣжденъ, что для Васъ нѣтъ интереса облекать въ непроницаемую тайну то, что Вы дѣлаете для прогресса Россіи. Вы не нуждаетесь въ задней мысли для добра, которое хотите сдѣлать. Тайна нужна лишь тѣмъ, кто, истолковывая невѣрно факты и принципы, вводитъ Васъ въ заблужденіе и по этой причинѣ боится гласности.

«Ваше Величество требовали отъ меня одной правды. Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ я излагаю передъ Вами лишь голую истину. Моя совѣсть требуетъ поступить такъ и по отношенію къ упомянутому выше докладу. Соблаговолите выслушать меня.

«Въ докладѣ сказано: русскій языкъ лишь съ трудомъ и очень медленно проникаетъ въ Балтійскія провинціи.

«Вотъ мой отвѣтъ: такъ оно и есть и, по моему мнѣнію, еслибы дѣло могло идти скорѣе, оно бы сдѣлалось само собою. Балтійскія провинціи вполнѣ убѣждены, что въ собственномъ интересѣ тѣхъ, которые посвящаютъ себя на служеніе этимъ провинціямъ и Россіи, знать въ совершенствѣ русскій языкъ. Ни въ какомъ случаѣ причиною этой медленности не можетъ быть народное образованіе въ этихъ провинціяхъ. Каждая общественная и частная школа и самъ университетъ имѣютъ тамъ самыхъ лучшихъ учителей русскаго языка и литературы, и въ поощреніе имъ дарованы чины и оклады содержанія ученыхъ преподавателей, чѣмъ учителя другихъ живыхъ языковъ не пользуются. Университетъ даже примѣняетъ принудительныя мѣры для споспѣшествованія изученію русскаго языка вездѣ, гдѣ онъ пользуется властью.

«Эти безпрестанные нападки на незначительный успѣхъ русскаго языка въ Балтійскихъ провинціяхъ исходятъ отъ лицъ, не понимающихъ дѣла и думающихъ, что достаточно говорить по-русски, чтобы быть добрымъ русскимъ патріотомъ.

«Вы упускаете изъ виду, что теперь школы и университеты такъ заполнены научными предметами, что невозможно назначать для преподаванія живаго языка больше времени, чѣмъ посвящается языку русскому. Вы упускаете изъ виду, что живой языкъ изучается легче и быстрѣе тамъ, гдѣ народъ говоритъ этимъ языкомъ. Авторъ доклада хочетъ, чтобы народонаселеніе Балтійскихъ провинцій изучило русскій языкъ въ три года. Неужели онъ, дѣйствительно, думаетъ, по своему плану, привить провинціямъ русскую національность, и чтобы русскій языкъ могъ сдѣлать вѣрноподданныхъ государю и отечеству? Тогда бы

всѣ измѣнники, разоблаченные знаменательнымъ 14-мъ декабря, должны были бы не понимать ни одного слова по-русски.

«Повторяю: русскій языкъ проникнетъ самъ собою въ образованные классы балтійскаго народа, но медленно и соразмѣрно успѣху науки и литературы въ Россіи. Насильственныя мѣры могутъ лишь замедлить наступленіе этой эпохи.

«Далѣе, въ докладѣ сожалѣется, что Балтійскія провинціи, въ теченіе столѣтія, слишкомъ мало сблизились съ коренным русскимъ характеромъ и съ коренными русскими нравами, но не говорится прямо, въ чемъ заключается этотъ характеръ и эти нравы.

«Характеръ народа зависитъ отъ вліянія климата, законодательства и религіи; нравы—болѣе или менѣе отъ старыхъ обычаевъ, исторіи и степени развитія народа. Теперь посмотримъ, при какихъ изъ всѣхъ этихъ условій долженъ балтъ сблизиться съ русскимъ характеромъ и нравами.

«Климатъ? Богъ его далъ всѣмъ народамъ: мы можемъ истреблять лѣса, осушивать болота, сѣять хлѣбъ. Но никогда не можемъ перемѣстить температуру Крыма или горы Кавказа въ Петербургъ, или холодъ сѣверной Сибири по сосѣдству къ Арарату. Слѣдовательно, въ этомъ направленіи нечего искать сближенія.

«Законодательство? Оно дѣло рукъ человѣческихъ и потому можетъ быть измѣняемо. Не хочетъ ли авторъ доклада, требующій коренныхъ русскихъ нравовъ, возстановить тѣ времена, когда народъ не могъ найти у себя человѣка, способнаго управлять имъ, и обратился поэтому къ варягу Рюрику, или ту эпоху, когда Россія была раздѣлена на множество княжествъ и представляла собою завидную добычу для варваровъ, или, еще лучше, тѣ новѣйшія времена, когда стрѣльцы были преторіанцами и янычарами въ Россіи? Настоящее законодательство, созданное Петромъ Великимъ, уничтожило старые нравы. Поэтому, сомнительно, чтобы просвѣщенный русскій человѣкъ могъ сожалѣть о потерѣ давно прошедшихъ временъ.

«Религія? Балтъ судьею своей вѣры и своей совѣсти признаетъ лишь одного Бога и Его Святое Евангеліе. Истинно русскій признаетъ судьею господствующую каѳолическую церковь и Синодъ изъ духовныхъ лицъ, который запрещаетъ ему чтеніе Священнаго Писанія. Авторъ доклада полагаетъ возможнымъ соединеніе этихъ двухъ, столь противоположныхъ, вѣроисповѣданій и притомъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ лѣтъ? Разумѣется, это невыполнимо.

«Исторія? Новѣйшая русская исторія начинается съ Петра Великаго, и она сильно повліяла на нравы русскаго народа. Разсмотрите теперь эти вліянія.

«При Петрѣ I вліяніе было сильно и порывисто. Дѣло шло къ

тому, чтобы поставить Россію на ряду съ европейскими государствами. Передъ этой эпохой Россія ненавидѣла чужеземные нравы; слѣдовательно, и иностранцевъ. Она терпѣла только иностранныхъ купцовъ, съ которыми вела торговлю. Петръ I пожелалъ ввести въ Россіи искусство и науки, относящіяся къ образованію флота и арміи. Отсюда наплывъ иностранцевъ: нѣмцевъ и голландцевъ, образовательныя путешествія царя и распоряженія о привлеченіи русскихъ къ поѣздкамъ за границу. Эти стремленія, можетъ быть, слишкомъ независимаго ума, дѣйствительно дали и корабли, и обученыхъ солдатъ, и крѣпости, но не дали наукъ и просвѣщенія,—этихъ основъ цивилизаціи.

«Екатерина II скоро принялась продолжать то, на чемъ остановился великій ея предшественникъ. У нея также были грандіозные замыслы, и она продолжала войны Петра I. Она покровительствовала наукамъ, искусствамъ и торговлѣ. Она восторжествовала надъ турками, чтобы завладѣть Чернымъ моремъ, и раздѣлила Польшу, чтобы приблизить границы своего государства къ остальной Европѣ. Ей, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ слава за желаніе дать русскимъ законодательство, и она сама написала свой знаменитый «Наказъ». Но ей не удалось ввести законодательства, такъ какъ въ Россіи не было законовѣдовъ. Между тѣмъ, она все-таки дала нѣсколько законовъ, которые и теперь въ силѣ, въ пользу крестьянъ, и раздѣлила Россію на губерніи. Въ ея царствованіе многіе ѣздили за-границу, но въ качествѣ туристовъ, а не съ цѣлями образовательными. Эта преждевременная и поверхностная цивилизація заставила думать русскихъ, что они ушли гораздо дальше впередъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Все, что произошло тогда хорошаго, произошло большею частью черезъ нѣмцевъ, стремившихся въ Россію и черезъ жителей Балтійскихъ провинцій, которые собрались въ Петербургѣ, и русская цивилизація выиграла бы еще больше, еслибы не проникло въ Россію множество французскихъ, такъ-называемыхъ, гувернеровъ, которые знали лишь свой языкъ и основали предразсудокъ, сохранявшійся еще долгое время: не нужно ничему учиться, если можешь съ легкостью объясняться на французскомъ языкѣ. Тогдашній недостатокъ средствъ образованія не могъ бороться съ успѣхомъ противъ такого удобнаго предразсудка, что̀ и задержало продолженіе образованія до императора Александра I.

«Только во время этого третьяго творческаго царствованія появились многочисленныя общественныя учебныя заведенія, которыя и до сихъ поръ служатъ основаніемъ для народнаго образованія. Но главные носители этого образованія были Балтійскія провинціи и иностранцы; изъ русскихъ было лишь очень мало лицъ, способныхъ для этого великаго дѣла.

«Императору Николаю I стало извѣстно какъ объ этомъ недостаткѣ,

такъ и о губительномъ дѣйствіи на университеты національной зависти и тираніи кураторовъ, и онъ принялъ предложенный ему планъ создать молодыхъ русскихъ профессоровъ—для основанія истинно національной цивилизаціи. Но, несмотря на сильное его стремленіе, оно было совершенно разрушено уловкою самихъ же внутреннихъ университетовъ. Они объявили, что для этого предпріятія могутъ всѣ вмѣстѣ дать не болѣе двадцати человѣкъ. Онъ изъ упорства удовольствовался и этимъ незначительнымъ числомъ, и признанный успѣхъ даже этого меньшинства заставляетъ сожалѣть, что планъ не былъ приведенъ въ исполненіе въ большихъ размѣрахъ.

«Степень развитія? Хотя я долженъ бояться обидѣть Васъ, но хотѣлъ бы еще разъ доказать, что степень развитія Балтійскихъ провинцій выше, чѣмъ въ остальной Россіи. Всѣ просвѣщенные русскіе, хотя и съ сожалѣніемъ, сознаются въ этомъ, только нѣкоторыя горячія и заблуждающіяся изъ ложнаго патріотизма головы утверждаютъ противное. Авторъ доклада хочетъ, слѣдовательно, чтобы балты пожертвовали частью своей культуры для соединенія съ другими провинціями Россіи. Какъ онъ не можетъ понять, что его долгъ, напротивъ, трудиться въ томъ направленіи, чтобы развитіе остальной Россіи было поднято до уровня Балтійскихъ провинцій. Неблагодарный забылъ, что онъ самъ своимъ собственнымъ образованіемъ обязанъ высшей нѣмецкой школѣ».

Слѣдующее приведенное Бинеманомъ письмо Паррота къ императору Николаю I было написано имъ 1 (13) іюня 1843 года.

Подвергнувъ критикѣ опубликованный отчетъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова о десятилѣтней его служебной дѣятельности, Парротъ писалъ: «То, что Ваше Величество только-что прочли, наименѣе важно въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ я хочу написать Вамъ. Умоляю Васъ, прочтите это письмо до конца».

Затѣмъ увлеченіе Паррота дошло до того, что онъ императору Николаю приписываетъ нѣмецкое происхожденіе.

«Да,—говоритъ онъ далѣе,—русскій сознаетъ еще, хотя и съ досадой, нѣмецкое превосходство и уѣзжаетъ путешествовать, чтобы поучиться заграницей и хоть по крайней мѣрѣ на время сбросить съ себя министерскую тиранію на родинѣ. Налогъ на поѣздки заграницу возбуждаетъ лишь больше влеченія къ нимъ. Васъ даже подозрѣваютъ, что Вы меньше препятствуете вывозу наличныхъ денегъ, чѣмъ ввозу образованія.

«Ваша истинная политика, Ваше Величество, должна состоять въ слѣдующемъ: Вамъ нужно обращаться милостиво съ русскимъ войскомъ, со строгостью—съ высшимъ духовенствомъ и разсудительно и милостиво

съ низшимъ сословіемъ; въ народномъ образованіи вернуться къ принципамъ, господствовавшимъ десять лѣтъ тому назадъ въ Балтійскихъ провинціяхъ—короче быть во всѣхъ направленіяхъ либеральнымъ государемъ.

«Еще есть очень важный пунктъ: это юстиція, но о ней поговорю съ Вами въ другой разъ. Въ настоящую минуту для меня ближе и важнѣе другой вопросъ:

«Ваше здоровье.

«Статистика показываетъ, что въ періодъ жизни, по крайней мѣрѣ въ образованныхъ классахъ, отъ тридцати до шестидесяти лѣтъ, есть небольшой промежутокъ времени отъ 46 или 47 до 50 или 51 года, въ которомъ смертность особенно велика. У женщинъ она объясняется переворотомъ, которому подвергается въ эти годы ея организмъ. Но относительно мужчины ни статистика, ни медицина ничего не говорятъ. Поэтому нужно обратиться къ логикѣ. Въ этотъ періодъ времени всѣ страсти достигаютъ высшаго развитія, онѣ разъѣдаютъ душу и угрожаютъ организму своей жертвы. Позвольте, Ваше Величество, представить двѣ Ваши главныя страсти: нетерпѣливость и честолюбіе.

«Первое привилось къ Вамъ въ юношествѣ во время военной службы, Вы какъ бы сроднились съ ней. Второе явилось лишь спустя нѣсколько лѣтъ по вступленіи Вашемъ на престолъ. Раньше оно не могло явиться, потому что въ Вашемъ любимомъ и уважаемомъ братѣ Вы видѣли монарха, который предназначенъ былъ достичь преклонныхъ лѣтъ.

«Вступивши на престолъ, Вы не могли устоять передъ уловками окружающихъ Васъ, которые, зная Ваше нетерпѣніе, воспользовались имъ въ свою пользу. Явилось честолюбіе, и оно не обращено на завоеваніе, но Вы хотите, чтобы все въ Европѣ и Азіи преклонялось передъ Вами. Вы хотите какъ будто бы быть непогрѣшимымъ. Рядомъ съ этими недостатками вижу у Васъ хорошее сердце, твердое желаніе дѣлать добро, и въ борьбѣ этихъ недостатковъ съ Вашими добрыми качествами возродилось въ Вашей душѣ безпокойное, раздражительное состояніе, ослабляющее Вашъ внутренній организмъ, чего Вы не перенесете.

«Единственное средство преодолѣть критическій періодъ, въ который Вы только-что вступили, и обезпечить себѣ долгую жизнь, которая предназначена Вамъ природой — это установить спокойствіе въ своей душѣ и поставить себя въ согласіе съ самимъ собою. Вы достигнете этого, если будете сдерживать Вашу нетерпѣливость, исправите ошибки, которыя сдѣлали, благодаря дурнымъ совѣтамъ, когда убѣдитесь, что Вашъ народъ будетъ благословлять Васъ за это, а заграницей уважать — наконецъ, когда увѣритесь, что императоръ россійскій не долженъ быть непремѣнно славяниномъ.

«Мой покойный сынъ [1]) сдѣлалъ драгоцѣнную подпись подъ своимъ портретомъ: «Самое лучшее, что ты можешь сдѣлать, это познать самого себя».

«Ваше Величество! Все мое письмо есть обращеніе къ Вашему сердцу, къ Вашему разуму, познайте самого себя. Сдѣлайте это съ помощью Божьею!

«Такъ говоритъ Вамъ съ отеческимъ чувствомъ

Вашъ старикъ».

С.-Петербургъ 1 іюня 1843 г.

Послѣ этого Парротъ получилъ письмо отъ графа Бенкендорфа слѣдующаго содержанія:

Мой дорогой другъ!

«Ваше письмо передано мною по назначенію; поздравляю Васъ, что Вы такъ написали и можно поздравить государя, прочитавшаго со вниманіемъ Ваше строгое посланіе. Письмо это затѣмъ онъ мнѣ возвратилъ.

Обнимаю Васъ отъ всего сердца

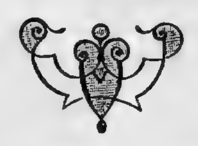
Бенкендорфъ».

На это Парротъ написалъ графу Бенкендорфу небольшую записку, въ которой благодаритъ его за дружеское расположеніе и проситъ возвратить переданное государемъ письмо, для исправленія черновика, такъ какъ, переписывая его набѣло, онъ многое прибавилъ подъ впечатлѣніемъ минуты.

Этимъ заканчивается письмо Паррота. Писалъ ли онъ еще императору, а именно о юстиціи, какъ обѣщалъ, Бинеманъ не сообщаетъ.

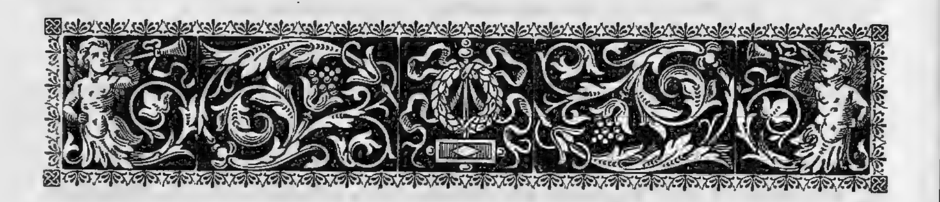
Прочитавши всѣ эти извлеченія, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ барона Корфа, что Парротъ былъ честный, умный и добросовѣстный человѣкъ, но болѣе мечтатель, чѣмъ практикъ, но всегда правдивый, прямодушный и строгій, какъ совѣсть.

М. Мардарьевъ

---

1) Парротъ, Іоганъ-Яковъ, профессоръ медицины въ Дерптскомъ университетѣ; извѣстенъ учеными путешествіями въ Крымъ и на Кавказъ, въ Пиренеи и на гору Араратъ; умеръ въ 1841 году.

БЕРЛИНСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

для

исторіи новой русской литературы [1]).

Письма В. А. Жуковскаго.

I.

I. Радовицу.

Celui qui vous remettra cette lettre est un homme digne de votre bienveillance, c'est monsieur Vikouline que je vous recommande en vous priant de lui être utile pendant son séjour à Berlin. Il a besoin d'un bon guide pour les notions qu'il desire y recueillir: vous pouvez être pour lui ce bon guide. La chose que je regrette le plus dans ce monde est que vous ne pouvez pas l'être pour moi car il y a bien peu d'hommes que j'aime et que j'estime autant que vous. Mais nous sommes constamment loin l'un l'autre et la correspondance epistolaire avec moi est comme vous le voyez une chose impossible. Tout le dommage est de mon côté. Je n'ai de votre amitié que le regret de ne pas vous posséder (?). Il n'y a de bon dans cette office que l'attachement que je trouve en moi pour vous. Mais à quoi sert cette bonne chose? C'est être ami d'un portrait. Le votre est bien encadré dans mon cabinet. Mais malgré l'inscription de votre femme il est cruellement taciturne. Voici une petite belle lettre pour notre cher B(oulem?). Expediez la je vous prie sans delai. Adieu mon excellent ami. Baisez pour moi la main de votre excellente femme. Le votre..... Joukoffsky 9—19 Mai 1835. Cheminée brulante, neige tombante-benediction. Lisez ma lettre à Reutern et ajoutez quel-

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1893 г., т. LXXVII, стр. 221—240, т. LXXVIII, стр. 51—60.

ques mots de votre part dans le même sens. (Авт. Берл. Кор. библ. Radiwitz 8073).

(Переводъ. Предъявитель этого письма — человѣкъ достойный Вашей благосклонности. Это г. Викулинъ, котораго я рекомендую Вамъ и прошу Вашей помощи для него во время его пребыванія въ Берлинѣ. Онъ нуждается въ хорошемъ руководителѣ для собранія тѣхъ свѣдѣній, которыя ему желательны. Всего болѣе жалѣю я о томъ, что Вы не можете быть такимъ руководителемъ для меня: очень мало такихъ людей, которыхъ я такъ люблю и уважаю, какъ Васъ. Мы все время далеки другъ отъ друга и переписка со мною, какъ Вы видите, дѣло невозможное. Вся потеря на моей сторонѣ. Изъ Вашей дружбы для меня остается только сожалѣніе, что я не могу Васъ имѣть при себѣ. Въ этомъ отношеніи только и есть хорошаго, что та привязанность, которую я нахожу въ себѣ къ Вамъ. Но къ чему служитъ эта хорошая вещь? Это значитъ быть другомъ портрета. Портретъ Вашъ помѣщенъ на почетномъ мѣстѣ въ моемъ кабинетѣ, но, несмотря на надпись, сдѣланную Вашей супругой, онъ ужасно молчаливъ. Прилагаю письмецо для нашего пріятеля Булэмъ. Передайте его, пожалуйста, безъ замедленія. До свиданія, мой дорогой другъ, поцѣлуйте за меня руку Вашей милой супруги. Вашъ Жуковскій. 9—19 мая 1835. Каминъ топится, снѣгъ идетъ—ну благодать! Прочтите мое письмо Рейтерну и прибавьте отъ себя нѣсколько словъ въ такомъ же духѣ).

Жуковскому принадлежитъ обширный біографическій очеркъ этого замѣчательнаго человѣка, относящійся къ 1850 году и впервые напечатанный въ собраніи сочиненій Жуковскаго 1857, т. XI, стр. 361. Тамъ же есть свѣдѣнія и о Рейтернѣ, отцѣ будущей жены Жуковскаго. Подробности въ письмѣ Е. А. Протасовой 10 авг.—5 сент. 1840 г. («Русская Бесѣда» 1859, № 3, кн. 15 стр. 17—42).

II.

Лазареву.

(Май 1845 г.).

Имѣю честь увѣдомить Васъ, что письмо, полученное Гоголемъ на имя Е. П. г. Лазаревой и оставленное у меня Гоголемъ, который теперь находится въ Гомбургѣ, я отдалъ для доставленія графинѣ Вьельгорской. Графиня теперь въ Гейдельбергѣ; но нынче ввечеру она возвратится во Франкфуртъ, и вѣроятно завтра отправится въ Россію. Она остановилась въ Römische Kayser. Надлежитъ обратиться къ ней, чтобъ получить письмо.

В. Жуковскій.

(Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz 8072. На оборотѣ надпись Seiern Excellenz dem Herrn von Lazareff).

Въ Соч. и письмахъ Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 188, помѣщено письмо Гоголя къ Жуковскому отъ 20 мая 1845 года, служащее ключемъ къ вышепомѣщаемому: «Не постигая, что дѣлать съ присланнымъ вами письмомъ, посылаю его къ вамъ. Таковой Л**** отнюдь не знаю и не могу постигнуть, зачѣмъ приписано внизу bei G. Gogol. Лучше бы всего узнать въ полиціи, можетъ быть точно такая Л**** существуетъ во Франкфуртѣ. Если же его отдать вновь на почту, то я думаю, врядъ ли она, бѣдная, его получитъ».

Письма М. В. Ломоносова.

I.

Viro doctissimo atque celeberrimo Formeyo Academiae Regiae Berolinensis secretario perpetuo Imperatoriae Academiae scientiarum Petropolitanae nec non societatis scientiarum Regiae Londinensis membro Michael Lomonosow S. P. D.

Litteris tuis humanissimis acceptis jam pridem tibi respondere officium meum postulabat et voluptas quae ex iis orta est incitabat; verum in hoc exequendo fuerunt quaedam mihi impedimenta. Primo expectabat responsum ab excellentissimo Praeside quo de tuis ad illum tuto perlatis certior essem factus; porro occasionem quaerebam simul cum responsione mea etiam orationem nuper a me habitam ad te mittendi, sed utriusque spe frustratum poenitet tam dium officium meum distulisse tantumque ab eo observando destinasse. Si nullum adhuc responsum ab Excellentissimo Praesule accepisti contendam quantum potero ut cognoscam utram litterae tuae ad illum pervenerint. Pro favore quem in recensendis meditationibus meis de tincturis metallorum te fecisse indicasti gratias ago quam maximas. Volumen illud Bibliothecae Germaniae videre mihi nondum contigit. Caeterum si quo votis tuis satisfacere possim, paratissimum me ad omnia officia habebis ac te tuamque amicitiam omni cultu atque observantia semper prosequunturum (sic). Salutem meo nomine D. Santorockio dicere ne graveris officiosissime rogo eumque manere accessu illius Petropolim pecuniam a Fittinhoffio facilius repeti posse. Vale vir clarissime atque mihi favere ut coepisti non desiste. Dabam Petropoli Februarii 12 (23) An. 1754. (Автографы Берл. Корол. библіотеки безъ №).

(Переводъ. Ученѣйшему высокочтимому мужу Формею, непремѣнному секретарю Королевской Берлинской академіи и члену Императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ и Ученаго Королевскаго общества въ Лондонѣ Михаилъ Ломоносовъ шлетъ нижайшій привѣтъ. По полученіи Вашего любезнѣйшаго письма я обязанъ былъ уже давно

отвѣчать Вамъ, къ чему побуждало меня и его пріятное содержаніе: однако, исполненію моей обязанности помѣшали мнѣ нѣкоторыя обстоятельства. Во-первыхъ, я ждалъ отвѣта отъ его превосходительства г. президента съ увѣдомленіемъ о благополучной къ нему доставкѣ Вашихъ писемъ. Далѣе я ждалъ случая послать Вамъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ моимъ и рѣчь, недавно мною произнесенную. Теперь обманувшись въ томъ и другомъ ожиданіи, раскаиваюсь, что отложилъ и уклонился на столько времени отъ должнаго отвѣта. Если Вами до сихъ поръ не получено отвѣта отъ его превосходительства г. президента, то я немедля поспѣшу узнать, дошли ли до него Ваши письма. За благосклонность отзыва Вашего о разсужденіи моемъ объ очисткѣ металловъ, я приношу глубочайшую благодарность. Самой книжки «Библіотеки Германской» мнѣ еще не удалось видѣть. Во всякомъ случаѣ я готовъ по мѣрѣ силъ моихъ исполнять всевозможныя желанія Ваши и всегда буду чтить и помнить Ваше дружеское ко мнѣ расположеніе. Покорнѣйше прошу не отказать въ передачѣ г. Сантороцкому моего почтенія и сообщить ему, что онъ легко можетъ, оставшись по прибытіи въ Петербургъ, потребовать деньги отъ Фитингофа. Будьте здоровы, достопочтеннѣйшій, и не оставьте меня впередъ Вашимъ расположеніемъ. С.-Петербургъ. Февраля 12 (23) 1754 года).

Жанъ Луи Самюэль Формей (1711—1797)—секретарь Берлинской академіи наукъ съ 1748, издатель съ 1720, вмѣстѣ съ Beausobre, научнаго обозрѣнія «Nouvelle Bibliotheque Germanique ou histoire litteraire de l'Allemagne de la Suisse et des Pays du Nord». Помѣщенное выше письмо написано Ломоносовымъ въ эпоху горячей борьбы съ нѣмецкой партіей въ Петербургской академіи по поводу рѣчи Ломоносова, подъ заглавіемъ: «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ» (Oratio de metheoris via electrica ortis), напечатанной въ приложеніи къ академическому акту 25 ноября 1753 года на русскомъ и латинскомъ. Взгляды Ломоносова, вызвавшіе впослѣдствіи сочувственный отзывъ знаменитаго Эйлера, возбудили при появленіи своемъ въ октябрѣ 1753 г. сильный протестъ со стороны академиковъ Грихова, Брауна и Попова и послужили предметомъ полемики, вызвавшей въ свою очередь вмѣшательство самого президента академіи гр. К. Г. Разумовскаго (Билярскій, «Матеріалы для біографіи Л—ва». Спб. 1865. стр. 220—258). Объ этой рѣчи Л. и говоритъ въ письмѣ, которое представляетъ отвѣтъ на письмо Формея отъ 27 окт. 1753 г. (отрывокъ изъ него въ сочиненіяхъ Л-ва, изд. 1803). Упоминаемый благопріятный отзывъ Ф. касается статьи Л—ва: «De tincturis metallorum» (Объ особомъ способѣ очистки руды) въ Commentarii Acad. scient. Petropolitanae, t. XIV, 1744—46 г. и помѣщенъ въ «Nouvelle Bibliotheque Germanique», Juillet, Aôut et Septembre 1753, т. XIII, стр. 3—16. Судя по помѣщенной въ этой же книжкѣ, стр. 222, статьѣ о смерти Рихмана, присланной изъ Спб. 27 іюля (7 августа) 1753 г. и по всему вѣроятію принадлежащей Ломоносову, сношенія у Л—ва съ Ф. завязались уже раньше, а о дальнѣйшихъ ихъ сношеніяхъ (Л. отвѣчалъ своимъ противникамъ въ журналѣ Ф.) см. у Билярскаго, 302, Будиловича («Л. какъ писатель». Спб. 1871) стр. 312 и рукоп. Ак. Н. № 58 и 493.

II.

Милостивый Государь

Григорій Григорьевичь!

Обрадуй всевышній Господь ваше превосходительство, сколько я милостивымъ вашимъ присыланіемъ обрадованъ сегодня. Подай вамъ во весь вѣкъ столько чувствовать удовольствія, какъ я нынѣ. Но оно безконечно умножится, когда совершеніе вашего благодѣянія истинно отеческаго воспослѣдуетъ, ибо онымъ всѣ истинные сыны отечества отъ унынія воставлены или лутче сказать воскрешены будутъ. Напротивъ того явные недоброхоты Россійскіе въ коварныхъ своихъ происках ослабясь не такъ станутъ насягать на насъ дерзостно. Нынѣ время златои здѣшнимъ наукамъ вѣкъ поставить и отъ презрѣнія (въ которое я было самъ первой попалъ) избавить возлюбленный Россійскій родъ! Не укосни милостивый Государь въ отчаяніи и дряхлости сѣтующее учащееся здѣсь юношество оживить отрадою и показать что ваше превосходительство Богъ возвысилъ истиннымъ сыномъ отечества на защищеніе вѣрныхъ природныхъ подданныхъ Ея Величества. Въ надеждѣ несомнѣннаго отеческаго вашего покровительства съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю Вашего Превосходительства всеуниженный и всеусердный (sic) слуга Михайло Ломоносовъ. Іюля 25 дня 1762 года. (Берлинс. Корол. библ. Radowitz 8078).

Это извѣстное письмо, адресованное гр. Гр. Орлову, объ утвержденіи университетской (не общей академической) привилегіи, здѣсь впервые печатается по подлиннику, заключающему нѣкоторые варіанты (отмѣчены разрядкою) противъ доселѣ печатающагося текста и другую дату 25-го, вм. 27-го іюля.

Сообщ. **И. Шляпкинъ.**

Поправка.

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» въ запискахъ М. Я. Ольшевскаго встрѣчается отзывъ автора о покойномъ генералъ-маіорѣ Кргановѣ. Очеркъ дѣятельности покойнаго, переданный авторомъ Записокъ, не справедливъ и во многомъ неточенъ, какъ заявляетъ сынъ покойнаго Карганова.

Въ виду кончины М. Я. Ольшевскаго, редакція считаетъ своимъ долгомъ возстановить дѣйствительные факты изъ жизни Карганова. Служба его не нуждается въ какомъ-либо подтвержденіи, ибо, участвовавъ въ 60-ти сраженіяхъ и получивъ въ чинѣ поручика георгіевскій крестъ, онъ дослужился до генеральскаго чина. Что же касается до перемѣны карьеры, выхода въ отставку и откупа рыбныхъ промысловъ, то это, по словамъ сына, произошло отъ того, что, прослуживъ 33 года, онъ очутился состоящимъ при кавказской арміи съ содержаніемъ въ 1800 рублей, что ему не давало возможности ни прожить съ семействомъ, ни воспитать дѣтей. И въ роли откупщика, Каргановъ отличался добросовѣстностью, доказательствомъ чего служитъ то вниманіе, которымъ пользовался покойный отъ вел. кн. намѣстника и его августѣйшей супруги.

Относительно неблагопріятнаго отзыва объ армянахъ вообще, г-нъ Каргановъ приводитъ имена: Тергукасова, Лазарева, Лорисъ-Меликова, Алхазова, Шелковникова и другихъ, оказавшихъ несомнѣнныя услуги Россіи.

НЕКРОЛОГЪ.

---

1 марта скончался почтенный сотрудникъ нашего журнала, записки котораго извѣстны нашимъ читателямъ. Покойный генералъ-отъ-инфантеріи Мелетій Яковлевичъ Ольшевскій родился въ 1816 году, въ г. Борго, по той причинѣ, что тотъ пѣхотный полкъ, въ которомъ служилъ его родитель, квартировалъ въ Финляндіи. Дѣтство же свое, до поступленія, въ 1826 году, въ 1-й кадетскій корпусъ, провелъ въ Гроднѣ и въ родовомъ помѣстьи, возлѣ этого города находящемся.

По окончаніи въ 1833 году корпуснаго воспитанія, онъ, 17 лѣтъ, былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1-ю артиллерійскую бригаду, гдѣ, передъ поступленіемъ въ военную академію генеральнаго штаба, исправлялъ должность бригаднаго адъютанта. Въ 1840 году, по окончаніи курса наукъ въ военной академіи, былъ назначенъ на Кавказъ, съ которымъ не разставался двадцать пять лѣтъ. Въ продолженіе столь долгаго служенія въ Кавказской арміи, Ольшевскій съ 1844 по 1853 годъ, сначала, какъ состоявшій при войскахъ лѣваго фланга Кавказской линіи, а потомъ, какъ дивизіонный квартирмейстеръ 20 пѣхотной дивизіи, участвовалъ, кромѣ безчисленныхъ стычекъ съ чеченцами и набѣговъ на ихъ аулы, въ ежегодныхъ зимнихъ экспедиціяхъ въ Малой и Большой Чечнѣ. Въ Восточную войну 1853—1856 годовъ находился въ составѣ дѣйствующаго въ Азіятской Турціи корпуса и въ сраженіяхъ: Башкадыкларскомъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ корпуса, а Кюрюкдарскомъ—командовалъ Бѣльскимъ пѣхотнымъ полкомъ, съ которымъ, послѣ упорнаго боя, и опрокинулъ правый флангъ турокъ. Окончилъ же Восточную войну начальникомъ штаба того же корпуса. Съ 1857 по 1861 годъ занималъ многотрудный постъ дежурнаго генерала Кавказской арміи. Въ 1861 году,

по производствѣ въ генералъ-лейтенанты, былъ назначенъ начальникомъ Кавказской резервной дивизіи и, одновременно съ тѣмъ, командуя войсками, за Лабою находившимися, имѣлъсчастіе п ринимать посѣтившаго Кавказъ государя императора. Въ 1864 году командовалъ войсками, въ Кубанской области расположенными.

Двадцатипятилѣтняя, по преимуществу, боевая служба генерала Ольшевскаго на Кавказѣ состояла изъ ряда отличій, наградъ и быстраго повышенія. Всѣ чины и ордена, начиная съ штабсъ-капитана до генералъ-лейтенанта, и съ Анны 3-й степени съ бантомъ до Владиміра 2-й степени включительно, съ золотымъ оружіемъ, онъ получилъ за боевыя отличія. Сколь высоко цѣнились его боевыя заслуги, доказательствомъ служитъ то, что онъ полковникомъ былъ только одинъ годъ, будучи произведенъ въ генералъ-маіоры за Кюрукдарское сраженіе. Онъ былъ извѣстенъ всему Кавказу за дѣятельнаго, правдиваго, заботливаго и испытанной честности офицера, какъ объ этомъ было сказано въ донесеніи князя Бебутова о Кюрукдарскомъ сраженіи. Несмотря на такую продолжительную и подверженную опасностямъ службу на Кавказѣ, генералъ Ольшевскій былъ только легко раненъ въ кисть правой руки.

Съ оставленіемъ въ 1865 году Кавказа, М. Я. Ольшевскій командовалъ послѣдовательно 9 и 15 пѣхотными дивизіями до 1873 года, когда, хотя и согласно его желанія, но, по необходимости, былъ отчисленъ по запаснымъ войскамъ. Въ послѣднюю войну, чувствуя себя въ силахъ и желая быть полезнымъ отечеству, онъ два раза просилъ дать ему назначеніе въ одной изъ дѣйствующихъ армій, но его просьбы не были исполнены.

Въ 1881 году Ольшевскій былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ, а вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. 22 апрѣля 1883 года, въ день пятидесятилѣтняго юбилея, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Все, что было сказано о М. Я. Ольшевскомъ, относилось до его служебной дѣятельности, согласно съ его послужнымъ спискомъ. Теперь же взглянемъ на него съ литературной точки зрѣнія. Съ этой стороны онъ мало извѣстенъ въ печати. Кромѣ небольшихъ статей, помѣщенныхъ лѣтъ тридцать тому назадъ въ газетѣ «Кавказъ» и въ Кавказскомъ календарѣ, да такихъ же статей, напечатанныхъ съ 1879 по 1885 годъ въ «Русской Старинѣ», а равно брошюры «О продовольствіи арміи въ военное время», изданной въ 1878 году, онъ ничего не предавалъ гласности. Но зато многое, принадлежащее его перу, нашлось бы въ архивахъ Кавказа о горскихъ обитателяхъ этого края, въ особенности о чеченцахъ. И за такія изслѣдованія о горцахъ Русское Географическое общество избрало его, еще въ 1852 году, своимъ членомъ-сотрудникомъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

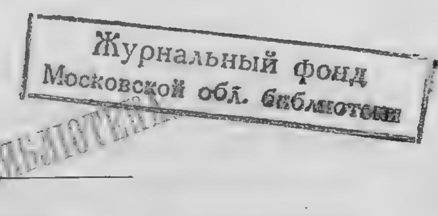
основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

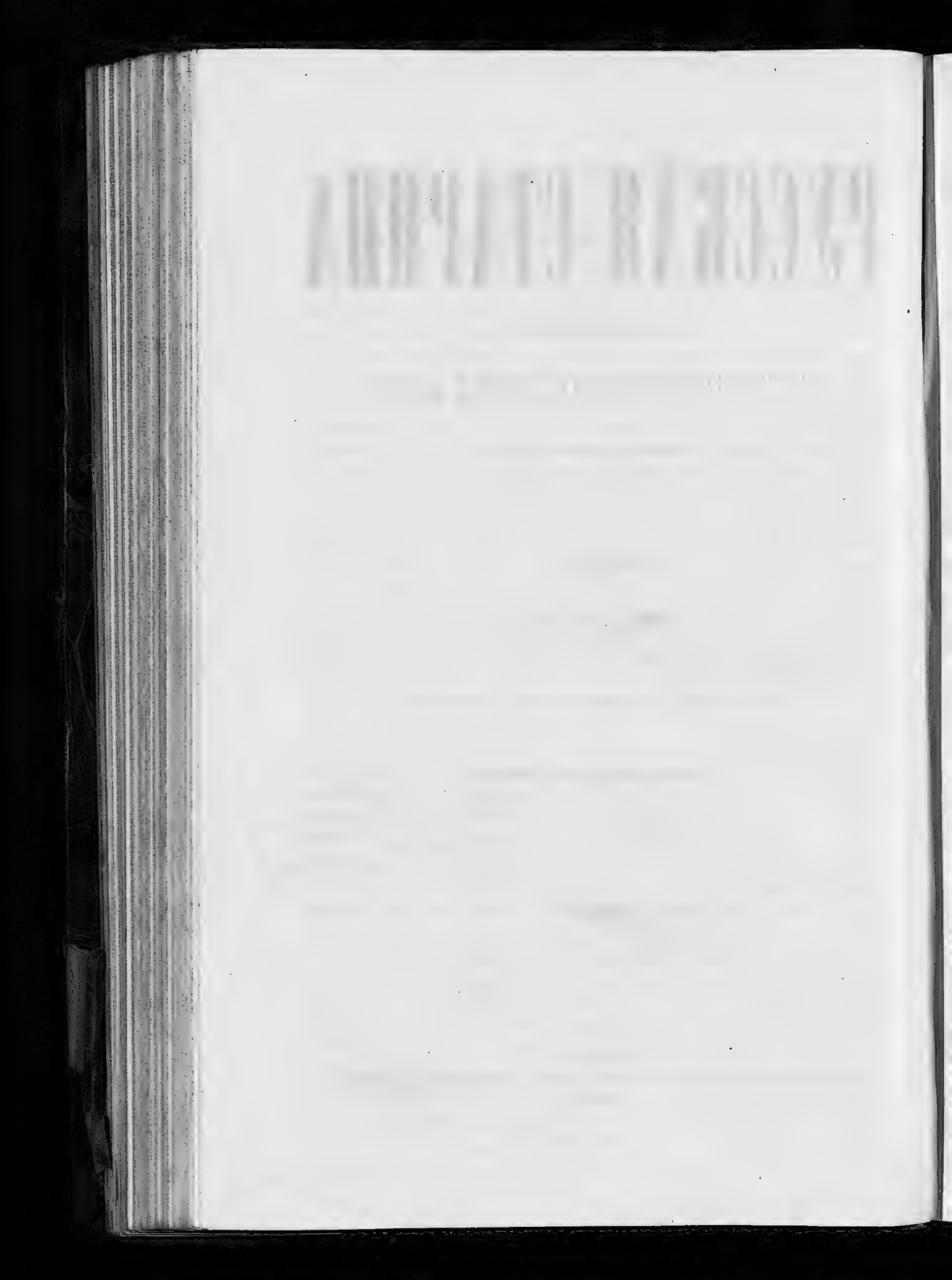
МАЙ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1895.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА IV [1]).

Присоединеніе князя Черкаскаго къ главной квартирѣ. — Усиленіе гражданскаго элемента въ полевомъ штабѣ.—Предубѣжденіе военныхъ властей противъ полеваго контроля и гражданскаго управленія.—Составъ и жизнь главной квартиры.—Слухи и предположенія о князѣ Черкаскомъ.—Разсказъ князя Черкаскаго о его положеніи въ главной квартирѣ.—Переѣздъ главной квартиры въ Плоэшти.

Главная квартира дѣйствующей арміи и князь Черкаскій, разставшись другъ съ другомъ въ половинѣ ноября 1876 года въ Петербургѣ, снова сошлись лишь 10-го апрѣля 1877 года въ Кишиневѣ, за два дня до объявленія войны. Пятимѣсячный почти перерывъ въ непосредственныхъ между собою сношеніяхъ, устранивъ возможность постепеннаго взаимнаго ознакомленія и установленія надлежащихъ отношеній какъ личныхъ, такъ и служебныхъ, имѣлъ огромное вліяніе на всѣ послѣдующія событія.

---

[1]) См. «Русскую Старину», апрѣль 1895 года.

*

Причины, по которымъ князь Черкаскій мирился съ невызовомъ его въ Кишиневъ съ началомъ января 1877 года, когда онъ заявилъ о своемъ намѣреніи присоединиться къ главной квартирѣ, подробно изложены выше[1]), причемъ объяснено, что въ несогласіи главной квартиры на заблаговременное прибытіе его въ Кишиневъ князь Владиміръ Александровичъ видѣлъ лишь личную противъ него интригу и нисколько не предполагалъ о какихъ-либо предвзятыхъ намѣреніяхъ противъ гражданскаго управленія, а между тѣмъ, именно въ этотъ пятимѣсячный періодъ, такой исключительный взглядъ и составлялся въ главной квартирѣ. Съ другой стороны, и у князя Черкаскаго, въ это же время, опредѣлился и созрѣлъ весьма своеобразный взглядъ на его обязанности при арміи, вслѣдствіе выдающагося положенія, ему при ней предоставленнаго.

При организаціи полевыхъ управленій дѣйствующей арміи, предназначавшейся для операцій въ Европейской Турціи, впервые было примѣнено Высочайше утвержденное, 16-го октября 1876 г., «Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», замѣнившее собою существовавшія до того времени законоположенія. Впервые въ составъ главной квартиры вошли учрежденія гражданскія, устройство которыхъ, по недостаточности опыта и вслѣдствіе чрезвычайныхъ политическихъ обстоятельствъ, оказалось недостаточно согласованнымъ съ задачами и потребностями военнаго режима вообще и съ условіями военнаго времени въ частности.

Этими учрежденіями были: полевое почтовое управленіе, полевое управленіе казначейскою частью, полевой контроль, главноуполномоченный общества Краснаго Креста и, наконецъ, завѣдующій гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ. По своему значенію и отношеніямъ къ военнымъ властямъ, поименованныя учрежденія рѣзко отличались одно отъ другаго.

Полевое почтовое управленіе, вѣдавшееся небольшаго ранга чиновникомъ, вполнѣ подчиненнымъ начальнику полеваго штаба, ни малѣйшей самостоятельности не имѣло и могло дѣлать на практикѣ только то, что ему было указываемо и разрѣшаемо штабомъ.

---

[1]) Глава II.

Бывшій въ то время директоромъ почтоваго департамента, нынѣ (1894 г.) сенаторъ, баронъ И. О. Веліо, передавалъ мнѣ, что, явясь къ начальнику полеваго штаба для переговоровъ о порядкѣ устройства этой важной отрасли управленія, былъ крайне пораженъ полною индифферентностью генерала Непокойчицкаго къ дѣлу. Онъ не обмолвился ни однимъ словомъ о предоставленіи войскамъ тѣхъ или другихъ выгодъ и удобствъ по почтовой части и ограничился лишь однимъ требованіемъ полнаго ему подчиненія полеваго почтоваго управленія. О томъ же, какъ оно будетъ организовано и что̀ будетъ въ состояніи предоставить войскамъ во время кампаніи, онъ и не полюбопытствовалъ. Впрочемъ, по словамъ барона Веліо, начальникъ полеваго штаба заботливо отнесся къ устройству перлюстраціи.

Полевое управленіе казначейскою частью, имѣвшее назначеніемъ быстрое удовлетвореніе войскъ денежнымъ довольствіемъ, было ввѣрено директору департамента государственнаго казначейства, Н. В. Кидошенкову, человѣку просвѣщенному, дѣловитому, обладавшему чисто русскимъ юморомъ и умѣвшему сходиться съ людьми. Онъ съ первыхъ дней сдѣлался любимцемъ и властей, и всего общества, и оставался такимъ до самаго отъѣзда изъ арміи. Его неуклюжіе и тяжеловѣсные фургоны, наполненные золотою и серебряною монетою, всегда и всюду проходили безъ задержекъ; приставали лошади, такъ впрягались люди и на себѣ весело и быстро выручали изъ бѣды своихъ кормильцевъ и поильцевъ. За кампанію 1877—1878 гг. полевое казначейство составило себѣ самую лестную репутацію и навсегда отодвинуло въ невозвратное прошлое прежніе порядки, при которыхъ интендантскіе чиновники, по цѣлымъ недѣлямъ, задерживали денежные отпуски и если, наконецъ, рѣшались на нихъ, то не иначе, какъ за извѣстное обложеніе, тяжело ложившееся на войсковыхъ пріемщиковъ.

Судьба полеваго контроля была иная. Подобно казначейству, онъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности сталъ замѣченъ всѣми, но не съ выгодной стороны, а наоборотъ — своимъ задорнымъ стремленіемъ всюду проникнуть, все узнать и во всемъ открыть заранѣе предполагаемые безпорядки и злоупотребленія. Его не только занимало, какъ бы слѣдовало, качество провіанта и фуража, но и каче-

ство лѣкарствъ въ военныхъ аптекахъ. Одинъ изъ набольшихъ контролеровъ требовалъ медикаменты, совалъ въ нихъ лакмусовую бумажку и входилъ въ препирательства съ провизорами и фельдшерами. Здѣсь не мѣсто говорить о недостаткахъ организаціи полеваго контроля и образѣ дѣйствій его ближайшихъ руководителей, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ сказать, что неопредѣленность задачъ и отсутствіе опыта должны быть приняты въ соображеніе, какъ обстоятельства, значительно уменьшающія вину прикосновенныхъ лицъ. Въ главной квартирѣ съ удовольствіемъ замѣчали отсутствіе заправилъ контрольнаго дѣла; когда же они послѣ своихъ частыхъ и продолжительныхъ экскурсій для такъ называемаго «фактическаго контроля» снова появлялись, то ихъ встрѣчали, конечно, шутливыми, но недвусмысленными пожеланіями скорѣйшаго отъѣзда. Полевой генералъ-контролеръ, Б. И. Черкасовъ, понималъ шутку и на вопросъ: «А, вы опять здѣсь?» нерѣдко отвѣчалъ: «Я недолго останусь здѣсь и отлично знаю, что доставилъ бы общее удовольствіе, еслибы совсѣмъ не показывался въ главной квартирѣ».

Какъ скоро контроль былъ признанъ за неустранимое зло, на его вмѣшательства перестали обращать вниманіе, къ заключеніямъ его стали относиться совершенно равнодушно, съ строгимъ, однако, соблюденіемъ канцелярскихъ порядковъ. Письменныя его представленія и замѣчанія служили поводомъ къ разнымъ объявленіямъ по войскамъ, но въ сущности никакого вліянія на общій ходъ дѣла не имѣли и оставались безрезультатными. Личные доклады выслушивались начальникомъ полеваго штаба [1]) по большей части молча, иногда съ одобреніемъ и даже обѣщаніемъ немедленнаго принятія различныхъ практическихъ мѣръ, но мѣры не принимались. Колесо вертѣлось, а дѣло оставалось на мѣстѣ, и въ сущности всѣ дѣйствія полеваго контроля замалчивались.

Вообще, едва-ли полевой контроль въ послѣднюю турецкую войну принесъ пользу, равносильную той путаницѣ, какую внесъ своимъ вмѣшательствомъ въ хозяйственныя распоряженія полевыхъ

---

[1]) Личнаго доклада у главнокомандующаго полевой генералъ-контролеръ, по закону, не имѣлъ.

управленій и войскъ. Въ новомъ «Положеніи о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», утвержденномъ 26-го февраля 1890 года, полевому контролю даны ясныя указанія объ образѣ его дѣятельности, всѣ требованія его поставлены въ строго опредѣленныя рамки, и приняты мѣры къ тому, чтобы онъ, состоя въ полномъ вѣдѣніи главнокомандующаго, способствовалъ правильному теченію хозяйственныхъ дѣлъ совокупнымъ и, главное, отвѣтственнымъ дѣйствіемъ съ прочими отдѣлами полеваго управленія, а не путемъ случайныхъ вторженій, имѣвшихъ видъ личныхъ усмотрѣній [1]).

Если дѣйствія полеваго контроля причинили много скучныхъ хлопотъ и недоразумѣній полевому штабу и привели его къ своеобразной мѣрѣ замалчиванія попытокъ этого учрежденія, не состоявшаго въ полномъ подчиненіи у высшихъ армейскихъ властей, то очевидно, гораздо большихъ недоразумѣній можно было ожидать отъ присоединенія къ главной квартирѣ князя Черкаскаго съ подвѣдомственными ему учрежденіями Краснаго Креста и гражданской канцеляріи. Мысль, по возможности отдалить эти новыя усложненія явилась сама собою и выразилась на дѣлѣ извѣстнымъ отказомъ на ходатайство князя Черкаскаго прибыть въ Кишиневъ въ началѣ января 1877 года. Отказъ этотъ былъ пробнымъ шаромъ, и весьма удачнымъ. Князь Черкаскій не протестовалъ и тѣмъ, несомнѣнно, ободрилъ своихъ недоброжелателей. Успѣхъ ихъ первой попытки послужилъ главнѣйшимъ основаніемъ къ предположенію о полномъ устраненіи изъ главной квартиры гражданскаго управленія.

---

[1]) Въ любопытной запискѣ, появившейся въ 1891 г., за подписью генераловъ В. Г. Золотарева и Д. С. Нагловскаго, написавшихъ ее со словъ высокопоставленнаго лица, говорится: «Когда былъ назначенъ полевой контроль, мы радовались; мы приняли съ распростертыми руками главу контроля, а онъ съ перваго дня со всѣми перессорился. Главнокомандующій хотѣлъ его выгнать изъ арміи еще въ Кишиневѣ, но генералъ Непокойчицкій упросилъ его; теперь, вѣрно, сожалѣетъ. Только-что началась война, онъ сталъ забрасывать главнокомандующаго рапортами: доносилъ, что фуражъ никуда не годится, войска плохо кормятся, товарищество навѣрно ограбитъ казну. Назначенная коммиссія доложила, что лучшаго фуража въ Румыніи нѣтъ, а въ кавалеріи потерь не было. Государь самъ видѣлъ войска и находилъ ихъ въ блестящемъ видѣ. Больныхъ было всего $2^1/_2$%, несмотря на ужасную погоду. Главнокомандующій пересталъ обращать вниманіе на контроль еще до похода войскъ къ Дунаю“.

Образованіе гражданскаго управленія при арміи, съ широкими задачами по возрожденію Болгаріи, было рѣшено помимо желанія главнокомандующаго. Онъ энергично протестовалъ противъ этого въ Петербургѣ, но успѣха не имѣлъ. По его воззрѣніямъ, мѣропріятія по устройству Болгаріи были несовмѣстимы съ веденіемъ военныхъ дѣйствій и должны были начаться уже послѣ того, какъ военныя дѣйствія окончатся, и на дѣлѣ выяснится, въ какомъ видѣ и какой именно части балканскихъ христіанъ должно будетъ оказать содѣйствіе введеніемъ у нихъ правильнаго государственнаго строя. Чуждый всякихъ политическихъ вопросовъ, великій князь не интересовался ни славянами, ни тѣмъ болѣе теоріями славянофиловъ. Получая въ командованіе армію, онъ, конечно, сознавалъ, что результатомъ войны должно быть улучшеніе положенія балканскихъ христіанъ, а можетъ быть и возрожденіе самостоятельной Болгаріи, но былъ далекъ отъ мысли, что заботы объ этомъ возрожденіи будутъ возложены на него. Для такой дѣятельности онъ считалъ себя неподготовленнымъ, и ему вовсе не улыбалась перспектива работать при содѣйствіи или, вѣрнѣе сказать, подъ вліяніемъ князя Черкаскаго, не только не овладѣвшаго его довѣріемъ, но и возбудившаго въ немъ холодность и подозрительность. Въ содѣйствіе гражданскаго управленія нуждамъ и выгодамъ арміи онъ не вѣрилъ и, наоборотъ, полагалъ, что управленіе это во многомъ свяжетъ распоряженія военныхъ властей и принесетъ войскамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, выдвигая впередъ интересы мѣстнаго населенія, соблюденіе коихъ, въ сущности, не обязательно для главнокомандующаго. Ближайшіе сотрудники великаго князя раздѣляли всѣ эти взгляды, и, такимъ образомъ, предубѣжденія противъ гражданскаго управленія, начавшіяся въ Петербургѣ и тамъ не разсѣянныя, со времени переѣзда главной квартиры въ Кишиневъ, все болѣе и болѣе увеличивались, причемъ нельзя отрицать вліянія на такое направленіе дѣла тѣхъ высшихъ чиновъ полеваго штаба, которые, по предоставленному князю Черкаскому оффиціальному положенію, могли лично опасаться за уменьшеніе своего собственнаго значенія. При такихъ обстоятельствахъ, сперва возникла попытка отклонить прибытіе гражданской канцеляріи въ Кишиневъ, а потомъ, когда она, по винѣ самого князя Черкаскаго, удалась, выработалось пред-

положеніе о совершенномъ устраненіи гражданскаго управленія изъ состава полевыхъ учрежденій дѣйствующей арміи. На этой мысли полевой штабъ окончательно остановился и началъ сообразоваться съ нею во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, касавшихся будущихъ дѣйствій за Дунаемъ, причемъ не только не предполагалось содѣйствія со стороны гражданскаго управленія, но и самое его нахожденіе при арміи отрицалось категорически. Ожидалось только личное прибытіе князя Черкаскаго, чтобы объявить ему о неизмѣнномъ взглядѣ военныхъ властей.

Главная квартира дѣйствующей арміи была чрезвычайно многолюдна и разношерстна до поразительной пестроты. Хотя она состояла преимущественно изъ военныхъ офицеровъ, но въ ней было весьма много и гражданскихъ чиновниковъ какъ военнаго министерства, такъ и другихъ вѣдомствъ, напр.: иностранныхъ дѣлъ, финансоваго и контрольнаго. Чины полеваго казначейства и полеваго контроля—т. е. лица чисто гражданскія, не имѣвшія ничего общаго съ военнымъ міромъ—впервые входили въ составъ главной квартиры, давали ей совершенно новый складъ и начинали новый порядокъ отношеній, о которомъ заранѣе нельзя было сказать ничего опредѣленнаго. Ожидавшееся прибытіе въ Кишиневъ агентовъ Краснаго Креста и личнаго состава гражданскаго управленія въ Болгаріи должно было еще болѣе нарушить однообразность состава главной квартиры. Впрочемъ, и между чисто военнымъ ея элементомъ далеко не было должной, какъ мнѣ кажется, солидарности. Общимъ побужденіемъ, свойственнымъ дѣйствительно всѣмъ военнымъ чинамъ главной квартиры безъ исключенія, можно признать только, стоявшее у нихъ на первомъ планѣ, желаніе не пропустить случая участвовать въ предстоявшей войнѣ и, если возможно—сдѣлать карьеру. Для осуществленія этого желанія каждымъ были употреблены многоразличные и многообразные способы, какіе у кого были подъ рукою. Строгаго и систематическаго выбора лицъ въ составѣ главной квартиры не практиковалось, и пополненіе ея слѣдуетъ признать случайнымъ. Всѣ попавшіе въ ея составъ, конечно, желали этого; несомнѣнно, всѣ они, болѣе или менѣе, удовлетворяли требованіямъ службы, но отнюдь не представляли со-

бою наидостойнѣйшихъ и наиполезнѣйшихъ для того кандидатовъ; многіе—изъ числа болѣе способныхъ и не менѣе, разумѣется, желавшихъ—остались за флагомъ и въ видѣ исключенія попали въ главную квартиру уже послѣ, когда успѣли выказаться въ личномъ ея составѣ разные недочеты и когда на театрѣ войны, но въ другомъ вѣдомствѣ (отчасти и въ гражданскомъ управленіи) появлялись тѣ или другіе изъ видимо забытыхъ или обойденныхъ. Въ доказательство случайности выбора различныхъ лицъ въ составъ главной квартиры можно привести весьма разительный примѣръ. Начальникъ полеваго штаба до войны былъ предсѣдателемъ военнокодификаціоннаго комитета. Формируя штабъ, онъ взялъ къ себѣ изъ кодификаціоннаго комитета: генералъ-маіора Кучевскаго на должность своего помощника; дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шуберта—правителемъ своей канцеляріи и статскаго совѣтника Стефана его помощникомъ. Конечно, онъ зналъ ихъ и привыкъ къ нимъ, но едва-ли въ главномъ штабѣ и въ войскахъ вообще не было другихъ болѣе компетентныхъ на эти должности кандидатовъ, чѣмъ вышеназванные чиновники, искусившіеся въ кодификаціи. Людямъ, привыкшимъ къ мертвымъ формамъ, было поручено живое дѣло. Результаты оказались плохіе и появились немедленно, съ первыхъ дней образованія штаба.

При отсутствіи внутренней, органической солидарности между чинами главной квартиры, единственными побужденіями къ сближенію, къ установленію общности интересовъ были: совмѣстная служба и полнѣйшая бездѣятельность, скажу больше, праздность. Если къ этому прибавить избытокъ физическихъ силъ, достаточное денежное обезпеченіе и небѣдныя средства большаго губернскаго города, то станетъ совершенно понятнымъ, почему главная квартира зажила въ Кишиневѣ шумно и беззаботно. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, подобное положеніе дѣлъ затянулось на пять долгихъ мѣсяцевъ. Послѣдствія праздности незамедлили появиться. Начались пересуды, сплетни и другіе отрицательные продукты провинціальной жизни, принявшіе еще бо̀льшіе размѣры оттого, что главнокомандующій вскорѣ серьезно заболѣлъ, и болѣзнь его, сама по себѣ, давала поводъ къ различнымъ, разлагающаго свойства, толкамъ. Говорили о всемъ и всѣхъ, все и вся;

перемѣшивая, какъ всегда, правду съ вымыслами, повторяя послѣдніе, по большей части на вѣру, со словъ другихъ. Немалое вниманіе военныхъ политикановъ сосредоточивалось сперва на невиданныхъ еще въ арміи и появившихся уже въ главной квартирѣ представителяхъ министерства финансовъ и контроля. Но какъ они не были ни особенно интересны, ни многочисленны и не предназначались къ видной дѣятельности, то къ нимъ скоро привыкли и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ занялись отсутствующими, т. е. чинами Краснаго Креста и гражданскаго управленія.

Всего болѣе и охотнѣе говорили, и это было понятно, о князѣ Черкаскомъ. Онъ занялъ слишкомъ видное положеніе, и его вліяніе — если бы онъ достигъ его, могло бы имѣть чрезвычайное политическое значеніе на ходъ многихъ дѣлъ въ арміи. Въ сферу его дѣятельности входили не какія-либо облегченія и затрудненія въ денежномъ довольствіи, не придирчивыя и во всякомъ случаѣ ничтожныя нападенія контроля, а выполненіе существенныхъ интересовъ Россіи, управленіе всѣмъ краемъ и несеніе помощи больнымъ и раненымъ. Важности порученнаго ему дѣла соотвѣтствовали и чрезвычайныя полномочія, ему данныя. Онъ, только одинъ изъ всѣхъ состоявшихъ при арміи, получилъ право личнаго доклада главнокомандующему и въ этомъ отношеніи сталъ рядомъ съ начальникомъ полеваго штаба, съ которымъ сносился какъ съ равнымъ [1]). Являлись вопросы, какія отношенія установятся между нимъ и военными властями, неблаговоленіе коихъ къ гражданскому управленію ни для кого не было секретомъ, особенно со времени отклоненія его ходатайства о прибытіи въ Кишиневъ. Вѣсть о томъ быстро разошлась по главной квартирѣ и особенно усилила и ожи-

---

[1]) Въ будущемъ ничего подобнаго, безъ сомнѣнія, не повторится, такъ какъ возложеніе на князя Черкаскаго организаціи Болгаріи было дѣломъ въ высшей степени исключительнымъ. Въ новомъ «Положеніи о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», утвержденномъ 26 февраля 1890 г., управленіе занятымъ непріятельскимъ краемъ безусловно предоставлено главнокомандующему, а главноуполномоченный отъ Краснаго Креста не только избирается главнымъ управленіемъ общества, но и подчиняется дежурному генералу арміи, отъ котораго получаетъ всѣ главныя указанія для общей связи въ распоряженіяхъ по разнымъ отраслямъ санитарной администраціи (ст. 548 и 549 закона 1890 г.)

вила толки о князѣ Черкаскомъ. По странному стеченію обстоятельствъ, въ главной квартирѣ не было рѣшительно никого изъ его сотрудниковъ по крестьянскому дѣлу въ имперіи и по реформамъ въ Царствѣ Польскомъ, которые могли дать правильное освѣщеніе его дѣйствіямъ въ эти двѣ важныя историческія эпохи. Напротивъ того, было немало личностей—и при томъ въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ—совершенно его незнавшихъ, но тѣмъ не менѣе, съ чужаго голоса, представлявшихъ его себѣ въ самомъ превратномъ видѣ. Его считали краснымъ демагогомъ, о чемъ легкомысленно и заявлялось во всеуслышаніе. Къ этимъ безсознательнымъ хулителямъ присоединялись и сознательные его враги, простиравшіе къ нему претензіи на почвѣ польскаго вопроса. Послѣдняго рода личностямъ и самъ князь Черкаскій приписывалъ иниціативу всякихъ ему противодѣйствій. Люди его лагеря, знавшіе хорошо и его самого, и условія, среди которыхъ приходилось ему дѣйствовать во время войны, не колеблясь говорятъ объ организовавшейся противъ него въ арміи польской интригѣ. Незабвенный М. Д. Скобелевъ, глубоко уважавшій князя Черкаскаго, говорилъ: «Его задразнили, онъ былъ боленъ и не перенесъ этого; а какъ его изводила польская партія!! Чуяли поляки, что со взятіемъ Константинополя конецъ и польскому вопросу, и знали, что Черкаскій мощный дѣятель—ну его и задразнили...» Да и задразнили: князь Владиміръ Александровичъ умеръ отъ разлитія желчи. «Князь Черкаскій»—прибавилъ Скобелевъ поэтично—«палъ подъ стѣнами Царьграда, подъ ударами Польши» [1]). Можетъ быть до подобнаго вывода я самъ не дошелъ бы и такой фразы не написалъ, но разъ она написана, я не могу не признать ее весьма вѣроподобной. Конечно, никакого mot d'ordre къ возбужденію неудовольствій противъ князя Черкаскаго дано не было, но извѣстно, что всякое, а особливо праздное общество крайне чутко ко всему, что творится въ руководящихъ сферахъ, и по быстро развивающимся стаднымъ свойствамъ легко слѣдуетъ за гипнотическимъ, такъ сказать, внушеніемъ скрытыхъ зачинщиковъ и нерѣдко въ своемъ усердіи идетъ го-

---

[1]) «Истор. Вѣст.» дек. 1893 г. Статья кн. Оболенскаго: «Наброски изъ прошлаго», стр. 638.

раздо дальше, чѣмъ бы хотѣли осторожные руководители. Въ подкрѣпленіе приведу одинъ примѣръ изъ послѣдней войны 1877—1878 г., непосредственно сюда относящійся. При сформированіи личнаго состава полеваго штаба, подмѣчены были нѣкоторые признаки того, что польскому элементу дано было довольно замѣтное предпочтеніе. И вотъ кандидатомъ на должность секретаря при полевомъ главномъ священникѣ арміи былъ представленъ нѣкто Райскій (?), очень почтенный чиновникъ, но польскаго происхожденія и католикъ. За подобнымъ ходатайствомъ была признана большая доля оригинальности и самостоятельности, и представленіе уважено.

Зная по слухамъ о широкой постановкѣ вопроса о гражданской администраціи и Красномъ Крестѣ, въ главной квартирѣ говорили, что князь Черкаскій набралъ въ Петербургѣ и Москвѣ массу чиновниковъ, докторовъ и уполномоченныхъ по Красному Кресту. Однимъ изъ нихъ онъ, будто бы, раздаетъ должности губернаторовъ и иныхъ администраторовъ въ незавоеванной еще Болгаріи; другимъ обѣщаетъ отдать въ распоряженіе госпитали и разныя военно-медицинскія учрежденія Краснаго Креста. Вообще ожидали, что онъ явится въ главную квартиру съ огромною свитою. Первая подобная выдумка, къ сожалѣнію, появилась на страницахъ «Правительственнаго Вѣстника». Оффиціальный его корреспондентъ, перечисляя учрежденія, оставлявшія одно за другимъ Плоэшти, говоритъ, что 2-го іюня князь Черкаскій «переѣхалъ въ Бухарестъ со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ служащихъ по Красному Кресту и по будущему гражданскому управленію Болгаріи. Штатъ этого послѣдняго отдѣла очень многочисленъ, такъ какъ въ немъ,—судя по здѣшнимъ разсказамъ—уже находятся и рущукскій, и варненскій, и систовскій и прочихъ иныхъ санджаковъ губернаторы и вице-губернаторы, получающіе весьма значительное содержаніе» [1]). Между тѣмъ въ это время на службѣ въ гражданскомъ управленіи состояло всего, съ княземъ Черкаскимъ, 28 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 дипломатовъ, зачисленныхъ лишь 24-го мая и находившихся еще въ разныхъ мѣстахъ имперіи и заграницей. Губернаторы и

---

[1]) «Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйст. ар. 1877—1878 г.» Т. I, стр. 246.

вице-губернаторы различныхъ санджаковъ были только въ пылкомъ воображеніи корреспондента. Къ слову сказать, эта небылица облетѣла всѣ газеты и дала поводъ къ сильному глумленію надъ княземъ Черкаскимъ. Праздное воображеніе сильно разыгрывалось, и выдумывались комическія положенія, въ которыхъ неминуемо должны будутъ очутиться въ арміи незваные штатскіе. Составлялись цѣлыя легенды, пародировали Мальбрука, сочиняли стихи, осмѣивавшіе торжественность и пышность скораго появленія князя Черкаскаго, и воспѣвались въ смѣшномъ видѣ будущіе подвиги болгарскихъ администраторовъ. Можно предположить, что если бы высшія власти не относились къ миссіи князя Черкаскаго съ явнымъ нерасположеніемъ, то и въ главной квартирѣ не предавались бы такимъ измышленіямъ. Но за то разъ эта недоброжелательность была подмѣчена, дурные инстинкты взяли свое, и безобразныя выдумки достигли крайне уродливаго развитія.

Кромѣ закулисной польской интриги и стадныхъ инстинктовъ праздной среды, возбужденію въ главной квартирѣ противъ князя Черкаскаго способствовали также дипломаты и военные врачи. Послѣдніе, какъ уже разсказано выше, приведены были въ смущеніе приглашеніемъ въ вѣдомство Краснаго Креста свободныхъ столичныхъ докторовъ, согласившихся посвятить свои знанія и досуги на пользу страждущимъ. Армейское врачебное начальство усмотрѣло въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, убоялось конкуренціи и страшилось быть оттертымъ, такъ сказать, отъ возможности всецѣло распоряжаться дѣлами и показывать товаръ лицомъ. Пользу, которую наѣзжіе врачи должны были принести дѣлу, они не цѣнили ни во что и боялись лишь за свои личные интересы. Переписка по этому предмету выказала ихъ побужденія, но пріѣзду докторовъ не помѣшала, а это обстоятельство, въ свою очередь, возбудило крайнее въ армейскомъ врачебномъ начальствѣ неудовольствіе противъ князя Черкаскаго и соперничество съ Краснымъ Крестомъ, выразившееся между прочимъ въ томъ, что главноуполномоченный Краснаго Креста никогда во-время не извѣщался о предстоящей для него возможности дѣйствовать въ полѣ. Не сообщили ему о времени и мѣстѣ переправы черезъ Дунай, не дали знать также о направленіи корпуса барона Криденера противъ Никополя. Опровергать этихъ

общеизвѣстныхъ фактовъ, разумѣется, никто не будетъ, и странность ихъ особенно бросается въ глаза, если вспомнить, что лейбъ-медикъ Обермиллеръ, имѣвшій первенствующее вліяніе на медицинскую часть въ арміи, на дѣлѣ въ Севастополѣ видѣлъ, какую громадную пользу приносили командированные туда врачи съ профессорами Пироговымъ и Гюббенетомъ.

Что касается до чиновъ дипломатической канцеляріи, то они сторону противниковъ князя Черкаскаго не принимали и были съ нимъ въ корректныхъ отношеніяхъ, но никогда не дѣлались его защитниками. Попытка князя Черкаскаго сосредоточить въ своихъ рукахъ всю гражданскую часть, включивъ въ нее и дипломатическую канцелярію—была имъ извѣстна, и они этого ему никогда не прощали. По совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, разныя стихотворныя нападки на князя Черкаскаго пошли именно изъ среды этихъ дипломатовъ, между которыми нашелся талантливый зоилъ, мѣнявшій свои способности на мѣдные гроши и не упускавшій случая ввернуть крылатое слово. Конечно, случайность эта на счетъ всѣхъ дипломатовъ отнесена быть не можетъ.

Обрисовавъ тѣ условія, которыя способствовали возникновенію и утвержденію въ главной квартирѣ пристрастныхъ и ложныхъ представленій о готовившейся дѣятельности князя Черкаскаго при арміи, весьма интересно выяснить, въ свою очередь, что думалъ о себѣ самъ князь Черкаскій, какимъ образомъ смотрѣлъ онъ на свою задачу и какъ предполагалъ ее выполнить? Только сопоставленіемъ представленій его самого со взглядами его противниковъ и возможно разъяснить дѣло и установить основанія, на которыхъ развивалась впослѣдствіи дѣятельность завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміей.

Въ бесѣдахъ со мною о подробностяхъ своего назначенія въ армію, князь Черкаскій не упустилъ случая съ особымъ оттѣнкомъ замѣтить, что, предоставляя себя въ распоряженіе правительства, онъ не думалъ о карьерѣ или какихъ-либо личныхъ выгодахъ отъ предстоящей дѣятельности въ Болгаріи, а просто, вслѣдствіе внезапно охватившаго его въ Кремлѣ одушевленія, почувствовалъ непреодолимое желаніе пріобщиться, такъ или иначе, къ начинав-

шимся многознаменательнымъ событіямъ и сослужить государю и отечеству еще одну скромную добровольную службу. Къ подобному заявленію слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осторожностью. Князь Черкаскій не извращалъ дѣла умышленно, но представлялъ его съ своей точки зрѣнія, не вполнѣ согласовавшейся съ бывшими обстоятельствами.

Оба перерыва его службы—государственной въ Варшавѣ и общественной въ Москвѣ, произошли по его собственному почину, подъ вліяніемъ причинъ, которымъ онъ не хотѣлъ подчиниться, хотя онѣ ни въ тотъ, ни въ другой разъ не вынуждали его удаленія съ поприща активной службы. Добровольное обреченіе себя на частную жизнь въ то время, когда никто не считалъ его лишнимъ у порученнаго ему дѣла, было слѣдствіемъ его чрезмѣрнаго самолюбія и преувеличенныхъ представленій о собственномъ достоинствѣ и независимости. Изъ его собственныхъ словъ видно, что, прерывая въ 1867 году свою дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ, онъ, вслѣдъ за отказомъ отъ нея, почувствовалъ себя неправымъ и увидѣлъ свою ошибку, но поправить ее было уже поздно. Тотъ же избытокъ самолюбія, который вовлекъ его въ первоначальную роковую ошибку, заставилъ его выставлять себя человѣкомъ, сознательно окончившимъ публичную дѣятельность и безповоротно помирившимся съ скромнымъ положеніемъ простаго наблюдателя.

На дѣлѣ было не такъ. Быть празднымъ зрителемъ происходившаго передъ его глазами онъ не могъ; его значеніе въ обществѣ, личные взгляды и наконецъ живыя воспоминанія о прежнихъ удачахъ и неудачахъ влекли всѣ его помыслы къ изученію, разслѣдованію и оцѣнкѣ текущихъ событій; онъ участвовалъ въ нихъ всѣми силами своего проницательнаго, дѣятельнаго ума и часто видѣлъ, что въ рукахъ мало выдающихся дѣятелей дѣло идетъ не такъ, какъ бы было возможно направить его. Увѣренность въ своихъ силахъ возбудительно дѣйствовала на его властный характеръ, и онъ не могъ не сознавать и не сожалѣть, что самъ лишилъ себя возможности принимать живое участіе во всемъ происходящемъ, а при случаѣ, можетъ быть, даже и руководить дѣломъ. При такомъ сознаніи, бездѣйствіе страшно тяготило его, и онъ не могъ не жалѣть объ ускользнувшей изъ его рукъ власти, съ силою и значеніемъ

которой въ рукахъ государственнаго человѣка успѣлъ близко познакомиться на практикѣ. Трудно отрицать, чтобы, при извѣстномъ его честолюбіи и стремленіи къ верховодству и первенству, князь Черкаскій не искалъ власти просто для власти. Она несомнѣнно была для него привлекательна и пріятна. Сожалѣлъ онъ о своихъ ошибкахъ тѣмъ болѣе, что по строю нашей государственной жизни не могъ надѣяться на то, чтобы предложеніе этой власти и призывъ къ новой дѣятельности послѣдовали изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, хотя въ нихъ, во всякомъ случаѣ, его прежнія заслуги не были забыты. Отъ этого сознанія легко было перейти и къ рѣшимости на собственную въ этомъ дѣлѣ иниціативу, но для этого необходимъ былъ подходящій случай, который бы, тѣмъ или другимъ способомъ, объяснилъ такой поступокъ не простымъ исканіемъ служебной дѣятельности изъ честолюбивыхъ видовъ, а дѣлалъ его напротивъ какъ бы самопожертвованіемъ. «Кремлевское слово» представило превосходный поводъ къ такому заявленію—онъ предложилъ себя на посильное служеніе гуманнымъ цѣлямъ Краснаго Креста и просилъ мѣста самаго скромнаго, съ намѣреніемъ лишь быть полезнымъ дѣлу въ качествѣ патріота, а не тщеславнаго властолюбца. Можно ли допустить, чтобы въ октябрѣ 1876 года въ его головѣ не зародилась и не созрѣла мысль о томъ, что неизбѣжная по всѣмъ видимостямъ война съ Турціей будетъ имѣть цѣлью возрожденіе балканскихъ христіанъ и спеціально болгаръ, на помощь которымъ историческія судьбы вели Россію послѣ политическаго устройства, при ея содѣйствіи, придунайскихъ княжествъ и Сербіи. Та легкость, съ которою онъ, услышавъ лишь намекъ на порученіе ему болгарскихъ дѣлъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, скорѣе часовъ, письменно изложилъ стройный планъ своей будущей дѣятельности, показываетъ, что онъ давно и много думалъ объ этомъ дѣлѣ и къ нему готовился. При такихъ обстоятельствахъ, исканіе завѣдыванія какимъ-то госпиталемъ было только благовиднымъ средствомъ удобнаго предложенія своихъ услугъ въ сферѣ совсѣмъ скромной дѣятельности. Князь Черкаскій твердо вѣрилъ, что, разъ попавъ на поприще государственной службы и на театръ военныхъ дѣйствій — болгарскія дѣла отъ него не уйдутъ. Такъ и случилось. Предложенныя имъ услуги были приняты охотно; да-

вать ему госпиталь сочли несоотвѣтственнымъ и сразу дали управленіе всѣмъ Краснымъ Крестомъ при арміи, а черезъ нѣсколько дней намекнули и на завѣдываніе болгарскими дѣлами. Дѣйствительно, личность князя Черкаскаго была слишкомъ крупна для того, чтобы, призывая его на службу, держать на какой-то ничтожной должности въ то время, когда сама собою выяснилась огромная задача по организаціи будущей Болгаріи. Его маскируемые, легко впрочемъ, виды на новое вступленіе во власть осуществились быстрѣе, чѣмъ можно было думать, при чемъ государево великодушіе выказалось въ яркомъ свѣтѣ и полной мѣрѣ. Государь цѣнилъ заслуги и таланты князя Черкаскаго, предавая забвенію выказанныя имъ прежде неловкости. Прося малаго, князь Черкаскій вдругъ, по предложенію свыше, получилъ самое главное дѣло, о которомъ, разумѣется, только и мечталъ въ данномъ случаѣ.

Съ этого времени князь Черкаскій мгновенно преображается и становится тѣмъ честолюбивымъ и высокомѣрнымъ дѣятелемъ, какимъ былъ въ прежнее время. Едва лишь передъ нимъ блеснулъ лучъ надежды снова сдѣлаться государственнымъ дѣятелемъ, онъ пишетъ горячую записку, излагаетъ въ ней свою политическую программу, какъ подобаетъ государственному человѣку, страстно поддерживаетъ ее въ Петербургѣ и успѣваетъ, почти безъ всякихъ усилій, обратить свой проектъ въ правительственный актъ. О скромной роли какого-то попечителя надъ однимъ или нѣсколькими военно-врачебными учрежденіями нѣтъ помина. Онъ видитъ себя избранникомъ для осуществленія великаго историческаго дѣла «возсозданія Болгарскаго края къ гражданской народной жизни»; считаетъ свою задачу «одной изъ самыхъ трудныхъ въ мірѣ задачъ».

Сознавъ такое значеніе, онъ немедленно сталъ и смотрѣть на себя соотвѣтственно таковой оцѣнкѣ, чѣмъ, сказать кстати, произвелъ въ Петербургѣ неблагопріятное для себя впечатлѣніе. Правда, ожиданіе сразу занять выдающееся положеніе въ высшихъ административныхъ сферахъ не оправдалось, въ Петербургѣ его приняли холодно, ни въ какія государственныя соображенія и планы не посвятили, и онъ скоро даже почувствовалъ, «что забытъ и какъ бы заброшенъ», но это не разбило въ конецъ его надеждъ и упованій,

тѣмъ болѣе, что въ то же время, съ другой стороны онъ получалъ новые стимулы къ поддержанію въ себѣ твердой вѣры въ блестящую будущность и въ великое значеніе своего призванія къ новой дѣятельности. Эти стимулы, не только поддерживавшіе его энергію, но, къ сожалѣнію, сильно льстившіе его и безъ того развитому самомнѣнію и тщеславію, шли изъ Москвы. Въ Москвѣ князь Черкаскій былъ своимъ человѣкомъ. Его быть можетъ многіе недолюбливали за крутой нравъ, рѣзкое и часто презрительное обращеніе, но единодушно считали мѣстною знаменитостью, типическимъ представителемъ первопрестольной, ея гордостью. Такимъ излюбленнымъ человѣкомъ выставлялъ его И. С. Аксаковъ въ рѣчи, произнесенной въ московской городской думѣ, вскорѣ по полученіи извѣстія о заключеніи санъ-стефанскаго договора и безвременной кончинѣ князя Черкаскаго. Указавъ на то, что вслѣдствіе войны «не только освобождены болгары, но и созиждена несуществовавшая дотолѣ Болгарія во всеоружіи гражданскаго строя», Аксаковъ продолжалъ: «Кто же былъ этимъ зодчимъ, этимъ строителемъ? Кого къ этому великому, славному и трудному подвигу призвало довѣріе государя? Общественнаго дѣятеля изъ вашей среды, одного изъ представителей Москвы, вашего сочлена и сотрудника по городской думѣ, князя В. А. Черкаскаго».

Въ то же время и тамъ же, Д. Ѳ. Самаринъ между прочимъ говорилъ: «когда обнаруживалось внутреннее нестроеніе наше, когда наступали въ государственной жизни минуты трудныя, на кого постоянно и настойчиво указывала Москва, какъ не на князя Черкаскаго, намѣчая его на высшее служеніе отечеству?»

Славянофилы, считая его своимъ неизмѣннымъ единомышленникомъ, высоко цѣнили его умъ, способности, энергію и превозносили его какъ выдающагося дѣятеля государственнаго и общественнаго.

Словомъ, Москва считала его какимъ-то провиденціальнымъ человѣкомъ и вѣрила, что въ его рукахъ не потерпятъ ущерба государственные, а слѣдовательно и общественно - національные интересы.

Прерывая свое пребываніе въ Петербургѣ (съ ноября 1876 по апрѣль 1877 г.) нѣсколькими поѣздками въ Москву и тульскую

свою деревню, князь Черкаскій, вращаясь среди людей, бывшихъ такого высокаго мнѣнія о немъ самомъ и его призваніи, освоился съ ихъ взглядами и внутренно, убѣжденно сталъ считать себя дѣйствительно какъ бы представителемъ, делегатомъ общества, Москвы и всей Россіи. Онъ чувствовалъ на себѣ нравственную отвѣтственность за соблюденіе существеннѣйшихъ государственныхъ интересовъ; за ихъ ненарушимость—онъ видѣлъ себя отвѣтственнымъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Защищая какіе-либо интересы, не касавшіеся непосредственно его служебныхъ обязанностей, онъ необинуясь говорилъ: «это дѣло не мое, согласенъ, но развѣ Москва, Россія проститъ мнѣ, что я не остановилъ безобразія, не возстановилъ правды, попустилъ вредъ для чести и достоинства отечества?» Мнѣ это неоднократно приходилось слышать отъ него самого, и я хорошо знаю, что то же самое говорилъ онъ и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ былъ поставленъ въ прямыя и непосредственныя отношенія. Вотъ съ какимъ подъемомъ духа, съ какими высокопатріотическими мыслями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самообольщеніемъ, ѣхалъ въ Кишиневъ князь В. А. Черкаскій, на послѣдній подвигъ своего самоотверженнаго служенія царю и отечеству.

Прибывшая въ Кишиневъ гражданская канцелярія была въ самомъ зачаточномъ положеніи и, вмѣстѣ съ самимъ завѣдывающимъ гражданскою частью, состояла всего изъ четырехъ человѣкъ. Пополнить ее князь Черкаскій разсчитывалъ во время стратегическаго сосредоточенія войскъ въ Румыніи до перехода арміи за Дунай. Времени было довольно, тѣмъ болѣе, что дѣятельность чиновъ гражданскаго управленія не могла начаться тотчасъ же по переходѣ за Дунай, необходимо было выждать, чтобы армія заняла прочно ту или другую часть Болгаріи, въ которой бы и можно было вводить новую русскую администрацію. Предоставленіе главнокомандующему права прикомандировывать къ гражданскому управленію офицеровъ изъ частей войскъ и чиновниковъ изъ другихъ вѣдомствъ обезпечивало возможность быстраго набора чиновъ, какъ только въ томъ представится настоятельная потребность. До того же времени, оставленіе гражданской канцеляріи въ ея зачаточномъ составѣ

избавляло казну отъ напрасныхъ денежныхъ затратъ на содержаніе личнаго состава.

По инымъ причинамъ останавливался онъ въ прикомандированіи лицъ, намѣченныхъ имъ на должности главныхъ своихъ сотрудниковъ, которымъ полагалъ ввѣрить сперва составленіе соображеній и проектовъ по устройству различныхъ отраслей государственнаго управленія въ Болгаріи, а потомъ и непосредственное руководство частями административной, судебной, учебной и проч.

Искать ближайшихъ помощниковъ, разумѣется, приходилось между лицами, занимавшими болѣе или менѣе видныя мѣста въ служебной іерархіи. А что могъ онъ предложить имъ вѣрнаго и опредѣленнаго, могущаго вызвать съ ихъ стороны согласіе на поѣздку въ никому невѣдомую Болгарію? Мало того, личное его положеніе было весьма неблагопріятно. Въ правящихъ сферахъ Петербурга, кромѣ военнаго министра, онъ не имѣлъ благожелателей; почти всѣ министерства были настроены противъ него недружелюбно. Потребовать назначенія себѣ помощниковъ значило заявить о ихъ солидарности съ собою и тѣмъ самымъ поставить въ ложное отношеніе къ ихъ непосредственнымъ начальникамъ. Этого послѣдняго князь Черкаскій совершенно не желалъ и рѣшилъ дождаться полнаго разъясненія, на практикѣ, правилъ о командированіи въ армію чиновъ различныхъ вѣдомствъ съ сохраненіемъ занимаемыхъ ими должностей [1]). Да и при этомъ условіи, въ видахъ возможнаго уменьшенія числа подобныхъ чиновъ, онъ остановился на томъ, чтобы веденіе дѣлъ финансовыхъ взять лично на себя, а дѣла административныя поручить лицу, которое займетъ должность штатнаго его помощника по управленію гражданскими дѣлами. Затѣмъ, онъ считалъ неизбѣжнымъ имѣть при себѣ еще только двухъ спеціалистовъ для направленія дѣлъ судебныхъ и учебныхъ. Благопріятной минуты для назначенія всѣхъ этихъ лицъ не представлялось ему до самаго переѣзда гражданской канцеляріи въ Кишиневъ.

---

[1]) Первыми командированными на этихъ условіяхъ въ армію были губернаторы: рязанскій Н. С. Абаза, и воронежскій, князь М. А. Оболенскій назначенные—первый завѣдующимъ Краснымъ Крестомъ отъ Прута внутрь имперіи, а второй коммиссаромъ при румынскомъ правительствѣ по дѣламъ дѣйствующей арміи.

Накануне объявленія войны, 11-го апреля 1877 г., по телеграфу онъ предложилъ мнѣ мѣсто своего помощника по гражданскимъ дѣламъ и, получивъ мое согласіе, испросилъ чрезъ главнокомандующаго высочайшее повелѣніе о моемъ командированіи въ распоряженіе главнокомандующаго съ оставленіемъ, по-прежнему, радомскимъ губернаторомъ. Къ главной квартирѣ я прибылъ 3-го мая [1]). Нѣсколько позже были назначены состоять при немъ членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. И. Лукьяновъ (нынѣ сенаторъ) для веденія дѣлъ судебныхъ, и профессоръ Харьковскаго университета, болгаринъ Дриновъ, извѣстный славистъ, бравшій на себя руководство дѣлами народнаго образованія.

Лицъ второстепенныхъ, необходимыхъ для пополненія состава канцеляріи и для мѣстнаго управленія въ Болгаріи,—гдѣ, какъ замѣчено выше, предполагалось, на первое время, лишь возстановить существовавшія административныя и финансовыя учрежденія, поставя ихъ подъ надзоръ довѣренныхъ лицъ въ санджакахъ и казахъ—князь полагалъ избрать къ началу военныхъ дѣйствій, причемъ значительное число ихъ, а именно всѣхъ кандидатовъ на должности окружныхъ начальниковъ, рѣшился выбрать изъ числа военныхъ офицеровъ частей дѣйствующей арміи.

Здѣсь слѣдуетъ обстоятельно объяснить, почему именно князь Черкаскій, озабочиваясь сформированіемъ личнаго состава для

---

[1]) О моемъ командированіи въ дѣйствующую армію, какъ о совершившемся фактѣ, изъ Кишинева было сообщено министру внутреннихъ дѣлъ и варшавскому генералъ-губернатору. И въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ отнеслись къ этому непріязненно. Графъ Коцебу, два раза во время моей командировки, ходатайствовалъ о возвращеніи меня въ Радомъ или отчисленіи отъ должности, а генералъ Тимашевъ, если и отказывалъ въ возбужденіи этого вопроса, то только потому, что одновременно съ возвращеніемъ меня слѣдовало бы просить о возвращеніи и прочихъ губернаторовъ. Когда, кончивъ командировку, я явился въ Петербургѣ генералу Тимашеву, онъ принялъ меня весьма не любезно и, такъ сказать, заднимъ числомъ, высказалъ свое неудовольствіе по поводу принятія мною такой командировки.—„Это все ваши друзья славянофилы надѣлали съ этою войною", сказалъ онъ мнѣ между прочимъ. Только послѣ новой командировки меня въ Берлинъ на конгрессъ, генералъ Тимашевъ сталъ любезенъ, или, лучше сказать, индифферентенъ—по-прежнему. О скорѣйшемъ моемъ возвращеніи въ Радомъ онъ уже не упоминалъ.

мѣстнаго управленія въ Болгаріи, остановился на мысли укомплектовать его преимущественно военными офицерами.

Прежде всего это могло быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что само гражданское управленіе было узаконено, какъ учрежденіе при главнокомандующемъ арміею, считалось въ вѣдѣніи военнаго министерства и было предназначено дѣйствовать въ занятомъ войсками краѣ, имѣя главнѣйшею цѣлью водвореніе и сохраненіе въ тылу арміи спокойствія и порядка, а также посредничество между населеніемъ и войсками. Основанія эти, по своей серьезности и вѣскости, дѣйствительно были приняты княземъ Черкаскимъ во вниманіе, но не они, главнымъ образомъ, рѣшили его выборъ, — обстоятельства совершенно инаго порядка и притомъ, чисто субъективныя, руководили при этомъ княземъ. Во время службы его по крестьянскому дѣлу въ имперіи, онъ имѣлъ случай познакомиться съ интеллигентными силами и средствами нашей арміи въ лицѣ весьма многихъ мировыхъ посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ, въ значительномъ числѣ входившихъ въ личный составъ столь памятнаго «перваго призыва» дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Явившіеся въ губерніи и уѣзды, военные офицеры принесли съ собою умѣнье и любовь къ работѣ, дисциплину, необходимую для успѣха каждаго дѣла, и ясное понятіе о своихъ правахъ и обязанностяхъ, весьма скоро привыкнувъ къ существу той спеціальной и не знакомой имъ дѣятельности, для которой ихъ призвали изъ строя. Затѣмъ, въ Привислинскомъ краѣ, ставъ въ головѣ реформъ по крестьянскому дѣлу, и Черкаскій и Милютинъ уже сознательно обратились къ военному сословію и выбрали между офицерами массу людей, которымъ поручили не только множество коммиссарскихъ (посредническихъ) должностей, но и немало предсѣдательскихъ мѣстъ въ крестьянскихъ коммиссіяхъ, игравшихъ тамъ роль губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Результаты вышли прекрасные и еще болѣе укрѣпили князя Черкаскаго въ мысли, что корпусъ офицеровъ нашей арміи представляетъ неисчерпаемый источникъ для выбора вполнѣ соотвѣтственныхъ лицъ на административныя должности. Обращеніе къ этому источнику, и тоже весьма успѣшное, одновременно было испытано и министерствомъ финансовъ при введеніи акцизной системы. Весьма

много офицеровъ поступило въ первоначальный составъ чиновъ акцизнаго вѣдомства, воодушевлявшійся не спеціально-технической стороной своей дѣятельности, а горѣвшій желаніемъ заставить наше общество скорѣе забыть о темныхъ сторонахъ уничтоженной тогда откупной системы. Немало хорошихъ дѣятелей стало потомъ извѣстно русскому обществу и между уѣздными воинскими начальниками, появившимися всюду въ провинціи, вслѣдствіе введенія устава о всеобщей воинской повинности.

Такимъ образомъ, думая обратиться въ 1877 году къ арміи для полученія изъ рядовъ ея исполнительныхъ органовъ для гражданской администраціи, князь Черкаскій сознательно обращался къ источнику вѣрному, испытанному и имъ излюбленному, да сверхъ того въ особенности подходившему къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, потому что во время войны, при ежедневныхъ сношеніяхъ съ войсками, именно на должностяхъ окружныхъ начальниковъ въ Болгаріи, наибольшую пользу могли принести военные офицеры. Хотя они и уступали гражданскимъ чиновникамъ въ знакомствѣ съ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, но это не представлялось существеннымъ, ибо имъ предстояла дѣятельность по преимуществу наблюдательная и распорядительная; чѣмъ меньше они стали бы заниматься писаниной, тѣмъ было лучше. Что касается до незнанія офицерами условій жизни болгарскаго народа, то въ такой же степени условія эти были неизвѣстны въ чиновничьемъ и другихъ слояхъ нашего общества. Подобнаго требованія и не предъявлялъ князь Черкаскій, не только зная невозможность удовлетворить ему, но и не считая его вообще необходимымъ, при тогдашнихъ военно-временныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ второстепенные исполнительные органы—особливо окружные начальники—прежде всего и не мудрствуя лукаво, должны были въ точности исполнять получаемыя приказанія, зорко наблюдая, чтобы на мѣстахъ неуклонно проводилась въ жизнь идея поднятія болгарской народности и замѣна христіанскимъ режимомъ властвовавшихъ дотолѣ доктринъ ислама.

Нельзя не согласиться, что всѣ эти соображенія князя Черкаскаго были вполнѣ основательны, и безспорно, что при тогдашнихъ

обстоятельствахъ кандидаты изъ военныхъ офицеровъ ближе всего удовлетворяли потребностямъ гражданскаго управленія.

Разсчитывая всѣхъ офицеровъ, необходимыхъ для гражданскаго управленія, получить изъ состава частей дѣйствующей арміи, при посредствѣ и содѣйствіи полеваго штаба и войсковыхъ властей, князь Черкаскій достигалъ этимъ и другаго важнаго для него результата. Выбранные самими войсками, офицеры должны были пользоваться довѣріемъ въ арміи, и тѣмъ легче было имъ образовать тѣсныя и братскія отношенія между войсками и гражданскимъ управленіемъ, которое, чрезъ пріемъ къ себѣ массы офицеровъ, становилось плотью отъ плоти арміи, костью отъ ея кости.

Немедленно по прибытіи въ Кишиневъ, князь Черкаскій, весьма милостиво принятый великимъ княземъ и любезно привѣтствуемый начальникомъ полеваго штаба, доложилъ главнокомандующему о составленныхъ имъ предположеніяхъ на счетъ будущей дѣятельности гражданскаго управленія и просилъ разрѣшенія приступить къ формированію личнаго состава. Масса занятій, и самыхъ неотложныхъ, по случаю готовившейся встрѣчи государя, объявленія войны и распоряженій о направленіи передовыхъ войскъ за границу послужили вполнѣ уважительнымъ поводомъ къ тому, чтобы на первое время ограничиться испрошеніемъ высочайшаго соизволенія на назначеніе помощника къ князю Черкаскому по званію завѣдывающаго гражданскою частю и отложеніемъ обсужденія всего остальнаго до болѣе свободнаго времени—до отъѣзда государя изъ Кишинева.

Наконецъ, нетерпѣливо ожидаемый докладъ состоялся. Результатъ его былъ весьма неблагопріятенъ и совершенно неожиданъ для князя Черкаскаго. Выслушавъ его разсказъ о составленномъ имъ планѣ дѣйствій гражданскаго управленія по устройству Болгаріи, военныя власти арміи категорично заявили, что въ принципѣ онѣ не имѣютъ никакихъ возраженій противъ соображеній князя, но считаютъ совершенно излишнимъ приступать теперь же къ ихъ обсужденію, такъ какъ война только-что объявлена и ни одна сажень турецкой земли еще не занята нами. О чемъ же говорить? Предоставьте войскамъ начать кампанію, одолѣть турокъ и овладѣть

болѣе или менѣе значительною частью Болгаріи. Тогда, но только тогда и явится, быть можетъ, возможность, еще ранѣе заключенія мира, учредить въ краѣ гражданскія власти. Вотъ тогда и милости просимъ съ вашими проектами. Что касается до помощи, которую гражданскія власти могутъ оказать войскамъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, то полевой штабъ не признаетъ ее существенною и необходимою и всѣ свои соображенія по занятію края и веденію войны составилъ на томъ предположеніи, что, на первыхъ порахъ, арміи придется дѣйствовать, опираясь исключительно только на войска не имѣя при себѣ гражданскаго управленія. Вообще рѣзко ставилось на видъ, что армія не нуждается въ существованіи при ней гражданскаго управленія, а для обсужденія вопросовъ о политическомъ устройствѣ Болгаріи еще много времени впереди, и они могутъ и должны быть соображены исподволь. Поэтому военныя власти находили болѣе соотвѣтственнымъ и тогдашнимъ обстоятельствамъ, и самому существу дѣла—не брать гражданскую канцелярію въ походъ, а оставить ее въ Кишиневѣ или Бухарестѣ, гдѣ она, на свободѣ, выработаетъ всѣ необходимые проекты для установленія постоянныхъ властей въ той части края, которая будетъ освобождена нашими войсками.

Словомъ, снова высказывались тѣ соображенія, съ которыми, казалось, было покончено еще въ Петербургѣ, въ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ канцлера; но тамъ дѣло клонилось къ тому, чтобы военное занятіе Болгаріи вести отдѣльно, а не одновременно съ устройствомъ въ краѣ правильнаго гражданскаго управленія, а нынѣ отвергалось и самое допущеніе гражданской канцеляріи въ составъ полевыхъ учрежденій главной квартиры. Ясно было, что старались фактически не допустить гражданское управленіе до предназначенной ему закономъ активной дѣятельности при арміи и обратить его къ занятіямъ чисто кабинетнымъ и отвлеченнымъ.

Очевидно, что князь Черкаскій не могъ согласиться на доводы полеваго штаба. Онъ обращалъ его вниманіе на то, что одновременно былъ и завѣдующимъ гражданскою частью при арміи и главноуполномоченнымъ отъ общества Краснаго Креста; что по смыслу данныхъ ему инструкцій, основанія гражданскаго управленія должны были вырабатываться по указаніямъ главнокомандую-

щаго и входить въ силу съ его утвержденія. Чтобы составить правила управленія краемъ, ему необходимо ознакомиться съ мѣстными условіями и положеніемъ края, своевременно испрашивать указанія главнокомандующаго, имѣть наготовѣ достаточное число чиновъ для немедленной разсылки ихъ, куда потребуетъ само военное начальство. Достигнуть этого можно было, только находясь постоянно при главной квартирѣ, въ непрестанномъ общеніи съ военными властями. Такого же присутствія при арміи требовало и исполненіе обязанностей главноуполномоченнаго Краснаго Креста. Онъ долженъ былъ находиться не только на театрѣ войны, но и на самыхъ поляхъ сраженій, чтобы нести помощь раненымъ немедленно. На эти возраженія ему отвѣчали, что если для составленія проектовъ будущаго устройства Болгаріи ему необходимо ознакомиться съ краемъ, то это будетъ удобно сдѣлать, когда край будетъ занятъ, а теперь ничто не мѣшаетъ ему оставаться въ тылу арміи. Что по дѣламъ Краснаго Креста ему тоже нѣтъ особой нужды быть при арміи, такъ какъ онъ можетъ разослать по войскамъ своихъ агентовъ, а самъ не лишенъ возможности наблюдать за общими ихъ дѣйствіями изъ какого-либо центральнаго пункта, напр. Бухареста, куда онъ можетъ ѣхать безпрепятственно и гдѣ военныя власти помогутъ ему устроиться прочно и комфортабельно. На первомъ совѣщаніи о подробностяхъ такъ и не говорили, но въ концѣ концовъ, не рѣшая окончательно вопроса о нахожденіи гражданской канцеляріи при главной квартирѣ, военныя власти признали составленный княземъ Черкаскимъ планъ организаціи гражданскаго управленія удовлетворяющимъ цѣли и согласились на немедленное увеличеніе личнаго состава его вѣдомства, рѣшительно, однако, отказавъ въ командированіи въ распоряженіе князя Черкаскаго военныхъ офицеровъ изъ частей дѣйствующей арміи.

Военныя власти арміи соглашались съ цѣлесообразностью такого предположенія; не отвергали особыхъ выгодъ для самой арміи имѣть въ мѣстной администраціи своихъ офицеровъ, но дать ихъ изъ подвѣдомыхъ себѣ частей не желали, ссылаясь на то, что подобная мѣра можетъ ослабить составъ офицерскихъ чиновъ въ частяхъ дѣйствующей арміи. Впрочемъ, отказывая въ командированіи своихъ офицеровъ, указывали на возможность вызвать ихъ

изъ частей войскъ, оставшихся внутри имперіи. Къ отказу въ офицерахъ присоединили весьма недвусмысленный намекъ и на то, что гражданское управленіе никоимъ образомъ не должно разсчитывать, въ будущемъ, на назначеніе въ распоряженіе губернаторовъ какихъ-либо военныхъ командъ для мѣстной службы и охраненія порядка въ краѣ, такъ какъ въ составѣ дѣйствующей арміи есть только полевыя войска, необходимыя для военныхъ дѣйствій.

Подобный оборотъ дѣла былъ совершенно неожиданъ. Онъ способенъ былъ парализовать въ корень всѣ предположенія гражданскаго управленія и оставить его при однихъ только соображеніяхъ, безъ возможности ввести ихъ въ дѣйствіе за отсутствіемъ исполнительныхъ органовъ.

Положеніе было критическое, и изъ него надо было выйти собственными средствами, не надѣясь на какую-либо поддержку со стороны армейскаго начальства, нисколько не интересовавшагося дѣломъ. По необходимости слѣдовало обратиться къ тѣмъ источникамъ, которые во время петербургскаго сидѣнья были, такъ сказать, подъ рукой, а теперь находились за тысячу верстъ сзади.

Вести дѣло заглазнымъ образомъ и посредствомъ обычной канцелярской переписки—значило погубить его безвозвратно. Надлежало, напротивъ, распорядиться такъ, чтобы къ вопросу командированія военныхъ офицеровъ расположить нѣсколькихъ изъ главныхъ военныхъ начальниковъ въ имперіи и при помощи ихъ не только сдѣлать кличъ желающимъ, но и выбрать наиболѣе подходящихъ изъ воинскихъ частей, нами самими намѣченныхъ.

Составленіе этихъ соображеній и испрошеніе согласія на нихъ главнокомандующаго, среди весьма непріязненныхъ переговоровъ, затянулись и не могли быть окончены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а 1-го мая великій князь окончательно выѣхалъ изъ Кишинева въ Румынію. Отправляясь за границу, его высочество, въ самую послѣднюю минуту, разрѣшилъ князю Черкаскому прислать ему въ Плоэшти проектъ письма на имя военнаго министра по дѣлу вызова офицеровъ для гражданскаго управленія изъ внутреннихъ округовъ имперіи.

Принимая мѣры къ вызову офицеровъ, князь Черкаскій одно-

временно озаботился и составленіемъ для нихъ руководства къ ознакомленію съ устройствомъ Задунайскаго края, въ которомъ имъ предстояло дѣйствовать. Еще въ Петербургѣ, знакомясь съ различными сочиненіями о Европейской Турціи вообще и о Болгаріи въ частности, онъ задался мыслію собрать въ одно и издать отдѣльною книгою тѣ матеріалы, которые, заключая въ себѣ ближайшія свѣдѣнія о народонаселеніи Болгаріи, ея административномъ раздѣленіи и устройствѣ въ ней администраціи, суда и учебныхъ заведеній—могли бы служить для чиновъ гражданскаго управленія подспорьемъ для ознакомленія съ краемъ и существующими въ немъ порядками.

1-го мая, съ отъѣздомъ главнокомандующаго изъ Кишинева, снова прервались непосредственно личныя сношенія князя Черкаскаго съ полевымъ штабомъ, продолжавшіяся съ 10-го апрѣля. Въ эти три недѣли [1]), какъ подробно было объяснено выше, дѣла гражданскаго управленія подвинулись впередъ очень мало, и только наканунѣ отъѣзда главной квартиры за границу дано было завѣдывавшему гражданскою частью разрѣшеніе приступить къ увеличенію его личнаго состава, и то впрочемъ на словахъ, такъ что окончательно разрѣшеннымъ этотъ вопросъ считать было нельзя впредь до полученія изъ Плоэшти отправленнаго туда проекта письма къ военному министру.

Въ это критическое для князя Черкаскаго время, а именно 3-го мая 1877 г., я пріѣхалъ въ Кишиневъ, и весьма кстати. Послѣ скромнаго обѣда, за которымъ князь Владиміръ Александровичъ собиралъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ по гражданскому управленію и Красному Кресту, мы съ нимъ вдвоемъ вышли изъ душныхъ комнатъ на свѣжій воздухъ и, усѣвшись во дворѣ на крылечкѣ, проговорили до поздней почи. Предметомъ разговора были: подробности его назначенія въ Болгарію, петербургскія его мытарства, отношенія къ военнымъ властямъ арміи и виды на будущее, включая сюда и пересказъ, въ общихъ чертахъ, главнѣйшихъ его соображеній объ устройствѣ гражданскаго управленія въ Болгаріи.

---

[1]) Съ шести часовъ утра 23-го до полуночи 25-го апрѣля, главнокомандующій отсутствовалъ изъ Кишинева, выѣзжая за границу для осмотра войскъ и батарей въ Галацѣ и Браиловѣ.

Въ то же время князь Черкаскій прочелъ мнѣ текстъ составленнаго имъ проекта прокламаціи къ болгарамъ и жителямъ Задунайскаго края. Проектъ былъ отправленъ въ Петербургъ на утвержденіе, въ ожиданіи котораго переводился уже на болгарскій, турецкій, греческій, французскій и нѣмецкій языки. Обнародовать прокламацію предполагалось по переходѣ черезъ Дунай. Князь придавалъ этому документу особенное значеніе, такъ какъ надѣялся, что прокламація, подлежавшая большой гласности—у насъ, за Дунаемъ и за границей—заявитъ во всеобщее свѣдѣніе о главныхъ задачахъ гражданскаго управленія въ Болгаріи и тѣхъ задачахъ, которыя возложены правительствомъ лично на него.

По свойству своего характера, отличавшагося большою склонностью къ сарказму и критикѣ, князь Владиміръ Александровичъ, бесѣдуя продолжительное время о главной квартирѣ, какъ ни старался быть благодушнымъ и любезнымъ, не могъ не проронить нѣсколько мѣткихъ и остроумныхъ намековъ и характеристикъ. Главную квартиру онъ обвинялъ въ малодѣятельности, недостаткѣ энергіи и въ поразительномъ замедленіи принятія необходимыхъ мѣръ, особенно по части продовольственной, причемъ безпощадно критиковалъ дѣятельность полеваго интенданта, котораго считалъ весьма мало подготовленнымъ къ занятію многотрудной и отвѣтственной должности хозяина арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Въ главной квартирѣ онъ не пользовался никакимъ значеніемъ. Крайне своеобразно отзывался князь Черкаскій и о военныхъ генералахъ. «Все для меня здѣсь ново,—говорилъ онъ,—попавъ въ новую для меня среду, я старался изучить дѣло и понять обстоятельства и быть можетъ ошибаюсь, по мнѣ кажется, что если бы на многихъ изъ штатскихъ надѣть эполеты, привѣсить имъ сабли и прицѣпить шпоры, то они были бы точно такими же военными генералами, какихъ я вижу здѣсь цѣлые десятки. Вѣроятно ошибаюсь, но внутренняго содержанія въ вашихъ стратегахъ вижу мало».

Передъ нашей встрѣчей въ Кишиневѣ, я нѣсколько лѣтъ не видалъ князя Черкаскаго и нашелъ его, по наружности, сильно измѣнившимся. Физическая сила и крѣпость не бросались ужь въ глаза, какъ прежде; онъ видимо опустился, и здоровье его казалось по-

шатнувшимся. Онъ самъ обратилъ на это мое вниманіе и объяснилъ происшедшую перемѣну послѣдствіями непріятнаго паденія въ Москвѣ изъ экипажа, причемъ сломалъ себѣ ногу и перенесъ продолжительную болѣзнь. Волосы на головѣ и усахъ были съ большою сѣдиной; носъ и подбородокъ заострились и высказывали сильное стремленіе соединиться другъ съ другомъ; многихъ зубовъ не было, отчего ротъ впалъ, и произношеніе сдѣлалось пришепётывающимъ. Одни глаза были по-прежнему быстры и ясны; смѣло и какъ-то саркастически смотрѣли они черезъ очки, которыхъ онъ никогда не снималъ. Лицо его, особенно въ профиль, весьма напоминало остроумную физіономію Тьера съ примѣсью однако чего-то жесткаго и холодно-надменнаго. Еще большая перемѣна произошла въ наружномъ видѣ всей его фигуры. Вмѣсто хотя и полнаго, но ловкаго и подвижнаго человѣка, одѣтаго всегда щеголевато, если и не по послѣдней модѣ, передо мною предсталъ совсѣмъ не элегантно и даже скорѣе неряшливо и какъ-то странно одѣтый чиновникъ военнаго министерства. Получивъ назначеніе при арміи, онъ долженъ былъ облачиться въ военную форму. Показываться всюду, гдѣ можно, верхомъ на доброй лошади, приведенной изъ деревни, онъ чрезвычайно любилъ и не упускалъ случая выказать свои спортсменскія привычки. За то при передвиженіяхъ въ дорогѣ, онъ забирался обыкновенно въ какую-то старомодную бричку, привезенную изъ Тулы и сильно смахивавшую на старомодные экипажи, описанные Гоголемъ. Вообще же фигура его была не изъ внушительныхъ и представительныхъ и далеко не соотвѣтствовала его энергическому характеру и свойственной ему живости и поворотливости.

Умъ его, по-прежнему блестящій, сдѣлался, подъ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ, болѣе скептическимъ, не потерявъ однако ни малѣйше прежней способности къ самой тонкой наблюдательности, безпощадному анализу и неистощимому юмору, который онъ не всегда удерживалъ въ должныхъ границахъ. По-прежнему же, обсуждая какое-нибудь дѣло, онъ весь отдавался занимавшему его предмету, не старался сглаживать своихъ мнѣній мягкими, круглыми фразами и, какъ встарь, безъ всякаго однако намѣренія съ своей стороны, подавлялъ собесѣдниковъ сознаніемъ своего превосход-

ства надъ ними, что̀ и сквозило, такъ сказать, во всѣхъ фибрахъ его лица.

Перерывъ въ административныхъ занятіяхъ отразился на князѣ Черкаскомъ весьма замѣтно. Онъ сталъ работать тяжелѣе и особенно тяготился малымъ своимъ знакомствомъ съ подробностями казначейскаго и контрольнаго дѣла. Ко всякаго рода счетамъ, выдачамъ и распоряженіямъ, ведшимъ къ расходованію суммъ, онъ относился осторожно, недовѣрчиво и подозрительно; вдавался въ мелочи, требовалъ передокладовъ и различныхъ, часто не нужныхъ справокъ, что̀ очень тяготило чиновниковъ и отнимало у нихъ много времени. Бывало это съ нимъ и прежде, но въ арміи проявилось гораздо болѣе замѣтнымъ образомъ, чѣмъ въ Варшавѣ. Подбирая себѣ сотрудниковъ, онъ всегда не столько заботился о пріобрѣтеніи опытныхъ чиновниковъ, сколько хотѣлъ окружить себя личностями образованными, честными, съ безукоризненной репутаціей, хотя бы и мало подготовленными къ канцелярской работѣ. «Такъ пріятно руководить свѣжими людьми — говорилъ онъ, — формировать и подготовлять себѣ добросовѣстныхъ помощниковъ». Въ Варшавѣ подобная система была дѣйствительно удобна и цѣлесообразна, потому что тамъ въ его распоряженіи состояла превосходно организованная правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ, въ ней происходила вся исполнительная работа, оставалось только давать руководящія указанія и наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ. Это наблюденіе и исполняли состоявшія лично при немъ «свѣжія силы». Въ Болгаріи вышло не то; выбранныя имъ, свѣжія силы предназначались не только для наблюденія, но и для непосредственнаго исполненія, а для этого-то именно, несмотря на добрую волю и массу разностороннихъ свѣдѣній, онѣ и были неспособны по совершенному почти незнакомству съ гражданскими порядками и дѣлопроизводствомъ, котораго не знали ни младшіе чиновники, ни старшіе, надъ ними поставленные. Чтобы двигать дѣло, приходилось за нихъ работать, и масса черной работы легла на самого князя Владиміра Александровича, отнимая у него время и утомляя физически къ явному вреду для дѣла. Вполнѣ устранить это неудобство такъ и не удалось въ продолженіе всей кампаніи.

Стараясь по возможности отмѣтить всѣ факты, имѣвшіе вліяніе

на отношенія князя Черкаскаго къ окружающей средѣ и къ выработкѣ въ ней тѣхъ или другихъ на него взглядовъ, нельзя не сказать, что во время послѣдней войны въ немъ какъ бы совершенно исчезъ проявлявшійся въ Варшавѣ демократизмъ и замѣнился сословною нетерпимостью и убѣжденіями наиболѣе узкосмотрящаго аристократизма.

Долгая и праздная жизнь въ Москвѣ наложила на него свой отпечатокъ, и онъ иногда поражалъ своими взглядами, вполнѣ впрочемъ отражавшими московскіе нравы. Прежде всего меня поразила хранившаяся у него записка, на которой были выписаны различные образцы послѣднихъ условныхъ фразъ, оканчивающихъ письма и предшествующихъ подписи. Были формулы для лицъ подчиненныхъ, равныхъ, высшихъ, высокопоставленныхъ, титулованныхъ и наконецъ для писемъ высочайшимъ особамъ. Многія формулы имѣли нѣсколько степеней— строгую, любезную, почтительную, заискивающую и проч. Еще болѣе я удивился, когда увидѣлъ, что нерѣдко представленныя князю письма не подписывались имъ по неудовлетворительности заготовленныхъ заключительныхъ фразъ. Видимо, онъ гонялся за формой, но считаю долгомъ отмѣтить, что суть всегда излагалась серьезно и въ тонѣ, часто не вязавшемся съ какою-нибудь завитою послѣднею фразою. «Подпись и послѣднюю фразу прочтетъ каждый,—говорилъ онъ,—пусть и удовлетворяется ею». Стоило же для этого прибѣгать къ такой китайщинѣ. Сталъ онъ придавать громадное значеніе различнымъ орденамъ, этимъ видимымъ знакамъ невидимыхъ и весьма часто несуществующихъ достоинствъ, и въ частныхъ лицахъ цѣнилъ не личныя ихъ качества, а простую принадлежность къ болѣе или менѣе извѣстному роду, особенно титулованному. Посмѣиваясь надъ княземъ А. М. Горчаковымъ, признававшимъ за людей только людей богатыхъ, самъ князь Владиміръ Александровичъ за соль земли считалъ лишь людей породистыхъ. Странно было слушать, какъ такой выдающійся по уму человѣкъ, съ видимымъ удовольствіемъ, перечислялъ на память, сколько у насъ андреевскихъ и александровскихъ кавалеровъ; о первыхъ онъ зналъ множество біографическихъ подробностей и незадумываясь приводилъ точную ихъ цифру отдѣльно для кавалеровъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ. Объ александровскихъ кавалерахъ зналъ менѣе подробно, но въ числѣ ихъ

не ошибался; само собою разумѣется, что о всѣхъ александровскихъ кавалерахъ, проживающихъ въ Москвѣ, онъ обладалъ тѣми же свѣдѣніями, какъ объ андреевскихъ вообще. Разсказывая объ общественной жизни въ Москвѣ, онъ весьма часто не называлъ фамилій, а просто, по-Фамусовски, говорилъ: князь Петръ и, конечно, «княгиня Марья Алексѣевна».

Относительно преклоненія передъ родовитостью приведу изъ моего дневника слѣдующій разсказъ члена кассаціоннаго присутствія при арміи, генералъ-маіора Н. А. Максимова. «Максимовъ, возвращаясь изъ-подъ Плевно, 4-го сентября, нагналъ выписанныя Краснымъ Крестомъ изъ Вѣны санитарныя кареты, перевозившія раненыхъ въ Булгаренскій госпиталь. Еще издали завидя кареты, онъ крайне удивился, что онѣ, будучи рессорными, какъ-то странно подпрыгивали и подскакивали, качаясь изъ стороны въ сторону, будто бы ѣхали не по хорошему бывшему въ томъ мѣстѣ шоссе, а по сплошнымъ рытвинамъ. Подъѣхавъ ближе, онъ убѣдился, что кареты свернули съ шоссе и ѣдутъ напрямикъ по вспаханному полю. Кромѣ подпрыгиванія экипажей, ставшаго для него теперь совершенно понятнымъ, онъ началъ слышать и стоны раненыхъ, раздававшіеся при толчкахъ. Замѣтя слѣдовавшаго съ транспортомъ раненыхъ уполномоченнаго Краснаго Креста князя ***, генералъ Максимовъ нагналъ его и, указавъ на повозки, вѣжливо сказалъ: «посмотрите, г. уполномоченный, вашихъ раненыхъ везутъ не по дорогѣ, а пашней, вѣдь это пытка». Князь ***, человѣкъ совершенно безобидный, но крайне неразвитый и несообразительный, почему-то счелъ нужнымъ обидѣться и отвѣчалъ, что это онъ приказалъ каретамъ ѣхать пашней, и проситъ генерала не вмѣшиваться не въ свое дѣло. Тогда Максимовъ объяснилъ, что онъ вмѣшался въ виду истязаній, переносимыхъ ранеными, и не видитъ въ своемъ къ нему обращеніи ничего кромѣ своего долга и права каждаго русскаго, а потому настоятельно проситъ его приказать каретамъ ѣхать по дорогѣ. Уполномоченный отвѣчалъ на это, какъ показалось Максимову, невѣжливо и отказался исполнить его требованіе. Тогда тотъ, направя кареты на дорогу, выразился, что если агентъ Краснаго Креста будетъ настаивать на своемъ и снова пожелаетъ повернуть повозки на пашню, то онъ прикажетъ его арестовать, а транспортъ самъ доведетъ до госпиталя. Словомъ, скандалъ. Кто былъ правъ,

кто виноватъ, не буду разбирать, да и не въ томъ тутъ дѣло. Уполномоченный князь *** пожаловался Черкаскому, который, передавая мнѣ объ этомъ случаѣ, сказалъ, что будетъ жаловаться великому князю и настоитъ на томъ, чтобы генералъ извинился передъ агентомъ. Но прежде чѣмъ онъ пожаловался, случай свелъ его лицомъ къ лицу съ генераломъ Максимовымъ, и между ними завязался разговоръ.

«Князь Черкаскій. Очень радъ, что вижу васъ, генералъ. Князь *** жалуется на васъ, говоритъ, что вы вмѣшались въ его распоряженія и даже грозили его арестовать.

«Генералъ Максимовъ. Такъ что же?

«Князь Черкаскій. Да развѣ можно допустить, чтобы кто-нибудь въ Россіи рѣшился обратиться къ русскому князю съ такими словами.

«Генералъ Максимовъ. Я не думалъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ играло роль княжеское достоинство вашего уполномоченнаго; если же такъ, то мы не поймемъ другъ друга, и лучше прекратить нашъ разговоръ».

Объ этомъ краткомъ діалогѣ много говорили въ главной квартирѣ, вышучивая князя Черкаскаго и не подумавшаго жаловаться на Максимова. Князь *** вскорѣ уѣхалъ во-свояси.

Подобные разсказы, передаваясь изъ устъ въ уста, значительно добавлялись различными выдумками и дѣлали князя Черкаскаго притчею во языцѣхъ.

Послѣ первыхъ дѣловыхъ сношеній съ полевымъ штабомъ, начавшихся тотчасъ послѣ отъѣзда государя изъ Кишинева, князь Черкаскій долженъ былъ убѣдиться самымъ нагляднымъ образомъ, что штабъ не думаетъ входить съ нимъ въ какія-либо отношенія, рѣшительно высказываясь, что для арміи нѣтъ надобности ни въ самомъ князѣ, ни въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ. Въ объясненіе причинъ подобнаго рѣшенія военныя власти не вдавались, упорно избѣгали всякихъ объясненій, могущихъ повести къ принципіальнымъ пререканіямъ и спорамъ, и твердо стояли на своемъ пассивномъ: «намъ ничего отъ васъ не надо».

Приходилось ему иногда и въ Царствѣ Польскомъ съ высшей мѣстною административною властью вести борьбу скрытую, замаскированную и перенесенную изъ Варшавы въ Петербургъ. Не достигая соглашенія на мѣстѣ, онъ, а то и другая сторона, обра-

щались за разъясненіемъ и поддержкой къ центральнымъ правительственнымъ сферамъ, и въ концѣ концовъ практическіе результаты достигались и этимъ путемъ, иногда даже болѣе скорые и существенные, потому что въ такихъ случаяхъ можно было прибѣгать къ аргументамъ, предъявленіе которыхъ противнику въ Варшавѣ было бы сопряжено съ явнымъ неудобствомъ. При арміи же ничего подобнаго не представлялось возможнымъ. Отъ борьбы уклонялись; надежда на поддержку въ Петербургѣ была слабая, такъ какъ въ столичныхъ правительственныхъ кругахъ князю Черкаскому только и можно было разсчитывать на военнаго министра, Д. А. Милютина, но его поддержка, понятно, не могла сравниться съ тою, которою прежде онъ пользовался въ лицѣ Н. А. Милютина.

Въ числѣ предметовъ, по которымъ князь Черкаскій, во время нахожденія своего въ Кишиневѣ, вступалъ въ объясненія съ военными властями, были, между прочимъ, дѣла болгарскаго ополченія и вопросъ о продовольствіи арміи въ Задунайскомъ краѣ. По болгарскому ополченію переговоры были болѣе или менѣе сносные, и князь Черкаскій оставался въ убѣжденіи, что порядокъ употребленія ополченія на службу будетъ установленъ по сношенію съ нимъ, что же касается до части продовольственной, то онъ испыталъ полную неудачу. Тогда уже былъ заключенъ контрактъ съ пресловутымъ еврейскимъ товариществомъ, и ему прямо заявили, что отъ гражданскаго управленія ничего не требуютъ и ничего не ожидаютъ. Вопросъ этотъ до такой степени считали ему чуждымъ, что не сообщили ему копіи съ этого контракта, которыми, однако, снабжали всѣхъ еврейскихъ агентовъ, и только черезъ нихъ гражданская канцелярія могла получить экземпляръ этого интереснаго документа.

Сношенія князя Черкаскаго со второстепенными чинами главной квартиры установились вполнѣ удовлетворительныя и такими оставались во все время кампаніи. Съ лицами, завѣдывавшими дипломатическою канцеляріею, полевымъ контролемъ, полевымъ казначействомъ и ихъ управленіями, князь Черкаскій былъ въ самыхъ корректныхъ сношеніяхъ, не вызывавшихъ ни малѣйшихъ недоразумѣній.

Послѣ долгаго ожиданія, 16-мая оставшаяся въ Кишиневѣ большая часть главной квартиры и гражданская канцелярія выступили за границу по желѣзной дорогѣ.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки А. М. Тургенева.

(1796—1801 г.).

Окружавшія императора Павла лица.—Князья Александръ и Алексѣй Борисовичи Куракины.—Юрій Александровичъ Нелединскій.

I.

Князья Александръ и Алексѣй Борисовичи Куракины были въ послѣднее время царствованія императрицы Екатерины II въ опалѣ, и было приказано имъ жить въ деревняхъ своихъ.

По восшествіи на тронъ императора Павла I, было уже и того достаточно, что Куракины были до его восшествія на престолъ въ опалѣ, чтобы ихъ простить. Блаженной памяти императоръ Павелъ, питая злобу къ матери своей, старался всячески доказать, что всѣ ея дѣйствія въ правленіи государства были вредны, ошибочны, и по прихоти ея фаворитовъ, и потому тѣхъ, которые при ней были въ опалѣ, подъ судомъ, даже осуждены по законамъ и наказаны, но имѣли кого-либо въ Петербургѣ, кто бы о нихъ напомнилъ, — простилъ, вызвалъ изъ опалы, изъ ссылки, опредѣлилъ на службу и наградилъ чинами и орденами.

Первый изъ таковыхъ былъ, судившійся за грабежъ Казанской губерніи, бывшій тамъ губернаторомъ, дѣйст. стат. сов. П. Желтухинъ, котораго произвели въ тайные совѣтники и сенаторы, и возложенъ на него орденъ св. Анны 1-го класса.

Скоро князья Куракины, по возвращеніи своемъ изъ деревень, заняли мѣста первыхъ государственныхъ сановниковъ, Александръ —вице-канцлера, Алексѣй—генералъ-прокурора.

За годъ, или года за два кончины императрицы Екатерины, извѣстный богачъ Бекетовъ, умирая, составилъ духовное завѣщаніе, вопреки существовавшимъ тогда на этотъ предметъ законамъ, и назначилъ родовое имѣніе отдать, помимо прямыхъ по роду его наслѣдниковъ, стороннимъ людямъ и дальнимъ родственникамъ.

Само собою разумѣется, возникла изъ этого тяжба. Имѣніе Бекетова стоило многихъ милліоновъ, много и денегъ оставлено за него тяжущимися въ судахъ; наконецъ тяжба поступила въ сенатъ, и должно полагать, что въ то время боялись Бога въ сенатѣ: дѣло рѣшено по сущей справедливости, основанной на точной силѣ словъ закона, т. е. духовное завѣщаніе Бекетова уничтожено, и родовое имѣніе его велѣно отдать по праву наслѣдія ближайшимъ родственникамъ, прямымъ Бекетова наслѣдникамъ.

Рѣшеніе сената послѣдовало, можно сказать, въ послѣдніе дни жизни Екатерины и не было еще приведено въ исполненіе.

Съ 1797 года все перемѣнилось, и быстрота выполненія особыхъ велѣній, часто и можетъ быть всегда съ 1797 — 1800 гг. данныхъ второпяхъ, по первому на предметъ взгляду, безъ объема, безъ обсужденія и разсужденія, безъ собранія свѣдѣній, произвела во всемъ такое смѣшеніе, такую тьму, какъ въ хаосѣ довременномъ. Всѣ торопились, всѣ суетились, всѣ были, казалось, въ непрестанномъ движеніи, всѣ трудились, работали, и все не шло, и никто не зналъ, что дѣлалъ, какъ дѣлалъ, почему и для чего такъ дѣлалъ. Барабанный грохотъ навелъ на все царство одуреніе!! Воспоминая о 1797—1800 гг., содрогаешься, ужасное было время!

Лишившіеся по рѣшенію сената даннаго имъ, по завѣщанію, Бекетовымъ большаго достоянія воспользовались водворившимся хаосомъ и, прискакавъ во градъ св. Петра, въ короткое время успѣли туго набитымъ мѣшкомъ золота или ассигнаціями, отворить себѣ всюду дверь и доступъ.

Алексѣй Куракинъ, тогдашній генералъ-прокуроръ, близкій человѣкъ царю, облеченный полною его довѣренностію, осыпанный милостями и почестями, утопавшій въ роскоши и сладострастіи, алчный, корыстолюбивый и ненасытный, незамедлилъ благосклонно выслушать просителей и устроилъ обманомъ такъ, что явился указъ сенату, изложенный весьма лаконически: «Духовное завѣщаніе Бекетова утвердить во всей его силѣ».

Повѣренный со стороны прямыхъ Бекетова наслѣдниковъ, Майковъ, крѣпостной Бекетова, человѣкъ, одаренный большимъ умомъ и необыкновенною смѣлостію, узнавъ о повелѣніи — лишить вѣрителей его наслѣдства, поскакалъ также въ Петербургъ и, посовѣтовавшись съ Г. Р. Державинымъ, рѣшился подать царю жалобу—на самого царя!

Немногіе знали намѣреніе Майкова и, вѣроятно, не болѣе одного Державина.

Долго Майковъ ходилъ на вахтъ-парадъ: это поприще въ то время было многозначительно, на немъ рѣшалась участь многаго. Тутъ, подъ барабанный бой объявлялась война, заключался миръ, диктовались трактаты, писали грозныя и милостивыя повелѣнія; толпами съ вахтъ-парада развозили людей въ ссылку, на всегдашнее заточеніе въ крѣпости, въ монастыри и жаловали чинами, орденами, раздавали земли и крестьянъ, чтобы улучить счастливую минуту, когда Павелъ Петровичъ былъ веселъ, доволенъ вахтъ-парaднымъ ученьемъ, когда баталіонъ зашелъ повзводно ровно; офицеры громко и протяжно проревѣли: стой, ровняйся! Павелъ Петровичъ возгласилъ:

— По чаркѣ вина, по фунту говядины, по рублю на человѣка! и началъ напѣвать любимую пѣсню:

Ельникъ, мой ельникъ,
Частый мой березникъ,
Люшеньки-люли!

Эту минуту должно было ловить, въ эту минуту Павелъ Петровичъ былъ милосердъ и доступенъ, терпѣливо каждаго выслушивалъ, поступалъ кротко и правосудно. Майковъ уловилъ эту минуту.

Въ то время, какъ Павелъ Петровичъ приготовлялся сѣсть на богатырскаго своего коня, Фрипона, Майковъ палъ на колѣни, жалобу положилъ на голову и трепетно ожидалъ участи своей.

Веселый царь милостиво взялъ съ головы бумагу, спросилъ Майкова: на кого?

— На тебя, надежа-государь.

— Хорошо, посмотримъ, и, сѣвъ на коня, закричалъ Майкову: за мной!

Майковъ добѣжалъ отъ экзерциръ-гауза до дворцоваго крыльца и, когда государь сошелъ съ коня, Майковъ смѣло напомянулъ императору: я здѣсь, государь, куда повелишь? Отвѣтъ былъ: за мной! Государь хотѣлъ всходить на лѣстницу, Майковъ остановилъ Павла, сказавъ:

— Надежа-государь, ототрутъ, не допустятъ.

— А кто?—спросилъ императоръ.

Майковъ, обведя глазами свиту, окружавшую государя, далъ ему почувствовать, что много найдется таковыхъ, чтобъ оттереть, не допустить его за нимъ слѣдовать.

Государь, посмотрѣвъ на Майкова и на окружающихъ, сказалъ:

— Не посмѣютъ; за мной, не отставай!

Ободренный милостивымъ изреченіемъ царя, Майковъ пошелъ твердою ногою за полновластнымъ повелителемъ 50 милліоновъ народовъ.

Майковъ остановился у царя въ кабинетѣ. Царь вынулъ изъ кармана жалобу, прочиталъ ее два раза, подумалъ, прошелъ по комнатѣ и, обратясь къ Майкову, спросилъ:

— Ты справедливо пишешь? не врешь?

— Надежа-государь,—отвѣчалъ Майковъ,—твой мечъ, моя голова съ плечъ. Истинную правду!

— Увидимъ,—сказалъ императоръ и позвонилъ.

Вошедшему на призывъ флигель-адъютанту:

— Оберъ-прокурора общаго собранія ко мнѣ!

Черезъ четверть часа оберъ-прокуроръ стоялъ уже предъ царемъ и дрожалъ, какъ фабричный съ перепою.

Государь спросилъ оберъ-прокурора:

— Какой я подписалъ указъ по дѣлу о духовной Бекетова?

Оберъ-прокуроръ задрожалъ сильнѣе прежняго и долженъ былъ сознаться, что не помнитъ этого указа.

Государь изволилъ гнѣвно возразить ему:

— О чемъ же ты думаешь, когда не помнишь моихъ именныхъ повелѣній? и потянулъ снурокъ колокольчика, а вошедшему на призывъ ординарцу сказалъ:

— Оберъ-секретаря общаго собранія ко мнѣ!

Явился оберъ-секретарь такъ же трепетно, такъ же дрожалъ, какъ прокуроръ и также долженъ былъ сознаться, что не помнитъ объ указѣ Государь, посмотрѣвъ на оберъ-секретаря, изволилъ сказать:

— И ты такая же скотина, какъ оберъ-прокуроръ, стань, оселъ, съ нимъ рядомъ. И опять потянулъ снурокъ; вошедшему адъютанту изволилъ повелѣть: привесть къ нему изъ сената повытчика-подъячаго (сударь, у котораго было дѣло о духовной Бекетова).

Скоро былъ представленъ и подъячій, засаленный, небритый, въ рыжемъ парикѣ, сутулый и съ бородавкою на лбу, но трезвый и знающій дѣло свое.

— Ну, ты что мнѣ скажешь, ракалія?—спросилъ его государь.

— О чемъ благоугодно Вашему Величеству спросить; коли знаю, всемилостивѣйшій государь, доложу Вашему Величеству.

— Умно, сказалъ императоръ и спросилъ повытчика:

— Какой, сударь, указъ я подписалъ о духовной Бекетова?

Повытчикъ крякнулъ, поклонился и доложилъ:

— Такого-то мѣсяца и числа высочайше соизволили, всемилостивѣйшій государь, дать Правительствующему Сенату указъ Вашего Императорскаго Величества объ утвержденіи духовнаго завѣщанія Бекетова.

— Хорошо, сказалъ царь; а не противорѣчитъ ли этотъ указъ коренному закону?—спросилъ императоръ.

— Всемилостивѣйшій государь,—отвѣчалъ повытчикъ, крякнувъ и поклонясь прежде, высочайшая воля Вашего Величества послѣдовала вопреки существующихъ узаконеній.

— Ты говоришь правду?—спросилъ царь повытчика, не врешь ли ты?

— Дерзну ли облыжно докладывать Вашему Императорскому Величеству, всемилостивѣйшій государь!

Съ послѣднимъ словомъ царь опять потянулъ за снурокъ колокольчика и вошедшему изволилъ повелѣть:

— Сію жъ минуту генералъ-прокурора сюда!

Не долго протекло времени отъ повелѣнія до выполненія его. Государь всемилостивѣйше соизволилъ пріуготовить себя къ принятію сановника своего, который зовется «око царское». Его Величество соизволилъ возложить на главу огромную шляпу съ золотымъ галуномъ, руки вложилъ въ перчатки съ пребольшими крагенами, взялъ трость, оперся на письменный столъ, или называемое бюро, и ожидалъ появленія князя Куракина.

Едва дверь чертога царскаго въ половину отворилась и дебелый князь, исторгнутый, можетъ быть, изъ постели, одѣтый на-скоро, однако же во всѣхъ орнаментахъ достоинства своего,—тупей напудренный и виски завернуты буклями,—дрожащими ногами медленно вступилъ, какъ Павелъ Петровичъ упредилъ Алексѣя Куракина рѣзкою укоризною:

— Скотина, какой ты мнѣ указъ подсунулъ подписать? Ракалія, отвѣчай, какъ ты поставилъ меня на одну доску съ Майковымъ, да на дѣлѣ Майковъ же и правъ!

Князь началъ: Ваше Величество,—но не успѣлъ окончить и этого слова и никто не узналъ, какое оправданіе готовъ былъ онъ принести Павлу Петровичу, потому что успѣлъ произнесть только: «величе», а «ство» запеклось на устахъ княжескихъ, какъ Павелъ Петровичъ сдѣлалъ ему внушеніе подобное тому, какое дѣлалъ Петръ I своимъ птенцамъ, когда уличалъ ихъ въ обманѣ.

— Спасибо, сударь, вамъ, сказалъ государь повытчику, вы дѣло знаете, доволенъ вами. (Къ Майкову) Ты видѣлъ, ступай домой, все сдѣлаю по закону.

Майковъ: Не выйду, государь!

— Какъ не выйдешь? Я повелѣваю.

— Надежа-государь, не дойду до двора.

— А, понимаю, сказалъ императоръ и, потянувъ снурокъ, вошедшему изволилъ приказать:

— Скажи караульному на гауптъ-вахтѣ капитану командировать ко мнѣ: 1 офицера, 1 унт.-офицера и два ряда гренадеръ.

Повелѣніе было въ минуту исполнено, и Павелъ Петровичъ вошедшему офицеру съ отрядомъ, взявъ Майкова за руку, повелѣлъ:

— Извольте, сударь, этого человѣка проводить, куда ему будетъ угодно, да смотрите, чтобы волосъ съ головы его не утратился, самъ мнѣ головой будешь отвѣчать. (Къ Майкову) Ступай и не бойся никого, все сдѣлаю по закону.

Съ веселымъ лицомъ, съ радующимся сердцемъ пошелъ Майковъ изъ чертоговъ царскихъ, однако же не безъ боязни. Онъ боялся, когда гнѣвъ царя затихнетъ, согбенный тростію вельможа разогнется, передоложитъ, переувѣритъ, и тогда на хребтѣ его, Майкова, засвиститъ нелицепріятный кнутъ палача. Сказалъ офицеру сопроводить его до дому Гавр. Ром. Державина, который былъ докладчикомъ и котораго императоръ Павелъ зналъ коротко.

Майкова ввели въ кабинетъ Державина, блѣднаго, испуганнаго, трясущагося. Державинъ самъ былъ испуганъ состояніемъ Майкова и, думая, что ему уже опредѣлено пострадать, спросилъ его:

— Что съ тобой, Майковъ, что было?

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ Майковъ,—дайте отдохнуть отъ страха и радости, сердце сильно бьется, да и въ головѣ не могу установить порядка, скажу только, ваше превосходительство, васъ скоро позовутъ къ государю, вамъ быть генералъ-прокуроромъ.

Державинъ счелъ, что Майковъ лишился ума съ испуга; такіе случаи бывали въ то время нерѣдко, что лишались ума отъ тогдашнихъ весьма крутыхъ событій.

Еще Державинъ смотрѣлъ въ недоумѣніи на Майкова, еще зубы стучали у Майкова, и онъ не могъ стиснуть ихъ, отворилась дверь, вступилъ фельдъегерь и доложилъ Державину:

— Ваше превосходительство, извольте къ государю императору, Его Величество ожидаетъ васъ.

Куракинъ поѣхалъ въ село свое Куракино. Державинъ назначенъ генералъ-прокуроромъ.

II.

Нелединскій съ начала царствованія императора Павла былъ его статсъ-секретаремъ. Будучи одаренъ природою высокимъ, проницательнымъ умомъ, получивъ хорошее образованіе, пріобрѣтя обширныя познанія, былъ по всѣмъ отношеніямъ достойнымъ быть человѣкомъ, близкимъ русскому самодержцу. Нетрудно было Нелединскому распознать свойства своего повелителя, пріобрѣсть его любовь и довѣренность. Онъ съ особеннымъ искусствомъ умѣлъ докладывать вспыльчивому, строптивому, пугливому и, въ первомъ порывѣ гнѣва своего, крайне суровому государю.

Въ Павловскѣ, въ знойный отъ жара день іюля, государю было бла-

гоугодно выслушать докладъ на балконѣ. Скоро все приготовили, т. е поставили на балконѣ столъ, двое креселъ, и начался докладъ. Доклады состояли по дѣламъ уголовныхъ преступленій и должны были получить утвержденіе.

Шесть приговоровъ были конфирмованы милосердо, и участь падшихъ въ преступленіе облегчена. Но явилась муха—жужжитъ, юлитъ; то въ носъ жальнетъ, то лысину укуситъ. Рукой сгоняютъ муху, проклятая не труситъ! Слетитъ, да снова чокъ!..

Павелъ Петровичъ былъ въ сильномъ раздраженіи, и приговоры одинъ суровѣе другаго были отвѣтомъ на доклады.

Нелединскій рѣшился сократить докладъ, желая тѣмъ многихъ спасти отъ жестокихъ наказаній, и доложилъ разсердившемуся государю:

— Ваше Величество, все кончилъ; болѣе къ докладу Вашему Величеству ничего не имѣю.

Павелъ пыхнулъ и, сказавъ: «хорошо, сударь»,—всталъ съ креселъ и пошелъ...

Прошло недѣли три, а можетъ быть и болѣе мѣсяца, какъ Нелединскій, улучивъ веселую минуту у Павла Петровича, принесъ кипу докладовъ на утвержденіе Его Величеству. Началась работа. Нелединскій, доложивъ приговоровъ десять или болѣе, началъ докладывать вновь тѣ, на которые послѣдовало уже утвержденіе, когда государь былъ раздраженъ.

Павелъ выслушалъ докладъ и, не сказавъ рѣшенія, Нелединскому говоритъ:

— Извольте положить къ сторонѣ; скажу, сударь, далѣе.

Нелединскій, не оробѣвъ, другой читаетъ вновь докладъ, который былъ уже утвержденъ. Царь, быстро всматриваясь въ Нелединскаго, повелѣваетъ и этотъ докладъ отложить къ сторонѣ. Нелединскій началъ приходить въ замѣшательство и былъ, можетъ быть, готовъ начать докладывать другой, да нѣсколько докладовъ, въ сердитую минуту утвержденныхъ, были положены по порядку одинъ за однимъ. Выбирать и рыться въ бумагахъ, подъ глазами Павла, невозможно; не безъ страха и ожиданія себѣ ссылки въ Сибирь или заточенія въ крѣпость, началъ Нелединскій докладъ, также утвержденный въ несчастную минуту укушенія мухою.

Царь пристально вглядывался въ докладчика, поворачивался на креслѣ, въ немъ было сильное волненіе и, едва Нелединскій причиталъ половину доклада, царь вскочилъ съ своего кресла, ухватилъ Нелединскаго за обѣ руки и говоритъ:

— Юрій Александровичъ, я вижу, сударь, вы знаете сердце вашего государя; благодарю, сударь, васъ.

И всѣ доклады съ необыкновеннымъ ему милосердіемъ утвердилъ.

*

Заповѣди карамзинистовъ.

---

1) Карамзинъ да будетъ авторъ твой, да не будетъ для тебя авторовъ, кромѣ его.

2) Не признавай ни одного писателя ему равнымъ, ниже подобнымъ, елико въ древности давно, елико въ новѣйшія времена нынѣ, елико въ чужихъ краяхъ и въ Россіи, да не почитаешь и уважаешь ихъ.

3) Не произноси имени Карамзина безъ благословенія.

4) Помни сочиненія Карамзина наизусть, хвали ихъ; шесть дней гуляй и обходи безъ плана и безъ цѣли всѣ окрестности московскія; а день седьмый къ Симонову монастырю.

5) Чти русскаго путешественника и бѣдную Лизу, да грустно тебѣ будетъ и да слезливъ будеши на землѣ.

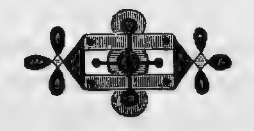
6) Не критикуй.

7) Не сравнивай.

8) Не суди.

9) Не говори объ исторіи Русской правды.

10) Не прикасайся до переводовъ его, не трогай сочиненій его, ни похвальнаго слова его, ни Пантеона его, ни Маррѳы Посадницы его, ни Натальи боярской дочери его, ни путешествія его, ни всего—елико Николая Михайловича.

Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

I.

Кончина Петра Великаго. — Вступленіе на престолъ Екатерины I. — Сила Меншикова.—Петръ II.—Долгорукіе.

Петру I, скончавшемуся 25-го января (8 февраля) 1725 г., безпрепятственно наслѣдовала императрица Екатерина, благодаря мѣрамъ, своевременно принятымъ Меншиковымъ. Бояре и шляхетство, тяготившіеся желѣзнымъ игомъ Петра Великаго, надѣялись, съ его кончиною, вернуть значеніе и власть, коими они пользовались при его предшественникахъ, и въ этихъ видахъ особенно желали возвести на престолъ девятилѣтняго сына царевича Алексѣя Петровича. Но, дѣйствуя врознь, безъ опредѣленнаго плана, они были застигнуты врасплохъ рѣшительными мѣрами Меншикова и его приверженцевъ, вся судьба которыхъ зависѣла отъ удачи задуманнаго ими плана. Солдаты, коихъ начальство, въ большинствѣ, было подкуплено или запугано, исполнили безпрекословно все то, что имъ было приказано. Меншиковъ не упустилъ при этомъ изъ вида ни малѣйшаго обстоятельства, которое могло бы ослабить или разъединить его враговъ. Нѣкоторые изъ нихъ продали ему свои услуги за недорогую цѣну, другіе, подъ разными предлогами, были удалены отъ двора. Гвардейскимъ полкамъ были розданы щедрыя награды, а

чины арміи почитали себя вполнѣ счастливыми, получивъ причитавшееся имъ и неуплаченное въ срокъ жалованье. Нѣсколько недѣль спустя въ государствѣ все пошло по-прежнему. Однако, самое полное повиновеніе не исключало возможности недовольства и даже презрѣнія къ лицамъ, у власти стоявшимъ. Екатерина не была на высотѣ того сана, въ который ее возвелъ слѣпой случай. Высокія качества ума и сердца, приписываемыя ей съ цѣлью объяснить и до нѣкоторой степени оправдать довѣріе и расположеніе къ ней Петра I, вовсе не подтверждаются. Будучи на престолѣ, она не проявила ничего высокаго. Къ счастью для Россіи, ея царствованіе было непродолжительно: она скончалась 6 (17) мая 1727 года.

Въ царствованіе Екатерины, государствомъ правилъ, въ дѣйствительности, отъ ея имени, Меншиковъ. Съ ея кончиною онъ могъ лишиться, въ одинъ мигъ, всего: важныхъ должностей, имъ занимаемыхъ, несмѣтныхъ богатствъ, имъ накопленныхъ, свободы,— самой жизни. Его высокомѣріе, жестокость, воспоминаніе о его низкомъ происхожденіи возбуждали къ нему ненависть въ глазахъ народа и вельможъ. Во всякой иной странѣ, со смертью Екатерины, неминуемо палъ бы и ея фаворитъ. Но русскіе издавна привыкли слѣпо повиноваться своему властителю. Екатерина, по закону, изданному Петромъ I, имѣла право избрать себѣ преемника и завѣщала престолъ одиннадцати-лѣтнему ребенку, сыну несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, тому самому, на сторонѣ котораго было общественное мнѣніе и весь народъ, но опекуномъ царевича, до достиженія имъ семнадцатилѣтняго возраста, былъ опредѣленъ Меншиковъ [1]). Назначивъ соопекуномъ Верховный Совѣтъ, Екатерина повелѣла ему обвѣнчать молодаго царя съ дочерью Меншикова, а старшую сестру Петра Алексѣевича, царевну Наталію Алексѣевну, выдать за его роднаго сына. Такимъ образомъ, счастливый фаворитъ могъ считать свою участь обезпеченной отъ всякой случайности.

---

[1]) Если вѣрить словамъ саксонскаго посланника Лефорта, то это завѣщаніе было дѣломъ самого Меншикова. Лефортъ писалъ 27 сентября 1727 г.: „Такъ какъ цесаревна Елисавета Петровна подписываетъ за царицу всѣ бумаги, то герцогъ Голштинскій и Меншиковъ заставили ее подписать и завѣщаніе, о которомъ бѣдная покойница ничего не знала“.

Четыре мѣсяца спустя, почти день въ день, 8 (19) сентября, царь Петръ II подписалъ указъ о ссылкѣ Меншикова и о конфискаціи всего его имущества. Этотъ первый, въ государствѣ, сановникъ, предъ которымъ все дрожало, не исключая самого царя, былъ арестованъ и безъ суда и слѣдствія сосланъ со всей своей семьею на крайній сѣверъ, въ полярныя страны; ни войско, бывшее въ полномъ его распоряженіи, и никто изъ его многочисленныхъ приверженцевъ пальцемъ не шевельнули, чтобы защитить его.

Въ настоящее время трудно прослѣдить тайныя нити заговора, низвергшаго Меншикова въ такую ужасную пропасть. Всѣ принимали въ немъ участіе, всѣ средства для этого были пущены въ ходъ. Главными участниками заговора были многіе сановники и представители самыхъ знатныхъ фамилій, которые надѣялись много выиграть, свергнувъ иго надменнаго временщика; собственно говоря, всякій изъ нихъ имѣлъ надежду наслѣдовать его власть. Изъ товарищей, приставленныхъ къ молодому царю Меншиковымъ, Петръ Алексѣевичъ оказывалъ особое предпочтеніе князю Ивану Долгорукому, принадлежавшему къ самой знатной и именитой фамиліи Россіи. На одной изъ Долгорукихъ былъ женатъ родоначальникъ царствующей династіи, царь Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Въ царствованіе Петра I, Долгорукіе занимали высшія военныя и гражданскія должности. Ихъ семейство тяготилось, вѣроятно, болѣе всего властью Меншикова, и, принявъ дѣятельное участіе въ сверженіи этого вельможи, они жаждали занять его мѣсто. Добиться этого было не легко; хотя руководить царемъ, въ виду его крайнце молодости, не представляло труда, но зато число соискателей царской милости было велико, и цѣль была слишкомъ заманчива, чтобы уступить ее безъ боя. Самъ князь Иванъ Долгорукій, въ виду своей крайней молодости, не могъ содѣйствовать честолюбивымъ замысламъ семьи и не былъ достаточно уменъ, чтобы во всемъ слѣдовать безпрекословно совѣтамъ своего отца и дядей. Главнымъ препятствіемъ для Долгорукихъ на пути къ достиженію ихъ цѣли явилась царевна Наталія Алексѣевна. Будучи нѣсколькими годами старше брата, она руководствовалась, въ свою очередь, совѣтами людей весьма опытныхъ, но ея власть надъ царемъ была непродолжительна. Англійскій резидентъ, г. Рондо, въ депешѣ отъ 9 августа 1728 г.,

въ краткихъ словахъ описываетъ личность царевны и людей, пользовавшихся ея особымъ расположеніемъ. «Графъ Лютоль, весьма красивый молодой человѣкъ, былъ большимъ любимцемъ покойной царицы. Анна Крамеръ также имѣла при ней большое значеніе и участвовала во всѣхъ ея увеселеніяхъ, въ коихъ графъ Лютоль всегда игралъ первую роль. Ихъ обоихъ приставилъ къ царевнѣ Меншиковъ, но они вскорѣ съ нимъ поссорились и, снискавъ расположеніе Наталіи Алексѣевны, стали дѣйствовать противъ Меншикова за-одно съ нею, съ Елисаветою Петровною, Апраксинымъ, Головкинымъ, Остерманомъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ настоящее время Лютоль и Крамеръ одни пользуются расположеніемъ Наталіи Алексѣевны и управляютъ ею по своему произволу. Въ первое время царствованія брата, эта принцесса имѣла большое значеніе при дворѣ, такъ какъ царь въ ней души не чаялъ. Но она слишкомъ понадѣялась на свою власть и, стараясь уговорить брата, чтобы онъ бросилъ разгульную жизнь, которой онъ былъ преданъ, навлекла, своими замѣчаніями, его неудовольствіе и утратила, въ значительной степени, свою власть надъ нимъ».

Вліяніе, коимъ пользовалась до тѣхъ поръ Наталія Алексѣевна, перешло къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, дочери Петра I и Екатерины, рожденной до брака. Г-нъ Рондо описываетъ ее въ той же депешѣ слѣдующимъ образомъ:

«Цесаревна Елисавета Петровна, въ настоящее время, въ большомъ фаворѣ. Она очень хороша собою и, повидимому, любитъ все то, что можетъ нравиться царю, какъ-то: танцы, охоту, которая составляетъ, между прочимъ, ея преобладающую страсть; что касается другихъ, имъ общихъ вкусовъ, то я считаю неудобнымъ говорить о нихъ. Будучи всецѣло предана удовольствіямъ, эта принцесса до сихъ поръ не вмѣшивалась, повидимому, въ государственныя дѣла; она всюду сопровождаетъ молодаго царя».

О князѣ Иванѣ Долгорукомъ г. Рондо ограничивается слѣдующими словами:

«Первымъ любимцемъ Его Величества считается, въ настоящее время, молодой князь Долгорукій, которому лѣтъ около двадцати. Они неразлучны ни днемъ, ни ночью; князь участвуетъ во всѣхъ многочисленныхъ кутежахъ царя».

Набросавъ эти строки, г. Рондо совершенно въ правѣ былъ прибавить: «Отъ великихъ проектовъ Петра I вскорѣ не будетъ и помина».

«Однако Наталіи Алексѣевнѣ удалось, съ помощью вице-канцлера Остермана, возвратить свое прежнее вліяніе; дѣйствуя за-одно, они устранили даже князя Ивана Долгорукаго», какъ писалъ г. Рондо 23-го ноября 1728 г., «но когда царевна Наталія Алексѣевна скончалась нѣсколько дней спустя, именно 3-го декабря, послѣ непродолжительной болѣзни, то князь Иванъ Долгорукій былъ снова приближенъ къ царю, и его вліяніе упрочилось болѣе, чѣмъ когда-либо. Съ этого момента его семья считала себя на высотѣ могущества. На слѣдующій годъ, царь торжественно обручился съ сестрою своего любимца, Екатериною Долгорукой». 20 ноября 1729 г., г. Рондо сообщаетъ:

«Не взирая на оппозицію Остермана и многихъ другихъ лицъ, было объявлено о помолвкѣ царя съ сестрою Долгорукова. Ей лѣтъ около восемнадцати, она очень хороша собою и обладаетъ многими прекрасными качествами».

Свадьбу предполагали отпраздновать нѣсколько мѣсяцевъ спустя, одновременно съ коронаціей. Къ несчастію Долгорукихъ, царь внезапно скончался 19 (30) января 1730 г.

II.

Смерть Петра II.—Верховный Совѣтъ.—Выборъ Анны Іоанновны.—Условія, предложенныя Совѣтомъ.

Какъ только царь испустилъ духъ, въ пять часовъ утра, собрался Верховный Совѣтъ, генералитетъ и высшіе сановники имперіи, чтобы приступить къ избранію наслѣдника престола. Екатерина, на случай кончины Петра II бездѣтнымъ, назначила его преемницею старшую дочь свою, Анну Петровну, въ замужествѣ герцогиню Голштейнъ-Готторнскую, а въ случаѣ ея смерти—свою вторую дочь, Елисавету. Цесаревна Анна Петровна скончалась въ 1728 г., оставивъ малолѣтняго сына, который былъ увезенъ сво-

имъ отцомъ въ Германію; онъ царствовалъ впослѣдствіи подъ именемъ Петра III и весьма печально окончилъ свою жизнь. Въ помянутомъ собраніи Верховнаго Совѣта не было даже и рѣчи о завѣщаніи Екатерины, истинную цѣну котораго всѣ хорошо знали; поэтому никто не подумалъ отстаивать его законность. Отецъ и братъ княжны Екатерины Долгорукой предложили возвести ее на престолъ, на томъ основаніи, что она была невѣстою покойнаго царя. Но Остерманъ, по словамъ Лефорта, не допустившій, чтобы Петръ II обвѣнчался съ Долгорукой за нѣсколько дней до своей кончины, принялъ и на этотъ счетъ заранѣе свои мѣры, заручившись между прочимъ поддержкою Голицыныхъ и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, бывшихъ противъ этого брака, не исключая двоюроднаго дѣда невѣсты, фельдмаршала Долгорукова. Нѣкоторые бояре выражали желаніе возвести на престолъ сына цесаревны Анны Петровны, которому было не болѣе трехъ лѣтъ, но герцогъ Голштинскій, во время своего пребыванія въ Россіи, до такой степени возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть, что это предложеніе тотчасъ было отвергнуто. Имя Елисаветы Петровны, во время этихъ преній, было упомянуто лишь вскользь. Вотъ что писалъ объ ней французскій посланникъ, г. Маньянъ, два мѣсяца спустя, а именно 3-го апрѣля:

«Цесаревна Елисавета Петровна не играла, въ семъ случаѣ, никакой роли. Она жила, въ то время, въ свое удовольствіе, въ деревнѣ, и люди, дѣйствовавшіе здѣсь въ ея пользу, даже не могли добиться того, чтобы она пріѣхала, при этихъ обстоятельствахъ, въ Москву; нарочнымъ, посланнымъ къ ней съ этою цѣлью, не удалось увидѣть ее во́-время, вслѣдствіе чего она прибыла въ Москву только тогда, когда избраніе герцогини Курляндской уже состоялось. Впрочемъ, врядъ-ли личное присутствіе въ Москвѣ послужило бы Елисаветѣ Петровнѣ въ пользу даже въ томъ случаѣ, если бы она пріѣхала раньше, такъ какъ у нея не можетъ быть друзей среди вліятельныхъ русскихъ вельможъ, которые могли бы ей быть полезны; на это существуютъ три одинаково важныя причины: первая изъ нихъ ея безпечность, вторая причина та, что царствованіе ея покойной матери оставило во всѣхъ самую печальную память; наконецъ, третья заключается въ томъ, что она рождена до

брака Петра I. Русскіе считаютъ это обстоятельство священнымъ и, основываясь на немъ, утверждаютъ, что принцесса Елисавета, точно такъ же, какъ и герцогиня Голштинская, не имѣютъ законныхъ правъ на русскій престолъ. Князь Голицынъ, вѣроятно, имѣя въ виду этотъ законъ, объявилъ въ рѣчи, имъ произнесенной въ Верховномъ Совѣтѣ въ моментъ кончины царя, что вмѣстѣ съ нимъ прекратился родъ императора Петра I. Никто не возражалъ на эту рѣчь, но фельдмаршалъ Долгорукій, говорившій послѣ Голицына, подтвердилъ его слова, сказавъ, что эта мысль могла быть внушена только самимъ Богомъ».

Тогда князь Дмитрій Голицынъ подалъ мысль предложить корону герцогинѣ Курляндской. Этотъ выборъ былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ, но члены Совѣта, точно сговорившись, рѣшили, что корона будетъ предложена ей только на извѣстныхъ условіяхъ, которыя она обяжется соблюдать свято и нерушимо. Вслѣдъ за тѣмъ, бывшіе въ Совѣтѣ генералы провозгласили герцогиню Курляндскую царицею и привели къ присягѣ войска, собранныя въ то время подъ Москвою. Въ тотъ же вечеръ, въ Митаву, резиденцію этой принцессы, были отправлены три депутата: статскій совѣтникъ Василій Долгорукій отъ имени Верховнаго Совѣта, князь Дмитрій Голицынъ, отъ имени Сената и Тайнаго Совѣта, и генералъ-маіоръ Леонтьевъ—отъ генералитета.

Герцогиня Курлянская, которой престолъ былъ предложенъ столь неожиданно для нея самой, какъ и для всѣхъ остальныхъ, была младшей дочерью старшаго брата Петра I, царствовавшаго нѣсколько лѣтъ съ нимъ совмѣстно. Оставшись, по смерти своего супруга, бездѣтною, она проживала много лѣтъ внѣ предѣловъ Россіи. Хотя она и принадлежала, дѣйствительно, къ старшей линіи царствующаго дома, но у нея была старшая сестра, въ супружествѣ герцогиня Мекленбургская, жившая въ Россіи и никогда не покидавшая свое отечество. Когда рѣчь зашла объ этой принцессѣ, говоритъ Лефортъ, то въ Совѣтѣ послышались возраженія, что, съ возведеніемъ ея на престолъ, Россія подпадетъ вновь подъ иго иностранцевъ, отъ которыхъ она и безъ того много страдала, такъ какъ супругъ этой принцессы, съ коимъ она не жила уже девять лѣтъ, конечно, не преминетъ возвратиться въ Россію, чтобы раздѣлить

съ нею власть. Въ сущности, ее отвергли, опасаясь ея твердаго, рѣшительнаго характера. Впрочемъ, это была личность, не особенно достойная уваженія; она скончалась, нѣсколько лѣтъ спустя.

Къ числу лицъ, сожалѣвшихъ о прошломъ порядкѣ, принадлежало большинство членовъ Верховнаго Совѣта, созданнаго Меншиковымъ. Всесильный временщикъ учредилъ этотъ Совѣтъ съ цѣлью упрочить свою власть, но, если вѣрить словамъ французскаго посланника, то многіе бояре видѣли для себя въ этомъ новомъ учрежденіи зарю болѣе счастливыхъ дней. Г-нъ де-Кампредонъ писалъ 23 февраля 1726 г.:

«Честь имѣю извѣстить васъ сегодня о событіи чрезвычайной важности, значеніе коего усиливается тѣмъ, что хотя оно клонится, повидимому, къ утвержденію самодержавной власти царицы, но, въ сущности, оно будетъ вѣроятно первымъ камнемъ того зданія, которое московская знать мечтаетъ воздвигнуть незамѣтнымъ образомъ, т. е. усилить свою власть, обезпечивъ себѣ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, значительное участіе въ управленіи государствомъ. Дѣло идетъ объ учрежденіи Верховнаго Совѣта, главою котораго будетъ царица, а членами—высшіе сановники, облеченные равноправною властью. Ни одно дѣло не будетъ рѣшаться, впредь, безъ единогласнаго утвержденія всѣми членами Совѣта, который, дѣйствуя именемъ царицы, въ сущности будетъ полновластнымъ хозяиномъ страны. Съ учрежденіемъ этого Совѣта, Сенатъ утратитъ власть.

«Увидимъ, къ чему приведетъ учрежденіе этого Совѣта, который чрезвычайно льститъ самолюбію царицы и ея желанію властвовать. Она заявила, что покажетъ всѣмъ, какъ она умѣетъ заставить себѣ повиноваться и поддержать честь своего правленія. Вообще, надобно полагать, что съ учрежденіемъ этого Совѣта дѣла пойдутъ хорошо до тѣхъ поръ, пока члены его будутъ дѣйствовать согласно и пока это будетъ имъ выгодно, но по всему видно, что все это клонится къ измѣненію самаго образа правленія, и что московская знать, желая ограничить самодержавную власть, не рѣшалась на этотъ шагъ ранѣе, только въ виду несовершеннолѣтія императора, передъ которымъ ей пришлось бы нести отвѣтственность за событія, ежели бы во главѣ ея не оказалось человѣка, способнаго ее под-

держать; въ настоящее время, если замыслы знати удадутся, то ей не будетъ угрожать подобная отвѣтственность, такъ какъ вельможи постараются, конечно, упрочить свое вліяніе и присвоить себѣ, незамѣтнымъ образомъ верховную власть, добившись тѣхъ привилегій, какія они сочтутъ необходимыми для учрежденія новаго образа правленія, на подобіе англійскаго. Весьма вѣроятно, что это именно соображеніе и побудило ихъ принять вышеупомянутое рѣшеніе; самые благомыслящіе люди ожидаютъ подобнаго результата отъ учрежденія этого Совѣта, и это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мнѣ извѣстно по настоящее время о замыслахъ русской знати».

Догадкамъ г. Кампредона не суждено было скоро осуществиться. Меншиковъ, посадивъ въ Верховный Совѣтъ вполнѣ преданныхъ ему креатуръ, тѣмъ самымъ отсрочилъ осуществленіе плановъ сторонниковъ аристократическаго образа правленія; но теперь эти надежды были близки къ осуществленію; такъ думали, по крайней мѣрѣ, члены Верховнаго Совѣта, и, какъ увидимъ, ихъ предположенія едва не оправдались. Съ этою цѣлью, ихъ выборъ палъ на герцогиню Курляндскую, которая, не имѣя никакихъ правъ на престолъ и живя восемнадцать лѣтъ внѣ предѣловъ Россіи, должна была, не колеблясь, принять всѣ условія, какія только имъ заблагоразсудилось бы предложить ей.

Трудно сказать совершенно опредѣленно, какія собственно условія должны были предъявить герцогинѣ депутаты, отправившіеся къ ней съ предложеніемъ вступить на престолъ, такъ какъ текстъ этихъ «кондицій» до насъ не дошелъ. Они были изложены въ депешахъ Лефорта, изданныхъ Германомъ. Другая, почти дословная редакція этихъ кондицій находится въ депешахъ французскаго резидента г. Маньяна; условія эти заключались въ томъ:

1) что Анна Іоанновна обязывается не вступать вторично въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было, ни съ русскимъ, ни съ иностранцемъ;

2) что она ни при жизни, ни по завѣщанію не имѣетъ права назначить себѣ преемника, такъ какъ это право должно принадлежать исключительно Верховному Совѣту;

3) что она не будетъ никогда добиваться права присутствовать въ совѣтѣ, не будетъ оказывать никакихъ милостей и жаловать чиновъ, выше полковничьяго.

4) Въ тѣхъ случаяхъ, когда ея присутствіе въ Совѣтѣ будетъ необ-

ходимо, она будетъ имѣть въ немъ только два голоса, которые предоставляются ей въ уваженіе ея верховнаго сана и съ тою цѣлью, чтобы ея голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе, когда мнѣнія въ Совѣтѣ раздѣлятся или когда число голосовъ въ пользу того или другаго рѣшенія будетъ поровну.

5) Ей не будетъ предоставлено право смѣнять членовъ Верховнаго Совѣта или назначать новыхъ на вакантныя мѣста.

6) Она не будетъ имѣть права провѣрять отчетность и дѣла, рѣшенныя Совѣтомъ, или перерѣшать дѣла, доложенныя ей членами Совѣта.

7) Ей предоставляется только право утверждать все «то, что будетъ ей доложено Верховнымъ Совѣтомъ».

«Вотъ условія, на коихъ герцогинѣ Курляндской предложенъ престолъ», писалъ г. Маньянъ. Вслѣдъ затѣмъ, во второй депешѣ, онъ приводитъ еще нѣкоторыя условія, предъявленныя Аннѣ Іоанновнѣ въ Митавѣ князьями Василіемъ Долгорукимъ, Михаиломъ Голицынымъ и генералъ-лейтенантомъ Леонтьевымъ и подписанныя ею при принятіи престола.

Хотя эти условія представляютъ не что иное, какъ видоизмѣненную редакцію вышеупомянутыхъ «кондицій», но все же ихъ стоитъ привести здѣсь, такъ какъ въ нихъ весьма рельефно выразились замыслы Верховнаго Совѣта и взглядъ членовъ этого Совѣта на преобразованія, какія они желали ввести въ правленіе Россіи.

Въ этихъ кондиціяхъ было говорено:

«1) Что царица должна сообразоваться, во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, съ мнѣніемъ Верховнаго Совѣта.

2) Она не имѣетъ права, безъ согласія названнаго Совѣта, заключать миръ и начинать войну.

3) Она не можетъ, безъ его согласія, облагать народъ новыми налогами и пошлинами.

4) Она не должна, безъ согласія Совѣта, дѣлать назначенія на высшія должности.

5) Она обязуется не произносить смертныхъ приговоровъ надъ дворянами и не приводить ихъ въ исполненіе, ежели виновность подсудимаго не будетъ доказана самымъ несомнѣннымъ образомъ.

6) Точно также, впредь, имущество дворянина не можетъ быть конфисковано, если его преступленіе не доказано съ полной очевидностью.

7) Царица обязуется не раздавать и не жаловать казенныхъ имѣній безъ согласія Верховнаго Совѣта.

8) Царица обязуется не вступать въ бракъ и не назначать себѣ преемника безъ согласія Верховнаго Совѣта» и т. д.

Эти условія были какъ нельзя болѣе ясны, обстоятельны, и ихъ значеніе было вполнѣ понятно. Впрочемъ, верховники и не скрывали своихъ цѣлей, такъ что г. Маньянъ, на другой же день кончины Петра II, писалъ:

«Иностранные послы и люди, свѣдущіе въ политикѣ, были изумлены этимъ избраніемъ (герцогини Курляндской); ихъ догадки никогда не касались дочерей царя Іоанна Алексѣевича, ограничиваясь сыномъ герцога Голштинскаго, принцессою Елисаветою и княжною Екатериною Долгорукой. Когда же стали извѣстны «кондиціи», на коихъ была предложена корона герцогинѣ Курляндской, то сдѣлались понятны и сокровенныя причины оказаннаго ей предпочтенія.

«Первая изъ этихъ «кондицій» —чтобы вновь избранная царица не вступала въ бракъ, вторая—чтобы она руководилась во всемъ мнѣніемъ Совѣта, избраннаго народомъ.

«Эти ограниченія возбуждаютъ сомнѣніе относительно того, согласится ли герцогиня вступить на престолъ, но великій соблазнъ царствовать и надежда свергнуть со временемъ иго, ей навязанное, заставятъ ее, вѣроятно, принять корону, коей она обязана случаю.

«Что касается русскихъ, то ихъ намѣренія во всемъ этомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе ясны. Вліяніе, коимъ пользовались Долгорукіе, заставляетъ ихъ бояться власти фаворитовъ, которые всегда могутъ управлять ими по своему произволу, пока монархи будутъ пользоваться неограниченной властью; по этой причинѣ они хотятъ или вовсе уничтожить монархію, или значительно ослабить ее, введя въ управленіе аристократическій элементъ.

«Такимъ образомъ, они находятся еще въ нерѣшимости, какую избрать форму правленія для Россіи: одни хотятъ ограничить права монарха парламентомъ, на подобіе англійскаго, другіе—на подобіе шведскаго; иные полагаютъ сдѣлать престолъ избирательнымъ, какъ въ Польшѣ, наконецъ, нѣкоторые находятъ, что слѣдуетъ предоставить верховную власть исключительно знати, образовавъ аристократическую республику; такимъ образомъ, выходитъ, что, предложивъ престолъ герцогинѣ Курляндской, русскіе имѣли въ виду пре-

доставить ей корону временно, иначе сказать, они хотѣли вручить власть въ ея руки до тѣхъ поръ, пока сами они не пришли бы къ соглашенію относительно новаго образа правленія. Это показываетъ какъ нельзя болѣе ясно, что народъ желаетъ возвратиться къ прежнему порядку и къ прежнимъ обычаямъ».

Два дня спустя, именно 2-го февраля (н. ст.), г. Маньянъ, сообщая объ отъѣздѣ уполномоченныхъ и перечисляя «кондиціи», которыя они должны были предложить герцогинѣ Курляндской, писалъ слѣдующее:

«Утверждаютъ положительно, будто депутатамъ поручено объявить этой принцессѣ, что они уполномочены предложить ей корону подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она изъявила свое согласіе и одобреніе на всѣ перемѣны, кои будутъ сдѣланы для учрежденія новаго образа правленія, и чтобы она утвердила ихъ законнымъ образомъ.

«Этотъ важный вопросъ обсуждается въ настоящее время, но пока не извѣстно, каковъ будетъ этотъ новый образъ правленія, будетъ ли онъ устроенъ по образцу англійской конституціи, или по образцу шведской. До сихъ поръ знатныя лица, наравнѣ съ простымъ народомъ, не пользовались въ Россіи никакими преимуществами, которыя ограждали бы ихъ отъ наказанія кнутомъ и лишенія всѣхъ правъ состоянія и должностей.

«Поэтому русскіе вельможи, безъ сомнѣнія, обратили на этотъ вопросъ вниманіе прежде всего».

Это былъ для нихъ дѣйствительно вопросъ первостепенной важности; самые умные, самые способные члены Верховнаго Совѣта были заняты, каждый въ отдѣльности, разработкою того, что имъ угодно было называть «конституціей»; хотя въ принципѣ всѣ были согласны относительно цѣли, къ которой имъ слѣдовало стремиться, но на дѣлѣ далеко не всѣ были согласны относительно способа достиженія этой цѣли. Конституціонные проекты сводились къ нѣсколькимъ главнымъ статьямъ, которыя появлялись, въ свое время, въ печати[1]); надобно замѣтить, что всѣ эти проекты весьма мало

[1]) Schmidt's, «Materialen», и т. д., ч. II стр. 391; Hermann's, «Geschichte des Russischen Staates».

отличались другъ отъ друга. Приводимъ здѣсь одинъ изъ нихъ, переданный въ депешѣ англійскаго резидента, г. Рондо, отъ 2-го февраля:

«Здѣсь носится слухъ, будто представители самыхъ знатныхъ фамилій заняты разработкою вопроса о новомъ образѣ правленія Россіи; увѣряютъ, будто ими уже выработано нѣсколько проектовъ, ограничивающихъ власть императрицы, которые она должна будетъ подписать, иначе на ея мѣсто будетъ избрана другая.

Вотъ кондиціи, ей предложенныя:

1) Императрица будетъ получать извѣстную сумму денегъ на содержаніе двора; изъ войскъ ей будетъ подчиненъ только одинъ дворцовый караулъ.

2) Самыми важными дѣлами, каковы: заключеніе мира, объявленіе войны и заключеніе союзовъ съ другими державами будетъ завѣдывать Верховный Совѣтъ изъ двѣнадцати самыхъ знатныхъ дворянъ. Учреждается должность государственнаго казначея, который будетъ обязанъ представлять Верховному Совѣту отчетъ въ израсходованіи государственныхъ суммъ.

3) Всѣ дѣла, до поступленія въ Верховный Совѣтъ, предварительно будутъ разсматриваться въ Сенатѣ, въ которомъ засѣдаетъ 36 человѣкъ.

4) Учреждается собраніе изъ двухсотъ человѣкъ шляхетства, чтобы блюсти интересы этого сословія въ случаѣ посягательства на нихъ Верховнаго Совѣта.

5) Учреждается особое собраніе изъ дворянъ и купечества для наблюденія за тѣмъ, чтобы народъ не терпѣлъ притѣсненій».

«Вотъ вамъ вкратцѣ проектъ, выработанный въ настоящее время. Дворяне не могли до сихъ поръ придти къ соглашенію относительно того, какимъ образомъ осуществить его; но они зашли уже слишкомъ далеко, чтобы отступить; поэтому многіе полагаютъ, что въ скоромъ времени совершатся значительныя преобразованія».

Испанскій посланникъ, дюкъ де Лиріа, изложивъ этотъ же проектъ, кончаетъ свою депешу отъ 6 февраля (н. ст.) слѣдующими словами:

«Вотъ проектъ, существующій въ настоящее время. Одному Богу извѣстно, осуществится ли онъ, или будетъ измѣненъ; но несомнѣнно, что они хотятъ лишить царицу всякой власти».

Французскій посланникъ, г. Маньянъ, писалъ въ тотъ же день:

«Трудно дать ясное понятіе о томъ, какой здѣсь установится

образъ правленія, тѣмъ болѣе, что и самые сановники, трудящіеся надъ нимъ, собираясь для этого ежедневно утромъ и вечеромъ, кажется, не пришли еще къ окончательному соглашенію. Я воздержусь, поэтому, отъ отчета о ходѣ этого дѣла, пока оно не выяснится окончательно, такъ какъ нынѣ всякій, съ кѣмъ ни приходится говорить, выражаетъ по этому поводу свое собственное, несогласное съ прочими, мнѣніе. По словамъ однихъ, царица должна только носить царскій титулъ, а верховная власть должна принадлежать Верховному Совѣту, которому будетъ предоставлено исключительное право раздавать мѣста и располагать войскомъ; по мнѣнію другихъ, такъ какъ подобный образъ правленія не будетъ одобренъ шляхетствомъ, весьма многочисленнымъ въ этой странѣ, то надобно придумать такія условія, которыя ограждали бы интересы этого сословія.

«А между тѣмъ оказывается, что ни одинъ изъ проектовъ, предложенныхъ разными партіями, образовавшимися въ средѣ Верховнаго Совѣта, не заслужилъ до сихъ поръ всеобщаго одобренія». Г-нъ Маньянъ, въ депешѣ отъ 3-го февраля (н. ст.) превосходно описываетъ общее состояніе духа и существовавшее тогда положеніе дѣлъ.

«Съ кончины царя прошло уже около двухъ недѣль, а здѣсь до сихъ поръ никто не знаетъ, какой будетъ установленъ образъ правленія; причиною этого царствовавшая донынѣ неизвѣстность на счетъ того, приметъ ли герцогиня Курляндская престолъ на предложенныхъ ей кондиціяхъ; но третьяго дня прибылъ курьеръ отъ уполномоченныхъ, посланныхъ къ этой принцессѣ, и сообщилъ, что она изъявила свое согласіе вступить на престолъ на предложенныхъ ей кондиціяхъ и намѣрена выѣхать изъ Митавы 9-го числа сего мѣсяца, чтобы вступить въ управленіе государствомъ.

«Таковъ, по крайней мѣрѣ, слухъ, пронесшійся вслѣдъ за пріѣздомъ курьера. Допустивъ, что главное препятствіе, связанное съ избраніемъ герцогини Курляндской, устранено, все же нельзя ручаться, что такъ легко будутъ устранены и несогласія, возникающія, какъ говорятъ, относительно разныхъ статей новаго проекта; судя по слухамъ, этого никакъ нельзя предполагать. Г-нъ Остерманъ все время сказывается больнымъ, чтобы не принимать участія въ этомъ

щекотливомъ дѣлѣ, за которое взялся, какъ говорятъ, членъ Верховнаго Совѣта, старикъ князь Голицынъ. Говорятъ, что онъ предлагалъ: 1-е, ограничить власть царицы дворцовою сферою, предоставивъ всю власть Верховному Совѣту изъ десяти лицъ, который одинъ будетъ имѣть право раздавать должности и располагать войскомъ; 2-е, учредить, помимо этого Совѣта еще три высшія судебныя инстанціи, а именно: Сенатъ изъ тридцати шести членовъ, палату дворянъ (Membre de noblesse), въ которой будетъ засѣдать до 200 дворянъ, и наконецъ третью палату, въ которой должно присутствовать по два депутата отъ каждаго города. Но такъ какъ подобное нарушеніе старинной правительственной системы было бы весьма пагубно для шляхетства, то оно дало понять кому слѣдовало, что если этотъ проектъ будетъ утвержденъ, то когда дѣло дойдетъ до присяги, которую всѣ русскіе подданные приносятъ обыкновенно при вступленіи на престолъ новаго монарха,—то могутъ возникнуть такія затрудненія, какихъ никто не ожидаетъ; это заявленіе разстроило первоначальный планъ князя Голицына; на это повліяло, впрочемъ, также и возникновеніе множества самыхъ разнообразныхъ партій, которыя образуются здѣсь чуть не каждый день; въ этихъ партіяхъ, по всей вѣроятности, будутъ замѣшаны многія духовныя лица, недовольныя пренебрежительнымъ отношеніемъ къ духовенству князя Голицына, который не допустилъ его къ участію въ собраніи, въ коемъ обсуждался вопросъ объ избраніи царицы; это было сдѣлано Голицынымъ подъ предлогомъ, что духовенство сдѣлало ошибку, оказавъ свое содѣйствіе къ возведенію на русскій престолъ, по смерти Петра I, помимо законныхъ наслѣдниковъ, женщины, которой никогда не слѣдовало царствовать.

«Всѣ эти соображенія вызываютъ здѣсь, видимо, большія опасенія относительно послѣдствій, которыя можетъ имѣть кончина царя; изъ этого же выводятъ заключеніе, что образъ правленія не будетъ измѣненъ, и что новая царица будетъ пользоваться тою же властью, какою пользовался ея предшественникъ, или что предполагаемыя нововведенія вызовутъ въ странѣ смуты и волненія; все это еще болѣе усиливаетъ нетерпѣніе, съ коимъ всѣ стараются предугадать, прекратится ли, съ пріѣздомъ царицы, всеобщая тревога?»

*

Послушаемъ, что говорилъ объ этомъ г. Маньянъ; пять дней спустя, 18 февраля (н. ст.) онъ писалъ:

«Вчера или сегодня ожидали обнародованія проекта касательно новаго образа правленія, но это ожиданіе не сбылось; полагаютъ, что обнародованіе его отложено до пріѣзда новой царицы, которая уже ѣдетъ изъ Митавы, чтобы вступить на престолъ.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что эта принцесса согласилась на всѣ предъявленныя ей кондинціи и на тотъ образъ правленія, какой сословные депутаты полагаютъ за благо учредить. Одинъ изъ депутатовъ, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, прибывшій три дня тому назадъ и привезшій согласіе императрицы, тотчасъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты».

III.

Борьба среди верховниковъ. — Остерманъ и Головкинъ. — Арестъ Ягужинскаго. — Прибытіе императрицы въ Москву.—Противники верховниковъ.— Петиція шляхетства и войска.—Возстановленіе самодержавія.—Уничтоженіе кондицій.

Герцогиня Курляндская была въ дорогѣ, она уже подъѣзжала къ воротамъ Москвы, а Верховный Совѣтъ все еще не пришелъ ни къ какому окончательному рѣшенію. Въ Совѣтъ поступали ежедневно новые проекты, относительно которыхъ не было возможности придти къ соглашенію, не только потому, что они были въ большинствѣ случаевъ неосуществимы, но и потому, что всѣ они были слишкомъ крайніе и затрогивали интересы и самолюбіе слишкомъ многихъ лицъ.

Г-нъ Рондо, въ депешѣ отъ 26 февраля, какъ нельзя лучше объясняетъ причины, по которымъ существовало подобное разногласіе:

«Такъ какъ въ этой странѣ всѣ съ-поконъ-вѣка привыкли слѣпо повиноваться неограниченной власти монарха, то, положительно, никто не можетъ составить себѣ яснаго понятія объ ограниченномъ образѣ правленія. Знать желала бы сосредоточить власть въ своихъ рукахъ, а шляхетство и мелкопомѣстные дворяне не желаютъ этого допустить, предпочитая подчиняться одному мо-

нарху, нежели терпѣть власть нѣсколькихъ лицъ, ежели не будетъ найдено исхода, который могъ бы всѣхъ успокоить, оградивъ ихъ отъ тираніи знати. Основываясь на этомъ, нѣкоторые говорятъ, что вскорѣ произойдутъ большія перемѣны, а другіе съ такою же вѣроятностью утверждаютъ, что никакихъ перемѣнъ не будетъ».

Впрочемъ, препятствія и оппозиція существовали не только извнѣ; они были и въ средѣ самаго Верховнаго Совѣта, такъ какъ нѣкоторыя лица въ немъ могли много потерять съ учрежденіемъ аристократическаго образа правленія или, лучше сказать, съ образованіемъ олигархіи. Во главѣ этихъ лицъ стояли: канцлеръ Головкинъ и вице-канцлеръ Остерманъ. Въ особенности послѣдній сознавалъ какъ нельзя лучше, что съ уничтоженіемъ неограниченной монархіи, при которой онъ достигъ такъ быстро выдающагося положенія, онъ утратитъ всякое значеніе, несмотря на то, что представители всѣхъ аристократическихъ партій относились къ нему, видимо, съ большою предупредительностью. Этотъ человѣкъ, управлявшій Россіей почти четверть вѣка, былъ второй сынъ бѣднаго лютеранскаго пастора изъ маленькаго городка Вестфаліи. Окончивъ курсъ въ Іенскомъ университетѣ, онъ поступилъ, въ 1704 г. па службу къ адмиралу Крюйсу, по происхожденію голландцу, коему Петръ I ввѣрилъ командованіе флотомъ. Быстро освоившись съ русскимъ языкомъ, Остерманъ былъ весьма полезенъ своему начальнику, который, желая обезпечить его карьеру, рекомендовалъ его вице-канцлеру Шафирову для опредѣленія на службу въ иностранную коллегію. Знакомство съ иностранными языками, которыми, въ Россіи, рѣдко кто владѣлъ въ то время, обратили на него вниманіе начальства, природный умъ сдѣлалъ остальное, и онъ сталъ быстро повышаться въ чинахъ, дойдя постепенно до высшихъ должностей. Петръ I вскорѣ обратилъ на него вниманіе и сталъ поручать ему важныя дѣла. Въ 1722 г. Остерманъ былъ возведенъ въ баронское достоинство, а при канцлерѣ Головкинѣ ему было предложено принять въ управленіе дѣла иностранной коллегіи. Екатерина, при восшествіи на престолъ, назначила его воспитателемъ великаго князя, впослѣдствіи императора Петра II. Въ царствованіе этого государя, воспитаніе котораго не дѣлало ему особенной чести, Остерманъ не пользовался большимъ вліяніемъ,

но все же упрочилъ свое положеніе. Одинъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ описывалъ Остермана, въ 1730 г., слѣдующимъ образомъ:

«Его умъ и способности, безъ сомнѣнія, выдающіеся, но онъ чрезвычайно хитеръ, лукавъ, лживъ, способенъ къ измѣнѣ; манеры его и рѣчь уклончивыя и вкрадчивыя, онъ постоянно раболѣпствуетъ и отвѣшиваетъ почтительные поклоны, что̀ считается у русскихъ самымъ утонченнымъ обхожденіемъ; въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ даже здѣшнихъ жителей. По природѣ весельчакъ и эпикуреецъ, онъ бываетъ иногда щедръ, но въ высшей степени неблагодаренъ, ибо когда Меншиковъ и Головкинъ составили заговоръ, чтобы погубить Шафирова, то онъ присоединился къ нимъ противъ своего начальника и благодѣтеля. Когда же, послѣ опалы и ссылки Шафирова въ Архангельскъ, не нашлось никого знающаго иностранные языки, то Остерманъ, по рекомендаціи князя Меншикова, былъ назначенъ вице-канцлеромъ, но это, какъ извѣстно, опять таки нисколько не помѣшало ему быть однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора противъ Меншикова.» Остерманъ упрочилъ свою власть въ особенности въ царствованіе Петра II. Г-нъ Рондо писалъ объ немъ 22 сентября 1728 года:

«Остерманъ одинъ руководитъ всѣми дѣлами; онъ съумѣлъ сдѣлаться столь полезнымъ, что его товарищи не могутъ обходиться безъ него, поэтому, будучи чѣмъ-либо недоволенъ, онъ притворяется больнымъ и отказывается присутствовать въ Совѣтѣ; когда же соберутся двое Долгорукихъ, Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ и съ ними нѣтъ Остермана, то они, выпивъ по рюмочкѣ водки, должны ѣхать къ нему на поклонъ, чтобы привести его въ хорошее настроеніе. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ заставляетъ ихъ соглашаться на все то, что онъ ни пожелаетъ».

Человѣкъ, подобный Остерману, разумѣется, не могъ сочувствовать реформѣ, въ особенности если власть переходила съ нею въ руки аристократіи, среди которой ему не было мѣста. Когда Остерману былъ сообщенъ проектъ реформы, то онъ сразу понялъ, что, съ его осуществленіемъ, онъ обратится изъ главы Верховнаго Совѣта въ лицо второстепенное. Сказавшись больнымъ, онъ хотѣлъ уклониться, подъ этимъ предлогомъ, отъ необходимости подписать, вмѣстѣ съ прочими членами Совѣта, кондиціи, посланныя въ Ми-

таву, и, по своему обыкновенію, слегъ въ постель. Голицынъ и оба Долгорукіе, которые его хорошо знали, явились къ нему на домъ и чуть не силою вынудили у него согласіе на этотъ проектъ. Впрочемъ, Остерманъ, относясь крайне враждебно къ замысламъ аристократической партіи, былъ слишкомъ остороженъ и хитеръ для того, чтобы выказывать это явно, а тѣмъ болѣе, чтобы дѣйствовать открыто.

Государственный канцлеръ Головкинъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Остермана на предполагаемую реформу, которая его также ввергла бы въ полнѣйшее ничтожество. Онъ былъ человѣкъ низкаго происхожденія; его отецъ былъ смотрителемъ охоты у князя Хованскаго. Въ молодости, онъ былъ приставленъ къ царю Петру I его воспитателемъ, княземъ Алексѣемъ Голицынымъ, снискалъ довѣріе монарха, оказывая ему всевозможныя мелкія услуги и, повышаясь постепенно въ должностяхъ, сдѣлался наконецъ оберъ-камергеромъ, а по смерти канцлера, занялъ его мѣсто. Благодаря невѣжеству и неспособности къ дѣламъ Головкина, составили себѣ карьеру Шафировъ и Остерманъ; единственными его качествами были подобострастіе и низкопоклонство. Своею набожностью онъ пріобрѣлъ большой вѣсъ у духовенства, которому оказывалъ, впрочемъ, всевозможныя, отъ него зависѣвшія, услуги. Къ этому портрету Головкина, начертанному однимъ англійскимъ агентомъ, авторъ прибавляетъ:

«Онъ въ высшей степени корыстолюбивъ, всевозможными способами старается увеличить свое огромное состояніе и дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ такъ успѣшно, что слыветъ, въ настоящее время, самымъ богатымъ вельможею въ Россіи».

Этотъ человѣкъ, точно такъ же, какъ и Остерманъ, былъ слишкомъ остороженъ, чтобы скомпрометтировать себя, ставъ открыто въ оппозицію. Однако, надобно было дѣйствовать и притомъ дѣйствовать, не теряя времени. И тотъ, и другой поняли, что въ Москвѣ всякая попытка была бы безполезна и даже рискована, поэтому они рѣшили начать свои дѣйствія въ Митавѣ. Но и тутъ имъ было необходимо имѣть если не сообщника, то по крайней мѣрѣ человѣка, готоваго имъ помогать. Головкинъ, дѣйствуя сообща

съ Остерманомъ, вскорѣ нашелъ подходящаго человѣка; это былъ никто иной, какъ его собственный зять.

Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу г. Маньянъ. Онъ писалъ 18-го февраля (новаго стиля):

«Безпокойство, относительно послѣдствій, какія могутъ возникнуть вслѣдствіе образованія различныхъ партій, противныхъ реформамъ, увеличивается съ каждымъ днемъ. Г-нъ Ягужинскій, казавшійся на первыхъ собраніяхъ сословныхъ представителей однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ свободы отечества, какъ нынѣ выражаются русскіе, арестованъ прошлый понедѣльникъ въ томъ же собраніи, будучи уличенъ въ государственной измѣнѣ, письмомъ, которое онъ имѣлъ неосторожность написать царицѣ совѣтуя ей не подписывать кондицій, которыя будутъ ей предъявлены депутатами, а принять корону на тѣхъ условіяхъ, на какихъ ею владѣли ея предшественники; онъ убѣждалъ царицу, что она можетъ разсчитывать на его поддержку и на поддержку многихъ другихъ лицъ, готовыхъ обнажить за нее шпагу; ихъ имена долженъ былъ сообщить Аннѣ Іоанновнѣ, лично, посланный къ ней нарочный: таково было содержаніе письма.

«Одни увѣряютъ, будто царица сама передала его депутатамъ, желая этимъ доказать искренность своего намѣренія во всемъ подчиниться волѣ и желанію избравшихъ ее сословныхъ представителей; другіе говорятъ, будто князь Долгорукій, посланный къ герцогинѣ Курляндской, первый попалъ на слѣдъ этого заговора, по дорогѣ въ Митаву и перехватилъ посланнаго, вмѣстѣ съ письмомъ, какъ бы то ни было, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что одинъ изъ депутатовъ, г. Леонтьевъ, передалъ это письмо сословнымъ представителямъ, по возвращеніи своемъ сюда, и что посланный Ягужинскаго арестованъ и привезенъ въ Москву въ кандалахъ, его фамилія Сумароковъ; онъ былъ въ Килѣ камеръ-юнкеромъ покойной герцогини Голштинской. Вчера, сословные представители засѣдали цѣлый день, во-первыхъ, для производства слѣдствія по дѣлу Ягужинскаго, съ котораго сняли Андреевскую ленту, а во-вторыхъ, для открытія его сообщниковъ; ежеминутно арестовываютъ новыхъ личностей, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ, и въ настоящее время заключено уже въ тюрьму до тридцати

человѣкъ. Всѣмъ бросилось въ глаза, что въ ту минуту, когда Ягужинскій былъ арестованъ, его тесть, государственный канцлеръ, Головкинъ, вышелъ изъ Совѣта, не сказавъ ни слова, и удалился къ себѣ; однако, видимо, его не подозрѣваютъ въ томъ, чтобы онъ зналъ о поступкѣ своего зятя».

Ягужинскій не оставилъ по себѣ слѣда въ исторіи своего времени, но игралъ нѣкоторую роль при жизни, а при этихъ обстоятельствахъ—роль даже весьма значительную. Мы находимъ въ депешахъ англійскаго резидента довольно обстоятельное и вѣрное описаніе этого человѣка:

«Генералъ Ягужинскій, говорится въ этихъ депешахъ, сынъ органиста лютеранской церкви въ Москвѣ. Онъ обязанъ карьерою исключительно своей красивой наружности. Въ молодости онъ поступилъ пажомъ на службу къ государственному канцлеру Головкину, коего безнравственность всѣмъ извѣстна, а два года спустя былъ взятъ у него Петромъ I, который произвелъ его въ камеръ-пажи. Ягужинскій скоро заслужилъ милостивое расположеніе царя своими личными качествами, бойкимъ умомъ, веселостью и живостью, былъ произведенъ въ капитаны гвардіи Преображенскаго полка, а вслѣдъ затѣмъ въ генералъ-адъютанты. Это быстрое повышеніе и милости, коими осыпалъ его царь, возбуждали безпокойство и ревность князя Меншикова. Царь, въ то время уже охладѣвшій къ своему любимцу, замѣтивъ это, умышленно доставлялъ ему ежедневно новое огорченіе, оказывая Ягужинскому какія-либо милости, пока тотъ не занялъ оффиціально положеніе перваго фаворита. Способности его не особенно выдающіяся; но, живя постоянно при дворѣ, онъ отшлифовался, и его можно было бы любить за его доброе сердце, если бы вспыльчивость и крайняя невоздержность къ спиртнымъ напиткамъ не омрачали его разсудка до такой степени, что онъ оскорбляетъ подъ-часъ самымъ жестокимъ образомъ наилучшихъ своихъ друзей и разглашаетъ самыя важныя тайны. При этомъ онъ большой трусъ и весьма расточителенъ; онъ промоталъ значительное состояніе жены и всѣ подарки, имъ полученные отъ русскаго императора и отъ иностранныхъ дворовъ».

Петръ I пожаловалъ Ягужинскому одинъ за другимъ чины генералъ-маіора и полковника гвардіи и, наконецъ, въ 1722 году

чинъ генералъ-лейтенанта и званіе генералъ-прокурора Сената. Въ этомъ званіи онъ способствовалъ возведенію на престолъ Екатерины и утвержденію власти Меншикова. Въ награду за эти услуги, ему былъ пожалованъ графскій титулъ; однако, поссорившись съ Меншиковымъ, онъ лишился вскорѣ мѣста въ Сенатѣ, но все же продолжалъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ, какъ по своему собственному положенію, такъ и по своему родству съ канцлеромъ Головкинымъ. Въ виду этихъ привилегій онъ былъ приглашенъ въ Верховный Совѣтъ при кончинѣ Петра II, для обсужденія вопроса объ избраніи ему преемника. Несмотря на все это, представители знати: Долгорукіе, Голицыны, Черкаскіе и другіе ихъ единомышленники, не задумались нанести ему ударъ, вѣроятно, съ цѣлью устранить этимъ примѣромъ всѣхъ, кто вздумалъ бы идти противъ нихъ. На этомъ основаніи, французскій резидентъ, г-нъ Маньянъ, разсказавъ объ арестѣ Ягужинскаго, присовокупляетъ, въ той же депешѣ, отъ 18-го февраля:

«Этотъ поступокъ сословныхъ представителей и пожалованіе г. Леонтьеву чина генералъ-лейтенанта не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они твердо намѣрены измѣнить образъ правленія. Говорятъ, будто въ новый проектъ входятъ слѣдующіе пункты: членомъ Верховнаго Совѣта не можетъ быть лицо иностраннаго происхожденія, одинъ только Остерманъ, въ уваженіе его заслугъ, остается въ Совѣтѣ, но это отнюдь не должно служить примѣромъ для другихъ; царицѣ предоставляется право заключать миръ и объявлять войну не иначе, какъ съ согласія и одобренія Верховнаго Совѣта, въ которомъ она будетъ имѣть два голоса; на содержаніе двора ей ассигнуется 500-тысячъ рублей; ей не будетъ предоставлено главнокомандованіе войскомъ и ей будетъ непосредственно подчиненъ только отрядъ гвардіи, назначенный для ея личной охраны и для занятія дворцоваго караула; войско, включая гвардейскіе полки, будетъ подчинено исключительно Верховному Совѣту; государственною казною будетъ завѣдовать особый государственный казначей, обязанный препровождать на разсмотрѣніе Верховнаго Совѣта ассигновки наличныхъ суммъ; всякій дворянинъ, обвиняемый въ какомъ-либо преступленіи, будетъ наказуемъ по закону, но такъ какъ вина его отнынѣ будетъ считаться личною,

то опала не будетъ касаться его семьи, какъ это было въ прежнее время; наконецъ, всѣ мѣста и должности будутъ замѣщаться только по распоряженію Верховнаго Совѣта. Впрочемъ, этотъ Совѣтъ еще не сформировался; говорятъ даже, будто въ настоящее время возникли большія затрудненія по поводу избранія его двѣнадцати членовъ. Особеннымъ вліяніемъ въ собраніи сословныхъ представителей пользуются: князь Дмитрій Голицынъ, его братъ фельдмаршалъ Голицынъ, фельдмаршалъ Долгорукій, дѣйствующій съ ними въ семъ случаѣ за-одно, и князь Черкаскій, имѣющій репутацію ученаго юриста; они говорятъ въ Совѣтѣ отъ имени всѣхъ».

Ничего не было еще рѣшено окончательно 21-го февраля (новаго стиля), когда вновь избранная царица прибыла въ Всесвѣтское, небольшое село въ 8-ми верстахъ отъ Москвы, гдѣ предстояло ожидать окончанія приготовленій къ торжественному ея въѣзду въ столицу. На слѣдующій день, къ ней былъ посланъ батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и рота кавалергардовъ. Императрица тотчасъ произвела имъ смотръ, увѣщевала ихъ служить ей вѣрою и правдою, приняла званіе полковника Преображенскаго полка и капитана кавалергардовъ и «собственноручно поднесла», какъ прибавляетъ англійскій посланникъ въ своей депешѣ отъ 16-го (27) февраля, «всѣмъ офицерамъ и солдатамъ по чаркѣ вина или водки».

Маньянъ сообщалъ 27-го февраля (новаго стиля):

«Третьяго дня, въ субботу, члены Верховнаго Совѣта, Сената и фельдмаршалы, какъ представители генералитета, въ полномъ составѣ явились къ этой принцессѣ, чтобы благодарить ее за то, что она соблаговолила принять престолъ на условіяхъ, исчисленныхъ въ «кондиціяхъ», которыя были ей предъявлены депутатами отъ сословныхъ представителей Россійской имперіи, и поздравить ее съ восшествіемъ на престолъ. Заявивъ царицѣ, что они сочли долгомъ привезти ей орденскую ленту святаго Андрея Первозваннаго, такъ какъ всѣ русскіе монархи считаются кавалерами этого ордена, депутаты вмѣстѣ съ тѣмъ доложили Аннѣ Іоанновнѣ, что приготовленія къ ея торжественному въѣзду въ Москву окончены и что отъ нея зависитъ назначить для этого день. Царица отвѣчала, во-первыхъ, что, дѣйствительно, она подписала вышеупомянутыя кон-

диціи, желая этимъ сдѣлать имъ пріятное, и подтверждаетъ, что она намѣрена соблюдать ихъ всю жизнь въ надеждѣ, что члены Верховнаго Совѣта будутъ содѣйствовать своими мудрыми совѣтами ея благополучному царствованію. Затѣмъ, она приняла голубую ленту изъ рукъ государственнаго канцлера Головкина, старѣйшаго кавалера этого ордена, и заявила, что желаетъ совершить свой въѣздъ въ Москву на слѣдующій день, въ воскресенье; онъ состоялся дѣйствительно, вчера, около полудня, и трауръ по этому случаю былъ снятъ на три дня».

Пріѣздъ царицы чрезвычайно осложнилъ безъ того крайне затруднительное положеніе, въ коемъ находились члены Верховнаго Совѣта. Ихъ противники, до тѣхъ поръ сдерживаемые страхомъ, стали дѣйствовать смѣлѣе прежняго. Съ того момента, когда выяснилось, что всѣ проекты, предложенные въ этомъ собраніи и въ немъ обсуждавшіеся, клонились только къ тому, чтобы сосредоточить верховную власть въ рукахъ немногихъ личностей, которыя безъ того уже были членами Верховнаго Совѣта, всѣ высшіе чины, не попавшіе въ него, все шляхетство, а слѣдовательно и всѣ офицеры возстали противъ самой мысли о какой-либо перемѣнѣ образа правленія. Г-нъ Маньянъ превосходно объясняетъ въ своей депешѣ отъ 3 апрѣля, почему аристократическій договоръ членовъ Верховнаго Совѣта окончился неудачею. Хотя его донесеніе писано послѣ совершившагося событія, но оно стоитъ того, чтобы его прочесть и обсудить.

Вотъ, что писалъ г. Маньянъ: «Ежели царица согласилась признать предъявленныя ей депутатами «кондиціи» и утвердила ихъ своею подписью, то чтобы упрочить ихъ на вѣчныя времена, было бы достаточно выработать такой образъ правленія, который удовлетворилъ бы какъ высшее дворянство, такъ и шляхетство, но это имъ не удалось, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: первая—недостатокъ согласія и единодушія между представителями знатнѣйшихъ фамилій, а вторая, неизбѣжно вытекавшая изъ первой, заключалась въ упорномъ, съ ихъ стороны, требованіи, чтобы Верховный Совѣтъ, въ коемъ предполагали сосредоточить всю верховную власть, состоялъ не болѣе какъ изъ 8 или 10 членовъ, тогда какъ дворяне требовали, чтобы въ Совѣтѣ было не менѣе 21 члена и не болѣе

какъ по одному или по два изъ каждой семьи, полагая совершенно основательно, что имъ придется терпѣть всевозможныя притѣсненія, ежели власть будетъ сосредоточена въ рукахъ двухъ или трехъ знатныхъ семействъ.

«Остерманъ, въ то время почти совершенно устраненный отъ дѣлъ, былъ слишкомъ ловокъ, чтобы не воспользоваться тою неурядицею, которую эти противорѣчія вносили въ умы уполномоченныхъ; основываясь на весьма вѣскомъ соображеніи, что ни Голицыны, ни Долгорукіе не могли оказать давленіе на войска, состоявшія почти исключительно изъ шляхетства, онъ примкнулъ къ Ягужинскому и князю Черкаскому съ цѣлью подать царицѣ мысль, что, вступивъ на престолъ по праву рожденія, она не должна допускать, чтобы ей были навязаны кондиціи, которыя особенно тяжки для нея потому, что онѣ не были предъявлены даже императрицѣ Екатеринѣ, не взирая на ея прошлое...

«Въ то время какъ царицѣ внушали эти мысли, нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ, наиболѣе склонныя къ интригѣ и обиженныя тѣмъ, что ихъ исключили изъ числа сословныхъ представителей, пустили, съ своей стороны, въ ходъ всевозможное стараніе, чтобы возстановить шляхетство противъ Верховнаго Совѣта, изображая его главныхъ членовъ какими-то тиранами, желавшими измѣнить образъ правленія съ цѣлью захватить власть въ свои руки; они всячески старались доказать, что господство знати будетъ несравненно тягостнѣе неограниченной власти самодержавнаго монарха».

Если вѣрить словамъ англійскаго резидента, то князья Трубецкой и Чернышевъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ царицы, Семеномъ Салтыковымъ, составили заговоръ и стали во главѣ дворянства и шляхетства. Къ нимъ примкнули нѣкоторые генералы, пользовавшіеся большимъ вліяніемъ на войско. Тогда расхрабрился и канцлеръ Головкинъ, обѣщавъ имъ свое содѣйствіе. Ягужинскій, величайшій интриганъ, сталъ энергически дѣйствовать изъ тюрьмы, на которую онъ уже смотрѣлъ какъ на ступень къ дальнѣйшему повышенію. Саксонскій посланникъ Лефортъ разсказываетъ, что когда члены Верховнаго Совѣта предложили освободить его, въ надеждѣ этимъ расположить его въ свою пользу, такъ какъ, по словамъ г. Маньяна, всѣ его знали за человѣка самаго мстительнаго,

то онъ отвѣчалъ, что такъ какъ оскорбленіе было нанесено ему публично, то и удовлетвореніе должно быть блистательное. Остерманъ, безвыходно сидѣвшій дома, подъ предлогомъ болѣзни, видя, что Верховный Совѣтъ начинаетъ колебаться, рѣшился высказаться и, если вѣрить депешѣ г. Маньяна отъ 9 марта (н. ст.), то его рѣшимость была вызвана болѣе страхомъ и злобою, нежели корыстью и честолюбіемъ.

«Разсказываютъ, что фельдмаршалъ князь Голицынъ, посѣтивъ, нѣсколько времени тому назадъ, г. Остермана, котораго онъ считалъ опасно больнымъ, былъ возмущенъ, убѣдясь въ противномъ, осыпалъ его упреками, жестоко укоряя его за то, что онъ уклонялся отъ присутствія въ Совѣтѣ въ то время, когда въ его опытности наиболѣе нуждались; энергичные укоры фельдмаршала были такъ чувствительны Остерману, что онъ едва не умеръ отъ огорченія; по всей вѣроятности, это и побудило его, наконецъ, рискуя всѣмъ, открыто возстать противъ измѣненія образа правленія».

Партія, противная верховникамъ, болѣе всего выиграла отъ присоединенія къ ней князя Черкаскаго. Онъ былъ сначала, какъ мы видѣли, однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ преобразованія образа правленія, но, еще будучи въ Совѣтѣ, разошелся съ Долгорукими и Голицыными, не придя съ ними къ соглашенію относительно самаго свойства и размѣра преобразованій. Раздосадованный онъ рѣшительно перешелъ на сторону враговъ реформы и сдѣлался самымъ дѣятельнымъ лицомъ заговора, составленнаго противъ Верховнаго Совѣта.

Съ Долгорукими и Голицыными, какъ съ врагами, нельзя было не считаться, хотя они и были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. На ихъ сторонѣ было громадное преимущество: они были хозяева положенія и, чувствуя, что почва ускользнетъ изъ-подъ ихъ ногъ, они удвоили осторожность, чтобы подъ нихъ нельзя было подкопаться. Они держали царицу положительно въ осадномъ положеніи. Князь Василій Долгорукій, привезшій ее изъ Курляндіи, исполнялъ, съ согласія Верховнаго Совѣта, обязанность ея оберъ-гофмейстера, поэтому занималъ помѣщеніе, смежное съ покоями царицы, и положительно никого не допускалъ бесѣдовать съ нею наединѣ. Предосторожность была не лишняя, но онъ не могъ усте-

речь ее до такой степени, чтобы не допускать къ царицѣ придворныхъ дамъ, которыя по своему положенію при дворѣ или въ силу родственныхъ отношеній, должны были являться къ ней на поклонъ. При помощи этихъ дамъ заговорщики имѣли возможность условиться съ императрицей, выяснить ей ея положеніе и извѣстить ее о мѣрахъ, которыя они собирались предпринять въ ея пользу. Посредницами служили княгини Чернышева и Салтыкова, супруга князя Черкаскаго и невѣстка его, жена генерала Матюшина. Герцогиня Мекленбургская не могла простить Верховному Совѣту того, что ее обошли при избраніи царицы, и она также всѣми силами поощряла сестру къ противодѣйствію. Можно себѣ представить, съ какою горячностью царица приняла сдѣланныя ей предложенія. Будучи увѣрена, что рано или поздно ей удастся наверстать уступки, сдѣланныя ею въ Митавѣ, она отвергла всѣ компромиссы, предложенные ей Верховнымъ Совѣтомъ; надобно замѣтить, что притязанія Долгорукихъ и Голицыныхъ уменьшались съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ положеніе становилось болѣе критическимъ. Царица упорно отказывалась явиться въ Верховный Совѣтъ, для утвержденія кондицій, подписанныхъ ею при принятіи короны, когда же члены Совѣта предложили ей обойти эту формальность, то «она отвѣчала,—пишетъ Лефортъ, 13 марта (н. ст.), — что ей недостаточно, чтобы самодержавная власть была признана за нею всего только восемью человѣками». Такое натянутое положеніе не могло долго продолжаться. Верховному Совѣту пришлось принять оборонительное положеніе, такъ какъ его враги начали дѣйствовать рѣшительно; это произошло слѣдующимъ образомъ:

25-го февраля (8 марта н. ст.) человѣкъ до восьмисотъ двинулось, рано утромъ, къ Кремлю. Князь Черкаскій, зная, что его сотоварищи по Верховному Совѣту «рѣшили арестовать его»,—передаетъ г. Маньянъ,—«также отправился во дворецъ, но изъ предосторожности сговорился съ своими друзьями войти въ переднія комнаты поодиночкѣ и соединиться всѣмъ вмѣстѣ тотчасъ по его прибытіи. Подобное же приказаніе было отдано генералъ-лейтенантомъ и генералъ-маіоромъ Преображенскаго полка, кн. Юсуповымъ, гвардейскимъ офицерамъ». Князь Черкаскій прибылъ въ десять часовъ

и тотчасъ велѣлъ испросить у Анны Іоанновны аудіенцію, а императрица повелѣла князю Василію Долгорукому собрать Верховный Совѣтъ, чтобы присутствовать на этой аудіенціи. Когда царица возсѣла на престолъ, то кн. Черкаскій подалъ ей челобитную, подписанную нѣсколькими дворянами, а кн. Юсуповъ — другую челобитную, подписанную гвардейскими офицерами. До насъ дошла только первая изъ нихъ, т. е. ея переводъ, приложенный къ депешамъ г. Маньяна; англійскій резидентъ передаетъ ея содержаніе вкратцѣ. Вотъ текстъ этого документа: «Всемилостивѣйшая и великодушная государыня императрица! Хотя Ваше Величество, по волѣ Божіей и съ согласіемъ народа, возсѣли на россійскій престолъ и благоволили подписать кондиціи, предъявленныя Вамъ отъ имени Верховнаго Совѣта, и тѣмъ самымъ доказали неизреченную доброту Вашу и чистоту Вашихъ намѣреній, клонящихся ко благу имперіи, за что мы всеподданнѣйше приносимъ Вамъ нашу благодарность, не только отъ насъ самихъ, но и отъ имени нашихъ потомковъ, которые всегда будутъ превозносить и благословлять имя Вашего Величества. Однако, всемилостивѣйшая государыня, мы должны обратить вниманіе Вашего Величества на то, что нѣкоторые пункты этихъ кондицій вызываютъ въ народѣ Вашемъ опасеніе, что въ будущемъ могутъ произойти такія пагубныя событія, коими могутъ воспользоваться враги нашего отечества; по зрѣломъ обсужденіи этихъ кондицій, мы изложили наше мнѣніе письменно и представили наши замѣчанія со всѣмъ должнымъ почтеніемъ на разсмотрѣніе Верховнаго Совѣта; мы просили установить для блага и спокойствія имперіи, большинствомъ голосовъ, надлежащій, правильный образъ правленія. Но, всемилостивѣйшая государыня, не обративъ на наши предложенія никакого вниманія, намъ отвѣчали, что безъ соизволенія Вашего Величества ничто не можетъ быть сдѣлано, поэтому, зная присущую Вамъ доброту и готовность Вашу проявить ее, мы дерзаемъ всепокорнѣйше молить Ваше Величество, дабы приказано было разсмотрѣть и рѣшить большинствомъ голосовъ поданные нами проекты, вызвавъ съ этою цѣлью по одному или по два представителя отъ каждаго семейства съ тѣмъ, чтобы по обсужденіи этихъ предложеній и тѣхъ прискорбныхъ обстоятельствъ, кои указаны въ нашихъ проектахъ, былъ установленъ

образъ правленія, одобряемый народомъ, признанный большинствомъ голосовъ и представленный на утвержденіе Вашему Величеству. Мы обѣщаемъ быть вѣрными слугами Вашего Величества и ревнуемъ лишь о славѣ и выгодахъ Вашихъ. Хотя настоящая челобитная подписана немногими лицами, такъ какъ мы боялись устраивать сборища, но мы удостовѣряемъ, что все дворянство раздѣляетъ нашъ взглядъ; лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что все въ ней сказанное заключается и въ упомянутыхъ проектахъ, имъ подписанныхъ».

Князь Черкаскій, окончивъ чтеніе этой челобитной, намѣревался держать рѣчь, но князь Василій Долгорукій рѣзко прервалъ его, попросивъ царицу возвратиться въ кабинетъ, чтобы обсудить совмѣстно съ Верховнымъ Совѣтомъ отвѣтъ, коего заслуживала подобная челобитная. Это довольно смѣлое требованіе вызвало оживленный споръ. Предоставимъ еще разъ слово г. Маньяну, который писалъ на слѣдующій день, т. е. 9-го числа (н. ст.).

«Вслѣдъ за этимъ раздалось нѣсколько голосовъ, заявившихъ, что дворянство единогласно желаетъ возстановленія монархической власти; это вызвало, какъ говорятъ, въ свою очередь, большія пререканія; но они были вскорѣ прекращены высшими чинами гвардіи, которые, замѣтивъ смущеніе царицы, умоляли ее изъявить свое согласіе на просьбу дворянъ. Говорятъ даже, будто генералъ-маіоръ гвардіи, Салтыковъ, заявилъ готовность немедленно исполнить приказаніе Ея Величества, ежели ей угодно будетъ повелѣть ему обуздать всякаго, осмѣлившагося высказать свое неодобреніе».

Въ реляціи, приложенной къ письму другаго французскаго агента, де Бюсси, отъ 9-го марта (н. ст.), приводятся тѣ же подробности:

«Гвардейскіе офицеры и прочія лица, столпившись предъ царицей, взбунтовались и начали кричать, что они не желаютъ, чтобы ихъ государынѣ предписывались законы, и что она должна пользоваться такою же неограниченною властью, какою пользовались ея предшественники. Смятеніе дошло до того, что царица была вынуждена пригрозить имъ. Тогда, всѣ эти лица, преклонивъ колѣно, заявили: «Ваше Величество, мы вѣрноподданные ваши слуги, вѣрою и правдою служили предшественникамъ Вашимъ и готовы ради

Вашего Величества пожертвовать жизнію, но мы не можемъ допустить того, чтобы Васъ терзали. Прикажите, Ваше Величество, и мы сложимъ головы тирановъ къ Вашимъ ногамъ». Тогда царица приказала имъ повиноваться генералъ-лейтенанту и генералъ-маіору гвардіи Салтыкову, который, ставъ во главѣ ихъ, привѣтствовалъ Ея Императорское Величество самодержавною императрицею».

Французскій резидентъ кончаетъ свой разсказъ слѣдующими словами: «Это былъ страшный ударъ, нанесенный Верховному Совѣту! Дѣйствительно, Долгорукіе и Голицыны менѣе всего ожидали этого ловкаго маневра, были имъ застигнуты врасплохъ и совершенно растерялись. Они совершенно не знали, на что рѣшиться въ тотъ моментъ, когда надобно было какъ можно скорѣе принять какія-либо мѣры. Однако это были люди, далеко не робкіе. Многіе изъ нихъ не разъ доказали свою храбрость на полѣ битвы, всѣ они состарились въ интригахъ и борьбѣ, но тутъ они не нашлись, что возразить, и предоставили иниціативу молодому князю Василію Долгорукому, который, не будучи членомъ Верховнаго Совѣта, не имѣлъ права говорить отъ имени всѣхъ. На самомъ дѣлѣ они оробѣли и, если вѣрить всѣмъ разсказамъ, дошедшимъ до насъ объ этомъ достопамятномъ днѣ въ исторіи Россіи, то приходится сознаться, что они имѣли полное основаніе бояться. 2 (13) марта г. Маньянъ писалъ:

«Счастье верховниковъ, что они не оказали никакого сопротивленія; если бы они вздумали возстать противъ рѣшенія дворянъ, то послѣдніе, сообща съ гвардейскими офицерами, заранѣе рѣшили выбросить Верховный Совѣтъ въ окно».

Онъ же писалъ нѣсколько дней спустя, 16-го марта (н. ст.):

«Дворяне, повидимому, питаютъ непримиримую вражду къ Голицынымъ и Долгорукимъ, приписывая имъ пагубныя для блага отечества намѣренія, выразившіяся въ желаніи присвоить себѣ незаконнымъ образомъ верховную власть; говорятъ, будто дворяне, опасаясь этихъ личностей, сплотились, съ цѣлью просить императрицу взять въ свои руки неограниченную власть. Во дворецъ собралось, въ этотъ день, болѣе 800 человѣкъ, съ намѣреніемъ вынудить царицу на этотъ шагъ, всѣ они твердо рѣшили прибѣгнуть къ силѣ, ежели бы верховники оказали малѣйшее сопротивленіе. Го-

ворятъ, что дѣло могло принять весьма печальный оборотъ и что тутъ разыгралась бы самая трагическая сцена, если бы царица согласилась войти въ кабинетъ, какъ этого требовалъ князь Василій Долгорукій, чтобы обсудить челобитную, поданную ей шляхетствомъ, но ее удержала отъ этого намѣренія главнымъ образомъ герцогиня Мекленбургская, сказавъ: «Нѣтъ, Ваше Величество, теперь не время обсуждать, вотъ перо, благоволите подписать. Царица, дѣйствительно, подписала челобитную дворянства, сказавъ при этомъ одному капитану гвардіи: «я вижу, что мое положеніе здѣсь не безопасно, поэтому повинуйтесь исключительно приказаніямъ, которыя вамъ будутъ отданы отъ моего имени, генералъ-маіоромъ Салтыковымъ, и болѣе никому». Верховники, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ вооруженными людьми, не выказали ни малѣйшаго протеста».

Этимъ не все кончилось; это былъ, такъ сказать, первый актъ комедіи, продолженіе которой описано г. Маньяномъ въ той же депешѣ отъ 2 (13) марта:

«Дворяне удалились и, собравшись въ одной изъ дворцовыхъ залъ, единогласно рѣшили возвратить царицѣ неограниченную власть, коей пользовались ея предшественники, въ благодарность за ея милостивое согласіе подписать ихъ челобитную; они просили дать имъ вторично аудіенцію въ тотъ же вечеръ, на что императрица тотчасъ изъявила свое согласіе, пригласивъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ столу всѣхъ членовъ Верховнаго Совѣта, чтобы они не разошлись. Въ половинѣ четвертаго по полудни дворяне возвратились. Князь Черкаскій подалъ царицѣ другую челобитную, которую она приказала прочитать вслухъ.

Вотъ этотъ документъ:

«Всемилостивѣйшая и всепресвѣтлѣйшая государыня императрица! Неизреченная милость, съ какою Ваше Величество отвѣтили на нашу всенижайшую просьбу, налагаетъ на насъ обязанность по возможности доказать Вамъ нашу признательность; мы полагаемъ, что наилучшимъ къ тому способомъ, съ нашей стороны, будетъ прибѣгнуть къ Вашему Величеству съ просьбою принять въ Ваши руки неограниченную власть и пользоваться ею на тѣхъ основаніяхъ, на коихъ пользовались этою властію Ваши предшественники,

уничтоживъ для этого кондиціи, предъявленныя вамъ Верховнымъ Совѣтомъ и Вашимъ Величествомъ подписанныя. Вмѣстѣ съ симъ мы просимъ всенижайше Ваше Величество учредить, вмѣсто Верховнаго Совѣта и Сената, одинъ Правительствующій Сенатъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ при Петрѣ I, дядѣ Вашего Величества, чтобы въ немъ засѣдало не менѣе 21 члена и чтобы всѣ вакантныя мѣста въ Сенатѣ, намѣстничествахъ и коллегіяхъ были замѣщаемы впредь Вашимъ Величествомъ дворянами, согласно постановленію дядюшки Вашего, императора Петра I. Поэтому, взявъ во вниманіе, что Ваше Величество благоволили подписать нашу челобитную, мы просимъ Васъ нынѣ же указать, какой именно образъ правленія Вашему Величеству угодно будетъ установить; мы же, какъ вѣрные и преданные подданные Ваши, питаемъ надежду, что при томъ образѣ правленія, какой Вашему Величеству угодно будетъ установить, а также благодаря уменьшенію налоговъ, мы проведемъ остатки нашихъ дней въ благополучіи и безъ всякихъ треволненій».

Царица благодарила дворянство, да и было за что. Затѣмъ она сказала, чтобы «въ такомъ случаѣ, ей подали кондиціи, подписанныя ею въ Митавѣ», которыя она намѣрена уничтожить. Государственный канцлеръ Головкинъ, у коего онѣ хранились, тотчасъ принесъ ихъ и подалъ царицѣ, которая разорвала ихъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся; «такимъ образомъ»,—добавляетъ г. Маньянъ, оканчивая свою реляцію,—«верховная власть была возстановлена со всѣми преимуществами, коими пользовались предшественники Ея Императорскаго Величества».

Англійскій резидентъ кончаетъ свой разсказъ слѣдующими словами:

«Всѣ присутствовавшіе при этомъ дворяне поцѣловали руку царицы. То же сдѣлали и члены Верховнаго Совѣта, показывая видъ, будто они вполнѣ довольны, хотя они были, видимо, глубоко поражены всѣмъ случившимся».

Теперь царицѣ оставалось исполнить еще одинъ долгъ, о чемъ она тотчасъ же и позаботилась. Разорвавъ собственноручно кондиціи, добровольно ею подписанныя при принятіи престола, она приказала освободить Ягужинскаго. Ему немедленно была возвра-

щена свобода, и онъ явился за полученіемъ награды. Царица, въ присутствіи всѣхъ собравшихся, вручила ему шпагу и Андреевскую ленту и изъявила свою благодарность, какъ защитнику ея правъ. Мало того: Ягужинскому была возвращена должность генералъ-прокурора Сената, — постъ, сопряженный съ личнымъ довѣріемъ.

На другой день послѣ этого событія, 9 марта (н. ст.), г. Маньянъ писалъ:

«Сегодня вечеромъ повелѣно зажечь на всѣхъ улицахъ иллюминацію».

А нѣсколько дней спустя, 13 числа:

«Теперь все спокойно, царица очень весела и весьма довольна».

(Продолженіе будетъ).

Стенографія, какъ скорѣйшее сообщеніе приказаній въ военное время.

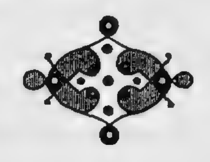
Письмо графа Карла Толя генералу А. И. Красовскому.

9 января 1834 г., № 5.

Г. Военный Министръ увѣдомилъ меня, что по всеподданнѣйшему докладу его Государю Императору о доставленномъ Генеральнаго Штаба капитаномъ Искрицкимъ опытѣ стенографіи и о предположеніи его ввести сіе искуство въ употребленіе между офицерами Генеральнаго Штаба, для скорѣйшаго сообщенія приказаній въ военное время и вообще для облегченія способа сношеній, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ учредить особый Комитетъ для разсмотрѣнія, въ какой мѣрѣ изученіе стенографіи можетъ быть полезно въ военное время и не произойдетъ ли особеннаго вреда отъ введенія въ употребленіе сего искуства, которое сверхъ другихъ неудобствъ неминуемо можетъ послужить новымъ и обширнымъ способомъ къ непозволительнымъ тайнымъ сношеніямъ ко вреду Правительства.

Въ Комитетъ сей Его Величеству благоугодно было назначить ваше превосходительство, генералъ-адъютанта Нейнгардта, генералъ-лейтенанта Шуберта и генералъ-маіора Веймарна.

О таковой Монаршей волѣ имѣя честь увѣдомить ваше превосходительство, считаю долгомъ предварить Васъ, что узнавъ о болѣзни Вашей, я нашелся въ необходимости отложить на сей разъ засѣданіе Комитета. Коль же скоро здоровье вашего превосходительства дозволитъ Вамъ присутствовать въ ономъ, то я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, меня о томъ увѣдомить, дабы я могъ въ то же время извѣстить прочихъ г.г. членовъ о имѣющемъ быть засѣданіи Комитета.

Записки Іосифа Петровича Дубецкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

1828 годъ.

I.

Подъ Браиловымъ.—Императоръ Николай.—Анекдотъ.

Въ 1828 году мая 1-го рано утромъ прибылъ подъ Браиловъ великій князь Михаилъ Павловичъ и остановился въ чефликѣ (хуторъ или мыза) въ 2-хъ верстахъ отъ Гаджи-Капудана и въ верстахъ отъ Браилова, а 2-го числа въ 6 часовъ по полудни прибылъ государь императоръ и остановился въ томъ же домѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ.

Утромъ 3 мая весь генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры представлялись Его Величеству.

Императоръ Николай Павловичъ былъ тогда 32 лѣтъ; высокаго роста, сухощавъ, грудь имѣлъ широкую, руки нѣсколько длинныя, лицо продолговатое, чистое, лобъ открытый, носъ римскій, ротъ умѣренный, взглядъ быстрый, голосъ звонкій, подходящій къ тенору, но говорилъ нѣсколько скороговоркой. Вообще онъ былъ очень строенъ и ловокъ. Въ движеніяхъ не было замѣтно ни надменной важности, ни вѣтренной торопливости; но видна была какая-то неподдѣльная строгость. Свѣжесть лица и все въ немъ выказывало желѣзное здоровье и служило доказательствомъ, что юность не была изнѣжена и жизнь сопровождалась трезвостью и умѣренностію.

Въ физическомъ отношеніи онъ былъ превосходнѣе всѣхъ мужчинъ изъ генералитета и офицеровъ, какихъ только я видѣлъ въ арміи; и могу сказать по истинѣ, что въ нашу просвѣщенную эпоху, величайшая рѣдкость видѣть подобнаго человѣка въ кругу аристократіи.

Вотъ анекдотъ, въ коемъ я самъ разыгрывалъ плачевную роль.

Весь главный штабъ арміи тѣснился въ небольшой деревушкѣ Гаджи-

1) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1895 года.

Капуданъ, состоявшей изъ 8 или 10 избъ. По этой уважительной причинѣ, даже нѣкоторый генералитетъ лѣпился въ сараяхъ и хлѣвахъ, а офицерство—гдѣ кто попалъ. Будучи адъютантомъ генералъ-квартирмейстера, я по преимуществу имѣлъ помѣщеніе въ овечьемъ хлѣвкѣ той избы, въ коей расположился мой генералъ. Хлѣвокъ этотъ стоялъ возлѣ самой дороги, напротивъ избы, въ коей было дежурство. Посему это мѣсто было вѣчный толкучій рынокъ. Со мною квартировалъ свитскій офицеръ Ганъ.

3 числа мая, часу въ 5 утра (въ этотъ день готовились представляться государю императору), отдавши моему Павлушкѣ приказаніе о разныхъ разностяхъ, я въ утреннемъ походномъ костюмѣ, т. е. въ туфляхъ, шинели и черкесской шапкѣ, вышелъ изъ хлѣвка, сѣлъ на завалинѣ и, въ ожиданіи чаю, любовался майскимъ утромъ. Ко мнѣ присоединились сосѣди, квартировавшіе подъ небомъ, и пошла пріятельская бесѣда. Вскорѣ подъѣхала почтовая тройка, изъ коей соскочивъ подошелъ къ намъ юноша лѣтъ 16 или 17, въ артиллерійскомъ сюртукѣ и съ сумкою на груди, и поздоровавшись спросилъ: гдѣ главнокомандующій?

— Вотъ, тамъ, гдѣ ходитъ часовой. А вамъ онъ на что?

— Я присланъ курьеромъ съ депешами отъ генерала Рудзевича.

— Изъ третьяго корпуса?

— Да.

— А что, смотрѣлъ государь вашъ корпусъ?

— Какъ же. Я былъ у государя на ординарцахъ. Онъ остался совершенно доволенъ всѣмъ, и корпусъ уже готовъ былъ къ переходу чрезъ Дунай.

— Не угодно ли стаканъ чаю,—сказалъ я,—ибо въ это время принесли чай.

— Ахъ! сдѣлайте одолженіе, съ мѣста не пилъ чаю,—отвѣчалъ молодой прапорщикъ, взялъ чай, закурилъ трубку и пустился въ разсказы.

— Господинъ офицеръ, подите сюда!—закричалъ государь, внезапно подъѣхавшій въ эту минуту изъ-за угла дежурства, въ бричкѣ четверкой, съ двумя лейбъ-казаками и фельдъегеремъ.

Мы всѣ, шапки долой, незная, кого зовутъ, смутились и прятались другъ за друга, а я проклиналъ и хлѣвъ, и дверь, которая была не близко.

— Пожалуйте сюда!—повторилось громче прежняго,—и я,—яко хозяинъ, подталкиваемый другими, уже выступалъ съ трепетомъ впередъ, подгибая колѣна, чтобы концами полъ шинели закрыть по крайней мѣрѣ туфли и босыя ноги.

Не могу выразить моего въ эту критическую минуту положенія. Я не могъ опомниться, на яву ли, или во снѣ, очутился я предъ грознымъ лицомъ государя императора, и какъ?—въ одной рубашкѣ и прикрытый шинелью, босикомъ, въ туфляхъ и еще въ проклятой черкесской шап-

кѣ... Ужасъ объялъ меня и, клянусь честію, въ жизнь мою никогда не былъ въ столь отчаянномъ страхѣ!!! Даже теперь дрожь беретъ, когда вспомню эту минуту.

— Не васъ, не васъ, но тотъ офицеръ, что́ съ сумкой, подите сюда скорѣе,—сказалъ государь съ видимою улыбкою.

— Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Дѣво пречистая!—прошепталъ я со вздохомъ. Мнѣ казалось, что я ожилъ изъ мертвыхъ, и въ два шага, но не оборачиваясь впрочемъ назадъ, очутился я у самой стѣнки.

Бѣдняжка нашъ говорунъ, въ одной рукѣ съ стаканомъ чаю, а въ другой съ трубкою и фуражкой, пряча ту и другую руку назадъ, подступилъ къ бричкѣ.

— Откуда вы пріѣхали?—спросилъ государь.

— Изъ Бѣлграда, отъ корпуснаго командира Рудзевича, ваше превосходительство,—отвѣчалъ прапорщикъ.

— Къ кому?

— Къ фельдмаршалу, ваше сіятельство.

— Дайте ваши бумаги!

Это приказаніе совершенно озадачило бѣднаго прапорщика. Ему мелькнуло приказаніе отдать бумаги лично фельдмаршалу, а какъ онъ зналъ, что фельдмаршалъ старикъ, а это лицо, судя по молодости, былъ вовсе не фельдмаршалъ, то онъ растерялся, сталъ втупикъ, лупилъ глазами и не зналъ, что отвѣчать. Къ тому же обѣ руки были заняты чаемъ, трубкою и фуражкой.

— Подайте мнѣ ваши бумаги, которыя вы привезли! — повторилъ государь съ досадою.

Тогда кто-то изъ насъ взялъ у него стаканъ съ чаемъ, а самъ онъ догадался, бросилъ на землю трубку и шапку, досталъ изъ сумки пакетъ и подалъ его государю.

Прочитавши рапортъ и возвращая его офицеру, государь сказалъ:

— Отдайте фельдмаршалу и скажите, что я вскрылъ его.

— Слушаю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ онъ.

Затѣмъ государь, бросивъ на нашу публику свой быстрый взглядъ, съ пріятнѣйшею миною махнулъ намъ головою и ускакалъ.

Государь императоръ ѣхалъ нарочно очень рано къ фельдмаршалу, чтобы предупредить его представленіе. Таковъ былъ его этикетъ.

Тогда началась новая комедія. Юноша-артиллеристъ, произведенный предъ походомъ изъ юнкеровъ въ прапорщики, только-что хвалившійся, что былъ передъ этимъ на ординарцахъ у государя, не зналъ, какъ выпутаться, ибо не хотѣлъ сознаться, что солгалъ, и что никогда не видалъ государя. Мы заливались со смѣху, а онъ удивлялся, охалъ и, наконецъ, рѣшилъ тѣмъ, что государь внезапнымъ появленіемъ до того его переконфузилъ, что онъ не узналъ Его Величества.

Молодежь, адъютантство пустили въ ходъ это происшествіе съ прибаутками, и мнѣ нѣсколько дней не было покоя. Впрочемъ, урокъ этотъ послужилъ мнѣ въ пользу. Съ этихъ поръ, во всю турецкую войну, въ лагеряхъ и на бивуакахъ, я ложился спать не раздѣваясь. Это было очень полезно по званію адъютанта, и особенно во время фальшивой тревоги подъ Калафатомъ и при внезапномъ ночномъ нападеніи турокъ на укрѣпленный нашъ лагерь подъ Марашемъ.

II.

Дѣло подъ Шумлою 8-го іюля.—Нападеніе на 7-й пѣхотный корпусъ подъ Марашемъ и на редуты праваго фланга 14-го августа.

Генералъ князь Горчаковъ, бывъ назначенъ командовать отрядомъ въ малой Валахіи, на правомъ флангѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, отправился 12-го мая изъ главной квартиры. Мѣсяца полтора мы прошатались по малой Валахіи и доходили до Калафата, но, кромѣ незначительныхъ стычекъ съ турками и пресмѣшной тревоги на Чорои, никакихъ замѣчательныхъ дѣйствій не было.

28-го іюня, князь Горчаковъ, назначенный начальникомъ 18-й пѣхотной дивизіи на мѣсто убитаго на Браиловскомъ штурмѣ генерала Вольфа, прибылъ къ дивизіи, находившейся тогда въ Базарджикѣ, гдѣ уже были сосредоточены два пѣхотные корпуса, дивизія гусаръ, дивизія конноегерская, бригада уланъ и нѣсколько казачьихъ полковъ. Здѣсь находился и государь императоръ со всѣмъ генералитетомъ и съ иностранными послами.

18-ю пѣхотную дивизію составляли слѣдующіе полки:

Казанскій
Вятскій
Уфимскій
Пермскій } пѣхотные и 35, 36 } егерскіе

Нѣкоторые полковые командиры этой дивизіи, Абрамовичъ, Пестель и другіе, коихъ не припомню, а также нѣсколько офицеровъ, были замѣшаны въ бунтѣ 14-го декабря 1825 гоца. Но дивизія эта, пущенная на браиловскій штурмъ, примѣрною храбростью и кровью смыла съ себя всякое подозрѣніе. Государь императоръ при отъѣздѣ изъ-подъ Шумлы подъ Варну, пріѣхавъ къ этой дивизіи и, сойдя съ лошади, велѣлъ стать всему Вятскому полку въ кругъ себя, говорилъ соотвѣтственно этому обстоятельству и благодарилъ за отличную службу.

Въ 1825 году, командиромъ Вятскаго полка былъ полковникъ Пестель, погибшій на висѣлицѣ, какъ главный заговорщикъ по бунту 14-го декабря.

Подъ Базарджикомъ армія простояла нѣсколько дней, пока вся стянулась.

3-го іюля, войска тронулись подъ Шумлу. 18-я пѣхотная дивизія [1]) прикрывала императорскую квартиру и была, такъ сказать, въ конвоѣ у государя.

8-го іюля 18-я пѣхотная дивизія и полкъ гусаръ съ одною конною и тремя пѣшими артиллерійскими ротами, подъ начальствомъ генерала Дибича, двинулась къ самой Шумлѣ и имѣла очень удачное дѣло противъ 10 т. турецкой кавалеріи съ 20 орудіями [2]). Но шансъ былъ весьма не равенъ. Пораженные турки ретировались быстро, а мы, ставъ на позицію верстахъ въ пяти отъ Шумлы, въ ту же ночь заложили передовые редуты. Вскорѣ присоединился къ намъ и 3-й пѣхотный корпусъ.

Подъ Шумлой мы простояли все лѣто и наносили неоднократно пораженіе непріятельскимъ отрядамъ, завязывавшимъ бой. Замѣчательное дѣло было 14-го августа. Это было ночное нападеніе турокъ на оба наши фланга.

Въ концѣ іюля, принцъ Евгеній Виртембергскій назначенъ былъ къ намъ (въ 7 корп.) корпуснымъ командиромъ, на мѣсто генерала Воинова. Одинъ взятый въ плѣнъ, или, какъ утверждали, бѣжавшій къ туркамъ солдатъ объявилъ, что нашимъ корпусомъ командуетъ принцъ, дядя государя. Гуссейнъ-паша [3]), командовавшій войсками въ Шумлѣ, смѣшавъ слово принцъ съ словомъ великій князь, вообразилъ, что это долженъ быть великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ государя, а не дядя, и возымѣлъ смѣлую мысль сдѣлать на нашъ отрядъ сильное нападеніе; а чтобы оное было болѣе успѣшно, то для отвлеченія вниманія, предположилъ сдѣлать въ одно и то же время диверсію и на нашъ правый флангъ

Здѣсь я долженъ сказать, что 7 корпусъ составляли двѣ пѣхотныя дивизіи 18 и 19. Всѣ полки 19 дивизіи были тогда подъ Варной, а изъ 18 дивизіи егерская бригада была въ редутахъ; въ ретраншаментѣ же подъ с. Марашемъ были только четыре полка 18 дивизіи, одинъ батальонъ саперъ и два полка гусаръ, да двѣ пѣшихъ и одна конная батареи. Правда, что съ этими силами, находясь въ укрѣпленномъ лагерѣ, можно было раздѣлаться съ турками совсѣмъ иначе, если бы они были и въ пять разъ сильнѣе насъ. Но вотъ причина нашей неудачи.

---

[1]) Я былъ старшимъ дивизіоннымъ адъютантомъ.

[2]) Здѣсь убитъ одинъ только флигель-адъютантъ полковникъ Реадъ,—и то по собственной винѣ. Онъ безпрестанно вертѣлся передъ фронтомъ и мѣшался, гдѣ его вовсе не спрашивали. Во время канонады батарейной роты, подскочивъ къ командиру оной, полковнику Штейбе, завелъ съ нимъ громкій и жаркій споръ, отдавая свои приказанія. Штейбе, зная свое дѣло, не слушался его приказаній, Реадъ кричалъ, горячился, и въ этотъ мигъ былъ срѣзанъ пополамъ турецкимъ ядромъ.

[3]) Гуссейнъ-паша, происходя изъ простолюдиновъ, храбрый, замѣчательнаго ума, слѣпой исполнитель воли султана Махмуда, прославился въ дѣлахъ при истребленіи янычаръ.

Ретраншаментъ былъ правильный квадратъ, коего каждый фасъ простирался примѣрно саженъ на полтораста, но мѣстность для этого укрѣпленнаго лагеря была съ одной стороны очень невыгодная, ибо лѣвый фасъ этого ретраншамента пролегалъ саженяхъ въ десяти параллельно съ глубокимъ оврагомъ, и турки, отбитые во время нападенія отъ передняго фаса, всѣ сперлись въ оврагѣ и изъ онаго сдѣлали самый упорный натискъ на лѣвый фасъ, на коемъ окопъ, къ несчастію, не былъ еще оконченъ; къ тому же, крутизна оврага защищала ихъ отъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, что и было причиною, что потеря, 117 человѣкъ убитыми и 132 ранеными, была изъ одного только Уфимскаго полка, бывшаго на лѣвомъ фасѣ; изъ другихъ же полковъ не было потеряно ни одного человѣка. А одно легкое орудіе, по нераспорядительности артиллерійскаго генерала Черемисинова, бывъ выдвинуто изъ укрѣпленія на самую кручу, само попало туркамъ въ руки. Многіе утверждали, что наша потеря въ этомъ дѣлѣ была самая ужасная; могу увѣрить въ истинѣ показаннаго мною, ибо, бывъ тогда старшимъ дивизіоннымъ адъютантомъ 18 пѣхотной дивизіи, я былъ на всѣхъ пунктахъ сраженія отъ самаго его начала до конца, и вѣрнѣе меня никто его не знаетъ. Войсками противъ насъ командовалъ самъ Гуссейнъ-паша. У него было 10.000 регулярной пѣхоты, 6.000 кавалеріи и 20 орудій. Онъ оставилъ на мѣстѣ сраженія болѣе 100 тѣлъ, 86 плѣнныхъ и 122 раненыхъ.

Но не таково было дѣло на правомъ флангѣ.

Извѣстный храбрецъ Галиль-паша [1]), ревнуя славѣ товарища своего Гуссейнъ-паши, вмѣсто фальшивой атаки, для отвлеченія вниманія, сдѣлалъ самое гибельное нападеніе на редутъ № 5. Онъ употребилъ слѣдующій обманъ, который удался вполнѣ. Пользуясь предразсвѣтною темнотою, онъ тихо подвелъ турецкія колонны къ нашей передовой цѣпи, бывшей шагахъ въ 30 отъ редута. Ста два некрасовцевъ, переодѣтыхъ въ наши солдатскія шинели, несли фашинникъ и, на окликъ часовыхъ, отвѣчали, что они солдаты, возвращаются съ фашинами съ работы и потому не знаютъ ни пароля, ни отзыва. Часовые повѣрили и пропустили. Некрасовцы быстро добѣжали до редута, завалили ровъ фашинами, и въ то же мгновеніе страшная толпа турецкой пѣхоты и кавалеріи, вскочивъ въ редутъ, въ нѣсколько минутъ покончила все. 5 орудій осадной артиллеріи, 4 орудія легкихъ, одинъ батальонъ пѣхоты, 1 генералъ (генералъ-маіоръ Вреде) и весь штабъ и оберъ-офицеры погибли. Люди всѣ были перерѣзаны безъ жалости, а оружіе, снаряды и вещи взяты.

---

[1]) Турецкій аристократъ, впослѣдствіи зять султана Махмуда. Онъ былъ молодъ, красивъ, статенъ, превосходный наѣздникъ и чрезвычайно храбръ.

Галиль-паша не удовольствовался столь неожиданнымъ успѣхомъ. Онъ хотѣлъ захватить и другой редутъ посредствомъ новой хитрости. Турки взяли генерала Вреде и повели его впереди пѣшей колонны къ слѣдующему редуту, приказавъ ему кричать въ редутѣ, чтобы не стрѣляли, потому что онъ будто бы идетъ съ своими солдатами. Вреде согласился, подвелъ турокъ къ самому редуту и закричалъ: «стрѣляй, турки, стрѣляй!»—и въ тотъ же мигъ ятаганъ вонженъ былъ ему въ глотку, и въ тотъ же мигъ залпъ, пущенный изъ редута въ турокъ изъ всѣхъ орудій, и грохотъ батальоннаго огня оглушилъ турокъ смертію, какъ бы отдавая послѣднюю честь неустрашимому страдальцу. Однако, турки упорно атаковали и этотъ редутъ, но были отбиты съ значительною потерею съ обѣихъ сторонъ.

Дня за два до этого несчастнаго случая, начальникъ главнаго штаба арміи Киселевъ, объѣзжая редуты, сдѣлалъ строгое замѣчаніе бригадному генералу Вреде за то, что ружья нечисты и что люди изнуряются ночною стоянкою подъ ружьемъ посмѣнно. Поэтому слѣдующіе два дня происходила чистка ружей, а во время нападенія, ружья не были заряжены и въ редутѣ, кромѣ часовыхъ, все спало. Турецкій офицеръ, взятый въ плѣнъ подъ Марашемъ, разсказывалъ, что тотъ же бѣглый солдатъ передалъ это обстоятельство Галиль-пашѣ, который имъ вполнѣ воспользовался.

Въ концѣ августа (27 ч.) турки сдѣлали открытое нападеніе на редутъ № XII, но были отражены съ великою потерею.

III.

Дѣло на Курдтепэ 18-го сентября.

Цѣль записокъ моихъ—есть повѣствованіе замѣчательныхъ фактовъ моей жизни; поэтому, могутъ войти въ нихъ тѣ военныя дѣла, въ коихъ участвовалъ я самъ, а также и тѣ, кои, бывъ въ связи съ событіями, происходили, такъ сказать, передъ глазами. Однакоже, я намѣренъ упомянуть хотя вкратцѣ о знаменитомъ дѣлѣ, бывшемъ на Курдтепэ. Въ дѣлѣ этомъ я не участвовалъ, но оно состоитъ въ связи по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Послѣ турецкой войны, генералъ-лейтенантъ, князь Горчаковъ, назначенъ былъ начальникомъ 19-ой пѣхотной дивизіи, на мѣсто генерала Головина, получившаго другое назначеніе. Дивизія эта [1]), по

[1]) 19 дивизію составляли слѣдующіе полки:

Азовскій Днѣпровскій Украинскій Одесскій	} пѣхотные и	37 38	} егерскіе.

возвращенiи изъ-за Балканъ, простояла въ Варнѣ все лѣто (съ апрѣля по октябрь) 1830 года. Въ полкахъ этой дивизiи еще уцѣлѣли въ то время многiе офицеры, кои были въ дѣйствительномъ сраженiи на Курдтепэ. Они мнѣ разсказывали объ этомъ дѣлѣ. Мѣстность же мнѣ извѣстна лично, ибо во время пребыванiя моего въ Варнѣ, въ упомянутое лѣто, я иногда, въ прогулкахъ моихъ верхомъ, доѣзжалъ до Курдтепэ и одинъ разъ тамъ обѣдалъ съ товарищами. Здѣсь очевидцы указывали мнѣ мѣста, ознаменованныя кровью и смертью нашихъ храбрыхъ соотечественниковъ, покоящихся вѣчнымъ сномъ на этой пустынной и не родной землѣ.

Вотъ почему я хочу говорить объ этомъ дѣлѣ. Знаю, что это повѣствованiе будетъ далеко не удовлетворительно въ стратегическомъ отношенiи, зато должно быть приблизительно вѣрно въ событiи, ибо передамъ сущность разсказа очевидцевъ точно такъ, какъ могу ее припомнить. Упуская нѣкоторыя занимательныя подробности, я не могу не упомянуть объ одномъ постыдномъ фактѣ этой печальной драмы, который, быть можетъ, и дѣйствительно былъ причиною гибельной неудачи этого дѣла; о фактѣ, который, вѣроятно, никогда не будетъ переданъ свѣту.

Когда крѣпость Варна была осаждена съ суши и съ моря, то турецкiй военачальникъ, Омеръ-Вpioни, получившiй повелѣнiе султана спѣшить на освобожденiе Варны, еще въ августѣ 1828 года, прибылъ изъ Румелiи съ корпусомъ войскъ и, остановившись на урочищѣ Эскитепэ (верстахъ въ пятнадцати отъ Варны) [1]), ожидалъ тамъ присоединенiя остальныхъ войскъ. Сюда-то сдѣлана была (10-го сентября) графомъ Залуцкимъ, съ лейбъ-егерскимъ полкомъ, рекогносцировка, по его глупой распорядительности, столь несчастная и неудачная.

Вскорѣ послѣ сего, поручено было генералу Сухозанету, съ сильнымъ отрядомъ войскъ, не допустить Врiони приблизиться къ Варнѣ но дѣйствiя этого генерала были безуспѣшны. Омеръ-Врiони проникъ на приморскiя высоты и расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ, на горѣ Курдтепэ, отстоящей верстахъ въ четырехъ отъ Варны и отдѣляющейся отъ нея горою Галатою и небольшимъ морскимъ заливомъ.

Позицiя эта есть не что иное, какъ плоская высота, выдающаяся угломъ къ морю, коей двѣ стороны отдѣляются отъ сосѣдней мѣстности частью крутыми глубокими оврагами, а частью обрывами на нѣсколько десятковъ саженъ; третья же сторона этой позицiи доступна отъ Цареградской дороги, пролегающей изъ Варны на Камчикъ; но и тутъ покатость эта покрыта колючимъ кустарникомъ, мелкимъ лѣсомъ и изрѣ-

---

[1]) Близъ селенiя Гаджи-Гассанъ-Ларъ.

зана кое-гдѣ проточными рытвинами; впрочемъ, есть и открытыя площадки.

На этой-то позиціи, крѣпкой мѣстностью, съ одной только стороны доступной для пѣхоты и съ трудомъ для артиллеріи, Омеръ-Вріони укрѣпилъ лагерь свой окопами и редутами, имѣя у себя, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, 8 баталіоновъ пѣхоты, до 15 тысячъ иррегулярной кавалеріи и 16 орудій плохой артиллеріи.

Близкое сосѣдство отъ Варны столь сильнаго непріятельскаго отряда могло отдалить взятіе этой крѣпости и угрожало даже нашему осадному корпусу. Посему, видимая необходимость была—сбить Вріони съ этой позиціи, если невозможно разбить его совершенно.

Исполненіе этого важнаго дѣла возложено было государемъ императоромъ на старшаго генерала, принца Евгенія Виртембергскаго, кому и порученъ былъ отрядъ генерала Сухозанета, усиленный по возможности [1]).

Отрядъ этотъ раздѣленъ былъ на двѣ колонны: первая, подъ командою генералъ-маіора Симанскаго и подъ главнымъ начальствомъ генерала Сухозанета, состояла изъ 6 баталіоновъ [2]) и 32 орудій, а вторая, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дурново, изъ 3-хъ баталіоновъ [3]) и 8 орудій. Въ арьергардѣ были 4 эскадрона съ 2 орудіями, подъ командою генералъ-маіора Алферьева; а остальная кавалерія, подъ начальствомъ генерала Делинсгаузена, находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи по причинѣ мѣстности. Сверхъ сего, вблизи этого пункта, находился отрядъ генерала Бистрома, отъ коего для сей же атаки отдѣлены были три гвардейскіе баталіона (лейбъ-гренадерскаго и лейбъ-егерскаго полковъ), 4 эскадрона и 10 орудій.

18-го сентября, около полудня, началось это сраженіе и кончилось къ семи часамъ вечера. Начало дѣла этого было успѣшно и даже блистательно.

Первая колонна, подойдя къ лѣвому непріятельскому флангу на близкое разстояніе и завязавъ упорное дѣло, послѣ нѣсколькихъ атакъ, овладѣла передовымъ редутомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, сильная батарея, подставленная къ центру непріятельской линіи, начала громить его лагерь.

Грозныя массы турецкой кавалеріи нѣсколько разъ ходили въ атаку, но безуспѣшно.

Съ другой стороны (на нашемъ лѣвомъ флангѣ за лѣсистою возвышенностью) неустрашимый генералъ-маіоръ Дурново, съ храбрыми пол-

---

[1]) Отрядъ принца Евгенія состоялъ изъ 13 баталіоновъ пѣхоты, 18 эскадроновъ кавалеріи и 62 орудій.

[2]) Полки Украинскій, Одесскій и 20-й егерскій.

[3]) Полки Азовскій и Днѣпровскій.

ками Азовскимъ и Днѣпровскимъ, спустившись въ лощину и приблизясь, подъ страшнымъ огнемъ, къ непріятельскому ретраншаменту, бросился на штыки, прорвалъ линію укрѣпленій и завладѣлъ орудіемъ.

Закипѣлъ ужасный бой. Генералъ-маіоръ Дурново палъ. Его мѣсто заступилъ генералъ-маіоръ Симанскій, прибѣжавшій съ свѣжимъ подкрѣпленіемъ, и бой усилился. Но и Симанскій, оба полковые командира и многіе офицеры были убиты. Зато непріятельская пѣхота дрогнула и отхлынула назадъ. Смятеніе показалось въ турецкомъ лагерѣ.

Уже перевѣсъ видимо клонился на нашу сторону; слѣдовало только подкрѣпить эту горсть храбрѣйшаго войска, усилить быстроту натиска, и побѣда несомнѣнно была бы за нами.

Этотъ важный моментъ постигъ старый вождь, принцъ Евгеній Виртембергскій. Въ этотъ критическій моментъ, онъ пренебрегъ полученною имъ въ это время легкою раною въ плечо, продолжалъ распоряжаться и приказалъ генералу Сухозанету спѣшить наискорѣе съ войсками на подкрѣпленіе второй колонны, принять надъ нею команду и дѣйствовать съ возможною быстротою.

Но генералъ Сухозанетъ отказался. Повторенныя строжайшія приказанія не имѣли успѣха. Генералъ Сухозанетъ сказался больнымъ [1].

Между тѣмъ не дрогнулъ духомъ грозный паша. Онъ быстро воспользовался драгоцѣнными минутами промежутка и, когда, такъ сказать, дали ему перевести духъ, двинулъ свѣжія массы пѣхоты и кавалеріи, остановилъ бѣжавшихъ и самъ бросился съ ними въ огонь.

Еще долго толпа храбрѣйшихъ, остатокъ колонны, истребленной на половину, поддерживала упорнѣйшій бой, какъ бы отмщевая потерю своихъ начальниковъ. Наконецъ смерть генераловъ Дурново и Симанскаго, двухъ полковыхъ командировъ, многихъ офицеровъ и болѣе половины солдатъ, а также невозвратимая потеря того важнаго момента, въ который рѣшался жребій этого дѣла, споспѣшествовали оружію Вріони,—и сраженіе съ нашей стороны было проиграно.

Гвардейскіе баталіоны [2]), три или четыре раза ходившіе въ атаку, всякій разъ были отражаемы съ урономъ, не оказали ожиданнаго результата и всякій разъ лишь увеличивали новыми жертвами потерю этого дня, и безъ того слишкомъ чувствительную.

---

[1]) Очевидцы утверждали, что Сухозанетъ еще въ началѣ дѣла ушелъ отъ своей колонны въ арьергардъ, гдѣ и оставался лежа подъ деревомъ во все продолженіе сраженія.

[2]) Разсказывали, будто, во время слѣдованія на приступъ турецкаго укрѣпленія, лейбъ-гренадеры заговорили, что первые должны идти въ огонь лейбъ-егеря, такъ какъ недавно они утратили свои знамена. Однако, эти баталіоны, шедевръ регулярной пѣхоты, въ этомъ же дѣлѣ доказали, что они такъ же превосходны и въ бою, какъ въ парадахъ и на ученьяхъ.

Юный генералъ-маіоръ Дурново, подававшій величайшую надежду въ будущемъ, за доброту, благородство и храбрость, кумиръ офицеровъ и солдатъ, палъ въ этомъ дѣлѣ. Генералъ-маіоръ Симанскій, заступившій мѣсто Дурново, палъ вслѣдъ за нимъ. Флигель-адъютанты: Фридриксъ и князь Мещерскій пали въ этомъ дѣлѣ. Подполковники Ротмистръ и Поливановъ (мои друзья), оба командиры полковъ, пали въ этомъ дѣлѣ. Около 100 штабъ- и оберъ-офицеровъ и до двухъ тысячъ солдатъ пали въ этомъ дѣлѣ!!! [1]).

Принцъ Евгеній, говорятъ, дотого былъ огорченъ и раздраженъ, что, при всей кротости нрава и при величайшей деликатности, вышелъ изъ себя и при обратномъ слѣдованіи отряда объявилъ гласно, что причиною столь горестной неудачи и потери былъ поступокъ генерала Сухозанета,—а потому, когда, по приказанію его, арьергардъ, при которомъ находился Сухозанетъ, проходилъ мимо отряда впередъ, то принцъ Евгеній закричалъ: «Генералъ Сухозанетъ трусъ!»

Ни одинъ человѣкъ изъ тѣхъ, у которыхъ я освѣдомлялся въ истинѣ этого происшествія, не сказалъ мнѣ, чтобы это была неправда [2]).

Впрочемъ, извѣстно положительно, что генералъ Сухозанетъ, по прибытіи къ Варнѣ, былъ тотчасъ арестованъ по Высочайшему повелѣнію и находился подъ арестомъ въ вагенбургѣ нѣсколько дней; а принцъ Евгеній вскорѣ выѣхалъ изъ арміи.

Если природная позиція на Курдтепэ была весьма выгодна для турокъ, при оборонѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ, то за то эта позиція представляла величайшія затрудненія къ ретирадѣ. Сначала турки, можетъ быть, и не думали объ этомъ; но послѣ сраженія, увидѣвъ на дѣлѣ изумительную храбрость и мужество русскихъ и смекнувъ, что при повторенной атакѣ имъ предстоитъ смерть или плѣнъ, они дотого поражены были страхомъ, что по нѣскольку сотъ человѣкъ бѣгало каждую ночь, такъ что въ концѣ сентября, Омеръ-Вріони, раненый самъ въ этомъ дѣлѣ, оставилъ эту позицію, имѣя у себя едва третью часть того числа войскъ, которое было до сраженія.

Изъ всѣхъ дѣйствій, бывшихъ въ эту войну въ Европейской и Азіатской Турціи, не было сраженія болѣе труднаго, болѣе кровопролитнаго.

---

[1]) Въ донесеніи показано изъ 4.900 сражавшихся, потери 1.858 человѣкъ и одно орудіе.

[2]) Однако, генералъ Сухозанетъ, будучи начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи, въ польскую войну (1830—1832 гг.), показалъ себя болѣе чѣмъ храбрымъ. Въ жаркомъ дѣлѣ подъ ст. Милосною, одна колонна, не выдержавъ огня, начала отступать; онъ самъ лично, подъ градомъ ядеръ, ввелъ ее въ дѣло,—и за это самоотверженіе польское ядро оторвало ему пятку, а эскулапы отрѣзали ногу.

Полки 19-й дивизіи и генералъ-маіоръ Дурново оказали храбрость изумительную. За то и мужество турокъ, по истинѣ, достойно удивленія.

Если принцъ Евгеній имѣлъ 13-ть баталіоновъ превосходной пѣхоты противъ 8-ми баталіоновъ неучей, и 60 орудій первѣйшей артиллеріи противъ 16 несчастныхъ пушекъ,—то пятнадцать тысячъ турецкой кавалеріи и крѣпкая позиція почти уравновѣшивали это преимущество. Что же было причиною столь несчастной неудачи?.. Не знаю, выиграно ли было бы дѣло, если бы генералъ Сухозанетъ и пошелъ въ бой; но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы три гвардейскіе баталіона не были разъединены и были на томъ же пунктѣ, на коемъ дѣйствовали обѣ колонны отряда, и еслибы хотя половина этой сильной артиллеріи была употреблена въ дѣло, то ни трудность позиціи, ни многочисленная кавалерія не спасли бы Вріони отъ совершеннаго пораженія. Однимъ словомъ, для этого дѣла нуженъ былъ вождь съ большимъ талантомъ и болѣе хладнокровный, нежели принцъ Евгеній, коего личной храбрости нельзя не отдать справедливости.

IV.

Отступленіе на зимнія квартиры.

Изъ войскъ, облегавшихъ Шумлу, 3-му корпусу назначено было зимовать въ Валахіи, а 6-й и 7-й корпусы, съ нѣкоторыми полками 3-го корпуса, должны были оставаться въ Болгаріи подъ главнымъ начальствомъ генерала Рота и удерживать линію завоеваній нашихъ за Дунаемъ.

Отступленіе 7-го корпуса отъ Янибазара въ Базарджикъ, на зимнія квартиры, было весьма затруднительно и сопряжено съ потерею многихъ людей, по причинѣ сильнаго холода и страшной мятели, продолжавшейся почти цѣлыя сутки. Но отступленіе 3-го пѣхотнаго корпуса было ужасное. Сильные дожди, шедшіе предъ этимъ временемъ, сдѣлали дороги, и безъ того чрезвычайно затруднительныя,—почти непроходимыми. Нужно было проходить лѣсъ, пересѣкаемый частыми оврагами и рытвинами, по дорогѣ узкой и врѣзанной въ вязкомъ грунтѣ. Въ одномъ весьма дурномъ мѣстѣ, у крутаго подъема на гору, турки, вышедшіе изъ Шумлы и не выпускавшіе изъ виду корпуса, сдѣлали на него нападеніе. Артиллеріи и войскамъ негдѣ было развернуться, и дѣйствовать было весьма неудобно. Но начальникъ штаба этого корпуса генералъ-маіоръ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ (меньшой братъ того князя Горчакова, у коего я былъ адъютантомъ) явилъ въ семъ крити-

ческомъ случаѣ великое присутствіе духа и замѣчательный военный талантъ. Онъ не только спасъ корпусъ отъ погибели, но вывелъ его со славою изъ столь затруднительнаго положенія съ незначительною потерею.

II. Періодъ Турецкой войны.

1829 годъ.

V.

Зимовка за Дунаемъ.—Базарджикъ.—Праводы.

Для удержанія завоеваній нашихъ за Дунаемъ оставлены были два пѣхотные корпуса 6-й и 7-й, 10-я пѣхотная дивизія и нѣсколько казачьихъ полковъ съ полною артиллеріею; а 3 пѣхотный корпусъ и вся регулярная кавалерія отправились на зимнія квартиры въ Валахію.

Штабъ 6 пѣхотнаго корпуса съ одною дивизіею расположенъ былъ въ Варнѣ, а штабъ 7 корпуса съ 18 пѣхотною дивизіею помѣщался въ Базарджикѣ; прочія же войска занимали въ зимнее время разные посты

Главное начальство надъ всѣми войсками за Дунаемъ поручено было командиру 6 корпуса генералу Роту.

Въ зимнее время, кромѣ маловажныхъ стычекъ на фуражировкахъ, ничего особеннаго не было.

Во время зимовки нашей въ Базарджикѣ безпрерывная смертность наводила невольное уныніе.

Базарджикъ, находясь въ тылу военныхъ дѣйствій и на распутіи многихъ трактовъ, былъ, такъ сказать, притономъ для сброда изъ всей арміи. Притомъ же, лѣтомъ 1828 года, въ этомъ городѣ помѣщался главный госпиталь, поэтому здѣсь было чрезвычайное скопленіе народа всѣхъ возможныхъ полковъ и командъ. При чрезмѣрной тѣснотѣ не было никакой возможности доставить выгодное помѣщеніе и присмотръ для нѣсколькихъ тысячъ больныхъ, кои, по малому объему турецкихъ домиковъ, были въ такомъ мелкомъ раздробленіи, что нѣсколькихъ сотъ человѣкъ прислуги было бы недостаточно для удовлетворенія нуждъ каждаго больнаго. По таковымъ причинамъ, а болѣе по существу самыхъ болѣзней, смертность была во всю зиму очень велика, но въ началѣ весны дошла до того, что погребали многими десятками и даже болѣе ста человѣкъ въ день.

Впрочемъ, въ нашей дивизіи большой убыли не было, ибо люди кормились и содержались очень хорошо, и къ веснѣ полки укомплектовались значительно.

Обыкновенныя занятія въ нашемъ походномъ кругу составляли карты, обѣды, вино; карты, вечера, вино; карты, и вездѣ, и днемъ, и ночью, карты, и карты,—и рѣдко, рѣдко, кое-гдѣ, книги и письмо. Одинъ какой-то нѣмецкій баронъ, получившій въ наслѣдство значительное количество гогеймару, вздумалъ было устрашить насъ этимъ прекраснымъ напиткомъ и нѣсколько десятковъ тысячъ бутылокъ этого вина ввалилъ въ Базарджикъ, а мы ему фактивно доказали, что русскіе болѣе любятъ вино, нежели кровь. Въ одинъ мѣсяцъ прекраснаго гогеймару и праху не было. Но гораздо замысловатѣе выкинулъ штуку какой-то молдаванъ или валахъ. Въ числѣ разныхъ удобосъѣдомыхъ и удобовыпиваемыхъ снадобій онъ ввезъ въ Базарджикъ три каруцы куконицъ [1]); досталось же имъ бѣдняжкамъ.

И турки, такъ же, какъ и мы, грѣшные, не любятъ воевать зимою, за то, съ открытіемъ весны 1829 года, все поднялось—и война гораздо съ большимъ ожесточеніемъ закипѣла на всѣхъ пунктахъ.

Въ 50 верстахъ отъ Варны и въ 40 верстахъ отъ Шумлы лежитъ г. Праводы (или Параводи) между двухъ утесистыхъ высотъ, въ ущельи, пролегающемъ верстъ на 10 въ длину и около версты въ ширину. Его обтекаетъ рѣка Праводы, падающая въ Камчикъ. Въ мирное время въ немъ было до 20|т. жителей. Чистый нагорный воздухъ, близость моря, прелестное мѣстоположеніе и превосходная, особеннаго вкуса и легкости, вода дѣлаетъ это мѣсто спасительнымъ для здоровья во всей Турціи. По этой причинѣ каждое лѣто бываетъ здѣсь весьма значительный съѣздъ турецкой женской аристократіи. Прелестныя затворницы, пріѣзжая сюда изъ Адріанополя, Константинополя и другихъ городовъ, проводятъ здѣсь жаркіе мѣсяцы въ тѣни прекрасныхъ садовъ, освѣжаясь превосходными фруктами и холодною, необыкновенно здоровою, ключевою водою.

Находясь на распутіи многихъ трактовъ, у подошвы Балканскихъ горъ, г. Праводы считается ихъ ключемъ. Посему, составляя важный пунктъ въ стратегическомъ отношеніи, этотъ городъ, огражденный съ двухъ сторонъ природными гигантскими твердынями, въ остальномъ укрѣпленъ былъ славнымъ инженеромъ Бюрно и преобразованъ въ крѣпость недоступную для турокъ.

Мужественный генералъ Купріяновъ удерживалъ со славою этотъ постъ съ малымъ числомъ войскъ противъ 40 тысячной турецкой арміи

---

[1]) Куконица, по-молдавански, барышня, а каруца большая телѣга въ видѣ фургона, въ коей помѣщается 6 и болѣе особъ.

Въ началѣ весны 1829 года въ Праводахъ было два полка пѣхоты, одинъ казачій (всего около 3.000 человѣкъ) и 36 орудій артиллеріи.

VI.

Дѣло при Эски-Арнаутъ-Ларѣ 5 мая.

Верстахъ въ 8 отъ Праводъ, по направленію къ Базарджику, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинается Праводское ущелье и гдѣ сходятся дороги въ Варну, Шумлу и Базарджикъ, былъ возведенъ редутъ, коего рвы и валы, въ огромнѣйшемъ размѣрѣ, отдѣланы были съ особеннымъ стараніемъ. Редутъ этотъ съ одной стороны командовалъ открытою весьма пространною площадью, а со стороны оврага, гдѣ начинается между двухъ высотъ лѣсистое ущелье, упираясь двумя фасами почти въ отвѣстую кручу, былъ рѣшительно недоступенъ.

Это урочище называлось Эски-Арнаутъ-Ларъ.

Новый верховный визирь, Рейхшидъ-паша, желая оправдать предъ султаномъ свое назначеніе, возъимѣлъ пламенное желаніе отнять Праводы.

Если принять въ соображеніе, что графъ Дибичъ находился съ главными силами въ Валахіи, за 200 и болѣе верстъ,—что въ двухъ корпусахъ (6-мъ и 7-мъ) наибольшая численность могла простираться до 28.000, а подъ ружьемъ до 15.000, и то растянутыхъ и разбросанныхъ отдѣльно, такъ что въ бой едва-ли можно было выставить до 10.000 человѣкъ, тогда какъ у верховнаго визиря было въ сборѣ 22 баталіона пѣхоты и 15.000 превосходной кавалеріи,—и наконецъ, если сообразить и то, что Праводы защищали два полукомплектныхъ полка,—то не возможно не убѣдиться, что верховный визирь весьма привольно основывалъ на этихъ элементахъ несомнѣнную надежду на успѣхъ. И было бы такъ непремѣнно, еслибы онъ имѣлъ побольше военнаго таланта и умѣлъ воспользоваться критическимъ моментомъ, который рѣшалъ и участь Праводъ, и участь кампаніи этого года, а можетъ быть и судьбу войны, еслибы она протянулась до польскаго возстанія. При таковомъ затруднительномъ положеніи нашемъ, генералъ Ротъ сочинилъ самъ этотъ фатальный моментъ, по непростительной ошибкѣ, учиненной имъ 5 мая,—и какая ошибка,—ужасная, преступная! мы ее сейчасъ увидимъ.

Почти въ одно время послѣдовало движеніе войскъ и нашихъ, и турецкихъ. Верховный визирь, для достиженія своей цѣли, показался 4 мая въ виду Эски-Арнаутъ-Лара съ своими грозными массами, а 5 мая,

пользуясь предразсвѣтною темнотою и туманомъ, сдѣлалъ внезапное нападеніе на три полка, стоявшіе у редута. Но храбрыя войска, ожидавшія гостей, не сробѣли и отразили турокъ безъ всякой съ нашей стороны потери. Напротивъ того, масса турецкой кавалеріи, предводимая храбрецомъ наѣздникомъ Галиль-пашою, пронеслась, какъ вихрь, мимо нашихъ колоннъ и, избѣгая батальнаго огня, въ туманѣ и темнотѣ, наткнулись на ровъ редута. Освѣщенные выстрѣлами орудій, турки ужаснулась, увидѣвъ себя предъ самыми жерлами, извергавшими разрушительный огонь, и бросились стремглавъ въ оврагъ, увлекая за собою пораженныхъ. Здѣсь заняли они Праводскую дорогу, пролегавшую по лѣсистому ущелью.

До сихъ поръ дѣло шло недурно, но вотъ гдѣ начинается та ужасная ошибка, которая грозила гибелью и войскамъ, и славѣ нашего оружія.

Генералъ Ротъ, извѣщенный объ упомянутомъ нападеніи, явился въ Эски-Арнаутъ-Ларъ, куда прибыли изъ Девно 31 и 32 егерскіе полки Первымъ его дѣйствіемъ было остановить 18 дивизію, слѣдовавшую къ этому же пункту, на томъ мѣстѣ, гдѣ застанетъ приказаніе; и мы были оставлены верстахъ въ 4 отъ Эски-Арнаутъ-Лара. Потомъ, узнавъ, что турки заняли Праводскую дорогу и тянутся по ней къ Праводамъ, онъ послалъ на эту самую дорогу Охотскій полкъ съ двумя орудіями, съ приказаніемъ проникнуть по ней въ Праводы. Этотъ полкъ, несчастная жертва, не успѣвъ пройти и одной версты, былъ совершенно окруженъ непріятелемъ; тогда послалъ онъ еще на жертву 31 егерскій полкъ съ двумя же орудіями, но и его постигла та же учить. Оба полка были подавлены страшными массами турецкой кавалеріи и пѣхоты, и засыпаны картечью ихъ многихъ орудій. Генералъ Ротъ, видя неизбѣжную гибель этихъ полковъ, вынужденъ былъ послать къ нимъ на помощь еще два полка, свой послѣдній резервъ, кои, не безъ значительнаго урона съ своей стороны, успѣли спасти лишь ничтожные остатки, не дорѣзанные турками,—и то потому, что турки, уставшіе отъ рѣзни, прекратили это кровавое побоище, по случаю наступленія ночи.

Изъ двухъ полковъ уцѣлѣло отъ истребленія около 150 нижнихъ чиновъ и 7 или 8 офицеровъ; остальное все погибло, въ томъ числѣ 4 орудія и дивизіонный генералъ Рынденъ, о смерти коего невозможно вспоминать безъ содроганія. Бывъ раненъ, онъ попался туркамъ въ руки и былъ заживо замученъ въ ужасныхъ страданіяхъ [1]).

---

[1]) Ему вырѣзали на груди крестъ и по вырѣзаннымъ мѣстамъ содрали кожу и отрѣзали уши и носъ. Въ таковомъ положеніи его погребали въ нашей дивизіи и положили въ одинъ гробъ съ его адъютантомъ, княземъ Вадбольскимъ. Я видѣлъ въ то время этого мученика и нынѣ не могу объ этомъ вспомнить безъ содроганія.

Таковы были послѣдствія этой важной ошибки, но они были бы несравненно ужаснѣе, еслибы верховный визирь умѣлъ ею воспользоваться.

Въ сумерки, того же 5-го числа мая, 7 корпусъ, или, лучше сказать, 18 дивизія прибыла въ Эски-Арнаутъ-Ларъ. Все было въ какомъ-то безмолвномъ уныніи, а генералъ Ротъ въ отчаянномъ безпокойствѣ.

Дорого и дорого поплатились турки за это пораженіе, какъ увидимъ ниже.

Спустя нѣсколько дней Вятскій полкъ, нагрузивъ ранцы сухарями, пущенъ былъ въ темную ночь по охотничьей тропинкѣ, едва проходимой, и по оплошности турокъ проникъ въ Праводы. Вскорѣ открыто было съ этой крѣпостію сообщеніе, и къ 3-мъ полкамъ ея гарнизона присоединился еще 37 егерскій полкъ и два полка уланъ.

VII.

Генеральное сраженіе при с. Кулевчи 30-го мая.

Пораженіе 5-го мая и малочисленность Праводскаго гарнизона и отряда, бывшаго въ Эски-Арнаутъ-Ларѣ, въ коемъ всего было девять пѣхотныхъ полковъ, усилили желаніе верховнаго визиря овладѣть этою крѣпостью до прибытія главнокомандующаго съ войсками изъ Валахіи. Съ этой цѣлію онъ взялъ изъ Шумлы большую часть гарнизона и артиллеріи и, обложивъ Праводы, началъ вести осаду съ возможною дѣятельностію.

Генералъ Ротъ, провѣдавъ объ этомъ, возъимѣлъ мысль, что если главнокомандующій явится внезапно съ войсками предъ Шумлою, чрезмѣрно ослабленною гарнизономъ, выведеннымъ визиремъ, то, заградивъ ему, въ трудныхъ дефилеяхъ при Кулевчи, обратный проходъ къ Шумлѣ, можно заставить его принять сраженіе или при Кулевчи, или на Невчинской долинѣ, еслибы визирь захотѣлъ прорваться въ Шумлу по этому пути. Эта мысль была одобрена и принята графомъ Дибичемъ и графомъ Толемъ, и для приведенія ея въ исполненіе начались дѣйствія.

Во-первыхъ, распущена была молва, что главнокомандующій, ожидая изъ Россіи партій для укомплектованія 2-го и 3-го корпусовъ, понесшихъ отъ войны и смертности значительную потерю въ людяхъ, ранѣе половины іюня тронуться съ мѣста не можетъ.

Во-вторыхъ, дѣлано было однообразное движеніе 6-го и 7-го корпусовъ отъ Эски-Арнаутъ-Лара къ Кистенджи и обратно, съ цѣлію показать этимъ бездѣйствіемъ, что генералъ Ротъ, по слабости силъ, и не думаетъ о наступательномъ движеніи.

Въ третьихъ, всѣ дороги, изъ Валахіи къ Шумлѣ, строго были оберегаемы казачьими разъѣздами и пикетами, дабы вѣсть о движеніи главнокомандующаго съ войсками изъ Валахіи не могла дойти до визиря.

При таковомъ положеніи дѣлъ, верховный визирь, усыпленный слухами о нескоромъ прибытіи войскъ и желая воспользоваться временемъ, занялся усердно осадою Праводъ и спѣшилъ взять крѣпость до прибытія главныхъ силъ.

Такъ протекли три недѣли послѣ пораженія 5-го мая. Между тѣмъ въ теченіе этого времени, стянулись многія команды, разбитые полки укомплектовались, три пѣхотные полка присоединились цѣликомъ, и прибыли двѣ уланскія дивизіи съ артиллеріею въ полномъ составѣ.

Вдругъ, 28-го мая, главнокомандующій графъ Дибичъ, съ 26 баталіонами, съ 26 эскадронами, съ двумя казачьими полками и съ 120 орудіями конной и пѣшей артиллеріи явился неожиданно у Козлуджи. Тотъ же часъ пославъ два сильные наблюдательные отряда, изъ кавалеріи и артиллеріи, къ Шумлѣ и на Невчинскую долину къ Праводамъ и два полка кавалеріи на Марашскую дорогу, идущую изъ Праводъ,—самъ съ главными силами двинулся быстро, — на разсвѣтѣ, 29-го мая, прибылъ въ Янибазаръ и въ тотъ же день подступилъ къ Кулевчинскимъ высотамъ, оставивъ въ тылу, при Невчинской долинѣ, 6-й и 7-й корпуса, съ ихъ артиллеріею и кавалеріею.

Распоряженія эти, плоды глубокихъ соображеній искуснаго вождя, вели къ несомнѣнному результату вызвать визиря на бой.

Шумла, сильнѣйшая сухопутная крѣпость въ Европейской Турціи, постоянный оплотъ для турокъ въ Болгаріи, постоянная гроза для русскихъ, вмѣщала въ себѣ, притомъ, огромнѣйшіе провіантскіе магазины, арсеналы и многіе склады военныхъ запасовъ, аммуничныхъ и обмундировочныхъ вещей. Поэтому верховный визирь скорѣе согласился бы отдать свою голову, чѣмъ это сокровище, ибо грозный султанъ Махмудъ ни во вѣки не спустилъ бы подобной шутки. Посему видимо было, что визирь, внезапно захваченный у Праводъ, долженъ былъ броситься на спасеніе Шумлы, чрезмѣрно имъ же самимъ обезсиленной выводомъ войскъ и артиллеріи. Между тѣмъ предначертанія генерала Дибича были такъ обдуманны и положительны, что Рейхшидъ-паша поставленъ былъ въ неизбѣжную необходимость принять сраженіе, по какой дорогѣ ни вздумалъ бы пробираться въ Шумлу. Ибо изъ Праводъ въ Шумлу были только три дороги проходимыя. Одна чрезъ Невчу и Янибазаръ,—здѣсь былъ генералъ Ротъ съ двумя корпусами; другая чрезъ Кулевчинскія высоты, чрезвычайно затруднительная, но ближайшая, на семъ пунктѣ былъ самъ графъ Дибичъ съ главными силами,—и третья, самая отдаленная, дорога пролегала чрезъ с. Марашъ, которое находилось отъ главныхъ силъ нашихъ верстахъ въ шести и

было тоже подъ строгимъ наблюденіемъ. Можетъ быть, визирь и пустился бы по этому пути, еслибы былъ менѣе обезпеченъ и болѣе смѣтливъ. Но, кажется, сама судьба влекла его къ погибели, — въ награду за его кровожадную жестокость, — и споспѣшествовала оружію нашему. Къ вящшему несчастію турокъ, ихъ высокостепенный садыръ-аазамъ [1]) только 29-го мая по полудни извѣщенъ былъ о появленіи русскихъ войскъ у Шумлы, у Кулевчинскихъ высотъ и у Невчи, а хуже всего было то, что онъ не вѣдалъ своего затруднительнаго положенія и, по дурной распорядительности, не зналъ и даже не подозрѣвалъ, чтобы это былъ генералъ Дибичъ, прибывшій съ главными силами изъ-за Дуная. Напротивъ, принимая всѣ эти войска за два корпуса генерала Рота, усиленные, какъ извѣстно было, свѣжими подкрѣпленіями, Рейхшидъ-паша, при этомъ извѣстіи, пришелъ въ страшный гнѣвъ, бросился тотъ же часъ къ Кулевчинскимъ тѣснинамъ со всею арміею и, — въ полной увѣренности разгромить эти корпуса, — грозился клятвенно дать жесточайшій урокъ генералу Роту, дерзнувшему, какъ онъ самъ выражался, стращать его осадою Шумлы и мечтавшему этимъ маневромъ спасти Праводы [2]).

Приступая къ разсказу о генеральномъ сраженіи, бывшемъ подъ Кулевчи 30 мая 1829 года, считаю необходимымъ упомянуть какъ вообще о мѣстности этой части театра войны, такъ равно и о той, на коей происходило это важное дѣло. Дать ясное объ этомъ понятіе невозможно, по крайней мѣрѣ я постараюсь изложить мою о семъ идею такъ, какъ я ее затвердилъ, съ возможною при томъ краткостію.

Болгарія разстилается вдоль праваго берега Дуная длинною полосою по сѣверному склону Балканскихъ горъ, лежащихъ параллельно съ Дунаемъ. Ея плоскость, у Дуная ровная, съ удаленіемъ отъ этой рѣки, становится волнообразною и потомъ болѣе и болѣе гористою и лѣсистою по мѣрѣ приближенія къ Балканамъ.

По этой мѣстности, отъ Чернаго моря къ Дунаю, оказываются почти на одной линіи: Варна, Праводы, Шумла, Разградъ и Рущукъ на Дунаѣ. Эту линію, между Праводами и Шумлою, перерѣзываетъ длинная гора въ перпендикулярномъ направленіи отъ Эски-Арнаутъ-Лара къ Балканамъ. Гора эта, или высота, со стороны Шумлы тянется утеси-

---

[1]) Садыръ-аазамъ, верховный вождь, главнокомандующій.

[2]) Послѣ адріанопольскаго мира, въ январѣ или февралѣ 1830 года, верховный визирь Рейхшидъ-паша, ѣдучи изъ Шумлы въ Константинополь, останавливался въ Ямболѣ, гдѣ стояла тогда 18 дивизія. Ему былъ выставленъ почетный караулъ и угощали въ продолженіе двухъ дней. Бывшій при немъ эфендій познакомился со мною и послѣ, бывши въ Варнѣ, видѣлся со мною и разсказывалъ мнѣ приводимое обстоятельство, которое подтвердили и другіе турки, бывшіе въ Кулевчинскомъ дѣлѣ.

стымъ хребтомъ, а къ Праводамъ разстилается пологимъ скатомъ и представляетъ обширную равнину, оканчивающуюся лѣсомъ у Камчика.

Кряжъ горы этой, извиваясь разными линіями, противъ Шумлы образовываетъ продолговатую впадину, по срединѣ коей еще другая впадина же въ видѣ остраго угла, или копья. Площадь, вмѣщающаяся въ этомъ огромномъ углубленіи, занимаетъ болѣе 3 верстъ по направленію къ Шумлѣ и около 5 по протяженію горы, со стороны коей окружена высокими утесами, а къ Шумльской равнинѣ открыта, спускается склономъ и перерѣзывается, въ томъ же направленіи, тремя рытвинами, соединяющимися въ одинъ глубокій и широкій обрывъ. Чрезъ этотъ обрывъ, въ глубинѣ коего течетъ горный протокъ, перекинутъ каменный мостъ. Напротивъ его деревня Кулевча, расположенная подъ самыми скалами; возлѣ Кулевчи, ея присёлокъ, или другая деревня Чырковна, а изъ самаго углубленія остраго угла выходитъ Праводская дорога въ Шумлу, пролегающая чрезъ Чырковну, мимо Кулевчи, на каменный мостъ. Дорога эта камениста, узка, мѣстами глубоко врѣзывается въ землю и идетъ по крутымъ спускамъ и подъемамъ.

Самая поверхность описанной площади, перерѣзанная обрывомъ, представляется въ двухъ совершенно противоположныхъ видахъ. Та часть, по коей идетъ Праводская дорога мимо Кулевчи, холмиста, частію покрыта лѣсомъ и рытвинами; поэтому чрезвычайно неудобна и затруднительна для дѣйствія артиллеріи и кавалеріи, между тѣмъ какъ противоположная ей сторона, представляя обширную открытую высоту, имѣетъ природное превосходство для военныхъ дѣйствій и особенно для артиллеріи.

И въ эту-то трущобу, или, лучше сказать, западню, влѣзъ высокостепенный визирь съ своею арміею!..

Соображая умственно эту мѣстность, сколько могу ее припомнить, кажется, невозможно было избрать для сраженія позиціи, болѣе выгодной для россійской арміи и болѣе невыгодной для турецкой.

Отдавая справедливую славу графу Дибичу, такъ умно и искусно заманившему визиря въ разставленныя сѣти, невозможно не удивляться крайней оплошности Рейхшидъ-паши, столь простодушно поддавшагося военной хитрости. Однакоже нельзя не отдать справедливости и турецкому оружію въ томъ, что побѣда обошлась намъ не дешево и съ потерею со стороны турокъ не въ такомъ видѣ, какъ бы ожидать слѣдовало.

Начало Кучевчинской битвы извѣстно мнѣ по слуху [1]) и по разска-

---

[1]) Говорю,—по слуху, ибо, бывъ въ это время верстахъ въ двухъ, я слыхалъ стрѣльбу, крики и вопли людей, но не могъ видѣть ничего, находясь подъ самой горой у Мадарды.

замъ очевидцевъ, а потому, въ повѣтствованіи о немъ, не могу распространяться, окончанія же этого дѣла я былъ самъ очевидцемъ, слѣдовательно, опишу его такъ, какъ видѣлъ.

Въ ночь, съ 29 на 30 мая, 6 и 7 корпуса (въ числѣ 22 баталіоновъ, 26 эскадроновъ, 8 ротъ артиллеріи и 3 казачьихъ полковъ) прибыли къ Мадардѣ и остановились подъ горою. Главнокомандующій находился здѣсь съ сильною артиллеріею и нѣсколькими баталіонами.

Еще съ вечера, 29 числа, авангардъ, подъ командою генералъ-маіора Отрощенки, состоявшій изъ 11 и 12 егерскихъ полковъ, изъ 1 баталіона Муромскаго и 3 эскадроновъ Иркутскаго гусарскаго п., съ 10 орудіями, занялъ позицію между Кулевчею и Чирковною, имѣя гусаръ съ 4 конными орудіями и Муромскій баталіонъ впереди Чирковны.

1 бригада 6 пѣхотной дивизіи съ батарейною ротою поставлена была на противоположной высотѣ не далеко отъ каменнаго моста, имѣя въ резервѣ Копорскій пѣхотный полкъ и гусарскую бригаду съ конно-батарейною ротою № 19; а ниже того же моста при спускѣ находились двѣ бригады 5 пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллеріею.

Съ разсвѣтомъ 30 мая, многочисленныя массы турецкой конницы и пѣхоты показались предъ Чирковною и на высотахъ горъ, а артиллерія продолжала спускаться по кручамъ Праводской дороги.

Вскорѣ послышалась бѣглая стрѣльба баталіоновъ; затѣмъ, грохотъ батальнаго огня, то прерывистый, то продолжительный, умолкалъ и раздавался вновь, смѣшиваясь съ ревомъ орудій и съ отчаянными криками и воплями людей. Этотъ ужасный бранный ликъ возвѣщалъ начало великаго дѣла.

Не входя въ подробное описаніе, скажу кратко, что авангардъ нашъ въ самое кратчайшее время былъ разбитъ совершенно. Иркутскій полкъ (3 эскадрона) потерялъ свой штандартъ, пушки и болѣе половины гусаръ; въ двухъ егерскихъ полкахъ едва-ли уцѣлѣла пятая часть людей, а Муромскій баталіонъ былъ истребленъ до послѣдняго человѣка.

Между тѣмъ, въ то время какъ происходила смертельная рѣзня у Кулевчи, на противоположной высотѣ показалась Анадольская конница, въ числѣ 6 или 7 колоннъ, и съ яростію атаковала 1-ю бригаду 6 пехотной дивизіи; но стройные полки Софійскій и Невскій приняли эту атаку съ удивительнымъ хладнокровіемъ и мужествомъ; къ нимъ подоспѣли на помощь Копорскій пѣхотный и два полка гусаръ съ конно-батарейною № 19 ротою, и отчаянные храбрецы были опережены, обозначивъ свой страшный путь собственными тѣлами.

Эта кровавая схватка, чувствительная для нашей арміи, была впрочемъ, не безъ пользы въ томъ отношеніи, что турецкая кавалерія, долетѣвшая до моста, не могла видѣть остальныхъ нашихъ войскъ, стоявшихъ у Мадарды и закрытыхъ высотою; поэтому визирь, не вѣдая о нихъ,

остался при мысли, что имѣетъ дѣло съ корпусами генерала Рота, а потому, ободренный удачнымъ началомъ, продолжалъ спускать съ высотъ артиллерію и войска, тѣснимыя генераломъ Купріяновымъ со стороны Праводъ.

Въ это время я посланъ былъ съ свитскимъ офицеромъ для занятія мѣста подъ дивизію по новой диспозиціи.

Остановившись на высотѣ, я былъ пораженъ величественнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужаснымъ зрѣлищемъ этого браннаго поля. Здѣсь, у моста, нѣсколько тысячъ превосходной пѣхоты и страшная артиллерія стояли неподвижно въ боевомъ строю, въ какомъ-то грозномъ безмолвіи;—а тамъ, вдали, бѣлѣлись груды обнаженныхъ труповъ храбрыхъ муромцевъ и егерей, нѣмые свидѣтели того, что̀ недавно происходило. Бѣлѣлись, и невольно вызывали благоговѣйный вздохъ сожалѣнія. Съ другой стороны, ясная погода южнаго климата и прелестнѣйшее майское утро представляли въ восхитительномъ видѣ дикую дѣвственную мѣстность, на коей выглянувшее изъ-за горъ солнце, освѣтивъ кровь и смерть, казалось, съ скорбію смотрѣло на страждущее человѣчество, люто терзавшее другъ друга вмѣсто наслажденія спокойною жизнію и благами природы...

По новой диспозиціи войска стали въ слѣдующемъ порядкѣ:

18-я и 16-я пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллеріею, стали на высотѣ, въ полковыхъ колоннахъ, фронтомъ къ Кулевчѣ, имѣя на правомъ своемъ флангѣ три полка 2-й гусарской дивизіи. Во второй линіи стали три полка 3-й гусарской дивизіи, три полка уланъ и казачьи полки, съ ихъ артиллеріею.

Затѣмъ, четыре полка 5-й пѣхотной дивизіи и при нихъ 12 орудій легкихъ, 24 батарейныхъ и 8 конно-батарейныхъ единороговъ [1]), подъ предводительствомъ начальника главнаго штаба арміи, графа Толя, выстроились у моста и изготовились къ бою.

Эти новыя массы пѣхоты и кавалеріи, съ многочисленною артиллеріею, поразили визиря изумленіемъ и ужасомъ. Тутъ-то увидѣлъ онъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ хотѣлъ было ретироваться на Марашскую дорогу или на Камчикъ, но уже было поздно.

Быстро повелъ графъ Толь въ Кулевчинскія тѣснины свои полки и артиллерію. Находясь въ головѣ колоннъ, онъ ѣхалъ верхомъ съ необыкновеннымъ, свойственнымъ ему, хладнокровіемъ и въ эти минуты казался героемъ. Подведя войска на близкое отъ непріятеля разстояніе, онъ поставилъ конную батарею и двѣ батарейныя роты на весьма выгодномъ мѣстѣ и открылъ разрушительный огонь по многочисленнымъ колоннамъ турецкой кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи,

---

[1]) Конно-батарейная рота № 19 подъ командою капитана Бобылева.

сбившимся, такъ сказать, въ кучу и отъ тѣсноты, на этой невыгодной позиціи, не имѣвшимъ возможности развернуться и дѣйствовать съ успѣхомъ.

Скоро замолкли турецкія пушки,—и нашей превосходной артиллеріи предоставлено было рѣшить жребій этого генеральнаго сраженія.

Капитанъ Бобылевъ мѣткими выстрѣлами своихъ 24-хъ фунтовыхъ единороговъ взорвалъ на воздухъ турецкіе зарядные ящики и произвелъ ужасное пораженіе въ турецкихъ войскахъ.

Ужасъ овладѣлъ турецкою арміею. Верховный визирь заплакалъ, произнесъ нѣсколько разъ имя султана Махмуда и удалился съ поля сраженія, подъ прикрытіемъ тысячи албанскихъ всадниковъ.

Все дрогнуло. Страшное смятеніе закипѣло въ турецкомъ воинствѣ. Всякъ бросился спасаться, куда попалъ.

Это было около 4-хъ часовъ по полудни. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось быстро и, разумѣется, успѣшно. 60 орудій, зарядные ящики, обозъ и множество плѣнныхъ были добычею побѣдителей.

Такъ совершилось генеральное сраженіе подъ Кулевчей. Описаніе мое о немъ не подробно и въ стратегическомъ отношеніи не удовлетворительно; за то, я передаю мой разсказъ по строгой справедливости о томъ, что видѣлъ собственными глазами.

Мнѣ остается изложить мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ.

Если принять въ соображеніе, что на полѣ сраженія было съ нашей стороны 58 баталіоновъ превосходной регулярной пѣхоты, 60 эскадроновъ кавалеріи, пять казачьихъ полковъ и 250 орудій первѣйшей артиллеріи,—то могъ ли противъ такихъ силъ держать борьбу верховный визирь съ своими 22-мя баталіонами неучи, съ 15 т. кавалеріи, правда, неистово храброй, за то съ 60-ю орудіями разнокалиберной и самой жалкой артиллеріи?.. Да притомъ безталантный визирь имѣлъ противъ себя геніальнаго вождя и никакой позиціи!!!

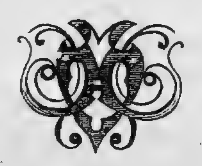
Посему пораженіе турецкой арміи, собственно, какъ пораженіе, было дѣло весьма далекое отъ тѣхъ великихъ сраженій, въ коихъ обезсмертили себя наши геніальные полководцы: Румянцевъ подъ Кагуломъ, Суворовъ на Рымникѣ, а Котляревскій подъ Ленкоранью и Асландузомъ. Но завлечь визиря съ его арміею на такую позицію было дѣло, по истинѣ, чрезвычайно трудное. Оно совершено съ глубокимъ соображеніемъ, умно и успѣшно. Въ этомъ нельстивая слава принадлежитъ графу Дибичу и его знаменитому помощнику, графу Толю.

Съ другой стороны, пораженіе верховнаго визиря, не важное на полѣ брани, есть дѣло весьма важное великими результатами. Переходъ черезъ Балканы и взятіе городовъ Айдоси, Карнабата, Селимно, Ямболя, Адріанополя и другихъ, наконецъ, заключеніе Адріанополь-

скаго мира, на указанныхъ условіяхъ, было послѣдствіемъ Кулевчинской побѣды. Однимъ словомъ, побѣда при с. Кулевчѣ рѣшила участь всей войны.

At ludit in humanis Divina potentia rebus,—
Et saepe in paucis claudere magna solet vires...
Но промыслъ Божій непреложный
Во всемъ свой дивный перстъ являетъ—
И случай, иногда ничтожный,
Судьбу великихъ дѣлъ рѣшаетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія Неизвѣстнаго [1].

(1844—1884).

Почти одновременно съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, въ народѣ, по всей русской землѣ, стали ходить слухи о предстоящемъ упраздненіи крѣпостнаго права. Въ первое время слухи эти передавались въ весьма неопредѣленной формѣ, но, тѣмъ не менѣе, они упорно держались во всѣхъ слояхъ общества. Пока продолжалась война съ союзниками — военныя событія отвлекали вниманіе общества — вся Россія мысленно была на укрѣпленіяхъ Севастополя, слѣдя за перипетіями героической обороны этого города, а слухами объ увольненіи крестьянъ образованное общество интересовалось вскользь, но въ народныхъ массахъ слухи «о волѣ» все крѣпли и крѣпли, и интересовали народъ болѣе, нежели война. Откуда возникли эти слухи—никто не могъ сказать, но они все росли и росли, а съ окончаніемъ войны стали говорить объ освобожденіи крестьянъ открыто, а не подъ секретомъ, и съ большею оглядкой, какъ прежде. Въ возможность крестьянской реформы не вѣрили развѣ самые закоренѣлые крѣпостники, и велико было ихъ изумленіе и уныніе, когда, въ 1857 году, послѣдовали, одно за другимъ, Высочайшія повелѣнія о подготовительныхъ работахъ, долженствовавшихъ предшествовать освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тогда у всѣхъ развязались языки и заговорили на всѣ лады. Громко и рѣзко осуждали крѣпостное право люди, мате-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1895 года.

ріально не заинтересованные въ этомъ вопросѣ; помѣщики предпочитали говорить объ этомъ, щекотливомъ для нихъ, дѣлѣ, въ своемъ кружкѣ или въ обществѣ людей, завѣдомо сочувствовавшихъ ихъ интересамъ. Крестьяне думали про себя, не довѣряя ни барамъ, ни чиновникамъ, ни даже своимъ духовнымъ пастырямъ. И въ то время, какъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ разныхъ комитетахъ и канцеляріяхъ рѣшалась участь крѣпостнаго права, закрѣпощенный крестьянскій людъ, не принимавшій въ этой работѣ никакого участія, уподоблялся загнанному зайцу, который, притаившись подъ кустомъ и настороживъ уши, тревожно прислушивается къ удаляющейся отъ него охотѣ, и ждетъ не дождется, когда почувствуетъ себя на волѣ, съ увѣренностью, что болѣе травить его не будутъ.

Понадобились четыре года усиленныхъ работъ въ провинціи и въ столицѣ, чтобы подготовить упраздненіе крѣпостнаго права. Я не буду касаться здѣсь всего того, что происходило въ эти четыре года въ комитетахъ, канцеляріяхъ и разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Это дѣло историка, и я попытаюсь познакомить читателей съ тѣмъ, какъ относились къ предстоящей великой реформѣ представители различныхъ слоевъ тогдашняго общества.

Если судить о настроеніи общества по громкимъ фразамъ и гуманнымъ рѣчамъ, произносимымъ его представителями въ комитетахъ и собраніяхъ, то получалось такое впечатлѣніе, что все обстоитъ благополучно, что всѣ относятся сочувственно къ дѣлу освобожденія крестьянъ и ждутъ не дождутся, когда эта «меньшая братья» станетъ равноправными и свободными гражданами. Но случалось нерѣдко и такъ, что эти ораторы гуманности являлись совсѣмъ иными людьми, когда, оставляя на время сцену, уходили къ своимъ пенатамъ, и здѣсь, за кулисами, обращались въ обыкновенныхъ смертныхъ.

— Ахъ, милый, папа, какъ хорошо ты говорилъ въ пользу бѣдныхъ мужичковъ,—восхищалась, при мнѣ, дочь своимъ отцомъ,—слушая тебя, я даже заплакала...

— Рано еще плакать,—замѣтилъ ей отецъ.—Придетъ время—еще наплачетесь до-сыта, кулакомъ слезы вытирать станете, какъ придется расхлебывать кашу, которую мы заварили...

И еще недавно столь краснорѣчивый противникъ крѣпостнаго права—съ удрученнымъ видомъ удаляется въ свой кабинетъ, а дочь остается въ недоумѣніи, смутно догадываясь, что не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это кажется, и что казаться и быть—двѣ вещи разныя.

Однажды, я довольно прозрачно выразился по поводу этой двойственности Андрея Андреевича Ш. Онъ ни мало не смутился и не обидѣлся.

— Ничего тутъ нѣтъ страннаго и непослѣдовательнаго. Какъ честный человѣкъ и гражданинъ, я ратую противъ крѣпостнаго права, которое, по моему убѣжденію, должно погибнуть безвозвратно. Въ общественныхъ собраніяхъ я перестаю быть помѣщикомъ—остаюсь только человѣкомъ, гражданиномъ земли русской, а возвратившись домой, я опять становлюсь, по неволѣ, самимъ собою, то-есть помѣщикомъ, котораго ликвидируютъ. И вотъ, подвожу я итоги, и вижу, что скверно придется нашему брату, и откровенно высказываю свои мысли домашнимъ.

Такихъ Андреевъ Андреевичей встрѣчалось тогда немало. Они плыли съ теченіемъ, чувствуя, что борьба съ нимъ была бы напрасна. Въ обществѣ и даже въ печати они либеральничали, но въ глубинѣ души не сочувствовали реформѣ, сознавая, что она вызоветъ разгромъ.

— Папа, нашъ Прохоръ все говоритъ, что скоро «воля выйдетъ». Правда это?—спрашивалъ екатеринославскаго крупнаго помѣщика М—ва его десятилѣтній сынишка.

— Правда, мой другъ, правда...

— А что такое эта «воля»?

— Вотъ ужо, какъ походишь безъ штановъ, такъ и узнаешь, что такое эта «воля»,—поучительно замѣтилъ отецъ.

Не одинъ М—въ вѣрно предчувствовалъ, что его сыновьямъ предстоитъ окончательное разореніе, которое не исключаетъ опасности остаться даже безъ столь необходимой части мужскаго туалета.

— На нашъ вѣкъ,—говорили отцы,—хотя съ грѣхомъ пополамъ, но авось хватитъ, а вотъ дѣтямъ нашимъ совсѣмъ плохо придется. Вѣдь они не подготовлены къ предстоящей борьбѣ.

Такъ сѣтовали отцы и дѣйствительно не подготовляли дѣтей своихъ къ предстоящей имъ борьбѣ, подавая примѣръ безпечности, не сокращая своихъ расходовъ и, не заботясь о сбереженіяхъ, сваливали всѣ бѣды на реформу. И хотя этой реформѣ предшествовало четыре года подготовительныхъ работъ, но за это время въ помѣщичьемъ быту и образѣ жизни измѣненій къ лучшему произошло очень мало, почти никакихъ. Были исключенія, но очень рѣдкія. Для того, чтобы заблаговременно сократиться и урѣзать всѣ свои требованія и привычки до минимума, нужна твердая воля, а ея-то у огромнаго большинства и не было.

По поводу предстоящей отмѣны крѣпостнаго права, въ тогдашнемъ обществѣ высказывались мнѣнія нерѣдко діаметрально-противоположныя. Въ то время, когда одни приводили многочисленные примѣры злоупотребленій этимъ правомъ со стороны помѣщиковъ, другіе доказывали, что эти примѣры не болѣе, какъ исключенія, и что, въ общемъ,

отношеніе помѣщиковъ къ ихъ подданнымъ было гуманное. Доказывали, что можно ограничить реформу уменьшеніемъ, до крайнихъ размѣровъ, барщины и тому подобными полумѣрами.

— Русскій простолюдинъ,—говорили защитники крѣпостнаго права,—далеко еще не такъ развитъ, чтобы можно было предоставить ему свободу, которой, въ сущности, «онъ самъ и не требуетъ».

Понятно, что такіе аргументы защитниковъ стараго порядка не оставались безъ должныхъ возраженій, и въ общемъ выводѣ эти возраженія можно формулировать въ извѣстномъ изреченіи одного иностраннаго дипломата:

«Старайтесь предупреждать требованія народа, ибо когда народъ потребуетъ самъ—вы вынуждены будете дать гораздо болѣе».

Помню, что въ описываемое мною время, предшествующее паденію крѣпостнаго права, случилось мнѣ быть въ одномъ домѣ, гдѣ обыкновенно собиралось по вечерамъ, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, довольно многочисленное и избранное провинціальное общество. Солидные люди развлекались за зеленымъ столомъ, а молодежь проводила время въ пѣніи, музыкѣ и бесѣдахъ. Разумѣется, что главною темою для разговоровъ и обмѣна мыслей—была предстоящая и всѣхъ тогда интересовавшая отмѣна крѣпостнаго права.

За ужиномъ бесѣда сдѣлалась болѣе оживленною, въ ней приняли участіе и «солидные люди». Послѣдніе болѣе спокойно и сдержанно относились къ «эмансипаціи крестьянъ», а иные изъ нихъ въ душѣ были даже противниками этой реформы, молодежь же была безусловнымъ ея сторонникомъ и пропагандистомъ. Въ назиданіе увлекающимся новшествами «солидные» доказывали, что и прежде жилось не худо не только барину, но и мужику. Въ подтвержденіе сказаннаго одинъ изъ собственниковъ, бывшій кавказскій служака полковникъ Л—ко, разсказалъ случай, котораго самъ былъ очевидцемъ. Въ сѣверной части Кавказа не далеко отъ военной границы находилось довольно обширное имѣніе намѣстника кавказскаго князя Воронцова (это было въ сороковыхъ годахъ), имѣніе это называлось Воронцовкой и заключало въ себѣ десятки тысячъ десятинъ земли, лѣса и разныя угодья. Населеніе этой деревни съ хуторами состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ. Всѣ они были крѣпостными М. С. Воронцова, жили они привольно, даже въ достаткѣ. На всемъ тогдашнемъ сѣверномъ Кавказѣ знали «Воронцовскихъ», какъ лучшихъ и надежныхъ подводчиковъ, щеголявшихъ своими сильными, рослыми и отлично содержимыми волами. Жители Воронцовки, «чумакуя» по Кавказу, не разъ видывали своего помѣщика, но въ деревнѣ у нихъ онъ никогда не былъ, хотя тамъ имѣлся господскій домъ. Однажды во время объѣзда намѣстникомъ «лѣваго фланга», пришло извѣстіе въ Воронцовку, что М. С. Воронцовъ проѣздомъ прибу-

детъ въ имѣніе, гдѣ остановится на однѣ сутки. Пріѣздъ намѣстника составилъ для крестьянъ Воронцовки событіе первостепенной важности. Еще задолго до прибытія помѣщика были сдѣланы крестьянами большія приготовленія къ встрѣчѣ. Крестьяне привезли откуда-то отличнаго повара, заготовили любимыя княземъ вина, кабинетъ былъ меблированъ точно такъ же, какъ въ домѣ намѣстника въ Тифлисѣ, не забыты малѣйшія подробности.

Даже любимый классическій писатель, Полибій, нашелся на своемъ мѣстѣ, томъ сочиненія этого автора въ оригиналѣ лежалъ на столѣ въ кабинетѣ. Встрѣча была торжественная, съ колокольнымъ звономъ и при ликованіи народа, одѣтаго по-праздничному. У крыльца дома старики поднесли своему помѣщику хлѣбъ-соль. М. С. Воронцовъ былъ очень доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ и тронутъ вниманіемъ крестьянъ къ его привычкамъ, вкусамъ и потребностямъ; они позаботились устроить все такъ, чтобы ихъ помѣщикъ чувствовалъ себя здѣсь, въ глухой степи, такъ же удобно, какъ и въ постоянномъ мѣстѣ своего жительства въ Тифлисѣ. Передъ отъѣздомъ Михаилъ Семеновичъ благодарилъ крестьянъ за оказанный ему пріемъ, сказалъ, что очень доволенъ ими и что въ награду согласенъ отпустить ихъ на волю и ходатайствовать о зачисленіи ихъ въ казачье сословіе съ надѣленіемъ землею. Тогда крестьяне повалились князю въ ноги и взмолились, чтобы онъ смиловался и оставилъ бы ихъ у себя. Мы, молъ, всѣмъ довольны и лучшаго не желаемъ.

Князь Воронцовъ успокоилъ крестьянъ, увѣривъ, что перечислять ихъ насильно въ казаки онъ въ виду не имѣлъ и не имѣетъ.

Князь, повидимому, хотѣлъ показать наглядно окружавшей многочисленной свитѣ, какъ хорошо живется его крестьянамъ, предпочитавшимъ крѣпостную зависимость переходу въ казачество, которое пользовалось, сравнительно, большею свободою и правами.

— Такъ вотъ какъ жилось крѣпостнымъ у многихъ помѣщиковъ, — назидательно прибавилъ полковникъ, окончивъ свой разсказъ.

Но противниковъ крѣпостнаго права разсказъ этотъ не озадачилъ, и вскорѣ съ разныхъ устъ посыпались возраженія:

— Это не примѣръ, а исключеніе,—говорили одни...—У Воронцова жилось крестьянамъ не дурно, такихъ помѣщиковъ на всей Руси и нѣсколько человѣкъ не наберется. Это даже не помѣщики, а вѣрнѣе сказать—владѣтельные князья, а Воронцовъ чуть-ли не первый изъ нихъ. Это исключеніе.

— Ежели сравнить условія жизни и обязанности казаковъ, постоянно рисковавшихъ жизнью на войнѣ, съ житьемъ крестьянъ Воронцовки, то, конечно, послѣднимъ не было никакого разсчета желать перехода въ казачество.

*

Спорили по этому поводу довольно долго, наконецъ одинъ изъ собесѣдниковъ поставилъ вопросъ ребромъ. Онъ спросилъ полковника:

— Скажите, Михаилъ Васильевичъ, какъ вы думаете, что отвѣтили бы крестьяне Воронцова, если бы князь предложилъ имъ вольную, съ надѣломъ ихъ землею, съ условіемъ, чтобы они ее выкупили въ теченіе 10 или 15 лѣтъ (Благо, въ то время и въ той мѣстности Кавказа земля стоила куда дешево—рубля два, три за десятину). Согласились ли бы крестьяне на такое предложеніе, или просили бы смиловаться и оставить все по-прежнему?

— По-вашему коли медъ, такъ и ложкою... Конечно, согласились бы,— отвѣтилъ полковникъ.

— Что и требовалось доказать,—замѣтилъ кто-то. На этотъ разъ вопросъ былъ исчерпанъ.

По мнѣнію многихъ тогдашнихъ помѣщиковъ освободить крестьянъ да къ тому же надѣлить ихъ землею, хотя бы и за извѣстную плату— значило бы дать имъ медъ, да къ тому же дозволить имъ ѣсть этотъ медъ ложкою.

Въ первое время, когда еще не были въ точности намѣчены всѣ детали предстоящей отмѣны крѣпостнаго права, представлялось обширное поле для разнаго рода предположеній, догадокъ, слуховъ и толковъ. Въ томъ, что крѣпостному праву пришелъ конецъ, никто не сомнѣвался, за исключеніемъ горсти закоренѣлыхъ крѣпостниковъ, но относительно надѣленія крестьянъ землею, мнѣнія были весьма различны.

Въ то время, какъ одни изъ помѣщиковъ, составлявшіе значительное меньшинство, находили, что не возможно разрѣшить благопріятно крестьянскій вопросъ, безъ надѣленія крестьянъ землею, другіе признавали эту мѣру вопіющимъ нарушеніемъ права собственности.

Обращаясь къ моей памяти и сохранившимся моимъ замѣткамъ и запискамъ за то время, постараюсь воспроизвести здѣсь встрѣчи и бесѣды мои съ тогдашними помѣщиками,—бесѣды, въ которыхъ я имѣлъ возможность близко ознакомиться съ воззрѣніями помѣщиковъ на эмансипацію крестьянъ. Такія встрѣчи и бесѣды бывали часто, но я приведу здѣсь наиболѣе характерныя.

1858 г. лѣтомъ ѣдучи на почтовыхъ изъ Кишенева въ Одессу, я встрѣтилъ неожиданную остановку на ст. Эльзасъ (Кучурганъ). Всѣ лошади оказались въ разгонѣ по случаю проѣзда какого-то важнаго начальства, и станціонный смотритель объявилъ, что мнѣ придется обождать часа два. Время было послѣобѣденное, я потребовалъ самоваръ и, въ ожиданіи, когда явится возможность продолжать путь, развлекался питьемъ чая, читалъ развѣшенныя на стѣнахъ комнаты распоряженія почтоваго начальства, знакомился съ книгою для записки жалобъ,—обычное развлеченіе злополучнаго «проѣзжаго», вынужденнаго застрять на почтовой

станціи за неимѣніемъ лошадей или вслѣдствіе невозможной погоды. Прошло болѣе часа, лошадей все еще не было. Наконецъ послышался почтовый колокольчикъ, но оказалось, что это прибылъ новый проѣзжій.

«Кого-то посылаетъ мнѣ судьба въ компаніоны»,—подумалъ я. Вскорѣ въ комнату вошелъ довольно рослый мужчина уже далеко не первой молодости и обратился ко мнѣ, говоря:

— Позвольте узнать, вы въ Одессу изволите ѣхать?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ продолжалъ:

— Не могу ли я ѣхать съ вами вмѣстѣ? Я спѣшу въ Одессу, у васъ подорожная по казенной надобности, и задержекъ будетъ менѣе.

Я охотно согласился принять его въ свои попутчики, но лошадей все еще не было, и мы, въ ожиданіи ихъ, разговорились и познакомились.

Мой попутчикъ оказался помѣщикомъ одной изъ губерній Новоросскаго края, Ш. Прошелъ добрый часъ, пока мы дождались лошадей, но это время прошло для меня незамѣтно въ интересной бесѣдѣ съ Ш. Это былъ человѣкъ образованный, начитанный и, какъ тогда выражались, изъ «передовыхъ». Бесѣда наша почти съ первыхъ словъ перешла на интересующій тогда всѣхъ вопросъ о крѣпостной реформѣ. Ш. относился къ ней сочувственно, хотя и не впадалъ въ оптимизмъ.

— По моему глубокому убѣжденію,—сказалъ Ш.,—крѣпостное право отжило свой вѣкъ. Намъ предстоитъ трудная и весьма болѣзненная операція, и всѣ мыслящіе люди должны признать ея необходимость. Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многіе наши помѣщики не долго переживутъ послѣдствія этой операціи и ликвидируютъ окончательно. Но что дѣлать:—лѣсъ рубятъ, щепки летятъ...

Я замѣтилъ моему собесѣднику, что быть можетъ число жертвъ реформы будетъ очень не велико.

— Зачѣмъ обманывать себя иллюзіями,—сказалъ онъ.—Нужно смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза. Я убѣжденъ, что «жертвъ» будетъ много, очень много, хотя и неодновременно. Одни изъ нашей помѣщичьей братіи падутъ очень скоро, почти вслѣдъ за реформой, а паденіе для многихъ будетъ лишь вопросомъ времени.

— Но зачѣмъ же отступать передъ борьбою и складывать руки, — возразилъ я.—При такомъ условіи число жертвъ реформы будетъ, конечно, велико...

— Слабые и неспособные къ борьбѣ ликвидируютъ въ первые же годы послѣ реформы, а мы говоримъ о большинствѣ,—сказалъ Ш.,—будемъ бороться болѣе или менѣе упорно. Но этого мало: тутъ нужно умѣніе приспособиться и приспособиться быстро, нуженъ большой трудъ, знанія, матеріальныя средства, а главное нужна «воля». Не та воля, о которой теперь и во снѣ мечтаетъ нашъ мужикъ, нужна извѣстная сила воли, выражающаяся въ умѣніи заставить себя жить не такъ, какъ намъ

хочется, а какъ можется. Спрашиваю васъ, у многихъ ли хватитъ этой силы воли, необходимой на многіе годы, быть можетъ, на всю жизнь?

— Полагаю, что это препятствіе не такъ непреодолимо, какъ кажется,—отвѣчалъ я.

— Въ молодости всѣ препятствія кажутся намъ легкопреодолимыми, но будничная практическая жизнь разбиваетъ въ прахъ иллюзіи молодости. Нѣтъ, я стою на своемъ, что многихъ изъ насъ, помѣщиковъ, не хватитъ настолько, чтобы побороть свои привычки и заставить себя жить не такъ, какъ хочется, а какъ можется. Давно уже сказано, что злѣйшій врагъ человѣка онъ самъ. Это можно пояснить примѣромъ и, чтобы далеко не ходить, обращусь къ себѣ самому.

Собесѣдникъ мой всталъ, прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ и затѣмъ, усѣвшись опять на широкій кожаный диванъ, продолжалъ:

— О себѣ скажу вамъ вотъ что: труда, знанія, энергіи у меня хватитъ, чтобы вести хозяйство на новыхъ началахъ. Найдутся и кое-какія матеріальныя средства. Я заведу у себя машины, правильный сѣвооборотъ, увеличу площадь посѣвовъ, и я увѣренъ, что если не вдругъ, то все же въ близкомъ будущемъ буду получать болѣе доходовъ, нежели теперь, пока существуетъ еще крѣпостное право и такъ называемый даровой трудъ, хотя не совсѣмъ правильно называть его вполнѣ даровымъ, ибо крѣпостное право налагаетъ на помѣщиковъ массу обязательствъ, отъ которыхъ онъ будетъ избавленъ съ уничтоженіемъ рабства. Но не въ томъ рѣчь, что не будетъ уже дароваго труда, а суть въ томъ, что крѣпостное право, съ которымъ мы сроднились, не приготовило насъ къ той борьбѣ за существованіе, которая предстоитъ намъ теперь. Повторяю, что у меня тоже, какъ и у многихъ другихъ, хватитъ энергіи, труда и знанія для того, чтобы приспособиться къ обстоятельствамъ, вызваннымъ новымъ положеніемъ вещей. Но вотъ въ чемъ самая суть: многіе ли изъ насъ съумѣютъ отказаться отъ своихъ привычекъ—отъ барства, отъ одолѣвающей насъ болѣзни жить безъ разсчета и не по средствамъ. Согласитесь, что не достаточно знанія и умѣнія примѣнить его къ дѣлу, нужна еще бережливость, то-есть умѣніе жить по средствамъ, въ противномъ случаѣ результаты получатся отрицательные. Въ насъ нѣтъ привычки жить по строго опредѣленному бюджету. Я увѣренъ, что совладаю со всѣми трудностями, заведу раціональное хозяйство, но одолѣю ли самого себя—не знаю, хотя постараюсь, попробую, авось удастся. Великое это дѣло умѣніе «взять себя въ руки». Ну, а коли этого достичь не съумѣемъ, то рано или поздно — ляжемъ костьми и останутся дѣтямъ отъ нашего родоваго помѣстья «рожки, да ножки»...

— Но позвольте вамъ замѣтить, вѣдь и теперь, при крѣпостномъ правѣ, большинство помѣщиковъ живетъ не по средствамъ, однако разоряются они сравнительно рѣдко.

— Это только такъ кажется, это, такъ сказать, обманъ зрѣнія! Дерево давно подточено червями у самаго основанія, хотя держится, зеленѣетъ и цвѣтетъ, но достаточно сильнаго вѣтра, чтобы повалить подгнившій стволъ, а крѣпостная реформа это не зефиръ, а цѣлый ураганъ... Нужно основательно подготовиться къ его встрѣчѣ. Для борьбы и веденія хозяйства нуженъ оборотный капиталъ, а у многихъ ли онъ найдется; тѣмъ болѣе, если деньги, назначенныя за выкупъ крестьянской земли, пойдутъ на уплату казенныхъ долговъ и частныхъ обязательствъ. Теперь мы не особенно нуждаемся въ оборотномъ капиталѣ,—крѣпостной людъ вѣдь это своего рода капиталъ, постоянно увеличивающійся отъ прироста населенія, а когда этотъ капиталъ будетъ отнятъ, его нужно будетъ замѣнить наличными деньгами... Да, да тяжеленько придется нашему брату, и какъ тутъ не пасть слабымъ и не предпріимчивымъ людямъ.

Я замѣтилъ, что Ш. говорилъ искренне и былъ возбужденъ. Чтобы дать нѣсколько иное направленіе его мыслямъ, я спросилъ его мнѣнія о такихъ помѣщикахъ, которые въ настоящее время, при существованіи крѣпостнаго права, не занимаются сами хозяйствомъ,—какъ отразится на ихъ благосостояніи упраздненіе крѣпостнаго права?

— По моему мнѣнію, они будутъ первыми жертвами реформы. Уцѣлѣютъ тѣ изъ нихъ, которые съумѣли выгодно пристроиться на службѣ казенной или частной, это дастъ имъ возможность пережить кризисъ, сдавая землю въ аренду за сравнительно малую плату. О крупныхъ помѣщикахъ, да къ тому же имѣющихъ солидные запасные капиталы, и говорить нечего: имъ реформа не страшна, хотя они и громче всѣхъ насъ кричатъ, что ихъ «грабятъ»...

— Не одни только богатые и сильные помѣщики увѣрены, что ихъ «грабятъ»,—сказалъ я.—Многіе средніе и мелкопомѣстные дворяне того же мнѣнія. Вотъ, напримѣръ, мой дядя не позволяетъ даже говорить у себя дома о реформѣ, какъ о чемъ-то преступномъ.

— Да, да,—замѣтилъ Ш.,—недовольныхъ масса, очень много, а такихъ помѣщиковъ, которые встрѣтятъ съ радостью реформу, полагаю, и вовсе не найти. Зато есть немало и такихъ, которые, подобно мнѣ, мирятся съ фактомъ, признавая его необходимость.

Въ Одессѣ я разстался съ моимъ случайнымъ попутчикомъ, но судьбѣ угодно было, чтобы мы встрѣтились снова. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ введенія крѣпостной реформы я жилъ въ той мѣстности, гдѣ находилось имѣніе Ш. Онъ дѣйствительно работалъ энергично, хозяйство велъ образцовое, увеличилъ доходность имѣнія, но «взять себя въ руки», жить и хозяйствовать съ большимъ разсчетомъ не съумѣлъ, и передалъ дѣтямъ своимъ весьма расшатанное состояніе, а теперь имѣніемъ Ш.

владѣетъ и хозяйничаетъ въ немъ, уже на иныхъ началахъ, разбогатѣвшій крестьянинъ.

Тѣмъ не менѣе Ш. принесъ немало пользы той мѣстности, въ которой жилъ и работалъ. Онъ изъ первыхъ ввелъ у себя образцовую обработку земли и улучшенное хозяйство; къ нему ѣздили учиться. Кромѣ того Ш. впослѣдствіи усердно служилъ обществу, какъ выдающійся земскій дѣятель, губернскій и уѣздный гласный, а затѣмъ какъ мировой судья перваго призыва, послѣ введенія судебной реформы.

Въ той же Херсонской губ. я зналъ другаго помѣщика Д., котораго, подобно Ш., можно было считать передовымъ. Онъ тоже признавалъ упраздненіе крѣпостнаго права неизбѣжною необходимостью, такъ же, какъ и Ш., ревностно велъ хозяйство на новыхъ началахъ, но съ несравненно большею выдержкою, не увлекаясь дорогостоющими экспериментами. Онъ вѣчно жаловался на мужика и его яко-бы распущенность, но никогда его не обижалъ. Д. помѣщался со своей семьей въ старомъ, плохо выстроеномъ, отцовскомъ домѣ, крытомъ соломою. Но зато всѣ хозяйскія постройки, амбары, магазины, конюшни, помѣщенія для скота—всѣ были каменные, подъ толевой крышей, на диво крѣпко построенные, точно у Собакевича. Но что всего важнѣе—Д. жилъ и хозяйничалъ съ большимъ разсчетомъ и неусыпно заботился о томъ, чтобы расходы были значительно менѣе прихода. Д. благополучно сживался съ новыми порядками, вызванными отмѣною крѣпостнаго права, выдержалъ всякіе кризисы и въ результатѣ сохранилъ въ цѣлости отцовское наслѣдіе и остался вполнѣ независимымъ владѣльцемъ прекрасно устроеннаго имѣнія и составилъ крупный оборотный капиталъ, хотя Д. чуждъ былъ какихъ бы то ни было спекуляцій и торговой оборотливости. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что Д. нерѣдко держалъ въ амбарахъ по два года не проданную пшеницу, до сорока тысячъ пудовъ, находя предлагаемыя цѣны низкими. Вообще Д. собственнымъ примѣромъ напоминалъ мнѣ слова Ш., что при трудѣ, знаніи и толковой бережливости, не страшна для сельскаго хозяина крѣпостная реформа, что при этихъ условіяхъ можно было преодолѣть всѣ трудности и выйти изъ борьбы побѣдителемъ.

Въ послѣдніе годы предъ отмѣною крѣпостнаго права, я жилъ и вращался въ Новороссійскомъ краѣ, преимущественно въ Херсонской губерніи и Бессарабіи. Въ то время (1857—1863 годы) этотъ обширный край былъ, сравнительно, мало населенъ, а Крымъ, вслѣдствіе эмиграціи татаръ, окончательно опустѣлъ. На обширныхъ черноземныхъ степяхъ Херсонской губерніи поселенія были рѣдки, народу тутъ жило очень мало, а крѣпостныхъ людей было еще менѣе. Какъ видно изъ замѣтокъ, сохранившихся у меня, въ 1858 году насчитывалось крѣпостныхъ ревизскихъ душъ въ Новороссійскомъ краѣ всего 341 ты-

сяча, а именно: въ Херсонской губ. 151 тысяча, Екатеринославской—157 тысячъ, Таврической—20 тысячъ, а въ Бессарабіи только 3 тысячи. Слѣдовательно, число крѣпостныхъ вообще, считая и женщинъ, достигало въ то время во всемъ Новороссійскомъ краѣ до 700 тысячъ душъ обоего пола. Въ этомъ краѣ вообще, а въ Херсонской губ. въ особенности, крѣпостное право далеко не успѣло пустить такихъ глубокихъ корней, какъ въ средней и сѣверной полосахъ Россіи. Въ Новороссіи крѣпостнымъ жилось нѣсколько легче. Земли было много, рабочихъ рукъ мало, а потому людьми дорожили. Къ тому же близость Бессарабіи, гдѣ въ сущности крѣпостнаго права не существовало, и затѣмъ сосѣдство съ нею Молдавіи дѣлали удобными побѣги для крѣпостныхъ. Знали это хорошо помѣщики и избѣгали давать поводы къ такимъ побѣгамъ. Вообще, въ Херсонской губ. помѣщики далеко не такъ сильно злоупотребляли крѣпостнымъ правомъ, какъ это случалось въ другихъ губерніяхъ, бывали и здѣсь примѣры жестокаго обращенія съ крѣпостными, но лишь какъ рѣдкія исключенія. Крѣпостничество какъ-то не гармонировало съ привольемъ и просторомъ Новороссійскихъ степей, и вѣсть о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ была здѣсь встрѣчена помѣщиками хотя и не радостно, но далеко не произвела на нихъ такого удручающаго впечатлѣнія, какъ въ другихъ губерніяхъ.

О херсонскихъ дворянахъ-помѣщикахъ того времени можно было сказать: «какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Между ними были великороссы, малороссы, потомки запорожскихъ казаковъ-атамановъ, кроаты, сербы, молдаване, поляки, греки, нѣмцы, даже французы и итальянцы. Въ отношеніи разнообразія національностей Новороссія была чѣмъ-то въ родѣ русской Америки. Здѣсь на просторѣ черноморскихъ степей подобно тому, какъ въ великой заатлантической республикѣ, поселялись представители чуть-ли не всѣхъ народностей, но уже не подъ звѣзднымъ флагомъ, а подъ русскимъ знаменемъ. Интеллигентные пришельцы поступали на русскую службу, получали права русскихъ дворянъ, награждались землями, дѣти ихъ окончательно усвоивали себѣ русскій языкъ и становились русскими помѣщиками-дворянами. Но все же эта помѣсь народностей, изъ которой образовалось дворянство Херсонской губ., рознилась отъ кореннаго великорусскаго дворянства, не усвоивъ себѣ нѣкоторыхъ его хорошихъ качествъ, взамѣнъ этого обладало большею, сравнительно, предпріимчивостью, подвижностью и не было узко консервативнымъ. Крѣпостные были малороссы и великороссы — послѣднихъ было немного. Въ сѣверной половинѣ губерніи находились въ значительномъ числѣ большія села военныхъ поселеній, уже обреченныя на упраздненіе, а въ южныхъ уѣздахъ цвѣли прекрасныя колоніи нѣмцевъ и болгаръ, тамъ же, преимущественно при Днѣстрѣ, находились большія села государственныхъ

крестьянъ. По балкамъ (оврагамъ), по всей губерніи, были разбросаны хутора вольныхъ людей.

Въ землѣ не только не ощущалось недостатка, а, напротивъ, избытокъ, и встрѣтить дѣвственныя, еще нетронутыя плугомъ земли, было не въ рѣдкость. Когда я, бесѣдуя съ однимъ помѣщикомъ-старожиломъ Херсонской губ., выразилъ мое удивленіе по поводу земельнаго простора въ Новороссіи, онъ сказалъ:

— Какой уже это просторъ! Вотъ посмотрѣли бы вы наши степи лѣтъ этакъ сорокъ тому назадъ. Какое было приволье, какія роскошныя травы,—теперь такихъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить въ нашихъ равнинахъ; человѣкъ, скотъ, а особенно овцы истребили ихъ.

Когда я поинтересовался узнать, какія цѣны стояли на землю въ то отдаленное время (начало тридцатыхъ годовъ), то старикъ отвѣчалъ:

— Собственно говоря, цѣнъ не было никакихъ, — вотъ развѣ поближе къ городамъ. Да что тутъ и говорить о цѣнахъ, когда я помню, не далѣе десяти-пятнадцати лѣтъ тому назадъ, у насъ были случаи, когда помѣщики платили подати землей....

На мой вопросъ, какъ это могло случиться, старый степнякъ пояснилъ:

— Очень просто. Пріѣзжаетъ бывало къ иному многоземельному помѣщику (тогда ихъ было много) исправникъ и тамъ за обѣдомъ или ужиномъ напомнитъ осторожно хозяину, что на его имѣніи накопилось много недоимокъ и что онъ, исправникъ, уже не разъ получалъ отъ начальства «нагоняй» за слабое взысканіе недоимокъ. Я, продолжалъ исправникъ, цѣню вашу дружбу и, конечно, всякое послабленіе дѣлаю. Но, сами знаете, сказано: дружба дружбой, а служба службой. Такъ вы ужь пожалѣйте меня, внесите всю недоимку сполна теперь же, иначе мнѣ не сдобровать, да и вамъ не легче будетъ, какъ наѣдутъ и станутъ описывать и продавать движимость на покрытіе этихъ проклятыхъ недоимокъ...

— Выручи,—говоритъ помѣщикъ, — окажи дружескую услугу, заплати за меня! я теперь совсѣмъ безъ денегъ, знаешь самъ: недавно возвратился изъ Одессы—два мѣсяца тамъ прожилъ съ семьей...

Исправникъ доказываетъ, что это невозможное дѣло, что онъ бы и радъ помочь, но самъ нуждается и не придумаетъ, какъ помочь горю.

— Очень просто,—говоритъ помѣщикъ.—У меня верстахъ въ пятнадцати отсюда небольшой хуторъ есть, такъ ты возьми его себѣ, онъ мнѣ не съ руки, а меня избавь отъ всякихъ хлопотъ за недоимки.

Исправника на первое время озадачиваетъ такое оригинальное предложеніе; онъ призадумывается, соображаетъ, но въ концѣ концовъ сдается и принимаетъ сдѣлку.

— Въ старину,—закончилъ разсказчикъ,—у насъ бывали не од-

нажды такіе случаи уплаты податей землей, и пояснилъ, что уступленный исправнику хуторъ заключалъ въ себѣ до 250 десятинъ, а недоимки не превышали 150 р. ассигнаціями.

— У васъ много земли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не много, послѣ раздѣла съ братомъ осталось всего 800 десятинъ.

— А крестьянъ сколько?

— У меня нѣтъ и не было крестьянъ. Небольшой поселокъ, который вы вѣрно видѣли — это вольные люди десятинщики. Прежде я исключительно занимался скотоводствомъ, имѣлъ и табунъ лошадей, а теперь сдаю землю десятинщикамъ, да нѣмцамъ сосѣдней колоніи. И, слава Богу, что у меня не было крестьянъ: теперь съ ними хлопоты, а мнѣ и горя мало: бывало, сосѣдніе помѣщики подсмѣивались, что у меня нѣтъ «своихъ» людей,—звали въ шутку пустопорожнимъ помѣщикомъ, а теперь пришелъ мой чередъ смѣяться, а имъ плакать. Вы, добавилъ старичекъ, быть можетъ и не знаете, откуда взяли названіе «пустопорожній». Есть такое глупое канцелярское выраженіе «пустопорожняя земля». Это названіе выдумали приказные, и оно должно означать, что такая земля не заселена и не воздѣлана.

Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Новороссіи было много земель, называемыхъ на канцелярскомъ языкѣ «пустопорожними».

О военно-поселенскихъ селахъ, бывшихъ тогда въ Херсонской губерніи, я говорить не буду. О поселеніяхъ вообще, режимѣ и порядкахъ, въ нихъ существовавшихъ, писали и говорили довольно. Но не могу не сказать нѣсколько словъ о нѣмецкихъ колоніяхъ того времени въ Херсонской губерніи и Бессарабіи. Въ послѣдніе годы, предшествовавшіе упраздненію крѣпостнаго права, мнѣ случилось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ этихъ колоніяхъ, и такимъ образомъ я имѣлъ возможность близко ознакомиться съ бытомъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Новороссіи. Колоніи эти образовали какъ бы отдѣльный мірокъ, и для управленія ими у насъ существовало даже особое вѣдомство, именовавшееся «комитетомъ по управленію иностранными поселеніями». По своему благоустройству, достатку и внѣшности колоніи представляли рѣзкій контрастъ въ сравненіи съ русскими и малорусскими селами. Живя въ колоніи, казалось, что находишься въ какомъ-то уголку Германіи, а не въ Новороссійскихъ степяхъ. Нѣмцы-колонисты жили весьма обособлено отъ остальнаго населенія, жили, такъ сказать, исключительно, своимъ міркомъ и для себя, и не были ни въ чемъ солидарны съ русскими крестьянами, которые, при иныхъ отношеніяхъ къ нимъ нѣмцевъ-колонистовъ, могли бы у нихъ кое-чему поучиться и кое-что перенять.

Правительство русское и имѣло это въ виду, дозволяя иностранцамъ

переселяться цѣлыми массами въ Новороссію, гдѣ надѣляло ихъ щедро землями.

Когда я жилъ въ колоніяхъ въ Херсонской губерніи и Бессарабіи въ 1857—1858 годахъ, онѣ существовали въ томъ краѣ уже лѣтъ сорокъ, но въ это продолжительное время не вошли въ близкое общеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, которое ничему у нихъ не научилось и ничего не позаимствовало, кромѣ развѣ фургоновъ, да суда Линча надъ конокрадами. А научиться нашимъ крестьянамъ у нѣмцевъ, повторяю, было чему и прежде всего образцовому порядку и разумной дисциплинѣ въ дѣлѣ самоуправленія и большой солидарности, проявляемой нѣмцами-колонистами, въ дѣлѣ самопомощи. У всѣхъ славянъ безъ исключенія эти качества всегда были очень слабы, не только въ массѣ, но и въ болѣе культурной средѣ. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ шульцъ (старшина) и другія, выбранныя обществомъ, должностныя лица пользовались почетомъ и уваженіемъ, и колонисты, поставивъ ихъ во главѣ управленія, подчинялись имъ безусловно. Мірской сходъ подъ предсѣдательствомъ шульца обсуждалъ и расматривалъ дѣла колоніи. Дѣла по завѣдыванію имуществомъ сиротъ велись съ такою заботливостью и добросовѣстностью, что въ этомъ могла бы позавидовать колонистамъ любая дворянская опека...

Помню, это было уже гораздо позже. Мнѣ разсказывалъ земскій санитарный врачъ, ѣздившій по одному изъ уѣздовъ Херсонской губерніи съ цѣлью принятія мѣръ противъ распространенія дифтерита.

— Узнавъ,—говорилъ онъ мнѣ,—что въ нѣмецкой колоніи было два случая заболѣванія дифтеритомъ, я поспѣшилъ туда и прибылъ въ колонію уже къ вечеру. По моему соображенію, было уже поздно созывать сходъ, но я приказалъ вести себя въ сельское правленіе, чтобы объяснить шульцу цѣль моего пріѣзда и необходимость созвать сходъ на слѣдующій день утромъ. Выслушавъ меня внимательно и разспросивъ подробно о мѣрахъ, какія по моему мнѣнію необходимо принять, чтобы предупредить распространеніе дифтерита, шульцъ сказалъ:

— Такъ я буду созывать сходъ сейчасъ.

— Какъ сейчасъ?—удивился я.—Теперь уже поздно, колонія ваша большая, когда-то соберутся—лучше ужь завтра утромъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ шульцъ.—Дѣло важное, сходъ будетъ собираться сейчасъ... «Зашемъ завтра!..»

Шульцъ приказалъ что-то писарю, тотъ написалъ нѣсколько записочекъ и торопливо вышелъ. Едва прошло полчаса, а сходъ былъ уже въ сборѣ. Шульцъ толково объяснилъ прибывшимъ сущность дѣла, колонисты одобрили всѣ мѣры предосторожности и разошлись, а что самое важное, такъ это то, что все было выполнено въ точности, какъ я

удостовѣрился впослѣдствіи, благодаря чему дифтеритъ скоро прекратился.

Когда я пожелалъ узнать, какъ это колонисты успѣли такъ скоро собраться на сходъ, то земскій врачъ объяснилъ мнѣ, что изъ сельскаго управленія посылается нѣсколько записокъ одновременно и вручаются онѣ сторожемъ хозяевамъ домовъ, прилегающихъ съ разныхъ сторонъ къ сельскому правленію. Получивъ такую записку, хозяинъ немедленно передаетъ своему ближайшему сосѣду, а самъ собирается на сходъ; сосѣдъ передаетъ записку слѣдующему хозяину и такъ далѣе. Записка быстро передается изъ дома въ домъ, по упрощенной сельской почтѣ.

Многіе порядки, существовавшіе въ нѣмецкихъ колоніяхъ, могли быть съ пользою перенимаемы сосѣдними сельскими обществами. Но нѣмцы жили всегда отчужденно и замкнуто и, проживъ на русской землѣ много лѣтъ, оставались чуждыми ея интересамъ иностранцами.

Въ началѣ 1859 года, то-есть за два года до обнародованія манифеста объ освобожденіи крѣпостныхъ, сдѣлались уже извѣстными всѣ главныя основанія и условія, на которыхъ предстояло осуществить эту реформу. Газеты того времени уже получили возможность знакомить читателей съ деталями; первымъ условіемъ реформы ставилось: прекращеніе крѣпостнаго права, разумѣя подъ этимъ право одного лица распоряжаться другимъ лицомъ, какъ движимостью, дарованіе крѣпостнымъ многихъ гражданскихъ правъ личныхъ и преимуществъ, которыми пользуются свободныя податныя сословія за исключеніемъ лишь права выхода изъ имѣнія, которое ограничено на все время переходнаго состоянія. Тогда же былъ въ принципѣ рѣшенъ вопросъ о надѣлѣ землею помѣщичьихъ крестьянъ съ вознагражденіемъ за это владѣльцевъ.

Понятно, что въ ожиданіи реформы купля и продажа населенныхъ земель стали явленіемъ довольно рѣдкимъ. Покупатели воздерживались, боясь встрѣтить впослѣдствіи затрудненія и хлопоты, которыхъ невозможно было и предвидѣть въ такое переходное время. Однако болѣе рѣшительные и предусмотрительные люди,—но ихъ встрѣчалось очень немного,—не боялись неизвѣстности и покупали земли. Конечно, они не остались въ накладѣ, такъ какъ имѣнія въ ожиданіи реформы упали въ цѣнѣ. Помню, что въ 1860 году знакомый мой нѣкто Ш. купилъ небольшое имѣніе въ Херсонской губерніи, тутъ же по сосѣдству съ Кіевской губ. И тогда, и теперь земля въ этой мѣстности цѣнилась выше, нежели въ другихъ. Ш. купилъ имѣніе, уплативъ по 23 рубля за десятину съ купчею. Нечего и говорить, что эта покупка оказалась очень выгодною, и спустя не болѣе десяти лѣтъ Ш. предлагали за это имѣніе по сто руб. за десятину. Иначе говоря, цѣнность земли увеличивалась на 430 проц., а позднѣе, въ 1884 году, владѣлецъ земли г. Ш. не

соглашался продать эту землю и по 200 руб. за десят. Вообще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Херсонской губерніи средняя цифра стоимости земли была 10—12 руб. десятина, въ началѣ семидесятыхъ годовъ—35—40, а въ восьмидесятыхъ—75—80 руб. Изъ этого сопоставленія цифръ видно, какія выгодныя аферы дѣлали денежные люди, покупавшіе въ Херсонской губ. земли наканунѣ отмѣны крѣпостнаго права.

Если въ то время находилось мало желающихъ покупать земли и онѣ упали въ цѣнѣ, то крѣпостная душа не ставилась и въ грошъ. Крѣпостной человѣкъ наканунѣ реформы хотя еще считался движимою собственностью, но право владѣльца на эту собственность было уже осуждено на смерть и не сегодня, такъ завтра должно было прекратить свое существованіе. Помню, что въ то время (въ 1860 году) я прожилъ мѣсяца два въ Кременчугѣ Полтавской губ. и здѣсь не разъ имѣлъ случай бесѣдовать съ помѣщиками по поводу освобожденія крестьянъ.

Въ Кременчугѣ я нанималъ квартиру у одной вдовы, мелкопомѣстной помѣщицы, нѣсколько напоминавшей Коробочку изъ «Мертвыхъ Душъ». При ней жили три дворовыя дѣвушки, по цѣлымъ днямъ сидѣли онѣ за работой,—шили и вышивали. Но это не мѣшало ихъ владѣлицѣ плакаться на нихъ и считать ихъ «дармоѣдками». Наскучивъ слушать ея постоянныя жалобы на эту тему, я замѣтилъ моей квартирной хозяйкѣ, что она легко можетъ избавиться отъ этихъ, по ея мнѣнію, «дармоѣдокъ» и отпустить ихъ на волю. Хозяйка моя даже обидѣлась на меня за такое легкомысленное рѣшеніе вопроса о ея «дармоѣдкахъ».

— Какъ это отпустить!—возразила она съ горечью.—Чѣмъ я хуже другихъ, чтобы такъ зря отпускать своихъ людей. Пусть казна мнѣ за нихъ заплатитъ и пусть беретъ ихъ себѣ.

Напрасно увѣрялъ я, что это вздоръ, что казна заплатитъ за землю, если она пойдетъ въ надѣлъ, а за крѣпостныхъ, тѣмъ болѣе дворовыхъ, никакого вознагражденія не будетъ. Барыня стояла на своемъ, что знакомый ей канцеляристъ увѣрялъ, что за крѣпостныхъ казна заплатитъ, непремѣнно заплатитъ... Вообще помѣщица смотрѣла на предстоящее освобожденіе крестьянъ, какъ на обиду дворянства, увѣряла, что «хамы» сядутъ на шею дворянамъ. На мое замѣчаніе, что впослѣдствіи крестьяне сядутъ намъ, дворянамъ, не на шею, а рядомъ съ нами—помѣщица горячо протестовала, увѣряя, что «съ хама никогда и не будетъ пана»...

Когда нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1865 году, я увидалъ въ земскомъ собраніи бывшихъ крѣпостныхъ людей, засѣдавшихъ въ качествѣ земскихъ гласныхъ рядомъ съ ихъ прежними владѣльцами, мнѣ невольно вспомнился разговоръ съ кременчугскою помѣщицею. Тогда я не помышлялъ, что слова мои такъ скоро оправдаются. Каковы были въ дѣйствительности отношенія между бывшими господами и ихъ преж-

ними крестьянами, когда они сходились, какъ равноправные члены земскаго собранія,—объ этомъ я скажу ниже въ отдѣлѣ моихъ воспоминаній, относящихся къ земству, а теперь замѣчу, что воззрѣнія моей кременчугской хозяйки на «пановъ и хамовъ» раздѣляли многіе, но держали свои убѣжденія про себя, при первомъ случаѣ, наступали ли имъ на мозоль, или нечаянно дотрогивались до больнаго мѣста, въ ихъ рѣчахъ слышалось то же злорадное убѣжденіе, что «хамъ» такъ и останется хамомъ. Впрочемъ, такое явленіе не представляло собою ничего необычайнаго. Вѣдь и теперь, когда прошло болѣе тридцати лѣтъ со дня упраздненія крѣпостнаго права, нерѣдко слышатся рѣчи и совершаются дѣла, напоминающія намъ, что еще живы въ насъ традиціи о «панствѣ и хамствѣ». Эти традиціи не исчезаютъ безслѣдно въ какія-нибудь тридцать лѣтъ и не рѣдко выражаются въ попыткахъ вернуть хоть кое-что изъ того «добраго стараго времени». Но исторія говоритъ, что такія попытки были скоро проходящими явленіями и всегда давали отрицательные результаты.

Въ Кременчугѣ я случайно встрѣтился съ знакомымъ мнѣ помѣщикомъ Курской губер. К—вымъ. Это былъ человѣкъ далеко не заурядный, хотя нѣсколько эксцентричный. К—въ не бралъ чужія идеи напрокатъ и не выдавалъ ихъ за свои, какъ это любятъ дѣлать многіе. По своимъ воззрѣніямъ на крѣпостную реформу, онъ являлся либераломъ, но отрицалъ необходимость надѣленія крестьянъ землею въ той формѣ и на такихъ условіяхъ, какъ это тогда предлагалось къ осуществленію. На мое замѣчаніе, что оставить крестьянъ безъ земли—значитъ отдать ихъ въ кабалу тѣмъ же помѣщикамъ,—будетъ та же крѣпостная зависимость только подъ инымъ соусомъ.

— Ошибаетесь, и очень ошибаетесь,—возразилъ К. Но это понятно, вы молоды, съ условіями деревенскаго быта мало знакомы, а думаете болѣе по-книжному. Но жизнь одно, а книга другое дѣло. Прежде всего скажу вамъ, что я, отрицая надѣленіе крестьянъ землею, исключаю изъ этого усадебную осѣдлость. Въ тотъ день, когда крестьяне будутъ объявлены свободными, они одновременно становятся полными собственниками своихъ усадебъ, съ правомъ распоряжаться ими совершенно свободно по истеченіи перваго трехлѣтія со дня освобожденія. Эти три года, по моему мнѣнію, необходимы для того, чтобы обѣ стороны, помѣщики и крестьяне, могли бы осмотрѣться и установить взаимныя отношенія. Усадебная земля и осѣдлость поступаетъ крестьянамъ въ собственность, и вознагражденіе помѣщиковъ дѣло государства, подушная подать отмѣняется. Съ окончаніемъ перваго трехлѣтія крестьяне получаютъ право повсемѣстнаго свободнаго жительства и переселенія.

— И началось бы великое передвиженіе народа въ поискахъ за

свободными землями, въ итогѣ получился бы страшный сумбуръ,—сказалъ я.

— Это уже дѣло властей позаботиться о томъ, чтобы массовыя передвиженія были толково организованы и основаны не на голословныхъ заявленіяхъ крестьянъ, а на документахъ, свидѣтельствующихъ, что земля, куда переселяется масса, ими арендована на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или куплена. Повѣрьте мнѣ, что, при существованіи такого права и порядка для крестьянъ, помѣщики очень скоро поладили бы съ ними относительно аренды и покупки земель.

Подходимъ къ концу 1860 года. Вся тогдашняя Россія находилась въ ожиданіи близкаго осуществленія великой реформы. Наступилъ новый, 1861 годъ, и 19-го февраля былъ подписанъ памятный въ лѣтописяхъ русской исторіи Высочайшій манифестъ, провозглашавшій упраздненіе крѣпостнаго права.

Въ мартѣ 1861 года я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Одессу, и во время моего тамъ пребыванія, а именно 16-го марта, манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ читанъ во всѣхъ церквяхъ. О впечатлѣніи, какое произвелъ на населеніе этотъ замѣчательный актъ, было писано очень много, и говорить объ этомъ я не буду такъ же, какъ и о первоначальной дѣятельности мировыхъ посредниковъ въ Херсонской губерніи. Я не былъ очевидцемъ ихъ дѣятельности за то время, такъ какъ съ 1861 по 1863 годъ жилъ въ Бессарабіи, гдѣ крѣпостное право не существовало. Замѣчу только, что упраздненіе крѣпостнаго права и введеніе новыхъ порядковъ, сопряженныхъ съ реформой, не сопровождалось въ Херсонской губерніи выдающимися инцидентами. Впослѣдствіи, поселившись въ названной губерніи, въ 1863 году я познакомился съ однимъ изъ выдающихся мировыхъ посредниковъ, перваго трехлѣтія, долго остававшимся въ этой должности въ послѣдующіе годы. Флоръ Порфирьевичъ Перепелицынъ—такъ звали этого посредника, принадлежалъ къ людямъ эпохи сороковыхъ годовъ. Довольно крупный землевладѣлецъ Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, онъ, въ молодости, служилъ въ военной службѣ, а потомъ, выйдя въ отставку, занимался хозяйствомъ. Призванный на должность мироваго посредника въ первое трехлѣтіе, онъ всецѣло посвятилъ себя служенію этому новому и трудному дѣлу. Регулируя взаимныя отношенія на новыхъ началахъ помѣщиковъ и крестьянъ, Ф. П. Перепелицынъ не мирволилъ ни одной изъ сторонъ и всегда былъ на сторонѣ правды и справедливости. Слабѣйшая сторона, то-есть крестьяне, всегда знали, что Ф. П. Перепелицынъ не покривитъ душой, и если ихъ дѣло было правое, то имъ нечего было сомнѣваться въ томъ, что рѣшеніе послѣдуетъ въ ихъ пользу. Крестьяне питали неограниченное довѣріе къ своему посреднику, который отнюдь не поблажалъ имъ; являлся, на-

противъ, требовательнымъ, но только требовательнымъ. Умѣлъ въ коротких словахъ объяснить суть, и крестьяне вѣрили ему и любили его, хотя побаивались. Землевладѣльцы, бывшіе помѣщики, не совсѣмъ долюбливали Ф. П. Перепелицына за его прямолинейность и настойчивость, и въ шутку звали его лендлордомъ, но уважали за безукоризненную честность и твердость убѣжденій. Когда впослѣдствіи (въ 1865 г.) были введены въ Херсонской губерніи земскія учрежденія, Ф. П. Перепелицынъ вскорѣ заявилъ себя, какъ выдающійся земскій гласный, всегда горою стоявшій за всѣ лучшія начинанія земства. Голосъ его, въ земскихъ собраніяхъ, имѣлъ большое значеніе; къ этому голосу прислушивались и вѣрили гласные отъ крестьянъ, и хотя въ этомъ собраніи были, въ числѣ гласныхъ, и другіе мировые посредники, но ни одинъ изъ нихъ не пользовался такимъ довѣріемъ, какъ Ф. П. Перепелицынъ, хотя это былъ самый требовательный изъ всѣхъ посредниковъ. Теперь Ф. П. Перепелицынъ уже нѣсколько лѣтъ покоится на своемъ деревенскомъ кладбищѣ, и я счелъ своимъ долгомъ помянуть добрымъ словомъ этого полезнаго общественнаго дѣятеля и добраго человѣка, котораго я хорошо зналъ и съ которымъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, поддерживалъ сношенія.

Съ 1863 года, то-есть въ концѣ перваго трехлѣтія со времени введенія крестьянской реформы, я на долго поселился въ Херсонской губерніи. Живя, работая и постоянно вращаясь въ земской средѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, послѣ отмѣны крѣпостнаго права, я былъ наблюдателемъ и свидѣтелемъ постояннаго роста экономическаго кризиса, начавшагося еще за годъ до паденія крѣпостнаго права, кризиса, который въ настоящее время (1894 г.), по прошествіи почти тридцати четырехъ лѣтъ, приближается, повидимому, къ своей кульминаціонной точкѣ. Достигнувъ этой точки, онъ пойдетъ на убыль, а покуда совсѣмъ исчезнетъ его слѣдъ — пройдетъ, вѣроятно, около сорока лѣтъ. Въ настоящее время еще живы милліоны людей, считавшихся когда-то крѣпостными, сознательно и отчетливо помнящіе то время; живы также многіе изъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ. Эти два представителя дореформенной земли русской наиболѣе потерпѣли отъ кризиса. По волѣ судьбы они должны были первыми встрѣтить бурю, и она оставила на нихъ наибольшій слѣдъ.

Всѣ ожидали, что будетъ буря, но къ встрѣчѣ и борьбѣ не приготовились, за немногими развѣ исключеніями. Нужно было скоро и толково приспособиться къ новому порядку вещей, а сдѣлать это сумѣли немногіе. Однимъ недоставало воли и энергіи, другіе, обладая этими качествами, не имѣли оборотнаго капитала. Выкупныя свидѣтельства, будучи реализованы, могли бы поддержать многихъ, но большая часть

этихъ свидѣтельствъ ушла на покрытіе казенныхъ долговъ, которыхъ не догадались разсрочить на продолжительное время. Никогда такъ настоятельно, такъ неотложно не нуждался сельскій хозяинъ въ дешевомъ кредитѣ, какъ въ первыя десять лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Кредитъ нуженъ былъ не только долгосрочный, но и кратковременный, а его-то и не было въ первые годы. Помѣщики занимали деньги, платя полтора и два процента въ мѣсяцъ.

Землевладѣльцы Херсонской губерніи и вообще Новороссійскаго края, какъ люди болѣе предпріимчивые, успѣли прежде другихъ организовать взаимопомощь, въ видѣ банка на взаимныхъ началахъ. За образецъ было взято давно уже существовавшее въ Царствѣ Польскомъ кредитное общество, и въ Одессѣ былъ открытъ херсонскій земскій банкъ, но это случилось лишь въ 1865 году, когда отъ выкупныхъ свидѣтельствъ осталось одно лишь воспоминаніе, и когда многіе сельскіе хозяева были уже обременены частными долгами. Огромное большинство землевладѣльцевъ поспѣшили воспользоваться услугами вновь открытаго банка, и денежный рынокъ наполнился закладными листами этого кредитнаго учрежденія. Заемщики въ первые годы вынуждены были продавать закладные листы по 65 и 62 руб. за сто, теряя, такимъ образомъ, отъ 350 до 380 рублей на каждой тысячѣ. А между тѣмъ, банкъ стоялъ прочно, былъ чуждъ всякаго риска и спекуляцій, и листы его давали ихъ владѣльцамъ $5^1/_2$ процентовъ интереса, а на самомъ дѣлѣ гораздо больше, если принять въ соображеніе, какъ дешево они ихъ покупали.

Понятно, что денежные люди, скупая эти процентныя бумаги съ такою большою скидкою, дѣлали очень выгодную аферу и наживались на счетъ сельскихъ хозяевъ. Почти одновременно съ появленіемъ на биржѣ закладныхъ листовъ херсонскаго земскаго банка, былъ выпущенъ 1-ый внутренній съ выигрышами заемъ, билеты котораго, какъ извѣстно, очень быстро пошли въ гору и вскорѣ достигли 175 р. за 100. Были случаи, когда спекуляторы, продавъ на крупную сумму билеты внутренняго съ выигрышами займа, по 175 руб. за 100, покупали затѣмъ закладные листы херсонскаго земскаго банка по 65 руб. за 100 и, такимъ образомъ, въ короткое время, болѣе чѣмъ удвоивали свое состояніе. Тогдашнее министерство финансовъ относилось весьма индифферентно къ нуждамъ сельскихъ хозяевъ въ кредитѣ и не оказывало должной поддержки херсонскому земскому банку.

Крестьяне, освободившись отъ крѣпостной зависимости и вступивъ въ «условное» владѣніе надѣльными землями, съ первыхъ же лѣтъ были обременены тяжелымъ долгосрочнымъ обязательствомъ (выкупные платежи), а также многими сборами, постоянно возроставшими и поглощавшими заработки крестьянъ, получаемые на сторонѣ. Надѣльной земли

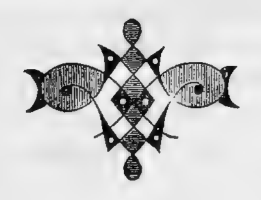
хватало на прокормленіе семьи, скота и на самыя необходимыя нужды для домашняго хозяйства, а когда современемъ населеніе увеличилось, то потребовалось обратиться къ арендѣ казенныхъ и частныхъ земель.

Таково было положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ первыя три трехлѣтія послѣ упраздненія крѣпостнаго права. О помѣщикахъ я уже говорилъ выше, и теперь предоставляю самому читателю рѣшить вопросъ: кто изъ этихъ двухъ представителей дореформенной земли русской находился въ лучшемъ положеніи при самомъ началѣ новаго порядка вещей, созданнаго отмѣною крѣпостнаго права.

Если благотворные результаты этой реформы еще далеко не проявились во всей своей силѣ, то это потому, что въ послѣдующіе годы было сдѣлано противниками реформы все возможное для того, чтобы ослабить ея значеніе.

Не стану распространяться здѣсь по поводу этого обстоятельства и ограничусь замѣчаніемъ, что, не будь искусственныхъ тормозовъ, экономическій кризисъ, вызванный крѣпостной реформой, проявился бы въ гораздо слабѣйшей степени и не былъ бы такъ продолжителенъ. Всѣ попытки возвратиться «домой» — въ результатѣ привели къ тому, что немало помѣщиковъ и много крестьянъ оказались «бездомными».

Неизвѣстный.

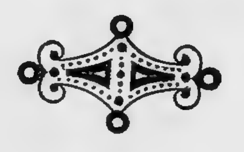
*

Дворянинъ-дезертиръ.

Указъ Правительствующаго Сената 1-го іюня 1799 года.

Объявляется во всенародное извѣстіе.

Въ Имянномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ Указѣ, объявленномъ Сенату минувшаго Маія въ 31 день Его Свѣтлостью господиномъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Генералъ-Прокуроромъ и Кавалеромъ Княземъ Петромъ Васильевичемъ Лопухинымъ, изображено: «Его Императорское Величество, получа рапортъ Генералъ-Маіора Лыкошина отъ 14-го сего Маія, что Кирасирскаго полку его имяни унтеръ-офицеръ изъ Дворянъ Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, деревни Толубьевой Александръ Митьковъ сего мѣсяца 11-го числа во время слѣдованія полку въ границы Цесарскія чрезъ городъ Брестъ-Литовской, изъ онаго бѣжалъ; Высочайше указать соизволилъ публиковать съ тѣмъ, что какъ таковой побѣгъ Дворянина есть не обычайной, то бы публикація о семъ поступкѣ его прибита была вездѣ въ публичныхъ мѣстахъ къ столбамъ». Правительствующій Сенатъ приказали: Во исполненіе сего Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія о поступкѣ Дворянина Митькова публиковать печатными Указами; что симъ и исполняется.

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА
ДОКТОРОВЪ-ИНОЗЕМЦЕВЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ МОСКВѢ.

(По бумагамъ Аптекарскаго приказа).

I.

Введеніе.

Исторія докторовъ-иноземцевъ въ древней Руси крайне не полна и отрывочна. Причина этого,—какъ и вообще причина неполноты всей русской исторіи,—кроется въ худомъ содержаніи и состояніи нашихъ архивовъ. Матеріалы изъ нихъ ежегодно и ежедневно уничтожаются, не будучи обнародованы. Появленіе архивныхъ матеріаловъ въ печати всегда, за рѣдкими исключеніями, случайно: ихъ никто не бережетъ и всякій хочетъ истребить, какъ ненужный хламъ,—и только взглядъ просвѣщеннаго человѣка иногда спасаетъ ихъ отъ гибели, путемъ перепечатки этихъ матеріаловъ прежде ихъ уничтоженія. Примѣровъ этому можно привести много. Почти такой же случайности мы обязаны сохраненіемъ древнихъ столбцовъ, книгъ и документовъ Аптекарскаго приказа, учрежденнаго царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и вѣдавшаго всѣ дѣла докторовъ, лѣкарей, аптекарей, алхимистовъ, костоправнаго и непучиннаго дѣла мастеровъ, и вообще всѣхъ лицъ, причастныхъ къ медицинѣ.

Документы эти не нашелъ даже составитель «Исторіи медицины въ Россіи», Рихтеръ, и считалъ ихъ погибшими во время московскаго пожара 1812-го года.

А между тѣмъ они хранились гдѣ-то, постепенно терялись и разрознивались—и черезъ двѣсти почти лѣтъ случайно оказались въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 14-ти папкахъ!..

Четырнадцать папокъ за столѣтнее почти существованіе Аптекарскаго приказа, когда любили о казенномъ дѣлѣ писать основательно, оглядываясь на прежде бывшіе примѣры, выписывая «въ примѣръ», повторяя содержаніе челобитья нѣсколько разъ,—четырнадцать папокъ слишкомъ мало. Видимо, что эти матеріалы постигла общая горькая участь архивовъ въ Россіи: ихъ растаскали, погноили, продавали на пуды въ мелочныя лавки, раскурили съ махоркою!

Потомъ эти несчастные остатки дѣлъ Аптекарскаго приказа какой-то добрый человѣкъ нашелъ (великое ему за это спасибо!) собралъ въ четырнадцать картоновъ и похоронилъ въ архивѣ министерства внутр. дѣлъ.

Тамъ эти документы лежали еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, ускользнувши отъ вниманія Рихтера и не принеся въ свое время должной пользы для его изслѣдованія.

Только въ концѣ семидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, то-есть почти черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія Аптекарскаго приказа и черезъ двадцать почти лѣтъ послѣ выхода сочиненія Рихтера, матеріалы эти увидѣли свѣтъ: были разобраны, прочтены и напечатаны.

Этимъ добрымъ и важнымъ для исторіи дѣломъ мы обязаны иниціативѣ и руководству вице-директора Медицинскаго департамента Н. Е. Мамонова.

Оставшіеся для обнародованія матеріалы составили томъ въ 1.304 страницы; они расположены хронологически, хотя не всегда строго, но затѣмъ, никакихъ указателей, ни предметнаго, ни именнаго, ни простаго общаго оглавленія не составлено. 1680 №№ бумагъ самаго разнообразнаго содержанія представляютъ немалое затрудненіе, чтобы разобраться въ нихъ безъ указателей.

Но спасибо и за то, что сдѣлано; отнынѣ матеріалы эти застрахованы отъ гибели и доступны для изученія.

При разсматриваніи ихъ, мало извѣстная доселѣ исторія докторовъ-иноземцевъ при царскомъ дворѣ нѣсколько разъясняется, хотя по отсутствію многихъ бумагъ, которыя должны бы тамъ находиться,—полной картины и не получается. Но тѣмъ не менѣе изъ оставшихся матеріаловъ можно извлечь кое-что для бытовой исторіи пребыванія докторовъ-иностранцевъ въ Москвѣ, на службѣ Его Царскому Величеству, въ приказахъ старой и новой аптеки.

Прежде всего бросается въ глаза несправедливость общераспространеннаго мнѣнія, что въ древней Руси съ иноземцами-докторами обращались презрительно, относились къ нимъ свысока и при случаѣ всячески обижали и обсчитывали, надѣясь на ихъ безпомощность въ чужой и дикой странѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе подлинныхъ документовъ убѣждаетъ насъ въ совершенно противномъ.

Докторамъ-иноземцамъ платили очень большія жалованья, мѣсячный кормъ, деньгами и натурою; дарили имъ для жительства прекрасные дома изъ означенныхъ на государево имя опальныхъ имуществъ, жаловали деньги на домовое строенье, награждали «за выѣздъ» на службу въ Московское государство, «на отъѣздѣ», когда кто хотѣлъ, воротиться домой. Лѣченіе царя и лицъ царскаго семейства, даже ближнихъ слугъ государя, всегда было вознаграждаемо особо «въ приказъ», то-есть въ сверхсмѣтную награду, серебряными кубками, соболями и камками.

Докторамъ былъ дарованъ особый судъ, свой въ Аптекарскомъ приказѣ, и они не платили никакихъ судебныхъ пошлинъ. Если приходили къ докторамъ изъ-за границы «запасишки», «рухлядишки», а иногда и «коретишки», то по челобитью давались имъ казенныя подводы отъ Архангельска до Москвы.

Наконецъ, на всѣ челобитья докторовъ, лѣкарей, аптекарей, алхимистовъ и прочихъ чиновъ Аптекарскаго приказа въ обнародованныхъ документахъ нѣтъ никогда отказа, за исключеніемъ одного или двухъ случаевъ.

Докторами-иноземцами дорожили, цѣнили ихъ и относились къ нимъ снисходительно даже тогда, когда они заслуживали наказанія по русскимъ законамъ.

Все это подтверждается выписками изъ подлинныхъ документовъ которыя мы приведемъ въ рядѣ слѣдующихъ за симъ очерковъ.

II.

Доктора изъ поколѣнія въ поколѣніе.

1. Артманъ и Михель Грамоны.

Лучшимъ доказательствомъ гуманнаго отношенія русскаго правительства къ докторамъ-иноземцамъ служитъ то, что въ періодъ существованія Аптекарскаго приказа находится нѣсколько примѣровъ службы Московскому государству въ докторахъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну, отъ дяди къ племяннику.

Докторъ Артманъ Грамонъ, служившій московскому государю около двадцати лѣтъ, пользовавшійся, какъ видно, большимъ довѣріемъ и авторитетомъ (онъ давалъ свое мнѣніе о инрогавой кости, изслѣдовалъ государеву мочу, отворялъ государю жильную кровь, преслѣдо-

валъ самозванныхъ докторовъ) и получавшій послѣ Венделинуса Сабилиста самое большое жалованье въ 300 рублей въ годъ и 60 рублей въ мѣсяцъ, кромѣ корму натурою, дровъ, сѣна и овса для лошади [1]), въ 1655-мъ году, будучи уже пожилымъ человѣковъ, заболѣлъ и ему прекращена была выдача денежнаго мѣсячнаго съ марта мѣсяца 1655 года. Черезъ два почти года, въ январѣ 1656 года Артманъ Грамонъ подалъ государю челобитную:

«Царю, Государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой, Аптекарскаго приказу докторъ Артманка [2]) Грамонъ. По твоему государеву указу оставленъ былъ я, холопъ твой, на Москвѣ за болѣзнью; и какъ я, холопъ твой, отъ болѣзни сталъ обмогатца,—и я, холопъ твой, былъ у твоего государева дѣла въ Аптекарскомъ приказѣ по вся дни безпрестанно и твои государевы аптекарскіе дѣла всякіе дѣлалъ».

Далѣе докторъ просилъ выдать ему денежный мѣсячный кормъ за все время его болѣзни—и въ тотъ же день эта выдача была ему разрѣшена безъ всякихъ вычетовъ за одиннадцать мѣсяцевъ.

Едва онъ сталъ обмогаться самъ, какъ заболѣла его жена и въ февралѣ того же 1656 года умерла. 20-го февраля докторъ подаетъ царю Алексѣю Михайловичу челобитную, гдѣ пишетъ:

«Въ нынѣшнемъ, Государь [3]), во 164-мъ году [4]), февраля въ—день

[1]) Въ росписи Аптекарскаго приказа «что кому жалованья денежнаго и корму конскаго, и питья» за 1645 годъ доктору Артману Грамону (вмѣстѣ съ докторомъ Яганомъ Бѣлово) было выведено: годоваго жалованья 220 рублей (послѣ возвысили до 300), мѣсячнаго 60 рублей, да натурою ему выдавалось:

Поденнаго питья изъ дворца: по 4 чарки вина боярскаго, по кружкѣ романеи человѣку на день.

Да за красные и бѣлые меды: по 13-ти пудъ меду прѣснаго человѣку на годъ; за поддѣльныя (приправленныя разными специями для вкуса) и простыя пива—по 39 четвертей солоду ячнаго, по 4 четверти муки овсяной, по 5-ти пудъ хмѣлю человѣку на годъ.

Съ хлѣбеннаго дворца—по калачу на день.

Да конскаго корму: по 4 четверти съ осьминою овса, по 5-ти острамковъ сѣна человѣку на мѣсяцъ, а на годъ имется по 54-ти четверти овса, по 60-ти острамковъ сѣна человѣку.

Подобныя же дачи натурою аптекарямъ и лѣкарямъ меньшей статьи шли, все постепенно уменьшаясь въ количествѣ.

[2]) Названіе холопа и имя въ уничижительномъ видѣ были обязательны въ челобитныхъ для просителей, когда они обращались отъ себя къ особѣ царя. Но во всѣхъ другихъ бумагахъ ихъ именовали полными именами.

[3]) Мы опускаемъ стереотипное начало всякой челобитной: «Царю, Государю» и такъ далѣе.

[4]) Значитъ въ 7164 году отъ сотворенія міра; тысячная цифра обыкновенно отнималась. Вычитая 5.508 изъ этого числа, получаемъ 1656 годъ.

жены моей не стало, а послѣ, Государь, жены моей остались дѣтки мои малы: сынишко мой Севалдуска-Констянусъ, да двѣ дочеришки мои: Марьица-Елизаветъ, да Сузанна-Магдалыни, да племянница Марьица; а учить тѣхъ дѣтишекъ моихъ безъ матери некому. Милосердый Государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего: вели, Государь, тѣхъ моихъ дѣтишекъ и племянницу отпустить въ свою землю для ученья, и вели, Государь, отпустить съ ними-жъ людишекъ моихъ: человѣка моего Клеуша Пертензона съ женою его Причатою да двое дѣтей его, да мамку дѣтей моихъ Варварку съ дочерью съ дѣвкою, да служащую Маргретку, и вели, Государь, дать свою государеву проѣзжую грамоту и подводокъ съ проводникомъ, какъ тебѣ, милосердому Государю, Богъ извѣститъ, чтобы дѣтишекъ моихъ и съ людишками пропустили въ свою землю для наученья».

Столь справедливая просьба стараго и вѣрнаго слуги была разрѣшена въ тотъ же день: «по государеву указу бояринъ Илья Даниловичъ Милославской приказалъ ихъ отпустить и дать память въ Посольскій приказъ».

Въ Посольскомъ приказѣ должны были изготовить имъ всѣ нужныя бумаги для иностранныхъ государствъ.

Отпустивъ своихъ дѣтей за море, Артманъ Грамонъ остался въ Москвѣ на государевой службѣ со своимъ племянникомъ Михелемъ Грамономъ, котораго онъ обучалъ докторской наукѣ. Вообще, у всѣхъ докторовъ-иноземцевъ были ученики лѣкарскаго дѣла изъ русскихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ выходили потомъ лѣкаря, и служили государеву службу при полкахъ и въ походахъ, подъ руководствомъ докторовъ привилегированныхъ.

Черезъ два года по отпускѣ дѣтей за море, въ 1658 году, Артманъ Грамонъ умеръ въ Москвѣ, оставивъ племянника Михеля недоученнымъ.

Михель Грамонъ билъ царю челомъ, чтобы отпустилъ его за море доучиваться до настоящаго доктора, и былъ отпущенъ съ повелѣніемъ, выучившись, служить въ Москвѣ. Это повелѣніе возвратиться на государеву службу даетъ поводъ предполагать, что Михель Грамонъ былъ отправленъ и учился за границею на царскій счетъ.

Черезъ семь лѣтъ послѣ отправки Михеля Грамона въ 1666 году, изъ Москвы въ Новгородъ, гдѣ обыкновенно принимали пріѣзжихъ изъ-за моря иностранцевъ (черезъ Архангельскъ, единственный нашъ портъ въ то время), была послана грамота:

«Отъ царя и т. д. въ нашу отчину, въ великій Новгородъ, боярину нашему и воеводѣ князю Василію Григорьевичу Ромодановскому да дьяку нашему Семену Углецкому.

Въ прошломъ 167 (1666 году) по нашему указу отпущенъ въ Цысарскую землю для подлиннаго дохтурскаго ученія Артмана Грамона племянникъ Михель, по его челобитью. А какъ онъ въ Цысарской землѣ дохтурскому дѣлу выучитца,—и ему велѣно быть въ Москвѣ. И нынѣ вѣдомо намъ, великому Государю, учинилось, что Михель Грамонъ дохтурскому дѣлу выучился и живетъ въ Нѣмецкой землѣ, въ городѣ Гене (Іенѣ?)

И мы, великій Государь, указали дохтуру Артманову племяннику Михелю изъ Цысарской земли быть къ Москвѣ».

Далѣе указывалось по прибытіи доктора дать ему подводы, «на чемъ мочно поднятца», отправить къ Москвѣ безъ задержанія давши «для береженья» провожатыхъ «сколько человѣкъ пригоже», жалованье и кормъ, а самому Михелю Грамону явиться, по пріѣздѣ въ Москву, въ Аптекарскій приказъ, къ боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому, начальнику приказа.

Михель Грамонъ пріѣхалъ въ Москву служить въ слѣдующемъ 1667 году, и ему былъ учиненъ слѣдующій окладъ:

Годоваго жалованья 150 рублей и по 45 рублей мѣсячнаго корму, всего 690 рублей.

Окладъ для молодаго нововыѣзжаго доктора очень высокій по тому времени, который возможно объяснить удовольствіемъ государя, что посланный имъ молодой человѣкъ выучился, сталъ «совершеннымъ докторомъ» и воротился къ нему на службу.

Михель Грамонъ прослужилъ Московскому государству десять лѣтъ, женился въ Москвѣ, обзавелся дѣтями и въ 1677-мъ году былъ, по указу царя Θеодора Алексѣевича, отказанъ отъ Аптекарскаго приказа, одновременно съ саксонскимъ интриганомъ, попавшимъ въ доктора Лаврентьемъ Рингуберомъ [1]) и докторомъ французомъ Петромъ Пантанусомъ.

Одновременность отставки Михеля Грамона съ отставкою такого подозрительнаго и безпокойнаго человѣка, какъ Лаврентій Рингуберъ, даетъ поводъ предполагать, что Грамонъ былъ запутанъ Рингуберомъ въ какую-нибудь немаловажную исторію, если принуждены были отставить столь долго прослужившаго доктора, какъ Грамонъ.

Всѣмъ троимъ отставленнымъ докторамъ предоставлено было ѣхать въ свою землю, откуда кто пріѣхалъ, «а кто изъ нихъ похочетъ быть на Москвѣ,—и имъ жить на Москвѣ на своихъ проторяхъ, а

---

[1]) О Лаврентіи Рингуберѣ есть изслѣдованіе П. Пирлинга: «Un medecin-diplomate. Laurent de Rinhouber. Paris. 1893, и извлеченіе изъ этой книги: «Саксонскій бродяга въ Москвѣ». «Нов. Время» 1893 г. 13-го марта, № 6120.

великаго Государя жалованья—корму имъ не давать. И лѣчить имъ всякихъ чиновъ людей, а лѣкарства имѣть изъ Аптекарскаго приказа, а не своими лѣкарствы».

Однако доктора не согласились остаться въ Москвѣ и практиковать на свой страхъ и рискъ—и всѣ уѣхали въ свои земли: Грамонъ и Рингуберъ скоро, а Петръ Пантанусъ остался въ Москвѣ, и въ слѣдующемъ году въ январѣ есть еще его краснорѣчивая челобитная о принятіи его вновь на службу, такъ какъ онъ «вины своей не знаетъ».

Но его все-таки не оставили и, уплативъ жалованье (о наградѣ «на выѣздъ» неизвѣстно), отпустили за море.

Оставивъ безъ челобитья, Михелю Грамону выдали деньгами и собольми все причитающееся ему жалованье по день отставки, 10 апрѣля 1677 года и, кромѣ того, въ награду за службу да «на подъемъ на отпускѣ» на триста рублей соболей, двадцать подводъ отъ Москвы до Архангельска и государеву проѣзжую грамоту, «чѣмъ бы ему съ женишкою и дѣтишками доѣхать и предъ нѣмцами государевою милостью хвалиться».

2. Яганъ и Бернардъ Розенбурги.

Въ Аптекарскій приказъ пришелъ 30 сентября 1666 года «торговой иноземецъ» Мартынъ Беклеръ и сказалъ начальнику приказа, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому:

«Писалъ ко мнѣ изъ нѣмецкой земли иноземецъ Іоганъ фанъ-Горенъ, что въ городѣ Любкѣ (Любекѣ) живетъ Цесарской (Австрійской) земли дохтуръ Яганъ, Кустеріусъ (Костеріусъ, Розенбургъ). И только того дохтура государь изволитъ призывать къ Москвѣ,—и онъ Іоганъ фанъ-Горенъ того доктора учнетъ призывать на службу въ Московское государство. А тотъ-де Яганъ Кустеръ—докторъ добрый и ученый, бывалъ въ академеи и учился, и послать бы къ нему Государева опасная грамота, противъ оныхъ докторовъ, какъ посылать грамоты инымъ докторамъ».

Выслушавъ заявленіе торговаго иноземца Мартына Беклера, начальникъ Аптекарскаго приказа, бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій велѣлъ своему дьяку Ивану Десятово изготовить государю докладъ съ вопросомъ: «О дохтурѣ Еганѣ какъ Государь укажетъ»? Черезъ пять дней октября 5-го Алексѣй Михайловичъ указалъ того доктора звать въ Московское государство и послать ему изъ Аптекарскаго приказа опасную грамоту.

Опасныя и призывныя грамоты (образца которыхъ не находится среди оставшихся матеріаловъ Аптекарскаго приказа) изготовлялись

въ Посольскомъ приказѣ, и указъ объ изготовленіи ихъ былъ посланъ къ начальнику Посольскаго приказа, думному дьяку Алмазу Иванову съ товарыщи.

По этимъ призывной и опасной грамотамъ докторъ Яганъ Костеріусъ (онъ же Розенбургъ), человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ (пятидесяти трехъ), женатый, имѣвшій дѣтей, пріѣхалъ служить московскому государю въ томъ же году.

Яганъ Розенбургъ прибылъ въ Москву съ женою и съ двоими малолѣтними сыновьями, а третій, старшій, сынъ былъ оставленъ за границею, гдѣ онъ учился, чтобы впослѣдствіи стать, какъ и отецъ его, докторомъ.

Въ Москвѣ Ягану Розенбургу отвели для жительства домъ торговаго иноземца Артемья Артемьева, купленный царемъ подъ помѣщеніе для докторовъ, въ Бѣломъ городѣ, у Яузскихъ воротъ.

Домъ, отведенный Розенбургу, судя по цѣнѣ въ двѣ тысячи восемьсотъ рублей, былъ большой, съ каменнымъ и деревяннымъ всякимъ строеньемъ.

Прежде Ягана Розенбурга въ этомъ домѣ жилъ докторъ Самойло Каллинусъ, уѣхавшій въ 1667 году въ свою землю.

Поселившись въ казенномъ домѣ и получивъ годовой окладъ и мѣсячный кормъ (неизвѣстенъ его первоначальный окладъ, но впослѣдствіи онъ получалъ очень большое, сравнительно, жалованье: годовое въ 250 рублей и мѣсячнаго корму по 72 рубля на мѣсяцъ, всего 1.114 рублей въ годъ помимо дачъ натурою: дровъ, сѣна, овса для лошадей и прочаго и экстраординарныхъ наградъ «въ приказъ»), Яганъ Розенбургъ началъ служить московскому государю, лѣча царя, дворъ его и «разныхъ чиновъ людей» и, видимо, что московская служба пришлась ему по душѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1672 г., онъ вызвалъ изъ Пруссіи племянника своего Ягана Зеттигаста и опредѣлилъ въ Аптекарскій приказъ въ «алхимисты» (особая разновидность аптекаря) съ жалованьемъ 50 рублей въ годъ и по 5 рублей мѣсячнаго корма,—110 р. всего.

Черезъ два года по вызовѣ племянника, Яганъ Розенбургъ вызвалъ въ Московское государство и сына своего, Бернарда Розенбурга, окончившаго ученье и получившаго степень доктора.

Въ 1674 году прибылъ въ Москву Бернардъ Розенбургъ и получилъ окладъ: годоваго жалованья 100 рублей и мѣсячнаго корму по 30 рублей на мѣсяцъ —всего 460 рублей въ годъ, помимо награды «за выѣздъ».

Нововыѣзжій докторъ помѣстился въ домѣ отца своего, и по этому случаю, въ награду за выписку сына, Ягану Розенбургу былъ отданъ въ собственность тотъ каменный домъ, въ которомъ онъ былъ

помѣщенъ. Въ годъ пріѣзда сына, Яганъ Розенбургъ получилъ изъ Земскаго приказа «д а н н у ю» на занимаемый имъ домъ, - «почему ему и женѣ ево и дѣтемъ тѣмъ дворомъ владѣть—и в о л ь н о е м у т о т ъ д в о р ъ п р о д а т ь и з а л о ж и т ь».

Черезъ годъ съ небольшимъ 13-го марта 1676 года, нововыѣзжій докторъ Бернардъ Розенбургъ «волею божіею умре» и былъ похороненъ по иноземному обряду на кладбищѣ Нѣмецкой слободы.

Черезъ семь мѣсяцевъ октября 2-го, отецъ Бернарда подалъ царю челобитную, гдѣ писалъ:

(Начало выпущено) «Изволеніемъ всесильнаго Бога въ прошломъ во 184-мъ году сынишко мой дохтуръ Борисъ (Бернардъ) Розенбурхъ умре, и я, холопъ твой, для погребенія сына своего у пріятелей и у сродичей своихъ въ долгъ занялъ рублей здвести и болши — и тѣмъ сына своего похоронилъ. А нынѣ, государь, мнѣ тѣхъ долговъ п л а т и т ь н е ч ѣ м ъ, а на похороны сынишку моему изъ твоей Государевой казны н и ч е г о н е д а н о, а прежнимъ, Государь, дохтурамъ твое государево жалованье на похороны изъ казны д а в а н о. Милосердый Государь (титулъ) Ѳеодоръ Алексѣевичъ (титулъ), пожалуй меня, холопа своего, за мои и сынишка моего къ тебѣ, Великому Государю, службишки, вели, Государь, на похороны сына моего изъ своей Государевы казны выдать деньги п р о т и в ъ е в о б р а т ь и, или чѣмъ тебѣ, великій Государь, Богъ извѣститъ, чѣмъ бы было мнѣ, холопу твоему, долги оплатить».

Конечно, такое челобитье не было вызвано истинною нуждою, потому что Яганъ Розенбургъ получалъ о г р о м н о е, по тому времени, жалованье и жилъ въ с о б с т в е н н о м ъ домѣ, подаренномъ ему царемъ. И не корысть главнымъ образомъ, побуждала писать такія прошенія царю. Главною побудительною причиною тутъ было с а м о л ю б і е, дескать, д р у г и м ъ докторамъ д а в а н о, такъ, «чтобы и мнѣ предъ моею братьею докторами о с к о р б л е н у н е б ы т ь», чтобъ не болтали въ Новонѣмецкой слободѣ, что вотъ тому-то, молъ, дали, а тебѣ не дали,—знатно, ты не заслужилъ царской милости!..

Всякое челобитье о выдачѣ денегъ вызывало въ Аптекарскомъ приказѣ, какъ и во всѣхъ, в ы п и с о к ъ и з ъ п р е ж н и х ъ п р и м ѣ р о в ъ: какъ и когда подобныя выдачи дѣлались?

Челобитье Ягана Розенбурга, когда пошло на «выписку напримѣръ», открываетъ такой фактъ выдачи на погребенье: за десять лѣтъ до пріѣзда Ягана Розенбурга въ Московское государство въ 1656 году, выдано было вдовѣ доктора Ягана Фонъ-Фреде Еленѣ на погребенье мужа ея 50 рублей, да заслуженнаго его жалованья 100 рублей.

Ягану Розенбургу на похороны сына выдано было 50 рублей—сумма по тому времени крупная.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого Яганъ Розенбургъ рѣшилъ отослать своихъ дѣтей за границу и обратился къ царю Ѳеодору Алексѣевичу съ челобитьемъ:

«Въ прошлыхъ, Государь, чадѣхъ выѣхалъ на ваше Государьское имя племянникъ мой Иванъ Еѳимовъ (Зеттигастъ), и безъ нево, племянника моево, въ Пруской земли отецъ ево и мать померли, а животами ихъ владѣютъ чюжіе люди, а у меня, холопа твоего, здѣсь на Москвѣ сынишка мой Адолека въ малыхъ лѣтѣхъ. Милосердый Государь (титулъ), пожалуй меня, холопа твоего, вели, Государь, того сынишка моего отпустить съ нимъ, племянникомъ моимъ Иваномъ, въ Прускую землю къ сродичамъ моимъ для ради наученья сынишку моему, а здѣсь, Государь, на Москвѣ учить мнѣ никоими мѣры нельзя. А ево, племянника моево Ивана, вели, Государь, отпустить на два мѣсяца, а съ чужими, Государь, людьми послать мнѣ своего сынишку нельзя, потому что онъ въ малыхъ лѣтѣхъ; и чтобъ ево, Ивана, отцовскими животами чюжіе люди не завладѣли».

Замѣчателенъ здѣсь фамильярный тонъ челобитья: докторъ разсказываетъ царю свои семейныя дѣла, какъ сынъ отцу, убѣждая его распорядиться для поправки этихъ дѣлъ.

Написана была эта челобитная, конечно, русскимъ опытнымъ подъячимъ, знающимъ стиль и выраженія такого рода бумагъ. Въ этихъ матеріалахъ есть указанія, что челобитныя писалъ «подъячій дворцовой площади» въ Кремлѣ, къ которому, какъ къ спеціалисту по писанью челобитныхъ на имя царя, и сходились всѣ, имѣвшіе нужду въ этомъ.

Разспросивъ подробно иноземца о томъ, чего онъ хочетъ, площадной подъячій ломаную русскую рѣчь просителя облекалъ въ строго-опредѣленную стереотипную и чисто русскую форму челобитной, гдѣ коротко и ясно излагалась сущность просьбы. Впослѣдствіи мы увидимъ прошенія иностранцевъ, поданныя на латинскомъ, нѣмецкомъ, или иномъ языкѣ и переведенныхъ толмачами,—но какая разница между этими витіеватыми прошеніями и русской челобитной!.. Какъ далеко этимъ прошеніямъ до краткости, точности и ясности русскихъ челобитныхъ!

Въ тотъ же день, когда писалась вышеприведенная челобитная, Яганъ Розенбургъ надумалъ отослать заодно въ провожатыхъ и другаго своего сына, и поэтому была написана вторая челобитная: «(начало выпущено). Отпускаю я, холопъ твой, сынишка своего Одолека для наученія въ Прускую землю, въ городъ Кролевецъ (Кенигсбергъ), курфирста Бранденбургскаго за агентомъ Гедеманомъ Дедригомъ-Гесомъ; а съ нимъ для береженья посылаю другова сынишка своего Ивашку, потому что сынишко мой Адолеъ въ малыхъ лѣтѣхъ. Милосердый Государь, пожалуй меня, холопа твоего, вели, Государь, для пропуску дать свою, великаго Государя, проѣзжую грамоту и дать имъ двѣ подводы. И въ

той своей, великаго Государя, проѣзжей грамотѣ вели написать: какъ сынишко мой Ивашка проводитъ брата своего до рубежа,—чтобы его також пропущали вездѣ по дорогамъ до Москвы».

Обѣ челобитныя были написаны 9 декабря 1676 года, но подать ихъ было некому: ни царя, ни начальника Аптекарскаго приказа (теперь уже боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго) не было въ Москвѣ.

Яганъ Розенбургъ съ Зеттигастомъ поѣхали къ Одоевскому въ деревню (вѣроятно, по направленію къ г. Звенигороду), и подали ему двѣ челобитныя.

— Великій государь теперь въ походѣ,—отвѣчалъ имъ бояринъ,— онъ на богомольѣ въ монастырѣ Саввы Сторожевскаго [1]), поѣзжайте съ челобитными туда.

Алхимистъ Яганъ Зеттигастъ съѣздилъ отъ боярина въ Саввинъ Сторожевскій монастырь и въ тотъ же день привезъ къ нему (вотъ откуда предположеніе, что начальникъ Аптекарскаго приказа былъ недалеко отъ Звенигорода) обѣ челобитныя съ подписями, что царь разрѣшаетъ имъ отпускъ въ свою землю.

Разсмотрѣвъ подписанныя челобитныя, бояринъ князь Одоевскій «запечаталъ ихъ въ столбцѣ» и послалъ къ своему дьяку Ивану Михайловичу Патрикѣеву со своимъ письмомъ, гдѣ объявлялъ о пріѣздѣ къ нему доктора и алхимиста и писалъ въ заключеніе: «и тебѣ бъ о проѣзжихъ (грамотахъ) послать память въ Посольской приказъ, а о двухъ подводахъ послать память въ Ямской приказъ. Никита Одоевской челомъ бьетъ».

Эта послѣдняя приписка и именованіе своего дьяка полнымъ именемъ: «Иванъ Михайловичъ» показываютъ, что въ служебномъ отношеніи начальникъ приказа и его дьякъ были почти равны.

Два сына и племянникъ Ягана Розенбурга уѣхали въ Пруссію; Яганъ Зеттигастъ, какъ находившійся на службѣ, воротился, но воротился ли другой сынъ Розенбурга, или, воротясь, умеръ, — извѣстій нѣтъ. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ отправки сына Адольфа для ученья въ Кенигсбергъ, Яганъ Розенбургъ задумалъ и самъ уѣхать домой на покой.

Подаренный ему царемъ домъ докторъ въ 1677 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, продалъ стольнику Никитѣ Ивановичу Акинѳову и взялъ

---

[1]) Монастырь Саввы Сторожевскаго (или Звенигородскаго) находится въ 50 верстахъ отъ Москвы и въ 2-хъ верстахъ отъ Звенигорода. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ поѣхалъ туда на память св. чудотворца, бывающую 3-го декабря. О св. Саввѣ есть легенда, что онъ спасъ царя Алексѣя Михайловича отъ медвѣдя на охотѣ въ Звенигородскихъ лѣсахъ.

за него тысячу девятьсотъ рублей,—цѣлое состояніе по тогдашнему времени. Устроивъ и другія свои дѣла въ Москвѣ, Яганъ Розенбургъ въ 1678 году, 20-го января, подалъ царю челобитную собственнаго сочиненія, переведенную на русскій языкъ переводчикомъ Аптекарскаго или Посольскаго приказа, вѣроятно, полякомъ.

«Наяснѣйшій и Вельможнѣйшій Великій Государь Царь Өеодоръ Алексѣевичъ (титулъ).

Дванадесятое уже обращается лѣто, яко отъ вашего блаженныя памяти отца Вашего Величества нижайшій рабъ Иванъ Розенборкъ сѣмо призванъ, яко прежде нажившему и, по преставленію его, вашему такожде Наяснѣйшему Величеству не менѣе мои службы, искусные и вѣрные, объявилъ есмь. Нынѣ же, къ шестьдесятъ пятому лѣту живота достигнувъ, таже болѣзнемъ и различнымъ счастія премѣненіямъ преданъ, понеже тѣ вещи исполнять не могу.

Ваше Наяснѣйшее Величество, азъ, нижайшій рабъ, молю: благоволи обѣщаніе блаженнаго своего Государя-отца, въ грамотѣ, ко мнѣ присланной, объявленное,—исполнити, мене же—съ милостію и благодатію, купно съ имѣніемъ во свояси отпустити, како-бъ благопотребнѣйшимъ симъ зимнимъ путемъ къ мѣсту, его же просилъ есмь, пріити мнѣ возможно было».

Вслѣдствіе этого прошенія Яганъ Розенбургъ былъ отпущенъ, но этотъ докторъ и на этотъ разъ, написавши челобитную, въ тотъ же день догадался просить еще о другомъ, какъ и тогда, когда посылалъ сына Адольфа учиться въ Кенигсбергъ.

На другой день, 21-го января, Розенбургъ подалъ другую челобитную, уже форменную, русскую, писанную спеціалистомъ:

(Начало выпущено). «По твоему, Великій Государь, указу и неизрѣченной милости отпущенъ я, холопъ твой, въ свою землю, а я, холопъ твой, я человѣченко старый и древней и не имѣю никого у себя въ такомъ далномъ пути, и меня, холопа твоего, поберечь некому; только имѣю здѣсь на Москвѣ одного родного племянника Ивана Зеттигаста [1]), а онъ служитъ тебѣ, Великій Государь, въ алхимистахъ. Милосердый Государь (титулъ) вели, Государь, того племянника моего Ивана Зеттигаста на время отпустить со мною и меня, холопа твоего, проводить до сродичевъ моихъ. А какъ онъ меня въ свою землю проводитъ,—и онъ опять къ тебѣ, Великій Государь, въ Московское государьство пріѣдетъ и (будетъ) служить тебѣ, Великій Государь, по-прежнему».

---

[1]) Значитъ, другой его сынъ, Иванъ, провожавшій Адольфа, или умеръ, воротившись въ Москву, или не воротился тогда же; умерла также и жена Розенбурга.

Алхимиста Зеттигаста царь велѣлъ отпустить совсѣмъ; алхимистъ на другой день просилъ о выдачѣ жалованья, заслуженнаго за полгода, о подводахъ и объ опасной проѣзжей грамотѣ, служившей аттестатомъ отпущенному, потому что въ челобитной прибавлялось: «Чтобъ мнѣ, холопу твоему, будучи въ своей землѣ, твоею, Великаго Государя, милостью хвалиться».

Послѣ Зеттигаста билъ челомъ о жалованьѣ и Яганъ Розенбургъ; просилъ онъ тоже за полгода, но причиталось имъ обоимъ только за 142 дня. Въ Аптекарскомъ приказѣ все точно подсчитали и «выписали въ примѣръ». По разсчету Ягану Зеттигасту пришлось за 142 дня 42 рубля, 16 алтынъ и 4 деньги, а дядѣ его доктору, за то же время, 434 р., 3 алтына и 2 деньги, да кромѣ того, въ награду «на отпускѣ» соболей на триста рублей. О наградѣ на отпускѣ алхимиста Зеттигаста—ничего не видно въ документахъ, вѣроятно потому, что онъ служилъ недолго.

Въ бумагахъ при отпускѣ Розенбурга сказано, что онъ пріѣхалъ «изъ Свицкіе (шведской) земли», и подводы, 10, даны ему до Свейскаго рубежа, тогда какъ, по сказкѣ торговаго иноземца Беклера, при вызовѣ Розенбурга, было говорено про нѣмецкую землю и городъ Любекъ. Сынъ Розенбурга, Адольфъ, былъ посланъ въ Пруссію. Самъ Розенбургъ въ челобитной о жалованьѣ, поданной въ январѣ 1678 года, пишетъ: «Служилъ я Свицкому королю многіе годы».

Своею отставкою Яганъ Розенбургъ, видимо, былъ очень доволенъ и на отпускѣ не былъ и противу своей братіи дохтуровъ оскорбленъ, потому что черезъ годъ слишкомъ, въ апрѣлѣ 1679 года, писалъ изъ города Колывани къ дьяку Аптекарскаго приказа Андрею Виніюсу: «Хотя изъ службы Царскаго Величества освобожденъ, однакожъ, Великаго Государя милость, которую до окончины своей забыти мнѣ не возможно, понуждаетъ меня пещися о всякомъ добрѣ, что ему, Великій Государь, услышу—годно явится. И слышалъ я, что посланъ за море лѣкарь (Вилимъ Горстенъ), а велѣно ему приговорить въ службу Царскому Величеству добраго окулиста,—и здѣсь есть самой доброй окулистъ, который въ королевской службѣ тому съ полгода, и сверхъ той своей науки, лѣчитъ болѣзни каменные и всякіе тяжкіе раны, и ракъ, и иные, подобные тѣмъ, и бывалъ онъ во многихъ государствахъ для науки; и по моимъ словамъ, охота у него есть къ Москвѣ ѣхать и Великому Государю послужить, буде ему нарочитой кормъ учинятъ. И я совѣтую сего человѣка принять, потому что вскорѣ такого мастера достать будетъ немочно. А имя ему Яганъ Эриксонъ, лѣтми—въ сорокъ шесть годовъ. И о томъ на скоро ко мнѣ изволь писать, потому что и я самъ, вскорѣ за море, въ свою землю уѣду».

Очевидно, что окулистъ Эриксонъ соблазнился разсказомъ Розенбурга о хорошей платѣ докторамъ и другихъ выгодахъ службы въ Москвѣ.

Окулиста указано было въ Москву звать и обѣщать ему царскую милость и жалованье противъ его братіи докторовъ. Розенбургъ просилъ для своего протеже нарочитаго, то-есть особенно высокаго, оклада, а его предлагали вознаградить, какъ другихъ. Вѣроятно, окулистъ Эриксонъ нашелъ это жалованье малымъ,—и потому его имени не встрѣчается въ числѣ пріѣхавшихъ съ Вилимомъ Горстеномъ одиннадцати человѣкъ лѣкарей въ маѣ 1679 года.

Послѣ этого письма мы ничего болѣе не знаемъ о Яганѣ Розенбургѣ, но племянникъ его, алхимистъ Зеттигастъ, отпущенный изъ Московскаго государства совсѣмъ, потомъ снова воротился на службу царю, и мы встрѣчаемъ его имя въ росписи всѣхъ служащихъ въ Аптекарскомъ приказѣ въ 1682 году, когда всѣ чины вновь присягали молодымъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ.

3. Докторъ Андрей Келлерманъ, московскій уроженецъ.

Прижившимся въ Москвѣ нѣмцамъ жилось привольно и богато; ихъ нѣмецкія слободы, Старая и Новая, были застроены богатыми домами; сами нѣмцы и жены ихъ ходили въ шелку и бархатѣ. Доктора, разнаго рода ремесленники и купцы богатѣли и, уѣзжая въ свою землю подъ старость, увозили капиталы съ собою.

Многіе иноземцы и совсѣмъ оставались въ Московскомъ государствѣ,—и въ Москвѣ и понынѣ есть нѣмецкія фамиліи, ведущія свою родословную отъ до-петровскихъ временъ, отъ временъ Кокуя, т. е. Нѣмецкой слободы.

Не всѣ нѣмцы относились съ презрѣніемъ и ненавистью къ малокультурной Московіи, стремясь только эксплоатировать варваровъ, елико возможно: нѣкоторые изъ нихъ, устроившись въ Россіи съ домомъ и дѣломъ, плодились и множились въ Москвѣ, не думая никуда уѣзжать, а даже подготовляя и сыновей своихъ на службу у той же Московіи.

Съ такимъ примѣромъ мы встрѣтимся сейчасъ.

«Торговый иноземецъ», «гость», жившій, по всѣмъ видимостямъ, въ Москвѣ десятки лѣтъ, Томасъ Келлерманъ (или, какъ иногда его именовали, Келдерманъ), торговавшій, должно быть, не безприбыльно, отправилъ въ 1661 году своего сына Андрея, родившагося въ Москвѣ, въ иностранныя земли для ученья. Отправилъ онъ его по указу царя Алексѣя Михайловича,—значитъ, помимо воли отца,

было здѣсь и желаніе царя,—конечно, въ надеждѣ получить въ будущемъ образованнаго слугу Московскому государству. Бумагъ объ отправкѣ Андрея Келлермана въ обнародованныхъ матеріалахъ не сохранилось, и мы узнаемъ объ этомъ уже гораздо позже, черезъ семнадцать лѣтъ, когда молодой докторъ окончилъ свое ученье и получилъ дипломъ.

1678 года, декабря 2-го, изъ Архангельска въ Новгородъ извѣстили о пріѣздѣ въ Московское государство новаго доктора, а 22-го того же мѣсяца объ этомъ отписали изъ Новгорода въ Аптекарскій приказъ въ Москву. Тотчасъ велѣно было переслать нововыѣзжаго доктора въ Москву.

Андрей Келлерманъ пріѣхалъ на праздники въ Москву къ отцу и семьѣ, послѣ семнадцатилѣтней разлуки.

Уѣхавъ отрокомъ, онъ воротился зрѣлымъ мужчиною, достигнувъ высшаго ученаго званія доктора медицины и философіи. Можно вообразить себѣ радость отца, восторгъ всей семьи, удовольствіе всей Нѣмецкой слободы при прибытіи такого блестящаго представителя Европы и ея культуры! Пріѣздъ Андрея Келлермана былъ очень кстати и для Аптекарскаго приказа: въ это же самое время царскую службу на всегда оставлялъ опытный и любимый докторъ Яганъ Розенбургъ, просившійся на покой за старостью.

Когда прошли праздники Рождества и нѣмецкаго новаго года (русскій годъ начинался съ 1-го сентября), купецъ Томасъ Келлерманъ написалъ царю челобитную о принятіи сына на службу.

Посылалъ я (начало выпущено) сынишка своего Андрюшку за море для дохтурской науки и для наученья разныхъ языкъ учитца. И былъ сынишко мой въ той наукѣ за моремъ въ разныхъ государствахъ и школахъ семнадцать лѣтъ; и въ итальянской, государь, землѣ, въ городѣ Падувѣ (Падуѣ), въ высокой школѣ, отъ дохтурскихъ учителей философскому и врачебной науки разными вопросы доспрашиванъ, и ево въ той дохтурской наукѣ достойно признали и дохтуромъ учинили, и свидѣтелстенной листъ за своими руками и печатми дали. И для той, государь, дохтурской науки сынишка мой, тѣ семнадцать лѣтъ учася, издержалъ многія деньги—нѣсколько тысячей рублевъ. И тѣ деньги я, х. т., за него займываючи, платилъ,—проча ево впередъ годнаго быть въ вашу, в-го г-ря, службу. А онъ сынишко мой, твой, в-го г-ря, холопъ природной и прочнѣе иныхъ выѣзжихъ дохтуровъ, которые выѣзжаютъ на малое время и вашимъ Государскимъ жалованьемъ обогатясь [1]) отъѣзжаютъ опять въ свои страны. Да онъ же, сынишко мой, нынѣ въ молодыхъ лѣтехъ и

[1]) Намекъ на уѣздъ Ягана Розенбурга, скопившаго въ Россіи деньги.

-славенской грамотѣ и русскому языку можетъ вскорѣ изучиться,—и отъ него чаять больше службы, какъ отъ иныхъ дохтуровъ, которые всѣ свои дѣла совершаютъ черезъ толмача. Милосердный Государь (титулъ), пожалуй меня, х. т., для моего вѣрнаго подщанія (тщанія?) и многихъ проторей, которые издержалъ я въ ученіе того моего сынишка, проча ево въ вашу, В-го Г-ря, службу, вели, Г., ево, сынишка моего, принять въ свою, В. Г., службу въ оптекарскую палату и учинить ему свое жалованье противъ иныхъ дохтуровъ, его братьи или какъ тебѣ, В-му Г-рю, объ немъ Богъ извѣститъ».

14-го января 1678 года новопріѣзжій докторъ Андрей Келлерманъ представился въ Аптекарскомъ приказѣ начальникамъ его: боярину князю Никитѣ Ивановичу да кравчему съ путемъ князю Василью Өедоровичу Одоевскимъ и дьяку Андрею Виніюсу, и ему былъ произведенъ, черезъ толмача, допросъ, гдѣ и чему онъ учился? И молодой докторъ отвѣтилъ:

— Отпустилъ меня отецъ мой, торговый иноземецъ Томасъ для докторской науки за море и я былъ въ Цесарской землѣ въ городѣ Лейпцигѣ шесть лѣтъ и учился докторской наукѣ, да въ городѣ Страсбургѣ три же года былъ въ наукѣ, да въ голландской землѣ, въ городѣ Лейденѣ—два года, въ англійской землѣ въ городѣ Оксфордѣ и во французской землѣ въ городѣ Парисѣ (Парижѣ)—полтора года и наконецъ въ Италіи, въ городѣ Падуѣ, въ знаменитой Падуанской академіи—два года, гдѣ и былъ «учиненъ докторомъ» и получилъ дипломъ за подписями учителей и за тремя висными (висячими на шнуркахъ) печатями краснаго воска въ красныхъ кожаныхъ ковчежцахъ (футлярахъ).

Читать, писать и говорить докторъ Андрей Келлерманъ умѣлъ на шести языкахъ: цесарскомъ (нѣмецкомъ), латинскомъ, французскомъ, итальянскомъ и голландскомъ.

Какъ видно, заботы и расходы купца Келлермана не пропали даромъ: сынъ его учился какъ слѣдуетъ и научился многому. Такой слуга былъ для Московскаго государства въ высшей степени желателенъ и полезенъ.

Послѣ этого молодой докторъ представилъ большой и красиво росписанный пергаментъ, дипломъ Падуанской акедеміи на докторское званіе за тремя печатями.

Бумаги Аптекарскаго приказа сохранили чрезвычайно любопытный образчикъ диплома Падуанской академіи доктору (не въ оригиналѣ, который хранился у самого доктора, а въ переводѣ на русскій языкъ).

Текстъ этого диплома носитъ еще свѣжіе слѣды среднихъ вѣковъ, когда врачебная наука была окружена ореоломъ величія и тайны, когда экзамены производились въ величественной и торжественной обстановкѣ, а самъ нареченный въ доктора точно становился выше человѣческой

природы; его вѣнчали если не именно короною,—то во образъ короны докторскою шапкою-беретомъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ принялъ молодаго доктора на службу и назначилъ ему «новичной» (начальный, какъ новичку) окладъ: годоваго жалованья 60 рублей и мѣсячнаго корму по 12 рублей на мѣсяцъ, всего 204 рубля, кромѣ выдачи припасовъ натурою: вина, романѣи, красныхъ и бѣлыхъ медовъ, пива, калачей и конскаго корма: овса и сѣна (см. выше: окладъ доктора Артмана Грамона).

Кромѣ того Андрею Келлерману завыѣздъ было пожаловано царемъ: серебряный ковшъ вѣсомъ въ гривенку (фунтъ) и 40 золотниковъ, 10 аршинъ камки-адамашки и сукно англійское доброе.

Ковша такого точно вѣса не оказалось въ запасахъ, тогда велѣно было сдѣлать новый.

Такимъ образомъ новый докторъ началъ служить московскому государю, и скоро ему и всѣмъ докторамъ представилось много работы.

Въ Малороссіи продолжалась война русскихъ съ поляками изъ-за присоединенія Малороссіи къ великой Россіи. Гетманъ Дорошенко, задумавшій отложиться отъ Великороссіи, былъ побѣжденъ, сдалъ городъ Чигиринъ князю Ромодановскому.

Съ театра войны стали прибывать въ Москву раненые разные люди: полковники, полуполковники и разныхъ чиновъ рейтары и стрѣльцы. Всѣмъ докторамъ давали ихъ на излѣченіе по нѣскольку десятковъ.

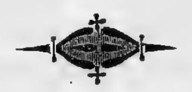
Въ ноябрѣ 1679 года Андрей Келлерманъ подаетъ роспись вылѣченнымъ имъ стрѣльцамъ 48 человѣкамъ, Грибоѣдова полку; въ этомъ же мѣсяцѣ онъ жалуется словесно въ Аптекарскомъ приказѣ на своего толмача, Никиту Вицента, что не ѣздитъ съ нимъ для толмачества больше недѣли, и поэтому онъ боится безъ переводчика давать больнымъ лѣкарства. Толмачу Виценту приказано было ѣздить съ докторомъ, а иначе его «бивъ батоги, откинуть»...

Матеріалы Аптекарскаго приказа оканчиваются на 1682-мъ году; въ этомъ году Андрей Келлерманъ осматриваетъ умершаго Ѳедора Нелединскаго: не умеръ ли онъ отъ лѣкарствъ, которыя ему давали?

Вѣроятно, была жалоба родственниковъ на лѣчившаго его доктора. Келлерманъ сказалъ, что знаковъ на тѣлѣ, чтобы умеръ отъ лѣкарствъ—нѣтъ, а умеръ онъ, по признакамъ, отъ «прилипчивой злой огневой болѣзни».

А какъ его лѣчили и отъ какой болѣзни —про то знаетъ докторъ Захарій Фан-деръ-Гульстъ, который его лѣчилъ... Больше о Келлерманѣ свѣдѣній нѣтъ...

Арсеньевъ.

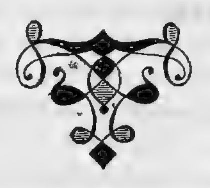

Повелѣніе императора Александра I, чтобы при проѣздахъ его не дѣлать никакихъ встрѣчъ.

1-го сентября 1801 г., Чудово [1]).

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и новгородскій гражданскій губернаторъ Обольяниновъ! Хотя предъ настоящимъ путешествіемъ моимъ объявлено было повсемѣстно приказаніе, чтобъ по дорогѣ ни встрѣчъ для меня, ниже другихъ особыхъ приготовленій излишнюю тягость обывателей составляющихъ не было; однакожъ, не избѣжалъ я неудовольствія видѣть зажженные по обѣимъ сторонамъ дороги огни, каковая иллюминація продолжалась на цѣломъ шестнадцати-верстномъ разстояніи къ Чудову, и сколько сама по себѣ была безполезна, столько наипаче тягостна жителямъ, къ ней употребленнымъ, и селенія даже подвергала опасности пожара. Давая вамъ предварительно знать, что подобныя распоряженія, вопреки воли моей учиненныя, для меня не угодны, я требую, чтобъ оныя тотчасъ отмѣнены были не только въ губерніи, вамъ порученной, но чтобъ вы извѣстили о семъ и сосѣднюю Тверскую, дабы и тамъ равномѣрно никакихъ излишностей не было; а инако начальники губерніи будутъ въ томъ отвѣтствовать неминуемо. Пребываю, впрочемъ, вамъ благосклонный.

Сообщилъ **Чапскій**.

[1]) Изъ архива Новгородскаго губернскаго правленія.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Мой отецъ, приговоренный къ смерти французами.—Новгородскій благородный пансіонъ при гимназіи.—Преподаватели и директоръ Эрдманъ.—Архимандритъ Киѳа.—Въ провіантской коммиссіи.—Пререканія провіантской коммиссіи съ войсками.—Мудрое рѣшеніе Сухозанета.—Боровичскій градоправитель.—Энергичный исправникъ.—Укрощеніе бунта исправникомъ.

Съ открытіемъ французской кампаніи 1812 г., для продовольствія въ пути гвардейскаго корпуса, бывшій провіантскій департаментъ назначилъ моего отца и далъ ему, въ помощь по этой операціи, нѣсколько чиновниковъ и нижнихъ чиновъ.

Отецъ мой имѣлъ въ то время двадцать восемь лѣтъ отъ роду и былъ женатъ не болѣе года. Оставивъ свою жену—мою матушку—подъ кровомъ тестя, отецъ отправился, съ штатомъ ввѣренныхъ ему чиновъ, впередъ гвардейскаго корпуса, по назначенному для послѣдняго маршруту, съ значительною суммою казенныхъ денегъ, отпущенныхъ ему провіантскимъ департаментомъ на заготовленіе продовольствія.

Слѣдуя съ своимъ штатомъ чиновъ и пріобрѣтая покупкою продукты, отецъ мой остановился однажды въ одномъ мѣстечкѣ близъ Ковны и нанялъ для себя квартиру, а также и амбары, въ которыхъ и хранилъ, за замкомъ и печатью, заготовленные имъ продукты, въ ожиданіи прибытія гвардейскаго корпуса.

Долго ли, такимъ образомъ, пробылъ мой отецъ въ мѣстечкѣ, названія котораго не помню, мнѣ доподлинно не извѣстно, но только на разсвѣтѣ одного дня къ нему явился вахтеръ съ докладомъ, что къ мѣстечку подступаютъ французы. Съ полученіемъ такого непріятнаго извѣстія, отецъ мой безъ замедленія припряталъ куда-то остававшіяся на его рукахъ, еще въ значительной суммѣ, казенныя деньги, и, лишь

только успѣлъ это окончить, какъ пришелъ къ нему одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, бывшій у моего отца правою рукою, съ вѣстію о вступленіи въ мѣстечко войскъ Наполеона. Этотъ чиновникъ легко объяснялся по-французски; отецъ же мой былъ мало знакомъ съ этимъ языкомъ и потому не могъ говорить на немъ. Не прошло и одного часа, какъ при этомъ же чиновникѣ вошелъ въ квартиру моего отца французскій офицеръ, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ солдатъ.

— Кто изъ васъ, господа, завѣдываетъ амбарами съ казенными продуктами?—обратился офицеръ съ вопросомъ къ моему отцу и его сослуживцу.

— Вотъ этотъ господинъ,—отвѣтилъ ему чиновникъ на французскомъ языкѣ,—указавъ на моего отца.

— Мнѣ повелѣно получить отъ васъ ключи и печать отъ амбаровъ съ казенными продуктами,—обратился офицеръ къ моему отцу.

— Подобнаго, милостивый государь, требованія я, безъ разрѣшенія своего правительства, исполнить не могу и не считаю на то за собою никакого нравственнаго права,—отвѣтилъ мой отецъ,—чрезъ своего толмача-чиновника.

— Если такъ, вы лишитесь головы,—произнесъ офицеръ повышеннымъ голосомъ и отретировался.

Отецъ мой оставилъ у себя чиновника завтракать, но вскорѣ явился тотъ же офицеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ солдатъ, и сказалъ моему отцу:—пойдемте! На вопросъ чиновника, —куда онъ хочетъ вести моего отца,—офицеръ отвѣтилъ,—что его, т. е. моего отца, велѣно разстрѣлять. По передачѣ чиновникомъ такого отвѣта на русскомъ языкѣ, у отца моего невольно навернулись слезы; онъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ чиновника, попросилъ его передать моей матушкѣ послѣднее прости, надѣлъ фуражку и пошелъ среди вооруженныхъ солдатъ, конвоируемыхъ офицеромъ.

Офицеръ повелъ моего отца въ рощу, въ которую лежалъ путь чрезъ мостъ, перекинутый чрезъ какую-то рѣку. Лишь только мой отецъ прошелъ половину моста, какъ повстрѣчалъ катившаго въ экипажѣ французскаго генерала. Офицеръ отдалъ ему честь, а генералъ, приказавъ кучеру остановить лошадей, предложилъ офицеру также остановиться. Офицеръ остановилъ конвой.

— Кажется, если я только не ошибаюсь, я вижу въ васъ господина Радзиковскаго,—обратился генералъ съ такимъ вопросомъ, на польскомъ языкѣ къ моему отцу.

— Точно такъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ мой отецъ, по-польски же, сдѣлавъ надлежащій поклонъ.

— Куда васъ ведутъ?—снова спросилъ генералъ.

— Разстрѣливать, ваше превосходительство.

— Разстрѣливать? За что?—воскликнулъ генералъ.

Отецъ мой объяснилъ причину.

— Вашъ поступокъ проявилъ въ васъ заносчивость и пренебреженіе къ распоряженіямъ императора, и потому вы, дѣйствительно, заслуживаете, по закону, преданіе васъ смертной казни, но въ память той дружбы, которая существовала неизмѣнно между мною и вашимъ отцомъ по день его кончины, я буду просить императора о помилованіи вашей молодости, а васъ,—обратился онъ къ офицеру,—прошу не слѣдовать далѣе и ожидать на этомъ мѣстѣ новаго распоряженія.

— Я не имѣю права исполнить приказаніе вашего превосходительства, такъ какъ я имѣю повелѣніе немедленно разстрѣлять этого чиновника,—отвѣчалъ офицеръ.

— А когда такъ,—вскричалъ взбѣшенный отвѣтомъ офицера генералъ,—то я ручаюсь честію графа де-Забелла, что если вы осмѣлитесь сдѣлать только одинъ шагъ съ этого мѣста, то будете тутъ же сами разстрѣляны.

Офицеръ отдалъ честь, а генералъ покатилъ къ Наполеону.

Этотъ графъ служилъ вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ, по отцу, при польскомъ королѣ Станиславѣ Августѣ. Они жили между собою, какъ говорится, душа въ душу, и ежедневно играли одинъ у другаго въ бостонъ. Въ тѣ годы отецъ мой былъ еще ребенкомъ и остался по смерти своего отца, умершаго въ чинѣ полковника гвардіи, лѣтъ одиннадцати, при матери; онъ былъ отпечатокъ своего отца, почему и узналъ его графъ де-Забелла.

Прошло порядочно времени томительнаго для моего отца ожиданія и жизни, и смерти, и онъ стоялъ на мосту между вооруженными солдатами, какъ ошельмованный преступникъ. Наконецъ, явился французскій солдатъ и вручилъ офицеру конвертъ. Прочитавъ находившуюся въ конвертѣ бумагу,—офицеръ обратился къ моему отцу и сказалъ:—«вы свободны».

Когда отецъ мой возвращался въ свою квартиру, его встрѣтилъ, слѣдившій за нимъ издали, помянутый чиновникъ и сообщилъ, что заготовленные имъ продукты французами разграблены.

Вскорѣ къ мѣстечку стали приближаться русскія войска; тогда французскія изъ него удалились, и отецъ мой со всѣми прочими опять получилъ свободу. Онъ нашелъ спрятанныя имъ деньги нетронутыми, и о всемъ вышеописанномъ довелъ до свѣдѣнія своего начальства.

И что же? Послѣднее за сохраненіе моимъ отцомъ отъ похищенія французами казенной значительной суммы, равно и за перенесенную имъ въ теченіе порядочнаго времени нравственную пытку и душевное томленіе, наградило его какою-то на воротникъ мундира «нашивкою».

Разсказавъ эпизодъ изъ жизни моего отца, приступлю къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Въ то время, когда я былъ опредѣленъ своими родителями въ благородный пансіонъ новгородской губернской классической гимназіи, послѣдняя помѣщалась въ частномъ каменномъ домѣ, существующемъ и нынѣ на углу Дворцовой и Предтеченской (Губернаторской) улицъ и выходящемъ окнами съ Дворцовой улицы, какъ разъ, противъ оконъ казенныхъ зданій, въ которыхъ въ 30—40-хъ годахъ помѣщался штабъ гренадерскаго корпуса и квартировалъ самъ командиръ этого корпуса. Меня сдали въ пансіонъ 13-го января 1838 года, т. е. уже по истеченіи 160 сутокъ со дня (7-го августа) открытія учебнаго курса, и начальство гимназіи не помыслило предупредить о несвоевременности моего поступленія, потому что я опредѣлялся на иждивеніи родительскомъ; родители же мои положительно не знали о значеніи пропущеннаго полугодія въ учебномъ курсѣ, вслѣдствіе чего я и просидѣлъ въ первомъ классѣ полтора учебныхъ года, и родители мои, ни за что ни про что, заплатили за полугодіе денежки совершенно даромъ, если не принять въ разсчетъ мою форменную экипировку и питаніе меня—отрока. Но питаніе, во всѣ годы моего пребыванія въ означенномъ пансіонѣ, было крайне плохое, потому что, вмѣсто чая, по утрамъ и вечерамъ давался пансіонерамъ сбитень домашняго, вполнѣ экономическаго, приготовленія, такъ какъ почти всегда отзывался на вкусъ болѣе водою, чѣмъ патокою, а къ сбитню пансіонеры снабжались двухъ-копѣечными булками изъ пшеничной муки, кажется, третьяго сорта, да и весьма не рѣдко—черствыми; за обѣдомъ же пансіонеровъ кормили супомъ или щами, съ весьма плохимъ наваромъ, а вываренную въ этой жидкости говядину подавали разрѣзанною на лепестки—вторымъ блюдомъ, большею частію, подъ картофельнымъ соусомъ; въ третьемъ блюдѣ мѣнялись: гречневая и манная на водѣ каша съ миніатюрнымъ къ ней цилиндрикомъ чухонскаго, нерѣдко горькаго или вонючаго, масла; котлеты изъ гречневой каши, картофель въ мундирѣ, размазня изъ гречневыхъ крупъ; по праздникамъ же—трехъ-угольныя лепешки съ черникою; тѣ же кушанья были и за ужиномъ, кромѣ горячаго. По стакану чаю съ однимъ кускомъ сахару и съ булкою изъ пшеничной муки перваго сорта давалось пансіонерамъ только въ самые высокоторжественные дни. Качество сбитня постоянно приводило мнѣ на память слѣдующій, еще въ дѣтствѣ слышанный мною отъ кого-то, анекдотъ: однажды, въ еврейскую корчму заѣхалъ на ночлегъ офицеръ съ денщикомъ; потребовавъ себѣ на ужинъ десятокъ яицъ въ смятку, офицеръ приказалъ еврею накормить денщика; когда же, ложась спать, — офицеръ спросилъ корчмаря,—чѣмъ онъ кормилъ денщика, еврей, не мигнувъ

глазомъ, отвѣтилъ:—«ушицей, что яйки варе́ны», т. е. тою водою, въ которой онъ варилъ для офицера яйца.

Впрочемъ, если принять въ соображеніе, что число пансіонеровъ никогда не доходило до пятидесяти, а между тѣмъ изъ нихъ двадцать, т. е. почти половина всего комплекта, воспитывались на счетъ помѣщиковъ Новгородской губерніи, которые дотого были не аккуратны во взносахъ платежа на содержаніе ихъ же дѣтей, что въ 1848 году за помѣщиками числилось недоимки едва-ли не болѣе 30.000 р.,—такъ и не удивительно, что кормили всякою всячиною и держали почти впроголодь воспитанниковъ пансіона, крупинками со стола которыхъ еще питались: инспекторъ и экономъ—семейные, поваръ, хлѣбопекъ, всѣ сторожа и даже, кажется, прачки.

Говоря о кормленіи воспитанниковъ пансіона, я долженъ упомянуть, что о чистотѣ приготовленія кушаній никто не заботился: это явствовало не только изъ того, что, напримѣръ, картофель въ супѣ частенько бывалъ на половину неочищеннымъ отъ кожи, но однажды пансіонеры были угощены ломтями чернаго хлѣба съ раскромсаннымъ въ нихъ мышенкомъ.

Теперь я опишу нѣкоторыхъ изъ лицъ, служившихъ при гимназіи, которые были чѣмъ-либо замѣчательны и уже давно отошли въ вѣчность.

Михаихъ Мироновичъ Барановъ былъ грозный директоръ, поровшій учениковъ, какъ говорится,—не на жизнь, а на смерть; для таковой операціи онъ держалъ двухъ сторожей: Михайла и Вареоломея. Бывало, какъ заоретъ Барановъ на все зданіе гимназіи:—Михайло! Вареоломей! моченыхъ!—такъ всѣ ученики затрясутся. По этому зову, Михаилъ и Вареоломей моментально, какъ изъ земли, выростали, держа каждый въ своей правой рукѣ пукъ длинныхъ лозъ, только-что вынутыхъ изъ чана съ водою. Если эти два спекулятора желали услужить Баранову или были почему-либо недовольны приготовившимся для принятія сѣченія отрокомъ или юношею, то отъ перваго же взмаха ими лозъ кровь брызгала къ потолку.

Иванъ Васильевичъ Масонъ—инспекторъ, обремененный большимъ семействомъ, вслѣдствіе чего не гнушавшійся подношеніями благодарностей и любившій сѣчь учениковъ, а тѣхъ, которые были постарше лѣтами, даже надѣлять, подъ горячій нѣмецкій часъ, оплеухами; кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, да географическаго описанія французской монархіи, ровно ничего не зналъ. Однажды Масонъ хотѣлъ высѣчь ученика, бывшаго сыномъ какого-то портнаго.—Иванъ Васильевичъ, простите! я папенькѣ скажу, такъ онъ вамъ жилеточку сошьетъ,—вдругъ воскликнулъ ученикъ, обливаясь слезами. Помнится, Масонъ

улыбнулся, поправилъ на своемъ носу золотыя очки, которыя онъ носилъ, и отпустилъ виновнаго.

Учителемъ нѣмецкаго языка былъ Левъ Романовичъ Робинзонъ, кругленькій, съ курчавыми на головѣ рыжими волосами, нѣмецъ. Онъ вызывалъ у учениковъ невольный смѣхъ музыкою какъ бы собственнаго желудка. Дѣло въ томъ, что онъ всегда носилъ при себѣ старинные большіе карманные золотые часы, которые онъ вытаскивалъ, подобно трубочисту, на толстой, длинной, золотой цѣпи, для завода ключикомъ, и спускалъ въ карманъ, не жилетный, а вшитый, въ видѣ узкой галлереи, въ брюкахъ почти посреди живота: эти-то часы и перезванивали чрезъ каждыя пятнадцать минутъ.

Другой учитель того же языка и пансіонскій гувернеръ—Леонтій Георгіевичъ или, какъ звали его всѣ, Егорычъ, Ланге былъ единственнымъ разумнымъ блюстителемъ нравственности не только ввѣренныхъ его гувернерству пансіонеровъ, но и всѣхъ вольноприходящихъ учениковъ гимназіи. Онъ неустанно и неупустительно слѣдилъ за каждымъ поступкомъ, за каждымъ дѣйствіемъ, за каждымъ шагомъ воспитанника.

Учитель греческаго языка Гильдеманъ отличался искусствомъ такъ переводить съ греческаго языка на русскій, что въ его переводахъ не было ни смыслу, ни связи.

Учитель словесности, впослѣдствіи инспекторъ, Николай Ивановичъ Коншинъ, запка, отличался крайнею лѣностію заниматься съ учениками преподаваемымъ имъ предметомъ. Имъ были даны ученикамъ риторика и исторія литературы въ рукописи чьего-то сочиненія, должно быть какого-нибудь профессора. Когда, напримѣръ, ученики 5 или 6 класса переводились въ слѣдующіе классы и спрашивали Коншина, по прежнимъ ли руководствамъ они будутъ учить вышепоименованные предметы, такъ какъ они намѣрены или списать таковые, за каникулярное время, съ записокъ товарищескихъ, или даже купить, то Коншинъ воспрещалъ имъ покупать или списывать, завѣряя, что во время каникулъ онъ составитъ новыя записки, но таковыхъ никогда не составлялъ и только учениковъ ставилъ въ критическое положеніе. Удостовѣрившись за нѣсколько лѣтъ въ несбыточности ежегодныхъ Коншинскихъ завѣреній, ученики уже не спрашивали болѣе его по этому предмету, и каждый, кому нужно было, покупалъ или списывалъ все однѣ и тѣ же записки.

Учитель французскаго языка и гувернеръ Павелъ Евгеніевичъ Доригатто, при добромъ расположеніи, показывалъ ученикамъ на игральныхъ картахъ фокусы и игралъ съ ними въ шашки; при нерасположеніи же духа, который иногда вселялся въ него Бахусомъ, любилъ пощипывать пансіонеровъ ногтями. Временами онъ задавалъ ученикамъ учить французскіе стихи наизусть и спрашивалъ таковые, сидя въ классѣ на каѳедрѣ. Пользуясь послѣднимъ обстоятельствомъ, ученики писали задан-

ные Павломъ Евгеніевичемъ стихи карандашемъ на боковой сторонѣ каѳедры и по ней всегда читали безошибочно и тѣмъ удостовѣряли Доригатто въ своемъ отчетливомъ знаніи стиховъ, учить которые наизусть они находили не только сущимъ вздоромъ, но отнятіемъ драгоцѣннаго времени отъ занятія болѣе полезными науками.

Учитель географіи, маленькій ростомъ, съ греческимъ типомъ, Константинъ Ивановичъ Полизо всегда требовалъ, чтобы у учениковъ были приготовлены къ экзамену начерченныя и раскрашенныя ими самими географическія карты, которыя онъ и разстилалъ на экзаменаціонномъ столѣ: конечно, эти карты ученики снимали съ подлинниковъ при посредствѣ оконнаго стекла; обвести же границы и моря, равно и горы, красками было дѣломъ шуточнымъ. Предъ началомъ экзамена, Полизо спрашивалъ каждаго ученика, что онъ лучше знаетъ изъ географіи и, слѣдовательно, о чемъ его спросить; при этомъ Полизо давалъ наставленіе, чтобы ученики не стѣснялись въ отвѣтахъ враньемъ, какъ напримѣръ въ описаніи городовъ говорили бы, что въ такомъ-то городѣ существуютъ фабрики суконныя, въ такомъ-то—заводы салотопенные, въ такомъ-то—заводы мыловаренные и т. п.; «вѣдь, присутствующія на экзаменѣ лица ровно ничего не знаютъ изъ географіи, и потому можете врать имъ, сколько влѣзетъ»,—заключалъ свое наставленіе Полизо. Такимъ способомъ, экзамены сходили у него съ рукъ всегда блистательно, такъ что «и волки были сыты, и овцы были цѣлы».

Учитель законовѣдѣнія былъ маленькій ростомъ, пѣвшій на клиросѣ въ пансіонской церкви басомъ Семенъ Семеновичъ Висковатовъ. Изъ законовѣдѣнія въ гимназіи изучались: изъ X т. гражданскаго закона о правахъ сословій и уложеніе уголовныхъ законовъ о наказаніяхъ; послѣднее, то-есть уложеніе, буквально зубрилось. Висковатовъ, въ своихъ взглядахъ на счетъ экзаменовъ, былъ сіамскимъ близнецомъ Полизо: онъ также убѣждалъ учениковъ врать на экзаменахъ не стѣсняясь ничѣмъ, въ виду того, что никто изъ экзаменаторовъ ровно ничего изъ законовѣдѣнія не знаетъ, и дѣйствительно, «его дѣло было всегда въ шляпѣ».

Учитель французскаго языка и гувернеръ Іосифъ Іосифовичъ Галли любилъ подтягивать пансіонерамъ въ пѣніи разныхъ пѣсенъ, но голосъ его былъ плохой теноръ. Однажды, въ лѣтнее время, раннимъ утромъ, погнали пансіонеровъ, подъ предводительствомъ Галли, на прогулку въ Хутынскій монастырь, отстоящій отъ Новгорода въ десяти верстахъ. Пришли пансіонеры въ монастырь св. Варлаама Хутынскаго, отстояли чинно литургію, послѣ которой пообѣдали, что̀ было подвезено на подводѣ изъ пансіона и добыто у крестьянъ существующей при томъ монастырѣ деревни, и за тѣмъ, въ виду того, что пансіонеры посланы гулять на весь день, т. е. до заката солнца, они, въ сопровожденіи

Галли, отправились въ огромный монастырскій садъ. Походивши по всѣмъ дорожкамъ сада, пансіонеры усѣлись по отлогости горки, на которой и до настоящаго времени высится часовенка—мѣсто уединеннаго молитвословія св. Варлаама, и затянули во все горло, подъ аккомпаниментомъ Галли: «Солнце на закатѣ, время на утратѣ; сѣли дѣвки на лужокъ, заглянули промежь..» Проживавшій лѣтнимъ временемъ въ монастырѣ Новгородскій архіерей, услышавъ такое кощунственное пѣніе, прислалъ послушника сказать отъ его имени гувернеру Галли, чтобы не только самое пѣніе было прекращено немедленно, но чтобы и воспитанники были выведены изъ сада безотлагательно. Посланцу пансіонеръ Тевяшевъ хотѣлъ вывертѣть косу, но тотъ успѣлъ убраться благополучно во-свояси. Дѣлать было нечего, да впрочемъ этотъ казусъ и дѣйствительно произошелъ почти уже предъ самымъ закатомъ солнца, и потому Галли повелъ пансіонеровъ обратно въ городъ. Полевою дорогою, при которой кое-гдѣ встрѣчались крестьянскія жилища, воспитанники, на протяженіи десяти верстъ, такъ драли горло, что во всѣхъ избахъ мужики и бабы вскакивали съ кроватей и высовывались въ окна посмотрѣть, что-за процессія такая шествуетъ мимо ихъ мирныхъ жилищъ. На слѣдующій день директоръ Лыкошинъ получилъ отъ архіерея оффиціальную бумагу о томъ, чтобы пансіонеровъ болѣе не водили въ Хутынскій монастырь. Досталось ли отъ директора на орѣхи гувернеру Галли, объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Какъ въ баснѣ Крылова «Любопытный не замѣтилъ въ кунсткамерѣ слона», такъ я совсѣмъ было забылъ сказать слово о такомъ лицѣ, которое играло значительную роль при директорѣ Барановѣ и инспекторѣ Масонѣ. Это былъ учитель латинскаго языка въ младшихъ классахъ и пансіонскій гувернеръ, баронъ Иванъ Ивановичъ Мену, впослѣдствіи переведенный, кажется, на должность инспектора Псковской гимназіи. Боже мой! Чего онъ только не творилъ и чего не выдѣлывалъ! Когда онъ бывалъ дежурнымъ въ пансіонѣ, то кровать его выносилась на ночь по его приказанію изъ общей пансіонерской спальни въ залъ. Если на другой день дежурства утренняго класса у него по «росписи» не было, то на ночь онъ уходилъ секретно въ клубъ и возвращался въ пансіонъ только къ шести часамъ утра, т. е. ко времени вставанія воспитанниковъ. Въ частномъ домѣ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящей статьи, классы съ канцеляріею дирекціи помѣщались въ среднемъ, а пансіонъ—въ третьемъ этажѣ. Пансіонскій залъ имѣлъ балконъ, на который двери отворялась всегда свободно. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что баронъ спитъ ночью въ залѣ одинъ, старшіе воспитанники пансіона, уже брившіе бороды—такъ какъ они сидѣли по нѣскольку лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, благодаря тому,

что воспитывались на счетъ помѣщиковъ, — согласились выбросить ночью барона съ кроватью съ пансіонскаго балкона на улицу, и, навѣрное, устроили бы это, потому что были преотчаянныя головы, но ихъ заговоръ удалось подслушать одному воспитаннику, любимому барономъ, и довести о немъ до свѣдѣнія послѣдняго. Мену и виду не подалъ, что онъ повѣщенъ о составившемся противъ него заговорѣ, но только съ того времени приказалъ одному изъ сторожей постоянно ложиться спать въ залѣ на полу, вблизи его кровати. Онъ преимущественно любилъ тѣхъ учениковъ, которые хорошо учились у него латинскому языку. Лучшихъ по латинскому языку воспитанниковъ пансіона онъ даже кормилъ своимъ собственнымъ обѣдомъ, который приносился ему изъ квартиры или гостиницы его лакеемъ, котораго онъ звалъ «Николашка»: казенныхъ, т. е. пансіонскихъ кушаній баронъ никогда не ѣлъ.

Которому-то классу производился публичный экзаменъ изъ Закона Божія. Вызванный, по обыкновенію, къ доскѣ ученикъ не могъ ни на одинъ вопросъ отвѣтить. «Ну, скажи!» спросилъ его суетившійся около него протоіерей Захарія, «кто спасся во время потопа?» Ученикъ даже и надъ такимъ немудренымъ вопросомъ задумался, но въ этотъ критическій моментъ очутился, невѣдомыми судьбами, баронъ Мену за доскою. Ни мало не мѣшкая, Мену вытаскиваетъ свою завѣтную булавку изъ угла вицъ-мундирнаго лацкана и вонзаетъ ея конецъ изъ-за доски въ самую мягкую часть тѣла ставшаго втупикъ ученика. Послѣдній чуть не подпрыгиваетъ отъ боли и вскрикиваетъ во всеуслышаніе: «ой!»— «Ну такъ, не робѣй, Ной!» подхватываетъ налету выражающее боль междометіе протоіерей Захарія и превращаетъ его въ имя собственное; по экзаменаціонному залу прокатился взрывъ хохота присутствовавшихъ лицъ.

Директоромъ гимназіи былъ потомъ Ѳедоръ Ивановичъ Эрдманъ. Когда мы были представлены ему инспекторомъ, онъ, чертами своего лица, показался намъ чрезчуръ строгимъ начальникомъ, какое о себѣ мнѣніе онъ самъ упрочилъ, на первое время, въ нашихъ головахъ, сказавъ, смотря на всѣхъ насъ, въ отвѣтъ инспектору, жаловавшемуся на нѣкоторыхъ гимназистовъ: «я буду поступать, какъ отецъ съ дѣтьми». И дѣйствительно онъ, во все время своего управленія гимназіею, оправдывалъ свое обѣщаніе: это была олицетворенная родительская добродѣтель! Вскорѣ же, по вступленіи своемъ въ должность директора, Эрдманъ открылъ, для желающихъ пансіонеровъ и вольно-приходящихъ учениковъ гимназіи, безплатные вечерніе классы персидскаго и арабскаго языковъ, которые самъ преподавалъ непосредственно; обратилъ все свое вниманіе на продовольствіе пансіонеровъ, и въ семь часовъ каждаго утра самъ осматривалъ провизію, купленную на довольствіе

воспитанниковъ пансіона; въ этомъ трудѣ помогала ему и достойная всякаго уваженія супруга его, Ольга Өедоровна; всѣмъ ученикамъ, отъ большаго до малаго, всегда говорилъ «вы», а не «ты», чѣмъ подавалъ дѣтямъ примѣръ вѣжливости; съ любовію принималъ на себя трудъ преподаванія въ классахъ,—за отсутствіемъ почему-либо учителя,—тѣхъ наукъ, которыхъ онъ былъ спеціалистомъ, какъ напр.: исторіи, латинскаго языка и др. Это былъ человѣкъ громадной эрудиціи; онъ зналъ основательно языки: нѣмецкій, русскій, французскій, латинскій, персидскій, арабскій и, можетъ быть, еще другіе какіе и свободно говорилъ на перечисленныхъ діалектахъ. На двухъ послѣднихъ языкахъ онъ сдѣлалъ въ гимназическую неподвижную библіотеку вкладъ двухъ объемистыхъ печатныхъ томовъ своего сочиненія о какомъ-то предметѣ. Онъ завелъ въ означенной библіотекѣ отдѣлъ—мюнцъ-кабинетъ.

Изъ содержанія титула Эрдмана, который прописывался полностію на какихъ-либо документахъ, было видно, что онъ считался членомъ всѣхъ существовавшихъ въ то время ученыхъ обществъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ 1847 году Эрдманъ довольно продолжительное время занималъ въ гимназіи каөедру латинскаго языка. Что это за прелестное было преподаваніе такого мертваго предмета! Чуть не на каждую строку переводимаго латинскаго автора Эрдманъ давалъ обстоятельное толкованіе. Если онъ спрашивалъ о чемъ-нибудь ученика, и тотъ откровенно сознавался, что онъ забылъ спрашиваемое, то Эрдманъ съ добродушною улыбкою возражалъ: «ну какъ это такъ; я что читалъ, ничего не забылъ». Полтора часа занятія Эрдмана съ учениками протекали для послѣднихъ рѣшительно незамѣтно, и когда колокольчикъ сторожа давалъ знать о перемѣнѣ лекціи, ученики съ сердечнымъ сожалѣніемъ разставались съ своимъ неоцѣненнымъ менторомъ Өедоромъ Ивановичемъ. Предсѣдательствуя на экзаменахъ, Эрдманъ частенько, увлекшись предметомъ науки, самъ отвѣчалъ за ученика. Такъ я живо помню, какъ однажды на экзаменѣ изъ русской исторіи онъ цѣлые полтора часа говорилъ за ученика о нашествіи монголовъ на Россію. «Не знаю, откуда Эрдманъ почерпалъ историческія свѣдѣнія»,—говорилъ ученикамъ 7 класса учитель исторіи, Александръ Фаустиновичъ Гейсманъ, учившійся въ Казанскомъ университетѣ въ бытность тамъ Эрдмана профессоромъ,—«однажды онъ занималъ въ Казанскомъ университетѣ каөедру профессора по исторіи, и что же? онъ въ теченіе цѣлаго года читалъ намъ одно царствованіе Александра Македонскаго; помимо воинственныхъ подвиговъ этого монарха, онъ описывалъ намъ его домашній бытъ и даже перечислялъ, какія этотъ государь любилъ кушанья, какъ напр. верблюжьи пятки и т. п.». За что я купилъ, за то и продалъ: если солгалъ объ Эрдманѣ Гейсманъ, такъ значитъ, солгалъ и я. Эрдманъ никогда и никому не давалъ учениковъ въ обиду и вину каждаго

изъ нихъ старался умалить въ глазахъ другихъ до nec plus ultra, конечно, вину не уголовную, а ребяческую. Было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ инспекторъ домогался чуть не стереть съ лица земли какого-нибудь воспитанника за какую-нибудь глупость, свойственную уму, еще не развитому, но Эрдманъ становился между воспитанникомъ и инспекторомъ щитомъ непроницаемымъ, и дѣло улаживалось само собою. Разскажу примѣры. Однажды Эрдманъ былъ въ разъѣздахъ по инспектированію училищъ дирекціи; за сутки или двое до его возвращенія, одинъ изъ воспитанниковъ пансіона позволилъ себѣ вымазать за что-то грязною тряпкою лицо своему товарищу по классу; послѣдній пожаловался гувернеру, а гувернеръ доложилъ его жалобу инспектору. Сей каратель всякихъ поступковъ ученическихъ уже не имѣлъ, при Эрдманѣ, права наказывать розгами, въ чемъ ранѣе онъ любилъ зачастую упражняться, придираясь при каждомъ случаѣ къ ученику. Онъ вздумалъ собрать совѣтъ учителей для постановленія журнала объ исключеніи провинившагося изъ пансіона, и дѣло, какъ говорится, было бы у инспектора въ шляпѣ, если бы всѣ учителя, члены совѣта, успѣли собраться, постановить и подписать журналъ въ одно время, но такъ какъ это не привелось въ исполненіе до самаго возвращенія Эрдмана, то инспекторъ и долженъ былъ ограничиться лишь докладомъ Эрдману о сдѣланномъ ученикомъ преступленіи. Что же дѣлаетъ Эрдманъ? Онъ немедленно призываетъ въ свой кабинетъ преступника, даетъ ему, въ присутствіи инспектора, выговоръ и отцовское внушеніе, и за тѣмъ, обратившись къ инспектору, говоритъ: «возьмите отъ него подписку въ томъ, что если онъ еще разъ сдѣлаетъ подобную шалость, то признаетъ справедливымъ быть исключеннымъ изъ учебнаго заведенія».

Давшій подписку недавно скончался въ Петербургѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

По службѣ Эрдманъ былъ неутомимъ: ежедневно въ 8-мъ часу утра можно было застать его въ кабинетѣ сидящимъ за своимъ письменнымъ столомъ, въ вицъ-мундирной парѣ, съ выбритою бородою, съ аппетитною чашкою кофе на столѣ, съ трубкою или сигарою въ губахъ и съ стальнымъ перомъ въ рукѣ.

Прочитывая журналъ «Историческій Вѣстникъ» за 1885 годъ, я натолкнулся, въ части его за сентябрь мѣсяцъ, на статью священника I. К. Мизерецкаго подъ заглавіемъ: «Разсказы объ архимандритѣ Фотіи».

Въ этихъ «разсказахъ» упоминается вскользь о настоятелѣ Сковородскаго монастыря Кіеѳѣ, и не все изложено объ архимандритѣ Фотіи.

Когда Фотій скончался, насъ, пансіонеровъ гимназіи, гоняли въ Юрьевъ монастырь, отстоящій версты на три отъ Новгорода, про-

щаться съ отшедшимъ архимандритомъ Фотіемъ въ Царство Небесное, и я живо помню, какъ всѣ мы, пансіонеры, проникнутые особымъ чувствомъ благоговѣнія къ мнимо-святому почившему іерарху, старались упредить другъ друга цѣлованіемъ руки въ Бозѣ почившаго святителя. Велико было въ то время обаяніе, которымъ поражала всѣхъ жителей Новгорода мнимая святость еще живаго архимандрита Фотія.

Останки Фотія и графини Анны Орловой, по завѣщанію послѣдней, похоронены въ одной усыпальницѣ рядомъ, и надъ ихъ гробницами, предъ стоящимъ тамъ образомъ, горитъ и по сейчасъ неугасимая лампада, и читается, денно и нощно, священное писаніе по чину. Деревянное масло, если только не прованское, для помянутой лампады покупается и трудъ надгробныхъ чтецовъ вознаграждается суммою изъ процентовъ капитала, особо на сей предметъ внесеннаго въ государственный банкъ графинею Анною Орловою.

Мѣсто архимандрита въ Юрьевомъ монастырѣ, съ кончиною Фотія, занялъ іеромонахъ Мануилъ, упоминаемый въ «Разсказахъ объ архимандритѣ Фотіи», священника Мизерецкаго.

Архимандритъ Сковородскаго монастыря Киѳа былъ коренастъ, роста средняго—лицомъ круглъ и смуглъ; съ черною, густою бородою; фигурою плотенъ, толстъ. Онъ могъ бы быть представительнымъ кучеромъ. Шла между новгородцами молва, что будто бы Киѳа былъ актеромъ, понравился Фотію; послѣдній сбилъ его идти въ монастырь, и когда Киѳа согласился, то пробывъ послушникомъ, вмѣсто установленныхъ трехъ лѣтъ, всего только три дня, былъ посвященъ въ іеродіаконы, а вслѣдъ за тѣмъ—и въ іеромонахи.

Когда Киѳа совершалъ богослуженіе, заливался въ «возгласахъ» первымъ теноромъ; когда же становился на клиросѣ, что̀ случалось ему въ нашей гимназической церкви, тогда онъ пѣлъ басомъ, пускалъ октаву, а пареміи читалъ, повышая свой басовый голосъ такъ, что, какъ говорится, стѣны тряслись. Однажды послѣ совершавшейся въ гимназической церкви «всенощной», за которою Киѳа неимовѣрно читалъ пареміи, бывшій тогда директоромъ, профессоръ статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Эрдманъ, по вѣроисповѣданію-лютеранинъ, высказалъ свое удивленіе его громогласію, на что̀ Киѳа отвѣтилъ, смѣясь: «я посильнѣе бы закончилъ чтеніе паремій, да боялся, чтобы стѣны гимназіи не рухнули, такъ какъ я слышалъ, что въ средину ихъ Рейхель мусору насыпалъ». Генералъ-маіоръ Ѳедоръ Яковлевичъ Рейхель былъ начальникомъ 1-го округа министерства путей сообщенія, въ то время находившагося не въ Вышнемъ-Волочкѣ, а въ Новгородѣ. И дѣйствительно, Рейхель руководилъ постройкою зданія Новгородской гимназіи.

Законоучителемъ въ Новгородской гимназіи былъ священникъ, впослѣдствіи—протоіерей Знаменской церкви, кандидатъ с.-петербургской

духовной академіи, Ареѳа Ивановичъ Силуановъ, вдовствовавшій со втораго года своего священства. Онъ-то и былъ у Киѳы закадычнымъ другомъ. Киѳа всегда останавливался у него, когда почему-либо пріѣзжалъ изъ своего монастыря въ Новгородъ; съ нимъ вмѣстѣ гулялъ и съ нимъ вмѣстѣ бывалъ у кого-либо въ гостяхъ; словомъ, Киѳу съ Ареѳою называли иголкою съ ниткою.

Наканунѣ тѣхъ праздничныхъ дней, въ которые Киѳа обязанъ былъ участвовать въ архіерейскомъ служеніи обѣдни, онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, останавливался у Ареѳы и съ нимъ вмѣстѣ шелъ къ шести часамъ вечера въ гимназію, въ церкви которой Ареѳа отправлялъ «всенощную», а Киѳа пѣлъ съ пансіонерами на клиросѣ, и вотъ тутъ-то, въ антрактахъ пѣнія, онъ поролъ намъ, пѣвчимъ, всевозможную дичь, какъ напримѣръ: «чтобы пустить октаву, надобно поскоблить у сапога голенище». Этимъ друзьямъ священно-служителямъ былъ весь городъ знакомъ, но преимущественно Киѳа находилъ для себя широкое раздолье у почтмейстера Ѳедора Ивановича Покровскаго и смотрителя провіантскаго магазина Александра Степансвича Попова, у которыхъ для посѣтителей было всегда, какъ говорится, разливное море всякихъ напитковъ отъ водки до шампанскаго включительно.

Если Киѳа встрѣчалъ въ означенныхъ домахъ лицо, для себя незнакомое, онъ предварительно обращался секретно къ хозяину съ вопросомъ, что-за личность у него въ гостяхъ и можно ли ему, въ присутствіи этой личности, вести себя безъ всякихъ стѣсненій. Если онъ получалъ отъ хозяина утвердительный отвѣтъ, тогда, послѣ нѣкотораго жертвоприношенія Бахусу, онъ снималъ съ себя клобукъ, наперсный крестъ, рясу, и оставшись въ одномъ подрясникѣ, засучивалъ рукава, бралъ въ руки гитару, ударялъ по ея струнамъ, т. е., что-нибудь начиналъ играть на ней, и съ тѣмъ вмѣстѣ затягивалъ теноромъ какой-нибудь романсъ.

Киѳа никогда не лазилъ за словомъ въ карманъ: до того онъ былъ находчивъ въ отвѣтахъ, къ каждой рюмкѣ вина у него былъ цѣлый ворохъ куплетовъ; даже митрополита, посѣщавшаго ежегодно Новгородъ, онъ напутствовалъ остротами, каламбурами и разнаго рода потѣхами: такъ, однажды, сопровождая митрополита въ монастырскомъ саду, онъ занималъ владыку объясненіемъ въ растеніяхъ мужескаго рода и женскаго и причинъ, по которымъ такъ признается наукою; въ другой разъ, за обѣдомъ, даннымъ у архіерея для митрополита и другихъ сановниковъ, на вопросъ высокопреосвященнаго, что должно быть читаемо за трапезою епископа, Киѳа незадумавшись отвѣтилъ: «ярлыки на бутылкахъ». И дѣйствительно, обѣденный архіерейскій столъ былъ уставленъ бутылками съ винами различныхъ наименованій.

Въ переднемъ углу пріемной комнаты архимандрита Киѳы, въ Ско-

*

вородскомъ монастырѣ, стояла значительныхъ размѣровъ божница, которая была уставлена св. иконами; внутри же ея, за дверцами, покоились на полкахъ бутыли съ разными напитками и приличныя къ нимъ яства. Подвѣдомственные Киѳѣ монахи, послушники и другіе служащіе, любили его за братское обхожденіе и смотрѣніе сквозь пальцы на ихнія отступленія отъ правилъ монастырскаго устава.

Не довольствуясь провожденіемъ времени среди знакомыхъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія, архимандритъ Киѳа не стѣснялся своимъ отшельническимъ званіемъ проводить, съ пріятностію, время и у христіанъ-иновѣрцевъ. Онъ бывалъ и на ихъ масляницѣ, празднуемой иновѣрцами, какъ извѣстно, въ теченіе первыхъ двухъ дней первой недѣли великаго поста.

Случился однажды такой казусъ. У начальника Новгородской губерніи, генералъ-маіора Зурова, былъ о святкахъ маскарадъ, а именно на новый годъ. Когда губернаторскіе аппартаменты уже были переполнены массою двигающихся взадъ и впередъ и танцующихъ масокъ, явились туда два замаскированныхъ господина, изъ которыхъ одинъ, средняго роста, игралъ роль продавца-хозяина, а другой, головою выше перваго, представлялъ собою приказчика, держа въ рукахъ корзину съ разными продающимися предметами. Купецъ, предлагавши многимъ лицамъ купить у него что-нибудь, добрался, наконецъ, и до самого губернатора. Вынувши у приказчика изъ корзины томъ свода гражданскихъ законовъ, купецъ предложилъ эту книгу Зурову, завѣряя его, что безъ руководства этой книги онъ не въ состояніи управлять губерніею. Зуровъ оскорбился такою публичною насмѣшкою и приказалъ разузнать, кто такіе эти продавцы. Хотя Зурову и подсказали, что подъ масками продавцовъ скрываются Киѳа и Ареѳа, но когда Зурову стало это извѣстнымъ, послѣдніе уже успѣли отбыть изъ его губернаторскихъ аппартаментовъ.

О таковомъ поступкѣ Киѳы, едва-ли не на другой же день, Зуровъ отнесся оффиціальною бумагою къ новгородскому архіерею, прося владыку о привлеченіи Киѳы къ суду за маскированіе. Архіерей вызвалъ къ себѣ Киѳу для словеснаго допроса, но какъ тотъ отперся въ виновности приписаннаго ему преступленія, такъ архіерей нашелся вынужденнымъ назначить лицъ для производства формальнаго слѣдствія по жалобѣ начальника губерніи на противозаконныя дѣйствія архимандрита Киѳы. Допрошенные монахи, послушники и прочіе служители Сковородскаго монастыря всѣ въ одинъ голосъ показали, что Киѳа наканунѣ новаго года слушалъ въ церкви вечернее богослуженіе, изъ монастыря не только не выѣзжалъ, но даже и не выходилъ за ворота, а утромъ присутствовалъ въ алтарѣ во время служенія «утрени».

Оправданный показаніями своихъ подчиненныхъ, архимадритъ Киѳа вступился за честь своего званія: онъ отнесся къ архіерею «репортомъ»

о привлеченіи начальника губерніи, генералъ-маіора Зурова, къ отвѣтственности за нанесеніе оскорбленія какъ ему, Киѳѣ, лично, такъ въ лицѣ его и цѣлому сонму монашествующихъ. Узнавъ объ этомъ, Зуровъ струхнулъ не на шутку, и обратился къ архіерею съ просьбою о примиреніи его съ Киѳою. По убѣжденію архіерея, Киѳа изъявилъ согласіе простить Зурова, чѣмъ и покончилъ все дѣло.

Въ 1857 году, по случаю упраздненія новгородской провіантской коммиссіи, я остался за штатомъ. Но вскорѣ состоялся приказъ бывшаго генералъ-провіантмейстера Булгакова о прикомандированіи меня къ московской провіантской коммиссіи.

Въ Москву я прибылъ 14-го октября того же года и въ то же время доложилъ начальнику, полковнику Русову, о томъ, что командиръ гренадерскаго корпуса повысилъ цѣны, открытыя на фуражъ подполковникомъ Макѣевымъ для довольствія войскъ, квартирующихъ въ Тверской губерніи, въ періодъ съ сентября 1857 по февраль 1858 года. Булгаковъ, возвратившись въ Петербургъ, безотлагательно предписалъ московской провіантской коммиссіи предложить означеннымъ войскамъ, чтобы они приняли на себя фуражное довольствіе по открытымъ цѣнамъ; въ случаѣ же несогласія ихъ на то, командировать чиновниковъ для поставки войскамъ фуража натурою, при покупкѣ котораго чиновникамъ отнюдь не выходить изъ открытыхъ цѣнъ Макѣевымъ.

Подполковникъ Макѣевъ, во-первыхъ, собиралъ свѣдѣнія о существовавшихъ цѣнахъ на фуражъ въ хорошую лѣтнюю пору, когда всякія дороги для проѣзда удобны, а во-вторыхъ, ограничился полученіемъ цѣнъ на фуражъ только въ одномъ городѣ Твери, вѣроятно, пожалѣвъ тратить прогонныя деньги на разъѣзды по уѣздамъ, не взявъ себѣ въ трудъ сообразить, что на пространствѣ почти 60.000 кв. верстъ, составляющемъ территорію Тверской губерніи, не можетъ быть земля одинаковаго свойства и, слѣдовательно, одинаковаго плодородія, какъ по количеству, такъ и по качеству ея произведеній.

Помянутое распоряженіе Булгакова воспослѣдовало уже тогда, когда наступила страшная въ томъ году осенняя распутица, продолжавшаяся вплоть до декабря, такъ что, за трудностью подвозки куда-либо, какъ овесъ, сѣно и солома, такъ и прочіе продукты, вздорожали значительно. Это было причиною того,—по правдѣ сказать, фиктивною,—что полки 7-ой легкой кавалерійской дивизіи отказались принять на себя фуражное довольствіе по открытымъ цѣнамъ, а потому московская провіантская коммиссія разослала въ тѣ мѣста, гдѣ квартировали означенные полки, чиновниковъ для довольствія войскъ фуражомъ въ натурѣ по цѣнамъ Макѣевскимъ. О цѣнахъ, существовавшихъ въ то время на овесъ и солому, я не помню; открытая же Макѣевымъ цѣна на сѣно—20 коп. за пудъ поднялась до 35 коп. Въ Бѣжецкій уѣздъ,

въ которомъ въ то время квартировалъ уланскій полкъ, въ первую голову, былъ посланъ, для покупки фуража, титулярный совѣтникъ Шубинъ. Послѣдній, пробѣгавъ нѣсколько дней по городу Бѣжецку, въ поискахъ фуража, донесъ категорически, что по открытымъ цѣнамъ покупать фуражъ невозможно. Русовъ донесъ объ этомъ въ провіантскій департаментъ, и Булгаковъ предписалъ приказать Шубину подать въ отставку. Когда это приказаніе было объявлено Шубину, послѣдній осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ: «Слава Богу, а я думалъ, что Булгаковъ разжалуетъ меня въ солдаты; теперь, хотя, въ свою усадебку мы съ женою благополучно уберемся».

Булгаковъ не пользовался у своихъ подчиненныхъ репутаціею добраго и справедливаго начальника.

По удаленіи Шубина изъ города Бѣжецка, московская провіантская коммиссія телеграфировала пребывавшему въ городѣ Твери, для ревизіи тамошней дистанціи, старшему члену присутствія той же коммиссіи, статскому совѣтнику Николаю Ильичу Байкову, чтобы онъ немедленно, съ полученіемъ телеграммы, отправился въ городъ Бѣжецкъ поддержать фуражное довольствіе уланскаго полка натурою, потому что этотъ полкъ закидалъ донесеніями, что безъ фуража лошади околѣваютъ, а потому онъ и вынужденъ самъ пріобрѣтать довольствіе для лошадей по справочнымъ цѣнамъ.

Бывшій, ранѣе того, нѣсколько лѣтъ главнымъ смотрителемъ тверской провіантской дистанціи и потому хорошо знакомый какъ съ мѣстностями, такъ и со многими обитателями означенной губерніи, Байковъ, прибывъ въ городъ Бѣжецкъ, прямо обратился къ тамошнему городскому головѣ съ просьбою о помощи по довольствію полка фуражомъ. Голова далъ ему двухъ дѣльныхъ и испытанныхъ въ честности мѣщанъ, которые и пустились шнырять по всему уѣзду для покупки фуража, но все-таки по высшимъ, противу открытыхъ, цѣнамъ, такъ что Байковъ за одинъ октябрь, какъ мнѣ достовѣрно было извѣстно, понесъ убытку изъ собственности 506 руб., какъ одну копѣйку, ибо покупку фуража онъ показывалъ въ отчетѣ, страшась гнѣва Булгакова, по цѣнамъ открытымъ. Разумѣется, въ счетъ оказавшагося убытка вошли и разъѣзды съ кормовыми помянутыхъ двухъ мѣщанъ, и различныя надбавки на овсѣ, которыя были вымогаемы полкомъ.

Поддерживая, такимъ образомъ, фуражное довольствіе уланскаго полка натурою, Байковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, телеграфировалъ Русову, чтобы онъ прислалъ, на смѣну его, другаго чиновника, такъ какъ навязанное ему довольствіе не соотвѣтствовало его настоящей служебной обязанности.

Ночью, кажется, на 5-ое число ноября, Русовъ, имѣвшій квартиру

въ одномъ зданіи съ коммиссіею, прибѣжалъ въ послѣднюю и спросилъ сторожа:

— Гдѣ дежурный чиновникъ Радзиковскій?

Я представился.

— Вотъ что, господинъ Радзиковскій,—началъ Русовъ говорить мнѣ, съ поспѣшностью,—членъ Байковъ телеграфируетъ, чтобы на смѣну его прислать въ Бѣжецкъ другаго чиновника. Такъ какъ Егоровъ рекомендовалъ мнѣ васъ съ отличной, во всѣхъ отношеніяхъ, стороны, то для продолженія производимой Байковымъ операціи, я выбираю васъ, надѣясь, что вы вполнѣ оправдаете даваемое мною вамъ порученіе, и потому приготовьтесь завтра ѣхать со мною на вечернемъ поѣздѣ.

На другой день Русовъ метался и по коммиссіи, и въ присутствіи, какъ угорѣлый, все дѣлая какія-то распоряженія, какъ бы предъ генеральнымъ сраженіемъ на жизнь или на смерть.

Смотря на его суету, я вспомнилъ нравоученіе безсмертнаго дѣдушки Ивана Андреевича Крылова: «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ».

Впослѣдствіи, Байковъ, познакомясь со мною короче,—надо при этомъ сказать, что Николай Ильичъ Байковъ былъ университантъ, добрякъ, умница и писака,—говорилъ мнѣ по секрету, что Русовъ—человѣкъ недалекій; что иногда онъ сочинитъ, чуть не на пяти листахъ рапортъ въ провіантскій департаментъ и проситъ его, Байкова, проредактировать его умственное произведеніе, и что хотя, при подобномъ редактированіи, Байковъ и находилъ въ Русовскомъ рапортѣ изрядную радичь, но никогда не рѣшался исправлять и всегда одобрялъ его рапортъ.

Къ назначенному вечернему поѣзду Русовъ взялъ еще, кромѣ меня, нѣсколько чиновниковъ и писарей, и повезъ всѣхъ насъ, по желѣзной дорогѣ, въ городъ Тверь. Пріѣхали мы въ этотъ губернскій городъ и заняли помѣщеніе въ гостиницѣ. Цѣлую ночь, напролетъ, Русовъ суетился, давалъ намъ, чиновникамъ, наставленія, какъ довольствовать войска, и рекомендаціи къ тѣмъ знакомымъ ему лицамъ, у которыхъ будто бы можно было достать покупкою фуражъ, что впослѣдствіи оказалось чистѣйшимъ бредомъ; диктовалъ писарямъ: предписанія намъ, чиновникамъ, и отношенія—командирамъ полковъ о томъ, что для довольствія послѣднихъ командируются такіе-то чиновники. Уже съ разсвѣтомъ, не спавшихъ во всю ночь, утомленныхъ безсонницею, отпустилъ Русовъ насъ грѣшныхъ на почтовую станцію, съ которой мы и отправились всѣ по назначенію, а онъ съ писарями отбылъ въ Москву.

Пріѣзжаю въ Бѣжецкъ, отыскиваю квартиру Байкова и представляюсь ему. Увидавъ меня, онъ несказанно обрадовался мнѣ, какъ

своему близкому родственнику, и разсказалъ, со всѣми подробностями, слѣдующее: командиръ полка упрашивалъ его донести въ коммиссію, что, по случаю неимовѣрной распутицы, невозможно пріобрѣтать фуражъ по открытымъ цѣнамъ; когда же Байковъ отказалъ ему въ этомъ, поставивъ на видъ, что самъ полкъ даже дешевле предложенныхъ ему цѣнъ можетъ покупать фуражъ—такъ какъ ему, Байкову, очень хорошо извѣстно, какъ бывшему тверскимъ дистанціоннымъ смотрителемъ, что войска, при собственной заготовкѣ фуража, весьма мало интересуются качествомъ послѣдняго,—командиръ полка разссорился съ нимъ и при каждомъ предъявленіи Байковымъ овса, въ нанятомъ подъ складъ послѣдняго амбарѣ, не только лично самъ являлся за пріемкою сказаннаго продукта, но и приводилъ съ собою эскадронныхъ командировъ и казначея, и съ ними, чуть не ложась на полъ, выбиралъ изъ разсыпаннаго на амбарномъ полу, для перемѣрки, сухаго овса отдѣлявшуюся шелуху, наполнялъ ею стаканъ и затѣмъ предлагалъ опечатать и представить ее по начальству, въ удостовѣреніе того, что овесъ поставляется чиновниками въ полкъ будто-бы недоброкачественный. Во избѣжаніе всякихъ пререканій, Байковъ сначала надбавлялъ, кажется, по два гарнца на каждую принимаемую полкомъ четверть, а впослѣдствіи съ него стягивали едва-ли не по цѣлому четверику къ имѣвшимся восьми мѣрамъ въ кулѣ.

Принять отъ Байкова довольствіе полка я не могъ, во-первыхъ, потому, что онъ не имѣлъ возможности сдать мнѣ, по разсчету, высланныя ему коммиссіею, на предметъ покупки фуража, деньги: такъ какъ нѣкоторая часть суммы была уже израсходована имъ на купленный фуражъ, а нѣкоторая выдана помянутымъ мѣщанамъ на послѣдующую покупку сѣна и соломы. Во-вторыхъ же потому, что въ содѣйствіи мѣщанъ я прямо усмотрѣлъ рѣшительный убытокъ, а безъ содѣйствія означенныхъ людей обойдтись не было никакой возможности, такъ какъ въ деревняхъ ни овса, ни сѣна, ни соломы непосредственно чиновникамъ не продавали, ибо крестьянамъ была строжайше воспрещена помѣщиками какая бы то ни было сдѣлка съ чиновными лицами. О такомъ запретѣ просили помѣщиковъ и самъ командиръ полка, и эскадронные командиры. Объ этомъ я самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ словоохотливыхъ мужичковъ, впрочемъ «по секрету», равно какъ и то, что «фуражомъ казенной поставки полкъ, небойсь, брезгуетъ, а самъ-то подбираетъ для своихъ лошадей то, что мужички выбрасываютъ за негодностію».

Объ отказѣ своемъ я донесъ коммиссіи, почему и присланъ былъ замѣнить Байкова титулярный совѣтникъ Троицкій, но этотъ также не согласился принять на себя такую щекотливую для кармана операцію, и оба мы остались у Байкова въ помощникахъ.

Между тѣмъ, командиръ полка, получивъ увѣдомленіе отъ Русова о

назначеніи меня вмѣсто Байкова, обрадовался, въ томъ соображеніи, что Байковъ, какъ-ни-какъ, все-таки же поддерживалъ довольствіе полка натурою, а я—новичекъ, незнакомый ни съ мѣстностями, ни съ обывателями уѣзда, навѣрное провалюсь съ этимъ каторжнымъ довольствіемъ, и прислалъ просить меня къ себѣ. Когда я пришелъ къ нему, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему я не явился къ нему въ свое время, т. е. когда онъ получилъ увѣдомленіе о томъ, что я будто бы назначенъ къ нему въ полкъ. Я отвѣчалъ, что я командированъ не въ полкъ, а довольствовать полкъ.

— Крайне жалѣю, что я подавалъ руку кучеру Байкову, и надѣюсь, что мы съ вами поладимъ,—сказалъ мнѣ командиръ.

— Довольствія полка фуражомъ непосредственно на себя я не принимаю и остаюсь у статскаго совѣтника Байкова помощникомъ,—отвѣтилъ я.

Полковникъ презрительно кивнулъ мнѣ головой, и я удалился.

По возвращеніи въ свою квартиру—я забылъ упомянуть, что Байковъ, я и Троицкій помѣщались въ одной квартирѣ, холодной и съ проѣденными крысами дырами въ полахъ,—лучшей найдти мы не могли, да и искать-то не было времени,—я передалъ Байкову, слово въ слово, свой разговоръ съ командиромъ и даже не забылъ сообщить, что тотъ назвалъ его кучеромъ. Лишь только я произнесъ послѣднюю фразу, какъ Байковъ улыбнулся, а Троицкій скорчилъ мнѣ гримасу. То и другое я замѣтилъ, и, какъ только мнѣ удалось быть съ Троицкимъ наединѣ, я просилъ его объяснить причину сдѣланной имъ мнѣ гримасы.

— Да помилуйте, какъ же можно колоть человѣка, что называется, не въ бровь, а въ глазъ: говорить, что онъ кучеръ!—отвѣтилъ Троицкій.

— Да вѣдь такъ назвалъ его не я самъ, а командиръ полка!—возразилъ я.

— Да, все-таки не слѣдовало вамъ передавать этого, потому что подобное напоминаніе естественно должно показаться Николаю Ильичу оскорбительнымъ.

— Какое напоминаніе?—спросилъ я Троицкаго.

— Какъ, какое; для чего напоминать ему, что онъ сынъ кучера!—воскликнулъ Троицкій.

— Какъ, сынъ кучера?—съ недоумѣніемъ спросилъ я Троицкаго.

— Да развѣ вы не знаете, что онъ сынъ того Ильи Байкова, который былъ кучеромъ у покойнаго императора Александра I-го?—спросилъ меня, въ свою очередь, Троицкій.

— Это я отъ васъ перваго слышу и никогда этого не заподозрилъ бы; но въ такомъ случаѣ, Николаю Ильичу тѣмъ болѣе чести, что, будучи сыномъ кучера, онъ окончилъ курсъ наукъ въ университетѣ, дослужился

до чина статскаго совѣтника, а главнѣе всего—рѣдкая душа во всѣхъ отношеніяхъ,—закончилъ я нашъ диспутъ.

И, дѣйствительно, Байковъ былъ нашъ: пріятель, товарищъ, другъ, братъ, словомъ, что вамъ угодно. Продолжая посылать мѣщанъ за пріобрѣтеніемъ фуража, Байковъ посылалъ и меня съ Троицкимъ разъѣзжать по селамъ и деревнямъ для покупки сѣна и соломы.

Однажды произошелъ неожиданный казусъ, который, благодареніе Богу, далъ переворотъ всему нашему операціонному дѣлу, «ему же» не предвидѣлся конецъ, ибо легко могло статься, что и съ февраля 1858 года полки 7-ой легкой кавалерійской дивизіи могли не принять на себя фуражнаго довольствія по вновь имѣвшимъ быть открытыми цѣнамъ, которыя также, быть можетъ, показались бы имъ дешевыми, и тогда мы, козлы искупленія чужихъ грѣховъ, были бы неизбѣжно должны покупать фуражъ для уланскаго полка въ теченіе всего февральскаго періода.

Посланный купить сѣно для двухъ эскадроновъ, изъ которыхъ одинъ квартировалъ въ 18, а другой въ 15 верстахъ отъ Бѣжецка, я пріѣзжаю утромъ въ одно село и узнаю, что священникъ того села продаетъ сѣно, хранящееся у него въ сараѣ. Являюсь къ священнику, смотрю его сѣно, нахожу его законнымъ, покупаю, накладываю на возы и отправляю въ деревни, въ которыхъ квартировали намѣченные мною эскадроны. Въ квартировавшій въ 18 верстахъ отъ Бѣжецка я поѣхалъ сдавать самъ, а въ квартировавшій въ 15 верстахъ я послалъ сдавать сѣно мѣщанина Первухина. Во время пути сѣна, повалилъ рыхлый снѣгъ и напалъ на возы хлопьями. Такъ какъ сказанная покупка сѣна совершалась въ ноябрѣ, въ которомъ дни бываютъ уже очень коротки, то мои возы пришли въ мѣста назначенія предъ сумерками. Пока я нашелъ командира эскадрона, пока я уламывалъ его принять сѣно — онъ сознался мнѣ, что командиръ полка приказалъ имъ, эскадроннымъ командирамъ, сколько возможно, придираться къ качеству поставляемыхъ чиновниками продуктовъ и браковать послѣдніе. Пока приняли отъ меня сѣно на эскадронный пудовой безмѣнъ, уже стемнѣло, и эскадронный командиръ былъ въ частности настолько любезенъ, что предложилъ мнѣ ужинъ, а затѣмъ и ночлегъ. Бесѣда наша съ нимъ заключалась преимущественно въ спорѣ: онъ настаивалъ на томъ, что Байковъ, съ которымъ онъ былъ ранѣе знакомъ, наживется отъ исполняемой имъ заготовки фуража на довольствіе полка, а я ручался честнымъ словомъ, что если Байковъ еще продлитъ подобнымъ образомъ заготовку, то буквально прогоритъ и пуститъ свою, и безъ того необезпеченную, семью по міру.

На другой день, рано утромъ, я уже летѣлъ въ Бѣжецкъ. Лишь только явился я къ Байкову съ радостною вѣстію, что весьма удачно

исполнилъ его порученіе, какъ онъ сказалъ мнѣ: «А у меня уже былъ Первухинъ съ жалобою, что эскадронный командиръ маіоръ Пан—въ не принимаетъ купленнаго вами сѣна; надобно вамъ сейчасъ же ѣхать туда; Первухинъ уже уѣхалъ».

Пораженный такою нежданною вѣстію, какъ громомъ, нисколько не мѣшкая, я поскакалъ въ тотъ эскадронъ. Пріѣзжаю въ село, нахожу Первухина и спрашиваю его, гдѣ сѣно. «А вотъ пожалуйте,—сказалъ мнѣ Первухинъ,—на этотъ дворъ: тутъ у мужичка я нанялъ мѣсто подъ складъ сѣна и свалилъ его».

— Зачѣмъ же ты свалилъ его?—спрашиваю я.

— Да когда воза пришли, то на верху сѣна лежалъ хлопьями снѣгъ; это увидалъ маіоръ, и, несмотря на то, что весь снѣгъ былъ скиданъ, онъ отказался принимать сѣно, а какъ нанятыя подводы держать было нельзя, то я и былъ заставленъ необходимостію сложить куда-нибудь сѣно на храненіе, «чтобы оно не пропало за-даромъ»,—отвѣтилъ Первухинъ.

Осмотрѣвъ сложенное сѣно, я послалъ просить маіора, чтобы онъ пожаловалъ къ мѣсту нахожденія сѣна для объясненія со мною. Приходитъ П—въ и на вопросъ мой, почему онъ не принимаетъ сѣно, отвѣтилъ, что «оно рыбою пахнетъ». Поспоривъ съ нимъ и не добившись искомаго результата, я раскланялся и отправился въ станціонную избу, приказавъ запрягать для себя лошадей.

Въ сказанной избѣ я засталъ двухъ мужичковъ, изъ которыхъ одинъ курилъ изъ трубченки, внимательно слушая какое-то повѣствованіе своего «побратима». Увидѣвъ меня, они встали, поклонились, и бесѣда ихъ прекратилась. Въ ожиданіи лошадей, я заговорилъ съ ними и узналъ, что курильщикъ есть сельскій писарь, а повѣствователь — сборщикъ крестьянскихъ податей. Во время такого разговора, неожиданно входитъ въ избу П—въ и говоритъ мнѣ, что онъ согласенъ принять сѣно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы я далъ два пуда за одинъ. На это я ему отвѣчалъ категорически, что, во первыхъ, безъ вѣдома Байкова, я ни въ какія сдѣлки съ нимъ входить не считаю себя въ правѣ, а, во-вторыхъ, что если онъ находитъ сѣно качества незаконнаго, тѣмъ болѣе пахнущимъ рыбою, такъ онъ не долженъ и ста пудовъ брать за одинъ. Получивъ такую загвоздку, П—въ ушелъ, не возразивъ мнѣ ни слова. По уходѣ его, я обратился къ находившимся въ избѣ помянутымъ двумъ лицамъ съ вопросомъ, слышали ли они, чего требовалъ отъ меня маіоръ, и могутъ ли дать мнѣ въ томъ подписку. «Слышали, — отвѣчали они вмѣстѣ,—и подписку дать согласны».

Я послалъ находившагося при мнѣ провіантскаго служителя достать бумаги, перо и чернилъ. Когда эти матеріалы были принесены, сельскій писарь сказалъ мнѣ: «Ваше благородіе! сами по себѣ, безъ разрѣшенія

нашего начальства, дать подписку, извините, мы не смѣемъ, а извольте записать насъ, кто мы такіе: мы отъ показанія не отречемся». Я записалъ этихъ сельскихъ служакъ и отправился въ Бѣжецкъ. По пріѣздѣ въ послѣдній, я передалъ Байкову все, что имѣлъ сообщить о П—вѣ и найденныхъ мною свидѣтеляхъ. Байковъ, какъ человѣкъ мягкій, уступчивый, мирный, хотѣлъ согласиться на требованія П—ва, лишь бы, какъ говорится, отойдти отъ зла и сотворить благо, но я, видя, что подобная уступчивость Байкова не только не вразумитъ полка быть въ его дѣйствіяхъ добросовѣстнѣе, но еще болѣе укрѣпитъ въ немъ надежду на возможность добраться до рубашки Байкова, высказалъ ему энергично, что я не оставлю подобныхъ вымогательствъ необнаруженными предъ правительствомъ. Въ тотъ же день я послалъ Русову рапортъ о требованіи у меня маіоромъ непомѣрной надбавки сѣна и въ подтвержденіе этого указалъ записанныхъ мною свидѣтелей.

Рапортъ мой Русовъ представилъ Булгакову, а Булгаковъ о сущности его донесъ военному министру Сухозанету 2-му. Сей мужъ послалъ къ намъ въ Бѣжецкъ на слѣдствіе какого-то своего родственника, маіора О—ва, котораго судьба отличила отъ прочихъ смертныхъ вышиною и объемомъ туловища, напоминавшими собою комнатную чугунную круглую печь, при каковыхъ дарахъ щедрой природы, онъ внушалъ кому угодно опасеніе противорѣчить ему съ глазу на глазъ.

Однажды вечеромъ, уже довольно поздно, Байковъ, Троицкій и я сидѣли въ своей квартирѣ тріумвиратомъ и сводили за столомъ счеты нашихъ покупокъ фуража, какъ вдругъ, неожиданно, входитъ полковой солдатъ и подаетъ разносную полковую книгу съ конвертомъ; на послѣднемъ была нѣчто предвѣщавшая надпись: «Статскому Совѣтнику Байкову».

Распечатавъ конвертъ, Байковъ нашелъ въ немъ другой конвертъ, съ предписаніемъ провіантскаго департамента и записочку отъ маіора О—ва такого содержанія, что онъ, по распоряженію военнаго министра, пріѣхалъ въ Бѣжецкъ по дѣлу о фуражномъ довольствіи войскъ и остановился въ квартирѣ командира полка, а потому приглашаетъ его, Байкова, къ себѣ безотлагательно для личныхъ объясненій. Между тѣмъ, въ предписаніи департамента было ясно выражено, что маіоръ О—въ командированъ въ помощь Байкову по сдачѣ полку фуражныхъ продуктовъ. Байковъ, надобно сказать, имѣлъ большіе, выпуклые глаза; носилъ, по своей близорукости, очки, и при встрѣчѣ всякой неожиданности, таращилъ глаза, чѣмъ и показывалъ видъ испуга. То же самое случилось съ нимъ и теперь.

Прочитавъ вслухъ записку Ор—ва и предписаніе департамента, Байковъ вытаращилъ на насъ глаза, какъ бы требуя отъ насъ слова. Мы, съ своей стороны, смотрѣли на него и ожидали, что онъ скажетъ.

—Я думаю,—прервалъ онъ наше общее молчаніе,—надѣть мундиръ да сходить теперь же.

— И я думаю тоже, – отозвался Троицкій.

— А я такъ думаю совсѣмъ иначе,—молвилъ я въ свою очередь.

— Что же вы такое думаете?—спросилъ меня Байковъ, съ мелькнувшею на его устахъ едва уловимою улыбкою.

— Я думаю,—продолжалъ я, въ серьезномъ тонѣ,—вамъ, Николай Ильичъ, должно не только не ходить къ О—ву, по присланной имъ запискѣ, и тѣмъ не унижать себя предъ маіоромъ, но безотлагательно представить его записку, при рапортѣ, прямо генералъ-провіантмейстеру и просить разъясненія, за кого слѣдуетъ принимать О—ва: за помощника ли вашего по нашей поставкѣ полку фуража, или за слѣдователя по тому же предмету, такъ какъ онъ остановился въ квартирѣ командира полка и запискою приглашаетъ васъ явиться къ нему.

— Что вы, что вы, къ чему это?—возразилъ мнѣ Байковъ,—онъ посланъ военнымъ министромъ, а я буду жаловаться на него генералъ-провіантмейстеру; вы знаете пословицу: плеть обуха не перешибетъ.

— Да, честь лучше безчестья, и ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ,—поддержалъ мнѣніе Байкова Троицкій.

— Какъ знаете! Я здѣсь младшій и чиномъ и лѣтами—я имѣлъ тогда чинъ коллежскаго секретаря и тридцать одинъ годъ отъ роду,—а потому и совѣтовъ, правду говоря, давать старшимъ не имѣю права, но могу поручиться за то, что вашу, Николай Ильичъ, спѣшную визитацію О—въ сочтетъ за робость съ вашей стороны и воспользуется ею для своихъ дальнѣйшихъ предначертаній,—заключилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду,—рѣшилъ Байковъ, и, облачившись въ полную форму, поплелся несчастный, часовъ въ одиннадцать ночи, подъ дождемъ, въ непроницаемой уличной тьмѣ,—ибо въ уѣздныхъ городахъ фонарное освѣщеніе полагается только при входахъ въ питейные дома, по ломаннымъ деревяннымъ мосткамъ, претендовавшимъ именоваться тротуарами, въ квартиру командира. Впрочемъ, путь его освѣщался горѣвшею сальною свѣчею въ фонарѣ, несенномъ впереди его однимъ изъ провіантскихъ служителей.

Ждемъ мы съ Троицкимъ возвращенія Байкова и не можемъ дождаться; вотъ уже пробилъ и часъ по полуночи, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Мы испугались и думали, что съ нимъ повстрѣчалось что-нибудь недоброе или на улицѣ, или въ квартирѣ командира полка, но вотъ около половины втораго часа дверь распахнулась, и въ комнату нашу вбѣгаетъ Байковъ. Бросая каску на диванъ, онъ вскричалъ:

— Ну, господа, мы погибли!

— Успокойтесь, успокойтесь, Николай Ильичъ!—проговорили мы съ Троицкимъ въ одно слово.

— Что такое случилось?—спрашиваемъ Байкова.

— Какъ же! Представляюсь я О—ву,— началъ свое повѣствованіе Байковъ. «Что вы заводите на полкъ кляузы!» почти вскричалъ О—въ, «сами поставляете въ полкъ всякую дрянь и на него же жалуетесь! Я на васъ съ вашими чиновниками вотъ какое накатаю дѣло!» показалъ онъ рукою, поднявъ ее чуть не до потолка. «Завтра утромъ, къ двѣнадцати часамъ, извольте быть съ вашими чиновниками въ селѣ—названіе я запамятовалъ, но въ немъ стоялъ эскадронъ П—ва—я буду, въ присутствіи всѣхъ васъ, опрашивать свидѣтелей, указанныхъ Радзиковскимъ.

— Завтра, къ назначенному времени, намъ нужно быть въ селѣ,—заключилъ Байковъ.

— Извините, Николай Ильичъ!—отозвался я,—я не поѣду, во-первыхъ, потому, что изъ предписанія генералъ-провіантмейстера отнюдь не видно, чтобы О—въ былъ посланъ производить слѣдствіе; во-вторыхъ, потому, что намъ дорого время для покупки фуража, а вѣдь на исполненіе причудъ О—ва придется пожертвовать совершенно напрасно цѣлыми сутками, потому что и такъ день короче воробьинаго носа; въ третьихъ же потому, что указанныхъ мною свидѣтелей можно спросить здѣсь, въ городѣ, въ земскомъ судѣ подъ присягою.

Въ своей рѣчи я указывалъ на возможность допросить свидѣтелей въ земскомъ судѣ, а того никто изъ насъ, чиновниковъ, не зналъ, что въ Бѣжецкъ уже пріѣзжалъ отъ войскъ какой-то полковникъ и въ земскомъ же судѣ допрашивалъ означенныхъ свидѣтелей «подъ присягою», но что именно они показали, намъ сообщено никѣмъ не было; этотъ военный фортель уже впослѣдствіи случайно сталъ намъ извѣстенъ.

— Ну, а если, на правѣ старшаго, попрошу васъ ѣхать съ нами?—едва пересилилъ себя Байковъ высказать подобную фразу.

— Въ такомъ случаѣ, вашему приказанію я повинуюсь,—отвѣтилъ я съ стѣсненнымъ въ груди дыханіемъ.

На слѣдующій день, взявъ тройку земскихъ лошадей, всѣ мы трое втискались кое-какъ въ телѣжную кибитку и потряслись въ село. Въ дорогѣ насъ обогнали на парѣ рысаковъ, запряженныхъ въ сани съ дышломъ, О—въ съ командиромъ полка. Въ это утро, хотя земля и подмерзла, но такъ какъ снѣгу не было, то санные полозья бѣжецкихъ близнецовъ ужасно драли пристывшую грязь и тѣмъ замедляли ретивый бѣгъ полковыхъ лошадокъ. Зачѣмъ ѣздилъ съ О—вымъ въ село командиръ, для насъ, чиновниковъ, осталось неизвѣстнымъ.

Когда мы въѣхали въ село и вылѣзли изъ телѣги, О—въ съ командиромъ уже стояли посреди улицы, въ ожиданіи нашего прибытія.

— Г-нъ Байковъ,—такъ обратился маіоръ къ статскому совѣтнику, въ присутствіи глазѣвшихъ на нашу комедію крестьянъ и солдатъ,—представьте мнѣ вашихъ чиновниковъ!

Байковъ, указавъ на меня и Троицкаго, произнесъ наши чины и фамиліи.

— Укажите вашихъ свидѣтелей!—обратился ко мнѣ О—въ.

— Здѣсь я не вижу ихъ,—отвѣтилъ я, обозрѣвая толпившуюся вокругъ насъ массу крестьянъ и едва сдерживая въ себѣ гнѣвъ на разыгрывающаго роль имѣющаго власть «вязать и рѣшить».

— Сборщикъ податей ушелъ въ такую-то деревню, за три версты,—отозвались крестьяне.

— Я васъ прошу отыскать его,—обратился опять ко мнѣ О—въ.

— Гдѣ же я буду разыскивать его,—возразилъ я.

Послѣ такого рѣшительнаго моего отвѣта, Байковъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «возьмите лошадей и съѣздите за нимъ въ деревню».

Какъ ни тошно было мнѣ такое предложеніе, но изъ любви и уваженія къ личности Байкова, я, безъ слова, сѣлъ въ трясучку и буквально поскакалъ по кочкамъ въ названную крестьянами деревню. Пріѣзжаю въ послѣднюю, спрашиваю, гдѣ сборщикъ крестьянскихъ податей, и получаю отвѣтъ, что онъ ушелъ въ то село, изъ котораго я пріѣхалъ.

— Какъ же онъ мнѣ не повстрѣчался?—спросилъ я.

— Да ваше благородіе изволили пріѣхать на коняхъ, по дорогѣ, а онъ пошелъ кратчайшимъ путемъ, тропинкою,—отвѣтили мнѣ мужички.

Повернувъ обратно лошадей, пріѣзжаю въ село и говорю, что сборщикъ ушелъ изъ той деревни въ это село.

—Да я уже опросилъ свидѣтелей, теперь можете ѣхать,—отвѣтилъ рѣшитель чиновничьей судьбы.

По возвращеніи нашемъ въ Бѣжецкъ, Байковъ и Троицкій разсказали мнѣ, какъ О—въ дѣлалъ опросъ указаннымъ мною свидѣтелямъ.

— Когда было везено сюда сѣно для эскадрона такого-то числа, шелъ ли тогда мокрый снѣгъ?—спросилъ О—въ сельскаго писаря и сборщика податей.

— Такъ точно, ваше превосходительство, шелъ-съ,—отвѣтили свидѣтели.

— Ну и довольно, значитъ, сѣно было мокрое!—заключилъ доморощенный слѣдователь и тѣмъ закончилъ свою интермедію.

О всемъ вышеописанномъ Байковъ донесъ въ Московскую коммиссію, а О—въ поѣхалъ къ Русову и сказалъ послѣднему, что онъ ѣдетъ доложить военному министру, что чиновники дѣйствительно доставляли въ полкъ дурные продукты. Вслѣдствіе этого Русовъ полетѣлъ въ Петербургъ съ обстоятельнымъ докладомъ генералъ-правіантмейстеру, какъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ чиновникамъ полкомъ, при пріемѣ послѣднимъ отъ нихъ фуражныхъ продуктовъ, такъ и о пристрастныхъ дѣйствіяхъ О—ва, впослѣдствіи оказавшагося товарищемъ командиру по кадетскому корпусу.

Выслушавъ словесный докладъ Русова, Булгаковъ сказалъ ему: «поѣзжайте къ военному министру и доложите ему все то, что я въ настоящую минуту слышалъ отъ васъ; скажите, что я прислалъ васъ къ нему».

Русовъ покатилъ къ военному министру и въ кабинетѣ его высокопревосходительства столкнулся, лицемъ къ лицу, съ докладчикомъ О—вымъ.

Выслушавъ объясненія обоихъ Русова и О—ва, Сухозанетъ произнесъ: «изъ вашихъ совмѣстныхъ докладовъ я усматриваю, что чиновники виноваты, но нахожу, что и полкъ не совсѣмъ правъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а потому, въ прекращеніе всякихъ претензій и жалобъ съ обѣихъ сторонъ, нахожу нужнымъ предоставить полкамъ 7-й легкой кавалерійской дивизіи покупать фуражъ въ настоящемъ періодѣ по цѣнамъ, повышеннымъ корпуснымъ командиромъ.

Вслѣдствіе этого мы, чиновники, наканунѣ Николина дня уже катили по зимней малоснѣжной дорожкѣ во-свояси.

Такъ рѣшаются иногда вѣскими людьми дѣла всякаго рода безотвѣтно затѣмъ, что пресса молчалива.

Упомянувъ выше о томъ, что Русовъ былъ не большаго ума, я считаю нравственнымъ долгомъ сказать и о томъ, что онъ заслуживалъ уваженіе сознаніемъ своей священной обязанности не давать въ обиду подвѣдомственныхъ ему лицъ, что̀ весьма рѣдко встрѣчается въ начальствующихъ особахъ.

Съ 1858 по 1868 годъ я проживалъ, обязанный службою, въ г. Боровичахъ. Въ уѣздномъ городѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, познакомишься, volens-nolens, со всякими лицами. Впрочемъ, въ уѣздномъ городѣ, и безъ знакомства, извѣстно каждому все, какъ на ладони, что у кого жарится, варится и печется, а тѣмъ болѣе, кто какъ живетъ, чѣмъ занимается и какія творитъ дѣла. Изъ числа нѣсколькихъ лицъ, скажу о двухъ, болѣе прославившихся и оставившихъ по себѣ цѣлому уѣзду неувядаемую память своими дѣйствіями. Эти два замѣчательныхъ мужа были: городничій, состоявшій подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ, отставной капитанъ князь Баг—нъ и исправникъ—чина его не помню—Димитрій Димитріевичъ Крыловъ. Первый былъ высокаго роста, съ смуглымъ, какъ бы загорѣвшимъ отъ солнца, ужѐ частію покрытымъ морщинами лицомъ, съ черною повязкою на лбу и съ костылемъ въ рукѣ. Впрочемъ, этими аттрибутами онъ пользовался только во время посѣщенія города высшими сановниками, какъ напр., свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ и т. п.; въ остальное же время эти доспѣхи никогда при немъ не обрѣтались. Второй также былъ высокаго роста, изъ кавалеристовъ, съ довольно благородною, представительною наружностію. Первый любилъ кутить на всѣ руки и загребать все въ свой карманъ, что̀ только попадало въ его руки; послѣдній тянулъ неимовѣрно коньякъ, который вогналъ его въ чахотку, и отношеніями

своими къ крестьянамъ ввѣреннаго ему уѣзда уподоблялся кошкѣ, держащей мышку въ своихъ лапкахъ.

Князь Б—нъ, еще до назначенія своего въ г. Боровичи городничимъ, проживалъ въ г. Ригѣ въ то время, когда рижскимъ генералъ-губернаторомъ былъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Молва шла, что, проживая въ Ригѣ, въ гостиницѣ, Б—нъ вошелъ въ долги и бѣжалъ изъ гостиницы чрезъ окно куда-то, что̀ стало извѣстнымъ свѣтлѣйшему. Можетъ быть, Б—нъ и еще кое-что творилъ въ Ригѣ «несуразное», ибо когда онъ ужѐ былъ боровичскимъ городничимъ и вздумалъ представиться Суворову, при проѣздѣ послѣдняго въ свое имѣніе, село Кончанское, то Суворовъ прямо сказалъ ему, чтобы онъ избавилъ его отъ своихъ визитацій. Сдѣлавшись боровичскимъ городничимъ, Б—нъ не замѣшкалъ показать всему обществу, что онъ за птица: онъ началъ такъ грабить всѣхъ, кого только можно было обирать, что ему весь городъ далъ прозвище: «Грабитіонъ». Онъ хорошо изучилъ законы о правахъ и обязанностяхъ городничаго и старался пользоваться ими въ свою выгоду при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ. Б—нъ былъ глуховатъ, и потому какъ онъ самъ говорилъ всегда громко, такъ надобно было и ему говорить повышеннымъ голосомъ, что̀ для многихъ составляло порядочное затрудненіе, особенно для слабогрудыхъ.

Передамъ кое-что изъ массы продѣлокъ этого героя. Однажды, позднимъ лѣтнимъ вечеромъ, въ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ подрались между собою два еврея. Побиваемый еврей выскочилъ въ окно и прямо бросился съ жалобою въ квартиру городничаго, находившуюся недалеко отъ жилья дравшихся евреевъ. Б—нъ, оставивъ жалобщика у себя, послалъ «десятскаго» за виновнымъ. Когда послѣдній явился, городничій примирилъ ихъ такимъ образомъ: «давайте мнѣ оба по пятеркѣ и убирайтесь къ чорту», прогремѣлъ онъ басомъ. Еврейчики переглянулись, достали изъ своихъ боковыхъ кармановъ бумажки, вынули изъ нихъ по пятирублевкѣ и подали безмолвно «Грабитіону». Онъ положилъ десять рублей въ свой карманъ, а еврейчики удалились съ миромъ.

До вступленія Б—на въ должность городничаго, по улицамъ г. Боровичъ, въ теченіе круглаго года, слонялись обывательскія коровы, отыскивая для себя по стогнамъ града пропитанія на чужой счетъ; въ числѣ ихъ путалась и корова стряпчаго Соловьева. Б—нъ сразу прекратилъ это безобразіе: онъ распорядился загнать всѣхъ шляющихся по городу коровъ въ какой-то дворъ и за выкупъ каждой коровы бралъ съ обывателя въ свою пользу штрафныя деньги, а съ блюстителя законовъ Соловьева сорвалъ двойной кушъ. Стряпчій былъ простакъ, сильно уважалъ горячительное, но никогда, нигдѣ и ни во что не вмѣшивался, а потому и выглядывалъ какимъ-то забитымъ. Онъ бродилъ

изъ дома въ домъ для выпивки, а фиктивная служба его заработывала жалованье и съ каждымъ днемъ приближала Соловьева къ полученію пенсіи.

Узналъ Б—нъ, что боровичскіе торговцы перекупаютъ по утрамъ у черты города продукты, везомые крестьянами на продажу въ городъ. Онъ налетѣлъ туда, рано утромъ, ястребомъ; собралъ изрядную дань съ продавцевъ и покупателей въ свою пользу, и укатилъ домой, оставивъ тѣхъ и другихъ доканчивать ихнія сдѣлки.

Между торгующими лицами въ г. Боровичахъ былъ одинъ зажиточный купецъ-скряга, нѣкто Платонъ Даніиловичъ Кудрявцевъ. Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, Б—нъ послалъ своего лакея просить этого купца на чай. Платонъ Даніиловичъ, усмотрѣвъ въ этомъ приглашеніи немалую для себя честь, явился на зовъ немедленно.

— Здравствуй, Платонъ Даніиловичъ! Соскучалъ въ одиночествѣ Б—нъ жилъ одинъ, а жена его, говорили, жила въ Москвѣ), думалъ, кого бы пригласить чайку вмѣстѣ испить, да и вспомнилъ о тебѣ, вотъ и послалъ лакея пригласить на чаепитіе,—проимпровизовалъ городничій.

— Весьма благодаренъ вашему сіятельству за сдѣланную мнѣ тѣмъ честь!—отвѣчалъ Кудрявцевъ, низко кланяясь.

— Садись, пожалуйста! Эй, человѣкъ, самоваръ! – пробасилъ Б—нъ.

Самоваръ на столъ поданъ, кипитъ, а чай, между тѣмъ, не заваривается.

— Человѣкъ!—крикнулъ Б—нъ.

— Чего изволите, ваше сіятельство!– сказалъ явившійся на его зовъ лакей.

— Что же ты чай не завариваешь? - спросилъ князь.

— Да ни чаю, ни сахару нѣтъ!—отвѣчалъ лакей.

— Что же ты раньше не сказалъ мнѣ объ этомъ? Платонъ Даніиловичъ! вотъ клочекъ бумаги и карандашъ; напиши къ своей женѣ въ лавку записку, чтобы она отпустила моему человѣку одинъ фунтъ чаю и голову сахару.

Дѣлать было нечего, написалъ Кудрявцевъ записку; чай съ сахаромъ были принесены, и онъ самъ ими угощался.

Понятно, что о платежѣ за товаръ не было и рѣчи. Явился, однажды, въ Боровичское городническое правленіе, по какому-то дѣлу, иногородный молодой купчикъ. Взявъ съ купчика за исполненіе его дѣла малую толику, Б—нъ позвалъ его въ свою квартиру обѣдать. По выходѣ изъ-за стола, городничій, по обыкновенію, взялъ и закурилъ папиросу; то же продѣлалъ и купчикъ въ свою очередь, но не предвидѣлъ онъ, во что обойдется стоимость закуренной имъ папироски.

— Какъ, ты, молокососъ, – внезапно взревѣлъ Б—нъ,—осмѣлился

закурить папироску въ квартирѣ начальника города? Десятскій, отведи его въ арестантскую!

Купчикъ такъ перепугался, что со слезами на глазахъ сталъ просить прощенія.

— Ну, чортъ съ тобой! давай выкупу столько-то и убирайся! Только на первый разъ прощаю тебѣ!

Тотъ безотговорочно отдалъ Грабитіону выкупъ и пустился изъ его квартиры безъ оглядки.

Когда, съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ г. Боровичи начали приносить икону Божіей Матери изъ Иверскаго монастыря, и эту икону монахи носили (и теперь носятъ) по домамъ обывателей днемъ и ночью, то Б—нъ и въ этомъ ношеніи изобрѣлъ для себя гешефтъ: онъ бралъ съ зажиточныхъ обывателей деньги за то, чтобы въ ихъ дома икона была принесена прежде, чѣмъ въ другіе, и для сей цѣли, онъ постоянно сопутствовалъ монастырскому намѣстнику, несшему икону, и распоряжался, куда икону нести прежде и куда послѣ.

Живя съ Б—мъ въ одной улицѣ, однажды лѣтомъ, часовъ въ пять по полудни, я проходилъ мимо его квартиры, окна которой почти всѣ были отворены. Онъ жилъ во второмъ этажѣ невысокаго дома. Иду и слышу такого содержанія объясненіе Б—на съ его лакеемъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, вѣдь мнѣ тоже нужны деньги! Какъ же я буду жить, ничего не получая?

— А вотъ ты у меня поговори, такъ я тебя безпаспортнаго за конвоемъ отправлю! Понимаешь?

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство! Это за то, вѣрно, что я вамъ аммуницію сшилъ, да и сюда васъ привезъ на свой счетъ.

Дальнѣйшаго пререканія я ужѣ не могъ слышать, миновавъ домъ, въ которомъ жилъ Б-нъ. Было понятно, что лакей просилъ Б—на объ уплатѣ, а Грабитіонъ имѣлъ понятіе только о получкахъ.

Не знаю, по какому случаю, послѣ двухлѣтняго неустаннаго грабежа, Грабитіонъ перевелся на должность градоначальника же въ г. Устюжну. Какъ только онъ выѣхалъ изъ Боровичей, весьма многіе обыватели послѣдняго принесли на Б—на жалобу о его взяточничествѣ. Было назначено, по этому поводу, слѣдствіе, и Б—нъ былъ вытребованъ въ г. Боровичи на очныя ставки съ его обвинителями. Едва онъ предсталъ предъ ними, какъ всѣ они спасовали и отъ своихъ претензій къ нему отказались, а какъ Б—нъ числился, по бывшей у него контузіи, состоящимъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ, то Новгородское губернское правленіе и само было радо прекратить дѣло съ тузомъ ветераномъ. Долго ли Б—нъ куралесилъ въ Устюжнѣ, не знаю, но мнѣ извѣстно, что впослѣдствіи онъ доканчивалъ

дни своей бурной жизни въ самомъ Новгородѣ на двухъ пенсіяхъ, составлявшихъ въ годъ тысячу рублей.

Крыловъ былъ для крестьянъ ввѣреннаго ему уѣзда чистѣйшимъ бичемъ, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Крестьяне всегда были награждаемы отъ него нецензурными выраженіями, и при случаѣ—поролись имъ не на животъ, а на смерть. Методъ сѣченія у него былъ таковъ: велитъ раздѣть и положить мужика, потомъ потребуетъ огня; закуривъ папиросу, велитъ сѣчь, конечно, съ двухъ сторонъ, и деретъ до тѣхъ поръ, пока не докуритъ папиросы. Это я слышалъ отъ тѣхъ его сослуживцевъ, къ которымъ онъ относился всегда благосклонно. Беру, на выдержку, случаи изъ его служебной практики.

Въ глухую осень, возвращалась изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ одна богатая боровичская помѣщица. При ней были горничная и лакей. Пріѣхавъ на Валдайскую станцію и занявъ помѣщеніе въ одномъ изъ тамошнихъ домовъ, она намѣрена была, по примѣру прежнихъ лѣтъ, ѣхать до г. Боровичей на наемныхъ лошадяхъ. Надобно здѣсь объяснить, что въ то время боровичской желѣзной дороги еще не существовало; была же дорога почтовая отъ станціи Валдайки до г. Боровичей, протяженіемъ въ 38 верстъ, довольно-извилистая и весьма топкая въ дождливую погоду. Отдохнувъ нѣсколько отъ путешествія и не имѣя при себѣ подорожнаго бланка, помѣщица посылаетъ своего лакея къ ямщикамъ спросить, что̀ они возьмутъ за провозъ ея съ двумя слугами и ничтожнымъ багажомъ до г. Боровичей на тройкѣ лошадей въ тарантасѣ. Лакей возвращается и докладываетъ своей госпожѣ, что ямщики всѣ до одного просятъ сорокъ рублей и не сбавляютъ ни одной копѣйки.

— Какъ такъ 40 рублей? Что, они угорѣли?—кричитъ взбѣшенная помѣщица,— вѣдь это сущій дневной грабежъ!—Позови ихъ сюда! я сама переговорю съ ними.—Лакей ушелъ и чрезъ нѣсколько минутъ приводитъ къ своей госпожѣ цѣлую ораву ямщиковъ. Выходитъ къ нимъ помѣщица и говоритъ:

— Что это вы, любезные, такъ дорого запрашиваете? Вѣдь и прогоновъ-то за тройку на 38 верстъ всего полагается не болѣе трехъ рублей.

— Помилуйте, ваше сіятельство,—отвѣчаютъ всѣ ямщики за-одно,— вѣдь, дорога-то какая теперь; сами, ваше сіятельство, изволите знать, то-ись грязь непролазная, по самую ступицу.

— Голубчики, да, вѣдь, это грабежъ: взять сорокъ рублей за 38 верстъ; вѣдь это за каждую версту болѣе рубля!—возражаетъ помѣщица.

— Воля ваша-съ, ничего не подѣлаешь! Спросъ въ карманъ не

лазитъ; коли вашему сіятельству кажется дорогонько,—прикажите почтовыхъ подать!

Мужички знали, что у барыни подорожнаго бланка нѣтъ; иначе бы она и нанимать ихъ не подумала.

Полагая, что ямщики одумаются, помѣщица осталась ночевать, но, встрѣтивъ на другой день утромъ то же со стороны возницъ упорство, приказала закладывать лошадей, и когда тарантасъ былъ поданъ къ подъѣзду ея квартиры, она сѣла въ него съ своими слугами, и очередной ямщикъ покатилъ. Такъ какъ въ г. Боровичи помѣщица пріѣхала еще въ такіе часы, когда въ присутственныхъ мѣстахъ продолжались служебныя занятія, то она приказала ямщику остановиться у крыльца дома, въ которомъ помѣщался земскій судъ. Вылѣзши изъ тарантаса и поднявшись по лѣстницѣ въ судъ, помѣщица заявила тамъ свое желаніе видѣть исправника Димитрія Димитріевича Крылова. Получивъ объ этомъ докладъ, Крыловъ не замедлилъ выйдти въ пріемную комнату и, увидавъ знакомую ему госпожу, пригласилъ ее пожаловать въ присутствіе, гдѣ и предложилъ ей кресло. Когда она разсказала ему всю исторію, продѣланную съ нею валдайскими ямщиками, онъ приказалъ позвать къ себѣ ямщика. Ямщикъ явился.

— За сколько ты сторговался везти сюда эту барыню?—спросилъ Крыловъ ямщика.

— За сорокъ рублей, ваше сіятельство,—отвѣтилъ ямщикъ, почесывая въ затылкѣ.

— Десятскій!—крикнулъ Крыловъ.

— Здѣсь!—отозвался десятскій, влѣзая въ присутствіе.

— Потрудитесь отдать ямщику пять рублей, сказалъ Крыловъ,—обратившись къ помѣщицѣ.

Помѣщица отдала ямщику пять рублей.

— Возьми его теперь и дать ему сорокъ ударовъ розгами!—сказалъ Крыловъ десятскому,—а обратившись къ ямщику, присовокупилъ:—передай своимъ товарищамъ по ремеслу, что и о нихъ я не забуду.

Ямщикъ удалился за десятскимъ безмолвно, понуривъ голову, и экзекуція надъ нимъ была приведена съ точностію въ исполненіе, а помѣщица, любезно поблагодаривъ своего ангела-хранителя, отбыла во-свояси.

Боровичскіе граждане выстроили новый, лѣтній, каменный соборъ и просили митрополита Исидора пожаловать для освященія того храма. Прибытіе высокопреосвященнаго владыки въ г. Боровичи должно было послѣдовать въ самую страдную крестьянскую пору, а между тѣмъ, митрополиту Исидору предстояло катиться отъ ст. Валдайки 38 верстъ по самой отчаянной дорогѣ. Что же дѣлаетъ исправникъ Крыловъ. Чтобы отличиться предъ высокопреосвященнымъ владыкою, онъ, отнюдь

не принимая во вниманіе наступившую пору для полевыхъ работъ, выгоняетъ изъ деревень мужиковъ и заставляетъ ихъ привести дорогу въ возможно-лучшее состояніе. И дѣйствительно, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль мужички, разными подходящими способами, такъ исправили дорогу, что митрополитъ Исидоръ катилъ по ней - туда и обратно, какъ по зеркалу; но дорога не долго подержалась въ такомъ улучшенномъ видѣ, вскорѣ она опять пришла въ свое первобытное состояніе, и такимъ образомъ потъ крестьянъ былъ пролитъ напрасно, а въ поляхъ своихъ мужички, навѣрное, сдѣлали немало упущенія.

Въ 1861 году февраля 19-го дня изданъ былъ, какъ извѣстно, Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. По поводу этого событія, по селамъ и деревнямъ бродили проходимцы-толкователи манифеста и вкривь, и вкось, и тѣмъ только сбивали темный народъ съ пути пониманія сущей истины. Дабы не попасть въ просакъ, нѣкоторыя сельскія общества искали разъясненія смысла въ манифестѣ у такихъ лицъ, которымъ можно было довѣриться. Однажды, лѣтомъ того же года, я увидалъ предъ окнами своей квартиры выстроившуюся, на улицѣ, съ ружьями 14-ю роту Печерскаго пѣхотнаго полка, въ то время квартировавшаго въ г. Боровичахъ, и каптенармуса Лукина, вручающаго что-то каждому солдату. Я отворилъ окно и спросилъ Лукина, что онъ раздаетъ.

— Патроны, ваше благородіе,— отвѣтилъ Лукинъ.

— Для чего?—вновь спросилъ я его.

— Въ земскій судъ требуется рота съ заряженными ружьями,— отвѣтилъ Лукинъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ я его опять.

— Не могу знать; должно быть, бунтъ какой,—отвѣтилъ Лукинъ,— и рота отправилась чуть не бѣгомъ.

Я на-скоро одѣлся и пустился за ротой. Подхожу къ дому, въ которомъ помѣщался земскій судъ, и вдругъ вижу слѣдующую картину: въ глубинѣ двора стоитъ, прижавшись къ забору, порядочная кучка крестьянъ съ обнаженными головами; съ улицы у растворенныхъ настежь воротъ стоитъ 14-я рота солдатъ, держа ружья «на перевѣсъ», во дворѣ у воротъ же нѣсколько солдатъ изъ роты, составивъ свои ружья въ «сошки», дерутъ розгами крестьянъ по очереди; Крыловъ же стоитъ на крыльцѣ. Когда онъ пересѣкъ нѣсколько человѣкъ, то крикнулъ вопросительно къ мужичкамъ:—Поняли?

— Поняли, ваше сіятельство!—откликнулись крестьяне плачевнымъ голосомъ.

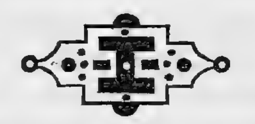
— По деревнямъ!—возопилъ Крыловъ,— топнувъ о крыльцо ногою и напутствовавъ нецензурнымъ словомъ.

Съ обнаженными головами, почесываясь, вышли изъ двора мужички и отправились по указанному маршруту.

Я не могъ понять, что это было за представленіе, но на другой же день я узналъ, что всѣ крестьяне Боровичскаго уѣзда, выбравъ изъ своей среды болѣе смышленыхъ и грамотныхъ, командировали ихъ въ земскій судъ просить исправника растолковать имъ смыслъ манифеста. Когда ватага ввалилась во дворъ и поручила кому-то доложить исправнику о цѣли ея прибытія, Крыловъ, вообразивъ у крестьянъ бунтъ и намѣреніе ихъ расправиться съ нимъ за всегдашнія его къ нимъ благодѣянія, приказалъ сказать имъ, что онъ занятъ и чтобы они обождали, а между тѣмъ послалъ одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ къ командиру полка съ просьбою о немедленной присылкѣ роты съ заряженными ружьями къ дому земскаго суда. И вотъ порядочная доза ударовъ розгами была для темнаго люда толкованіемъ Высочайшаго манифеста.

Подобныя уродливыя явленія въ жизни могли осуществляться лишь при отсутствіи тогдашней гласности.

Ив. Радзиковскій.

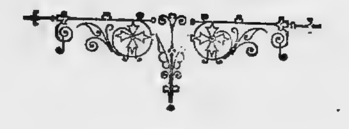

О продажѣ ученыхъ птицъ.

(Изъ объявленій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1846 г.).

Честь имѣю почтеннѣйшую публику извѣстить о прибытіи въ здѣшнюю столицу искуснаго учителя птицъ, Тульской губерніи, Петра Карелина, и о привезенныхъ имъ ученыхъ канарейкахъ, которыя доведены имъ до лучшей степени и изящнаго вкуса въ пѣсняхъ своихъ, подобно музыкальнымъ италіанскимъ пѣвцамъ, восходящими полутонами и внизъ сходящими грамматическими нотами, на каждомъ діэзѣ дѣлающія разныя трели, подобно віолончелической струнѣ и фортопіанъ отъ 2-й половинной октавы и буквы це, въ превосходномъ, механезмическомъ чистомъ и сильномъ клависномъ звукѣ, съ прибавленіемъ разной природы, и птичьихъ напѣвовъ, какъ-то: овсянкою, куликомъ и прочими. О чемъ и проситъ покорнѣйше любителей искуснаго напѣва, котораго еще никогда въ здѣшней столицѣ не было, не оставить его благосклоннымъ и внимательнымъ посѣщеніемъ.

На Тульскомъ подворьѣ, въ Зарядьѣ, въ домѣ купца Блинова, въ № 13-мъ, у Петра Нераскова, или у Петра Карелина; можно покупать привезенныхъ имъ ученыхъ канареекъ, поющихъ восходящими полутонами и нисходящими гаммами, съ разными трелями, подобно віолончельной музыкѣ и, сверхъ того, сіи канарейки поютъ какъ днемъ, такъ и ночью, свои натуральныя пѣсни—куликомъ, овсянкою и другими напѣвами. Цѣны канарейкамъ умѣренныя, смотря по требованію покупателей.

Русская армія въ годъ смерти Екатерины II.

Составъ и устройство русской арміи.

IV [1]).

Постоянная перемѣна въ составѣ полка.—Чинопроизводство —Правильность прежняго порядка чинопроизводства.—Новыя злоупотребленія въ отношеніи способа полученія чиновъ.—Увольненіе въ отставку офицеровъ и солдатъ.—Страсть русскихъ офицеровъ къ роскоши и къ карточной игрѣ.—Физическая изнѣженность русскихъ офицеровъ.—Денежные займы.—Коммиссары и казначеи.—Благоденствіе русскихъ офицеровъ и солдатъ.—Причины отсутствія дисциплины въ русской арміи.—Унтеръ-офицеры; ихъ составъ.—Казаки.—Грабежи казаковъ.

Въ Россіи офицеръ можетъ служить, гдѣ хочетъ; если одинъ полковой командиръ слишкомъ строгъ, если мѣсто расположенія его полка не нравится, то офицеръ посылаетъ прошеніе въ военную коллегію и переходитъ въ другой полкъ по своему желанію. Полковые командиры, перемѣняя полкъ, берутъ съ собою въ свои новые полки офицеровъ полка, который они оставляютъ. Офицеры, изгоняемые полковымъ командиромъ изъ одного полка, переходятъ въ другой. Я зналъ такихъ, которые служили въ пятнадцати полкахъ и были выгнаны изъ всѣхъ пятнадцати. Можно вообразить, насколько эти произвольныя и постоянныя перемѣны вредятъ пользѣ службы; рота мѣняетъ иногда по три, по четыре раза въ годъ своихъ командировъ; послѣднее случается еще и потому, что ротные командиры назначаются полковыми командирами совершенно произвольно.

---

[1]) См. «Русскую Старину» апрѣль 1895 года.

Военная коллегія ежегодно дѣлаетъ общее производство въ чины по всей арміи, но въ чины производятся не по полкамъ. Въ прежнее время, когда Потемкины, Зубовы, Суворовы, гвардейцы не разстроили еще арміи, то производство это совершалось правильно; каждый былъ увѣренъ получить въ свою очередь повышеніе и довольно быстро, не испытывать въ этомъ отношеніи явно оскорбительной или, по крайней мѣрѣ, обезкураживающей задержки. Обыкновенно оставались отъ 3 до 4 лѣтъ въ каждомъ оберъ-офицерскомъ чинѣ и отъ 7 до 8 лѣтъ въ чинѣ капитана.

Однимъ изъ злоупотребленій, всего болѣе способствовавшимъ къ погибели французской арміи, является многочисленность чиновъ; скоро становится стыдно быть капитаномъ, и оберъ-офицерскіе чины потеряли всякое значеніе. Въ Россіи случилось то же самое; объ офицерахъ привыкли судить по галунамъ на ихъ мундирахъ, и всѣ захотѣли имѣть галуны и въ то же время не служить: чины Потемкинымъ давались въ награду за поѣздки, за танцы, за пѣніе, по протекціи любовницъ и фаворитовъ; въ нѣкоторыхъ полкахъ бывало до тридцати сверхкомплектныхъ маіоровъ, изъ которыхъ ни одинъ въ дѣйствительности не служилъ въ своей части. Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій вынуждены были пріостановить ежегодное производство въ чины, и офицеры, не состоявшіе ни курьерами, ни танцорами, ни музыкантами, но бывшіе просто храбрыми, усердными и скромными, томились по 10 и 12 лѣтъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, безъ повышенія. Лучшій капитанъ въ моемъ полку, а можетъ быть и въ цѣлой арміи, но находившійся все время подъ начальствомъ Румянцева, уже 13 лѣтъ капитаномъ, а тѣ, которые 13 лѣтъ тому назадъ были прапорщиками, находясь подъ начальствомъ Суворова, теперь уже маіоры.

Главнокомандующіе арміями имѣютъ противозаконное право производить въ чины въ своихъ дивизіяхъ по собственному своему усмотрѣнію; фельдмаршалъ можетъ даже производить въ подполковники. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ фельдмаршалъ Румянцевъ, который поступаетъ такъ по убѣжденію, а можетъ быть и по капризу, никогда не производятъ въ слѣдующіе чины. Другіе, какъ напримѣръ Суворовъ, расточаютъ самые высокіе чины самымъ презрѣннымъ личностямъ: два безчестныхъ любимца Суворова, Мандрыкинъ и Тимченко, выслужившіеся солдаты, одинъ въ канцеляріи, другой тѣмъ, что поднялъ Суворова, когда тотъ былъ раненъ подъ Очаковымъ, имѣютъ на него огромное вліяніе; эти два любимца, говорю я, а въ особенности личность еще болѣе низкая, нѣкто Куритцъ, сынъ малороссійскаго крестьянина, продаютъ у него чины такъ же открыто, какъ подполковникъ Стависскій продаетъ полки въ военной коллегіи. Въ два года Суворовъ назначилъ 600 штабныхъ офицеровъ.

Молодой Валеріанъ Зубовъ, не обладай, какъ и братъ его, красивою наружностью, оставался бы и теперь въ Москвѣ незначительною личностью; въ настоящее время командуетъ арміею, имѣетъ также право производить въ подполковники, что онъ и дѣлаетъ ежедневно. Этими подполковниками являются его лакеи, его гитаристы или любимцы молодой и красивой графини Потоцкой, урожденной княжны Любомирской, этой прелестной маленькой женщины, совмѣщающей въ себѣ грацію, удовольствія, пороки, невоздержанность и безразсудство, которая бѣжала за нимъ въ Персію и которая скоро убѣжитъ и за другимъ въ другое мѣсто, если того пожелаютъ.

Когда офицеръ выходитъ въ отставку, то обыкновенно, съ увольненіемъ отъ службы, ему даютъ чинъ до чина бригадира включительно *). Мѣста комендантовъ пограничныхъ крѣпостей служатъ отставкою для престарѣлыхъ старшихъ офицеровъ, не имѣющихъ ни состоянія, ни протекціи. Эти ужасныя мѣстопребыванія на Кавказѣ, въ Сибири, въ Оренбургѣ, уединенныя, часто удаленныя болѣе чѣмъ на 200 верстъ отъ всякаго человѣческаго жилья, состоящія изъ одного ряда кольевъ, окруженныя тѣнистымъ рвомъ, украшенныя пышнымъ названіемъ крѣпостей, становятся могилами этихъ несчастныхъ офицеровъ. Необходимо обладать высшею философіею для того, чтобы переносить подобную участь безъ одурѣнія; большая часть этихъ комендантовъ скоро погибаетъ отъ нищеты, тоски и пьянства, которое дѣлается для нихъ необходимымъ вслѣдствіе скуки.

Солдаты не пользуются никакою отставкою; крестьяне, сдѣлавшіеся солдатами, увольняются въ безсрочный отпускъ послѣ 25-ти лѣтъ службы и только лишь со времени первой войны съ Турціею императрица даровала имъ эту милость, такъ какъ до этого времени они служили всю свою жизнь. Но ихъ отпускаютъ безъ платья, безъ пенсіи, безъ вознагражденія, они отправляются, куда пожелаютъ, и дѣлаются совершенно свободными. Существуетъ одинъ классъ людей, и въ особенности въ Малороссіи, которые ни дворяне, ни крестьяне и служатъ только 15 лѣтъ: ихъ называютъ однодворцами—владѣющіе однимъ домомъ **).

---

*) (1826 г.). Со временъ Павла офицеръ при отставкѣ получаетъ въ пе н сію: прослужившій 30 лѣтъ—половину своего жалованья, а прослужившій 4 лѣтъ,—все жалованье.

**) (1826 г.). Со временъ Павла и Александра солдаты получили видъ отставки подъ названіемъ инвалидовъ; по зачисленіи въ инвалиды, они жили у себя дома и получали хлѣбъ, платье и небольшое жалованье. Три года тому назадъ эта милость была у нихъ отнята; необходимость сдѣлать какую-нибудь экономію въ чрезвычайныхъ расходахъ на армію вызвала реформы и вмѣсто того, чтобы подвергнуть имъ нѣкоторыхъ изъ 90.000 человѣкъ гвардіи или

Военные, сыновья солдатъ или тѣ изъ нихъ, которые хотя и не выслужили еще своего срока, но, вслѣдствіе своей немощи, не могутъ уже болѣе продолжать нести дѣйствительную службу, зачисляются въ инвалиды; но эти инвалиды не похожи на инвалидовъ ни Гринвича, ни Чельзи, ни на тѣхъ, какіе существуютъ во Франціи и Австріи; они составляютъ внутренніе гарнизонные баталіоны, въ которыхъ солдату часто приходится сожалѣть о своемъ полку *).

Оберъ-офицеры, обладающіе какимъ-либо имѣніемъ, заблаговременно выходятъ въ отставку, чтобы жить въ своихъ деревняхъ, или стараются получить какую-либо должность въ своей губерніи; не имѣющіе же состоянія стараются получить мѣсто городничаго, почтмейстера или управляющаго у богатыхъ помѣщиковъ.

Сержанты дворянскаго происхожденія, послѣ 10 лѣтъ, а прочіе послѣ 12 лѣтъ службы, могутъ выходить въ отставку съ чиномъ прапорщика.

Карточная игра и проистекающая отъ нея безнравственность являются истинными недугами русскихъ офицеровъ. Карты составляютъ ихъ единственное времяпрепровожденіе, а фараонъ ихъ величайшее наслажденіе; тщетно самые благоразумные начальники и самые строгіе полковые командиры пытались остановить это безумство, они не имѣли успѣха. Я самъ потерпѣлъ въ этомъ отношеніи полное пораженіе и хотя питаю отвращеніе къ игрѣ, былъ вынужденъ допустить моихъ офицеровъ играть днемъ у меня для того, чтобы помѣшать имъ, насколько то было мнѣ возможно, играть по ночамъ у себя или въ трактирѣ.

Съ раздачею жалованья начинается бѣшеная игра; по истеченіи 24 часовъ деньги одной половины офицеровъ поступаютъ въ собственность другой, иногда же все жалованье переходитъ къ кому-нибудь одному. Когда не имѣютъ уже болѣе денегъ, играютъ на слово: продаютъ лоша-

---

гренадеръ, или же милліонъ человѣкъ, составляющихъ армію, графъ Аракчеевъ сдѣлалъ эти сбереженія на увольненіи отъ службы этихъ несчастныхъ инвалидовъ, на офицерахъ и солдатахъ, которые теперь просятъ милостыню. Однодворцы служатъ въ настоящее время 25 лѣтъ, какъ и прочіе крестьяне.

**) (1826 г.). Въ настоящее время служба въ гарнизонахъ сравнена со службою въ линейныхъ войскахъ, но она притомъ еще труднѣе; конвой, который приходится давать арестантамъ при слѣдованіи ихъ изъ одной тюрьмы въ другую или въ Сибирь, значительно утомляетъ этихъ несчастныхъ солдатъ. Когда линейные полки находятся въ походѣ или въ лагерѣ, то гарнизонные полки подавлены караульною службою. Наконецъ, такъ какъ горячка ученій также охватила гарнизонныхъ командировъ и офицеровъ, то они безпрестанно мучаютъ своихъ подчиненныхъ и притомъ совершенно безполезно потому, что ихъ никогда не смотрятъ.

дей, посуду, экипажи, рубашки; выдаютъ векселя, передаютъ ихъ за полцѣны, уступаютъ ихъ даже за четверть ихъ стоимости. Все это часто совершается съ такою неприличною грубостію, видѣть которую можно лишь со стыдомъ и прискорбіемъ.

Сверхъ того искусство помогать счастію, о которомъ одно подозрѣніе заставило бы во Франціи выгнать офицера изъ службы, считается въ Россіи иногда лишь общепринятою ловкостію, дозволенною шалостію. Я имѣю въ своемъ полку пять признанныхъ шулеровъ, которые открыто хвастаются своими продѣлками и, несмотря на это, они продолжаютъ оставаться друзьями остальныхъ офицеровъ, и я вынужденъ терпѣть ихъ *).

Повѣрятъ ли тому, что въ арміи, въ которой суровый и воздержный солдатъ является истиннымъ спартанцемъ въ дѣлѣ перенесенія трудовъ и лишеній, офицеры или по крайней мѣрѣ большинство ихъ, будучи лишь отъѣвшимися крестьянами, начавшіе службу съ унтеръ-офицерскаго чина и переносившіе тотъ же образъ жизни и тѣ же труды, что́ и солдаты, повѣрятъ ли тому, говорю я, что, лишь только они получатъ офицерскій темлякъ, какъ становятся сибаритами? Повѣрятъ ли тому, что русскій офицеръ никогда не путешествуетъ верхомъ? Повѣрятъ ли тому, что онъ не сдѣлаетъ и десяти верстъ, не взявъ съ собой своей постели? Повѣрятъ ли тому, что ему необходимы шампанское и англійское пиво? Повѣрятъ ли, наконецъ, тому, что онъ не можетъ нести даже своей сабли и тому, что ее несетъ его вѣстовой? Въ Варшавѣ наилучшимъ образомъ снабженные винами и ликерами погреба съ трудомъ могли удовлетворить требованіямъ русскаго гарнизона. Въ послѣдній мѣсяцъ занятія русскими этого города они выпили 48.000 бутылокъ портера; сомнѣваюсь, чтобы вся прусская армія выпила бы столько въ теченіе 18 мѣсяцевъ **).

Офицеры часто занимаютъ деньги у своихъ полковыхъ командировъ, но возвращаютъ ихъ рѣдко; правда, что деньги эти удерживаются изъ ихъ жалованья и что полковые командиры передаютъ ихъ вмѣстѣ съ сдачею полковъ; но многіе офицеры выходятъ изъ полка и не могутъ уплатить своихъ долговъ, или же полковые командиры сами вычеркиваютъ ихъ. Ссуда эта, по моему мнѣнію, составляетъ даже долгъ богатаго и добросовѣстнаго полковаго командира, который желаетъ помочь своимъ офицерамъ, не унижая ихъ; но онъ со вниманіемъ долженъ

---

*) (1826 г.). Вотъ еще одно злоупотребленіе, которое было уничтожено Павломъ. Въ настоящее время между русскими офицерами въ пѣхотѣ и кавалеріи игры почти не замѣчается. Въ артиллеріи ее еще можно встрѣтить, но рѣже, чѣмъ въ прежнее время.

**) (1826 г.) Вотъ еще одна услуга, которою обязаны императору Павлу. По этой части, какъ и въ остальномъ, произошла полная перемѣна.

выбирать тѣхъ, которые должны воспользоваться этимъ великодушіемъ, слѣдуетъ помогать достойнымъ людямъ, офицерамъ женатымъ, бѣднымъ и т. п., но ни въ какомъ случаѣ ни игрокамъ и ни прихлебателямъ. Впрочемъ, въ Россіи въ обычаѣ принимать отъ старшихъ деньги въ подарокъ: вельможи первые подаютъ тому примѣръ, получая много отъ императрицы.

Ежегодно офицеры должны выбирать изъ своей среды лицъ, обязанныхъ исполнять должности коммиссаровъ и казначеевъ; послѣдній завѣдуетъ мастеровыми, офицерскими деньгами и т. п. Первый же изъ нихъ обязанъ три раза въ годъ ѣздить въ коммиссіи получать жалованье, которое затѣмъ онъ и раздаетъ полку; но случается часто, что онъ по году ничего не получаетъ, и если его полковой командиръ не догадается преподнести что-либо въ подарокъ офицерамъ коммиссій, то его заставляютъ ожидать цѣлые вѣка. Во всякомъ случаѣ жалованье никогда не выдается исправно. Въ 1796 году моему полку должны были жалованья за десять мѣсяцевъ, а при князѣ Потемкинѣ его не выдали почти за два года *).

Въ отношеніи дисциплины русскіе офицеры пользуются большою свободою и очень счастливы; они могутъ перемѣнять полки по своему усмотрѣнію; они проводятъ восемь мѣсяцевъ въ деревняхъ и царствуютъ въ нихъ; лѣтомъ они стоятъ въ лагерѣ и обыкновенно имѣютъ прекрасный столъ у начальниковъ или у полковыхъ командировъ и пользуются пріятнымъ помѣщеніемъ; ихъ могутъ подвергнуть аресту лишь за важные проступки, и даже полковой командиръ не можетъ подвергнуть заключенію штабнаго офицера, не сдѣлавъ при этомъ представленія о преданіи его уголовному суду **).

Солдатъ въ полку, командиръ котораго не палачъ, счастливѣйшій изъ всѣхъ солдатъ въ Европѣ. Онъ превосходно одѣтъ, прекрасно накормленъ зимою у крестьянъ, а лѣтомъ въ лагерѣ; онъ наслаждается въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году полнѣйшею свободою; это маленькій царекъ въ своей деревнѣ; въ своей артели онъ имѣетъ свою собственность, чего не имѣетъ ни одинъ солдатъ въ Европѣ. Онъ получаетъ жалованье, правда ничтожное, но предназначенное единственно

---

*) (1826 г.). Жалованье, какъ я говорилъ уже объ этомъ, выплачивается въ настоящее время исправно и даже 15 днями ранѣе установленнаго срока, и коммиссіи не смѣютъ уже болѣе ничего задерживать, что ихъ чрезвычайно огорчаетъ.

**) (1826 г.). Въ настоящее время сажаютъ подъ арестъ за ошибки на ученьяхъ не только отдѣльныхъ офицеровъ, но даже и полковыхъ командировъ, отъ чего страдаетъ и то уваженіе, которымъ бы, казалось, долженъ пользоваться этотъ послѣдній чинъ. Павелъ I сажалъ подъ арестъ генералъ-поручиковъ и, между прочимъ, князей Алексѣя и Андрея Горчаковыхъ.

на его мелочные расходы. Между тѣмъ мнѣ всегда приходилось слышать, будто русскому солдату не выплачиваютъ жалованья, что его не кормятъ, не одѣваютъ, это большое заблужденіе *).

Другою причиною отсутствія дисциплины въ русской арміи являются незаконные доходы офицеровъ. Какъ наказывать людей, которымъ не даютъ того, что имъ слѣдуетъ по закону? Они стали бы жаловаться; поэтому безнаказанность является часто наградою за ихъ молчаніе, иногда даже съ ними входятъ въ соглашеніе; имъ объявляютъ, что имъ не выдадутъ того, что имъ слѣдуетъ, но что взамѣнъ этого имъ позволятъ дѣлать безнаказанно въ мѣстѣ ихъ пребыванія все, что они пожелаютъ. Такъ поступаютъ полковой командиръ Степанъ Голицынъ и многіе другіе. Однако, подобныя сдѣлки не всегда бываютъ безопасны; зачастую эти мало признательные люди предаются грабежу, остаются безнаказанными, а потомъ жалуются на своихъ же начальниковъ.

Въ Россіи очень мало унтеръ-офицеровъ, и составъ ихъ очень дурной; въ ротѣ изъ 212 солдатъ имѣются одинъ только фельдфебель, два старшихъ сержанта, одинъ каптенармусъ, одинъ квартиргеръ, одинъ знаменщикъ, хотя на батальонъ полагается лишь два знамени и четыре капрала. Эти послѣдніе и, обыкновенно, фельдфебеля и каптёнармусы назначаются изъ солдатъ; остальные же выбираются изъ офицерскихъ сыновей и молодыхъ дворянъ, которыхъ иногда зачисляютъ на службу при ихъ рожденіи, а затѣмъ вносятъ въ комплектъ въ возрастѣ восьми или десяти лѣтъ. Изъ нихъ выходятъ безсильные и неопытные унтеръ-офицеры, и этотъ же классъ доставляетъ оберъ-офицеровъ.

Унтеръ-офицеры изъ дворянъ не подвергаются палочнымъ ударамъ при Екатеринѣ **).

---

*) (1824—1826 г.). Это, кажется, какъ бы противорѣчитъ тому, что я говорилъ выше въ главѣ о наказаніяхъ, о ихъ жестокости и о тѣхъ злоупотребленіяхъ властію, которыя позволяютъ себѣ многіе начальники. Конечно, человѣка, котораго обязательно бьютъ каждый день, нельзя считать счастливымъ; но я замѣтилъ, что при Потемкинѣ дисциплина была крайне ослаблена, а произвольныя наказанія были болѣе ограничены Есть полки, въ которыхъ они ограничиваются одною неизбѣжною необходимостью и въ которыхъ имъ подвергаются только отдѣльныя неисправимыя личности. Въ такихъ полкахъ русскіе солдаты дѣйствительно очень счастливы; наоборотъ же, въ тѣхъ полкахъ, командирами которыхъ состоятъ настоящіе палачи, счастію солдатъ нельзя позавидовать. Въ настоящее время многочисленность и мучительность ученій лишили солдатъ всего того счастія, о которомъ я говорю здѣсь. Двѣнадцать часовъ ежедневныхъ занятій едва достаточно для полученія идеальнаго совершенства, требуемаго отъ солдата, и какъ достигнуть этого совершенства, не прибѣгая хотя отчасти къ мѣрамъ строгости.

**) (1824—1826 г.). Въ царствованіе Павла возобновили тѣлесныя наказанія для унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ. Я самъ былъ очевидцемъ, какъ вели-

Казаки составляютъ остатки древняго и воинственнаго народа, обитавшаго въ областяхъ, которыя въ настоящее время носятъ названія Малороссіи, Польской Украйны, Подоліи, Волыни; они были попеременно подвластны то русскимъ великимъ князьямъ, то королямъ польскимъ, но чаще всего сохраняли свою свободную независимость и воевали со всѣми, кто ихъ окружалъ; они вели приблизительно тотъ же образъ жизни, чтó и татары, ихъ сосѣди и враги.

Это войско самое дешевое и самое полезное въ Европѣ.

Казаки обладаютъ сверхъестественною способностью опознавать мѣстность, сохранять ее въ умѣ, обшарить ее, составить о ней ясное понятіе, расположить въ ней свои цѣпи сообщенія и т. п., опредѣлить силу непріятеля, узнавать дороги съ помощью звѣздъ и т. п.

Казаки осуществляютъ собою преданіе о центаврахъ, ибо они, такъ сказать, какъ бы слиты въ одно съ своими лошадьми. Эти маленькія, худыя, невзрачныя, столь же дикія и грубыя, какъ ихъ господа, животныя обладаютъ такою силою и такою быстротою, что это можно представить себѣ только тогда, когда совершишь съ ними войну; онѣ питаются всѣмъ и рѣдко утомляются. Онѣ никогда не бываютъ больны, плаваютъ какъ рыбы, пробѣгаютъ страшныя пространства и какъ бы велика ни была ихъ усталость, двухъ или трехъ часовъ отдыха достаточно для того, чтобы возстановить ихъ силы настолько, что онѣ въ состояніи снова начать свою скачку.

Послѣ побѣды казаки являются бичемъ для обратившихся въ бѣгство непріятелей, и въ особенности пѣхотинцевъ, которыхъ они прокалываютъ своими длинными пиками; въ одно мгновеніе они усѣиваютъ поле сраженія убитыми, и они производили бы еще бóльшія опустошенія, еслибы не занимались обшариваніемъ всѣхъ тѣхъ, кого они убиваютъ или ранятъ.

Казаки чрезвычайно способны тревожить непріятельскую колонну во время ея движенія, утомлять ее, задерживать, убивать отсталыхъ; никогда нѣтъ возможности успѣть совершенно избавиться отъ нихъ. Если противъ нихъ посылаютъ эскадроны, то они разлетаются и невозможно настичь ихъ; если же отдѣляютъ одиночныхъ солдатъ, то казаки, благодаря своимъ пикамъ, имѣютъ надъ ними большое преимущество.

Казаки, вообще, большіе грабители (отчасти это составляетъ недо-

---

кій князь Константинъ приказалъ дать за ошибку на ученьѣ 50 палокъ подпрапорщику Лаптеву, принадлежащему къ очень хорошей фамиліи Рязанской губерніи и братъ котораго былъ полковникомъ въ моемъ Ряжскомъ полку. Наканунѣ коронаціи императора Александра, Николай Алстерьевъ, знатной фамиліи и впослѣдствіи генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ великаго князя Константина, получилъ 15 ударовъ саблею плашмя, а на другой день былъ произведенъ въ гвардейскіе офицеры.

статокъ всей легкой кавалеріи); часто они являются страшными опустошителями [1]). Но когда они слишкомъ злоупотребляютъ грабежемъ, то виною этому всегда бываетъ главнокомандующій арміею, такъ какъ онъ можетъ, если пожелаетъ, положить предѣлъ ихъ насиліямъ. Въ началѣ кампаніи онъ долженъ при первой жалобѣ приказать строго наказать двухъ или трехъ командировъ казачьихъ полковъ; это самое дѣйствительное средство, къ которому слѣдуетъ прибѣгнуть. Часто невозможно остановить отдѣльныхъ личностей, не имѣющихъ формы и пр.; но когда отвѣтственными являются начальники, то послѣдніе сумѣютъ найти виновныхъ. Вообще, казачьи начальники имѣютъ большую власть надъ своими подчиненными и сдѣлали бы изъ нихъ честныхъ людей, еслибы сами были таковыми [2]); но немногіе изъ русскихъ генераловъ заботятся удерживать своихъ казаковъ отъ насилій. Между прочимъ, Суворовъ вмѣсто того, чтобы обуздывать казаковъ, дозволяетъ имъ и поощряетъ ихъ, и я былъ очевидцемъ, какъ они повсюду, въ Молдавіи и въ Польшѣ, совершали страшныя жестокости.

V.

Генеральный штабъ.—Полковые маневры.—Первое сраженіе, даваемое русскими. — Инспекторскіе смотры и инспекторы. — Общія размышленія о русскомъ солдатѣ.—Его превосходныя качества.—Заключеніе.

Генеральный штабъ, о которомъ я уже говорилъ и который называется квартирмейстерскимъ корпусомъ, стоитъ почти на томъ же уровнѣ,

---

[1]) Но главнымъ образомъ въ военное время и въ непріятельской странѣ, такъ какъ въ мирное время и даже въ завоеванныхъ мѣстностяхъ они спокойнѣе регулярныхъ войскъ. Лично казаки бываютъ очень привязаны и вѣрны тѣмъ, въ чье распоряженіе они даны (а ихъ даютъ всѣмъ полковникамъ и всѣмъ волонтерамъ для ихъ услугъ, порученій и т. п.). Въ сраженіи при Мачинѣ у меня былъ одинъ казакъ, постоянно и всюду меня сопровождавшій. Въ то время, какъ я произвелъ съ гусарами атаку и мы были окружены турками, онъ былъ сбитъ съ лошади, раненъ, сброшенъ на землю и потерялъ одинъ изъ пистолетовъ, которые я далъ ему на храненіе. Когда онъ нашелъ меня, то бросился мнѣ въ ноги, просилъ простить его за то, что потерялъ пистолетъ, и не промолвилъ ни одного слова ни о своей ранѣ, ни о своихъ опасностяхъ; я поднялъ его и подарилъ ему дукатъ. Онъ былъ пораженъ, десять или двѣнадцать разъ перекрестился и побѣжалъ разсказывать эту исторію своимъ товарищамъ; онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія отъ того, что я не приказалъ его избить за эту потерю.

[2]) Въ 1795 году я имѣлъ подъ своимъ начальствомъ въ Польшѣ полкъ казаковъ полковника Кутейникова, молодаго и превосходнаго офицера, солдаты котораго были образцомъ благоразумія и спокойствія; но такихъ очень мало.

чтó и артиллерія и инженерная часть; есть хорошіе рисовальщики, хорошіе рутинеры, но мало тактиковъ. Этотъ корпусъ по своему значенію занимаетъ первое мѣсто въ арміи; онъ долженъ быть разсадникомъ и школою генераловъ (какъ это и есть въ Австріи); но корпусъ этотъ, о составѣ и образованіи котораго слѣдовало бы приложить всевозможныя старанія, малочисленъ, и немногіе изъ отдѣльныхъ лицъ его въ состояніи составить планъ кампаніи, составить диспозиціи сраженій, вести колонны. Между тѣмъ во главѣ его стоятъ генералъ Пистеръ, о которомъ я уже говорилъ и за которымъ я признаю много достоинствъ, и полковникъ Медеръ, въ которомъ я полагаю достоинства еще большія.

Въ этомъ отношеніи Россія также прибѣгаетъ къ помощи иностранцевъ. Императрица въ началѣ своего царствованія вызвала изъ Гессена и Ганновера генерала Бауэра, офицера съ величайшими достоинствами, которому, какъ я уже о томъ замѣтилъ, хотѣли приписать часть успѣховъ фельдмаршала Румянцева. Онъ наводнилъ генеральный штабъ нѣмецкими офицерами, и въ числѣ ихъ было нѣсколько превосходныхъ. Въ свое время этотъ корпусъ былъ вполнѣ способенъ бороться противъ офицеровъ генеральнаго штаба другихъ европейскихъ державъ; но затѣмъ онъ сильно выродился и въ настоящее время весьма плохъ; къ тому же, такъ какъ его не употребляютъ и не упражняютъ и назначаютъ въ него по протекціи молодыхъ людей безъ опытности, а лишь для того, чтобы дать имъ возможность получать чины, то онъ и сдѣлается еще плоше, и при первой же войнѣ будутъ вынуждены вновь набрать его изъ иностранныхъ офицеровъ.

Не столько безпечность двора, сколько національные предразсудки способствовали малому успѣху, сдѣланному Россіей въ трехъ главныхъ отросляхъ военнаго искусства Ихъ самолюбіе является причиною этого невѣжества, и невѣжество его поддерживаетъ. Русскіе офицеры, привыкшіе къ легкимъ побѣдамъ надъ недисциплинированными и необразованными турками-варварами, надъ поляками, почти такими же варварами въ военномъ дѣлѣ, какъ и турки, привыкшіе, и совершенно справедливо, разсчитывать на храбрость и неустрашимость своихъ солдатъ, благодаря которымъ и счастливымъ обстоятельствамъ, имъ удалось не быть разбитыми въ Семилѣтнюю войну безсмертнымъ Фридрихомъ, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія ни о крѣпостяхъ, ни о передовыхъ укрѣпленіяхъ, ни о прикрытомъ пути[1]), считаютъ[2]) искусство и науку въ военномъ дѣлѣ не

[1]) Большинство русскихъ офицеровъ воображаютъ, что Маастрихтъ и Лилль, подобно Измаилу, Очакову и Прагѣ, имѣютъ лишь дурно устроенный небольшой земляной валъ и ровъ, чрезъ который можно перепрыгнуть на лошади. Узнавъ, что австрійцы вели правильную осаду Валансьена, Кенуа и т. п., они насмѣхались надъ ними и говорили: «пусть пошлютъ насъ туда, и мы на другой же день возьмемъ ихъ приступомъ».

[2]) И можетъ быть были правы.

Прим. ред.

только безполезными, но даже и опасными[1]). Искусство передвиженій, расположенія войскъ лагеремъ, составленіе диспозицій, сложныя и искусныя маневрированія, образцовыя произведенія искусства и тактики, высокія соображенія Густава-Адольфа, Конде, Тюренна, Люксанбурга, Виллара, Мальборо, Евгенія Савойскаго, Лаудона, Фридриха почитаются русскими за пустыя химеры; ихъ штыки и ихъ казаки составляютъ всю ихъ науку и, за исключеніемъ Румянцева, Каменскаго, Игельстрома и Прозоровскаго, я не зналъ ни одного генерала, русскаго родомъ, который не былъ бы пропитанъ этими смѣшными принципами; впрочемъ, они, можетъ быть, и правы, такъ какъ съ этими принципами они всегда имѣли успѣхъ *).

Русскіе, и въ особенности Суворовъ, страстно желали въ 1795 году войны съ французами, но въ это время эта война не была бы для нихъ удачна, такъ какъ тогда французы находились въ апогеѣ своей славы и своего военнаго одушевленія. Кто изъ русскихъ генераловъ былъ тогда въ состояніи бороться противъ Бонапарта или Моро? **); можно ли сравнивать ихъ офицеровъ генеральнаго штаба, напримѣръ, съ Бертье и т. п.? гдѣ та русская батарея, которая не была бы сбита при второмъ залпѣ французскою батареею? ихъ кавалерія, въ которой люди сидятъ на гусарскихъ сѣдлахъ, лошади не кормлены и ни тѣ и ни другія не имѣютъ ни навыка, ни общей связности, ихъ кавалерія, которая, пускаясь въ атаку, съ третьяго же шага обращается вскачь, могла ли бы она похвалиться, что опрокинетъ французскую пѣхоту, которая часто выдерживала натискъ австрійскихъ кирасиръ? Послѣ двухъ или трехъ неудачъ русскій пѣхотинецъ, герой въ полномъ смыслѣ этого слова, пока онъ торжествуетъ, сохранилъ ли бы онъ ту же увѣренность въ свои силы? Я не увѣренъ въ этомъ. Но если бы въ 1792 году, когда французская армія была разстроена и колебалась, или 1795 году, когда она была отброшена отъ Регенсбурга къ Рейну австрійцами, не воспользовавшимися своими побѣдами, если въ этихъ двухъ случаяхъ, говорю я, на мѣстѣ этихъ австрійцевъ или пруссаковъ въ Шампани или у Майнца находился Суворовъ съ 80.000 русскихъ, то французская республика, быть можетъ, была бы ниспровергнута.

Русская армія не только не имѣетъ точно опредѣленныхъ основныхъ правилъ о маневрахъ, но въ ней даже не существуетъ никакихъ постановленій, которыя въ этомъ отношеніи подчиняли бы полки какимъ-либо

[1]) Это было мнѣніе князя Потемкина, которое онъ при мнѣ поддерживалъ двадцать разъ.

*) (1826 г.). Безполезно говорить, что какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ,—что мною подробно уже было изложено,—въ Россіи совершился полный переворотъ.

**) (1826 — 1824). Суворовъ и, конечно, Беннигсенъ и Ферзенъ, еслибъ онъ былъ живъ тогда.

правиламъ. Каждый полковой командиръ составляетъ для своего полка правила по своему собственному желанію и какія ему вздумаются [1]), растягиваетъ или сокращаетъ ходъ маневровъ, а въ лагерное время придумываетъ и исполняетъ такіе маневры, которые для него удобны *).

Фельдмаршалъ Суворовъ, знающій въ совершенствѣ духъ своего народа и являющійся дѣйствительно наиболѣе соотвѣтствующимъ этому духу генераломъ, собираетъ уже съ апрѣля мѣсяца свою армію, раздѣляетъ ее на три или четыре лагеря и заставляетъ ее продѣлывать дѣйствительно военные маневры: ночные переходы, атаки крѣпостей, ретраншаментовъ, нечаянное нападеніе на лагери и т. п. Онъ смотритъ на дѣло, какъ настоящій полководецъ, упражняетъ, закаляетъ солдатъ, пріучаетъ ихъ къ огню, вселяетъ въ нихъ смѣлость и самолюбіе и дѣлаетъ ихъ непобѣдимыми. Полки его арміи отличаются, даже въ Россіи, своею силою и своимъ воинственнымъ видомъ [2]).

Правда, что нѣкоторые изъ маневровъ Суворова носятъ на себѣ отпечатокъ отличающей его странности, и къ тому же они являются настоящими сраженіями, въ которыхъ кто-нибудь всегда лишается жизни. Я не буду одностороннимъ хвалителемъ такихъ маневровъ и не думаю, что для кавалеріи было бы необходимо проходить на всемъ скаку на половину сомкнутые ряды пѣхоты [3]) **), но полагаю, что подобныя воен-

---

[1]) Одни изъ нихъ ввели въ своихъ полкахъ основныя правила французскаго устава 1773 или 1788 года, другіе подражаютъ прусской тактикѣ и т. д.

*) (1826 г.). Въ настоящее время веденіе, однообразіе и правильность въ маневрахъ доведены до совсѣмъ ужъ безполезной степени совершенства, которая доходитъ даже до излишества и которая можетъ достигаться, какъ я уже замѣтилъ, лишь подвергая мученіямъ начальниковъ, офицеровъ и солдатъ. Не только каждый взводъ долженъ при маршировкѣ соблюдать совершенное равненіе (что весьма пріятно видѣть, но въ чемъ мало пользы), не только двѣ вторыя сомкнутыя шеренги этого взвода должны быть выравнены такъ же, какъ и первая (что совершенно уже излишне), но даже и ружейные штыки должны подчиняться тому же совершенству равненія. Изобрѣли 5 или 6 видовъ шага, и научиться имъ возможно лишь, пройдя сперва 5 позицій, которыя учителя танцованія преподаютъ своимъ ученикамъ прежде, чѣмъ учить ихъ танцовальнымъ па, и заставляя солдата стоять, соблюдая равновѣсіе по 5 или 10 минутъ на одной ногѣ. Все это, надо сказать правду, чистое безуміе; но горе тому полковому командиру, который не подчинится этому правилу: если на смотру одинъ какой-либо взводъ или даже нѣсколько солдатъ этого взвода собьются съ ноги, полковой командиръ теряетъ свой полкъ; встрѣчается ли подобное достоинство въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ? Бывали тому примѣры.

[2]) Къ сожалѣнію, они также отличаются своимъ неповиновеніемъ и насиліями, которыя они совершаютъ въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ.

[3]) Этотъ превосходный урокъ для кавалеріи желателенъ и для пѣхоты.

**) (1826—1824). Я перемѣнилъ мнѣніе по этому предмету: этотъ пріемъ Суворова является для кавалеріи лучшимъ урокомъ, какой можно дать людямъ и лошадямъ.

ныя подробности безконечно предпочтительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ печальныхъ маршированій повзводно на плацъ-парадѣ, большею частію безполезныхъ, въ особенности для пѣхоты, но составляющихъ истинную прелесть для большинства офицеровъ, которыхъ единственное достоинство заключается въ умѣньѣ хорошо управлять вертѣніями на одной ногѣ и которые, можетъ быть, и не выказали бы другихъ достоинствъ при столкновеніи съ непріятелемъ.

Во всѣхъ арміяхъ Европы существуетъ громадная разница между войсками, существующими на бумагѣ, и тѣми, которыя дѣйствительно имѣются подъ ружьемъ; но нигдѣ этотъ недочетъ не достигъ до такой степени, какъ въ Россіи, и причиною его являются злоупотребленія, которыя или не хотятъ, или же не могутъ обуздать. Несмотря на частые рекрутскіе наборы, армія никогда не бываетъ въ полномъ комплектѣ *); въ каждомъ полку всегда недостаетъ по крайней мѣрѣ одной четверти его состава, а изъ остальныхъ трехъ четвертей треть употребляется не въ полку, а въ другомъ мѣстѣ, и такимъ образомъ числительный составъ батальоновъ можно считать лишь въ половину противъ того, какой бы онъ долженъ былъ быть въ дѣйствительности. Вотъ главныя тому причины:

1-ое. Генералы берутъ къ себѣ изъ полковъ своихъ бригадъ писарей, сержантовъ, гусаровъ, слугъ и никогда ихъ не возвращаютъ. Они увозятъ ихъ съ собой въ Петербургъ и отдаютъ другимъ генераламъ или отсылаютъ въ свои имѣнія и т. д. Въ 1796 году генералъ Ираклій Марковъ увезъ съ собой въ свои Летичевскія деревни пятерыхъ лучшихъ сержантовъ моего полка, одного кирасирскаго офицера, трехъ вагенмейстеровъ и тридцать два казака; сверхъ того его восемь собственныхъ слугъ были солдаты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, котораго онъ былъ маіоромъ.

2-ое. Въ Россіи вошло въ обычай давать путешественникамъ по ихъ просьбѣ солдата для ихъ сопровожденія, ухода за ихъ лошадьми, расплаты на почтовыхъ станціяхъ и пр. Такой солдатъ рѣдко возвращается.

3-ье. Офицеры и въ особенности полковые командиры подаютъ пагубный примѣръ, употребляя для своей службы столько солдатъ, сколько пожелаютъ, на своихъ конюшняхъ, кухняхъ и въ своихъ прихожихъ Я видалъ полковыхъ командировъ, имѣвшихъ у себя до 10 гусаровъ, которые были самыми красивыми гренадерами въ ихъ полкахъ.

4-ое. Обмундировальныя и провіантскія коммиссіи употребляютъ полковыхъ офицеровъ и солдатъ въ качествѣ коммиссіонеровъ, писарей, конвойныхъ стражей, магазинныхъ сторожей. Въ теченіе одного года

---

*) (1826 — 1824). Въ настоящее время ни одинъ человѣкъ не можетъ въ этомъ отношеніи быть невнимательнымъ къ своей части.

я доставилъ этимъ коммиссіямъ четырнадцать офицеровъ и болѣе 300 солдатъ, употребленіе и судьба которыхъ осталась для меня неизвѣстны.

5-ое. Полковые командиры всегда скрываютъ смерть и побѣгъ солдатъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а то и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы пользоваться ихъ содержаніемъ (какъ это видѣли выше).

6-ое. Страшное количество поклажи, которое требуетъ людей для ея сопровожденія и охраны, казначейскихъ мастеровыхъ, солдатъ, служащихъ при артельныхъ лошадяхъ, по крайней мѣрѣ пятерыхъ на сто, безконечное число музыкантовъ и пр. также отнимаютъ отъ фронта множество солдатъ.

Вотъ противозаконныя причины этого громаднаго недочета; мой гренадерскій полкъ состоитъ изъ пяти батальоновъ, онъ долженъ имѣть восемь штабныхъ, 99 субалтернъ-офицеровъ и 2.300 солдатъ, а я видѣлъ Фанагорійскій гренадерскій, равный по численному составу моему, выставляющимъ подъ ружье лишь 1.300 человѣкъ, а между тѣмъ въ немъ считали 4.000 человѣкъ. Изъ этого видно, что въ Россіи начальникъ никогда не долженъ разсчитывать ни на число, ни на силу предоставляемыхъ въ его распоряженіе батальоновъ: подъ Прагой графъ Суворовъ имѣлъ 40 тысячъ человѣкъ на бумагѣ и лишь 16 тысячъ подъ ружьемъ.

Первое сраженіе, даваемое русскими въ какую бы то ни было войну, на бумагѣ и по донесеніямъ полковыхъ командировъ бываетъ очень кровопролитное. Обыкновенно всѣ люди и лошади, недостающіе до комплекта, показываются въ нихъ убитыми. То же самое происходитъ съ порохомъ и пулями; а такъ какъ полковымъ командирамъ возмѣщается все, что, по ихъ утвержденію, они выпустили, то полкъ, не видавшій въ дѣлѣ даже огня, оказывается истощившимъ всѣ свои заряды и потерявшимъ много людей.

Тотъ, кто не знаетъ Россіи, справедливо удивится, что терпятся подобныя злоупотребленія, и спроситъ, развѣ въ русской арміи не существуетъ инспекторовъ, имѣющихъ своею обязанностью обуздывать эти казнокрадства и тѣмъ показывать другимъ примѣръ строгости? На это я отвѣчу, что въ русской арміи въ дѣйствительности нѣтъ постоянныхъ инспекторовъ, хотя и поручаютъ инспектировать многимъ. Инспекторами являются генералы, коммиссаріатскіе чиновники и даже полковники, которымъ даютъ такое порученіе на извѣстное время, но эти инспектора по большей части сами командовали полками и знаютъ, что слѣдуетъ имѣть и къ другимъ снисхожденіе, въ которомъ они сами когда-то сильно нуждались. Они являются родственниками, друзьями или знакомыми полковыхъ командировъ; наконецъ, ихъ подкупаютъ, если это возможно. Если же это невозможно, то ихъ принимаютъ наилучшимъ образомъ; для нихъ расточаютъ вино, угощаютъ ихъ прекрас-

ными обѣдами, музыкой, задаютъ имъ балы, празднества; инспектора смягчаются и смотрятъ очарованными глазами или сквозь пальцы; или же ихъ обманываютъ, а сдѣлать это ничего нѣтъ легче. Если бы инспекторъ пріѣзжалъ, не предупреждая о своемъ пріѣздѣ, и потребовалъ бы немедленно показать себѣ полкъ, то никто не избѣгнулъ бы его строгости, но онъ за долго предувѣдомляетъ о своемъ пріѣздѣ, и каждый полковой командиръ заимствуетъ у своего товарища то, чего у него недостаетъ, и пополняетъ недочеты на счетъ своихъ друзей. Въ 1796 году я самъ былъ очевидцемъ, какъ одинъ очень строгій инспекторъ забраковывалъ одну и ту же лошадь въ четырехъ различныхъ полкахъ и не замѣтилъ этого. Офицеры ссужаютъ полковыхъ командировъ своими собственными и артельными лошадьми, и такимъ образомъ число этихъ послѣднихъ всегда бываетъ полное.

Единственно, что́ могло бы быть опаснымъ на инспекторскомъ смотру, это жалобы офицеровъ и солдатъ на полковаго командира въ томъ случаѣ, еслибъ они доказали, что они не получили отъ него того, что имъ слѣдуетъ. Поэтому съ приближеніемъ инспекторскаго смотра, полковые командиры прилагаютъ особое стараніе извѣстною денежною подачкою своимъ солдатамъ умѣрить ихъ претензіи или затушить ихъ жалобы. Но если жалобы даже и поданы, то у полковыхъ командировъ найдется еще средство остановить донесеніе инспектора въ канцелярію военной коллегіи; если же, наконецъ, полковой командиръ не успѣваетъ и въ этомъ и долженъ поплатиться, то онъ рискуетъ только потерять свой полкъ. Тогда онъ отправляется въ Петербургъ, даетъ 3 или 4 тысячи рублей секретарю президента военной коллегіи и получаетъ другой полкъ. Инспектору, кто бы онъ ни былъ, воздаются тѣ же почеты, что́ и государю [1].

Изъ всего здѣсь прочитаннаго видно, что я былъ правъ, говоря, что русская армія должна была быть наихудшею въ Европѣ. Какимъ же образомъ происходитъ, что она одна изъ лучшихъ? Русскій солдатъ приписываетъ это Николаю Угоднику, а я приписываю это русскому солдату; дѣйствительно, благодаря тому, что онъ лучшій солдатъ въ мірѣ,

---

[1]) Командиръ Смоленскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Иванъ Владычинъ въ теченіе пяти лѣтъ ничего не давалъ солдатамъ своего полка изъ того, что имъ слѣдовало. Сверхъ того, онъ совершилъ достойныя величайшаго осужденія насилія въ деревняхъ, въ которыхъ квартировалъ его полкъ; болѣе десяти разъ подавались на него формальныя жалобы въ военную коллегію начальникамъ, инспекторамъ и пр.; но онъ никогда не былъ наказанъ, въ свою очередь дослужился до генералъ-маіора и сдалъ свой полкъ, заплативъ при этомъ лишь четвертую часть того, что онъ былъ долженъ.

Графъ Иванъ Разумовскій, одинъ изъ его соперниковъ въ этомъ отношеніи, былъ такъ же счастливъ, какъ и онъ.

побѣда всюду ему сопутствуетъ. Воздержный какъ испанецъ, терпѣливый какъ чехъ, гордый какъ англичанинъ, неустрашимый какъ шведъ, воспріимчивый къ порывамъ и вдохновенію французовъ, валлоновъ и венгерцевъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ качества, которыя образуютъ хорошаго солдата и героя. Говорятъ, что сила испанца заключается въ гордости, англичанина—въ національной гордости, турка—въ религіозномъ изступленіи, француза—въ чувствѣ чести, шведа—въ самой его натурѣ, пруссака—въ дисциплинѣ, а русскаго—въ свирѣпости. Это болѣе краснорѣчиво, чѣмъ справедливо; русскій солдатъ не жестокосердѣе другаго; его сила происходитъ отъ чувства чести, отъ воодушевленія, отъ національнаго самолюбія, качества столь драгоцѣннаго и столь электризующаго, какимъ ни одинъ солдатъ не обладаетъ въ столь высокой степени, какъ русскій.

Покойный прусскій король, знавшій толкъ въ военномъ дѣлѣ, говорилъ о русскихъ: «ихъ гораздо легче убить, чѣмъ побѣдить, и, когда ихъ уже убили, ихъ надо еще повалить».

Несокрушимыя твердыни или опустошительные потоки, воздержные, когда надо, дисциплинированные, когда того желаютъ, они подчиняются всему одинаково скоро; одѣтые или не одѣтые, накормленные или умирающіе съ голоду, получающіе свое жалованье или не получающіе, они никогда не ропщутъ, идутъ впередъ всегда и при одномъ словѣ «Россія» и «императоръ» бросаются въ огонь.

Этотъ героизмъ приписывали религіи и говорили, что русскіе солдаты были убѣждены въ томъ, что убитые сзади не могутъ попасть въ рай; это заблужденіе: фанатизмъ или суевѣріе могли еще въ прежнія времена способствовать ихъ мужеству и возбуждать его, но въ настоящее время чувство это сильно ослабѣло, если только оно еще существуетъ.

Я часто слыхалъ, какъ также говорили, что когда у русскаго начальника бывалъ недостатокъ провіанта, то онъ предписываетъ постъ; это другая глупость; русскіе солдаты постничаютъ, насколько это бываетъ имъ возможно, и всегда больше, чѣмъ бы имъ это слѣдовало, въ установленное предписаніемъ религіи время, но никогда по желанію начальника. Ихъ постъ очень строгъ: во время его запрещается употребленіе яицъ и масла наравнѣ съ мясомъ.

Однако, правда, что воздержность русскаго солдата и привычка его обходиться безъ мяса и вина и питаться размоченнымъ въ водѣ хлѣбомъ позволяютъ начальнику совершать отдаленныя, быстрыя и по меньшей мѣрѣ 15-ти дневныя экспедиціи безъ запасовъ и предосторожностей, такъ какъ каждый солдатъ, въ случаѣ крайности, можетъ нести на себѣ 4-хъ дневный провіантъ и имѣетъ его еще на десять дней въ ротной повозкѣ; если же прибавятъ къ этому, что онъ, подобно французу, мо-

жетъ пройти до 60 верстъ въ день (15 французскихъ льё и 8½ нѣмецкихъ миль), то увидятъ, что смѣлый и предпріимчивый начальникъ, который умѣетъ пользоваться такимъ солдатомъ и къ тому же имѣетъ въ помощь казаковъ, можетъ имѣть большія преимущества надъ своимъ противникомъ.

Маркизъ де-Сильва, разсуждая о русскомъ солдатѣ, говоритъ: «Этотъ солдатъ отъ природы сильный, неутомимый, терпѣливый и послушный, привыкъ еще къ перемѣнамъ мѣста, къ продолжительнымъ переходамъ, къ суровостямъ временъ года, къ разнообразію климата. Я былъ свидѣтелемъ того, что можетъ дѣлать сила характера въ соединеніи съ привычкою. Я видѣлъ въ Помераніи, во время Семилѣтней войны, какъ солдаты, проспавъ ночь на очень горячей печкѣ, вставали съ разсвѣтомъ, проламывали ледъ на рѣкѣ, протекавшей передъ ихъ стоянкой, и смѣло погружались въ воду по грудь. Изъ этого видно, былъ ли я правъ, говоря, что не существуетъ войскъ, болѣе способныхъ переносить зимніе походы».

Вотъ точное изображеніе русской арміи и существующихъ въ ней злоупотребленій; оно написано сурово, и строгость его испугала меня самого; я перечелъ это описаніе нѣсколько разъ и не нашелъ въ немъ ни единаго слова, которое слѣдовало бы измѣнить. Я утверждаю, что оно составляетъ сущую правду. Однако, если принять въ соображеніе, что русскіе постоянно были побѣдителями во всѣхъ войнахъ, которыя они вели со временъ Петра Великаго, чего только невозможно было бы ожидать отъ ихъ арміи, еслибъ существовала человѣческая власть, достаточно могущественная для исправленія въ ней злоупотребленій? *). Это мое мнѣніе, но не мнѣніе русскихъ. Я встрѣчалъ между ними людей, отличавшихся величайшими достоинствами, которые говорили мнѣ съ убѣжденіемъ, что именно этимъ самымъ злоупотребленіямъ армія ихъ обязана своею силою. Недостатокъ дисциплины, поощряемый примѣромъ начальникомъ, случайность повышеній, позволяющая всякому на него надѣяться, возможность грабежей, веселость, порождаемая отсутствіемъ порядка, роскошь полковыхъ командировъ, прельщающая и заманивающая тѣхъ, которые надѣются сдѣлаться ими, наконецъ этотъ всеобщій и терпимый безпорядокъ,—все это сдѣлалось необходимымъ для русской арміи, и искорененіе злоупотребленій имѣло бы своимъ послѣдствіемъ недовольство и уныніе, которыя остановили бы рвеніе и желаніе. Имѣли бы, говорятъ, превосходную нѣмецкую народную армію, но ни въ какомъ случаѣ не имѣли бы русскихъ сол-

*) (1826 г.) Эта власть существовала и существуетъ, благодаря Павлу, Александру и Николаю.

датъ. Я положительно противоположнаго мнѣнія; время и обстоятельства одни могутъ рѣшить этотъ споръ между нами, и я полагаю, что мнѣ не придется долго ожидать, чтобы рѣшить, кто изъ насъ правъ *).

Графъ **Ланжеронъ**.

Перевелъ **В. Н. М.**

Сообщилъ **Н. Шильдеръ**.

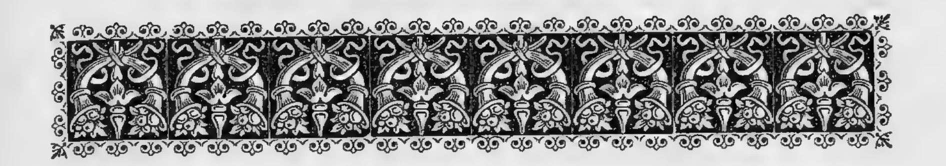
*) (1826 г.) Вопросъ этотъ рѣшенъ и вполнѣ войною, которую Россія выдержала противъ Наполеона.

Все, что содержитъ въ себѣ эта первая глава, есть именно то, что я думалъ и что существовало въ 1796 году. Я перечитываю ее почти 30 лѣтъ спустя и не нахожу ничего, что̀ бы слѣдовало въ ней исправить. Все написанное въ ней истинная правда. Русская армія была и есть такова, какою я ее изобразилъ въ сочиненіи, написанномъ въ 1796 году и въ примѣчаніяхъ, прибавленныхъ въ 1826 году. Я служилъ въ теченіе 30 лѣтъ въ русскихъ войскахъ; я командовалъ въ нихъ нѣсколькими многочисленными корпусами. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я, и притомъ къ крайнему моему сожалѣнію, оставилъ военную службу въ Россіи; можно повѣрить тому, что я успокоился отъ восхищенія, которое внушала мнѣ русская армія на поляхъ сраженій, и отъ признательности, которою я обязанъ моимъ сотоварищамъ славы и успѣховъ; въ настоящее время я могу судить о ней хладнокровно и безъ предубѣжденія.

Говорю открыто, русская армія была и есть самая совершенная, какая когда-либо существовала. Быть можетъ, нѣкоторыя равнялись ей въ смѣлости и быстротѣ наступленія, другія—въ точности и стойкости отступленія, но ни одна не соединяла въ себѣ въ такой высокой степени эти различныя качества означенныхъ двухъ требованій.

«Эта армія вѣрная, терпѣливая, геройская, для которой ничего не стоили самыя чувствительныя лишенія и самыя непомѣрныя усилія для спасенія своей родины, которую она и спасла, еще не менѣе изумительная, какъ въ своихъ тягостныхъ, но необходимыхъ отступленіяхъ, такъ и въ своемъ побѣдоносномъ движеніи впередъ, въ которомъ она прошла 6 тысячъ верстъ, почти всецѣло отмѣченныхъ ожесточенными битвами, и при этомъ не приходящая въ отчаяніе отступательными движеніями и кратковременными невзгодами и не ослѣпляемая своими побѣдами. Эта армія заслужила своею доблестью, дисциплиною и своимъ человѣколюбіемъ уваженіе арміи, которая съ ней сражалась и которая была достойна помѣряться съ нею, и признательность и дружбу націи, которая никогда не должна была и никогда болѣе уже не будетъ ея врагомъ» (Рѣчь, произнесенная въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ въ 1819 году).

То, что я высказалъ о нравственной сторонѣ русской арміи, должно относиться и къ ея матеріальной сторонѣ: и та и другая стоятъ на одномъ уровнѣ. Россія доставляетъ въ изобиліи лучшихъ, красивѣйшихъ и сильнѣйшихъ лошадей въ Европѣ, и ничто не можетъ сравниться съ ея кавалеріею и запряжкою ея артиллеріи.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

Матеріалы и замѣтки.

Императоръ Александръ I и великій князь Николай въ Лондонѣ.

Когда императоръ Александръ I вступилъ на престолъ, между Россіею и Англіею существовалъ разрывъ, вызванный справедливымъ негодованіемъ Павла I на своекорыстный образъ дѣйствій англичанъ во время войны противъ французовъ. Александръ I возстановилъ миръ съ Англіею и, заключеніемъ знаменитой морской конвенціи 1801 года, даже отказался отъ возвышенныхъ началъ перваго вооруженнаго нейтралитета Екатерины II. Общность политическихъ интересовъ заставила Россію и Англію воевать противъ Наполеона I, котораго властолюбіе все болѣе и болѣе принимало характеръ общеевропейской безопасности.

Тильзитскимъ мирнымъ трактатомъ 1807 года императоръ Александръ I заключилъ союзъ съ Наполеономъ I и отрекся отъ союза съ Англіею. С.-Петербургскою декларацію отъ 26-го октября 1807 года императоръ прекратилъ всѣ мирныя сношенія съ Англіею, уничтожилъ морскую конвенцію 1801 года и возстановилъ навсегда силу началъ вооруженнаго нейтралитета, признавая ихъ «памятникомъ мудрости Ея Величества императрицы Екатерины II» и обязываясь никогда не отступать отъ нихъ.

Этотъ разрывъ между обѣими державами продолжался всего пять лѣтъ. Въ іюлѣ 1812 года былъ заключенъ между ними мирный трактатъ въ Эребро, въ силу котораго «сношенія дружбы и торговли между обоими государствами имѣютъ быть возстановлены, съ той и съ другой стороны, на такомъ основаніи, какъ оныя бываютъ между народами, наиболѣе другъ другу благопріятствующими».

Съ того времени дружескія сношенія между Россіею и Англіею крѣпли и развивались съ каждымъ годомъ. Общая борьба противъ импе-

ратора французовъ поддерживала между русскимъ и англійскимъ правительствами самыя близкія сношенія, памятниками которыхъ являются союзные трактаты и личная переписка между императоромъ Александромъ I и англійскимъ принцемъ-регентомъ, въ которой послѣдній неоднократно выражалъ свое особенное уваженіе къ личности русскаго государя [1]).

Эти дружественныя отношенія между Россіею и Англіею были еще болѣе закрѣплены во время пребыванія Александра I въ Англіи, въ 1814 году. Весною этого года англійскій принцъ-регентъ неоднократно заявлялъ императору свое желаніе, чтобъ онъ, до возвращенія изъ Парижа въ Россію, посѣтилъ бы Англію. Для государя былъ приготовленъ дворецъ герцога Кембриджскаго въ Лондонѣ. Но онъ отказался отъ этого предложенія, заявивъ, что когда пріѣдетъ въ Лондонъ, то намѣренъ жить въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ жила его сестра, великая княгиня Екатерина Павловна.

Въ апрѣлѣ 1814 года великая княгиня пріѣхала въ Лондонъ, въ качествѣ путешественницы. Братъ принца-регента, герцогъ Кларанскій, сталъ за нею ухаживать. Принцъ-регентъ заявилъ графу Ливену, русскому послу, что онъ будетъ чрезвычайно радъ, если великая княгиня Екатерина Павловна отнесется благосклоннымъ образомъ къ герцогу Кларанскому и согласится выйти за него замужъ. Но великая княгиня, до формальной просьбы ея руки, категорически объявила чрезъ посла, что она не знаетъ, какъ освободиться отъ ухаживаній герцога и, тѣмъ болѣе, что она рѣшилась вторично не выходить замужъ. Тогда принцъ-регентъ немедленно приказалъ своему брату отправиться съ королемъ Людовикомъ XVIII въ Парижъ.

Ни этотъ рѣзкій отказъ сестры русскаго императора выйти замужъ за брата будущаго короля англійскаго, ни случившійся впослѣдствіи выходъ замужъ Екатерины Павловны за виртембергскаго наслѣднаго принца пока не измѣнили чувствъ дружественнаго расположенія принца-регента къ императору Александру I. Во время своего пребыванія въ Англіи русскій царь очаровывалъ всѣхъ своею привѣтливостію, манерами и обращеніемъ.

Въ іюнѣ 1814 года Александръ I выѣхалъ черезъ Гавръ въ Дувръ. Пріемъ, оказанный ему въ Англіи, какъ со стороны правительства, такъ и народа, былъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящій. Государю было поднесено множество адресовъ отъ различныхъ городовъ, корпорацій и

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этихъ отношеніяхъ между Россіею и Англіею можно найти въ печатаемомъ авторомъ XI-мъ томѣ его «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ Англіею».

обществъ. Лондонскій City чествовалъ его торжественнымъ обѣдомъ, адресомъ и избраніемъ въ почетные граждане города Лондона. Оксфордскій университетъ, который онъ посѣтилъ, поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго доктора правъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Англіи государь написалъ письмо къ канцлеру Оксфордскаго университета, лорду Гренвилю, въ которомъ говоритъ, что «пріятнымъ воспоминаніемъ навсегда останется для него то, что онъ видѣлъ этотъ университетъ, столько же древній, сколько заслуженно знаменитый во всемъ мірѣ». Въ 1817 году императоръ исполнилъ просьбу Оксфордскаго университета и подарилъ ему на память свой портретъ во весь ростъ, сдѣланный знаменитымъ французскимъ живописцемъ Жераромъ.

Во время своего пребыванія въ Англіи императоръ Александръ I, между прочимъ, ознакомился съ народными школами, устроенными по такъ-называемой Ланкастерской системѣ, которая была усовершенствована Беллемъ. Эта система взаимнаго обученія дѣтей очень понравилась государю, и онъ рѣшилъ, по возвращеніи въ Россію, послать въ Англію нѣсколькихъ лицъ для изученія способовъ преподаванія.

Дѣйствительно, въ 1816 году четыре лучшихъ воспитанника С.-Петербургскаго Педагогическаго института: Абодовскій, Свенеке, Буссе и Тимаевъ, были отправлены въ Англію съ этою цѣлью. Они должны были, подъ надзоромъ своего инспектора Штрандмана, заниматься въ Англіи посѣщеніемъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ по Ланкастерской системѣ. Каждому изъ нихъ было ассигновано 500 рублей въ годъ и 700 рублей ассигнаціями на путевыя издержки.

Въ инструкціи, имъ данной, цѣль командировки была опредѣлена слѣдующимъ образомъ:

«Сія цѣль не что иное, доколѣ вы будете въ Англіи, какъ пріобрѣтеніе всѣхъ нужныхъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній по части новой системы, изобрѣтенной господами Ланкастеромъ и Беллемъ для народныхъ училищъ. Сіе пріобрѣтеніе должно быть теоретическое, дабы вы, вникнувъ въ духъ сей системы и недовольствуясь однѣми наружными формами, могли, по возвращеніи въ Россію, примѣнить сіи познанія къ надобностямъ народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ и показать на самомъ дѣлѣ, что вы странствовали съ пользою и съ осмотрительностію. Но сіе пріобрѣтеніе должно быть также и практическое, дабы вы могли увѣриться въ логической связи всѣхъ частей сей системы».

Въ концѣ инструкціи было сказано: «Всегда вы должны имѣть въ сердцѣ мысль о вашемъ отечествѣ, мысль о томъ, что́ можетъ быть ему полезно, и чѣмъ вы можете современемъ оправдать довѣренность вашего начальства».

По прибытіи въ Лондонъ, молодые люди явились къ русскому послу,

который во все время пребыванія въ Англіи давалъ самые лучшіе отзывы объ ихъ прилежаніи и поведеніи. Профессора Оксфордскаго университета, принявшіе молодыхъ людей подъ свое покровительство, постоянно отзывались съ величайшею похвалою объ ихъ ревностномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. Осенью 1817 года они выѣхали изъ Англіи въ Швейцарію, для изученія учебныхъ системъ знаменитыхъ швейцарскихъ педагоговъ Фалленберга и Песталоцци.

Но раньше чѣмъ покинуть Англію, молодые люди совершили, вмѣстѣ со своимъ инспекторомъ, путешествіе по Англіи и Шотландіи. Объ этомъ путешествіи, имѣвшемъ ближайшею цѣлью личное ознакомленіе со всѣмя новѣйшими англійскими школами Ланкастерской системы обученія, они составили подробный журналъ, который ими былъ представленъ на благоусмотрѣніе начальства. Этотъ журналъ представляетъ много интересныхъ данныхъ о состояніи народнаго образованія, земледѣлія и промышленности Англіи начала нынѣшняго столѣтія, но такъ какъ онъ касается исключительно только Англіи и Шотландіи, то и не приводимъ его здѣсь.

Въ то самое время, когда воспитанники С.-Петербургскаго педагогическаго института готовились совершить свое интересное путешествіе по Англіи и Шотландіи, прибылъ въ Лондонъ великій князь Николай Павловичъ также съ цѣлью самообразованія. Онъ былъ принятъ съ большими почестями, но принцъ-регентъ находился въ то время подъ вліяніемъ враждебнаго настроенія противъ Россіи и императора Александра I. Эта вражда была вызвана, во-первыхъ, отказомъ принцессы Шарлотты, дочери принца-регента англійскаго, выйти замужъ за принца Оранскаго—чего страстно желалъ отецъ невѣсты. И такъ какъ принцъ Оранскій вскорѣ женился на русской великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, то принцъ-регентъ взвалилъ всю вину за разстройство этого брака на принца Оранскаго и на его новую невѣсту.

Другая причина неудовольствія заключалась въ томъ, что принцъ-регентъ, будучи очень чувствительнымъ къ самымъ вздорнымъ знакамъ отличія, сердился на русскаго императора за то, что онъ не жалуетъ ему русскихъ орденовъ, въ особенности ни «цѣпи, ни костюма» ордена св. Андрея Первозваннаго. Обыкновенно онъ надѣвалъ на себя всѣ иностранные ордена, которые ему были поднесены, и гордился этимъ.

Свое неудовольствіе онъ далъ почувствовать великому князю Николаю Павловичу. Назначивъ самъ часъ для пріема великаго князя, принцъ-регентъ заставилъ его ждать 25 минутъ до его выхода. Графъ Ливенъ долженъ былъ послать адъютанта напомнить принцу-регенту, что его ждетъ великій князь. Только тогда онъ вышелъ.

На другой день великій князь, приглашенный принцемъ-регентомъ къ парадному обѣду, умышленно опоздалъ на 15 минутъ. Этотъ урокъ

принцъ-регентъ понялъ и сталъ вести себя безукоризненнымъ образомъ въ отношеніи великаго князя Николая Павловича.

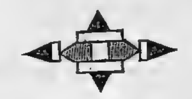
Сообщилъ **Ф. Мартенсъ**.

Слова, сказанныя Николаемъ I при выпускѣ кадетъ въ офицеры въ 1847 году.

Прощайте, мои однокорытники; служите такъ, какъ служили предки ваши; лѣзьте туда, куда велятъ и притомъ лѣзьте такъ, чтобы и другіе за вами лѣзли. Прощайте, Богъ съ вами.

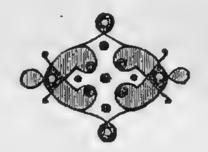
Сообщилъ **Кохановъ**.

Поправка.

Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» г. Ростиславовъ, говоря о рязанскомъ архіепископѣ Ѳеофилактѣ, разсказываетъ, что причинами паденія его были жестокость его съ могилевскимъ архіепископомъ при лишеніи его сана и растрата огромной суммы, данной ему для оказанія помощи духовенству и церквамъ, пострадавшимъ отъ нашествія французовъ. Относительно жестокаго его обхожденія съ Варлаамомъ, епископомъ могилевскимъ, измѣнившимъ долгу и присягѣ, о чемъ подробности имѣются уже давно напечатанныя, то Ѳеофилактъ вовсе даже не участвовалъ въ церемоніи лишенія Варлаама епископскаго сана. Постановленіе о томъ Св. Синода приводилъ въ исполненіе черниговскій архіепископъ Михаилъ. Что же касается до суммы, которую Ростиславовъ называетъ огромною, то вся она не превосходила 5 тысячъ рублей, выданныхъ ему изъ Кабинета, «на дорогу и на содержаніе»; 10 тысячъ изъ Синода на вспоможеніе церквамъ и еще 5 тысячъ кредита на случай недостатка этой суммы. Наконецъ обвиненіе Филарета въ томъ, что онъ воспользовался изданными подъ надзоромъ Ѳеофилакта письмами Ансильона, чтобы обвинить Ѳеофилакта, невѣрно уже потому, что въ этомъ случаѣ Филаретъ былъ не обвинителемъ, а потерпѣвшимъ, что̀ нынѣ, съ изданіемъ Св. Синодомъ бумагъ Филарета, достаточно разъяснено. Разборъ книги «Эстетическія разсужденія Ансильона» Филаретъ дѣлалъ не по своему желанію, а по предписанію петербургскаго митрополита Амвросія. «Примѣчанія» Филарета, «опроверженія на примѣчанія» также давно извѣстны въ литературѣ и напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1883 г., въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей» и въ бумагахъ Филарета.

А. Гавриловъ.

— Сегодня же!.. непремѣнно сегодня!.. Часовъ около пяти съ половиною... Я жду васъ...

— Буду! буду непремѣнно!

Простившись съ Болтасовымъ, Алексѣй Павловичъ отправился къ Тугендрехту и уплатилъ ему свой долгъ, который по истеченіи срока, по уплатѣ процентовъ, былъ уже отсроченъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ передать Розенбауму одинъ срочный мѣсячный платежъ.

Затѣмъ онъ поспѣшилъ отправиться домой, чтобы баронесса не подумала чего-нибудь по поводу долгаго отсутствія его. Къ немалому изумленію оказалось, что баронессы не было дома. Камердинеръ доложилъ, что она уѣхала съ часъ тому назадъ.

Ломая голову и соображая, куда могла она поѣхать, онъ пришелъ къ заключенію, что она поѣхала въ магазины купить что-нибудь. Дѣйствительно, черезъ полчаса она возвратилась.

— Ну, что же, были вы у Болтасова?—спросила она.

— Былъ! Онъ будетъ сегодня...

— Посмотримъ, что онъ можетъ сдѣлать! А гдѣ же вы возьмете денегъ для процесса?

— Деньги будутъ! такъ или иначе, я ихъ достану...

— Странное дѣло! У вашей матери деньги валяются безъ употребленія, а вы находитесь въ такомъ смѣшномъ, въ такомъ странномъ положеніи! Какой же вы безхарактерный! Охота вамъ смотрѣть изъ ея рукъ! Неужели нельзя употребить какихъ-нибудь мѣръ?

— Какія же мѣры могу я употребить?

— Дайте мнѣ вексель въ нѣсколько тысячъ рублей, и даю вамъ слово,—деньги явятся, если вы иначе не можете взять того, что принадлежитъ вамъ по праву...

Алексѣй Павловичъ думалъ о чемъ-то и не отвѣчалъ.

— Что же вы молчите?

Онъ обдумывалъ, что̀ отвѣтить, и молчалъ.

— Что же молчите? Вѣроятно, не желаете добыть денегъ?

— Это мы сдѣлаемъ, если она не дастъ денегъ, или если я не достану... Для чего же безъ крайности это дѣлать?

— Что̀ вамъ сказалъ Болтасовъ?

— Онъ сказалъ, что все устроитъ, что это хотя не легко, но возможно...

— Я сейчасъ была также у адвоката... Безъ взноса денегъ впередъ не берется... И никто не возьмется!..

— Я, кромѣ Болтасова, никому не поручу этого дѣла.

— Но вы должны знать, что Болтасовъ, сколько я слышала, за все берется, но не все дѣлаетъ... Едва-ли онъ сможетъ вести это дѣло.

— Для кого другаго, а для меня онъ изъ кожи вонъ вылѣзетъ, а

сдѣлаетъ все! Я могу ему дать меньше денегъ, нежели другому.

— Посмотримъ!

Оба замолчали. Алексѣй Павловичъ не зналъ, что дѣлать, что говорить; его мучила неопредѣленность положенія.

— Я съѣзжу въ полкъ узнать, что тамъ слышно...

— Чего же узнавать? Напрасно вы не скажете матери, что подали въ отставку... Она можетъ узнать это отъ кого нибудь... Пожалуй, еще обвинитъ меня!..

Едва только были произнесены эти слова, какъ Надежда Андреевна показалась въ дверяхъ комнаты.

— Здравствуйте!—сказала она и продолжала, обратясь къ сыну:—

— Я думала, что ты зайдешь ко мнѣ... Мнѣ нужно поговорить съ тобою...

Алексѣй Павловичъ стоялъ въ большомъ смущеніи, боясь, не слышала ли мать послѣднихъ словъ, касавшихся отставки.

— Секретовъ нѣтъ,—сказала мать.

Оба приготовились слушать ее съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Я узнала,—сказала мать,—что ты подалъ въ отставку безъ моего вѣдома!.. Что это значитъ?

— Это значитъ то, что я служить не могу; я, какъ нищій между другими!.. Всѣ свободны!.. Всѣ имѣютъ средства... А я бросаюсь, какъ угорѣлый...

— Что ты говоришь?!. Ты нищій! Это прекрасно! А сколько ты потратилъ денегъ за послѣднее полугодіе? Ты нищій! Нѣтъ, ты не нищій! А ты далъ слово уложить меня въ гробъ! Ахъ!..—вскрикнула она и упала въ истерическій припадокъ.

Баронесса не двинулась. Она хладнокровно смотрѣла на всю эту сцену, несмотря на то, что Надежда Андреевна, едва опустившись на стулъ, съ заброшенною назадъ головою, рыдала и всхлипывала передъ нею и передъ сыномъ.

— Воды и капли!—вскричалъ сынъ громко.

Принесли воды и капли. Ни того, ни другаго Надежда Андреевна не приняла.

— Вынесите меня въ мою комнату,—всхлипывая, какъ бы болѣзненнымъ голосомъ, сказала она тихо.

Ее уложили и вынесли. Сынъ пошелъ за нею, но скоро возвратился.

— Охота вамъ смотрѣть на эти истерики,—сказала баронесса.

— Нельзя же! Я вамъ говорилъ, что она капризна...

— Но къ чему же истерики? Развѣ не видно, что все это притворство...

Онъ молчалъ.

— А какъ вамъ нравится манера подслушивать?.. Вѣдь она все подслушала, что мы говорили съ вами...

— Ну, что бы тамъ ни было, пока нужно терпѣть...

— Но всему есть границы.

Онъ продолжалъ молчать и скоро вышелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ мать. Вернувшись, онъ сказалъ:

— Ей стало лучше, но я не пойду теперь... Пусть успокоится.

— Наконецъ-то у васъ хватило духу сказать кое-что въ свою защиту!.. Вы думаете, что ее очень занимаетъ ваша отставка? Истерика оттого, что она подслушала то, чего не знала. Ей непріятно, что я знаю объ отставкѣ, а она не знаетъ...

— Довольно объ этомъ. Дайте мнѣ успокоиться.

— Извольте! Я буду молчать... Вы желаете этого... Васъ сжали въ бараній рогъ; сожмутъ еще больше!

Удивленіе Алексѣя Павловича, котораго онъ не рѣшался высказать, возрастало больше и больше, по мѣрѣ того, какъ баронесса усиливала тонъ своей рѣчи.

На этомъ прекратился разговоръ. Время до пяти съ половиной часовъ прошло въ попеременномъ хожденіи Алексѣя Павловича то къ матери, то на половину баронессы. Онъ метался изъ одной половины квартиры въ другую и видимо былъ озабоченъ не столько истерикою матери, сколько предстоящимъ объясненіемъ съ нею о причинахъ отставки. Къ обѣду, въ столовую, не вышли ни Надежда Андреевна, ни баронесса, такъ что каждой изъ нихъ обѣдъ былъ поданъ въ ихъ комнаты. Алексѣй Павловичъ и вовсе не садился обѣдать; у него не было никакого аппетита.

Въ пять съ половиной часовъ раздался звонокъ, и явился Болтасовъ. Алексѣй Павловичъ просилъ его пройти на половину баронессы, которая знала Болтасова, такъ какъ онъ бывалъ въ домѣ ея отца.

Болтасовъ былъ пожилой, лѣтъ сорока пяти, человѣкъ, значительно рябоватый, съ длиннымъ, широкимъ, слегка приплюснутымъ, носомъ; сѣдой, полуплѣшивый. Рѣдкія пряди сѣдыхъ волосъ были зачесаны сзади напередъ и прикрывали слегка совершенно плѣшивую макушку головы. Глаза у него были сѣрые, зрачки не круглые, но продолговатые, очень похожіе на кошачьи. Росту онъ былъ низкаго, не болѣе двухъ аршинъ, можетъ быть, съ вершкомъ. Руки и ноги имѣлъ короткія, толстыя. Выраженіе лица было суровое. Голосъ, ко всему этому, былъ тонкій, слабый, нисколько не гармонировавшій съ его довольно тучнымъ тѣлосложеніемъ.

Первый началъ рѣчь Алексѣй Павловичъ.

— Вы знаете уже, въ чемъ состоитъ наша просьба? Будьте добры принять на себя веденіе дѣла о разводѣ баронессы съ ея мужемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— На какихъ условіяхъ вы принимаете веденіе этого дѣла?—спросила баронесса.

— Условія мои очень просты и умѣренны!.. Я сообщилъ ихъ Алексѣю Павловичу.

— Но я не знаю этихъ условій, а желала бы ихъ знать, такъ какъ дѣло касается больше меня.

— Въ такомъ случаѣ, разскажите о причинахъ къ разводу,—сказалъ Болтасовъ.

— Причинъ много: измѣна на каждомъ шагу, постоянное пьянство и мотовство; наконецъ—неспособность къ брачной жизни...

— Кромѣ измѣны, все остальное не даетъ права на разводъ, по существующимъ узаконеніямъ, а супружескую невѣрность необходимо доказать...

— Какъ же ее доказать?

— Протоколъ, составленный на мѣстѣ преступленія, за подписью свидѣтелей.

— Фи! Могла ли я заниматься такими скандальными дѣлами!—сказала баронесса.

— Что же дѣлать? Законъ неумолимъ... Онъ требуетъ доказательствъ... Статьи закона ясны и положительны... А иначе разводились бы всѣ, кому вздумается...

— А неспособность барона къ брачной жизни?—спросила баронесса.

— Объ этомъ тоже сказано въ статьяхъ закона, касающихся развода. Да какъ это доказать? У васъ есть дѣти, а слѣдовательно способность барона на лицо... Можетъ быть, у него будутъ дѣти... еще... Никакая экспертиза этого не можетъ отвергать... Вотъ, еслибы не было дѣтей—другое дѣло; тогда были бы шансы, а теперь... нѣтъ! это не причина!

— А постоянное пьянство?

— Баронесса! Подумайте, что вы сказали! Если за пьянство начнутъ разводить мужа и жену, то придется расторгнуть болѣе половины браковъ!

— Да! Это правда,—сказала баронесса.

— Дѣло, я вижу, нужно повести другимъ образомъ... И вы не спрашивайте меня, какъ я его поведу... Дайте мнѣ довѣренность, а тамъ ужь мое дѣло...

— Но ваши условія?

— Алексѣю Павловичу извѣстна моя скромность... Лично мнѣ немного... Я доволенъ малымъ... А какіе я буду имѣть расходы, это вы или Алексѣй Павловичъ пополните мнѣ.. Я даромъ не буду бросать

вашихъ денегъ... Дѣло нужно повести умненько и осторожно... Доказательствъ и причинъ нѣтъ, а слѣдовательно, ихъ нужно найти... Это — уже мое дѣло!

— Подпишите, баронесса, довѣренность, успокойтесь и положитесь на меня.

И онъ подалъ ей довѣренность. Она подписала ее.

— Ахъ!—сказалъ Болтасовъ, обращаясь къ Алексѣю Павловичу.— Вы мнѣ сегодня нужны.

— А что такое?—спросилъ Алексѣй Павловичъ.

— Мы съ вами поѣдемъ... Нужно, вмѣстѣ съ вами, видѣть одно лицо, безъ котораго нельзя начать дѣла о разводѣ.

— Кто же это такой?—спросилъ Алексѣй Павловичъ, будто бы не зная условія обмануть баронессу.

— Не скажу впередъ!.. Сами узнаете... Не все можно говорить... Особенно имена и фамиліи нужно называть осторожно... Nomina sunt odiosa! Можетъ случиться, что, впослѣдствіи, и баронессѣ придется поѣхать туда же... Желаете успѣха, такъ слушайте меня! Дѣлайте все, что я скажу!—говорилъ ловкій и хитрый Болтасовъ, исполняя просьбу Алексѣя Павловича—дать возможность ему уйти изъ дому вмѣстѣ съ нимъ.

— Что же это за тайна такая, что я не могу ее знать?—спросила опять баронесса.

— Пока, это—тайна! Узнаете ее—будете удивляться, какъ она проста!

— Но, странно! Что же это можетъ быть? Вѣроятно, заемъ денегъ для процесса?—допытывалась баронесса.

— Нисколько!

— Но какъ вы поѣдете сегодня? Ваша мать больна,—обратилась баронесса къ Алексѣю Павловичу.

— Если сегодня нельзя, отложимъ; но жаль, этимъ отодвигается дѣло развода,—сказалъ перехитрившій баронессу Болтасовъ.

— Ну, нѣтъ! Въ такомъ случаѣ, пусть ѣдетъ сегодня... И безъ того дѣло затянулось...

Баронесса, какъ совершенно неопытная женщина, думала, что если разъ она подписала довѣренность, то дѣло уже началось. Она не знала, что отъ подписанія довѣренности до начала дѣла очень далеко, а до конца дѣла, особенно въ благопріятномъ смыслѣ, нужно было переступить громадную пропасть, изрытую тысячами сомнѣній, недоразумѣній и огорченій...

— Ну, что же? Я съѣзжу,—сказалъ Алексѣй Павловичъ.—Но только я узнаю, что дѣлаетъ мать?

И онъ вышелъ.

Баронесса стала умолять Болтасова сказать, въ чемъ дѣло.

— Я не понимаю, что это за секретъ отъ меня?—сказала она.

— И понимать этого вамъ пока не слѣдуетъ,—отвѣчалъ Болтасовъ.—Придетъ время,—вы все узнаете!..

— Я подчиняюсь всему этому... Но это меня удивляетъ!

— Не удивляйтесь, баронесса; сомнительные процессы иначе не ведутся.

Алексѣй Павловичъ возвратился отъ матери.

— Все хорошо,—сказалъ онъ.—Я готовъ.

— Не оставайтесь долго,—сказала еще баронесса.

И они вышли, предоставивъ баронессѣ поломать голову и если не рѣшить, то догадываться или, вѣрнѣе сказать, теряться въ догадкахъ—куда они отправились.

Выйдя на улицу, Алексѣй Павловичъ сказалъ Болтасову:

— Спасибо вамъ! Ну, ловко же вы умѣете повести всякое дѣло! Какъ же будетъ съ процессомъ?

— Какой тамъ процессъ! Гдѣ же улики противъ барона? У него онѣ есть; онъ можетъ выиграть процессъ, если захочетъ.

— Какія же улики?

— Да уже то, что жена его живетъ у васъ въ домѣ... будьте осторожны!

— Мы хотимъ ѣхать за границу, какъ сдадимъ вамъ процессъ.

— Принять я не могу съ ручательствомъ успѣха... Этотъ разводъ можно только купить, и я готовъ поторговать его для васъ у барона...

— Нѣтъ, оставьте! Не говорите ему ни слова... Избави Боже!

— Ну, такъ какъ же?

— Я подумаю еще и буду у васъ. Вы сегодня утромъ говорили, что возьметесь и устроите, а теперь вы какъ-будто отказываетесь?

— Я не отказываюсь... Но, право, процессъ не легкій! Дайте мнѣ впередъ три тысячи рублей, я посмотрю.

— Я буду у васъ дня черезъ два... Я получу деньги отъ матери.

Они простились.

XVI.

Отыскавъ квартиру Маргариты, по данному у Лапьеръ адресу, Алексѣй Павловичъ, черезъ ½ часа, какъ разстался съ Болтасовымъ, былъ уже у Маргариты. Позвонивъ, онъ подумалъ: «посмотримъ, правду ли она говорила». Маргарита была дома, и онъ вошелъ въ ея скром-

ную квартиру, состоявшую только изъ трехъ небольшихъ комнатъ. Обстановка была недурна, и онъ узналъ нѣкоторыя изъ вещей,—которыя видѣлъ въ прежней квартирѣ ея. Ждать ему не пришлось. Маргарита вышла немедленно и, бросившись ему на шею, принялась его цѣловать. Онъ, разумѣется, не упустилъ случая заплатить ей тѣмъ же.

— Ахъ, какъ я рада, что ты опять у меня! А ты радъ?

— Очень радъ!

— Что же ты говоришь такъ, какъ будто-бы недоволенъ чѣмъ-нибудь? Неужели ты все еще сердишься на меня?

— Нѣтъ! Я не сержусь! Но зачѣмъ ты была неоткровенна со мною?

— Вѣдь я его не любила! А тебя люблю!

— Не будемъ говорить объ этомъ!.. Я не хочу вспоминать...

— Ну, не сердись на меня, мой милый! Ты видишь, я все бросила!.. Я тебя искала!.. Я не смѣла идти прямо къ тебѣ... Ты видишь, какъ я измѣнилась, страдаю, плакала!

— Довольно! Не увѣряй меня! Я не злопамятенъ!

— А если не злопамятенъ, то возврати мнѣ свою любовь!

Онъ не могъ устоять противъ страстныхъ лобзаній Маргариты, которая, сознавая свою вину, старалась ее загладить страстными поцѣлуями.

Но эти страстные порывы съ обѣихъ сторонъ не были вѣрнымъ зеркаломъ истинной любви: Маргарита вовсе не любила Алексѣя Павловича, а ждала опять случая и возможности брать съ него деньги.

— Ахъ, какъ я жалѣю,—сказала она,—что я промѣняла на браслетъ тѣ серьги, которыя ты подарилъ мнѣ!.. У меня была бы память о тебѣ!.. и я была бы счастлива!

Этимъ она намекала ему, что не худо бы подарить ей что-нибудь на память; но онъ этого не понялъ...

Онъ, сказали мы, также не искренно лобзалъ Маргариту: у него воскресла не любовь къ ней, но чувственность, которая ему была теперь болѣе присуща, нежели въ то время, когда онъ только познакомился съ Маргаритой: тогда онъ и любилъ ее искреннѣе... А теперь — далеко было не то!

Въ самомъ дѣлѣ, когда прошла пора страстныхъ увлеченій, разговоръ ихъ, не одушевляемый истинною любовью, не клеился.

—Что же ты молчишь?—спросила Маргарита.

— Вижу, что теперь ты меня меньше любишь,—продолжала она, притворно слезливымъ тономъ...

— Нѣтъ! Я тебя люблю по-прежнему!.. Но теперь у меня больше хлопотъ по наслѣдству и по имѣніямъ... Я связанъ дѣлами... Я не могу часто бывать...

— Я не вижу никакихъ доказательствъ твоей любви... Ты прежде

готовъ былъ все забыть для меня и настаивалъ, чтобы бывать вечеромъ... Теперь это возможно... И ты говоришь, что не можешь...

— Я буду у тебя часто бывать!.. Ну, разскажи мнѣ, что дѣлается у васъ въ театрѣ? Я рѣдко бываю съ тѣхъ поръ...

— Ничего новаго! Все по-старому!

Затѣмъ, онъ вынулъ деньги и предложилъ ей 200 рублей: такой ужь былъ человѣкъ, что не вытерпѣлъ!. Она не хотѣла принять.

— Нѣтъ! не возьму!.. Я тебѣ еще должна!..

— Развѣ у тебя такъ много денегъ?

— У меня вовсе нѣтъ денегъ!

— Такъ что же ты церемонишься? Я забылъ все прежнее...

— Беру только потому, что ты настаиваешь...

Алексѣй Павловичъ вспомнилъ, что нужно дать отвѣтъ ожидавшей его баронессѣ, и началъ собираться.

— Ты уже уходишь?

— Да, пора! Мнѣ нужно быть еще въ одномъ домѣ...

— Я не смѣю задерживать!.. Но если можешь,—останься еще не долго,—упрашивала Маргарита.

Алексѣй Павловичъ не могъ устоять противъ ея ласкъ, и, понятно, нисколько не подозрѣвалъ, что это плата за предложенныя имъ деньги и желаніе вытянуть ихъ съ него побольше.

Прошло еще около часу. Наконецъ, онъ сталъ собираться домой.

Такимъ образомъ чувственная натура Алексѣя Павловича не могла устоять противъ искушеній, преподнесенныхъ ему Маргаритой, и онъ не понималъ, что она старалась только показать свою любовь, но въ сущности для нея всѣ мужчины были одинаковы, такъ какъ конечный результатъ ея стремленій и побужденій—было вознагражденіе за мнимую любовь, какъ возмездіе и плата за тѣ ласки, которыя она принужденно расточала каждому мужчинѣ, лишь бы быть увѣренною, что за эти ласки будетъ матеріально вознаграждена. Испорченная натура Маргариты не могла никого любить искренно. Огонь вспыхивалъ у ней только отъ мечты о хорошемъ вознагражденіи, она искусственно и притворно возжигала его, а нервы ея въ тѣ минуты походили на струны, которыя сотрясаются и издаютъ звуки только отъ механическаго воздѣйствія. Алексѣй Павловичъ, удовлетворяя свою чувственность, жилъ вмѣстѣ и воспоминаніями о тѣхъ восторгахъ и наслажденіяхъ, которые онъ испытывалъ съ самыхъ первыхъ дней знакомства съ Маргаритой и которые приводили его въ какое-то радостное настроеніе, сопровождавшееся особенно пріятнымъ ощущеніемъ во всемъ его существѣ: неудивительно, что онъ теперь желалъ опять испытывать то же самое, и это вновь тянуло его къ Маргаритѣ, наполняя пустоту его жизни.

Выйдя отъ Маргариты, онъ началъ соображать—какой отвѣтъ дать

баронессѣ, и тѣмъ болѣе это заботило его, что прошло почти три часа со времени выхода его изъ дому съ Болтасовымъ... Ужасно,—подумалъ онъ,—предстоятъ два объясненія: съ баронессой—гдѣ былъ, съ матерью—объ отставкѣ. У него просто кружилась голова.

Возвратившись, онъ узналъ, что баронесса въ постели, что она заболѣла и послала за докторомъ, что мать спрашивала о немъ и приказала доложить ей, когда онъ возвратится. Войдя въ комнату баронессы, онъ сказалъ:

— Вотъ и я! Все устроили!.. Вы больны?

— Да, какъ видите! — сказала она слабымъ голосомъ. Я обязана этимъ вашей матери: въ отсутствіе ваше она сдѣлала мнѣ скандалъ, упрекая меня, что я виновна въ вашей отставкѣ, что я это устроила, чтобы ѣхать поскорѣе заграницу...

Онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Идите къ ней!.. Она уже два раза присылала за вами. И онъ направился въ комнату матери.

Надежда Андреевна была сердита и не отвѣчала на его привѣтствіе.

— Вы, maman, спрашивали меня?

— Прошу объяснить мнѣ—почему вы подали въ отставку?

Она говорила сыну «вы», когда была очень сердита.

Я не могу служить въ кавалеріи! Вы это знаете.

— Ваши причины не выдерживаютъ критики! Ваши средства вполнѣ достаточны, если бы вы тратили ихъ только для службы и для поддержанія вашихъ отношеній...

— Вы не знаете, maman, что тратятъ другіе...

— Я знаю одно: дѣдъ вашъ былъ заслуженный генералъ... Отецъ вашъ также заслуженный человѣкъ... Оба служили, а вы въ 24 года жизни вашей желаете на покой!

— Я современемъ опять буду служить, но только въ арміи.

— Прекрасно! Vous avez raison: изъ гвардіи да въ гарнизонъ!

Онъ молчалъ.

— Я не согласна на отставку!.. Я дамъ вамъ средства для того, чтобы вы не имѣли отговорокъ, что вы не можете служить по бѣдности...

— Отставка на дняхъ выйдетъ, если уже не вышла... Вернуть ее нельзя!

— И слышать не хочу объ отставкѣ!

— Въ такомъ случаѣ, я желаю получить мою часть изъ наслѣдства отца—и войти въ мои права...

— Прекрасно! Но вы знаете, что я имѣю на имѣніи 100 т. рублей моихъ собственныхъ денегъ?

— Знаю! Это ничего не значитъ! Вы можете ихъ получить: имѣніе

стоитъ въ десять разъ дороже; или возьмите столько земли и лѣсу, чтобы покрыть эти 100 т. рублей.

— Я землею не хочу! Дайте мнѣ чистыя деньги, и я согласна!.. Вступайте въ права наслѣдства!

— Извольте: я деньги найду!.. Каждый дастъ мнѣ 100 т. рублей подъ имѣніе...

— Прекрасно! Это уроки баронессы! Закладывайте! Продавайте! Поѣзжайте за границу съ баронессой.. А потомъ, въ перспективѣ— нищета!..

— Никакой нищеты не будетъ! На мой вѣкъ хватитъ!

— Не хватитъ! При такой жизни, какую вы ведете и намѣрены вести—не хватитъ! Вы тратите теперь болѣе 10 т. въ годъ.. Я не знаю, какія же вамъ еще нужны средства?! Еслибы покойный отецъ былъ живъ, вы не имѣли бы этого... Вы хотите и мать уложить въ гробъ!

Надежда Андреевна заплакала и стала отирать слезы.

Онъ молчалъ и ждалъ истерики. Мать продолжала плакать и всхлипывала по временамъ. Наконецъ, она сказала:

— Я бѣдная, я нищая, я несчастная!

Она начала рыдать...

Сынъ вышелъ изъ комнаты и направился къ баронессѣ.

— Я здѣсь чуть не умираю, а вы такъ долго не приходите! Я взволнована и боюсь, чтобы это не вызвало преждевременнаго разрѣшенія,—продолжала она.

Часъ отъ часу Алексѣю Павловичу становилось не легче. «Бѣда,— думалъ онъ,—съ этими женщинами!»

— У меня страшная головная боль и боль въ поясницѣ—опять сказала баронесса и продолжала: Дайте сюда примочку для головы, и время принять лѣкарство...

Онъ взялъ примочку, намочилъ компрессъ, положилъ ей на голову и далъ принять ложку лѣкарства.

— Гдѣ вы были такъ долго съ Болтасовымъ?

— Разскажу послѣ!.. Вы теперь больны...

— Ничего! Говорите! Я слушаю...

— Вы догадались, что дѣло идетъ о займѣ денегъ... Онъ не хотѣлъ при васъ говорить... Мы были у одного господина, который даетъ деньги для разводнаго процесса...

— Мнѣ рѣшительно не нравится Болтасовъ! Я раскаиваюсь, что подписала довѣренность!.. Я не хочу, чтобы онъ велъ процессъ!.. Я найду другаго... Что вамъ говорила мать?

— Она сердита за отставку... Требуетъ, чтобы я взялъ ее назадъ... Я сказалъ, что послѣ опять поступлю на службу. . Потребовалъ, чтобы она передала мнѣ имѣніе... Я самъ хочу управлять...

— Отъ васъ ли я слышу это?

— Что же тутъ удивительнаго! Пора мнѣ вступить въ мои права.

— Посмотримъ!

— Вамъ стало лучше?

— Да, нѣсколько!

Баронесса не такъ была больна, какъ казалась больною. Цѣль ея была только—показать, что она больна. Она можетъ быть ревновала, зная его натуру, не потому что любила, но изъ боязни, чтобы онъ не сошелся съ другою женщиною, и на этомъ покоилось ея нерасположеніе къ Болтасову, который, кромѣ того, еще не хотѣлъ сказать—зачѣмъ они ѣдутъ вмѣстѣ и куда. Головными болями и болью въ поясницѣ баронесса страдала ежедневно, потому, что уже давно была въ интересномъ положеніи и долго скрывала его. Упреки Надежды Андреевны, сдѣланные ей въ отсутствіе Алексѣя Павловича за отставку и желаніе оправдать преждевременность разрѣшенія, подали баронессѣ мысль лечь въ постель и заявить на всякій случай объ этой политической болѣзни.

Когда баронесса перестала говорить и задремала, Алексѣй Павловичъ былъ очень радъ. Двѣ бури прошли довольно благополучно. Онъ вышелъ изъ комнаты на цыпочкахъ. Было уже за полночь. «Не лежитъ ли мать въ истерикѣ, или уже заснула»—вотъ, что его теперь занимало. Онъ призвалъ камердинера и приказалъ тихонько развѣдать—что дѣлается съ матерью.

Однако, камердинеръ не успѣлъ еще навести справокъ, какъ его позвали къ матери.

Вошедши въ ея комнату, онъ увидѣлъ ее сидящею, нѣсколько блѣдною и грустною. Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ея руку и началъ просить прощенія.

— Что же, ты самъ хочешь управлять имѣніями? Это тебя настроилъ Болтасовъ, который сегодня былъ?

— Нѣтъ, maman! Онъ ни слова объ этомъ не говорилъ.

— Я знаю эту кошку!.. Это—его штуки! Почему же ты скрылъ отъ меня, что у васъ былъ Болтасовъ?

— Я не придавалъ этому особаго значенія... Онъ у меня изрѣдка бываетъ... вы знали это, и я прежде вамъ не говорилъ о визитахъ его...

— Но почему же именно сегодня ты надумался управлять имѣніями самъ?

— Клянусь вамъ! У насъ не было рѣчи объ этомъ...

— И ты говоришь правду?

— Совершенную правду!

— Я не прочь передать тебѣ управленіе имѣніями, но выгодно ли тебѣ будетъ это? Имѣніе теперь почти безъ долговъ. Опять придется его закабалить, чтобы выдать мнѣ мои деньги...

— Я не настаиваю, maman!.. Управляйте сами... Но дайте мнѣ возможность имѣть деньги, когда нужно...

— Кажется, что я тебѣ никогда не отказывала... Обращайся, когда будетъ нужно... Но, чтобы ты былъ безъ службы и чтобы имя твоего дѣда и отца, всегда служившихъ и въ военной, и въ гражданской службѣ, померкло, потому что ты не хочешь служить—я на это не согласна!

— Я буду служить!.. Я поступлю опять!..

— Съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась у насъ, ты сталъ совсѣмъ другой.. Нельзя, чтобы ты думалъ объ однихъ нарядахъ и юбкахъ! Ты призванъ къ болѣе высокому служенію и поприщу, нежели удовлетвореніе желаній баронессы.

— Она тутъ не при чемъ! Еслибы я былъ женатъ, было бы то же самое...

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ жениться?

— Теперь я не могу: она скоро будетъ матерью!..

— Еще этого недоставало! О, Боже! Вотъ новости—одна за другой! Срамъ и стыдъ какой! Въ нашемъ домѣ, гдѣ ничего подобнаго и никогда не было!.. И вдругъ она!.. Ахъ, позоръ!

— Никакого позора нѣтъ! Если бы у меня была жена, и она разрѣшилась бы... Это—такъ натурально!

— Но вѣдь жена и любовница, это—двѣ вещи разныя! И я тебя родила въ домѣ нашемъ, но, вѣдь, отъ законнаго мужа... А тутъ любовница! Необходимо ее перевезти на квартиру: пусть все это случится тамъ, а не въ стѣнахъ нашего дома!

— Этого нельзя сдѣлать!

— Почему же?

— Вы знаете, что я люблю ее, и мнѣ придется перейти туда же...

— Ну, пусть она на это время поселится въ гостиницѣ, или въ меблированныхъ комнатахъ...

— И я съ ней туда же!..

— Къ чему же тебѣ?

— Иначе нельзя!

— Прекрасно! Тысячу разъ раскаиваюсь, что согласилась на ея переѣздъ въ нашъ домъ! Ахъ, Боже мой! какой срамъ!

Въ это время вошелъ камердинеръ и доложилъ Алексѣю Павловичу, что баронессѣ очень дурно и что она проситъ его...

— Иди! Иди!—сказала мать.

Онъ направился на половину баронессы и узналъ, что у нея начались родовыя муки.

XVII.

Необходимо пояснить, что баронесса, сойдясь съ Алексѣемъ Павловичемъ, была уже въ интересномъ положеніи и отлично знала это. Онъ сже, конечно, ничего не подозрѣвалъ. Въ концѣ седьмаго мѣсяца совмѣстной жизни ихъ, положеніе ея сдѣлалось такимъ, что дольше нельзя уже было скрывать приближающееся разрѣшеніе.

Когда онъ, выйдя отъ матери, вошелъ въ спальню баронессы, она стонала и жаловалась на сильныя боли въ поясницѣ.

— Что съ вами?—спросилъ онъ испуганно.

— Я вамъ говорила, что опасаюсь волненій этихъ дней... Я боюсь, чтобы не наступило преждевременнаго разрѣшенія... Пошлите на всякій случай за sage-femme: пусть она скажетъ—что дѣлается со мною...

— Не лучше ли за докторомъ?

— Нѣтъ! Я говорю пошлите за sage-femme... m-me Неймаркъ... Она живетъ на Мѣщанской, № 17.

Онъ безпрекословно исполнилъ это желаніе. Черезъ часъ явилась m-me Неймаркъ и объяснила, что дѣйствительно начинается разрѣшеніе.

Въ эту же ночь родился у баронессы сынъ.

Алексѣй Павловичъ былъ въ восторгѣ, что у него родился сынъ,— хотя онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета—почему онъ такъ радуется норожденію сына, для чего онъ ему нуженъ и какова будетъ судьба новорожденнаго. Но такъ уже устроенъ человѣкъ, что ему присуще радоваться появленію новаго существа въ мірѣ, особенно, если человѣкъ этотъ считаетъ себя отцомъ новорожденнаго. Радость Алексѣя Павловича омрачалась только однимъ обстоятельствомъ: какъ держать ему отвѣтъ предъ матерью, которая такъ еще недавно боялась, чтобы баронесса не разрѣшилась въ ея домѣ? Но какъ бы то ни было, — отвѣтъ нужно было держать. Такое событіе, какъ рожденіе сына у баронессы, не могло укрыться въ домѣ. Надеждѣ Андреевнѣ доложили объ этомъ гораздо раньше, нежели сынъ явился къ ней съ сообщеніемъ.

— Срамъ какой! Я тебѣ говорила, что нужно ее перевезти на квартиру, или въ гостиницу...

— Какой же срамъ!—отвѣчалъ сынъ.

— Я не знаю, что же-за честь, что она удостоила нашъ домъ своимъ разрѣшеніемъ!

— Но еслибы я былъ женатъ? И съ женою случилось бы то же самое?

— То была бы жена, а не...

— Я не вижу разницы: родился ли у меня сынъ теперь, или отъ жены...

— Неужели ты думаешь, что это твой сынъ?

— А чей же? Конечно, мой!

— И ты увѣренъ!

— Конечно, увѣренъ!

— Она переѣхала къ намъ въ домъ только семь мѣсяцевъ тому назадъ... А знаешь ли ты, что женщина бываетъ въ такомъ положеніи 9-ть мѣсяцевъ? Вѣдь не прошло еще девяти мѣсяцевъ отъ начала вашего знакомства?

— Я не считалъ, maman... Мнѣ все равно...

— Я тебя не понимаю! Ты совершенный ребенокъ! Какъ бы тамъ ни было, но я не желаю, чтобы этотъ ребенокъ оставался у насъ въ домѣ... Чтобы я слышала тутъ его крики, чтобы его тутъ крестили и нянчили... Нѣтъ! Нѣтъ! всего этого я не вынесу!

— Но, вѣдь, это мой сынъ!..

И Алексѣй Павловичъ направился къ дверямъ. Но мать ему вслѣдъ закричала:

— Alexis! вернись!

— Что же еще вы хотите, maman?

— Ты слышалъ, что я сказала? Передай это ей... Это моя воля!

Онъ вышелъ, не отвѣтивъ ничего, и направился на половину баронессы.

Она лежала блѣдная и истомленная...

— Я очень рада, что это кончилось. Но я больна оттого, что нѣсколько раньше это случилось... Дитя нужно отдать на воспитаніе... M-me Неймаркъ беретъ его къ себѣ... Нужно его окрестить... Ну, это можно сдѣлать въ церкви,—сказала баронесса.

— Но дитя простудится!

— Нѣтъ! Его укутаютъ и повезутъ въ каретѣ.

У него отлегло отъ сердца... Желаніе матери исполнялось, и баронесса не только не прочь отдать дитя, но сама же предлагаетъ... и тутъ же у него мелькнула мысль сказать матери, что онъ настоялъ на этомъ...

— Хорошо!—сказалъ онъ.—Дѣлайте, какъ найдете лучшимъ...

Баронесса окончательно переговорила съ m-me Неймаркъ, которая согласилась взять на себя воспитаніе новорожденнаго съ платой по 40 р. въ мѣсяцъ въ теченіе перваго года. Окрестить ребенка предположено также въ квартирѣ Неймаркъ. Она же взялась отыскать лицо, которое согласится записать ребенка на свое имя, за что ей обѣщано было особое вознагражденіе, помимо расходовъ на крестины. Алексѣй Павловичъ не призывался на совѣщаніе и пока ничего не зналъ. Дитя

было закутано и увезено Неймаркъ, въ каретѣ, на другой же день. Дня черезъ два она явилась и сообщила, что можно сдѣлать, чтобы дитя было записано законнорожденнымъ.

— А какъ вы это устроите?—спросила баронесса у Неймаркъ.

— Очень просто! Я нашла одного бѣднаго чиновника. Онъ供 бездѣтенъ и соглашается записать вашего сына на свое имя.

— А если онъ намъ послѣ сдѣлаетъ процессъ? Онъ можетъ доказывать, что дитя его.

— Не сдѣлаетъ! Это сплошь и рядомъ мы дѣлаемъ... Не вы первые... не вы послѣдніе!.. Къ чему нужно ему ваше дитя? У него дѣтей никогда не было... Они ему не нужны! Онъ получитъ свое — и больше ничего!

— А что онъ желаетъ?

— Онъ соглашается сдѣлать это за 2 т. рублей...

— Кто же это такой?

— Его фамилія—Орестовъ, а имя Алексѣй Ивановичъ.

— Прекрасное имя! Чудная фамилія! Я хочу, чтобы дитя носило имя отца... Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, кстати!

— Когда же будутъ крестины?—спросила Неймаркъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Съ вашей стороны будетъ кто-нибудь на крестинахъ?

— Отецъ этого дитяти.

— Если вы согласны на все это, соблаговолите дать необходимую для расходовъ сумму.

— Хорошо! Усыновляющій получитъ задатокъ: рублей 500; а когда вы доставите метрическое свидѣтельство и я увижу, что дитя дѣйствительно Алексѣй Орестовъ и сынъ законныхъ родителей, то получите остальное. Завтра вы получите задатокъ, а расходы на крестины сдѣлаетъ самъ отецъ...

— Но Орестовъ едва-ли согласится взять теперь только 500 р.

— Ваше дѣло устроить это...

— Нѣтъ-съ! Я не берусь! Онъ сказалъ, что менѣе 1.000 р. впередъ не возьметъ... Извините! это онъ не согласенъ, но не я... Я рада бы!.. Но что я сдѣлаю? Онъ рѣшительно объявилъ...

— Ну, хорошо! Я подумаю! Пожалуйте завтра!

Положеніе баронессы было критическое: она хорошо знала, что родила отъ мужа, но ей, теперь, необходимо было убѣдить Алексѣя Павловича, что дитя рождено отъ него; съ другой же стороны очевидно было, что мужъ никоимъ образомъ не признаетъ новорожденнаго своимъ сыномъ; да и Алексѣй Павловичъ былъ бы весьма недоволенъ такимъ сюрпризомъ. Оставалось, слѣдовательно, или записать дитя незаконнорожденнымъ, или сдѣлать такъ, какъ придумала баронесса. Въ послѣд-

немъ случаѣ дитя лишалось имени и титула отца, но это казалось баронессѣ менѣе дурнымъ, нежели всѣ недоразумѣнія и неудовольствія, которыя она испытала бы, заявивъ Алексѣю Павловичу, что не онъ— отецъ новорожденнаго. Свое я, свой эгоизмъ, такимъ образомъ, баронесса ставила на первый планъ, и это иначе не могло быть: женщины, подобныя баронессѣ, не останавливаются ни предъ какими препятствіями для достиженія собственныхъ цѣлей.

По отъѣздѣ Неймаркъ, баронесса объяснила всѣ свои планы Алексѣю Павловичу и просила вручить ей необходимыя деньги для уплаты всѣхъ предстоящихъ расходовъ. Кромѣ того, необходимо было приготовить деньги на крестины и на вознагражденіе Неймаркъ. Единственный источникъ—была мать. И вотъ онъ направился къ ней.

— Желаніе ваше, maman, исполнено: дитя уже увезено изъ дому.

— Очень рада! Еще бы оставлять его тутъ!..

— Дитя будетъ окрещено, и мы отдаемъ его на воспитаніе: для этого нужны деньги...

— Сколько же?

— Дайте же мнѣ, maman, больше денегъ... Не могу же я вѣчно быть безъ денегъ!

— Ахъ, Боже мой! До чего я дожила! Я должна говорить о подобныхъ дѣлахъ! Что бы сказалъ твой покойный отецъ, еслибы это все случилось при немъ? А твой дѣдъ—заслуженный генералъ—что бы онъ сказалъ? Даю деньги съ условіемъ, чтобы ты перевелъ баронессу на квартиру... Я буду платить за ея квартиру... Согласенъ?

— Дѣлайте, какъ знаете! Для чего же вы соглашались на переселеніе ея въ нашъ домъ? Вѣрите ли, что просить у васъ денегъ для меня все равно, что вонзить острый ножъ въ сердце!

— Но нужды твои безконечны!

Надежда Андреевна подошла къ бюро и, обратясь къ сыну спиною, считала деньги... Онъ молчалъ и слышалъ шелестъ кредитныхъ билетовъ. «Слава Богу»,—думалъ онъ,—«буря пронеслась!» Онъ полагалъ, что все будетъ идти труднѣе, нежели шло на самомъ дѣлѣ.

— Вотъ 3.000 рублей!—сказала мать.

Она принялась за карты, стасовала ихъ и начала, молча, раскладывать пасьянсъ. Сынъ поблагодарилъ ее, поцѣловавъ безмолвно ея руку, и ждалъ еще. Онъ чувствовалъ себя свободнѣе, дышалъ легче, и зная, что у него въ карманѣ лежитъ солидная сумма, смотрѣлъ иначе на свѣтъ Божій, нежели тогда, когда выходилъ отъ ростовщиковъ съ полнымъ карманомъ денегъ, за которыя нужно было платить громадные проценты.

Только онъ хотѣлъ выйти, какъ мать къ нему обратилась:

— Разскажи же мнѣ, по крайней мѣрѣ, что и какъ будетъ? Какъ

дитя запишутъ? На чье имя? Не вздумай, избави Боже, чтобы онъ какъ-нибудь носилъ нашу фамилію! Не лучше ли отдать его въ воспитательный домъ?

— Нѣтъ, maman! Будьте спокойны! Онъ не будетъ носить нашей фамиліи... Въ воспитательный домъ я его не отправлю. А впрочемъ увидимъ... Я сообщу вамъ послѣ подробно обо всемъ...

— О, Боже! Что я должна выслушивать! Чѣмъ я должна заниматься!

Сынъ молчалъ. Скоро онъ вышелъ отъ матери.

Нечего прибавлять, что дитя было окрещено черезъ нѣсколько дней и записано на имя отставнаго чиновника Орестова и законной жены его Анны Тимоѳеевны, воспріемниками были лица, незнакомыя Алексѣю Павловичу, присутствовавшему на крестинахъ. Этихъ воспріемниковъ нашла Неймаркъ, за приличное вознагражденіе. Алексѣй Павловичъ чувствовалъ себя въ высшей степени неловко въ этой компаніи и особенно въ то время, когда Неймаркъ, послѣ крестинъ, поднесла къ нему дитя, которое онъ считалъ своимъ сыномъ.

Чиновнику Орестову, довольно ветхому, было вручено Неймаркъ изъ 1.000 рублей только 500 р., а 500 руб. она обѣщала отдать, когда онъ доставитъ метрическое свидѣтельство.

Баронесса быстро поправлялась. На десятый день она встала, а къ двадцатому и совсѣмъ была здорова. Въ теченіе этого времени Алексѣй Павловичъ, подъ предлогомъ навѣстить ребенка, ежедневно выѣзжалъ изъ дому и заѣзжалъ на 15 минутъ къ Неймаркъ. Затѣмъ онъ, обыкновенно, отправлялся къ Маргаритѣ и проводилъ время у нея. На упреки же баронессы, что онъ надолго ее оставляетъ, отвѣчалъ: «Я не могу налюбоваться на этого ребенка, весь въ меня». Она была этимъ довольна и переставала пилить его. На случай, еслибы баронесса спросила Неймаркъ — долго ли онъ остается у нея — приказано было говорить, что онъ: «просто не наглядится на дитя». Баронесса и Алексѣй Павловичъ, между тѣмъ, готовились ѣхать за границу и, зная, что мать будетъ противъ этой поѣздки, нашли средство все-таки достигнуть цѣли, къ которой стремились.

XVIII.

Наконецъ, Алексѣй Павловичъ былъ уволенъ въ отставку. Онъ облекся въ статское платье, заказанное у лучшаго портнаго. Когда онъ явился къ матери, она сказала:

— Фи! Какая мерзость! Я не привыкла видѣть тебя въ такомъ ужасномъ нарядѣ!

— Я чувствую себя легче и свободнѣе,—отвѣчалъ сынъ.

— Я не перестану надоѣдать тебѣ, пока ты не поступишь вновь на службу.

— Я, maman, поступлю; но дайте мнѣ отдохнуть...

— И долго ты думаешь отдыхать?

— Полгода, годъ...

— Это еще что такое?

Сынъ молчалъ.

— Что же ты молчишь?

— Я хотѣлъ бы, maman, съѣздить не надолго въ чужіе края...

— Это все ея штуки! Ей не сидится дома! Да и гдѣ же средства? Такая поѣздка обойдется страшно дорого!

— Вы даете мнѣ теперь 10 т. въ годъ: мнѣ этого достаточно, и повѣрьте, что я истрачу гораздо меньше...

Мать замахала рукой, зная сына хорошо, и сказала:

— Если ты здѣсь тратишь болѣе 10 т., и значительно болѣе, то за границей ты истратишь—куда больше!..

— Я, вѣдь, maman, думаю ѣхать одинъ... Мнѣ такая жизнь надоѣла!.. Баронесса ѣдетъ къ матери... Мнѣ хочется съ нею покончить счеты...

Мать смотрѣла удивленными глазами на сына, не вѣрила тому, что это правда, но все-таки внутренно радовалась.

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ты пришелъ къ такому рѣшенію?

— Да, maman! Только прошу васъ не говорить ей: она поѣдетъ къ матери, а я за границу...

— Зачѣмъ же тебѣ ѣхать за границу?

— Если я останусь здѣсь, она можетъ вернуться, а не будетъ меня, не вернется... Въ 2—3 мѣсяца все забудется...

— Къ чему же на такое долгое время?

— Но, maman, я хочу и посмотрѣть тамъ все... Всѣ же ѣздятъ...

— Ну, а если я умру безъ тебя?

— Богъ милостивъ, maman! Этого не случится!

— Даешь мнѣ слово, что, по возвращеніи изъ-за границы, опять поступишь на службу?

— Честное слово! Я далъ вамъ честное слово, что не буду играть въ карты, и сдержалъ его...

— Если ты согласенъ оставить баронессу, въ такомъ случаѣ я согласна, чтобы ты ѣхалъ за границу, и дамъ тебѣ деньги...

— Она на будущей недѣлѣ уѣзжаетъ къ матери.

— Я очень рада, что ты надумался ее отпустить!.. И какъ это случилось?

— Она недовольна положеніемъ содержанки... Она не желаетъ оставаться у насъ въ домѣ... Она обижена!..

— Мало ли что? Чего же ей нужно? Незнаю, право, до чего доходитъ самообольщеніе! Что же она думаетъ?

Сынъ молчалъ.

— А гдѣ ребенокъ?

— Его отдали въ воспитательный домъ...

— И прекрасно!

— Я, maman, сказалъ ей, что я остаюсь здѣсь, что я никуда не уѣду... Вы, maman, не выдайте меня...

— Я съ нею и говорить не хочу! Сколько несчастій она намъ принесла! И въ добавокъ—срамъ! Этого никогда не было въ домѣ нашемъ, чтобы какая-нибудь женщина полусвѣта поселилась и еще въ добавокъ... разрѣшилась въ домѣ нашемъ! Что же, ты ее разлюбилъ?

— Я подумалъ, maman, что вы огорчаетесь. Сообразилъ—къ чему все это ведетъ? Она рѣшилась ѣхать къ матери. Я не настаивалъ. Пусть ѣдетъ!

— Ты съ ней больше не сойдешься?

— Нѣтъ, maman! Довольно! Жениться на ней я не могу.

— Честное слово?

— Честное слово! Вы знаете, maman, что я держу честное слово!

— Въ такомъ случаѣ поѣзжай на три мѣсяца заграницу. Я дамъ тебѣ впередъ, сколько тебѣ будетъ нужно.

Все, что онъ говорилъ матери, была чистѣйшая ложь; но планъ—обмануть мать, составленный въ союзѣ съ баронессой, приводился имъ въ исполненіе, и цѣль—поѣздка заграницу—достигалась цѣною обмана матери. Надежда Андреевна, хотя не очень довѣряла сыну, но радость ея, по поводу заявленія сына о предстоящей разлукѣ его съ баронессой, была такъ велика, что она взяла верхъ надъ недовѣріемъ. Мать Алексѣя Павловича такъ стала ненавидѣть баронессу, что не пожалѣла бы ничего, лишь бы избавиться отъ нея, и вдругъ самъ сынъ приходитъ къ этому убѣжденію, вполнѣ гармонировавшему съ настроеніемъ матери. Необходимо замѣтить, что Надежда Андреевна отличалась непослѣдовательностію своихъ дѣйствій и убѣжденій: то она была слишкомъ сурова, то слишкомъ мягка, то она отличалась необъяснимымъ упрямствомъ, то чрезмѣрною податливостію. Вообще, это была женщина, которая не выработала никакихъ прочныхъ убѣжденій, никакой опредѣленной цѣли. Думая только о томъ, чтобы удержать свои права и свои материнскія прерогативы, она на все остальное обращала мало вниманія, и потому въ дѣйствіяхъ ея, по отношенію къ сыну, царилъ какой-то

*

хаосъ, какая-то странная неопредѣленность. Сынъ это понималъ и потому не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на угрозы, истерическіе припадки, на слезы матери, а тѣмъ болѣе на ея совѣты и нравоученія. Онъ отлично также понималъ, что мать до конца своей жизни хочетъ оставаться распорядительницей и управительницей имѣній и что власть свою она уступитъ только съ бою, а потому и не представлялось опасности, чтобы мать когда-нибудь не согласилась на его требованія... Слѣдуетъ сказать, что Болтасовъ много наговаривалъ Алексѣю Павловичу на мать и многое разъяснилъ ему, въ смыслѣ его правъ, какъ наслѣдника отца. Въ послѣднее же время и баронесса также много дѣйствовала на Алексѣя Павловича. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго, что сынъ часто объявлялъ матери почти генеральныя сраженія, изъ которыхъ чаще всего выходилъ побѣдителемъ, т. е. достигалъ искомой цѣли, сводившейся всегда къ полученію отъ матери или солиднаго куша, или исполненія его желаній, каковы, напримѣръ, водвореніе баронессы, поѣздка заграницу. Боязнь Надежды Андреевны, что сынъ женится, также была важною причиною ея уступчивости и податливости, особенно по отношенію къ согласію на водвореніе баронессы въ ихъ домѣ. И въ отношеніи согласія на поѣздку заграницу, Надежда Андреевна руководилась эгоистическими цѣлями: она знала, что поѣздка заграницу охладитъ въ сынѣ всякую мысль о женитьбѣ; она полагала, что во время этой поѣздки онъ совершенно забудетъ баронессу и, вернувшись, уже не сойдется съ нею. До такой степени женщина эта ставила свои интересы, свои эгоистическія стремленія на первый планъ, что не останавливалась ни предъ чѣмъ. Интересы же ея сына стушевывались, и онъ, несмотря на то, что погрязалъ въ лѣни, въ душевной дремотѣ и въ развратѣ, служилъ орудіемъ ея эгоизма. Она отпускала его заграницу, зная, что тамъ онъ поведетъ жизнь болѣе разгульную и болѣе развратную, нежели въ Петербургѣ, но что ей до того? Она избавлялась отъ баронессы, избавлялась съ большею вѣроятностію и женитьбы сына, оставалась одна, полною хозяйкой и могла копить сокровища, не отдавая отчета, для чего они нужны ей.

Обманъ матери Алексѣемъ Павловичемъ, въ союзѣ съ баронессой, удался какъ нельзя лучше. Встрѣтилось одно препятствіе къ выѣзду заграницу баронессы,—это заграничный паспортъ. Хлопоты о немъ принялъ на себя Алексѣй Павловичъ. Баронъ въ то время пилъ безъ отрезвленія почти. Отъ него ничего никто не могъ добиться, и баронессѣ выдали паспортъ на поѣздку заграницу, вмѣстѣ съ двумя дочерьми. Она и выѣхала съ ними за недѣлю впередъ, въ Берлинъ, гдѣ поджидала Алексѣя Павловича. Мать полагала, что баронесса выѣхала въ Полтавскую губернію, къ своей матери, которая жила тамъ въ небольшомъ своемъ имѣніи. Баронесса такъ была недовольна Надеждою Андреевною,

что не нашла нужнымъ проститься съ нею. Проводивъ баронессу, Алексѣй Павловичъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ уже теперь не опасался, что по возвращеніи домой будетъ подвергнутъ допросу—гдѣ былъ, что дѣлалъ? Онъ свободно посѣщалъ Маргариту. Немало изъ полученныхъ отъ матери на поѣздку заграницу денегъ пошло и на Маргариту, отъ которой онъ скрывалъ, что намѣренъ уѣхать, и даже во время послѣдняго посѣщенія Маргариты обѣщалъ быть у нея черезъ день; но обманулъ, потому что наканунѣ еще выѣхалъ.

Насталъ день отъѣзда его. Онъ пошелъ къ матери проститься.

— Если можно,—сказала она,—возвращайся скорѣе! Я уже не молода и больна! Боюсь, чтобы не умереть безъ тебя!

— Богъ милостивъ, maman! Я посмотрю, что дѣлается заграницей отдохну и возвращусь, какъ только можно будетъ скорѣе, и даю вамъ слово, что поступлю опять на службу.

— Я очень рада, что ты развязался съ баронессой. Безсовѣстная! неблагодарная! Уѣхала не простившись и не поблагодаривъ за хлѣбъ-соль!..

— Она обижена, что ее заподозрили въ моей отставкѣ. И со мною она почти не простилась.

— Ахъ, неблагодарная!

Мать, прощаясь съ сыномъ, даже не заплакала, но у него, какъ ни черствы были чувства, навернулись слезы, особенно, когда онъ вспомнилъ, что рѣшился обмануть мать. Эти слезы были доказательствомъ того, что въ душѣ Алексѣя Павловича промелькнуло раскаяніе, а если пробуждается еще раскаяніе въ испорченномъ сердцѣ, то такого человѣка часто можно исправить. Никто и никогда объ этомъ не думалъ, а напротивъ все слагалось столь неблагопріятно, что всякая надежда на исправленіе этой натуры, съ каждымъ днемъ, меркла болѣе и болѣе.

Особой нѣжной страсти къ баронессѣ теперь онъ не чувствовалъ, и чѣмъ можно объяснить, что онъ не воспользовался въ это время обстоятельствами и не предоставилъ уѣхавшую впередъ баронессу собственной судьбѣ? Онъ не прочь былъ бы сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что опять сблизился съ Маргаритой, но онъ зналъ, что баронесса не оставитъ подобнаго поступка безъ вниманія и что ей останется одно—мстить ему, для чего она можетъ даже сойтись съ мужемъ. «Такимъ образомъ,—думалъ онъ,—я пріобрѣту двухъ опасныхъ враговъ». Онъ рѣшилъ отложить это дѣло до возвращенія изъ заграницы, а жить заграницей одному, или вмѣстѣ съ баронессой, представлялось безразличнымъ.

Изъ кредиторовъ своихъ онъ написалъ письма Тугендрехту и Рамсману. Такъ какъ долгъ первому былъ уже погашенъ и онъ служилъ.

только посредникомъ при уплатѣ долга Розенбауму, то Алексѣй Павловичъ просилъ увѣдомить послѣдняго, что, по дѣламъ своихъ имѣній, на короткое время, оставляетъ Петербургъ и что по возвращеніи немедленно уплатитъ долгъ. Въ этомъ же смыслѣ писалъ онъ и Рамсману чрезъ мадамъ Лапьеръ.

Изъ полученныхъ отъ матери десяти тысячъ рублей на заграничную поѣздку, послѣ отправленія баронессы и за другими расходами, у Алексѣя Павловича осталось не болѣе половины. Съ этими деньгами онъ и выѣхалъ заграницу, взявъ съ собою своего любимаго камердинера Пармена. Въ Берлинѣ онъ встрѣтился съ баронессою, остановившеюся въ Hôtel Royal, какъ было условлено между ними. Свиданіе ихъ было не очень сердечное. Онъ меньше занимался баронессой, нежели новой обстановкой, въ которой теперь очутился, да и баронесса была въ иномъ расположеніи духа, видя, что завѣтная мысль—ѣхать заграницу—осуществилась и что она близка къ тому центру, въ который стремилось ея сердце. Центръ этотъ былъ—всемірная столица, Парижъ. На другой день по пріѣздѣ Алексѣя Павловича въ Берлинъ, они выѣхали въ Парижъ.

XIX.

Послѣ отъѣзда Алексѣя Павловича заграницу, хотя Надежда Андреевна избавилась отъ ненавистной баронессы, но не пріобрѣла душевнаго спокойствія и мира во всемъ существѣ своемъ—два условія при наличности которыхъ человѣкъ можетъ терпѣливо переносить жизненный путь. Надежда Андреевна начала хандрить. Мысль, что сынъ ея любитъ мотать деньги, что прихоти и нужды его могутъ прогрессивно увеличиваться, что заграницей онъ будетъ увлекаться женщинами еще больше, что даже можетъ жениться на француженкѣ, не давала ей покоя. Она начала вдругъ сильно раскаиваться, что пустила его заграницу и дала ему такъ много денегъ. Если къ этимъ безпокойствамъ прибавить всегдашнее одиночество ея, страсть собирать деньги, на которыя она давно привыкла смотрѣть не какъ на средство къ жизни, а какъ на цѣль существованія, то нельзя удивляться, что она сдѣлалась гораздо бережливѣе и скупѣе, нежели это было прежде. Долгъ въ опекунскій совѣтъ давно уже былъ уплаченъ, и хотя она заявляла сыну, что все еще тяготѣетъ на имѣніи долгъ, но это она дѣлала съ цѣлію остановить его мотовство. Твердя сыну объ этомъ долгѣ, она для подтвержденія словъ своихъ, уже давно

завела всевозможную экономію и бережливость, особенно въ отношеніи себя самой: носила старыя платья, отдавала чинить башмаки, которые давно нужно было бросить, штопала сама никуда негодные чулки, собирала огарки стеариновыхъ свѣчей и зажигала ихъ, когда раскладывала пасьянсъ, сама выдавала провизію, муку, масло, крупу и другія мелочи. По выѣздѣ сына заграницу, она распустила половину прислуги, продала лишнихъ лошадей, дорогую квартиру замѣнила болѣе дешевою. Пріемы гостей были совершенно уничтожены, и тѣмъ болѣе, что, замѣтя ея скупость, всѣ знакомые прекратили свои посѣщенія. Жалуясь отцу на затруднительность положенія, она получила отъ него, въ добавокъ къ приданому, еще довольно значительную сумму денегъ, но, несмотря на все это, скупость Надежды Андреевны не уменьшилась, а увеличилась еще больше. Въ домѣ ея, вмѣсто прежнихъ знакомыхъ, появились разныя ханжи и старухи, бесѣдуя съ которыми, она убивала время и прерывала скучное однообразіе жизни. Отъ этого общества она и морально опустилась. Если случалось кому-либо изъ знакомыхъ, какъ исключеніе изъ правила, посѣтить ее, она не находила темы для разговора и не старалась поддержать хорошаго тона. Само собою разумѣется, что послѣ того знакомые, навѣщавшіе ее, перестали бывать. Такимъ образомъ эта женщина осталась совершенно одна. Большую часть дня она проводила въ раскладываніи пасьянса, а когда оставляла это занятіе, думы одна другой мрачнѣе тѣснились въ ея воображеніи: то ей казалось, что сынъ ея можетъ умереть заграницей, то она боялась, чтобы, вернувшись, онъ опять не сошелся съ баронессой, то, что онъ женится заграницей. Все это не только нервно волновало ее, но лишало сна и аппетита, вызывая худобу тѣла. Всѣ занятія ея состояли въ пріемѣ, на какіе-нибудь полчаса, управляющаго, въ принятіи отъ него отчетовъ и дохода, если такой случался, въ безконечныхъ пасьянсахъ и въ разговорахъ съ приживалками, причемъ она штопала чулки или чинила какое-нибудь старое платье. Ни читать газетъ или какихъ-нибудь литературныхъ произведеній, ни театра и музыки и ничего изящнаго и доставлявшаго работу мысли, Надежда Андреевна терпѣть не могла. Обыкновенно къ обѣду къ ней приходила какая-нибудь старуха, съ которою она проводила весь вечеръ, слушала ея сплетни, или наводила справки - что дѣлаютъ такіе-то и такіе-то. Не только умственныхъ занятій, музыки, изящныхъ искусствъ недолюбливала Надежда Андреевна, но у нея не промелькало и особаго религіознаго настроенія: никогда, бывало, не пойдетъ въ церковь, а отговѣть—для нея было истиннымъ испытаніемъ. Кончивъ говѣнье, она хвалилась какой-нибудь приживалкѣ и доказывала, что совершила величайшій подвигъ. Однимъ словомъ, это была престранная и своеобразная женщина: ее ничто не занимало, исключая денегъ, которыя она любила пересчитывать, пря-

тала ихъ въ разныя сокровенныя мѣста, и, потомъ, вслѣдствіе значительнаго ослабленія памяти, нерѣдко забывала—куда ихъ положила. Иногда полученныя деньги, или доходы съ имѣнія она затыкала въ своей комнатѣ за ободранные обои, клала въ карманъ платья или въ комодъ, между другими мелкими вещами, и забывала—куда положила, даже не искала ихъ, какъ будто никогда не получала, такъ что жадность ея была безгранична, а потребности истратить деньги она не имѣла. Если сыну, какъ мы видѣли, она давала порядочные куши денегъ, то дѣлала это всегда съ принужденіемъ и потому, чтобы ей самой было хорошо: она достигала этимъ того, что сынъ терпѣливѣе переносилъ материнское иго, выражавшееся безправнымъ управленіемъ его имѣніями, принадлежавшими ему, какъ прямому наслѣднику отца. И такъ, она старалась усыпить сына и, дѣлая постоянныя потачки ему, совершенно утрачивала въ глазахъ его авторитетъ матери и способствовала порчѣ его нравственности. Возращая свой эгоизмъ, Надежда Андреевна съ каждымъ днемъ больше и больше убивала въ сынѣ уваженіе къ себѣ, какъ къ матери, а вмѣстѣ съ тѣмъ губила въ сынѣ возможность когда-нибудь повернуть на иной, лучшій путь. Надежда Андреевна отнюдь не была щедра: это видно изъ отношеній ея къ роднымъ, которыхъ у нея было хотя немного, но между ними были дѣйствительно люди бѣдные. Она ихъ третировала свысока и называла «попрошаями». Это были дѣти одной изъ ея сестеръ, которая, испытавъ такія же превратности судьбы, какъ и Надежда Андреевна въ дѣтствѣ, вышла замужъ и обѣднѣла вслѣдствіе расточительности покойнаго мужа, въ короткое время промотавшаго полученное за женою приданое и чуть не пустившаго семью свою по міру. Вотъ эти-то родственники и осаждали по временамъ Надежду Андреевну, но она ихъ почти не признавала, говоря: «какіе они мнѣ родственники, и фамилія-то ихъ матери другая, нежели была моя», и награждала ихъ самыми ничтожными подачками. Женщинъ Надежда Андреевна не терпѣла: всякая мало-мальски образованная, молодая и недурная собой женщина была едва-ли не кровнымъ врагомъ ея. Всѣ же унижавшіяся и заискивавшія предъ нею приживалки и старухи пользовались ея расположеніемъ. Вслѣдствіе этого она не могла не только сдружиться, но даже сойтись съ кѣмъ-нибудь изъ принадлежащихъ къ ея полу: всѣ были «дуры, глупыя, гордыя или нахальныя». Баронессу она терпѣла одно время только для сына и дозволила поселиться въ домѣ ея, чтобы отдалить или замѣнить женитьбу сына: слѣдовательно—опять таки эгоистическій разсчетъ. Однимъ словомъ, сердце Надежды Андреевны не знало ни дружбы, ни благодарности, ни признательности, ни снисхожденія къ ближнему, а тѣмъ болѣе благотворенія. Если она кому изъ бѣдныхъ дала рубль, то всѣ уже знали объ этомъ: она гордилась этимъ. Сына также она не любила, потому что владѣла

его имѣніемъ, готова была на все, лишь бы онъ не женился и не вступилъ бы въ свои права, а потому все то, что могло его усыпить, доставлялось ему, несмотря на то, что было для него вредно. Однимъ словомъ, она была эгоистка, мизантропка и значительно скупая женщина, сердце которой не откликалось ни на что доброе, полезное, возвышенное и мало-мальски соотвѣтствующее общечеловѣческимъ интересамъ. Ненависть къ людямъ, грубый эгоизмъ и скупость были девизомъ этой женщины.

Такая жизнь, такія убѣжденія, одиночество и всѣ странности Надежды Андреевны не остались безъ вліянія на ея здоровье: она худѣла постепенно, умственныя способности и силы ослабѣвали, она походила на скелетъ, обтянутый кожей, который могъ двигаться и дрожащими руками перебирать деньги, и пересматривать свои сокровища, не давая себѣ отчета о томъ, для кого и зачѣмъ копятся эти сокровища и деньги.

XX.

Сосланная въ деревню Дуняша сначала была арестована старостой на три дня, на хлѣбъ и на воду, и подвергнута легкому допросу. На допросѣ она повинилась, что: «грѣшна и виновна, но сама не знаетъ отъ кого понесла, такъ какъ имѣла многихъ любовниковъ». Она сдержала слово и не показала на молодаго барина. Послѣ разрѣшенія, она, по докладу управляющимъ Надеждѣ Андреевнѣ, на основаніи полученнаго отъ старосты донесенія, была подвергнута другому, болѣе строгому допросу, съ предупрежденіемъ, что если не укажетъ на соблазнителя, то «будетъ высѣчена крѣпко».

— Я уже сказала, что у меня любовниковъ было много и не могу указать, отъ кого понесла,—отвѣчала Дуняша.

— А коли не знаешь, барыня приказала тебя прохладить,—сказалъ староста.

— Прохлаждайте, сколько угодно!—отвѣчала опять Дуняша.

И вотъ, эту несчастную, питавшую грудью ребенка, высѣкли, давъ ей 20 ударовъ розгами. Наказаніе было довольно суровое и продолжительное, потому что послѣ каждаго удара ее спрашивали:—«отъ кого прижила плодъ и съ кѣмъ водилась?».

Бѣдная Дуняша молчала отъ начала до конца наказанія и не кричала. Донесли обо всемъ барынѣ.

«Сказать ей, что заморю на работѣ!» — былъ короткій отвѣтъ Надежды Андреевны.

Дѣйствительно, староста получилъ распоряженіе, чтобы «непотребная дѣвка Авдотья была употребляема на барскую работу, вдвое больше другихъ, за продерзости и провинности ея, которыя допустила, живучи въ господскомъ домѣ».

И бѣдная Дуняша несла смиренно ниспосланный ей крестъ, даже не роптала на молодаго барина, но молилась Богу, прося Его не обездолить ея ребенка, воспитывать котораго, при бывшей обстановкѣ и непомѣрной работѣ, не было возможности.

Молитва ея была услышана.

По отъѣздѣ Алексѣя Павловича, жена уѣхавшаго съ нимъ камердинера, Марья, враждуя съ дворетчихой, сдѣлала барынѣ доносъ, желая этимъ еще больше насолить Матренѣ Николаевнѣ, съ которой она была въ постоянныхъ неладахъ. Эта женщина, не боясь уѣхавшаго за границу молодаго барина, донесла барынѣ, что Дуняша прижила дитя отъ ея сына. Она желала выслужиться и окончательно стереть Матрену Николаевну, но ошиблась въ разсчетѣ.

— А если ты знала объ этомъ,—сказала Надежда Андреевна,—почему же ты тогда скрыла это?

— Я тогда не знала!.. Я только теперь услыхала, ваше превосходительство,—отвѣчала доносчица.

— А, такъ ты услыхала только теперь!—сказала строго барыня, и продолжала:—И смѣешь ты вѣрить, что мой сынъ былъ въ связи съ крѣпостной дѣвкой?

— Виновата, ваше превосходительство!

— Что мнѣ въ томъ, что ты виновата? Не вѣрь слухамъ и не разсказывай нелѣпостей!.. Вы ужь стали за панибрата съ господами!

— Простите, ваше превосходительство!

— А! теперь—простите! А какъ же ты смѣла скрыть, если тогда знала? Какъ ты смѣешь вѣрить такимъ слухамъ, если ты только теперь узнала? Да и кто тебѣ говорилъ? Отвѣчай!

— Не упомню!

— А если не помнишь, то какъ смѣешь болтать? Какъ смѣешь вѣрить? Пошла вонъ съ глазъ моихъ!

Доносчица упала на колѣни и просила помилованія.

— Вонъ съ глазъ моихъ!—повторила Надежда Андреевна.

Затѣмъ была призвана Матрена Николаевна и допрашиваема—что она знаетъ по этому дѣлу.

— Ты не знаешь—съ кѣмъ твоя племянница прижила дитя?—спросила ее барыня.

— Не могу знать, ваше превосходительство! Не повинилась мнѣ!

— А что ты слышала объ этомъ?

— Ничего не слыхала, ваше превосходительство!

— Скажи откровенно: можетъ быть, молодой баринъ соблазнилъ ее?

— Помилуйте, ваше превосходительство! Развѣ это возможно? Это кто же выдумалъ, ваше превосходительство!?

— То-то! твоя племянница показала, что многихъ знала, но кого именно — не указываетъ...

— Вѣстимо многихъ! Гдѣ же усмотрѣть, ваше превосходительство!

— Нѣтъ, не говори! Ты виновата!.. Ужь если племянница у тебя живетъ, то и смотрѣть надо!

— Виновата, ваше превосходительство!

— Ну помни: если не такъ показала и окажется другое, то дурно будетъ!

Доносчица черезъ два дня была отправлена въ одну изъ дальнихъ деревень.

Надежда Андреевна, услышавъ отъ женщины, что Дуняша была въ связи съ ея сыномъ, не повѣрила этому только по наружности, а въ душѣ сознавала, что это — дѣло возможное, потому что сына своего она знала хорошо. Поэтому, только для поддержанія своего престижа, она показала доносчицѣ, что этого не можетъ быть. Она думала теперь — какъ бы поступить? «Если допрашивать опять Дуняшу, то исторія эта огласится еще больше, да если и правда, что сынъ ее соблазнилъ, то, въ случаѣ раскрытія этого обстоятельства, и ему будетъ дурно; притомъ же, если очень притѣснять Дуняшу, то и онъ можетъ быть недоволенъ». На основаніи этихъ соображеній, Надежда Андреевна рѣшилась не преслѣдовать больше Дуняшу, приказала ее освободить отъ усиленной работы, а ребенка, такъ какъ дѣвкѣ не прилично-де кормить, приказала сдать въ воспитательный домъ; удостовѣреніе же въ этомъ, вмѣстѣ съ номеромъ, подъ которымъ записанъ ребенокъ, доставить ей. Надежда Андреевна боялась, что если дѣйствительно сынъ ея соблазнилъ Дуняшу, то онъ можетъ усыновить ребенка, и вотъ, чтобы воспрепятствовать этому, и было сдѣлано такое распоряженіе. Удостовѣреніе съ номеромъ дѣйствительно было доставлено Надеждѣ Андреевнѣ. Она хотѣла его сжечь, но, по уходѣ доставившаго лица, забыла это сдѣлать, такъ что удостовѣреніе и номеръ сохранились какимъ-то чудомъ. Дуняша была очень огорчена, что у нея отобрали дитя, но не могла не повиноваться.

Прошло около мѣсяца съ того времени, какъ Алексѣй Павловичъ выѣхалъ за границу. Маргарита, ожидавшая его въ скоромъ времени послѣ послѣдняго посѣщенія, бывшаго незадолго до отъѣзда, крайне удивлялась, почему онъ не пріѣзжаетъ къ ней. Она, подождавши немного, рѣшилась написать письмо къ нему, отправивъ его съ вѣрнымъ человѣкомъ, который долженъ былъ вручить письмо Алексѣю Павловичу

въ собственныя руки, но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что онъ куда-то выѣхалъ, но куда именно?—узнать не удалось. Письмо Маргариты было лаконическое.

Спустя нѣсколько дней, не получивъ отвѣта, Маргарита рѣшилась сама отправиться на его квартиру, захвативъ съ собою и это письмо, чтобы оставить его для передачи ему, если она его не найдетъ дома. Ей сказали, что онъ за границей, но гдѣ именно—не могли указать.

— Кто же тутъ есть, съ кѣмъ можно переговорить? — спросила Маргарита.

— Только барыня, ихъ мать,—былъ отвѣтъ прислуги.

Маргарита хотѣла уйти и оставить письмо, но передумала, потому что ей захотѣлось увидѣть мать ея обожателя. Она сказала:

— А можно видѣть барыню?

— Не знаю-съ!.. Я доложу...

— Доложите!

Надежда Андреевна, узнавъ, что сына ея спрашиваетъ женщина, приказала принять ее и, выйдя къ ней, спросила:

— Что вамъ угодно?

— Я, мадамъ, хотѣла бы узнать — гдѣ теперь находится мсье Чог—ковъ?

— Какая я вамъ мадамъ!.. Я генеральша, а не мадамъ!..

— Почему я могу знать, что вы генеральша?—отвѣчала Маргарита.

— Зачѣмъ вамъ знать о моемъ сынѣ?.. Вы молоды, но дерзки!

— Зачѣмъ мнѣ знать? Я вамъ не скажу этого... Вы, мадамъ, очень любопытны!

— Опять мадамъ!.. Но я его мать!

— Что же изъ этого? И мать не все можетъ знать!

— Но это невѣжество! Это дерзость!

— Судите, какъ хотите! Это дѣло — мой секретъ!—отвѣчала взбѣшенная Маргарита, желая позлить Надежду Андреевну, которая едва сдерживала свой гнѣвъ и, наконецъ, не вытерпѣла и крикнула:

— Сейчасъ вонъ! Уходите! Иначе — я велю васъ выпроводить.

Маргарита смѣрила ее своими большими глазами, улыбнулась и сказала:

— Иду, мадамъ!

И она вышла, будучи наказана за свое любопытство.

«Вотъ стрекоза», — подумала Надежда Андреевна. Вѣроятно, какая-нибудь актриса... или просто дѣвка!.. Да! Милый сынокъ! Узнаю тебя!—произнесла она уже громко и въ волненіи.

Дальнѣйшая участь Маргариты была очень печальна. Оставленная Алексѣемъ Павловичемъ, она по истеченіи короткаго времени сошлась съ какимъ-то восточнымъ человѣкомъ, армяниномъ, у котораго всѣ

почти пальцы были унизаны огромными бирюзами. Но этотъ человѣкъ былъ боленъ ужасною болѣзнію и болѣзнь эту передалъ Маргаритѣ. Приглашенный докторъ объявилъ, что болѣзнь въ высшей степени серьезна, что необходимо строгое лѣченіе и что на дому это лѣченіе немыслимо, по недостатку приспособленій, и особенно потому, что болѣзнь очень запущена. Маргарита поступила въ больницу: послѣ 8-ми мѣсячнаго лѣченія, вмѣсто довольно красивой и пикантной женщины, изъ Маргариты сдѣлалась какая-то безобразная особа. Деньги, бывшія у Маргариты, она, по легкомыслію, неопытности и польстясь на большіе проценты, вложила въ торговыя предпріятія восточнаго человѣка, выдававшаго ей взамѣнъ ихъ векселя. Въ довершеніе всего, восточный человѣкъ, во время нахожденія Маргариты въ больницѣ, систематически очищалъ ея квартиру. Для этого онъ прежде всего разсчиталъ бывшую прислугу подъ благовидными предлогами, боясь сношеній ея съ Маргаритою, и приставилъ къ квартирѣ, въ которой жилъ самъ, тоже восточнаго человѣка. Теперь ему было легко вскрыть всѣ запертыя помѣщенія: все цѣнное, не исключая платья, столоваго и даже носильнаго бѣлья, было похищено восточнымъ человѣкомъ. Даже рамы отъ портретовъ и картинъ и лучшая мебель подверглись той же участи. Этотъ человѣкъ исправно посѣщалъ Маргариту въ больницѣ и былъ у нея за три дня до выхода оттуда: ему хотѣлось узнать—когда она выйдетъ изъ больницы, чтобы заблаговременно скрыться. И, дѣйствительно, онъ скрылся. Маргарита, выписавшись изъ больницы, поспѣшила домой, и каково же было ея удивленіе, когда она нашла только жалкіе остатки мебели и всѣ запертыя помѣщенія пустыми! Искалѣченная, обезображенная болѣзнію, обкраденная восточнымъ человѣкомъ, она впала въ отчаяніе, и у нея явилась мысль покончить съ жизнію. Она пробовала отравиться, но была спасена. Вслѣдствіе показаній Маргариты о причинахъ отравленія, восточный человѣкъ былъ тщательно розыскиваемъ и, спустя долгое время, арестованъ въ Ростовѣ-на-Дону, но при немъ ничего не нашли, а наказаніе, которому онъ подвергся, нисколько не облегчило участи несчастной Маргариты.

Остается сказать о Розенбаумѣ и Рамсманѣ. Оба эти господина, не получивъ слѣдующихъ имъ отъ Алексѣя Павловича платежей, стали розыскивать его. Первымъ шагомъ ихъ было отправиться въ полкъ и узнать о немъ. Тамъ сказали, что Алексѣй Павловичъ давно уволенъ въ отставку. Затѣмъ, разумѣется, они отправились къ матери. Отъ имени Розенбаума явился Тугендрехтъ; Рамсманъ, прежде нежели пошелъ самъ, направилъ Лапьеръ, но она не была принята. Первымъ явился къ Надеждѣ Андреевнѣ Тугендрехтъ. Ей доложили, что ее спрашиваетъ «какой-то Тугендрехтъ, должно быть нѣмецъ».

— Просить!

— Честь имѣю рекомендоваться: Тугендрехтъ!..

— Что вамъ угодно?

— Я имѣю нѣсколько векселей вашего сына... Уже наступило время платежа...

— Я васъ не понимаю!

— Отчего же не понимаете?.. Сынъ вашъ занималъ у меня деньги и уплатилъ семь сроковъ, а нѣсколько сроковъ осталось еще за нимъ.. Теперь онъ уѣхалъ... Не угодно ли будетъ вамъ заплатить за сына, а иначе придется протестовать векселя!

— Но вы давали деньги не мнѣ, а сыну...

— Мы слышали, что онъ за границей... Мы должны обратиться къ вамъ, какъ къ его матери...

— Нѣтъ! Я не плачу за него!

— Мать не платитъ за сына! Кто же будетъ платить? Мы ждать не можемъ...

— Мнѣ очень жаль! Но платить вамъ я не могу!

— Это ваше рѣшительное слово?

— Да!

— Какъ угодно!.. Мы подадимъ въ судъ!.. Мое почтеніе!

И Тугендрехтъ вышелъ.

Можно себѣ представить все изумленіе, всю досаду Надежды Андреевны! Она думала: «Столько денегъ я ему давала, и онъ все еще занималъ!.. Это все для баронессы! Посмотримъ! Что-то онъ скажетъ, когда вернется»... Надежда Андреевна думала, что деньги будутъ ждать и что это единственный долгъ.

Дня черезъ два ей доложили, что ее опять спрашиваетъ какой-то господинъ и подали ей карточку, на которой было изображено: «Рамсманъ».

«Боже мой! Опять странная фамилія!» — подумала Надежда Андреевна, и ей показалось, что это продолженіе той же исторіи.

— Сказать, что я больна!—приказала она прислугѣ.

Рамсманъ полюбопытствовалъ узнать,—когда онъ можетъ явиться, далъ опять свою карточку и написалъ на ней: «дѣло спѣшное».

— Пусть придетъ на будущей недѣлѣ.

Этотъ день—была пятница, и онъ просилъ передать, что будетъ въ понедѣльникъ. У Надежды Андреевны явилось уже любопытство—узнать, что нужно этому Рамсману. Въ понедѣльникъ онъ явился опять и, когда ей доложили, она сказала «просить!» и вышла къ нему.

— Позвольте доложить вамъ, что сынъ вашъ долженъ мнѣ 25.000 рублей: срокъ уже истекъ... а онъ за границей... Векселя протестованы... Я удивляюсь, что онъ уѣхалъ...

— И я удивляюсь!

— Но я полагаю, что вы примете долгъ сына и уплатите... Непріятно было бы компрометтировать такихъ высокихъ особъ!

— Вы не спросили меня: можно ли дать деньги, и я не ручалась!

— Но сынъ имѣетъ общее съ вами владѣніе... Мы, вѣря ему, вмѣстѣ вѣрили и вамъ!

— Вотъ еще новости! Вы вѣрили мнѣ? Если вѣрили мнѣ, то прежде нужно было спросить моего согласія... или ручательства...

— Помилуйте! Сынъ такихъ знаменитыхъ родителей! И ему не вѣрить! Кому же вѣрить?

— Прекрасно! Онъ вернется и уплатитъ!

— Нельзя ждать! Можетъ быть вамъ угодно, взамѣнъ его векселей, выдать вексель отъ себя?

— Нѣтъ-съ! Я въ жизнь мою не подписывалась и не подпишусь ни подъ однимъ векселемъ!

— Какъ же быть?

— Ждать его возвращенія...

— Я не могу-съ!

— И я не могу!

— Въ такомъ случаѣ извините! Я приму мѣры!..

«Что же это за напасть,—думала Надежда Андреевна.—Любопытно знать, къ чему онъ столько занималъ, на что истратилъ и много ли явится еще подобныхъ господъ». Она была убита, и двѣ крупныхъ слезы скатились съ ея потухающихъ глазъ. «И все это для баронессы»,—думала она опять, и громко произнесла:

— О, извергъ-женщина! Господи! прости мои согрѣшенія!

Не прошло и трехъ дней, какъ Надеждѣ Андреевнѣ доложили, что ее спрашиваетъ какая-то старая женщина.

— Ну, слава Богу! Я думала опять эти... Просить!

Предъ Надеждою Андреевной предстала Лапьеръ.

— Что вамъ угодно?

— Я, ваше превосходительство, пришла доложить, что гг. Розенбаумъ и Рамсманъ намѣрены предпринять крайнія мѣры по долгу вашего сына.

Она потому приняла участіе въ этомъ дѣлѣ, что въ долгъ Рамсману входили и ея деньги.

— Какое же вамъ до этого дѣло? - отвѣтила ей Надежда Андреевна. — Что вы уполномочены, что ли?

— Да-съ! Я уполномочена...

— Къ чему же вы уполномочены?

— Просить уплаты по векселямъ вашего сына...

— Ну, если хотятъ кончить со мною, а не съ сыномъ, который уѣхалъ на два года за границу... Я согласна! Такъ какъ вы уполномо-

чены ими, то я предлагаю получить половину того, что имъ слѣдуетъ по векселямъ. И этого много! Я знаю, что они взяли съ сына не меньше 20—25%, которые приписаны, а если и не приписаны, все равно они ихъ получили... Согласны ли вы? Иначе я не согласна!.. Это послѣднее слово мое!.. Пусть ждутъ возвращенія сына...

— Это невозможно!

— Какъ знаете!

— Я переговорю съ ними... Такая страшная потеря! Я буду стараться ихъ уговорить!.. Но можетъ быть вы прибавите, ваше превосходительство?

— Ни гроша! Это послѣднее слово!

— Когда прикажете явиться, въ случаѣ ихъ согласія?

— Хоть сегодня же!

Лапьеръ вышла.

Надежда Андреевна была измучена этою бесѣдой. Она грустила и изумлялась подвигамъ сына. Первая мысль ея была — вернуть немедленно сына изъ заграницы, и она сейчасъ же написала къ нему письмо, прося его возвратиться домой. «Я такъ больна, что долго не проживу. Возвращайся немедленно, если хочешь меня застать живою», заключила она письмо. Ни слова не написала она объ оставленныхъ ей сюрпризахъ въ видѣ векселей. Она боялась, что онъ надѣлаетъ долговъ заграницею, и была въ очень тревожномъ состояніи.

Вечеромъ, между 5 и 6 часами, ей доложили, что цѣлыхъ четверо пришли: трое мужчинъ и женщина, и спрашиваютъ ее.

«Боже мой!—подумала она:—это просто нашествіе евреевъ на мой домъ». Она испугалась, боясь—нѣтъ ли между ними новыхъ кредиторовъ сына — и послала спросить ихъ фамиліи.

Посланная дѣвушка вернулась и принесла карточки Розенбаума, Рамсмана и Тугендрехта, «а дама не имѣетъ карточки,—сказала посланная; — она была сегодня утромъ».

Надежда Андреевна вышла и сказала:

— Господа! Вы начали ко мнѣ ходить цѣлымъ кагаломъ!

— Помилуйте, ваше превосходительство! Дѣло идетъ о нашихъ деньгахъ! Мы люди бѣдные!

— Вы слышали о моемъ предложеніи?

Переговоривъ между собою на незнакомомъ Надеждѣ Андреевнѣ жаргонѣ, они сказали, что не могутъ согласиться на предложеніе ея, но что уступку могутъ сдѣлать.

— Больше ни гроша! Я получила извѣстіе объ опасной болѣзни сына заграницей, и завтра я ѣду къ нему. Угодно кончить, такъ сегодня!

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

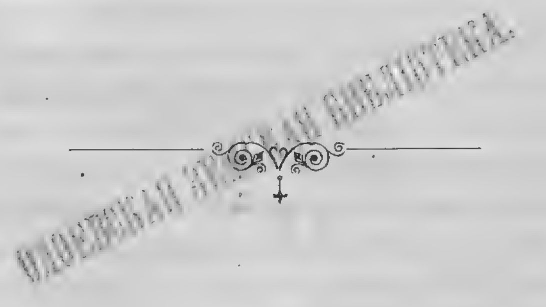
основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1895.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XI [1]).

Мои занятія по особымъ порученіямъ.—Театральное дѣло.—Гедеоновъ, Кирѣевъ, Оберъ.—Закулисныя тайны театральнаго міра.—Танцовальный классъ театральной школы.—Практическія невыгоды централизаціи.—Результатъ моихъ дѣйствій.—Составленіе Свода почтовыхъ постановленій.—Сближеніе съ Кожуховымъ, впослѣдствіи московскимъ почтъ-директоромъ.—Мученія, испытанныя мною при совершеніи этого дѣла.—Перемѣны въ почтовомъ мірѣ.—Поразительное назначеніе директора почтъ-департамента Прянишникова—членомъ Государственнаго Совѣта.—Оказавшіяся на практикѣ невыгоды этого назначенія.—Назначеніе директоромъ департамента Прокоповича-Антонскаго.—Его характеристика—Его великолѣпная жена.—Назначеніе вице-директоромъ Лаубе.—Предложеніе мнѣ принять мѣсто Лаубе.

Обращаюсь къ театральному дѣлу, графомъ Адлербергомъ на меня возложенному. Дѣло это въ свое время надѣлало много шуму въ Петербургѣ. Начать съ того, что я много разсматривалъ слѣдственныхъ дѣлъ по почтовому вѣдомству, но самъ дотолѣ никогда не производилъ слѣдствія. Слѣдовательно, трудность этого порученія увеличивалась для меня новизною его. Но понятно, что отказываться я не могъ, да и не хотѣлъ, опять таки, на томъ основаніи, что «не Боги же горшки обжигаютъ»... Первымъ моимъ дѣломъ было запастись книгами и другими матеріалами, относящимися къ предстоящему мнѣ дѣлу...

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1895 года.

*

Директоромъ театровъ былъ въ то время Гедеоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ къ разряду первыхъ чиновъ двора. Общіе отзывы о немъ, какъ о человѣкѣ и какъ объ администраторѣ, были довольно неопредѣленны, такъ что я рѣшительно не могу сказать ничего положительнаго, чтобы начертать сколько-нибудь яснымъ образомъ его нравственную физіономію. Изъ личныхъ же моихъ съ нимъ сношеній, истекавшихъ изъ возложеннаго на меня дѣла, несмотря на то, что сношенія эти, помимо моей личности, не могли представлять для него ничего хорошаго, я вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Его привѣтливость, милое обращеніе, отличавшіяся какимъ-то чистосердечіемъ, ложнымъ или искреннимъ, это другой вопросъ, мнѣ чрезвычайно нравились и привлекали къ нему. Онъ имѣлъ видъ барина и царедворца. Говорили, что онъ самъ мало занимается дѣломъ, и то преимущественно внѣшнею его стороною, а что вся основная, хозяйственная, часть находится, вмѣстѣ съ нимъ самимъ, въ рукахъ такъ называемыхъ ближайшихъ его помощниковъ.

Первымъ и главнымъ помощникомъ его былъ знаменитый Кирѣевъ, который былъ только управляющимъ конторою театровъ, а на самомъ дѣлѣ былъ могущественнымъ и неограниченнымъ повелителемъ всего театральнаго міра! Кто не знаетъ и не помнитъ Кирѣева? Если говорили о театрахъ, если имѣли какое-либо дѣло до театровъ, на первомъ планѣ былъ Кирѣевъ, какъ будто-бы ни Гедеонова, ни другихъ личностей, имѣющихъ значеніе въ этомъ мірѣ, не существовало. Это впрочемъ нисколько не мѣшало ему, посредствомъ различныхъ театральныхъ услугъ и смѣтливостію умнаго человѣка, образовать и поддерживать обширныя и сильныя связи, такъ что въ результатѣ онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ самымъ крѣпчайшимъ образомъ... Добрые друзья мои обращали на эту сторону особенное мое вниманіе и предупреждали, что тутъ можно отличиться, но можно и самому шею сломать. Другимъ помощникомъ Гедеонова былъ не менѣе знаменитый Оберъ, директоръ театральной школы, знаменитый своимъ безграничнымъ усердіемъ для сильныхъ міра сего. Дѣла образованія воспитанницъ, дѣла серьезнаго управленія школою онъ вовсе не понималъ, какъ тотчасъ убѣдился я данными, истребованными къ моему дѣлу. Впрочемъ, этого

господина я лично вовсе не видалъ, потому что, какъ только мнѣ поручили слѣдствіе, онъ перетрусилъ и скрылся подъ видомъ болѣзни, сдавъ управленіе школою помощнику своему Адбелю, тоже порядочному трусу.

Весь этотъ театральный составъ графъ Владиміръ Ѳедоровичъ наслѣдовалъ отъ своего предмѣстника, князя Волконскаго. Извѣстно, что князь Волконскій ненавидѣлъ графа, быть можетъ, именно потому, что видѣлъ въ немъ человѣка, который, рано или поздно, станетъ на его мѣсто. Понятно, что и графъ, въ свою очередь, не симпатизировалъ ни своему предмѣстнику, ни тѣмъ личностямъ, которыя были въ ходу при немъ. Всѣ говорили, что графъ терпѣть не можетъ ни Кирѣева, ни Обера. Рѣшительное приказаніе, данное мнѣ, произвести непремѣнно формальное слѣдствіе, казалось, подтверждало эти слухи. Привожу все это здѣсь для того, чтобы объяснить точку, съ которой я долженъ былъ смотрѣть на дѣло, возбудившее въ Петербургѣ почти всеобщее вниманіе.

Доносъ на театральное управленіе, переданный мнѣ графомъ, былъ представленъ ему ничтожною личностью и отличался ничтожностью содержанія. Какой-то маленькій чиновникъ, служившій въ конторѣ театральной школы и выгнанный отдуда, жаловался на какіе-то безпорядки. Я тотчасъ вытребовалъ этого господина и пригласилъ его развить подробно свѣдѣнія о безпорядкахъ, на которые онъ указывалъ. Помню, онъ что-то болталъ, но существеннаго и рельефнаго ничего не представилъ, такъ что онъ имѣлъ только цѣну предлога, по которому можно было покопаться въ театральныхъ дѣлахъ. Такъ какъ этотъ доносчикъ былъ изъ отставныхъ, то я тотчасъ потребовалъ депутата отъ губернскаго начальства, и мнѣ командировали бывшаго тогда чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Спасскаго, брата того Спасскаго, который занималъ должность калужскаго губернатора и имѣлъ счастіе обладать красавицей-женой, одной изъ дочерей Замятнина, непостижимыми судьбами добившагося портфеля министра юстиціи. Спасскій былъ милый, образованный, дѣльный молодой человѣкъ, о которомъ я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ. Онъ выслушалъ мой взглядъ, посмотрѣлъ на первые мои шаги, совершенно одобрилъ то и другое и предоставилъ мнѣ полнѣйшую свободу дѣй-

ствій, ограничиваясь только подписью тѣхъ бумагъ, гдѣ подпись его, по закону, была необходима...

Взглядъ мой на дѣло былъ таковъ, что доискиваться во что бы ни стало различныхъ преступленій и злоупотребленій по театрамъ, когда къ этому не предстояло прямаго, обязательнаго повода, было бы недобросовѣстно и отзывалось бы не совсѣмъ христіанскимъ стремленіемъ напакостить ближнему, каковъ бы онъ ни былъ. Съ другой стороны оставлять совершенно нетронутыми отвѣтственныя личности было бы, по моему убѣжденію, еще болѣе недобросовѣстно. Поэтому я рѣшился вести и довести дѣло до той степени, чтобы графъ имѣлъ полную возможность оставить этихъ господъ на своихъ мѣстахъ, если они ему нравятся, простивъ имъ различные безпорядки, въ дѣйствіяхъ ихъ обнаруженные, или имѣть въ этихъ самыхъ безпорядкахъ достаточный поводъ раскланяться съ ними, если они ему противны.

Нѣтъ нужды говорить, что когда начались мои дѣйствія, самъ Гедеоновъ и второстепенныя личности старались очаровать меня своею предупредительностью. Гедеоновъ почти каждое утро приглашалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, показывалъ мнѣ какіе-то образцовые или запасные костюмы, разсказывалъ различные театральные анекдоты, говорилъ о Минѣ Ивановнѣ, ея болѣзни и о безпокойствѣ, которое эта болѣзнь возбуждала въ графѣ Владимірѣ Ѳедоровичѣ; однимъ словомъ, былъ любезенъ и внимателенъ ко мнѣ въ высшей степени. Кирѣевъ, какъ умный человѣкъ, старался держать себя на ногѣ стараго моего знакомаго, потому что мы дѣйствительно встрѣчались до того времени, и о дѣлѣ, мнѣ предстоящемъ, говорилъ равнодушно, какъ объ извѣтѣ какого-то ничтожнаго негодяя, не имѣющемъ ничего серьезнаго. Адбель былъ воплощенный страхъ, и смѣшно было видѣть, какъ боязливо, нерѣшительно, появлялась его толстая и неуклюжая фигура предо мной, вслѣдствіе моихъ требованій. Само собою разумѣется, что мнѣ сдѣлалось доступнымъ все, что такъ заманчиво и таинственно для посторонняго въ глубинѣ театральнаго міра. Но я не былъ изъ тѣхъ, для которыхъ этотъ доступъ могъ имѣть особенную драгоцѣнность; тѣмъ не менѣе я посѣщалъ спектакли театральной школы, въ которыхъ пробуются молодые таланты воспитанниковъ и воспи-

танницъ, осматривалъ закулисное устройство, присутствовалъ на различныхъ репетиціяхъ и т. п.

Но изъ всѣхъ этихъ выгодъ тогдашняго моего положенія я никогда не забуду одного обстоятельства, которое произвело на меня потрясающее дѣйствіе. Однажды, едва только вошелъ я въ комнату, назначенную для моихъ занятій, какъ является трусливый Адбель съ словами: «не угодно ли взглянуть на танцовальный классъ воспитанницъ. Этого никто не можетъ видѣть и для васъ можетъ быть очень интересно». Не совсѣмъ хорошо понимая, въ чемъ могъ состоять этотъ особенный интересъ, я тѣмъ не менѣе охотно согласился на это предложеніе и, взявъ шляпу, послѣдовалъ за Адбелемъ по разнымъ длиннымъ корридорамъ, соединяющимъ театральную контору съ театральною школою, «блуждали долго», какъ поетъ Ваня въ оперѣ Глинки, «и наконецъ достигли». Въ одномъ изъ корридоровъ, прилегающихъ къ танцовальной залѣ, начали уже появляться видѣнія, ослѣпившія мои глаза... Кто не знаетъ, что есть много любителей балетовъ, которые ставятъ балетъ превыше всевозможныхъ зрѣлищъ потому единственно, что тутъ только можно видѣть прекрасныя женскія ноги, высоко поднимаемыя. Я никогда не находилъ особеннаго наслажденія въ этомъ и вѣроятно оттого, что въ волшебныхъ гротахъ, подземныхъ или воздушныхъ царствахъ и вообще въ баснословной обстановкѣ нашихъ балетовъ какъ-то естественно уже видѣть порхающія существа. Но въ ту минуту, о которой я говорю, не было никакой фантастической обстановки; напротивъ, было утро довольно пасмурное. Церковные колокола звали къ обѣднѣ. Корридоры были весьма грязноваты; по корридорамъ шныряли или неблаговидные чиновники или грубые сторожа и служители; наконецъ, настроеніе мое было вовсе не поэтическое, но самое серьезное и дѣловое, и вдругъ, среди этого-то вещественнаго міра, въ глазахъ моихъ мелькнули двѣ или три фигуры, способныя возмутить помыслы митрополита и удовлетворить самой сладострастной фантазіи. Это были воспитанницы, готовыя къ танцовальному классу, въ костюмѣ, возмутительномъ до неприличія. Сверху хотя и было что-то на нихъ, но это что-то оканчивалось не много ниже пояса, затѣмъ все остальное облекалось однимъ трико и представляло такія возвышенія и изгибы, что умъ затме-

вался. Я помню, кровь бросилась мнѣ въ голову, и я не могъ оторвать глазъ отъ зрѣлища, дѣйствительно поразительнаго. Но надо было сохранять приличіе, тѣмъ болѣе, что старый и неуклюжій Адбель, повидимому привыкшій уже къ такимъ видѣніямъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ тащить меня къ дверямъ танцовальной залы.

Когда мы приблизились къ ней, Адбель предупредилъ меня, что войти туда никакъ не возможно и что только можно взглянуть туда незамѣтнымъ образомъ. Съ этими словами онъ пріотворилъ нѣсколько одну изъ половинокъ дверей, ведущихъ въ залу, и пригласилъ меня смотрѣть въ образовавшуюся такимъ образомъ между половинками дверей щель. Я припалъ къ ней и увидѣлъ огромную залу, по стѣнамъ которой разставлены были воспитанницы въ такихъ же точно невыносимыхъ костюмахъ, какой я изобразилъ выше, и дѣлали различныя движенія, въ которыхъ подниманіе ногъ на разные манеры стояло на первомъ планѣ. По срединѣ залы стоялъ какой-то господинъ, вѣроятно учитель, и выкрикивалъ различныя команды, по которымъ безчисленное множество ногъ, отбрасываемыхъ въ одну сторону, мгновенно начинали отбрасываться въ другую. Я, впрочемъ, недолго смотрѣлъ на этотъ рѣдкій для посторонняго спектакль. Онъ даже и немного интересовалъ меня, потому ли, что воспитанницы, выровненныя и установленныя по стѣнамъ, не представляли уже такого потрясающаго эффекта, какъ двѣ или три воспитанницы, мелькавшія, въ ихъ соблазнительныхъ костюмахъ, съ едва прикрытыми трико формами, среди сторожей и разнаго сброда, или уже чувства мои, пораженныя первымъ видѣніемъ, неспособны были воспринять другаго, столь же сильнаго, впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ я понималъ, что трусливый Адбель оказалъ мнѣ, своего рода, большую услугу, и я горячо благодарилъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ нашлись бы люди, готовые охотно бросить тысячи за то, что по милости и трусости этого господина я видѣлъ даромъ.

Наконецъ къ числу выгодъ тогдашняго моего положенія должно отнести также право посѣщать театральную церковь, гдѣ я могъ видѣть старшихъ воспитанницъ школы, выводимыхъ на выставку, и плотоядные взоры, бросаемые на нихъ старыми ловеласами, во

главѣ которыхъ постоянно находился сѣрый Дубельтъ, столь удачно названный Герценомъ «волкомъ», и слышать на правомъ клиросѣ нотное пѣніе съ солами Булахова, имѣвшаго тогда еще порядочный теноровой голосъ, а на лѣвомъ—сборную театральную братію подъ предводительствомъ покойнаго Максимова, хорошаго актера, но жалкаго пѣвца. . .

Когда мною были собраны и истребованы всѣ предварительныя свѣдѣнія, относящіяся къ моему порученію, я составилъ, слѣдуя закону о формальныхъ слѣдствіяхъ, вопросные пункты и послалъ ихъ Кирѣеву. Разумѣется, штука эта сильно не понравилась ему и поколебала равнодушіе, съ которымъ онъ доселѣ смотрѣлъ на дѣло. И дѣйствительно, могутъ ли представлять что-либо пріятное вопросы: кто ты такой? какъ тебя зовутъ? есть ли у тебя имѣніе? Гдѣ взялъ? Молишься ли Богу? Когда пріобщался? и т. п. Я самъ хорошо зналъ, что эти грозные и оскорбительные пріемы далеко не соотвѣтствуютъ маловажности предмета, но я долженъ былъ держаться ихъ, въ силу приказанія графа производить формальное, а не другое, слѣдствіе. Въ то же время отправлены подобные вопросы и другимъ театральнымъ личностямъ. Кирѣевъ отвѣчалъ по всѣмъ пунктамъ сухо и сжато. Сущность его отвѣтовъ заключалась въ томъ, что онъ дѣлалъ все, о чемъ я его спрашивалъ, по приказанію и съ разрѣшенія директора.

Централизація, которою заражена была наша администрація, въ послѣднее прогрессивное время стала замѣтно ослабѣвать, вслѣдствіе ударовъ, наносимыхъ ей различными полезными преобразованіями; но въ то время, кромѣ другихъ неудобствъ, ее сопровождающихъ, она представляла несокрушимую твердыню, за которою безопасно и безнаказанно прятались личности. Кого бы вы ни спросили въ то время, зачѣмъ это сдѣлано, вы непремѣнно получали отвѣтъ: по приказанію или съ разрѣшенія начальника. Если бы у васъ явилась охота подобный же вопросъ предложить этому начальнику, онъ непремѣнно сослался бы на своего начальника и т. д. Кирѣевъ увѣрилъ Гедеонова, что слѣдствіе производится не надъ нимъ, а надъ Гедеоновымъ, потому что всѣ предметы, по которымъ я спрашивалъ Кирѣева, утверждены и разрѣшены Гедеоновымъ. Этотъ добрый, но мало дѣловитый господинъ совершенно ему по-

вѣрилъ и ту же мысль заявилъ графу Адлербергу, который, при первомъ свиданіи со мною, сталъ объяснять мнѣ, что Гедеоновъ первый чинъ двора, какъ и онъ самъ, что слѣдствіе надъ нимъ онъ производить не имѣетъ права и что вообще слѣдствію не должно давать широкихъ размѣровъ. Я отвѣчалъ графу, что Гедеонову я не предлагалъ никакихъ вопросовъ, ни словесныхъ, ни письменныхъ, что раздраженіе, замѣтное въ театральномъ мірѣ, происходитъ единственно отъ жесткихъ формъ, которыми законъ сопровождаетъ формальное слѣдствіе, что раздраженіе это неминуемо усилится, если продолжать слѣдствіе тѣмъ же строгимъ законнымъ путемъ и что если графу угодно избѣжать этого, то слѣдствіе можно закончить каждую минуту, потому что въ немъ уже есть много данныхъ, по которымъ графъ можетъ составить ясное понятіе о дѣйствіяхъ театральной администраціи. Выслушавъ все это, графъ сказалъ: «я былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы нашли возможнымъ скорѣе кончить это непріятное дѣло».

Помню, это было на второй день Святой недѣли. Я тотчасъ бросился къ Спасскому, переговорилъ съ нимъ, привелъ въ окончательный порядокъ бумаги, къ слѣдствію принадлежащія, составилъ донесеніе графу, въ которомъ изложилъ главныя черты и выводы, добытые моимъ слѣдствіемъ, и чрезъ три дня представилъ все это лично графу. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я самъ прочелъ свое донесеніе. Составлено было оно кратко, ясно, съ ссылками каждой фразы на источники. Различные безпорядки выставлялись, безъ всякаго преднамѣренія, самымъ рельефнымъ образомъ. Приведу одинъ изъ нихъ: контора театральной школы не представляла за нѣсколько лѣтъ отчетовъ въ громадныхъ суммахъ, на содержаніе школы отпущенныхъ. Ее спрашиваютъ: почему не представляетъ отчетовъ? Она отвѣчаетъ: причины непредставленія отчетовъ ей не извѣстны. Когда я окончилъ свое донесеніе, графъ выразилъ полнѣйшее свое удовольствіе и благодарилъ меня. Я счелъ умѣстнымъ заключить эту аудіенцію слѣдующими словами: «когда ваше сіятельство удостоили меня этимъ порученіемъ—многіе утверждали, что съ нимъ связанъ вопросъ о моей будущности, и что обширныя и сильныя связи, которыми пользуются театральные администраторы, задавятъ меня. Я не обращалъ вниманія на эти предостереженія и дѣйство-

валъ такъ, какъ находилъ, по моимъ убѣжденіямъ, справедливымъ. Главною и высшею цѣлію моею было оправдать ваше довѣріе». Графъ отвѣчалъ: «если бы я не зналъ васъ и вашихъ правилъ, я бы и не сдѣлалъ вамъ этого серьезнаго порученія».

Тѣмъ дѣло и кончилось. Затѣмъ Кирѣевъ и Оберъ сошли со сцены и замѣнены двумя чиновниками, взятыми изъ почтоваго вѣдомства, которое графъ болѣе любилъ, чѣмъ вѣдомство министерства Двора. На мѣсто Кирѣева назначенъ былъ Борщовъ, а на мѣсто Адбеля—Ѳедоровъ. Но замѣнъ этотъ оказался крайне неудачнымъ. Борщовъ былъ большимъ самодуромъ и вообще человѣкомъ, крайне ограниченнымъ. Онъ скоро умеръ и замѣщенъ незначительною личностью Юргенса, — бывшаго контролеромъ въ театральной конторѣ и тоже трепетавшаго при производствѣ мною слѣдствія, но человѣка, вообще порядочнаго, хотя крайне тихаго и скромнаго. Ѳедоровъ не только благоденствуетъ доселѣ на своемъ мѣстѣ, но, пользуясь незначительностью и скромностью Юргенса, выдвинулся впередъ и захватилъ весь театральный міръ въ свои руки. По общимъ отзывамъ деретъ, какъ говорится, съ живаго и мертваго и пользуется репутаціей самаго нехорошаго свойства.

Само собою разумѣется, что, находясь въ положеніи чиновника порученій при графѣ, чиновника, сдѣлавшагося извѣстнымъ своею дѣловитостью, я не оставался безъ дѣла, и порученіе, которое я разсказалъ, не было единственнымъ. Разсказалъ же я его потому, во-первыхъ, что оно связывалось съ важнымъ вопросомъ, по крайней мѣрѣ, для меня лично, о разъясненіи моей личности предъ государемъ, и во-вторыхъ, потому, что оно касалось театральнаго міра, столь интереснаго всегда для всѣхъ и каждаго. Я былъ бы слишкомъ тупоуменъ или слишкомъ самолюбивъ, если бы считалъ достойнымъ вниманія потомковъ все, что я ни дѣлалъ. Я искренно желаю ограничиться только чертами, сколько-нибудь интересными и замѣчательными, и если иногда вырываюсь изъ этихъ предѣловъ, то, конечно, не столько вслѣдствіе предначертаннаго плана, котораго я и не думалъ предначертывать, сколько вслѣдствіе неодолимыхъ порывовъ къ болтовнѣ, этого прирожденнаго мнѣ свойства, въ которомъ укорялъ меня самъ фельдмаршалъ всероссійскихъ войскъ, князь Барятинскій. Ну, какъ я могу признать неинтереснымъ составленіе

мною Свода почтовыхъ постановленій, который до меня составляли много лѣтъ, и все-таки не составили? Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется это дѣло нелишеннымъ интереса и достойнымъ того, чтобы я его разсказалъ.

Выше я упоминалъ, что мои занятія судебными почтовыми дѣлами, которыя разсматривались большею частію въ Почтовомъ совѣтѣ, мое временное управленіе канцеляріею этого Совѣта сблизили меня съ Кожуховымъ, который былъ членомъ этого Совѣта, управляющимъ его канцеляріею и въ то же время оказывался предсѣдателемъ особой коммиссіи, учрежденной именно для составленія Свода почтовыхъ постановленій. При постоянныхъ свиданіяхъ нашихъ онъ предложилъ мнѣ быть членомъ этой коммиссіи.

Какъ скоро я сдѣлался членомъ, вся работа дѣйствительно перешла ко мнѣ. Ознакомившись съ составомъ коммиссіи, я убѣдился, что за исключеніемъ самого Кожухова, человѣка умнаго, остальныя личности, носившія званіе членовъ, представляли рѣшительный хламъ въ лицѣ разныхъ старыхъ почтовыхъ чиновниковъ, совершенно негодныхъ къ этому дѣлу, но по разнымъ личнымъ отношеніямъ прилѣпившихся къ коммиссіи единственно съ тою цѣлію, чтобы подъ ея знаменемъ, хоть изрѣдка, получить какую-нибудь награду. И дѣйствительно, хотя эти почтенные старички не хотѣли, да и не умѣли трудиться, успѣли уже получить награды, именно за труды коммиссіи. Коммиссія имѣла у себя и какого-то малограмотнаго дѣлопроизводителя, взятаго по личнымъ отношеніямъ, изъ огромной толпы состоящихъ при почтовомъ вѣдомствѣ чиновниковъ. Дѣло, разумѣется, не шло въ ходъ. Началось оно по требованію графа Блудова, бывшаго тогда начальникомъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и приступившаго къ новому изданію Свода законовъ. При этомъ изданіи онъ предложилъ внесть въ Сводъ постановленія по разнымъ частямъ, не вошедшія въ прежній Сводъ. Къ числу этихъ частей принадлежала и почтовая, и графъ Блудовъ, вооружившись Высочайшимъ соизволеніемъ, началъ упорно и настоятельно требовать отъ почтоваго управленія Свода почтовыхъ постановленій; но при этомъ онъ постановилъ непремѣннымъ и убійственнымъ для нашихъ мудрыхъ

редакторовъ условіемъ, чтобы въ Сводъ было внесено только то, что Высочайше утверждено.

Между тѣмъ въ почтовомъ управленіи Высочайше утвержденнаго было только безобразнѣйшее изъ произведеній ума человѣческаго, такъ называемое Положеніе 1830 года, которое начиналось такъ: «деньги принимать на почту счетомъ», и этой фразой разомъ рекомендовало свою глубину и мудрость. Положеніе это касалось только движенія корреспонденціи и, съ теченіемъ времени, совершенно утратило практическую примѣнимость, ибо въ дѣйствіяхъ почтоваго управленія не только явились другія, не менѣе важныя, отрасли: управленіе почтовыми станціями, учрежденіе почтовыхъ экипажей, газетная операція и т. п., но самые пріемы и распорядки относительно корреспонденціи, въ которыхъ введено употребленіе штемпельныхъ кувертовъ, образованіе городской почты и т. п., совершенно измѣнились. Такимъ образомъ выходило, что то, немногое, что было Высочайше утверждено, не имѣло, большею частію, дѣйствія, а то, что дѣйствовало, не имѣло, большею частію, Высочайшаго утвержденія. Создать что-нибудь стройное и систематическое, при условіи, постановленномъ графомъ Блудовымъ, представляло дѣйствительно задачу, почти неразрѣшимую.

Худо ли, хорошо ли, весною 1854 года я одолѣлъ эту работу, и въ началѣ лѣта, красиво переписанную, вложенную въ изящный футляръ, мы вмѣстѣ съ Кожуховымъ повезли ее въ Петергофъ докладывать графу, который съ дворомъ уже былъ тамъ. Оба мы разсчитывали, развязавшись съ этимъ дѣломъ, немедленно разъѣхаться изъ Петербурга: Кожуховъ по обычаю переѣзжалъ въ Парголово, гдѣ онъ постоянно проводилъ лѣто, а я предположилъ отправиться, вмѣстѣ съ семействомъ, въ подмосковную, въ имѣніе отца жены моей, отдохнуть и поправиться, такъ какъ болѣзнь, съ которою я вступилъ на почтовое поприще, хотя и умѣрила свою лютость, но не оставляла меня совершенно, и я постоянно хирѣлъ, глотая всевозможныя пилюли и микстуры.

Графъ, по обычаю, принялъ насъ весьма любезно и привѣтливо, хотя и самъ былъ не совсѣмъ здоровъ, и во время нашего доклада постоянно мочилъ свои глаза какою-то примочкою. Сверхъ всякаго ожиданія, докладъ нашъ былъ неудовлетворителенъ. Графъ, недо-

статочно вникнувъ въ основанія работы, выразилъ желаніе, чтобы нѣкоторые, особенно любимые имъ и имъ созданные предметы, какъ, напримѣръ, оцѣночная система, отдача почтовыхъ станцій и т. п., развиты были подробнѣе въ Сводѣ, хотя это можно было сдѣлать только на основаніи различныхъ циркулярныхъ предписаній и инструкцій и, слѣдовательно, совершенно противъ условія, постановленнаго Блудовымъ, который неотступно требовалъ, чтобы въ Сводѣ было только то, что освящено Высочайшимъ утвержденіемъ. Но съ министромъ спорить трудно, и мы отправились во-свояси, значительно смущенные и недовольные.

Предугадывая, что дѣло можетъ затянуться, я отправилъ свое семейство въ подмосковную, обѣщая вслѣдъ за нимъ пріѣхать, а самъ принялся за работу съ цѣлью исполнить несовсѣмъ правильныя требованія графа. Я помню, лѣто было жаркое и душное, и я, полубольной, постоянно обливался потомъ, работая надъ этимъ скучнымъ Сводомъ. Когда передѣлка была кончена, я отвезъ исправленный Сводъ къ Кожухову въ Парголово, а отъ него онъ отправленъ графу, и я съ трепетомъ сталъ ждать, чѣмъ теперь дѣло кончится.

На другой или третій день я опять получаю отъ Кожухова Сводъ, сопровождаемый, къ ужасу моему, однимъ листомъ, на которомъ графъ собственноручно изложилъ новыя свои воззрѣнія и замѣчанія, и другимъ листомъ, въ которомъ Кожуховъ преподавалъ мнѣ свои утѣшенія и совѣты. При видѣ этихъ пространныхъ посланій, мною овладѣла въ одно время и злоба, и отчаяніе. Пробѣжавъ замѣчанія графа и Кожухова, я призналъ ихъ вздорными и тотчасъ принялся-было писать самый жесткій объяснительный докладъ графу. Но на половинѣ моего злобнаго краснорѣчія меня остановило соображеніе, что для того, чтобы разубѣдить графа, никакъ не достаточно письменныхъ докладовъ, а надобно личное, дѣльное и энергическое съ нимъ объясненіе. Сообразивъ это, съ примѣсью болѣзненной досады, я рѣшился отправиться къ Кожухову съ рѣшительнымъ предложеніемъ: или пустить меня самого къ графу для дальнѣйшихъ переговоровъ, или взять у меня дѣло, которымъ, въ противномъ случаѣ, я заниматься долѣе не хочу и не буду. Кожуховъ, при моемъ пріѣздѣ къ нему, только-что возвратившійся съ

охоты, съ радостью согласился на мое предложеніе и даже нашелъ его въ высшей степени практическимъ. Видимо, его въ равной степени страшила мысль пуститься изъ Парголова въ Петергофъ, да еще для не совсѣмъ пріятнаго доклада.

Возвратившись отъ Кожухова, я тотчасъ заготовилъ на особыхъ листахъ новую редакцію нѣкоторыхъ статей, примѣненную къ замѣчаніямъ графа, не передѣлывая уже Свода, и на другой день, съ первымъ пароходомъ, пустился въ Петергофъ. Но еще, не пріѣзжая туда, я уже на пароходѣ былъ пораженъ разсказомъ кого-то изъ придворныхъ, что въ Петергофѣ ни двора, ни графа нѣтъ, и что все это вчера только переѣхало въ Ропшу. По пріѣздѣ въ Петергофъ, это зловѣщее извѣстіе, которому я еще не совсѣмъ довѣрялъ, вполнѣ подтвердилось съ такимъ еще злостнымъ прибавленіемъ, что въ Ропшѣ графъ никого не принимаетъ. Несмотря на все это, поглощенный невыразимой досадой, смутно понимая, что дѣлаю, я нанялъ перваго извозчика и потянулся съ своею кладью по тѣмъ дивнымъ аллеямъ, которыя соединяютъ Ропшу съ Петергофомъ.

Когда я пріѣхалъ туда, вопросъ: что изъ этого выйдетъ? снова защемилъ внутри меня. Съ перваго взгляда видно было, до какой степени Ропша не богата помѣщеніемъ для двора. Множество экипажей и лошадей стояли на открытомъ воздухѣ. Квартира графа, которую мнѣ указали, состояла изъ крошечныхъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна, первая, служила пріемною, гардеробною, помѣщеніемъ камердинера и всѣмъ, чѣмъ хотите. Рядомъ съ комнатами графа помѣщались великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, и я видѣлъ, въ ожиданіи графа, какъ они выпрыгивали прямо изъ окошка въ садъ. Когда я пришелъ въ квартиру графа, онъ былъ у государя. Знаменитый его камердинеръ, Петръ Ивановичъ, который, видимо, ко мнѣ благоволилъ, также подтвердилъ, что здѣсь графъ никого не принимаетъ, но заключилъ утѣшительными словами: «Впрочемъ, подождите, быть можетъ, васъ приметъ». Когда графъ возвращался отъ государя, то, проходя мимо меня, тотчасъ пригласилъ вмѣстѣ съ собою въ другую комнату и очистилъ какой-то маленькій столикъ, на который я и возложилъ свою бумажную громаду. Подъ вліяніемъ страшной опасности остаться еще въ Петербургѣ, если не выиграю дѣло, я съ ве-

личайшею ясностью и точностью объяснилъ сущность дѣла, невозможность исполнить его замѣчанія, показалъ заготовленныя, согласно этимъ замѣчаніямъ, статьи, и поставилъ вопросъ такъ, что ему предстояло только сказать: да или нѣтъ!

Много пишутъ о какомъ-то вдохновеніи. Вещь, сама по себѣ, весьма темная и неудобопонятная. Но мнѣ, именно при докладахъ, случалось испытывать нѣчто подобное, что-то такое, что давало мнѣ побѣждающія слова и глубочайшую увѣренность, что противъ нихъ ничто не устоитъ. Въ сношеніяхъ моихъ съ намѣстникомъ кавказскимъ,—сношеніяхъ, почти ежедневныхъ и исполненныхъ большой важности, я часто чувствовалъ припадки, такъ сказать, подобнаго состоянія и видѣлъ по глазамъ и движеніямъ князя, какъ это состояніе электризуетъ его самого.

Нѣчто подобное было и при томъ докладѣ моемъ графу, о которомъ я говорю; графъ быстро былъ убѣжденъ и покоренъ моими соображеніями.

— Совершенно справедливо,—сказалъ онъ въ заключеніе,—я не зналъ основаній дѣла и потому невѣрно смотрѣлъ на него. Очень, очень вамъ благодаренъ.

Въ то же время онъ подписалъ и самый Сводъ, и бумагу графу Блудову, при которой онъ препровождался. Трудно передать то чувство, съ которымъ я вышелъ отъ графа, неся свою поклажу. Обратное мое путешествіе въ Петергофъ, а потомъ въ Петербургъ представляло сочетаніе такихъ отрадныхъ минутъ, которыя рѣдко посѣщаютъ насъ въ жизни. Предо мною открывалась свобода, деревня съ ея рощами, рѣкою. Упоительные планы и картины сельской жизни роились толпой въ моей головѣ; сердце билось радостно, я былъ безгранично счастливъ, несмотря на разные недуги, которые, казалось, прочно укрѣпились во мнѣ и никакъ не хотѣли разстаться со мною.

Между тѣмъ какъ происходило все то, о чемъ я разсказалъ, въ составѣ управленія почтовымъ вѣдомствомъ произошли значительныя перемѣны. Прянишниковъ, который носилъ званіе директора почтоваго департамента и с.-петербургскаго почтъ-директора, назначенъ—неслыханное дѣло!—членомъ Государственнаго Совѣта. Правда, директоръ почтоваго департамента не совсѣмъ походитъ на

директоровъ другихъ департаментовъ; какъ единственный директоръ въ вѣдомствѣ, онъ скорѣе имѣетъ видъ товарища министра, но тоже не совсѣмъ похожаго на товарищей другихъ министровъ. Тамъ они не имѣютъ большаго значенія. Здѣсь директоръ почтоваго департамента имѣетъ самое существенное и обширное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что значеніе это развилось и укрѣпилось потому, что и почтовые министры не всѣмъ походили на другихъ министровъ. Это положеніе предоставлялось не талантливымъ государственнымъ людямъ, но самымъ близкимъ государю царедворцамъ, которые не умѣли и не хотѣли сами работать и отъ которыхъ и не требовалось никакой мудрой дѣятельности.

Такъ, главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ былъ знаменитый князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, другъ царской семьи, извѣстный своею добротою и набожностью, но отнюдь не государственными доблестями. Послѣ него главноначальствующимъ назначенъ графъ Адлербергъ, другъ царя Николая, очень трудолюбивый, но по своей деликатности и умѣренности не блиставшій административными талантами. Понятно, что при такихъ главноначальствующихъ, сильныхъ со стороны царскаго благоволенія и слабосильныхъ со стороны дѣловитости, директоръ, особенно такой ловкій, какъ Прянишниковъ, необходимо долженъ былъ выдвинуться впередъ и, какъ я сказалъ, пріобрѣсти обширное значеніе. И, дѣйствительно, всему міру было извѣстно, что въ почтовомъ дѣлѣ все зависитъ отъ Прянишникова, который зналъ себѣ цѣну и окружилъ себя обстановкою чисто министерскою. Начать съ того, что департаментомъ, равно какъ и почтамтомъ, онъ собственно не управлялъ и весьма рѣдко туда заглядывалъ. Департаментъ былъ въ завѣдываніи вице-директора, а почтамтъ—помощника почтъ-директора. Оба они только докладывали Прянишникову важнѣйшія дѣла, изъ которыхъ наиважнѣйшія онъ возилъ, въ свою очередь, графу. Главная его дѣятельность заключалась въ личныхъ объясненіяхъ съ различными господами, которые постоянно наполняли его пріемную, и, конечно, въ этомъ отношеніи трудно представить человѣка, болѣе искуснаго, добраго и пріятнаго, чѣмъ Прянишниковъ.

Почтовое дѣло, конечно, не можетъ быть поставлено очень вы-

еоко въ ряду другихъ частей государственной администраціи; но едва-ли какая-либо другая часть имѣла болѣе практическаго соприкосновенія къ обществу, нежели почтовая. Особенно это соприкосновеніе усилилось вслѣдствіе существованія тогда почтовыхъ экипажей, почтоваго пароходства и т. п. Весьма часто толпу, собравшуюся въ пріемной Прянишникова, прорѣзывали знатныя лица, съ которыми онъ успѣлъ образовать дружескія связи. Я самъ видѣлъ, что Перовскій, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, весьма нерѣдко посѣщалъ его. Блестящему положенію Прянишникова, несомнѣнно, много содѣйствовали огромныя выгоды, съ должностью его связанныя. Независимо отъ штатнаго содержанія, впрочемъ, довольно ограниченнаго, онъ пользовался какимъ-то казеннымъ имѣніемъ, къ его должности приписаннымъ, и, главное, газетными доходами, простиравшимися, какъ говорили, до 40 тысячъ рублей въ годъ. На эти средства онъ умѣлъ образовать замѣчательную картинную галлерею русской школы и сосредоточить въ ней все, что есть драгоцѣннаго по этой части. Люди, приближенные къ Прянишникову, утверждали, что половину этихъ громадныхъ газетныхъ выгодъ онъ употреблялъ на пособіе разнымъ бѣднымъ почтмейстерамъ, и, главное, на уплату за нихъ прочетовъ, недочетовъ и многообразныхъ затратъ и растратъ, которые бы, иначе, ввергали этихъ бѣдняковъ въ бездну уголовнаго суда, и я охотно вѣрю этой щедрой благотворительности, зная лично доброту и прекрасное сердце Прянишникова. Квартиру онъ занималъ, разумѣется, казенную, необъятныхъ размѣровъ, комнатъ въ двадцать, въ которыхъ состояло однихъ кабинетовъ три или четыре. Въ простые дни комнаты эти представляли довольно пустынный видъ, потому что семейная обстановка Прянишникова была крайне проста и ограничена и состояла только изъ жены, простой и безличной женщины, и двухъ какихъ-то родственницъ или приживалокъ. Въ торжественные дни праздниковъ всѣ эти комнаты наполнялись различными отраслями почтоваго вѣдомства, собиравшимися для принесенія поздравленія.

Въ одной комнатѣ располагался департаментъ, въ другой — почтамтъ, тамъ—духовенство съ своимъ хоромъ, здѣсь—отдѣленіе почтовыхъ экипажей, тамъ — воспитанники почтоваго училища,

здѣсь—почтальоны, и т. п. Во главѣ всего этого стояли члены совѣта главноначальствующаго, за ними чиновники порученій, потомъ чиновники, состоящіе вообще при управленіи въ несмѣтномъ количествѣ. Потомъ тянулись цензурные чиновники, чиновники желѣзной дороги, чиновники городскихъ почтъ и т. д., и т. д., однимъ словомъ, всѣ комнаты наполнялись страшно, и все это ожидало появленія Прянишникова. Когда онъ появлялся, пѣвческій хоръ пѣлъ концертъ и провозглашалъ многолѣтіе. Затѣмъ начинались взаимныя поздравленія, и Прянишниковъ владѣлъ неподражаемымъ искусствомъ обласкать каждаго. Нельзя не признать, что вся эта обстановка доказываетъ, что директоръ почтоваго департамента не походитъ на директоровъ другихъ департаментовъ.

Это милое почтовое вѣдомство долго сохраняло какія-то исключительныя и ему одному принадлежащія права и выгоды. Оно располагало какими-то таинственными суммами, которыя были въ завѣдываніи старшаго цензора Ульрихса. Эти суммы покрывали все, на что не было штатнаго назначенія. Такъ, напр., только три чиновника особыхъ порученій имѣли штатное содержаніе; но это нисколько не мѣшало получать содержаніе отстальнымъ сорока чиновникамъ, хотя относительно ихъ въ штатѣ именно сказано: «безъ жалованья». Разница была въ томъ только, что одни получали свое содержаніе изъ казначейства, а другіе отъ Ульрихса. Я самъ черпалъ изъ послѣдняго источника по 1.200 руб. въ годъ и, только по введенному Ульрихсомъ правилу, отдѣлялъ по 1 руб. въ мѣсяцъ въ особую, учрежденную имъ, кружку на образъ или на украшеніе церкви, или на что-то въ этомъ родѣ... Какія именно эти суммы, я тогда не зналъ и теперь не знаю положительно.

Обращаясь собственно къ Прянишникову, я долженъ прибавить, что всѣ эти выгоды, права, обрисовывающія внутреннюю его, такъ сказать, обстановку, нисколько не оправдывали, конечно, скачка его въ Государственный Совѣтъ, скачка, который совершаютъ большею частью состарѣвшіеся или неудавшіеся министры, и потому переходъ этотъ произвелъ, по обычаю, большой шумъ въ Петербургѣ и по обычаю шумъ недоброжелательный. Нечего и говорить, что самъ Прянишниковъ былъ счастливъ и доволенъ въ

высшей степени и громко говорилъ о благодарности своей графу, устроившему для него это почти невѣроятное дѣло.

Но во многихъ случаяхъ мы, увлеченные первымъ впечатлѣніемъ, видимъ только одну блестящую сторону медали и даже не хотимъ знать, что есть другая сторона. Въ женитьбѣ напр., кто, упоенный любовью, страстнымъ ожиданіемъ слiянія съ царицею души, погруженной въ мечты о наслажденіяхъ медоваго мѣсяца, кто, повторяю, думаетъ о томъ, что любовь пройдетъ и, хорошо еще, замѣнится дружбою, а не прозаическими цѣпями, которыя будутъ особенно тѣмъ тяжелы, что ихъ сбросить нельзя; что царица души проявитъ не совсѣмъ поэтическія черты характера, которыя изъ рая сдѣлаютъ адъ, и что, наконецъ, за наслажденіями медовыхъ мѣсяцевъ, наступитъ возня съ дѣтьми, тяжелая и разорительная. Никто объ этомъ не думаетъ, и каждый, когда видитъ множество неудачныхъ примѣровъ на практикѣ, думаетъ стать выше другихъ, считая и себя и свою избранную исключительными созданіями. Какъ часто эти розовыя надежды блекнутъ съ поразительною быстротою!

Впрочемъ, это немножко романическое отступленіе не совсѣмъ идетъ къ разсказу о моемъ старикѣ Прянишниковѣ. Я хотѣлъ только сказать, что и старики и молодые равно способны къ увлеченіямъ; разница только въ формѣ этихъ увлеченій. Добрый Прянишниковъ, дѣйствительно, походилъ на жениха, когда разъѣзжалъ съ визитами къ своимъ новымъ товарищамъ по Государственному Совѣту. Надъ тѣмъ уровнемъ, къ которому онъ доселѣ принадлежалъ, безспорно онъ поднялся блистательнымъ образомъ, но оставался важный вопросъ, какъ опредѣлятся его отношенія къ новому высшему міру, въ который онъ вступалъ? Множество признаковъ показывало, что вопросъ этотъ сталъ разъясняться далеко не благопріятнымъ для него образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самое назначеніе его, по его исключительности, задѣло самолюбіе старыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Потомъ почтовая часть давно уже не пользовалась общественнымъ сочувствіемъ, и на ея счетъ ходило множество, безъ сомнѣнія, нелѣпыхъ, но тѣмъ не менѣе самыхъ ядовитыхъ слуховъ. Само собою разумѣется, что на долю Прянишникова, какъ главнаго представителя почтоваго дѣла, упадала значительная часть этихъ дурныхъ слуховъ. Впослѣдствіи,

графъ Гурьевъ, бывшій предсѣдателемъ департамента экономіи, съ какимъ-то злорадствомъ поносилъ Прянишникова, осыпая его самыми ужасными названіями. Понятно, что пріобрѣсти такого ожесточеннаго благопріятеля и съ такою могущественною обстановкою было для Прянишникова не только непріятно, но и крайне невыгодно. Прянишниковъ, дотолѣ добрый и свѣжій, сильно сталъ прихварывать и слабѣть, и дѣло могло бы кончиться дурно для него, еслибы графъ Адлербергъ, оставляя почтовое вѣдомство, не убѣдилъ государя поставить на его мѣсто Прянишникова, который, сдѣлавшись главноначальствующимъ, вступилъ снова въ столь знакомый и милый ему почтовый міръ и снова расцвѣлъ по возможности...

Директоромъ почтоваго департамента и с.-петербургскимъ почтъ-директоромъ, на мѣсто Прянишникова, назначенъ былъ бывшій вице-директоромъ департамента Прокоповичъ-Антонскій. Прокоповичъ былъ прекрасный, милый, пріятный, но въ то же время очень ограниченный человѣкъ. Говорили, впрочемъ, что графъ очень любилъ его, да его и нельзя было не любить: это была олицетворенная деликатность. Этою пріятностью въ обращеніи Прокоповичъ умѣлъ держаться хорошихъ связей. Прокоповичъ былъ въ то же время весьма состоятельный человѣкъ и носилъ званіе камергера. Графъ Адлербергъ, оставляя почтовое вѣдомство, перевелъ Прокоповича, согласно настоятельному его желанію, въ министерство императорскаго двора, гдѣ и поставилъ его на должность предсѣдателя какой-то строительной коммиссіи, при этомъ случаѣ и едва-ли не на этотъ случай собственно созданной...

Я выше упоминалъ, что графъ Адлербергъ, мимо Прянишникова, любилъ Прокоповича; въ свою очередь, Прянишниковъ, мимо Прокоповича, любилъ Лаубе, начальника перваго и самаго важнѣйшаго изъ отдѣленій департамента, гдѣ сосредоточивались всѣ почти законодательныя мѣры и административныя распоряженія по почтовой части.

Лаубе былъ человѣкъ хорошаго образованія и замѣчательныхъ дарованій.

При назначеніи Прокоповича директоромъ, онъ хорошо видѣлъ, что безъ Лаубе, разумнаго и опытнаго, ему трудно обойтись, при собственномъ безсиліи, и потому, несмотря на личное нерасположеніе къ

нему, вынужденъ былъ поставить его въ должность вице-директора.

. . . .

. . . . Отсюда произошло то, что едва я раздѣлался въ Сводомъ почтовыхъ постановленій и, полный спокойствія, собирался ѣхать въ деревню, какъ былъ атакованъ самыми любезными и деликатными просьбами Прокоповича принять первое отдѣленіе. На это я отвѣчалъ, во-первыхъ, что меня ничто не можетъ удержать отъ счастья подышать деревенскимъ воздухомъ, и, во-вторыхъ, что, чувствуя свое здоровье разстроеннымъ, я едва-ли въ состояніи оправдать его ожиданія, хотя и былъ когда-то не послѣднимъ изъ начальниковъ отдѣленій. Однимъ словомъ, я показалъ Прокоповичу, что въ этомъ предложеніи для меня нѣтъ ничего лестнаго и пріятнаго, и что для меня, по всѣмъ разсчетамъ, лучше остаться чиновникомъ при графѣ, чѣмъ стать снова въ то обязательное и рабочее положеніе, которое я занималъ уже много лѣтъ тому назадъ. Но убѣжденія Прокоповича были такъ настоятельны, просьбы отъ его имени и отъ имени графа были такъ деликатны, согласіе его, чтобы я не только уѣхалъ въ деревню и оставался тамъ, сколько хочу, но и ѣздилъ туда каждое лѣто, было выражено такимъ любезнымъ образомъ, что я долженъ былъ уполномочить его, что если во время моего отсутствія онъ не найдетъ, вмѣсто меня, кого-нибудь другаго и останется при убѣжденіи, что мое содѣйствіе ему, въ новомъ его положеніи, необходимо, то можетъ располагать мною по своему усмотрѣнію. Вслѣдъ за тѣмъ, въ почтовомъ вагонѣ, я покатилъ въ Бѣлокаменную, чтобы оттуда перенестись въ подмосковную, гдѣ меня ожидали мои семейные...

ГЛАВА XII.

Успѣхи князя Барятинскаго на Кавказѣ.—Блистательныя его дѣла и быстрое возвышеніе.—Положеніе начальника лѣваго фланга кавказской линіи, по разсказамъ князя.—Нѣкоторые изъ его военныхъ дѣлъ, разсказанныхъ имъ самимъ.—Возникающее благоволеніе царя къ князю.—Кавказская папаха въ Коломягахъ.—Кавказское предложеніе князя и мое уклоненіе.—Наша подмосковная и благодатное ея вліяніе на меня.—Новое служебное назначеніе мое.—Замѣчательная личность одного изъ моихъ сотрудниковъ.—Дѣло о вольныхъ почтахъ.—Внезапное и роковое извѣстіе.

Мнѣ совѣстно, что, погрузившись въ разсказы о моей незначительной личности, я забылъ моего князя Барятинскаго, тогда какъ

если я и задумалъ написать свои записки, то съ тою единственною цѣлію, чтобы начертать, по мѣрѣ силъ, величественныя черты его великолѣпнаго образа... Впрочемъ, весь этотъ періодъ его жизни и дѣятельности мнѣ мало извѣстенъ, потому что личныя сношенія наши были прерваны, а письменныя поддерживались слабо. Ясно было только то, что вопреки его собственнымъ ожиданіямъ и, можно сказать, тому отвращенію, съ которымъ онъ возвращался въ 1850 году на Кавказъ, звѣзда его счастья и славы, послѣ этого возвращенія, начала разгораться быстро и великолѣпно.

Назначенный въ томъ же году командиромъ кавказской резервной гренадерской бригады, онъ, въ теченіе слѣдующаго 1851 года, совершилъ рядъ блистательныхъ дѣлъ, за которыя получилъ прямо, мимо св. Станислава, орденъ св. Анны 1 степ. Въ концѣ того же 1851 г. онъ назначенъ командующимъ 20 пѣхотною дивизіею и начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, что̀, во время пребыванія его въ Петербургѣ, составляло любимую его мечту, но въ то же время, вслѣдствіе страшнаго паденія его фондовъ,—мечту, въ осуществленіи которой онъ сталъ самъ сильно сомнѣваться.

По разсказамъ князя, это мѣсто имѣло громадное значеніе на Кавказѣ, ибо начальникъ лѣваго фланга былъ не только начальникъ извѣстной части военныхъ силъ, но являлся уже администраторомъ въ обширномъ смыслѣ, такъ какъ ему были поручены всѣ народы въ раіонѣ этого территоріальнаго отдѣла. Понятно, что въ этомъ новомъ своемъ положеніи князю открывалась болѣе широкая возможность проявить свои воинскія и гражданскія дарованія.

Здѣсь не излишне замѣтить, что иногда, какъ опыты жизни показываютъ, мало имѣть дарованія; надо еще имѣть случаи для проявленія этихъ дарованій. Если дарованія принадлежатъ намъ самимъ, то случаи для проявленія ихъ не всегда зависятъ отъ насъ и большею частію состоятъ въ завѣдываніи такъ называемой судьбы. Отъ этого происходитъ, что часто даровитѣйшій человѣкъ во всю жизнь не находитъ случая употребить въ дѣло этотъ драгоцѣннѣйшій капиталъ.

Князь Александръ Ивановичъ въ этомъ отношеніи былъ безспорно счастливцемъ первой степени. Лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи до него командовалъ знаменитый и славный генералъ,

кажется, Нестеровъ, человѣкъ, полный силъ и способностей. Надобно было такъ случиться, чтобъ именно, какъ будто для очищенія мѣста князю Барятинскому, Нестеровъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сошелъ съ ума. Говорили, что это произошло оттого, что Нестеровъ нагрѣвалъ свою походную палатку какимъ-то спиртомъ и что эти спиртные пары имѣли вредное вліяніе на его мозговые органы. Какъ бы то ни было, исключительный этотъ случай расчистилъ дорогу князю, ибо, по самой силѣ вещей, мѣсто это не могло быть отдано никому другому, кромѣ его. Занявъ эту, столь желанную, позицію, князь въ 1852 году надѣлалъ столько хорошихъ дѣлъ, что произведенъ былъ въ январѣ въ генералъ-лейтенанты, а въ декабрѣ назначенъ генералъ-адъютантомъ. Князь часто любилъ разсказывать ходъ своей карьеры и, говоря о производствѣ своемъ въ генералъ-лейтенанты, прибавлялъ, что это производство не представляло для него ничего утѣшительнаго, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ его «прогоняли», какъ онъ выражался «со двора», т. е. снимали съ него положеніе свитскаго генерала, какимъ онъ былъ прежде, и не дѣлали генералъ-адъютантомъ. Въ 1853 году онъ былъ уже назначенъ начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи и, съ открытіемъ восточной войны, принималъ въ ней блистательное участіе.

Я сказалъ уже, и кажется не одинъ разъ, что князь очень любилъ разсказывать мнѣ и свои подвиги, и свою карьеру. Такъ точно я не одинъ разъ выслушивалъ отъ него подробности того или другаго дѣла; но эти подробности весьма неясно ложились въ моей памяти сколько потому, что онѣ относились къ военному міру, мнѣ вовсе незнакомому, столь же и потому, что, выслушивая ихъ, я не имѣлъ и помышленія составить когда-нибудь свои записки. Такъ, еще въ 1845 году, когда онъ командовалъ только баталіономъ Кабардинскаго полка, князь, по его словамъ, испыталъ великій моментъ его боевой жизни. Въ какомъ-то дѣлѣ ему приказано было выбить непріятеля, засѣвшаго въ садахъ. Баталіонъ его быстро исполнилъ это, сталъ преслѣдовать непріятеля съ такою горячностью, что его ничѣмъ нельзя было остановить. Дѣло было внизу, а на возвышеніи стоялъ самъ Шамиль съ огромнымъ скопищемъ. Непріятель уходилъ на соединеніе съ главными силами; солдаты

преслѣдовали его по пятамъ. Начальники нашего отряда, видя неминуемую опасность, которой подвергался князь съ своими солдатами, посылали курьера за курьеромъ, чтобъ остановить его; но, по словамъ князя, онъ самъ уже не имѣлъ никакой возможности остановить своихъ солдатъ, которые уже не слушали его и какъ львы лѣзли въ гору. Когда они выскочили на возвышеніе, то эта горсть храбрецовъ очутилась лицомъ къ лицу предъ огромными массами непріятеля, во главѣ которыхъ стоялъ самъ Шамиль. Солдаты на мгновеніе остановились и затѣмъ бросились на эти толпы. Князь говорилъ, что просто совершилось чудо. Толпы горцевъ дрогнули и побѣжали. Посланныя на подкрѣпленіе князя войска довершили пораженіе. По словамъ князя, это былъ счастливѣйшій день въ его жизни. Когда непріятель былъ прогнанъ, офицеры и солдаты окружили его и выражали восторженное удивленіе его храбрости. Въ этомъ дѣлѣ князь былъ раненъ пулею въ ногу. Тотчасъ собрана была дума, и онъ получилъ Георгія 4 ст., который потомъ и носилъ постоянно. Князь прибавлялъ, что еслибы не было такого счастливаго конца, онъ не только не получилъ бы награды, но долженъ бы непремѣнно идти подъ военный судъ за ослушаніе данныхъ ему приказаній и за вѣрную гибель солдатъ.

Потомъ, едва-ли не въ 1851 году, было другое, тоже замѣчательное въ высшей степени, дѣло. Князь гдѣ-то находился со своимъ отрядомъ,—кажется, на рубкѣ лѣса. Въ одно туманное утро въ его отрядѣ замѣтили огромную шайку непріятеля, переправляющуюся чрезъ рѣку. Князю какъ-то удалось мгновенно окружить его и буквально истребить, такъ что казаки его возвратились съ отрубленными непріятельскими головами. Самъ князь замѣчалъ, что такое распоряженіе отзывалось немного варварствомъ; но удача была такъ велика, что вѣроятность ея могла быть подтверждена только этимъ оригинальнымъ доказательствомъ. Кажется, за это именно дѣло князь и получилъ орденъ св. Анны 1 ст.

Въ то время, когда получались здѣсь, одно за другимъ, извѣстія о славныхъ дѣлахъ князя, князь Владиміръ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что самъ царь и весь дворъ поражены скромностью и простотою донесеній князя. Въ этихъ донесеніяхъ князь говорилъ о своихъ дѣлахъ, какъ о вещахъ самыхъ простѣйшихъ, что произ-

водило здѣсь, вверху, великолѣпное впечатлѣніе. Были очевидные признаки, что царь, по мѣрѣ успѣховъ князя, начиналъ мѣнять свое прежнее, невыгодное о немъ, мнѣніе и къ концу своего царствованія смотрѣлъ на него совершенно иначе.

Что касается до восточной войны, то, по общему мнѣнію, существующему на Кавказѣ, князь былъ главнымъ распорядителемъ во все ея продолженіе на Кавказѣ, потому что князь Воронцовъ въ это время ослабѣлъ и морально, и физически. Но князю мало было этой роли; онъ хотѣлъ самъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, и на Кавказѣ каждый подтвердитъ, что Курюкъ-Даринское сраженіе, гдѣ онъ, въ самый критическій моментъ, схвативъ какую-то бригаду или дивизію, самъ лично повелъ ее въ бой, обязано ему своимъ счастливымъ для насъ исходомъ и, какъ ни значительна въ военномъ быту награда орденомъ Георгія 3 ст., но князь, по общему убѣжденію, очень и очень ее заслужилъ.

Впрочемъ, я рѣшительно не имѣю претензіи и положительно отказываюсь вдаваться въ изложеніе военныхъ подвиговъ князя, во-первыхъ, потому, что тутъ я ничего не понимаю; а во-вторыхъ, потому, что, взявшись за это дѣло, непремѣнно напутаю и тѣмъ самымъ брошу подозрительную тѣнь на всѣ мои разсказы, отличительная черта которыхъ должна заключаться въ правдѣ и искренности. Но я считаю не лишнимъ приложить къ моимъ запискамъ формулярный списокъ князя, изъ котораго военные люди могутъ видѣть то обозначеніе всѣхъ дѣлъ, которыя онъ совершалъ, хотя, конечно, обозначеніе, весьма краткое и неполное, а вмѣстѣ съ тѣмъ вообще прослѣдить постоянное возрастаніе его великолѣпной карьеры...

Я сказалъ уже, что во весь этотъ періодъ письменныя мои сношенія съ княземъ поддерживались слабо. Я зналъ, что онъ не любилъ ни писать писемъ, ни получать ихъ, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда письма относились къ какому-нибудь существенному дѣлу. Я не разъ былъ свидѣтелемъ, когда онъ бросалъ не только нечитанными, но даже нераспечатанными письма братьевъ, и особенно князя Анатолія. Когда я выражалъ удивленіе къ такому оригинальному распоряженію, князь нетерпѣливо возражалъ: «зачѣмъ я буду читать? Я знаю, что рѣчь идетъ о нѣж-

ностяхъ, которыхъ я терпѣть не могу, или о деньгахъ, которыхъ у меня нѣтъ. Послѣ прочту какъ-нибудь». Поэтому я ограничивался одними поздравленіями съ новыми мѣстами и наградами, которыя начали сыпаться на него градомъ, и въ которыхъ я видѣлъ подтвержденіе моего искренняго убѣжденія, неоднократно ему высказаннаго, что рано или поздно онъ непремѣнно взойдетъ на верхъ славы и почестей.

Но я имѣю много доказательствъ, что онъ и не думалъ забывать меня. Вотъ одно изъ нихъ. Лѣтомъ 1852 или 1853 годовъ, хорошо не помню, я жилъ на дачѣ въ Коломягахъ. Лѣто было очень дурное, дождливое. Въ какой-то праздничный день, сидя въ сырыхъ комнатахъ съ книгой, я замѣтилъ въ окно какую-то фигуру въ кавказской папахѣ, плавающую въ коляскѣ взадъ и впередъ по единственной и въ то время замѣчательно грязной Коломяжской улицѣ. Очевидно было, что эта фигура кого-то розыскивала. Я мгновенно остановился на вопросѣ: не меня ли? и для разрѣшенія его выслалъ человѣка собрать ближайшія свѣдѣнія. Соображенія мои оправдались; розыскивался именно я, розыскивающій оказался Зиновьевъ, присланный княземъ въ Петербургъ по различнымъ дѣламъ.

Зиновьевъ тотчасъ вручилъ мнѣ письмо князя слѣдующаго содержанія: «Любезнѣйшій Василій Антоновичъ! Письмо это вамъ отдастъ состоящій при мнѣ подполковникъ Зиновьевъ. Кромѣ дружбы къ нему, питаю я особенное уваженіе и довѣріе къ этому штабъ-офицеру. Я поручилъ ему на словахъ переговорить съ вами и о своихъ дѣлахъ, и о вашихъ, и сдѣлать вамъ предложеніе, которое, надѣюсь, вы не откажете и этимъ поставите меня въ возможность возстановить ходъ вашихъ дѣлъ и службы».

Когда князь писалъ это письмо, онъ не зналъ того, что я продрался уже въ службу и, состоя чиновникомъ порученій при графѣ Адлербергѣ, находился съ нимъ, по дѣламъ почтоваго совѣта, въ личныхъ отношеніяхъ. Обстановка моя въ то время была уже довольно прочная и многообѣщающая, такъ что предложеніе князя перейти на службу въ отдаленный Кавказъ не представлялось уже для меня привлекательнымъ. Я откровенно высказалъ это Зиновьеву и, поручивъ ему благодарить князя, пустился въ разспросы о ихъ кавказскомъ житьѣ-бытьѣ. Оказалось, между прочимъ, что Зиновьевъ

обремененъ многоразличными порученіями князя и для исполненія ихъ долженъ былъ остаться здѣсь довольно продолжительное время. Во все это время я постоянно видѣлся съ нимъ и старался помогать ему, сколько могъ...

Обращаюсь къ разсказу, лично меня касающемуся. Покончивъ мои хлопоты съ Сводомъ почтовыхъ постановленій, установивъ мои соглашенія съ Прокоповичемъ-Антонскимъ, я, какъ выше сказалъ, съ восторгомъ отправился въ подмосковную. Отправился я рѣшительно полубольной, такъ что и въ почтовомъ вагонѣ я долженъ былъ глотать какія-то пилюли и пить какую-то воду, по предписаніямъ знаменитаго Здекауера. Пріѣхавъ въ подмосковную въ прекрасный лѣтній вечеръ, я нашелъ тамъ довольно многочисленное общество: свою семью съ дѣтьми, отца и мать жены, нѣкоторыхъ пріятелей и пріятельницъ того и другаго. При первомъ взглядѣ на это общество, я тотчасъ замѣтилъ, что все оно цвѣло здоровьемъ, именно деревенскимъ. Но впечатлѣніе, произведенное на это общество моею фигурою, было совершенно противоположно, потому что тотчасъ начались восклицанія: «какъ похудѣлъ! какой желтый! Что съ тобой?» Какъ ни много было участія въ этихъ вопросахъ и восклицаніяхъ, они были для меня непріятны въ высшей степени. Я рѣшился, во что бы то ни стало, бросить всѣ медицинскія наставленія и стать въ уровень во всемъ съ моими деревенскими пріятелями, принявъ твердое намѣреніе, если этотъ рискъ не вывезетъ меня, то пасть окончательно и проститься съ болѣзненнымъ существованіемъ, которое мнѣ страшно уже надоѣло.

Надобно сказать, что, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ докторами, я часто слышалъ отъ нихъ совѣтъ перемѣнить климатъ; но вообще, не довѣряя медицинѣ, я считалъ и этотъ совѣтъ чистымъ вздоромъ, въ полномъ убѣжденіи, что для здороваго человѣка всѣ климаты хороши, а больной человѣкъ во всѣхъ климатахъ будетъ болѣть. Подмосковная поколебала это убѣжденіе самымъ чудотворнымъ, можно сказать, образомъ. Я просто переродился. Началъ я съ того, что въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ туда, запыленный и утомленный, бросился въ Москву рѣку, презирая всѣ докторскія предупрежденія остерегаться не только вчерашняго купанья, но даже вечерняго воздуха. Потомъ купанье утромъ, купанье предъ

обѣдомъ, купанье вечеромъ сдѣлалось лучшимъ моимъ наслажденіемъ. Аппетитъ явился баснословный; всѣ отправленія пришли въ самое благоустроенное положеніе, такъ что однимъ изъ главныхъ и наиболѣе серьезныхъ занятій всего нашего общества было обсуживать и рѣшать вопросы о составѣ нашихъ обѣдовъ и ужиновъ. Казалось, какая-то волшебная рука сняла съ меня всѣ мои недуги, и я мысленно смѣялся надъ докторскими наставленіями, столь обычными въ ихъ практикѣ: не ѣсть соленаго, не пить кислаго и т. п., тогда какъ московская ветчина и московскій квасъ составляли главныя статьи моего деревенскаго продовольствія. Когда тѣло здорово, тогда и духъ бодръ.

Органическое возстановленіе соединено было съ возстановленіемъ моего упадшаго духа. Взамѣнъ мрачныхъ мыслей, порождаемыхъ моими недугами, у меня явились многообразные планы относительно всевозможныхъ праздниковъ и увеселеній. Я началъ собирать крестьянъ, угощать ихъ и водить съ ними хороводы. Отношеніемъ моимъ къ деревенскому населенію были положены такія хорошія основанія, что крестьяне ожидали послѣдующихъ моихъ пріѣздовъ, какъ лучшихъ въ ихъ скромномъ быту праздниковъ. Старый отецъ моей жены не очень благосклонно смотрѣлъ на мою пріязнь къ крестьянамъ, утверждая, что мои праздники ужасно ихъ балуютъ и что послѣ моего отъѣзда съ ними ладу не будетъ; но я мало обращалъ на это вниманія и волновалъ своими затѣями не только населеніе сельца Петрова,—такъ называлась подмосковная,—но всѣ окрестныя села и деревни, по крайней мѣрѣ на двадцать верстъ въ окружности.

День именинъ моей жены, 25 іюля, по обыкновенію, я старался торжествовать самымъ веселымъ и шумнымъ образомъ. Такъ точно въ первый мой пріѣздъ въ подмосковную, о которомъ я говорю, за долго до наступленія этого дня, я выписалъ изъ Москвы значительное количество разнородныхъ матеріаловъ для сооруженія блистательной иллюминаціи, которая, по моимъ планамъ, должна была охватывать не только оба берега, но и самую рѣку. Все, что было въ домѣ, начиная съ чинной матери моей жены, женщины, чрезвычайно щепетильной, до послѣдняго двороваго мальчугана, употреблено было на самую дѣятельную работу; всѣ мастеровые

по части столярной, малярной, обойной и т. п., какіе только нашлись въ деревнѣ и окрестности, поступили въ мою команду. Съ ранняго утра до поздняго вечера все это суетилось, работало, такъ что самыя приготовленія исполнены были веселой занимательности. Одни клеили разноцвѣтные фонари, другіе сочиняли затѣйливые щиты, третьи строили различные подмостки и подставки. Шумъ объ этихъ приготовленіяхъ, сопровождаемый самымъ отраднымъ для простаго народа извѣстіемъ, что будетъ даровое вино съ соотвѣтственнымъ угощеніемъ, разнесся далеко, такъ что въ самый день праздника окрестное населеніе огромными массами навалило въ Петрово. Отецъ моей жены, какъ главный хозяинъ, пригласилъ на этотъ день своихъ сосѣдей и нѣсколькихъ лицъ, составлявшихъ мѣстную администрацію. Погода, какъ и въ саратовскомъ праздникѣ, который я описалъ выше, и здѣсь мнѣ не измѣнила, и всѣ мои планы осуществились самымъ блистательнымъ образомъ. Съ наступленіемъ вечера домъ, садъ, берега рѣки, самая рѣка озарились безчисленными огнями. Въ то время, какъ господское, по выраженію крестьянъ, общество распредѣлилось частію въ комнатахъ, частію на балконѣ, а частію въ ближайшихъ аллеяхъ, окрестность была залита простымъ народомъ, обильно угощаемымъ назначенными мною людьми. Образовались чудовищные хороводы, полились столь драгоцѣнныя для моего сердца русскія пѣсни...

Среди этихъ деревенскихъ наслажденій Петербургъ напомнилъ мнѣ о себѣ эстафетою, присланною Прокоповичемъ-Антонскимъ. Всегда вѣжливый, деликатный, онъ писалъ мнѣ: «Спѣшу представить Вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Антоновичъ, Высочайшій приказъ о новомъ Вашемъ назначеніи. Поздравляю себя съ пріобрѣтеніемъ усерднаго сотрудника и желаю искренно, чтобы Вы впослѣдствіи не сожалѣли о сближеніи со мною по службѣ. Неизмѣнно Вамъ преданный и уважающій... 14 августа 1854 г.»

Это новое назначеніе, какъ я и выше сказалъ, представляло для меня мало лестнаго; тѣмъ не менѣе въ той сферѣ, куда меня судьба поставила, это было лучшее, что я могъ получить. Самый тонъ письма Прокоповича показываетъ, какимъ значеніемъ пользовался начальникъ того отдѣленія, которое мнѣ ввѣрялось. Скоро послѣ того я возвратился въ Петербургъ, а по возвращеніи тотчасъ убѣ-

дился, что всѣ петербургскіе недуги снова обступили меня. Тѣмъ не менѣе надо было вступать въ новую должность и переходить въ обширную казенную квартиру, которая къ ней была приписана. Квартира эта, заключая въ себѣ до 15 разнородныхъ комнатъ, въ цѣломъ представляла довольно уродливое явленіе; видно было, что она составилась временемъ изъ разныхъ частей и пристроекъ и не имѣла никакого стройнаго плана. Но я умѣлъ воспользоваться ея оригинальностью и отдѣлалъ ее такъ, что Прянишниковъ, Прокоповичъ, Барятинскій и др., навѣщавшіе меня, любовались ею...

Отличительною чертою моего управленія 1 отдѣленіемъ почтоваго департамента была страшная быстрота и поспѣшность всѣхъ распоряженій по почтовой части, истекавшая изъ обстоятельствъ существовавшей тогда восточной войны. О томъ, что эти обстоятельства увеличили страшно размѣръ самыхъ работъ этого отдѣленія, едва-ли нужно и говорить. Не излишне замѣтить только, что это увеличеніе работы происходило не столько отъ сущности дѣла, сколько отъ нелѣпыхъ и не практическихъ условій, въ которыя оно было поставлено.

Главноначальствующій, то-есть, почтовый министръ не имѣлъ права приказать подковать почтовую лошадь, если на это требовался сверхсмѣтный грошъ. Онъ долженъ былъ спросить на это предварительное согласіе министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ, и затѣмъ, если они удостоятъ дать это согласіе, внести этотъ вопросъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Государственнаго Совѣта. Можно представить, какъ удобенъ былъ этотъ наивный порядокъ, во время войны, когда почтовыя лошади гибли, какъ мухи, станціи разорялись и сообщеніе съ театромъ войны грозило постоянно прекращеніемъ, безъ быстрыхъ пособій почтосодержателямъ.

Мы убѣдили графа Адлерберга, что, удерживая этотъ порядокъ, мы наживемъ большихъ бѣдъ, которыя падутъ на его отвѣтственность, вслѣдствіе чего онъ испросилъ разрѣшеніе государя о всѣхъ необходимыхъ распоряженіяхъ представлять прямо на Высочайшее утвержденіе, а министрамъ и Государственному Совѣту сообщать только, что будетъ сдѣлано. Этотъ новый порядокъ, конечно, улучшилъ дѣло, но не уменьшилъ работу, потому что всѣ прежнія сношенія съ министрами и Государственнымъ Совѣтомъ остались

въ томъ же размѣрѣ, съ тою только разницею, что они дѣлались уже не прежде, но послѣ принятаго рѣшенія.

Здѣсь я считаю не излишнимъ, въ поученіе молодому поколѣнію, упомянуть объ одномъ изъ моихъ сотрудниковъ того времени, К—евѣ. Молодой человѣкъ этотъ кончилъ, и кончилъ блистательнымъ образомъ, воспитаніе и образованіе въ императорскомъ лицеѣ и поступилъ въ почтовый департаментъ. Принявъ отдѣленіе, я засталъ К—ева тамъ помощникомъ столоначальника. Въ моей трудовой жизни я видѣлъ много способныхъ людей, и меня самого считали принадлежащимъ къ ихъ разряду; но способности, которыми одаренъ былъ К—евъ, были просто поразительны. Я не могъ надивиться его быстротѣ и смѣтливости. Справедливость требуетъ сказать, что онъ держалъ все отдѣленіе на своихъ плечахъ. Огромныя массы спѣшныхъ бумагъ я прямо передавалъ ему и на другое утро непремѣнно находилъ ихъ у себя на столѣ съ проектами исполнительныхъ бумагъ, съ проектами, составленными ясно, толково и сверхъ того написанными прекраснымъ четкимъ почеркомъ, безъ всякихъ помарокъ. Одинъ матеріальный трудъ, т. е. трудъ написанія этихъ бумагъ въ одинъ вечеръ былъ изумителенъ, тогда какъ онѣ были не только написаны, но сочинены самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Само собою разумѣется, что я началъ прославлять его изо всѣхъ силъ и предвѣщать ему самую блестящую будущность; но, увы! все это, и мои предвѣщанія, и его будущность погибло отъ дурныхъ нравственныхъ началъ, которыхъ я и предполагать не могъ въ такомъ молодомъ и благовоспитанномъ юношѣ.

Надобно замѣтить, что отдѣленіе, которымъ я управлялъ, можно было назвать хлѣбнымъ, по его вліянію на положеніе почтосодержателей и на всѣ серьезныя дѣла. Ходили слухи, что въ прежнія времена, служащіе въ этомъ отдѣленіи порядкомъ нагрѣвали себѣ карманы. Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе этихъ преданій, на личный составъ отдѣленія обращалось особенное вниманіе, и въ мое время составъ этотъ, къ которому принадлежалъ и К—евъ, можно было считать безукоризненнымъ. На самомъ же дѣлѣ, именно К—евъ совратился съ пути чести и увлекся легкостью пріобрѣтенія презрѣннаго металла. Обнаружилось это слѣдующимъ обра-

зомъ. Отправляясь потомъ на Кавказъ, я сказалъ, между прочимъ. К—еву, что для меня будетъ всегда пріятно, встрѣтиться съ нимъ на служебномъ поприщѣ, и онъ постоянно можетъ разсчитывать на мое содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Не прошло года, какъ К—евъ обратился ко мнѣ съ просьбою объ устройствѣ его на Кавказѣ, подъ моимъ начальствомъ. Въ то время только-что было совершено тамъ, преимущественно моими трудами, преобразованіе гражданскаго управленія. Въ составѣ этого управленія учреждено было такъ называемое «Отдѣленіе для дѣлъ гражданскаго устройства края» или, какъ князь Барятинскій называлъ — «Министерство прогресса». Это отдѣленіе, по уставу, должно было, подъ личнымъ руководствомъ намѣстника, составлять новые законы, положенія, писать инструкціи и вообще сочинять всевозможныя новости въ гражданскомъ устройствѣ страны. Принявъ это отдѣленіе, по желанію князя Барятинскаго, въ свои руки, я долженъ былъ пріобрѣсти себѣ въ сотрудники людей, необычайно даровитыхъ. Такихъ людей вездѣ мало; такъ точно и Кавказъ не могъ хвалиться обиліемъ ихъ. Завѣдуя, до преобразованія, бывшею канцеляріею намѣстника, т. е. почти всѣмъ лучшимъ гражданскимъ составомъ, я могъ заимствовать оттуда только двухъ старшихъ помощниковъ, подъ наименованіемъ «редакторовъ», и то съ грѣхомъ пополамъ; третьяго, при всемъ моемъ стараніи, я не могъ найти на мѣстѣ, хотя желающихъ, по обыкновенію, было безчисленное множество.

Именно во время этихъ затрудненій, я получаю письмо К—ева, и понятно, до какой степени я обрадовался возможности получить такого великолѣпнаго сотрудника. Я тотчасъ представилъ князю о назначеніи его редакторомъ въ мое отдѣленіе, получилъ его согласіе и пригласилъ К—ева высылать скорѣе оффиціальную просьбу и документы. Надобно замѣтить, что редакторы въ моемъ отдѣленіи полагались наравнѣ съ департаментскими начальниками отдѣленій въ шестомъ классѣ и съ жалованьемъ въ двѣ тысячи рублей серебромъ. Понятно, что для молодаго человѣка, едва кончившаго воспитаніе, такой шагъ былъ весьма удовлетворителенъ, не говоря о томъ, куда дорога эта могла повести. Къ удивленію, взамѣнъ нетерпѣливо ожидаемыхъ отъ К—ева документовъ, я получилъ отъ

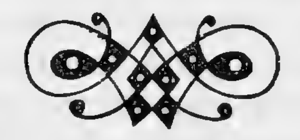
него письмо о причинахъ, которыя замедляютъ высылку ихъ... Привыкнувъ читать между строкъ, я тотчасъ почуялъ въ объясненіяхъ что-то недоброе и съ обычною моею прямотою просилъ его передать мнѣ, искренно и ясно, всѣ обстоятельства, которыя его окружаютъ, и предоставить уже мнѣ рѣшить: могу ли я, по существу этихъ обстоятельствъ, взять его на Кавказъ или долженъ буду отказаться отъ этого удовольствія. К—евъ снова прислалъ мнѣ письмо съ пространными объясненіями, сущность которыхъ была та, что особеннаго ничего нѣтъ, и что онъ надѣется скоро выслать свои документы. Тогда я обратился съ моими вопросами прямо къ Лаубе, бывшему уже тогда директоромъ почтоваго департамента, и получилъ самыя неблагопріятныя для молодаго человѣка свѣдѣнія. Я не буду повторять не совсѣмъ достойныхъ подвиговъ К-ева; достаточно сказать, что онъ долженъ былъ лишиться мѣста въ почтовомъ департаментѣ, потерялъ мѣсто, которое я ему приготовилъ, ибо не могъ же я подарить Кавказу такого художника и потомъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не могъ найти мѣста въ Петербургѣ, гдѣ такой ходъ талантливымъ людямъ—до такой степени дурна была его репутація. Впослѣдствіи, возвратившись въ Петербургъ, я часто встрѣчалъ его въ жалкомъ видѣ и всегда думалъ, какая будущность была бы у этого человѣка, если бы такъ рано и такъ безразсудно онъ самъ не загубилъ ее въ началѣ своей служебной карьеры.

Среди моря текущихъ дѣлъ моего отдѣленія всплыло, такъ сказать, дѣло о вольныхъ почтахъ на московско-харьковскомъ трактѣ. Сущность его заключалась въ томъ, что лѣтъ за десять предъ тѣмъ одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, или лучше сказать, полякъ Студзинскій, высланный въ Курскую губернію и сдѣлавшійся тамъ помѣщикомъ, точно такъ же, какъ и другіе нѣкоторые его соплеменники, тѣмъ же способомъ туда попавшіе, предложилъ правительству содержать всѣ станціи отъ Москвы до Харькова, безъ всякой приплаты отъ земства, но только за возвышенные прогоны, вмѣсто $1^1/_2$ по 3 коп. на лошадь и версту. Предложеніе это восхитило добраго графа Адлерберга и нашло въ немъ самаго усерднаго поборника. Дѣйствительно, оно представляло ту прекрасную сторону, что освобождало земство отъ большихъ расходовъ и справедливо возвы-

шало издержки прямо тѣхъ, кто пользовался почтовыми станціями. Это былъ, такъ сказать, первый шагъ къ тому идеальному состоянію и образованію почтовой гоньбы, къ которому стремились тогда и стремятся нынѣ. Въ Государственномъ Совѣтѣ, однако, предложеніе это встрѣтило оппозицію; но графъ успѣлъ склонить въ пользу его мнѣнія государя, и оно было Высочайше утверждено. Въ теченіе десятилѣтняго періода содержанія этого тракта, Студзинскому, при постоянномъ покровительствѣ графа, были дѣлаемы баснословныя пособія, и, поддерживаемый ими Студзинскій, съ грѣхомъ пополамъ, дотянулъ дѣло до опредѣленнаго срока. Но предъ наступленіемъ его Студзинскій, для будущаго періода, предложилъ какія-то невѣроятныя условія, которыхъ принять было уже рѣшительно невозможно, и потому сдѣланъ былъ вызовъ другихъ желающихъ принять трактъ на прежнихъ основаніяхъ. Изъ Москвы явилась какая-то жалкая и неблагонадежная компанія какихъ-то братьевъ Никитиныхъ и изъявила готовность принять это дѣло. Соперниковъ не было, и оставалось внести дѣло въ Государственный Совѣтъ. Но тутъ рѣчь шла не столько объ утвержденіи тракта за Никитиными, сколько объ удержаніи столь дорогаго для графа Адлерберга принципа вольныхъ почтъ, которому и прежде Государственный Совѣтъ не очень сочувствовалъ, и который, вслѣдствіе безпрестанныхъ и многочисленныхъ пособій, испрашиваемыхъ Студзинскимъ, значительно потускнѣлъ и въ общественномъ мнѣніи. Поэтому представленіе Государственному Совѣту требовало особенной ловкости и убѣдительности, и графъ выразилъ желаніе, чтобы я лично занялся изготовленіемъ его. Для этого мнѣ необходимо было прочитать внимательно, по крайней мѣрѣ двадцать томовъ, изъ которыхъ состояло дѣло о вольныхъ почтахъ, а такое занятіе никакъ нельзя было согласить съ водоворотомъ текущихъ дѣлъ. Поэтому, сдавъ текущія дѣла на попеченіе моихъ сотрудниковъ, я заперся съ дѣломъ о вольныхъ почтахъ въ своей квартирѣ, которая, какъ я сказалъ уже, была въ одномъ домѣ и даже на одной лѣстницѣ съ департаментомъ. Это было въ началѣ 1855 года. Въ полдень мнѣ обыкновенно приносили изъ департамента газеты, которыя, быстро пробѣжавъ, я скоро возвращалъ и снова принимался за свою работу.

Помню одинъ истинно достопамятный день. Когда мнѣ принесли газеты, я тотчасъ увидѣлъ, что при нихъ были приложены бюллетени о здоровьи государя за нѣсколько дней разомъ. Въ головѣ моей тотчасъ заронились тревожныя мысли... Кто не зналъ твердость покойнаго государя? Онъ не допустилъ бы, думалъ я, никакихъ бюллетеней, если бы дѣло не было очень серьезно. Съ другой стороны, что это значитъ, что бюллетени обнародованы вдругъ за нѣсколько дней разомъ? Вѣроятно, думали, что дѣло такъ обойдется, а когда увидѣли, что оно идетъ дурно, рѣшились объявить правду. Съ этими мыслями, съ этими бюллетенями, я тотчасъ обратился къ женѣ моей; но она назвала всѣ мои опасенія фантазіями. Но я этимъ не удовольствовался и рѣшился потолковать объ этомъ дѣлѣ въ департаментѣ, куда немедленно и отправился. Едва, выйдя изъ своей квартиры, появился я на департаментской лѣстницѣ, какъ тутъ же столкнулся съ однимъ изъ молодыхъ Кожуховыхъ и засыпалъ его вопросами. Кожуховъ поразилъ меня отвѣтомъ: «Государь скончался! Дмитрій Михайловичъ (Прокоповичъ) сейчасъ возвратился изъ дворца, куда онъ ѣздилъ съ докладомъ къ графу. Онъ цѣловалъ уже руку покойнаго».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки А. М. Тургенева.

Иванъ Пестель.—Эссенъ и полковникъ Ильинъ.—М. М. Сперанскій въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Сибири.—Трескинъ.—Аракчеевъ и Настасья Минкина.—Графиня Ан. Алексѣев. Орлова.

(1801—1825).

III [1]).

Въ царствованіе Александра I генералъ-губернаторъ Пестель приказалъ содержать подъ арестомъ генералъ-маіора Куткина, не подъ судомъ находившагося, не сосланнаго съ фельдъ-егеремъ, какъ то бывало при Павлѣ—нѣтъ! по Высочайшей волѣ посланнаго для окончанія дѣлъ и счетовъ провіантской коммиссіи, въ которой онъ (Куткинъ) прежде былъ начальникомъ.

Куткинъ былъ великанъ 2 арш. 12 вершк. ростомъ; по повелѣнію Пестеля Куткинъ былъ помѣщенъ въ комнатѣ, въ которой отъ пола до потолка было мѣрою 2 арш. 9½ вершковъ. Двѣнадцать лѣтъ Куткинъ не могъ стать прямо, выпрямить, отогнуть шею, двѣнадцать лѣтъ не могъ поднять головы, наконецъ Пестель, вѣроятно, сжалился, умилостивился къ страдальцу Куткину, приказалъ отравить его, что́ и было исполнено. Содѣйствователь или просто исполнитель сего злодѣянія, бывшій тобольскій гражданскій губернаторъ, и до нынѣ (1827 г.) существуетъ еще, шатается въ Москвѣ, изсохшій, какъ египетская мумія [2]).

---

[1]) См. «Русскую Старину», май 1895 г.

[2]) Этотъ разсказъ былъ напечатанъ, но здѣсь Тургеневъ, повторяя его, приводитъ нѣсколько новыхъ подробностей. Ред.

Въ 1824 г., когда Его Величеству благоугодно было осчастливить посѣщеніемъ своимъ заволжскихъ, хребта Уральскаго и Оренбургской равнины, жителей, государь въ Оренбургѣ, осматривая тюремныя помѣщенія, изволилъ увидѣть и прочесть надъ дверью надпись: «неизвѣстный»; надпись возбудила въ царѣ любопытство, и онъ изволилъ громко, обратясь къ генералъ-губернатору Эссену, спросить:

— Что это значитъ—неизвѣстный? предо мною нѣтъ, не можетъ и не должно быть ничего неизвѣстнаго!

Безтолковый нѣмецъ, генералъ Эссенъ, смѣшался, не зналъ, что объяснить государю, и отвѣчалъ:

— Неизвѣстный—съ нимъ не велѣно говорить, никого къ нему допускать, и кто онъ таковъ, мы не знаемъ, онъ содержится въ этомъ номерѣ девять лѣтъ.

Гнѣвъ отразился на челѣ монарха. Его Величество грозно изволилъ спросить:

— Да кто его къ вамъ прислалъ, генералъ?

Протѣснившійся сквозь окружавшихъ вѣнценосца генераловъ правитель канцеляріи Эссена, видѣвъ гнѣвъ царя и замѣшательство генерала, съ поклономъ осмѣлился всеподданнѣйше доложить Его Величеству:

— Такого-то года, мѣсяца, числа, за № такимъ-то, послѣдовало предписаніе военнаго министра генерала-отъ-артиллеріи Аракчеева заключить препровожденнаго арестанта въ секретный номеръ, никого къ нему не допускать, ничего у него не спрашивать и отнюдь никому съ нимъ ни о чемъ не разговаривать.

Государь поблѣднѣлъ и изволилъ вымолвить: «Долой замокъ!»

Въ мгновеніе отверзлась мрачная могила, испустившая смрадный, удушающій паръ, и появилась во внутренности блѣдная, изсохшая, обнаженная тѣнь живаго мертвеца.

Государь не могъ взойти въ номеръ, повелѣлъ вывести въ корридоръ арестанта.

— Знаешь ли кто я?—спросилъ государь несчастнаго.

Арестантъ, долго вглядывавшійся, какъ будто не вѣрившій тому, что вокругъ его происходитъ, можетъ быть, принявшій отверстіе его могилы предъ собою, государя и окружавшую его свиту за мечту, за видѣніе, или пораженный отъ быстраго перехода изъ темноты къ свѣту, заставилъ государя еще спросить себя—знаетъ ли онъ его?

Услышавъ повтореніе вопроса отъ государя, арестантъ, какъ бы пробужденный, удостовѣрившійся, что все имъ видѣнное было на-яву— не видѣніе, не мечта, зарыдалъ, кинулся къ ногамъ государя и громко отвѣчалъ:

— Знаю, ты нашъ государь всемилостивѣйшій—императоръ Александръ I.

Государь, поднимая своими руками несчастнаго съ колѣнъ, закрылъ глаза себѣ платкомъ, слезы лились ручьемъ по ланитамъ вѣнценосца, и не прежде, какъ минутъ черезъ десять, монархъ былъ въ состояніи спросить арестанта: «ты кто таковъ?»

— Государь,—отвѣчалъ арестантъ, стараясь выпрямиться и стать (въ атитюдѣ—въ позитурѣ военной),—что я теперь—не знаю, но до заточенія моего я былъ полковникъ такого-то полка, такой-то.

Отросшая борода, блѣдное, изсохшее лицо содержавшагося не дозволяли государю скоро узнать его. Его Величество, посмотрѣвъ на него пристальнѣе, какъ бы повѣряя въ памяти своей черты лица, ему знакомыя когда-то, но много измѣнившіяся, изволилъ сказать:

— Да, помню—это ты! Помню—ты всегда хорошо служилъ, за что̀ ты присланъ сюда?

— Не знаю, государь!—отвѣчалъ арестантъ.

— Какъ не знаешь? и, обратясь къ правителю канцеляріи Эссена, изволилъ спросить его, что̀ еще сказано въ приказаніи военнаго министра?

Правитель канцеляріи, осчастливленный, удостоенный разговоромъ царя, поклонившись челомъ почти до полу, съ благоговѣніемъ доложилъ Его Величеству:

— Ни слова болѣе, какъ то, что̀ имѣлъ счастіе всеподданнѣйше доложить Вашему Величеству.

Государь обратился къ арестанту: «Разскажи, какъ было».

Ободренный узникъ милосердымъ вниманіемъ монарха, видѣвшій выкатившіяся у царя слезы, отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Такого года, мѣсяца и числа былъ я потребованъ къ военному министру Аракчееву. Когда явился, министръ арестовалъ меня и отдалъ фельдъ-егерю, который въ восьмой день меня сюда привезъ.

Сильное волненіе видѣли окружавшіе на лицѣ Александра. Государь, обратясь къ Эссену, повелѣлъ:

— Отведите ему чистую, покойную, сухую комнату, велите одѣть его пристойно званію его, дозволяйте ему выходить прогуливаться и производите ему столовыя деньги по чину полковничьему.

Къ арестанту: «Мнѣ невѣроятно, что̀ ты говоришь. Возвратясь въ Петербургъ, справлюсь. Увѣряю тебя, я не зналъ, что тебя такъ содержали».

IV.

Чичеринъ дожилъ при Екатеринѣ II вѣкъ свой въ богатствѣ, въ почестяхъ, пользуясь особенною милостію. Пестель, управлявшій изъ

Петербурга обширнѣйшимъ царствомъ Сибирскимъ и въ продолженіе 14 лѣтняго управленія своего или, лучше сказать, владычества причинившій жителямъ сибирскаго края неимовѣрныя угнетенія и разоренія, былъ, по указу Благословеннаго Александра, преданъ суду; это было сдѣлано для того, чтобы заглушить вопль стенавшихъ подъ властію Пестеля сибиряковъ, пресѣчь имъ поводъ къ возобновленію жалобъ, успокоить.

Благодаря однако сильнымъ связямъ, бывшій генералъ-губернаторъ дѣйств. тайн. совѣтн. Пестель хотя и отданный подъ судъ, добился пенсіи по 25 тысячъ рублей въ годъ (ассигнаціями).

Пестель вмѣсто того, чтобы явиться въ Сенатѣ къ отвѣту, благополучно и беззаботно отправился въ препокойномъ дормезѣ, купленномъ у перваго мастера Іохима за семь тысячъ рублей, на жительство въ деревни свои, въ Смоленской губерніи лежащія, гдѣ и донынѣ (1827 г.), конечно, живетъ беззаботно и весело [1]).

V.

Выѣхавшіе изъ Москвы дворяне, предъ вступленіемъ туда Наполеона, оживились въ Нижнемъ любовію къ отечеству. Нѣкоторые изъ нихъ слыхали что-то такое о Пожарскомъ, о Мининѣ! Отысканное дворяниномъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Тургеневымъ въ селѣ неподалеку, — верстахъ въ 80 отъ Нижняго, принадлежавшемъ нѣкогда знаменитому Пожарскому, знамя, то самое, съ которымъ дружина Пожарскаго двинулась къ Москвѣ на одолѣніе и низверженіе владычества чуждаго, сохранявшееся въ церкви и купленное у священника села за 700 рублей—воспламенило ихъ еще болѣе. Каждый видѣлъ въ самомъ себѣ Пожарскаго.

Начали здѣсь давать пиры, банкеты, пить и кричать еще болѣе. Невѣжды всегда не могутъ терпѣть ни ума, ни ученія, ни просвѣщенія.

По какому поводу, по какимъ причинамъ закоснѣвшая и глумившаяся въ невѣжествѣ толпа дышала ненавистію къ Сперанскому—сказать опредѣлительно не могу. Думаю, Сперанскаго дворяне ненавидѣли

---

[1]) Достойно вниманія, что Иванъ Пестель пережилъ смертную казнь сына своего Павла Ив. Пестеля (повѣшенъ 13 іюля 1826 г.). Въ кабинетѣ отца постоянно висѣли два живописные портрета: его сынъ Павелъ молодымъ офицеромъ и затѣмъ полковникомъ, командиромъ Вятскаго полка. Фотографіи съ этихъ двухъ интересныхъ портретовъ были намъ доставлены покойнымъ кн. Друцкимъ-Соколинскимъ.

безъ всякихъ причинъ и единственно только потому, что Сперанскій былъ уменъ, хорошо ученъ, а они невѣжды.

За лакомымъ столомъ у губернскаго предводителя нижегородскаго дворянства князя Грузинскаго, болѣе достойнѣйшаго быть атаманомъ разбойничьей шайки, нежели первымъ представителемъ дворянства [1]), дворяне и вмѣстѣ съ ними отъ инфантеріи генералъ графъ Толстой до того распалились гнѣвомъ противу Сперанскаго, что многіе подавали уже голоса: «повѣсить», «казнить», нѣкоторые кричали: «сжечь на кострѣ Сперанскаго!» Мѣстная власть была уже близка къ тому, чтобы утвердить которое-либо изъ трехъ предложеній, но, къ счастію Сперанскаго, къ счастію самихъ бѣсновавшихся дворянъ и генерала отъ инфантеріи графа Толстаго, нашлась въ собраніи за обѣдомъ умная и трезвая голова – какой-то дворянинъ незнатной породы,—воспротивившаяся намѣреніямъ гг. дворянъ, готовыхъ жарить Сперанскаго, и голова съ большимъ умомъ, съ большимъ даромъ убѣжденія. Она остановила благія намѣренія дворянства и готовность власти утвердить ихъ и привесть въ дѣйствіе. По долгомъ пререканіи, наконецъ приказано отправить Сперанскаго на жительство въ Пермь.

Когда Постель былъ отданъ подъ судъ, то въ Петербургѣ при дворѣ нашлись заступницы «несчастныхъ Пестеля и тобольскаго губернатора Фанбрина»; высказана была увѣренность, что Пестель и Фанбринъ люди правые, невинные!

При ревизіи дѣлъ въ Сибири, Сперанскій нашелъ и призналъ большое число чиновниковъ, служившихъ, виновными, назначилъ имъ наказанія, раздѣливъ преступниковъ на пять или на шесть разрядовъ. Всѣ наказаны: бывшій въ Иркутскѣ губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Трескинъ лишенъ дворянства, чиновъ, знаковъ отличія, а тобольскій гражданскій губернаторъ Фанбринъ, дѣйствовавшій въ Тобольскѣ такимъ же образомъ, какъ Трескинъ въ Иркутскѣ, то-есть исполнявшій также и таковыя же противузаконныя велѣнія Пестеля, по окончаніи ревизіи, не только вывернулся отъ наказанія, но возведенъ въ достоинство сенатора.

VI.

Аракчеевъ былъ, смѣю сказать, единственнымъ другомъ Александру Благословенному.

---

[1]) О нѣкоторыхъ дѣяніяхъ или, вѣрнѣе сказать, злодѣяніяхъ этого кн. Грузинскаго подробный разсказъ помѣщенъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» покойнымъ П. И. Мельниковымъ, подъ заглавіемъ «Медвѣжій уголъ».

Въ 1825 году Елисавета, супруга императора, по совѣту врачей для возстановленія повредившагося здравія, изволила отправиться на жительство въ Таганрогъ.

Во время частыхъ и отдаленныхъ поѣздокъ по Россіи и за границей Александра I, правленіе государства было безусловно ввѣрено другу его, вельможѣ, генералу отъ артиллеріи графу Аракчееву,—безусловно потому, что графъ Аракчеевъ былъ уполномоченъ объявлять Высочайшею волею, утверждать именемъ императора доклады министровъ, Государственнаго Совѣта и Сената. Манифеста о таковомъ Высочайшемъ соизволеніи обнародовано, однако, не было, но тѣмъ еще болѣе было тайное довѣріе царя Аракчееву. Всѣ знали, и въ цѣлой имперіи было извѣстно, что Александръ Павловичъ изволилъ находиться въ отсутствіи изъ Петербурга, гдѣ всѣ постоянно пребываютъ: правительственныя мѣста и лица, государственное управленіе составляющія. И въ это время отсутствія его на поступившій докладъ министра, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената Аракчеевъ, по званію своему предсѣдателя въ Комитетѣ министровъ, на другой или черезъ нѣсколько дней, какъ то ему было благоугодно, объявлялъ въ присутствіи (засѣданіи) Комитета министровъ, по установленной формѣ, именно сими словами: «На такое-то представленіе или докладъ Высочайшее соизволеніе послѣдовало или не послѣдовало!»

Объявленіе Аракчеева было принимаемо настоящею волею монарха.

Въ концѣ ноября 1825 года, когда императоръ Александръ находился въ Таврической губерніи,—въ селѣ Грузинѣ, принадлежащемъ графу Аракчееву, близъ древняго Новгорода, гдѣ графъ всегда имѣлъ свое пребываніе, случилось варварское, злодѣйское происшествіе: наложница графа Аракчеева, извѣстная Настасья Ѳедоровна, которую Аракчеевъ отнялъ у мужа ея—артиллерійскаго фурлейта, по приказанію которой Аракчеевъ прогналъ отъ себя законную свою жену, которая, то-есть наложница Настасья, была удостоена дружескимъ знакомствомъ самыхъ высшихъ въ государствѣ лицъ. При посѣщеніяхъ графа Аракчеева въ Петербургѣ и селѣ Грузинѣ, лица эти бесѣдовали, завтракали съ Аракчеевымъ и Настасьею, цѣловали у Настасьи руку,—уваженіе, которое не всегда оказывалось почтеннѣйшимъ дамамъ двора.

Настасья тиранствомъ превосходила еще и Аракчеева, которому солдаты и народъ, по извѣстному его расположенію къ тиранству, дали прозваніе «змѣй Горыничъ».

Слуги Аракчеева, выведенные жестокими и не перемежающимися наказаніями отъ Настасьи изъ терпѣнія,—убили ее.

Аракчеевъ, пораженный симъ случаемъ, забываетъ все, долгъ присяги вѣрноподданнаго, всю отвѣтственность, забываетъ нѣжную, искреннюю къ нему дружбу Александра Павловича, не помнитъ о содѣлан-

номъ ему довѣріи отъ монарха—управлять государствомъ, слагаетъ съ себя самовольно всѣ обязанности, перестаетъ править царствомъ, пишетъ о семъ императору и, переѣхавъ изъ Грузина въ Новгородъ, гдѣ былъ губернаторомъ Жеребцовъ, его твореніе, началъ производить мучительнѣйшія пытки надъ дворовыми служителями своими: изъ 150 человѣкъ обоего пола—80 или 90 человѣкъ умерли подъ плетьми, кнутьями, отъ свертыванія головы канатомъ и другими ужаснѣйшими мученіями въ присутствіи и подъ глазами Аракчеева!

Другъ сердечный графа Аракчеева, смиренномудрый, неблазный (?) высокопреподобный священно-архимандритъ отецъ Фотій, вопреки церковныхъ уставовъ, номокановъ, кормчія книги и всѣхъ требниковъ вкупѣ, предалъ бренные останки Настасьи, которая была лютеранскаго исповѣданія, посреди святыя православныя церкви села Грузина въ могилѣ, пріуготовленной графомъ для погребенія своего, когда преставится, у подножія портрета императора Павла I, съ надписью надъ надгробіемъ, взятою изъ девиза, даннаго Павломъ въ гербъ Аракчеева: «Безъ лести преданъ».

По полученіи письма Аракчеева, Александръ I писалъ ему:

«Единственный другъ мой, и я проливаю слезы о Настасьѣ Ѳедоровнѣ, и я въ ней потерялъ друга.—Прошу, умоляю тебя не сокрушаться, не убивать себя, здравіе и жизнь твои нужны для счастія и благосостоянія Россіи» [1]).

VII.

Алексѣй Григорьевичъ, сынъ Орловъ, изъ дворянъ Симбирской губерніи, содѣлался знаменитъ, славенъ и награжденъ возведеніемъ въ графское достоинство, надѣленъ болѣе нежели на 150 милліоновъ рублей по цѣнѣ землями, рыболовными водами, великими лѣсами и 48-ю тысячами мужскаго пола душъ крестьянъ, за участіе въ событіяхъ 1762 года, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II. Но дѣянія Алексѣя Орлова многократно были описаны и всѣмъ извѣстны по преданію. Скажемъ, что знаемъ, о единственной его дочери, дѣвицѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской.

Отецъ ея получилъ прооименованіе Чесменскаго за сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ въ Мореѣ; дѣйствовалъ адмиралъ Спиридовъ, а Орловъ, во время сожженія, пилъ съ приближенными сво-

---

[1]) См. письма Александра I къ Аракчееву въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г. Ред.

ими въ каютѣ корабля,—какъ говорятъ —не на животъ, а на смерть; такъ и надлежало, потому что тысячи сражавшихся дрались—не на животъ, а на смерть.

Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій былъ женатъ на Лопухиной; онъ прежде былъ весьма близокъ съ ея матерью. Плодъ сего брака есть графиня Анна Алексѣевна Чесменская, извѣстная дьяконисса архимандрита Фотія, названная покойнымъ архимандритомъ «чадо Анна».

Графиня Анна получила воспитаніе въ домѣ родителя своего такое, какое можно получить среди бойцовъ кулачныхъ и стаи цыганъ. Домъ Орлова былъ знаменитъ подвигами всякаго рода буйства и пьянства. Съ утра до глубокой ночи въ домѣ его онъ, да и гости пили, кулачные бойцы на смерть другъ-друга били, табунъ цыганъ оралъ и плясалъ.

Алексѣй Орловъ образованіе единственной своей дочери ввѣрилъ близкой ему особѣ, Маріи Семеновнѣ Бахметевой, которую онъ, одни говорятъ, купилъ у мужа за 50 тыс. рублей, другіе утверждаютъ, отнялъ и еще поколотилъ Бахметева. Сіе послѣднее преданіе болѣе правдоподобно: графъ Алексѣй Орловъ былъ скаредно скупъ.

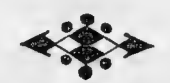
Дщерь его, графиня Анна, была научена верховой ѣздѣ, управляла конемъ, какъ славный гусаръ, умѣла править тройкой лошадей, какъ златогоревскій ямщикъ Валдая. Плясала прелестно, какъ баядерка; но какъ были образованы умъ и сердце ея, объ этомъ сказать что-либо весьма затруднительно.

Ея сіятельству теперь (1831 г.) 54 г., быть можетъ 56 лѣтъ отъ рожденія, а во всей ея поступи, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, пріемахъ, несмотря на то, что болѣе 20 лѣтъ монахи насаждали въ нее искусство притворства и лицемѣрія, все прорывается, выказывается что-то баядерское. Она совершенно женщина безъ характера; постится, молится по 8 часовъ сряду, ѣстъ грибы и зеліе, и пьетъ шампанское à la papa!

15-ть милліоновъ рублей графиня истратила съ отцемъ Фотіемъ на разныя дѣла. Нѣкоему офицеру, г. Казакову, графиня Анна купила 3.500 душъ крестьянъ, подарила или отдала половину славнаго своего конскаго завода, выстроила въ милліонъ рублей каменное зданіе для помѣщенія подаренныхъ коней и въ одинъ разъ, въ день рожденія г. Казакова, изволила ему подарить 450.000 рублей!

За всѣми вышеозначенными тратами графиня А. А. Орлова все еще получаетъ (1831 г.) въ годъ дохода восемьсотъ тысячъ рублей.

А. М. Тургеневъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

проф. Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XLIV[1]).

О пріѣздѣ въ Рязань новаго архіерея Филарета и о смерти императора Александра I-го.

(Окончаніе).

Въ то время какъ я учился въ риторикѣ, случились два важныя событія, одно для Рязани, а другое для всей Россіи и даже Европы; первое—пріѣздъ новаго архіерея Филарета въ Рязань, и второе—смерть императора Александра I.

Не знаю почему, послѣ смерти Сергія еще въ августѣ 1824 г., очень долго рязанская паства, какъ любятъ выражаться духовныя лица, оставалась безъ архипастыря. Время это въ шутку называлось междуцарствіемъ или, лучше, междуархіерействіемъ и было золотымъ временемъ для всѣхъ взяточниковъ рязанской консисторіи. По заведенному порядку рязанская епархія до назначенія новаго архіерея подчинена была тульскому епископу Дамаскину. Но онъ почти что только утверждалъ протоколы и журналъ консисторіи, которая чрезъ это получила возможность дѣлать все, что было выгодно для кармановъ членовъ канцеляріи ея. И, дѣйствительно, она воспользовалась этимъ временемъ какъ нельзя лучше,—тутъ было не взяточничество, а почти грабежъ.

Но и нашему междуцарствію или междуархіерействію наступилъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль. 1895 г.

конецъ такъ же, какъ и всякому царствованію и архіерейству. Кажется, въ январѣ 1825 года, пріѣхалъ новый архіерей Филаретъ изъ Калуги, умершій кіевскимъ митрополитомъ. О немъ я впослѣдствіи буду говорить довольно подробно, теперь опишу только его дѣятельность въ Рязани. При всей своей добротѣ, простодушіи и монашескомъ смиреніи, которыя проглядывали въ его обращеніи, онъ былъ не прочь отъ высокоторжественности. И потому не поѣхалъ прямо въ архіерейскій домъ, а остановился въ Троицкомъ монастырѣ съ тѣмъ, чтобы оттуда начать свой тріумфальный въѣздъ въ богоспасаемый градъ Рязань. Для этого избранъ былъ ближайшій воскресный день. По составленному церемоніалу владыка первоначально остановится въ Ильинской церкви; здѣсь его облачатъ, и потомъ уже двинется наиторжественнѣйшимъ образомъ въ соборъ. Загудѣли большіе колоксла по всему городу, народъ собрался тысячами на огромной площади, близъ Ильинской церкви. Но архіереи издревле и до сего дня любятъ, чтобы ихъ подождали; болѣе часу продолжался благовѣстъ. Потомъ зазвонили во всѣ колокола; это значитъ, что его высокопреосвященство изволилъ тронуться изъ Троицкаго монастыря, народъ зашевелился, вытягивалъ шеи въ ту сторону, откуда долженъ былъ явиться святитель; но пришлось еще ждать; святитель, вѣроятно, желалъ насладиться своимъ тріумфальнымъ поѣздомъ и не торопился ѣхать, посылая изъ кареты, по обѣ стороны по воздуху, свои благословенія. Наконецъ, явился на лихой парѣ полиціймейстеръ, соскочилъ съ саней; по его командѣ народъ стали расталкивать на обѣ стороны, чтобъ дать проѣздъ архіерею къ церкви. Минутъ черезъ пять, появилась карета владыки, но поѣхала не по расчищенному для нея мѣсту, а прокладывая себѣ другую дорогу; началась давка, бѣготня, крикъ, и тутъ же лицо и сѣдины его показались въ окно кареты; народъ, разумѣется, давно уже стоялъ съ обнаженными головами, несмотря на сильный холодъ и вѣтеръ. Въ толпѣ, меня окружавшей, не знаю почему, вдругъ всѣ увѣрились, что владыка добрый и святой человѣкъ, и начали превозносить его доброту и святость. На время звонъ колоколовъ прекратился, пока владыку церемоніально облачали въ Ильинской церкви. Затѣмъ, опять загудѣли колокола, потянулся крестный ходъ, фонари, хоругви, иконы, пѣвчіе, дьячки, дьяконы,

попы и пр. потянулись длинною вереницею къ собору; за ними мѣрными тихими шагами выступалъ владыка, посылая по воздуху свои благословенія. Толпа рвалась къ нему, полиція безъ пощады колотила ее и кулаками, и палками; кое-какъ добрались до собора, куда впускалась только избранная публика.

Наши ректоръ и инспекторъ умѣли, по русской пословицѣ, забрать въ свои руки новаго архіерея; прикинувшись покорнѣйшими его подчиненными, они сдѣлали и его готовымъ къ ихъ услугамъ. Но въ семинарію пріѣхать не торопили его. Можетъ быть, этому способствовали скоро наступившая масляница и первая недѣля великаго поста, но главная причина скрывалась въ томъ, что надобно было сдѣлать приготовленія для пріема высокаго посѣтителя и начальника, пустить ему побольше пыли въ глаза, ослѣпить и очаровать добренькаго простачка. Въ богословскую комнату купили на всѣ кровати новыя байковыя одѣяла и подушки съ ситцевыми наволочками, но простыни ни одной никому не дали. Для полныхъ казеннокоштныхъ учениковъ сшили новые суконные сюртуки съ разрѣзомъ назади, но панталонъ не дали: ими обзавестись предоставлялось собственному усмотрѣнію каждаго. Принялись чистить, обметать и мыть всѣ комнаты; почти вездѣ добились коекакихъ результатовъ чистоты; но въ столовой всѣ усилія оказались напрасными. На полу оказался въ буквальномъ смыслѣ настоящій слой твердо утоптанной грязи; мыли теплою водою, поливали кипяткомъ, но слой оказывался нерастворимымъ въ этой жидкости; принялись за желѣзные заступы, начали ими скоблить; оказалось, что грязь, такъ сказать, въѣлась въ доски; рѣшились было скоблить рубанками, но убѣдились, что это слишкомъ будетъ трудно и убыточно. Тутъ геніальная мысль осѣнила мозги тогдашняго эконома Модестова; онъ нашелъ средство безъ мытья прикрыть грязь столовой отъ взора его высокопреосвященства. Добыли самаго желтаго песку и положили покрыть имъ весь полъ столовой. Кромѣ того не забыли и о привѣтственныхъ рѣчахъ или, лучше, рацеяхъ. Въ семинарскомъ зданіи находилось тогда семь отдѣльныхъ классовъ: три семинарскихъ и четыре училищныхъ. Въ каждомъ непремѣнно долженъ былъ ученикъ привѣтствовать владыку; у насъ въ риторикѣ были приготовлены даже двое, одинъ съ прозою, другой со

стихами. Наконецъ, наступилъ избранный день и часъ. Объ урокахъ не было и помину, начальники и наставники суетились и хлопотали; казенныхъ учениковъ въ новыхъ сюртукахъ, въ первый разъ надѣтыхъ, посадили на первый столъ. Въ коридорѣ ректоръ счелъ нужнымъ встрѣтить пріѣхавшаго владыку особою рѣчью не въ зачетъ тѣхъ, которыя приготовлены въ классахъ. Владыка выслушалъ, и кортежъ медленно потянулся по жилымъ комнатамъ, въ которыхъ не было никого изъ учениковъ. Въ каждомъ классѣ непремѣнно говорились рѣчи и стихи учениками, которые отличались красивыми личиками и ангельскими голосками. И простодушный добрякъ слушалъ всю эту бурсацкую лесть. У насъ онъ остановился по срединѣ класса, оперся обѣими руками на свою трость и стоявшимъ передъ нимъ прозаику и поэту сказалъ:

— Ну, что вы мнѣ скажете?

По окончаніи осмотра комнатъ и классовъ, намъ велѣно было поскорѣе поспѣшить въ столовую. Тутъ мы увидѣли столы, накрытые скатертями, да еще бѣлыми; противъ каждаго изъ насъ лежала салфетка, но ложку все-таки каждый изъ насъ принесъ свою. Вошелъ владыка, помолился Господу Богу и принялся за обѣдъ. Я уже говорилъ, что у насъ онъ всегда состоялъ изъ двухъ посредственныхъ, а часто и дурныхъ перемѣнъ. А тутъ оказалось приготовленныхъ для насъ четыре кушанья. Каждое изъ нихъ экономъ подносилъ архіерею для пробованія; пробовали и расхваливали. Но количество блюдъ, кажется, удивило простодушнаго старика.

— Что, это для меня вы столько приготовили блюдъ?—спросилъ онъ,—или всегда у васъ такъ бываетъ?

Наше начальство поспѣшило убѣдить его, что особеннаго ничего не готовили нынѣ и что насъ всегда такъ роскошно угощаютъ. Профессоры улыбнулись, но и мы, ребятишки, удивились такой нахальной лжи.

— Да какія у васъ бѣлыя, славныя скатерти,—сказалъ владыка и получилъ въ отвѣтъ:

— Мы всегда стараемся соблюдать чистоту и опрятность,—тогда какъ у насъ и помину о нихъ не было кромѣ этого дня.

— А песокъ-то для чего вы насыпали,—еще сдѣлалъ вопросъ владыка, и всегда у васъ онъ бываетъ здѣсь?

— Всегда, — отвѣчали, — а дѣлается это для того-де, что служители не рѣдко проливаютъ и квасъ, и супъ, и щи; такъ благопопечительное начальство, сберегая полъ, за лучшее находитъ покрывать его пескомъ. Простодушный старикъ не замѣчалъ какъ будто бы, что его такъ безстыдно надуваютъ, и, получивши отвѣтъ, приговаривалъ:

— Хорошо! Хорошо! Хорошо!

Относительно пищи еще прибавилъ:

— Да у меня и самого столъ не лучше этого.

Начальство наше было въ восхищеніи отъ похвалъ владыки. Мы удивлялись нахальству и безстыдному лганью святыхъ отцовъ. Всѣ профессоры, бывшіе тоже въ столовой, посмѣивались надъ всей комедіей.

Не обошлось, впрочемъ, тутъ безъ смѣшныхъ сценъ, которыя могли бы открыть проницательному человѣку всю подготовку нашей комедіи. Во-первыхъ, предъ каждымъ лежало по столовому ножу и вилкѣ; послѣднею слѣдовало бы намъ брать холодный венигретъ изъ картофеля, свеклы и огурцовъ и еще жареный картофель, а ножемъ намъ нечего было и разрѣзывать; онъ лежалъ собственно для компаніи съ вилкою. Но и вилка у всѣхъ училищныхъ мальчиковъ, да и у многихъ семинаристовъ оставалась безъ употребленія; мы привыкли дѣйствовать за обѣдомъ или ложкою, или своею, какъ говорятъ, пятернею. Ее-то многіе и пустили въ ходъ при венигретѣ. Потомъ тоже чуть-ли не большая половина не знала, какъ употреблять салфетки; ихъ мы отложили въ сторону. Профессоръ Крестьяниновъ первый, кажется, замѣтилъ наше неумѣнье обращаться съ вилкою и салфеткою, и сказалъ Надеждину:

— Смотри-ка, Николай Ивановичъ, какъ ребята пятернею берутъ венигретъ, а вилки не трогаютъ, да и съ салфетками не знаютъ, что и дѣлать, — вонъ даже въ кучки ихъ сложили. Ха! ха! ха!

Гедеонъ, подслушавши эти замѣчанія или самъ собою увидавши наше неумѣніе, подошелъ къ столамъ, болѣе виднымъ архіерею:

— Берите картофель вилками, дураки, да приберите салфетки.

Разумѣется, поспѣшили всѣ взяться за вилки; но многіе не знали, куда же дѣвать салфетки; одни держали ихъ въ лѣвой рукѣ; другіе положили предъ своею грудью на столѣ; иные, замѣтивъ, что се-

минаристы и старшіе кладутъ ихъ себѣ на колѣни, вздумали имъ подражать; но и тутъ не обошлось безъ бѣды; салфетки, не поддерживаемыя руками, падали на полъ; временный владѣлецъ ея, замѣтивши это, пугался, какъ бы начальство не намылило ему шеи за такое пренебреженіе къ казенной вещи, старался поднять ее. Профессоры, это видѣвшіе, улыбались, даже едва удерживались отъ хохота. Наконецъ, надобно было кончить представленіе піесы; Филаретъ, перепробовавъ всѣ четыре кушанья, пройдя раза два по столовой, принялся вновь благодарить начальство наше и, давши намъ общее благословеніе, торжественно со всею свитою отправился въ ректорскія комнаты, чтобъ тамъ подкрѣпить свои силы, ослабѣвшія отъ стиховъ, рѣчей и пр. и пр.

Едва только онъ вышелъ изъ столовой, какъ служители начали у насъ отбирать салфетки, безъ которыхъ мы уже и окончили свой обѣдъ. По крайней мѣрѣ мы славно поѣли и долго вспоминали объ этомъ роскошномъ обѣдѣ.

Епархіальная дѣятельность новаго владыки подтвердила то замѣчаніе, что на Руси рѣдкій начальникъ не старается идти наперекоръ своему предшественнику, по новой какой-нибудь дорогѣ, съ новыми помощниками, съ новою обстановкою. Чуть не прежде всего онъ позаботился измѣнить составъ членовъ консисторіи, узнавши вѣроятно о взяточничествѣ, свирѣпствовавшемъ во время междуархіерействія. Одного за другимъ онъ отставилъ отъ консисторіи—троицкаго архимандрита, Полотебнова и Гусевскаго, а потомъ уже и четвертаго члена воскресенскаго протоіерея Алексѣя Поспѣлова. Первые трое дѣйствительно были взяточники; ихъ стоило отставить, но послѣднему нельзя было отказать и въ умѣ, и въ знаніи дѣла, и даже въ своего рода честности. Отставленъ же онъ былъ за то, что, когда всѣхъ вышеупомянутыхъ трехъ членовъ консисторіи выгнали, то онъ, покачавши головою, сказалъ:

— Теперь въ консисторіи остался только соръ одинъ; надобно бы и его вымести.

Эти слова пересказаны были Филарету, который и выгналъ изъ консисторіи произнесшаго ихъ, считая вѣроятно его одного соромъ. Конечно, за взяточниковъ стоять не слѣдуетъ, но вмѣсто нихъ слѣдовало бы помѣщать людей и дѣльныхъ, и честныхъ. Новые чле-

ны были: инспекторъ Гедеонъ, протоіерей Полянскій, священникъ или протоіерей В—ъ, и, кажется, экономъ архіерейскаго дома Аркадій (?). Гедеонъ ничего не зналъ въ дѣлахъ консисторіи, да и не имѣлъ времени и охоты заниматься. Полянскій не былъ записнымъ взяточникомъ, но и не отказывался отъ добровольныхъ приношеній, притомъ вовсе не занимался дѣлами; Аркадій только и имѣлъ одно достоинство: былъ монахомъ и экономомъ архіерейскаго дома. За то В—ъ былъ настоящій членъ консисторіи и по части взяточничества вполнѣ замѣнилъ всѣхъ выгнанныхъ, въ совокупности взятыхъ.

Мой дядя, Иванъ Мартиновичъ, однажды подавалъ просьбу о дозволеніи внести въ Приказъ общественнаго призрѣнія болѣе 1.000 руб. церковныхъ денегъ. В—ъ, прочитавши прошеніе, спросилъ:

— А какъ же вы смѣли до сихъ поръ хранить такую сумму? развѣ не знаете, что болѣе 100 руб. ассигн. вамъ не позволяется держать въ церкви? Вотъ я сейчасъ положу резолюцію произвести о томъ слѣдствіе.

Дядя мой предвидѣлъ эту атаку и имѣлъ наготовѣ пять рублей; онъ поспѣшилъ ихъ вручить правдивому судьѣ, который, взявши деньги, промолвилъ: «ну, то-то»; и тотчасъ безъ всякаго слѣдствія положилъ внести деньги въ Приказъ общественнаго призрѣнія.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, В—ъ, имѣя уже за 70 лѣтъ, долженъ былъ подписать какую-то бумагу для дьячка, который былъ изъ такого бѣднаго подгороднаго села, что приказные консисторскіе не стали требовать съ него взятки. Но В—ъ ничего даромъ не любилъ дѣлать и потому сталъ требовать взятки. Дьячекъ ссылался на свою бѣдность.

— Да развѣ ты вовсе безъ денегъ сюда пріѣхалъ?—спросилъ членъ консисторіи.

— Да. Безъ денегъ, жена только и дала горшокъ скоромнаго масла фунта въ два, но я еще его не успѣлъ продать, — разболтался дьячекъ.

— Гдѣ же горшокъ?—былъ новый вопросъ. И когда получилъ отвѣтъ: въ прихожей, то В—ъ сказалъ:

— Ну, такъ вотъ, давай его,—всталъ съ своего мѣста, повелъ

за собою дьячка въ переднюю, взялъ тамъ горшокъ, передалъ его своему кучеру для храненія и, возвратившись въ присутствіе, подписалъ бумагу. Еще прежде этого событія профессоръ семинаріи Любомудровъ явился въ консисторію, чтобы получить оттуда указъ о дозволеніи жениться. Подписать его долженъ былъ В—ъ. Но Любомудровъ бралъ родственницу нѣкоего Гирстовскаго, о которомъ я буду говорить, любимца архіерейскаго; поэтому требовать настоящую взятку отъ жениха оказалось невозможнымъ. В—ъ и тутъ нашелся.

— А что, Иванъ Васильевичъ,—спросилъ онъ Любомудрова,—поди-ка вамъ хлопотъ теперь много?

— Много; ѣзжу вотъ съ самаго утра, да еще долго надобно ѣздить.

— Ну такъ погодите пока здѣсь,—прервалъ его В—ъ;—а я на вашемъ извозчикѣ поѣду домой.

Профессоръ, не приготовленный къ такой атакѣ, не умѣлъ отразить ее, и В—ъ все-таки не даромъ подписалъ указъ.

Почтенный В—ъ рѣдкій годъ не вояжировалъ по Рязанской епархіи. Любимымъ мѣстомъ для визитовъ былъ Радовицкій монастырь, куда онъ отправлялся яко бы для поклоненія тамошнему чудотворному образу. Но паломникъ совершалъ свое благочестивое путешествіе особымъ образомъ. Доѣхавъ изъ Рязани до какого-либо села на своей лошади, онъ являлся въ домъ священника, лошадь отсылалъ назадъ, получалъ даровое угощеніе и еще полтинникъ, цѣлковый и болѣе, и уѣзжалъ уже на здѣшней лошади до ближайшаго села и т. д. Села избирались не тѣ только, которыя лежали по дорогѣ въ монастырь, а всѣ, лежавшія въ 10—20 и болѣе верстахъ отъ него. Такимъ образомъ, вояжъ В—а отличался необыкновенно ломаною линіею. Вездѣ, разумѣется, угощеніе и денежная благодарность за визитъ; сама святая обитель должна была поплатиться. Изъ нея онъ отправлялся въ Рязань совсѣмъ другою дорогою, по Егорьевскому, преимущественно, уѣзду, и, какъ говорится, искрестивъ его во всѣхъ направленіяхъ, возвращался въ Рязань, понабивъ свой карманъ. Онъ находилъ случаи дѣлать визиты или, лучше, нашествія на другіе уѣзды. Особенно для этого онъ пользовался тѣми случаями, когда архіерей Гавріилъ освящалъ въ бога-

томъ селѣ церковь; тутъ, никѣмъ не прошенный, являлся отецъ протоіерей; кромѣ того, напередъ и послѣ, при возвращеніи, побывавши во всѣхъ селахъ, которыя лежали на дорогѣ или близъ нея.

В—ъ любилъ присвоивать себѣ подарки, назначавшіеся для другихъ членовъ консисторіи. Одинъ изъ такихъ случаевъ надѣлалъ много говора въ Рязани въ свое время. Какой-то богатый помѣщикъ обѣщался прислать протоіерею Полянскому муки, крупы и проч., въ знакъ своего къ нему уваженія и, дѣйствительно, послалъ простоватаго крестьянина съ тремя возами всякой всячины. Дома В—ва и Полянскаго были въ одной и той же улицѣ, другъ противъ друга. Крестьянинъ недалеко отъ обоихъ домовъ встрѣтился съ В—мъ.

— Ты это что везешь?—спросилъ послѣдній.

— Да вотъ баринъ послалъ муки, крупы и пр., — отвѣчалъ крестьянинъ.

— Кому?

— Протопопу.

— А! это мнѣ, —сказалъ В—ъ и повелъ мужика въ свой домъ.

Мужикъ-было говорилъ, что, кажись, протопопъ живетъ на правой сторонѣ улицы, а ты, батюшка, на лѣвой; но В—ъ назвалъ мужика дуракомъ и велѣлъ ссыпать все въ свои амбары, чтò и было исполнено. Обманъ послѣ открылся; но В—ъ ни за что не хотѣлъ возвратить присвоенное; помѣщикъ послалъ другіе возы къ Полянскому. Но случалось и ему терпѣть пораженія...

Не одинъ В—ъ обиралъ духовныхъ лицъ; отъ него не хотѣли отставать секретарь и вся канцелярія консисторіи. Близъ самого владыки взяточничество происходило даже нахальнымъ образомъ. Тутъ, разумѣется, играли роль только письмоводитель и келейникъ, или лакей Филарета. Первый, по заведенному обычаю, бралъ за разнаго рода справки, а второй — за доклады, за пріемъ прошеній и еще за особую спеціальную услугу. Владыка самъ слушалъ желавшихъ поступить на причетническія и дьяконскія мѣста изъ пѣнія по обиходу и чтенія по церковной печати; но самъ не любилъ касаться книгъ; онъ обыкновенно говаривалъ своему келейнику:

— Ну-ка, разверни эту книгу, пусть онъ пропоетъ или прочитаетъ, чтò Богу угодно.

Но келейникъ любилъ избавлять Бога отъ излишнихъ хлопотъ. Просители являлись напередъ къ нему и сказывали, что̀ они особенно знаютъ и чего не знаютъ. По мнимому опредѣленію Божію, книги раскрывались на тѣхъ мѣстахъ, которыя извѣстны были просителямъ. Однажды какой-то кандидатъ на дьячество только и зналъ псаломъ: Помилуй мя, Боже, да еще нѣкоторыя молитвы изъ часослова, напримѣръ: Иже на всякое время и на всякій часъ. Велѣно было развернуть книгу; развернулась, и будущій дьяконъ зачиталъ: Помилуй мя, Боже.

— Ну, въ другомъ мѣстѣ, — сказалъ владыка.

Дьякону опять посчастливилось, — зачиталъ: Иже на всякое время. Третій опытъ былъ въ томъ же родѣ.

— Ну, какой ты счастливецъ! — сказалъ простодушный старецъ; какія простые псалмы и молитвы тебѣ достаются! Такъ, вѣрно, Богу угодно. И счастливецъ сдѣлался дьячкомъ, по милости, конечно, не Бога, а келейника.

Позволяя себя такъ безцеремонно обманывать, Филаретъ всячески старался прослыть благочестивымъ и милостивымъ. Благочестіе онъ преимущественно обнаруживалъ въ продолжительнѣйшемъ богослуженіи. Начнутъ, бывало, благовѣстъ къ обѣднѣ въ девять часовъ утра; благовѣстятъ никакъ не меньше часу, а иногда и болѣе; уже часу въ 11-мъ являлся владыка въ соборъ. Во время богослуженія было употребляемо все, чтобъ сдѣлать его какъ можно продолжительнѣе, напримѣръ: херувимскую пѣвали раза по два, даже съ прибавленіемъ; даже часть концерта иногда приходилось пропѣть въ другой разъ. Мы, бывало, отстоимъ у себя обѣдню, пообѣдаемъ, не торопясь пойдемъ въ соборъ и успѣваемъ еще прійти во̀-время, чтобы послушать и концертъ, и проповѣдь, которую часто произносилъ самъ владыка. Не разъ случалось, что обѣдня, особенно въ царскіе дни, оканчивалась во второмъ часу. Ну развѣ это не благочестіе? Еще болѣе владыка хлопоталъ о томъ, чтобы прослыть милостивымъ въ подражаніе своему патрону, Филарету милостивому, память котораго празднуется 1-го декабря. Филаретъ первый изъ рязанскихъ архіереевъ началъ предоставлять священническія мѣста и закрѣплять за дочерьми умершихъ духовныхъ лицъ, и самымъ настойчивымъ образомъ требовалъ, чтобы семинаристы вѣн-

чались на этихъ дочеряхъ. Узнавши объ этомъ, нѣкоторыя вдовушки, лишившіяся мужей своихъ даже лѣтъ за десять, у которыхъ въ это время повыросли дочки, начали являться ко владыкѣ съ слезными прошеніями о предоставленіи за ними тѣхъ мѣстъ, которыя принадлежали ихъ семействамъ, и получали удовлетвореніе; а человѣкъ, обжившійся ужь въ приходѣ, устроившій себѣ домъ и все хозяйство, нажившій уже порядочное семейство, долженъ былъ переселяться туда, куда владыка укажетъ, а иногда этого ждать цѣлые мѣсяцы. Владыка, чтобы только выжать милосердіе изъ какого-либо упрямаго ученика, говаривалъ:

— Ну, пожалуй, я тебѣ дамъ мѣсто, только возьми вотъ такую-то дѣвицу.

Проситель отвѣчалъ:

— Не могу, владыка, взять ее.

— А почему?

— Да она глуха, или ряба, или еще что-нибудь въ ней не нравилось.

— Ну вотъ еще разговорился. Что тамъ толковать. Вѣдь она дѣтей станетъ рождать. И довольно! Чего жъ тебѣ еще? бери ее, иначе мѣста не получишь.

Филаретъ при себѣ держалъ нѣкоего монаха Назарія, который, по слухамъ, былъ отставнымъ солдатомъ и служителемъ Филарета, когда этотъ ректорствовалъ въ Московской духовной академіи. Служивый, по убѣжденію своего барина-монаха, согласился поступить въ монашество и сдѣлался отцомъ Назаріемъ. Онъ имѣлъ право, во всякое время, входить ко владыкѣ и напоминать ему о его обязанностяхъ; надобно сказать, что онъ пользовался такимъ правомъ съ грубостью русскаго солдата тогдашнихъ временъ; говорилъ архіерею: «ты» и даже бранилъ, если онъ, по его мнѣнію, дѣлалъ что-нибудь нехорошее. Впрочемъ, сей праведный мужъ взятокъ не бралъ, но умѣлъ ставить себя въ такое положеніе, что даже важныя духовныя особы въ Рязани принуждены были заискивать его благорасположеніе, по крайней мѣрѣ не пробуждать въ немъ негодованія противъ себя. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ заставилъ игуменью Рязанскаго женскаго монастыря быть внимательною къ себѣ. Она приглашала къ себѣ на чай архіерея, съ ректоромъ и

инспекторомъ семинаріи, но забыла о Назаріи. Этотъ захотѣлъ самъ напомнить ей о вѣжливости. Однажды владыка съ нашими начальниками спускался по лѣстницамъ своего дома, чтобы отправиться къ игуменьѣ. Вдругъ они услыхали внизу монологъ отца Назарія:

— Вотъ опять въ гости, да въ гости, а нѣтъ, чтобы дѣлами заниматься. Давича бѣдная вдова плакала, что она живетъ ужь цѣлую недѣлю и не дождется резолюціи; а вчера, бѣдненькій дьячекъ говорилъ, что ему хоть съ голоду приходится умирать, ѣсть нечего и денегъ нѣтъ, а владыка не отпускаетъ его. А вотъ теперь, опять въ гости, все съ этими ректоромъ и инспекторомъ, да еще къ игуменьѣ, прости, Господи.

Всѣ трое, стоя, выслушали весь монологъ. Владыко, подумавши, сказалъ:

— Отецъ-ректоръ, поѣзжайте вы съ отцомъ инспекторомъ къ матушкѣ-игуменьѣ, извините меня передъ нею. А теперь я займусь дѣлами; старикъ-то мой правду говоритъ.

Съ тѣхъ поръ матушка, приглашая владыку на чай, не забывала отца Назарія; и уже ни дьячки, ни попадьи не жаловались на медленность дѣлопроизводства у архіерея.

Извѣстіе о смерти императора Александра I въ Рязани такъ же, какъ почти во всей Россіи, было неожиданною новостью. Я помню, какъ въ концѣ ноября, или въ началѣ декабря, мы беззаботно послѣ обѣда шутили и смѣялись между собою; вдругъ въ это время раздался ударъ въ большой соборный колоколъ.

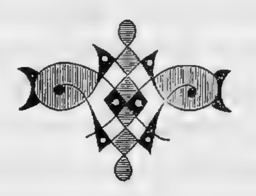
— Ой, братцы, вѣрно архіерей умеръ, —сказалъ какой-то весельчакъ. За первымъ ударомъ пошли второй, третій и проч. Всѣ были въ недоумѣніи. Но вскорѣ разнеслась вѣсть, что присланъ указъ о смерти государя и о присягѣ новому царю. Дисциплина на время забыта, и всѣ, кто хотѣлъ, побѣжали въ городъ; я успѣлъ какъ-то проскользнуть въ соборъ, куда уже народъ валилъ толпами. Благовѣстъ продолжался часа полтора, въ теченіе которыхъ соборъ наполнился чиновниками съ ихъ шитыми воротниками, купечествомъ, дворянствомъ и проч Явился и Филаретъ съ приличною

печальному извѣстію физіономіею. Послѣ облаченія его въ траурныя ризы, протодіаконъ прочиталъ манифестъ о смерти прежняго императора и о воцареніи новаго государя Константина Павловича. Намъ не вѣрилось смерти того Александра, который прославилъ себя побѣдами надъ Наполеономъ. Послѣ манифеста начали совершать панихиду. Кто заплакалъ первый — не знаю; вѣроятно, многіе это сдѣлали; только слезы, какъ зараза, начали показываться на глазахъ всѣхъ собравшихся въ соборъ людей, особенно, когда увидали Филарета, который, во время стиховъ, начинающихся припѣвомъ: «благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ», едва, едва двигался по собору для кажденія иконъ и заливался слезами. Это еще болѣе расположило всѣхъ къ плачу; за прочими и я плакалъ. Но обстановка была дѣйствительно печально-торжественна. Розданныя всѣмъ и зажженныя восковыя свѣчи, унылыя физіономіи, погребальный напѣвъ пѣвчихъ и пр.,—сильно дѣйствовали на равнодушныхъ даже людей. И когда наконецъ протодіаконъ произнесъ и пѣвчіе запѣли: «вѣчную память», то немногіе въ соборѣ не плакали. И насъ тоже, по тогдашнему выраженію, пригнали къ присягѣ въ слѣдующій затѣмъ день, собравши всѣхъ учениковъ и семинаріи и училища въ семинарскую церковь, и потомъ, взявши подписку, что мы дѣйствительно присягали; не знаю, кто это выдумалъ, но только даже мальчонки, въ 9—10 лѣтъ, и тѣ пригнаны были къ присягѣ. Мы, впрочемъ, правду сказать, очень гордились этимъ, полагая, что, вѣрно, важныя мы особы, когда считаютъ нужнымъ взять съ насъ присягу въ вѣрности новому царю.

До нашего роспуска въ Рязани ничего еще не было слышно о 14-мъ числѣ декабря и о замѣнѣ Константина Николаемъ. По пріѣздѣ моемъ домой, батюшка мой, возвратившись изъ объѣзда по своему благочинію, тайкомъ сказалъ, что въ Петербургѣ былъ бунтъ, и вступилъ на престолъ еще новый императоръ. Черезъ день, послѣ того, ночью, прискакалъ въ село засѣдатель съ указомъ о томъ и другомъ. Сейчасъ ударили въ большой колоколъ, народъ сбѣжался въ церковь, прочтианъ былъ указъ о вступленіи Николая на престолъ и проч., затѣмъ прочитали и присяги; но присягали только одни духовныя лица, да мѣщане: крестьяне же, какъ госу-

дарственные или экономическіе, такъ и помѣщичьи, не удостоились этой чести.

На бунтовщиковъ, т. е. декабристовъ, смотрѣли тогда, какъ на исчадіе ада, какъ на дѣтей сатаны. Дворяне очень были сконфужены, что ихъ братія захотѣли низвергнуть съ престола царей и установить республику, которая отняла бы у нихъ крестьянъ.

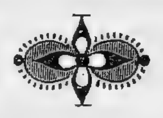
Письмо М. М. Сперанскаго Степану Васильевичу Руссову.

20-го декабря 1797 г. [1])

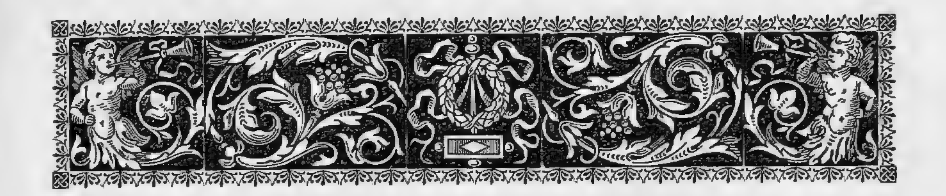
Еще одинъ доводъ прибавили вы къ той вѣчной истинѣ, что никогда разумъ не бываетъ столько плѣнителенъ, какъ когда является онъ подъ дымкою забавной шутки, и что лучшій образъ хвалить совершенство, есть съ простотою исчислять дѣла. Жаль, что стихотворцы не ранѣе встрѣтились съ сею мыслію, нынѣ почти общею. Сколько пышныхъ, пандирическихъ, скучныхъ одъ надавили бы тщетнымъ бытіемъ своимъ раждающихся, и чуть кой-гдѣ сверкающихъ искръ творческаго разума. Природа вложивъ въ васъ сіи искры тѣмъ самымъ присвоила вамъ право на почтеніе и благодарность всѣхъ любящихъ изящное.

Не такъ, какъ похвалу, но какъ плодъ сего чувства прошу васъ принять увѣренія мои въ истинномъ усердіи, съ коимъ навсегда пребуду вашимъ

Милостивый Государь мой
покорнѣйшимъ слугою
Михайло Сперанскій.

[1]) Сперанскій былъ титулярный совѣтникъ и въ канцеляріи генералъ-прокурора Куракина экспедиторъ, а Руссовъ служилъ въ Сенатѣ повытчикомъ въ чинѣ коллежскаго бухгалтера.

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,

ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ

СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

„Яже видѣхомъ очима моима и яже слышахомъ отъ вѣрныхъ людей“.

Съ самаго ранняго возраста любимымъ моимъ чтеніемъ были такъ называемые мемуары, то-есть дневники, записки и воспоминанія отдѣльныхъ лицъ. Я говорю не исключительно о мемуарахъ лицъ, имѣющихъ какое-либо историческое значеніе, или по крайней мѣрѣ претендующихъ на то, что они оставили по себѣ память среди живущихъ, а вообще о всякихъ воспоминаніяхъ, какъ бы ни было неважно или даже и вовсе ничтожно значеніе автора ихъ. Во всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ, даже самыхъ безсодержательныхъ, всегда одинаково звучитъ какая-то живая нота, всегда чувствуется въ нихъ, если можно такъ выразиться, запахъ того времени и той среды, къ которымъ они относятся.

Главною задачею пишущаго воспоминанія свои, главною цѣлью, которая имъ должна быть передъ собою поставлена, по моему мнѣнію, должно быть только одно неуклонное слѣдованіе по пути правдивости и искренности. Не подлежитъ сомнѣнію, что при этомъ необходимо, чтобы въ его воспоминаніяхъ заключался какой-либо интересъ; но интересъ этотъ уже не во власти пишущаго, и во всякомъ случаѣ не ему судить о томъ, заинтересуетъ ли кого-либо другаго все то, что когда-то интересовало его самого.

Высказанныя мною мысли побудили меня попытаться писать мои собственныя воспоминанія. Жизнь моя не только не богата, но даже

положительно бѣдна событіями; но вѣдь и вокругъ меня текла же какая-нибудь жизнь, вѣдь и я тоже сталкивался въ этой жизни съ разными, болѣе или менѣе, не лишенными интереса личностями, и слѣдовательно и я могу хотя что-либо повѣдать о видѣнномъ и слышанномъ мною, и, быть можетъ, это видѣнное и слышанное когда-либо и кому-нибудь покажется занимательнымъ. Но все-таки, теперь, я долженъ признаться, что имѣю весьма слабую надежду на это, и что перомъ моимъ преимущественно водила та же мысль, которая заставляла пушкинскаго Пимена по цѣлымъ ночамъ сидѣть за своею лампадой.

Излагая все то, что когда-либо происходило на моихъ глазахъ, повѣствуя о тѣхъ личностяхъ, съ которыми приходилось мнѣ имѣть какія-либо сношенія, я буду заботиться только объ одномъ: сохранять полное безпристрастіе сужденія, не только не скрывать, но даже по возможности и не забывать ничего.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Моя семья.—Родня.—Мое первоначальное воспитаніе и образованіе.—Тетка-игуменья.—Женитьба отца.

Я хотѣлъ-было начать мои воспоминанія съ конца, то-есть съ описанія того, что происходило со мною въ послѣднее время; но обдумавъ, я пришелъ къ убѣжденію, что такое начало можетъ повредить той задачѣ, о которой говорено выше. Чтобы быть вполнѣ безпристрастнымъ—необходимо быть послѣдовательнымъ, а послѣдовательнымъ можно быть только при условіи начать съ того, что было прежде, и безъ торопливости постепенно подходить къ тому, что происходило потомъ. Итакъ начинаю съ того, съ чего обыкновенно начинается жизнь каждаго человѣка.

Родился я въ 1836 году, Смоленской губерніи, Краснинскаго уѣзда, въ сельцѣ Логахъ Родители мои, Аркадій Николаевичъ и Елисавета Ивановна, были люди весьма обыкновенные. Слово это употреблено мною въ смыслѣ опредѣленія того положенія, которое они занимали на ступеняхъ общественной іерархіи: что же касается личныхъ особенностей каждаго изъ нихъ, то объ этомъ, для исполненія моей задачи, мнѣ придется говорить болѣе подробно впослѣдствіи.

Отецъ мой былъ сыномъ очень небогатаго или даже, лучше сказать, очень бѣднаго помѣщика, и въ дѣтствѣ не получилъ никакого образо-

ванія. Дѣда моего я вовсе не зналъ, такъ какъ онъ умеръ гораздо ранѣе моего рожденія, но мнѣ извѣстно, что семья у него была огромная. Семья эта состояла изъ трехъ сыновей и, кажется, восьми или даже болѣе дочерей, изъ числа которыхъ я зналъ только четырехъ, а остальныя умерли или въ дѣтствѣ, или въ очень ранней молодости. Старшій братъ моего отца, Сергѣй Николаевичъ, въ дѣтствѣ былъ опредѣленъ въ Морской корпусъ, потомъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ, женился гдѣ-то въ Одессѣ или Таганрогѣ и умеръ капитанъ-лейтенантомъ въ отставкѣ, какъ кажется, ни разу даже не побывавъ въ родительскомъ домѣ. Послѣ него остался сынъ, Михаилъ Сергѣевичъ, точно такъ же, какъ и отецъ его, извѣстный мнѣ только по слуху. Когда я былъ въ Московскомъ университетѣ, то одинъ изъ состоявшихъ при немъ сторожей, отставной матросъ Черноморскаго флота, по фамиліи Калёный, говорилъ мнѣ, что служилъ подъ начальствомъ моего двоюроднаго брата на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», и сколько мнѣ помнится, уже въ то время Михаилъ Сергѣевичъ былъ капитанъ-лейтенантомъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ женился и вышелъ въ отставку, но живъ ли онъ въ настоящее время или нѣтъ и имѣетъ ли потомство — это мнѣ неизвѣстно.

Не могу не остановиться подолѣе на воспоминаніи о всемъ томъ, что мнѣ извѣстно о младшемъ братѣ отца моего, Порфиріи Николаевичѣ. Въ дѣтствѣ моемъ я видѣлъ его, но помню очень смутно и даже въ настоящее время я могу припомнить гораздо менѣе его самого, нежели его высокій ростъ и его мундиръ съ серебрянымъ аксельбантомъ, шитымъ по бархату воротникомъ и Станиславомъ въ петлицѣ. Эти послѣднія принадлежности моихъ воспоминаній о дядѣ запечатлѣлись въ памяти моей потому, что я въ дѣтствѣ очень долго и съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ ихъ во время пребыванія его у насъ въ деревнѣ. Въ которомъ году это происходило—я не помню; но дядя умеръ въ 1842 году, и слѣдовательно пріѣзжалъ къ намъ ранѣе, а быть можетъ именно въ этомъ году. Извѣстно мнѣ о немъ вотъ что: родился онъ въ 1812 году, и такъ какъ родители его, о чемъ я уже говорилъ, были очень бѣдны, то, не имѣя средствъ дать образованіе всѣмъ своимъ дѣтямъ, опредѣлили младшаго сына въ батальонъ военныхъ кантонистовъ. Когда это было и въ какомъ именно городѣ состоялъ мой дядя кантонистомъ—этого я не знаю, но умеръ онъ, тридцати лѣтъ отъ роду, ни болѣе ни менѣе какъ капитаномъ генеральнаго штаба или, какъ называлось въ то время, свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Слышалъ я (не знаю, насколько это правда), будто бы цесаревичъ Константинъ Павловичъ пріѣзжалъ въ тотъ городъ, въ которомъ былъ дядя, и послѣ смотра, сдѣланнаго батальону кантонистовъ, перевелъ молодаго бѣднаго дворянина въ корпусъ на казенный счетъ. Слышалъ

также, что покойный императоръ Николай Павловичъ, во время посѣщеній имъ Военной академіи, какъ тогда называлась Академія генеральнаго штаба, всегда обращался къ дядѣ съ милостивымъ привѣтствіемъ: «Здравствуй, Порфиръ Яхонтовичъ!» Не знаю, насколько слышанное мною справедливо, но какъ бы ни благопріятствовало дядѣ счастье, все-таки достичь того, чего достигъ онъ — нельзя было безъ страшнаго труда, настойчивости и энергіи. Мнѣ неизвѣстно, остался ли еще кто-либо въ живыхъ изъ товарищей его по Академіи, но, судя по времени, можно предполагать, что однимъ изъ нихъ былъ авторъ извѣстныхъ записокъ, генералъ Филипсонъ. Слышалъ я, что дядя самъ, безъ помощи учителя, выучился нѣсколькимъ языкамъ, что вообще онъ былъ человѣкъ очень симпатичный и любимый товарищами и знакомыми, а уже впослѣдствіи, чрезъ много лѣтъ послѣ его смерти, я слышалъ отъ одного довольно близко знавшаго его человѣка, М. И. Кубаровскаго (того самаго, о которомъ упоминаетъ М. И. Глинка въ своихъ запискахъ), что онъ былъ страстный игрокъ въ карты. Кончилъ онъ тѣмъ, что въ одно утро повѣсился на офицерскомъ шарфѣ, въ своей квартирѣ въ Новой Прагѣ, послѣ продолжительнаго припадка меланхоліи. Въ то время онъ служилъ оберъ-квартирмейстеромъ одной изъ поселенныхъ кавалерійскихъ дивизій, штабъ которой находился въ вышеупомянутомъ мѣстѣ, гдѣ онъ и похороненъ. Причинъ этой смерти я не могъ докопаться во всю мою жизнь и даже о самомъ способѣ самоубійства разсказалъ мнѣ только уже въ 1872 году, жившій у него въ Новой Прагѣ, бывшій нашъ крѣпостной человѣкъ, Герасимъ, который, разумѣется, не умѣлъ сообщить мнѣ ничего, кромѣ этого. До того же времени я не слыхалъ и даже не имѣлъ возможности спросить, у кого бы то ни было, о подробностяхъ смерти дяди, потому что и отецъ мой, и тетки старательно избѣгали заводить разговоръ объ этомъ предметѣ. Знаю я вѣрно только то, что незадолго передъ смертью онъ сталъ женихомъ одной изъ дочерей знаменитаго генерала Эмануэля, впослѣдствіи супруги не менѣе знаменитаго врача Н. Ѳ. Здекауера. Знаю я также, что ближайшимъ начальникомъ его былъ Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ, и что впослѣдствіи, во время Крымской кампаніи, графиня Остенъ-Сакенъ часто бывала у моей тетки, а его сестры, матери Таифы, тогдашней игуменьи Одесскаго монастыря.

Болѣе ничего я не знаю о моемъ покойномъ дядѣ, и чтобы вполнѣ описать семейство, къ которому принадлежалъ мой отецъ, мнѣ остается упомянуть о тѣхъ четырехъ теткахъ, которыхъ я засталъ въ живыхъ. Старшая изъ нихъ, Татьяна Николаевна—та самая игуменья Таифа, о которой только-что было упоминаемо. Умерла она, кажется, въ 1867 или въ 1868 году, и мнѣ извѣстно, что она имѣла пожалованный ей покойною императрицею Маріею Александровною брильянтовый наперс-

ный крестъ. Четвертую звали Александра Николаевна, иначе игуменья Аркадія. Воспитывалась она въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ, по всей вѣроятности, на казенный счетъ. Когда она выпущена оттуда, я не знаю, потому что въ годъ моего рожденія ей было уже двадцать два года, а начинаю я помнить ее только съ 1842 года.

Не могу припомнить, чрезъ сколько именно времени Александра Николаевна была нашею, то-есть моею и моихъ братьевъ, наставницею и по этому случаю жила въ нашемъ домѣ. Чему именно она насъ учила—я положительно забылъ, но очень хорошо помню, что у нея велся списокъ, въ которомъ ежедневно проставлялись баллы нашихъ успѣховъ. Въ спискѣ этомъ, кромѣ графъ, заключавшихъ въ себѣ наименованіе преподаваемыхъ предметовъ, было еще многое множество другихъ, носившихъ такія, напримѣръ, названія: любовь къ ближнему, повиновеніе, вниманіе, размышленіе и тому подобныя. Ежедневно, по окончаніи урока, производились отмѣтки, и мнѣ до сихъ поръ памятно ощущеніе какой-то большой неловкости въ душѣ, которую я постоянно испытывалъ въ то время, когда тетушка, анализируя наши слова, дѣла и помышленія по отношенію ихъ къ вышесказаннымъ добродѣтелямъ и руководясь строгою справедливостью, распредѣляла между нами хорошіе или дурные баллы. По поводу этихъ отмѣтокъ мнѣ припомнился одинъ случай, который я хочу разсказать. Да не осудитъ меня тотъ, кому когда-либо попадется на глаза этотъ разсказъ; да не сочтетъ онъ меня подобнымъ тому библейскому сыну, который издѣвался надъ наготою отца. Я задался цѣлью разсказать все то, что видѣлъ и помню, и не знаю, долженъ ли я останавливаться предъ изложеніемъ правды, если эта правда горька? Я не знаю—сколько еще разъ мнѣ придется сталкиваться съ этою горечью описываемой жизни, но не выкину ни одного слова изъ той пѣсни, которую затянулъ.

Отецъ мой, не получившій, какъ я уже сказалъ выше, никакого систематическаго образованія, тѣмъ не менѣе, считалъ своею обязанностью слѣдить за преподаваніемъ, и по временамъ, приходя въ классную комнату, авторитетнымъ тономъ задавалъ намъ разные вопросы, а иногда тѣмъ же тономъ высказывалъ сужденія о предметахъ, съ которыми былъ знакомъ недостаточно. Преимущественно же онъ обращалъ вниманіе на тотъ пунктъ, какъ выполняются нами требованія нравственности, изложенныя въ вышеупомянутыхъ графахъ. Графы эти мы всѣ уже выдолбили наизусть, и случалось, бывало, со слезами на глазахъ, сообщать матушкѣ, нашей всегдашней заступницѣ, что сегодня я получилъ, напримѣръ, нуль изъ размышленія, или единицу изъ любви къ ближнему. Однажды мнѣ случилось сказать что-то рѣзкое одному изъ братьевъ. Положительно не помню, что именно такое это было, и не знаю, какимъ образомъ дошло это до отца, но когда уже мы

готовились ложиться спать, отецъ торжественно вошелъ въ нашу спальню, вмѣстѣ съ теткою и, указывая на меня, сказалъ:

— Сашенька, завтра Николаю поставь нуль въ осужденіи.

Такой графы въ нашемъ спискѣ не было, да еслибы она и была, то отмѣтка въ ней нуля могла бы скорѣе почесться признаніемъ моей доброкачественности, такъ какъ означала бы полное отсутствіе того порока, въ которомъ меня обвиняли. Я не помню, куда отнесла тетка эту отмѣтку, кажется, къ той же любви къ ближнему.

Александра Николаевна не долго жила у насъ въ качествѣ наставницы. Не знаю и до сихъ поръ, по какой причинѣ она оставила насъ, но съ той поры, до окончанія курса въ гимназіи, я ее уже не видалъ и только по слуху зналъ, что она вступила въ Вяземскій Аркадіевскій монастырь, не задолго предъ тѣмъ основанный княжною Ширинскою-Шихматовой, родною сестрою бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, князя Платона Александровича. По дорогѣ въ Москву, куда отецъ, въ 1853 году, повезъ меня для опредѣленія въ университетъ, мы заѣзжали въ Вязьму и были у тетки въ монастырѣ. Она была уже матерью Аркадіею и казначеею монастыря, а игуменьею оставалась еще старушка, княжна Шихматова, впрочемъ, кажется, только de nomine, такъ какъ уже находилась въ состояніи, близкомъ къ неправоспособности. (О свиданіи этомъ я разскажу въ свое время). Послѣ смерти княжны мать Аркадія была назначена игуменьею и оставалась ею до самой своей смерти, т. е. до 1887 г. Судя по отзывамъ о ней, какъ о игуменьѣ, которые мнѣ случалось слышать отъ разныхъ лицъ, она далеко выходила впередъ изъ ряда и учредила въ своемъ монастырѣ много полезнаго. Она умерла въ концѣ іюня 1887 года, 73-хъ лѣтъ отъ роду, и не оставила послѣ себя ровно никакого имущества, потому что, какъ сообщило мнѣ о томъ одно лицо духовнаго вѣдомства, никогда не брала съ монастыря своей части, а пожитки свои передъ смертью приказала раздать бѣднымъ.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о родныхъ моихъ со стороны отца, и теперь мнѣ остается говорить о немъ самомъ, равно какъ и о подругѣ его жизни, то-есть о моей матушкѣ.

Есть старинная латинская поговорка: «de mortuis aut bene, aut nihil». Я не согласенъ съ тою моралью, которую она проповѣдуетъ, и думаю, что гораздо честнѣе говорить «aut nihil, aut veritas». Не говорить ничего—значитъ вовсе не писать своихъ воспоминаній, а слѣдовательно, начавъ уже писать ихъ, приходится говорить только одну правду, хотя и не легко говорить ее о людяхъ близкихъ, тѣмъ болѣе о родителяхъ.

Отецъ мой въ очень молодыхъ лѣтахъ, кажется, не старше четырнадцати, былъ опредѣленъ юнкеромъ въ одинъ изъ полковъ 3-ей пѣ-

хотной дивизіи, кажется, Старо-Ингерманландскій... Впослѣдствіи онъ былъ гевальдигеромъ, а потомъ адъютантомъ той же дивизіи, и изъ разсказовъ его я помню, что за время его службы начальниками этой дивизіи были: сначала Иванъ Никитичъ Скобелевъ (русскій инвалидъ, знаменитый дѣдъ еще болѣе знаменитаго внука), а потомъ генералъ-лейтенантъ Шкуринъ. Кажется, Скобелевъ не долго командовалъ 3-ю дивизіею; по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы отецъ разсказывалъ о немъ что-либо, заслуживающее вниманія, кромѣ, впрочемъ, того, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи знаменитый генералъ-губернаторъ Вильны, бывшій въ то время губернаторомъ Гродненской или Минской (не помню вѣрно) губерніи, въ которой была расположена дивизія Скобелева, былъ съ нимъ въ очень дружественныхъ отношеніяхъ и всегда называлъ его по-просту Никитичъ. Что же касается Шкурина, то про него отецъ мой разсказывалъ довольно много, но, къ сожалѣнію, разсказы эти въ памяти моей не удержались, кромѣ одного, который я запомнилъ по слѣдующему случаю:

Когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать, въ домъ нашъ пріѣхалъ новый сосѣдъ, только-что купившій ближайшее отъ насъ имѣніе. Сосѣдъ этотъ былъ отставной полковникъ Г. и пріѣхалъ просто познакомиться съ новымъ сосѣдомъ, вовсе не ожидая встрѣтить стараго знакомаго. Человѣкъ онъ былъ уже очень старый, во фракѣ и съ Анною съ брильянтами на шеѣ. Вглядѣвшись въ лицо отца моего, онъ какъ-то странно смутился и, кромѣ этого раза, я его у насъ уже болѣе не видѣлъ. По отъѣздѣ гостя, отецъ спросилъ у меня, замѣтилъ ли я его смущеніе, и на мой утвердительный отвѣтъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Полковникъ этотъ командовалъ однимъ изъ полковъ дивизіи генерала Шкурина въ то самое время, когда отецъ мой служилъ у него адъютантомъ Кто-то донесъ начальнику дивизіи, что полковникъ Г. слишкомъ безцеремонно обходится съ солдатскими деньгами, причемъ себя не забываетъ. Въ одно прекрасное утро генералъ Шкуринъ, взявъ съ собою адъютанта, отправился въ квартиру Г., и послѣ довольно продолжительнаго разговора, полковой командиръ отперъ свою шкатулку и выложилъ передъ начальникомъ дивизіи сорокъ тысячъ, которыя тотъ и увезъ съ собою. Какая дальнѣйшая судьба постигла эти деньги—я не знаю, а равно не могу сказать, насколько этотъ разсказъ достовѣренъ, но сомнѣваться въ его достовѣрности не имѣю ни права, ни основанія.

Отецъ мой прослужилъ всю кампанію 1831 года и въ продолженіе ея получилъ Анну и Владиміра съ бантами, за храбрость, а также польскій крестъ virtuti militari, за штурмъ Варшавы. Скоро послѣ окончанія кампаніи, должно быть въ 1832 году, а можетъ быть и въ томъ же самомъ 1831 году, отца моего тѣсно прижали обстоятельства, то-есть нужда. Заключеніе это я вывожу изъ того, что слышалъ уже по-

слѣ смерти его. Изъ разсказовъ, слышанныхъ мною отъ тетки Марьи Николаевны, я понялъ, что оба брата, то-есть отецъ мой и Порфирій Николаевичъ, единовременно пріѣхали въ отпускъ въ родную губернію съ одною и тою же цѣлью — отыскать себѣ богатыхъ невѣстъ. Случайно ли съѣхались они или пріѣхали вмѣстѣ—этого я не знаю, но, во всякомъ случаѣ, они не скрывали другъ отъ друга своихъ намѣреній и дѣлились впечатлѣніями, которыя они выносили изъ своихъ рекогносцировокъ. Оба они въ то время имѣли несомнѣнные задатки для того, чтобы нравиться, но, какъ кажется, Порфирій Николаевичъ имѣлъ для этого гораздо болѣе средствъ, нежели мой отецъ, потому что былъ и моложе, и образованнѣе, и, сколько я помню, красивѣе отца. Кромѣ всего этого, онъ былъ вѣроятно, если можно такъ выразиться, нѣсколько разборчивѣе брата въ томъ отношеніи, о которомъ идетъ рѣчь, и вкусы, чувства и понятія его, какъ кажется, были гораздо болѣе развиты. Самою достижимою для нихъ обоихъ оказалась, однимъ словомъ, одна и та же невѣста, которая и была впослѣдствіи моею матерью. Тетка Марья Николаевна, чрезъ много лѣтъ потомъ, разсказывала мнѣ, что она очень хорошо помнитъ тотъ вечеръ, въ который оба ея брата возвратились вмѣстѣ домой изъ того дома, въ которомъ въ первый разъ они встрѣтили мою будущую мать. «Порфирій, — разсказывала тетка,—прямо спросилъ у Аркадія: «братъ! да неужели же ты въ самомъ дѣлѣ рѣшаешься жениться?» Аркадій показалъ свои заплатанные сапоги и отвѣчалъ: «суди, какъ хочешь, а вотъ это уже надоѣло». Итакъ, одинъ братъ уѣхалъ, и дальнѣйшая судьба его уже извѣстна изъ предъидущаго разсказа, а другой женился на княжнѣ Др—ой-Сок—кой, невѣстѣ довольно богатой, въ особенности въ сравненіи съ нимъ. Разсказъ этотъ ясно указываетъ на тѣ побужденія, которыя руководили отцомъ моимъ въ важномъ шагѣ, называемомъ женитьбою; а дальнѣйшая жизнь моихъ родителей вполнѣ доказала, что между ними никогда ничего общаго не было и быть не могло. Выше я сказалъ, что говорить правду о родителяхъ очень трудно; теперь я прибавлю къ этому, что еще труднѣе говорить ее собственно о матери.

Великій художникъ, въ великомъ твореніи, носящемъ названіе «Война и миръ», изобразилъ предъ нами одну личность, изображеніе которой, какъ кажется, стоило ему громаднаго внутренняго труда и страшной нравственной борьбы. Я говорю о княжнѣ Болконской. Не стану объяснять, почему именно я думаю то, что сказалъ, догадливый пойметъ и самъ; но я убѣжденъ глубоко въ томъ, что слишкомъ долго надо было носить въ душѣ образъ другаго человѣка и очень близокъ долженъ былъ быть этотъ человѣкъ къ автору, чтобы онъ былъ въ состояніи создать такое живое лицо, какъ княжна, и такъ удивительно передать то впечатлѣніе, которое оно производило на современ-

ныхъ ему людей. Каждый, вѣроятно, помнитъ, какъ тонко и вѣрно изображены ощущенія графа Ростова, старавшагося пересилить въ себѣ то чувство, которое возбуждала въ немъ антипатичность дѣвушки, съ которою онъ уже задумалъ связать свою судьбу на вѣкъ. Эта антипатичность понятна мнѣ очень и, читая то дивное произведеніе, о которомъ я говорю, я невольно глядѣлъ въ прошлое близкихъ мнѣ людей и невольно угадывалъ пролетѣвшія по душѣ ихъ чувства. Графъ Ростовъ, однако, сумѣлъ сломить себя для того, чтобы согласить свою жизнь съ жизнью другаго лица, а тотъ человѣкъ, о которомъ говорю я, не сумѣлъ, да кажется, никогда и не покушался сдѣлать это. И поэтому-то, положа руку на сердце, я скажу, что отецъ мой былъ виноватъ въ томъ, что женился на моей матери, такъ какъ ему легче было видѣть, что изъ этого должно произойти.

Послѣ женитьбы отецъ мой вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи жены, доставшемся ей по раздѣлу съ сестрами. Съ этой минуты начался тотъ домашній адъ, который не переставалъ существовать до конца и свидѣтелями котораго были мы, дѣти, родившіяся отъ этого брака. Мнѣ необходимо сказать то, что я знаю о моей матери до ея замужества и вообще о той семьѣ, въ которой она взросла, и о тѣхъ лицахъ, которыя ее окружали. Я не видѣлъ никого изъ этихъ лицъ и поэтому передаю только то, что знаю по разсказамъ.

Мать моя была одною изъ трехъ сестеръ княженъ Др—хъ-Сок—ихъ, дочерей князя Ивана Антоновича. Этотъ князь Иванъ Антоновичъ, котораго не только я, но даже никто изъ его дочерей никогда не зналъ, былъ женатъ на Марьѣ Николаевнѣ Каховской, умершей почти одновременно съ нимъ. Въ какое именно время умерли они оба—объ этомъ я достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣю, а извѣстно мнѣ только то, что три княжны: Марія, Елизавета и Агаѳья Ивановны, круглыя сироты, жили и воспитывались подъ руководствомъ бабушки ихъ по матери, Елизаветы Димитріевны Каховской, рожденной Потемкиной, троюродной племянницы князя Таврическаго. Бабушки этой я уже не засталъ въ живыхъ. О ея чудачествахъ много прежде ходило разсказовъ, но теперь я не могу припомнить ни одного изъ нихъ. Впрочемъ, помню, какъ кто-то мнѣ разсказывалъ, что извѣстный писатель Хмѣльницкій, бывшій въ то время губернаторомъ въ Смоленскѣ, въ своихъ «Бабушкиныхъ попугаяхъ» изобразилъ именно ее и ея способъ воспитанія своихъ внучекъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло не въ томъ, какова была бабушка, а въ томъ, что именно она воспитала всѣхъ трехъ внучекъ, сохранила ихъ имущество и выдала замужъ. Старшая, Марія Ивановна, вышла за уланскаго поручика, Александра Львовича Каленова и скоро умерла. На описаніи мужа ея Каленова необходимо остановиться, и такъ какъ объ этой личности разсказать можно многое,

то ей будетъ посвящена цѣлая отдѣльная глава. Вторая сестра, Елизавета Ивановна, была моею матерью, а третья, Агаѳья Ивановна, вышла за отставнаго драгунскаго штабсъ-капитана, Сергѣя Доримедонтовича Кусакова и тоже рано умерла, тоже не оставивъ дѣтей.

ГЛАВА II.

Помѣщичій бытъ стараго времени.—Докторъ Валь.—Каленовъ и его продѣлка съ исправникомъ. — Мытарства по судебнымъ мѣстамъ. — Свиданіе съ То—скимъ.—Сенаторы штатскій и военный.—Первое земское собраніе.

Я уже сказалъ въ предыдущей главѣ, что старшая сестра моей матери была замужемъ за Каленовымъ, а младшая за Кусаковымъ. Обѣ онѣ рано умерли, и нравственныя физіономіи ихъ не сохранились въ чьихъ-либо воспоминаніяхъ. Мужъ младшей сестры былъ личностью довольно обыкновенною, и о немъ достаточно сказать только то, что очень скоро послѣ смерти первой жены онъ женился на Марьѣ Николаевнѣ Эн—гардтъ и былъ впослѣдствіи оберъ-провіантмейстеромъ гренадерскаго корпуса. Я встрѣчалъ его раза два, уже тогда, когда онъ былъ въ отставкѣ, но вообще не знаю, чѣмъ именно онъ закончилъ свою карьеру. Что же касается мужа старшей сестры А. Л. Каленова, то я скажу нѣсколько подробнѣе.

Муза! дай мнѣ на время перо хотя бы Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, чтобы я сумѣлъ вѣрно изобразить эту въ высшей степени своеобразную, несомнѣнно сильную, демоническую натуру Каленова! Читая «Семейную хронику», я всегда воображалъ себѣ Куралесова въ видѣ Каленова, конечно, съ нѣкоторою разницею въ пользу послѣдняго, потому что Каленовъ велъ постоянно трезвую и умѣренную жизнь. Не особенно малаго роста, осанистый, толстоватый, съ лукавыми, подъ часъ коварными, проницательными и въ одно и то же время злыми и ласковыми глазами; съ изогнутымъ по-ястребиному, толстымъ носомъ, почти черными волосами и усами, и густыми, какъ лѣсъ, бровями, онъ сразу останавливалъ на себѣ вниманіе того, кто видѣлъ его въ первый разъ. Въ старости онъ началъ носить длинную, почти бѣлую бороду, и это нѣсколько смягчало рѣзкость чертъ его лица. Образованіе онъ получилъ довольно дюжинное, учился въ корпусѣ, никакихъ иностранныхъ языковъ не зналъ и до чтенія вообще былъ не большой охотникъ. А между тѣмъ онъ зналъ рѣшительно все, или по крайней мѣрѣ такъ умѣлъ говорить обо всемъ, что можно было подумать, что онъ весь вѣкъ занимался тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ разговоръ. Всего замѣчательнѣе была именно его рѣчь. Я употребилъ это слово для того, чтобы выразить всю совокупность того впечатлѣнія, которое производили его слова въ соединеніи съ игрою лица и звукомъ голоса. Да! врядъ-ли былъ хотя одинъ человѣкъ, даже

изъ самыхъ явныхъ его враговъ,—которыхъ было не мало,—который бы не поддался обаянію этой рѣчи, когда Каленовъ хотѣлъ понравиться тому, съ кѣмъ говорилъ. Про него разсказывали анекдотъ, который, впрочемъ, былъ по всей вѣроятности не анекдотомъ (въ смыслѣ вымысла), а дѣйствительнымъ происшествіемъ. Такъ какъ онъ былъ страшно жестокъ въ обращеніи съ своими крѣпостными людьми, то однажды, какъ говорятъ, они сговорились запарить его на полкѣ въ банѣ. Каленовъ очень любилъ париться и довольно часто предавался этому кейфу. Чувствуя, что его жарятъ въ нѣсколько вѣниковъ съ усердіемъ, гораздо бо̀льшимъ, нежели какое было нужно, догадливый Александръ Львовичъ быстро смекнулъ, что ему предстоитъ неминуемая гибель, и немедленно пустилъ въ ходъ всѣ пружины своей обаятельной рѣчи. Вѣроятно, очень трогательно и убѣдительно говорилъ Каленовъ, потому что несчастные рабы сжалились и отпустили его грѣшную душу на покаяніе. Поотдохнувъ немного и вѣроятно набравшись свѣжихъ силъ послѣ такой бани, онъ перепоролъ всѣхъ своихъ парильщиковъ до полусмерти. Много, еще въ дѣтствѣ, слышалъ я разсказовъ о его жестокостяхъ съ крестьянами. Разсказывали, напримѣръ, что недоимщиковъ онъ заставлялъ становиться у стѣны, какъ говорится, на цыпочки, то-есть на концы пальцевъ, а бороды ихъ вбивалъ клиномъ въ стѣну, чтобы они не могли опуститься. Что одинъ разъ, пріѣхавъ неожиданно въ одно изъ своихъ имѣній, засталъ онъ старосту расположившимся какъ дома въ томъ флигелѣ, въ которомъ обыкновенно останавливался самъ баринъ во время пріѣздовъ. На полкахъ, разумѣется, были разставлены горшки и другія принадлежности крестьянскаго хозяйства, и Каленовъ прехладнокровно переколотилъ ихъ—объ голову старосты. Я видѣлъ этого старосту впослѣдствіи, уже спустя продолжительное время послѣ освобожденія крестьянъ, и, разсказывая этотъ случай, онъ только посмѣивался. Само собою разумѣется, что весь женскій персоналъ его вотчинъ былъ въ полномъ и постоянномъ распоряженіи пана, какъ у насъ при крѣпостномъ правѣ мужики называли помѣщика, и еще до сихъ поръ по деревнямъ, нѣкогда принадлежавшимъ Каленову, можно встрѣтить черты лица, напоминающія другія черты, когда-то для нихъ грозныя. Еще долгое время послѣ освобожденія, одна изъ деревень его, состоявшая изъ сорока душъ и оставшаяся на издѣльной повинности, носила названіе «Сорока мучениковъ». Камердинеръ его, Евдокимъ, ежедневно получалъ по нѣскольку зуботычинъ, но все-таки дотянулъ до освобожденія...

На первой женѣ своей Александръ Львовичъ женился, будучи не старше двадцати-двухъ или трехъ лѣтъ и какъ единственный въ то время зять поселился въ томъ же имѣніи, въ которомъ жила бабушка со всѣми тремя внучками. Вскорѣ послѣ этого женился и отецъ мой, и чрезъ два или три мѣсяца послѣ свадьбы, оставя жену у бабушки, по-

ѣхалъ опять на службу за полученіемъ отставки. Возвратился онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ какъ разъ къ тому времени, когда матушка моя должна была разрѣшиться первымъ ребенкомъ. Роды ожидались трудные, врачей по близости не было нигдѣ, и отецъ мой попросилъ Каленова, какъ главу семейства, дать ему лошадей, чтобы съѣздить за врачемъ въ Смоленскъ. Каленовъ отказалъ и, когда отецъ хотѣлъ послать кого-нибудь изъ людей за лошадьми въ сосѣднюю казенную деревню, то, къ удивленію своему, узналъ, что молодой баринъ запретилъ всей дворнѣ повиноваться ему. Однако нашелся одинъ добрый человѣкъ, который не побоялся ослушаться грознаго барина и нанялъ таки лошадей отцу. Этотъ человѣкъ былъ тотъ самый Евдокимъ, о которомъ говорено выше, и вѣроятно дорого обошлось ему его геройство. Разсказъ объ этомъ происшествіи я слышалъ отъ отца уже въ то время, когда мнѣ было лѣтъ двадцать пять, и мнѣ хочется привести его цѣликомъ для того, чтобы кстати упомянуть объ одной почтенной и симпатичной личности, игравшей въ немъ роль. Добывъ лошадей, отецъ мой, въ то время двадцати-семилѣтній адъютантъ, поскакалъ по ужаснѣйшей весенней дорогѣ, гоня, какъ говорится, въ хвостъ и въ гриву, за пятьдесятъ верстъ, въ городъ Смоленскъ, который ему вовсе не былъ знакомъ. Пріѣхавъ ночью, онъ объѣздилъ квартиры нѣсколькихъ врачей и однихъ не засталъ дома, а другіе ни за какія деньги не соглашались ѣхать по такой дорогѣ. Кто-то сказалъ отцу, что есть въ городѣ еще одинъ врачъ, французъ по фамиліи Валь. Въ квартирѣ Валя сказали, что онъ поѣхалъ на званый вечеръ къ Гедеоновымъ, и отецъ рѣшился отправиться къ нимъ, не будучи вовсе знакомъ съ этимъ домомъ. Войдя въ переднюю, онъ просилъ вызвать Валя, но такъ какъ никто довольно долго не выходилъ, то отецъ, въ дорожномъ платьѣ и забрызганный грязью, вошелъ прямо въ гостиную и сейчасъ же узналъ, по описанію, Валя, который сидѣлъ за партіей преферанса. Валь былъ человѣкъ невообразимой толщины, съ умнѣйшимъ и добродушнѣйшимъ, краснымъ лицомъ, и въ ту минуту, когда къ нему подошелъ отецъ, собирался объявить восемь безъ козырей. Съ самымъ невозмутимымъ видомъ выслушавъ просьбу отца, онъ сложилъ карты и спросилъ: а на чемъ ми поѣдемъ? А когда отецъ отвѣчалъ, что кромѣ ямской телѣги ничего не имѣетъ, всталъ и ушелъ, ни съ кѣмъ не простясь, и уже на улицѣ проговорилъ: «ню, такъ ми люче на моихъ дрожкахъ поѣдемъ». Роды произошли благополучно.

Про этого Валя разсказывали, что онъ былъ даже и не врачъ, а ветеринаръ, оставшійся въ Россіи отъ наполеоновской арміи; но... кто бы онъ ни былъ, а на лютеранскомъ кладбищѣ въ Смоленскѣ до сего времени стоитъ гранитная глыба съ лаконическою надписью: «другу человѣчества». Подъ этою глыбою лежитъ добродушный толстякъ, обжора и весельчакъ, и хотя уже почти нѣтъ въ живыхъ людей, даже и

изъ числа тѣхъ, которые воздвигли ему этотъ памятникъ, а каждый проходящій мимо почтительно снимаетъ шляпу передъ увѣковѣченною памятью совершеннаго имъ добра. Много и анекдотовъ, и разныхъ исторій долгое время разсказывалось о Валѣ; большая часть изъ нихъ непечатна, но одна осталась у меня въ памяти, и я разскажу ее для пополненія его характеристики. Въ то время въ Смоленскѣ жилъ одинъ богатый, старый холостякъ, Хра—кій, у котораго жила такъ называемая экономка, кажется, изъ его же крѣпостныхъ. Старика разбилъ параличъ, и Валь ежедневно ѣздилъ къ нему по его настоятельному требованію. Пріѣхавъ однажды, онъ засталъ Хр—го въ агоніи, а экономку въ слезахъ у его постели. Валь преспокойно усѣлся въ кресла; повернувъ къ экономкѣ свое толстое чрево и внимательно и долго разглядывая ее, онъ спросилъ: «о чемъ ти плячешь?» Экономка разсказала, что наслѣдники уже давно стерегутъ смерть Хра—го, у котораго есть большія деньги, и что ее выгонятъ ни съ чѣмъ, тогда какъ старикъ всегда хотѣлъ оставить деньги ей, за ея заботы о немъ, но не успѣлъ сдѣлать завѣщанія.—А гдѣ лежатъ деньги?—спросилъ Францъ Ивановичъ и, узнавъ, что онѣ подъ подушкою, прехладнокровно запустилъ руку подъ изголовье умирающаго, вытащилъ деньги и, отдавая экономкѣ, сказалъ: «на, возьми, не плячь, я скажу, что ихъ завсѣмъ не было». Экономка эта впослѣдствіи вышла замужъ, содержала кондитерскую и послѣ смерти Валя разсказывала это всѣмъ.

Послѣ небольшаго отступленія я снова обращаюсь къ предмету настоящей главы и хочу разсказать о Каленовѣ рѣшительно все, что только о немъ знаю. Въ первый разъ я увидѣлъ его тогда, когда мнѣ было тринадцать лѣтъ, а ему уже за сорокъ. Въ то время я только-что перешелъ въ четвертый классъ гимназіи, а онъ пріѣзжалъ для того, чтобы опредѣлить въ тотъ же классъ своего сына отъ первой жены, моего двоюроднаго брата Веніамина, съ которымъ вмѣстѣ мы и кончили курсъ и о которомъ рѣчь впереди. До тѣхъ поръ я не видѣлъ никого изъ нихъ, то-есть ни дяди, ни брата, потому что имѣнія наши были далеко одно отъ другаго и кромѣ того отецъ мой вообще былъ не охотникъ ни ѣздить въ гости, ни принимать у себя; но по разсказамъ я довольно живо воображалъ ихъ обоихъ. Я хорошо помню, какъ къ крыльцу нашего деревяннаго дома подлетѣлъ щегольской экипажъ, запряженный шестерикомъ жеребцовъ, изъ котораго вышли мужчина въ альмавивѣ съ бархатными отворотами и коротенькій гимназистикъ въ новенькомъ мундирчикѣ. Помню, что ихъ обоихъ я нашелъ именно такими, какими воображалъ. Александръ Львовичъ одѣвался всегда щегольски, хотя, сказать правду, довольно безвкусно и постоянно носилъ три довольно крупные алмаза: одинъ на пальцѣ, другой на часовой цѣпочкѣ и третій въ булавкѣ на шарфѣ, какіе тогда носили вмѣсто галстуховъ. Онъ ни-

когда не курилъ, но любилъ обливаться большимъ количествомъ духовъ, что, впрочемъ, не производило непріятнаго впечатлѣнія. Съ того времени, когда сынъ его поступилъ въ гимназію, онъ сталъ часто бывать въ Смоленскѣ и каждый разъ, какъ только пріѣзжалъ, сейчасъ же посылалъ за нами, и эти дни всегда бывали для насъ праздниками. Угощать кого бы то ни было составляло потребность его натуры, и во время его пріѣзда лакомства не сходили со стола, что для насъ, получавшихъ воспитаніе въ режимѣ довольно суровомъ, было особенно пріятно. Во время этихъ-то его пріѣздовъ я имѣлъ случаи наблюдать то обаяніе, которое, какъ я сказалъ выше, производила его рѣчь и вообще манера обхожденія съ людьми. Бывало придетъ къ нему кредиторъ, уже очень долго ожидающій платежа. Придетъ онъ недовольный, сердитый, а Каленовъ даже, что называется, и усомъ не моргнетъ и по мановенію волшебнаго жезла является на столѣ шампанское; разговоръ не прерывается ни на одну минуту, а часа черезъ два кредиторъ прощается уже веселый и довольный, цѣлуется и благодаритъ, не получивъ ни копѣйки и даже не заикнувшись о долгѣ.

Лѣтнія каникулы 1850 года я провелъ въ имѣніи дяди — сельцѣ Александринѣ, въ трехъ верстахъ отъ города Бѣлаго. Мой строгій родитель сдѣлалъ на этотъ разъ отступленіе отъ своихъ правилъ, отпустилъ меня туда и, не будь этого счастливаго лѣта — нечѣмъ бы мнѣ было и помянуть мою юность. Домъ въ Александринѣ былъ большой, красиво обставленный, книгъ и всякихъ развлеченій много, гости, какъ говорится, не съѣзжали со двора, и время летѣло легко и пріятно. Александръ Львовичъ былъ мастеръ на все. Одна бѣльская купчиха, о его знаніяхъ по кулинарной части, выразилась такъ: Каленовъ не хуже всякой бабы все знаетъ. То же самое можно было сказать о немъ и по части другихъ художествъ. Въ домѣ его были и физическій кабинетъ, и разная рѣзная мебель, и все это было сдѣлано его собственными крѣпостными людьми подъ его руководствомъ. Были также при домѣ прекрасный паркъ и оранжерея. Въ то лѣто, которое я провелъ въ Александринѣ, туда пріѣзжалъ старецъ Тимоѳей, тогдашній епископъ смоленскій, объѣзжавшій въ то время свою епархію. Трое сутокъ прожилъ онъ тамъ съ цѣлою арміею поповъ и пѣвчихъ, которыхъ Александръ Львовичъ перепоилъ мертвецки. Я помню, какъ мы съ братомъ Веніаминомъ, сходя рано утромъ по парадной лѣстницѣ, увидѣли на площадкѣ ея львообразнаго протодьякона, спящаго стоя и держащаго въ объятіяхъ статую Венеры. На четвертый день мы, по приглашенію архіерея, всей компаніею поѣхали сопровождать его въ монастырь, лежащій верстахъ въ двадцати отъ имѣнія Каленова и называющійся Красногородскою пустынью. Тамъ мы опять провели очень пріятный день въ кельѣ гостепріимнаго игумена Савватія, и старикъ-епископъ даже не ходилъ къ

обѣднѣ, а все время сидѣлъ и болталъ съ нами. Сначала онъ читалъ намъ различныя поученія и, цитируя какой-либо текстъ, непремѣнно обращался ко мнѣ: «Николаша! какъ дальше?» Я въ настоящее время уже позабылъ, насколько удалось мнѣ угодить ему, но очень хорошо помню, что я съ большимъ любопытствомъ выслушалъ разсказъ преосвященнаго Тимоѳея о томъ, какъ онъ, будучи еще епископомъ старорусскимъ, былъ привезенъ на курьерской тройкѣ въ Новгородъ для усмиренія взбунтовавшихся военныхъ поселянъ. Изъ опасенія, что память измѣнитъ мнѣ, я не передаю разсказъ этотъ со всѣми его подробностями.

Въ то время, о которомъ я сейчасъ говорилъ, Александръ Львовичъ былъ женатъ на второй своей женѣ, почтеннѣйшей и достойнѣйшей Авдотьѣ Петровнѣ, рожденной Римской-Корсаковой. Старшей его дочери, моей двоюродной сестрѣ Ларисѣ Александровнѣ, въ то время было уже восемнадцать лѣтъ. Она была дѣвица скромная и немного меланхоличная. Года черезъ четыре послѣ, когда уже мы съ братомъ ея Веніаминомъ были въ Московскомъ университетѣ, она полюбила одного тоже очень скромнаго и хорошаго человѣка, Ивана Васильевича Тромбицкаго, который къ ней сватался. Это былъ человѣкъ небогатый и служилъ засѣдателемъ по выбору дворянства въ земскомъ судѣ. Въ то время, въ понятіи уѣздной аристократіи должность эта считалась чѣмъ-то очень низкимъ, и старикъ Каленовъ не хотѣлъ даже слышать разговора объ этомъ бракѣ и запретилъ Тромбицкому показываться ему на глаза, а самъ со всѣмъ семействомъ поѣхалъ въ Москву для того, чтобы развлекать дочь отъ удручавшаго ее горя. Я, разумѣется, ежедневно бывалъ у нихъ, въ гостиницѣ «Парижъ» на Тверской, вмѣстѣ съ ихъ сыномъ и ежедневно бывалъ свидѣтелемъ того капризнаго самодурства, которое отецъ продѣлывалъ надъ бѣдною дѣвушкою. Вдругъ, напримѣръ, предлагаетъ ей вопросъ: «Лариса! кто тебѣ нравится больше: Чигинъ или Тромбицкій?» Бѣдняжка, разумѣется, молчитъ, глотая слезы. «Ты, можетъ быть, не знаешь, кто такой Чигинъ? это сторожъ въ земскомъ судѣ». Самодуръ ѣдко хохочетъ своей милой шуткѣ, но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ и совершенно неожиданно на него нападаетъ припадокъ нѣжности; разверзаются объятія, старикъ подзываетъ дочь къ себѣ, и начинаются ласки и поцѣлуи, которые та опять должна переносить съ покорностью. Однако, послѣ долгихъ настояній со стороны жены и даже старшаго сына, сопровождавшихся рѣзкими сценами, Каленовъ долженъ былъ уступить. Лариса вышла за мужъ за Тромбицкаго, но за то отецъ уже не пускалъ ее болѣе къ себѣ на глаза и такъ и умеръ, не видѣвъ ни ея, ни внуковъ. Мнѣ случилось видѣть старика въ ту минуту, когда, уже много лѣтъ послѣ разсказанныхъ событій, онъ получилъ извѣстіе о смерти дочери. Онъ высказалъ много печали, но мнѣ почему-то казалось, что печаль эта не была вполнѣ

искренна. Впослѣдствіи Тромбицкій получилъ наслѣдство въ Екатеринославской губерніи, продалъ свое смоленское имѣніе и переѣхалъ на жительство туда.

Каленовъ былъ большой сутяга; вѣчно, бывало, слышишь, что онъ судится то съ тѣмъ, то съ другимъ, то гражданскимъ, то уголовнымъ судомъ. Онъ всегда собственноручно писалъ разныя прошенія и объясненія, которыя приходилось подавать въ судъ. Въ то время исправникомъ, еще по выбору дворянства того уѣзда, въ которомъ жилъ Каленовъ, былъ нѣкто Н. Александръ Львовичъ за что-то не взлюбилъ этого Н. и не давалъ ему покоя ни словомъ, ни дѣломъ. Выведенный изъ терпѣнія, Н. подалъ, наконецъ, на него жалобу въ уѣздный судъ, обвиняя его въ томъ, что, назвавъ его скотиною, Каленовъ нанесъ ему оскорбленіе словомъ. Въ то время судъ производился на бумагѣ; уѣздный судъ послалъ прошеніе Н. къ Каленову съ требованіемъ, по содержанію его, письменнаго объясненія, и Каленовъ началъ свое объясненіе такими словами: «никогда я такихъ словъ, что Н. скотина, не говорилъ». Слова «Н. скотина» были написаны по подскобленному перочиннымъ ножомъ мѣсту, а въ концѣ объясненія, согласно тогдашнимъ правиламъ, была сдѣлана оговорка: «а что по чищеному написано Н. скотина—то вѣрно». Подобныхъ штукъ на своемъ вѣку Каленовъ продѣлывалъ много, пока, наконецъ, гласное судопроизводство лишило его возможности шутить съ судомъ. Кажется, не одинъ разъ производились слѣдствія по поводу жестокаго обращенія его съ крестьянами, но не знаю, какимъ способомъ Каленовъ всегда выворачивался. Чрезъ много уже лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, онъ самъ разсказывалъ мнѣ, посмѣиваясь, какъ обыкновенно, въ этихъ случаяхъ, онъ встрѣчалъ жандармскаго полковника у заставы, пересаживалъ его въ свою коляску, запряженную шестерикомъ, отвозилъ въ Александрино и, послѣ нѣсколькихъ пріятно проведенныхъ дней, полковникъ уѣзжалъ, не собравъ никакихъ неблагопріятныхъ для Каленова фактовъ.

Припоминая разсказы Каленова, относящіеся къ тому времени, я вспомнилъ еще одинъ разсказъ, слышанный мною отъ него же, который и хочу передать читателямъ. Каленовъ былъ, вообще, не богатъ; всѣмъ было извѣстно, что состояніе его было даже ниже средняго, что онъ очень много долженъ и въ опекунскій совѣтъ, и частнымъ лицамъ, а, между тѣмъ, у него всегда были деньги и жилъ онъ всегда роскошно. Разсказывали, положимъ, что онъ какъ-то особенно ловко умѣетъ попадать съ своими недоимками подъ Всемилостивѣйшіе манифесты, но объясненіе это все-таки было недостаточнымъ, и всѣ недоумѣвали, откуда онъ беретъ средства. Когда, впослѣдствіи, уже въ семидесятыхъ годахъ, я бывалъ часто у Каленова въ городѣ Бѣломъ, то онъ самъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Какъ-то одинъ разъ пріѣхалъ къ нему въ го-

сти, въ Александрино, какой-то повѣренный по откупу, котораго фамилію я позабылъ. Надобно сказать, что Каленовъ никогда не игралъ въ карты, по крайней мѣрѣ, никто не видалъ его играющимъ. Въ настоящемъ случаѣ, я не знаю, самъ ли повѣренный предложилъ Каленову играть въ штоссъ, или игра составилась какъ-нибудь случайно, но только онъ началъ метать, а повѣренный ставилъ карты. Ставилъ карты онъ довольно оригинально: отобравъ изъ колоды цѣлую масть, каждую талію онъ ставилъ всѣ тринадцать картъ, назначая на каждую особый кушъ по фантазіи. Короля, напримѣръ, онъ ставилъ въ 200 руб. очко, двойку въ 1.000 рублей и такъ далѣе, а, кромѣ этого, каждую талію онъ ставилъ тысячу рублей мазу—первой картѣ. «Вижу я,—разсказывалъ покойный Каленовъ,—что совсѣмъ дуракъ: какъ только вскрою талію—такъ и пишу за нимъ тысячу рублей. Подумалъ сначала, что не совсѣмъ честно играть съ нимъ, но успокоилъ себя тѣмъ, что, вѣдь, онъ и кому-нибудь другому такъ же проиграетъ, такъ ужь пусть лучше достанется мнѣ». Кончилось дѣло тѣмъ, что въ одну ночь повѣренный этотъ проигралъ восемнадцать тысячъ, и Каленовъ вытолкалъ его въ шею. Вѣроятно, именно эти деньги долгое время были для Каленова оборотнымъ капиталомъ, дававшимъ ему возможность, какъ говорится, пускать пыль въ глаза.

Долгое время выворачивался Каленовъ, но, какъ говоритъ пословица, повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Случилось ему, однажды, ѣхать вмѣстѣ съ сестрою его, г-жею Соловцовою, куда-то въ нѣсколькихъ экипажахъ. Передній экипажъ, которымъ правилъ кучеръ Соловцовой, по его оплошности, какъ-то опрокинулъ экипажъ, и Каленовъ тутъ же, на мѣстѣ преступленія, учинилъ судъ и расправу, но, такъ какъ розогъ подъ рукою не случилось, то кучеръ былъ высѣченъ ременными кнутами. Отъ этого или отъ чего другаго, но только кучеръ этотъ чрезъ нѣсколько времени отдалъ душу Богу. Загорѣлось дѣло, и Смоленская уголовная палата приговорила Каленова къ лишенію личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ, не помню теперь, на какой именно срокъ. Но, въ прежнее время, было возможно подавать что-то очень много разныхъ апелляцій, а Каленовъ былъ не такой человѣкъ, чтобы сразу отдаться въ чужія руки. Потянулся длинный рядъ переносовъ дѣла изъ одного присутственнаго мѣста въ другое и, наконецъ, поступило оное, какимъ способомъ—не знаю, въ департаментъ министерства юстиціи, какъ кажется, для разрѣшенія вопроса о томъ, можетъ или не можетъ оно быть перенесено на разрѣшеніе Общаго Собранія Сената. Я пишу по памяти со словъ самого Каленова, и потому не ручаюсь за то, вѣрно ли я излагаю самый ходъ дѣла, но я могу поручитьсн за то, что передаю факты, слышанные мною отъ него, вѣрно. Поѣхалъ Александръ Льво-

вичъ въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы если уже нельзя вовсе избавиться отъ наказанія, то добиться, по крайней мѣрѣ, чтобы его не лишали правъ. Глубоко интересенъ былъ его разсказъ о его похожденіяхъ во время этой поѣздки, и я постараюсь передать его возможно подробно, но боюсь, что не сумѣю сохранить той яркости красокъ, которую придавалъ имъ самъ покойный Каленовъ.

Пріѣхалъ Каленовъ въ Петербургъ съ ломбарднымъ билетомъ въ четыре тысячи рублей, кромѣ котораго имѣлъ съ собою еще нѣсколько сотъ кредитными билетами, и остановился въ Пассажѣ. То обстоятельство, сколько именно было у него денегъ—осталось у меня въ памяти по слѣдующему случаю, составляющему одинъ изъ эпизодовъ его разсказа. Въ первый же день по пріѣздѣ, онъ отправился бродить по Пассажу и зашелъ въ магазинъ оптическихъ и физическихъ инструментовъ, принадлежавшій какому-то французу, фамилію котораго я позабылъ. Какъ большой любитель подобныхъ вещей, онъ сталъ ихъ разсматривать и въ то же время велъ бесѣду съ находившеюся въ магазинѣ женою хозяина. Въ магазинъ въ это время вошли какіе-то два господина и тоже что-то начали разсматривать, а Каленовъ отправился на верхъ въ свой нумеръ. Войдя въ нумеръ, онъ схватился за карманъ и, къ ужасу своему, увидѣлъ, что бумажника въ немъ нѣтъ. Онъ, однако, не растерялся и пошелъ назадъ въ оптическій магазинъ. Войдя туда, онъ уже не засталъ тѣхъ двухъ господъ, о которыхъ говорено выше, а въ магазинѣ, кромѣ жены хозяина, находился и онъ самъ. Каленовъ извинился и съ трепетомъ сердечнымъ спросилъ, не оставилъ ли онъ у нихъ своего бумажника. Француженка замялась и попросила описать ей примѣты бумажника и сказать, сколько въ немъ денегъ и какими именно денежными знаками. Каленовъ пустился въ описаніе, но серьезный французъ не далъ ему окончить и, выдвинувъ ящикъ, подалъ бумажникъ. Обрадованный Каленовъ сталъ просить у француза позволенія напечатать въ какой-нибудь газетѣ изъявленіе своей ему благодарности. Почтенный физикъ отвѣчалъ, что если уже онъ непремѣнно хочетъ благодарить кого-нибудь, то пусть напечатаетъ благодарность тѣмъ двумъ господамъ, которые были въ одно время съ нимъ въ магазинѣ, потому что, когда они уходили и жена его спросила, не имъ ли принадлежитъ бумажникъ, то они отвѣчали, что нѣтъ, но если бы они сказали да, то бумажникъ и былъ бы имъ отданъ. Въ такомъ случаѣ, сказалъ Каленовъ, не позволите ли вы мнѣ просить васъ ко мнѣ въ нумеръ и распить вмѣстѣ бутылку шампанскаго?—О, это я могу,—отвѣчалъ французъ,—и за бутылкою шампанскаго разсказалъ Каленову, что, когда онъ вошелъ въ магазинъ, то на немъ, какъ говорится, не было лица.

Началъ Каленовъ странствовать по разнымъ канцеляріямъ и департаментамъ, розыскивая, гдѣ находится его дѣло, и перезнакомился съ цѣлою

стаею мелкихъ чиновниковъ. Крапивное сѣмя было радо случаю и повадилось ходить къ нему каждый день. Въ то время въ Пассажѣ помѣщалась нѣкая m-me Крейцбергъ или Гинцбургъ, у которой показывался такъ называемый турка, то-есть кукла, опредѣлявшая человѣческую силу посредствомъ удара кулакомъ по ея головѣ. За каждый ударъ взималось по десяти копѣекъ. Чиновники каждый день били турку на счетъ Каленова и кромѣ того поѣдали безчисленное множество пирожковъ, которые очень хорошо приготовлялись въ Пассажѣ. Видя печальное положеніе Каленова, почтенная m-me Крейцбергъ сама предложила ему платить только по пяти копѣекъ за каждый чиновничій ударъ по турку. Нашествіе крапивнаго сѣмени продолжалось недѣли двѣ, пока наконецъ Каленовъ узналъ, что дѣло его находится въ департаментѣ министерства юстиціи и что теперь уже все зависитъ только отъ одного директора этого департамента, тайнаго совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера, Михаила Ивановича Т—го. Сталъ Каленовъ ходить въ департаментъ каждый божій день. Пробовалъ раза два подходить къ директору съ просьбою о своемъ дѣлѣ. Сначала, хотя и не особенно любезно, но по крайней мѣрѣ все-таки отвѣчали, что дѣло будетъ сдѣлано скоро, потомъ стали отворачиваться; а подъ конецъ, когда онъ еще разъ попытался напомнить о своемъ существованіи—пробурчали нѣчто вродѣ того, что, молъ, потрудитесь-ка вы оставить меня въ покоѣ. Повѣсилъ носъ Александръ Львовичъ и пересталъ ходить въ департаментъ. Къ счастью какъ-то разъ встрѣтился онъ на Невскомъ съ кѣмъ-то изъ знакомыхъ ему смоленскихъ помѣщиковъ. Благодѣтельный помѣщикъ этотъ сталъ разспрашивать Каленова о его дѣлѣ и, узнавъ, что оно находится у Т—го, прямо сказалъ, что безъ денегъ, то-есть безъ взятки онъ ничего не добьется. «Да помилуйте вы меня! какъ же сунуться со взяткою къ такой важной персонѣ?» Помѣщикъ оказался хорошо знакомымъ съ петербургскими канцелярскими тайнами и порядками и посовѣтовалъ Каленову поступить такъ: когда директоръ будетъ уходить—подойти къ нему и попросить позволенія подать докладную записку. Докладную записку приготовить въ самомъ дѣлѣ и положить въ пакетъ, а въ другой такой же пакетъ положить деньги и когда онъ позволитъ подать записку—прямо отдать пакетъ съ деньгами. Сдѣлать такъ онъ совѣтовалъ на тотъ случай, когда его превосходительство вдругъ вздумаетъ вломиться въ амбицію, тогда сказать, что ошибся, и подать настоящую записку. На вопросъ Каленова о томъ, сколько слѣдуетъ дать Т—му, помѣщикъ сказалъ, что не менѣе какъ рублей шестьсотъ, или даже болѣе, смотря по важности дѣла. Поблагодарилъ Каленовъ земляка за добрый совѣтъ, и вотъ какъ, впослѣдствіи, онъ самъ описывалъ мнѣ процедуру поданія докладной записки. «Положилъ я въ пакетъ шестьсотъ рублей новенькими сторублевыми бумажками и стою у выходной двери. Когда,

выходя, директоръ поравнялся со мною, то, несмотря на то, что онъ уже заранѣе морщился, я остановилъ его и сказалъ: ваше превосходительство! въ послѣдній разъ рѣшаюсь безпокоить васъ просьбою только объ одной милости. Т—ій остановился и уже нѣсколько снисходительнѣе спросилъ: что же вамъ угодно? Я прошу позволенія подать вамъ по дѣлу моему докладную записку.—Очень хорошо-съ. Дрожащею рукою полѣзъ я въ боковой карманъ, ощупалъ его нѣсколько разъ и подалъ ему... взялъ!?! да, взялъ, не сказалъ ни слова и преспокойно положилъ въ карманъ».

На другой день уже нѣсколько смѣлѣе вошелъ Александръ Львовичъ въ пріемную комнату департамента. Въ пріемной не было никого кромѣ дежурнаго чиновника, который сказалъ Каленову, что директоръ уже въ департаментѣ, но въ настоящую минуту занятъ въ своемъ кабинетѣ съ начальниками отдѣленій. Сѣлъ Каленовъ на диванъ какъ разъ противъ дверей директорскаго кабинета и сталъ ожидать. Погодя немного изъ кабинета вышелъ сначала одинъ чиновникъ съ портфелемъ въ рукахъ, потомъ другой и наконецъ третій, который оставилъ дверь незапертою. Директоръ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, задомъ къ двери и глядѣлъ въ зеркало, которое находилось какъ разъ противъ него и въ которомъ отражалась вся пріемная комната. Каленовъ въ зеркалѣ встрѣтился съ глазами директора, но продолжалъ сидѣть, ожидая, что будетъ. Вдругъ его превосходительство поднимается и, оглядываясь кругомъ, направляется прямо къ Каленову. Удивленный Александръ Львовичъ слышитъ слѣдующія слова: «monsieur Каленовъ! я прочелъ вашу докладную записку, и дѣло ваше будетъ доложено въ первое засѣданіе консультаціи. Потрудитесь зайти въ будущую пятницу, и вамъ сообщатъ о результатѣ».

Не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ справедливости этого разсказа. Слышалъ я его отъ Каленова уже тогда, когда Т—ій не только сошелъ со служебной сцены, но даже, кажется, и вовсе пересталъ существовать. Кромѣ того, гораздо ранѣе объ этой же особѣ было довольно много писано въ Герценовскомъ «Колоколѣ» и даже ходилъ слухъ, не знаю, справедливый или нѣтъ, что когда бывшій въ то время министромъ юстиціи графъ Панинъ, человѣкъ весьма почтенный, но постоянно заблуждавшійся въ отношеніи къ Т—му, явился къ покойному императору съ просьбою назначить его товарищемъ министра, то Царь-Освободитель молча подалъ ему нумеръ «Колокола».

Вотъ какъ тогда (не знаю, какъ-то теперь) умѣли сильные міра сего обдѣлывать свои дѣлишки; вотъ съ какими хитростями и церемоніями надо было подходить къ этимъ продавцамъ суда и правосудія, для того, чтобы какъ милости добиться позволенія заплатить имъ за ихъ судъ, за правду или неправду, смотря по тому, что кому было нужно.

Не могу сказать, по какому поводу докладывалось дѣло Каленова кон-

сультаціи, и не знаю также навѣрное, куда оно оттуда поступило; но очень хорошо помню, что оно получило направленіе не совсѣмъ согласное съ желаніемъ Каленова, и Т—ій, сообщая ему объ этомъ, извинялся и говорилъ, что употребилъ всѣ усилія. Ранѣе ли или послѣ того, что сейчасъ разсказано, не знаю навѣрное, дѣло Каленова находилось въ томъ департаментѣ, гдѣ оберъ-секретаремъ въ то время былъ нѣкто: не то Кузнецовъ, не то Огурцовъ, но что-то именно въ этомъ родѣ. Про этого Огурцова или Кузнецова я впослѣдствіи слышалъ, что онъ замѣчателенъ тѣмъ, что изъ губернскихъ прокуроровъ добровольно перепросился на должность товарища предсѣдателя гражданской палаты, которая считается ниже по іерархіи, а уже потомъ поступилъ въ оберъ-секретари Сената. Къ этому-то господину посовѣтовали Каленову обратиться прежде всего. Поѣхалъ онъ къ Кузнецову и къ счастью съ перваго же раза засталъ его дома. Кузнецовъ или Огурцовъ, очень любезно выслушалъ Каленова и весьма откровенно сказалъ, что за исходъ дѣла онъ взяться не можетъ.—А если вы хлопочете только о томъ, чтобы дѣло ваше было слушано какъ можно скорѣе, то это въ моихъ рукахъ; но... даромъ я этого не сдѣлаю, потому что вы сами, какъ человѣкъ умный, понимаете, что докладъ дѣла требуетъ усиленнаго труда.

— Сколько же прикажете?.

— Ну ужь это вы сами поймете: вы человѣкъ порядочный, и торговаться я не стану; заплатите, сколько можете.

Каленовъ изъявилъ готовность и благодарность и въ придачу получилъ совѣтъ побывать у сенаторовъ, адреса которыхъ оберъ-секретарь далъ ему. Имена этихъ сенаторовъ мнѣ неизвѣстны, да кажется даже, и самъ Каленовъ, разсказывая мнѣ объ этомъ, не помнилъ ихъ фамилій; но разсказъ о посѣщеніи ихъ я помню очень хорошо. Одинъ изъ сенаторовъ былъ военный, генералъ-лейтенантъ, а другой, кажется, онъ же и первоприсутствующій—штатскій. Каленовъ прежде всего поѣхалъ къ военному, который жилъ гдѣ-то далеко, кажется, на Васильевскомъ островѣ. Войдя въ переднюю, онъ не нашелъ въ ней никого и, чтобы кого-нибудь вызвать, началъ постукивать тростью, но, ничего не добившись, рѣшился заглянуть въ залъ. Въ залѣ онъ увидѣлъ стоящаго съ ногами на стулѣ у окна старичка въ засаленномъ халатѣ, усердно занятаго чисткою канареечной клѣтки. Увидя посторонняго, старичекъ засуетился, сползъ со стула и, разсыпаясь въ извиненіяхъ, пригласилъ въ гостиную.

— Милости просимъ, батюшка, чѣмъ могу служить?

Каленовъ отрекомендовался отставнымъ уланскимъ поручикомъ и откровенно изложилъ свое дѣло.

— Господи Боже мой!—удивился старичекъ,—и за это нынче безпокоятъ дворянина! Я вамъ скажу по секрету, что я самъ, въ молодости, сдѣлалъ то же самое.

Старичекъ обѣщалъ быть за него, но откровенно сознался, что голосъ его очень мало значитъ: — нынче, батюшка, насъ, стариковъ, совсѣмъ не слушаютъ.

Штатскаго сенатора Каленовъ засталъ у подъѣзда его квартиры выходящимъ на прогулку и, когда попробовалъ было изложить ему свою просьбу, то получилъ такой отпоръ, что со стыдомъ долженъ былъ ретироваться. Долго ли, коротко ли, но дѣло наконецъ рѣшилось, и Каленовъ, послѣднею инстанціею суда былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ, но безъ лишенія правъ. Явился онъ для разсчета къ оберъ-секретарю и уже заранѣе приготовилъ десять двадцатипяти-рублевыхъ бумажекъ. Онъ засталъ его въ передней, уже въ пальто, уходящимъ со двора и послѣ взаимныхъ привѣтствій и благодарностей, прямо спросилъ:

— Ну-съ, такъ сколько прикажете?

Секретарь далъ прежній неопредѣленный отвѣтъ, и Каленовъ, думая что-нибудь выторговать изъ назначенной имъ самимъ суммы, предложилъ ему протянуть руку и началъ, по одной, класть въ нее свои двадцатипяти-рублевки. Оберъ-секретарь спокойно дождался, пока была положена послѣдняя бумажка, и весьма любезно заявилъ, что ужь теперь довольно. Такъ они и распрощались, разсыпавшись другъ передъ другомъ въ любезностяхъ.

— Спасибо и за это,—говорилъ впослѣдствіи Каленовъ, другой пожалуй запросилъ бы больше.

На этотъ приговоръ, должно быть, уже некуда было подавать апелляцію, и, въ ожиданіи исполненія его, Каленовъ поспѣшилъ возвратиться въ Бѣлый. Немедленно по пріѣздѣ, онъ пожертвовалъ городской домъ свой въ казну, въ пользу острога и даже на свой счетъ сдѣлалъ въ немъ желѣзныя рѣшетки на всѣхъ окнахъ. Въ этомъ домѣ онъ и отсидѣлъ все время своего заключенія.

Въ описываемое время Каленовъ былъ женатъ уже на третьей женѣ, Елизаветѣ Степановнѣ, рожденной Малама, на которой женился что-то очень скоро послѣ смерти второй. Вообще нельзя не удивляться, что этотъ своенравный и жестокій человѣкъ былъ необыкновенно счастливъ въ своихъ супругахъ. Я говорилъ уже, что вовсе не зналъ моей тетки, но обѣихъ другихъ супругъ его я зналъ очень хорошо и постоянно удивлялся кротости и чисто ангельскому терпѣнію ихъ. Уже много лѣтъ послѣ смерти Авдотьи Петровны, второй супруги Каленова, я какъ-то былъ въ деревнѣ у моего двоюроднаго брата, а ея пасынка. На письменномъ столѣ его стоялъ ея портретъ, на оборотной сторонѣ котораго рукою пасынка ея были начертаны трогательные стихи Некрасова:

Но не была душа твоя безстрастна,
Она была упорна и прекрасна...

Эта немногословная надпись прекрасно выражаетъ характеръ покойницы и свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ, которыя она пробуждала. Я помню, что, прочтя эту надпись, я испыталъ сильное и глубокое впечатлѣніе.

Еще болѣе лѣтъ спустя, я часто видѣлся съ третьей женою Александра Львовича, Елизаветою Степановною. Я до сихъ поръ не могъ забыть того впечатлѣнія, которое производила та красота и то терпѣніе, съ каковыми она переносила причуды уже въ то время постоянно больнаго и сдѣлавшагося еще болѣе своенравнымъ старика.

Между тѣмъ, со всѣми своими дѣтьми отъ первыхъ двухъ браковъ Каленовъ окончательно разошелся. О причинахъ неудовольствій между нимъ и старшею дочерью — сказано выше; почему оставили его впослѣдствіи дѣти его отъ второй жены, мнѣ неизвѣстно, а исторію ссоры его со старшимъ сыномъ я разскажу въ особой главѣ, которую намѣренъ посвятить описанію этой тоже въ своемъ родѣ оригинальной личности. Александръ Львовичъ Каленовъ умеръ въ 1880 году, семидесяти трехъ лѣтъ, въ одинъ и тотъ же годъ съ своимъ старшимъ сыномъ.

Лѣтъ за двадцать до смерти Александра Львовича, мнѣ привелось быть по службѣ въ городѣ Бѣломъ, послѣ долгаго промежутка времени, въ теченіе котораго я его вовсе не видалъ. Въ этотъ промежутокъ произошло все то, что разсказано выше, и въ это же время онъ окончательно разошелся со своимъ старшимъ сыномъ, съ которымъ я находился въ постоянныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ. Я зналъ, что Каленовъ уже не живетъ въ деревнѣ и что онъ выстроилъ себѣ въ городѣ домъ, въ который и переселился, уничтоживъ въ деревнѣ собственноручно все то, чего не могъ перевезти. Онъ, вооружившись топоромъ, самъ изрубилъ въ куски всѣ растенія своей оранжереи и собственными руками обдралъ во всѣхъ комнатахъ обои. Въ городѣ, ни у кого не разспрашивая, мнѣ было легко узнать его домъ по тому стилю и вкусу, которыми онъ рѣзко отличался отъ другихъ домовъ уѣзднаго города. Когда я позвонилъ у входной двери, то ее отворилъ мнѣ самъ старикъ, уже много за это время измѣнившійся, обросшій бородою и сѣдой, какъ лунь. Онъ узналъ меня сразу. «Откуду мнѣ сіе?»—сказалъ онъ, раскрывъ объятія, и меня съ первой минуты охватило тѣмъ радушіемъ, которое онъ такъ умѣлъ оказывать. Все свободное время пребыванія моего въ Бѣломъ я проводилъ у него и, когда случалось, какъ говорится, отвернуться, то немедленно отправлялся гонецъ разъискивать меня по всему городу. Въ то время старикъ почти цѣлый день проводилъ въ мягкомъ креслѣ, не снимая халата и такимъ образомъ усѣвшись, непремѣнно что-нибудь мастерилъ: либо поправлялъ часы, либо выпиливалъ изъ мѣди разныя фигурки, а въ то же время разсказывалъ, вспоминалъ, и разсказы его были неистощимы. Свой деревенскій домъ въ Александринѣ онъ, какъ

я уже говорилъ, совершенно забросилъ и, когда я хотѣлъ съѣздить туда для того, чтобы взглянуть на то мѣсто, гдѣ протекли чуть не единственныя въ моей жизни сладкія минуты, то онъ, махнувъ рукою и задумавшись, сказалъ мнѣ: «не ѣзди! мерзость запустѣнія!» Очень своеобразны были въ то время его отношенія къ крестьянамъ. Какъ я уже говорилъ, при крѣпостномъ правѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся тирановъ; въ это же время, о которомъ я говорю теперь, у него, что называется, не было отбою отъ крестьянъ, и своихъ, и чужихъ, которые пріѣзжали къ нему просить въ займы хлѣба, иногда изъ довольно далекихъ деревень. Займы эти происходили тоже довольно оригинально. Сидитъ, напримѣръ, Каленовъ, въ своемъ обычномъ креслѣ, глубоко о чемъ-то задумавшись, а передъ нимъ стоитъ толпа мужиковъ. «Батюшка Александра Львовичъ, надо бы намъ ржицы подъ росписку».—«Нѣтъ! ржи нельзя; а когда хотите ячменю, то дамъ».—«Да на что же намъ ячмень, батюшка, намъ бы ржицы».—«Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! ячменю! ячменю!»—кричитъ своимъ убѣдительнымъ голосомъ Каленовъ, и мужики берутъ ячмень и уходятъ. Одинъ разъ, какъ-то придя къ нему, я засталъ его по обыкновенію сидящимъ и задумчиво разглядывающимъ какую-то бумажку, которую онъ вертѣлъ въ рукахъ и долго поворачивалъ во всѣ стороны. Передъ нимъ стояло нѣсколько мужиковъ. «Нѣтъ! нѣтъ! нельзя!»—заговорилъ онъ наконецъ, —«привезите другую росписку!» Мужики стали чесать затылки: «да далеко ѣхать, батюшка, ужь не будешь ли ты милостивъ какъ-нибудь ее передѣлать?»—«Нельзя! нельзя! идите! идите!» Мнѣ стало жалко мужиковъ, и я попробовалъ заступиться за нихъ и сказать, что несоблюденіе какой-нибудь пустой формальности не можетъ имѣть значенія. Старикъ даже разсердился и, подавая мнѣ бумажку, сказалъ: «ну, а что же вы-то, въ гражданской палатѣ (тогда мировыхъ судей еще не было), скажете, когда вамъ будетъ представлена такая росписка? Посмотрите сами: «а вмѣсто ихъ неграмотныхъ Дьякинскій Бѣлявскій» и больше ничего». Такъ и не далъ Александръ Львовичъ хлѣба этимъ мужикамъ, и они покорно ушли, не изъявляя никакого неудовольствія, что̀ въ то время случалось не особенно часто.

Въ другой разъ я съ любопытствомъ и съ наслажденіемъ, похожимъ на то, которое ощущаешь, слушая веселый водевиль, прослушалъ оригинальную сцену его дипломатическихъ переговоровъ съ однимъ бѣльскимъ мѣщаниномъ, имѣвшимъ прозвище, или фамилію: Пузырь. Пузырь этотъ тоже былъ личностью довольно характерною и, сколько я могъ понять изъ ихъ разговора, былъ на Каленова въ претензіи за то, что онъ не хотѣлъ отдавать ему въ этомъ году, въ наемъ, тѣхъ луговъ, которые онъ, Пузырь, постоянно у него нанималъ; такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ. Цѣлью же Каленова было заставить Пузыря набавить цѣну. Пузырь вошелъ въ комнату и остановился у двери. Важно, пріятно и

краснорѣчиво проговорилъ онъ свое привѣтствіе. «Здравствуй, здравствуй, старина» — отвѣчалъ Каленовъ. — «Елизавета Степановна! подай-ка Пузырю наливки».— «Да я жъ наливки-то не хочу?» — «Ну, вздоръ, вздоръ хочешь. Подай!» Стоитъ Пузырь и похлебываетъ наливку, а между тѣмъ ведутся переговоры, и каждый себѣ на умѣ, что со стороны видно очень ясно.—«Нѣтъ»,—говоритъ Пузырь,—ужь вы лучше отдайте Андрею Сидящему (фамилія другаго мѣщанина, также желавшаго нанять луга.)— «Да не хочу я Андрею Сидящему, хочу Пузырю стоящему»,—говоритъ Каленовъ, и я, разумѣется, не помню, чѣмъ кончился разговоръ, а привелъ его только для большей полноты и яркости того портрета, который пишу.

Въ зимніе вечера Елизавета Степановна любила заниматься шитьемъ башмаковъ. Не знаю, дѣлала она, или нѣтъ, какое-либо практическое употребленіе изъ этого занятія, но помню, что въ то же время, когда я бывалъ ежедневно у Каленовыхъ, по вечерамъ къ нимъ приходилъ военный врачъ, докторъ Сельванъ, который помогалъ ей шить башмаки и вмѣстѣ съ этимъ учился у нея этому искусству. Сидимъ мы, бывало, всѣ за столомъ, а старикъ смотритъ на работу жены, и вдругъ нападетъ на него меланхолія. «Моя первая жена», — начинаетъ онъ,— была барыня; моя вторая жена была барыня, а моя третья жена... тоже сначала была барыня, а теперь вотъ чѣмъ занимается».

Въ то время, о которомъ я говорю, происходили первые выборы въ земскіе гласные, и я, сдѣлавшись послѣ смерти моего отца также землевладѣльцемъ Бѣльскаго уѣзда, принималъ въ нихъ участіе. Явился на выборы и Александръ Львовичъ. Вдругъ въ самомъ началѣ собранія, старинный и самый заклятый врагъ Каленова, П. М. Колечицкій заявляетъ, что онъ не имѣетъ права участвовать въ выборахъ, потому что былъ подъ судомъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Задѣтый за живое, Каленовъ заговорилъ своимъ сильнымъ, гибкимъ и увѣреннымъ голосомъ, но, будучи незнакомъ съ положеніемъ о земскихъ выборахъ, говорилъ вовсе не то, чтò бы слѣдовало. Онъ началъ доказывать, что послѣ освобожденія крестьянъ дѣла подобныя тому дѣлу, за которое онъ судился, должны быть забыты и что позорнаго ничего не было въ томъ поступкѣ, за который онъ былъ наказанъ. «Я высѣкъ мужика кнутомъ»,—говорилъ онъ, —только потому, что не было розогъ, а розгами въ то время сѣкли всѣ, и никому въ вину это не ставилось». Колечицкій снова подошелъ къ столу и, обратясь уже прямо къ Каленову, съ которымъ лѣтъ двадцать не говорилъ ни слова, просилъ его не думать, чтобы его заявленіемъ руководили личныя отношенія, и кромѣ того не забывать, что даже и въ то время, о которомъ онъ только-что говорилъ, не всѣ раздѣляли его взгляды на вещи. «Не такъ-съ!»—рѣзко отвѣчалъ Каленовъ,—«заявленіе ваше вы сдѣлали изъ личности противъ меня, а мужиковъ вы сѣкли точно такъ

же, какъ и другіе, только можетъ быть руками вашего управляющаго или старосты, что все равно». Въ числѣ избирателей находился одинъ профессоръ химіи, Д. Н. Абашевъ. Послѣ рѣчи Каленова онъ, хотя никогда не былъ съ нимъ знакомъ, сталъ вокругъ него похаживать и глядѣлъ на него съ явнымъ выраженіемъ сочувствія. Уже впослѣдствіи Абашевъ, въ разговорѣ со мною, припомнивъ вышеописанную сцену, говорилъ, что именно въ словахъ Каленова выразилась настоящая сила и что словомъ можно назвать только такія именно рѣчи, а не тѣ пустыя фразы современныхъ дѣятелей, которыя поются на одинъ и тотъ же гуманный или либеральный ладъ. На выборы Каленова допустили и тѣмъ польстили самолюбію старика, но отъ общественной дѣятельности онъ вообще и самъ уклонялся.

По поводу только что разсказанной сцены я припоминаю, что въ то время и кромѣ Каленова было много оригиналовъ, остатковъ прежняго времени; но объ этихъ личностяхъ я поговорю впослѣдствіи, если мнѣ придется продолжать мои воспоминанія, и посвящу каждой изъ нихъ особый отдѣлъ, по мѣрѣ близости къ нимъ моихъ личныхъ отношеній.

Каленовъ и въ старости не могъ угомониться, и еще долгое время разсказывались анекдоты о разныхъ штукахъ, которыя онъ продѣлывалъ по временамъ съ тою или другою личностью, непремѣнно изъ числа общественныхъ дѣятелей. Такъ какъ не многіе изъ этихъ анекдотовъ остались въ моей памяти, а нѣкоторыя изъ его штукъ даже вовсе не остроумны, то я не буду ничего говорить о нихъ, а лучше разскажу все то, что осталось въ памяти изъ личныхъ моихъ воспоминаній, относящихся къ разнымъ періодамъ времени. Когда въ 1849 году, Каленовъ опредѣлилъ старшаго сына своего въ гимназію, то, разумѣется, сейчасъ же перезнакомился со всѣмъ начальствомъ и учителями ея. Каждому изъ нихъ онъ сумѣлъ оказать какую-нибудь любезность, кому словами, а кому и веществомъ, и между прочимъ нашему грозному инспектору Ѳедоту онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній предложилъ въ подарокъ прекрасные золотые часы. Ѳедотъ долго отказывался, но было замѣтно, что часы его искушали, и Каленовъ прямо объявилъ, что онъ ихъ назадъ не возьметъ, «а если они вамъ не нравятся, то возьмите ихъ и разбейте». Въ отвѣтъ на это Ѳедотъ взмахнулъ рукою, въ которой держалъ часы, и очень любезно опустилъ ихъ—въ свой карманъ. Въ 1853 году Каленовъ привезъ того же сына въ Москву для опредѣленія въ университетъ. Я уже поступилъ туда же недѣлю раньше и во время пребыванія дяди въ Москвѣ, продолжавшагося недѣли двѣ, каждый день бывалъ у него. Цѣлый почти день, бывало, водилъ онъ насъ, то-есть сына и меня, по магазинамъ, въ которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе покупать все, что только попадалось ему на глаза — и нужное и ненужное.

Въ заключеніе скажу, что ничѣмъ, кромѣ добра, не могу помянуть покойнаго Александра Львовича, и пусть судятъ другіе о томъ, каковъ онъ былъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разладъ между словомъ и дѣломъ въ новомъ поколѣніи.—Тайная свадьба.—Архіереи Антоній и Іоаннъ.—Уголовное дѣло по поводу нѣмца.

Въ предыдущей главѣ я довольно часто упоминалъ о сынѣ той оригинальной личности, которую въ ней описывалъ, то-есть о моемъ двоюродномъ братѣ В. А. Каленовѣ. Эта личность была тоже недюжинная, и воспоминаніямъ о ней я хочу посвятить настоящую главу. Какъ въ предыдущихъ описаніяхъ, такъ и здѣсь, я буду стараться только быть возможно болѣе безпристрастнымъ, но не могу ручаться, чтобы это удалось мнѣ въ той же мѣрѣ, потому что наши отношенія съ тѣмъ лицомъ, о которомъ я буду говорить въ этой главѣ, совершенно особыя, и, говоря о немъ, мнѣ невольно придется говорить и о себѣ самомъ. Буду по мѣрѣ возможности правдивымъ.

Есть русская пословица: «яблоко отъ яблони недалеко падаетъ». Чаще всего пословица эта вспоминается и повторяется тогда, когда говорятъ о сходствѣ между дѣтьми и родителями. Сходство это дѣйствительно почти всегда существуетъ или въ чертахъ лица, или въ характерѣ, но случается также и то, что два лица или два характера, какъ-будто и схожіе по внѣшности другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно различны. Тутъ уже приходится припоминать другую пословицу: «тѣхъ же щей да пожиже влей». Мысли, выражаемыя обѣими пословицами, сами собою рождались въ головѣ каждаго человѣка, когда-либо видѣвшаго старика Каленова, при первомъ взглядѣ на сына. Онъ, пожалуй, и напоминалъ отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ была во всемъ большая разница— и въ чертахъ лица, и во всей фигурѣ.

Какъ я уже говорилъ выше, я увидѣлъ въ первый разъ въ жизни моего единственнаго двоюроднаго брата только въ 1849 году, то-есть тогда, когда ему было уже пятнадцать лѣтъ, такъ какъ онъ былъ старше меня ровно двумя годами. Поступивъ въ четвертый классъ гимназіи, Каленовъ сталъ моимъ товарищемъ. Въ то время при гимназіяхъ существовали дворянскіе пансіоны, впослѣдствіи уничтоженные, а теперь, кажется, опять возстановленные. Мы, то-есть я и мои два родные брата, поступившіе въ гимназію въ одно время со мною, были въ этомъ самомъ пансіонѣ, и туда же поступилъ и В. Каленовъ. Помню, что въ качествѣ родственника и одноклассника я ревниво претендовалъ на исключительность дружбы его и очень огорчался тѣмъ, что не могъ ея добиться. Учился онъ бойко и быстро схватывалъ все; на экзаменахъ каждый годъ получалъ награды, а при выпускѣ — серебряную медаль. Кромѣ того. онъ

очень хорошо рисовалъ и уже въ гимназіи писалъ очень гладкіе стихи, а одно время даже издавалъ какой-то юмористическій рукописный журналъ. Скоро послѣ поступленія его въ гимназію, обстоятельства заставили отца моего взять насъ изъ пансіона, и мы поселились въ нашемъ городскомъ домѣ уже въ качествѣ вольноприходящихъ гимназистовъ. Это еще болѣе разъединило насъ, потому что такъ называвшіеся пансіонеры считали себя привилегированнымъ классомъ ученическаго общества и не очень сближались съ приходящими. Наконецъ, въ маѣ 1853 г., наступилъ выпускной экзаменъ, и мы вмѣстѣ съ Каленовымъ окончили гимназическій курсъ, а въ августѣ того же года вмѣстѣ же поступили на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Почему, не имѣя на то ни малѣйшаго желанія, я попалъ на медицинскій факультетъ—объ этомъ будетъ сказано впослѣдствіи, что же касается Каленова, то онъ поступилъ туда исключительно по волѣ своего отца. Какимъ образомъ зародилась эта мысль въ головѣ отставнаго уланскаго офицера и почему онъ упорно держался ея — я положительно не понимаю, но очень хорошо помню, какъ краснорѣчиво убѣждалъ онъ также и меня сдѣлать то же самое, причемъ не жалѣлъ даже поэтическихъ красокъ. По какой причинѣ самъ Каленовъ, положительно не имѣвшій никакого расположенія къ медицинѣ (что впослѣдствіи и обозначилось очень рѣзко), не выражалъ по этому поводу никакого протеста — этого я также не могу понять; но скорѣе всего причиною этою было то, что въ то время онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, на какой факультетъ онъ поступитъ.

Послѣ выхода моего изъ университета въ 1855 году, В. Каленовъ еще оставался тамъ, но я уже не видался съ нимъ до 1860 года. Вотъ то, что произошло съ нимъ за это время. Хотя онъ и выдержалъ экзаменъ съ перваго курса на второй, но нежеланіе учиться медицинѣ все-таки сказалось и даже довольно скоро, потому что на третій курсъ онъ уже не перешелъ. Кажется, въ это же самое время отецъ его, разсердившійся на сына за настоятельное требованіе не препятствовать браку сестры, перестаѣлъ за него платить въ университетъ и посылать ему деньги. Каленовъ долженъ былъ выйти изъ университета и очутился между небомъ и землею. Когда, въ 1856 году, тотъ полкъ, въ которомъ я служилъ, стоялъ лагеремъ на Ходынскомъ полѣ, то одинъ разъ я просилъ одного изъ моихъ товарищей-юнкеровъ, москвича, отправлявшагося въ городъ, провѣдать о томъ, что дѣлается съ Каленовымъ. Товарищъ этотъ узналъ, что онъ уже не въ университетѣ и живетъ съ однимъ также отставнымъ студентомъ, Жоховымъ, въ Брюсовскомъ переулкѣ, въ очень бѣдственномъ положеніи. Мое собственное тогдашнее положеніе было немногимъ лучше, и я не имѣлъ возможности не только оказать ему какую-либо помощь, но даже просто навѣстить его. Впослѣдствіи

Каленовъ много разсказывалъ мнѣ объ этомъ бѣдственномъ времени своего существованія.

Шинель они надѣвали по очереди для того, чтобы, съ ведромъ подъ полою, сходить въ такъ называемый обжорный рядъ за пищею, что́, впрочемъ, дѣлалось довольно рѣдко, потому что большею частью купить было не на что. Выручилъ его изъ этого тяжелаго положенія его двоюродный братъ по отцу А. А. Соловцовъ, молодой офицеръ военныхъ инженеровъ, который проѣздомъ былъ въ Москвѣ и вздумалъ его отыскать.

Каленовъ наслѣдовалъ отъ отца своего ту способность, которая называется мастерствомъ на всѣ руки, но, какъ человѣкъ, получившій лучшее, нежели тотъ, образованіе, во многомъ далеко превосходилъ отца. Онъ точно также былъ и механикомъ, и столяромъ, и рѣзчикомъ, но, кромѣ того, хорошо рисовалъ, а также недурно зналъ музыку, тогда какъ отецъ его и понятія не имѣлъ объ этихъ художествахъ.

Не могу сказать, какимъ способомъ и на какія средства, но только Каленовъ уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы поступить на факультетъ восточныхъ языковъ тамошняго университета, что̀, по его словамъ, онъ и сдѣлалъ. Мнѣ положительно неизвѣстно, какъ существовалъ онъ тамъ первое время, и онъ самъ никогда не разсказывалъ мнѣ объ этомъ, но я знаю, что въ Петербургѣ были у него близкіе родственники, люди съ довольно важнымъ положеніемъ и хорошими средствами. Съ отцомъ своимъ онъ въ то время былъ уже въ окончательномъ разладѣ, который такъ и не прекратился до самаго конца жизни обоихъ. Кто-то въ Петербургѣ объяснилъ В. Каленову, что онъ уже граждански совершеннолѣтенъ, а, между тѣмъ, отецъ его безотчетно владѣетъ имѣніемъ его матери, принадлежащимъ въ настоящее время ему, и что онъ имѣетъ полное право имѣніе это отъ отца отобрать. Не долго раздумывая, Каленовъ отправился въ городъ Духовщину, въ уѣздѣ котораго находилось вышесказанное имѣніе, довольно значительное. Тамъ онъ узналъ, что у отца имѣются векселя его покойной матери, на сумму, превышающую стоимость самаго имѣнія, но какой-то опытный дѣлецъ, вмѣстѣ съ этимъ, сообщилъ ему, что векселя эти фальшивые, что они были написаны уже послѣ ея смерти и подписаны, хотя и ея рукою, но рукою уже мертвою, которою водила по бумагѣ другая рука, принадлежавшая лицу тоже довольно близкому къ Каленову и въ то время находившемуся еще въ живыхъ. Каленовъ немедленно написалъ къ этому лицу, весьма ясно изложилъ тѣ послѣдствія, которымъ оно можетъ подвергаться, если дѣло будетъ начато, и въ отвѣтъ получилъ письмо, служившее яснымъ доказательствомъ справедливости сообщенія. Видя, что ему будетъ очень легко

заставить родителя своего вторично прогуляться въ департаментъ министерства юстиціи, Каленовъ обратился къ уѣздному предводителю дворянства, прося его уладить дѣло миролюбно. Предводителемъ тогда былъ Н. И. Пот—нъ, который охотно взялся за это дѣло и, поведя его умѣло и энергически, добился скоро, что старикъ Каленовъ прислалъ ему разорванные векселя, и В. Каленовъ вступилъ во владѣніе принадлежавшимъ ему имѣніемъ. Почувствовавъ подъ ногами твердую почву, Каленовъ собралъ сколько можно и, кажется, что не особенно мало денегъ и отправился въ Петербургъ. Было это въ 1857-мъ или или 1858-мъ году, то-есть какъ разъ въ то время, когда въ Петербургѣ начинали происходить безпрестанно разныя литературныя и нелитературныя движенія; однимъ словомъ, въ то время, въ воспоминаніе о которомъ остались знаменательныя слова: «въ настоящее время, когда...». Кажется, въ компаніи съ какимъ-то другимъ студентомъ, а можетъ быть и одинъ, навѣрное не помню, Каленовъ затѣялъ издавать журналъ, носившій названіе «Народной Бесѣды». Мнѣ не случалось видѣть ни одной книжки этого журнала, и потому я не могу ничего сказать о томъ, каковъ онъ былъ, но въ «Современникѣ», еще Панаевскомъ изданіи, читалъ объявленіе о томъ, что журналъ этотъ покончилъ свое земное странствіе—за неимѣніемъ подписчиковъ. Факультетъ восточныхъ языковъ былъ, само собою, разумѣется, давно позабытъ. Въ 1860-мъ году Каленовъ жилъ въ имѣніи своемъ, въ сельцѣ Алферовѣ, но все еще продолжалъ говорить, что вернется въ Петербургъ для окончанія курса въ университетѣ. Такъ какъ я далъ обѣщаніе быть правдивымъ, то не могу скрыть, что въ это время я сталъ замѣчать въ Каленовѣ кое-что такое, чего никакъ не ожидалъ видѣть въ немъ и что мнѣ очень не нравилось. 1860-й годъ хотя и былъ кануномъ освобожденія крестьянъ, но прежній, тягостный порядокъ отношеній все еще продолжался, и уже многіе громко сомнѣвались въ томъ, чтобы онъ когда-нибудь могъ измѣниться. Однако, положеніе этихъ отношеній все-таки было очень напряженное, и даже старые помѣщики, въ природу которыхъ уже въѣлись привычки крѣпостнаго права, жили, въ то время, какъ-будто спустя рукава, и старались не проявлять ихъ, по мѣрѣ силъ и возможности. Каково же было мое удивленіе, когда мой товарищъ и современникъ, человѣкъ, еще такъ недавно бойко и краснорѣчиво проповѣдывавшій свободу и эмансипацію (тогдашнее модное слово), совершенно неожиданно оказался драчуномъ со своими крѣпостными людьми. Однажды выѣхали мы съ нимъ ночью и пріѣхали въ Алферово очень рано утромъ. Очень понятно, что въ комнатѣ было холодно, и Каленовъ, раскричавшись на своего крѣпостнаго лакея Кузьму, приказалъ ему немедленно же заняться топкою печей, а самъ продол-

жалъ сердиться. Оторопѣвшій Кузьма нагнулся для того, чтобы начать класть дрова въ печь, а Каленовъ, подпрыгивая вокругъ него, билъ его ногами куда попало. При маленькомъ ростѣ помѣщика впечатлѣніе производилось нѣсколько комичное, но... вмѣстѣ съ тѣмъ, и отвратительное. Я, конечно, не замедлилъ выразить мое удивленіе по поводу разногласія между словомъ и дѣломъ, но Каленовъ довольно равнодушно и даже нѣсколько цинично относился къ этому. Въ тотъ же вечеръ мы съ нимъ были въ гостяхъ у однихъ сосѣдей и, на вопросъ, тепло ли у него въ домѣ, Каленовъ очень остроумно отвѣчалъ, что было холодно, но теперь тепло, потому что Кузьма вытопилъ печь, а для этого онъ сперва вытопилъ Кузьму. Разсказываю я все это, конечно, не для того, чтобы вызвать осужденіе памяти того лица, о которомъ говорю: вѣроятно, въ то время и не одинъ Каленовъ былъ такимъ, какъ всѣ, и, слѣдовательно, былъ лучше другихъ. Вовсе нѣтъ. А разсказалъ я эту подробность затѣмъ, чтобы возможно живѣе и вѣрнѣе изобразить то время и, чтобы тому, кто прочтетъ эти воспоминанія, даже и чрезъ много лѣтъ, было ясно, что все здѣсь разсказанное дѣйствительно было, и, слѣдовательно, писавшій ихъ не лгалъ и не фантазировалъ. Не знаю, подѣйствовали или нѣтъ слова мои на Каленова, но, очень скоро, вслѣдъ за этимъ, раздался тотъ знаменитый благовѣстъ, который носитъ названіе «девятнадцатаго февраля», и, слѣдовательно, подобныя явленія вдругъ, сами собою, сдѣлались невозможностью.

Впечатлѣнія и мысли мои, относящіяся ко времени освобожденія крестьянъ, будутъ разсказаны въ свое время, а теперь я буду продолжать повѣствованіе о дальнѣйшихъ отношеніяхъ моихъ къ Каленову и, вообще, о его судьбѣ.

Недалеко отъ имѣнія Каленова жилъ въ то время одинъ достойнѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ, отставной полковникъ конной артиллеріи С. П. Римскій-Корсаковъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ то время жили: мать его, слѣпая старуха, но еще сохранившая остатки прежняго самовластія, грозная барыня, и двѣ дѣвицы-племянницы, круглыя сироты, имѣвшія довольно хорошее состояніе, находившееся въ опекунскомъ управленіи дяди. Сергѣй и Николай Петровичи Корсаковы были родными братьями второй жены Александра Львовича Каленова, и, слѣдовательно, дѣвицы-племянницы, въ отношеніи къ моему двоюродному брату, были: родными племянницами его мачихи. Я нарочно подчеркиваю эти слова, для того, чтобы на ихъ смыслъ было теперь же обращено вниманіе, такъ какъ это необходимо для послѣдующаго разсказа. Между Каленовымъ и младшею изъ дѣвицъ Римскихъ-Корсаковыхъ, Анною Николаевною, съ дѣтскихъ лѣтъ существовала любовь, которая не была секретомъ ни для кого изъ близкихъ имъ. Въ то время, на

которомъ разсказъ остановился, Каленовъ рѣшился жениться на ней и, какъ-то разъ, будучи въ Смоленскѣ, сообщилъ объ этомъ мнѣ и вмѣстѣ просилъ меня быть его шаферомъ во всякомъ случаѣ, то-есть несмотря ни на какія препятствія. При этомъ Каленовъ разсказалъ мнѣ, что ихъ приходскій священникъ ни за что не соглашается вѣнчать его, находя между имъ и его невѣстою близкое родство. Я посовѣтовалъ Каленову обратиться къ архіерею, которымъ, въ то время, былъ Антоній, «украшеніе русской церкви» [1]), впослѣдствіи архіепископъ казанскій. То же самое, впрочемъ, совѣтывали ему всѣ тѣ, кто зналъ его намѣреніе, а невѣста даже ставила непремѣннымъ условіемъ. Поѣхалъ Каленовъ къ его преосвященству и отъ него возвратился ко мнѣ для того, чтобы сообщить о результатѣ поѣздки. Архипастырь не внялъ никакимъ доказательствамъ и прямо объявилъ, что между желающими сочетаться бракомъ стоитъ непреодолимое препятствіе, именумое свойствомъ первой степени, причемъ выразилъ ту мысль, что человѣческая любовь должна находиться въ предѣлахъ кормчей книги. Отказъ въ архипастырскомъ разрѣшеніи имѣлъ послѣдствіемъ такое оглашеніе дѣла, что, когда Каленовъ хотѣлъ попытаться найти какого-либо другаго священника, то, объѣздивъ два сосѣднихъ уѣзда, не нашелъ ни одного, который бы уже не зналъ, что архіерей запретилъ этотъ бракъ.

Нечего дѣлать, поѣхалъ Каленовъ въ Петербургъ, думая, что тамъ будетъ имѣть возможность получить разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. По рекомендаціи одного своего родственника, занимавшаго значительный постъ, онъ добился аудіенціи у высокопреосвященнѣйшаго Исидора, и глубокочтимый іерархъ-человѣкъ сказалъ ему, что, съ своей стороны, онъ не видитъ той степени свойства, которую признаетъ епархіальный архіерей и, что, если бы это происходило въ его собственной епархіи, то онъ непремѣнно разрѣшилъ бы бракъ, но что отъ Святѣйшаго Синода это разрѣшеніе не зависитъ. «Поѣзжайте домой и женитесь,—сказалъ онъ,—если найдете священника, который васъ обвѣнчаетъ, а если дѣло не обойдется безъ Святѣйшаго Синода, то бракъ будетъ признанъ законнымъ». Съ этимъ Каленовъ воротился домой.

Оставалось одно: устроить вѣнчанье гдѣ-либо внѣ предѣловъ епархіи «украшенія русской церкви», что̀ и было предположено сдѣлать. Добрый сосѣдъ В. Каленова, большой любитель всякаго рода необычайностей, далъ ему своего фактотума, какого-то прощалыгу, имѣвшаго репутацію великаго мастера устраивать всякіе браки, даже самые незаконные. Прощалыга этотъ получилъ отъ своего патрона строгое приказаніе немед-

---

[1]) Выраженіе это мною взято изъ историческаго журнала «Русская Старина», не помню какого именно года.

ленно отыскать попа и, кромѣ того, участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтеля. Попъ былъ отысканъ довольно скоро, и ѣхать вѣнчаться надо было верстъ за полтораста, въ смежную губернію.

Дядя и опекунъ невѣсты Корсаковъ, хотя и отказался лично участвовать въ поѣздкѣ, но постоянно сочувствовалъ этому браку, и оставалось только испросить благословенія слѣпой бабушки, о чемъ особенно заботилась невѣста, не знавшая, какъ приступить къ этому. Самовластная старуха, которую и Каленовъ называлъ также бабушкою, по привычкѣ съ дѣтства, такъ какъ онъ былъ пасынкомъ ея дочери, не одинъ разъ высказывала свое несогласіе на этотъ бракъ; но когда отъ нея хотѣли добиться прямаго отвѣта о причинахъ несогласія, то она отыгрывалась словами, и одинъ разъ, когда Каленовъ присталъ къ ней, что называется съ короткими гужами, отвѣчала: «оттого что ты, батюшка, прохвостъ; у тебя никакого чина нѣтъ». Къ всеобщему удивленію, когда ей наконецъ объяснили, что духовенство считаетъ препятствіемъ къ браку предполагаемое родство, она очень энергично отвѣтила: «вздоръ! найти попа и обвѣнчать!» Когда же ей объявили, что уже все это сдѣлано, то она благословила невѣсту и, такимъ образомъ, оставалось только отправляться въ путь; дядя не находилъ нужнымъ присутствовать при обрядѣ.

Немедленно послѣ сцены благословенія, поѣздъ нашъ, состоявшій изъ двухъ экипажей, отправился за полтораста верстъ въ село З—ну. Поѣздъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: женихъ и невѣста, само собою разумѣется, сестра невѣсты, сестра жениха, братъ жениха, студентъ филологическаго факультета Московскаго университета, Каленовъ, азъ многогрѣшный, милѣйшій студентъ медицинскаго факультета Любинскій, пріѣхавшій погостить въ деревнѣ, и вышеупомянутый прощалыга. Выѣхали майскимъ вечеромъ, погода была восхитительная, дорога прекрасная, и при этихъ-то благопріятныхъ условіяхъ приходилось ѣхать не менѣе двухъ сутокъ, потому что ѣхали на своихъ лошадяхъ съ остановками для покормки. Въ губернскомъ городѣ мы остановились не въ гостиницѣ, чтобы не обратить на себя всеобщаго вниманія, а на постояломъ дворѣ, за Днѣпромъ, въ отдаленной части города, и пробыли тамъ только время необходимое для отдыха лошадей, не выходя даже за ворота. Дальнѣйшій путь лежалъ по шоссе, и останавливались мы какъ можно чаще, чтобы не утомить лошадей. Пріятное было это путешествіе; во время остановокъ, мы осматривали все, что только было можно, и въ великолѣпномъ селѣ В—вѣ, тогда уже, къ сожалѣнію, находившемся въ упадкѣ, осмотрѣли знаменитую церковь и паркъ, а въ двухъ мѣстечкахъ, лежавшихъ по пути, въ сопровожденіи цѣлой толпы жидовъ, обошли синагоги и школы. На первоклассной почтовой станціи, мы ночевали, съ большимъ комфортомъ, и старикъ-смотритель все время

потѣшалъ насъ своими разсказами и прибаутками, ужасно суетился, желая доставить намъ всевозможныя удобства, а къ прощалыгѣ относился съ особеннымъ уваженіемъ и называлъ его папенькой. Наконецъ, пріѣхали мы въ село З., въ которомъ должно было произойти вѣнчанье. Мы подъѣхали къ дому священника. Внутренность жилища священника оказалась такою же опрятною, какъ и внѣшность, и на самомъ порогѣ насъ радушно встрѣтилъ хозяинъ со всею семьею. Священникъ сказалъ, что прежде всего онъ проситъ насъ, какъ гостей, напиться чаю и поужинать, а потомъ уже будетъ говорить о дѣлѣ. Ужинъ былъ великолѣпный, съ жареными вальдшнепами и старою польскою водкою, а посуда и столовое бѣлье, на которыхъ онъ былъ сервированъ, отличались, во-первыхъ, необычною для сельскаго священника роскошью, а во-вторыхъ, замѣчательною чистотою, за которую нельзя было не отдать чести ловкости и расторопности его супруги. Постели, приготовленныя ею же собственноручно для нашего ночлега, были изъ голландскаго полотна съ атласными одѣялами. Послѣ ужина, молодой священникъ объявилъ, что совершать вѣнецъ будетъ старикъ, его тесть, а онъ самъ только занесетъ бракъ въ метрическую книгу и, кромѣ того, отслужитъ обѣдню, за которою пріобщитъ жениха и невѣсту св. Тайнъ. Для исповѣди онъ пригласилъ ихъ пожаловать въ церковь немедленно и, взявъ шляпу, сказалъ, что будетъ тамъ ихъ ожидать. На возраженіе о томъ, что послѣ такого обильнаго ужина исповѣдываться нельзя, онъ отвѣчалъ, что это ничего не значитъ, и весьма категорически объявилъ, что безъ этого условія вѣнчанья не будетъ. По уходѣ священника, прощалыга засуетился; началъ что-то на ухо говорить Каленову, и оказалось, что когда онъ договаривался о вѣнцѣ, то первымъ вопросомъ священника было: не родня ли между собою женихъ и невѣста? Прощалыга клялся и божился священнику, что не родня, а необходимость вѣнчаться тайно объяснялъ тѣмъ, что у невѣсты есть жестокій дядя и опекунъ, который не соглашается на бракъ; а ее отъ него увезли. Было ясно, что хитрый священникъ не довѣрялъ показанію прощалыги и избралъ исповѣдь средствомъ, правду сказать, довольно вѣрнымъ, для того чтобы провѣрить его и вывѣдать правду. Явилось новое затрудненіе, и вотъ какое именно: невѣста, часто въ послѣднее время слушавшая разговоры о мнѣніи духовенства по поводу ея во ображаемаго родства съ будущимъ ея мужемъ, и сама подъ конецъ убѣдилась, что она ему дѣйствительно родня; когда ее предупредили, что на исповѣди непремѣнно будетъ сдѣланъ объ этомъ вопросъ, то она ни за что не соглашалась отвѣчать нѣтъ, думая, что этимъ солжетъ. Долго убѣждали ее въ томъ, что вѣдь родства и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, и что понятія самого духовенства объ этомъ предметѣ смутны и разно-

рѣчивы, и помогло только то, что приведенъ былъ авторитетъ митрополита. Подозрѣніе дѣйствительно подтвердилось, но дѣло уладилось.

По возвращеніи изъ обѣдни жениха и невѣсты, мы снова отправились въ церковь, уже всею компаніей пѣшкомъ, но торжественно и, по окончаніи обряда вѣнчанья, были угощены нашею молодою хозяйкою прекраснымъ завтракомъ и отличною домашнею наливкою, послѣ чего отправились въ обратный путь.

Все почти лѣто этого года я проводилъ то въ имѣніи молодыхъ супруговъ, то въ сосѣднемъ съ ними имѣніи Корсакова. Время проходило пріятно, беззаботно, какъ проходитъ оно только въ молодости, для насъ уже невозвратно минувшей.

Первые годы супружеской жизни Каленовыхъ шли довольно хорошо, хотя практическая сторона и прихрамывала. Подбитый какимъ-то очень бойкимъ и ловкимъ жидкомъ, В. Каленовъ задумалъ выстроить винокуренный заводъ и для этого занялъ у одного ростовщика, который, впрочемъ, когда-то былъ нашимъ общимъ товарищемъ по гимназіи, довольно значительную сумму подъ залогъ имѣнія жены, доставшагося ей по раздѣлу съ братомъ и сестрою. Ростовщикъ объявилъ, что можетъ дать ссуду только пятипроцентными банковыми билетами, курсъ которыхъ въ то время былъ очень низокъ, по нарицательной ихъ цѣнѣ. Заемъ этотъ совершался на моихъ глазахъ, и я, разумѣется, говорилъ Каленову, каковы, по моему мнѣнію, могутъ быть послѣдствія такого займа; но говорить что-либо Каленову, то-есть въ чемъ-либо его убѣждать, а тѣмъ болѣе заставить согласиться съ самою справедливою мыслью, это значило бросать горохъ въ стѣну. Впрочемъ, причина того, что заемъ этотъ, несмотря на его явную невыгодность, все-таки состоялся, была не одна, а причинъ этихъ была цѣлая куча. Главною изъ нихъ было то, что все это происходило въ первый годъ введенія акцизной системы, и что въ то время люди, мало въ этомъ дѣлѣ опытные, ожидали какихъ-то необычайно великихъ и богатыхъ милостей отъ винокуренія. Не одинъ Каленовъ, а очень многіе въ то время дѣлали самые сумасбродные займы для постройки заводовъ, и напрасно было бы говорить кому-либо изъ нихъ, что для того, чтобы получить отъ винокуренія какія-либо выгоды, надо знать хорошо это дѣло. Однимъ словомъ, Каленовъ построилъ заводъ и началъ курить вино. Первое время дѣло шло какъ будто хорошо, а такъ какъ торговля виномъ обыкновенно накопляетъ въ рукахъ торговца довольно значительное количество наличныхъ денегъ, то и у него очень часто водились довольно крупныя суммы, большею частью, впрочемъ, почти цѣликомъ подлежавшія вносу въ акцизъ.

Винокуреніе Каленова окончилось весьма печально. Не помню или, лучше сказать, просто не знаю, по какой причинѣ, но оно было остановлено на его заводѣ по распоряженію акцизнаго управленія, и за

какую-то казенную недоимку вся внутренность завода была продана съ публичнаго торга. Я очень плохой знатокъ дѣла винокуренія, а самъ Каленовъ никогда не говорилъ мнѣ, за что именно все то, что сказано выше, было сдѣлано, и поэтому я могу сказать только предположительно, что онъ или не уплатилъ акциза, или можетъ быть, увлекшись примѣромъ своего сосѣда, дѣлалъ на заводѣ какія-либо злоупотребленія.

Во все время отъ 1862 по 1870 годъ мы съ Каленовымъ сохраняли очень дружественныя отношенія. Въ этотъ періодъ времени произошелъ и тотъ съѣздъ дворянства, который былъ созванъ осенью 1862-го года бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ. Теперь, вѣроятно, помнящіе то время относятся къ нему насмѣшливо: еще очень недавно, одинъ изъ тогдашнихъ дѣятелей спросилъ у меня: «помните ли вы то время, когда вы съ Каленовымъ проповѣдывали конституцію»? Можетъ быть и самому мнѣ многое теперь кажется не тѣмъ, чѣмъ казалось тогда, но я очень хорошо помню, какъ бывшій нашъ общій учитель исторіи Витольдъ Андреевичъ Домбровскій, въ то время уже бывшій въ отставкѣ и участвовавшій въ этомъ съѣздѣ въ качествѣ землевладѣльца, сказалъ мнѣ: «Ну! многіе поумнѣютъ послѣ этого съѣзда». Я не буду описывать этотъ съѣздъ и скажу только, что Каленовъ былъ однимъ изъ замѣтныхъ его дѣятелей. Въ этотъ же періодъ времени возникло и земство, и Каленовъ былъ гласнымъ Духовщинскаго уѣзда, и его постоянно избирали секретаремъ земскаго собранія. Онъ взялся за дѣло съ охотою и любовью, и, редижируя дебаты уважаемыхъ духовщинскихъ гласныхъ или произнесенныя нѣкоторыми изъ нихъ рѣчи, онъ бойкимъ перомъ своимъ такъ искусно раскрашивалъ ихъ, что какой-нибудь малоопытный въ дѣлѣ слова, Иванъ Петровичъ или, до того времени не умѣвшій связать двухъ словъ Андрей Тимоѳеевичъ, слушая чтеніе журнала собранія, къ собственному удивленію открывалъ въ себѣ чуть не новаго Беррье или Тьера. Ему же, какъ секретарю, собраніе поручало печатаніе журналовъ своихъ засѣданій, для чего онъ на долго пріѣзжалъ въ губернскій городъ, и мнѣ случалось помогать ему держать корректуру, что̀ составляло немалый трудъ, такъ какъ единственная въ то время типографія была изъ рукъ вонъ плоха. Въ этотъ же періодъ писалъ Каленовъ свои бойкія статьи, печатавшіяся въ газетѣ «Голосъ». Статьи эти возбуждали много довольно серьезныхъ вопросовъ и одно время были очень популярны даже въ Петербургѣ, но, къ сожалѣнію, подъ конецъ стали наполняться мелочными нападками на личности и вообще размельчали.

Въ теченіе того же времени были и кое-какія происшествія, и для полноты очерка я хочу разсказать ихъ подробно и въ хронологическомъ порядкѣ.

Однажды, какъ-то, родная сестра моя, бывшая монахинею Вознесен-

скаго монастыря въ Смоленскѣ, просила меня пріѣхать къ ней какъ можно скорѣе, по очень важному дѣлу. Когда я пріѣхалъ — она разсказала мнѣ, что наканунѣ у нихъ въ монастырѣ былъ епископъ Антоній и говорилъ ей, что отецъ Каленова, описанный во второй главѣ этихъ воспоминаній, Александръ Львовичъ, прислалъ ему оффиціальное заявленіе о томъ, что сынъ его состоитъ въ незаконномъ бракѣ съ родною племянницею его покойной жены, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ довести обстоятельство это до свѣдѣнія духовнаго начальства, для того чтобы избавить свое имя отъ поношенія. Архіерей говорилъ также и о томъ, что всѣ лица, бывшія свидѣтелями брака, должны подлежать наказанію. Каленовъ былъ въ то время въ деревнѣ, и первою мыслью моею было сейчасъ же дать ему знать о грозившей опасности, но прежде я хотѣлъ попробовать лично объясниться съ архіереемъ и попросить его окончить дѣло какъ-нибудь попроще.

Заглянувъ кстати въ «Уложеніе о наказаніяхъ», я узналъ, что, въ случаѣ непризнанія брака законнымъ, дѣло можетъ окончиться не шуткою и что даже свидѣтелямъ брака грозитъ крѣпость, и, надѣвъ фракъ и Станислава на шею, отправился къ его преосвященству. Прежде я бывалъ у епископа Антонія и даже довольно часто, въ качествѣ гостя, но впослѣдствіи по нѣкоторымъ причинамъ пересталъ, и отъ другихъ лицъ мнѣ случалось слыхать, что онъ очень меня не жалуетъ. Я не очень, слѣдовательно, надѣялся на успѣхъ, и дѣйствительно архіерей принялъ меня очень холодно, и немедленно у него появился тотъ стеклянный взглядъ, который дѣлался у него всегда, когда онъ бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ; впрочемъ, довольно любезнымъ тономъ пригласилъ садиться и спросилъ, что мнѣ угодно. Вотъ нашъ разговоръ, довольно, по возможности, точно передаваемый по памяти.

— Позвольте спросить у вашего преосвященства, справедливо ли то, что А. Л. Каленовъ сдѣлалъ вамъ доносъ на своего сына и его жену?

— Что это значитъ доносъ?.. онъ написалъ мнѣ объ этомъ.

— Могу ли я спросить, что ваше преосвященство намѣрены дѣлать съ тѣмъ что онъ написалъ?

— Я сдалъ эту бумагу въ консисторію.

— Смѣю замѣтить вашему преосвященству, что этотъ отвѣтъ мнѣ ровно ничего не объясняетъ. Я въ консисторіи никогда не бывалъ и съ дѣлами подобнаго рода ни Каленовъ, ни я вовсе не знакомы. Я пришелъ просить у васъ совѣта и защиты, потому что, какъ вамъ должно быть извѣстно, и я также могу пострадать въ этомъ дѣлѣ.

— Не только вы (съ какимъ-то особымъ удареніемъ), но даже и священникъ того прихода, въ которомъ Каленовъ живетъ. Вѣдь онъ зналъ, что я не далъ ему разрѣшенія и что даже въ Петербургѣ Кале-

новъ ничего не добился: на его обязанности лежало давно уже донести мнѣ объ этомъ.

— Я позволю себѣ обратиться къ вашему преосвященству просто какъ къ человѣку. Вы вѣроятно согласитесь съ тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ женщина страдаетъ гораздо болѣе, нежели мущина, и что честный человѣкъ, имѣвшій несчастье поставить женщину въ такое положеніе, обязанъ употребить всѣ возможныя усилія для того, чтобы спасти ее?

— Пускай хлопочетъ.

— Могу я просить васъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы вы не дѣлали никакого распоряженія до тѣхъ поръ, пока я увѣдомлю Каленова?

— Я уже сдалъ бумагу въ консисторію.

— Вы прикажете мнѣ идти туда?

— Какъ вамъ угодно.

Видя, что не добьюсь отъ архіерея ровно ничего, я, правду сказать, съ довольно рѣзкимъ движеніемъ, всталъ со стула, поклонился и направился къ двери. Когда я уже былъ почти у выхода, архіерей вдругъ началъ говорить, и я конечно остановился.

— Когда будете увѣдомлять Каленова, то напишите ему, чтобы онъ не поступилъ съ своимъ приходскимъ священникомъ такъ, какъ Н. Е. Криш - фовичъ съ тѣмъ, который его вѣнчалъ: пусть онъ его обезпечитъ.

На это я отвѣчалъ «слушаю-съ» и ушелъ.

Возвратясь отъ архіерея, я сейчасъ же послалъ Каленову эстафетъ и хотя онъ и пріѣхалъ немедленно въ городъ, но къ обстоятельству этому отнесся совершенно равнодушно, что́ меня немало удивило; а когда я сказалъ ему, что его дочери грозитъ опасность называться не его именемъ, онъ отвѣчалъ: «ну, пусть себѣ ее назовутъ княжною Мещерской».

Чтобы отдать подобающую честь сердцу покойнаго архіепископа Антонія, я долженъ разсказать дальнѣйшій ходъ этого дѣла, а для этого мнѣ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и забѣжать за нѣсколько лѣтъ впередъ. Послѣ вышеописаннаго разговора епископъ Антоній оставался въ Смоленскѣ еще, кажется, около трехъ лѣтъ; о дѣлѣ не было ни слуха, ни духа, и мы всѣ, правду сказать, совершенно забыли о немъ. Уже года черезъ два послѣ его отъѣзда, я узналъ по особенному случаю, о которомъ сейчасъ разскажу, что все это время онъ не давалъ дѣлу никакого хода, и оно лежало въ консисторіи, какъ говорится, «подъ сукномъ», по его приказанію. А случай, давшій мнѣ возможность узнать это, былъ слѣдующій. Послѣ Антонія епископомъ въ нашъ городъ былъ назначенъ Іоаннъ, тоже, кажется, докторъ богословія. Этотъ господинъ сразу началъ переворачивать вверхъ дномъ все то, что было сдѣлано его предшественникомъ, а его самого безъ церемоніи называлъ «бархатною юбкою», намекая на любовь его къ дамскому об-

ществу. Много разсказывалось тогда анекдотовъ по поводу его страннаго и грубаго обращенія со всѣми и каждымъ, но я не буду повторять этихъ разсказовъ. Лично, я убѣдился только въ одномъ, что онъ былъ человѣкъ весьма желчнаго темперамента и изо всѣхъ силъ старался быть непремѣнно непохожимъ на всѣхъ другихъ архіереевъ. Случалось мнѣ слышать отъ его подчиненныхъ, въ особенности отъ сельскихъ священниковъ, бытъ которыхъ былъ для него какъ-будто непонятенъ, глубоко-негодующія рѣчи о немъ; но были такіе, которые хвалили его и говорили, что онъ любитъ во всемъ простоту и заботится исключительно о томъ, чтобы и другіе стремились къ этой добродѣтели. Но можно достовѣрно сказать, что если епископъ Іоаннъ и дѣйствительно имѣлъ своимъ идеаломъ какую-то простоту, то во всякомъ случаѣ не совсѣмъ ту, которую проповѣдуетъ Евангеліе, потому что послѣ смерти его остался значительный капиталъ въ процентныхъ бумагахъ. По поводу этого обстоятельства мнѣ припомнились наивныя слова одного сельскаго священника, говорившаго со мною объ Іоаннѣ скоро послѣ его смерти. «Хорошо ему было распекать насъ, да швырять нами какъ какими-нибудь полѣньями: вонъ послѣ него тридцать тысячъ осталось; вѣдь это если по тысячѣ въ годъ, такъ ему на тридцать лѣтъ бы хватило». Говорили, что онъ былъ очень уменъ, даже будто-бы умъ его далеко выходилъ впередъ изъ умовъ необыкновенныхъ; но объ этомъ я судить не берусь, потому что зналъ его очень мало, а изъ слышанныхъ мною его проповѣдей могъ убѣдиться только въ томъ, что онъ имѣлъ сильное желаніе казаться философомъ. Вотъ при этомъ архипастырѣ и произошло то, что будетъ разсказано ниже.

Былъ у меня сослуживецъ по гражданской палатѣ, такъ же, какъ и я, бывшій въ ней засѣдателемъ отъ дворянства, нѣкто М. Т. Петровскій, небогатый помѣщикъ. Человѣкъ онъ былъ пожилой и даже очень, имѣлъ уже почти взрослыхъ дѣтей и только-что овдовѣлъ. Привыкнувъ къ супружеской жизни, имѣя на рукахъ много дѣтей, въ томъ числѣ маленькихъ, онъ хотѣлъ непремѣнно вновь жениться, и одна очень милая дѣвица, тоже уже не первой молодости, жившая по сосѣдству съ нимъ, согласилась замѣнить его дѣтямъ ихъ умершую мать. Когда дѣло было рѣшено, то явилось неожиданное препятствіе, заключавшееся въ томъ, что священникъ того прихода, въ которомъ они жили, отказался вѣнчать ихъ, по той причинѣ, что невѣста крестила у жениха, не помню кого именно, сына или дочь. Видя въ этомъ пустую придирку, они обвѣнчались въ губернскомъ городѣ, и я не участвовалъ въ этой свадьбѣ, въ качествѣ шафера, только потому, что въ то время умеръ мой отецъ, и я ѣздилъ въ бѣльское имѣніе хоронить его. Прошло уже болѣе года, и у Петровскихъ родился сынъ. Въ одно прекрасное утро Петровскій, уже въ то время не служившій вмѣстѣ со мною, пріѣзжаетъ ко мнѣ и разсказы-

ваетъ, что одинъ всѣмъ извѣстный старый ябедникъ и кляузникъ, имѣвшій впрочемъ чинъ генералъ-маіора и титулъ сіятельства, сдѣлалъ архіерею доносъ на незаконность его брака и въ подтвержденіе заявилъ, что онъ самъ былъ воспріемникомъ сына или дочери Петровскаго вмѣстѣ съ его теперешней женой. Тотъ, кто когда-либо будетъ читать эти воспоминанія, вѣроятно замѣтитъ, что, излагая обстоятельства брака Петровскаго, я уже два раза сказалъ: сынъ или дочь. Произошло это отъ того, что я никакъ не могу припомнить, которое именно изъ двухъ обстоятельствъ должно было служить препятствіемъ къ браку, но очень хорошо помню, что только одно, а не оба; то-есть, напримѣръ, если бы крестила дочь, то было бы можно, а если сына, то нельзя, или наоборотъ.

Когда Петровскій узналъ о доносѣ, то поѣхалъ въ консисторію для того, чтобы справиться съ существующими на этотъ предметъ законами и, услышавъ тамъ то, что сказано выше, подумалъ, что его хотятъ морочить, и просилъ меня съѣздить въ консисторію вмѣстѣ съ нимъ. Я не могъ исполнить его желанія, потому что былъ боленъ и сидѣлъ въ заперти, но относительно того, что было ему сказано въ консисторіи, высказалъ предположеніе, что по всей вѣроятности оно такъ и есть, и дѣйствительно, должно быть, такой законъ существуетъ, если ему сказали. Желая найти какой-нибудь исходъ, Петровскій разсказалъ мнѣ, что жена его была только записана его кумою въ метрической книгѣ, но что въ дѣйствительности у купели стояла за нее ея тетка, старуха, что можетъ подтвердить и самъ доносчикъ. Петровскій просилъ моего совѣта, и я, предполагая, что философъ-архіерей отдастъ предпочтеніе сущности предъ формою, написалъ ему прошеніе въ этомъ смыслѣ, изложивъ обстоятельства, какъ они были мнѣ разсказаны самимъ Петровскимъ. Петровскій прямо отъ меня поѣхалъ къ архіерею для того, чтобы подать это прошеніе, а оттуда возвратился ко мнѣ сильно взволнованный и оскорбленный. Прошеніе его архіерей разорвалъ въ клочки и бросилъ на полъ, при чемъ кричалъ во все горло: «васъ тутъ всѣхъ избаловала эта бархатная юбка! вонъ тамъ Каленова дѣло четыре года лежитъ безъ движенія! я вамъ покажу, какъ съ вами надо поступать!». Разсказъ этотъ произвелъ и на меня впечатлѣніе не менѣе сильное, какъ на самого Петровскаго, и я далъ себѣ слово, какъ только выздоровѣю, непремѣнно съѣздить къ архіерею, и будь, что будетъ, отпѣть ему все, что накипѣло на душѣ. Недѣли черезъ двѣ Петровскій опять заѣхалъ ко мнѣ и показалъ предписаніе архіерея мѣстному становому приставу о томъ, чтобы онъ прекратилъ блудное сожительство Петровскаго съ его женой. Чрезъ недѣлю или немного болѣе, послѣ послѣдняго посѣщенія Петровскаго, въ одно прекрасное утро меня поразилъ какой-то необычайный и несвоевременный звонъ во всѣхъ церк-

вахъ, и возвратившійся въ то время домой жившій у меня нѣмецъ объявилъ, что архіерей внезапно умеръ, кажется, отъ разрыва сердца.

Тѣмъ не менѣе обоимъ дѣламъ, то-есть Каленова и Петровскаго, единовременно былъ данъ ходъ, и бракъ Петровскаго, уже послѣ его смерти, былъ расторгнутъ, младенецъ, родившійся отъ него, былъ признанъ незаконнорожденнымъ, а дѣвица Б., то-есть, ex-madame Петровская, была предана уголовному суду и къ чему-то приговорена. Другое дѣло кончилось тѣмъ, что Святѣйшій Синодъ призналъ бракъ Каленова совершенно законнымъ, и никого за него никакому преслѣдованію не подвергали.

Послѣ этого невольнаго отступленія я буду продолжать мои воспоминанія и подробно разскажу одинъ случай съ тѣмъ же лицомъ, къ которому онъ относится, въ свое время надѣлавшій много шума. Надобно сказать, что ближайшими деревенскими сосѣдями Каленова были: тотъ самый современный просвѣтитель, о которомъ уже было говорено, и одинъ князь, П. П. Др-Сок.Р.Г. Просвѣтитель былъ человѣкъ очень богатый, пожилой, имѣвшій большую семью и весьма простодушный, а князь П. П., родной его племянникъ по матери, — личность до такой степени оригинальная, что ей будетъ посвящена особая глава моихъ воспоминаній. Теперь, однако, для полноты и яркости послѣдующаго разсказа придется набросать хотя нѣкоторыя черты этого и милаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько страннаго характера. Князь былъ человѣкъ страшной физической силы, которой онъ даже самъ боялся, развитой къ тому же постоянными гимнастическими упражненіями. Въ характерѣ его были черты, которыя даже трудно вообразить соединенными въ одномъ человѣкѣ; напримѣръ, онъ былъ разсѣянъ иногда просто до смѣшнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ замѣчалось немного и того, что по-французски называется hypocrisie. (Я намѣренно употребилъ французское слово вмѣсто русскаго, потому что нѣкоторые люди придаютъ тому русскому слову, которое соотвѣтствуетъ этому, вовсе не тотъ смыслъ, который оно имѣетъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться очень недавно). Случалось видѣть его, напримѣръ, бродящимъ цѣлый день безъ всякой цѣли по улицамъ и натыкающимся на людей и фонарные столбы; передъ столбами онъ вѣжливо извинялся, а на людей не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Случалось, также, напримѣръ, что князь П. П., играя съ кѣмъ-нибудь въ пикетъ, до котораго онъ былъ большой охотникъ, не только спитъ, но даже похрапываетъ, а между тѣмъ, въ то же самое время, очень ловко пользуется промахами противника и не пропускаетъ ни одного счета. Вотъ все, что пока надо о немъ сказать. Не помню, въ которомъ именно году, въ одинъ лѣтній вечеръ я гулялъ по бульвару съ знакомою мнѣ дамою и вдругъ вижу, что навстрѣчу намъ, какъ буря, несется князь П. П., который въ то время довольно рѣдко бы-

валъ въ губернскомъ городѣ. Онъ почти бѣжалъ, а не шелъ и при этомъ сильно размахивалъ своею тридцатифунтовою желѣзною палочкою. Остановясь противъ меня, какъ говорится, въ упоръ, онъ вдругъ началъ раскланиваться съ тою дамою, съ которою я шелъ и которая съ нимъ вовсе не была знакома, а потомъ схватилъ меня за руку и потащилъ въ сторону. Оттащивъ меня довольно далеко, онъ началъ что-то такое говорить, но остановился и опять потащилъ еще дальше, хотя уже и здѣсь никто насъ не могъ услышать. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ опять остановился, но ничего не говорилъ, а только смотрѣлъ на меня какъ-то многозначительно, пока я самъ не спросилъ у него, что онъ хочетъ сказать. Долго я не могъ добиться никакого отвѣта, но наконецъ онъ какъ-будто уронилъ: молодецъ Каленовъ! Точно такъ же долго пришлось ожидать поясненія этихъ словъ, пока, наконецъ, я узналъ, что Каленовъ молодецъ потому, что выпоролъ нѣмца, а за что—этого нельзя сказать. Такъ я ничего и не узналъ отъ князя, но на другой день пріѣхалъ ко мнѣ Каленовъ, и первое мое къ нему слово было вопросомъ, за что выпороли нѣмца, и вмѣстѣ съ этимъ выраженіемъ моего удивленія по поводу того, что такіе либералы и гуманисты, какъ онъ, способны на подобные поступки. Каленовъ спросилъ, отъ кого я узналъ это, и сказалъ, что это происшествіе предполагалось содержать въ тайнѣ, но такъ какъ самъ П. П. разсказываетъ объ этомъ, то и онъ не считаетъ уже себя обязаннымъ молчать. И вслѣдъ за этимъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію.

Въ домѣ просвѣтителя жила какая-то нѣмка, я не знаю навѣрное, кто такая она была: гувернантка или экономка. Когда просвѣтитель былъ озабоченъ пріискиваніемъ управляющаго для своихъ имѣній, она предложила ему выписать изъ Германіи какого-то ея родственника, учившагося, по ея словамъ, въ земледѣльческомъ училищѣ. Просвѣтитель послушалъ ея совѣта и, заключивъ предварительно съ нѣмцемъ какой-то не особенно выгодный для себя договоръ съ неустойкою, выписалъ его въ Россію. Нѣмецъ пріѣхалъ, но немедленно же оказалось, что онъ ровно ничего не смыслитъ въ сельскомъ хозяйствѣ и, кромѣ того, глупъ, какъ лось. Онъ положительно напоминалъ это животное, въ особенности тогда, когда, выпучивъ свои безсмысленные глаза, какимъ-то, тоже очень похожимъ на ревъ лося голосомъ, распѣвалъ постоянно одну и ту же пѣсню: байришъ биръ ундъ леберъ-вурьштъ! и т. д. Просвѣтитель вытолкалъ нѣмца въ шею и объявилъ ему, что если онъ имѣетъ какую-либо претензію, то можетъ съ нимъ судиться. Судиться нѣмецъ почему-то не пожелалъ, но послѣ этого изгнанія ему некуда было дѣваться, и князь П. П., какъ человѣкъ сострадательный, далъ ему пріютъ у себя, въ двухъ верстахъ отъ имѣнія просвѣтителя. У князя нѣмецъ проживалъ уже довольно долго и въ это время бывалъ

довольно часто и у Каленова, и у своей родственницы, нѣмки, жившей у просвѣтителя, на что этотъ послѣдній не обращалъ особаго вниманія. Иногда нѣмецъ бывалъ изгоняемъ княземъ, но черезъ нѣсколько дней опять возвращался къ нему. Все это кончилось тѣмъ, что въ одно, не знаю, прекрасное ли, или какое другое утро, къ князю П. П. влетѣлъ, какъ бомба, просвѣтитель, съ налитыми кровью глазами и стиснутыми кулаками, и требовалъ, чтобы ему сейчасъ же подавали нѣмца. Насилу могъ князь добиться отъ него объясненія причины его гнѣва, и оказалось, что просвѣтитель только-что получилъ отъ нѣмца письмо, въ которомъ заключалось ни болѣе, ни менѣе, какъ предложеніе жениться на его дочери.

— Пойми,—кричалъ просвѣтитель,—жениться на моей дочери, на твоей двоюродной сестрѣ!

Князь и самъ взбѣсился, услышавъ это, и приказалъ сейчасъ же розыскать нѣмца. Нѣмца не розыскали, къ величайшему, конечно, благополучію, потому что, явись онъ сейчасъ же, то отъ него, вѣроятно, осталась бы только лужица, и по справкамъ оказалось, что онъ еще наканунѣ вечеромъ отправился въ Алферово, имѣніе Каленова. Князь вскочилъ на своего арабскаго жеребца и полетѣлъ туда, а просвѣтителю посовѣтовалъ ѣхать домой и успокоиться. Прискакавъ въ Алферово, князь, не входя въ домъ, приказалъ вызвать Каленова.

— У тебя нѣмецъ?

— У меня. Да что же ты не входишь?

— Да не въ томъ дѣло, братъ ты мой, а вотъ что: нельзя ли сейчасъ же созвать народъ и выдрать нѣмца, какъ сидорову козу?

Каленовъ былъ не прочь совершить эту операцію, но потребовалъ объясненія, и когда узналъ, въ чемъ дѣло, то объявилъ, что безъ просвѣтителя драть не станетъ. Порѣшили на томъ, что князь поѣдетъ назадъ и сейчасъ же привезетъ просвѣтителя, а Каленовъ пока займется подготовленіемъ людей и необходимыхъ для порки матеріаловъ. По отъѣздѣ князя, Каленовъ созвалъ работавшихъ у него на полѣ въ то время еще временно обязанныхъ крестьянъ. Обѣщавъ имъ угощеніе и денежную награду, Каленовъ приказалъ сейчасъ же приготовить розги, но мужики почесывали только въ затылкахъ. Для убѣжденія ихъ Каленовъ вынесъ Положеніе 19-го февраля и прочиталъ громогласно статью, въ которой сказано, что крестьяне должны исполнять всѣ законныя требованія помѣщика, но чтеніе это произвело дѣйствіе, совершенно обратное, и мужики отказались наотрѣзъ. Раздраженный и вмѣстѣ подзадоренный первою неудачею, Каленовъ вспомнилъ, что у него на хлѣбномъ дворѣ работаютъ наемные граберы изъ другаго уѣзда, и немедленно отправился къ нимъ. Граберы согласились съ перваго слова, и Каленовъ уговорился съ ними, что они должны будутъ приготовить розги и ожи-

дать на хлѣбномъ дворѣ, пока онъ приведетъ къ нимъ нѣмца подъ ручку, какъ-будто прогуливаясь, но драть нѣмца не начинать, пока не подъѣдутъ князь и просвѣтитель. Хлѣбный дворъ стоялъ довольно далеко отъ дома и, кромѣ того, между ними протекалъ ручей съ крутыми берегами, такъ что идти оттуда къ дому и обратно надо было окольною дорогой. Отъ этого мѣста дорога изъ имѣнія просвѣтителя была видна на далекое разстояніе, и, подходя къ дому, Каленовъ увидѣлъ, что князь и просвѣтитель уже ѣдутъ. Мѣшкать, слѣдовательно, было нельзя и, придя въ домъ, онъ сейчасъ же послалъ человѣка навстрѣчу ѣдущимъ и велѣлъ сказать имъ, чтобы они ѣхали прямо къ хлѣбному двору, а самъ предложилъ нѣмцу сдѣлать до обѣда небольшую прогулку и воспользоваться ею для того, чтобы раскрыть все то, что у него произошло съ просвѣтителемъ. Нѣмецъ сталъ съ увлеченіемъ разсказывать, а Каленовъ, взявъ его подъ руку, направлялъ по дорогѣ къ хлѣбному двору, куда они уже не разъ ходили. Подойдя къ двору и видя, что князь и его спутникъ еще не близко, Каленовъ остановился, но должно быть исполнители не сумѣли замаскировать своего намѣренія, потому что нѣмецъ, оглядѣвшись, смекнулъ, въ чемъ дѣло, и во всю прыть пустился къ дому ближайшею дорогою, о которой сказано выше. Вся толпа съ Каленовымъ впереди кинулась за нимъ, но, добѣжавъ до ручья, черезъ который нѣмецъ со страху перепорхнулъ, какъ птица, остановилась. Пока Каленовъ и граберы снимали сапоги, переходили въ бродъ ручей и продолжали погоню, нѣмецъ успѣлъ добѣжать до дома и во дворѣ его какъ разъ наткнулся на подъѣхавшихъ князя и просвѣтителя, которыхъ посланный почему-то не успѣлъ предупредить. Дорвавшійся, наконецъ, до нѣмца просвѣтитель, разъяренный съ самаго начала дня, кинулся на него съ кулаками и ругательствами, а тѣмъ временемъ успѣли прибѣжать и Каленовъ съ граберами. Нѣмца сцапали, втащили въ кухню, какъ ближайшее строеніе, и хотѣли сейчасъ же приступить, но оказалось, что граберы, увлеченные погонею, оставили приготовленныя розги на хлѣбномъ дворѣ. Нѣмца выдрали вѣтками, оторванными отъ ближайшей липы, и послѣ экзекуціи пригласили обѣдать. Цѣлый вечеръ нѣмецъ распѣвалъ «байришъ биръ» и только ночью удралъ пѣшкомъ въ губернскій городъ. Узнали объ этомъ не сейчасъ въ тѣхъ окрестностяхъ, а когда узнали, то рѣшили ѣхать туда же всѣмъ троимъ. Просвѣтитель сначала вовсе и не думалъ безпокоиться, не хотѣлъ ѣхать и считалъ себя совершенно правымъ, но ему напомнили о долгѣ товарищества и убѣдили ѣхать. Между тѣмъ нѣмецъ еще до пріѣзда въ городъ своихъ экзекуторовъ уже успѣлъ подать жалобу самому губернатору; въ жалобѣ этой онъ заботливо выгораживалъ князя П. П. и въ доказательство его невиновности приводилъ то обстоятельство, что, когда остервенѣлый (выраженіе нѣмца) Каленовъ приказывалъ снять съ него

штаны, то князь очень благосклонно замѣтилъ: зачѣмъ? онъ и самъ сниметъ. Губернаторъ, почтеннѣйшій Николай Петровичъ Бор—на, ужасно засуетился, прочитавъ прошеніе нѣмца, и сейчасъ же назначилъ какую-то экстренную слѣдственную коммиссію, которая вовсе не была нужна, съ жандармскимъ офицеромъ и губернскимъ стряпчимъ; но такъ какъ совершившіе преступленіе были дворяне и притомъ довольно извѣстные, а Николай Петровичъ самъ долгое время служилъ губернскимъ предводителемъ дворянства, то онъ предварительно и обратился къ губернскому предводителю, прося его согласить ихъ на мировую. Губернскій предводитель послалъ всѣмъ троимъ обвиняемымъ оффиціальное приглашеніе пожаловать къ нему, и для компаніи съ ними пошелъ также и я. Князя П. П. сопровождала также его супруга, которая никогда не покидала мужа въ какихъ-либо важныхъ случаяхъ, но ни княгиня, ни я, разумѣется, не входили въ ту комнату, въ которой происходило примиреніе, а ожидали результатовъ его въ другой. Губернскимъ предводителемъ тогда былъ многоуважаемый Сергѣй Сергѣевичъ Ив—овъ, человѣкъ характера очень миролюбиваго и, кромѣ того, какъ тогда говорилось, передовой. Онъ былъ очень огорченъ и взволнованъ происшествіемъ, напоминавшимъ времена только-что отжившаго крѣпостнаго права, и употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы примирить потерпѣвшаго съ нанесшими ему оскорбленіе дѣйствіемъ; но всѣ эти усилія остались тщетными, и примиреніе не состоялось. Нѣмецъ, впрочемъ, охотно соглашался мириться подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему немедленно уплатили zehn Tausend, но когда князь П. П., сдѣлавъ видъ, что онъ согласенъ, предложилъ ему выйдти съ нимъ вмѣстѣ въ другую комнату и тамъ посчитать эти Tausend, то онъ скоропостижно отказался и отъ нихъ, и отъ примиренія вообще.

Послѣ этого всѣ мы отправились въ квартиру просвѣтителя, куда, по совѣту князя, имѣвшаго обыкновеніе всегда и вездѣ суетиться, былъ приглашенъ одинъ знакомый ему судебный слѣдователь для поданія юридическихъ совѣтовъ. Слѣдователь этотъ, узнавъ, что въ числѣ членовъ слѣдственной коммиссіи находится губернскій стряпчій Т—въ, сказалъ, что, по его мнѣнію, гораздо лучше во всемъ признаться, потому что запирательство все равно не поможетъ; но просвѣтитель твердилъ одно, что пусть другіе поступаютъ, какъ хотятъ, а онъ будетъ говорить только: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». Кто-то возразилъ ему, что этимъ способомъ онъ можетъ поставить себя въ очень неловкое положеніе и прямо дастъ нѣмцу возможность въ глаза сказать ему, что онъ говоритъ неправду.

— Какъ неправду?—закричалъ наивный просвѣтитель, опровергая,

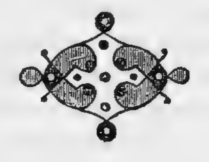
какъ-будто, уже стоявшаго нѣмца,—какъ неправду! Да мы же послѣ того вмѣстѣ обѣдали и чай пили, и ты, с. с., пѣсни пѣлъ!

— Послѣ чего?—спросили у него, и просвѣтитель такъ и остался съ разинутымъ ртомъ, чѣмъ насмѣшилъ всю компанію.

Я не знаю, какъ вели себя обвиняемые на слѣдствіи, но помню, что дѣло было рѣшено въ уголовной палатѣ и выше не пошло. Просвѣтитель и Каленовъ были приговорены къ домашнему аресту, первый на три, а второй—на полтора мѣсяца, а о князѣ П. П. сужденія не было за отсутствіемъ жалобы со стороны потерпѣвшаго. Скоро какъ-то послѣ этого мнѣ довелось исправлять должность совѣтника губернскаго правленія, и тамъ мнѣ попалось это дѣло, не помню теперь, для какой надобности туда присланное. Изъ любопытства я пробѣжалъ его и, между прочими бумагами, нашелъ нѣмецкое письмо петербургскаго генералъ-суперъ-интендента къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ почтеннѣйшій пастырь энергически выражалъ справедливое негодованіе и высказывалъ удивленіе по поводу того, что въ Россійскомъ государствѣ еще могутъ совершаться подобныя дѣла. Письмо это, кажется, было прислано министромъ губернатору, но я не могу припомнить, для чего именно.

Вскорѣ я оставилъ службу и жилъ довольно долго въ моей Бѣльской деревнѣ, и мы съ Каленовымъ не видѣлись нѣсколько лѣтъ подрядъ. Мнѣ, впрочемъ, было извѣстно, что за это время онъ былъ избираемъ мировымъ судьею и губернскимъ гласнымъ, но когда я встрѣтилъ его потомъ опять въ губернскомъ городѣ, то онъ, на только-что происходившихъ земскихъ выборахъ, уже былъ забаллотированъ въ обѣ эти должности.

(Продолженіе будетъ).

Записки Іосифа Петровича Дубецкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

VIII.

Болѣзнь.—Переходъ чрезъ Камчикъ и за Балканскія горы. — Дѣло подъ Айдосомъ.

Первымъ результатомъ Кулевчинской побѣды было перенесеніе театра войны за Балканы, за коими отъ существованія турецкой монархіи не была нога русскаго воина. Въ ожиданіи нужныхъ для сего приготовленій, мы простояли въ окрестностяхъ Шумлы до начала іюля.

Въ іюнѣ показалась въ войскахъ чумная горячка, а мѣстами и самая чума. Боязнь и ужасъ овладѣвали самыми твердыми людьми.

Заболѣвъ этою горячкою, я былъ семь дней въ совершенномъ безпамятствѣ. Въ одну ночь лежа въ палаткѣ одинъ, въ бреду горячечномъ, когда не было при мнѣ никого изъ прислуги, я сѣлъ на постели, поджавши ноги, поставилъ на колѣни тазъ, высыпалъ въ него нѣсколько пистолетныхъ патроновъ, лежавшихъ подъ головами вмѣстѣ съ пистолетами, — и придерживая лѣвою рукою тазъ, правою зажегъ порохъ пустымъ патрономъ, запаленнымъ на свѣчѣ. Всѣ эти подробности я припомнилъ ясно, когда пришелъ въ себя. Сильная вспышка охватила пламенемъ правый рукавъ бывшаго на мнѣ бешмета и длинные концы шелковаго платка, бывшаго на шеѣ, опалила обѣ руки и немного лицо. Я закричалъ, быстро началъ тушить воспламенившійся платокъ и бешметъ, и въ этотъ мигъ пришелъ въ совершенную память. Мой Па-

[1]) См. «Русскую Старину» май 1895 года.

влушка, храпѣвшій возлѣ палатки, проснулся, прискочилъ ко мнѣ, помогъ потушить горѣвшее платье и подалъ остальную помощь.

Не знаю, испугъ, или боль отъ обжога явили удивительное дѣйствіе:—только съ этой минуты я почувствовалъ совершенную перемѣну. Явился аппетитъ къ разнымъ любимымъ кушаньямъ, къ вину и даже къ трубкѣ, тогда какъ семь сутокъ крошки не было во рту, кромѣ лѣкарствъ и воды. Этотъ переломъ произошелъ въ ночи на 29 числа іюня, а въ ночи 4 іюля я уже ѣхалъ верхомъ при дивизіи, слѣдовавшей чрезъ Кулевчинскія высоты на Камчикъ. Правда, возлѣ меня шелъ человѣкъ и поддерживалъ меня, но я все-таки ѣхалъ, употребивъ всѣ мои силы. Ибо несравненно лучше желалъ умереть отъ пули, чѣмъ отъ подлой чумы. Въ продолженіе этого форсированнаго марша, я ѣхалъ то верхомъ, то на орудіи, то шелъ пѣшкомъ и не могу выразить, какъ трудно и безпокойно было для меня подобное путешествіе при слабости моей послѣ горячки. Зато здоровье мое поправлялось съ каждою минутою; зато,—прибывъ на Камчикъ, съ какимъ восторгомъ повалился я на коверъ, съ какимъ наслажденіемъ пилъ чай и ужиналъ,—и какимъ богатырскимъ сномъ уснулъ!..

Для исторической связи повѣствованія о турецкой войнѣ, я долженъ упомянуть здѣсь, что 6-й корпусъ, подъ командою генерала Рота, направленъ былъ по приморской дорогѣ; 7-й, подъ командою генерала Ридигера, шелъ правѣе и составлялъ авангардъ арміи; за нимъ слѣдовалъ 2-й пѣхотный корпусъ подъ командою графа Палена, при коемъ находилась и главная квартира,—а 3-й пѣхотный корпусъ, подъ командою генерала Красовскаго, оставался подъ Шумлою и въ Варнѣ.

Утромъ іюля 6 числа, мой Павлушка [1]) съ трудомъ разбудилъ меня. Его возгласъ: «вставайте скорѣе, — идутъ за Камчикъ; уже и мостъ навели, князь приходилъ сюда два раза, да не велѣлъ васъ будить; вонъ смотрите, егерь идетъ уже на мостъ»,— подѣйствовалъ на меня какъ электрическій ударъ. Я вскочилъ, пѣшкомъ догналъ дивизію на мосту и въ нѣсколько минутъ очутился на другомъ берегу при генералѣ, который привѣтствовалъ меня съ искреннимъ участіемъ. Заботливый мой денщикъ, Павлушка, не хотѣлъ, чтобы труды его пропали понапрасну, а потому, уже во время перестрѣлки, отозвавъ меня въ сторону подъ огромное дерево, къ крайнему моему изумленію и радости, показалъ мнѣ и чайный дорожный приборъ, и булку, кои другой мой денщикъ Иванъ держалъ вмѣстѣ съ лошадью. Нашлись друзья раздѣлить эту радость,—и чайникъ былъ осушенъ въ нѣсколько минутъ.

---

[1]) Онъ былъ мой вѣрный слуга, будучи у меня денщикомъ въ теченіе 12-ти лѣтъ.

Погода была прелестная. Дѣло было небольшое, кончилось скоро и успѣшно, такъ что къ 6-ти часамъ по полудни корпусъ нашъ былъ уже въ д. Куприкіой, а 7 іюля въ Дервишъ-джованѣ.

Въ три перехода мы перешли Балканскія горы. Дорога въ этихъ горахъ лучше, нежели по ровнымъ мѣстамъ, и не представляетъ затрудненій въ пути, кромѣ нѣсколькихъ крутыхъ спусковъ и подъемовъ. Побѣда сопутствовала намъ вездѣ,—и говоря правду, дѣла были такъ не важны, что даже нечего объ нихъ и писать.

Самое замѣчательное дѣло, какое имѣлъ 7-й пѣхотный корпусъ за Балканами, было подъ Айдосомъ іюля 14 дня.

Отрасль Балканскихъ горъ, отдѣляясь отъ главнаго кряжа, пролегаетъ по Румеліи на нѣсколько десятковъ верстъ. Въ этой вѣтви горъ есть впадина въ видѣ буквы П, болѣе двухъ верстъ въ поперечникѣ и около шести верстъ въ углубленіи. Въ этой впадинѣ раскинутъ у подошвы горы небольшой, но красивой и богатый городокъ Айдосъ.

Ночью съ 13 на 14 іюля, 7-й корпусъ, приблизясь къ городу, былъ построенъ въ боевой порядокъ на высотѣ, имѣя на правомъ флангѣ уланскую бригаду и два казачьихъ полка.

Предъ фронтомъ 18-й дивизіи, на разстояніи полуружейнаго выстрѣла, начинался крутой скатъ высоты, на коей стояли войска, и закрывалъ лощину, или, лучше сказать, равнину, разстилавшуюся предъ городомъ.

При восхожденіи солнца, когда еще не исчезнулъ туманъ, густая колонна турецкой кавалеріи вдругъ вынырнула изъ-подъ ската предъ 18-ою дивизіею и наткнулась прямо на батарейную роту полковника Штейбе. Два, или три залпа картечью изъ 12 орудій большаго калибра на столь близкомъ разстояніи были удачны дотого, что съ исчезнувшимъ пороховымъ дымомъ исчезла и колонна,—и лишь чрезъ нѣсколько минутъ показалась вдали удаляющеюся за горами, усѣявъ путь свой трупами.

Удачное начало было благовѣстію побѣды. Баталіонъ турецкихъ стрѣлковъ, залегшихъ въ канавѣ подъ городомъ, не долго могъ держаться; а массы турецкой конницы и пѣхоты, занимавшія высоты, окружавшія городъ, не могли сопротивляться быстрому натиску двухъ егерскихъ полковъ и остальной пѣхоты. Чрезъ нѣсколько часовъ г. Айдосъ былъ занятъ съ незначительною съ нашей стороны потерею.

У насъ выбыло изъ фронта до 100 человѣкъ; у турокъ убитыхъ и раненыхъ, полагаю, было болѣе 300, да взято въ плѣнъ болѣе 200 низамовъ [1]) и до 20 чиновныхъ лицъ и проч.

---

[1]) Низамъ, или низамъ-джедитъ,—солдатъ регулярнаго войска, пѣхотинецъ.

Дня чрезъ два 7-й пѣхотный корпусъ расположился на бивуакахъ предъ г. Кирнабатомъ, отстоящимъ верстахъ въ 25-ти отъ Айдоса и занятымъ нашею конницею безъ боя.

31 іюля взятъ былъ городъ Селимно.

Наконецъ на разсвѣтѣ прелестнѣйшаго лѣтняго дня 8 августа, пѣхотные и кавалерійскіе полки, съ ихъ артиллеріею, 2-го, 6-го и 7-го корпусовъ, предстали предъ величественнымъ Адріанополемъ и, вытянувшись на высотахъ въ 3-хъ верстахъ отъ города, изобразили великолѣпное зрѣлище грозной арміи въ боевомъ строю.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ турки, устрашенные приготовленіями къ бою, положили оружіе. Сераскиръ Галиль-паша и генералъ-губернаторъ Адріанополя подписали конвенцію о сдачѣ города, а жители, не дождавшись этой конвенціи, толпами вышли на встрѣчу войскамъ. Главнокомандующій со всѣмъ штабомъ расположился въ дворцахъ Эски-сарая, древней резиденціи султановъ, 18-я пѣхотная девизія, назначенная къ занятію города, раскинула лагерь свой между городомъ и рощею, или паркомъ; 2-й пѣхотный корпусъ, перейдя за Адріанополь, остановился на константинопольской дорогѣ, а 6-й со стороны Кирклиссы.

Здѣсь окончились военныя дѣйствія наши за Балканами, а съ ними окончилась и турецкая война.

IX.

Адріанополь.

Едва успѣли публичные глашатаи прокричать по городу вѣсть о сдачѣ Адріанополя, какъ тотчасъ толпы турокъ, грековъ, армянъ, жидовъ нахлынули на нашъ лагерь; одни изъ простаго любопытства, а другіе изъ видовъ торговли,—и нашъ лагерь изъ тихаго сдѣлался шумнымъ торжищемъ. Разныя матеріи, всевозможные свѣжіе фрукты, конфекты, вино, ромъ, табакъ, булки, даже рыба и мясо разносились и продавались по выгоднымъ цѣнамъ и для покупателей, и для торговцевъ. Нѣкоторые явились даже съ ручными кухнями, или желѣзными очажками, и пріютившись въ удобныхъ мѣстахъ въ кругу нашихъ солдатъ, жарили имъ свои кибабы, шашлыки и пирожки.

Въ 5 часовъ заиграла въ полкахъ музыка, составились кружки пѣсенниковъ, и вблизи лагеря запестрѣлись группы женщинъ, изъ коихъ каждой сердечно хотѣлось побывать въ русской палаткѣ, разумѣется, изъ любопытства, общаго всему женскому полу.

Изъ числа прогуливавшихся по лагерю посѣтителей, два степенные турка, прилично одѣтые, были приглашены мною въ палатку, и, къ удивленію моему, одинъ изъ нихъ началъ объясняться по-русски очень понятно. На вопросъ мой, гдѣ онъ выучился русскому языку, онъ разсказалъ мнѣ, что въ бывшую войну съ Россіею, въ 1810 году, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и болѣе двухъ годовъ жилъ въ Курской губерніи, гдѣ былъ очень хорошо принятъ въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ и съ искреннѣйшею признательностью отзывался о хлѣбосольствѣ русскихъ. Гости мои Османъ и Таиръ-ага, угощаемые чаемъ и пуншемъ, въ пріятной бесѣдѣ просидѣли у меня до ночи. На другой день они прислали мнѣ превосходныхъ свѣжихъ фруктовъ и были приглашены вечеромъ на чай.

Между тѣмъ, на третій день по занятіи Адріанополя, былъ торжественный въѣздъ главнокомандующаго въ городъ. Графъ Дибичъ, со всѣмъ своимъ штатомъ, окруженный генералитетомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ эскадроновъ гусаръ и конной артиллеріи, съ музыкою проѣхалъ по главнымъ улицамъ города и прибылъ въ греческую церковь. Греческій епископъ отслужилъ обѣдню и молебенъ, при чемъ находились сборныя команды разныхъ пѣхотныхъ полковъ и артиллерія. По окончаніи молебна при возглашеніи многолѣтія государю императору, громъ русскихъ пушекъ потрясъ древнюю столицу оттомановъ. За симъ преосвященный угощалъ у себя въ домѣ всѣхъ превосходнымъ завтракомъ, а солдатъ на обширномъ дворѣ.

Адріанополь, огромный древній городъ, разстилается на высотѣ на протяженіи болѣе 12 верстъ и имѣетъ до 90 т. жителей. Дома всѣ почти деревянные, большею частію двухъ и трехъ-этажные. За исключеніемъ весьма немногихъ улицъ, достаточно просторныхъ для ѣзды въ экипажахъ, всѣ остальныя улицы очень узки и есть нѣкоторыя дотого тѣсныя, что два конные всадника встрѣтившись не могутъ разъѣхаться, не задѣвъ другъ друга, а выдающіеся на улицу балконы заставляютъ нерѣдко слѣзать съ лошади. Въ такихъ улицахъ нечистота и зловоніе превосходятъ всякое описаніе. Мнѣ часто случалось проѣзжать нѣкоторыя улицы, зажимая носъ и ротъ платкомъ, ибо не было возможности выносить отвратительнѣйшую вонь. Къ тому же кладбища, въ близкомъ разстояніи облегающія городъ на необозримое пространство, въ коихъ магометане не заваливаются землею, но закрываются сводами, или досками, смотря по состоянію, заражая воздухъ вредными испареніями, способствуютъ развитію эпидеміи, столь частой въ южномъ климатѣ. Это—одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой чума вѣчно гнѣздится въ Турціи.

На сѣверной сторонѣ Адріанополя, вѣковые дубы, чинары, орѣхи и другія южнаго климата деревья покрываютъ на нѣсколько верстъ рав-

нину, орошаемую большою рѣкою Тунджею, и образуютъ великолѣпнѣйшій паркъ, именуемый Султаніею или Эски-Сараемъ. Его дворцы, теплицы, купальни, кіоски служатъ нынѣ обиталищемъ турецкимъ сановникамъ, а проглядывающія изъ земли развалины и уцѣлѣвшія подземелья пробуждаютъ грустное воспоминаніе о древнемъ величіи бывшаго нѣкогда на этомъ мѣстѣ жилища греческихъ царей и послѣ ихъ турецкихъ султановъ (до 1361 года). Но уже тому прошло около 500 лѣтъ!..

Ихъ домы вѣтеръ разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги.

Въ верстѣ отъ Эски-Сарая, возвышается великолѣпное, каменное, двухъ-этажное зданіе въ видѣ продолговатаго четыреугольника, объемлющаго около ста саженъ по переднему фасаду и болѣе 200 въ длину. Въ жизнь мою я не видалъ строенія, въ родѣ казармъ, красивѣе, прочнѣе и удобнѣе. Въ первомъ этажѣ этого огромнѣйшаго зданія всѣ залы со сводами, а во второмъ прекрасныя большія комнаты для генералитета и офицеровъ, и обширныя залы для нижнихъ чиновъ. Съ внутренней стороны идетъ широкая галлерея съ колоннадою вокругъ всего зданія. Казармы эти построены на 10 т. человѣкъ, но могутъ вмѣщать гораздо болѣе 12 т.

X.

Сердечная встрѣча.—Не вымышленный романъ.

Quisquis in primo obstitit
repulitque amorem, tutus
ac victor fuit; qui vero
blandiendo dulce nutrivit
malum, sero recusat
ferre quod obligat
jugum. Sen...

Разсудокъ говоритъ:
Себя ты не губи,
А сердце все твердитъ
Свое: люби, люби...

Здѣсь начинается мой собственноличный эпизодъ. Я хотѣлъ было умолчать и о немъ, такъ же, какъ не упомянулъ ни объ одномъ изъ многочисленныхъ приключеній, составляющихъ темную сторону жизни, — говорю темную, — если должно назвать пятномъ сердечныя слабости человѣка; но случай этотъ есть выше всѣхъ моихъ паденій сего рода; поэтому считаю не излишнимъ разсказать его. Прошло тому уже болѣе 20 лѣтъ, и въ настоящее время онъ составляетъ лучшее воспоминаніе изъ всего былаго. Такъ глубоко врѣзался онъ въ душу; такъ незабвенна память милаго существа, любив-

шаго меня безграничною любовію. Постараюсь изложить это происшествіе по всей откровенности. Однако, вижу впередъ, что нѣтъ возможности обойтись безъ нѣкотораго романтизма. Ибо самый фактъ, истинный въ сущности, есть уже романъ моей жизни. Слѣдовательно, изложить его въ нѣсколькихъ строкахъ, безъ сопровождавшихъ обстоятельствъ, значило бы отнять всю прелесть этого яснаго луча жизни. Впрочемъ, въ приводимомъ мною разговорномъ изложеніи соблюдена возможная правдивость, сколько могла служить мнѣ въ этомъ моя память.

Въ Адріанополѣ русскія войска простояли около трехъ мѣсяцевъ, даже послѣ ратификаціи и размѣна трактата о мирѣ, пока не началось по оному условное дѣйствіе. Время это проведено мною съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и даже съ пользою.

Мои знакомцы, турки, посѣщали меня болѣе недѣли каждодневно и всякій разъ были угощаемы и чаемъ, и закускою, и превосходнымъ греческимъ виномъ, добываемымъ у грековъ же не за дешевую цѣну, которое правовѣрными мусульманами, какъ запрещенный плодъ, пилось съ наслажденіемъ. Признаюсь, я подумывалъ, какая могла бы быть причина столь быстрой и столь радушной привязанности ко мнѣ этихъ турокъ. Загадка эта разрѣшилась скоро, какъ увидимъ ниже.

Когда знакомство наше, такъ сказать, утвердилось, Османъ пригласилъ меня къ себѣ и познакомилъ съ своимъ младшимъ братомъ, у кого онъ жилъ. Этотъ братъ его (не помню имени) велъ торговлю весьма успѣшно; смышленый и къ тому же много путешествовавшій по Азіи и Европѣ, показался мнѣ человѣкомъ пріятнымъ и занимательнымъ, тѣмъ болѣе потому, что изъяснялся нѣсколько по-французски и былъ замѣчательно веселаго нрава. Послѣ сего и Таиръ-ага пригласилъ меня къ себѣ въ домъ на обѣдъ, и такимъ образомъ въ самое короткое время я сблизился съ этими янычарами, и отъ частаго съ ними обращенія и самъ началъ болтать по-турецки и понимать если не все, то многое. Таковая быстрота происходила какъ отъ способностей моихъ къ изученію языковъ, такъ и отъ того, что въ бытность мою въ Грузіи (въ Елизаветполѣ) я учился немного по-татарски, а татарскій языкъ съ турецкимъ имѣетъ небольшую разницу.

Мои знакомцы, видя мои азіатскія ухватки и наклонности, съ коими я сблизился во время пребыванія моего за Кавказомъ, и думать не хотѣли, чтобы я былъ коренной русскій. Я сидѣлъ, поджавши ноги такъ, какъ и они, любилъ азіятскія кушанья и ѣлъ нѣкоторыя руками такъ, какъ и они, курилъ одинъ турецкій табакъ, ѣздилъ верхомъ по-черкесски или по-татарски, а изъ моего привѣтливаго обращенія видно было мое особенное къ нимъ расположеніе. Все это въ совокупности съ моимъ малороссійскимъ обликомъ и усами утвердило моихъ пріятелей-турокъ

въ идеѣ, что я по крови и роду азіатецъ, но русскій подданный. Это предположеніе скрѣпило еще болѣе нашу пріязнь, которая расположила ихъ открыть мнѣ тайное намѣреніе и просить по оному моего совѣта и содѣйствія.

Уже недѣли двѣ продолжалась эта связь, какъ однажды вечеромъ Османъ и Таиръ, пріѣхавъ ко мнѣ, объявили, что они желаютъ посовѣтоваться со мною объ одномъ дѣлѣ, которое по важности должно содержать въ величайшемъ секретѣ. Когда я завѣрилъ ихъ моей скромности и готовности услужить имъ, то они открыли мнѣ слѣдующее: когда султанъ Махмудъ уничтожилъ на вѣчныя времена янычарское войско и имя и истребилъ ихъ самихъ на половину, то оставшихся въ живыхъ янычаръ лишилъ всѣхъ правъ и преимуществъ, коими, они, по роду службы, прежде пользовались. Поэтому янычары, питая ненависть къ Махмуду и его низамамъ [1]) и видя крайнюю опасность въ Турціи для себя и для своихъ семействъ, желали бы перейти въ Крымъ, или Казань, образовать на правахъ Донскихъ казаковъ войско янычаръ и служить вѣчно въ подданствѣ Россіи. Затѣмъ объяснили, что таковыхъ янычаръ въ Адріанополѣ до 9.000, а въ Константинополѣ и другихъ городахъ до 25.000 человѣкъ; что если домогательство адріанопольскихъ янычаръ, отъ коихъ они депутаты, будетъ принято, то и всѣ прочіе единодушно послѣдуютъ ихъ примѣру. Для сего Османъ и Таиръ, отъ всего своего общества, просили меня узнать какъ наисекретнѣе, будетъ ли уважена ихъ просьба или нѣтъ. Если будетъ, то они тотчасъ обратятся къ главнокомандующему съ формальною просьбою,—а если нѣтъ,—то должно оставить этотъ вопросъ въ непроницаемой тайнѣ. Иначе, если султанъ Махмудъ узнаетъ о ихъ замыслѣ и поступкѣ, то, по уходѣ русскихъ войскъ, имъ не миновать окончательнаго истребленія.

Вотъ въ чемъ заключалась ихъ тайна, впрочемъ, весьма основательная,—и причина быстраго и пріязненнаго знакомства.

Я былъ весьма радъ, что на этотъ разъ могъ самъ услужить имъ, посредствомъ генерала князя Горчакова, который за неприбытіемъ гр. Орлова и гр. Палена открывалъ въ это время переговоры съ турецкими уполномоченными, прибывшими тогда въ Адріанополь [2]), и который могъ объ этомъ предметѣ доложить фельдмаршалу лично. Посему, съ моей стороны къ удовлетворенію ихъ просьбы было сдѣлано все, но имъ было отказано.

Обстоятельство это еще тѣснѣе связало знакомство мое съ этими янычарами. Да иначе и быть не могло, ибо, избравъ меня повѣрен-

---

[1]) Регулярныя войска.

[2]) Это было 18 августа.

нымъ въ столь важномъ дѣлѣ, они старались всемѣрно расположить меня къ себѣ и снискать мою дружбу. Послѣ сего нисколько не покажется удивительнымъ, если я былъ принимаемъ въ ихъ домахъ съ полнымъ радушіемъ, особенно у Таира, коего даже семейство отъ меня не пряталось. Но въ отношеніи сего послѣдняго были еще и другія причины.

Посѣщенія мои къ Осману были, такъ сказать, литературныя. Этотъ почтенный янычаръ, подъ старость, предался учености и любилъ преимущественно исторію. Онъ всегда принималъ и угощалъ меня въ прекрасномъ саду. Въ тѣни вѣтвистыхъ каштановъ сидя на коврѣ, онъ мнѣ переводилъ и толковалъ изъ древнихъ рукописей разные эпизоды о Магомедѣ II, о Баязетѣ и проч., а братъ его, весельчакъ и острякъ, всегда встрѣчалъ меня упреками, что не часто у нихъ бываю. Въ домѣ его видно было изобиліе и даже роскошь. Но связь моя съ Таиромъ была совсѣмъ другаго рода.

Таиръ-ага, бывшій янычарскій офицеръ, имѣлъ небольшой домикъ и жилъ очень скромно, по весьма ограниченному состоянію. Онъ любилъ и почиталъ меня дотого, что въ домѣ его все было для меня открыто, а добрѣйшая жена его Эмине всегда принимала меня какъ роднаго брата, — особенно послѣ того, когда я, узнавъ о ея горести, сдѣлался миротворцемъ, убѣдилъ Таира любить и почитать ее какъ вѣрнаго друга и какъ благодѣтельницу, искупившую его отъ смерти. Эпизодъ этой сцены заключался въ слѣдующемъ.

Во время дѣвичества, Эмине была приближенною горничною одной султанши, жены Махмуда. Видѣвъ часто Таира, въ числѣ придворной султанской стражи, влюбилась въ него. Да и мудрено было не влюбиться пылкой турчанкѣ въ юнаго мущину, и по лицу, и по сложенію красавца. Но препятствіе, трудно преоборяемое для турка, было въ томъ, что Эмине была лѣтами старше Таира. На этомъ остановилось дѣло, и Эмине въ тиши вздыхала и таяла.

Между тѣмъ, вскорѣ грозный султанъ Махмудъ предпринялъ истребленіе янычаръ. Таиръ былъ въ числѣ обреченныхъ на смерть, но Эмине, чрезъ посредство своей госпожи, султанши, искупила его голову 30.000 піастровъ, съ вѣчнымъ отреченіемъ отъ янычарства. Сдѣлавшись его женою, тоже съ условіемъ, что Таиръ не долженъ имѣть другой жены, пока жива Эмине, они удалились въ Адріанополь, купили домикъ и остались въ этомъ городѣ въ спокойной жизни.

Въ то время, когда я съ ними познакомился, Таиръ, имѣя лѣтъ за тридцать, былъ въ полной силѣ и красѣ; а Эмине уже смотрѣла старушкой, хотя, впрочемъ, еще не изгладились слѣды исчезавшей красоты.

Таиръ, на правахъ турка, пріобрѣлъ любовницу, хорошенькую молдаванку по имени Марюку или Марицу (Марію) и держалъ ее въ домѣ.

*

Оскорбленная Эмине вопила противъ этого, а Таиръ защищался тѣмъ, что онъ далъ обѣтъ не имѣть другой жены, пока жива Эмине,—и держитъ его свято; но никогда не обѣщалъ не имѣть любовницы, чего Эмине не должна и запрещать. Бѣдная женщина, пойманная на буквальномъ смыслѣ условія, видѣла справедливость на сторонѣ своего мужа, терзалась и лишь въ слезахъ находила утѣшеніе.

Вотъ причина супружескихъ раздоровъ и горести Эмине.

Легче было бы рѣшить трудный государственный вопросъ, нежели уладить эту постельную распрю. Однакоже, послѣ продолжительныхъ упрековъ, слезъ и споровъ, дѣло рѣшилось на слѣдующихъ пунктахъ: 1-й, что Таиру дозволяется имѣть любовницу, но только одну, настоящую, или другую, если надоѣстъ эта; 2-й, что любовница таковая будетъ въ домѣ, какъ служанка, а не какъ госпожа, и 3-й, что Таиръ обязуется не уклоняться отъ супружескихъ обязанностей и сверхъ того будетъ любить и почитать Эмине, какъ друга и жену. При послѣднемъ пунктѣ Таиръ со вздохомъ утвердилъ ратификацію, и согласіе, по крайней мѣрѣ на сей разъ, между супругами водворилось.

У Таира и Эмине было всего-на-всего одно дитя, мальчикъ Измаилъ лѣтъ 4-хъ или 5-ти, и это-то единственное дѣтище они отдавали мнѣ безусловно, дабы этимъ, какъ они выражались, скрѣпить на-вѣки нашу пріязнь и предъ Богомъ, и предъ людьми. Но когда я сказалъ, что уже имѣю одного мальчика турченка [1]), и поэтому отказывался отъ этого предложенія затрудненіемъ возиться съ двумя дѣтьми по походамъ, то Эмине весьма не шутя возразила: «такъ возьми съ собою и мою Гедіэ;— она будетъ смотрѣть за Измаиломъ и служить тебѣ вѣрно. Притомъ же она такая умница и...» —«Довольно, довольно»,—сказалъ Таиръ, махнувъ рукою.

Этотъ поступокъ глубоко тронулъ меня и доказалъ, до какой степени эти добрые люди любили и уважали меня. Ибо Эмине, касаясь къ сороковымъ годамъ, не могла уже имѣть дѣтей, а ея родная племянница Гедіэ, круглая сирота, заступала мѣсто дочери. Не входя въ романическое описаніе прекраснаго смуглаго лица, прелестныхъ очей, поразительной улыбки, гармоническаго голоса и стройной таліи этой пятнадцатилѣтней дѣвственницы, скажу кратко, что эта юная азіатка была въ полной мѣрѣ изъ тѣхъ красавицъ, на коихъ невозможно глядѣть безъ упоительныхъ ощущеній.

---

[1]) Въ Селимно взятъ мною мальчикъ лѣтъ 7-ми, у коего матери не было, а отца убили тутъ же. Этотъ мальчикъ Николай служитъ нынѣ въ мусульманскомъ полку урядникомъ. Офицеры, кто желалъ, брали и мальчиковъ, и дѣвочекъ изъ турецкихъ и христіанскихъ семействъ, и это нисколько не воспрещалось.

Однако, несмотря на столь сильные знаки расположенія, поведеніе мое въ этомъ домѣ было неизмѣнно. Зная изъ опыта, какъ высоко чтится азіатцами уваженіе правъ гостепріимства и какъ жестоко отомщевается вѣроломное ихъ нарушеніе, я старался вести себя такъ, чтобы не набросить и тѣни подозрѣнія на чистоту моей связи. Поэтому я никогда не ѣздилъ къ нимъ безъ приглашенія, и если и бывалъ въ ихъ домѣ, то въ обращеніи съ женщинами, кои отъ меня не скрывались, былъ всегда серіозенъ, скроменъ и вѣжливъ до строгости. Но подобное поведеніе лишь увеличивало ихъ ко мнѣ довѣріе и вниманіе.

Адріанопольскій караванъ-сарай, — огромнѣйшее каменное зданіе, составляющее великолѣпную галлерею въ два свѣта, простирающуюся до 300 саженъ въ длину, есть пунктъ постояннаго, величайшаго стеченія народа обоихъ половъ, всѣхъ сословій и племенъ, находящихся въ городѣ.

Здѣсь вы найдете дорогія ткани востока, парчи, матеріи, сукна, бумажныя и шерстяныя издѣлія, галантерейныя вещи, бронзу и, однимъ словомъ, вы здѣсь найдете всякаго рода мануфактурныя произведенія четырехъ странъ свѣта. Наряду съ этими богатствами, вы увидите и ювелировъ, и часовыхъ мастеровъ, и портныхъ мужскихъ и женскихъ, и сапожниковъ, и башмачниковъ и проч. и проч. Тутъ красуется европейская ресторація, тамъ турецкая кофейня; въ одномъ мѣстѣ кондитерская, въ другомъ аптека; тамъ жарятъ кибабы и пирожки, а возлѣ, лукавый армянинъ или караимъ смотритъ съ умильною улыбкою на кучки лежавшаго предъ нимъ благороднаго металла и мѣняетъ всякаго рода деньги. Наконецъ здѣсь происходятъ всякаго рода коммерческія и даже любовныя сдѣлки, ибо въ этомъ удивительномъ хаосѣ племенъ, лицъ и нарѣчій, прелестныя затворницы (средняго класса) умѣютъ инстинктивно отгадать, что кому нужно, и находятъ въ этой шумной толкотнѣ безопасное средство ускользнуть на часъ или два отъ ревнивой бдительности. Мнѣ не одинъ разъ случалось быть въ этой галлереѣ и обрѣтаться въ такой же тѣснотѣ, какая бываетъ у насъ въ церквяхъ или при большихъ процессіяхъ. Однимъ словомъ, эта великолѣпная галлерея есть адріанопольскій Невскій проспектъ, или, лучше сказать, парижскій Пале-Рояль.

Близость морей, представляющихъ удобство и быстроту водяныхъ сообщеній съ Европою, Азіею, Африкою—ничтожная таможенная пошлина, свобода торговли и извѣка господствующая страсть туземцевъ къ торговой промышленности довели цѣнность ввозныхъ товаровъ до невѣроятной дешевизны. Эта дешевизна въ особенности поразительна на издѣліяхъ шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ, такъ что десятиаршинный кусокъ прекрасной аладжи и камчи, продающейся въ Россіи по 10 и 12 р., здѣсь покупается по 4 и по 5 р. серебромъ, и т. п.

Посѣщая часто Адріанопольскій караванъ-сарай, однажды, бывши

въ выигрышѣ, я накупилъ, червонцевъ на десять, разной матеріи и уборовъ, отдалъ эти вещи Таиру и просилъ его вручить по назначенію женѣ и племянницѣ, завѣривъ его при томъ, что дѣлаю это въ отвѣтъ за подарки, ими мнѣ сдѣланные, и изъ признательности моей за ихъ ко мнѣ пріязнь и довѣріе. Таиръ повѣрилъ мнѣ откровенно и благодарилъ отъ души. Но не таковы были мысли женскаго пола. По ихъ понятіямъ, признательность мужчины къ женщинѣ и обратно должна выразиться совсѣмъ другимъ путемъ. Въ этихъ идеяхъ пылкая Эмине, считая себя и безъ того обязанною мнѣ за оказанное участіе въ ея сердечной горести, сочинила для меня благодарность по своему усмотрѣнію.

Удивительно, какъ глубоко инстинктъ женщины можетъ проникнуть въ душу занимающаго ее человѣка. Она угадала запавшую въ сердце любовь и съ радостію рѣшилась содѣйствовать ей, какъ изъ благодарности, такъ и по сердечнымъ побужденіямъ, порожденнымъ ревностію. А ревность азіатки ужасна... Блаженъ мужъ, иже не испилъ ее...

Прелестная племянница, до сихъ поръ рѣдко показывавшаяся, рѣдко поглядывавшая и то украдкой, вдругъ измѣнила свое поведеніе. Увлеченная собственною страстію и ободренная наставленіями тётушки, она начала выходить часто, старалась проходить близко меня, изыскивая къ тому предлогъ; а иногда, какъ будто нечаянно, задѣвала меня рукой или ногой; но ея взгляды, улыбка, мимика, въ коей столь искусны азіатки, не могутъ быть выражены перомъ. Этотъ языкъ доступенъ сердцу, понятенъ только любви. Таиръ, казалось, не обращалъ на это вниманія; но хитрая Эмине сопровождала иногда эти сцены значительною улыбкою, поглядывая лукаво то на меня, то на мужа. Я былъ въ упоительныхъ мечтахъ отъ подобнаго обращенія, но мысль о будущемъ поражала боязнію и отталкивала увлекательныя фантазіи.

Во всю мою жизнь я постоянно избѣгалъ сильной привязанности къ неравному предмету, дабы не завлечься невозвратно въ предосудительную связь. Безчисленные примѣры подобныхъ женитьбъ въ Грузіи были слишкомъ для меня поразительны. Посему и въ настоящемъ случаѣ я очень опасался за себя; тѣмъ болѣе, что, отбросивъ воспитаніе и происхожденіе, юность, красота и любовь могли имѣть на меня такое вліяніе, за послѣдствія коего я не могъ ручаться. Вскорѣ я несомнѣнно убѣдился въ моемъ опасеніи по тѣмъ усиліямъ, съ коими я долженъ былъ выдержать сердечную борьбу при разлукѣ. Однако:

Разсудокъ говоритъ:
Себя ты не губи,—
А сердце все твердитъ
Свое: люби, люби...

Такъ прошло около двухъ недѣль.

Въ одинъ день Таиръ пригласилъ меня обѣдать. Пріѣхавъ въ назна-

ченный часъ, я былъ встрѣченъ хозяйкою, которая, сказавши мнѣ, что мужъ ея въ городѣ, но что сейчасъ будетъ, просила пожаловать въ гостиную, а сама ушла на кухню.

Домикъ ихъ былъ трехъ-этажный. Первый этажъ былъ каменный со сводами и заключалъ кухню и кладовую, во второмъ были три комнаты, одна мужская, т. е. гостиная и двѣ поменьше, женскія, и открытая галлерея; третій этажъ не занимался никѣмъ.

Поставивши лошадь на конюшню, едва вошелъ я въ гостиную, какъ въ тотъ же мигъ выбѣжала изъ сосѣдней комнаты Гедіэ, всегда рѣзвая, всегда веселая, на этотъ разъ съ лицомъ, сіяющимъ какимъ-то восхищеніемъ. Подскочивъ ко мнѣ и дергая мой эксельбантъ, она вперила свой свѣтлый взоръ въ мои глаза и съ милою улыбкою спросила:— Капитанъ, зачѣмъ прислалъ ты мнѣ съ дядей вотъ это?—и указала на фугоньерку и красивый платокъ, составлявшій, по убору турчанокъ, ея головную повязку.

— Это твой дядя подарилъ тебѣ,—отвѣчалъ я.

— Такъ тетка говорила неправду, ты меня не любишь?—сказала она, колебля головою.

Едва я успѣлъ пожать ея руку, какъ она бросилась цѣловать мою. Я ее не допустилъ, и она обхватила обѣими руками мою голову, прижала ее къ своей дѣйственной груди, и уста наши слились.

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Когда я опомнился, она смотрѣла съ улыбкою въ полурастворенную дверь, грозила пальцемъ и посылала рукой поцѣлуи.

Тридцати одного года, не изнуренный болѣзнями и излишествами, отъ природы сильнаго сложенія, я былъ въ это время въ полной красѣ жизни: строенъ, ловокъ и пригожъ. Къ тому же, почти отъ начала войны я мужался въ воздержаніи, имѣя цѣлію предстать въ возможной чистотѣ, плотію и духомъ, на судъ божій, еслибы жребій войны указалъ туда дорогу. При таковомъ физическомъ состояніи, страстное прикосновеніе пламеннаго существа произвело въ моемъ грѣшномъ тѣлѣ невыразимое потрясеніе. Нужна была вся сила воли, чтобы преодолѣть запылавшій огонь. Я скрѣпился и истолковалъ, какъ могъ, милой искусительницѣ эти слова:

— Если я тебя полюблю, то это будетъ мое несчастіе.

— А я, съ тѣхъ поръ, какъ тебя увидѣла, о тебѣ только и думаю, и ночью и днемъ,—проговорила она, печально качая головою.

Я выбѣжалъ изъ комнаты, выпилъ стаканъ воды, закурилъ трубку и, усѣвшись на галлереѣ, погрузился въ думу.

За обѣдомъ я былъ скученъ; ѣлъ и пилъ очень мало и на участіе радушныхъ хозяевъ отговаривался нездоровьемъ, ибо и, дѣйствительно,

чувствовалъ себя не хорошо. Но зоркая Эмине кидала на меня испытующіе взгляды, и, нѣтъ сомнѣнія, угадала бушевавшій пламень.

Послѣ обѣда я тотчасъ собрался ѣхать. Прощаясь съ хозяйкою, когда Таиръ ушелъ выводить моего коня, она спѣшила въ разговорѣ со мною и старалась и словами и жестами истолковать мнѣ мысли свои, кои, сколько могу припомнить, были въ этомъ родѣ: «Не тоскуй, капитанъ-джанымъ [1]), прошу тебя; это мнѣ очень больно. Знаю твою печаль. Если будешь жить въ городѣ, а не въ казармахъ, то все сбудется по желанію. Переѣзжай же хоть сегодня и увидишь, умѣетъ ли Эмине понимать тебя и благодарить за дружбу, которой никогда, никогда не забудетъ. Я не простая, ты это видишь. Вѣрь же мнѣ, капитанъ-джанъ, все будетъ хорошо; переѣзжай по скорѣе.

Пріѣхавши въ казармы, въ коихъ расположенъ былъ нашъ 7-й корпусъ со штабомъ, я тотчасъ принялся за гидропатію и діэту и въ тотъ же день, съ разрѣшенія генерала, сдѣлано было распоряженіе объ отводѣ для меня, по случаю болѣзни, приличной квартиры въ городѣ, гдѣ лѣкарь не шутя совѣтовалъ мнѣ обратиться къ существенному лѣченію, во избѣжаніе бѣлой горячки, коей признаки были явственны и которой, въ жизнь мою, я подвергался три раза: одинъ разъ во время пребыванія моего въ Парижѣ и два въ бытность мою въ Грузіи, единственно по причинѣ продолжительнаго терпѣнія.

На другой день утромъ Таиръ, навѣстившій меня, искренне соболѣзновалъ о моемъ нездоровьи, но причины его не зналъ. Я поручилъ ему съѣздить и посмотрѣть указанную квартиру. Возвратившись, онъ объявилъ, что квартира очень хорошая, съ ходомъ совершенно отдѣльнымъ съ улицы, отведена въ греческомъ кварталѣ, въ домѣ богатой молодой вдовы, которая, впрочемъ, выходитъ замужъ за родственника покойнаго мужа; но что въ сосѣдствѣ есть юная гречанка, слывущая адріанопольскою красавицею, которую не стыдно было бы представить и въ султанскій геремъ. Это была дѣйствительная правда. Впослѣдствіи, познакомившись съ ея отцомъ, я бывалъ у него въ домѣ, видѣлъ красавицу, родителямъ коей, а болѣе ей самой, очень и очень хотѣлось съиграть свадьбу, но эта фантазія была для меня не по душѣ, несмотря на искренніе намеки съ ихъ стороны, мнѣ предложенные. Сверхъ сего Таиръ сказалъ мнѣ, что въ этой же улицѣ, дома черезъ два, живетъ у своего сына одна старая гречанка, которая приходится родной теткой его женѣ.

— Какъ,—спросилъ я,—развѣ Эмине гречанка?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—но ея мать, старшая сестра этой ста-

---

[1]) Джанъ, душа, джанымъ, душенька. Турки въ пріятельскомъ разговорѣ прибавляютъ это слово къ имени или званію.

рухи, была урожденная гречанка; такъ точно, какъ и бабка Гедіэ была замужемъ за магометаниномъ, но по происхожденію болгарка. Подобные браки бывали прежде въ Турціи, нынѣ по милости Махмудэ, весьма рѣдки,—добавилъ онъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я переѣхалъ въ Адріанополь на новую квартиру, куда еще утромъ было все перевезено. Помѣщеніе, по климату и обычаямъ, было очень удобное и даже роскошное. Квартира эта состояла изъ двухъ комнатъ, расположенныхъ врядъ, коихъ двери выходили на широкую и длинную галлерею, украшенную рѣзною рѣшеткою съ диванами. Галлерея эта была въ садъ, а изъ нея шли двѣ лѣстницы, одна въ кухню, помѣщавшуюся подъ комнатами, а другая прямо на улицу, въ особый ходъ. Въ одной изъ комнатъ тянулся во всю длину лѣвой со входа стѣны низкій турецкій диванъ, устланный коврами и подушками; въ противоположной стѣнѣ была широкая ниша для спальной постели, по обѣ стороны коей были въ стѣнѣ же шкапы съ рѣзьбой; а въ третьей стѣнѣ, напротивъ двери, красовался огромный каминъ изъ мрамора. Другая комната была попроще.

Къ чаю явился Таиръ и между прочими разговорами объявилъ мнѣ, что жена его въ восхищеніи, что я перешелъ въ городъ и поручила сказать, что она завтра же пришлетъ мнѣ пешкешъ [1]) на новоселье.

— Э, какъ можно. Поблагодарите ее, пусть не безпокоится, — сказалъ я.

— Отчего, вѣдь и у васъ, я думаю, такъ же, какъ и у насъ, пріятели на новоселье присылаютъ хлѣбъ и соль,—отвѣчалъ онъ.

Я замолчалъ, ибо догадывался, какого рода пешкешъ можетъ пожаловать ко мнѣ.

Послѣ чаю, за стаканами вина, я заговорилъ о моей наклонности, или лучше сказать страсти, и заключилъ мой разговоръ изъясненіемъ въ этомъ родѣ:

— Послушай, Таиръ, ты меня знаешь только нѣсколько дней; но знаешь, какъ честнаго человѣка. Увѣряю тебя клятвенно, ты въ семъ отношеніи не ошибся,—и я понимаю тебя тоже за человѣка честнаго. Будемъ же дѣйствовать и поступать, какъ честные люди. Скажу тебѣ откровенно, мнѣ нравится Гедіэ, но я боюсь затмить чистоту нашей дружбы поступкомъ, который былъ бы противенъ твоимъ чувствамъ; не хочу дѣлать ничего такого, что могло бы поколебать твою ко мнѣ пріязнь. Мнѣ она нравится, говорю тебѣ. Жениться на ней не могу, но полюбить ее желаю. Скажи твою мысль по всей правдѣ, этимъ только ты докажешь мнѣ твою истинную дружбу.

---

[1]) Пешкешъ—подарокъ.

Таиръ, поглядѣвъ на меня пристально, затянулся трубкой, покрутилъ усы и подумавъ началъ говорить, по свойственной ему привычкѣ, медленно и съ разстановкой: «Что Гедіэ тебя любить, я это знаю, къ сожалѣнію, съ того самаго дня, какъ ты у меня обѣдалъ въ первый разъ. Говорю—къ сожалѣнію, ибо она и мнѣ очень нравится. Да иначе, капитанъ-джанъ, и быть не можетъ. Коль скоро съ перваго взгляда мы понравились другъ другу, то все, что хорошо для меня, можетъ показаться хорошо и для тебя. Слѣдовательно, не мудрено, что то, что полюбилось мнѣ, и тебѣ приходится по вкусу. Эмине желаетъ ее сбыть какъ наискорѣе. Знаю, что женою твоею она быть не можетъ, но быть твоею любовницею будетъ для нея по сердцу, да она лучше и не желаетъ. Притомъ же, я, Эмине и Марица, всѣ мы будемъ этому рады. Я—потому, что люблю и уважаю тебя много, а Эмине и Марица изъ ревности. Вотъ тебѣ, капитанъ-джанъ, вѣрная правда.

— Что же съ нею станетъ, когда я уѣду?

— Ничего. Будетъ жить у насъ, а случится хорошій человѣкъ, выйдетъ замужъ.

— Да кто же женится на ней, если она будетъ ни дѣвка, ни вдова?

— Странный вопросъ. Этакія женитьбы у насъ бываютъ нерѣдко; а у васъ, я думаю, и того чаще,—ибо у васъ покупаютъ мужей, а у насъ женъ. Была бы хороша и молода, не засидится дома. За нее уже сватался не одинъ; а мой дядя безъ ума отъ нея, только что онъ старъ и вдовъ. Да и тетка ея, Эмине, была, какъ ты говоришь, ни дѣвка, ни вдова, хотя и толкуетъ, что я спьяна ничего не могъ разобрать въ ту ночь. При томъ же куда дѣвались бы несчетные табуны любовницъ и прислужницъ нашихъ пашей, улемовъ, эфендіевъ и проч. и проч., еслибы всѣ, по-твоему, женились только на дѣвкахъ. Вѣдь всякій правовѣрный можетъ имѣть четыре жены, а любовницамъ и счета не положено.

— Стало быть, этотъ мудрый законъ магометовъ говоритъ: чего не нашелъ у одной, того ищи у другой, у третьей и такъ далѣе,—возразилъ я съ улыбкой.

Таиръ при этой остротѣ вытаращилъ на меня глаза и, расхохотавшись отъ души, сказалъ: Ахъ, скажи, пожалуй, эта мысль никогда не приходила мнѣ въ голову; а вѣдь это можетъ быть и правда, и очень правда.—Но только ты понимаешь мое выраженіе какъ турокъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ, подъ словомъ: чего не нашелъ у одной, того ищи у другой, я понимаю любовь и дружбу, т. е. сердце и душу,—безъ коихъ и первѣйшая въ мірѣ красавица принесетъ человѣку адъ, а не магометовъ рай.

— Пеки, пеки [1]).

— Да что тутъ много толковать, – продолжалъ Таиръ.—Есть всякому предопредѣленіе свыше. Самъ султанъ Махмудъ не могъ снять моей головы, потому что не такъ было написано въ книгѣ судебъ. И мои предки были христіане, иначе, ни они, ни я не могли бы быть янычарами [2]). И у тебя азіатская кровь. Повѣрь мнѣ, во всемъ этомъ, даже въ дружбѣ и любви, есть предопредѣленіе. Никто не можетъ избѣгнуть своей судьбы, и она не избѣгнетъ своей.

— Да,—сказалъ я,—и у насъ вашъ фатализмъ выражается въ пословицахъ: кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ. Чему быть, того не миновать. А я скажу словами Богдана Хмѣльницкаго: Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.

— Олуръ, чохъ олуръ [3]),—воскликнулъ мой собесѣдникъ, махнувъ головою, и мы сѣли ужинать въ самомъ веселомъ расположеніи.

На другой день утромъ, едва я успѣлъ сдѣлать визитъ моей хозяйкѣ, принявшей меня очень ласково и вѣжливо, какъ взошелъ ко мнѣ мой пріятель, полковникъ генеральнаго штаба Никлевичъ [4]), и мы пошли вдвоемъ осматривать андріанопольскія знаменитости. Мы до того находились, что я едва добрелъ домой.

Послѣ обѣда я тотчасъ залегъ спать и уснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ сумерки, я неожиданно разбуженъ былъ голосистымъ пѣніемъ моего незабвеннаго пріятеля Я., коему вторили два другіе, а съ ними и я началъ припѣвать и бить тактъ въ ладони.

Гей, муй коханый Юрку,
Пшистань, пшистань до вербунку.
Въ Бердичовѣ, славномъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцовъ двѣсти,
Семь конюшихъ, семь писаржей,
Вели разныхъ господаржей.
Гей, муй коханый Юрку,
Пшистань, пшистань до вербунку.

— Vous voilà donc, nous vous avons deniché. Подымайсь и одѣвайсь. Мы рѣшились завербовать тебя на этотъ вечеръ, для того и пропѣли тебѣ твой вербунокъ.

— Брависсимо,—отвѣчалъ я, одѣваясь.

— А посланіе мое получилъ?

---

[1]) Прекрасно.

[2]) Турецкій султанъ Урханъ или Орканъ въ 1330 году учредилъ войско янычаръ изъ христіанъ, обращенныхъ въ магометанство.

[3]) Олуръ, чохъ олуръ,—такъ, во истину такъ.

[4]) Этотъ замѣчательный человѣкъ служилъ при Наполеонѣ, въ жизнь мою я не встрѣчалъ никого изъ военныхъ съ такимъ высокимъ образованіемъ и съ такими глубокими свѣдѣніями.

— Нѣтъ.

— Такъ слушай, вотъ оно:

Спѣши,—прошу на пиръ простой,
На пиръ незваный, холостой.
Ты здѣсь найдешь друзей бивачныхъ,
За кубкомъ, въ облакахъ табачныхъ;
Ты здѣсь найдешь веселый сбродъ,
Цыганскій таборный народъ,
Нарѣчій, лицъ, племенъ стеченье,
И у гречаночекъ-голубокъ,
Но въ шароварахъ вмѣсто юбокъ,
Найдешь быть можетъ развлеченье.
Спѣши, спѣши, мой милый достъ [1]),
Здѣсь ждетъ тебя заздравный тостъ.

— Какая высокая мысль, — какой благородный порывъ, — возразилъ я.

Въ тебѣ я узнаю прапрадѣдовску кровь
Варяжскихъ витязей, и дружбу, и любовь.

— А prospos, вотъ прекрасный локайль для бакханаліи. Какая великолѣпная галлерея,—сказалъ мой милый Я., разсматривая квартиру.

— Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, нельзя ли съ этими геніальными идеями подальше отъ этого локайля.

— Отчего?

— Оттого, что хозяйка дома адріанопольская аристократка, вдова, да еще и молодая и сверхъ того выходитъ надняхъ замужъ. Слѣдовательно, наша бакханалія, восхитительная для насъ, нисколько не будетъ утѣшительна для нея и можетъ даже повредить ея репутаціи.

— Пошелъ читать мораль. Ну, готовъ, что ли?

Идемъ, готовъ
На славный зовъ.

И мы отправились.

Было уже совершенно темно. Мы шли версты три и пришли къ двухъ-этажному домику, стоявшему отдѣльно, на большой улицѣ, пролегавшей отъ каменнаго моста, со стороны казармъ. Эта часть города называлась Армянскою и была заселена армянами. Домикъ этотъ, въ коемъ были два покоя вверху и кухня или людская внизу, нанималъ мой пріятель Я., для пріѣздовъ въ городъ, или, лучше сказать, для своихъ удовольствій. Гостей было человѣкъ пять, все своя братія, офицерство. Четыре египтянки или цыганки пѣли и играли на гитарахъ, а три гречанки, какъ граціи, любезничали съ кокетствомъ. Два стола уставлены

[1]) Достъ—другъ.

были одинъ конфектами, вареньемъ и фруктами, а другой — батареею винъ. Разносили чай и пуншъ. Все было чинно и весьма любезно.

Въ столь веселой компаніи, одушевленной молодыми азіатками, можно было развлечься офицеру, проведшему года полтора бивуачной жизни, ибо прелестницы сіяли молодостью, свѣжестью и поражали новостью физіономій и костюмовъ, и мой милый Я. говорилъ правду:

Что у гречаночекъ-голубокъ,
Но въ шароварахъ, вмѣсто юбокъ,

можно было найти развлеченье; но со мною было напротивъ. На меня нашла какая-то хандра, причины коей я не постигалъ. Правда, одинъ и тотъ же предметъ не сходилъ съ ума;—однако въ этотъ вечеръ я не могъ льститься никакимъ ожиданіемъ, ибо зналъ положительно, что и въ Адріанополѣ такъ же, какъ и вездѣ въ Азіи, порядочная женщина ни за какія блага не выйдетъ изъ дому въ ночное время. Слѣдовательно, если занимавшій меня предметъ и рѣшился бы сдѣлать мнѣ визитъ, то это могло случиться или очень раннимъ утромъ, или въ сумерки,—а иначе никакъ. За всѣмъ тѣмъ упорная грусть отразилась на моемъ лицѣ, и товарищи мои, казалось, уважали мою печаль и не дѣлали мнѣ принужденія. Не желая наводить уныніе на другихъ моей скучной физіономіей и затмевать веселость этого разгульнаго пиршества, я ускользнулъ незамѣтно и отправился домой. Мой Иванъ, крутой малороссъ, ожидалъ меня съ лошадью и фонаремъ внизу; за всѣмъ тѣмъ я проѣздилъ болѣе часу, пока добрался до квартиры. Разъѣзжая по безмолвнымъ улицамъ, съ досады я бранилъ Ивана, а Иванъ, по свойственной малороссіянамъ поведенціи, честилъ проклятіями и турокъ, и ихъ города.

— Никто не приходилъ,—спросилъ я у моего Павлушки, входя въ комнату.

— Нѣтъ, никто.

— А Таиръ?

— Онъ приходилъ, когда вы еще спали послѣ обѣда, спросилъ и ушелъ.

— Сдѣлай чаю.

— Развѣ вы тамъ и чаю не пили?

— Какой тамъ чай.

Взявъ «La contemporainne» [1]) изъ книгъ, кои всегда и вездѣ возилъ

---

[1]) Это любопытное сочиненіе одной красавицы, знаменитой своими похожденіями. Происходя изъ голландской аристократической фамиліи, урожденная графиня ......, она была замужемъ за однимъ французскимъ генераломъ. Бывъ любовницею Нея, находилась съ нимъ въ Россіи и въ Москвѣ, въ 1812 году. И прежде сего, и послѣ, ознаменовала себя любовными приключеніями съ первѣйшими того времени людьми и даже съ Наполеономъ. Все

съ собою въ возможномъ количествѣ, я улегся на диванъ противъ ниши и принялся читать. Но чтеніе этого любопытнаго сочиненія, несмотря на его занимательность, не лѣзло въ голову. Погрузившись въ размышленіе, я рѣшилъ положительно, что для благовоспитаннаго человѣка, съ разсудкомъ здравымъ, нѣтъ ничего глупѣе, какъ сильная любовь, что эта увлекательная страсть, поражая сердечную сторону человѣка, разстраиваетъ его воображеніе, убиваетъ моральную его силу и дѣлаетъ его какъ бы безумнымъ. Въ сихъ идеяхъ, обращаясь къ собственному положенію, я радовался, что интрига моя не клеится и рѣшился выбросить изъ головы эти глупости; а для вящшей разсѣянности я предполагалъ навѣщать почаще мою хозяйку, согласно сдѣланному ею мнѣ приглашенію, въ бытность мою у нея съ визитомъ. У нея, какъ мнѣ сказали, собирались часто молодыя барыни и барышни-гречанки, въ числѣ коихъ и сосѣдка-красавица; я предполагалъ также, подобно другимъ, шататься каждодневно въ знаменитой галлереѣ и искать приключеній, въ полной надеждѣ, тамъ или тамъ, найти то, что мнѣ нужно. Но не сейчасъ ли самъ я бѣжалъ отъ того, чего добиваюсь съ такой жадностью? Вотъ до какой степени одурачила меня безразсудная страсть, сказалъ я самъ себѣ и началъ искренне сожалѣть о томъ, что оставилъ пирушку, и уже подумывалъ возвратиться туда, но боялся, что не найду дороги.

Среди таковыхъ и подобныхъ мечтаній, сидя по-азіатски на диванѣ, я допивалъ уже другой стаканъ чаю и курилъ медленно трубку. Было уже около полуночи. Мрачность обширной комнаты, слабо освѣщенной мерцаніемъ горѣвшей возлѣ меня свѣчи, и глубочайшая тишина, казалось, согласовались съ моимъ мрачнымъ состояніемъ.

Вдругъ послышался шорохъ. Я взглянулъ въ ту сторону, — и ужасъ объялъ меня... Въ огромной нишѣ, прямо противъ меня, стояла у моей постели фигура, женская, знакомая... Страшная мысль, какъ молнія, мелькнула, что со мною начинается припадокъ бѣлой горячки, что моя бѣдная голова помѣшалась... Сердце заныло, какой-то электризмъ пробѣжалъ по нервамъ, и я близокъ былъ къ безчувствію, но въ ту же минуту видѣніе осуществилось. Въ объятіяхъ моихъ было пламенное юное тѣло той, которая такъ сильно тревожила меня въ теченіе двухъ недѣль и особенно въ послѣдніе дни.

Переходъ отъ ужаса къ радости повергъ меня въ столь тревожное

это излагая откровенно, не только не посовѣстилась открыть свѣту свою моральную наготу, но напротивъ въ нѣкоторыхъ интригахъ описывая подробности тайныхъ процессовъ любви, она этимъ хвалится и величается, какъ знаменитый вождь побѣдами.

состояніе, что я едва чрезъ часъ могъ прійти въ нормальное положеніе, и то не прежде, какъ послѣ холодной ванны [1]).

Пришедши въ себя, первый вопросъ моей милой гостьѣ былъ о томъ, какимъ способомъ очутилась она въ нишѣ и какъ пробралась въ комнату совершенно никѣмъ не замѣченная? Усѣвшись возлѣ меня, за чаемъ и ужиномъ, она разсказала очень внятно и подробно слѣдующее:

Въ тотъ день, когда отведена была мнѣ квартира, о коей сказалъ Таиръ, Эмине пошла къ своей теткѣ, живущей возлѣ занимаемаго мною дома, и взяла ее съ собою. Идучи туда и назадъ, онѣ проходили медленно мимо моей квартиры, замѣтили ее и разсмотрѣли входъ. Въ этотъ день, часовъ за пять предъ симъ, тетка нарядила ее въ лучшій костюмъ, сверху коего надѣла она худое греческое платье простой служанки, прикрылась грубою чадрою [2]) темносиняго цвѣта и въ этомъ нарядѣ, вышедши передъ вечеромъ изъ дому, проникла въ греческій кварталъ уже въ сумерки, и улучивъ время, когда ни одной женщины не было на улицѣ, она прошла никѣмъ не замѣченная прямо въ мою комнату. Здѣсь она чрезвычайно обрадовалась своей удачѣ, но видя меня спящаго, не осмѣлилась разбудить, за всѣмъ тѣмъ сочла за лучшее спрятаться гдѣ-либо и ожидать моего пробужденія. Наконецъ, посмотрѣвъ въ нишу, она тотчасъ увидѣла потаенную дверцу въ особый ходъ, ведущій внизъ, точно въ такомъ видѣ, какъ это устроено и въ комнатѣ ея тетки, пробралась туда тихо и въ этомъ мѣстѣ оставалась до той минуты, когда показалась мнѣ. Причемъ добавила, что когда она услыхала пѣніе и голоса чужихъ людей, то была отъ страха ни жива, ни мертва, и рѣшилась не выходить изъ своей засады, пока не уснутъ всѣ, но сидя въ углу, и сама уснула, и спала до этой поры. Сверхъ сего она передала просьбу Эмине, чтобы я ея племянницу любилъ и жаловалъ хорошенько; чтобы никогда не пріѣзжалъ къ нимъ въ домъ и даже не ѣздилъ по ихъ улицѣ, дабы этимъ не дать повода сосѣдямъ къ злословію и сплетнямъ, что она сама будетъ посѣщать меня разъ или два въ недѣлю, смотря по возможности и, наконецъ, чтобы я содержалъ знакомство наше въ величайшей тайнѣ.

Протекли два мѣсяца, и ничто не разстроило, ничто не потревожило любви тихой, вѣрной и безусловной. Никакое перо, никакой языкъ не можетъ выразить наслажденія, коимъ я упивался въ это ко-

---

[1]) Окачиваніе водою употреблялось мною въ это время, оно было очень полезно для меня въ Имеретіи и въ настоящемъ случаѣ было для меня спасительно.

[2]) Чадра, кусокъ полотна или другой матеріи въ величину простыни, коею азіатки покрываются сверху платья, закутывая и лицо, кромѣ глазъ. Чадры у бѣдныхъ коленкоровыя, а у богатыхъ шелковыя, разноцвѣтныя.

роткое время. Мое счастіе, въ этомъ смыслѣ, было такъ велико, что я не надѣялся встрѣтить въ другой разъ подобное даже законнымъ путемъ. Предчувствіе сбылось!... Прошло тому уже болѣе двадцати лѣтъ, и эта сердечная встрѣча и нынѣ отражается наилучшимъ лучемъ моей жизни,— и нынѣ глубокій вздохъ чтитъ ея отрадную память.

Однажды, въ знаменитой галлереѣ, встрѣтился я съ однимъ армяниномъ, къ сожалѣнію, забылъ его имя, говорившимъ по-французски лучше, чѣмъ на своемъ природномъ языкѣ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ воспитывался во Франціи, въ Марсельскомъ лицеѣ. Отецъ этого молодаго человѣка былъ въ Константинополѣ банкиромъ и содержалъ на откупу монетный дворъ съ правомъ чекана. Все шло хорошо и благополучно. И султанъ Махмудъ благоволилъ къ нему, и государственные сановники уважали его и искали его дружбы. Вдругъ, въ одну ночь, въ 1824 году, явились незванные гости,—гости ужасные, нѣмые исполнители воли султана. Они проникли прямо въ спальню хозяина, удалили жену и дѣтей, и чрезъ пять минутъ все было кончено. Банкиръ и откупщикъ монетнаго двора былъ задушенъ въ своей постели, а его полновѣсные мѣшки съ золотомъ очутились въ султанской казнѣ. За всѣмъ тѣмъ мать, жена, братья и сестры моего знакомца оставались въ Константинополѣ, въ собственномъ домѣ, подъ милостивымъ покровительствомъ султана, а самъ онъ проживалъ въ Адріанополѣ по коммерческимъ дѣламъ. Столкнувшись нечаянно, мы скоро сблизились и часто бывали другъ у друга. Узнавши о моей связи, въ одинъ вечеръ, за чашей свѣтлаго вина, въ дружеской бесѣдѣ онъ началъ уговаривать меня ѣхать съ нимъ въ Константинополь. «Мы остановимся въ нашемъ домѣ,— говорилъ онъ,— вы познакомитесь съ моими родными; у меня есть сестра, невѣста, замѣчательной красоты, а у дяди моего есть дочь, дѣвушка лѣтъ 15-ти, тоже очень хороша, но главное, единственная наслѣдница огромнаго состоянія, простирающагося на нѣсколько милліоновъ рублей, тамъ я васъ тотчасъ сосватаю, завѣряю васъ, а это будетъ хорошо и для васъ, и для насъ, ибо имѣніе и капиталы подъ вашимъ именемъ будутъ неприкосновенны для безсовѣстнаго турецкаго правительства». Но голова моя была дотого занята любовнымъ чадомъ, что никакіе разсчеты, какъ бы они выгодны ни казались, не могли въ это время быть доступны моему разсудку. Этотъ мой знакомецъ былъ мнѣ полезенъ впослѣдствіи касательно моей связи.

XI.

Конецъ войны.—Взглядъ на Россію.

Послѣ заключенія въ Адріанополѣ трактата о мирѣ, подписаннаго 2-го сентября 1829 года, 17-го октября послѣдовалъ размѣнъ ратифи-

кацій при торжественномъ парадѣ войскъ въ присутствіи многочисленной публики,—и въ тотъ же день данъ былъ главнокомандующимъ для турецкихъ уполномоченныхъ большой обѣдъ и сожженъ у Эски-Сарая знаменитый фейерверкъ, коего финалъ, павильонъ въ 12 т. ракетъ, гармонируемый залпами 200 орудій, взвился съ оглушительнымъ трескомъ въ облака и возвѣстилъ небу и землѣ заздравный тостъ двухъ величайшихъ своего времени государей-союзниковъ и конецъ ихъ войны.

Зрѣлище удивительное! идея достойная факта.

Но чего стоила эта война?—Изъ всѣхъ войнъ, бывшихъ между Россіею и Турціею со временъ политическаго быта сихъ государствъ, исторія не представляетъ войны менѣе кровопролитной и болѣе смертоносной. Лѣтомъ 1828 года кровавый поносъ былъ печальнымъ предвѣстникомъ ужаснѣйшей эпидеміи. Чума, проявлявшаяся кое-гдѣ въ этомъ году, въ слѣдующемъ 1829 разразилась, и тысячи пали ея жертвами. Всѣ занятые нами города и крѣпости были завалены больными, изъ коихъ едва-ли уцѣлѣлъ десятый человѣкъ. Изъ 12 тысячъ больныхъ, оставшихся въ адріанопольскихъ казармахъ, вышло около 700 человѣкъ. Наисчастливѣйшіе полки были тѣ, кои вошли въ Россію въ половинномъ комплектѣ; но таковыхъ было очень немного. Напротивъ, были такіе полки, коихъ наличность ограничивалась десятью или двадцатью человѣками рядовыхъ и таковымъ же числомъ музыкантовъ. Я видѣлъ собственными глазами такіе полки, въ коихъ, за неимѣніемъ людей, музыканты несли знамена. Кажется, можно безошибочно сказать, что изъ числа 150 т., перешедшихъ за Прутъ и Дунай, возвратилось въ Россію не болѣе третьей части, не считая гвардію, которая, по благоразумному распоряженію, успѣла выйти изъ Турціи во-время.

Издержки, въ продолженіе двухъ-годовой войны, на содержаніе двухъ армій, съ ремонтировкою кавалеріи и артиллеріи, въ европейской и азіатской Турціи и двухъ флотовъ въ разныхъ моряхъ, могли простираться приблизительно до 30 мил. р. сер.; да убыли людей, убитыми, ранеными и умершими, должно положить не менѣе 100 т. человѣкъ. Столь огромное пожертвованіе далеко не вознаграждается 1.500.000 червонцевъ и пріобрѣтеніемъ Анапы и Ахалцыха съ нѣкоторыми землями за Кавказомъ; зато признана самостоятельность Греціи, утверждены права и выгоды Сербіи, Валахіи и Молдавіи, а главное,—поддержано достоинство націи и прославлено ея оружіе.

Бросивъ взглядъ на событія послѣдняго пятидесятилѣтія, невозможно не убѣдиться, что въ этотъ періодъ Россія выдержала гораздо болѣе борьбы, нежели въ продолженіе предшествовавшихъ двухъ вѣковъ (съ 1600 по 1801 годъ).

Война съ Наполеономъ въ 1805—6—7, война съ Швеціею въ 1808—9, война съ Турціею съ 1806 по 1812, безсмертная отечественная война

1812 и послѣдовавшія за ней 1813 — 14—15, двѣ персидскія войны, одна съ 1802 по 1813 и другая 1826 и 1827, война съ Турціею 1828 и 1829, польская 1831, венгерская 1849 и, наконецъ, безпрерывныя военныя дѣйствія за Кавказомъ,—составляютъ эту великую героическую эпоху, въ которую побѣдоносное россійское оружіе покрыло себя неувядаемою славою и поставило свое отечество на степень первѣйшихъ государствъ Европы и всего міра.

Что была Россія за 200 предъ тѣмъ лѣтъ, до временъ ея великаго преобразователя, и какою является нынѣ! Великій Петръ принялъ ее въ юныя длани грубою, въ дикомъ невѣжествѣ, съ 18 мил.[1]) жителей, 2 мил. р. дохода, безъ арміи, безъ флота; Николай, его знаменитый праправнукъ, передаетъ ее колоссомъ міра, объемлющимъ болѣе 400 т. квадратныхъ миль, съ 70 мил. жителей, съ 300 мил. р. сер. годовыхъ доходовъ, съ грозными флотами, на семи моряхъ и съ милліонною арміею, доведенною до наивысшаго совершенства. Остзейскія провинціи, съ ихъ неприступными крѣпостями и цвѣтущими городами, герцогство Курляндское, царство Польское, Бессарабія, ханство Крымское, весь Кавказскій и Закавказскій край, до Аракса и отъ моря Чернаго до Каспійскаго, земли казаковъ, малороссійскихъ, запорожскихъ, донскихъ и уральскихъ,—слились въ одно цѣлое. Тамъ, гдѣ были въ то время непроходимыя болота и дебри, нынѣ пролегаютъ свободные пути сообщенія. Шоссе динабургское, отъ Петербурга до Варшавы, шоссе бѣлорусское, до Кіева, шоссе московское и другія и, наконецъ, желѣзная московская дорога, идущая на протяженіи болѣе 600 верстъ. А науки, художества, фабрики, заводы, промышленность и торговля съ каждымъ днемъ развиваются болѣе и болѣе. Въ то время Россія была въ младенчествѣ; нынѣ она въ юношескомъ возрастѣ. Если же принять въ соображеніе законы возрожденія и долголѣтія государствъ, то Россія должна достигнуть полнаго физическаго развитія чрезъ два будущіе вѣка ея жизни, т. е. въ ту отдаленную эпоху, когда народонаселеніе ея, увеличиваясь на 1 проц., возрастетъ до 400 мил. душъ и покроетъ всѣ удобозаселяемыя земли ея въ Европѣ.

Сравнивъ такимъ образомъ младенческій бытъ Россіи съ настоящимъ, насъ поражаетъ изумительная быстрота государственнаго развитія и усовершенствованія. Зато это исполинское развитіе обошлось Россіи не дешево. Какіе удары вынесла она на мощныхъ своихъ раменахъ въ эти два съ половиною вѣка своей жизни и какіе еще должна вынести, пока достигнетъ указанной эпохи. Ей не страшны ни голодъ, ни опустошительныя эпидеміи, ни оружіе иноземное; противъ нихъ она

---

[1]) Въ первую ревизскую перепись, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, оказалось 8.953.000 муж. пола душъ (1670).

найдетъ средства въ собственныхъ силахъ; гроза ея въ ней самой. Въ семъ смыслѣ первый предметъ, поражающій наблюдательный взглядъ, есть вопросъ объ освобожденіи на волю крѣпостнаго сословія (эманципація). Этотъ важный вопросъ правительство должно рѣшить само и не допустить, чтобы этотъ ужасный «ураганъ» разразился самъ по себѣ. Но и въ дѣйствіяхъ по этому правительства, болѣе всего нужны будутъ осторожное благоразуміе и сила воли нынѣ царствующаго Николая. По крайней мѣрѣ, этотъ знаменитый государь сдѣлалъ все, что могъ, и снялъ съ себя даже упрекъ потомства въ этомъ дѣлѣ. Его мысль объ обязанныхъ крестьянахъ, о правахъ выкупа крестьянъ, при продажѣ населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, и вопросъ объ освобожденіи крѣпостнаго состоянія людей (объ эманципаціи), предложенный на обсужденіе нѣкотораго дворянства, ясно доказали, что онъ, предвидя неизбѣжность этого перелома, желалъ предупредить его ужасы. Это стремленіе обнаруживаетъ въ немъ глубокое познаніе моральнаго состоянія Россіи и искреннее желаніе ей добра.

Было бы непростительно не отдать нельстивой признательности рѣдкимъ доблестямъ этого великаго государя. Называю его великимъ, ибо со временъ политическаго существованія Россіи никто изъ царствовавшихъ лицъ, исключая Петра I, не совершилъ такихъ полезныхъ и великихъ улучшеній, какъ онъ; а въ обстоятельствахъ именно критическихъ явилъ рѣдкое благоразуміе и непоколебимую силу воли. На политической сферѣ онъ взялъ перевѣсъ надъ всѣми государями Европы и поставилъ свою Россію на первенствующее мѣсто. Въ жизни частной, онъ лучшій супругъ, онъ примѣрный отецъ. Видѣли его глубокую печаль, слышали его тяжкія рыданія при кончинѣ его дочери. Наконецъ, прекрасная наружность, цвѣтущее здоровье, на 56 году, убѣждаютъ, что его физическая жизнь постоянно сопровождалась строгою умѣренностію. Но не моему слабому перу писать біографію сего славнаго государя. Исторія отдастъ ему должную славу, и его жизнь займетъ лучшія страницы россійской лѣтописи.

XII.

1830 годъ.

Ямболь, Варна и Кишиневъ.

Въ ноябрѣ 1829 года 7-й пѣхотный корпусъ выступилъ изъ Андріанополя на зимнія квартиры, 18-я дивизія въ г. Ямболь, а 19-я въ г. Селимно. Проливной дождь и холодъ сопровождали насъ до мѣста чрезъ семь или восемь переходовъ.

*

Ямболь, не обширный, но красивый городокъ, лежитъ на большой дорогѣ, на высокомъ мѣстѣ. Торговля ничтожная, и кромѣ болгаръ никого не было. Квартира у меня была и выгодна и хороша. Мяснаго было достаточно, зато болѣе ничего, а въ нѣкоторыхъ продовольственныхъ предметахъ мы терпѣли крайность. За фунтъ крупчатой муки платили рубль и болѣе полтора рубля, за фунтъ картофелю 50—80 коп. и даже рубль асс., а фунтъ чаю доходилъ до 80 руб. асс. Я продалъ 5 ф. чаю, пололовину моего запаса, за 25 червонцевъ.

Зиму провели мы спокойно, но скучно и единообразно. Чтеніе коекакихъ книгъ и писаніе замѣтокъ составляли мои главныя занятія, а длинные зимніе вечера убивались за картами. Постоянная игра моя была бостонъ на 4 руки съ кадилями по 10 к. сер. Партнерами были то Бассардинъ, то Аристовъ, то Антоновъ; всѣ трое артиллеристы. Игралось довольно счастливо, и въ зиму я остался съ плюсомъ около 300 р. сер.

Въ мартѣ пріѣхалъ навѣстить меня мой пріятель Таиръ и подтвердилъ извѣстіе, сообщенное мнѣ около этого времени, моимъ знакомцемъ армяниномъ въ письмѣ изъ Адріанополя, т. е. что Гедіэ вышла замужъ за родственника Таира, что мужъ ея хотя и пожилой, но человѣкъ небѣдный, промышленный и проч. Онъ сообщилъ мнѣ много подробностей по сему предмету, интересныхъ собственно для меня. Погостивъ у меня болѣе недѣли, этотъ рѣдкій человѣкъ распростился со мною на вѣки. Признаюсь, я разставался съ нимъ со слезами. Да и можно ли было не любить всей душой человѣка, который жертвовалъ для меня честію своего имени и, что еще болѣе, собственною любовію. По истинѣ, въ грубой корѣ этого турка были высокія чувства благородной души. Гдѣ бы ты ни былъ теперь, въ этомъ, или въ другомъ мірѣ, прими сердечный вздохъ мой, дань нелицемѣрно признательной души...

Въ концѣ апрѣля 1830 года, 7-й пѣхотный корпусъ пришелъ въ Варну. 19-я пѣхотная дивизія, коей князь Горчаковъ въ это время назначенъ былъ начальникомъ, переименована въ 18-ю, поступила въ 6-й корпусъ, подъ начальство генерала Рота и осталась въ Варнѣ съ прочими войсками, а бывшая 18-я дивизія ушла въ Россію. Для взрыва кр. Варны, по трактату, оставались войска наши по октябрь.

Небольшой двухъ-этажный домъ одного богатаго армянина отданъ былъ весь въ мое распоряженіе. Хозяинъ этого дома, по фамиліи Апель, жилъ въ Варнѣ по своимъ коммерческимъ дѣламъ, а семейство его находилось въ Константинополѣ. Чтеніе и письмо и здѣсь были моимъ привычнымъ занятіемъ. Сверхъ того я изрѣдка упражнялся въ изученіи турецкаго языка.

Прекрасной наружности юноша, сынъ знатнаго константинопольскаго турка, по непреоборимой страсти къ военному дѣлу пріѣхалъ въ Варну съ единственною цѣлію насмотрѣться на наши ученія, разводы

и проч. Апель привелъ его ко мнѣ, и онъ просилъ меня, безъ церемоніи, учить его по-русски. Онъ уже болталъ кое-какъ по-французски, а читалъ и понималъ довольно хорошо. На просьбу его я согласился съ тѣмъ, чтобы и онъ училъ меня по-турецки,—и наши взаимные сеансы состоялись. Онъ удивлялся, что я такъ много зналъ по-турецки, а я говаривалъ ему, что никогда не встрѣчалъ молодаго человѣка съ такими быстрыми способностями. И дѣйствительно, этотъ 18-ти-лѣтній мусульманинъ очень скоро началъ читать и кое-что понимать по-русски. Онъ выучивалъ, когда хотѣлъ по двѣсти словъ въ день. Зато мои успѣхи въ турецкомъ языкѣ были далеко не таковы, несмотря на то, что сверхъ молодаго учителя, нашлась еще и учительница помоложе его. Но, быть можетъ, поэтому и грамотка не лѣзла въ голову. Эта интрига была гораздо отважнѣе андріанопольской и грозила опаснѣйшими послѣдствіями. Другой, на моемъ мѣстѣ, менѣе опытный и менѣе равнодушный, неизбѣжно содѣлался бы печальной ея жертвою. По крайней мѣрѣ этотъ урокъ окончательно убѣдилъ меня, какъ мало должно довѣрять нѣжностямъ и клятвамъ прекраснаго пола.

При таковомъ препровожденіи времени, купанья въ морѣ и загородныя прогулки, а изрѣдка и служебныя занятія дѣлали пребываніе въ Варнѣ нескучнымъ. Подъ конецъ я получилъ сильную болгарскую лихорадку, съ коею, выѣхавъ изъ Варны, возился около четырехъ мѣсяцевъ. Въ Сатуновѣ въ карантинѣ я лежалъ больной. Здѣсь сырость, холодъ и нечистота дурнаго помѣщенія дѣлали положеніе мое, въ теченіе 28-ми дней, крайне затруднительнымъ.

Въ ноябрѣ мы пришли въ Кишиневъ. Путешествіе наше изъ Варны было весьма продолжительно, потому что въ Сатуновѣ, на Дунаѣ мы держали 28-ми дневный карантинъ, хотя, благодаря Бога, чума давно уже исчезла; зато въ Кишиневѣ мы наткнулись на холеру.

Изъ всего военнаго сословія, находившагося въ Кишиневѣ, кажется, меня перваго постигла эта ужасная болѣзнь. Это было такъ: 25 декабря 1830 года, въ день Рождества Христова, послѣ большаго обѣда, бывшаго у князя Горчакова, я возвращался домой верхомъ. Былъ часъ 10-ый вечера, квартира моя, въ домѣ Кукона Дино-Руссо, была очень далеко. Не зная города и по причинѣ непроницаемой темноты, я сбился съ дороги и проѣздилъ около двухъ часовъ. Я былъ въ мундирѣ и лѣтней шинели, погода же была очень дурная. Холодный вѣтеръ и проливной дождь прохватили до костей.

Пріѣхавъ домой, я спалъ безпокойно, а въ 10-мъ часу утра открылись припадки холеры, въ столь сильной степени, что когда, чрезъ два часа, пріѣхалъ ко мнѣ докторъ Буде, то дѣйствіе поноса, сопровождаемое рвотою, уже было болѣе 20-ти разъ, и уже начинались корчи и обмороки. Тотчасъ посадили меня въ горячую ванну и давали черезъ

каждую четверть часа отъ 5-ти до 10-ти капель Лаудана въ чашкѣ мятнаго чаю. Наконецъ, благодаря Бога, послѣ сильной ванны показалась испарина, и я, закутанный одѣяломъ, шубою, шинелью и даже буркою, потѣлъ чрезвычайно много. Послѣ этихъ и другихъ пособій, къ 8-ми часамъ вечера, я получилъ значительное облегченіе, а на другой день я былъ почти здоровъ, но слабость оставалась долго.

XIII.

1831 годъ.

Кишиневъ.—Причины, побудившія къ перемѣнѣ службы.

Записки эти я пишу не для свѣта и печати, а собственно для васъ, мои милыя дѣти, на тотъ конецъ, дабы вы, достигши зрѣлаго возраста и читая ихъ, когда меня не будетъ, знали въ возможной подробности мою жизнь. Посему, приближаясь къ эпохѣ, когда послѣдовалъ переломъ моей службы, я признаю нужнымъ изложить здѣсь какъ главную цѣль моего первоначальнаго стремленія, такъ и обстоятельства, кои, опрокинувъ мои надежды, дали моему служебному поприщу далеко не то направленіе, коего я добивался. Разсказъ этотъ я долженъ начать издалека и предваряю, что страницы эти объемлютъ самый грустный періодъ моей,—и безъ того не очень счастливой,—жизни.

Еще въ 1816 году, рѣшившись, по совѣту брата Григорія Петровича, поступить въ военную службу, я желалъ служить по генеральному штабу или по артиллеріи. Для этой цѣли и образованіе мое во Франціи было преимущественно обращено на изученіе математики и другихъ наукъ. Но чтобы не потерять, въ отношеніи къ службѣ, время, долженствовавшее употребиться на мое обученіе, я опредѣленъ былъ въ началѣ 1817 года въ 41 егерскій полкъ юнкеромъ, съ тѣмъ, что, до производства въ офицеры, мнѣ позволено было заниматься науками внѣ полка. Выигрышъ въ этомъ опредѣленіи былъ видимый, ибо и ученіе шло порядкомъ, и служба считалась. Да притомъ немаловажная выгода заключалась и въ томъ, что, бывъ впослѣдствіи произведенъ въ офицеры, я могъ бы перейти тѣмъ же чиномъ въ генеральный штабъ или въ артиллерію, разумѣется, выдержавши экзаменъ.

Для достиженія этой цѣли, занимавшей всѣ мои помышленія, я употреблялъ возможныя усилія къ скорѣйшему изученію математическихъ наукъ, и ученіе мое, какъ въ Дуэ, такъ и въ Парижѣ, шло весьма успѣшно. Между тѣмъ, въ то время, когда я подбирался къ половинѣ моего приготовленія, я долженъ былъ оставить науки и явиться въ полкъ, какъ

по случаю производства моего въ офицеры, такъ и потому, что корпусу россійскихъ войскъ, находившихся во Франціи, объявленъ былъ походъ въ Россію. Оставаться же во Франціи военному офицеру, собственно для образованія, можно было не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. А какъ, сверхъ этого, нужны были и деньги, а ихъ-то и не было, то и помышленіе объ этомъ отложено. Посему, по совѣщаніи съ братомъ Григоріемъ Петровичемъ, было предположено, чтобы по прибытіи 41 егерскаго полка въ Россію на мѣсто, я просился въ годовой отпускъ, пріѣхалъ къ нему въ Петербургъ, окончилъ мое приготовленіе и старался о переводѣ по экзамену въ генеральный штабъ. Съ этими радостными надеждами явился я въ полкъ и съ нимъ отправился въ Россію.

На походѣ, кажется, въ Екатеринославской губерніи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 41 егерскому полку слѣдовать въ Грузію на укомплектованіе 17 егерскаго полка, коему и передать свой номеръ 41 ибо полкъ этотъ поступалъ въ 21-ю пѣхотную дивизію, а егерскіе полки ранжировались по номерамъ дивизій. Въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи между прочимъ сказано было: «Полкамъ, поступающимъ на укомплектованіе кавказскаго отдѣльнаго корпуса, передать въ полки по назначенію всѣхъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, а штабъ и оберъ-офицеровъ оставлять по назначенію начальства. Должностные же офицеры могутъ быть оставляемы по ихъ желанію, не иначе, какъ по смѣщеніи во фронтъ». Такая Высочайшая воля успокоивала мои опасенія насчетъ оставленія меня въ Грузіи противъ моего желанія. Сверхъ сего я убѣжденъ былъ что подобный переводъ не могъ случиться и потому, что въ кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ былъ тогда командиромъ знаменитый генералъ Ермоловъ, извѣстный своею строгою справедливостію. Все это, по теоріи вѣроятія, было такъ, но на дѣлѣ вышло иначе.

17 егерскимъ полкомъ командовалъ тогда полковникъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ. 27-ми лѣтъ отъ роду, онъ былъ строенъ, ловокъ и пригожъ, а аристократическое воспитаніе и нѣкоторыя познанія являли въ немъ человѣка свѣтскаго, образованнаго и весьма пріятнаго въ обществѣ. Не буду говорить о его моральныхъ качествахъ, изъ опасенія, что отзывъ мой можетъ показаться одностороннимъ, хотя, впрочемъ, прослуживъ неразлучно съ нимъ болѣе 12-ти лѣтъ сряду, я изучилъ его и знаю его основательнѣе, чѣмъ кто-либо другой; но не могу умолчать, что вопіющая несправедливость этого человѣка убила наилучшія мечты моей юности и была главною причиною тѣхъ горестныхъ случаевъ, о коихъ и нынѣ отражается самое грустное воспоминаніе.

Изъ всѣхъ молодыхъ офицеровъ 41 егерскаго полка князь Горчаковъ удостоилъ меня преимущественно своимъ вниманіемъ. Узнавъ о нежеланіи моемъ остаться въ Грузіи, онъ потребовалъ меня къ себѣ и началъ уговаривать поступить въ его полкъ. Когда же услыхалъ отъ

меня рѣшительный отказъ по причинамъ, изложеннымъ выше, и потому, что я не могъ разлучиться съ меньшимъ братомъ моимъ, Василіемъ Петровичемъ, бывшимъ тогда прапорщикомъ въ одномъ со мною полку, то онъ отвѣчалъ мнѣ: «въ такомъ разѣ братъ вашъ останется здѣсь, хотя бы вы и ушли въ Россію». За симъ онъ продолжалъ: что мои предположенія, касательно перехода моего въ артиллерію или въ генеральный штабъ, не такъ вѣрны; что въ Грузіи гораздо легче достигнуть этого перехода, чѣмъ въ Петербургѣ; что онъ самъ будетъ мнѣ въ этомъ содѣйствовать; но главное состоитъ въ томъ, что если можно шагнуть быстро по службѣ, то это не въ артиллеріи и не въ главномъ штабѣ, а въ званіи адъютантскомъ; что, бывши адъютантомъ у извѣстнаго генерала, можно безъ затрудненія быть переведеннымъ въ гвардію, получить за отличіе чины, кресты и проч., что эта дорога, по служенію въ Грузіи, представляетъ особенную возможность къ быстрому повышенію потому, что здѣсь идутъ безпрерывныя военныя дѣйствія, чего нѣтъ для служащихъ въ Россіи въ мирное время, и что, наконецъ, самъ онъ, будучи изъ старыхъ полковниковъ, надѣется быть скоро генераломъ, тогда возьметъ меня къ себѣ въ адъютанты, и все пойдетъ какъ наилучше. Когда же и послѣ этого убѣжденія онъ увидѣлъ мою нерѣшительность, то досадуя сказалъ мнѣ эти замѣчательныя слова: «Ахъ, Боже мой! да не могу же я обѣщать вамъ сдѣлать васъ генераломъ, когда я самъ полковникъ. Рѣшайтесь, завѣряю васъ, вы не только не потеряете, но напротивъ выиграете болѣе, нежели ожидать можно».

Подобное приглашеніе, заключавшее такъ много правды и выраженное съ откровенною энергіею, не могло не убѣдить меня. Я рѣшился, и мы разстались друзьями.

Это было въ полковой штабъ-квартирѣ въ с. Квешахъ 2 ноября 1819 года,—день навсегда для меня памятный.

Теперь обратимся къ времени, на коемъ я остановился, т. е. къ 1831 году. Въ это время я былъ арміи капитанъ и имѣлъ два креста.

Повышеніе весьма не быстрое, въ теченіе одиннадцати-лѣтняго служенія адъютантомъ при генералѣ, пользовавшемся извѣстностію и занимавшемъ высшія должности, особенно, если принять въ соображеніе, что до турецкой войны я былъ уже штабсъ-капитаномъ и имѣлъ тѣ же два креста.

Для большей видимости я пробѣгу кратко этотъ интервалъ моей службы и укажу на тѣ случаи, въ кои онъ могъ исполнить свои многократныя обѣщанія безъ малѣйшаго затрудненія, но не исполнилъ ихъ. Говорю, безъ затрудненія, потому, что эти случаи заключали дѣйствительныя отличія мои въ сраженіяхъ и два изъ нихъ, въ Рачѣ и Абхазіи, весьма немаловажныя. Вотъ они:

Въ 1820 году, за военныя дѣйствія во время бунта въ Имеретіи, я

получилъ 3 ст. Анны, а товарищъ мой, Н. Д. Талызинъ, былъ переведенъ въ гвардію.

Въ 1821 году, за отличіе, оказанное въ сраженіи въ экспедиціи въ Абхазіи, вмѣсто перевода въ гвардію, я былъ произведенъ въ поручики, ибо такъ былъ представленъ.

Въ 1824 году, за отличіе въ сраженіи во второй Абхазской экспедиціи, получилъ Владимірскій крестъ съ бантомъ, а не переведенъ въ гвардію, ибо такъ былъ представленъ.

Въ 1826 году, по приглашенію его, отправился съ нимъ во 2-ю армію, коей онъ назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ. Возвратившись изъ С.-Петербурга въ началѣ 1827 года, онъ объявилъ, что не могъ хлопотать о переводѣ меня въ гвардію потому, что по случаю предстоящей войны съ турками подобные переводы отложены до войны.

Оставалась надежда на эту войну. Что же вышло?

За всѣ дѣйствія 1828 года я не получилъ ничего; а за 1829 годъ я получилъ бантъ на 3-ю ст. Анны и капитанскій чинъ.

Такъ разыгрались мои великолѣпныя мечты и обѣщанія его сіятельства. . . . .

Изъ сего явствуетъ, что невознаградимая потеря по моей военной службѣ произошла отъ того, что я не могъ попасть на дорогу, которая дала бы мнѣ значительный ходъ, или, лучше сказать, что я не достигнулъ перевода въ гвардію.

Разсуждая объ этомъ въ настоящее время, когда прошло тому болѣе 25 лѣтъ, могу сказать по строгой правдѣ, что причины этому заключались частію въ поступкѣ князя Горчакова, противъ меня несправедливомъ, но большею частію во мнѣ самомъ, и именно въ моей нерѣшительности оставить при немъ службу; но факты разъяснятъ и то и другое гораздо положительнѣе. Постараюсь изложить ихъ въ томъ самомъ смыслѣ, какъ они были. Говорю, въ томъ самомъ смыслѣ, ибо бываютъ случаи въ жизни человѣка, кои никогда не забываются,—и приводимые здѣсь случаи, составляя въ жизни моей замѣчательную важность, навѣки запечатлѣны въ моей памяти. Слѣдовательно, можетъ быть измѣненіе въ словахъ, но не въ сущности.

Въ первую эпоху служенія моего при князѣ Горчаковѣ адъютантомъ, съ мая 1820 по октябрь 1825 года, т. е. по день переѣзда изъ Имеретіи на Кавказскую линію, я былъ и адъютантъ, и правитель канцеляріи, и казначей, и завѣдывалъ его дѣлами, и жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ домѣ, какъ семьянинъ. Онъ никогда не велъ счета своимъ деньгамъ, кои хранились у меня, ибо вѣрилъ въ мою честность и имѣлъ во всѣхъ дѣлахъ величайшую ко мнѣ довѣренность. Онъ любилъ меня, это правда; зато и я былъ ему преданъ всей душой, и дотого былъ къ нему близокъ, что даже воспринималъ его старшихъ дѣтей. За

всѣмъ тѣмъ, будучи чрезмѣрно вспыльчиваго нрава, онъ часто, въ этихъ припадкахъ, дѣлалъ мнѣ величайшія огорченія, а иногда доводилъ даже до отчаянія; но, приходя въ нормальное состояніе, онъ старался ласковымъ и дружескимъ обращеніемъ изгладить дурное впечатлѣніе, и мы дѣлались друзьями по-прежнему. Однако, бывали иногда сцены ужасныя, изъ коихъ четыре или пять мнѣ памятны и теперь. Во всѣхъ этихъ случаяхъ виновность моя была ничтожная. Подобные поступки поражали столь сильнымъ потрясеніемъ мою чувствительность, что на меня начало находить какое-то уныніе въ родѣ сплина.

Случалось, что по нѣскольку дней я не выходилъ изъ комнаты, былъ задумчивъ и печаленъ, а если и являлся къ столу, то былъ угрюмъ и молчаливъ. Таковое положеніе мое видимо его безпокоило, чего онъ, впрочемъ, и не скрывалъ. Поэтому, чувствуя въ душѣ несправедливость своего со мною поведенія, онъ, по своей величайшей мнительности, началъ меня опасаться въ томъ смыслѣ, чтобы не вздумалъ ему вредить за прошедшее, вышедши изъ-подъ его власти, особенно, достигнувши значительной степени. Въ сихъ идеяхъ, зная за вѣрное, что, попавши на дорогу, могу, по способностямъ моимъ, пойти далеко, онъ рѣшился не давать мнѣ значительнаго хода и для большей безопасности удержать меня при себѣ. Эта мысль невольно вырвалась у него въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, кои по своей разительности навѣки врѣзываются въ память.

Однажды, прогуливаясь съ нимъ верхомъ, я ѣхалъ на его прекрасномъ карабахскомъ жеребцѣ; онъ просилъ меня проскакать. Пустившись прямо на канаву, довольно широкую и глубокую, я полетѣлъ чрезъ нее на всемъ скаку, но славный «Золотой», при внезапномъ поворотѣ, потерялъ балансъ и упалъ. Князь П. Д. вскрикнулъ при этомъ, а я, удержавшись въ сѣдлѣ, въ тотъ же мигъ подскочилъ къ нему и сказалъ:

— Я не ушибся.

— Да, чортъ васъ возьми, мнѣ нисколько васъ не жаль, а жаль лошади,—закричалъ онъ.

— Прійдетъ время, можетъ быть, и пожалѣете, если не обо мнѣ, то о вашей справедливости,—отвѣчалъ я ему на его чистосердечное объясненіе.

— Умѣрьте ваши мечты,—возразилъ онъ,—очень помню, что вы изъ числа тѣхъ, коимъ не должно давать ходу. Будьте покойны!

Это было въ сентябрѣ 1825 года, не задолго до выѣзда изъ Имеретіи на Кавказскую линію.

Это уже не была обыкновенная выходка его вспыльчивости. То былъ невольно высказавшійся умыселъ, скрывавшійся въ его душѣ; умыселъ хладнокровный, обдуманный.

Прискорбно было видѣть подобную благодарность отъ того, для

жизни и чести коего я не щадилъ собственной жизни. Строгая истина сего доказана фактами: во время Имеретинскаго мятежа и во вторую Абхазскую экспедицію. Онъ самъ сознавалъ эти факты и нынѣ не отвергъ бы ихъ, еслибы читалъ эти строки.

Ровно черезъ годъ, послѣ описанной мною сцены, мнѣ представился случай разстаться съ нимъ, но я не умѣлъ имъ воспользоваться.

Въ сентябрѣ 1826 года, при переѣздѣ его изъ Ставрополя въ Тульчинъ, къ должности генералъ-квартирмейстера 2-й арміи, какъ бы предчувствуя жребій свой, мнѣ чрезвычайно не хотѣлось съ нимъ ѣхать, и я рѣшился было отправиться обратно въ Грузію, имѣя предлогъ воспользоваться открывавшеюся въ то время персидскою войною и приглашеніемъ князя Паскевича [1]). Но когда я заговорилъ объ этомъ, то онъ сдѣлалъ мнѣ ласковое убѣжденіе продолжать службу вмѣстѣ и въ Россіи, такъ же, какъ служили въ Грузіи, добавивъ при томъ, что переводъ меня въ гвардію, при настоящемъ его мѣстѣ, можно будетъ сдѣлать гораздо легче, чѣмъ когда-либо,—и я не имѣлъ духу отказаться. Этого мало,—

---

[1]) Въ первыхъ числахъ сентября 1826 года, проѣзжалъ чрезъ Ставрополь въ Грузію бывшій тогда генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, нынѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ эриванскій, князь варшавскій. Онъ былъ назначенъ тогда командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса подъ главнымъ начальствомъ генерала Ермолова. Когда прискакалъ его передовой фельдъегерь, то князь Горчаковъ приказалъ мнѣ встрѣтить у станціи генерала Паскевича и распорядиться, чтобы не было остановки въ лошадяхъ и конвоѣ. Около полуночи пріѣхалъ генералъ Паскевичъ, и я, въ мундирѣ и шарфѣ, встрѣтилъ его при выходѣ изъ коляски и сказалъ ему, что лошади и конвой для него готовы; но если угодно отдохнуть, то готова и квартира.—«Далеко ли эта квартира?»—спросилъ онъ.—«Вотъ она, напротивъ,—въ домѣ Дьячковыхъ», — отвѣтилъ я. — «Очень и очень благодаренъ ибо отъ Смоленска ѣду не останавливаясь и чрезмѣрно усталъ»,—сказалъ и пошелъ со мною. Въ этомъ самомъ домѣ, только съ другой стороны корпуса, была и моя квартира. Едва онъ вошелъ въ комнаты, какъ ту же минуту подали ему чай, который давно уже его ожидалъ. Увидѣвши моего Павлушку, подносившаго ему чай, въ форменномъ денщичьемъ мундирѣ, онъ спросилъ меня: — «Кто это меня угощаетъ такъ кстати»? — «Я имѣю эту честь»,—отвѣтилъ я,—«ибо квартира моя въ этомъ же самомъ корпусѣ, только чрезъ нѣсколько комнатъ».—«Такъ я вашъ гость»,—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, и началъ разспрашивать о Грузіи, о войскахъ, о дѣлахъ, о народахъ, о климатѣ и даже собственно о мнѣ. Онъ пробылъ около сутокъ и не отпускалъ меня отъ себя, кромѣ когда спалъ. Разспросы продолжались безпрерывно, то на русскомъ, то на французскомъ языкѣ. Онъ мнѣ совѣтовалъ не уѣзжать въ Россію, но участвовать въ персидской войнѣ и повторялъ это неоднократно; а прощаясь со мною, сказалъ, отдавая мнѣ 25 рублей: «Вотъ деньги, прошу приказать отслужить молебенъ о здравіи и благополучіи путешествующаго меня грѣшнаго, а если рѣшитесь быть въ персидской войнѣ, то прошу прямо ко мнѣ; а мнѣ очень пріятно будетъ отблагодарить васъ за вашу хлѣбъ-соль и служить вмѣстѣ».

я имѣлъ несчастіе вѣрить этому человѣку. Четыре года спустя я удостовѣрился въ этой ужасной истинѣ и горько, горько раскаявался, что не воспользовался въ это время моимъ отъ него удаленіемъ.

Былъ еще подобный случай въ началѣ турецкой войны. Это было въ іюлѣ 1828 года въ Краіовѣ, въ малой Валахіи. По какому-то ничтожному обстоятельству, онъ впалъ въ припадокъ вспыльчивости и наговорилъ мнѣ непріятностей и даже дерзостей, совершенно не заслуженно, несмотря на то, что я, будучи и отряднымъ и генеральскимъ адъютантомъ, лѣзъ изъ души и ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя. Я дотого былъ оскорбленъ невыносимою несправедливостью, что тутъ же принесъ ему всѣ, бывшія у меня, служебныя бумаги и съ растерзаннымъ сердцемъ высказалъ мое прощаніе. Оно мнѣ памятно, и, кажется, было въ этомъ родѣ: «Богъ съ вами, ваше сіятельство, вы дотого меня обижаете, что я рѣшаюсь лучше стать въ рядахъ солдатъ простымъ офицеромъ и искать смерти въ бою, чѣмъ нести подобную службу. Позвольте мнѣ ѣхать въ главную квартиру, и черезъ часъ меня не будетъ въ Краіовѣ. Я не имѣю покровителей. Все мое упованіе на Бога. Ему вручаю и судьбу мою и жалобу. Ему и вы отдадите отчетъ. Прощайте на вѣки»...

Подобное изъясненіе, выраженное съ чувствомъ глубокаго огорченія, тронуло его до слезъ. Выслушавъ меня въ молчаніи, онъ подошелъ ко мнѣ съ непритворною печалью и сказалъ: «И ты хочешь оставить меня тогда, когда ты болѣе всего мнѣ нуженъ? Не оставляй меня и не сердись на меня: грѣхъ тебѣ будетъ». Его печаль побѣдила мою рѣшимость, и я остался.

Наконецъ, вотъ еще фактъ, оправдавшій его угрозу, изложенную выше, и выразившій его доброжелательство.

При открытіи польской войны, пріѣхалъ къ нему въ Кишиневъ для свиданія родной братъ его, князь Михаилъ Дмитріевичъ, назначенный тогда начальникомъ штаба 1 пѣх. корпуса. Этотъ прекрасный человѣкъ и славный генералъ зналъ меня по собственнымъ отзывамъ своего брата, князя Петра Дмитріевича, за отличнаго и способнаго офицера, и всегда оказывалъ мнѣ особенное вниманіе. Увидѣвши меня, онъ изумился, замѣтивъ по адъютантскому мундиру, что я не въ гвардіи, и, обратясь къ своему брату, сказалъ:

— Братъ, что это значитъ, твой Дубецкій не въ гвардіи? Пусти его ко мнѣ, и мы свое возьмемъ; нужно только испросить Высочайшее разрѣшеніе, на основаніи приказа, послѣдовавшаго на дняхъ [1]).

---

[1]) Приказъ былъ такого рода: Если адъютанты генераловъ, не состоящихъ въ войскахъ дѣйствующей арміи, пожелаютъ участвовать въ войнѣ съ согласія своихъ генераловъ, то таковыхъ прикомандировывать на время войны къ штабамъ и генералитету дѣйствующей арміи, испросивъ предварительно Высочайшее соизволеніе.

При этихъ словахъ, князь Петръ Дмитріевичъ вспыхнулъ, ощетинился и съ азартомъ отвѣчалъ:

— Совѣтую вамъ, ваше сіятельство, смотрѣть свои собственныя дѣла и не мѣшаться въ чужія.

Въ этомъ благородномъ порывѣ и отвѣтѣ выразилась его душа... Тутъ-то убѣдился я окончательно, что мнѣ ничего не оставалось ожидать отъ подобнаго человѣка, съ коимъ, къ моему несчастію, связывалъ меня какой-то фатализмъ въ продолженіе 11 лѣтъ.

Вотъ факты, заключающіе причины моей неудачной военной службы. Они правдивы безъ преувеличенія и могу сказать по совѣсти, что въ изложеніи ихъ я даже старался смягчить строгую истину. Но какъ бы то ни было, прошедшее не возвратимо; о немъ осталось одно грустное воспоминаніе и сожалѣніе, почему не сдѣлалось иначе, почему не воспользовался я случаемъ въ 1826 году, во время персидской войны. Но кто̀ можетъ предвидѣть свое будущее. Какъ знать,—было бы къ лучшему или къ худшему, еслибы я пошелъ по той, или по другой дорогѣ. Быть можетъ, не было бы меня на свѣтѣ, быть можетъ, былъ бы далеко не то, что теперь. Но все вѣдь это: быть можетъ, а положительное неизвѣстно. И по неволѣ скажешь: At ludit cuique incerta sors.

Но въ жизни каждаго играетъ
Его невѣдома судьба.

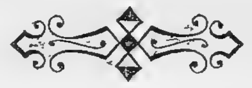
Итакъ я рѣшился наконецъ въ 1831 году на то, на что̀ долженъ былъ рѣшиться еще въ 1826 году. Оставляя адъютантство мое при князѣ Горчаковѣ и не видя никакого разсчета продолжать военное поприще, я предположилъ перемѣнить и самую службу. Для этого я просился о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ Кавказскаго отдѣльнаго корпуса имѣя цѣлью перейти въ гражданскую службу и воспользоваться чиномъ.

Въ Грузію я пріѣхалъ въ апрѣлѣ 1832 года, бывъ перемѣщенъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, и въ томъ же году сентября 2 подалъ въ отставку для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Въ маѣ 1833 года послѣдовала моя отставка съ повышеніемъ чина, а въ іюлѣ я былъ принятъ въ гражданскую службу коллежскимъ ассесоромъ и, по опредѣленію Правительствующаго Сената, награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника за пріѣздъ въ Грузію, по существовавшему въ то время положенію.

Такъ кончилось мое военное поприще. Если гражданская служба моя не была отлично счастлива, то по крайней мѣрѣ она была несравненно спокойнѣе, безопаснѣе и почетнѣе.

24 декабря 1850 года.

Православіе на Волыни.

Изъ письма преосвященнаго Иннокентія, архіепископа волынскаго, къ гр. Сергѣю Павловичу Потемкину [1]).

29-го октября 1836 г.

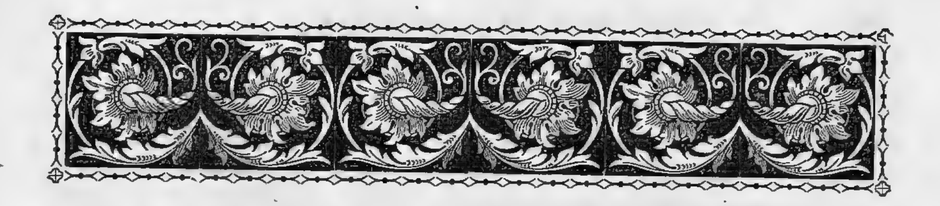
...О себѣ ничего, почти, пріятнаго и утѣшительнаго не могу сказать Вамъ. Здоровье мое теперь, отъ нѣкоторой привычки къ климату, довольно не худо, а въ первые годы было весьма незавидно. Только и нынѣ, время отъ времени, все болѣе чувствую слабость и какую-то онѣмѣлость въ ногахъ и рукахъ, такъ что на первыхъ едва иногда простаиваю обѣдню, а другими съ трудомъ иногда пишу. Пяти-лѣтняя же здѣшняя жизнь моя есть не что иное, какъ безпрерывная цѣпь досадъ и огорченій по службѣ, въ борьбѣ съ иновѣрцами, съ поляками и особенно съ мошенническимъ гражданскимъ правительствомъ. Но это еще не главное мое зло. Оно состоитъ въ непрестанной и горькой скукѣ, ибо кромѣ подчиненныхъ, по духу чистыхъ, поляковъ коварныхъ, корыстолюбивыхъ и не любящихъ Россію и русскихъ, я совершенно не имѣю здѣсь никого, съ кѣмъ бы могъ иногда перемолвить задушевное словечко. Почаевъ для меня, послѣ Москвы и даже Бѣлгорода, есть не то, чтобъ тюрьма, а что-то похожее на тюрьму. Но я не ропщу ни мало на судьбу мою, ибо ясно вижу, что Волынь назначена мнѣ Провидѣніемъ въ наказаніе за грѣхи мои. Да будетъ со мною во всемъ всесвятая воля Его. Объ одномъ всякій день молю Господа, да утвердитъ онъ меня въ терпѣніи, великодушіи и кротости... Если я здѣсь нахожу въ чемъ-либо душевное удовольствіе, то это только въ здѣшней святыни, богослуженіи и обновленіи обители, допущенной базиліанами чуть-чуть не до разрушенія. Если вы прежде оную видѣли, то теперь съ трудомъ узнали бы ее—такъ она похорошѣла и облаголѣпилась. Сами ненавистники православія, поляки, нарочно пріѣзжаютъ любоваться ею.

Отъ души и сердца скорблю я, что обстоятельства ваши никакъ не позволяютъ вамъ посѣтить Почаевъ и меня въ Почаевѣ. Теперь Богъ знаетъ, гдѣ и когда мы можемъ съ вами увидѣться и наговориться до-сыта. На бумагѣ, и особенно черезъ почту, всего не скажешь и не должно сказывать. Но какъ бы Господь ни опредѣлилъ касательно будущаго нашего свиданія на землѣ живыхъ, только прошу Васъ твердо и навсегда быть увѣреннымъ, что я всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, вашего сіятельства неизмѣнное русское копье.

P. S. Знакомые Вамъ базиліане почаевскіе всѣ разосланы по другимъ унитскимъ монастырямъ, нѣкоторые изъ нихъ и теперь еще содержатся въ Кіевской крѣпости за ограбленіе Почаева.

---

[1]) Начало письма имѣетъ частный интересъ и потому здѣсь не помѣщается.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАБЫТОМЪ КОРПУСѢ.

(Посвящается товарищамъ Брестскаго кадетскаго корпуса).

Я совершенно основательно назвалъ Брестскій корпусъ «забытымъ», такъ какъ о немъ написано почти ничего. Въ «Русской Старинѣ» была напечатана коротенькая статейка г. Агапѣева о какомъ-то отдѣльномъ эпизодѣ изъ жизни брестцевъ, было нѣсколько обличительныхъ статей въ родѣ «Записокъ повстанца», бывшаго воспитанника Брестскаго корпуса, г. Ягмина [1]), въ которыхъ Брестскій корпусъ изобличается въ безнаказанномъ будто бы воспитываніи цѣлыхъ поколѣній юношей въ ненависти къ престолу и къ Россіи, но обстоятельныхъ, добросовѣстныхъ записокъ, даже въ видѣ воспоминаній, какъ это имѣютъ всѣ кадетскіе корпуса, до сихъ поръ не было.

Принадлежа къ брестскимъ кадетамъ въ лучшую эпоху его существованія, я надѣюсь, что далеко не лишними окажутся мои воспоминанія для будущей исторіи этого забытаго корпуса, если кто-нибудь изъ бывшихъ его питомцевъ захочетъ этимъ заняться.

Въ моихъ воспоминаніяхъ я ограничусь лишь простой и возможно откровенной передачей того, что за время моего пребыванія въ корпусѣ съ 1850—1859 г. я видѣлъ и слышалъ о нашихъ воспитателяхъ и товарищахъ, какъ они мнѣ тогда представлялись и о томъ, какъ насъ учили и воспитывали.

Въ воспоминаніяхъ моихъ могутъ встрѣтиться пробѣлы и неточности. Пишу ихъ уже подъ старость, не подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прожитаго, не съ полнымъ знаніемъ всѣхъ подробностей совершавшихся передъ моими глазами событій, а только припоминая былое. Поэтому

---

[1]) Въ «Историч. Вѣстн.», кажется, за 1890 или 1891 г.

и буду очень радъ, если мои товарищи, прочитавши эти мои воспоминанія, сдѣлаютъ поправки и добавленія, отъ чего мои воспоминанія о нашемъ дорогомъ, но Богъ знаетъ почему-то опальномъ корпусѣ только выиграютъ и пріобрѣтутъ болѣе широкое и болѣе правильное освѣщеніе.

Тотъ, кому придетъ охота заняться болѣе подробнымъ и точнымъ изслѣдованіемъ о Брестскомъ корпусѣ, вѣроятно, раздѣлитъ исторію его на три періода.

1-й. Со времени основанія корпуса до 1854 года, т. е. до перевода его изъ Бреста въ Москву,

2-й. Съ 1854 года по 1861 годъ — время пребыванія корпуса въ Москвѣ до перевода его въ Вильно.

и 3-й періодъ. Время нахожденія въ Вильно до раскассированія въ 1864 г. и затѣмъ до совершеннаго его закрытія.

Я поступилъ въ корпусъ въ Брестѣ и вышелъ изъ корпуса, когда онъ находился въ Москвѣ, поэтому въ воспоминаніяхъ своихъ я коснусь только двухъ періодовъ: брестскаго и московскаго.

ГЛАВА I.

Основаніе корпуса —Законъ о конскрипціи.—Пребываніе въ Брестѣ императора Николая Павловича. — Слухъ объ обнаруженныхъ злоупотребленіяхъ при постройкѣ Брестской крѣпости.—Исправительныя мѣры въ тогдашнихъ школахъ.—Успѣхи кадетъ въ изученіи русскаго языка.—Отсутствіе національнаго антагонизма.

Кадетскій корпусъ въ Брестѣ основанъ былъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ по ходатайству и на средства дворянъ литовскихъ губерній и царства Польскаго. Шефомъ корпуса назначенъ былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, и потому корпусъ получилъ наименованіе Александровскаго Брестскаго кадетскаго корпуса.

Ближайшая причина, побудившая дворянъ ходатайствовать объ открытіи корпуса въ Брестѣ, заключалась въ слѣдующемъ. По конскрипціонному тогдашнему закону для царства Польскаго и, кажется, и для литовскихъ губерній старшіе сыновья дворянъ обязаны были служить въ военной службѣ и поступали рядовыми съ правомъ выслуги.

При существовавшихъ въ то время порядкахъ въ военной службѣ такая повинность для дворянъ была крайне обременительна. Съ открытіемъ же кадетскаго корпуса въ Брестѣ, расположеннаго на границѣ польскихъ и литовскихъ губерній, — являлась возможность если не всѣмъ, то весьма многимъ дворянамъ отдавать сыновей своихъ въ кор-

пусъ, гдѣ они, избѣгая тяжелой службы рядовыми, въ то же время пріобрѣтали общее и спеціально-военное образованіе.

Прекрасное и обширное зданіе корпуса, съ куполомъ надъ церковью по серединѣ, перестроено было изъ стариннаго доминиканскаго монастыря, въ которомъ, какъ намъ разсказывали, были засѣданія брестской уніи. Расположено оно было въ центрѣ крѣпости, на берегу рѣки Муховца, окруженное со всѣхъ сторонъ крѣпостными валами и постройками, изъ амбразуръ которыхъ выглядывали пушки. Фасадомъ своимъ зданіе выходило на искусственную высокую гору съ укрѣпленной башней, на которой въ торжественные дни и во время пребыванія Высочайшихъ особъ вывѣшивали огромной величины Императорскій штандартъ, желтый съ чернымъ двуглавымъ орломъ.

Сзади главнаго зданія расположены были каменные флигеля, въ которыхъ помѣщались квартиры: директора, инспектора, офицеровъ и учителей и казармы для служительской роты, состоящей при корпусѣ. На дворѣ, окруженномъ флигелями, разбитъ былъ скверъ, куда насъ не пускали, а ходили мы гулять на плацъ передъ главнымъ зданіемъ.

20 августа 1850 года, по выдержаніи испытательнаго экзамена и послѣ медицинскаго осмотра, я былъ принятъ во 2-ой приготовительный классъ.

Задумавъ написать мои воспоминанія о времени, проведенномъ въ Брестскомъ корпусѣ, я менѣе всего желалъ бы занимать читателя своей особой, но избѣжать этого оказалось трудно, и потому волей-неволей приходится подчиниться необходимости и изрѣдка обратить вниманіе и на себя.

Когда я пріѣхалъ въ корпусъ, въ Брестѣ въ то время находился императоръ Николай Павловичъ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. Были слухи, что государь прибылъ въ Брестъ для личнаго освидѣтельствованія крѣпостныхъ работъ, и при этомъ разсказывали, что нашелъ массу злоупотребленій. Ходила даже такая версія,—насколько она основательна, утверждать не берусь,—что строители крѣпости ухитрились вмѣсто олова и цинка, тамъ, гдѣ это нужно было для заливки стѣнъ, употреблять известку, и только сверху густо замазывали графитомъ. Открытіемъ этихъ злоупотребленій въ постройкѣ Брестской крѣпости объясняли, что во все время своего пребыванія въ Брестѣ государь, всегда ласковый съ кадетами, на этотъ разъ былъ не въ духѣ, остался недоволенъ смотромъ, грозно обошелся съ директоромъ корпуса Гельмерсеномъ и приказалъ жестоко наказать кадета высшаго возраста М. за побѣгъ изъ корпуса. Что побудило М. совершить побѣгъ, я не знаю, но онъ пойманъ былъ уже въ Бобруйскѣ.

Было сѣрое августовское утро; на другой день послѣ моего поступленія въ корпусъ въ 9 часовъ утра насъ по-ротно вывели на плацъ,

построили въ каре, принесли скамейку и розги, подъ карауломъ въ арестантской курткѣ привели М., что-то читали, и затѣмъ началась экзекуція. Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, хотѣлось плакать, но я не смѣлъ, такъ какъ меня предупредѣли, что если я заплачу, то и меня высѣкутъ. Все это произвело на меня такое тяжелое впечатлѣніе, что когда, въ тотъ же день, пріѣхала проститься со мною мать моя, то я, рыдая, просилъ ее взять меня обратно домой, разсказавъ при этомъ ей объ утренней экзекуціи; но мать отказала мнѣ въ моей просьбѣ наотрѣзъ.

Долго я не могъ забыть моей матушкѣ этого отказа и только впослѣдствіи, когда сталъ больше смыслить, понялъ, что у нея не было никакого основанія поступить иначе. Въ то время не придавали особаго значенія такимъ мѣрамъ исправленія, и тогдашняя школа, кромѣ розогъ, другихъ способовъ исправленія не признавала. Во всѣхъ тогдашнихъ школахъ литовскихъ губерній и царства Польскаго, первое стихотвореніе, которому насъ учили и которое было крупнымъ шрифтомъ напечатано во всѣхъ букваряхъ, слѣдомъ за ежедневными молитвами — было:

Rószezka duch swięty
Dziatecrek bić-radzi,
Rószezka byncyiuniy
Zdrowiu nie zawadzi
Rószezka choć bije
Niepotamic kosci.
Rószezka hamuje
Od wnelukiej ztosci и т. д.

Скоро миновали первыя мрачныя впечатлѣнія, и когда мою сѣрую куртку, въ которой я пріѣхалъ, каптенармусъ неаранжированной роты, Василій, смѣнилъ на казенную куртку, съ блестящими пуговицами, съ двуглавымъ орломъ, хотя еще безъ погонъ, и мои узенькіе панталончики на широкіе, синяго сукна, штаны, то я почувствовалъ даже нѣкоторую радость и горделиво озирался на себя. Особенно приводила меня въ восторгъ фуражка, съ краснымъ околышкомъ и синими кантами, которую я очень скоро научился надѣвать набекрень.

Какъ каждому «новичку», такъ и мнѣ, пришлось пережить періодъ неизбѣжныхъ придирокъ, насмѣшекъ и потасовокъ со стороны раньше поступившихъ товарищей. Я все это переносилъ съ терпѣніемъ, часто огрызался, но никогда не жаловался. Надо полагать, поэтому, такія терзанія продолжались не долго, и мои отношенія къ товарищамъ скоро сдѣлались самыя лучшія.

Положеніе большинства «новичковъ», поступающихъ въ Брестскій корпусъ, помимо временныхъ придирокъ раньше поступившихъ кадетъ, было крайне и непріятное, и тяжелое. Разговорнымъ языкомъ у насъ былъ языкъ русскій; начальство наше довольно строго, не безъ оскорбительнаго злорадства, слѣдило за тѣмъ, чтобы кадеты говорили,

между собою, по-русски. Между тѣмъ, большинство поступающихъ въ корпусъ совершенно не владѣли русскою разговорною рѣчью, даже изъ числа поступающихъ изъ губерній литовскихъ. Можно, поэтому, себѣ представить, сколько стоило намъ труда, пока мы выучивались говорить по-русски, но зато я буквально не зналъ ни одного кадета Брестскаго корпуса изъ польскихъ и литовскихъ уроженцевъ, которые бы, при выходѣ изъ корпуса, не только литературно и правильно говорили по-руссси, но по выговору ихъ трудно было отличить отъ кадетъ чисто русскаго происхожденія. Вообще же, охота къ изученію русскаго языка, благодаря нашимъ учителямъ: Лекторскому, Тюрину и, въ особенности, Николаю Петровичу Некрасову, среди брестскихъ кадетъ была очень большая, и одинъ изъ бывшихъ питомцевъ нашего корпуса, полякъ по происхожденію, Коневичъ, былъ даже извѣстнымъ ученымъ, знатокомъ русскаго языка.

Съ основанія корпуса и, кажется, до 1848 года, большинство поступающихъ въ Брестскій корпусъ были дѣти дворянъ польскихъ и литовскихъ губерній, что было вполнѣ справедливо, такъ какъ корпусъ содержался на ихъ счетъ, и только одна треть дѣтей дворянъ великороссійскихъ губерній. Съ 1848 года вышло новое положеніе, въ силу котораго и тѣхъ, и другихъ стали принимать поровну, т. е. по двѣсти человѣкъ.

Девять лѣтъ я пробылъ въ стѣнахъ Брестскаго корпуса и, положительно, не припомню ни одного, даже самаго малѣйшаго, случая націнальнаго антагонизма между кадетами польскаго и русскаго происхожденій. Мы жили—будто дѣти одной семьи. Солидарность и товарищество процвѣтали у насъ во все время существованія корпуса, и мы всегда дѣйствовали сообща и дружной стѣной стояли за всякое честное и доброе дѣло. Добрыя и сердечныя отношенія эти остались между нами и по выходѣ изъ стѣнъ заведенія и, несмотря на время, ничто этихъ отношеній не измѣнило. Я увѣренъ, что ни одинъ изъ бывшихъ моихъ товарищей не укоритъ меня въ преувеличеніи этого, въ высшей степени симпатичнаго и поучительнаго, факта.

ГЛАВА II.

Генералъ Гельмерсенъ.—В. Б. Чистяковъ.—Глазенапъ.—Отсутствіе хорошихъ учителей въ Брестѣ.—Армейцы и гусары-преподаватели.—Неимѣніе хорошихъ учебниковъ.—Лекторскій.—Программы по русскому языку А. Д. Галахова.—Тюринъ.—Литературные вечера; ихъ значеніе для насъ.—Характеристика нѣкоторыхъ преподавателей.—Трудность доставать книги.—Плохіе учебники.—Священникъ Горизонтовъ и ксендзъ Адамъ Козьмянъ.—Записки повстанца г-на Ягмина.

Директоромъ корпуса, при поступленіи моемъ, я засталъ генералъ-лейтенанта Гельмерсена. Я слабо помню его, такъ какъ онъ посѣщалъ

и роты, и классы очень рѣдко. Генералъ Гельмерсенъ, исключительно, занимался частью хозяйственною и фронтовою, и умѣлъ поставить то и другое, какъ слѣдуетъ; въ учебную же часть не вмѣшивался, а предоставилъ вести ее, самостоятельно, инспектору классовъ, Василію Борисовичу Чистякову, мнѣнія котораго, въ вопросахъ обученія и воспитанія, считалъ авторитетными. Гельмерсенъ умеръ въ 1851 году, скоропостижно, и память о себѣ оставилъ очень хорошую.

Василій Борисовичъ Чистяковъ, высокаго роста, худой, съ блѣднымъ и болѣзненнымъ лицомъ, умными и добрыми глазами, и всегда съ добродушной улыбкой, производилъ на насъ самое лучшее впечатлѣніе. Онъ иногда ворчалъ, даже распекалъ, но всѣ мы знали, что это только воркотня и, что, въ концѣ концовъ, она ничѣмъ дурнымъ для насъ не кончится. Въ то самое время, когда въ другихъ кадетскихъ корпусахъ, какъ это видно изъ печатныхъ воспоминаній, инспекторы классовъ были самыми рьяными пропагаторами исправительной системы, посредствомъ порки, Василій Борисовичъ былъ злѣйшій врагъ розогъ и въ воспоминаніяхъ нашихъ является чрезвычайно мягкимъ, добрымъ и глубоко симпатичнымъ человѣкомъ. Будучи инспекторомъ классовъ съ основанія корпуса до его закрытія, прослуживъ съ пятью директорами, онъ, конечно, пережилъ немало грозъ и невзгодъ, но, несмотря на это, до самаго конца безупречно прошелъ долгій и тернистый путь инспекторства, глубоко всѣми уважаемый за свои благородныя побужденія и стремленія, которыми онъ, въ отношеніи къ намъ, руководствовался. Это былъ лучшій педагогъ того времени.

Помощникомъ Василія Борисовича по инспекторской части былъ капитанъ артиллеріи Глазенапъ, человѣкъ просвѣщенный и симпатичный.

Задача научнаго образованія кадетъ того времени, какъ гласитъ циркуляръ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, заключалась въ томъ, чтобы довести ихъ до твердаго убѣжденія въ пользѣ наукъ, какъ источника гражданскихъ и общественныхъ добродѣтелей.

Если и теперь вопросъ объ образованіи юношества въ Россіи, во многихъ отношеніяхъ, стоитъ открытымъ и настоящая постановка учебнаго дѣла не удовлетворительна и не достигаетъ цѣли, то въ то время система школьнаго образованія отталкивала отъ себя тѣмъ книжнымъ, бездушно формальнымъ характеромъ обученія, который въ ней господствовалъ. Если и теперь мы не имѣемъ еще никакого такого опредѣленнаго идеала, или плана, на которомъ бы сходилось большинство общества: одни требуютъ, чтобы школа оставалась строго классическою, другіе, напротивъ, настаиваютъ на совершенномъ изгнаніи всякаго классицизма изъ школы и на введеніи школы чисто реальной и т. д., то въ то время никакихъ такихъ задачъ ни литература, ни общество, ни даже министерство народнаго просвѣщенія не имѣло и не преслѣдовало.

Что же касается до военно-учебныхъ заведеній, то главный Совѣтъ по управленію этими заведеніями, подъ всесильнымъ въ то время вліяніемъ Я. И. Ростовцева, ничего общаго неимѣвшаго съ педагогіей, выработалъ по своему усмотрѣнію планы общаго и спеціальнаго образованія кадетъ, составилъ программы и предписалъ (что было самое главное), «къ непремѣнному исполненію» и, считая свое дѣло оконченнымъ—почилъ на лаврахъ.

Между тѣмъ, на практикѣ оказалось, что учебныя программы, составленныя Совѣтомъ, обширностью и разнообразіемъ были не только не по силамъ учениковъ, но и исполненіе ихъ встрѣтило неодолимыя препятствія по поводу отсутствія подготовленныхъ педагоговъ; особенно это чувствительно было въ Брестскомъ корпусѣ, удаленномъ отъ умственныхъ центровъ.

Поэтому, волею-неволею, чтобы исполнить предписаніе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, пришлось преподаваніе почти всѣхъ предметовъ въ Брестскомъ корпусѣ поручить армейскимъ офицерамъ, а нѣмецкій языкъ преподавалъ даже корнетъ Сумскаго гусарскаго полка. Въ числѣ преподавателей былъ только одинъ съ университетскимъ образованіемъ.

Оказалось, такимъ образомъ, что главное управленіе исполнило свою задачу въ одно и то же время и слишкомъ широко, и слишкомъ узко.

Кромѣ того, хорошихъ учебниковъ не было почти совсѣмъ. Я съ ужасомъ вспоминаю то время, когда большинство изъ насъ, совершенно не владѣя русскимъ языкомъ, должны были зубрить изъ хрестоматіи, кажется, Пенинскаго, неудобоваримыя и совершенно непонятныя для насъ вдохновенія творцовъ Россіады, Хорева, Синева и Трувора, долженствующія изображать собою образцы литературнаго языка. Много стоило труда учителю нашему Лекторскому, при помощи такихъ учебниковъ, пріохотить насъ къ изученію русскаго языка, но онъ какъ-то сумѣлъ достигнуть этого, такъ что къ концу учебнаго года мы не только сносно говорили и писали, но даже дѣлали синтаксическіе разборы.

Въ 1850 г. Я. И. Ростовцевъ, по приказанію наслѣдника Александра Николаевича, бывшаго въ то время главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, поручилъ А. Д. Галахову выработать программу по русскому языку и словесности, согласно наставленію для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, одобренному государемъ Николаемъ Павловичемъ 24 декабря 1848 г.

Составленныя программы были приняты къ преподаванію въ 1852 г. Съ тѣхъ поръ, мы начали знакомиться не только съ архивными русскими классиками, въ болѣе удобной и понятной для насъ формѣ, не только знакомились съ образцами Карамзинской и Пушкинской эпохи, но знали произведенія современныхъ нашихъ писателей: Кольцова, Гоголя, Лер-

монтова, Майкова, Фета и др., репутація которыхъ еще далеко не была установлена въ литературѣ.

Для кадетъ, начиная съ 1 общаго класса, заведено было у насъ одинъ разъ въ недѣлю, послѣ вечернихъ занятій, нѣчто вродѣ литературныхъ вечеровъ. Читалъ учитель русскаго языка высшихъ классовъ,— Тюринъ. По чьему распоряженію, намъ это было неизвѣстно, но для своихъ чтеній онъ выбиралъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, когда мнѣ пришлось его слушать, произведенія или совсѣмъ не извѣстныхъ, или очень мало извѣстныхъ авторовъ. Обыкновенно это были повѣсти изъ временъ борьбы поляковъ съ казаками: времена Хмѣльницкаго, Остраницы, Наливайки и др., гдѣ поляки представлялись изувѣрами. Сознаюсь откровенно, что это только развивало въ насъ чувство раздраженія и задоръ и зачастую способствовало къ нежелательнымъ спорамъ съ русскими товарищами, которые, къ счастію, всегда оканчивались миролюбиво.

Когда насъ перевели въ Москву, мы просили Тюрина познакомить насъ съ лучшими произведеніями русской литературы, которыя могли бы дать намъ хотя малѣйшее представленіе о жизни русскаго общества, среди котораго намъ предстояло жить, и о чемъ мы ровно никакого понятія не имѣли. Съ тѣхъ поръ Тюринъ совсѣмъ бросилъ читать намъ прежній циклъ повѣстей, полныхъ злобы, ужасовъ и смертоубійствъ, а началъ читать «Мертвыя Души», повѣсти Писемскаго, Потѣхина, Евгеніи Туръ, Лажечникова, комедіи Островскаго и др.

Читалъ Тюринъ просто, безъ особой интонаціи и вообще безъ всякой искусственности, но читалъ такъ хорошо, что мы слушали его чтеніе съ большимъ удовольствіемъ. Эти литературные вечера много помогали нашему развитію, знакомя насъ и съ русской литературой, и съ русской жизнью.

Какъ я уже выше сказалъ, во время нахожденія корпуса въ Брестѣ мы почти не имѣли способныхъ учителей. Это были все добрѣйшіе люди, но къ наукѣ совсѣмъ не причастные. Правда, они свое дѣло дѣлали, насколько могли, добросовѣстно, но и при всемъ томъ, познанія наши въ наукахъ были слабы, и общій уровень развитія кадетъ Брестскаго корпуса того времени былъ не солиденъ, особенно по сравненію съ тѣмъ, какъ это было во время пребыванія корпуса въ Москвѣ, когда составъ учителей радикально измѣнился къ лучшему.

Однако и въ то время было довольно такихъ кадетъ, которые отличались и развитіемъ, и даже талантами, но я думаю, что этому они обязаны самимъ себѣ и двумъ, тремъ, болѣе или менѣе свѣдущимъ учителямъ.

Насколько мнѣ помнится, кадеты, особенно высшихъ классовъ, читали довольно много, особенно по части исторіи. Несмотря на то, что

въ Брестѣ, въ то время, достать книгъ вообще, а русскихъ особенности, было очень трудно; изъ корпусной же библіотеки, за исключеніемъ «Журнала военно-учебныхъ заведеній», другихъ книгъ не выдавали, тѣмъ не менѣе кадеты доставали: Лоренца, Беккера, Маркевича, Бантышъ-Каменскаго на русскомъ языкѣ; Лелевеля, Нѣмцевича, Короновича и др.—на польскомъ. Надзоръ за чтеніемъ былъ очень слабъ, а по крайней мѣрѣ мы его въ Брестѣ не чувствовали. Конечно, это происходило не отъ того, чтобы начальство наше благосклонно относилось къ чтенію какихъ-либо другихъ книгъ, кромѣ учебниковъ, а просто, или умѣли читать тайкомъ, или же начальство не подозрѣвало, чтобы у когонибудь изъ насъ могла явиться къ чтенію охота. Въ то время на всякую литературу смотрѣли всѣ, начиная съ самыхъ высшихъ лицъ, какъ на неизбѣжное зло, и если Я. И. Ростовцевъ отзывался объ ней такъ: «Охъ, ужь эта мнѣ литература, съ ней только однѣ хлопоты,—хотя бы ея и вовсе не было», то неудивительно было бы, еслибы такъ о ней думало и наше ближайшее начальство.

Любовь къ историческому чтенію развилась у насъ подъ вліяніемъ учителя исторіи Единевскаго. Хотя онъ строго придерживался учебниковъ, но онъ умѣлъ преподавать очень интересно. Задачею своею Единевскій поставилъ возбудить въ насъ, главнымъ образомъ, интересъ къ исторіи, и эта цѣль, безспорно, была имъ достигнута. Къ этому особенно помогало обученіе насъ исторіи по наглядной системѣ Ждановича и Язвинскаго. Для этого у всѣхъ кадетъ были доски, разграфленныя на 20 столѣтій съ ста клѣтками въ каждомъ столѣтіи, обозначающими годы. Отвѣчали мы урокъ изъ исторіи не иначе, какъ съ мѣломъ въ рукѣ, и каждое историческое событіе должны были отмѣчать на большой разграфленной доскѣ въ ту клѣтку столѣтія, въ которомъ оно случилось. Вслѣдствіе этого историческія событія усвоивались нами чрезвычайно хорошо, и я до сихъ поръ могу назвать по порядку всѣхъ, напримѣръ, французскихъ королей: годъ вступленія ихъ на престолъ и годъ смерти. Учебникомъ по исторіи служило въ то время крайне плохонькое руководство: «Краткая Исторія для военно-учебныхъ заведеній, Шульгина». Да и всѣ учебники того времени по всѣмъ предметамъ дотого были неразработаны, безсистемны, а главное сухи, что учиться по нимъ было невыразимо тяжело и скучно. Напримѣръ, въ литографированномъ учебникѣ географіи, которую намъ преподавалъ штабсъ-капитанъ Козловъ, всѣ главные города Европы обозначались только такъ: Парижъ—великолѣпный, Лондонъ — обширный, Вѣна—промышленный, Римъ — вѣчный, Москва—древній, къ Петербургу, кажется, прибавлено было отличіе—регулярный и больше ничего.

Большую любовь и пристрастіе имѣли мы также къ ботаникѣ и къ зоологіи, благодаря идеальному преподавателю этихъ предметовъ док-

тору медицины, Данилову. Онъ умѣлъ привлекать къ себѣ кадетъ и возбуждать ихъ любовь къ естествознанію. Благодаря ему, мы такъ полюбили садоводство, что въ кадетскомъ саду, на берегу Муховца, почти каждый изъ насъ имѣлъ свой цвѣтникъ, гдѣ мы разводили даже рѣдкіе экземпляры цвѣтовъ.

Преподавателями математики были: штабсъ-капитанъ Лаксъ, поручикъ Ходкевичъ, поручикъ Рамзинъ и капитанъ Глазенапъ, помощникъ инспектора классовъ, о которомъ я уже сказалъ раньше. Какъ преподаватели математики—всѣ они знали свой предметъ слабо. Лаксъ, впрочемъ, былъ очень способный и даровитый человѣкъ. Когда корпусъ перевели въ Москву, онъ примкнулъ къ редакціи, кажется, «Атенея», издаваемаго въ то время Коршемъ, и за какую-то статью былъ привлеченъ къ слѣдствію, но не только умѣлъ оправдаться, но поступилъ въ корпусъ жандармовъ и много лѣтъ былъ начальникомъ жандармскаго управленія въ Петрозаводскѣ,—всѣми любимый и уважаемый.

Нѣмецкій языкъ преподавали красавецъ-гусаръ Кольбэ и Ланкенау. Кольбэ не долго былъ преподавателемъ, Ланкенау же переѣхалъ съ нами въ Москву.

Учителей французскаго языка было у насъ два: Морель и Жербе.

Жербе всѣми силами старался преподаваніе французскаго языка сдѣлать для насъ интереснымъ, но это ему никакъ не удавалось. Это былъ человѣкъ больной, съ тяжкимъ затяжнымъ кашлемъ, который продолжался у него иногда 5—10 минутъ подрядъ.

Но кто особенно изъ преподавателей оставилъ глубокіе слѣды въ нашей памяти—это два нашихъ законоучителя: о. Горизонтовъ и ксендзъ Адамъ Ивановичъ Козьмянъ. Оба они и понынѣ еще трудятся на пользу людей. О. Горизонтовъ состоитъ протоіереемъ при Варшавской соборной церкви, а ксендзъ Козьмянъ—каноникомъ Виленской капитулы. Несмотря на разницу національностей и религіозныхъ убѣжденій—эти два почтенныхъ служителя церкви жили между собою душа въ душу, ихъ можно было всегда встрѣтить вмѣстѣ. Они подавали намъ живой примѣръ къ взаимной дружбѣ и любви, забывая разницу происхожденій и религій. Оба они привлекали насъ къ себѣ своимъ ровнымъ, сердечнымъ и справедливымъ отношеніемъ къ намъ, глубокими познаніями и яснымъ логическимъ изложеніемъ. Свѣтлыя это были личности и добрые люди. Я нѣсколько разъ бывалъ на урокахъ Закона Божія о. Горизонтова. Стоя, посерединѣ класса, одушевленный сосредоточеннымъ вниманіемъ кадетъ, о. Горизонтовъ говорилъ увлекательно и притомъ близко и понятно дѣтскому уму и сердцу. Послѣ его уроковъ всѣ были какъ-то благочестиво настроены.

Въ высокоторжественные дни всѣхъ кадетъ-католиковъ, по выслушаніи «te Deum» въ католической каплицѣ, отправляли обыкновенно на

молебствіе въ православную корпусную церковь. О. Горизонтовъ служилъ какъ-то особенно хорошо. Глядя на него, невольно какъ-то и намъ хотѣлось молиться. И молимся, бывало, и горячо молимся!

Грустно становится за людей, которые безъ всякой надобности и безъ всякаго основанія, ради личныхъ выгодъ и соображеній позволяютъ себѣ безнаказанно оскорблять и порочить почтенное прошлое людей, заслуживающихъ, именно за свою-то прошлую дѣятельность, глубокаго къ себѣ уваженія и почтенія. Къ несчастію, такихъ людей въ настоящее время накопилось немало въ нашемъ обществѣ, а что всего обиднѣе, что весьма достаточно ихъ заползло и въ литературу.

Къ числу такихъ принадлежитъ и г. Ягминъ, бывшій воспитанникъ Брестскаго корпуса и авторъ «Записокъ повстанца», помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» кажется, за 1891 годъ. Въ запискахъ этихъ г. Ягминъ, вопреки всякой правдѣ и очевидности, изобличаетъ ксендза Козьмяна, этого благороднѣйшаго и честнѣйшаго человѣка, прослужившаго въ Брестскомъ корпусѣ съ его основанія до закрытія, почти полвѣка потрудившагося на пользу юношества, въ постоянномъ будто бы стремленіи развивать, среди бывшихъ кадетъ Брестскаго корпуса, злобу ко всему русскому, къ православной вѣрѣ и этимъ толкнувшаго многихъ кадетъ, въ томъ числѣ и его, г. Ягмина, въ 1863 г. въ возстаніе.

Не мое дѣло защищать о. Козьмяна, но, какъ бывшій товарищъ г. Ягмина и глубоко чтившій нашего дорогаго наставника, я считаю себя обязаннымъ сказать г. Ягмину нѣсколько словъ правды.

Прежде всего изъ бывшихъ кадетъ Брестскаго корпуса въ возстаніи 1863 г. принимали участіе весьма немногіе; затѣмъ самъ г. Ягминъ въ корпусѣ былъ не долго и уже въ 1854 г., т. е. за девять лѣтъ до возстанія, вышелъ изъ корпуса, будучи тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, именно въ такомъ возрастѣ, когда никому не пришло бы въ голову, а тѣмъ болѣе такому умному человѣку, какъ ксендзъ Козьмянъ, пропагандировать ненависть къ Россіи и православію. Выходя изъ корпуса ребенкомъ, г. Ягминъ ровно ничего не могъ понимать въ тѣхъ вопросахъ, которые въ 1863 г. толкнули его въ возстаніе (въ чемъ онъ впрочемъ обвиняетъ не только ксендза Козьмяна, но и отца своего и брата), откуда онъ впослѣдствіи бѣжалъ, разочаровавшись въ «польской справѣ», за которую онъ взялся ратовать, и, раскаявшись, написалъ свои «Записки повстанца». Вмѣсто того, чтобы скромно и прямодушно сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ, г. Ягминъ, подъ предлогомъ какихъ-то разоблаченій, присоединяетъ свои собственныя измышленія о какомъ-то опасномъ направленіи воспитанія въ бывшемъ Брестскомъ корпусѣ и въ особенности о вредномъ вліяніи ксендза Козьмяна. Я увѣренъ, что за это г. Ягмину никогда не будетъ мѣста среди нашихъ товарищей, глубоко

уважающихъ почтеннаго о. Козьмяна, и что все, что онъ можетъ сдѣлать для себя,—это постараться не напоминать намъ больше о себѣ.

ГЛАВА III.

Характеристика нашихъ воспитателей.—Директоръ корпуса генералъ-маіоръ Мейнандеръ.—В. И. Назимовъ и перемѣны къ лучшему.—Преобладаніе нѣмецкаго элемента среди офицеровъ.—Трудность выбора офицеровъ на службу въ корпуса.—Ихъ грубое и жестокое обращеніе съ кадетами.—Самоубійство кадета Тетюцкина подъ розгами.—Поворотъ къ болѣе мягкимъ пріемамъ.—Наши доктора.

Разсказавъ о нашихъ учителяхъ и наставникахъ, я перехожу къ нашимъ воспитателямъ и къ системѣ воспитанія, какая у насъ въ то время существовала. Всѣ наши воспитатели, т. е. ротные командиры и отдѣленные, были, конечно, люди военные Передъ нами прошелъ цѣлый рядъ характеристическихъ фигуръ Николаевской эпохи, этого переходнаго, полнаго рѣзкихъ контрастовъ, времени, когда благородство и дикость, образованность и невѣжество нерѣдко встрѣчались разомъ.

Воспоминаніе о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ, даже въ настоящую минуту, когда съ такимъ увлеченіемъ хватаешься за все, что было мало-мальски свѣтлаго въ прошломъ—представляетъ мало отраднаго. Крѣпко засѣло и чуть ли не до настоящей минуты живетъ во мнѣ чувство какой-то вѣчной тревоги и томительнаго ожиданія, что вотъ-вотъ дежурный по ротѣ или ротный командиръ поставитъ на штрафъ, оставитъ безъ обѣда, а зачастую и высѣкутъ, какъ это было во время директорства Гельмерсена, за разстегнутую пуговицу, за нечищенные сапоги, за дурно сдѣланный ружейный пріемъ, или за полученный дурной баллъ изъ какого-либо предмета. Сколько даровитыхъ и симпатичныхъ юношей пропало на моихъ глазахъ подъ гнетомъ такихъ одуряющихъ отношеній.

Въ воспитательную программу кадетскихъ корпусовъ того времени входили самыя высокія нравственныя задачи, но я сознаюсь откровенно, что затрудняюсь припомнить и передать, какимъ образомъ могла быть выполнена такая сложная программа такимъ составомъ воспитателей каковъ былъ у насъ въ Брестѣ.

Было бы однако несправедливо всю отвѣтственность за тогдашнюю систему обращенія съ нами, за жестокія мѣры исправленія сваливать на однихъ воспитателей, тѣмъ болѣе, что строгія и жестокія мѣры того времени представлялись столь же естественными и справедливыми, какъ нынѣ балловыя отмѣтки, выговоры, карцеры и т. п. Весьма вѣроятно,

что и нынѣшніе воспитательные пріемы будутъ осуждены и осмѣяны впослѣдствіи. Поэтому порицать моихъ бывшихъ воспитателей, между которыми было много людей честныхъ и добрыхъ, я считаю себя не въ правѣ, а только констатирую факты. Въ наше время, къ своимъ наставникамъ и воспитателямъ мы относились въ высшей степени добродушно, даже къ такимъ, которые отличались непомѣрной строгостью. Конечно, не ускользали и отъ нашей чуткой и тонкой дѣтской наблюдательности сильныя и слабыя стороны каждаго воспитателя, и мы подмѣчали все это очень скоро; оцѣнивали, быть можетъ, не безъ ироніи и комизма, но никогда зло не подсмѣивались надъ ними.

Послѣ смерти генералъ-лейтенанта Гельмерсена, директоромъ корпуса назначенъ былъ генералъ-маіоръ Мейнандеръ. Назначеніе его было, вѣроятно, только временное, такъ какъ, спустя не болѣе полугода, на его мѣсто назначенъ былъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ В. И. Назимовъ. Мейнандеръ, поэтому, не оставилъ послѣ себя ровно никакихъ воспоминаній. Если память мнѣ не измѣняетъ, то объ Мейнандерѣ разсказывали, что онъ участвовалъ во многихъ битвахъ, но ни разу не былъ раненъ—какое обстоятельство вызывало въ насъ удивленіе и толки.

Назимовъ пріѣхалъ къ намъ, въ Брестъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1853 года. Помню, какъ-будто сейчасъ, я его въ первый разъ увидѣлъ въ классѣ на экзаменѣ русскаго языка.

Первое впечатлѣніе, произведенное на насъ генераломъ Назимовымъ, совсѣмъ не соотвѣтствовало тому представленію, которое у насъ сложилось о немъ, по дошедшимъ до насъ слухамъ. Намъ разсказывали, что Назимовъ очень строгій, что онъ возьметъ насъ «въ лапы» и усилитъ розочную расправу, нѣсколько поослабшую послѣ смерти Гельмерсена. Между тѣмъ, явившись въ корпусъ, онъ насъ просто очаровалъ. Въ то время Назимову было лѣтъ за пятьдесятъ: средняго роста, сѣдой, нѣсколько сутуловатый и безъ той военной выправки, которою отличались всѣ военные того времени. Лицо у него было типично-русское; такія лица мнѣ впослѣдствіи приходилось встрѣчать и среди помѣщиковъ, и среди крестьянъ сѣверныхъ губерній. Но такого выраженія глазъ, какое было у Назимова, удавалось мнѣ встрѣчать рѣдко. Еслибы всѣ глаза такъ смотрѣли, то добрыхъ людей на свѣтѣ было бы много больше. И дѣйствительно, В. И. Назимовъ былъ необыкновенно добрый и сердечный человѣкъ, и искренно любилъ насъ. Въ высшей степени религіозный, онъ не пропускалъ ни одной обѣдни и, въ случаяхъ особенной важности, передъ смотрами, экзаменами, передъ выходами въ лагерь, онъ всѣхъ насъ крестилъ.

Не дѣлая никакихъ особыхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ учителей и воспитателей, Назимовъ, въ короткое время, умѣлъ такъ поста

вить дѣло, что большимъ вліяніемъ стали пользоваться люди гуманные и образованные, разумѣется, насколько они могли быть такими въ то время, мало-по-малу оттѣсняя на задній планъ людей, извѣстныхъ своими солдатскими и варварскими пріемами въ обращеніи съ кадетами, принимая и самъ дѣятельное участіе въ воспитательной и хозяйственной части корпуса. При Назимовѣ тѣлесныя наказанія если не были совершенно вытѣснены изъ употребленія, то сдѣлались, во всякомъ случаѣ, болѣе рѣдкими и примѣнялись только въ крайнихъ, изъ ряда вонъ выходящихъ, случаяхъ, и то не иначе, какъ по личному его разрѣшенію. При немъ значительно также улучшилась и пища кадетъ. Вообще, въ двухъ-лѣтнее директорство Назимова, онъ умѣлъ сдѣлать, насколько могъ, много добраго и полезнаго для насъ. Я рѣшительно не припомню ни одного случая, чтобы при Назимовѣ кого-либо отправили въ кантонистскіе баталіоны, что̀ случалось раньше довольно-таки часто. И потому мы были очень опечалены, когда, въ самомъ началѣ Крымской войны, императоръ Николай Павловичъ назначилъ Назимова кригсъ-коммиссаромъ дѣйствующей арміи, и онъ, не ожидая даже пріѣзда новаго директора, уѣхалъ изъ Бреста.

Батальоннымъ командиромъ, во время директорства Гельмерсена, Майнандера и Назимова, былъ полковникъ Уструговъ, который особаго значенія у насъ не имѣлъ, такъ какъ ни въ воспитательную, ни въ научную область не вмѣшивался. Занимался онъ исключительно одною фронтовою частью, которую довелъ до совершенства, и на смотрахъ государя Николая Павловича, наслѣдника цесаревича, на смотрахъ инспекторскихъ – брестцы отличались безукоризненнымъ исполненіемъ ружейныхъ пріемовъ и всѣхъ сложныхъ, въ то время, построеній. Церемоніальнымъ же маршемъ, тихимъ даже шагомъ, проходили такъ стройно, что всѣ четыреста кадетъ батальона подымали ноги на одну и ту же высоту, а весь батальонъ, по фронту, представлялъ прямую линію, не только безъ изгибовъ, но даже безъ малѣйшихъ неровностей. Равненіе было доведено до идеально прямой линіи, и когда теперь смотришь на проходящія церемоніальнымъ маршемъ войска, то, по старой привычкѣ, приходишь въ изумленіе, что ихъ не только не гонятъ съ плаца, но даже еще благодарятъ. Въ наше время военная служба, вообще, основана была на внѣшности, на выправкѣ. Обученіе и въ кадетскихъ корпусахъ состояло въ вытягиваніи носка, держаніи круче ружейнаго приклада, маршировкѣ дотого плавной, чтобы не проливать стаканы съ водою, поставленные на плечи, и въ ружейныхъ пріемахъ, дотого отчетливыхъ, что когда дѣлали ихъ четыреста человѣкъ, то казалось, что это дѣлалъ одинъ. Передъ смотрами мы, обыкновенно, ослабляли винты у ружей, отчего, при ружейныхъ пріемахъ, въ ловкихъ рукахъ нашихъ, звукъ, издаваемый ружьями, походилъ на

щелканье орѣховъ и на какой-то лязгъ. Выходило это чрезвычайно эффектно. Во время смотровъ, императоръ Николай особенно любилъ ружейные пріемы и, дѣйствительно, отчетливость, шикъ и даже изящество доведено было въ Брестскомъ корпусѣ до совершенства.

Поѣхалъ ли съ нами Уструговъ въ Москву, я не помню, и вообще не могу сказать, когда и при какихъ условіяхъ оставилъ онъ службу въ Брестскомъ корпусѣ, но знаю, что уже въ 1854 году его у насъ не было, а должность батальоннаго командира занималъ полковникъ А. В. Ольдероге 2-ой.

Ольдероге было у насъ три брата. Старшій В. В. былъ капитаномъ и, имѣя пристрастіе къ тѣлеснымъ расправамъ, за всякую малѣйшую вину дралъ безъ милосердія и, при этомъ, назначенное имъ количество розогъ сообщалъ передъ экзекуціей.

Третій Ольдероге Е. В., съ титуломъ «Амазонки», добрый по характеру, но крайне ограниченный по уму. «Амазонкой» же прозвали его за то, что онъ утверждалъ, что рѣка Амазонка плыветъ не въ Америкѣ, а въ Испаніи, и никто его въ этомъ разубѣдить не могъ.

Разсказываютъ, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, войдя однажды въ залъ передъ внутренними покоями императора Александра I, гдѣ ждало много военныхъ генераловъ, съ нѣмецкими фамиліями, и громко разговаривали по-нѣмецки, обратился къ нимъ съ общимъ вопросомъ:

— Позвольте узнать, не говоритъ ли кто изъ васъ по-русски?

Совершенно то же имѣлъ бы право сдѣлать каждый, случайно попавшій въ общество офицеровъ нашего корпуса, въ бытность его въ Брестѣ. Изъ числа 30 офицеровъ, составляющихъ наше военное начальство, едва-ли можно насчитать 5 — 6 человѣкъ русскихъ, изъ числа которыхъ Васильевъ охотнѣе говорилъ по-нѣмецки, нежели по-русски.

Надо полагать, что при назначеніи офицеровъ въ кадетскіе корпуса вообще, а въ провинціальные въ особенности, никакого образовательнаго ценза не требовалось и даже особаго выбора не дѣлалось. У насъ, по крайней мѣрѣ, собраны они были, «кто съ бору, кто съ сосенки». Были такіе, которые всю свою службу провели среди боевой обстановки и попали въ корпусъ въ качествѣ воспитателей, израненные и больные. Понятно, что при такихъ неразборчивыхъ условіяхъ опредѣленія офицеровъ въ кадетскіе корпуса, даже еслибы они и хотѣли вести дѣло воспитанія съ величайшею добросовѣстностью, то и тогда это было бы имъ не по силамъ, такъ какъ они къ этому приготовлены не были. И поэтому всѣ почти наши офицеры, въ бытность корпуса въ Брестѣ, особенно до смерти Гельмерсена, за малымъ исключеніемъ, были придирчивы, грубы и жестоки. Случай съ кадетомъ Тетюцкинымъ, который зарѣзался подъ розгами, хорошо иллюстрируетъ взглядъ нашихъ вос-

питателей того времени на дѣло воспитанія. Если мы даже примемъ въ соображеніе и то, что въ описываемое мною время, повсюду въ Россіи господствовала жестокость, но, имѣя въ виду, что въ корпусахъ воспитывались дѣти по большей части интеллигентныя, изъ среды дворянской, случай съ Тетюцкинымъ и для того времени покажется возмутительнымъ и доказывающимъ полнѣйшую грубость и невѣжество тогдашняго состава воспитателей нашего корпуса. Случай этотъ съ Тетюцкинымъ я разскажу такъ, какъ я слышалъ отъ товарищей. Онъ былъ до моего поступленія въ корпусъ, впрочемъ, не задолго. Тетюцкинъ былъ во 2-й Мушкетерской ротѣ. Кто командовалъ въ то время этой ротой, я въ настоящее время припомнить не могу. Былъ ли Тетюцкинъ шалунъ, или плохо учился, я также не знаю, но, какъ разсказывали товарищи, а впослѣдствіи я слышалъ и отъ дядьки Бабулы, которому лгать не было никакой надобности, — это былъ мальчикъ нервный и, по характеру, очень добрый, но, въ то же время, всегда молчаливый и мрачный. Ротный командиръ, съ перваго же дня поступленія его въ корпусъ, за что-то не взлюбилъ его и, вслѣдствіе этого, сѣкли Тетюцкина каждый почти день и за дурныя отмѣтки, и за всякія, самыя невинныя, шалости, и въ концѣ концовъ, дошли до того, что пороли его по два раза въ день. На тѣлѣ мальчика образовались никогда не заживавшіе струпья и раны. Въ злополучный день Тетюцкинъ получилъ письмо отъ отца, съ Дону (отецъ его былъ донскимъ казакомъ Качалинской станицы), извѣщающее его о смерти матери. Печальное это извѣстіе такъ поразило нервнаго мальчика, что онъ началъ рыдать въ присутствіи всѣхъ, за что безсердечный ротный командиръ такъ наказалъ бѣднаго мальчика розгами, что онъ, не выходя изъ цейхгауза, перочиннымъ ножикомъ перерѣзалъ себѣ сонную артерію и, спустя нѣсколько часовъ, скончался. Было ли это все такъ, какъ мнѣ разсказывали — не утверждаю, но фактъ самоубійства Тетюцкина подъ розгами достовѣренъ, онъ надѣлалъ немало шуму и хлопотъ нашему корпусному начальству. Назначено было слѣдствіе подъ наблюденіемъ генералъ-лейтенанта Шлипенбаха, пріѣзжалъ и самъ Я. И. Ростовцевъ, но въ концѣ концовъ дѣло замяли, и для ротнаго командира, главнаго виновника смерти Тетюцкина, оно окончилось безъ всякихъ послѣдствій. По истинѣ, жестокія были времена! Впрочемъ, можно ли удивляться, что дѣло о самоубійствѣ Тетюцкина положено было подъ сукно, когда такіе даже люди, какъ митрополитъ Филаретъ, лучшій человѣкъ того времени, являлся рѣшительнымъ заступникомъ плетей, розогъ и шпицрутинъ и, даже много позже, графъ Панинъ, бывшій министръ юстиціи въ царствованіе императора Александра II, представитель мирнаго гражданскаго суда, во время постановки вопроса объ отмѣнѣ у насъ тѣлесныхъ наказаній, не согласился на отмѣну.

Какъ много должна быть обязана Россія великому преобразователю за отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Реформа эта, введенная по его волѣ,— одинъ изъ человѣчнѣйшихъ актовъ этого кроткаго государя.

Желая быть совершенно безпристрастнымъ, я долженъ, однако, сказать, что въ мое время, въ Брестскомъ корпусѣ, хотя еще зачастую практиковалось наказаніе розгами, но не доходило уже до такихъ жестокостей, какъ это было раньше.

Кого мы особенно недолюбливали изъ нашихъ воспитателей—это капитана Фи—ра. Это былъ человѣкъ злой, мстительный, окружавшій себя шпіонами и льстецами, дерзкій и жестокій съ кадетами, хитрый и увертливый передъ начальствомъ. Уже послѣ выхода моего изъ корпуса, въ 1861 г., съ нимъ была громкая исторія, на смотру государя, въ Москвѣ, но что это была за исторія—я подробностей не знаю. Знаю только, что по повелѣнію государя, произведено было генераломъ Яфимовичемъ слѣдствіе, и многіе изъ кадетъ пострадали. Фи—ръ служилъ потомъ въ Москвѣ, по полиціи и, правду говоря, это было настоящее его мѣсто и по его способностямъ, и по его наклонностямъ.

До самаго моего выхода изъ корпуса, составъ офицеровъ-воспитателей Брестскаго корпуса, за малымъ исключеніемъ, почти не обновлялся,— видно сдѣлать это было не такъ легко. Не только гвардейскіе офицеры и офицеры спеціальнаго рода оружій, но даже болѣе образованные армейскіе офицеры не охотно переходили въ кадетскіе корпуса. Ихъ трудно было найти для петербургскихъ корпусовъ, откуда же ихъ было взять для провинціальныхъ?..

Заканчивая мое повѣствованіе о нашихъ отцахъ-командирахъ и отдѣленныхъ офицерахъ, нельзя умолчать и о нашемъ медицинскомъ персоналѣ, имѣвшемъ громадное значеніе въ жизни кадетъ того времени, особенно тѣхъ, которые или по лѣности, или по другимъ какимъ-либо причинамъ имѣли нужду «притворяться» больными, а положа руку на сердце, кому изъ насъ не приходилось прибѣгать къ этому средству. Бывало, набьешь себѣ локоть покрѣпче, чтобы сильнѣе билъ пульсъ, скорчишь жалкую рожу передъ дежурнымъ офицеромъ и просишь отправить въ лазаретъ. Дежурные офицеры въ этихъ случаяхъ не стѣсняли и обыкновенно съ дежурнымъ дядькой отправляли въ лазаретъ и развѣ только отказывали тѣмъ, которыхъ уже знали, какъ профессіональныхъ притворщиковъ. Было такихъ нѣсколько, но особенно отличался умѣніемъ притворяться кадетъ Люгайло, но онъ, впрочемъ, былъ на всѣ руки мастеръ. Если такого «притворщика» принималъ въ больницу нашъ старшій врачъ Лезедовъ и притомъ догадывался, что болѣзни нѣтъ никакой, то онъ обыкновенно обращался къ старшему фельдшеру Мальчевскому и спокойнымъ голосомъ отдавалъ ему одно и то же приказаніе:

— Габеръ супъ ему давать и въ коровати пологать.

Продержавъ такого больнаго дней пять или семь на пищѣ св. Антонія и ежедневно визитируя и осматривая его съ полнымъ вниманіемъ, Лезедовъ также спокойно обращался къ мнимо-больному съ такою рѣчью: «Встаньте, ви теперь ganz здоровы, можете отправляться учиться». Младшимъ врачемъ былъ докторъ Стакманъ, человѣкъ свѣдущій и къ намъ всегда ласковый и внимательный. Асмусъ—третій докторъ, лѣчилъ исключительно начальство наше, и только въ случаяхъ опасной болѣзни кого-либо изъ кадетъ его приглашали для консультаціи.

ГЛАВА IV.

Отношенія между товарищами.—Отпуски.—Помѣщики Райскіе.—Какъ мы проводили время на праздникахъ.—Журналъ для военно-учебныхъ заведеній.—Духъ епископа.—Арестанты.—Препровожденіе времени въ лагеряхъ.

Не знаю, какъ другимъ моимъ товарищамъ, но въ моихъ впечатлѣніяхъ внутренняя жизнь кадетъ Брестскаго корпуса представляется и до сихъ поръ въ очень симпатичномъ свѣтѣ. Мы составляли дѣтскую семью, члены которой были связаны между собою самыми интимными узами, самыми любящими и доброжелательными отношеніями. Но, что особенно памятно мнѣ, это—въ высшей степени деликатныя и чистоплотныя отношенія между нами, ни грубой брани, ни кулачной расправы, ни какихъ-либо особенно гадкихъ и порочныхъ привычекъ среди насъ совсѣмъ не существовало.

Старые кадеты ходили, правда, безъ подтяжекъ, съ вклоченными волосами, вѣчно пробующіе свои мускулы, но о какихъ-либо ихъ продѣлкахъ, выходящихъ изъ границъ дѣтскихъ шалостей, я не помню, такъ что они никакого вреднаго вліянія на остальныхъ кадетъ не имѣли. Это были, большею частью, широкія натуры, мечтавшія только о томъ, какъ бы скорѣе вырваться на свободу, и поэтому учились плохо, часто подвергались наказаніямъ и, въ концѣ-концовъ, достигали своей цѣли, ихъ исключали или въ юнкера, или изъ 4-го общаго класса выпускали офицерами въ гарнизонные батальоны.

Жизнь наша въ корпусѣ была та же, что̀ и во всѣхъ другихъ корпусахъ.

Въ Брестѣ очень немногіе изъ насъ имѣли родственниковъ и знакомыхъ, и потому очень мало кадетъ пользовались отпусками, даже если прибавить и тѣхъ, которые на праздники Рождества ѣздили къ сосѣднимъ помѣщикамъ Райскимъ.

Райскіе жили въ 10-ти верстахъ отъ Бреста,—это были люди зажиточные и гостепріимные, любили веселиться, дочерей у нихъ было около десятка, нужны были и кавалеры. Передъ Рождествомъ они обыкновенно просили директора корпуса выбрать изъ старшаго возраста кадетъ 20 и разрѣшить имъ провести у нихъ все праздничное время. За два дня до Рождества, 5—6 саней увозили счастливыхъ избранниковъ, тѣ же, которые оставались па праздникахъ въ корпусѣ, проводили время не только однообразно, но и скучно. Въ Брестѣ не было ни театровъ, ни гуляній, словомъ, ровно никакихъ развлеченій, какими, отъ времени до времени, пользовались кадеты столичныхъ корпусовъ. Для насъ праздничные дни отличались только тѣмъ, что на третье блюдо давали намъ слоеные пирожки съ вареньемъ, ротные командиры покупали на наши деньги разныхъ сластей и въ теченіе трехъ первыхъ дней Рождества ставили въ ротахъ воду для питья, чего въ другое время дѣлать не разрѣшалось. Воду давали намъ только за обѣдомъ и ужиномъ. Почему было такое гоненіе на воду, особенно въ то время, когда она не считалась еще такой опасной, какъ теперь, я положительно недоумѣваю.

Длинные, праздничные вечера проводили мы большею частью за чтеніемъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ читали «Журналъ для военно-учебныхъ заведеній». Небольшой по объему, но очень интересный по содержанію, и если онъ въ настоящее время не издается — можно объ этомъ только пожалѣть. Мы, брестцы, на этомъ журналѣ, можно сказать, выросли, воспитались. Мы съ увлеченіемъ читали его, упивались имъ. Такіе разсказы, какъ: «Два Ивана, два Степановича и два Костылькова», «Выстрѣлъ въ глазъ», «Путешествіе по лѣсамъ Америки» и др., прочитывались нами по десятку разъ.

Такъ коротали мы скучные праздничные вечера. Были, впрочемъ, смѣльчаки, которые, ежегодно, на праздникахъ Рождества, въ глубокой тайнѣ и передъ начальствомъ, и даже передъ товарищами, составляли планъ побывать въ подвалахъ нашего зданія, гдѣ, какъ гласило корпусное преданіе, слышны были какіе-то стоны, ходили духи съ факелами и гремѣли цѣпи. Разсказывали, что наканунѣ Рождества ходилъ по подваламъ, и разъ даже забрелъ въ верхній этажъ, духъ какого-то епископа, не согласнаго съ постановленіями брестской уніи и за это замурованнаго въ стѣнахъ корпуса. Утверждали, и всѣ этому вѣрили, что подъ лѣстницей первой мушкетерской роты есть спускъ въ эти подвалы. Въ теченіе цѣлой зимы участники проекта подвальной экскурсіи приготовляли для этой цѣли всѣ необходимые предметы, и особенно запасались «сточками» [1]). Это очень длинная, тонкая восковая свѣча, окра-

[1]) Сточки употребляются во время ночной службы у католиковъ.

шенная въ цвѣта радуги и свернутая спиралью. Свѣчу такую будто-бы ни одинъ духъ затушить не былъ въ состояніи. Приведенъ ли былъ хоть одинъ разъ въ исполненіе планъ такой подвальной прогулки — я не знаю. Откуда однако могли народиться всѣ эти преданія и было ли въ нихъ какое-либо историческое основаніе, никто объяснить намъ не могъ, даже нашъ учитель исторіи Единевскій.

Что кто-нибудь изъ насъ, даже въ полночь, могъ слышать звонъ цѣпей въ подвалахъ, это не удивительно, такъ какъ всѣ работы по очисткѣ ретирадныхъ мѣстъ въ корпусѣ производили содержащіеся въ крѣпости арестанты. Они же занимались и другими работами, и не только въ подвалахъ, но ежедневно, даже по корридорамъ, сновали арестанты въ кандалахъ, въ сѣрыхъ курткахъ, съ бритыми на половину головами. Это было не педагогично, но зато, должно быть, очень выгодно.

Въ лагери мы выходили обыкновенно въ маѣ, послѣ годичныхъ экзаменовъ. До 1845 года кадеты вообще всѣхъ корпусовъ въ лагерь не выходили. Кто имѣлъ возможность ѣхать на каникулы домой, тотъ ѣхалъ; остальные кадеты оставались въ стѣнахъ заведенія. Въ 1845 году, Николай Павловичъ, желая развить въ кадетахъ параллельно научнымъ свѣдѣніямъ и воинскій духъ, приказалъ обучать кадетъ всѣмъ родамъ пѣшаго строя и выводить въ лагери.

Лагерная стоянка наша отстояла отъ Бреста въ десяти верстахъ и расположена была среди дремучихъ лѣсовъ. Съ одной стороны протекала небольшая, но глубокая рѣка, на противоположномъ берегу которой видна была магнатская усадьба Урсынъ-Нѣмцевича — «Скоки», а съ другой стороны — имѣніе Буковецкаго. Мѣстоположеніе выбрано было красивое, но, полагать надо, нездоровое, такъ какъ мы то и дѣло хворали лихорадками.

Въ свободное отъ строевыхъ занятій время мы занимались воспитаніемъ ящерицъ, ужей, разводили земляныхъ пчелъ, нѣсколько кадетъ держали даже волковъ и лисицъ, но это было накладно для желудка любителей крупнаго звѣря, такъ какъ, чтобы прокормить ихъ приходилось урѣзывать отъ своихъ порцій.

ГЛАВА V.

Проѣздъ императора Николая черезъ Брестъ въ Варшаву, на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ и королемъ прусскимъ. — Смотръ кадетамъ. — Мое паденіе и переломъ пальца.— Фельдъегерь изъ Варшавы. — Высочайшее повелѣніе сформировать изъ кадетъ сводную роту и отправить въ Варшаву.— Пребываніе кадетъ въ Варшавѣ.—Передвиженіе войскъ.—Укрѣпленіе Брестской крѣпости.—Толки.—Наши политиканы.—Выпускъ кадетъ въ офицеры, изъ 4-го общаго класса.—Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей.—Энтузіазмъ кадетъ. —Назначеніе Назимова кригсъ-коммиссаромъ арміи.— Отъѣздъ Назимова и прощанье. — Генералъ Ѳ. Ф. Редигеръ. — Повелѣніе государя о переводѣ корпуса въ Москву.— Наше путешествіе. — Пріѣздъ въ Москву.— Наши впечатлѣнія.—Заключеніе.—Домбровскій.

Въ 1853 году, въ началѣ сентября пріѣхалъ въ Брестъ императоръ Николай. Ѣхалъ онъ въ Варшаву на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ и прусскимъ королемъ, покойнымъ Вильгельмомъ. Это было самое лучшее время Священнаго союза, время полнаго довѣрія между тремя монархами. Въ Варшавѣ дѣлались баснословныя приготовленія къ пріему высокихъ гостей. И королевскій замокъ и бельведеръ заново реставрировали. Изъ Бреста вышла въ Варшаву цѣлая дивизія для предстоящихъ смотровъ и маневровъ. Въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ сконцентрировано было до 150 тысячъ войскъ. Въ Брестѣ встрѣтилъ императора намѣстникъ царства Польскаго, князь Паскевичъ. Николай Павловичъ во все время пребыванія въ Брестѣ былъ веселъ, добръ и привѣтливъ. Смотръ кадетамъ прошелъ блестяще. Я нѣсколько разъ видѣлъ государя Николая Павловича, но никогда не видѣлъ его въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа. Послѣ смотра онъ приказалъ намъ составить ружья въ сошки и началъ тутъ же на плацу играть съ нами въ чехарду, въ перегонки, позволялъ шалить съ собою, хватать себя за фалды мундира. Я очень хорошо все это помню, такъ какъ игры эти окончились для меня довольно печально. Бѣгая вмѣстѣ съ другими, я за что-то зацѣпился и упалъ и при паденіи сломалъ себѣ большой палецъ правой ноги. Меня снесли въ больницу, и не прошло 10 минутъ, какъ туда прибылъ государь и присутствовалъ во все время, пока мнѣ лейбъ-медикъ Енохинъ дѣлалъ перевязку.

Послѣ отъѣзда государя въ Варшаву, вновь тихо и мирно потекла жизнь кадетъ, какъ вдругъ начальство наше взволновано было извѣстіемъ о прибытіи къ директору корпуса, Назимову, фельдъегеря съ Высочайшимъ повелѣніемъ немедленно сформировать роту изъ ста кадетъ и съ полнымъ вооруженіемъ и обмундированіемъ, отправить дилижансами въ Варшаву, съ такимъ разсчетомъ, чтобы рота, со дня полученія приказанія, прибыла въ Варшаву въ теченіе трехъ сутокъ (Разстояніе,

между Брестомъ и Варшавой около 200 верстъ). Директоръ Назимовъ и начальство потеряли головы, приходя въ отчаяніе, какъ все это устроить въ такое короткое время; кадеты же оживились, разсчитывая на удовольствія и развлеченія. Пошли сборы, бѣготня, шумъ, въ цейхгаузахъ перевернули все вверхъ дномъ, но въ назначенный срокъ сборная рота въ дилижансахъ отправилась въ Варшаву и своевременно туда прибыла, не запоздавъ ни одного часа. Иначе, при императорѣ Николаѣ и быть не могло. Полчаса спустя, послѣ пріѣзда кадетъ, въ 7 часовъ вечера, несмотря на осеннюю темень и дождь, государь былъ уже за Мокотовской заставой, въ саперныхъ казармахъ, куда помѣстили сводную роту.

Кадеты пробыли въ Варшавѣ цѣлую недѣлю. Они попеременно занимали почетные караулы, то у австрійскаго императора, то у короля прусскаго, участвовали въ разводахъ, въ парадахъ, а на смотру на Уяздовскомъ плацу, стояли на правомъ флангѣ войскъ. За эту поѣздку начальство наше получило награды не только отъ императора Николая Павловича, но и отъ императора австрійскаго и короля прусскаго, а кадеты одарены были конфектами. Вообще же во время пребыванія кадетъ въ Варшавѣ за ними ухаживали, какъ за институтками, водили ихъ по театрамъ, по дворцамъ и кормили до отвалу. Директоръ Назимовъ любилъ щеголять тѣмъ, что брестцы «удостоились быть на смотру трехъ монарховъ».

Въ началѣ 1853 года мы начали замѣчать какое-то особое движеніе въ крѣпости. Иногда насъ водили для прогулокъ на крѣпостной бульваръ, дѣ по праздникамъ играла музыка. Комендантъ крѣпости, генералъ Бартоломей, начальникъ интендантскаго управленія крѣпости, генералъ Самсоновъ, военные инженеры, плацъ-адъютанты и вообще всѣ начальствующія лица, которыхъ мы до того привыкли видѣть всегда беззаботными и веселыми, съ 1853 года мы начали замѣчать въ нихъ особенную сосредоточенность и озабоченность; когда же насъ водили на гулянье въ мѣстечко Тересполь, въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости, гдѣ въ то время существовала еще таможенная граница между царствомъ Польскимъ и имперіей – по Варшавскому шоссе мы встрѣчали массы двигающихся войскъ и обозовъ: то пѣхоты, то кавалеріи, то артиллеріи. Все это наталкивало насъ на множество всевозможныхъ предположеній. Наше начальство никакихъ объясненій намъ дать или не хотѣло, или не умѣло. Въ мартѣ мѣсяцѣ начали укрѣплять крѣпостные верки, на валахъ ставили пушки, мортиры, свозили и снаряды укладывали въ правильныя пирамиды, усиливали караулы, словомъ, кругомъ насъ творилось что-то необычайное, для насъ необъяснимое и въ то же время разжигающее наше любопытство. Самые разнообразные слухи ходили среди насъ въ великомъ изобиліи. Наши политиканы-дядьки утверждали, что это поляки снова хо-

тятъ бунтовать, и что и крѣпость вооружаютъ и войска двигаютъ противъ нихъ. Но возвращавшіеся изъ Варшавы, изъ отпуска, кадеты сообщали намъ, что въ Варшавѣ все спокойно. Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ военныхъ приготовленій, въ 1853 году мы положительно хуже учились, чѣмъ въ прежніе годы, многіе не выдержали экзаменовъ, въ томъ числѣ и я остался на второй годъ, во 2-мъ общемъ классѣ. Къ довершенію всего, по возвращеніи изъ лагерей по Высочайшему повелѣнію нѣсколько кадетъ выпущены были изъ 4-го общаго класса въ офицеры, что̀ практиковалось только въ военное время

Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ предъ фронтомъ кадетъ, построенныхъ въ каре, директоръ Назимовъ прочиталъ намъ Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Турціи. Общій энтузіазмъ охватилъ насъ, и мы готовы были съ маленькими нашими ружьями кинуться на «враговъ христіанства», какъ именовалъ турокъ манифестъ. Съ этихъ поръ мы начали слѣдить за ходомъ военныхъ событій, то изъ газетъ, получаемыхъ отъ офицеровъ, то отъ дядекъ, сконфуженныхъ нѣсколько неудачными предсказаніями бунта польскаго, но тѣмъ не менѣе остававшихся для насъ лучшими источниками, откуда, какъ намъ казалось, мы могли единственно получать самыя вѣрнѣйшія свѣдѣнія съ театра войны. И много же они тогда попользовались отъ насъ разными сладостями!

Послѣ вечерней молитвы мы обыкновенно пѣли патріотическія пѣсни, разсылаемыя штабомъ военно-учебныхъ заведеній. Въ нихъ доставалось Пальмерстону, но особенно Наполеону III, который, по выраженію одной изъ этихъ пѣсенъ, «умѣетъ только махать дядюшкиной шпагой и кричать: Allons curage».

Все это разжигало въ насъ молодую кровь. Мы строили всевозможные планы кампаніи, наголову разбивали французовъ и англичанъ, не говоря уже о туркахъ, и брали въ плѣнъ Наполеона, и т. п.

Вообще конецъ 1853 и начало 1854 года прошли у насъ въ корпусѣ крайне воинственно.

Зимою 1854 года, директоръ корпуса, Назимовъ, назначенъ былъ, какъ я сказалъ уже, кригсъ-коммиссаромъ дѣйствующей арміи. Прощаясь съ нимъ, мы всѣ плакали. Скорбь наша по немъ была общая. И онъ не въ силахъ былъ подавить волненія, зарыдалъ и бросился обнимать офицеровъ и кадетъ. Нѣсколько лѣтъ, какъ В. И. Назимовъ скончался, но память его будетъ для всѣхъ брестцевъ священна.

На мѣсто Назимова, директоромъ корпусъ назначенъ былъ генералъ-маіоръ Ѳедоръ Филипповичъ Редигеръ. Брестскій корпусъ былъ вообще очень счастливъ выборомъ директоровъ. Редигеръ съ первыхъ же дней искренно, какъ отецъ, полюбилъ насъ и выражалъ это постоянно и неизмѣнно. Это былъ директоръ благоразумный, умѣвшій, несмотря на свой строгій и даже сердитый видъ, кротко и деликатно обходиться съ

нами. Дѣятельность его, главнымъ образомъ, проявилась послѣ перевода Брестскаго корпуса въ Москву и, когда я буду говорить объ этомъ времени, я болѣе подробно скажу объ немъ и о его въ высшей степени полезной дѣятельности.

Ѳедоръ Филипповичъ прибылъ въ Брестъ въ самомъ началѣ годовыхъ экзаменовъ, которые, какъ и всегда, оканчивались въ началѣ мая. Намъ оставалось нѣсколько только дней до выступленія въ лагерь, какъ вдругъ прибылъ фельдъегерь и привезъ Высочайшее повелѣніе приготовить въ теченіе мѣсяца корпусъ къ переѣзду въ Москву. Разсказывали, что фельдъегерь прибылъ къ директору корпуса въ одиннадцать часовъ вечера и произвелъ въ его домѣ тревогу полную. На другой день всѣ офицеры и учителя были въ сборѣ, суетились, толковали, нѣкоторые радовались, другіе, обжившіеся уже въ Брестѣ, не совсѣмъ охотно хотѣли ѣхать въ Москву; хотя большинству изъ насъ, съ переѣздомъ въ Москву, приходилось слишкомъ далеко отъѣзжать отъ родныхъ, но, лишь только мы узнали эту новость,—восторгамъ нашимъ не было предѣловъ; увидѣть Москву, о которой мы знали только по наслышкѣ, увидѣть старую столицу, гдѣ совершались самыя видныя событія и гдѣ хранились древніе памятники—представлялось для насъ заманчивымъ и было отъ чего приходить въ восторгъ.

10 іюня 1854 года, въ 9 часовъ утра на плацу передъ зданіемъ корпуса выстроилась 1-я мушкетерская рота, въ которой я въ то время состоялъ. На всѣхъ лицахъ было въ одно и то же время и восторженное выраженіе, и какая-то печаль. Сначала о. Горизонтовъ, затѣмъ ксендзъ Козьмянъ отслужили напутственные молебны, сказали намъ нѣсколько поучительныхъ словъ, какъ мы должны вести себя въ дорогѣ; затѣмъ ротный командиръ первый сказалъ: «прощай, корпусъ», и мы со слезами на глазахъ, почти рыдая, всѣ начали кричать: «прощай, прощай, дорогой нашъ корпусъ, увидимъ ли мы больше тебя!..» Но послышалась команда: «Справа по отдѣленіямъ шагомъ маршъ!»—и рота бодро зашагала. Спустя часъ мы были уже за городомъ. Тутъ насъ ожидали еврейскія балагулы, запряженныя четверкой. Еще разъ по командѣ ротнаго командира: «шапки долой!» мы со слезами простились съ нашимъ корпусомъ, сѣли по 10 человѣкъ въ каждую балагулу и двинулись въ путь по Московскому шоссе. Путешествіе это оставило въ насъ самыя живыя и пріятныя воспоминанія. Оно продолжалось больше мѣсяца. Шесть дней въ недѣлѣ мы ѣхали безостановочно, съ привалами для завтрака, обѣда и ночлега, въ субботу же, по случаю шабаша, такъ какъ всѣ возницы были евреи, мы дневали. Въ пути кормили насъ прекрасно, ночлеги устраивали или на открытомъ воздухѣ, если было тепло и сухо, или въ сараяхъ, въ дождливое время. Передвиженіе корпуса стоило и большихъ денегъ, и большихъ хлопотъ. Случалось,

что измученныя жидовскія клячи не могли тронуть съ мѣста балаголы, изрядно таки нагруженной разнымъ скарбомъ; пришлось лошадей браковать, покупать новыхъ за счетъ еврея, что̀ вызывало споры, крики, а подъ часъ даже и кулачную расправу ротнаго камандира съ евреемъ, но все это не было большимъ препятствіемъ въ нашемъ путешествіи, и мы ежедневно дѣлали по 40 верстъ и болѣе. Московское шоссе содержалось въ то время въ образцовомъ порядкѣ. Дворянство Минской губерніи ассигновало значительную сумму для пріема насъ во время слѣдованія по Минской губерніи. На границѣ Слуцкаго уѣзда встрѣтилъ насъ минскій губернскій предводитель дворянства съ выборными отъ дворянства распорядителями, въ числѣ которыхъ былъ и мой отецъ, жившій въ то время въ г. Слуцкѣ. Завтраки, обѣды и ночлеги—все это дворяне устраивали, не жалѣя ни денегъ, ни хлопотъ. На мѣстѣ, гдѣ по росписанію назначены были ночлеги, для каждаго кадета поставлены были, въ красиво-отдѣланныхъ зеленью ригахъ, новыя крестьянскія сани и въ нихъ устраивались для насъ постели, на свѣжемъ сѣнѣ. За такой пріемъ насъ дворянство Минской губ. получило Высочайшую благодарность.

Въ концѣ іюля мы были на станціи Московско-Варшавскаго шоссе—Бирюлово, въ 19-ти верстахъ отъ Москвы. Здѣсь московское купечество приняло насъ обѣдомъ, на которомъ мы въ первый разъ ѣли кулебяку съ вязигой. Послѣ обѣда посадили насъ въ допотопныя линейки, высланныя за нами изъ Москвы, и въ нихъ мы покатили въ первопрестольную. Проѣхавъ верстъ пять, глазамъ нашимъ открылась чудная панорама Москвы со всѣми ея сіяющими на солнцѣ колокольнями, вся въ зелени, съ чудно-прелестными окрестностями. Сады, мимо которыхъ мы запроѣзжали—это были цѣлыя рощи. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ заставѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовали волненіе. Но лишь только проѣхали заставу—увы! впечатлѣніе рѣзко измѣнилось. Если и теперь, при усилившейся строгости правительственнаго надзора, корятъ Москву за патріархальную неопрятность ея площадей и за неряшество ея улицъ и дворовъ, то можно себѣ представить, что̀ было лѣтъ сорокъ тому назадъ. Улицы, по которымъ мы ѣхали, были грязны, по нимъ журчали зловонные ручейки, заражая атмосферу такою вонью, что мы вынуждены были затыкать носы; мостовыя избиты и въ рытвинахъ; тратуаровъ на окраинахъ города почти не было. Въ добавокъ ко всему, такъ начало насъ колотить въ линейкахъ, что мы всѣ страдали болью подъ ложечкой. Не проѣхали мы и версты отъ заставы, какъ у одной изъ мясныхъ лавокъ рѣзали теленка въ виду собравшейся толпы, и видно было, что это дѣлалось часто, такъ какъ по близости были цѣлыя лужи крови. Храмъ Христа Спасителя представлялъ собо тогда сѣрую массу отъ окружающихъ его руштованій, окруженный грязными и некрасивыми домами. Только золотой гигантскихъ размѣровъ куполъ его величественно вы-

дѣлялся надъ темною массою лѣсовъ. Старыя стѣны Кремля, грязныя и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развалившіяся, припомнили намъ разсказы учителя исторіи Единевскаго о набѣгахъ татаръ на Москву, о геройской защитѣ отъ поляковъ. Царскій дворецъ показался намъ чудомъ по своимъ размѣрамъ и красотѣ.

На Моросейкѣ и Покровкѣ, по которымъ насъ съ ужаснымъ громомъ и неимовѣрными толчками тащили линейки, мелькали передъ нами одинъ за другимъ старинные дома, то благообразные видомъ, то казарменной архитектуры. Долго мы недоумѣвали, что́ могла обозначать золотая голова свиньи, висѣвшая надъ однимъ магазиномъ на Моросейкѣ. Впослѣдствіи мы узнали, что эта вывѣска красовалась надъ гастрономическимъ магазиномъ Бѣлова и что эта свинья голова торговала тогда на всю Москву. Наконецъ доѣхали мы до Лефортова. Мы знали, что прозвище Лефортово получила эта часть Москвы по имени сотрудника и друга Петра I Лефорта Въ то время Лефортово, за исключеніемъ нѣсколькихъ зданій, влачило жалкое существованіе, состоя изъ двухъ рядовъ убогихъ домовъ, и ничего интереснаго не представляло. Поэтому мы были очень рады, когда линейки остановились передъ громаднымъ зданіемъ I-го и II-го Московскихъ корпусовъ, или, какъ его тогда называли — Головинскимъ дворцомъ. Дворецъ этотъ назначенъ былъ намъ временнымъ помѣщеніемъ до окончательной перестройки казармъ учебнаго карабинернаго полка, которыя предназначались для нашего постояннаго мѣста жительства. Проѣздъ въ линейкахъ по московскимъ мостовымъ дотого насъ утомилъ и обезсилилъ, что мы съ трудомъ могли взобраться въ предназначенные намъ дортуары. Тысяче-верстный переѣздъ отъ Бреста до Московской заставы не былъ для насъ такъ тяжелъ, какъ это путешествіе по Москвѣ. Пріѣздомъ въ Москву заканчивается первый періодъ существованія Брестскаго корпуса.

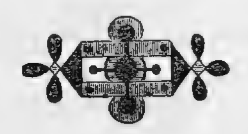
Къ моимъ воспоминаніямъ о прожитомъ времени кадетами нашего корпуса въ Брестѣ необходимо добавить, что, несмотря на непроглядныя сумерки, тяготѣвшія въ описываемое мною время надъ кадетами Брестскаго корпуса, несмотря на крайне ограниченное и безтолковое образованіе, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи Брестскій корпусъ далъ Россіи много истинно интеллигентныхъ и даровитыхъ людей, сумѣвшихъ выказать свои дарованія если не на высшихъ ступеняхъ государственной службы, то тамъ, гдѣ ихъ судьба поставила. Изъ питомцевъ Брестскаго корпуса есть много генераловъ, командующихъ полками, есть профессора, ученые и литераторы.

Если не всѣ покончили свою карьеру такъ, какъ это было бы желательно для чести и достоинства Брестскаго корпуса, то въ этомъ нельзя винить направленіе, существовавшее среди насъ, какъ его г. Ягминъ называетъ вреднымъ, опаснымъ и противугосударственнымъ. Я увѣренъ, что

ни одного факта изъ прошлаго нашего корпуса никому не придется представить для подтвержденія такой клеветы. Такъ, къ несчастію, оканчивали свою карьеру не одни только бывшіе воспитанники Брестскаго корпуса. Разнузданное направленіе шестидесятыхъ годовъ, экстазъ, охватившій въ 1863 г. польскую молодежь до потери здраваго смысла, къ числу которой такъ много принадлежало питомцевъ Брестскаго корпуса, — вотъ что было причиною, что нѣсколько изъ нихъ погибли не за грошъ. Но печальнѣе всѣхъ покончилъ свое жизненное поприще Ярославъ Домбровскій. Когда я поступилъ въ корпусъ, Домбровскій былъ уже въ высшихъ классахъ и окончилъ специальные классы въ Дворянскомъ полку. Онъ былъ маленькаго роста, съ откинутыми назадъ русыми волосами, умными и чрезвычайно красивыми глазами. Часто мы собирались вокругъ его, чтобы послушать его разсказовъ. Рѣчь у него лилась свободно и отличалась красотою; онъ фантазировалъ, заносился на седьмое небо, мечталъ о Кавказѣ, о бранныхъ подвигахъ и приходилъ въ отчаяніе отъ своего маленькаго роста. Часто, разсуждая между собою, мы пророчили ему блестящую будущность и, если не ошибаюсь, Домбровскій въ 1863 году былъ уже въ чинѣ полковника, или даже генерала. Примкнувъ къ революціонной партіи въ Польшѣ, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но затѣмъ помилованъ съ ссылкою въ каторжныя работы. При пересылкѣ Домбровскаго черезъ Москву, онъ бѣжалъ изъ Колымажной тюрьмы и въ 1871 году командовалъ войсками коммуны въ Парижѣ, гдѣ былъ убитъ. Но, я думаю, никому не придетъ въ голову винить за Домбровскаго Брестскій корпусъ.

О. Еленскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Объ единствѣ Греческой и Православной русской церкви.

Отношеніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода графа А. Н. Протасова къ г-ну Стурдзѣ. 13-го сентября 1838-го года за № 1603.

Съ чувствомъ искренняго участія и сожалѣнія прочелъ я письмо вашего превосходительства отъ 29-го іюля о нынѣшнемъ состояніи Церкви Греческаго Королевства, терзаемой лжеученіемъ съ тѣхъ поръ, какъ она отдѣлилась отъ Патріаршаго Престола, и объ усиліяхъ Инока Фармакида очернить Церковь Россійскую. Мнѣ кажется однакожъ, что никакія коварныя клеветы не достаточны поколебать взаимную довѣренность обѣихъ Церквей послѣ опыта осьми столѣтій, въ теченіе коихъ Церковь Греческая слишкомъ твердо убѣдилась въ Православіи Россійской Церкви. Впрочемъ я совершенно согласенъ съ вами, Милостивый Государь, что должно обличать льстивые навѣты, но также увѣренъ и въ томъ, что никто лучше васъ самихъ и о. Икономоса, по знанію русскаго и греческаго языковъ, и настоящаго положенія обѣихъ Церквей, не можетъ состязаться съ Фармакидомъ; русскіе же богословы, не знакомые съ обстоятельствами Греціи и природнымъ ея нарѣчіемъ, не могутъ опровергать его съ тѣмъ же успѣхомъ.

Но Церковь Россійская и Святѣйшій Сѵнодъ ея опровергаютъ клеветы лжеучителей греческихъ на самомъ дѣлѣ, обращая непрестанно строжайшее вниманіе на образъ преподаванія Богословія. Каждый ректоръ Духовной Академіи и Семинаріи даетъ строгій отчетъ въ семъ преподаваніи, особенно же въ тѣхъ богословскихъ источникахъ, изъ коихъ почерпаетъ оное. Богословіе Св. Іоанна Дамаскина полагается твердымъ и непреложнымъ основаніемъ ученію Вѣры, вмѣстѣ съ оглашеніями Св. Кирила Іерусалимскаго. Еще недавно разосланы по всѣмъ епархіямъ Православное исповѣданіе Вѣры Петра Могилы Митрополита Кіевскаго, утвержденное, какъ извѣстно, всѣми вселенскими и патріаршими престолами, и Изложеніе Вѣры, присланное ими Святѣйшему Сѵноду при его учрежденіи (которое есть не что иное, какъ правила Іерусалимскаго Собора противъ еретиковъ). Сіе можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ, что Вѣра Церкви Россійской совершенно сообразна съ вѣрою четырехъ Патріарховъ вселенской Церкви. Весьма полезно было бы распространить и по всей Греціи сіи книги, существующія и на греческомъ языкѣ. Препровождаю ихъ къ вамъ, на случай если вторая изъ нихъ неизвѣстна вашему превосходительству, а вмѣстѣ съ ними и недавно изданное Изложеніе Сѵмвола вѣры, которое составлено при Святѣйшемъ Сѵнодѣ изъ тѣхъ священныхъ источниковъ, кои всегда будутъ служить для насъ незыбленнымъ основаніемъ вѣрованія. Что же касается до богословскихъ трудовъ Ѳеофана и Иринея, то они, какъ произведенія частныя, не получившія утвержденія Церкви вселенской, не имѣютъ и въ Церкви Россійской обязательной силы.

Записки М. Я. Ольшевскаго[1].

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

II.

Враждебные намъ обитатели Западнаго Кавказа.

Враждебные Россіи обитатели Западнаго Кавказа принадлежали къ двумъ племенамъ: адыге или черкесскому и абзне или абхазскому.

Къ первому принадлежали: бесленеи, махоши, егерукаи, темиргои, гатукаи, черченейцы, хамышейцы, натухайцы, верхніе и нижніе абадзехи, ближніе и дальніе шапсуги и убыхи.

Абазинское племя составляли мелкія общества: башильбаи, тамовцы, казильбеки, шахъ-гиреи, баракаи, баговцы, псхоу, анчипсхоу и джигеты.

Ближайшими враждебными сосѣдями Лабинской линіи, начиная съ ея частей, были: башильбаи, тамовцы, казильбеки и шахъ-гиреи. Эти небольшія абазинскія общества, населеніе которыхъ не превышало трехъ тысячъ семей, обитали на треугольномъ пространствѣ между Большой и малой Лабой. Крайне лѣсистая и гористая мѣстность способствовала къ укрывательству и безнаказанному производству ими въ нашихъ предѣлахъ хищничествъ. Башильбаи, тамовцы, казильбеки и

---

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1895 года.

шахъ-гиреи управлялись старшинами, отъ родоначальниковъ которыхъ, если не ошибаюсь, они и получили эти свои названія.

По обѣимъ сторонамъ Ходза, значительнаго притока Большой Лабы, жили бесленеи. Это черкесское общество, равнявшееся по своей величинѣ четыремъ выше поименованнымъ обществамъ, несравненно превосходило ихъ храбростью и наѣздничествомъ. Безъ бесленеевъ не совершался на нашу линію ни одинъ набѣгъ. Въ особенности бесленеи страшны были для нашихъ поселеній въ то время, когда они жили на Тегеняхъ, между Урупомъ и Большой Лабой и, когда ими управлялъ и предводительствовалъ ихъ князь Айтекъ-Каноковъ. Это было въ тридцатыхъ годахъ. Тогда зачастую страдали наши поселенія на Кубани отъ его смѣлыхъ наѣздовъ.

Не менѣе страшны были въ тридцатыхъ годахъ для Кубанской линіи, а съ сороковыхъ годовъ для лабинскихъ казаковъ, соплеменники бесленеевъ—махоши, темиргои и егерукаи. Ихъ князья не только умѣли управлять своими подвластными, но и съ честію предводительствовали ими. Особенную же извѣстность пріобрѣли Богорсуковы и Болотоковы; первые были князья Махошевскіе, а послѣдніе Темиргоевскіе.

Въ послѣдніе годы своего существованія на Западномъ Кавказѣ махоши, темиргои и егерукаи жили въ лѣсныхъ трущобахъ по Фарсу, а также между этой небольшой рѣкой и Бѣлой. Лѣса, окружающіе Майкопъ, а также станицы Кужорскую и Фарскую, были наполнены ихъ аулами и хуторами, а поляны засѣяны просомъ и кукурузой. Махошъ, темиргоевъ и егерукаевъ считалось до четырехъ тысячъ семей.

Выше бесленеевъ въ верховьяхъ Ходза жили баговцы—а по Гупсу были разбросаны хуторами баракаи, небольшія общества абазинскаго племени. Выше махошъ, темиргоевъ и егерукаевъ находилось нѣсколько абадзехскихъ ауловъ. За Каменнымъ мостомъ, на Бѣлой, въ глубокой котловинѣ жили даховцы, а далѣе, за другимъ хребтомъ, хамыши, тѣ самые, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ жили на низовьяхъ Бѣлой подъ именемъ хамышейцевъ.

Перечисливъ такимъ образомъ небольшія общества, населявшія пространство между Лабой и Бѣлой, перейдемъ на лѣвый берегъ этой послѣдней рѣки.

По Куржупсу и Пшехѣ, притокамъ Бѣлой, Пшишу и Псекупсу, впадающимъ въ Кубань, находились многочисленныя и богатыя поселенія абадзеховъ,—народа, съ которымъ мы начали вступать въ болѣе частыя столкновенія только съ пятидесятыхъ годовъ. До того же времени, если и извѣстны были намъ, то только окраины абадзехской земли, изрѣдка посѣщаемыя нашими войсками. Сами же абадзехи не боялись насъ, потому что, кромѣ трудно доступной мѣстности, были за-

щищены со стороны Лабинской линіи храбрыми бесленеями, махошами, темиргоями и егерукаями, а со стороны Черноморіи бжедухами и гатюгаями или черченеями. При томъ же, живя въ довольствіи, они не имѣли надобности заниматься хищничествомъ и добывать себѣ существованіе грабежомъ. Когда же пришлось абадзехамъ защищать свои собственные предѣлы, то они, со времени заложенія Майкопа и до своего паденія, дрались неустрашимо, мужественно и храбро.

Иными являются сопредѣльные абадзехамъ шапсуги, жившіе между Шебшемъ и Абиномъ. Они считались злѣйшими и опасными сосѣдями черноморцевъ, и только пластунами сдерживались въ своихъ хищничествахъ и разбояхъ въ нашихъ предѣлахъ. Шапсуги умѣли мужественно и стойко защищаться на своей землѣ, что доказывалось значительными потерями, во всѣхъ случаяхъ, когда нашимъ войскамъ приходилось съ ними драться. И между ними были лихіе наѣздники-предводители, напримѣръ, Шеретлуковъ и Казбичъ. Несмотря на это, шапсуги не пользовались добрымъ именемъ между своими соплеменниками. Абадзехи пренебрегали ими и не вступали съ ними въ сношенія; натухайцы и бжедухи боялись ихъ. Это происходило отъ ихъ сварливости, кровожадности, непостоянства и страсти къ хищничеству.

За Абиномъ вплоть до Новороссійска, Анапы и устьевъ Кубани въ Черное море, жили натухайцы. По причинѣ ли близости моря, или менѣе суровой мѣстности, но только натухайцы отличались болѣе мирными, нежели воинственными наклонностями. Хищничествомъ же вовсе не занимались, какъ ихъ сосѣди шапсуги, потому что не были способны къ пріобрѣтеніямъ, соединеннымъ съ опасностями, или не находили въ томъ нужды по довольствію въ жизни, къ чему много способствовала торговля.

Наконецъ, если упомяну о бѣглыхъ кабардинцахъ, то тогда не будетъ забыто ни одно изъ самыхъ незначительныхъ непріязненныхъ намъ обществъ, обитавшихъ по сѣверо-восточному склону главнаго Кавказскаго хребта.

Бѣглые кабардинцы принадлежали къ выходцамъ изъ Кабарды, послѣ усмиренія ея, въ 1822 году, генераломъ Ермоловымъ. Сначала они жили въ верховьяхъ Зеленчуковъ и Урупа. Съ устройствомъ же Лабинской линіи, они разселились по разнымъ мѣстамъ залабинскаго пространства. Между бѣглыми кабардинцами было много храбрецовъ и наѣздниковъ, предводительствовавшихъ хищническими партіями, причинявшими много тревогъ и вреда нашимъ казачьимъ поселеніямъ.

Обратимся теперь къ перечисленію обществъ, жившихъ по юго-западному склону Кавказскаго хребта или обитавшихъ на Западномъ Кавказѣ по восточному берегу Чернаго моря.

Между Новороссійской бухтой и Псесуапе, гдѣ находились наши

укрѣпленія: Геленджикъ, Кабардинское, Новотроицкое, Николаевское, Михайловское, Тенгинское, Вельяминовское и Лазаревское, жили опять шапсуги. Несмотря на то, что близость моря давала имъ возможность заниматься торговлей, но они въ нравахъ и обычаяхъ недалеко опередили своихъ собратовъ, жившихъ по сѣверо-восточному склону Кавказскаго хребта. Да и не могло быть иначе, потому что турки были единственными ихъ потребителями, а предметомъ торговли были плѣнные, въ особенности женщины, не только христіанки, но и магометанки. Не могли быть утрачены хищническія воинственныя наклонности и потому, что они вели безпрестанную войну съ гарнизонами нашихъ укрѣпленій, расположенныхъ на ихъ землѣ. А что приморскіе шапсуги были мужественно храбры и неустрашимы, - доказываетъ то, что они, не имѣя главы и единства въ управленіи, не только рѣшались на штурмъ нашихъ укрѣпленій, но и достигали своей цѣли. Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское укрѣпленія служатъ тому доказательствомъ [1]).

Начиная отъ Псесуапе по рѣкамъ и рѣчкамъ Аше, Шахе, Вардане, Дагомысу и Соче жили убыхи, слывшіе между всѣми приморскими жителями за храбрѣйшихъ. Такое понятіе объ убыхахъ составилось съ 1840-го года, когда управлявшіе и предводительствовавшіе ими Берзеки умѣли ихъ воодушевить къ единодушному и мужественному сопротивленію противъ нашихъ отрядовъ, строившихъ на ихъ землѣ укрѣпленія Навагинское и Святаго Духа.

Между Мзымтой и Бзыбью по берегу моря жили джигеты — страбоновскіе зиги. Надъ джигетами по обѣимъ сторонамъ рѣчки Псхоу, находились аулы, кромѣ другихъ небольшихъ хищныхъ обществъ, — псхоу и анчипсхоу, извѣстныхъ также подъ именемъ медовѣевъ.

Наконецъ, если упомянемъ о хакучахъ, жившихъ въ верховьяхъ рѣкъ Аше и Псесуапе, то этимъ закончится перечисленіе враждебнаго намъ населенія Западнаго Кавказа.

Хакучи не составляли отдѣльнаго общества, принадлежащаго къ черкесскому или абазинскому племени. Это былъ сбродъ разныхъ людей.

---

[1]) Эти укрѣпленія были взяты въ управленіе Черноморской береговой линіей генералъ-лейтенанта Раевскаго въ февралѣ и мартѣ 1840 года и послѣдовательно въ такомъ порядкѣ: первымъ взятъ фортъ Лазаревъ, затѣмъ укрѣпленіе Вельяминовское, потомъ укрѣпленіе Михайловское и, наконецъ, фортъ Николаевскій. Гарнизоны Лазаревскаго, Вельяминовскаго и Николаевскаго были частію истреблены, а частію уведены въ горы плѣнными. Что же касается Михайловскаго, то это укрѣпленіе, послѣ отчаянно-мужественной защиты, было взорвано вмѣстѣ съ ворвавшимися въ него горцами 22 марта рядовымъ Тенгинскаго полка Архипомъ Осиповымъ, зажегшимъ пороховой погребъ. Во взятіи этихъ укрѣпленій вмѣстѣ съ шапсугами участвовали убыхи и другіе приморскіе горцы.

Здѣсь были и горскіе абреки, и бѣглые русскіе казаки и солдаты. Удалившись въ котловины, обставленныя горами, суровѣе которыхъ трудно себѣ представить, они жили совершенно особою жизнью. Съ сосѣдями вели постоянную вражду, выражавшуюся кровавыми столкновеніями. Абадзехи, шапсуги, убыхи не только боялись, но ненавидѣли хакучей, какъ страшныхъ и отъявленныхъ разбойниковъ.

Независимо перечисленныхъ враждебныхъ обитателей Западнаго Кавказа, въ предѣлахъ его по обѣимъ сторонамъ главнаго Кавказскаго хребта, находилось и мирное нехристіанское населеніе. Къ этому населенію принадлежали: 1) ногайцы, обитавшіе до 1860 года по лѣвую сторону Кубани, и 2) бзыбцы, цебельдинцы, абхазцы, дальцы, абживцы и самурзаканцы, составляющіе и въ настоящее время Абхазію съ Самурзаканскимъ приставствомъ.

Ногайцы, жившіе по лѣвому берегу Кубани, начиная отъ Хумаринскаго укрѣпленія до станицы Тифлисской, были слабые выродки когда-то сильной страшной Кипчакской орды. Они раздѣлялись по родамъ на ногайцевъ: тохтамышевскихъ, мансуровскихъ, кипчаковскихъ, карамурзинскихъ и наурузовскихъ, и согласно этого раздѣленія послѣ возстанія, обнаруженнаго ими одновременно съ кабардинцами, были поселены въ 1823 году пятью отдѣльными группами. Послѣ этого ногайцы, хотя не обнаруживали явнаго неповиновенія, но какъ разновѣрцы, не питали къ намъ искренней преданности и не упускали случая вредить намъ тайно. Они часто уличались въ передержательствѣ хищническихъ партій и въ передачѣ немирнымъ разныхъ свѣдѣній о нашихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ. Когда же, по окончаніи восточной войны, былъ разрѣшенъ мусульманскому населенію переходъ въ Турцію, то прикубанскіе ногайцы были первые, предпринявшіе это переселеніе.

Абхазія съ Самурзаканью, находясь между Бзыбью и Ингуромъ и состоя подъ управленіемъ княжеской фамиліи Шервашидзе, хотя считалась полухристіанской мирной страной, а владѣтель ея былъ генераломъ нашей службы, однако полнаго спокойствія въ ней никогда не было. Не существовало и надежнаго сообщенія между укрѣпленіями, въ ней находившимися, и не разъ случалось, что наши отряды встрѣчали вооруженное сопротивленіе со стороны жителей. Несмотря на роскошную и богатую природу, на давнія торговыя сношенія съ Турціею, этотъ народъ находится въ дикомъ состояніи и, безъ сомнѣнія, грубѣе и хищнѣе многихъ другихъ обитателей Западнаго Кавказа. По крайней мѣрѣ тѣ умѣли стоять за свою независимость и были свободными жильцами горъ. Абхазцы же и этого не достигли, а напротивъ находились подъ деспотизмомъ своихъ князей-владѣтелей.

Изъ сдѣланнаго общаго очерка Западнаго Кавказа оказывается, что особенно рѣзкаго отличія не замѣчалось въ характерѣ, нравахъ и обы-

чаяхъ между черкесскимъ и абазинскимъ племенами. Правда, общества черкесскаго происхожденія отличались болѣе воинственнымъ направленіемъ и въ массѣ превосходили мужественной стойкостью и неустрашимой храбростью абазинцевъ. Между черкесами было болѣе стремленій къ сохраненію своей независимости и свободы. Это доказывалось тѣмъ, что они не подчинялись ни своимъ князьямъ, ни Магомету-Аминю, въ той степени, въ какой зависимости находились абхазцы относительно своихъ владѣтельныхъ князей. Черкесы были болѣе тверды въ понятіяхъ мусульманской религіи, потому что между абазинцами магометанство боролось съ христіанствомъ и язычествомъ. Не было различія и по мѣсту жительства черкесъ и абазинцевъ; мы видѣли, что тѣ и другіе жили по обѣимъ сторонамъ Кавказскаго хребта. Но за то достаточно одного языка, чтобы положительно сказать, что адыге и абзне не суть одного происхожденія.

Не только по отзыву оріенталистовъ-филологовъ, но и по заявленію самихъ жителей Кавказа, черкесскій языкъ считается самымъ труднымъ по произношенію и составленію азбуки. Припомните разговоръ, происходившій между Шамилемъ и Магометомъ-Аминемъ, во время свиданія ихъ въ Калугѣ, и описанный г. Руновскимъ въ статьѣ «Шамиль въ Калугѣ». Вспомните, съ какимъ откровеннымъ чистосердечіемъ издѣвались надъ этимъ языкомъ Магометъ-Шефи, младшій сынъ Шамиля, и Хаджіо, неизмѣнный мюридъ имама, несмотря на то, что они были по рожденію лезгины, въ языкѣ которыхъ тоже много гортанныхъ и шипящихъ словъ. Тотъ, кто возьмется за составленіе азбуки для кавказскихъ горцевъ, если и преодолѣетъ препятствія надъ языками абхазскимъ, осетинскимъ и чеченскимъ, то едва-ли осилитъ эти препятствія надъ лезгинскимъ и въ особенности черкесскимъ произношеніемъ, гдѣ въ одномъ слогѣ сосредоточивается по нѣскольку нашихъ согласныхъ буквъ.

Своихъ письменъ обитатели Западнаго Кавказа не имѣли; если же что писалось, то для этого употреблялась арабская или татарская грамота. Вся ученость исключительно сосредоточивалась между эфендіями, кадіями и муллами, или вообще въ духовномъ сословіи. Но и большинство духовнаго сословія не знало арабской грамоты до той степени, чтобы могло читать и понимать коранъ, надлежащимъ образомъ, а если знало, то изустно, толкуя вкривь и вкось его тексты, а чаще въ свою пользу. По этой причинѣ шаріатъ — часть корана, заключающая гражданскія узаконенія, весьма туго прививался и распространялся на Западномъ Кавказѣ, несмотря на все стараніе Магометъ-Аминя. Это отчасти происходило и отъ того, что жители Западнаго Кавказа не были фанатики и строгіе послѣдователи ученія Магомета, и вѣровали болѣе въ свой «адатъ» или законъ, основанный на обычаяхъ, и полагались болѣе на мнѣніе и посредническое рѣшеніе своихъ стариковъ, нежели

на законъ, заключающійся въ коранѣ. Можетъ быть, они уклонялись отъ шаріата и потому, что требованія его были слишкомъ строги и стѣсняли ихъ свободу дѣйствій.

Несмотря на то, что обитатели Западнаго Кавказа находились подъ постояннымъ вліяніемъ турокъ, — нельзя сказать, чтобы мусульманство у нихъ прочнѣе укрѣпилось, нежели въ Дагестанѣ.

Болѣе строгими послѣдователями ученія Магомета считались ногайцы, жившіе по лѣвую сторону Кубани, и натухайцы, на которыхъ вліяли анапскіе паши. Что же касается большинства населенія, то оно утопало скорѣе въ безвѣріи, или язычествѣ. Понятія же о христіанской религіи или вовсе упрочены, несмотря на то, что развалины древнихъ храмовъ и другіе памятники свидѣтельствовали, что ученіе апостола Андрея коснулось не только берега моря, но и занесено было въ глубь горъ. Такъ еще въ недавнее время обрѣтены были христіанскіе храмы въ верховьяхъ Зеленчуковъ, Лабы и Бѣлой.

Одною изъ причинъ, почему магометанство слабѣе утвердилось на Западномъ, нежели на Восточномъ Кавказѣ, было то, что жители перваго были менѣе проникнуты фанатизмомъ послѣднихъ. И дѣйствительно, адыге, а тѣмъ менѣе абзне, ни разу не проявляли такого воинственнаго порыва и увлеченія, какимъ проникнуты были жители Дагестана при Кази-Муллѣ. Какъ ни старались Хаджи-Магометъ, Сулейманъ-эфенди и въ особенности Магометъ-Аминь воодушевить закубанскихъ обитателей къ единодушному возстанію противъ насъ, однако не только не достигли этого, а даже не могли заставить признать надъ ними свою власть и слѣдовать ученію шаріата. Здѣсь кстати прослѣдимъ этихъ Шамилевыхъ эмиссаровъ.

Хаджи-Магометъ пробрался изъ Дагестана за Кубань въ 1842 году и дѣятельно началъ проповѣдывать тамъ шаріатъ и мюридизмъ. Хотя онъ не встрѣчалъ большаго и полнаго сочувствія въ массѣ черкесскаго населенія, но въ Шапсугіи, гдѣ Хаджи-Магометъ имѣлъ постоянное свое пребываніе, образовалась особая партія его приверженцевъ, извѣстная подъ именемъ «хаджиретовъ». Безотчетною храбростью, смѣлыми набѣгами и хищничествомъ въ нашихъ предѣлахъ хаджиреты сдѣлались знамениты за Кубанью. Дѣйствія Хаджи-Магомета не были продолжительны, потому что смерть прекратила его дни.

Преемникомъ Хаджи-Магомета былъ Сулейманъ-эфенди, человѣкъ можетъ быть и глубоко изучившій коранъ и постановленія Магомета, однако не имѣвшій твердости характера и силы воли, чтобы двигать массами столь независимаго и свободнаго народа. Можетъ быть, онъ и успѣлъ возбудить въ частности довѣріе къ своему ученію, но далеко не довелъ закубанцевъ до общаго и единодушнаго возстанія. Можетъ быть, онъ не достигъ этого собственно потому, что черкесъ и аба-

зинецъ, какъ я уже сказалъ, менѣе увлекателенъ и фанатиченъ, чѣмъ житель Дагестана. Кончилось тѣмъ, что онъ, не предпринявъ ничего замѣчательнаго, спасаясь отъ позора, а можетъ быть и смерти, является въ 1846 году въ нашихъ предѣлахъ въ качествѣ перебѣжчика. Желая проявить свою ученость, Сулейманъ-эфенди, какъ духовное лицо, предстаетъ въ роли обличителя Шамиля, обвиняя его въ неправильныхъ и противныхъ корану дѣйствіяхъ. Составленная имъ записка и разосланная по желанію тогдашняго главнокомандующаго намѣстника кавказскаго, князя Воронцова, во множествѣ экземпляровъ, не произвела на горцевъ ни малѣйшаго впечатлѣнія и успѣха, несмотря на то, что обличенія Сулеймана были распространены въ самую неблагопріятную для Шамиля пору, а именно—послѣ неудачнаго его вторженія въ Кабарду.

Дѣйствія третьяго эмиссара Шамиля, Магомета-Аминя были продолжительнѣе и самостоятельнѣе его предшественниковъ, хотя и онъ далеко не достигъ той власти, которою пользовался Шамиль на Восточномъ Кавказѣ.

Магометъ-Аминь, уроженецъ Койсубу, былъ мюридомъ и если явился проповѣдникомъ шаріата на Западномъ Кавказѣ, то не столько по желанію своего имама, постояннымъ расположеніемъ котораго онъ пользовался, сколько по собственному своему желанію. Онъ вызвался самъ отправиться за Кубань, въ то время, когда Шамиль колебался въ выборѣ лица передъ черкесской депутаціей, явившейся къ нему въ Ведень въ 1848 году,

Магометъ-Аминь былъ встрѣченъ за Кубанью холодно, несмотря на то, что былъ приглашенъ, какъ бы по народному желанію. Дѣйствовать въ началѣ съ энергіей Шамиля онъ не могъ, потому что не имѣлъ въ рукахъ никакой самостоятельной силы; при томъ былъ пришлецъ, не знавшій даже языка той страны, въ которую онъ явился проповѣдникомъ и въ качествѣ властителя; но, будучи благоразуменъ, онъ началъ не торопясь входить въ роль правителя. Присмотрѣвшись къ управленію и дѣйствію Шамиля, Магометъ-Аминь началъ вводить «мехкеме» или судилища, а дабы имѣть въ своихъ рукахъ исполнительную власть, учредилъ своихъ мюридовъ и полицію, подъ именемъ «муртазековъ». Правда, все это совершалось весьма медленно и съ полнымъ недовѣріемъ народа. Много ухищреній и уловокъ было употреблено Магометомъ-Аминемъ для того, чтобы пересилить предубѣжденія противъ него племени адыге. Но самымъ важнымъ лично для него дѣломъ, сбросившимъ съ него тѣнь пришлеца и сдѣлавшимъ его самостоятельнымъ въ глазахъ черкесскаго народа, — было вступленіе въ родство, черезъ бракосочетаніе, съ княжеской Темиргоевской фамиліей—Болотоковыхъ.

Съ этого времени Магометъ-Аминь, хотя начинаетъ дѣйствовать бо-

лѣе самостоятельно и рѣшительно, и хотя не разъ является предводителемъ огромныхъ сборищъ, однако, по-прежнему, не достигаетъ единства въ управленіи и часто встрѣчаетъ противодѣйствія своей власти, въ особенности же со стороны шапсуговъ и натухайцевъ. Первые боялись вторично утратить свою независимость и снова подпасть той власти, которой они неохотно подчинялись во время пребыванія у нихъ Хаджи-Магомета. Между же натухайцами Магометъ-Аминь встрѣчаетъ Іеферъ-Бея, извѣстнаго своимъ происхожденіемъ, богатствомъ и достигшаго въ турецкой службѣ званія паши.

Начиная съ 1851 года, Магометъ-Аминь не разъ предводительствовалъ огромными сборищами, какъ для противодѣйствія намъ, такъ и для вторженія въ наши предѣлы. Однако, нельзя сказать, чтобы дѣйствія его были успѣшны; въ особенности, для него памятны пораженія: въ 1851 и 1852 годахъ на Урупѣ, Богундырѣ и Андхирѣ; въ 1855 году въ Карачаѣ—когда онъ, дѣйствуя по наущенію турецкаго правительства, желалъ пробраться въ Кабарду, на соединеніе съ Шамилемъ, въ 1857 году, при построеніи Майкопа. Магометъ-Аминь закончилъ свою дѣятельность на Западномъ Кавказѣ въ 1860 году, когда, послѣ склоненія абадзеховъ на заключеніе мира съ генераломъ Филипсономъ, побывавъ въ Тифлисѣ, Петербургѣ и у своего бывшаго имама въ Калугѣ, отправился на жительство въ Константинополь.

Всматриваясь поближе и съ нѣкоторою подробностью въ образъ управленія, существовавшій на Западномъ Кавказѣ, оказывается полное преобладаніе демократическаго начала. Даже между бесленеями, махошами, темиргоями, егерукаями и бжедухами, у которыхъ были князья, аристократическій элементъ не тяготѣлъ надъ массою народа. Неограниченная власть князей, если и распространялась, то только на незначительный крѣпостной классъ или на такъ-называемыхъ «пшитлей», составлявшихъ наслѣдственную ихъ собственность. Все же прочее населеніе Западнаго Кавказа, а именно: абадзехи, шапсуги, натухайцы, убыхи, джигеты и небольшія общества абазинскаго происхожденія, составляло совершенно независимый и свободный народъ. Всѣ они имѣли право жить, какъ угодно и гдѣ пожелаютъ, а потому селились семействами или по родамъ и вели жизнь патріархальную.

Отецъ семейства, или старшій въ родѣ, считался неограниченнымъ владыкой какъ въ той землѣ, на которой находился его домъ и обрабатываемое имъ поле, такъ и всего живущаго на ней. По крайней мѣрѣ, вотъ какія понятія существовали въ большинствѣ. Жена, какъ пріобрѣтаемая покупкою, считалась собственностью мужа, и на ней лежали самыя тяжелыя работы. Она находила защиту противъ деспотизма мужа только въ богатствѣ родителей и многочисленности своихъ родственниковъ. Въ первомъ случаѣ она возвращалась въ родительскій

*

домъ, съ обратной уплатой калыма своему мужу. Во второмъ случаѣ, самъ мужъ остерегался жестокаго обращенія съ своей женой, изъ опасенія навлечь на себя мщеніе родственниковъ послѣдней. Но такъ какъ оба случая были исключеніемъ изъ общаго, а потому обращеніе большинства мужей съ своими женами было вполнѣ деспотическое и безотчетное. Не менѣе въ безотчетномъ положеніи находились и дѣти не только противъ жестокости своихъ отцовъ, но и противъ продажи ихъ въ неволю. А такіе примѣры были не рѣдкость, потому что, какъ намъ извѣстно, въ турецкихъ гаремахъ было немало горскихъ невольницъ.

Черкесъ не понималъ и не сознавалъ зла въ продажѣ своихъ дѣтей въ неволю; вѣдь онъ же самъ платилъ калымъ за свою жену. Напротивъ, онъ видѣлъ въ этомъ скорѣе хорошую сторону, потому что, съ полученіемъ нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ піастровъ, могъ улучшить свое положеніе, а дочь, при поступленіи въ гаремъ, особенно богатаго турка, переставала подвергаться лишеніямъ и нести тяжелый трудъ. Черкеса не смущало, что его дочь будетъ наложницей, потому что коранъ не воспрещаетъ этого. Онъ самъ охотно завелъ бы нѣсколько женъ и наложницъ, еслибы средства дозволяли ему это сдѣлать.

Но рабское состояніе женъ и дѣтей было ничтожно, въ сравненіи съ плѣнниками, попадавшимися въ руки горцевъ разными случаями. Сколько страданій и мученій, физическихъ и нравственныхъ, претерпѣвали эти несчастные со времени ихъ плѣненія. Изнуренные тяжелыми работами, обезсиленные голодомъ и томимые жаждою, они подвергались поруганіямъ и побоямъ; ихъ таскали отъ одного хозяина къ другому, или напоказъ толпѣ, на арканѣ; не только руки и ноги сковывались, но и на шею надѣвалась цѣпь; они ввергались въ душныя и грязныя ямы, наполненныя разными гадинами и нечистотами. Спасеніе плѣнника заключалось или въ скоромъ выкупѣ, или въ промѣнѣ его на другихъ плѣнныхъ, или въ бѣгствѣ. Если же не являлась къ нему эта помощь, то онъ, изнывая отъ страданій и мученій, преждевременно умиралъ. Но были и такіе плѣнники, которые, принимая магометанство, вступали въ бракъ съ горянками, если таковыя находились; а были и такіе изъ нихъ, которые, будучи не въ состояніи дать за себя выкупъ, оставались въ кабалѣ, и не перемѣняя вѣры. Такіе несчастные, съ ихъ потомствомъ, составляли «іессырей» или въ полномъ смыслѣ рабовъ, лишенныхъ всякой свободы, и которыми помыкали хуже скотовъ.

И гдѣ же существовало такое страшное рабство? Въ народѣ, дышавшемъ полною независимостью и свободою, который не допускалъ никакой посторонней силы и внѣшняго вмѣшательства. Въ прошломъ

столѣтіи, едва этотъ народъ замѣтилъ усиливающуюся власть князей, какъ заставилъ ихъ отказаться отъ лишнихъ требованій если не силой и оружіемъ, то, оставляя ихъ, переселялся въ другія мѣста. Мы видѣли, что, несмотря на всѣ ухищренія и уловки Магомета-Аминя, онъ далеко не достигъ желаемаго, хотя и находился между черкесами въ то время, когда единство власти, въ особенности, было необходимо для противодѣйствія намъ. Сами черкесы понимали, что ихъ спасеніе заключается въ единствѣ власти; однако, не отреклись вполнѣ отъ своего родоваго управленія. Когда же имъ пришлось переселяться на указанныя мѣста, то они скорѣе рѣшились покинуть дорогія имъ горы и лѣса, нежели находиться подъ надзоромъ нашей администраціи. Въ этомъ отношеніи они превзошли чеченцевъ, съ которыми у нихъ много общаго по образу жизни, нравамъ, обычаямъ, способу веденія войны съ нами и даже по очертанію мѣстности, на которой они жили.

Не вдаваясь въ подробности по сличенію нравовъ, обычаевъ и образа жизни черкесовъ съ чеченцами, обращу вниманіе только на то обстоятельство, что черкесы были менѣе корыстолюбивы, подкупны и продажны; а потому между ними труднѣе было находить лазутчиковъ и проводниковъ, нежели между чеченцами. Можетъ быть, это происходило отъ большей любви къ горамъ и преданности къ своему дѣлу, потому что черкесы защищали свою родину по собственной своей иниціативѣ и побужденію, тогда какъ чеченцы тратили свои силы и гибли по волѣ своего имама не исключительно за себя, но и за Дагестанъ, а главное – для поддержанія власти Шамиля, сильнымъ гнетомъ тяготѣвшей надъ ними въ послѣдніе годы покоренія Восточнаго Кавказа. Въ заключеніе считаю не лишнимъ очертить съ нѣкоторою подробностью образъ веденія войны черкесовъ съ нами.

Черкесы вмѣстѣ съ прочими враждебными намъ обитателями Западнаго Кавказа вторгались въ наши предѣлы, съ единственною цѣлью добычи, или захвата плѣнныхъ, лошадей и скота, производилось ли это большими массами или незначительными партіями. Предпринимать же такія вторженія, цѣлью которыхъ было возстановленіе противъ насъ мирныхъ и уводъ ихъ въ горы, подобно тому, какъ неоднократно дѣйствовалъ Шамиль, — превышало ихъ понятія; да и не было той власти, которая могла осуществлять и приводить въ исполненіе такія предпріятія. Одинъ только разъ удалось Магомету-Аминю склонить закубанцевъ, въ 1855 году, на вторженіе въ Карачай и далѣе въ Кабарду. Но такое предпріятіе, выходящее изъ ряда хищническихъ, какъ мы видѣли, окончилось въ самомъ началѣ полной неудачей.

Несмотря на страсть закубанцевъ къ хищничеству, образовать партію для набѣга было не такъ легко, и не всякій могъ взяться за это

дѣло. Чтобы имѣть успѣхъ въ этомъ, нужно было быть не столько вліятельнымъ и богатымъ, сколько извѣстнымъ своими предшествовавшими удачными набѣгами. Однако и такіе предводители не всегда сманивали черкесъ, потому что предпріятія въ большихъ размѣрахъ рѣдко удавались, а если и былъ успѣхъ, то большинство не удовлетворялось дѣлежомъ добычи, по незначительности той доли, которая на каждаго изъ нихъ приходилась. Поэтому черкесы не увлекались большими сборами, а охотнѣе производили хищничества въ нашихъ предѣлахъ партіями не свыше 30 человѣкъ. Эти партіи были конныя или пѣшія, что̀ зависѣло отъ отдаленности того мѣста, куда набѣгъ предпринимался, и отъ достаточности лицъ, входившихъ въ составъ партіи.

Каждое хищническое предпріятіе, совершаемое такими небольшими партіями, и въ особенности на дальнемъ разстояніи, состояло изъ мѣръ предуготовительныхъ, перехода черезъ кордонную линію, дѣйствій въ нашихъ предѣлахъ и въ обратномъ переходѣ черезъ кордонъ.

Предуготовительныя мѣры заключались: въ приведеніи лошадей въ состояніе производить дальнія и быстрыя движенія, и въ заготовленіи боевыхъ патроновъ. Дня за два до совершенія набѣга верховыя и заводныя лошади кормились просомъ, и почти не поились, отчего онѣ дѣлались поджарыми и способными къ продолжительнымъ и скорымъ переѣздамъ. Имѣя постоянный недостатокъ въ боевыхъ патронахъ, горцы, какъ сами ихъ дѣлающіе, собираясь въ набѣгъ, заготовляли ихъ по возможности въ большомъ числѣ. Бурдюки, исключительно бараньи и козьи, необходимы были для пѣшихъ хищниковъ при переправахъ черезъ рѣки, во время полой воды, когда не имѣлось въ нихъ бродовъ.

Партіи, какъ пѣшія, такъ и конныя, собравшіяся на хищничество, первоначально избирали «вожаковъ», которые обязывались не только провести хищниковъ скрытно черезъ нашу кордонную линію, но и быть путеводителями въ нашихъ предѣлахъ. Такіе люди преимущественно были наши бѣглые казаки и солдаты, или абреки мирныхъ ауловъ, какъ знающіе мѣстность и языкъ.

Вожакамъ назначался изъ добычи лучшій пай при удачѣ и поруганія въ случаѣ неуспѣха.

Партія, прибывъ на Лабу или Кубань, не всегда тотчасъ приступала къ переправѣ, но, засѣвши въ скрытыхъ мѣстахъ, осматривала берега рѣки и наблюдала за дѣйствіями кордонной стражи. Наблюденія эти преимущественно заключались въ высматриваніи, гдѣ кладутся секреты и когда посылаются разъѣзды, на что употреблялось иногда по нѣскольку сутокъ, въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находился лѣсъ, въ которомъ хищники могли свободно укрываться.

Переправа черезъ Лабу и Кубань и проходъ, незамѣченнымъ мимо секретовъ, было дѣломъ самымъ труднымъ и опаснымъ. Здѣсь-то и выражались

замѣчательныя ловкость, смѣлость и предпріимчивость. Съ какой тишиной и осторожностью должно было все это совершаться. Малѣйшій плескъ воды, фырканье лошади, лишній секретъ, выставленный на берегу, не только уничтожали замыселъ хищниковъ, но они возвращались пораженные. Изъ нихъ одни тонули въ рѣкѣ, другіе гибли отъ пуль казаковъ. Переправы обыкновенно совершались въ темныя, бурныя и ненастныя ночи, когда фырканье лошадей, плескъ воды заглушались свистомъ вѣтра, ударами грома, паденіемъ дождя и шумомъ волнъ.

Переправа совершена безпрепятственно. Хищники прошли черезъ кордонъ незамѣченные секретами. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ о ихъ переправѣ; шедшій дождь залилъ ихъ «сакму»—путь слѣдованія. Если бы не дождь, то разъѣздъ съ ближайшаго поста, безъ сомнѣнія, открылъ бы сакму и, по сдѣлавшейся тревогѣ, посланные въ погоню казаки, вѣроятно, настигли бы хищниковъ до совершенія злодѣянія. Но теперь, будучи никѣмъ не преслѣдуемы, они рыщутъ въ нашихъ предѣлахъ. Встрѣчающихся имъ людей или убиваютъ, или захватываютъ въ плѣнъ, употребляя при этихъ случаяхъ разныя хитрости. Такъ бѣглому казаку Прочно-Окопской станицы нѣсколько разъ удавалось появляться въ нашихъ предѣлахъ и производить хищничества, въ офицерской формѣ. То же самое дѣлалъ бѣглый моздокскій казакъ Алпатовъ съ чеченцами на Терской линіи.

На линіи все спокойно, между тѣмъ хищники сутки, другія, какъ находятся въ нашихъ предѣлахъ. Наконецъ, послѣ совершенныхъ злодѣяній и убійствъ, они открыты. Сдѣлалась общая тревога. Секреты на линіи удвоены; резервы казаковъ поскакали на мѣсто тревоги; уже хищники преслѣдуются. Казаки на усталыхъ лошадяхъ уже перестрѣливаются съ ними. Уже хищники начинаютъ бросать своихъ усталыхъ лошадей, лишнюю добычу и даже плѣнныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ падаютъ мертвыми, сраженные пулями казаковъ, ихъ преслѣдующихъ. Уже спереди виднѣется пыль скачущихъ имъ наперерѣзъ резервовъ. Кажется, гибель всей хищнической партіи неизбѣжна. Но вотъ смеркается, а вотъ кордонный лѣсъ въ полуверстѣ. Хотя бы скачущіе резервы успѣли предупредить передъ лѣсомъ; но этого не можетъ быть, потому что казаки еще далеко. Стемнѣло, хищники успѣли доскакать до лѣса и скрыться. Несмотря на удвоенное число секретовъ и всевозможныя мѣры къ пресѣченію хищникамъ обратнаго пути, остатки партіи пробираются поодиночкѣ по лѣсу и прокрадываются черезъ кордонъ.

Случалось и такъ, что хищническія партіи, пробравшіяся въ наши предѣлы, будучи открыты по сакмѣ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, совершенно истреблялись, оставляя слѣды смерти и въ нашихъ рядахъ. Сколько мнѣ помнится, такъ были истреблены: въ 1841 году у Невинномыской станицы сорокъ хищниковъ, а въ 1847 году у Грушевскаго

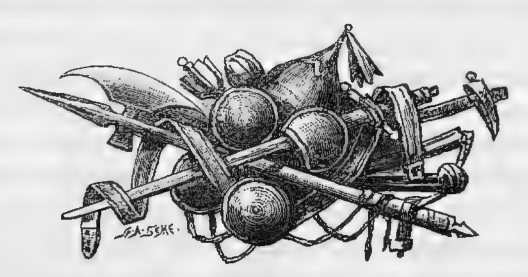
поста, что между станицами Новомарьевской и Сенгилеевской, перебито двѣнадцать закубанцевъ.

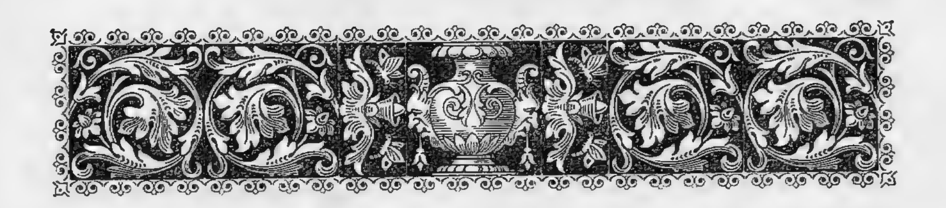
Такъ дѣйствовали закубанцы, по преимуществу въ нашихъ предѣлахъ небольшими партіями. Если жъ случалось имъ изрѣдка пробираться къ намъ въ большомъ числѣ, то предметомъ ихъ дѣйствій были находящійся на пастьбѣ скотъ и жители, занимающіеся полевыми работами. Иногда они рѣшались нападать на наши станицы, но въ этомъ рѣдко когда имѣли успѣхъ. Сколько мнѣ помнится, только нападенія на Темнолѣсную и Татарскую станицы въ 1842 году и на Теменскую въ 1862 и были успѣшны, судя по разоренію этихъ станицъ и величинѣ добычи. Еще менѣе успѣха имѣли они при нападеніи на наши укрѣпленія.

Сравнивая такія дѣйствія черкесъ и прочихъ враждебныхъ намъ обитателей Западнаго Кавказа въ нашихъ предѣлахъ съ чеченскими, нужно сказать, что послѣдніе были несравненно смѣлѣе и предпріимчивѣе. Въ особенности видно было превосходство чеченцевъ въ хищническихъ предпріятіяхъ небольшими партіями.

Далеко менѣе искусны были закубанцы въ борьбѣ съ нами въ своихъ предѣлахъ въ особенности при защитѣ своихъ завѣтныхъ лѣсовъ. Немало такихъ мѣстъ на Западномъ Кавказѣ было занято нами безъ боя, или съ незначительной перестрѣлкой, за овладѣніе которыми было бы пролито много нашей крови, еслибы они находились въ рукахъ у чеченцевъ. Между тѣмъ нельзя отнести это къ недостатку храбрости, неустрашимости и стойкости. Въ этомъ закубанцы ни мало не уступали чеченцамъ. Сколько произведено было смѣлыхъ и рѣшительныхъ кавалерійскихъ атакъ закубанцами въ 1857 году при построеніи Майкопа? Съ какимъ неустрашимымъ мужествомъ бросались они въ шашки на наши войска, будучи осыпаемы картечью въ 1862 году на Пшехѣ? Да и сколько было другихъ примѣровъ ихъ отчаянной храбрости, дорого имъ стоившей, но мало вредной для насъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА
ДОКТОРОВЪ-ИНОЗЕМЦЕВЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ МОСКВѢ [1]).

(По бумагамъ Аптекарскаго приказа).

---

4. Два Лаврентія Блюментроста, отецъ и сынъ.

Очень извѣстенъ и много слѣдовъ оставилъ въ русской исторіи Лаврентій Блюментростъ, лейбъ-медикъ императора Петра I-го и президентъ Академіи наукъ, но не такъ извѣстенъ отецъ его, тоже Лаврентій Блюментростъ «Цысарскіе земли дохтуръ», поступившій на службу Московскому государству при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще до рожденія Петра Великаго, въ 1668 году, февраля 3-го.

Въ Аптекарскій приказъ Блюментростъ былъ опредѣленъ по указу царя и по «памяти» изъ Посольскаго приказа и въ апрѣлѣ того же года билъ царю челомъ о назначеніи ему жалованья. Поступилъ Блюментростъ на службу, когда у царя было довольно очень хорошихъ докторовъ: Яганъ Костеріусъ (Розенбургъ), Андрей Энгельгардъ, Арманъ и Михель Грамоны, Валентинъ Валентиновъ, Валентинъ Билсъ и Александръ Личифинусъ. «Новичный» окладъ ему былъ положенъ большой: 130 рублей годоваго жалованья и 50 рублей мѣсячныхъ кормовъ, всего 730 рублей.

Пріѣхалъ въ Россію Лаврентій Блюментростъ человѣкомъ уже семейнымъ, съ дѣтьми; одинъ изъ его сыновей Иванъ Блюментростъ, въ годъ пріѣзда отца въ Россію, учился за границей или былъ уже докто-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1895 г.

ромъ медицины, изъ чего можно заключить, что онъ былъ уже человѣкъ немолодыхъ лѣтъ.

Четыре года служилъ Блюментростъ благополучно, какъ вдругъ что-то случилось неладное: въ 1672-мъ году, іюня 16-го, доктора Лаврентія Блюментроста, вмѣстѣ съ аптекарями Христіаномъ Эглеромъ, Францемъ Шляторомъ и алхимистомъ Беніюсомъ Ганслантомъ, по разбору окольничаго Артемона Сергѣевича Матвѣева, велѣно было отставить изъ Аптекарскаго приказа.

Что-за исторія приключилась съ этими иноземцами, изъ документовъ Аптекарскаго приказа не видно. Можетъ быть, причиною ихъ отставки было неудачное лѣченье кого-нибудь изъ особъ царскаго семейства, или какой-нибудь доносъ со стороны своей же братьи-докторовъ (что́, какъ мы увидимъ ниже, случалось).

Такъ или иначе, но отставленные докторъ и аптекаря не уѣхали послѣ этого въ свою землю, а остались въ Москвѣ, ожидая, вѣроятно, перемѣны гнѣва на милость.

И эта милость возвратилась къ нимъ черезъ годъ или полтора: 1-го апрѣля 1673 года всѣ четверо были вновь зачислены въ приказъ новой аптеки (недавно построенной въ гостиномъ дворѣ), для которой, вѣроятно, требовался усиленный штатъ докторовъ, аптекарей и всякаго чина людей.

Въ мартѣ 1674 года вновь принятые иноземцы били челомъ царю о жалованьи имъ за все время ихъ отставки (то-есть и за то время, когда они не числились на службѣ). Просьба эта мотивировалась такъ:

«И выписка, Государь, о томъ нашемъ корму на столѣ лежитъ, а указу намъ, холопямъ твоимъ, и по се число нѣтъ. И одолжали мы, холопи твои, и оскудали, помираемъ голодною смертью!..» «Пожалуй насъ, холопей своихъ, для своего государьскаго ангела, святаго и праведнаго Алексѣя Божія человѣка и для своего царьскаго многолѣтняго здоровья вели, Государь, то свое жалованье за наши прошлые заслуженые мѣсяцы выдать, чтобъ намъ, холопамъ твоимъ, было чѣмъ прокормитца и за твое, Великаго Государя, многолѣтное здоровье по одолжанію нашей должной части вѣчно Бога молить».

28-го марта царь велѣлъ выдать отставнымъ докторамъ все, что они просили, и выдать—золотомъ и соболями. Всего имъ приходилась довольно почтенная (по тому времени огромная) сумма въ 1.759 рублей 45 алтынъ съ деньгою, изъ которыхъ на долю доктора Лаврентія Блюментроста—912 рублей, 15 алтынъ, 4 деньги, то-есть больше половины всей суммы. Этотъ указъ царя о новомъ принятіи и о выдачѣ жалованья былъ приказанъ тѣмъ же Матвѣевымъ, который ихъ отставилъ.

Черезъ три года послѣ этого инцидента, докторъ Блюментростъ

имѣлъ удовольствіе видѣться со своимъ сыномъ докторомъ Яганомъ Блюментростомъ, пріѣхавшимъ къ отцу въ Москву изъ-за границы для свиданія съ семьей. Объ этомъ мы знаемъ изъ челобитной отца царю о подводахъ для его сына и о проѣзжей грамотѣ, чтобъ ему возвратиться назадъ за границу.

«Въ нынѣшнемъ въ 185 году (7185=1677 г.),—писалъ царю Блюментростъ,—пріѣхалъ ко мнѣ изъ-за моря сынишко мой, дохтуръ Яганко Блюментростъ, со мною повидатца, потому что многіе годы со мною не видался. А изъ своей земли отпущенъ сынишко мой не на большое время. Милосердый Государь (титулъ), пожалуй меня, холопа твоего, за мою работишку, вели, Государь, сынишка моего дохтура отпустить за море и вели, Государь, дать свою проѣзжую грамоту и подводки,—колько ты, Великій Государь, укажешь».

Указано было изъ Ямскаго приказа дать двѣ подводы и изъ Посольскаго приказа—проѣзжую грамоту.

Будущій лейбъ-медикъ и ближайшій сподвижникъ великаго преобразователя Россіи, Лаврентій Блюментростъ-сынъ росъ въ это время въ семьѣ отца въ Москвѣ и учился, подготовляясь къ дальнѣйшей и серьезной наукѣ за границею. Блюментростъ и втораго своего сына предназначилъ для той же медицинской карьеры. Въ это время Блюментростъ подписывается уже: «Doctor et Archiater Ruthenicus».

Черезъ три года послѣ свиданія съ сыномъ Яганомъ, Блюментростъ-отецъ рѣшилъ отправить за границу и другаго своего сына, тоже Лаврентія.

Для этого онъ 1680 году, 18-го мая, написалъ царю Ѳеодору Алексѣевичу челобитную объ отпускѣ сына за море.

«Сынишка мой Лаврентей ѣхать хочетъ за море для прилежнаго дохтурскаго ученія. Милосердый государь (титулъ), вели, Государь, сынишка моего Лаврентейка отпустить за море для прилежнаго дохтурскаго ученія и дать ему подводы противъ иныхъ отпусковъ».

Сыну Блюментроста было дано четыре подводы съ телѣгами и проводниками до рубежа, «куды онъ ѣхать похочетъ» и велѣно спросить: «сколько какихъ людей по имяномъ съ нимъ ѣдутъ?»

«И противъ сей помѣты дохтуръ Лаврентей Блюментростъ сказалъ: ѣхать-де сыну его Лаврентью изъ Московскаго государства на Новгородъ до Свѣйскаго рубежа, а съ нимъ-де ѣдутъ два человѣка иноземцы—наемные—до Свѣйскаго жъ рубежа, или гдѣ сынъ его Лаврентей похочетъ ѣхать въ иныя государства [1]); тѣ же иноземцы ѣдутъ съ нимъ его волею. А зовутъ-де ихъ: Юрьемъ, Крестьяновъ

[1]) Изъ этого можно заключить, что Лаврентій Блюментростъ-сынъ былъ отправленъ за границу уже въ лѣтахъ достаточно зрѣлыхъ, чтобы предоставить на его волю путь слѣдованія за границу.

сынъ, Гофманъ, да Крестьяномъ, Григорьевымъ сыномъ, Гутъ; и на Москвѣ-де тѣ иноземцы въ чинъ ни въ какой не пожалованы и ни въ какомъ чину не бывали».

Когда будущій лейбъ медикъ и президентъ академіи наукъ уѣзжалъ за границу для «прилежнаго дохтурскаго ученія», его будущему императору Петру Алексѣевичу было всего восемь лѣтъ отъ роду.

Болѣе о Лаврентіи Блюментростѣ-сынѣ свѣдѣній въ бумагахъ Аптекарскаго приказа нѣтъ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ отправки сына въ науку, Блюментростъ-отецъ просилъ царя, вмѣстѣ съ докторомъ Симономъ Зоммеромъ, о дачѣ имъ подводъ отъ Архангельска до Москвы, чтобы привезти лѣкарства и книги, присланныя имъ ихъ сродичами изъза границы. Имъ велѣно было отпустить по шести подводъ на человѣка, «подъ ихъ домашней всякой запасъ и подъ питья, подо всякіе домашніе рухляди».

Нѣмцы, служа въ Московіи, находились въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ своими заграничными родными и знакомыми и получали отъ нихъ все, чего нельзя было достать въ Россіи; даже «коретишки» имъ присылали, не говоря уже о винахъ и нѣкоторыхъ рѣдкостяхъ кулинарныхъ, которыя иногда иноземцы продавали даже въ аптеку, какъ, напримѣръ, марципаны, пряныя зелья, французское вино и т. п.

Эта, четвертая, пара докторовъ изъ поколѣніе въ поколѣніе оставила наибольшіе слѣды въ русской исторіи. Если Блюментростъ-отецъ жилъ и умеръ рядовымъ «дохтуромъ» въ древней Москвѣ, то сынъ его—самымъ блестящимъ образомъ связанъ съ великою эпохою преобразованій Петра Великаго, какъ ближайшій, дѣятельный и высокопросвѣщенный его сподвижникъ. Исторія Лаврентія Блюментроста-сына—обильная фактами и блестящая исторія...

III. Лѣченіе царей.

1. Рожа и предсмертная болѣзнь царя Михаила Θеодоровича.

Первою и важнѣйшею обязанностью докторовъ-иноземцевъ — было лѣченіе царя, царицы и особъ царскаго семейства. При тогдашней сильной вѣрѣ въ колдовство всякаго рода: наговоры, дурной глазъ, вынутый слѣдъ и тому подобное, страшно было допустить до высокой и священной особы царя—иноземца другой вѣры, всегда не пра-

вой, въ глазахъ православнаго того времени, значитъ, еретика, съ какими-то таинственными составами и мазями, носившими непонятныя и мудреныя названія.

Но не обойтись было безъ ученыхъ докторовъ, по крайней мѣрѣ въ серьезныхъ случаяхъ заболѣваній, и ихъ допускали къ особѣ царя со страхомъ и недовѣріемъ, пробуя лѣкарства, заставляя пробовать его самого, заставляя даже, въ случаѣ, если лѣкарство худо подѣйствовало, — самого доктора выпить свой составъ, отчего имъ и болѣзнь приключалась.

Мирило отчасти православныхъ съ лютеранами и католиками то, что они вѣровали во Христа, признавали крестъ и евангеліе. Форма докторской присяги того времени больше похожа была на какую-то страшную клятву. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ нея:

«Язъ, имя-рекъ, цѣлую сіе святое евангеліе великому Государю царю (имя-рекъ), царицѣ и ихъ царскимъ дѣтямъ, на томъ, что мнѣ ему, Государю, служити и прямити, и добро хотѣти во всемъ въ правду и безо всякіе хитрости, а лихо мнѣ ему, Государю, ни хотѣти никакова, ни мыслити, ни думати, никоторыми дѣлы и никоторою хитростью, и въ ѣствѣ, и въ питьѣ, и въ лѣкарствахъ во всякихъ, и въ иномъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, и никоторыми дѣлы и никоторою хитростью, и зелья лихова и коренья не давати, и съ лихимъ никакимъ злымъ умышленіемъ, и съ порчею къ нимъ, Государемъ, не приходити. И въ своихъ дохтурскихъ лѣкарствахъ и въ составѣхъ лѣчебныхъ, ни въ чемъ никакого злаго зелья и коренья не примѣшати и къ ихъ государскому здоровью и съ инымъ ни съ кѣмъ не посылати».

За этими обыкновенными словами шла страшная клятва:

«Вѣрный любитель евангельской правды и отрекательный недругъ проклятаго папежскаго ученія [1]) и всѣхъ тѣхъ, которые въ томъ исповѣдаются, — клянуся и исповѣдую сею своею поднятою рукою, въ чемъ вся святая Живоначальная Троица именуется и всѣ святые ангелы и всѣ избранные Господни. И прошу у Господа Отца и Сына и Святаго Духу, что, будетъ, я неправдою и лестно клянусь, или какое папежское приближеніе или обманство въ моемъ сердцѣ есть,—меня о т о ч т и всѣхъ избранныхъ Господ-

[1]) „Проклятое папежское ученіе!“ Это выраженіе, вѣрсятно, не обозначало именно католическую религію, ибо на службѣ царя были доктора и аптекаря и католики. Обозначало, вѣроятно, нѣчто въ родѣ іезуитскаго двоедушія, позволяющаго ложно клясться въ вѣрности, умышляя въ то же время зло, „ad majorem Dei gloriam“, какъ они богохульно выражаются, что́ обозначаетъ: для благоденствія папскаго престола и процвѣтанія ихъ ордена.

нихъ, и всѣхъ святыхъ Ангеловъ, изъ божественныхъ людей выкинуть и выгородить!

«И мнѣ на моемъ останошномъ концѣ ни въ чемъ на помочь не придти. Но хощу:—будетъ, я лестно клянусь,—чтобъ моя душа ото всѣхъ дьяволовъ во вѣки въ непогасимомъ огню безпрестанно страшно мучима бъ была, и николи бы къ покою передъ лицомъ Божіимъ не пришла! Столь истинно мнѣ Господь помоги и Его святое евангеліе!»

Послѣ самозванцевъ и междуцарствія, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были подозрительны и насчетъ заговоровъ для возложенія царствующей династіи и возведенія другой. Это отразилось и на присягѣ иноземцевъ Аптекарскаго приказа,—тамъ есть слова:

«Такъ же мнѣ опричe государя своего и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи на Владимірское и на Московское и всего Россійскаго царствія на государство инаго государя изъ московскихъ людей и изъ иныхъ государствъ никого не искати, и не хотѣти, и не мыслити.

«И письмомъ въ иныя государства и съ московскими людьми ни съ кѣмъ ни на какое зло не ссылатися, и не измѣнить ему, государю, ни въ чемъ никоторыми мѣрами и съ измѣнники, которые ему, государю, учнутъ измѣнять и съ ихъ родствомъ, и съ совѣтники никакое лихо письмомъ, и иными никакими мѣрами не ссылатиж-ся и ни въ чемъ съ ними ни на какое лихо не мыслити и не совѣтовати.

«И отъ государя своего (имя-рекъ) безъ повелѣнія его царскаго величества ни въ которое царство не отъѣхати, да и съ племенемъ своимъ и съ друзьями, которые живутъ въ иныхъ государствахъ, письмомъ ссылатися съ повелѣнія его-жъ царскаго величества, а безъ повелѣнія не ссылатися».

Присягу иноземцы приносили передъ своими пасторами и ксендзами въ присутствіи дьяка Аптекарскаго приказа и боярина, начальника приказа. Связавъ, такимъ образомъ, душу иноземца клятвою, съ одной стороны, а съ другой—подъ угрозою жестокаго истязанія, московскіе цари, все-таки не безъ тайнаго страха, отдавали свое тѣло и здоровье во власть доктора, когда болѣзнь была серьезна, потому что въ легкихъ случаяхъ обходились исконными домашними средствами: баней, на первомъ планѣ, потомъ сномъ, прогулкой и т. п.

Изъ излюбленныхъ средствъ врачеванія въ ту далекую отъ насъ эпоху, когда люди много ѣли и были полнокровны — было кровопусканіе, жильное и рожечное. Кровопусканіе рожками сохранилось и до настоящаго времени въ простонародьѣ и купечествѣ.

Но для кровопусканія и пріема лѣкарства не всѣ дни были безразличны: были дни тяжелые и легкіе и, притомъ, особенные

для особаго сложенія человѣка, каковыхъ сложеній считалось три: «мокротные, холерики и меланхолики».

Этотъ остатокъ средневѣковой алхиміи, гороскоповъ и звѣздочетства, примѣненнаго къ судьбамъ человѣчества, сохранялся и до гораздо болѣе поздняго, чуть не до настоящаго времени,—а тогда всему этому придавали полную вѣру даже сами доктора.

Если для всякаго время кровопусканія надо было выбирать, то насколько болѣе важную задачу представлялъ выборъ времени для кровопусканія царю!

При этомъ, рожечное кровопусканіе считалось не столь важнымъ: къ нему прибѣгали чаще, и рожки ставилъ царю русскій лѣкарь въ банѣ.

Жильное же кровопусканіе считалось уже за важную и опасную операцію, и къ нему допускались только лучшіе и искуснѣйшіе доктора съ лѣкаремъ ассистентомъ и переводчикомъ, можетъ быть, даже въ присутствіи кого-либо изъ ближнихъ бояръ.

И сами доктора приступали къ этой операціи съ полнымъ сознаніемъ ея важности и со страхомъ за ея удачный исходъ и послѣдующую пользу.

Зато удачное кровопусканіе всегда было щедро одариваемо царемъ всѣмъ, принимавшимъ въ немъ участіе.

Первое извѣстіе о кровопусканіи царю Михаилу Ѳеодоровичу мы встрѣчаемъ въ матеріалахъ Аптекарскаго приказа отъ 1630 года, когда докторъ Артемій Дій отворялъ царю жильную кровь и былъ за это награжденъ щедро. Ему дали: кубокъ серебрянъ, золоченъ съ кровлею, вѣсу 2 гривенки (фунта) 41 золотникъ, по 5 рублевъ гривенка.

Бархатъ кизилбашской (персидскій) зеленый, 10 аршинъ въ 10 рублевъ.

Камки куфтерю червленой 10 аршинъ въ 10 рублевъ.

Сорокъ соболей въ 45 рублевъ [1]).

Въ 1641 году отворялъ жильную кровь царю докторъ Венделинусъ Сибилистъ и получилъ награду противъ Артемья Дія (т. е. столько же).

Въ 1643 году лѣтомъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ заболѣлъ рожею. Къ лѣченью и на совѣтъ были приглашены всѣ доктора,—и вотъ ихъ описаніе этой болѣзни:

«Сказка и вымыслъ всѣхъ докторовъ о болѣзни,—имянуется: рожа.

---

[1]) Артемій Дій отпущенъ въ свою землю (въ Англію) и на отпускѣ ему пожаловано: сорокъ соболей въ 100 рублевъ, два сорока по 80-ти руб., сорокъ соболей въ 40 рублевъ, всего на 500 рублей и 20 подводъ отъ Москвы до Архангельска.

«Первая статья: мазать виннымъ духомъ съ кинерарью, въ день по трижды. А послѣ того, принять камени безую [1]) для поту, противъ 12 зеренъ перцовыхъ (вѣсомъ) въ составленной водкѣ, которую для тово составили, чтобъ рѣзкая жаркая кровь раздѣлилась и не стояла бъ на одномъ мѣстѣ. А послѣ того надобно отворить жильную руду, для того, чтобъ вывесть всякой жаръ изъ головы, и крови продухъ дать. А, буде, крови продуху не дать,— и та тяжкая жаркая кровь станетъ садиться на какомъ мѣстѣ нибудь, гдѣ природа покажетъ, и отъ того бываютъ пухоты и язвы. А жильную руду можно отворить, изыскавъ день доброй».

Консиліумъ докторовъ составилъ и рецептъ лѣкарства для принятія внутрь, сказавши, что то лѣкарство непремѣнно надо принять, «если нельзя до обѣденнаго кушанья, то за два часа до вечерняго».

Это рѣшеніе докторовъ передалъ царю Михаилу Θеодоровичу бояринъ Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ.

Царь согласился принять лѣкарство передъ ужиномъ и велѣлъ составлять его. Составъ лѣкарства былъ написанъ русской рѣчью. Въ него было положено:

«Камени-безую противъ 12-ти зеренъ, соли корольковые противъ 7 зеренъ, водки гладышевы 9 золотниковъ, цвѣту дерева самбуція двѣ горсти. Мочено и варено въ уксусѣ ренскомъ своробориномъ (своробориный цвѣтъ—шиповникъ), уксусу положено полфунта. А въ тотъ составъ, процѣдя сквозь бумагу, положено 4 золотника сахару мелкаго, не скоромнаго; два золотника».

Вѣроятно, это было въ Петровомъ посту, и царь даже въ лѣкарствѣ не хотѣлъ оскоромиться.

3-го іюня 1643 года царь принялъ это лѣкарство передъ ужиномъ за два часа, по тогдашнему счету, въ пятомъ надесять часу.

На другой день, 4-го іюня, доктора вычислили добрый день для пусканія крови царю.

Для этого въ мыленку (баню) во дворцѣ собрались съ утра доктора: Вилимъ Краморъ (операторъ, съ ланцетомъ), Артманъ Грамонъ и Ягану съ Белово (ассистенты).

Кто былъ переводчикомъ—неизвѣстно; можетъ быть, кто-нибудь изъ докторовъ изъяснялся по-русски достаточно хорошо для такой несложной операціи.

Царская руда принималась въ особый сосудъ: въ полдень ее свѣсили, и оказалось ея фунтъ безъ четверти.

---

[1]) Камень «безуй» или «безоаръ»—драгоцѣнное средство, которому приписывались чудесныя цѣлительныя свойства такъ же, какъ и «инроговой кости», о нихъ подробнѣе будетъ дальше.

Царскую кровь надо было куда-нибудь убрать, и вотъ ближній царя, старикъ Иванъ Ѳедоровичъ Большой-Стрѣшневъ (сынъ его, Василій Ивановичъ тоже служилъ царю окольничимъ), въ присутствіи ближняго боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, выкопавъ въ саду, противъ комнатъ, ямку, положилъ въ землю и закопалъ.

Послѣ кровопусканія, доктора опредѣлили царю особую діэту; она сохранилась въ бумагахъ и заключалась въ слѣдующемъ:

«Доктуры Артманъ Грамонъ да Яганусъ Белово сказали:

«Послѣ жильнаго отворенья добро кушать рыбу свѣжую: окуни, пѣскиши, щуки и раки —добре здорово. А ту рыбу ѣсть, въ ухѣ варя или жаря; а жареную рыбу поливать сокомъ лимоннымъ.

«А рѣдьки и хрѣну не ѣсть, и пить ренское вино прямое, доброе, да церковное вино доброе съ сахаромъ съ мелкимъ, не скоромнымъ, и пиво доброе, и квасъ доброй житной. А не пити вина горячаго: ни водки, ни меду, ни романѣи»[1]).

На другой день, 5-го іюня, все, какъ надо думать, обстояло благополучно: кровопусканіе принесло облегченіе,—и тогда бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ велѣлъ выписать въ Аптекарскомъ приказѣ на примѣръ: что давали прежде награды за кровопусканіе докторамъ.

Награды эти упомянуты выше; въ документѣ объ этомъ именно кровопусканіи недостаетъ конца, а потому можно заключить, что награда была подобная прежнимъ.

Черезъ два года, въ 1645 году, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ заболѣлъ смертно. Дѣла Аптекарскаго приказа даютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой болѣзни и лѣченіи ея докторами-иноземцами.

Здѣсь на первомъ шагу мы встрѣчаемся съ тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что уже въ то время существовало изслѣдованіе мочи больнаго.

23-го апрѣля 1645 года, доктора смотрѣли воду и заключили: «А по водѣ знать, что желудокъ и печень, и селезенка безсильны своей природной теплотой для изгнанія слизи, которая въ нихъ копится. И отъ того понемногу кровь воденѣетъ и холодъ бываетъ; да отъ того же цынга и иныя мокроты родятся.

«А лѣчить ту болѣзнь составнымъ ренскимъ виномъ. А составить его съ травами и съ кореньями, и того вина пить по получаркѣ медвяной, подогрѣвъ: поутру, часу въ третьемъ дня, да послѣ обѣда, за два часа до вечера. А пить его по два дня, чтобъ слизь изъ желудка и изъ печени, и изъ селезенки вывести. Отъ того вина поносъ будетъ не-

---

[1]) Ясно, что дѣло происходило въ Петровомъ посту.

большой, а безсилья не будетъ,—только тѣ составы, въ чемъ кровь варится, согрѣетъ и укрѣпляетъ.

«Принявъ того вина, можно быть не въ теплой хороминѣ, а на вѣтрѣ ходить. А пить горячее вино и иныя всякія питья и ѣсть всякую ѣству—по-немногу. Вечерняго кушанья не держать; питей, очень холодныхъ и кислыхъ не пить; уксусу въ ѣду не прибавлять. Можно то ренское вино всегда держать наготовѣ,—и какъ на низъ проходу мало—и того вина принимать поутру по получаркѣ».

Вино это предписывалось принимать два дня, а послѣ того принимать въ теплой ухѣ черезъ день или два по 9-ти и по 11-ти капель «элексиру пропріетатисъ».

Кромѣ этого, предписывалось на всякій мѣсяцъ (значитъ, режимъ назначался на долго) для поту принимать порохъ (порошокъ) слѣдующаго состава:

Камени-безую и инроговой кости противъ 24 зеренъ, да соли корольковой противъ 20 зеренъ перцовыхъ [1]).

Затѣмъ, 24-го апрѣля, доктора сдѣлали «составное ренское вино», которое приготовлялось цѣлыхъ десять дней, такъ что поспѣло только къ 3-му мая. Вотъ его составъ:

Кореньевъ: алтеи 6 золотниковъ, кихори, шкорцинера, полиподіи, кверцине, петрушки, ононидисъ—всякаго по 3 золотника; девесильнаго, иріось—по 2 золотника, коры капаромъ—6 золотниковъ.

Травъ: вероника, агримонія, камедрисъ — всякой по горсти, полыни — 2 щепотки.

Цвѣтовъ: свороборинпаго, фіалковаго — по 2 щепотки.

Примери-верисъ, гладышевъ—по щепоткѣ, ягодъ окихеньки—3 золотника, дерева сасафрасу — 3 золотника, корицы — 3 золотника, гвоздики полъ-2 золотника ($1^1/_2$), инбирю — 2 золотника, листу александрійскаго—12 золотниковъ, мехіокана черной, ревеню—по 3 золотн., кореню гелебри-нигри—полэолотника, ягодъ коринки—12 золотниковъ, кремоpъ-тартари — 2 золотника, розмарину — щепотка, сѣмени анисоваго — 3 золотника, ягодъ можжевеловыхъ — 6 золотниковъ.

Всѣ эти травы, коренья, цвѣты были настаиваемы на ренскомъ винѣ въ теплѣ девять дней, а употребленіе его описано раньше. Отъ этого вина, которое должно было слабить, вѣроятно, мало было дѣйствія на царя, потому что доктора объясняютъ это такъ:

«Который человѣкъ впервые приметъ поносное лѣкарство - и не подойметъ, — и тѣмъ лѣкарствомъ не подняло для того, что мокрота слизовата и густа, и жилы заперты.

---

[1]) Драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ, существовавшихъ тогда, порошковъ, по дороговизнѣ входившихъ въ него составовъ.

«И того лѣкарства впредь принимать побольше прежняго: по цѣлой чаркѣ медвяной. Принимать, подогрѣвши, поутру, часу въ 3-мъ дня, а другой разъ за два часа до вечера.

«Отъ прежняго ренскаго составленнаго вина поносу мало потому, что недолго въ теплѣ стояло. А для того не дали долго составу въ теплѣ стоять, чтобы пріятнѣе пить. Бываетъ тѣмъ людямъ, которые поносное лѣкарство принимаютъ,—имъ даютъ сперва легкія лѣкарства, — и тѣми лѣкарствами узнаютъ: крѣпка или не крѣпка природа?

«А будетъ, отъ того ренскаго легкій поносъ—то надобно составить такого же вина вновь и поставить въ теплѣ на три дня, чтобъ сильнѣе было. Этотъ новый составъ будетъ противъ прежняго горче, и принимать его, какъ и прежній: дважды въ день».

Мая 14-го доктора составили другое лѣкарство и прибавили къ прежнему составу:

Листа александрійскаго къ 12-ти золотникамъ—еще 6 золотниковъ

Межакана (мехіокана?) черной къ 3-мъ золотникамъ—3 золотника.

Корени гелебри-нигри къ 1/2 золотника—полъ-3 золотника.

Ревеню къ 3-мъ золотникамъ—3 золотника.

Корени турбиту—вновь положено 3 золотника.

Діэта назначалась та же.

26-го мая доктора снова изслѣдовали мочу, и второй ихъ приговоръ тоже не былъ утѣшителенъ.

Они нашли воду блѣдной, — «знать, что желудокъ и печень, и селезенка безсильны отъ многаго сидѣнья и отъ холодныхъ питей, и отъ меланхоліи, сирѣчь кручины,—и отъ того печень и селезенка заперты; вѣтръ и колотье возлѣ реберъ объявливаетъ. И если та болѣзнь продлится—и отъ того ноги будутъ пухнуть».

Лѣчить предлагалось слѣдующимъ образомъ:

«А пособить въ той болѣзни можно: сперва принять легкую пургацею-порохъ (слабительный порошокъ), и тѣмъ воду и слизь отъ крови отведетъ, и желудокъ, и печень, и селезенку очиститъ».

Составъ порошка былъ слѣдующій: мехіокана черной—1/2 золотника, корени турбиту—противъ 5 зеренъ, кремортартари—1/3 золотника, масла финикольнаго - 3 капли.

«А послѣ той пургацеи —кушать сахаръ, который желудокъ и печень, и селезенку укрѣпитъ и отпираетъ, и вѣтръ изъ нутри гонитъ».

Составъ сахара: сахару своробориннаго—6 золотниковъ.

Сахару изъ цвѣта розмариноваго, сахару изъ цвѣта мелисса, сахару изъ цвѣта померанцеваго—всѣхъ по 3 золотника.

Коры цытроновой въ сахарѣ—3 золотника, конерекси-гіацинта—2 золотника, магистеріумъ изъ корольковъ (кораловъ) красныхъ, — противъ 20 зеренъ, масла коричнаго — 4 капли, масла гвоздичнаго —

*

3 капли, масла полыннаго, перепускнаго — 2 капли, масла финикольнаго—6 капель, масла купоросна го — сколько доведется (?) положить, сиропу изъ коры цытроновой—4 золотника.

Кромѣ этого сахара, который надо было ѣсть, предписывалось наружное лѣкарство: бальзамъ, который желудокъ укрѣпитъ и грѣетъ и мазь для укрѣпленія печени и селезенки и безсильнаго желудка и для изгнанія изнутри вѣтровъ.

Въ бальзамъ входило: масла мускатнаго густаго—2 зол., масла мятнаго—10 капель, масла гвоздичнаго—5 капель.

Составъ мази: спленетикомъ—3 зол., масла розмариноваго 8 капель, сератомъ-санталиномъ 1 зол. Все это прописывали доктора: Вενделинусъ Сибилистъ, Яганъ Белаво и Артманъ Грамонъ.

Слабительный порошокъ надо было принимать въ романеѣ, ложки съ три или четыре, подогрѣвши, въ третьему часу дня (8 ч. утра) и, принявши его, не спать и не потѣть.

Въ комнатѣ быть въ тепломъ платьѣ и носить теплые чулки на ногахъ, а въ седьмомъ часу дня (что соотвѣтствуетъ 12 часамъ пополудни) кушать уху теплую изъ курицы или уху баранью, «и иные ѣствы, чего поволитъ».

Не кушать кислаго и холоднаго, пить пиво и квасъ, подогрѣвши, а болѣе ничего не пить; послѣ обѣда соснуть часа два и не ужинать.

На другой день послѣ пріема порошка, принимать сахаръ, два раза въ день величиною по мускатному орѣху, часовъ въ 8 утра (по нынѣшнему счету) и ложась спать.

Принявъ сахаръ, мазать бальзамомъ желудокъ подъ ложечкою, взявши его величиною съ русскій орѣхъ.

Сахару и бальзаму въ теплѣ не держать.

Мазью мазать по обоимъ бокамъ, подлѣ короткихъ реберъ передъ обѣдомъ и ужиномъ часа за два, взявъ той мази съ мускатный орѣхъ и подогрѣвъ ее на ложкѣ серебряной надъ огнемъ, чтобъ была тепла, и мазать легко.

Порошокъ, бальзамъ, сахаръ и всѣ эти наставленія доктора передали 26 мая боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву, который и отнесъ ихъ къ царю.

До 5-го іюня царь, вѣроятно, лѣчился поданными лѣкарствами и исполнялъ предписанія докторовъ.

Въ этотъ день доктора составили ему порошокъ отъ головной боли и шума въ ушахъ.

Составъ порошка: Ладану росного, янтарю бѣлаго—по 10 зеренъ (перцовыхъ), ладану простаго $^1/_2$ золотника, тро... циси эелипти (не хватаетъ въ рукописи), мушкату—золотникъ.

Этого порошка надо было взять съ полъ-орѣха и передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, положить его на жаръ.

«И изъ него будетъ паръ, и надъ тѣмъ паромъ держать ухо, въ которомъ шумъ, а передъ тѣмъ въ ухѣ почистить».

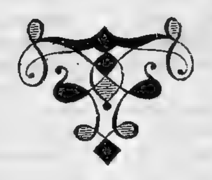
Послѣ этого въ дѣлахъ Аптекарскаго приказа ничего нѣтъ о болѣзни царя Михаила Ѳеодоровича.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 13 іюня 1645 года, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался, будучи 49 лѣтъ отъ роду.

На участи докторовъ эта смерть не отразилась неблагопріятно: всѣ они остались служить.

Только въ росписи докторовъ за 1646 годъ нѣтъ уже имени Ванделинуса Сибилиста. Вѣроятно, послѣ смерти Михаила Ѳеодоровича онъ, по собственной просьбѣ, былъ отпущенъ въ свою землю, ибо на отпускѣ ему было пожаловано соболей на 350 рублей (больше обыкновеннаго) и 20 подводъ до рубежа. Въ дѣлахъ Аптекарскаго приказа годъ отпуска показанъ 1642-й, но это очевидная ошибка, и опечатка илнеправильно прочтенная славянская буква-цифра.

Арсеньевъ.

Замѣтка.

Въ виду желанія наслѣдниковъ Александра Павловича Чоглокова, фамилію котораго я упоминаю въ моихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» въ 1894 г. («За полстолѣтія» I—XI), считаю необходимымъ заявить, что лицо, описываемое мною въ «Семейной хроникѣ», помѣщаемой въ журналѣ «Русская Старина» за 1895 годъ, подъ именемъ Алексѣя Павловича Чог—кова, ничего общаго съ Александромъ Павловичемъ Чоглоковымъ не имѣетъ. Остается мнѣ сожалѣть, что, не предвидя упомянутой выше претензіи, для фамиліи описываемаго въ хроникѣ лица избранъ мною иниціалъ, подавшій поводъ къ такому недоразумѣнію.

А. Ильинскій.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ съ половины марта до половины апрѣля настоящаго года.

Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго.—Жизнь въ отставкѣ 1845—1848 г. (Поѣздка въ Митаву.—Православные латыши.—Въ Нарвѣ.—Возвращеніе на службу.—Прощаніе съ деревнею). «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Барановичъ, Л. М. Возобновленіе зимняго дворца послѣ пожара 1837 года. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ о мозаикѣ Римской и Византійской. (Два письма къ А. В. Головнину). «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Четыре письма императора Николая Павловича къ графу П. А. Клейнмихелю. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Горленко, В. П. Живописецъ малороссійской старины (Г. Ѳ. Квитко-Основьяненко). «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Титовъ, А. А. Село Капцево-Богородское. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Рескриптъ Екатерины Великой В. А. Черткову о ссылкѣ князя Н. Н. Трубецкаго. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Звѣревъ, С. И. Памяти митрополита Леонтія: его школьная проповѣдь и письмо на родину. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Записка аббата Николая о воспитаніи князя А. Н. Волконскаго. «Рус. Арх.» 1895, № 4.

Родословіе графовъ и дворянъ Бенкендорфовъ. «Русскій Арх.» 1895, № 4.

Оболенскій, Д. Д., князь. Наброски и воспоминанія. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Письма и записочки императрицы Маріи Ѳеодоровны къ С. К. Вязмитинову. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Козубскій, Е. И. Отзывы Наполеона про Александра Павловича. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Савеловъ, Л. М. Въ защиту памяти патріарха Іоакима. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Савеловъ, Л. М. О родѣ дворянъ Поливановыхъ. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Мартыновъ, А. А. Село Степановское. «Русск. Арх.» 1895, № 4.

Московскій музей П. И. Щукина, «Русскій Арх.» 1895, № 4.

Смирнова, А. О. О Гоголѣ. «Русскій Арх.» 1895, № 4.

Письмо Исидора къ Филарету московскому, «Русскій Арх.» 1895, № 4.

Титовъ, А. А. Церковь Воскресенія въ Ростовѣ. «Русскій Арх.» 1895, № 4.

Мартыновъ, А. А. Надгробная лѣтопись Москвы. «Русскій Арх.» 1895, № 4.

Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу (1810—1814) съ примѣчаніями И. А. Бычкова. «Русск. Арх.» 1895, № 4. Приложеніе.

Синельниковъ, Н. П. Записки сенатора. V (Продолженіе). «Историческій Вѣстникъ». 1895, № 4.

Полторацкій, В. А. Воспоминанія. XXII. (Продолженіе). «Историческій Вѣстникъ». 1895, № 4.

Любарскій, И. В. Въ мятежномъ краѣ. Изъ воспоминаній. III—IV. (Продолж.). «Историческій Вѣстникъ», 1895, № 4.

Фаресовъ, А. Н. Памяти Николая Семеновича Лѣскова. «Историческій Вѣстникъ», 1895, № 4.

Овсянниковъ, Н. Н. Матеріалы для біографіи И. И. Лажечникова. «Историческій Вѣстникъ», 1895, № 4.

П—нъ, В. К. Свѣтлѣйшій покоритель Варшавы. «Историческій Вѣстникъ». 1895, № 4.

Никольскій, В. В. Украинскій Сократъ. «Историч. Вѣстн.», 1895, № 4.

Историческія мелочи. 1) Частная жизнь 18-ть столѣтій тому назадъ.—

2) Дочь Галилея.—3) Гёте и его новые афоризмы. — 4) Каролина фонъ-Гундероде.—5) Письма профессора Паррота къ императору Александру I. — 6) Судъ надъ министрами Карла X.— 7) Тьеръ и Наполеонъ III.—8) Среди историковъ.«Историч. Вѣстн.»,1895,№4

Л—ва, С. В. Жюль Мишле «Русская Мысль», 1895, № 3.

Брикнеръ, А. Г. Россія и Данія при императрицѣ Екатеринѣ I. «Русская Мысль», 1895, № 3

Колюпановъ, Н. П. Изъ прошлаго. (Посмертныя записки). Университетъ 1843 — 1849 г. «Русское Обозрѣніе», 1895, № 4.

Кулишъ, П. А. Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго. «Русское Обозрѣніе», 1895, № 4.

Илларіоновъ, В. Иконописцы - суздальцы. (Окончаніе). «Русское Обозрѣніе, 1895, № 4.

Панаевъ, В. А. Бумажныя деньги— товаръ. «Русск. Обозр.», 1895, № 4.

Бафталовскій, В. И. Обзоръ мѣстнаго управленія и суда. «Русское Обозрѣніе», 1895, № 4.

Ливотовъ, Е. В. Георгій Кониссκій архіепископъ Бѣлорусскій. «Русское Обозрѣніе» 1895 г., № 4.

Побѣдоносцевъ, К. П. Письма И. И. Лажечникова къ С. П. и К. П. Побѣдоносцевымъ. «Русское Обозрѣніе» 1895 г., № 4.

Гаршинъ, Вс. М. Письма къ матери изъ Болгаріи во время войны 1877 г. Съ предисловіемъ И. Н. Аѳанасьева. «Русское Обозрѣніе» 1895 г., № 4.

Полонскій, Я. П. По поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстаго. «Русское Обозрѣніе» 1895 г., № 4.

Любимовъ, Н. А. Книга Галилея о системахъ міра и ея осужденіе. «Русскій Вѣстникъ» 1895 г., № 4.

Дубровинъ, Н. Наполеонъ I въ современномъ ему русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ. «Русскій Вѣстникъ» 1895 г., № 4

Слонимскій, Л. З. Наполеонъ и Кромвель.—По поводу возрожденія Наполеоновской легенды. «Вѣстникъ Европы» 1895 г., № 4.

Ковалевскій, М. М. Молодость Бенжамена Констана. «Вѣстникъ Европы» 1895 г., № 4.

Пыпинъ, А. Н. Ломоносовъ и его современники. «Вѣстникъ Европы» 1895 г., № 4.

Соловьевъ, Вл. С. Поэзія Ѳ. И. Тютчева. «Вѣст. Европы» 1895 г., № 4.

Изъ воспоминаній Т. Г. Шевченка. «Кіев. Стар.» 1895 г., № 2 (на малороссійскомъ языкѣ).

Изъ воспоминаній Н. Г. Честаховскаго о Т. Г. Шевченкѣ. «Кіев Стар.» 1895 г., № 2 (на малороссійскомъ языкѣ).

Житецкій, П. Памяти Георгія Кониссқаго. (Съ портретомъ). «Кіевск. Старина», № 2.

Кистяковскій. Воспоминанія священника о. Ѳеодора *Кистяковскаго*. (Продолженіе). «Кіев. Стар.» 1895 г., № 2.

Лазаревскій, Ал. Прежніе изыскатели малорусской старины (А. И. Мартосъ). (Продолженіе). «Кіев. Стар.» 1895 г., № 2.

Багалѣй, Д. И., проф. Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. «Кіев. Старина» 1895 г.. № 2.

С., Н. Матеріалы для исторіи дворянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи. (Изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина). Сообщ. Н. С «Кіев. Стар.» 1895 г., № 3.

Матеріалы для біографіи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.—«Кіевская Стар.» 1895 г. № 3.

Старинный проектъ заселенія Украины (1590 г.). Переводъ съ польскаго, съ предисловіемъ А. С.—«Кіев. Стар.», 1894 г., № 3.

Плохинскій, М. М. Почетные члены и члены корреспонденты Харьковскаго Университета. — «Записки Имп. Харьков. Унив.» 1895. Кн. I.

Сумцовъ. Н. Проф. Ѳ. Филиппъ Николаевичъ Королевъ. (Некрологъ). — «Записки Имп. Харьк. Унив.» 1895. Кн. I.

Багалѣй. Д. И. Проф. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. — Томъ 1. III-я глава. «Записки Имп. Харьк. Унив.» 1895. Кн. I.

Тупиковъ, Н. М. Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ. (Историко - литературный очеркъ). - «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894. Приложенія, книга 3-я.

Финдейзенъ, Н. Ѳ. Новые матеріалы для біографіи А. Н. Сѣрова. Письма его къ А. А Бакунину (1850—1855 гг.). — «Ежегодникъ Имп. Теат.». Сезонъ 1893—1894. Приложенія, книга 3-я.

Стасовъ, В. В. Новые матеріалы для біографіи М. И. Глинки, — «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894. Приложенія, книга 3-я.

Вейнбергъ, Петръ Ис. Литературные спектакли. (Изъ моихъ воспоминаній). —«Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894. Приложенія, книга 3-я.

Боцяновскій, В. Ѳ. Александръ Сер-

гѣевичъ Грибоѣдовъ. (По поводу 100 лѣтія со дня его рожденія). «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894. Приложенія. Книга 3-я.

Манифестъ черногорскаго князя Николая по случаю кончины Государя Императора Александра III.—«Вѣстникъ Славянства», 1895 г., кн. X.

Сѣцинскій, Свящ. Е. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историч. описаніе. Кіевъ. 1895. 1.

Лазаревскій, Ал. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. II.—Оттиски изъ «Кіевской Старины». 1893—1895. Кіевъ. 1895. 1.

Викулъ, П. Ѳ. Свящ. Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи.—Вильна. 1895 —1.

Посохъ. Г. Видзы. Опытъ историко-статистическаго описанія. Составилъ **Посохъ.** Ред. и дополн. К. Гуковскій. Ковна. 1895.—1.

О, Е. Ф. М. Свислочь-Волковыская. — Историческій очеркъ. — Гродна. — 1895.—1.

Свѣтловъ, П. Іак. Проф. Памяти царя-миротворца. Москва. 1895.—1.

Козловскій, Иванъ. Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVI в. — (Отт. изъ Унив. Изв. за 1895). Кіевъ 1895.—1.

Голубовскій, П. В. Исторія Смоленской земли до начала XV ст. — (Оттискъ изъ Унив. Изв. за 1895).—Кіевъ. 1895.—1.

Поляновъ, Л.Генералъ-фельдмаршалы русской арміи. Историческій очеркъ. — Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1895.—1.

Песковскій, М. Л. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Изданіе редакціи журн. «Русская Старина». — Спб. 1895.—1.

Карамышевъ, И. Краткія историческія свѣдѣнія о петербургскихъ типографіяхъ съ 1711 г.—Спб. 1895.—1.

Волковъ, А. Царское Село. — Его дворцы, парки, сады, памятники въ прошломъ и настоящемъ. — Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ —Спб. 1895.—1.

Акаемовъ, Н. Ѳ. Городъ Курмышъ въ XIV — XVIII в. в. Историческій очеркъ. (Оттискъ изъ XI т. «Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этн.» за 1893). —Казань. 1895.—1.

Манифестъ 14 ноября 1894 года съ разъясненіемъ г. министра внутренн. дѣлъ,—Казань. 1895.—1.

Красовскій, М. А. Русскіе въ Якутской области въ XVII в. (Оттискъ изъ XII тома «Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этн.» за 1893 г.). Казань. 1895.—1.

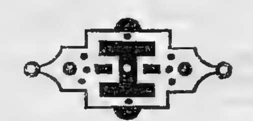
Александровъ, А. И. Царь-освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. — Казань. 1895.—1.

Зеновичъ, Д. Поруч. 4-ая стрѣлковая бригада на Дунаѣ и въ передовомъ отрядѣ ген.-лейт. Гурко.—Для учеб командъ и ротныхъ школъ.— Одесса. 1895.—1.

Галаганъ, I. Н Памяти покойнаго отца моего Н. В. Галагана —Одесса. 1895.—8° 1

Германъ, Ф. Л. Д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари (медико-историческій очеркъ). Кіевъ. 1895.—1.

Личковъ, Л. С. Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири. (Оттискъ изъ IX кн. «Чт. въ Ист. Общ. Нестора лѣт.»).—Кіевъ. 1894.—1.

„РУССКАЯ СТАРИНА" въ изд. 1895 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Исторія русской литературы.

Приложеніе.

Библіографическій листокъ.

4. Изъ прошлаго Одессы. Сборникъ статей С. Бориневича, М. Веселовскаго, В. Л. Ганзена, М. Ф. де-Рибаса, А. Е. Егорова, Н. Х. Палаузова, А. Д. Ризо, С. Серафимовича, А. А. Скальковскаго, Толченова, Н. Г. Тройницкаго, О. О. Чижевича, С. Чудновскаго, I. Г. Шершеневича, М. В. Шимановскаго, В. И. Шрайтеля и В. А. Яковлева. Составленъ Л. М. де-Рибасомъ. Одесса 1894 г. (на обертке февральской книги).
5. Жизнь замечательныхъ людей. Бiографическая библiотека Ф. Павленкова.—IX. Иванъ IV Грозный, его жизнь и государственная деятельность. Бiографическiй очеркъ Е. А. Соловьева. Съ портретомъ Ивана Грознаго, воспроизведеннымъ по статуе Антокольскаго. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
6. Жизнь замечательныхъ людей. Бiографическая библiотека Ф. Павленкова.—X. Карлъ Бэръ, его жизнь и научная деятельность. Бiографическiй очеркъ Н. А. Холодковскаго. Съ портретомъ К. Бэра, гравированнымъ въ Лейпциге Геданомъ. Н. И. Кашкадамова (на обертке мартовской книги).
7. Историческiй очеркъ русскаго книгопечатаннаго дела. Составилъ И. Н. Божеряновъ. Изданiе Товарищества «Общественная Польза». СПБ.—1895 г. Н. К-ш-а. (на обертке апрельской книги).
8. Н. Ѳ. Акаемовъ. Городъ Курмышъ въ XIV—XVIII векахъ. Историческiй очеркъ. Казань. 1895 г. Н. И. Кашкадамова (на обертке майской книги).
9. Матерiалы для бiографiи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третiй. Москва. 1895. 550+VI. Н. К-ш-а (тамъ же).
10. «Вся Россiя». Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администрацiи. Торгово-промышленный адресъ-календарь Россiйской Имперiи. Изданiе А. С. Суворина. 1895 г. (на обертке iюньской книги).
11. Урбэна Дюбуа. Современная кухня. Практическое руководство для поваровъ и кондитеровъ. Съ 260 рисунками и 40 гравюрами. Переводъ съ последняго французскаго изданiя К. К. Парвовой, подъ редакцiей метръ-д'отеля великокняжескихъ дворовъ В. И. Соколова. Цена 4 руб. СПБ. 1895 г. (тамъ же).

Библiографическiе указатели.

стр.

1. Указатель книгъ и статей по русской исторiи, вышедшихъ въ конце 1894 г. и до половины января 1895 года, февраль 223—224
2. Указатель книгъ и статей по русской исторiи, вышедшихъ съ половины января до половины февраля 1895 г., мартъ 199—200
3. Указатель книгъ и статей по русской исторiи, вышедшихъ съ половины февраля до половины марта 1895 г., апрель 227 229
4. Указатель книгъ и статей по русской исторiи, вышедшихъ съ половины марта до половины апреля 1895 г., iюнь . . 198—200

Систематическое оглавленiе восемьдесять третьяго тома составлено **Н. И. Кашкадамовымъ**.

— Прибавьте, ваше превосходительство!—въ одинъ голосъ завопили трое евреевъ.

— Мнѣ некогда попусту говорить съ вами! Больше ни гроша! Даю вамъ на размышленіе четверть часа, — изрекла свой ультиматумъ Надежда Андреевна и вышла отъ нихъ въ другую комнату. Въ этой комнатѣ, при полурастворенныхъ дверяхъ, Надежда Андреевна крикнула громко:

— Полина! подай чемоданъ и мой дорожный мѣшокъ! Принеси сюда дорожное платье!

Эти слова доносились изъ другой комнаты до всей компаніи евреевъ и до Лапьеръ. Они переговаривались на своемъ жаргонѣ.

Ровно черезъ 15 минутъ вышла Надежда Андреевна и, остановясь въ дверяхъ, сказала:

— Если вы рѣшились, пожалуйте векселя и получите деньги, а иначе оставьте немедленно мой домъ! Вы сдѣлали его мѣстомъ вашихъ совѣщаній!

— Прибавьте, ваше превосходительство! Сжальтесь!

Надежда Андреевна, не отвѣчая ни слова, обернулась и пошла по направленію другой комнаты. Вслѣдъ за нею послышались голоса:

— Мы согласны, ваше превосходительство!

Она возвратилась.

— Позвольте векселя!

— Они почтительно подали ихъ, а Надежда Андреевна вынула изъ кармана платья громадную пачку денегъ, отсчитала и вручила имъ, а векселя положила въ карманъ, надорвавъ ихъ слегка.

Кредиторы немедленно вышли.

Надежда Андреевна думала, что она сдѣлала прекрасное дѣло, выкупивъ векселя сына за половинную сумму, тогда какъ ростовщики не только вернули удвоенный капиталъ, но получили и отличный процентъ, который они не могли бы заработать ни въ какомъ случаѣ, даже и своими банкирскими оборотами.

Этотъ день былъ памятенъ Надеждѣ Андреевнѣ, которая никогда не испытывала такой осады отъ евреевъ, какую ей пришлось выдержать. Она погрузилась въ тяжкія думы. Мысль—что дѣлаетъ ея сынъ заграницей?—не давала ей покоя, и она рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы вернуть его оттуда.

XXI.

Между тѣмъ Чо—овъ съ баронессой и двумя дочерьми остановились въ лучшемъ отелѣ.

Баронессѣ Парижъ былъ хорошо знакомъ, но Алексѣй Павловичъ увидалъ его въ первый разъ, и городъ произвелъ на него громадное впечатлѣніе.

— Вотъ городъ!—говорилъ онъ.—Ахъ! какая прелесть! У насъ еще холода, а здѣсь уже лѣто!

Шумъ отъ говора людей, крика кучеровъ, движенія экипажей, сливаясь въ общій гулъ, кружитъ голову непривычнаго посѣтителя бульваровъ, который, можетъ быть, въ первый разъ очутился въ этомъ водоворотѣ человѣческихъ страстей. Алексѣй Павловичъ всего больше обращалъ вниманія на женщинъ.

— Здѣсь совсѣмъ другія женщины, нежели у насъ, — сказалъ онъ баронессѣ.

— Да! я вамъ говорила, что Парижъ очаровательный городъ во всѣхъ отношеніяхъ!

— Ахъ! какая прелесть парижанки! Это не то, что наши русскія рохли!—продолжалъ онъ.

И подумалъ онъ про себя, что: «давно ему слѣдовало быть въ Парижѣ, а то сколько онъ бросилъ денегъ въ Петербургѣ и никогда не былъ доволенъ женщинами». Думая это, онъ, такъ сказать, уже предвкушалъ то удовольствіе, которое ждетъ его въ Парижѣ. Мимоходомъ во время прогулки на бульварахъ, они заходили въ разные магазины и покупали совершенно не нужныя бездѣлушки. Баронесса постоянно восклицала: «Ахъ, какъ это обворожительно! Ахъ! какъ это дешево!» Онъ, конечно, расплачивался за все.

Когда они возвратились съ прогулки въ отель, то Чог—ковъ замѣтилъ, что всѣ низко ему кланяются, а мэтръ-д'отель принимаетъ его за графа.

— А какъ долго вы, графъ, полагаете у насъ остаться?—спросилъ его мэтръ-д'отель.

— Не знаю еще! Можетъ быть 8 мѣсяцевъ, можетъ быть годъ, а можетъ быть и немного меньше.

Подобострастіе мэтръ-д'отеля при этотъ разговорѣ возростало больше и больше. Физіономія его принимала приторно-сладкое выраженіе. На лицѣ сіяла какая-то радость, глаза блестѣли, а уходя, онъ отвѣсилъ Алексѣю Павловичу столь низкій поклонъ, что Чог—ковъ, привыкшій, чтобы предъ нимъ гнули шею, улыбнулся довольно иронически.

День прошелъ незамѣтно. Вечеромъ Алексѣй Павловичъ предложилъ баронессѣ отправиться въ театръ, но она чувствовала головную боль и не пошла. Онъ отправился одинъ.

Направясь въ театръ, Алексѣй Павловичъ полюбопытствовалъ прочитать афиши, расклеенныя повсюду и постоянно привлекающія многочисленную публику. Просматривая ихъ, онъ обратилъ вниманіе на

представленіе въ циркѣ. Въ этотъ день появлялась знаменитая наѣздница, названная «царицей наѣздницъ».

Онъ всегда любилъ циркъ. Наѣздницы, одѣтыя въ легкія короткія платья, декольтированныя, съ обнаженными руками и ногами, прикрытыми трико, тѣлеснаго цвѣта, которое, обтягивая члены, не скрываетъ ихъ формъ; ихъ ловкія упражненія, граціозныя движенія и па на осѣдланной, и даже на неосѣдланной лошади, пріятная улыбка, выражающая ихъ торжество при успѣхѣ, и воздушные поцѣлуи, посылаемые аплодирующей неистово публикѣ,—все это всегда привлекало вниманіе Алексѣя Павловича. Онъ, во время подобныхъ представленій, улеталъ мыслями въ лучшія области, воображеніе рисовало ему яркими красками всю нѣгу смертнаго въ объятіяхъ красивой, ловкой и граціозной наѣздницы. Пространная афиша представленія въ циркѣ перемѣнила намѣреніе Алексѣя Павловича — идти въ театръ, и онъ подумалъ: «пойду сегодня въ циркъ: раньше кончится, раньше вернусь домой». Недолго думая, онъ взялъ фіакръ и приказалъ ѣхать въ циркъ. Въ этотъ вечеръ были превосходные номера, исполнявшіеся наѣздницами. «Царица наѣздницъ» ему очень понравилась въ исполненіи труднѣйшихъ упражненій, и онъ неистово аплодировалъ ей, но она не привлекла его вниманія своею красотой. Ему больше всѣхъ понравилась одна наѣздница-брюнетка, съ итальянскимъ типомъ и огненными, чрезвычайно выразительными глазами. Въ антрактахъ, какъ это водится во всѣхъ циркахъ, любители спорта всегда посѣщаютъ конюшни, гдѣ стоятъ лошади, а тѣмъ болѣе нашелъ необходимымъ посѣтить эти конюшни Алексѣй Павловичъ, какъ бывшій кавалеристъ. Осмотрѣвъ лошадей, онъ хотѣлъ войти въ циркъ, послѣ бывшаго звонка, оповѣщавшаго начало другаго отдѣленія, въ которомъ первый нумеръ должна была исполнять обворожившая его наѣздница. Подходя къ выходу, онъ увидѣлъ, что изъ двери уборной показалась ея фигура, но она еще медлила выйти. Онъ бросился мгновенно къ этой двери и, подлетѣвъ къ наѣздницѣ, раскланялся съ нею и проговорилъ чистымъ французскимъ языкомъ:

— Я былъ бы счастливъ, еслибы вы удостоили меня вашего знакомства...

Она отвѣтила скороговоркой:—Rue du Perret, 6. Camille Leroux.

Затѣмъ, она выпорхнула на сцену и вольтижировала обворожительно, а Алексѣй Павловичъ, сидя въ первомъ ряду креселъ, слѣдилъ за граціозными движеніями ея и твердилъ про себя: «Rue du Perret, 6. Camille Leroux». Онъ тихо, про себя, повторялъ этотъ адресъ безпрерывно, чтобы заучить его.

Во время одной изъ паузъ, всегда бывающихъ при исполненіи наѣздницами ихъ нумеровъ, когда публика обыкновенно занята представленіями клоуновъ, наѣздница замѣтила его, выбивавшагося изъ силъ

при аплодированіи, и такъ какъ она во время паузы, ѣдетъ шагомъ, то, кланяясь публикѣ, сдѣлала ручку прямо по направленію Алексѣя Павловича, устремивъ на него свои прелестные глаза. Онъ, напрягая силы, аплодировалъ ей, едва сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и вызвалъ насмѣшливое замѣчаніе своего сосѣда, который проговорилъ: «Вотъ человѣкъ—лѣзетъ изъ кожи вонъ! И что онъ нашелъ особеннаго?»...

Однако, то, что не казалось особеннымъ сосѣду, Алексѣю Павловичу казалось не только особеннымъ, но и обворожительнымъ. Онъ, съ замираніемъ сердца, ожидалъ окончанія отдѣленія и не вытерпѣлъ: всталъ и пошелъ опять разсматривать лошадей. Но не лошади привлекали его вниманіе. Подойдя къ нимъ на одну минуту, онъ не сводилъ глазъ съ дверей той комнаты, гдѣ раздѣвалась прелестная Camille, которая, окончивъ послѣдній номеръ свой, собиралась уѣхать изъ цирка. Какъ только она показалась изъ дверей, Алексѣй Павловичъ, подойдя къ ней и поклонившись, сказалъ:

— Я забылъ вашъ адресъ... Какъ я несчастливъ! Извините!

— Ахъ! monsieur, не угодно ли вамъ поѣхать со мною: я покажу вамъ, гдѣ я живу...

— Съ удовольствіемъ!

Въ одинъ моментъ онъ протянулъ ей руку. Она взяла его подъ руку, и они направились къ выходу.

Всѣ знакомства этого рода нигдѣ не дѣлаются такъ легко и скоро, какъ въ Парижѣ. Весьма часто случается, что вы сидите въ ресторанѣ на бульварахъ, гдѣ всегда масса публики, состоящей изъ мужчинъ и женщинъ, и вы слышите, какъ какая-нибудь француженка спрашиваетъ своего кавалера: «тебѣ нравится такая-то улица и такой-то номеръ дома»; или одна женщина говоритъ другой: «я была у тебя вчера на такой-то улицѣ и такой-то номеръ», а та, которой это говорится, отвѣчаетъ: «я приду къ тебѣ завтра: такая-то улица и номеръ». Все это говорится громко, чтобы окружающіе мужчины узнали адресы бесѣдующихъ, и если имъ понравится, то приходили бы безъ всякаго стѣсненія.

Алексѣй Павловичъ, выйдя изъ цирка подъ руку съ Camille, взялъ фіакръ. Camille продиктовала кучеру — куда везти. Необходимо было проѣхать порядочный конецъ, такъ что было время для разговора.

— Кто вы? Французъ?—спросила она.

— Я русскій... изъ Петербурга.

— Ахъ! Вы русскій! У васъ очень холодно?

— Да! зимою!

— Вы очень любите циркъ?

— О, да! я страстный охотникъ!

Они доѣхали. Онъ заплатилъ кучеру и попросилъ позволенія зайти къ ней. Она согласилась. Вышла дворничиха, обыкновенно сидящая, въ

Парижѣ, при входѣ въ каждый домъ, если мужъ ея, дворникъ, занятъ или спитъ, освѣтила имъ лѣстницу, безучастно поглядывая на сцену, къ которой уже привыкла. Они поднялись въ 4-й этажъ. Camille отворила дверь въ свою квартиру, и они вошли.

— Вотъ мое скромное жилище!—сказала Camille.

— Давно ли вы служите въ циркѣ?—спросилъ онъ.

— Другой годъ...

— И вамъ нравится это?

— Что же дѣлать? Я бѣдная сирота и другаго ремесла не знаю.

— Ахъ! вы бѣдненькая!—сказалъ онъ и поцѣловалъ ее.

— Я вамъ нравлюсь?

— О, да! съ перваго взгляда вы мнѣ понравились... А какъ вы вольтижируете прекрасно!

— Вамъ нравится?

— Очарованъ!

— Вы женатый, или холостой?

— Холостой!

— Я не люблю женатыхъ!

— И я не люблю замужнихъ!

— Я дѣвушка: у меня были хорошія партія два раза, и представьте: оба жениха умерли.

— И слава Богу!—сказалъ онъ.

Camille насупилась, но спустя нѣкоторое время, со свойственною француженкамъ живостію, проговорила:

— Вы рады этому?

И она не могла удержаться отъ смѣха.

— Что у васъ звенитъ въ карманѣ?

— Это деньги... вѣроятно, разсыпался свертокъ.

И она запустила руку въ карманъ, вынула монеты и начала считать.

Отобравъ шесть лучшихъ на видъ и поновѣе, она сказала:

— Вы мнѣ подарите эти?

— Возьмите еще четыре штуки, пусть будетъ десять!

Camille очень развеселилась, сообразивъ, что ей попался хорошій гусь.

— Вы графъ, или князь? — спросила она, обрадованная десятью луидорами.

— Я ни то, ни другое! Я дворянинъ. Наши русскіе дворяне не хуже графовъ и князей!

— Я не знаю этого различія... А когда вы будете у меня опять?

— Позвольте бывать у васъ сколь возможно чаще.

— Каждый день утромъ и вечеромъ, какъ будетъ вамъ можно. По

средамъ, пятницамъ и субботамъ я въ циркѣ, и въ эти дни можно бывать, по окончаніи представленія, какъ сегодня.

— Я буду за вами заѣзжать въ эти дни.

— Прекрасно! Я буду васъ высматривать.

Десять луидоровъ окончательно развязали руки Алексѣю Павловичу, и онъ принялся лобзать новый предметъ его страсти.

Наконецъ, она сказала:

— Однако, я ужасно голодна!

— Отчего же вы не сказали? Мы поѣхали бы поужинать въ ресторанъ.

— Я тогда еще не была голодна. Но можно и теперь.

— Не поздно?

— Нѣтъ! на бульварахъ рестораны отперты всю ночь.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте!

Она быстро одѣлась, и они вышли.

Взявши фіакръ, Camille съ Алексѣемъ Павловичемъ скоро доѣхали до ресторана, вошли въ отдѣльный кабинетъ, гдѣ и провели время до 4-хъ часовъ утра.

Такимъ образомъ, Алексѣй Павловичъ отпраздновалъ второй день пребыванія своего въ Парижѣ!..

XXII.

Когда Алексѣй Павловичъ вернулся въ отель, конечно, всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и онъ, имѣя ключъ отъ квартиры, прошелъ никѣмъ не замѣченный, тихо и осторожно улегся въ постель. Хотя онъ былъ сильно утомленъ, но все-таки ему не спалось. Забота о томъ,--какъ сказать баронессѣ о причинѣ столь поздняго возвращенія, отгоняла сонъ. Наконецъ, онъ остановился на мысли—сказать, что въ театрѣ встрѣтился съ общимъ знакомымъ его и баронессы, Глѣбовымъ, который, дѣйствительно, выѣхалъ въ чужіе края незадолго до ихъ отъѣзда изъ Петербурга; что зашелъ къ нему и засидѣлся. Эта, изобрѣтенная имъ, комбинація успокоила его, и онъ заснулъ.

Онъ, разумѣется, подвергся допросу баронессы.

— Гдѣ это пропадали вы до глубокой ночи?—Я хорошо знаю, что къ часу уже всѣ театры кончаются,—сказала она.

— Я былъ въ театрѣ французской комедіи: кончилось, дѣйствительно, около половины перваго, и представьте, что, выходя изъ театра, я встрѣтилъ Глѣбова... Мы прошлись съ нимъ по бульварамъ, а по-

томъ зашли къ нему... Ну, и просидѣли долго, вспоминая прошлое; а потомъ я вышелъ... Нѣтъ фіакра! Я пришелъ пѣшкомъ...

Она ничего не отвѣтила.

— Сегодня,—сказалъ онъ, поѣдемъ осматривать картинныя галлереи.

— Въ одинъ день вы не осмотрите... Я уже видѣла ихъ, и сколько разъ, а вы возьмите Вѣру и Софью и поѣзжайте съ ними.. Осмотрите прежде всего Луврскую галлерею.

Алексѣя Павловича какъ кипяткомъ ошпарило. Онъ молчалъ, но думалъ, что не для того же онъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы возиться съ дочерьми баронессы.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ, наконецъ.—Я сегодня не буду ничего осматривать... Я забылъ, что мнѣ нужно быть въ посольствѣ... А вы, обратился онъ къ баронессѣ,—что будете дѣлать сегодня?

— Я хочу навѣстить моихъ старыхъ знакомыхъ и друзей, съ которыми я желаю продолжать знакомство... Знакомство намъ необходимо, а иначе и въ Парижѣ мы будемъ скучать... Пройдетъ 5—10 дней: вы сами будете скучать безъ общества.

Этимъ дебаты кончились. Въ этотъ день каждый отправился, куда желалъ. Остались дома только дочери, которымъ было разрѣшено, вмѣстѣ съ привезенной изъ Россіи женщиною, пройтись въ Тюильрійскомъ саду, находящемся противъ Луврскаго отеля.

Баронесса сдѣлала визиты всѣмъ своимъ знакомымъ, которыхъ знала по первой своей поѣздкѣ въ Парижъ, а знакомыхъ у нея было довольно. Всѣмъ она сообщила, что пріѣхала въ Парижъ съ кузеномъ, что мужъ ея занятъ службою и будетъ спустя нѣкоторое время. Въ этотъ же день она отправила письмо къ виконту де-Сервиль, съ которымъ была очень знакома въ первое посѣщеніе Парижа вмѣстѣ съ мужемъ.

Алексѣй Павловичъ, вмѣсто посольства, до котораго ему не было никакого дѣла, отправился бродить по бульварамъ, восхищался Парижемъ и парижанками, заглядывался на каждую мало-мальски красивую женщину и наконецъ, какъ ему самому было это ни странно, онъ рѣшился посѣтить опять Camille. Его величайшая слабость къ женщинамъ, которыхъ онъ постоянно мѣнялъ, можно сказать, превосходила всякія границы, и онъ никакъ не могъ остановиться на какой-нибудь одной женщинѣ, хотя, овладѣвъ сердцемъ искомой женщины, онъ полагалъ, что ему больше ничего не нужно, что онъ достигъ предѣла своихъ желаній, и успокоивался. Маргарита, Дуняша, баронесса, Camille нравились ему поочередно, но на короткое время: какъ только онъ ознакомливался съ ними, входилъ, такъ сказать, во вкусъ, сближался, то опять искалъ чего-то другаго, и въ этой неопредѣленной борьбѣ, въ этой погонѣ за женщинами протекали дни его. Онъ походилъ на лакомку,

котораго не удовлетворяетъ никакая изысканность въ пищѣ, который ищетъ постоянно новыхъ и новыхъ вкусовыхъ впечатлѣній для своего истомленнаго желудка, проѣдаетъ огромныя деньги и въ концѣ концовъ опять возвращается къ черному хлѣбцу.

Въ концѣ втораго мѣсяца пребыванія въ Парижѣ ощутился уже явственный недостатокъ въ деньгахъ. На письмо къ матери, въ которомъ онъ просилъ выслать деньги, долго не было отвѣта. Она была сердита, что онъ не слушаетъ ее и подъ разными предлогами не спѣшитъ возвращеніемъ домой. Наконецъ, она выслала ему 3 т. франковъ и просила на эти деньги немедленно возвратиться. Но 3 т. франковъ для него были каплей въ морѣ!.. Получивъ ихъ, онъ долженъ былъ уплатить часть долга въ отелѣ, гдѣ, несмотря на то, что его считали за графа, стали ужь косо посматривать и меньше ухаживать за нимъ, потому что видѣли одну сторону медали—широкую натуру,—но не видѣли другой—уплаты по счетамъ.

Поэтому, нужно было подумать обзавестись деньгами, тѣмъ болѣе, что отъ матери большаго куша скоро нельзя было ожидать. Въ тоскѣ, происшедшей отъ безденежья, Алексѣй Павловичъ не зналъ, что дѣлать. Случилось даже такъ, что у него не было одного франка, чтобы заплатить за курсъ фіакра, а сидѣть дома не хотѣлось. На просьбу, обращенную къ баронессѣ—дать ему 20 франковъ, она отвѣтила, что у самой осталось очень мало... Въ этомъ безвыходномъ положеніи, онъ пошелъ пѣшкомъ къ Camille. Онъ сообщилъ ей, что ждетъ изъ Россіи денегъ, а теперь у него даже нѣтъ и одного су. Она очень пожалѣла его и сказала, что найдетъ средство помочь ему, хотя у нея самой нѣтъ денегъ. Онъ ожидалъ, конечно, что она доставитъ ему возможность получить, или взять взаймы нѣсколько тысячъ франковъ.

— Я имѣю друзей,—сказала она,—они мнѣ помогутъ.

Сейчасъ же, она написала къ кому-то письмо и отправила его съ коммиссіонеромъ. Посланный менѣе, чѣмъ черезъ часъ, принесъ отвѣтъ, и въ конвертѣ было вложено пять луидоровъ.

— Возьми,—сказала она,—сколько тебѣ нужно!.. Я говорила, что мнѣ дадутъ...

Онъ былъ очень удивленъ и значительно сконфуженъ. Что значили для него пять луидоровъ! Онъ церемонился..

— Вотъ тебѣ четыре луидора!.. Одинъ оставлю я себѣ, потому что у меня всего 2 франка.

Онъ отговаривался, но Camille настояла. Алексѣй Павловичъ не показалъ вида, но былъ несказанно радъ 80 франкамъ!

Кто бывалъ въ Парижѣ, тотъ знаетъ, какъ скучно тамъ безъ денегъ, несмотря на всѣ прелести: соблазновъ куча, а денегъ нѣтъ и нельзя удовлетворить самаго скромнаго желанія, такъ что громадный

городъ дѣлается противнымъ, и такъ бы, кажется, было хорошо, еслибы можно было вдругъ очутиться дома!.. Тамъ только узнаютъ, что можно жить и безъ Парижа, и что этотъ городъ пригоденъ только для тѣхъ, у кого никогда не могутъ изсякнуть деньги.

Въ эти тяжелыя минуты, баронесса не отличалась щедростію, хотя имѣла немного денегъ, полученныхъ отъ Алексѣя же Павловича, еще въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ заграницу. Онъ въ душѣ негодовалъ на нее, но сохранялъ спокойствіе.

Однажды, когда и позаимствованныя у Camille 80 франковъ уже изсякли, онъ возвратился въ отель очень угрюмымъ и началъ уговаривать баронессу уѣхать поскорѣе изъ Парижа, а именно, какъ только получатся деньги отъ матери.

— Ни за какія деньги я не уѣду!—отвѣчала она.—Я рѣшила, я должна окончить здѣсь воспитаніе моихъ дочерей.

— Но мы ѣхали сюда не для этого,—отвѣчалъ онъ.

— Я знаю!—Вы обѣщали мнѣ выхлопотать разводъ... Что я буду дѣлать въ Петербургѣ? Гдѣ ваше обѣщаніе—жениться на мнѣ?—Вы не подумали о разводѣ и хотите, чтобы я терпѣла скандалы отъ барона!.. Опредѣлите мнѣ сумму на прожитіе здѣсь и поѣзжайте... Хлопочите о разводѣ и увѣдомьте меня: я немедленно пріѣду къ вамъ.. Но вашей матери я больше не желаю видѣть...

Онъ рѣшился уѣхать безъ нея и ждалъ только денегъ отъ матери, безъ которыхъ не могъ тронуться. Въ отелѣ нужно было заплатить около 6 т. франковъ, да оставить баронессѣ по крайней мѣрѣ 3 т. франковъ, а всего, слѣдовательно, нужно было, кромѣ дорожныхъ расходовъ, имѣть 10 т. франковъ. На письмо, отправленное къ матери, въ которомъ онъ умолялъ выслать ему 15 т. франковъ, ссылаясь на долгъ въ отелѣ и на другія надобности, отвѣтъ не приходилъ, хотя онъ клялся, что по полученіи денегъ немедленно выѣдетъ. Онъ ходилъ, какъ тѣнь, и скучалъ немилосердно. Дома оставаться ему было тошно, потому что баронесса пилила его безпрестанно, упрекая въ лживости и фальши, результатомъ которыхъ было то, что по сію пору нѣтъ развода ея съ мужемъ, «да, вѣроятно, и не будетъ», добавляла она.

— Безъ васъ разводъ не мыслимъ... Вы должны дать показанія... Такъ сказалъ Болтасовъ...

— Болтасовъ—старый плутъ, а вы—лѣнтяй!

Онъ замолчалъ.

Явились еще другія затрудненія. Въ отелѣ, не получая уплаты по счетамъ за обѣды и проч., стали во многомъ отказывать и давать только крайне необходимое, которое, по мнѣнію мэтръ-д'отеля, изгибавшагося прежде въ дугу, было вполнѣ достаточно. Возвращаться домой также было непріятно: нужно было проходить мимо комнаты, въ

которой всегда торчалъ мэтръ-д'отель. Онъ не только не вился теперь змѣей, но дерзалъ уже протягивать руку тому, кого прежде величалъ графомъ и предъ кѣмъ пресмыкался.

Положеніе Алексѣя Павловича, дѣйствительно, было незавидное и критическое. Онъ ходилъ по Парижу въ большой тоскѣ... Всюду соблазны, на окнахъ банкирскихъ конторъ и лавочекъ груды золота, а у него въ карманѣ пусто... Не за что взять даже фіакра... Притомъ отправиться къ Camille нельзя: «онъ ей долженъ, и она, узнавъ, что у него нѣтъ денегъ, разсердится и, пожалуй, попроситъ уйти».

Истомившись безденежьемъ, однажды, не имѣя ни табаку, къ которому очень привыкъ, ни денегъ на извощика, онъ, долго прогулявъ и просидѣвъ на бульварахъ, въ грустномъ настроеніи духа, рѣшился продать завѣтное брильянтовое кольцо. Направившись въ магазинъ, гдѣ было написано: «покупка золота, серебра и брильянтовъ», онъ чувствовалъ себя, войдя въ него, въ очень неловкомъ положеніи, но дѣлать было нечего...

— Я желаю продать брильянтовое кольцо,—сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ и покраснѣвши.

— Нужно вынуть камень и свѣсить,—отвѣтилъ ювелиръ.

— Выньте!

Камень взвѣсили: оказалось три карата.

— Три карата!—повторилъ ювелиръ...

— Что стоитъ по вашей оцѣнкѣ?

— Нѣтъ, милостивый государь! вы должны объявить вашу цѣну... Вы продаете...

— Я хотѣлъ бы взять 5 т. франковъ... Мнѣ кольцо стоитъ дороже... Брильянтъ лучшей воды...

— Нѣтъ!—онъ далеко не первой воды...

— Что же вы можете дать за него?

— Не болѣе тысячи франковъ!

— Я не могу продать кольцо за эту сумму!

Ювелиръ передалъ кольцо въ мастерскую, чтобы вставили обратно брильянтъ. Прошло полчаса и даже нѣсколько болѣе. Когда кольцо было готово, ювелиръ сказалъ:

— Идемте, милостивый государь!

— Куда же?

— На вашу квартиру.

— Зачѣмъ же?

— Вы, вѣроятно, не знаете существующихъ у насъ правилъ?. Еслибы я купилъ у васъ кольцо, по закону, имѣю право уплатить деньги, только на вашей квартирѣ, а такъ какъ торгъ не состоялся то я кольцо могу вамъ возвратить только на вашей квартирѣ. У насъ

такой законъ, чтобы нельзя было сбыть краденаго... Я долженъ проводить васъ домой, и тамъ вручу вамъ вашу вещь, а иначе я рискую заплатить штрафъ.

Ювелиръ былъ правъ. По мѣстнымъ законамъ, въ случаѣ покупки вещи, или предложенія продажи очень цѣнной вещи, когда могло быть хотя малѣйшее сомнѣніе въ принадлежности вещи продающему, покупщикъ обязанъ уплачивать деньги въ случаѣ покупки вещи, или возвращать ее, если покупка не состоялась, только въ квартирѣ предлагавшаго продажу лица. Ювелиръ сомнѣвался, что владѣтель такой дорогой вещи рѣшался продать ее.

— Но, помилуйте!—Это скандалъ!—сказалъ Алексѣй Павловичъ... Это странное правило! Я требую возвратить мою вещь—продолжалъ онъ.

— Не сердитесь и не волнуйтесь, милостивый государь!—Если вы не подчинитесь закону, я долженъ буду призвать полицію, и тогда вы будете заподозрѣны въ воровствѣ, такъ какъ сопротивляетесь, чтобы я возвратилъ вамъ вещь на вашей квартирѣ...

Дѣлать было нечего: нужно было согласиться.

— Извольте идти домой! Я буду васъ сопровождать,—сказалъ опять ювелиръ.

Алексѣй Павловичъ предложилъ выдать росписку.

— Не имѣю права!

Оставалось повиноваться. Нашъ герой направился домой, причемъ просилъ указывать дорогу, если онъ не вѣрно будетъ идти по направленію въ Hôtel de Louvre. Ювелиръ шелъ за нимъ по пятамъ и, вошедши въ гостиницу, проводилъ его до помѣщенія, которое онъ занималъ, и только въ дверяхъ отдалъ ему кольцо, извиняясь, что онъ не виноватъ.

Вотъ въ какое непріятное положеніе былъ вовлеченъ Алексѣй Павловичъ!

Слѣдовательно, нечего было думать выдти изъ критическаго положенія продажей какой-нибудь вещи,—потому что можетъ повториться та же исторія. Оставалось прибѣгнуть къ ломбарду. Ломбардъ въ Парижѣ назывался «Mont de pieté», а въ шутку ломбардныя отдѣленія, устроенныя для удобства населенія въ разныхъ частяхъ города, называются: «ma tante», такъ что нерѣдко приходится слышать, напримѣръ, на вопросъ: «гдѣ твои часы»—отвѣтъ—«chez ma tante». Въ ломбардныхъ конторахъ часто происходятъ презабавныя и смѣшныя сцены, благодаря живому характеру и воображенію французовъ. Оцѣнка вещей самая строгая и выдача ссуды равняется $^1/_6$—$^1/_4$ стоимости вещи, исключая золота и серебра, подъ которыя даютъ нѣсколько больше.

Въ одну изъ такихъ конторъ зашелъ Алексѣй Павловичъ, сконфу-

женный и съ нѣкоторою робостію, которою всегда одержимъ человѣкъ, приступающій въ первый разъ къ подобному дѣлу. Онъ хотѣлъ получить ссуду подъ брильянтовое кольцо. Комми, принимавшій вещи, шутилъ и острилъ больше съ женщинами, которыхъ набралось довольно много. Одна закладывала браслетъ, другая часы, третья платье, фланелевыя юбки, четвертая полдюжины сорочекъ и бронзовый подсвѣчникъ. Всѣ стояли гуськомъ, какъ это принято въ Парижѣ повсюду.

— А!—говоритъ комми одной женщинѣ,—вамъ шляпка не нужна! Вы не поѣдете въ Булонскій лѣсъ на скачки? А, жаль! Ваша шляпка произвела бы эффектъ... 1 франкъ,—заключилъ онъ.

Другой онъ говорилъ:

— Пора носить теплыя юбки отходитъ... Вы боитесь, чтобы ихъ не испортила моль!.. Хорошо! Мы ихъ посыпемъ персидскимъ порошкомъ... 3 фланелевыя юбки, шерстяное платье и 3 пары чулокъ—15 франковъ,—заключилъ онъ.

Третьей тотъ же комми отпускалъ такія остроты.

— Объясните—что это за вещь?

— Вы видите, милостивый государь, что это корсетъ... Совершенно новый корсетъ...

— А! отвѣчалъ комми,—вы, вѣроятно, почему-нибудь пополнѣли, и онъ вамъ не сходится?..

Раздался хохотъ многихъ... Женщина, довольно молодая и красивая, покраснѣла и молча ждала своей участи.

— Корсетъ и бронзовый подсвѣчникъ—3 франка!—прокричалъ комми.

Наконецъ, послѣ часа томительнаго ожиданія, очередь дошла до Алексѣя Павловича. Онъ подалъ кольцо. Комми понесъ кольцо въ глубь комнаты и совѣтовался долго съ другимъ господиномъ. Подойдя къ рѣшеткѣ, онъ спросилъ:

— Это ваша собственная вещь?

— Да! Это моя вещь...

— 500 франковъ!—крикнулъ комми.

— Эта вещь стоитъ больше 5 т.—сказалъ Алексѣй Павловичъ.

— Больше ни одного су!—отвѣтилъ сухо комми.

Такимъ образомъ были добыты 500 франковъ. Онъ возвратился въ отель.

— Я досталъ денегъ—500 франковъ,—сказалъ Алексѣй Павловичъ баронессѣ и продолжалъ: если вамъ нужны деньги, я могу дать 200 или 250 франковъ.

— Конечно, нужны! у меня почти нѣтъ денегъ!

И онъ далъ ей 250 франковъ! Она не любопытствовала узнать—гдѣ онъ досталъ.

Въ полдень этого дня, Алексѣй Павловичъ отправился къ Camille, чтобы уплатить ей долгъ—80 франковъ. Просидѣвъ у нея около двухъ часовъ, онъ вручилъ ей долгъ, а это, сказалъ онъ, добавляя 40 франковъ, проценты. Она была, какъ всегда, очень любезна. Какъ только они достаточно наговорились, Camille предложила ему прокатиться. Они сѣли въ фіакръ и поѣхали въ Елисейскія поля, потомъ на бульвары.

— Скажи мнѣ правду: холостой ты или женатый?

— Я холостой...

— Но я видѣла тебя съ дамой: вы ѣхали по бульварамъ, именно на Итальянскомъ бульварѣ.

— Это моя кузина...

— Я знаю этихъ кузинъ!.. А гдѣ ты живешь?

— Rue St. Honoré.

— Но какой номеръ?

— Зачѣмъ же тебѣ знать?

— Ты знаешь, гдѣ живу я, и почему же мнѣ не знать—гдѣ живешь ты?

— Но зачѣмъ тебѣ?

— Ты увидишь... Скажи номеръ дома...

— № 4-й.

— Я хочу быть сегодня у тебя! И она быстро скомандовала кучеру: Rue St. Honoré, quatre!

Кучеръ повернулъ по направленію, которое ведетъ къ Rue St. Honoré.

— Я не могу тебя принять сегодня!—сказалъ изумленный Алексѣй Павловичъ, который вовсе не ожидалъ такого маневра Camille. Онъ солгалъ ей номеръ, хотя зады отеля выходили на Rue St. Honoré.

— Значитъ, ты женатъ!.. Посмотримъ: я ѣду съ тобою и узнаемъ,—женатъ ты, или холостъ!..

— Но я не одинъ!.. Со мною кузина...

— Да! Но вѣдь сестра не родная, а кузина: повторяю, что я знаю этихъ кузинъ!.. И она повторила кучеру: Rue St. Honoré, quatre!

Что оставалось дѣлать нашему герою? Онъ былъ самъ не свой и измѣнился въ лицѣ... Замѣтя это, Camille сказала:

— Ну, успокойся! я пошутила!—и она скомандовала кучеру: «Назадъ, на Итальянскій бульваръ...»

У него отлегло отъ сердца, когда фіакръ повернулъ на бульваръ...

— Но я съ тебя возьму контрибуцію!.. я укажу тебѣ прекрасный ресторанъ, и ты угостишь меня завтракомъ: я сегодня еще ничего не ѣла... Хорошо!

— Съ удовольствіемъ!

Скоро экипажъ остановился у ресторана, и они прошли въ отдѣльный кабинетъ. Проведя около полутора часа, Алексѣй Павловичъ вернулся домой со 100 франками въ карманѣ.

XXIII.

Послѣ катанья съ Camille, предъ завтракомъ, Алексѣя Павловича не оставляла, даже и въ ресторанѣ, мысль, что на будущее время нужно быть осторожнымъ съ Camille, потому что она можетъ какъ-нибудь узнать настоящую квартиру его и явиться къ нему, и тогда произойдетъ большой скандалъ съ баронессой. Онъ рѣшилъ не соглашаться выѣзжать съ нею на катанья и въ рестораны, ограничиваясь только визитами въ ея квартиру.

Прошла еще мучительная недѣля ожиданій, и отвѣта отъ матери не было.

Возвратясь однажды домой, съ прогулки по бульварамъ, очень усталый и недовольный, Алексѣй Павловичъ нашелъ у баронессы незнакомаго мужчину. Этотъ мужчина былъ виконтъ де-Сервиль. Баронесса представила ихъ другъ другу, назвавъ Алексѣя Павловича кузеномъ.

— Это мой старый знакомый! — сказала она Алексѣю Павловичу, указавъ на виконта, и продолжала:—когда я была въ Парижѣ въ прошедшій разъ, виконтъ былъ еще ребенкомъ почти... Не правда ли, виконтъ?

— Да!—отвѣчалъ виконтъ, — мнѣ тогда было лѣтъ 20, или около этого.

Алексѣй Павловичъ былъ очень недоволенъ, что баронесса, не предупредивъ его, рекомендуетъ за кузена, а виконтъ также нѣсколько нахмурился: на лицѣ его замѣтна была небольшая тучка сомнѣнія. Оба они поглядывали другъ на друга съ удивленіемъ и оба не были любезны, потому что обоихъ занимало одно и то же и перемѣшивалось съ сомнѣніемъ; а потому той любезности, которая часто наблюдается при новомъ знакомствѣ двухъ, индифферентно относящихся другъ къ другу лицъ, не было замѣтно. Разговоръ шелъ о прелестяхъ Парижа. Баронесса усиленно поддерживала его, а иначе онъ скоро прекратился бы. Виконтъ время отъ времени награждалъ кузена баронессы удивленными взглядами, и ему было странно, что кузенъ баронессы, хотя первый разъ въ Парижѣ, говоритъ по-французски, какъ природный французъ.

— Вы не шутите, баронесса,—спросилъ виконтъ,—что это — вашъ кузенъ?

— Могла ли бы я шутить этимъ, виконтъ:—это мой кузенъ!

— Что вы, баронесса, говорите по-французски, какъ природная француженка, это—я понимаю... вы долго жили въ Парижѣ, а кузенъ вашъ въ первый разъ здѣсь и говоритъ такъ же, какъ природный французъ. Это меня удивляетъ... c'est drôle!—закончилъ виконтъ.

— У насъ, виконтъ, всѣ образованные люди и аристократы начинаютъ ученіе съ французскаго языка,—отвѣчала баронесса.

Разговоръ не клеился.

Наконецъ визитъ виконта кончился. Онъ простился съ баронессой очень любезно, поцѣловавъ ея руку, а Алексѣя Павловича просилъ быть знакомымъ. Когда онъ ушелъ, Алексѣй Павловичъ осыпалъ баронессу упреками:

— Что это вы сдѣлали изъ меня кузена? Мнѣ такъ неловко!

— Если вы желаете быть представленнымъ, какъ мой мужъ, вамъ давно слѣдовало бы позаботиться о разводѣ!..

Онъ замолчалъ.

— Я думаю, — сказала баронесса, — что намъ не слѣдуетъ оставаться въ этомъ отелѣ. Я сегодня видѣла прекрасную меблированную квартиру за 400 франковъ въ мѣсяцъ, а здѣсь — какая дороговизна! Вы не разсчитали хорошо!..

— Намъ слѣдуетъ уѣхать домой сейчасъ, какъ получимъ деньги.

— Повторяю вамъ, что я не ѣду! Я не двинусь до развода!.. И я хочу здѣсь начать серьезное воспитаніе Вѣры и Софьи. Наконецъ я не намѣрена жить въ домѣ вашей матери.

— Но вы можете жить на отдѣльной квартирѣ.

— Нѣтъ!.. до развода я не выѣду изъ Парижа!.. А вамъ, какъ угодно!

— Я долженъ ѣхать домой: мать больна!

— А сколько вы будете посылать мнѣ на прожитіе здѣсь? Или вы завезли меня сюда и хотите бросить,—утирая слезы, сказала баронесса.

— Не говорите глупостей!—отвѣчалъ онъ.

— Какой, однако, вы принимаете тонъ?

Онъ молчалъ, но былъ взволнованъ не отказомъ баронессы, а тѣмъ, что видѣлъ теперь ясно—что за-женщина баронесса. Въ ослѣпленіи онъ думалъ, что она хотя сколько-нибудь его любитъ, но ему было ясно, что онъ для нея вовсе не нуженъ, и что о любви ея къ нему не можетъ быть даже и помину! Онъ только теперь убѣдился, что баронесса ему не нужна, точно такъ же, какъ и онъ самъ ей не нуженъ, а нужны его деньги.

— Я буду вамъ посылать столько, сколько вы находите нужнымъ.

— Я вѣрно должна знать,—сколько я буду имѣть,—чтобы сообразно этому устроить мою жизнь... Это тѣмъ болѣе важно для меня, что я

опять въ такомъ положеніи, что надѣюсь быть матерью. Этимъ я обязана опять вамъ!

Храбрость Алексѣя Павловича была окончательно подкошена этимъ признаніемъ баронессы. Ему уже рисовались всѣ страхи и ужасы новыхъ хлопотъ о воспитаніи дитяти, о его крестинахъ и о томъ, что скажетъ на все это мать, которая убѣждена, что баронесса уѣхала отъ него навсегда. Однако онъ сказалъ:

— Я все сдѣлаю! Назначьте сами — сколько вамъ нужно... Буду высылать деньги за два мѣсяца впередъ.

— Дайте мнѣ двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ,—сказала она, бросивъ на него пытливый взглядъ.

— Я согласенъ!— нисколько не затрудняясь, сказалъ онъ.

Вслѣдъ за тѣмъ баронесса поѣхала кататься.

Нѣсколько дней спустя Чог—ковъ получилъ отъ матери переводный вексель на 15 тысячъ франковъ.

Виконтъ де-Сервиль познакомился съ баронессой еще въ то время, когда она посѣтила Парижъ вмѣстѣ съ мужемъ. Баронъ велъ въ Парижѣ самую безобразную жизнь: его никогда не было дома, баронесса скучала почти всегда одна. Въ это время она свела знакомство съ одною дамою—вдовою виконта де-Сервиль, и ея сыномъ.

Молодому Артуру было не болѣе 20 лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, стройный блондинъ съ прекрасными голубыми глазами, едва пробивавшимися усиками и самой крошечной эспаньолкой. Онъ не былъ большимъ красавцемъ, но весьма миловиденъ и симпатиченъ. Мать представила сына баронессѣ, которая, увлекшись разговоромъ, не спѣшила домой. Постепенно они видѣлись все чаще и чаще. Виконтъ, бесѣдуя съ баронессой, мало по малу увлекался ею, напѣвая ей, что въ Парижѣ трудно найти такую женщину, какъ она, пріѣхавшая въ Парижъ съ дальняго сѣвера, что онъ никакъ не думалъ, чтобы въ Россіи могли быть такія женщины, что типъ ея вовсе не сѣверный, а южный, что, взглянувъ на нее, онъ, съ перваго раза, подумалъ, что она не русская, что колебался опредѣлить ея національность, потому что въ ней замѣтно счастливое сочетаніе всѣхъ типовъ красоты, и проч. Она, въ отношеніи къ молодому виконту, также почувствовала что-то особенное, и это не удивительно: баронесса, выйдя за барона въ молодыхъ лѣтахъ, когда ей исполнилось 16 лѣтъ, не могла его любить, а потребность любить присуща человѣку, такъ какъ иначе остается какая-то пустота въ сердцѣ, какая-то незаконченность въ жизни. Женщины, подобныя баронессѣ, часто крѣпятся, завидуютъ другимъ, которыя не только любимы, но и любятъ, и, изнемогая въ борьбѣ, часто находятъ облегченіе въ томъ, что начинаютъ страстно любить и успокоиваютъ истомленное, на-

болѣвшее сердце, которому давно недоставало любви... Особенно часто такіе запоздавшіе порывы любви проявляются у особъ, которыя несчастны въ бракѣ, а баронесса именно была въ высшей степени обездолена бракомъ: не доставало главной пружины счастія въ бракѣ—любви. Деньги барона могли на первое время усыплять въ сердцѣ баронессы потребность любить, а этимъ объясняется то, что она принялась тратить ихъ съ большимъ жаромъ, но все это не удовлетворяло насущной потребности ея сердца—слиться съ сердцемъ другаго любимаго существа—и залѣчить ту рану, которая была нанесена этому сердцу несчастнымъ бракомъ.

Встрѣчи баронессы съ виконтомъ стали случаться чаще и чаще, а по мѣрѣ учащенія ихъ возростало взаимное увлеченіе виконта и баронессы. Виконтъ былъ молодъ, она также молода; въ сердцахъ того и другаго ощущалась не только потребность любить, но и предаться этой любви съ жаромъ, свойственнымъ молодымъ людямъ. Частыя свиданія сближали виконта и баронессу... Скоро начались, подъ видомъ проводовъ виконтомъ баронессы домой, длинныя прогулки, и молодые люди полюбили другъ друга страстно.

Когда наступило время отъѣзда баронессы изъ Парижа, виконтъ былъ въ отчаяніи. Прощаніе виконта съ баронессой было, повидимому, безнадежное: онъ думалъ, что баронесса уже никогда не вернется въ Парижъ, несмотря на ея увѣренія въ противномъ. По отъѣздѣ баронессы, виконтъ долго горевалъ, тосковалъ и, вспоминая баронессу, вздыхалъ. Свиданія съ баронессой замѣнились страстными и полными любви и отчаянія письмами съ той и другой стороны. Въ письмахъ этихъ виконтъ угрожалъ, что если баронесса не пріѣдетъ опять въ Парижъ, то онъ посягнетъ на свою жизнь. Баронесса отвѣчала ему, что употребитъ всѣ усилія опять быть въ Парижѣ, что любитъ его страстно и надѣется, что онъ будетъ нѣсколько терпѣливъ и не столько жестокъ, чтобы, посягнувъ на свою жизнь, лишилъ ее счастія любить его, и тѣмъ ввергнулъ бы ее въ совершенное отчаяніе. Изъ этого видно, какъ радостно и полно счастія было свиданіе баронессы съ виконтомъ, когда она пріѣхала въ Парижъ съ Алексѣемъ Павловичемъ. Одно смущало немного виконта: это то, что у нея теперь есть кузенъ...

Итакъ ясно, что баронесса, сошедшись съ Алексѣемъ Павловичемъ въ Петербургѣ, не могла его любить, потому что образъ виконта и любовь къ нему не изгладились въ душѣ и въ сердцѣ ея. Слѣдовательно, притворная любовь баронессы къ Алексѣю Павловичу была построена только на томъ, что баронесса надѣялась попасть посредствомъ этой любви въ Парижъ и пользоваться его средствами, которыя были необходимы, потому-что виконтъ, при всей его любви къ баронессѣ, обла-

далъ только ограниченными средствами и не могъ удовлетворять прихотей и нескончаемыхъ нуждъ ея.

Свиданія баронессы съ виконтомъ, въ этотъ послѣдній пріѣздъ ея въ Парижъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Павловичемъ, начались очень скоро и происходили всего чаще въ Булонскомъ лѣсу, куда баронесса часто ѣздила для прогулокъ, и встрѣчалась съ виконтомъ.

Однажды, отправившись въ Булонскій лѣсъ, баронесса встрѣтила петербургскаго знакомаго Глѣбова. Онъ остановилъ свой экипажъ и далъ баронессѣ знакъ остановиться. Подошедши къ ней, онъ изъявилъ свой восторгъ, что видитъ баронессу въ Парижѣ. Узнавъ, что Алексѣй Павловичъ также въ Парижѣ, Глѣбовъ изъявилъ желаніе повидаться съ нимъ и спросилъ объ адресѣ.

— Да развѣ вы не знаете его адреса? Развѣ вы его не встрѣчали?

— Нѣтъ! я только отъ васъ слышу, что онъ въ Парижѣ.

Баронесса замолчала и сообщила адресъ.

— А почему же я могъ бы знать его адресъ? — спросилъ опять Глѣбовъ.

— Я слышала, что вы уже встрѣчались...

— Вижу, баронесса, что онъ вамъ это сказалъ. Но не забывайте, баронесса, что мы въ Парижѣ,—набрасывая тѣнь на Алексѣя Павловича, замѣтилъ Глѣбовъ, который самъ увлекался баронессой и завидовалъ Алексѣю Павловичу.

Баронесса совершенно хладнокровно относилась къ похожденіямъ Алексѣя Павловича въ Парижѣ и сама дала имъ толчекъ, потому что, будучи занята виконтомъ, она не находила удовольствія не только въ любезностяхъ Алексѣя Павловича, но даже и въ разговорѣ съ нимъ, ограничиваясь всегда только самыми необходимыми фразами.

Получивъ 15 тысячъ франковъ изъ банкирской конторы Ротшильда, Алексѣй Павловичъ въ веселомъ настроеніи отправился гулять по бульварамъ. Онъ былъ теперь самъ не свой. У него теперь много денегъ, слѣдовательно, явилась возможность сдѣлать все, что пожелаетъ для удовлетворенія своей чувственности, и онъ быстро перенесъ свои мысли на Camille. «А что, подумалъ онъ, не отправиться ли мнѣ къ Camille». И онъ сѣлъ въ фіакръ, съ твердымъ намѣреніемъ не соглашаться на катанье и не идти въ ресторанъ, если бы она предложила ему то или другое.

Менѣе, чѣмъ черезъ 10 минутъ, фіакръ остановился въ rue du Perret, предъ домомъ, гдѣ жила Camille.

Она была дома. Упрекнувъ его, что онъ давно не былъ, Camille сначала была не совсѣмъ ласкова съ нимъ.

— Я уѣзжалъ изъ Парижа въ Лондонъ и потому не могъ быть,— солгалъ онъ.

— Ахъ, Боже мой! Я такъ давно собиралась побывать въ Лондонѣ, и ты мнѣ ничего не сказалъ. Я бы охотно поѣхала съ тобою... Но я понимаю: ты не могъ меня взять, потому что ѣздилъ туда съ женою. Я знаю, что ты женатъ!

— Клянусь, что я холостъ!

— А почему же ты не хотѣлъ, чтобы я поѣхала съ тобою? Я была на rue St. Honoré, quatre... Ты обманулъ меня!.. Тамъ насмѣялись надо мною!

— Я не живу тамъ...

— Зачѣмъ же ты обманулъ меня?

И она заплакала, чего никакъ не ожидалъ Алексѣй Павловичъ.

— Не плачь!—сказалъ онъ и продолжалъ:—я принесъ тебѣ обѣщанное: пять луидоровъ, совсѣмъ новенькихъ!

Онъ взялъ ея руку и началъ цѣловать, прося прощенія.

— Я скоро уѣзжаю!—опять сказалъ онъ.

— А куда ты ѣдешь?

— Въ Россію, въ Петербургъ.

— Такъ далеко!—сказала Camille слезливымъ тономъ и заплакала...

— Развѣ тебѣ жаль меня?

— Конечно!.. Я привыкла!.. Я полюбила тебя! Неужели ты думаешь, что я тебя люблю за новенькіе луидоры!.. Возьми ихъ!.. Они мнѣ ненужны!

— Милая Camille! и я тебя люблю!

— Зачѣмъ же ты ѣдешь, если любишь меня?

— Поѣдемъ со мною, дорогая Camille?

Ты шутишь!—сказала она.

— Нѣтъ, не шучу! А ты согласна?

— Я не вѣрю!—сказала Camille дрожащимъ голосомъ.

— Скажи одно: согласна или нѣтъ?

— Согласна!

— Вотъ какъ это нужно устроить...

Она слушала съ напряженнымъ вниманіемъ:

— Я ѣду дней черезъ пять. Я здѣсь съ кузиной. Она остается въ Парижѣ... Ты поѣдешь впередъ до Кельна, остановишься тамъ въ Hôtel de Berlin и будешь ожидать меня... Я пріѣду въ Кельнъ, а дальше, до Петербурга, поѣдемъ вмѣстѣ.

— А если ты меня обманешь, и я даромъ съѣзжу въ Кельнъ?

— Клянусь тебѣ!.. Ты выѣдешь черезъ три дня, а я вслѣдъ за тобою...

— Прекрасно! Допустимъ, что ты пріѣдешь въ Кельнъ, и мы поѣдемъ въ Петербургъ. Что же я буду дѣлать въ Петербургѣ?

— У тебя будетъ одна обязанность — любить меня и быть мнѣ вѣрною!.. Я устрою тебя пока на отдѣльной квартирѣ и стану ежедневно посѣщать, а потомъ, когда будетъ возможно, я женюсь на тебѣ!..

— А когда же это будетъ возможно?

— У меня есть мать. Если я ее уговорю согласиться на нашъ бракъ, то скоро. А то придется немного обождать.

— Ну, а если она не согласится? Если она проживетъ еще 20, даже 25 лѣтъ? Я и должна ожидать? Иные живутъ, вѣдь, до 100 лѣтъ!

— Я повторяю тебѣ, что я надѣюсь и при жизни матери жениться на тебѣ...

— Когда же я могу ѣхать?

— Черезъ три дня тебѣ нужно выѣхать непремѣнно.

— Незнаю, успѣю ли я продать мою мебель и другія вещи, и отказаться въ циркѣ. А въ циркѣ контрактъ: 400 франковъ неустойки!..

— Мы это заплатимъ!

— Но пока ты надумаешься жениться на мнѣ, чѣмъ же я буду существовать? Если желаешь, чтобы я была вѣрна тебѣ, нужны средства...

— Ахъ, моя дорогая! Я дамъ тебѣ все: я богачъ, милліонеръ, у меня хватитъ!.. У меня большія имѣнія!

— Ну, а если эти имѣнія вдругъ окажутся châteaux en Espagne?

— Ты меня обижаешь!..

— Ну, извини меня! Я вѣрю!

И онъ принялся ее цѣловать и благодарить за согласіе ѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Camille, довольная этимъ, употребила всѣ усилія, чтобы быть съ нимъ любезною и отблагодарить его за то, что онъ беретъ ее вмѣстѣ съ собою въ Петербургъ. Любезность Camille, которая теперь проявлялась сильнѣе, нежели во всѣ предыдущіе разы, еще болѣе утвердила Алексѣя Павловича въ его намѣреніи.

— Я буду у тебя завтра—сказалъ онъ при прощаніи... Ты откажись въ циркѣ и будь готова ѣхать черезъ три дня.

Онъ обѣщалъ устроить все.

Возвратившись домой, къ удивленію, онъ не нашелъ дома баронессы. Уѣхавъ въ Елисейскія поля около трехъ часовъ дня, она до сихъ поръ не возвращалась. Такихъ долговременныхъ отлучекъ баронессы еще не было, и онъ немало удивлялся. Только въ половинѣ перваго часа, ночью, она явилась домой.

— Вы давно дома?—спросила она.

— Около двухъ часовъ... Гдѣ же вы были такъ долго?

— Я сначала каталась, а потомъ заѣхала къ знакомымъ.

— У кого же вы были?

— Это васъ интересуетъ?

— Да!

— Я была у Титовыхъ... это мои петербургскіе знакомые. Я встрѣтила тамъ Глѣбова... Какъ вы лжете! Вы его вовсе не видѣли! И когда я спросила его объ этомъ, онъ, улыбаясь, сказалъ: «не забывайте, баронесса, вѣдь мы въ Парижѣ!» Какой аффронтъ!

— Ну что же тутъ такого?—сказалъ сконфуженный Алексѣй Павловичъ. Я тогда просто гулялъ на бульварахъ и зашелъ въ ресторанъ... А вамъ я сказалъ для избѣжанія постоянныхъ исповѣдей.

— Вы въ Парижѣ стали лгать!.. Впрочемъ, вы всегда лгали!

Онъ замолчалъ.

Такъ оба они обманывали другъ друга. Вѣрилъ онъ ей, что она была у Титовыхъ, это—его секретъ; но ему теперь уже было все равно, гдѣ бы она ни была, точно такъ же, какъ и она давно относилась индифферентно къ нему.

Алексѣй Павловичъ уплатилъ все по счетамъ въ отелѣ и объявилъ, что уѣзжаетъ. Баронесса наняла квартиру въ Латинскомъ кварталѣ, въ Rue de l'ancienne Comédie. Для Алексѣя Павловича въ этой квартирѣ, состоявшей изъ четырехъ комнатъ, не было мѣста, и онъ остался на два дня въ Луврскомъ отелѣ; но взялъ небольшой номеръ, за который платилъ только 15 франковъ въ день. Въ теченіе двухъ послѣднихъ дней пребыванія въ Парижѣ, онъ посѣщалъ Camille ежедневно, оставался до поздней ночи, не опасаясь, что баронесса будетъ его допытывать, гдѣ онъ былъ. Camille отказалась отъ своего мѣста въ циркѣ и продавала вещи. Изъ полученныхъ денегъ, 15 тысячъ франковъ, за уплатою баронессѣ и другихъ расходовъ, у Алексѣя Павловича осталось всего 4 тысячи франковъ, на дорогу въ Россію, вмѣстѣ съ Camille. Camille была внѣ себя отъ радости и отъ счастія, что попадаетъ на содержаніе къ такому богатому человѣку. Она быстро собралась въ дорогу и выѣхала въ Кельнъ, гдѣ должна была ожидать Алексѣя Павловича въ Hôtel de Berlin. По отъѣздѣ Camille, Алексѣй Павловичъ остался въ Парижѣ только на полутора сутокъ.

Наконецъ, наступилъ день прощанія съ баронессой, чтобы отъ нея уже выѣхать. Прощаясь съ нимъ, баронесса сказала:

— Прошу васъ высылать мнѣ деньги черезъ банкирскую контору Ротшильда. Я въ Парижѣ не могу быть безъ денегъ.

— Я знаю, я понимаю!

— Увѣдомьте меня, что дѣлаетъ баронъ... Сдѣлайте что-нибудь относительно развода, если любите еще меня и думаете жениться на мнѣ...

— Безъ васъ едва-ли возможно вести разводный процессъ.

— Развѣ не могутъ прислать мнѣ сюда запросные пункты?

— Едва-ли это возможно...

— Во всякомъ случаѣ, я не желаю подвергать себя новымъ униженіямъ со стороны барона и вашей матери, а потому могу возвратиться въ Петербургъ только при условіяхъ — не видѣть больше вашей матери и когда буду увѣрена, что разводъ съ барономъ возможенъ. Наконецъ, вы знаете, что я опять въ такомъ положеніи... Вы должны позаботиться о дитяти, которое родится... Если бы это случилось прежде возвращенія моего, я принуждена буду отправить дитя къ вамъ. Согласны ли вы на это?

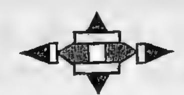
— Согласенъ! — отвѣчалъ онъ, какъ будто школьникъ, приговоренный къ наказанію, и какъ будто бы для него не было другаго исхода.

— Навѣстите Алешу у Неймаркъ и уплатите, что слѣдуетъ...

— Все это я исполню...

Затѣмъ, наступило прощаніе ихъ, которое было вовсе не тяжело съ той и другой стороны. Она утѣшала себя виконтомъ,—онъ предстоящей встрѣчей съ Camille, которая отнынѣ замѣнила ему баронессу. Хотя онъ несъ еще терпѣливо иго баронессы, но уже готовъ былъ сбросить его при первой возможности. Вечеромъ того же дня, въ сопровожденіи камердинера своего Пармена, онъ выѣхалъ изъ Парижа въ Кельнъ, гдѣ ждала его Camille.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прибывъ въ Кёльнъ, Алексѣй Павловичъ немедленно отправился въ условленное мѣсто встрѣчи—въ Hôtel de Berlin, гдѣ и нашелъ Camille, ожидавшую его пріѣзда уже второй день и все еще опасавшуюся обмана съ его стороны. Переговоры о томъ, какъ они должны поступить въ Петербургѣ, были закончены рѣшеніемъ, что Camille на первое время остановится въ отелѣ, а потомъ для нея будетъ нанята отдѣльная квартира. Отдохнувъ одинъ день въ Кёльнѣ, Алексѣй Павловичъ, съ Camille и съ камердинеромъ Пармёномъ, выѣхалъ въ Петербургъ.

По прибытіи въ Петербургъ, путешественники остановились въ отелѣ. Камердинеру строго приказано было молчать и объявлено, что если онъ хотя заикнется о томъ, что баринъ вернулся изъ Парижа не одинъ и въ Парижѣ жилъ съ баронессой, то не только будетъ сосланъ въ деревню, но подвергнется еще и строгому наказанію. Устроивъ Camille въ отелѣ, Алексѣй Павловичъ, въ сопровожденіи камердинера, отправился на свою петербургскую квартиру.

Матери его не оказалось дома; она жила еще въ имѣніи своемъ, въ двадцати верстахъ отъ Петербурга. Сынъ послалъ къ ней письмо съ нарочнымъ.

Въ этомъ письмѣ, увѣдомляя о своемъ возвращеніи, онъ сообщалъ что на другой день выѣзжаетъ въ имѣніе. Нужно было объявить объ этомъ и Camille.

— Что же я буду здѣсь дѣлать одна?—сказала она, утирая слезы.

— Но я пробуду тамъ дня два и возвращусь къ тебѣ...

— Смотри! Не фокусы ли это какіе-нибудь?

— Какіе же могутъ быть фокусы? Ты меня обижаешь..

— Почему же ты не хочешь познакомить меня съ твоею матерью?

— Пойми, мой ангелъ, что это—пока невозможно!.. Мать моя женщина старая... Она, вообще, не любитъ женщинъ... Можетъ сдѣлать тебѣ непріятность... Повремени немного... Нужно ее предупредить... Я незамѣтно, понемногу, приготовлю ее.

Camille неохотно согласилась на все.

На письмо, съ тѣмъ же нарочнымъ, былъ полученъ отвѣтъ матери: она требовала, чтобы сынъ, не медля ни минуты, ѣхалъ въ имѣніе, и даже упрекала его, что онъ ее не любитъ, если находитъ возможнымъ,

по возвращеніи изъ-за границы, медлить и посылать ей письмо, безъ котораго можно было обойтись.

Побывавъ еще разъ у Camille и успокоивъ ее, Алексѣй Павловичъ выѣхалъ въ имѣніе. Свиданіе съ матерью не было столь радостное, какъ этого можно было ожидать послѣ трехмѣсячной разлуки. Она встрѣтила сына съ затаеннымъ гнѣвомъ.

— Ты вернулся изъ Парижа на десять лѣтъ старше! Что ты тамъ дѣлалъ? Ты страшно обрюзгъ и постарѣлъ!—сказала мать, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Я усталъ, я измученъ отъ дороги!.. Поэтому я и отдыхалъ въ Петербургѣ... Мнѣ нездоровится!..

Послѣ нѣсколькихъ короткихъ разспросовъ, мать перешла къ тому, что было у нея на сердцѣ и волновало ее всего больше.

— Слава Богу,—сказала она,—что я не вижу больше твоей баронессы... Пожалуйста, не вздумай опять сойтись съ нею! Куда ты такъ много тратилъ денегъ? Ты—просто бездонная бочка!

— Дороговизна страшная! Деньги, maman, такъ легко расходятся! Лишняго я не позволялъ себѣ...

— Но, подумай самъ, сколько ты истратилъ денегъ!

— Повторяю, maman, я не бросалъ ихъ даромъ...

— А долги, которые ты здѣсь оставилъ?

— Какіе же долги? Кому?

— А евреямъ? Я принуждена была уплатить имъ твои долги...

Сынъ покраснѣлъ до ушей.

— Но, maman, вѣдь они брали громадные проценты!

— Это—безобразіе! Это—срамъ! Цѣлый кагалъ ихъ былъ тутъ!

— Нужны были деньги, и я занималъ ихъ...

— А еще ты хотѣлъ управлять имѣніями! Хороши были бы имѣнія!

Онъ молчалъ. Потомъ поцѣловалъ руку матери, просилъ прощенія и сказалъ:

— Нѣтъ, maman! Управляйте имѣніями сами... Это будетъ надежнѣе!

— Я не злопамятна!.. Но избавь меня отъ евреевъ! Все это—твоя баронесса!

— Но, maman!

— Пожалуйста, безъ заступничества! Вѣроятно, ты занималъ такіе громадные куши для развода?.. Или прямо скажи—для чего?

— Такъ!.. Деньги были нужны...

— А что это значитъ: ты—сынъ благородныхъ и извѣстныхъ родителей—и связался съ крѣпостной дѣвкой?.. Я узнала это послѣ твоего отъѣзда...

— Это новость для меня! Кто наговорилъ вамъ все это?

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Я не вѣрила своимъ ушамъ! Стыдъ и срамъ какой!

— Но, maman, вы не позволили мнѣ жениться на Ольгѣ Николаевнѣ... Я ее любилъ!.. Я не могу жить монахомъ! Жениться нельзя! Остается идти въ монастырь!..

— Но срамъ и стыдъ какой! Вѣдь она наша крѣпостная!.. Могла ли я думать, что мой сынъ такъ унизитъ себя?!

— Но лучше эта связь, чѣмъ связь съ какою-нибудь развратною женщиной!

— О, Боже мой! До какихъ ужасныхъ вещей ты заставляешь меня договариваться! Какое униженіе и оскорбленіе я должна переносить! Думала ли я, что сынъ мой покроетъ себя такимъ позоромъ?!

— Никакого позора нѣтъ! Этого никто не знаетъ!

— Въ томъ-то и дѣло, что всѣ знаютъ! Откуда же я могла узнать все это? Я не вѣрила!.. Я думала—лгутъ! Но, къ несчастью, вижу, что это правда! Ты самъ сознаешься!..

Онъ теперь только спохватился, что мать, вѣрно, не знала о связи его съ Дуняшей, но только хотѣла выпытать—правда ли это? Молча, онъ покручивалъ усы и не зналъ, что отвѣчать.

— Жить такъ дольше нельзя!—сказала опять мать.—Посмотри на себя: на что ты похожъ! Я скорблю! Ты, вѣроятно, дурно проводилъ время тамъ, за границей?

— Ничего дурнаго, maman, не было...

— Да и хорошаго мало! Истратилъ гору денегъ, а польза какая? Я думала, что ты забудешь тамъ баронессу, и поэтому согласилась на твою поѣздку, не предвидя, что ты оставишь тамъ столько денегъ въ три мѣсяца! Мы не можемъ тратить такихъ денегъ! Нужно остепениться! Это сверхъ силъ! А обѣщаніе вступить въ службу?

— На дняхъ, maman, я подамъ прошеніе...

— Посмотримъ!

— Если поступать на службу, нужно поѣхать въ городъ, собрать бумаги, привести въ порядокъ и подать просьбу,—сказалъ сынъ, котораго тянуло въ Петербургъ, къ Camille, и онъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Не сейчасъ же! Отдохни немного... Посиди со мною!

Онъ замолчалъ.

Такимъ образомъ, при свиданіи съ матерью, ничего особеннаго не случилось. Выговоры матери, ея замѣчанія, предупрежденія и наставленія, правда, были скучны, но сынъ мало обращалъ на нихъ вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, наставленія матери были напрасны, запоздалы и ни къ чему не вели, потому что натура Алексѣя Павловича была въ высшей степени испорчена. Слушая мать и отдѣлываясь пустыми фразами

отъ ея замѣчаній и нравоученій, онъ мысленно уносился въ Петербургъ, соображая о томъ, что дѣлаетъ теперь Camille, да сожалѣя о томъ, что теперь, въ случаѣ нужды, ему трудно будетъ занять денегъ у евреевъ, такъ какъ кредитъ его значительно поколебленъ.

Въ этотъ день пришлось ему выдержать еще осаду двухъ личностей: это—камердинера, который, узнавъ, что жена его отправлена въ деревню, обратился къ нему съ просьбой о защитѣ, и жены дворецкаго, Матрены Николаевны.

Камердинеръ всталъ предъ нимъ на колѣни и началъ умолять:

— Не погубите! Жена моя сослана въ деревню... Сами не знаемъ—за что... Она, сказываютъ, гибнетъ тамъ! Заступитесь передъ старой барыней, или и меня сошлите въ деревню...

Алексѣй Павловичъ очень любилъ камердинера, который зналъ многія тайны его. Онъ обѣщалъ ему, что вступится, что жена будетъ возвращена... Это успокоило камердинера.

Матрена Николаевна также явилась съ просьбой, чтобы вступиться за Дуняшу, которая-де терпитъ не по своимъ грѣхамъ... Она сообщила, что Дуняшу допрашивали дважды и высѣкли, но что она не показала на молодаго барина; что старая барыня очень сердилась, что и самоё Матрену Николаевну допрашивала барыня, но, несмотря на угрозы—сослать въ деревню, все-таки она не выдала барынѣ тайны, что барыня пристращала ее, и если теперь узнаетъ, то можетъ быть очень дурно и т. п.

— Какъ же все это могло дойти до матери?—спросилъ онъ.

— Доносъ сдѣлала Марья, жена камердинера, и за этотъ доносъ сослана, и если возвратятъ теперь ее, то никому житья не будетъ.

— Неужели Марья осмѣлилась насплетничать матери?

— Она, видитъ Богъ, она! Это—безстыжая баба!.. На молодаго барина донесла!..

— Ну, хорошо! Я постараюсь вернуть Дуняшу...

— А дочку-то Дуняши барыня приказала сдать въ воспитательный домъ... Что же теперь будетъ?

— Дайте срокъ, Матрена Николаевна, возьмемъ ее оттуда... А, вотъ, я вамъ привезъ подарочекъ изъ-за границы... Это французскія деньги... Вотъ вамъ пять золотыхъ...

Матрена Николаевна еще разъ упала на колѣни и молила слезно защитить ее. Когда она ушла, Алексѣй Павловичъ позвалъ камердинера.

— Какъ это твоя жена осмѣлилась доносить на меня матери?

— Не можетъ этого быть! Это все—козни Матрены...

— Однако, Марью сослала мать въ деревню? Какая же могла быть причина?.. Ты виноватъ! Ты разсказалъ женѣ, а она пошла болтать... Развѣ можно разсказывать женѣ такія вещи? Я тебѣ запретилъ болтать!..

— Видитъ Богъ – ничего не разсказывалъ! Авдотья сама хвалилась предъ всѣми... Мы съ женою—невиновны!

— Никто васъ не разберетъ!

Камердинеръ упалъ на колѣни и молилъ защитить жену, увѣряя въ невиновности ея...

— Ну, встань! Посмотрю! Увижу!—сказалъ Алексѣй Павловичъ только для того, чтобы отдѣлаться, а въ сущности не думалъ ни о какой защитѣ.

Онъ не смѣлъ предъ матерью затрогивать этого вопроса, а камердинеру и Матренѣ Николаевнѣ сказалъ, что говорилъ съ матерью и все улажено.

Въ теченіе двухъ дней, протекшихъ со времени пріѣзда Алексѣя Павловича въ имѣніе, онъ сильно скучалъ и рвался въ Петербургъ, заботясь о томъ, что дѣлаетъ Camille въ отелѣ.

Было 8-е сентября.

Мать сказала ему:

— Переѣдемъ въ городъ къ 15 сентября: тогда и подашь прошеніе о вступленіи въ службу.

— Я такъ долго не могу оставаться здѣсь...

— Какія же дѣла у тебя въ Петербургѣ?

— Да надо же подать опять въ службу...

— 15-го сентября переѣдемъ, а 16-го подашь... Я тебя не видѣла слишкомъ три мѣсяца... И ты опять хочешь меня оставить!

— Но я поѣду на день, или на два: нужно же подать прошеніе... Я соскучился безъ службы...

— Подожди: до 16-го сентября осталась недѣля только...

— Право, maman, нельзя ждать...

— Можетъ быть, баронесса вернулась отъ матери?.. Скажи мнѣ всю правду...

— Нѣтъ! Она не вернется... Прощаніе было самое холодное... Она не хочетъ жить у насъ въ домѣ... Я промолчалъ на всѣ ея заявленія... Она не вернется... Да я ее и забылъ уже...

— Вотъ, за все это спасибо! И что она тебѣ? Очень нужно! Ахъ, какая непростительная ошибка, что я согласилась пустить ее въ нашъ домъ! А что отъ поѣздки остались у тебя деньги?

— Рублей 200—только!

— Изъ 15 тысячъ франковъ—только 200 рублей!

— Ахъ, maman! Я уплатилъ въ гостиницѣ, дорога, другіе расходы... Все такъ дорого!

— Стало быть, теперь тебѣ не нужны деньги?

— Нѣтъ!—пока я обойдусь!

Но онъ лгалъ, потому что у него не осталось и 200 рублей, да притомъ деньги ему были нужны для устройства Camille.

На другой день утромъ, часовъ въ одиннадцать, Надежда Андреевна приказала позвать сына къ утреннему чаю.

— Они изволили уѣхать сегодня утромъ на охоту,—отвѣчалъ камердинеръ.

Надежда Андреевна была изумлена и закричала на камердинера:

— Какъ ты смѣлъ не доложить мнѣ объ этомъ?

— Виноватъ! Приказанія не было!

— А куда онъ уѣхалъ?

— Говорили, что ѣдутъ въ Токсово...

— А когда обѣщалъ быть назадъ?

— Не могу знать!

— Вонъ съ глазъ моихъ!—сказала Надежда Андреевна въ сильномъ гнѣвѣ и не стала пить чай одна...

Спустя короткое время, камердинеръ былъ позванъ къ барынѣ.

Онъ, вошедши, упалъ предъ нею на колѣни, задѣвъ стулъ, на которомъ она сидѣла, такъ что стулъ даже пошатнулся.

— Что ты? Что ты? Съ ума сошелъ—что ли? Чуть не уронилъ меня... Чего ты хочешь?

— Я не виненъ, ваше превосходительство! Простите Марью! я вѣрой и правдой служу вамъ и молодому барину... И, вотъ, за границей берегъ ихъ пуще глаза своего. Простите, барыня! Простите, матушка, ваше превосходительство. Повелите возвратить Марью!

— Встань! Если ты берегъ за границей молодаго барина пуще глаза твоего, то ты все знаешь и скажи мнѣ сущую правду:—какъ молодой баринъ жилъ за границей? Говори всю правду, если желаешь, чтобы я простила Марью! Говори всю правду!

— Жили хорошо... Стояли въ Луврской гостиницѣ... Тамъ все опрятно, чисто и деликатно... Ваше превосходительство!

— Не о томъ я спрашиваю, а о томъ—какъ жили тамъ молодой баринъ и кто у нихъ бывалъ?

— Окромя мужчинъ никого не бывало, и то рѣдко...

— А въ театры часто ходилъ?

— Не могу знать!

— А женщинъ у нихъ не бывало?

— Ни души! Не видѣлъ, ваше превосходительство!

— Какъ?—Такъ-таки и не бывало ни одной женщины?

— Ни одной, ваше превосходительство!

— Ну, а всегда ли онъ ночевалъ дома?

— Завсегда, ваше превосходительство!

— Ты лжешь: этого быть не могло! И ты смѣешь еще просить помилованія твоей женѣ!—сказала, повышая голосъ, Надежда Андреевна.

— Ей, ей, ваше превосходительство! Я не лгу! Предъ вами, какъ предъ священникомъ на духу!..

— Ну, что же ты слышалъ о молодомъ баринѣ здѣсь, до отъѣзда за границу?

— Ничего не слышалъ, ваше превосходительство!

— Какъ же твоя жена тутъ несла всякую галиматью?

— Извѣстно... баба!.. ваше превосходительство! Всякая дурь въ голову лѣзетъ...

— А что ты слышалъ о дѣвкѣ Авдотьѣ?

— Слышалъ, что не чисто...

— А не знаешь, съ кѣмъ она водилась?

— Да, почесть, съ каждымъ, ваше превосходительство!

— Какъ это такъ? Съ каждымъ!—строго сказала надежда Андреевна и продолжала: такой развратъ у меня въ домѣ! И ты молчалъ? Почему же ты, зная это, не доложилъ мнѣ?

— Не посмѣлъ, ваше превосходительство!

— А лучше—укрывать позоръ? Лучше—срамить генеральскій домъ?

— Простите, ваше превосходительство! Простите! И камердинеръ упалъ въ ноги.

— Нѣтъ! не прощу твою жену за ея продерзости...

— Мнѣ, ваше превосходительство, въ такомъ разѣ позвольте ѣхать въ деревню!

— А, вотъ, переговорю съ молодымъ бариномъ... Увидимъ!

— Простите, ваше превосходительство! Сжальтесь надъ нами! Постараемся заслужить наши вины!

— Ну, увижу! Встань!.. Надумайся сказать всю правду... Камердинеръ медлилъ уходомъ... Онъ хотѣлъ еще просить барыню, но не посмѣлъ и вышелъ.

II.

Приказавъ камердинеру доложить матери, если она спроситъ, что ѣдетъ на охоту, Алексѣй Павловичъ отправился въ Петербургъ. Его сильно заботило то, что дѣлаетъ Camille въ отелѣ. Пріѣхавъ прямо въ отель, въ началѣ десятаго часа утра, онъ нашелъ Camille еще въ постели. Она очень скучала въ отсутствіе его, и это понятно: она сидѣла большею частію въ отелѣ и не смѣла выдти даже на прогулку въ совер-

шенно незнакомомъ городѣ, не зная русскаго языка и боясь заблудиться. Обрадованная Camille пришла опять въ грустное настроеніе, какъ только узнала, что онъ въ тотъ же день ѣдетъ въ имѣніе и обѣщаетъ возвратиться только дней черезъ шесть.

— Что же это такое? Ты завезъ меня сюда и бросаешь!—сказала она со слезами на глазахъ.

— Успокойся, моя дорогая! Черезъ шесть дней мы съ матерью совсѣмъ переѣзжаемъ въ городъ, и я тебя больше не оставлю.

— Нѣтъ! Я не согласна больше оставаться здѣсь! Я тебя не пущу! Или возьми меня съ собою...

— Но, нельзя же... Я и то сказалъ матери, что ѣду на охоту...

— Это странно у васъ въ Россіи: взрослый человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться своимъ временемъ!.. Ты лишенъ свободы!.. Я подозрѣваю совсѣмъ другое..

— Что же ты подозрѣваешь?

— Не можетъ быть, чтобы мать приковывала тебя къ себѣ... Ты просто—женатъ! Ты боишься жены!

— Клянусь, что я холостой! Съ чего, Camille, ты взяла это? Я связанъ съ матерью: на время моей поѣздки за границу, я передалъ матери управленіе имѣніями... У меня дѣла! Я долженъ ѣхать... Вотъ причина!..

— Устрой меня прежде на квартирѣ, какъ обѣщалъ... Я не могу сидѣть въ отелѣ... Здѣсь тоска...

— А не согласилась бы ты помѣститься пока у одной моей знакомой: она обрусѣвшая француженка?—сказалъ онъ, имѣя въ виду Лапьеръ, которую онъ хотѣлъ просить пріютить Camille, пока получитъ деньги.

— Нѣтъ! Я не хочу этого, и тѣмъ болѣе у француженки...—отвѣчала Camille. Онъ и самъ сообразилъ, что это неудобно: можетъ тамъ встрѣтиться съ Маргаритой, и притомъ онъ имѣлъ въ виду поѣхать къ Лапьеръ и занять у нея денегъ, и потому, перемѣнивъ свое намѣреніе, онъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ—оставайся здѣсь... Мнѣ даже лучше это: пришлось бы этой дамѣ объяснить многое, а это неудобно.

— Я тебя не пущу!—сказала Camille и, подошедши къ нему съ ласками, начала его умолять, чтобы онъ не уѣзжалъ.

Онъ не отвѣчалъ и обдумывалъ что-то. Она вдругъ начала рыдать. Алексѣю Павловичу ничто такъ не нравилось, какъ ласки женщины и увѣренія ея въ любви, а увѣренія эти Camille расточала безъ мѣры, подкрѣпляя ихъ вздохами и рыданіями, которые производили на него удручающее вліяніе. Онъ не могъ устоять и далъ слово, что не поѣдетъ въ имѣніе, а матери хотѣлъ написать письмо, придумавъ солид-

ную причину—почему онъ очутился въ Петербургѣ; причину же эту собирался еще выдумать. Но нужно было подумать о томъ, чтобы устроить Camille на квартирѣ. Онъ еще не зналъ, что Лапьеръ во время его отсутствія за границу была у матери, потому что мать, сообщая ему объ уплатѣ долговъ евреямъ, не упоминала имени Лапьеръ, которой онъ не выдавалъ никакого обязательства. У него теперь созрѣла мысль съѣздить къ Лапьеръ и попытаться занять у нея денегъ, нанять квартиру Camille, успокоить ее и потомъ уже ѣхать въ имѣніе. Остановившись на этомъ, онъ сказалъ:

— Я не поѣду теперь въ имѣніе... Я прежде устрою тебя на квартирѣ... Но по порученію матери я долженъ сейчасъ съѣздить въ одно мѣсто...

— Ты ничего объ этомъ не говорилъ... Опять ты оставляешь меня одну... Я пропадаю отъ скуки!.. останься сегодня со мною!.. Съѣздишь завтра...

— Дорогая Camille! Дѣло денежное и важное... Если я не поѣду, можетъ быть большая потеря... Мать будетъ сердиться, а я не получу сегодня тѣхъ денегъ, которыя долженъ получить, и какъ же я буду устраивать тебя на квартирѣ?

— А скоро будешь домой? Я хотѣла бы прогуляться, посмотрѣть городъ... Все одна сижу... Право, тоска!..

— Я буду дома черезъ часъ... И мы пойдемъ.

Успокоивъ Camille, онъ вскорѣ и отправился къ Лапьеръ, которую засталъ дома. Она была очень удивлена.

— Ахъ, месье Чог—ковъ! Какими судьбами?

— Я былъ за границей и возвратился...

Лапьеръ думала, что онъ пріѣхалъ съ упреками за то, что она была у матери, и ей было какъ-то неловко.

— Чѣмъ могу вамъ служить?—спросила Лапьеръ.

— Вы догадаетесь! Я пріѣхалъ взять у васъ денегъ...

— Вотъ, не ожидала! Я думала, что вы давнымъ давно сами господинъ и не смотрите изъ рукъ матери.

— Нѣтъ еще! Мать жива, и я далъ ей слово оставить ее пожизненно управлять нашими имѣніями...

— Мнѣ жаль васъ: такой высокій и благородный господинъ и въ такой зависимости! Но вы знаете, что Розенбаумъ и Рамсманъ были у вашей матери?..

— Знаю! Она имъ заплатила...

— А сколько вамъ теперь нужно денегъ?

— Достаньте мнѣ, или дайте своихъ, только 4.000 рублей.

— Кушъ громадный! Кушъ этотъ можетъ дать вамъ Зильбербергъ, но только онъ безъ залогу не дастъ.

— Нѣтъ! я не хочу съ залогомъ.

— Право, не знаю! Развѣ налечь на Рамсмана? Если бы вы возстановили ему документъ на старый долгъ, который на половину сокращенъ вашей матерью, то онъ можетъ быть и далъ бы...

— Я согласенъ!

— Слѣдовательно, я пойду къ нему и попытаюсь.

И она немедленно отправилась за Рамсманомъ.

Черезъ полчаса она возвратилась съ нимъ.

— Вы извините, что моя мать поступила съ вами такъ... хотя вы сами виноваты, что не подождали меня, но считаю обязанностію уплатить вамъ все сполна,—обращаясь къ Рамсману, сказалъ онъ.

— Ваша мать такая скупая!

— Но я уплачу вамъ все, что слѣдуетъ, а теперь вы дайте мнѣ 4.000 рублей...

— А если вы опять уѣдете за границу?

— Нѣтъ! Честное слово! Я никуда не уѣду...

— Согласенъ дать вамъ, но только по 8 проц. въ мѣсяцъ, какъ на новый, такъ и на недоплаченный долгъ, но только на короткій срокъ...

— На какой же срокъ вы можете дать?...

— На три мѣсяца...

Сдѣлка окончилась быстро, и Алексѣй Павловичъ подписалъ вексель на 12 тысячъ, получивъ только четыре.

Окончивъ дѣло займа, Алексѣй Павловичъ полюбопытствовалъ узнать о судьбѣ Маргариты, и Лапьеръ разсказала извѣстную уже читателю печальную повѣсть о ней.

— Ахъ, несчастная!—сказалъ Алексѣй Павловичъ, выслушавъ разсказъ.

Возвратясь въ отель, онъ нашелъ Camille въ слезахъ.

— Да гдѣ же это ты пропадаешь? Я думала, что ты опять бросилъ меня и уѣхалъ на дачу...

— Я далъ тебѣ слово!.. Я ѣздилъ по дѣлу... Получилъ деньги и могу тебя устроить. Сегодня же пойдемъ искать квартиру и купимъ мебель. Пока ты будешь устраиваться, я съѣзжу навѣстить мать на одинъ, или на два дня.

— Не пущу! Не пущу!

Онъ не возражалъ.

Они поѣхали вмѣстѣ искать квартиру. Скоро она была найдена, и Чог—ковъ по дорогѣ купилъ Camille брильянтовыя серьги.

Camille была въ восторгѣ: она до сихъ поръ носила только поддѣльные камни. Затѣмъ они возвратились въ отель.

— Я,—сказалъ Чог—ковъ,—знакомъ съ директоромъ здѣшняго

